

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 620.5 (1909)
1-2

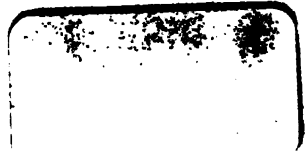

Harvard College Library

FROM

H. Metlay

.....
.....
.....

4
— КС / 722

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ЯНВАРЬ.

1908

РУССКОЕ ПОЯТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПРОТИВЪ СОЛНЦА Нанда.
2. КРИТИКА НАУЧНЫХЪ ПОНЯТІЙ и ЕЯ
ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ НАШЕГО МИРОСО-
ЗЕРЦАНІЯ. Ж. Кодисъ.
3. РОКОВЫЯ СИЛЫ. Романъ. Переводъ
Брумберга Густава афъ Гейерстама.
4. I. ЗОЛОТОЕ СОЛНЦЕ ВЪ КАЗЕ-
МАТЪ ПЕЧАЛЬНЫЙ. II. ТОВАРИЦЪ,
РУКУ!. Стихотворенія Дія.
5. БУДУЩЕЕ ИСКУССТВО А. Горифельда.
6. СТИХОТВОРЕНІЕ П. Веинберга.
7. ДАЧНИКИ ВЪ КАЛАКАЛАНДЪ. Раз-
сказъ. Тана.
8. ЯНУСЪ. Романъ. Переводъ съ француз-
скаго С. Б. Ж. Г. Рони.
9. ИЗЪ АНГЛИИ Діонео.
10. СОВРЕМЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦІЯ и
УЧЕНІЕ Л. I. ПЕТРАЖИЦКАГО М. Рейснера.
11. ВИЛЬЯМЪ ТОМСОНЪ (ЛОРДЪ КЕЛЬ-
ВИНЪ). Біографическая замѣтка. . . . П. Моніевскаго.
12. СТАРЫЙ и МОЛОДОЙ ИРАНЪ (При-
чины персидской революціи и первые
шаги ея) Н. Е. Нудрина.

(См. 2-ую стр. обложки).

13. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ:
 I. Ликвидация первой Думы.—Ликвидация второй Думы.—Ликвидация смуты.—II. Тяготѣніе къ трагическимъ развязкамъ.—Дѣло объ убійствѣ генерала Полковникова.—Строгость безъ милости.—Цѣны на хлѣбъ и закупки интендантства.—Храбрость побѣдителей.—IV. Торжествующій побѣдитель.—Все можно.—По наклонной плоскости.—Тревожныя ноты. А. Петрищева.
14. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Революція наоборотъ. А. Пѣшехонова.
15. ПОЛИТИКА. Нѣкоторыя перспективы на 1908 годъ С. Юмакова.
16. НОВЫЯ КНИГИ:
 М. В. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ.—М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ.—Библиотека декабристовъ. Выпускъ первый. Полное собраніе сочиненій Кондратія Федоровича Рылѣва.—Выпускъ II. Россія и русскіе. Николая Тургенева.—Баронъ А. Е. Розень. Записки декабриста.—Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири. (Воспоминанія).—Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Мой побѣгъ изъ Сибири.—С. Прокоповичъ. Рабочее движеніе въ Германіи.—В. Святловскій. Профессиональные рабочіе союзы и учрежденія, ими созданныя.—Библиотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей.—Трагедія дѣтской души. Ю. А. Веселовскаго.—Отто Рюле. Дѣти пролетаріата.—Дѣти-работники будущаго. Московскаго общества Сетлементъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.
17. Случайныя замѣтки: Два кающихся литератора. А. Петрищева.—Старый знакомый. Вл. Короленко.
18. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ
 НОВОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ
РУССКАЯ МУЗА.

Художественно-историческая хрестоматія, составленная П. Я. Характеристики и образцы произведеній 132 поэтовъ (около 40.000 стиховъ).

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Продается въ конторахъ „Русскаго Богатства“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ЯНВАРЬ.

1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели. — Лиговская, 34.

1908.

PSlav 620. 5 (1908)
1-2

H. Melloy
Открыта подписка на 1908 годъ

(XVI-йя ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ИЗДАВАЕМЫЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Нудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрицева, А. В. Пѣшехова, С. Н. Южанова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго, —*Павсажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ и УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ ВИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ или АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ въ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка съ разсрочку или не вполне оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданія „Русскаго Богатства“.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Противъ солнца. <i>Найда</i>	1— 45
2. Критика научныхъ понятій и ея значеніе для нашего міросозерцанія. <i>Ж. Кодисъ</i>	46— 73
3. Роковыя силы. Романъ <i>Густава афъ Гейерстама</i> . Переводъ А. Брумберга.	74—111
4. I. Золотое солнце въ казематъ печальный. II. Товарищъ, руку!. Стихотворенія <i>Дія</i>	112
5. Будущее искусство. <i>А. Горнфельда</i>	113—148
6. Стихотвореніе <i>П. Вейнберга</i>	148
7. Дачники въ Калакаландѣ. Разсказъ. <i>Тана</i>	149—180
8. Янусъ. Романъ <i>Ж. Г. Роми</i> . Переводъ съ французскаго С. Б.	1— 32
9. Изъ Англіи. <i>Діонео</i>	1— 26
10. Современная юриспруденція и ученіе Л. I. Петражицкаго. <i>М. Рейспера</i>	27— 55
11. Вильямъ Томсонъ (Лордъ Кельвинъ). Біографическая замѣтка. <i>П. Мокіевскаго</i>	56— 62
12. Старый и молодой Иранъ (Причины персидской революціи и первые шаги ея). <i>Н. Е. Кудрина</i> . . .	62—101
13. Хроника внутренней жизни: I. Ликвидация первой Думы.—Ликвидация второй Думы.—Ликвидация смуты.—II. Тяготѣніе къ трагическимъ развязкамъ.—Дѣло объ убійствѣ генерала Полковникова.—Строгость безъ милости.—Цѣны на хлѣбъ и закупки интендантства.—Храбрость побѣдителей.—IV. Торжествующій побѣдитель.—Все можно.—По наклонной плоскости.—Тревожныя ноты. <i>А. Петрищева</i>	101—131

(См. на оборотѣ)

14. **На очередныя темы. Революція наоборотъ.** *А. Пъшехонова.* 131—169
15. **Политика. Нѣкоторыя перспективы на 1908 годъ.**
С. Южакова. 169—178
16. **Новыя книги.**
М. В. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ.—М. В. Довнаръ Запольскій. Мемуары декабристовъ.—Библиотека декабристовъ. Выпускъ первый. Полное собраніе сочиненій Кондратія Федоровича Рылѣва.—Выпускъ второй. Россія и русскіе. Николая Тургенева.—Баронъ А. Е. Розень. Записки декабриста.—Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири. (Воспомяванія).—Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Мой побѣгъ изъ Сибири.—С. Прокоповичъ. Рабочее движеніе въ Германіи.—В. Святловскій. Профессіональные рабочіе союзы и учрежденія, ими созданныя.—Библиотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей.—Трагедія дѣтской души. Ю. А. Веселовскаго.—Отто Рюле. Дѣти пролетаріата.—Дѣти-работники будущаго. Московскаго общества Сетлементъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 179—197
17. **Случайныя замѣтки: Два кающихся литератора.** *А. Петрищевъ.*—Старый знакомый. *Вл. Короленко.* 197—210
18. **Отчетъ конторы редакціи.** 211
19. **Объявленія.**

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(С.-Петербургъ—контора журнала „Русское Богатство“, Васкова ул., 9;
Москва—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ востроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Дюнес. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— **АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ.** Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— **НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЖИЛИЩА.** Изд. второе 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— **СВОБОДА ПЕЧАТИ.** 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Коносовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. Книга I. Одинадцатое изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлымъ праздникомъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— **ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. Кн. II. Седьмое изд.** 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Ать-Даванъ.—Черкесь.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (юмъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— **ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ. Кн. III. Четвертое изд.** 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ящики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина займка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— **ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.** Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое, исправленное и дополненное, изд.* 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— **СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.** Этюдъ. *Одинадцатое изд.* 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— **БЕЗЪ ЯЗЫКА.** Разсказъ. *Четвертое изд.* 1906 г.—218 стр. Ц. 5 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебного разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

Ө. Крюновъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Кавачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюлина.—Кладь.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Нудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастеръ.—Дола.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатолий Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики со-роковѣхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣтцова. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—318 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Янубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орлемокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпиграфъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ.—Современныя миниатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣста изъ политической каторги. Л. Мельшина.—II. На Амурской колесной дорогѣ. Р. Браускаго. Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шестъ томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольничья и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Латологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука“.—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Г. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—Карль Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ.—Гл. И. Успенскій.—Щедринъ.—Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе второе. 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ“. „Книжный Вѣстникъ“. „Отеч. Записки“.—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеєвъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса.—Каюцца дворяне. Идеалы и идолы.—Г. З. Елисеєвъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе второе—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ материализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ницше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяць смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА“. Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Микотинъ. ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. второе 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ.—Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинскіи эпохи.—Г. Н. Грановскій.—К. Д. Кавелинъ.—Памяти Глѣба Успенскаго.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. второе 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировский. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскія работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пыщехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основные задачи аграрной реформы. Изд. третье 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. третье безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. Второе изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

ХЛѢБЪ, СВѢТЪ И СВОБОДА. Четвертое изд. 1906 г. Ц. 10 к.

- АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.
- СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема“. 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.
- КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.
- НАКАНУНЪ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.
- ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.
- С. А. Савиннова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.
- П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧИЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.
- Карль Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.
- Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.
- Б. Эфрусси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. Второе изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.
- С. Н. Юмаковъ. «ДОБРОВОЛЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хункузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.
- П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). Пятое изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). Третье, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.
- РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенія и характеристики 132 поетовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданіе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

- Галерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 биографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.
- Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.
- М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.
- Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.
- Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣтъ. 225 стр. Ц. 75 к.
- Эдмъ Шампльонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.
- Даніэль Стернъ. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.
- С. Н. Юмаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.
- СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.
- П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ и ПРОПАГАНДИСТЪ. Цѣна 1 руб.

ПРОТИВЪ СОЛНЦА.

I.

Полкъ стоялъ въ резервной колоннѣ на чумизномъ полѣ. Вдоль и впереди расположенія полка шла дорога, по другую сторону которой начинались гаоляновыя поля, подхлывшія вплотную къ позиціи. Солдаты, наскучивъ ожиданіемъ, составили ружья и разбрелись въ разныя стороны, а офицеры расположились тутъ же группами по батальонно и, въ виду продолжительной стоянки, устроились не безъ комфорта. Отъ солнца устроены были навѣсы изъ гаоляна, на землѣ постланы бурки, палаточныя полотнища; появились самовары, водка, закуска; одни играли въ карты, другіе спали и, уже утомленные ожиданіемъ, относились безразлично къ тому, что дѣлалось впереди, на позиціи, тѣмъ болѣе, что вѣсти оттуда приходили все хорошія: атаки всѣ отбивались съ большимъ урономъ для непріятеля и не предвидѣлось, чтобы резервъ могъ быть вызванъ.

Командиръ полка Михаилъ Павловичъ Старшовъ, злой и сосредоточенный, гулялъ по дорогѣ впереди полка, шагая своими большими, твердыми шагами. Такъ гулялъ онъ уже нѣсколько дней, все время, пока полкъ стоялъ въ резервѣ. Присаживался на нѣсколько минутъ, но усидѣть долго не могъ, снова вставалъ и начиналъ ходить. Съ офицерами онъ не пробовалъ заговаривать, чувствуя себя виноватымъ передъ ними: такъ же, какъ и они, онъ предполагалъ, что полкъ „затираютъ“ изъ-за не-любви къ нему, командиру.

— Потерплю до конца, — думалъ онъ, — и если полку дѣйствительно не удастся участвовать въ этомъ дѣлѣ, уйду... оставлю полкъ... не буду мѣшать...

Время отъ времени онъ останавливался и внимательно смотрѣлъ на возвышавшіяся впереди сопки, но все, насколько можно было судить, было въ порядкѣ.

— Нѣтъ, не паду въ бой!—съ отчаяніемъ восклицалъ онъ про себя и тогда приходило ему въ голову, что слѣ-

Январь. Отдѣлъ I.

дуетъ не только оставить полкъ, но и застрѣлиться. Къ чему было жить? Потратить всю жизнь на подготовку къ войнѣ, мечтать о военной славѣ и ради нея отказаться отъ всякой личной жизни, какъ онъ это сдѣлалъ, попасть на войну и все время, пока идетъ генеральное сраженіе — простоять въ резервѣ! Можетъ ли быть положеніе глупѣе этого?

Онъ всѣхъ ихъ хорошо зналъ: командира бригады, начальника дивизіи, командира корпуса, — все его личные враги, которыхъ онъ презиралъ и которые его боялись, ненавидѣли. Пошлые, глупые люди! Какая мелочность! Въ этотъ торжественный моментъ, когда умираютъ десятки тысячъ людей, бьются въ судорогахъ, любятъ до безумія и ненавидятъ до безпамятства, — въ этотъ моментъ сводить мелкіе, личные счеты и держать ради того въ бездѣйствіи лучшій полкъ арміи!

— Неужели, относясь подобнымъ образомъ къ дѣлу, думаютъ они побѣдить? Это невозможно, это нелѣпо!.. — возмутился Михаилъ Павловичъ и, остановившись, сталъ смотрѣть на позицію.

Было слишкомъ поздно для утреннихъ атакъ, производимыхъ японцами обыкновенно на разсвѣтѣ, и было рано для дневныхъ атакъ, такъ какъ не было еще девяти часовъ утра, — тѣмъ неожиданнѣе было то, что Михаилъ Павловичъ увидѣлъ.

Двѣ наши батареи, расположенныя въ сѣдловинѣ на склонѣ сюда и потому хорошо видимыя, замолкли; орудія стояли на позиціи, но прислуги при нихъ не было, — «вѣроятно, въ ложементахъ», — подумалъ Михаилъ Павловичъ. Повидимому, и другія наши батареи, невидимыя за гаоляномъ, были не въ лучшемъ положеніи, такъ какъ непріятельская артиллерія собрала почти весь свой огонь на впереди лежащей продолговатой сопкѣ, занятой стрѣлковыми окопами. Продолговатая сопка эта, зубчатымъ гребнемъ своимъ упиравшаяся въ небо, казалось, горѣла, какъ если бы сдѣлана была изъ дерева. Уже не видны были отдѣльные молочно-бѣлые шарики, обозначавшіе разрывы шрапнелей, надъ гребнемъ стлалась сплошная пелена бѣлаго дыма, которая спускалась то хлопьями, то полупрозрачной вуалью, капризно брошенной вѣтромъ, на склонѣ-сюда, а по покрывалу этому бѣгали зайчики, будто мальчишки навели туда и дразнили кого-то зеркаломъ, — то, не смотря на солнечный день, въ дыму сверкали огни рвавшихся шрапнелей. Иногда то тамъ, то здѣсь пушистая вата разстучалась, давая мѣсто столбамъ чернаго дыма; узкіе — внизу, широкіе — кверху, толбы эти также быстро исчезали, какъ и появлялись, — то

рвались шимозы; злобнаго рева ихъ за разстояніемъ не было слышно.

Михаилъ Павловичъ былъ пораженъ этой картиной. Нѣсколько минутъ тому назадъ смотрѣлъ онъ на эту самую сопку и все было спокойно, а теперь?

Чтобы побороть охватившее его волненіе, Михаилъ Павловичъ повернулся налѣво, отсчиталъ по дорогѣ двадцать шаговъ, потомъ прошелъ эти же двадцать шаговъ назадъ и остановился на прежнемъ мѣстѣ. Значеніе совершавшагося на позиціи онъ прекрасно понималъ. Черезъ часъ на этой сопкѣ не останется защитниковъ, а тѣ, что останутся, не будутъ въ состояніи помѣшать неприятельской пѣхотѣ занять сопку. Уже и теперь видны были одиночные люди, сбѣгавшіе по крутому склону сопки внизъ. Было ясно, что полкъ, нѣсколько дней безсмѣнно дравшійся на этой позиціи, не выдержитъ. Благоговѣніе передъ торжественной минутой, наступавшей для него и для полка, и злобная радость раздавить своихъ личныхъ враговъ, тѣхъ, что мѣшаютъ ему, смѣшались въ душѣ Михаила Павловича; онъ хотѣлъ и не могъ молиться.

— Нѣтъ, я еще не владѣю собой, — мысленно рѣшилъ онъ и еще разъ прошелъ взадъ и впередъ тѣ же двадцать шаговъ и, вернувшись на мѣсто, снялъ фуражку и сталъ молиться, шепча губами молитву, которую тутъ же импровизировалъ.

Молитва эта успокоила его. Онъ заставилъ себя въ душѣ примириться со всѣми своими врагами и простилъ имъ все, (въ одномъ пунктѣ покривилъ душой, — побороть злобу къ командиру бригады не могъ, но оправдалъ себя тѣмъ, что генералъ этотъ былъ будто бы вредный и даже опасный для дѣла человѣкъ), раскаялся, призналъ грѣшными свои честолюбивыя мечты и поклялся принести себя въ жертву, не требуя никакой награды.

Совершенно овладѣвъ собой, онъ своимъ обычнымъ, рѣзкимъ и крикливымъ голосомъ крикнулъ:

— Адъютантъ! Передать въ роты, чтобы немедленно роздали людямъ обѣдъ! Порціи спрятать, а супъ съѣсть... Немедленно!..

Адъютантъ, обыкновенно безпрекословно исполнявшій приказанія своего начальника, теперь, подавшись общему настроенію, позволилъ себѣ напомнить Михаилу Павловичу, что не было еще и девяти часовъ и обѣдать было рано.

— Не разсуждать! — взвизгнулъ Старшовъ, — чтобъ люди торопились ѣсть, а то прикажу вывернуть котлы!..

Этотъ голосъ, этотъ тонъ, недавно казавшійся всему полку очаровательнымъ, именно такимъ, какимъ долженъ

былъ говорить начальникъ, возмутилъ офицеровъ и они, чего никогда прежде, не бывало, вполголоса выражали свое неудовольствіе.

— Въ восемь часовъ утра изволь обѣдать!.. Надъ нами куражится, а съ начальникомъ дивизіи не очень-то!..

— Какой дивизіи! Онъ съ бригадиромъ говорить не можетъ!..

— Вотъ и служи тутъ! — воскликнулъ одинъ изъ ротныхъ командировъ и махнулъ рукой съ такимъ видомъ, какъ будто вмѣстѣ съ обѣдомъ пропадали и вся его рота, и онъ самъ.

Но приказаніе все-таки было исполнено, и солдаты, столпившись вокругъ подѣхавшихъ кухонь, стали набирать въ котелки горячій, еще не совсѣмъ готовый супъ изъ чумизной крупы.

Михаилъ Павловичъ вернулся на свое мѣсто и сталъ опять смотрѣть въ бинокль. Въ это время къ нему подошелъ сынъ его Шура.

II.

Александръ Михайловичъ Старшовъ или Шура, какъ его попросту называли товарищи, ростомъ, фигурою, даже лицомъ удивительно походилъ на отца и однако въ противоположность ему производилъ впечатлѣніе жалкое, безвольное. Когда бралъ подъ козырекъ, то неизмѣнно склонялъ голову на бокъ, какъ будто ему было невозможно поднять правую руку выше, а если его распекали, и онъ пугался, а пугался онъ часто, на углахъ рта появлялась улыбка и чѣмъ больше на него кричали его воспитатели, тѣмъ труднѣе ему было согнать съ лица улыбку. Одна эта улыбка дѣлала его, по мнѣнію отца, совершенно непригоднымъ къ военной службѣ.

— Кажется, все сдѣлано! Кончилъ корпусъ, училище, а получилось чортъ знаетъ что!—восклицалъ старикъ Старшовъ, вспоминая, какъ онъ самъ, окончивъ лишь шесть классовъ гимназій, поступилъ вольноопредѣляющимся и пробился въ люди безъ всякой поддержки, въ тяжелой, суровой обстановкѣ.

Шуру возмущало такое отношеніе къ нему отца, такъ какъ самъ онъ не только не считалъ себя неспособнымъ къ военной службѣ, но былъ полонъ честолюбивыхъ надеждъ, уже говорилъ о себѣ, какъ объ офицерѣ генеральнаго штаба, хотя не было еще и года, какъ онъ окончилъ училище, уже критиковалъ начальниковъ и товарищей, и

чувствовалъ себя стоящимъ много выше ихъ. Само собой понятно, что отношенія между отцомъ и сыномъ не могли быть нормальными. Шура втайнѣ обожалъ отца, искалъ сблизиться съ нимъ, поэтому и вышелъ къ нему въ полкъ; Михаилъ же Павловичъ человекъ суровый, замкнутый, всецѣло и исключительно поглощенный интересами службы, отвыкшій благодаря раннему вдовству (мать Шуры умерла послѣ первыхъ же родовъ) отъ всякаго общества, былъ неприятно пораженъ тѣмъ, что сынъ, которымъ онъ совершенно не занимался, хотя и видѣлись они ежегодно во время лѣтнихъ вакацій, вдругъ, не спросясь его, вышелъ къ нему въ полкъ и явился съ какими-то претензіями, какими-то правами вмѣшаться въ его жизнь, нарушить порядокъ, который онъ считалъ незыблемымъ. Къ тому же Шура ему положительно не нравился и онъ тотчасъ же рѣшилъ отъ него освободиться и началъ съ того, что съ обычной рѣзкостью предложилъ ему жить отдѣльно, а потомъ предполагалъ удалить и вовсе изъ полка и не исполнилъ этого до сихъ поръ лишь потому, что полкъ попалъ на войну и по соображеніямъ Михаила Павловича въ первомъ же дѣлѣ долженъ былъ отличиться и слѣдовательно его, стараго полковника, должны будутъ волей-неволей произвести въ генералы и дать бригаду, а Шура, значить, можетъ остаться въ полку.

Увы, надеждамъ этимъ не суждено было оправдаться! Полкъ уже четвертый мѣсяцъ былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, все время провелъ въ походѣ, кочуя изъ одного отряда въ другой, укрѣпляя позиціи, на которыхъ потомъ дрались другіе, и не только ни разу не пришлось отличиться, но ни разу не пришлось принять участіе въ сколько-нибудь серьезномъ дѣлѣ! Было нѣсколько перестрѣлокъ, но и то во время безконечныхъ отступленій. Теперь шелъ генеральный бой подъ Ляояномъ, на который армія давно уже возложила всѣ свои надежды; казалось, что надежды эти близки къ осуществленію, отовсюду приходили извѣстія объ успѣхѣ, а полкъ все стоялъ въ резервѣ! Было отъ чего придти въ отчаяніе! И въ этомъ виновать былъ несносный характеръ Михаила Павловича,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорили офицеры, хотя они же незадолго передъ тѣмъ находили Михаила Павловича выдающимся полковымъ командиромъ и такъ же, какъ и онъ самъ, были увѣрены, что подъ его начальствомъ полку удастся отличиться, но какъ прежде гордились имъ, прощая ему тяжелый, суровый характеръ, такъ теперь поносили, вспоминая всякія мелочи.

Шура все это время держался въ сторонѣ отъ товарищевъ,

чувствуя, что стѣсняетъ ихъ, а теперь подошелъ онъ къ отцу, чтобы сказать, что честные люди такъ не поступаютъ, что онъ не имѣетъ права „губить“ полкъ, что онъ долженъ оставить полкъ и т. п. Вообще онъ ясно не представлялъ себѣ, что онъ скажетъ отцу, а пять минутъ назадъ и вовсе не предполагалъ говорить съ отцомъ, но съ нимъ ужъ такъ всегда случалось! Еще въ корпусѣ, бывало, сидитъ смирно, тихо, читаетъ книжки и вдругъ ни съ того, ни съ сего такое выкинетъ, что всѣ, и товарищи, и воспитатели, только руками разводятъ; попадетъ въ карцеръ, отсидитъ, и опять ничего до новаго случая. На этотъ разъ, впрочемъ, мысль устроить скандалъ отцу пришла ему въ голову не самостоятельно, — на это толкнула его Евгенія Станиславовна Бычкова, жена батальоннаго командира, дама, съ которой былъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Самъ Бычковъ, тяжеловѣсный мужчина, былъ неудачникъ по преимуществу, даже исключительно неудачникъ, такъ какъ всѣ его качества и достоинства безслѣдно терялись благодаря его неудачливости. Не то, чтобы онъ былъ глупъ, или не умѣлъ работать, или не хватало ему честности, — ничуть! Во многихъ отношеніяхъ былъ онъ головою выше своихъ сослуживцевъ, но съ того момента, какъ окончилъ онъ академію генеральнаго штаба по 2-му разряду, участь его была рѣшена, — онъ попалъ въ неудачники. Эти сотня балла, которыхъ не хватило ему, чтобы стать вровень со своими товарищами по академіи, безповоротно погубили его; встрѣтили его въ полку послѣ академіи насмѣшками, какъ неудачника, и онъ зналъ, что какъ бы ни старался, какъ бы ни служилъ, — товарищей онъ все-таки не догонитъ, что такъ и умретъ неудачникомъ, примирился съ этимъ и это положило отпечатокъ на всю его дальнѣйшую дѣятельность. Но тутъ нашла его Евгенія Станиславовна, энергичнѣйшая особа, выросшая въ полку и знавшая всѣ входы и выходы, женила его на себѣ и рѣшительно положила не мытьемъ, такъ катаньемъ выдвинуть мужа. Интриговать неустанно, непрерывно было ея потребностью, столь же ей присущей, какъ присуще пауку плестъ паутину, а пчелѣ собирать медъ. Она подкупала и допрашивала даже денщиковъ, знала все, что дѣлается въ полку, въ бригадѣ, въ дивизіи, вмѣшивалась рѣшительно во всѣ служебныя, семейныя и любовныя дѣла господъ офицеровъ. Въ умъ, способности и таланты своего супруга она очень скоро потеряла всякую вѣру, наединѣ не называла его иначе, какъ Фонька-идіотъ или Фонька-болванъ, и даже нѣсколько разъ пробовала бить его по плѣши, раздражавшей ее, но это уже вывело Афанасія Николаевича изъ терпѣнія и тогда разыгрались бур-

ныя сцены. Отъ прочихъ полковыхъ дамъ отличалась она тѣмъ, что, ведя интриги во всѣ стороны, она, однако, мужу не измѣняла, но и это дѣлалось не въ силу какого-либо принципа, а единственно потому, что не случилось ей встрѣтить надобности въ этомъ, а показалось ей, что необходимо нужнаго человѣка привязать къ себѣ попрочнѣе, она, не колеблясь, сдѣлала его своимъ любовникомъ. Случилось это съ Шурой. Какимъ образомъ Шура обманулъ ее и показался ей нужнымъ человѣкомъ, было совершенно непонятно и по этому поводу въ полку много смѣялись, впрочемъ и сама Евгенія Станиславовна тотчасъ же поняла, что сдѣлала промахъ, но было уже поздно.

III.

Съ началомъ войны, когда выяснилось, что полкъ идетъ въ Манчжурію, любовь, какъ-то само собой такъ вышло, и для Евгеніи Станиславовны, и для Шуры отошла на самый задній планъ. Евгенія Станиславовна, послѣднее время упустившая изъ вида основную цѣль свою, теперь воспрянула духомъ и съ новой энергіей принялась за работу; ей непремѣнно нужно было ѣхать съ полкомъ въ Манчжурію; тщетно протестовалъ Афанасій Николаевичъ; доведенный до отчаянія, онъ даже „доложилъ на нее“ командиру полка, прося принять мѣры, чтобы ея въ эшелонѣ не было,—она своего добилась и въ качествѣ сестры милосердія явилась въ Ляоянъ. Отсюда дѣлала она періодически наѣзды на мужа, не останавливаясь рѣшительно ни передъ чѣмъ, и дошла до того, что послѣднія двѣ недѣли передъ Ляоянскимъ боемъ она въ костюмѣ солдата поселилась въ палаткѣ мужа, твердо рѣшившись не покидать полкъ. Михаилъ Павловичъ, конечно, не подозрѣвалъ этого и никто ему не докладывалъ. Офицеры въ большинствѣ были недовольны присутствіемъ женщины въ лагерѣ, такъ какъ она весьма стѣсняла ихъ, но протестовать громко не смѣли изъ чувства товарищества и, что всего страннѣе, „по-товарищески“ относились они не къ самому Бычкову, который былъ бы даже радъ освободиться отъ супруги, а къ „Станиславихѣ“, сумѣвшей сдѣлаться членомъ полка; ее по-товарищески предупреждали, прятали отъ Михаила Павловича. Къ тому же она нашла себѣ много поклонниковъ, особенно среди молодежи. Въ этой обстановкѣ она, въ своемъ чудовищномъ костюмѣ, показала многимъ милостивою и пикантною,—все ей шло, и папаха, дрянная, солдатская съ клочьями крашеной шерсти, и шинель, торчавшая горбомъ и на спинѣ, и

на груди, и смазные сапоги. Около нея всегда было по крайней мѣрѣ два, три тѣлохранителя, какъ она ихъ называла. Тогда и Шура вспомнилъ о своихъ правахъ на нее, однако она, возмущенная его невниманіемъ къ себѣ, отъ объясненій съ нимъ долго уклонялась. Но, когда въ головѣ ея созрѣлъ цѣлый планъ и Шура ей понадобился, она сама отправилась искать его. Планъ ея заключался въ томъ, чтобы воспользоваться настроеніемъ офицеровъ и, при помощи Шуры, убѣдить или заставить Старшова рапортоваться больнымъ и сдать командованіе полкомъ Бычкову. Она была совершенно убѣждена въ осуществимости этого плана и все зависѣло, по ея мнѣнію, лишь отъ того, какъ поведетъ себя Шура.

Шура, бывшій въ отчаяніи отъ того, что полкъ не падаетъ въ бой, такъ же, какъ и большинство офицеровъ думалъ, что „полкъ пропадаетъ“ по винѣ Михаила Павловича. Положеніе его было тѣмъ болѣе непріятное, что офицеры въ его присутствіи стѣснялись говорить, умолкали при его приближеніи, что было понятно, такъ какъ злобой дня былъ невыносимый, невозможный характеръ отца его, попутно вспоминали, конечно, разные нелестные для него случаи, что дѣлать было неудобно въ присутствіи сына. Обиженный и оскорбленный, онъ ушелъ отъ всѣхъ и лежалъ въ сторонѣ, завернувшись съ головою въ бурку.

Тутъ-то и нашла его Евгенія Станиславовна и стала доказывать ему, что онъ, старшій сынъ (о томъ, что онъ не столько старшій, сколько единственный, она забыла), не только можетъ, но и долженъ „повліять на отца“.

— Подумай, Шура, подумай, (она сама, представивъ себѣ эту возможность, пришла въ сильное возбужденіе), — японцы разбиты, отступаютъ, наши преслѣдуютъ, а мы стоимъ! до конца простое въ резервѣ! Что же это такое?

Убѣдить Шуру ничего не стоило; онъ вдругъ поблѣднѣлъ, сердце его забилося, въ вискахъ застучало.

— Хорошо, я иду! — сбрасывая бурку и вставая, сказалъ онъ.

Блѣдный, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, онъ невольно обратилъ на себя вниманіе офицеровъ, мимо которыхъ проходилъ. Кто-то очень не кстати съострилъ.

— Что, Шура, обѣдать къ отцу идете? Идите, идите!.. Онъ васъ накормитъ!..

Карлуша, его ротный командиръ, схватилъ его за рукавъ, пытаясь остановить, но Шура грубо вырвался.

— Оставьте! Не ваше дѣло! — истерически крикнулъ онъ, отталкивая добрейшаго капитана.

— Голубчикъ, милый, успокойтесь! — растерянно бормоталъ Карлуша, нѣкоторое время идя за нимъ слѣдомъ.

Но было уже поздно. Шура, какъ загипнотизированный, шелъ къ своей цѣли для того, чтобы сказать фразу, придуманную имъ во время разговора со Станиславихой. Фраза эта начиналась словами: — „Отецъ, какъ старшій твой сынъ (и онъ забылъ что онъ всего лишь единственный) я напоминаю тебѣ твой долгъ!“ Этимъ торжественнымъ вступленіемъ на „ты“, когда обычно говорилъ онъ отцу „вы“, и ограничивалось то, что онъ придумалъ; это была, такъ сказать, рѣшенная часть, а что произойдетъ дальше, онъ не зналъ и объ этомъ не думалъ, смутно предчувствуя, что говорить дальше Михаилъ Павловичъ, всегда стремительный и рѣшительный, ему не позволитъ. Онъ чувствовалъ, что должно произойти что-то безобразное, и это безобразное парализовало его волю и неудержимо влекло къ себѣ.

Случайно Михаилъ Павловичъ обернулся и увидѣлъ подхлотившаго къ нему сына.

— Что тебѣ?—и, не дожидаясь отвѣта, своимъ рѣзкимъ фальцетомъ крикнулъ,—иди на мѣсто! Мнѣ некогда!

Это непредвидѣнное обстоятельство сбило Шуру съ его линіи, по который онъ не успѣлъ докатиться до конца.

— Я пришелъ... я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ... вами не довольны, вы должны уйти...—совершенно растерянный, бормоталъ Шура.

Михаилъ Павловичъ, занятый своими мыслями, не слушалъ и не слышалъ Шуру, но адъютантъ, стоявшій тутъ же, попытался назадъ.

— Доносить,—мелькнуло у него въ головѣ.

Ближайшая группа офицеровъ 1-го батальона, хотя и не разслышала отчетливо словъ Шуры, но тоже испугалась; кое-кто потихоньку сталъ отступать назадъ, боясь попасться на глаза командиру.

— Отстань, арестую! — крикнулъ Михаилъ Павловичъ Шурѣ, видя, что тотъ все еще вертится у него подъ ногами.

То, что увидѣлъ Старшовъ на позиціи, поразило его. Всѣ предъидущіе дни Михаилъ Павловичъ и самъ ѳадиль, и посылали на позицію офицеровъ и охотниковъ и потому имѣлъ точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается тамъ, но въ тотъ день, какъ на зло, съ утра чувствовалъ онъ утомленіе, видѣлъ кругомъ недовольство и, занятый собой, своими невеселыми мыслями, упустилъ распорядиться, а охотниковъ со вчерашняго вечера для чего-то потребовалъ къ себѣ командиръ бригады, поэтому онъ ничего не зналъ о положеніи вещей на позиціи; въ бинокль же было ясно видно, что тамъ дѣлалось что-то нехорошее. Артиллерійскій огонь слабѣлъ и праптели все чаще и чаще заглядывали сюда, по эту сторону сопки, — очевидно, съ той стороны подходила не-

приятельская пѣхота. Полкъ, занимавшій позицію, былъ, очевидно, сильно разстроены и было видно, какъ группы по пять, десять и даже двадцать человекъ бросали позицію и бѣжали внизъ. Михаилъ Павловичъ хорошо зналъ эту сопку и понималъ, что если дать неприятельской пѣхотѣ утвердиться на этой позиціи, то взять ее обратно безъ продолжительной подготовки ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ не удастся, между тѣмъ, если двинуть полкъ сейчасъ и встрѣтить атаку контръ-атакой, то!.. Всевозможные планы, комбинаціи, соображенія съ быстротой молніи мелькали въ головѣ Михаила Павловича, и изъ всего этого матеріала онъ, съ рѣшимостью, отличающей прирожденнаго военно-начальника, выбралъ рѣшеніе наипростѣйшее.

— Господа ротные командиры!—крикнулъ онъ.—Распорядитесь вылить котелки и по мѣстамъ! •

— По мѣстамъ!.. По мѣстамъ!..—раздалось со всѣхъ сторонъ. Все забѣгало, засуетилось. Ротные командиры и фельдфебеля были въ отчаяніи: какъ было прогнать солдатъ отъ кухонь? Какъ лишить половину роты обѣда? Громадный потревоженный муравейникъ шевелился и никакъ не могъ придти въ порядокъ.

— Вылить котелки!—еще разъ приказалъ Старшовъ.

— Выливай котелки!—подхватили на всѣхъ концахъ, но никто приказанія этого не исполнялъ.

Стоявшій неподалеку отъ Михаила Павловича батальонный командиръ, сѣденькій старичокъ, для чего-то уже вынужденный изъ ноженъ свою жестяную шапку, хотѣлъ казаться сердитымъ и кричалъ, — „выливай котелки, сукины дѣти!“ Но обращался онъ не къ тому фельдфебелю, что стоялъ возлѣ него, а кричалъ куда-то вдаль. Фельдфебель же, стоявшій рядомъ съ нимъ, держалъ въ правой рукѣ полный котелокъ, а лѣвой размахивалъ и кричалъ тоже куда-то вдаль: — „Выливай котелки! Не слышишь?!“ Тутъ-же стоялъ унтеръ-офицеръ, высокій рослый мужчина; онъ повѣсилъ винтовку на погонный ремень, а обѣими руками держалъ котелокъ съ супомъ, что однако не мѣшало ему кричать, — „выливай котелки!“

Солдаты, стоявшіе на своихъ мѣстахъ, почти всѣ имѣли полные котелки въ рукахъ, всѣ оборачивались назадъ, по привычкѣ черезъ лѣвое плечо, и кричали, — „выливай тамъ котелки!“—но сами не выливали.

— Вывернуть ротные котлы!—крикнулъ Михаилъ Павловичъ, такъ какъ видѣлъ, что солдаты, еще не получившіе супа, не хотѣли отходить отъ котловъ, но, какъ только крикнулъ, тотчасъ же почувствовалъ, что приказаніе это, если на немъ особенно не настоять, исполнено не будетъ

Тогда, повернувшись, пошелъ онъ по тропинкѣ, свѣже-вытопанной, черезъ гаоляновое поле, прямо къ позиціи.

Полею пройти нужно было версты полторы и подъемъ тутъ былъ мало замѣтенъ, но тамъ, гдѣ кончался гаолянъ, начинался подъемъ на крутой, обрывистый и каменистый склонъ сопки, вышиною футовъ сто. Противоположный же склонъ этой продолговатой сопки былъ отлогъ и весь усѣянъ, будто нарочно, битымъ камнемъ, — на немъ-то и были расположены въ три ряда стрѣлковыя окопы.

Вслѣдъ за Михаиломъ Павловичемъ пошелъ Шура, совершенно не понимавшій, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Потомъ пошелъ старичокъ, батальонный командиръ, физиономія котораго, какъ только Михаилъ Павловичъ повернулся, перестала быть сердитой и приняла обычное добродушное выраженіе; за нимъ горнистъ повелъ его сѣрую китайскую лошадку. Потянулись ближайшіе солдаты. Сосѣднія роты, понявъ, что отдано приказаніе, тоже двинулись. И вся масса, нестройно, безъ команды, сохраняя лишь приблизительное расположеніе батальоновъ, вошла въ гаолянъ.

Такъ началась атака, прославившая полкъ.

IV.

Верстахъ въ пяти сзади позиціи, подъ кучею деревьевъ, предназначенныхъ на то, чтобы охранять и украшать „могилы предковъ“, какъ выражались въ Манчуріи, удобно помѣстилась цѣлая группа людей, съ этими могилами ничего общаго не имѣвшая и потому старавшаяся всячески загадить это священное для китайцевъ мѣсто. Впереди всѣхъ на носилкахъ помѣщался генераль, командиръ пѣхотной бригады, тщедушнаго вида, маленькій, запущенный человѣчекъ, съ краснымъ носомъ и бѣлымъ крестикомъ въ петлицѣ. Носъ этотъ обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что былъ не только красенъ, но и весь покрытъ небольшими волдырями, отчего онъ казался несоразмѣрно большимъ, распухшимъ. Иногда генераль, не стѣсняясь ничѣмъ присутствіемъ, давилъ эти волдыри, не всегда даже прибѣгая при этомъ къ помощи носового платка, но носъ не становился отъ этого ни тоньше, ни красивѣе. Что же касается бѣлаго крестика, то полученъ онъ былъ генераломъ еще въ бытность его молодымъ офицеромъ, во время послѣдней турецкой войны, и по поводу этого генераль говаривалъ, — „почему-то воображаютъ, что тотъ, кто былъ храбръ въ молодости, будетъ храбръ всю свою жизнь, — это ошибочно! Что касается меня, то я въ храбрецы теперь не полѣзу!

Шалишь!..“ И дѣйствительно, всякій разъ, когда начинался бой, онъ располагался далеко позади, въ укромномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь около обозовъ 2-го разряда, и тутъ, лежа на носилкахъ, непрерывно пилъ коньякъ и разговаривалъ въ это время съ денщиками и ординарцами. Пилъ, впрочемъ, онъ всегда и обыкновенно выпивалъ въ сутки бутылку, а въ дни, когда слышалась стрѣльба, двѣ и три бутылки. Пилъ прямо изъ горлышка, обливая себѣ бороду, китель, потомъ дрожащей рукой закупоривалъ бутылку и клалъ ее подъ себя, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время опять ее вытащить, отхлебнуть и сказать, — „нѣтъ, не вѣрю, не вѣрю я вашему Серафиму!.. Не кончится это добромъ!..“ — на что денщикъ его, извѣстный всей дивизіи воръ и мошенникъ, Филька, отвѣчалъ въ тонъ, — „это вы, ваше превосходительство, напрасно наговариваете!.. Серафимъ, какъ Серафимъ! — мало ли что люди брешутъ!“ — „А люди что же брешутъ?“ — съ наивнымъ видомъ спрашивалъ генераль, хотя отвѣтъ былъ ему давнымъ давно извѣстенъ. — „Глупости говорятъ!.. говорятъ, дескать, обидѣли Николая Угодника, — вотъ онъ и того!..“ Генераль начиналъ хохотать до слезъ. — „Обидѣли!.. ха-ха-ха! обидѣли!.. это вѣрно!“ Иногда, впрочемъ, генераль бывалъ не въ духъ и тогда кричалъ на Фильку.

— Ты воръ, ты мошенникъ! Я тебя отъ тюрьмы спасъ, а ты смѣяться надо мной!

Но Филька и тутъ не терялся. Онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ генералу, что все это пустое, особенно относительно тюрьмы, и нерѣдко доводилъ генерала до бѣшенства, до того, что тотъ вскакивалъ съ своего ложа и бросался къ нему съ кулаками. Филька тотчасъ же мѣнялъ тонъ, вытягивался и, слегка наклонившись, подставлялъ фізіономію. Ткнувъ нѣсколько разъ денщика по зубамъ, генераль успокаивался и вспоминалъ о бутылкѣ, которая обыкновенно куда-нибудь закатывалась, а часто, потѣхи ради, пряталась вѣстовыми, иногда тѣмъ же Филькой.

— Подлецъ, воръ, найди! — кричалъ генераль, — найди, или засужу!

Вѣстовые со всѣхъ ногъ бросались искать, трясли подушку, носилки, при общемъ хохотѣ оцупывали другъ друга.

— Ужъ не закатилась ли, ваше превосходительство, въ сапогъ? — съ недоумѣннымъ видомъ спрашивалъ Филька, наклоняясь къ генеральскому сапогу.

— Раскровяню!.. Смѣяться надо мной!

Такъ какъ Филька былъ отличный фокусникъ, то онъ извлекалъ бутылку изъ генеральскаго сапога или какого-нибудь другого мѣста, и генераль смягчался.

Сцены въ этомъ родѣ повторялись изо дня въ день, но достопамятное утро, закончившееся тѣмъ, что генераль со своей бригадой на-голову разбилъ какого-то японскаго Ямагату, началось при нѣсколькихъ другихъ условіяхъ. Все было, какъ вчера и третьяго дня: первый полкъ бригады дрался на позиціи, второй полкъ, которымъ командовалъ Михаилъ Павловичъ Старшовъ, стоялъ въ резервѣ, самъ же генераль, хотя и потребовалъ съ утра охотничьи команды, будто бы для сопровожденія его на позицію, остался на своемъ мѣстѣ и на своихъ носилкахъ, но разговаривалъ онъ не съ Филькой, какъ это обычно бывало, а съ полковымъ врачомъ Тимофѣевымъ, сидѣвшимъ по-турецки на разостланной буркѣ и державшемъ въ рукахъ какой-то сосудъ, возимый въ лазаретной двуколкѣ и предназначенный для принятія изъ него лѣкарствъ; въ сосудъ этотъ докторъ время отъ времени наливалъ спиртъ, тоже отпускавшійся въ изобиліи въ медицинскій запасъ, и, разбавивъ слегка, больше для приличія, этотъ спиртъ водою, выпивалъ, при чемъ съ послѣднимъ глоткомъ лицо его принимало выраженіе крайняго недоумѣнія, которое такъ и сохранялось нѣкоторое время, какъ будто докторъ до чрезвычайности былъ пораженъ послѣднимъ предметомъ, понавшимъ въ поле его зрѣнія.

— Смотрю я на эти облака и удивляюсь, — какой рисунокъ, какія краски! Попробуйте нарисовать, — даю вамъ слово, не повѣрять, скажутъ декадентство, а тутъ не декадентство, а Манчжурія! — сказалъ докторъ, сидя съ закинутой головой и разглядывая облака — (со стороны можно было, дѣйствительно, подумать, что онъ только для того и закинулъ голову, чтобы посмотреть на облака), — и все такъ! Какой-нибудь чахлый француикъ всю жизнь пыжится, декадентствуетъ и воображаетъ, что фантазія поможетъ ему выскочить изъ собственной шкуры, а я, какъ врачъ, особенно теперь, послѣ Манчжуріи, положительно утверждаю, что никакая фантазія, даже больная, не можетъ создать ничего такого, чего бы не было на свѣтѣ. Вотъ, на примѣръ, небо! Обратите вниманіе, ваше превосходительство, на небо...

Генераль, успѣвшій тѣмъ временемъ отклебнуть изъ бутылки, морщась, закупоривалъ ее и, услышавъ послѣднія слова доктора, досадливо махнулъ рукой.

— Небо, небо! Всѣ говорятъ о небѣ и надѣются на небо! А я говорю, — не вѣрю я вашему Серафиму!.. Не вѣрю и все тутъ!..

— Дался вамъ этотъ Серафимъ, чего вы привязались къ нему? — съ удивленіемъ сказалъ докторъ.

— Я никому своего мнѣнія не навязываю, вы видите сами, — сижу тутъ, надо мной смѣются, всѣ смѣются, даже

подлецъ Филька смѣется, а я себѣ молчу! Дѣлайте, что хотите, но знайте, что Серафимъ вамъ не поможетъ! Тутъ, батенька, не Серафимъ нуженъ! Прямо скажу, я и самъ не знаю, что тутъ нужно!..

— А не знаете, такъ молчите!..

— Я и молчу!.. Но народъ не молчитъ!.. Вы думаете, я свои слова говорю? Объ этомъ Серафимъ мнѣ одинъ бордачъ запасный сказаалъ, мнѣ понравилось, потому что тутъ, въ этихъ словахъ, цѣлая, батенька, философія! Вѣдь онъ, каналья, чувствуетъ, что сама природа на него ополчилась, а выразить этого не умѣетъ, — вотъ и валить на Серафима! А вы мнѣ, докторъ, скажите, что это значить, когда природа на людей ополчается?

— Мнѣ кажется, это просто, — разъ природа противъ человѣка, значить, человѣкъ нарушилъ законъ природы.

— Вотъ, вотъ! И я такъ думаю!.. Я думаю, что если въ двѣнадцатомъ году наша русская природа пошла противъ француза, то это потому, что французъ зарвался, а у насъ изъ этого сдѣлали выводъ совсѣмъ другой! И замѣтте, выводъ этотъ сдѣланъ въ академіяхъ профессорами!.. Наука будто бы!.. Куропаткинъ даже себѣ въ штабъ выписалъ генерала, извѣстнаго своей неизвѣстностью и тѣмъ еще, что написалъ научное изслѣдованіе о кампаніи двѣнадцатаго года, — самъ хочеть быть Кутузовымъ, а Николая Угодника подмѣнить Серафимомъ!.. А я говорю, — не вѣрю! И замѣтте, не свои слова говорю, а мужицкія!

— Эге-ге! Да вы вона куда закидываете! — съ удивленіемъ воскликнулъ докторъ. — А это вы вѣрно... А, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что вѣрно, что невѣрно... Я, знаете, думаю, что зашли мы въ тупой уголь и теперь — куда ни кинь, вездѣ клинъ!..

— Вотъ, вотъ, именно зашли въ тупой уголь. А вы знаете, кто насъ въ этотъ уголь загналъ?.. Пословица! Не смѣйтесь, не смѣйтесь, — именно пословица! Мы вотъ уже лѣтъ двѣсти на разные лады твердимъ, — что русскому здорово то, что нѣмцу смерть, а того не замѣтили, что русскій давно ужъ нѣмцемъ сдѣлался. Вы вотъ науками разными занимаетесь, — а, ну, объясните, почему это исторія противъ насъ?

— То есть какъ исторія противъ насъ?

— Да такъ, противъ насъ — и все тутъ!.. Вѣдь исторію русскую, конечно, дѣлаемъ мы, генералы, и замѣтте, — чѣмъ честнѣе генераль, чѣмъ больше хлопочетъ, тѣмъ больше вреда отъ него. Я вотъ пропащій человѣкъ. Былъ когда-то способнымъ, ей Богу, былъ! И честнымъ былъ! Крестъ погубилъ, — сдѣлали героемъ и шабашъ! Не легко, батенька,

героемъ быть!.. Опустился, — знаю! Испакостился, — знаю! Никуда не гоюсь, — тоже знаю! Но утѣшаю себя тѣмъ, что я хоть вреда никому не дѣлаю, дослуживаю себя до пен-сiи... А возьмите вы этакого Куропаткина! Будь на его мѣстѣ какой-нибудь прохвость, пьяница и все такое, — я былъ бы спокоенъ, — а теперь боюсь! Боюсь, — потому что онъ искренно во что-то такое вѣрить. А пуще всего въ себя вѣрить! Вотъ въ чемъ бѣда!.. Меня вотъ офицеры прозвали „паническимъ генераломъ“. Сегодня утромъ приносятъ мнѣ письмо съ почты, оказывается, изъ Харбина анонимъ ругается, — панической, дескать, генераль, когда видитъ японцевъ — бѣжить, когда не видитъ — тоже бѣжить! А я считаю себя правымъ, — бѣжалъ и буду бѣжать, ибо сказано, — бѣги отъ зла и сотворишь добро. Сегодня хотѣлъ было поѣхать на позицію, а теперь не поѣду. И весьма радъ, не только потому, что сижу здѣсь съ вами, но и потому еще, что не увижу этого вашего бульдога—Старшова!.. А ловко я его на цѣпь привязалъ! То-то, воображаю, ругается!.. Кстати, вотъ Старшовъ, хоть онъ и не генераль, но скоро будетъ... Вѣдь не человѣкъ, а богъ! И нѣтъ человѣка вреднѣе его въ арміи! Согласны вы, докторъ, или не согласны?

— Разстрѣлять его нужно, — убѣжденно отвѣтилъ докторъ, — бѣшенная собака не виновата въ томъ, что она бѣшенная, но уничтожить ее необходимо.

— Именно бѣшенная! Вы бы посмотрѣли, какъ онъ со мной! Руку подаетъ, — дрожить отъ священнаго негодованія! такого-то начальника имѣть—а? ну, а я его, гдѣ только возможно, и прищиплю, да и нельзя иначе: человѣкъ не знаетъ ни жалости, ни снисхожденія, и дай я ему волю, — меня же перваго съѣсть! а теперь, Божьей милостью, я его ѣмъ! Ха-ха-ха!

— Одинъ другого стойте, — мрачно замѣтилъ докторъ.

— Стоимъ, стоимъ! Это вы вѣрно, — всѣ мы другъ друга стоимъ... Вы сегодня вообще хорошо говорили... все разъяснить умѣете, не безъ пользы науками занимались, — это видно по разговору...

Докторъ, переливавшій въ это время спиртъ изъ бутылки въ сосудъ, сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукою, даже плеснулъ спиртомъ на бурку.

— Хэ-хэ-хэ!.. не любить человѣчекъ! А вы, докторъ, какъ я, — возьмите разъ навсегда и сознайтесь, тогда сразу спокойно на душѣ станеть, а то я, признаться, даже удивился, не повѣрилъ... былъ тутъ у меня вашъ пріятель и рассказывалъ, какъ вы хотите командовать полкомъ и какъ васъ гложетъ зависть... Ну, не буду, не буду, не сердитесь... Экій

вѣдь человекъ,—доставаая бутылку, говорилъ генераль,—мало ему казеннаго спирта, еще и уваженія подавай въ препорціи, какъ говорятъ солдаты.

Въ это время, пока собесѣдники, занятые своими бутылками, прекратили разговоръ, къ нимъ вскачь на плохенькой китайской кляченкѣ подѣхалъ офицеръ, запыхавшійся, раздраженный, и тутъ же, не слѣзая даже съ лошади, на которой сидѣлъ самымъ комичнымъ образомъ, началъ кричать на доктора, не обращая ни малѣйшаго вниманія на генерала.

— Чортъ знаетъ что такое! Куда вы запропастились? Полкъ на позицію идетъ, ваше мѣсто съ полкомъ, а вы тутъ пьянствуете...

— Прошу васъ не забываться, поручикъ!—съ достоинствомъ отвѣтилъ докторъ, при чемъ красный носъ его сдѣлался багрово-синимъ,—прошу васъ не кричать, вы не съ денщикомомъ разговариваете! Я самъ знаю свое мѣсто.

— Нѣтъ, вы не знаете! Васъ никогда не бываетъ, и я лично получилъ приказаніе отъ командира полка наблюдать, чтобы перевязочный пунктъ былъ на мѣстѣ, а не у чорта на куличкахъ, какъ всегда!—кричалъ офицеръ.—Тамъ люди умираютъ, а вы тутъ прохлаждаетесь! Васъ съ собаками не найдешь! Я на васъ рапортъ подамъ!

Докторъ вскочилъ и, размахивая руками, въ свою очередь началъ кричать, но офицеръ не унимался.

— Я васъ связать прикажу и въ такомъ видѣ поведу на позицію,—размахивая нагайкой, вопилъ во всю глотку офицеръ, въ обычное время тихій, скромный, исполнительный офицеръ, и только теперь, вслѣдствіе полученнаго имъ впервые самостоятельнаго назначенія, находившійся въ необычайномъ возбужденіи.

Докторъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и плюнулъ.

— Подлецъ!.. Иду, иду, куда хочешь пойду... ты думаешь, ты храбрѣе меня?.. щенокъ... при мнѣ въ полкъ поступилъ, у меня же подъ крылышкомъ грѣлся... эхъ, ты! и не стыдно тебѣ!

Офицеръ пришелъ въ себя и нѣсколько сконфузился.

— Мы, докторъ, на службѣ, теперь не время вспоминать глупости...

Докторъ, отплеываясь и ругаясь, пошелъ къ своей двуколкѣ, а генераль, только теперь пришедшій въ себя отъ удивленія и неожиданности, обратился къ офицеру.

— Чего вы тутъ кричите! Какое имѣете вы право въ моемъ присутствіи... Кромѣ того, вы все врете, полкъ вашъ никуда не пошелъ, а стоять въ резервѣ, какъ онъ и долженъ стоять.

Офицеръ нехотя и небрежно взялъ подъ козырекъ.

— Мнѣ некогда, ваше превосходительство, нужно ѣхать къ полку, такъ какъ полкъ пошелъ на позицію.

— По чьему приказанію онъ пошелъ? Что за глупости?

— Не могу знать, ваше превосходительство, я только исполняю приказанія, я исполнитель,—отвѣтилъ офицеръ, видимо гордясь тѣмъ, что онъ исполнитель и исполняетъ приказанія начальства.

— Это возмутительно!—говорилъ, все болѣе и болѣе раздражаясь, генералъ,—этотъ Старшовъ меня признавать не хочетъ! Куда-то идетъ, мнѣ ничего не доносить!.. Поручикъ, извольте немедленно доложить мнѣ, куда и зачѣмъ пошелъ вашъ полкъ.

— Пошелъ на позицію! Я же докладываю вамъ!.. Первый полкъ не выдерживаетъ, повидимому, и отступаетъ, мы и пошли.

— Ваше превосходительство,—вмѣшался въ разговоръ состоявшій при генералѣ въ качествѣ адъютанта офицеръ,—съ первымъ полкомъ дѣйствительно что-то случилось, одиночные люди уже давно идутъ... Вонъ еще цѣлая группа!.. Эй, ординарцы, крикни этихъ подлецовъ тамъ! Куда они?

Генералъ всталъ со своихъ носилокъ.

— Крикнуть сюда этихъ мерзавцевъ! Куда и зачѣмъ они идутъ?

Ординарцы, вѣстовые, внимательно прислушивавшіеся къ разговору, бросились исполнять приказаніе.

— Эй, землячки! Пошелъ сюда, генералъ требуютъ!—кричали они, но, такъ какъ землячки свернули въ сторону, съ явнымъ намѣреніемъ удрать, за ними побѣжали.

Наконецъ, землячки были приведены.

— Вы съ позиціи?

— Такъ точно, ваше превосходительство, съ позиціи.

— Почему же вы ушли? Кто приказалъ?—спросилъ генералъ, значительно понизивъ голосъ въ присутствіи этихъ людей, оборванныхъ, угрюмыхъ и, видимо, озлобленныхъ.

— Всѣ уходятъ и мы ушли... приказывать-то некому...

— А офицеры гдѣ?

— А Богъ ихъ знаетъ... которые полегли, которые ушли...—отвѣчали бѣглецы и видя, что ругать и наказывать ихъ никто не собирается, тоже нѣсколько смягчились и уже гораздо охотнѣе стали рассказывать, перебивая другъ друга, о положеніи вещей на позиціи, какъ оно имъ представлялось.

— Изъ офицеровъ, кажись, никого уже на позиціи не осталось...

— Въ третьей ротѣ, слышь, командиръ остался...

Январь. Отдѣлъ 1.

— Нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ, самъ видѣлъ, убили...

— Да нешто тамъ устоишь? Мы „его“ кладемъ прямо кучи, а „онъ“ все претъ и претъ, прямо сказать; комариная сила одолѣла!.. А допрежь того артиллеріей глушилъ... нешто устоишь!..

Ихъ слушали испуганно и сочувственно. Одинъ только поручикъ, только что ругавшійся съ докторомъ, не желалъ вѣрить этимъ разсказамъ.

— Врете все, подлецы! Разстрѣлять васъ, сукиныхъ сыновъ! Какой роты? Унтеръ-офицеръ, тебя спрашиваю, какой роты?

Унтеръ-офицеръ злобно смотрѣлъ на поручика, соображая, какъ вывернуться. Онъ безусловно вѣрилъ тому, что разсказывалъ самъ и что разсказывали его товарищи, считалъ, что устоять противъ „комариной силы“ нельзя, что уйти съ позиціи было необходимо, зналъ, видѣлъ самъ, что многіе офицеры ушли, такъ же, какъ и онъ, подъ предлогомъ увода раненыхъ, но за себя все-таки боялся, не безъ основанія предполагая, что, въ концѣ концовъ, ему можетъ достаться.

— Одиннадцатой, ваше благородіе,—съ усиленіемъ совралъ онъ, такъ какъ былъ седьмой.

— Одиннадцатой, капитана Дементьева... вотъ я ему скажу про тебя... онъ тебѣ покажетъ, подлецу!..—И поручикъ, дергая поводья обѣими руками, сталъ поворачивать коня, собираясь ѣхать.

— Поручикъ, поручикъ!—закричалъ генераль,—обождите, разскажите подробно, какъ повелъ Старшовъ полкъ!

— Прямо взялъ и повелъ черезъ гаолянъ,—не оборачиваясь, отвѣтилъ поручикъ и поѣхалъ.

— Полкъ идетъ, это вѣрно, мы встрѣтили,—сказалъ унтеръ-офицеръ.

— Почему же мнѣ ничего не доносятъ? Хотятъ подвести! Послушайте, голубчикъ,—обратился генераль къ состоявшему при немъ офицеру, — напишите-ка Старшову отъ моего имени приказаніе. Такъ и напишите: приказываю вашему высокоблагородію немедленно вести полкъ на позицію и поддержать первый полкъ бригады. Въ движеніи взять направленіе на... На что бы такое взять направленіе?.. Ну! на солнце! оно примѣрно такъ и выйдетъ. Пишите,—направленіе на солнце!.. Приказаніе это немедленно пошлите Старшову, а копію начальнику дивизіи.

Послѣ этого генераль не могъ успокоиться и на носилки не ложился.

Кругомъ все было спокойно, но сознаніе того, что гдѣ-то на позиціи неблагополучно, сдѣлало людей мервными.

Приглядывались, прислушивались; останавливали раненыхъ и бѣглецовъ и подробно спрашивали. Вдругъ замѣтили невдалекѣ всадника, поражавшаго своимъ необычнымъ костюмомъ даже тутъ, когда каждый одѣвался какъ попало, лишь бы не быть голымъ; въ немъ однако тотчасъ же признали охотника „Сеньку“, прославившагося своею отчаянностью.

— Сенька, пошелъ сюда! Сенька, генераль требуютъ!— кричали ему, но Сенька, получившій отъ Старшова конвертъ съ приказаніемъ передать этотъ конвертъ въ собственныя руки начальника дивизіи и ни въ коемъ случаѣ не попадаться на глаза и не отдавать этого конверта командиру бригады, видя, что сбился съ дороги и попалъ не туда, куда нужно, старался улизнуть и, только убѣдившись въ полной невозможности сдѣлать это, нехотя подѣхалъ. Конвертъ у него, конечно, немедленно отобрали, чѣмъ былъ онъ несказанно огорченъ, но не на долго, такъ какъ вниманіе, которымъ окружили его товарищи, тотчасъ его утѣшило.

Одѣтъ онъ былъ въ японскую шинель изъ чернаго сукна, узкую, короткую, торчавшую горбомъ на спинѣ, на голову надѣлъ японскую же фуражечку съ желтымъ околышемъ, кромѣ того привезъ онъ съ собой цѣлую коллекцію трофеевъ: мундиръ, изорванный штыкомъ и залитый кровью, бинокль съ выбитымъ пулею объективомъ, гамаши „аглицкаго товара“, какъ увѣрялъ Сенька, и цѣлую кучу маленькихъ шелковистыхъ листиковъ почтовой бумаги и такихъ же конвертовъ, исписанныхъ іероглифами черными, красными, синими и зелеными чернилами.

Это произвело сенсацію. Сенька, чувствовавшій себя героемъ, пришелъ въ азитацію и не успѣвалъ отвѣчать на вопросы.

— И наклали же „его“!.. Прямо вся какъ есть позиція обгажена... куда ни повернись... (о томъ, что на позиціи было больше труповъ своихъ, чѣмъ японскихъ, Сенька умолчалъ, потому что на него самого убитые японскіе солдаты произвели большее впечатлѣніе, чѣмъ свои). Наши и до сихъ поръ бѣгаютъ, ищутъ, потому „его“ дюже много набѣгло, за кустиками, за камешками заховались.

Всѣ щупали пальто и дивились на тонкое, прекрасное сукно.

— Неужто солдатское? — восклицали изумленные зрители.

— Солдатское и есть! У нихъ, брать, солдатская аммуниція не какъ у насъ!—съ гордостью за японцевъ отвѣчалъ Сенька.

— Може, вольноопредѣляющійся, — нервнительно замѣтилъ кто-то.

— Дурья ты голова! Поди на позицію и посмотри, ихъ тамъ тысячи двѣ лежить и на всѣхъ одна аммуниція, потому у нихъ, братъ, строго, всѣ по формѣ ходять, носи казенную аммуницію и баста! Вотъ и клейма казенныя, — и Сенька показалъ наложенное на холщевую подкладку шинели клеймо съ непонятными значками.

Зрители изумлялись, недовѣрчиво качали головой, не понимая, какъ можно было солдату выдавать такую хорошую одежду, а Сенька продолжалъ ихъ поражать, вытаскивая изъ своихъ объемистыхъ кармановъ часы, полотенце, (солдаты тотчасъ же отмѣтили, что и полотенце было съ клеймомъ, значить, казенное), зубную щетку, коробочку съ какими-то пилюлями и т. д. Все это щупалось, пробовалось на нозь, на глазъ, на свѣтъ, оцѣнивалось и тутъ же продавалось. Прекрасные серебряные часы пошли за полтинникъ, а фланелевая рубаша, сильно попорченная кровью, продана была за два съ полтиной, да и то Сенька лишь потому уступилъ ее, что взялъ ее себѣ самъ генеральскій денщикъ Филька. Даже конверты и бумага съ затѣйливыми письменами нашли себѣ покупателей и оцѣнивались Сенькой по пятаку за штуку.

Денщики и санитары немедленно организовали экспедицію, которая должна была пойти въ окопы и набрать на всѣхъ шинелей, мундировъ, а главное — обуви, въ которой ощущался большой недостатокъ.

Генераль, между тѣмъ, читалъ донесеніе. Старшовъ доносилъ начальнику дивизіи, какъ онъ, увидѣвъ, что N—скій полкъ очищаетъ позицію, не будучи въ состояніи выдержать натиска, самъ, по своей инициативѣ, рѣшилъ двинуть полкъ впередъ и подошелъ къ позиціи какъ разъ во время, когда японцы только заняли ее, атаковалъ ихъ, прогналъ, забравъ болѣе двухсотъ плѣнныхъ, и впредь до полученія распоряженій отъ него, начальника дивизіи, онъ съ полкомъ остается на позиціи.

— Нѣтъ, это тебѣ такъ не пройдетъ! — мысленно воскликнулъ генераль, прочитавъ донесеніе, — ты меня, а я тебя! Потягаемся еще! — И доставъ книжку для донесеній, написалъ тому же начальнику дивизіи о томъ, какъ первый полкъ его бригады, храбро и самоотверженно нѣсколько дней уже дравшійся на позиціи, сегодня утромъ, уступая много разъ сильнѣйшему противнику, отдалъ нѣсколько окоповъ и какъ, въ виду этого, онъ, командиръ бригады, приказалъ Старшову идти на позицію и атаковать противника, что и было съ большимъ успѣхомъ исполнено. Гене-

рально дипломатически прибавлялъ къ этому, что просить обратить вниманіе на полковника Старшова, какъ на выдающагося и храбраго офицера.

V.

Десять лѣтъ прокомандовавъ полкомъ, Старшовъ зналъ и былъ увѣренъ въ своихъ подчиненныхъ. Зналъ, что во время движенія черезъ гаолянъ сохранить порядокъ, предписываемый уставомъ, было невозможно, что солдаты, если предоставить имъ свободу, сами сумѣютъ создать и сохранить тотъ порядокъ, который только и былъ возможенъ,—вѣдь не даромъ же училъ онъ ихъ!

— Да и поздно теперь учить,—думалъ онъ.—Если сорвется, значить, я никуда негодный начальникъ и не за свое дѣло взялся... Во всякомъ случаѣ, теперь смѣшно было бы волноваться! Черезъ нѣсколько минутъ меня ждетъ смерть... Быть можетъ, и не узнаю я результатовъ...

Но эта послѣдняя мысль показалась ему слишкомъ странной, неприемлемой. Результатъ атаки онъ, конечно, узнаетъ, ну, а дальше смерть.

Не смотря однако на такія разсужденія, онъ не могъ совершенно, какъ это было ему необходимо, побороть свое волненіе и вернуть себѣ спокойствіе и ясность духа, столь необходимыя для управленія этой массой людей. Волновала его не мысль о смерти, наоборотъ—эта мысль его успокаивала, волновали его соображенія, связанные съ возможностью другого исхода. Онъ шелъ, какъ всегда, твердыми, большими шагами, наружно спокойный и увѣренный въ себѣ, и никто изъ слѣдовавшихъ за нимъ не подозрѣвалъ даже, какую душевную борьбу переживалъ онъ въ эти минуты. Мгновеніями, и именно тогда, когда отвлекался онъ отъ мысли о неизбежности смерти, казалось ему, что все потеряно, что впереди ждетъ его позоръ, что, быть можетъ, лучше, пока не поздно, повернуть полкъ назадъ, вывести изъ этого проклятаго гаоляна, привести въ порядокъ и уже тогда двинуться впередъ. Въ такія минуты страшно хотѣлось ему остановиться или, если не остановиться, то хоть повернуться и посмотрѣть на полкъ, и громаднаго труда стоило ему заставить себя не оглядываться. И все-таки не могъ онъ удержаться отъ того, чтобы какъ-нибудь незамѣтно, обманывая самого себя, не кинуть косога взгляда въ сторону. Но видно было очень мало, почти ничего. Влѣво отъ себя Михайлъ Павловичъ чувствовалъ полнѣй-

пшій безпорядокъ; такъ казалось ему потому, что лѣвѣе его, иногда даже обгоняя его, шелъ рослый, рыжій солдатъ, который, закинувъ винтовку за плечо, обѣими руками несъ котелокъ съ супомъ, который ѣлъ тутъ же, на ходу. Остановится, хлебнетъ разъ, другой, потомъ бѣгомъ бѣжитъ впередъ и опять остановится. Солдата этого, краснаго, потнаго, Михаилъ Павловичъ ненавидѣлъ въ эту минуту и, съ усиленіемъ вспомнивъ, что это правофланговый 2-й роты, нѣсколько разъ порывался обругать, побить и послать на мѣсто.

— Совсѣмъ не на мѣстѣ идетъ, мерзавецъ!.. На картѣ стоять все! Все мое прошлое, все мое будущее, а онъ со своимъ супомъ!.. Какіе скоты! Есть-ли на свѣтѣ что-нибудь подлѣе русскаго солдата! Они могутъ отказаться отъ всего, но только не отъ обѣда!

А рыжій солдатъ, не подозрѣвая вовсе, что командиръ полка, человѣкъ, стоявшій такъ высоко, что почти ужъ и не казался человѣкомъ, отличилъ его среди массы другихъ солдатъ, продолжалъ хлебать свой супъ, иногда запуская въ котелокъ пальцы, вытаскивалъ картофелину и, съ аппетитомъ, чмокая и жуя, съѣдалъ ее и, весьма довольный своимъ обѣдомъ, смѣялся, что-то бормоталъ и вытиралъ пальцы прямо о штаны.

Этотъ солдатъ бѣсилъ Михаила Павловича, и онъ старался не смотрѣть въ его сторону.

Справа и нѣсколько сзади шло знамя, старое, боевое знамя полка; чехоль былъ снятъ и полуистлѣвшіе, почернѣвшіе отъ времени лоскутья трепались вѣтромъ. Знамя шло тяжело, раскачиваясь, цѣпляясь за стебли гаоляна; два ассистента помогали знаменщику, раздвигая предъ нимъ стебли. Тутъ былъ нѣкоторый порядокъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Михаилу Павловичу, котораго видъ этого знамени умилялъ и приводилъ въ восторгъ. Онъ чувствовалъ, что знамя это было частицей чего-то великаго, громаднаго, такого громаднаго, что отдѣльный человѣкъ совершенно безслѣдно тонетъ, стирается предъ этой громадой,— и когда видѣлъ онъ это знамя, когда чувствовалъ на себѣ, какъ вѣетъ отъ него древней, вѣковой привычкой властвовать надъ людьми, самыя сомнѣнія и колебанія его казались ему кощунственными.

Такъ, волнуясь и борясь съ самимъ собой, шелъ Михаилъ Павловичъ минутъ двадцать и, наконецъ, почувствовалъ, что усталъ, что дальше идти уже нельзя. Онъ остановился и крикнулъ, — „подтянись!“ Десятки голосовъ подхватили и передали приказаніе, и нѣкоторое время солдаты, какъ будто баловства ради, перекликались между собой въ чащѣ.

— Подтянись! — вопилъ кто-то теноркомъ на крайн емъ лѣвомъ флангѣ.

— Подтянись, сукины дѣти! — ревѣлъ басомъ капитанъ Козловъ.

Отставшихъ было много и, когда впереди все уже замолкло, сзади долго еще слышался шелестъ и трескъ ломавагося гаоляна.

Въ это время навстрѣчу Михаилу Павловичу по тропинкѣ быстро шла, почти бѣжала, кучка солдатъ. Набѣжавъ почти вплотную на офицеровъ, которыхъ они не замѣтили, солдаты эти испугались и метнулись въ сторону, и хотя хотѣлось имъ бѣжать, но они перешли въ шагъ, стараясь, проходя мимо, быть приличными. Михаилъ Павловичъ ихъ не остановилъ и не распросилъ, такъ какъ зналъ, что кромѣ лжи, сознательной и безсознательной, ничего не услышитъ, а обстановка была ему и такъ достаточно ясна.— „Странно только, почему такъ мало попадается бѣглецовъ и раненыхъ“,— подумалъ онъ, но сейчасъ же вспомнилъ, что сзади позиціи, подъ сопкой, наискось въ тылъ нашему правому флангу шла дорога, по которой, очевидно, и уходили люди съ позиціи. Пока подтягивались, пришло ему въ голову выдвинуть третій батальонъ въ первую линію, но, посмотрѣвъ кругомъ, онъ тотчасъ же отказался отъ этого намѣренія. Рыжій солдатъ, воспользовавшись остановкой, присѣлъ на корточки и торопливо, обжигаясь, ѣлъ свой супъ. Другіе ѣли стоя. Нѣкоторые не ѣли, а бережно несли свои котелки, откладывая, очевидно, обѣдъ до болѣе удобнаго времени, и было ясно по лицамъ, что никакое приказаніе не заставитъ ихъ разстаться съ этими котелками.

— Если „тамъ“ еще держатся, то успѣю перестроиться, какъ выйду изъ гаоляна, а если „тамъ“ очень плохо, то не только бесполезно, но и опасно начинать перестроеніе,— подумалъ Михаилъ Павловичъ, вспоминая слова стараго маіора-кавказца, сказанныя ему еще въ бытность его молодымъ офицеромъ,— „когда положеніе запутывается, — а оно къ рѣшительному моменту всегда запутывается, слѣдуетъ принимать рѣшеніе простѣйшее, а изъ всѣхъ простыхъ движеній, самое простое—двинуться впередъ... Чѣмъ запутаннѣе и тяжелѣе обстановка, тѣмъ крѣпче нужно держаться разъ принятаго рѣшенія, мѣнять-же его можно лишь тогда, когда обстановка совершенно выяснилась, — вотъ вамъ и вся тактика въ бою“!..

— Съ Богомъ! — крикнулъ Михаилъ Павловичъ и пошелъ, но пройдя нѣсколько шаговъ, остановился пораженный, оглушенный: среди хаоса звуковъ, несшихся съ позиціи, ясно различилъ онъ одиночныя выстрѣлы японской вин-

товки.—Та-тахъ! та-тахъ!—слышались гдѣ-то совсѣмъ близко рѣзкіе, двойные удары этой винтовки.

— Неужели? Господи, все кончено!.. Что я надѣлалъ!..— въ ужасѣ думалъ Михайлъ Павловичъ.—Все кончено! Поздно предпринимать что-нибудь!.. Господи, прими мою жертву, мою жизнь, но спаси полкъ и меня отъ позора!.. — молился онъ и, снявъ фуражку, нѣсколько разъ перекрестился, смотря прямо передъ собой на клочекъ неба.

Старичокъ, батальонный командиръ, увидѣвъ, что Михайлъ Павловичъ крестится, испугался, онъ только теперь понялъ, куда идетъ, и, торопливо снявъ фуражку, сталъ молиться. Адъютантъ, горнистъ, барабанщикъ, даже рыжій солдатъ, всѣ вдругъ поняли, что нужно приготовиться къ чему-то важному; всѣ сняли фуражки и крестились, нѣкоторые шептали губами слова молитвы, нѣкоторые просто смотрѣли впередъ испуганными, широко-раскрытыми глазами. Какъ будто искра пробѣжала по полку. Михайлъ Павловичъ не видѣлъ, какъ на крайнемъ правомъ флангѣ капельмейстеръ, чехъ, снялъ фуражку и съ низкими поклонами въ землю крестился католическимъ крестомъ; какъ на другомъ флангѣ, лѣвомъ, Карлуша, командиръ 15-й роты, почему-то вышедшій со своими людьми сюда, хотя это и не было его мѣсто, перекрестился, а потомъ поднялъ съ земли горсточку еще мокрой отъ дождя земли и посыпалъ ею себѣ грудь и какъ нѣсколько десятковъ солдатъ его роты продѣлали то же самое. даже еврей Абрамсонъ, понявъ обрядъ, благоговѣнно снялъ шапку и комкомъ сырой земли вымазалъ себѣ рубашку и погоны. Ничего этого не могъ видѣть Михайлъ Павловичъ, но онъ почувствовалъ, какъ невидимыя нити соединили его съ каждымъ изъ четырехъ тысячъ солдатъ, разсыпанныхъ въ этомъ гаоляновомъ полѣ, по страннымъ, неуловимымъ признакамъ, по особенному шелесту и треску гаоляна понялъ, что солдаты торопятся занять свои мѣста, сгрудиться вокругъ своихъ начальниковъ, и онъ твердо и рѣшительно пошелъ впередъ, и ни о чемъ больше не думалъ до самаго конца „дѣла“; не было никакихъ сомнѣній, никакихъ вопросовъ; было только то, что имѣло непосредственное отношеніе къ „дѣлу“.

Все это время Шура шелъ по пятамъ за своимъ отцомъ. Сначала имѣлъ онъ въ виду что-то сказать ему, договорить, но намѣреніе это какъ-то само собой прошло и онъ механически шелъ, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Въ головѣ было тяжело, въ вискахъ стучало, ни о чемъ не думалось и все, что произошло и происходитъ, казалось тяжелымъ кошмаромъ. Когда всѣ остановились и онъ остановился, когда кругомъ начали креститься, и онъ, снявъ фуражку,

машинально перекрестился нѣсколько разъ. Батальонный командиръ подошелъ къ нему и, тронувъ за плечо, тихо сказалъ— „Идите-ка на свое мѣсто! Право, лучше!..“— „Да, я пойду сейчасъ“,— отвѣтилъ Шура серьезнымъ и грустнымъ голосомъ,— какъ будто понялъ то, что было ему сказано, но никуда не пошелъ, а остался стоять сзади отца, а, когда тотъ двинулся, и онъ пошелъ за нимъ, настолько мало сознавая себя и окружающихъ, что, когда штабъ-горнисть, которому все это показалось неприличнымъ, оттолкнулъ его и занялъ свое мѣсто сзади командира полка, Шура покорно подчинился и поплелся за горнистомъ, а толчка какъ будто и не замѣтилъ даже.

Между тѣмъ гаолянъ замѣтно рѣдѣлъ. Уже сквозь видень былъ темный массивъ сопки. Выстрѣлы, крики были слышны уже совсѣмъ близко. Какіе-то люди стремглавъ бѣжали подъ гору навстрѣчу. Одинъ изъ нихъ набѣжалъ на Михаила Павловича и упалъ ему подъ ноги, пораженный пальною пулею въ затылокъ, откуда ключемъ забила кровь. Михайлъ Павловичъ брезгливо шагнулъ черезъ трепетавшее еще тѣло и пошелъ дальше. Онъ уже понялъ все, но ни страха, ни колебанія не ощущалъ и былъ совершенно увѣренъ, хотя и не видѣлъ своихъ солдатъ, что каждый изъ нихъ также твердо идетъ впередъ. Оно дѣйствительно такъ и было. Каждый въ отдѣльности и весь полкъ въ цѣломъ сначала какъ будто растворились, затерялись въ этой чащѣ, но, какъ только была учуяна опасность, люди стали искать другъ друга, жаться другъ къ другу; чѣмъ рѣже становился гаолянъ, тѣмъ компактнѣе масса, двигавшаяся въ немъ. Несшіе супъ осторожно, бережно ставили свои котелки на землю группами, по пять, по шесть котелковъ рядомъ, и потомъ бѣжали на мѣсто. Беспорядочнаго шума и треска было гораздо меньше, не только потому, что самъ гаолянъ сталъ рѣже, но и потому еще, что люди шли внимательно. Криковъ уже не было, — приказанія отдавались вполголоса, въ полной увѣренности, что услышаны они, къмъ нужно, будутъ. Нѣсколько пуль, смачно щелкнувшихъ по гаоляновымъ листьямъ, нѣсколько бѣглецовъ, набѣжавшихъ на полкъ, только укрѣпили настроеніе. Одинъ молодой, возбужденный и, очевидно, до смерти напуганный солдатикъ, безъ ружья бѣжавшій съ позиціи, наткнувшись въ гаолянѣ на своихъ и не понявъ, въ чемъ дѣло, крикнулъ:— „Уходи, ребята, все пропало!..“— „Проходи, проходи, землякъ! благодари Бога, что спасъ, и проходи!“ грозно крикнулъ ему унтеръ-офицеръ. Солдаты, обходя, сурово косились на напуганнаго парнишку и шли дальше, еще крѣпче сжимаемая стволы винтовокъ и раздвигая стебли гаоляна не ру-

ками, какъ дѣлали это они нѣсколько минутъ назадъ, а остріями штыковъ, какъ-бы нащупывая врага.

Пройдя гаолянъ, Михаилъ Павловичъ вышелъ на дорогу, наискось поднимавшуюся на гору. Безъ всякихъ колебаній, ни на секунду не остановившись, повернулся онъ въ полъ-оборота налѣво и пошелъ по дорогѣ вверхъ. Съ гребня группами въ припрыжку, высоко поднявъ короткія безъ штыковъ винтовки, бѣжали люди въ желтыхъ, цвѣта „хаки“, кителяхъ. Самая большая группа человекъ въ двадцать бѣжала по дорогѣ. Михаилъ Павловичъ видѣлъ ихъ и твердо, не прибавляя и не убавляя шагу, пошелъ имъ навстрѣчу.

Вдругъ, люди, бѣжавшіе съ горы, остановились какъ вкопанные, пораженные неожиданной встрѣчей.

Удивленіе и ужасъ, охватившіе этихъ людей и выразившіеся на ихъ лицахъ, передались Михаилу Павловичу и, когда они неожиданно остановились, и онъ остановился. Все это время впечатлѣнія воспринимались имъ отчетливо и мысли въ видѣ короткихъ, ясныхъ формулъ отчеканивались въ мозгу, но шевельнуть хотя-бы однимъ мускуломъ онъ не могъ. Онъ видѣлъ, какъ выходили изъ гаоляна солдаты его полка, какъ будто выпрыгивали изъ этой чащи, съ хищными, свирѣпыми лицами, но, выскочивъ на чистое мѣсто, тотчасъ останавливались и глазами искали его. Онъ чувствовалъ на себѣ эти сотни, тысячи глазъ и понималъ, что ему необходимо крикнуть „ура“, махнуть хотя бы рукой... дать толчекъ могучему звѣрю, присѣвшему, замершему передъ послѣднимъ прыжкомъ, — но горло его спазматически сжалось и не только крикнуть, но и вздохнуть онъ не могъ. Черные круги заходили у него передъ глазами.

— Обморокъ!—съ ужасомъ подумалъ онъ, чувствуя, какъ силы его покидаютъ и дрожать колѣни.

Въ это мгновеніе, когда напряженіе, съ какимъ нѣсколько тысячъ человекъ смотрѣло другъ на друга, достигло, казалось, высшей точки и должно было разрешиться въ ту либо другую сторону, Михаилъ Павловичъ услышалъ сзади себя слабое, одинокое „ура“ и, оглянувшись, увидѣлъ сына своего Шуру, перебѣжавшаго дорогу и поднимавшагося бѣгомъ прямо на гору, при чемъ чуть не на каждомъ шагу онъ спотыкался и смѣшно взмахивалъ руками,—въ правой держалъ онъ обнаженную пашку, а въ лѣвой—ножны. Слабый, визгливый голосъ Шуры тотчасъ же утонулъ, былъ покрытъ яростнымъ ревомъ, съ которымъ полкъ бросился впередъ. Японцы повернули и побѣжали вверхъ, падая, хватаясь за кусты и камни.

Горнистъ Соловьевъ подхватилъ Михаила Павловича подъ руку съ правой стороны, а рыжій солдатъ, очутившійся

туть же,—слѣва и они повели его осторожно, вверхъ по дорогѣ. Солдаты обгоняли ихъ, чуть не задѣвая штыками, грубо толкали, пересѣкая дорогу, на что Соловьевъ энергично ругался.

— Ошалѣли, сволочи!.. Прикажете все по дорогѣ идти, ваше высокоблагородіе?—заботливо спросилъ онъ Михаила Павловича такимъ тономъ, какъ еслибы гуляли они въ паркѣ.

— Нѣтъ, веди прямо въ гору,—спокойно отвѣтилъ тотъ, такъ какъ ему хотѣлось быть поскорѣе наверху, и не только для того, чтобы оглядѣться и распорядиться, но и для того, чтобы увидѣть, какъ его солдаты догоняютъ и расправляются съ ненавистными маленькими солдатиками, какъ трещать и ломаются приклады, какъ гнутся штыки...

Михаилъ Павловичъ даже засмѣялся короткимъ, злобнымъ смѣшкомъ, а рыжій солдатъ обрадовался, подхватилъ и весело заржалъ.

— Ты только посмотри, ваше высокоблагородіе, какъ ихъ будутъ класть!—кричалъ онъ во все горло прямо въ ухо командиру полка, твердо увѣренный, не смотря ни на какія объясненія господъ офицеровъ, что вся эта война, такъ же, какъ парады и смотры, только для того и нужны, чтобы доставить удовольствіе „ихъ высокоблагородію“, искренно радовался тому, что удовольствіе „ихъ высокоблагородію“ доставлено, и не находилъ во всемъ этомъ ничего дурного до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока дѣло не коснулось лично его и не причиняло ему физической боли.

VI.

Промежутокъ между тѣмъ моментомъ, когда Шура закричалъ „ура“, и тѣмъ, когда крикъ этотъ подхваченъ былъ солдатами, былъ ничтожно малъ, настолько, что произойди это на смотре или на парадѣ, самый щепетильный начальникъ, считающій все свое счастье въ томъ, чтобы солдаты у него двигались, кричали, махали руками всѣ—какъ одинъ, и тотъ не обратилъ бы вниманія на то, что вопль у Шуры вырвался на одно мгновеніе раньше, чѣмъ вырвался онъ у всѣхъ прочихъ участниковъ «дѣла», но благодаря особымъ условіямъ мгновеніе это пріобрѣло въ глазахъ всѣхъ людей, какъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и не участвовавшихъ, а лишь слышавшихъ о немъ, очень важное значеніе; оно даже мало по малу, какъ-то незамѣтно для всѣхъ участниковъ, очевидцевъ и рассказчиковъ, растянулось до такихъ размѣровъ, что нѣкоторые успѣли будто бы въ это

время даже что-то такое подумать, а капитанъ Козловъ, рьяный защитникъ Шуры, возлагавшій на него большія надежды въ смыслѣ выпиванія, такъ прямо увѣрялъ, что крикнуть,—«ай-да, Шура! молодецъ!» хотя не только крикнуть, но и подумать онъ ничего не успѣлъ.

Самъ Шура совершенно не помнилъ, почему и какъ побѣждалъ онъ на японцевъ, да и никто рѣшительно не обратилъ вниманія на этотъ фактъ (кромѣ Михаила Павловича, у котораго моментъ этотъ особенно отчетливо запечатлѣлся въ мозгу), и только гораздо позже, когда стали вспоминать всѣ подробности дѣла,—кто что сказалъ, сдѣлалъ и что подумалъ, тогда вспомнили и поступокъ Шуры и всѣ рѣшили что это *подвигъ* и что Шура *герой* (съ того времени *минованіе* и стало растягиваться), первое же время, т. е. именно тогда, когда, казалось-бы, герои были нужны и должны были-бы быть у всѣхъ на виду, Шура не только ни для кого не былъ героемъ, но даже, когда онъ, для чего-то бѣгая по окопамъ, уже занятымъ ротами, наткнулся на своего батальоннаго командира, тотъ накричалъ на него и приказалъ ему отправиться къ своей ротѣ. Шура хотѣлъ было отвѣтить, что онъ не знаетъ, гдѣ рота, но въ это время увидѣлъ своего денщика Олянку, искавшаго его по приказанію Карлуши.

— Ваша благородія! ваша благородія!—радостно кричалъ Олянкукъ и глаза его, всегда идиотски-испуганные и всегда безпричинно раздражавшіе Шуру, глядѣли весело и смѣло.

Шура, увидѣвъ Олянкуку, котораго онъ систематически тиранилъ мелкими придирками, теперь несказанно обрадовался ему и бросился навстрѣчу.

Впервые, за нѣсколько мѣсяцевъ совмѣстной жизни, они любовно и радостно смотрѣли другъ другу въ глаза. Шура сыпалъ вопросами,—какъ рота, что капитанъ и т. п., какъ еслибы онъ цѣлый годъ уже былъ въ отлучкѣ. Олянкукъ ничего не могъ отвѣтить на эти вопросы и все возвращался къ тому, какъ «всѣ спужались», когда замѣтили, что Шуры при ротѣ нѣтъ, и ему казалось, что дѣйствительно вся рота испугалась, хотя на самомъ дѣлѣ никто, кромѣ него самого и добрѣйшаго капитана, даже не замѣтилъ отсутствія Шуры.

Карлуша крѣпко обнялъ и троекратно поцѣловалъ Шуру. Онъ видѣлъ, какъ Шура побѣждалъ на японцевъ, и понялъ значеніе этого факта, но не считалъ нужнымъ и удобнымъ начинать объ этомъ говорить.

— Скорѣе закусывайте, выпейте чего-нибудь... подкрѣпитесь... сейчасъ будетъ плохо. . начнутъ жарить артилле-

рѣй...—ласково сказаалъ онъ Шурѣ.—А я пойду распоряжусь.

Рота занимала окопъ, плохо выстроенный, нѣсколько ниже гребня на каменистомъ, твердомъ грунтѣ. Солдаты еще не всѣ собрались; нѣкоторые убѣжали далеко впередъ, гоняясь за японцами, и не хотѣли возвращаться, пока не попали подъ сильный артиллерійскій огонь: другіе рыскали по позиціи, разыскивая раненыхъ, возились около труповъ, выворачивая карманы, снимая и примѣряя на себя забавные мундиры, шинели. Карлуша распорядился отправить унтеръ-офицера съ двумя рядовыми для ловли отставшихъ и отбившихся, а самъ занялся успокаиваніемъ роты.

— Ну, ребяташки, кушайте скорѣе кто что можетъ, а то поздно будетъ... И поправляй брустверь,—сейчасъ артиллерія начнетъ глушить... Веселѣй, веселѣй, ребята, работай,—покрикивалъ онъ.

— Позвольте добигти, ваше высокоблагородіе,—попросился маленькій, коренастый солдатъ съ широкимъ круглымъ лицомъ.

— Куда тебѣ бѣжать?

— Такъ что, ваше благородіе, за котелкомъ, какъ шли въ атаку, я котелокъ-то потерялъ.

— Ну, иди, иди...

Солдатъ, взявъ ружье въ лѣвую руку, побѣжалъ.

Еще нѣсколько чelовѣкъ попросилось за котелками.

— Только живо, живо ребяташки,—отпуская ихъ, говорилъ Карлуша.

Предсказаніе его оправдалось скорѣе даже, чѣмъ можно было ожидать,—на позицію нашу посыпались снаряды, Первое время наши батареи, стоявшія въ сѣдловинѣ и успѣвшія перемѣнить позицію, отвѣчали на огонь непріятельской артиллеріи. Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и мощный вой нашихъ снарядовъ радовалъ и веселилъ пѣхоту. Но скоро батареи стали все рѣже отвѣчать на выстрѣлы непріятеля, а потомъ и вовсе прекратили стрѣльбу, что дало возможность японцамъ сосредоточить огонь на гребнѣ занятомъ пѣхотой. Тутъ впервые пѣхота наша была обстрѣляна особымъ способомъ, дотолѣ нигдѣ и никогда не практиковавшимся.

Обстрѣливаніе пѣхотныхъ позицій артиллерійскимъ огнемъ имѣетъ своей цѣлью подготовку атаки, для чего необходимо потрясти морально пѣхоту настолько, чтобы обезсилить ее, лишить возможности сопротивляться, а это достигается не убійствомъ столькихъ то и столькихъ-то людей; рота, потерявшая даже 50%, все-таки можетъ дать отпоръ, а вывести изъ строя такое количество людей при помощи ар-

тиллерійскаго огня очень трудно, почти невозможно, такъ какъ артиллерійскій огонь слишкомъ мало дѣйствителенъ и все значеніе его сводится къ тому моральному гнету, какой испытываетъ пѣхота, сознающая полное свое безсиліе противопоставить что бы то ни было этому огню. Это настолько вѣрно, что напримѣръ шимоза, т. е. граната, дѣйствіе которой по пѣхотѣ гораздо менѣе дѣйствительно, чѣмъ дѣйствіе шрапнели, пугала однако нашу пѣхоту и только потому, что солдаты знали, что у японцевъ вотъ есть шимоза, а у насъ нѣтъ. Подмѣтивъ это свойство артиллерійскаго огня, японскіе артиллеристы не замедлили сдѣлать изъ этого свои выводы и выработали такой способъ стрѣльбы по пѣхотѣ, который правильнѣе всего было бы назвать «ритмическимъ».

Гребень, занятый полкомъ, раздѣленъ былъ на три участка, которые и обстрѣливались послѣдовательно. Снаряды прилетали парами,—одна шимоза и одна шрапнель, потомъ слѣдующая пара, потомъ слѣдующая... Затѣмъ огонь переносился на слѣдующій участокъ и т. д.

Адская машина эта работала часъ, два съ точностью хронометра, ни на іоту не отступая отъ заведеннаго порядка: ни чаще, ни рѣже, никакихъ перерывовъ и заминокъ... Выдержать такой огонь въ большой порціи никакая пѣхота не въ состояніи,—солдаты проникаются мыслью, что имѣютъ дѣло съ мертвой машиной, побѣдить которую они, вооруженные винтовками, не имѣютъ никакой надежды.

Какъ только на позицію стали падать снаряды, Карлуша отправился на свое мѣсто, на большой камень среди окопа. Тутъ-же усѣлся и Шура, хотя добродушный капитанъ нѣсколько разъ предлагалъ ему укрыться въ окопѣ. Отношенія ихъ, не смотря на то, что походная жизнь весьма способствуетъ сближенію людей, никакъ не могли урегуливаться. Капитанъ любилъ Шуру, любилъ его за молодость, за горячность, любилъ потому, что не было у него никого, къ кому бы онъ могъ привязаться. Къ Шурѣ относился онъ съ особой нѣжностью еще и потому, что онъ былъ сыномъ обожаемаго Михаила Павловича; тутъ не было желанія угбдить командиру полка, да такимъ путемъ и нельзя было ничего достигнуть у этого суроваго челоуѣка; въ той нѣжности, которую Карлуша проявлялъ по отношенію къ молодому Старшову, сказывалось уваженіе, почти благоговѣйное, какое чувствовалъ онъ къ отцу, и, быть можетъ, Шура былъ недалекъ отъ истины, когда въ минуты раздраженія говорилъ себѣ, что въ такомъ отношеніи къ нему стараго капитана есть что-то самоуничижающее, хамское,—„совсѣмъ такъ денщики старыхъ временъ любили и берегли барское дите“.

Это отношеніе раздражало Шуру. Ему, не смогря на то, что самъ онъ былъ очень далекъ отъ этого идеала, мечталось о неумолимо-строгомъ къ себѣ и подчиненнымъ начальникѣ и товарищѣ, о какомъ-то воплощеніи всѣхъ солдатскихъ добродѣтелей, тѣмъ-то въ родѣ средневѣковаго монаха-воина, какимъ былъ его отецъ. Увы, Карлуша мягкій, сентиментальный, менѣе всего подходилъ къ типу этого сорта людей и Шура сразу взялъ по отношенію къ нему тонъ высокомерный, шутилъ снисходительно, выговаривалъ часто и раздраженно, поминутно нарушалъ права своего начальника и, капризно отклоняя заботы и услуги капитана, въ то же время беззащитно эксплуатировалъ его доброту, чего, впрочемъ, самъ не замѣчалъ. Иногда становился онъ неумолимо жестокъ и ставилъ это себѣ даже въ заслугу, думая, что, поступая такъ, онъ приближается къ своему идеалу. Однажды серьезнѣйшимъ образомъ сталъ онъ доказывать Карлушѣ что пора ему выходить въ отставку, такъ какъ служить онъ будто-бы уже не въ состояніи; сконфуженный капитанъ попробовалъ было защищаться тѣмъ, что до пенсіи осталось ему дослужить лишь три года, но вызвалъ этимъ цѣлую бурю.

— Въ томъ-то и дѣло, — кричалъ Шура, — что разъ вы сами о себѣ такъ говорите, то ясно, что вы тутъ не дослуживаете даже, а доживаете...

По этому поводу Шура сталъ даже писать статью для „Военнаго Сборника“, но, не докончивъ, отложилъ, рѣшивъ, что съ такой статьёй лучше выступить по окончаніи академіи; онъ только намѣренъ былъ окончить академію генеральнаго штаба и уже думалъ и говорилъ о себѣ, какъ объ офицерѣ генеральнаго штаба, хотя никакихъ видимыхъ усилій къ достиженію своей цѣли не прилагалъ и увлекался чтеніемъ книгъ беллетристическаго содержанія, „жидовскаго направленія“, какъ выражался его отецъ. По поводу этихъ „жидовскихъ“ книгъ Карлуша пробовалъ было посовѣтовать Шурѣ не огорчать отца, но тотъ сразу его осадилъ, объявивъ, что у него „особые счеты съ отцомъ и вмѣшиваться въ эти отношенія онъ никому не позволитъ“, хотя на самомъ дѣлѣ „счетовъ“ не существовало никакихъ, вѣрнѣе существовали они лишь въ воображеніи Шуры, безсознательно стремившагося хоть такимъ путемъ сблизиться съ отцомъ, державшимъ его въ слишкомъ и слишкомъ большомъ отдаленіи отъ себя.

Удачная атака привела Шуру въ такое благодушное и благожелательное настроеніе, что онъ всѣмъ все простилъ, всѣхъ полюбилъ, даже Олянчука, даже Карлушу, но настроеніе это очень скоро, какъ только начали на позицію сыпаться снаряды, смѣнилось раздраженіемъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже. Шрапнель еще можно было бы вынести: полетъ ея слышенъ секунды двѣ, три, но этотъ вой обрывается неожиданно мягкимъ, густымъ выстрѣломъ, и хотя пули, падая на землю, поютъ на всѣ лады, но получается впечатлѣніе чего-то недодѣланнаго; за то шимоза приближается издали съ особымъ стономъ, все повышая и повышая голосъ и подъ конецъ запоетъ такими переливами, что одно мгновение слушателю кажется, будто ему сверлятъ самое темя буромъ; кончается эта музыка оглушительнымъ взрывомъ, отъ котораго звенить въ ушахъ. Хуже-же всего было то, что люди могли заранѣе опредѣлить моментъ, когда наступить ихъ чередъ получить свою порцію шимозъ и шрапнелей.

Отъ окопа очень скоро ничего не осталось. Солдаты лежали прямо на голой землѣ, ничѣмъ не закрытые, уткнувшись головой въ камень, въ кустикъ, или просто въ землю, стараясь ничего не видѣть и быть невидимыми, какъ будто шрапнель и шимоза имѣли глаза.

— Сѣли бы вы за камешекъ, право такъ...—робко, чуть не просительно, сказалъ капитанъ Шурѣ, но тотъ, находясь въ сильномъ возбужденіи, вспылить и наговорилъ Карлушѣ дерзостей.

Между тѣмъ стрѣльба продолжалась часъ, другой... Возбужденіе, въ которомъ первое время находился Шура, смѣнилось апатіей, сознаніемъ безысходности положенія; все существо его наполнилось чувствомъ безмѣрной, безпредѣльной тоски. Именно тоски, мучительной, подавляющей... Когда рвались снаряды, въ головѣ чувствовалась тяжесть, тупая, сильная боль, а, когда наступали минуты перерыва, голова начинала работать... Сотни, тысячи отрывочныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ образовъ, представленій и цѣлыхъ картинъ изъ прошлаго и будущаго, изъ возможнаго и невозможнаго лѣзали въ голову, все это кружилось, скакало, прыгало... Шура закрылъ лицо руками и не смотрѣлъ, не видѣлъ никого и ничего, но зналъ, что есть уже въ ротѣ и раненые, и убитые. Каждый разъ, когда кусокъ желѣза, свинца или мѣди билъ по человѣческому тѣлу, ему казалось, что онъ отличаетъ этотъ звукъ изъ тысячи другихъ; когда кто-нибудь вскрикивалъ отъ боли, и онъ чувствовалъ боль, какъ будто ударили его. Онъ узнавалъ и то, кого ударило и куда,—объ этомъ сообщалъ чей-то хриплый, одинокій голосъ. Сообщавшій такую новость бѣгло, дико выкрикивалъ слова, какъ будто исполнялъ формальность и не надѣялся вовсе на то, что его услышатъ, будто кричалъ онъ въ пространство, или въ пустынь, или въ аду, гдѣ нѣтъ людей, а безумствуютъ какія-то сверхъестественныя

существа. И каждый разъ Карлуша вынималъ изо рта китайскую трубочку со стекляннымъ мундштукомъ, снималъ шапку, крестился (Шура этого не видѣлъ, но зналъ, что это такъ) и неизмѣнно, торжественно громкимъ голосомъ говорилъ, — „царство небесное покойнику, пусть помолится за насъ!“ Эти простые слова раздражали Шуру и онъ мысленно обзывалъ капитана идиотомъ, кретиномъ и тому подобными именами и жалѣлъ себя за то, что ему приходится служить съ такимъ человѣкомъ. — „Интересно, сколько разъ повторить онъ эту фразу!“ — подумалъ Шура и сталъ было считать, но сбился со счета и бросилъ.

Становилось невыносимо!.. То одинъ, то другой солдатъ юднималъ голову и, дико озираясь, спрашивалъ, — „командиръ здѣсь?“ — „Здѣсь, здѣсь, ребяташки! лежи спокойно!“ — отвѣчалъ Карлуша, и эти слова, эта фигурка спокойно, совершенно открыто сидѣвшая на камнѣ, нѣкоторое время дѣйствовали на солдатъ успокоительно и они покорно лежали, ожидая своей участи. Но и это средство перестало дѣйствовать и люди, ползая на брюхѣ, стали, какъ тараканы, расползаться во всѣ стороны, ища закрытія. Шура къ этому времени совершенно ослабѣлъ; спазмы душили его и онъ со страхомъ, не будучи уже въ силахъ бороться съ собой, чувствовалъ, что вотъ-вотъ разрыдается. Въ этотъ-то моментъ раздался торжествующій, страшный голосъ, — „пѣхота, пѣхота идетъ“!

Въ тысячѣ или около того шагахъ отъ нашихъ окоповъ начинались гаоляновыя поля. Это было цѣлое море, которое слегка колыхалось, шумѣло и скрывало въ своей глубинѣ безчисленное множество невидимыхъ враговъ. Тамъ были тропинки, дороги, поляны, по которымъ, очевидно, двигались люди съ ружьями, съ пушками, и гаолянъ никогда не выдавалъ ихъ. Тысячи глазъ съ утра до вечера, напрягая всю силу зрѣнія, старались уловить хоть какое-нибудь предательское движеніе на этой зеленой поверхности, — все было напрасно, не помогали ни бинокли, ни трубы, ни воздушные шары, ни развѣдчики, которые, какъ только попадали въ эту чащу, тотчасъ же терялись, трусили и или гибли тамъ, или возвращались напуганные, съ рассказами фантастическими и невѣроятными.

Благодаря этому растенію, вѣрно служившему имъ, японцы имѣли возможность подойти скрытно, какъ угодно близко, и появлялись всегда неожиданно.

Изъ этого-то гаоляноваго моря, равнодушно, увѣренно улыбавагося, блестя на солнцѣ милліонами ярко-зеленыхъ листьевъ, выскакивали теперь маленькіе, игрушечные солдатики и быстро, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и

держа ружья на перевѣсъ, легкимъ, гимнастическимъ шагомъ, обгоняя другъ друга, стали подниматься по некрутому, каменистому скату горы къ окопамъ. Нѣсколько мгновений солдаты, какъ очарованные, смотрѣли на эту картину. Наконецъ-то борьба съ невидимымъ, неуловимымъ врагомъ кончится, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончится и борьба съ самимъ собой! Не будетъ ни гаоляна, ни артиллеріи, ни бомбъ, никто не вмѣшается въ борьбу человѣка съ человѣкомъ, простую звѣриную борьбу, грудь съ грудью! Какъ ни страшна была такая борьба, но она была понятнѣе, доступнѣе... и звѣрски-радостное, грозное „ура“ загремяло на позиціи. Въ отвѣтъ снизу раздались какіе-то крики,—враги привѣтствовали другъ друга и радовались предстоящей встрѣчѣ! Кто-то истерически закричалъ,—„въ штыки!“—и люди, не ожидая команды, вскочили, готовые бѣжать на встрѣчу этимъ маленькимъ, желтенькимъ солдатамъ.

— Назадъ! Ложись! кто приказалъ!—кричали ротные командиры, бѣгая по окопамъ.

Солдаты медленно, неохотно ложились, а потомъ вдругъ сразу попадали на землю, такъ какъ увидѣли, что неприятельская цѣпь тоже ложится, намѣреваясь, очевидно, обстрѣлять позицію ружейнымъ огнемъ.

Японцы открыли бѣглый огонь, и рѣдкіе, короткіе, двойные удары ихъ винтовокъ слились въ общую трескотню, какъ будто мальчишки завертѣли трещетками. Въ то же время неприятельская артиллерія, смолкшая было на минуту, напрягла всѣ свои силы и послала на нашу позицію вперегонку, въ безпорядкѣ десятка два-три шрапнелей, которыя рвались спереди, сбоку, сзади. Но это никого не испугало. Солдаты затаились, какъ охотники, боящіеся спугнуть дичь, и въ то же время хищно искали глазами затерявшихся среди камней и кустовъ маленькихъ, желтенькихъ враговъ своихъ.

Гаолянъ опять разступился и оттуда вышло еще много и прямо передъ позиціей, и правѣе, и лѣвѣе такихъ же игрушечныхъ солдатиковъ, но эти шли густо, почти вплотную другъ къ другу. Быстро, на ходу придя въ порядокъ, они двинулись тѣмъ же упругимъ, гимнастическимъ шагомъ на нашихъ.

— По полуротно!—крикнулъ капитанъ.—Вы командуйте второй, я первой!.. Собирайте свою полуроту!—кричалъ онъ Шурѣ, видя, что тотъ не знаетъ, что ему надо дѣлать.

Шура не успѣлъ ничего скомандовать. Ползкомъ, какъ кошки, со всѣхъ сторонъ, полѣзли къ нему солдаты и сгруппировались впереди, справа и слѣва, а онъ все еще не могъ придти въ себя и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, хотя стра-

за не чувствовалъ. Фельдфебель, очутившійся сзади него, распоряжался всѣмъ, и хотя говорилъ для чего-то шепотомъ, но въ выраженіяхъ не стѣснялся, обильно приправляя свою рѣчь крѣпкими словами. Шура сознавалъ, что все это дѣлается, для него, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не такъ, какъ должно было бы дѣлаться.—„Вѣдь я же здѣсь начальникъ! Возмутительный нахаль! Не даромъ я его всегда терпѣть не могъ!“—думалъ онъ про фельдфебеля. Нѣсколько разъ пробовалъ онъ взять команду въ свои руки, но все произошло такъ быстро, что, пока онъ собирался съ мыслями и приготавливался, дѣло кончилось, только и успѣлъ онъ нѣсколько разъ повторить команду за фельдфебелемъ, что было ему особенно обидно. Японцы были уже совсѣмъ, совсѣмъ близко. Маленькіе, ловкіе, они бѣжали, низко пригнувшись къ землѣ, испуская какіе то крики, и сотни блестящихъ, черныхъ глазъ сверкали страшнѣе штыковъ. Побѣжали они слишкомъ рано, не рассчитавъ, что бѣжать придется въ гору, и потому, запыхавшись, у самыхъ окоповъ стали замедлять шагъ, нѣкоторые отставали. Вдругъ раздался залпъ, затѣмъ другой. Изъ переднихъ почти никто не остался на ногахъ, но уцѣлѣвшіе не остановились и, увлекая заднихъ, побѣжали изъ послѣднихъ силъ. Добѣжали и остановились... Наши вскочили... Ихъ раздѣляло всего шаговъ 10—15, и все на мгновеніе замерло... Съ безумнымъ страхомъ въ глазахъ, не зная, какъ приступить къ убійству, люди смотрѣли другъ на друга. Шура видѣлъ прямо передъ собой фигуру офицера, т. е. о томъ, что это былъ офицеръ, узналъ онъ лишь потомъ отъ солдатъ, а тогда, въ самый моментъ, онъ видѣлъ пару большихъ, черныхъ глазъ; въ нихъ, въ этихъ глазахъ, было столько ужаса и чисто животнаго страха, что Шура не могъ не заразиться и тоже совсѣмъ съ головой потонулъ въ этой безднѣ человѣческаго паденія и страданія, и долго ничего, абсолютно ничего, кромѣ этихъ двухъ глазъ, не помнилъ и лишь постепенно къ этому впечатлѣнію стали пристегиваться подробности, слышанныя отъ другихъ участниковъ, которыя однако становились для него такими очевидными, какъ будто онъ видѣлъ все это самъ, но почему-то забылъ.

Кто-то крикнулъ „ура“, и наши солдаты съ бѣшенымъ крикомъ „ура“ бросились впередъ.

Атака была отбита. Солдаты бродили по позиціи, поднимая раненныхъ, обшаривая убитыхъ, такъ же, какъ дѣлали это утромъ, но Шура съ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ людей, какъ будто видѣлъ ихъ впервые. Солдаты были неузнаваемы, до того стали они смѣлы и рѣзки въ движеніяхъ и въ словахъ. Они не обращали вниманія на рѣзаныя раны

на рукахъ, на груди, на лицѣ; ихъ манера вытирать прямоладонями штыки и приклады, движеніемъ такимъ привычнымъ и спокойнымъ, какъ будто каждый день приходится имъ вытирать кровь, хохоть, съ какимъ напѣливали они на себя снятую съ убитыхъ японцевъ аммуницію,—все было необычно. Шура попробовалъ было попасть въ это настроеніе, уже знакомое ему, пережитое имъ утромъ, но не могъ; во-первыхъ, онъ еще не освободился отъ страха и ощущеній, испытанныхъ имъ за время, предшествовавшее удару въ штыки, а во-вторыхъ, и это главное—онъ не могъ опредѣлить своей роли въ этомъ второмъ, и тоже удачномъ для всѣхъ окружающихъ, дѣлѣ. Въ первомъ дѣлѣ онъ что-то сдѣлалъ самъ, и хотя не считалъ себя героемъ, такъ какъ даже не зналъ, закричалъ ли онъ первымъ, или вторымъ, или третьимъ, но сознавалъ себя со всѣми, со всѣми же и раздѣлилъ радость побѣды, а теперь при отбитіи атаки онъ оказался почему-то въ сторонѣ. Какъ это произошло, Шура не могъ понять и въ душѣ рѣшилъ, что виноватъ въ этомъ Макаръ Трофимовичъ, который „вѣчно суется не въ свое дѣло“.

Шурѣ непріятно было видѣть роту, этого большого, многоголоваго звѣря, который, какъ ему казалось, облизывался, сытый и довольный, и все-таки готовый на новыя звѣрства, и даже больше готовый, чѣмъ былъ до „завтрака“. Этотъ „завтракъ“ случайно пришелъ въ голову Шурѣ, но сердце его тотчасъ же наполнилось гордостью за себя, за то, что онъ понимаетъ то, чего другіе не понимаютъ, что все, происходящее кругомъ, звѣрство и что человѣкъ, принимающій участіе въ этомъ, звѣрветъ.

— Впрочемъ,—мысленно добавилъ онъ,—не всегда, много значитъ умѣть сохранить хладнокровіе, вотъ, напримѣръ, я...

Въ то же время онъ незамѣтно старался уйти въ сторону, боясь, чтобы на него не обратили вниманія, чтобы не спросили о чемъ-нибудь. Вдругъ онъ услышалъ сзади голосъ Карлуши, неестественно, истерично кричавшаго и ругавшаго кого-то. Понявъ, что Карлуша ругаетъ какого-нибудь солдата, Шура вообразилъ, что „они“, т. е. солдаты, сейчасъ же бросятся и растерзаютъ маленькаго, слабаго капитана. Эта дикая мысль, какъ молнія, мелькнула у него въ головѣ и, не отдавая себѣ отчета, онъ быстро обернулся и, на ходу вынимая шашку, бросился на крикъ. Группа солдатъ нехотя разступилась, пропуская громаднаго литвина, правофланговаго роты, и Карлушу, который продолжалъ осыпать литвина отборными ругательствами, не входившими вовсе въ обиходъ этого деликатнѣйшаго человѣка. Фельдфебель рысцой спѣшилъ къ мѣсту происшествія. Передавъ

провинившагося солдата на руки фельдфебелю и приказавъ что-то, Карлуша отправился искать батальоннаго командира. Шура, сконфуженный, незамѣтно, какъ ему казалось, вложилъ пашку въ ножны и подошелъ.

— Что случилось?

— Ничего, не извольте беспокоиться... Ихъ высокоблагородіе обидѣлись.. Такъ, пустое..—за всѣхъ отвѣтилъ ему фельдфебель, давая тономъ и мимикой понять, что дѣлать ему здѣсь нечего и нужно уйти.

Этотъ Макаръ Трофимовичъ всегда говорилъ съ солдатами грубымъ, начальническимъ тономъ, теперь же видъ его необычайно измѣнился,—онъ весь размякъ, раскраснѣлся и блаженно улыбался, какъ послѣ хорошей русской бани, и не только не „крестилъ“ отборной бранью виноватыхъ и имѣющихъ быть виноватыми, но говорилъ нѣжно, вразумительно.

— Дурачекъ ты, дурачекъ!—слышалъ Шура сзади себя голосъ Макара Трофимовича,—нешто можно при господахъ!..

Какъ узнавъ впослѣдствіи Шура, литвинъ этотъ вздумалъ допрашивать раненаго японца, тыча ему громаднымъ сапогомъ въ бокъ, что и взорвало Карлушу.

Между тѣмъ непріятельская артиллерія вновь стала обстрѣливать позицію. Солдаты нехотя, съ руганью ложились, нѣкоторые громко роптали на начальниковъ, не желавшихъ переходить въ наступленіе,—„того гляди опять прикажутъ отступать!.. наши нѣмцы-то“!.. злобно говорили они... Макаръ Трофимовичъ, все еще блаженно улыбаясь, бѣгалъ по позиціи и распоряжался, всей своей фигурой прося у солдатъ извиненія за начальство, которое не умѣло распорядиться, но которому,—что дѣлать?—приходится подчиняться. Мало-по-малу солдаты стали успокаиваться, раздѣлись безобидныя шутки, смѣхъ, стали ѣсть японскія галеты. По мѣрѣ того, какъ люди проникались сознаниемъ того, что дѣло свое они сдѣлали и сдѣлали его хорошо, начало чувствоваться утомленіе и многіе тутъ же заснули, не обращая никакого вниманія на огонь.

VII.

Шура тоже поѣлъ галеть, похлебалъ какой-то бурды, принесенной ему денщикомъ, и, какъ ни крѣпился, а незамѣтно сталъ засыпать. Оляничукъ накрылъ его шинелью и онъ, свернувшись калачикомъ и забывъ всѣ впечатлѣнія дня, почувствовалъ себя маленькимъ, счастливымъ, довольнымъ...

Когда его растолкали, онъ никакъ не могъ придти въ себя и не очнулся даже тогда, когда совсѣмъ близко раздались крики и выстрѣлы, а все сидѣлъ на землѣ и протиралъ глаза. Это была вторая атака. Она была отбита гораздо легче первой. Не подпуская непріятеля близко къ себѣ, роты открыли бѣглый огонь; японцы и не порывались энергично впередъ, а залегли и стали отвѣчать; затѣмъ одиночками, а потомъ и цѣлыми группами стали уходить въ гаолянъ. Никто не думалъ ихъ преслѣдовать,—всѣ были слишкомъ утомлены.

Солдаты лѣниво обмѣнивались замѣчаніями. Нѣкоторые пробовали снова заснуть. Но вдругъ точно искра какая-то пробѣжала по фронту,—передаваясь невѣдомыми путями отъ роты къ ротѣ, по всему фронту прошелъ слухъ объ отступленіи. Всѣ пришли въ крайнее возбужденіе. Сначала просто ожесточенно ругали начальство, но, когда солдаты замѣтили, что сосѣднія части начинаютъ уже отходить, къ чувству обиды присоединился еще страхъ за себя, чтобы не быть покинутыми, брошенными,—мало ли что бываетъ во время отступленій! Можетъ быть, гдѣ-нибудь на фронтѣ или во флангѣ японцы уже прорвались и грозятъ отрѣзать насъ?.. Нервы у всѣхъ напряглись до послѣдней степени.

— Карлуша, голубчикъ, пойдите, узнайте, въ чемъ дѣло, такъ нельзя! Вонъ другіе уже собираются, а мы все стоимъ и даже ничего не знаемъ,—просилъ Щура капитана, растерявшася и съ недоумѣніемъ смотрѣвшаго на то, что дѣлалось кругомъ.

Съ той же нѣмой просьбой солдаты засматривали ему въ глаза и только дисциплина и вѣра въ своего командира удерживали ихъ отъ не деликатныхъ вопросовъ и, быть можетъ, даже поступковъ. Карлуша не устоялъ, и, торопяся и спотыкаяся, пошелъ искать начальство.

Сомнѣній уже не было,—за исключеніемъ N-скаго полка всѣ войска, очевидно, получили приказъ объ отступленіи, всѣ готовились, шевелились; кухни, обозы безконечной вереницей потянулись на сѣверъ, артиллерія уже отходила, нѣкоторыя пѣхотныя части уже свернулись, другія намѣревались отступить, не сворачиваясь, въ боевомъ порядкѣ, одинъ только N-скій полкъ неподвижно оставался на своей позиціи. Почему?—этотъ вопросъ мучилъ cadaго солдата, cadaго офицера полка. Солдаты разныхъ ротъ перекрикивались, обмѣнивались новостями; офицеры не могли устоять на мѣстѣ и ходили изъ окопа въ окопъ, справляясь другъ у друга о причинахъ, задержавшихъ полкъ на позиціи, ругали, конечно, начальство, не стѣсняясь присутствіемъ солдатъ. Всѣ удачи этого дня отступили куда-то далеко назадъ пе-

редъ надвигавшейся опасностью. Шура опять почувствовалъ себя сконфуженнымъ за своего отца, который, очевидно, былъ виноватъ передъ полкомъ и потому, когда подошелъ къ нему товарищъ его, такой же молодой подпоручикъ, онъ, желая нѣсколько смягчить вину отца, сталъ ругать полкового адъютанта, который вдругъ сдѣлался фатишкой, нахаломъ, грубіяномъ, и теперь, вѣроятно, вмѣсто того, чтобы передать приказаніе, сидитъ гдѣ-нибудь и прохлаждается. Безусый подпоручикъ, занятый своими мыслями, слушалъ Шуру равнодушно, а въ концѣ его рѣчи махнулъ рукой,— всѣ, дескать, хороши! знаемъ мы ихъ!

Между тѣмъ вечерѣло. Солнце садилось. Оно уже скрылось за тучей и весь небосклонъ былъ объятъ громаднымъ пожаромъ; зрѣлище это повторялось ежедневно и при восходѣ, и при закатѣ солнца, и однако привыкнуть къ нему было трудно, до того оно было величественно, то того поражало своими необычно яркими, сильными красками. Въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, будто для того, чтобы поразить воображеніе людей, закатъ былъ особенно грандіозенъ. Солнце и туча, застилавшая горизонтъ на юго-западѣ и оттуда простершая одно мощное крыло на сѣверъ, образовали громадный костеръ бенгальскаго огня, освѣтившій всю мѣстность фантастическимъ краснымъ пламенемъ. Въ этой обстановкѣ, при этомъ освѣщеніи люди казались манекенами,—они ходили, махали руками, но физиономіи ихъ утратили обычное выраженіе и игру,—это были блѣдножелтыя лица мертвецовъ. За то настоящіе мертвецы, которыхъ было тутъ достаточно, словно ожили; одинъ хохоталъ отъ всей души, какъ хохочутъ зажмурившись, до слезъ; другой, схвативъ винтовку обѣими руками и впившись въ нее зубами, дѣлалъ страшное усилие, стараясь надкусить и сломать стальной стволъ пополамъ; тамъ двое схватились крѣпко-накрѣпко, продолжая борьбу, начатую при жизни и почему-то не оконченную...

Шура почувствовалъ ознобъ и видѣлъ, что и другихъ знобило. Всѣмъ стало холодно, всѣхъ передергивало, люди какъ будто заражались другъ отъ друга.

— Это возмутительно! и чего мы здѣсь стоимъ?—воскликнулъ Шура.

Никто ему не отвѣтилъ, всѣ съ тоской смотрѣли на войска, уходившія съ позиціи.

Наконецъ зашевелился первый батальонъ полка. Солдаты весело въючили другъ на друга разный хламъ и по-одиночкѣ группами сбѣгали внизъ; скоро весь батальонъ спустился, выстроился и пошелъ, а на пустой позиціи остался только одинъ солдатъ и долго искалъ что-то на землѣ; онъ, видимо, ничуть не боялся и, не торопясь, шарилъ въ окопѣ, перево-

рачиваль мертвыхъ. Чего ему было бояться? Онъ каждую минуту могъ бросить поиски, бѣжать съ позиціи и догнать роту,—никто не могъ ему запретить сдѣлать это, а люди, вынужденные стоять и все еще чего-то дожидаться, съ завистью слѣдили за нимъ.

— Вотъ дурень-то, нашелъ время искать!—не выдержалъ кто-то.

Наконецъ идетъ Карлуша. Онъ идетъ медленно, не торопясь,—это бросается въ глаза всей ротѣ.

— Ну, братцы, батальонъ нашъ въ аррьергардѣ!—горестно воскликнулъ всегда веселый барабанщикъ Красноперовъ,—и почему бы это!.. Завсегда намъ достается!..

Вполголоса солдаты начинаютъ безконечный споръ о томъ, сколько разъ и когда какой ротѣ приходилось быть въ аррьергардѣ, на охранѣ и т. п. Когда подходитъ Карлуша, неоконченный споръ прекращается, всѣ ждуть, что онъ скажетъ.

— Братцы!—говоритъ Карлуша, снимая фуражку,—на лѣвомъ флангѣ у насъ вышла нехватка! сбили нашихъ! приказано всѣмъ отступить, но сами вы видите, что идемъ мы въ порядкѣ, бояться нечего! Наша дивизія въ аррьергардѣ, нашъ полкъ послѣднимъ; эти роты, что ушли, далеко не уйдутъ; скоро и мы пойдемъ, на ночь наша рота въ охраненіе, а завтра насъ смѣнятъ. (Тутъ онъ возвышаетъ голосъ елико возможно). А за сегодняшнее дѣло начальникъ дивизіи приказалъ поблагодарить васъ, братцы!

Нестройно солдаты отвѣчаютъ свое „рады стараться“ и по выраженію ихъ лицъ видно, что они вполне удовлетворены объясненіемъ и успокоились.

На охраненіе,—пойдемъ и на охраненіе! мы отъ службы не отказываемся, было бы извѣстно, что требуется! говорили эти лица.

Однако отступить спокойно не удалось. Японцы замѣтили начавшееся отступление и густыя цѣпи ихъ двинулись на позицію, на которой кое-гдѣ еще оставались отдѣльныя роты, положеніе которыхъ становилось серьезнымъ, такъ какъ оказать сопротивление надвигавшимся массамъ непріятельской пѣхоты они не могли. Но и положеніе самихъ японцевъ было незавидное: цѣлый рядъ кровопролитныхъ, но неудачныхъ атакъ переутомилъ ихъ; пѣхота двигалась впередъ неуверенно, стрѣляя непрерывно и беспорядочно, какъ будто желая прогнать враговъ однимъ шумомъ. Это обстоятельство ободрило нашихъ солдатъ,—„ишь, трещитъ-то! Воронъ пугаетъ!“ острили они. Но гдѣ-то японцы вышли на уже очищенную позицію и оттуда послышались торжествующіе крики побѣдителей. Увѣрившись, наконецъ, что

русская армія дѣйствительно отступаетъ, японцы быстро пошли впередъ, грозя затопить, уничтожить опоздавшихъ. Пока отходили сосѣднія роты, Карлуша далъ нѣсколько залповъ, недружныхъ, нехорошихъ..

Японцы были уже шагахъ въ пятистахъ, когда 15-я рота получила приказаніе отступить. Побѣдители бѣжали въ разбродъ, махая ружьями, крича, стрѣляя, а рота, увидѣвъ вплотную врага, подобралась и медленно отходила назадъ. Солдаты стѣснялись прибавлять шагъ и, какъ нѣсколько минутъ назадъ торопились съ отступленіемъ, такъ теперь, наоборотъ, старались задержаться на позиціи. Нѣкоторые не выдерживали, прежде, чѣмъ спуститься, останавливались, припадали на одно колѣно, старательно прицѣливались и стрѣляли. Шура тоже, хотя не чувствовалъ никакой злобы къ врагу, остановился посмотрѣть на японцевъ,—слишкомъ ужъ обидно было ему такъ взять и уйти съ позиціи, на которой такъ успѣшно дрались цѣлый день.

Уже повернувшись, чтобы идти, Шура вдругъ увидѣлъ Олянчука, копошившагося около осла, на которомъ возился его багажъ. Хорошенькій лохматый осликъ, любимецъ всей роты, насторожился, и во всѣ глаза смотрѣлъ въ сторону быстро приближавшихся японцевъ.

— Дуракъ, иди скорѣе внизъ!—крикнулъ Шура.

Олянчукъ, не оглядываясь, продолжалъ возиться, сбросилъ, наконецъ, на землю вьюкъ и собрался усѣсться на осла.

—Какъ ты смѣешь!—крикнулъ Шура, возмущенный тѣмъ, что бросаютъ его багажъ и тутъ только замѣтилъ, что Олянчукъ разуть и со ступни его обильно течетъ кровь. Въ это время осликъ, не вздрогнувъ, опустился на всѣ четыре ноги, а Олянчукъ упалъ на него. Первымъ движеніемъ Шуры было броситься къ нему на помощь, но, неожиданно замѣтивъ, что на позиціи уже почти никого не осталось, что рота уже спустилась, онъ въ паническомъ страхѣ бросился бѣжать, оставивъ Олянчука на произволь судьбы.

Рота быстро спустилась внизъ,—вступила въ гаолянъ, свернула нѣсколько вправо и скоро вышла на какую-то дорогу, о существованіи которой не знали ни офицеры, ни солдаты, хотя и простояли по близости нѣсколько дней. Карлуша настаивалъ на томъ, чтобы рота шла цѣпью, но солдаты никакъ не могли справиться съ собой и то и дѣло сбивались кучей на дорогу. Беспорядокъ увеличивали раненые, встрѣчавшіеся на дорогѣ и присоединявшіеся къ ротѣ. Они брели, опираясь на винтовки и другъ на друга, молча перенося страданія, причиняемыя имъ каждымъ шагомъ, понимая, что было не до нихъ и заниматься ими ни-

кто бы не сталъ,—спасибо, что хоть не прогоняютъ отъ роты! Иногда то одинъ, то другой, выбившись изъ силъ и понявъ, что ему не уйти отъ своей судьбы, готовившей ему что-то страшное, неизвѣстное, валился на землю, непременно въ сторонѣ, чтобы не загоразживать дорогу и не мѣшать тѣмъ, которые еще могутъ идти, снималъ шапку и начиналъ молиться, — то была просьба о пощадѣ, обращенная не столько къ Богу, сколько къ людямъ, но люди торопились пройти мимо, избѣгали смотрѣть, не замѣчали упавшаго, и лишь нѣкоторые, проходя, бросали ему корку хлѣба, которую бѣдняга принималъ съ благодарностью и причитаніями, совсѣмъ такъ, какъ дѣлаютъ это придорожные нищіе.

Смеркалось. Солнце тонуло въ томъ самомъ морѣ, изъ-за котораго лилась кровь, и только громадное облако, уже черное на одномъ концѣ, другимъ своимъ краемъ, багрово-краснымъ, слабо освѣщало землю. Контуры мѣстности при такомъ освѣщеніи сдѣлались неузнаваемыми, къ тому-же рота какъ будто сбилась съ дороги; такъ думали солдаты, потому-что гаолянъ неожиданно кончился и дорога стала подниматься на пологую, песчаную сопку, покрытую мелкимъ орѣшникомъ. Передніе остановились, не зная, куда имъ идти. На самомъ дѣлѣ рота взяла вѣрное направленіе, чуть отклонившись къ востоку, но мѣстность была незнакомая, потому что солдаты, не замѣчая того, шли очень быстро, почти бѣжали, давно уже прошли мимо своей бывшей стоянки, и были далеко отъ нея. Карлуша, лучше другихъ ориентировавшійся, распорядился было идти прямо, но Макаръ Трофимовичъ убѣдилъ его сдѣлать привалъ, а тѣмъ временемъ послать людей на развѣдку.

Выполнить этого не удалось,—японцы уже поставили на бывшей позиціи батарею и стали огнемъ преслѣдовать отступавшія войска. Первая-же шрапнель разорвалась низко, прямо надъ кучкой солдатъ, столпившихся вокругъ Карлуши и фельдфебеля, разглядывавшихъ карту. Всѣ бросились въ разсыпную. Пять человѣкъ осталось на мѣстѣ.

— Въ порядкѣ! Въ порядкѣ! Это случайная!—успѣлъ только закричать маленькій капитанъ и въ ту же минуту упалъ на землю.

Нѣсколько человѣкъ подбѣжало къ нему. Шура тоже хотѣлъ подойти, но въ это время, какъ на зло, разорвалось еще нѣсколько шрапнелей, выходило, значить, что первая была не случайная, и солдаты бѣгомъ въ беспорядкѣ бросились вверхъ. Макаръ Трофимовичъ громовымъ голосомъ кричалъ:—носилки! носилки! но носилокъ никто не подавалъ. Санитаръ съ носилками, такими длинными, что конецъ ихъ волочился по землѣ, бѣжалъ впереди Шуры и, хотя Шура

дважды окликнулъ его, онъ даже не оглянулся. Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ нему, съ разбѣга ловко ударилъ его прямо по зубамъ и, вырвавъ носилки, потащилъ ихъ внизъ, а санитаръ только злобно выругался и продолжалъ бѣжать, увлекая за собой Шуру, сознававшего весь позоръ своего бѣгства. но никакъ не могшаго овладѣть собой и остановиться. Хватаясь за кусты, за жесткую колючую траву, поднимался онъ вверхъ, проклиная себя, свое малодушіе и въ то же время ясно представляя себѣ, какъ произошло бы все, еслибы вернулся онъ къ Карлушѣ: какъ разступятся солдаты и пропустятъ его къ носилкамъ, какъ капитанъ приподнимется на одной рукѣ и скажетъ ему, — „примите командованіе ротой“, — улыбнется по своему, жалко-жалко, и попроситъ, — „не обижайте моихъ людей“... — „Господи, какъ это мерako! — перебивалъ себя Шура, но, задыхаясь, продолжалъ идти вверхъ, а мысль, непрерывно работая, продолжала рисовать картины увлекательныя и соблазнительныя: какъ солдаты окружаютъ его, единственнаго своего начальника, заботами и вниманіемъ, какъ вывести онъ роту изъ тяжелаго положенія и какъ, наконецъ, командиръ полка, отецъ, поставленъ будетъ въ непріятную необходимость отличить его передъ прочими офицерами. Шура не сомнѣвался въ томъ, что это будетъ ему очень тяжело и онъ постарается сдѣлать это сухимъ и формальнымъ тономъ, но въ душѣ, конечно, онъ будетъ гордиться сыномъ и отношенія ихъ станутъ совсѣмъ другими; время отъ времени онъ будетъ требовать его къ себѣ и совѣтоваться съ нимъ о разныхъ служебныхъ, преимущественно полковыхъ дѣлахъ...

А самъ онъ продолжалъ идти, цѣпляясь за все, что ни попадало подъ руки, такъ какъ подъемъ, благодаря сумеркамъ, казался крутымъ и труднымъ. Выйдя наверхъ, Шура нѣсколько успокоился и присѣлъ. Человѣкъ шесть солдатъ медленно несли въ гору носилки съ раненымъ. Нести было тѣмъ труднѣе, что внизу было уже совсѣмъ темно. А раскаленный до-красна край тучи быстро темнѣлъ... еще немного и станетъ окончательно темно! Шура сталъ молить, просить кого-то, чтобы солнце остановилось, чтобы было еще свѣтло хоть полчаса!

Носилки убійственно медленно, какъ казалось Шурѣ, двигались вверхъ. Внизу въ гаолянѣ слышались какіе-то крики; Шура ясно слышалъ только слово — „братцы!..“ А Макаръ Трофимовичъ, какъ разъ подошедшій къ нему, слышалъ, — „братцы, рѣжутъ!“ Вдобавокъ опять нѣсколько шрапнелей! Удержать солдатъ уже не было возможности, и, еслибы они не были утомлены до чрезвычайности всѣмъ пере-

житымъ за этотъ день, то вся рота разбѣжалась бы такъ, что ее долго нельзя было бы собрать.

Самый звѣрскій, самый ужасный актъ на войнѣ, это преслѣдованіе отступающей арміи,—да еще артиллерійскимъ огнемъ! Шрапнели, шимозы грубо, цинично поютъ о торжествѣ побѣдителя, о томъ, что побѣжденному нѣтъ и не можетъ быть пощады, и бьютъ бѣгущихъ, беззащитныхъ, безсильныхъ сдѣлать хоть что нибудь. Тысячи, десятки тысячъ людей обращаются въ толпы животныхъ, которыхъ преслѣдуютъ и бьютъ на выборъ и которымъ не остается ничего другого, какъ только убѣгать и прятаться. Что другое могли они придумать? Разрозненные, ненавидящіе другъ друга до готовности при всякомъ поводѣ пустить въ дѣло штыкъ, пулю, подавленные сознаниемъ своей разобщенности и происходящаго отсюда ничтожества каждаго и всѣхъ вмѣстѣ, они могли такъ бѣжать десятки, сотни верстъ, бросая раненыхъ, давя отставшихъ, и останавливались только тогда, когда пресытившійся убійствомъ звѣрь уставалъ самъ и кончалъ преслѣдованіе. Шура бѣжалъ, пораженный этой безчеловѣчностью, которую почувствовалъ и понялъ. Рядомъ съ нимъ, тяжело сопя, шелъ хохоль, мрачный, всегда угрюмо молчавшій, запасный Полтавской губерніи, твердо стоявшій на томъ, что его „забрали не по закону“ (хохловъ дѣйствительно послали первыми вѣ наказаніе за бывшіе въ 901 году безпорядки) и потому мстившій своимъ „ворогамъ“ по своему, вродѣ того, напримѣръ, что стрѣлялъ онъ вверхъ, вмѣсто того, чтобы цѣлить туда, куда ему приказывали, и всѣ усилія Макара Трофимовича „вразумить“ его разбивались о несокрушимое упрямство этого „полтавецъ“. Даже онъ, совершенно безучастно относившійся ко всѣмъ перипетіямъ войны и чуть ли не радовавшійся посрамленію „враговъ“ своихъ, теперь вышелъ изъ себя.

— Шо-жъ вони не видять, що мы утекаемъ изъ ихъ проклятой Манчжуріи!

— Вотъ то-то оно и есть, что утекаемъ! Кабы ты, чертовъ хохоль, не утекалъ, ничего бы и не было,—отвѣтилъ ему Макаръ Трофимовичъ.

Хохла вдругъ взорвало. Онъ обернулся къ фельдфебелю, энергично выругалъ его и изо всѣхъ силъ швырнулъ ружье на землю такъ, что прикладъ разлетѣлся на куски. Потомъ повернулся и пошелъ.

— Ахъ, ты, разбойникъ! Ахъ, ты, волъ эдакій!—заревѣлъ на него Макаръ Трофимовичъ,—подними винтовку, тебѣ приказываю!..

Шура испугался и сталъ унимать расходившагося фельдфебеля, но Макаръ Трофимовичъ, хотя и слѣдовалъ почти-

тельно за Шурой, давая понять, что считаетъ, что командование ротой перешло къ нему, на уговоры не шелъ и хотѣлъ непременно „употребить силу“, такъ что Шура, боявшійся скандала, долженъ былъ на него прикрикнуть, послѣ чего старый солдатъ, ничуть не обидѣвшись, взявъ подъ козырекъ и отвѣтилъ — „слушаюсь, ваше благородіе!“ умышленно громко, чтобы слышали все окружающіе, чего Шура, впрочемъ, не понялъ.

Нандъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

Критика научныхъ понятій и ея значеніе для нашего міросозерцанія.

Въ то время, какъ у насъ идетъ тяжелая борьба за освобожденіе, въ Западной Европѣ совершается крупный переворотъ въ области теоретической мысли. Старыя догматическія истины подвергаются критической переработкѣ и наше научное міровоззрѣніе, съ такимъ трудомъ освободившееся отъ теологическихъ вліяній, входитъ въ новую фазу развитія. Въ настоящей статьѣ мы желаемъ познакомить читателя съ этимъ новымъ теченіемъ философскаго мышленія, не претендуя ни на полноту, ни на научную строгость изложенія, такъ какъ не имѣемъ въ виду специалистовъ. Желających ближе познакомиться съ затронутыми проблемами, мы отсылаемъ къ работамъ тѣхъ авторевъ, которые цитированы въ статьѣ.

Новое міровоззрѣніе, несомнѣнно будетъ, имѣть большое значеніе для освѣщенія многихъ вопросовъ исторіософіи и социологіи, которые въ настоящее время особенно интересуютъ и волнуютъ нашихъ читателей.

I.

Человѣческая мысль, послѣ долгихъ колебаній и скитаній въ своихъ поискахъ найти и понять сущность окружающаго насъ міра, приходитъ, наконецъ, къ убѣжденію, что такой сущности вовсе нѣтъ, и что позади міра, доступна нашимъ чувствамъ, міра видимаго и осязаемаго, нѣтъ другого, скрытаго міра. Единственная реальность это и есть то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ. Другой реальности, тайнаго, средневѣковаго пошлепон, вовсе нѣтъ. И это касается не только метафизическаго бытія по ту сторону нашего познанія, но и той реальности, которую до сихъ поръ давали намъ точныя науки, подъ вліяніемъ старыхъ пережитковъ философіи.

Это чрезвычайно важное завоеваніе человѣческой мысли появи-

лось послѣ долгой и упорной работы научной философской критики. Начиная съ первыхъ зачатковъ, человѣческой мысли, какъ они выражаются въ міросозерцаніи древнѣйшихъ народовъ, а также у современныхъ намъ дикихъ племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія культуры, мы видимъ, что человѣку какъ бы врождена идея двойственности всѣхъ видимыхъ явленій. Согласно этой идеѣ, то, что мы видимъ и осязаемъ, есть только проявленіе какой-то иной сущности, которую мы можемъ познать только при помощи умозаключеній, божественнаго откровенія или какого-либо особаго состоянія нашего духа, какъ экстазъ, сонъ, интеллектуальное созерцаніе и т. д. На примитивныхъ ступеняхъ развитія культуры идея эта принимаетъ грубыя формы антропоморфизма и анимизма. (Taylor. Начала культуры. R. Avenarius. Philosophie als Denken der Welt, gemäss d. Principe d. Kleinsten Kraftmasses). Современемъ она облекается въ формы философскихъ и «научныхъ» міровоззрѣній. Сущностью окружающаго насъ міра поочередно являются въ древности огонь, вода, воздухъ, арифметическія числа, движеніе, идеи и т. д. Въ нашей культурѣ эти идеи греческой философіи сливаются въ одно съ идеями христіанскаго міровоззрѣнія. Схоластическій методъ мышленія и безконечное толкованіе священнаго писанія арабскими, еврейскими и христіанскими учеными приучаютъ умъ человѣческій къ такому методу мышленія и укрѣпляютъ его въ этомъ направленіи. Въ священныхъ книгахъ средніе вѣка видѣли не то, что написано, а совершенно особый смыслъ. Это вѣчное исканіе другой сущности безъ сомнѣнія тяготѣетъ и на современной мысли. Средневѣковая мысль обращена была главнымъ образомъ на истолкованіе сущности какъ окружающихъ насъ явленій, такъ и историческихъ фактовъ. Человѣкъ жилъ какъ бы среди фантомовъ, созданныхъ его же собственной фантазіей, приспособляясь въ своей жизни больше къ этимъ фантомамъ, чѣмъ къ дѣйствительнымъ явленіямъ. Неудивительно послѣ этого, что и въ настоящее время понятіе сущности явленій такъ глубоко лежитъ въ нашемъ мышленіи, что нужны чрезвычайныя усилія ума, чтобы освободиться отъ него. Даже такой гениальный мыслитель, какъ Кантъ, сдѣлавшій чрезвычайно много для того, чтобы направить человѣческую мысль въ надлежащее русло дѣйствительныхъ явленій, и тотъ не могъ освободиться отъ идеи двойственности міра и упрочилъ понятіе вещей «самихъ въ себѣ» и міра «трансцендентнаго».

На правильную постановку вопроса имѣло первостепенное вліяніе прежде всего развитіе естествознанія въ XVIII и XIX вв., въ особенности же развитіе физики и химіи. Науки эти, будучи по существу своему связаны съ человѣческимъ опытомъ, заставляли изслѣдователя считаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ съ непосредственною дѣйствительностью. Онѣ приучали мысль человѣка на каждомъ шагѣ держаться дѣйствительности и приспособляться къ огромному

разнообразію природы, къ неожиданнымъ сочетаніямъ фактовъ. Все это нарушало прежнія привычки раціональнаго мышленія. Оказалось, что самый искусный силлогизмъ является непригоднымъ орудіемъ для добытія новыхъ научныхъ истинъ. Человѣческой умъ все болѣе и болѣе привыкалъ къ мысли, что міръ не созданъ по логическому плану, какъ это, напримѣръ, высказывалось въ теоріи Спинозы, и что истинное познаніе возможно только тогда, когда наука изслѣдуетъ всѣ частности явленій и приспособится ко всѣмъ особенностямъ дѣйствительности.

Первая попытка использовать методы естествознанія для философіи была сдѣлана Огюстомъ Контомъ. Мыслитель этотъ поставилъ ясную цѣль для науки. Онъ указалъ, что глубина научнаго изслѣдованія лежитъ не въ исканіи таинственной субстанціи вещей, а въ обнаруженіи всѣхъ связей даннаго явленія съ другими, съ цѣлью предвидѣнья будущихъ явленій: savoir pour prévoir. Хотя позитивная философія Конта и имѣла большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе мысли, однако же, вліяніе это было довольно поверхностнымъ, такъ какъ Контъ не коснулся чрезвычайно важной въ этомъ вопросѣ отрасли изслѣдованій, а именно теоріи познанія. Поэтому человѣческая мысль, встрѣчаясь съ новыми фактами и новыми требованіями науки, часто не могла уберечься отъ новыхъ метафизическихъ понятій. Метафизика, выгнанная черезъ дверь, возвращалась въ окно.

Эти новыя требованія науки состояли въ слѣдующемъ. Благодаря точному экспериментальному методу, наука обогатилась массой новыхъ фактовъ, которые имѣли огромное значеніе какъ для нея самой, такъ и для техники. Но вся эта совокупность знаній, касающаяся фактовъ и ихъ отношеній, требовала сплавляющаго цемента, чтобы превратиться въ одно стройное цѣлое. Мысль человѣческая не могла обойтись безъ центральной группировки знаній. И вотъ была создана кропотливой работой столѣтій цѣлая философско-научная система, связывавшая въ нашемъ умѣ разрозненные факты въ одно цѣльное научное міросозерцаніе. И тутъ-то старыя привычки метафизическаго мышленія опять всплыли наружу. При теоретической обработкѣ фактическаго матеріала проявилась старая идея двойственности окружающаго насъ міра. Наука создала міровоззрѣніе, разнящееся кореннымъ образомъ отъ непосредственно доступнаго намъ опыта. Въмѣсто видимыхъ явленій міра, она создала новый міръ, состоящій только изъ эфира, атомовъ и ихъ движеній. Такимъ образомъ, вновь выработался взглядъ, уже на основаніи данныхъ естествознанія, что за непосредственно доступнымъ намъ міромъ скрывается другой, истинную сущность котораго раскрываетъ намъ наука. Одинъ изъ этихъ міровъ—міръ видимый, со всѣмъ разнообразіемъ звуковъ, красокъ, свѣта и жизни. Другой — міръ науки, лишенный всѣхъ качествъ и состоящій исключительно изъ какой-то однообразной матеріи и ея движеній.

ни же изъ силъ и энергій, чего-то тоже недоступнаго непосредственному познанію. Изъ этихъ двухъ міровъ одинъ считается менѣе реальнымъ, чѣмъ другой. Эта меньшая реальность приходится, какъ и въ прежнихъ метафизическихъ системахъ, на долю того міра, который мы познаемъ непосредственно нашими ощущеніями.

Примирить противорѣчія, вытекающія изъ двойственности понятія о мірѣ, наука старалась слѣдующимъ образомъ. Мало по малу содалась теорія, что міръ, лишенный всѣхъ качествъ кромѣ механическихъ, и есть міръ реальный. Вся же качественная сторона его—это явленіе психологическое, рождающееся исключительно въ нашемъ духѣ. Видимый свѣтъ, ощущаемая теплота, звукъ и т. д. превратились теперь въ ощущенія звука, свѣта и теплоты. Объективной реальности въ этихъ ощущеніяхъ нѣтъ и, въ сущности, бытіе ихъ необъяснимо. Между объективнымъ міромъ механическихъ явленій и субъективной стороной бытія—психикой и сознаниемъ—образовалась непроходимая пропасть. «Еслибы существовалъ идеальный человѣческій духъ, обладающій всѣми возможными для человѣка познаніями, говоритъ Du Bois Raymond, то онъ бы зналъ всю механику міра. Будущее и прошедшее всѣхъ объективныхъ явленій было бы для него раскрыто. Однакоже онъ на основаніи своихъ данныхъ никогда не былъ бы въ состояніи познать возникновеніе сознания. (Du Bois Raymond: «Ueber die Grenzen des Naturerkennens»).

Этотъ научный взглядъ преобразовался еще дальше подъ вліяніемъ идеалистической философіи. Философія эта продолжала развиваться цѣлыя столѣтія рядомъ съ естествознаніемъ и почти независимо отъ него. Она учила, что міръ нашего опыта ни что иное, какъ иллюзія. Реальное же бытіе—трансцендентно. Обыкновенному опыту познаніе этого бытія недоступно. На почвѣ этой философіи выросла особая теорія воспріятій, которая состояла въ слѣдующемъ. Трансцендентныя, внѣшнія причины дѣйствуютъ на субъектъ и производятъ въ немъ извѣстныя ощущенія. Субъектъ же самъ, въ силу своей собственной природы, сочетаетъ и группируетъ эти ощущенія и составляетъ изъ нихъ предметы своего опыта (W. Wundt. Physiologische Psychologie).

Въ связи съ этой теоріей получила широкое распространеніе теорія познаваемости явленій реального міра, разработанная Гельмгольцемъ. Онъ утверждалъ, что видимые предметы—это не что иное, какъ только символы предметовъ трансцендентныхъ (H. v. Helmholtz. Vorträge und Reden 1884). Отношенія этихъ символовъ между собою таковы же, какъ и отношенія самихъ трансцендентныхъ вещей. Исслѣдуя отношенія символовъ между собою, мы можемъ такимъ образомъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о реальныхъ отношеніяхъ вещей. Такимъ только образомъ и дѣлается понятнымъ при данныхъ условіяхъ существованіе науки и невыбле-

мости ея законовъ. Но, какъ мы видимъ, по этой теоріи истинная суть вещей остается намъ недоступной даже при посредствѣ науки. Такимъ образомъ позади видимаго міра наука создала другой міръ, міръ эфира, атомовъ и движеній, недоступный непосредственному опыту. Но и этотъ научный міръ, въ свою очередь, по идеалистическимъ теоріямъ, тоже не настоящій міръ, а только проявленіе законности трансцендентнаго міра, еще болѣе недоступнаго познанію. Получилась какая-то метафизика въ квадратъ. Человѣческая мысль, конечно, не могла долго довольствоваться такимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ мировоззрѣнія. Пришлось изслѣдовать дальше, какъ возникаетъ у насъ познаніе качествъ предметовъ, отчего это познаніе имѣетъ меньшее значеніе для раскрытія истины, чѣмъ познаніе чисто механическое, отчего эти оба рода познаній кажутся намъ несоизмѣримыми и отчего ихъ нельзя свести къ одному началу, т. е. откуда происходитъ этотъ основной дуализмъ познанія и т. д. Однимъ словомъ, пришлось подвергнуть критикѣ и анализу теорію познанія, общепринятую со временъ Канта и провѣрить ея основанія (Riehl, Laas, K. Göring и другіе). Это дало толчокъ для дальнѣйшаго развитія философіи въ направленіи, указанномъ уже отчасти Кантомъ, а именно въ смыслѣ согласованія методовъ философіи съ методами точныхъ наукъ. Наука, какъ мы уже говорили выше, преобразовалась за два послѣднія столѣтія изъ рационалистической въ эмпирическую. Пришлось, сообразуясь съ этимъ фактомъ, изслѣдовать теорію познанія и психологію при помощи эмпирическаго метода. Психологія уже съ половины прошлаго столѣтія стремилась обосноваться на наблюденіи и опытѣ, подобно естественнымъ наукамъ (Т. Fechner, W. Wundt, Helmholtz и др.). При этомъ оказалось, что психика, для которой не находилось мѣста среди объективныхъ явленій міра, такъ же подчиняется строгимъ законамъ и такъ же доступна точнымъ методамъ изслѣдованія, какъ и явленія, называемыя механическими.

Такимъ образомъ создались историческія условія для возникновенія того направленія философіи, которое принято называть эмпирио-критицизмомъ и которое связано съ именами Р. Авенаріуса, Э. Маха и другихъ. Философія эта исходитъ изъ эмпирической точки зрѣнія и стремится использовать эмпирическій методъ изслѣдованія. Съ другой стороны, она отрицаетъ всякій догматизмъ и стремится критически провѣрить всѣ наши общія понятія, даже тѣ, которыя считались наукой и философіей самыми существенными и неоспоримыми. Почти одновременно съ этимъ новымъ направленіемъ философіи мы видимъ и въ естественныхъ наукахъ извѣстный поворотъ отъ старыхъ, сдѣлавшихся безплодными, взглядовъ къ новымъ. Новые изслѣдованія и новые факты, добытые физикой и химіей, не всегда укладывались удобно въ рамки старыхъ теорій и требовали расширенія и даже полнаго измѣненія этихъ теорій. Появилось сомнѣніе въ правильности теоретическихъ предпосылокъ науки. На-

чалась усиленная критическая проверка научныхъ понятій. Особенно сильнымъ толчкомъ въ этомъ направленіи было появленіе новой теоріи физики и химіи, а именно, вмѣсто атомистическо-механической теоріи энергетической. Стало яснымъ, что научное міровоззрѣніе и фактической матеріаль науки—двѣ вещи различныя. Въ то время, какъ первое можетъ мѣняться, второй остается постояннымъ. Критика научныхъ понятій далеко еще не закончена въ настоящее время, она связана съ именами Poincaré, Duhème, Маха и другихъ, создавшихъ новое направленіе въ наукѣ подъ именемъ *научнаго позитивизма*.

Исслѣдованія научнаго позитивизма и эмпирио-критицизма привели къ тому взгляду, что наука слишкомъ поспѣшно раздѣлила человѣческой опытъ на внутренней и вѣшной, субъективный и объективный (J. Kodis. Rzeczywistość i jej naukowe pojęcie. Przegl. fil. 1902). Проверка данныхъ, на которыхъ основано это раздѣленіе, показала, что нѣтъ никакихъ основаній для отрицанія міра нашего непосредственнаго опыта. Напротивъ того, міръ этотъ является единственной для насъ реальностью и наука въ этомъ отношеніи ничего не можетъ измѣнить. Роль науки сводится исключительно къ открытію новыхъ фактовъ, предвидѣнію будущаго и созданію для насъ возможности болѣе легкаго и удобнаго ориентированія въ окружающемъ насъ мірѣ, но никакъ не къ новому толкованію данныхъ непосредственной дѣйствительности. Отсюда и выросло научно-методологическое требованіе, сформулированное уже давно Гиргофомъ,—описывать, а не объяснять явленія. Міръ реальный это и есть то, что мы познаемъ непосредственно нашими ощущеніями, то, что мы видимъ, слышимъ, ощущаемъ и т. д., однимъ словомъ, полный и цѣльный человѣческой опытъ. Въ созданіи этого опыта соучаствуетъ самъ человѣкъ наравнѣ съ окружающей его средой. Каждая вещь и каждое явленіе нашего опыта составляетъ продуктъ двухъ факторовъ: насъ самихъ (человѣка) и окружающей среды. При анализѣ данныхъ нашего опыта нельзя исключить ни одного изъ этихъ факторовъ. Передо мной лежитъ роза. Я различаю красныйъ цвѣтъ ея, величину, тяжесть и форму. При анализѣ каждаго изъ этихъ качествъ нельзя упустить зависимости отъ наблюдающаго человѣка. Нельзя утверждать, что цвѣтъ розы зависитъ отъ устройства человеческого глаза и его нервной системы, а величина, вѣсъ и форма не зависятъ отъ организма человѣка, что поэтому первыя качества субъективны, а вторыя объективны. Напротивъ того, и эти послѣднія качества зависятъ отъ человѣка, какъ и первыя. Требовать, чтобы роза оставалась красной безъ человеческого глаза, который ее видитъ красной, значить требовать, чтобы данное явленіе—опытъ розы—осуществился безъ всѣхъ необходимыхъ для этого явленія условій. Также и механическія качества розы—ея величина и тяжесть—не могутъ быть реальностью, если они никогда не являются человѣческимъ опытомъ.

Въ обоихъ случаяхъ одинаково необходимо соучастіе организма и среды. Заблужденіе механическаго міровозрѣнія и состоитъ въ томъ, что оно упускаетъ изъ виду эту зависимость въ механическихъ качествахъ и рассматриваетъ ихъ, какъ нѣчто объективное. Мы не будемъ спорить о томъ, что между первыми и вторыми качествами есть извѣстная разница. Дѣленіе признаковъ на первичные и вторичные мы находимъ уже у Галилея. Локкъ развилъ это дѣленіе еще подробнѣе. Оно удержалось вплоть до Канта. Оно имѣетъ извѣстное основаніе, но совершенно другое, чѣмъ объективность и субъективность, реальность и иллюзорность. Особое значеніе пространственныхъ и механическихъ признаковъ для нашего познанія зависитъ, между прочимъ, отъ того, что вся наша сознательная дѣятельность, кромѣ мысли, есть механическая и связана съ движеніемъ. Построить какое либо явленіе изъ механическихъ признаковъ—для насъ значитъ поставить это явленіе въ параллель съ нашими собственными дѣйствіями, которыя для насъ понятны и ясны. Поэтому, чтобы уяснить себѣ какое-либо явленіе, мы стараемся создать себѣ механическую аналогію, и такимъ образомъ какъ бы продѣлать мысленно это явленіе, а тамъ, гдѣ мы не можемъ провести эту аналогію, явленіе намъ кажется непонятнымъ. Но тѣмъ не менѣе это свойство механическихъ явленій ничего общаго съ объективностью или субъективностью не имѣетъ и въ отношеніи нашего познанія оба рода качествъ, первичныя и вторичныя, должны стоять на одномъ уровнѣ, ибо они одинаково зависятъ, какъ отъ организма, такъ и отъ среды, какъ это уже указалъ Кантъ. Въ цѣльномъ нашемъ опытѣ механическія и не-механическія стороны сосуществуютъ. Обѣ эти стороны, взятая отдѣльно, не суть явленія первичныя, а результатъ аналитической мысли, абстрактныя понятія. Какъ красный цвѣтъ розы, такъ и ея вѣсъ, величина и форма составляютъ одно цѣлое и только при помощи абстракціи мы отдѣляемъ каждое изъ этихъ качествъ, какъ нѣчто самостоятельное. Съ механической точки зрѣнія главной задачей философіи ставилось: объяснить, какъ изъ механическихъ и матеріальныхъ явленій происходятъ явленія качественныя, психическія, какъ изъ механическихъ и матеріальныхъ факторовъ вырастаютъ столь богатая явленія человѣческаго сознанія. Теперь эта задача измѣнилась въ слѣдующую: какъ изъ цѣльнаго человѣческаго опыта образуются живыя аналитическія понятія, какъ матерія, механика, психика и т. д. (Riehl. Der Philosophische Kriticismus).

Пояснимъ эту точку зрѣнія на примѣрѣ свѣтовыхъ явленій. Въ окружающей насъ средѣ мы имѣемъ свѣтящіеся и освѣщенные предметы. При помощи абстракціи мы можемъ устранить въ нашемъ умѣ всѣ другія стороны этихъ предметовъ и рассматривать лишь одну эту сторону, касающуюся освѣщенія. Исследуя ее, мы замѣчаемъ, что освѣщеніе предметовъ передается не моме-

тально, а черезъ извѣстное время. Дальше замѣчаемъ отраженіе освѣщенія, интерференцію, поляризацию, преломленіе и т. д. Желая всѣ эти факты связать въ одно цѣлое и объяснить себѣ ихъ, мы опять абстрагируемъ отъ нихъ всѣ качества, а оставляемъ только одно, а именно, касающееся движенія или механическую сторону этихъ явленій. Объясняемъ мы себѣ эти явленія, принимая волнообразное движеніе чего-то въ пространствѣ. Такъ какъ мы не можемъ представить себѣ механическаго воздѣйствія черезъ пустое пространство, то и принимаемъ, что все пространство между источникомъ свѣта и освѣщеннымъ предметомъ наполнено невѣсомымъ веществомъ—эфиромъ. Анализируя этотъ рядъ нашего изслѣдованія, мы должны отличить, съ одной стороны, фактическія данныя, съ другой стороны, теоретическое объясненіе ихъ. Фактическія данныя остаются всегда неизмѣнными. Теоретическія же соображенія могутъ быть ложными, такъ какъ они не подтверждены эмпирически нашими ощущеніями, а являются лишь результатомъ нашихъ умозаключеній, которыя могутъ быть всегда ошибочными, пока они не провѣрены эмпирически. Но если допустить, что теорія наша вѣрна и отвѣчаетъ дѣйствительности, то и тогда она отерываетъ намъ одну сторону явленій и никакимъ образомъ не можетъ замѣнить намъ остальныхъ. Кромѣ этой механической стороны, связанной съ движеніемъ, которую мы выдѣлили изъ цѣлаго явленія, при помощи абстракціи, есть еще другія, а именно всѣ качественныя явленія, называемыя ощущеніями свѣта. Эти послѣднія стороны важны для насъ также, если не больше, какъ и механическія. Какъ механическая, такъ и не-механическая сторона въ одинаковой степени субъективны и объективны, ибо одинаково зависятъ какъ отъ наблюдающаго «я», такъ и отъ окружающей его среды. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія разсматривать свѣтовые явленія, какъ реальности только посколькѣ онѣ механичны, другую же сторону считать не больше, какъ иллюзіей.

Но, какъ быть, скажетъ читатель, съ разложеніемъ бѣлаго цвѣта на семь цвѣтовъ радуги. Не указываетъ ли тутъ экспериментъ на существованіе иной, скрытой дѣйствительности, чѣмъ наша непосредственная? Совсе нѣтъ. Если бѣлый цвѣтъ и является результатомъ смѣшенія двухъ комплементарныхъ цвѣтовъ, то это никоимъ образомъ не говоритъ о нереальности бѣлаго цвѣта. Оба эти явленія одинаково реальны и нѣтъ причинъ считать одно изъ нихъ менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ другое. Призма измѣняетъ бѣлый лучъ свѣта на семь другихъ. Это значитъ лишь то, что, вводя новое условіе (т. е. призму) въ нашъ опытъ, мы замѣняемъ первичный опытъ другимъ. Конечно, мы не отрицаемъ, что непосредственное ощущеніе можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ въ некоторыхъ условіяхъ названо ошибочнымъ. Каждое наше ощущеніе можетъ быть иногда обманчивымъ, т. е. введено различ-

ными явлениями, для него не специфичными. Напримеръ, бѣлая стѣна подъ вліяніемъ принятаго яда можетъ намъ показаться желтой. Но отъ этого еще далеко до идеи, что все видимое есть иллюзія. Въ нашемъ опытѣ мы никогда почти не полагаемся на одно ощущеніе, а подвергаемъ его контролю другого или другихъ ощущеній. Кромѣ того нашъ индивидуальный опытъ мы контролируемъ при помощи опыта другихъ людей и такимъ образомъ получаемъ устойчивое понятіе относительно «реальности» или «иллюзорности» нашихъ ощущеній.

Одной изъ такихъ классическихъ ошибокъ нашихъ ощущеній является видимое вращеніе солнца вокругъ земли. Но и эту ошибку мы исправляемъ при помощи опыта, если и не своего, то опыта другихъ людей—астрономовъ. Представимъ себѣ, что въ пространствѣ мы имѣемъ два тѣла, движущіяся одно около другого, и что никакого третьяго тѣла нѣтъ. Тогда, конечно, нѣтъ никакой возможности сказать, которое изъ двухъ тѣлъ вращается вокругъ другого.

Какъ разъ такой случай мы имѣемъ для обыкновеннаго наблюдателя съ землей и небеснымъ сводомъ. Пока у насъ нѣтъ никакого другого опыта и мы видимъ лишь землю и небо съ солнцемъ и звѣздами, до тѣхъ поръ намъ естественно принимать, что сводъ небесный движется вокругъ земли. Условія нашего опыта измѣняются, когда этотъ небесный сводъ перестаетъ быть для насъ плоскостью, а вслѣдствіе тщательнаго наблюденія движенія отдѣльныхъ звѣздъ, вслѣдствіе измѣренія величины ихъ и разстоянія отъ земли превращается въ огромное пространство,—тогда нашъ опытъ расширяется и мы получаемъ новыя точки опоры въ пространствѣ для правильной оцѣнки соотношенія земли и солнца.

II.

Съ точки зрѣнія теоріи познанія весь міръ распадается на два рода явленій: къ первому роду принадлежатъ вещи, ко второму—мысли. Ничего средняго или третьяго въ мірѣ нѣтъ. Какъ вещи, такъ и мысли являются, конечно, въ ихъ качественной окраскѣ, но качества эти никогда не существуютъ самостоятельно, а лишь въ связи съ вещами или мыслями. Извѣстная часть нашихъ мыслей имѣетъ соответствующіе объекты среди вещей: это мысленное воспроизведеніе этихъ вещей,—например, «мой домъ». Другая же часть нашихъ мыслей не имѣетъ соответствующихъ ей вещей: это наши понятія, напримеръ, «домъ» вообще. Они образуются, какъ мы увидимъ это ниже, при помощи отвлеченія отъ вещей извѣстныхъ качествъ и ихъ отношеній. Кореннымъ заблужденіемъ человѣческаго познанія было во все время существованія человечества стремленіе придать всѣмъ нашимъ мыслямъ вещественный характеръ, т. е. создать и для нашихъ понятій соответствующіе

объекты среди вещей. Въ этомъ стремленіи и лежитъ, какъ это уже давно замѣтили позитивисты, главный источникъ метафизики. При помощи этого «метода» человекъ населилъ небо и землю мифическими существами, съ одной стороны, съ другой—онъ удвоилъ видимый міръ, какъ внутренній и внѣшній, объектъ и субъектъ, психическій и физическій и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, разъ мы имѣемъ передъ собою извѣстный предметъ, а съ другой стороны, составимъ себѣ извѣстное понятіе относительно этого предмета, напримѣръ, субстанцію его, и если обоимъ придадимъ вещественный характеръ, то, понятно, намъ придется помѣстить одну вещь въ другую и, такимъ образомъ, удвоить одинъ видимый предметъ. Чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по ступенямъ человѣческой культуры, тѣмъ проще выступаетъ передъ нами эта двойственность, и наоборотъ, съ развитіемъ культуры, дуализмъ принимаетъ болѣе утонченныя формы и, наконецъ, подъ влияніемъ философской критики въ нѣкоторыхъ областяхъ нашего знанія постепенно исчезаетъ. Культура нашей эпохи стоитъ еще на полѣ-дорогѣ этого процесса яснаго и сознательнаго раздѣленія въ нашемъ умѣ вещей отъ мыслей. Поэтому наша современная мысль еще въ сильной степени проникнута метафизикой. Наши понятія, какъ научныя, такъ и обыденныя, сплошь и рядомъ носятъ этотъ метафизическій характеръ индивидуальнаго бытія. Общія научныя понятія, какъ, напримѣръ, понятіе силы, матеріи, массы, энергіи, класса, вида и т. д. становятся даже вещами высшаго порядка по сравненію съ вещами нашего опыта. Такой, напримѣръ, крупный ученый, какъ Оствальдъ, понимаетъ энергію, какъ нѣчто субстанціональное,—какъ вещь, но только вещь высшаго порядка.

Вспомнимъ дальше, какую роль играло донаучное понятіе силы въ физикѣ. Это было что-то таинственное, мистическое, похожее на то чувство, которое испытываетъ человекъ при преодоленіи физическихъ препятствій. Это былъ какъ бы рычагъ, движущій весь міръ. Благодаря силѣ, инертная матерія совершаетъ безконечную эволюцію. На этомъ понятіи силы покоилось много метафизически-философскихъ воззрѣній и даже теологическихъ надеждъ, пока, наконецъ, научная критика не освободила это понятіе отъ присущаго ему антропоморфизма и не свела его къ простой формулѣ, выражающей отношеніе массы и ускоренія.

Олицетвореніе или гипостазированіе общихъ понятій встрѣчается во всѣхъ наукахъ. Такъ, въ физикѣ и химіи мы имѣемъ дѣло съ матеріей, массой, энергіей, какъ съ самостоятельнымъ бытіемъ, родственнымъ человѣческимъ субъективнымъ качествамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ понятія эти получаютъ самостоятельное существованіе, которое какъ бы связано механически съ вещами нашего опыта. Такъ, мы говоримъ, что всѣ предметы матеріальны, что они подвергнуты дѣйствию энергіи и т. д. То же самое мы имѣемъ въ биологіи въ понятіи вида, а въ психологіи въ понятіи сознанія и т. д.

Понятіе вида, образовавшееся въ цѣляхъ группировки живыхъ существъ по сходству ихъ качествъ, приобретаетъ, вслѣдствіе некритическаго употребленія его въ наукѣ, значеніе чего-то существующаго самостоятельно, индивидуально. «Въ интересахъ вида природа прибѣгаетъ къ такому-то способу оплодотворенія», говоритъ зоологъ, употребляя понятіе «вида» въ метафизическомъ, платоновскомъ смыслѣ. Такимъ же образомъ оперируютъ и съ понятіемъ природы. «Природа», «видъ», это тѣ же платоновскія идеи. То же самое можно сказать и по отношенію къ «сознанію» въ психологіи. Въ понятіи этомъ заключается почти все, что раньше включали въ понятіе души. Психологъ говоритъ о немъ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, самостоятельномъ, внутреннемъ, о чемъ-то, что соединено съ матеріальнымъ бытіемъ и можетъ быть разъединено съ нимъ. Живой человѣческій организмъ является въ этомъ случаѣ не такимъ единымъ и цѣльнымъ бытіемъ, какимъ мы его находимъ въ нашемъ опытѣ, а искусственнымъ слѣпкомъ изъ двухъ частей, совершенно разнородныхъ и несоевмѣримыхъ: матеріальной и психической.

Такимъ же гипостазированнымъ понятіемъ, играющимъ большую роль какъ въ наукѣ, такъ и въ обыденной жизни, является понятіе причинности. Какъ извѣстно, однимъ изъ источниковъ этого понятія служатъ понятія субстанціи. Поэтому причину понимаютъ также какъ активную субстанцію, какъ какой-то внутренней двигатель явленій. Научная критика придаетъ этому понятію гораздо болѣе скромное значеніе. Причинность обозначаетъ адѣсь только необходимую послѣдовательную связь двухъ явленій («Die Notwendigkeit der Aufeinanderfolge zweier Erscheinungen». Kant). Въ точныхъ же наукахъ въ настоящее время понятіе причинности устраняется совсѣмъ и замѣняется болѣе точнымъ понятіемъ функциональной зависимости. (J. Kodis. W sprawie eliminacji metody przyczynowej. Przegl. fil. 1907). При прежнемъ пониманіи причинности причина сохранялась и заключалась въ слѣдствіи. Ее нужно было открыть, чтобы явленіе считалось объясненнымъ. Возьмемъ, на примѣръ, случай нагрѣванія желѣза при ударѣ по немъ молотомъ. Ударъ молота, говорятъ, является причиной нагрѣванія желѣза. Но какъ это объяснить себѣ? Какимъ образомъ ударъ производитъ теплоту? Какая внутренняя связь между ударомъ и теплотой? И вотъ мы ищемъ въ слѣдствіи, — теплотѣ желѣза, — прежнюю причину, — движеніе молота, — и находимъ ее въ гипотетическомъ движеніи молекулъ желѣза, которое считаемъ теплотой. Явленіе становится объясненнымъ. Дѣло представляется иначе, если мы подойдемъ къ этому явленію чисто описательнымъ путемъ. Послѣ удара получается теплота. Движеніе молота прекратилось и появилось нагрѣваніе желѣза. Въмѣсто исканія причины, мы констатируемъ лишь функциональную связь удара и теплоты и стараемся выразить это количественно въ формулѣ (E. Mach. Principien der Wärmelehre). То же встрѣчается въ химіи. Если отъ

взаимодѣйствія двухъ химическихъ тѣлъ получается третье, то обыкновенно предполагается дальнѣйшее существованіе въ скрытомъ видѣ въ новомъ тѣлѣ двухъ прежнихъ, что и выражается химической формулой, обозначающей составъ тѣла. Очевидно, и тутъ причина предполагается существующей дальше въ новомъ тѣлѣ.

Такая же метафизика кроется и въ понятіи развитія и эволюціи. Въ исторіи даннаго индивида мы видимъ обыкновенно нѣчто постоянное, глубоко скрытое подѣ измѣняющимся морфологическимъ покровомъ и лишь на высшей точкѣ своего развитія открывающееся, какъ совершенный организмъ. Возьмемъ, какъ примѣръ, развитіе лягушки. Въ началѣ мы имѣемъ оплодотворенное яйцо, затѣмъ морула, гастрюла, головастика съ наружными жабрами, головастика хвостатаго безъ наружныхъ жабръ, превращающагося, наконецъ, въ маленькую лягушку. Во всѣхъ этихъ фазахъ мы видимъ какъ бы позднѣйшую лягушку въ скрытомъ или потенциальномъ состояніи, что-то въ родѣ идеи лягушки или души, старающейся каждый разъ сбросить съ себя временный покровъ и «развиться» въ настоящую лягушку. Эмбриологія долгое время старалась видѣть въ зародышѣ взрослый организмъ, но только весьма малыхъ, микроскопическихъ размѣровъ (epigenesis). Ту же, въ сущности, идею встрѣчаемъ мы у Дарвина, когда онъ старается уяснить себѣ наследственность, предполагая, что въ зародышной клеткѣ находятся всѣ свойства даннаго индивида, заключенныя въ отдѣльныя матеріальныя частицы (pangenesis). То же мы видимъ и въ теоріи Вейсмана, Де Фроса и другихъ. Вездѣ проглядываетъ та же метафизическая идея содержанія въ настоящемъ организмѣ будущаго, въ скрытомъ видѣ. Въ особенности идея эта ясно представляется въ развитіи человѣка. Съ самаго зачатія мы видимъ въ немъ не то, что есть, а нѣчто другое, что появится современемъ.

Непредубѣжденный взглядъ, свободный отъ метафизическихъ вліяній, видитъ въ каждой стадіи «развитія» самостоятельное существо, живущее само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ будущему или прошедшему, обыкновенно хорошо приспособленное къ своей средѣ. Оно такъ же автономно и индивидуально, какъ и «развитое» существо. Каждая его новая фаза является, какъ измѣненіе настоящей, вслѣдствіе воздѣйствій среды и реакціи организма на эти воздѣйствія, подобно тому, какъ изъ воды дѣлается ледъ или паръ подѣ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ развитія чего-то старательно скрытаго отъ насъ, а лишь измѣненіе видимаго организма, стоящаго въ функциональной связи съ своей средой (температура, давленіе, питаніе, свѣтъ и т. д.).

Близко стоять къ этой категоріи метафизическихъ понятій требованія объясненія явленій посредствомъ разложенія ихъ на элементы. Всякое явленіе нашего опыта предполагается сложнымъ нѣтъ болѣе или менѣе скрыто пребывающихъ въ немъ простыхъ явленій. Вода въ стоящемъ предо мной стаканѣ разсматривается,

согласно этой точкѣ зрѣнія, не только какъ вода, а какъ составъ двухъ другихъ элементарныхъ тѣлъ—кислорода и водорода, которые, въ свою очередь, состоятъ изъ атомовъ. Непредубѣжденный метафизикой взглядъ видитъ въ водѣ явленіе самостоятельное, простое и не сложное изъ элементовъ. Конечно, при измѣненіи условій ея существованія, мы можемъ уничтожить эту воду и получить вмѣсто нея кислородъ и водородъ въ извѣстной пропорціи, но это далеко не значитъ, что они содержатся въ скрытомъ видѣ въ водѣ. Съ измѣненіемъ условій въ опытѣ «вода» варьируется и получается нѣчто другое. При прежнемъ взглядѣ даннаго намъ въ опытѣ явленія считались чѣмъ-то не существующимъ и требующимъ выясненія посредствомъ другихъ явленій, самостоятельное существованіе которыхъ никогда намъ не дано въ опытѣ или которыя вообще не доступны опыту. Такъ, напримѣръ, никогда намъ не даны въ опытѣ отдѣльно существующія ощущенія. Мы же разлагаемъ въ психологіи всю психику именно на простыя ощущенія. Ни воля, ни чувство, ни представленія не появляются никогда обособленными, а всегда въ связи другъ съ другомъ. Мы же оперируемъ постоянно этими понятіями, какъ бы самостоятельными, существующими отдѣльно.

Поэтому понятіе анализа въ примѣненіи къ дѣйствительности имѣетъ метафизическій характеръ, поскольку оно предполагаетъ возможность разложенія даннаго явленія на самостоятельные элементы иного характера, чѣмъ сама разлагаемая вещь. Въ понятіи анализа кроется метафизическая идея скрытаго состоянія другого явленія въ данномъ и несущественности видимаго.

III.

Съ догматической точки зрѣнія теоретическая сторона науки не можетъ быть иною, чѣмъ она есть, такъ какъ она вытекаетъ изъ непреложныхъ законовъ, открытыхъ наукой. Философская, критика однакоже указываетъ намъ, до какой степени постройка науки искусственна и до извѣстной степени произвольна. Творчество ученаго очень близко къ творчеству художника, какъ это не разъ уже указывалось. Даже то, чѣмъ наука справедливо гордится,—а именно ея точность, сопряжено съ большой дозой произвольности. Даже такія, казалось бы, точныя приемы науки, какъ, напримѣръ, количественное опредѣленіе явленій, связаны съ массой условныхъ данныхъ, гипотезъ и предположеній. Возьмемъ, напримѣръ, такой простой фактъ, какъ измѣреніе температуры. Оно основывается на пропорціональномъ расширеніи тѣлъ съ увеличеніемъ теплоты. Пропорціональность эта существуетъ въ довольно узкихъ границахъ. Кромѣ того, такое измѣреніе не примѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при увеличеніи калоріи температура не повышается

(случай скрытой теплоты). Стало быть, мы имѣемъ здѣсь условность границъ измѣренія теплоты и гипотезу скрытаго состоянія ея. Прямое измѣреніе качествъ намъ не доступно, кромѣ одного—протяженія, да и то опять въ узкихъ границахъ. Наука требуетъ массы усилий, массы теоретическихъ соображеній, чтобы представить количественное отношеніе вещей между собою. Потребность измѣренія глубоко проникаетъ все строеніе науки. Даже такія основныя понятія, какъ, напримѣръ, теплоты, электричества и т. д. зависятъ всецѣло отъ способовъ измѣренія ихъ. При одномъ способѣ измѣренія — теплота можетъ быть рассматриваема, какъ вещество, при другомъ—какъ энергія. То же самое можно сказать по отношенію къ электричеству. Если его рассматриваютъ въ настоящее время, какъ энергію, то это зависитъ отъ чисто случайныхъ способовъ измѣренія, примененныхъ въ началѣ (E. Mach. Principien der Wärmelehre). Огромную роль при образованіи научныхъ понятій играетъ стремленіе координировать между собою два или болѣе ряда различныхъ явленій. Такъ, напримѣръ, аналитическая геометрія возникла изъ стремленія координировать аналитическія величины съ геометрическими. Понятіе иррациональности въ математикѣ появилось вслѣдствіе потребности координировать геометрическія величины съ арифметическими. Еще пифагорейцы нашли, что если сторона квадрата равна единицѣ, то діагональ этого квадрата нельзя выразить никакимъ числомъ. Такъ какъ, однако же, діагональ эту требовалось чѣмъ нибудь выразить арифметически, то и пришлось употребить выраженіе $\sqrt{2}$, т. е. создать числовое понятіе, которому нѣтъ въ дѣйствительности никакого соответствующаго числа, ни цѣлаго, ни дроби. (J. Koidis. Irrracjonalność pojęć, jako źródło metafizyki. Prz. fil. 1906).

Наука не всегда вполне сознательно создавала эти искусственныя понятія. Часто случается, что новое научное понятіе выплываетъ какъ будто само собой изъ историческихъ условій мысли. Для самаго его автора оно представляетъ загадку, какъ что-то мистическое, чуждое его обыкновенному мышленію. Такъ, именно, случилось, напримѣръ, съ понятіемъ иррациональности или π -нымъ измѣреніемъ въ геометріи. Такое понятіе кажется мыслителю не плодомъ его творчества, а даннымъ изъ міра объективнаго, но недоступнаго его прямому опыту. Эта способность научныхъ понятій возникать какъ бы самобытно и служить причиной множества метафизическихъ идей въ наукѣ. Такія понятія создаютъ иллюзію раскрытія истины, лежащей по ту сторону человеческого опыта. Исслѣдованіе генезиса научныхъ понятій въ послѣднее время впервые кладетъ основаніе для правильной оцѣнки ихъ и для устраненія связанной съ ними мистификаціи.

Все вышесказанное относится къ понятіямъ, образовавшимся и преобразовавшимся въ самой наукѣ. Масса заблужденій вытекаетъ изъ того, что забываются условность этихъ понятій и ихъ взаим

ная зависимость. Но вѣдь въ началѣ развитія науки уже были готовые понятія, ввѣтыя изъ обыденной жизни. Въ началѣ своего развитія наука не была критической и пользовалась свободно тѣмъ матеріаломъ, который она нашла уже готовымъ. Такимъ образомъ въ нее проникло много понятій до-научнаго періода. Понятія эти были гипостазированы и таковыми проникли въ науку. Въ наукѣ же они только тогда подверглись критикѣ, когда появилась неотложная необходимость этого. При этомъ не каждый ученый одинаково чувствуетъ эту необходимость, что въ свою очередь зависитъ отъ его теоретической подготовки. Хотя онъ и сознаетъ иногда неудовлетворительность результатовъ своей работы, однакоже не всегда приходитъ ему въ голову мысль искать причины этой неудачи въ томъ, что онъ не-критически пользовался понятіями. Научныя изслѣдованія идутъ обыкновенно въ началѣ въ чисто практическомъ, объективномъ направленіи, и только потомъ уже наступаетъ фаза анализа понятій. Такъ, напримѣръ, долгое время наука пользовалась не-критическимъ понятіемъ души. Отсюда произошелъ живо-трепещущій вопросъ объ отношеніи души и тѣла, вопросъ, который стоилъ наукѣ столькихъ усилій и который никогда не былъ и не могъ быть рѣшеннымъ. Даже такой мыслитель, какъ Декартъ, и тотъ, вмѣсто анализа понятій физическаго и психическаго начала, указывающаго относительность обоихъ понятій, предпочелъ искать мѣсто въ тѣлѣ, гдѣ бы воздѣйствіе души на тѣло казалось менѣе противорѣчивымъ. Мѣстомъ этимъ, по его мнѣнію, должна быть *glandula pinealis*. Тутъ пребываетъ душа и тутъ происходитъ воздѣйствіе ея на физическую сторону человѣка. Теоретическій анализъ понятій сдѣлалъ бы излишними подобныя предположенія.

Теоретическая сторона науки не представляетъ такого логическаго построенія, въ которомъ каждая часть была бы приспособлена къ другой и гдѣ бы все вмѣстѣ соответствовало строгой дѣятельности. Наоборотъ, теоретическая постройка науки это—процессъ историческій, въ которомъ случайныя условія играютъ важную роль и въ который входятъ понятія изъ разныхъ культурныхъ эпохъ и изъ разныхъ ступеней умственнаго развитія чело-вѣчества, оставаясь долгое время нетронутыми критикой. Весь этотъ метафизическій балластъ лежитъ тяжелымъ бременемъ на наукѣ и можетъ быть терпимъ въ ней только известное время. Рано или поздно должна наступить такая фаза развитія, когда наукѣ волей-неволей приходится освободиться отъ этого балласта, который вмѣсто содѣйствія тормозитъ свободное развитіе науки. Отсюда вытекаетъ то огромное значеніе научной критики понятій, которое она приобрѣла въ послѣднее время.

IV.

Изъ всего вышеуказаннаго слѣдуетъ, что научныя понятія, господствующія нынѣ въ наукѣ, не могутъ сохранить за собою того значенія, какое они имѣли для человѣческаго міровоззрѣнія въ до-критическій періодъ. Критика разъединила во всемъ матеріалѣ науки фактическія данныя и теоретическое ихъ обоснованіе. Въ то время, какъ эти фактическія данныя остаются нетронутыми, на теоретическую сторону направлена вся сила научной критики.

Раньше, въ до-критическій періодъ, цѣлью науки ставилось образованіе новыхъ понятій и выводъ новыхъ принциповъ. Теперь же понятія сошли къ болѣе скромной роли орудій познанія. Мы знаемъ теперь, что они не даютъ намъ новой и болѣе глубокой истины, чѣмъ та дѣйствительность, которая намъ доступна непосредственно. Они служатъ лишь средствомъ для цѣлесообразнаго пользованія этой дѣйствительностью, для лучшаго ориентированія въ ней и для увеличенія фактической части нашего знанія. Еще раньше употреблялись въ наукѣ выраженія «Hilfsbegriffe» и «Arbeitshypothesen», т. е. вспомогательныя понятія и гипотезы для научной работы. Понятія эти создавались, какъ временныя пособія для работы, при ясномъ сознаніи отсутствія у нихъ реальности. Теперь мы сознаемъ, что всѣ научныя понятія и гипотезы это не что иное, какъ вспомогательные способы для нашей мысли, не имѣющіе реального значенія въ дѣйствительности (Poincaré. La valeur de la science, глава: La science et la réalité. J. Kodis, Rzeczliwość i jej naukowe pojęcie, Przegl. fil. 1902).

Не смотря на все это, теоретическая сторона науки имѣетъ громадное значеніе для человѣческой мысли, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Спрашивается, какимъ образомъ она исполняетъ эту роль и гдѣ ея границы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теоретическіе приемы науки до известной степени цѣлесообразны, такъ какъ наука безъ нихъ до сихъ поръ не могла обойтись и такъ какъ они способствовали открытію фактическихъ данныхъ перво-степенной важности. Наука до сихъ поръ не измѣнила основныхъ способовъ человѣческаго мышленія и пользовалась тѣми методами, которые были и до нея въ обыденной жизни, только уточнивъ и разработавъ ихъ. Наука это—накопленіе и организація социальнаго опыта (Риль, Махъ, Авенаріусъ). Приобрѣтеніе этого опыта совершается тѣмъ же путемъ, какъ и приобретеніе личнаго индивидуальнаго человѣческаго опыта, а именно, при помощи процессовъ абстракціи и обобщенія. Оба они составляютъ основныя процессы человѣческаго мышленія. Они неразрывно связаны другъ съ другомъ и зависятъ отъ психологіи процесса воспріятія. Абстракція и обобщеніе обу-

словливаютъ возникновеніе понятій. При воспріятіи какого-либо явленія наше вниманіе сосредоточивается всегда на нѣкоторыхъ сторонахъ его, оставляя другія стороны какъ бы въ тѣни. Это и есть зародышъ процесса абстракціи (Mach. Zur Analyse der Empfindungen). Обращая наше вниманіе на другія явленія, мы опять останавливаемся на нѣкоторыхъ моментахъ и, если они имѣютъ сходство съ первыми, то они соединяются въ одно. Такимъ образомъ создается простѣйшее обобщеніе. При частомъ повтореніи этихъ процессовъ мысль обобщаетъ и абстрагируетъ все легче и шире, обнимая все большіе круги явленій. Понятія становятся все болѣе абстрактными и общими. Мысль приучается къ этому процессу, т. е. она, устраняя все маловажное или элиминируя его (процессъ элиминаціи), легче и проще находитъ общее въ явленіяхъ. Безъ этихъ процессовъ познаніе человѣческое немислимо. Обобщая признаки предметовъ, мысль человѣческая группируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самые предметы въ своемъ познаніи. Зная какое-либо свойство изъ опыта, она при помощи заключенія по аналогіи расширяетъ это знаніе и на всѣ предметы данной группы. Такимъ образомъ, процессы обобщенія и абстракціи служатъ человѣку для перенесенія своего опыта отъ одного случая на многіе. Вмѣсто длиннаго процесса ассоціаціи единичныхъ опытовъ, получается при помощи обобщенія все существенное для человѣка въ одномъ общемъ понятіи.

Поэтому мысль человѣческая никогда не можетъ отречься отъ абстрагированія, обобщенія, отъ анализированія и группированія своего знанія при посредствѣ понятій. Это пока единственный способъ, при помощи котораго человѣкъ можетъ ориентироваться въ хаосѣ дѣйствительности. Такое огромное и первостепенное значеніе понятій въ жизни человѣка и было причиной переоцѣнivanія ихъ. Сознывая всю важность ихъ, человѣкъ поневолѣ гипостазировалъ, олицетворялъ ихъ, придавалъ имъ реальное бытіе, вѣрилъ въ ихъ существованіе, какъ предметовъ, недоступныхъ опыту (Идея Платона, средневѣковый пошепоп, Logos и т. д.). Кромѣ того онъ придавалъ самимъ понятіямъ значеніе чего-то абсолютнаго. Понятія считались всегда вѣрными, т. е. абсолютно присутствующими данной группѣ явленій. Въ этомъ-то именно и коренилась основная ошибка. Такъ, напримѣръ, основнымъ качествомъ, присущимъ абсолютно наименьшимъ частичкамъ химическаго вещества, считалась недѣлимость. Вся атомистическая химія основана именно на этой недѣлимости атомовъ. Между тѣмъ открытіе бекерелевскихъ лучей показало, что необходимо признать распаденіе атомовъ на еще болѣе мелкія части. Для уясненія себѣ значенія понятій мы должны рассмотреть ихъ еще съ другой стороны. Мысль человѣка вообще, и понятія въ особенности, представляютъ реакцію человѣка на окружающую его среду. Это такое же воздѣйствіе организма съ цѣлью самосохраненія, какъ и его меха-

ческія движенія, производимыя рефлекторно, какъ отвѣтъ на внѣшніе стимулы. Реакціи эти имѣютъ значеніе для даннаго момента и для даннаго сочетанія обстоятельствъ. Реакціи организма при совиданіи понятій, конечно, гораздо сложнѣе и требуетъ больше времени для своего образованія и установленія, но все же сущность остается та же. Какъ таковыя, понятія не могутъ быть развѣ навсегда присутствующими извѣстной группѣ фактовъ, а по природѣ своей должны намѣняться, сообразно измѣненіямъ самаго человѣка или окружающей его среды. Это относится не только къ единичнымъ, разрозненнымъ понятіямъ, но и къ цѣлымъ группамъ понятій и, наконецъ, ко всей системѣ человѣческаго знанія. Такъ какъ понятія—это прежде всего біологическая функція организма, то бывають случаи, что они отвѣчаютъ біологическимъ потребностямъ человѣческой природы, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ предмета, соответствующаго имъ въ дѣйствительности. (Въ такомъ случаѣ обобщенія могутъ быть сдѣланы отъ ряда гипостазированныхъ понятій). Это относится, прежде всего, къ понятіями теологическимъ, а затѣмъ и къ другимъ ирраціональнымъ понятіямъ, не имѣющимъ объекта въ мірѣ реальномъ. Къ такимъ ирраціональнымъ понятіямъ принадлежитъ, напримѣръ, понятіе о безконечности. Понятіе это является необходимостью съ логической стороны. Между тѣмъ среди дѣйствительныхъ явленій мы нигдѣ не встрѣчаемъ безконечности. Экспериментъ физика знаетъ только конечныя явленія. Такъ, напримѣръ, скорость движенія можетъ быть представляема мысленно безконечною, между тѣмъ эксперименты и самыя точныя наблюденія показываютъ, что существуетъ предѣлъ для скорости—именно, скорость свѣта. Большой скорости не встрѣчается въ доступной нашему наблюденію природѣ. Предѣлъ низшей температуры извѣстенъ физикамъ уже давно, это — 273° С. На основаніи кинетической теории теплоты мы должны принять и максимальный предѣлъ для теплоты, если скорость движенія въ природѣ ограничена. Пространство вселенной въ нашемъ понятіи безгранично, между тѣмъ новѣйшая астрономія приходитъ къ выводу, что есть извѣстная граница для звѣзднаго пространства, за которой нѣтъ дальше ни звѣздъ, ни туманныхъ пятенъ. Она даже пытается опредѣлить разстояніе этой границы отъ земли въ 7000 свѣтовыхъ годовъ (т. е. свѣтъ проходитъ къ намъ отъ крайнихъ звѣздъ въ семь тысячъ лѣтъ *). Дѣлимость вещества мыслится, какъ безконечная, но есть и для нея предѣлъ, какъ это показано работами Оствальда надъ разжиженіемъ твердаго сала (Zeitschrift für Phys. Chemie. 1899).

Все сказанное о понятіяхъ обыденной жизни относится и къ понятіямъ, выработаннымъ наукой. Какъ тутъ, такъ и тамъ, они

*) См. рѣчь проф. М. Wolf'a: „Die Milchstrage“ на съѣздѣ нѣмец. естествоиспытателей въ Дрезденѣ. 1907 г.

сослужили человечеству громадную службу, но какъ тутъ, такъ и тамъ, они имѣютъ и отрицательную сторону, если ими пользоваться не критически. Они и въ наукѣ не абсолютны, а относительны и также бываютъ ирраціональны. Современная научная критика требуетъ сознательнаго отношенія къ научнымъ понятіямъ. Прежде всего она отбрасываетъ догматизмъ по отношенію къ нимъ. Всѣ понятія въ наукѣ относительны и условны и служатъ для нея средствомъ, а не цѣлью. Это относится и къ самымъ точнымъ наукамъ, какъ геометріи, физикѣ и т. д. Каждая научная истина имѣетъ значеніе только въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе узкихъ, границахъ и при данной внутренней связи понятій и принциповъ. Ни одинъ законъ не покрываетъ настолько данной группы фактовъ дѣйствительности, чтобы никогда не получались несоотвѣтствія фактовъ съ нимъ. Каждая истина частична и всегда остается что-то не охваченное ею.

Самое широкое примѣненіе абстракціи и обобщенія въ наукѣ— это примѣръ редуціи. Научная редуціа это логически развитое и методологически выдержанное отвлеченіе, относящееся къ извѣстному длинному и сложному ряду явленій. Она состоитъ въ томъ, что мы, вмѣсто всего сложнаго явленія дѣйствительности, беремъ одну его сторону и оперируемъ ею одной вмѣсто цѣлаго явленія. Нѣкоторыя изъ такихъ научныхъ редуцій просуществовали долгія столѣтія и сохраняются въ различныхъ фазисахъ развитія науки. Наука знаетъ примѣръ редуціи съ давнишнихъ поръ. Собственно говоря, она начала развиваться быстро только съ того времени, когда стала послѣдовательно примѣнять этотъ примѣръ. Уже въ XVI в. положено начало той громадной редуціи, которая названа механическимъ методомъ въ наукѣ, когда Галилей попытался впервые свести всю физику къ механикѣ. Ученые изслѣдуютъ съ того времени только механическую сторону бытія, вмѣсто чрезвычайно сложной и разнородной совокупности явленій окружающаго насъ міра. Это громадное упрощеніе задачи даетъ сразу могучій толчокъ наукѣ. Чрезвычайный успѣхъ этой редуціи вызываетъ попытки примѣненія ея и къ наукамъ гуманитарнымъ. Ф. Беконъ старается поставить физику (собственно говоря, механику) въ основу всякой науки, этики, социологіи, психологіи. Съ этой задачей онъ, конечно, не можетъ справиться, но къ идеѣ его возвращается Гоббсъ. Подъ личнымъ влияніемъ Галилея онъ старается ввести въ социологію дедуктивный методъ, который, въ свою очередь, основывается на редуціи. Психологическія явленія онъ прямо разсматриваетъ, какъ движенія. Этотъ вопросъ занимаетъ далѣе Декарта, Спинозу, Лейбница, въ новѣйшее время Гербарта, Герберта Спенсера и т. д. Однимъ словомъ, наука старалась примѣнять редуцію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Гдѣ это ей не удавалось, тамъ она прибѣгала къ редуціямъ, обнимающимъ болѣе ограниченное число фактовъ. Такъ, напримѣръ, въ психологіи употребляется въ этомъ огра-

ниченномъ смыслѣ редукція по отношенію къ ощущеніямъ. Вмѣсто всего комплекса, содержащагося въ понятіи ощущенія и состоящаго изъ качества ощущенія, чувственнаго элемента и локальной примѣты, психофизика въ законѣ Веберъ-Фехнера разбираетъ только качество ощущенія, считая его повышение или пониженіе указателемъ состоянія пѣлаго комплекса. Обойтись безъ редукціи наука никогда не была въ состояніи. Въ началѣ ученые брали редуцированныя явленія, какъ и вообще научныя понятія, догматически. Они не сознавали ясно, что, вмѣсто всей сложности и разнородности явленій, они изслѣдуютъ лишь одну, на примѣръ, механическую, сторону, довольствуясь до поры до времени этимъ одностороннимъ знаніемъ. Наоборотъ, они вѣрили, что механическое бытіе и есть единственное бытіе. Современная критика, не отвергая приема редукціи, признаетъ за нимъ лишь одно методологическое значеніе. Понятно, что примѣненіе каждой редукціи имѣетъ свой предѣлъ. И для наиболѣе удачной долженъ придти моментъ, когда она вмѣсто того, чтобы двигать дальше науку, мѣшаетъ ея развитію. Исслѣдованіе дѣйствительности подвигается уже такъ далеко, что рамки старой редукціи становятся тѣсными и требуется новый методъ, въ которомъ находятъ себѣ мѣсто болѣе широкія условія дѣйствительности.

При помощи всѣхъ вышеуказанныхъ процессовъ, т. е. обобщенія, абстракціи, редукціи, созданъ былъ огромный историческій матеріалъ науки. Матеріалъ этотъ состоитъ, во-первыхъ, изъ ряда установленныхъ понятій, какъ, напр., массы, матерія, силы, энергіи, атомовъ, потенціала, вида и т. д. Во-вторыхъ, изъ законовъ, выражающихъ точно сформулированныя отношенія явленій между собою, на примѣръ, законъ паденія тѣлъ, законъ охлажденія, дѣйствія массъ и т. д. Въ-третьихъ, изъ принциповъ или изъ самыхъ общихъ положеній, на которыхъ покоятся всѣ законы, напр., принципъ равенства акціи и реакціи, принципъ сохраненія энергіи и т. д. Въ-четвертыхъ, наконецъ, изъ научныхъ гипотезъ, какъ, на примѣръ, гипотезы атомистической, гипотезы Лапласа и т. д. Эти четыре группы имѣютъ весьма не одинаковое значеніе въ строеніи науки. Понятія совершенствуются постоянно и бывають подвержены долгой эволюціи, какъ это случилось, на примѣръ, съ понятіемъ силы. Законы гораздо устойчивѣе. Они намъ указываютъ основныя отношенія между явленіями. Это наиболѣе цѣнный матеріалъ науки и онъ имѣетъ широкое критическое примѣненіе. Это они даютъ намъ возможность предвидѣть будущее. Но и они имѣютъ значеніе только при извѣстныхъ условіяхъ и являются неправильными при другихъ *).

*) «Съ точки зрѣнія, о которой я только что упомянулъ (и которую я назову научной точкой зрѣнія) всякій законъ является лишь неполной и временной формулой, но современемъ онъ долженъ быть замѣненъ другимъ, высшимъ закономъ, относительно котораго онъ является лишь грубымъ прообразомъ». Poincaré: La valeur de la science, 261. „Всякій
Январь. Отдѣлъ I. 5

Мы никогда а priori не можемъ быть увѣрены, что при примѣненіи закона къ новому роду фактовъ, значительно отклоняющихся отъ прежнихъ, онъ такъ же оправдывается, какъ и раньше. Кромѣ того, во всѣхъ законахъ есть нѣкоторый элементъ произвольности, зависящій отъ того, что законы выводятся при абстрактныхъ условіяхъ и основаны на абстрактныхъ посылкахъ. Такъ, возьмемъ, напр., законъ паденія тѣлъ. Чтобы получить его въ точномъ видѣ, нужно имѣть идеальныя условія эксперимента, которыя до сихъ поръ никогда не были на лицо. Законъ этотъ, поэтому, никогда не былъ точно провѣренъ. Галилей вывелъ его на основаніи чисто абстрактныхъ соображеній слѣдующимъ образомъ. Онъ принялъ за исходную точку метафизическій, произвольный принципъ, по которому природа дѣйствуетъ при помощи простѣйшихъ пріемовъ (Гейдингъ). Такимъ простѣйшимъ пріемомъ при паденіи тѣлъ было бы, если бы въ одинаковыя промежутки времени прибавлялась одинаковая скорость паденія. При простомъ экспериментѣ оказалось, что соображеніе это приблизительно вѣрно и, такимъ образомъ, установленъ былъ законъ, не встрѣтившій до сихъ поръ ничего противорѣчающаго себѣ. Такъ же абстрактно былъ установленъ и законъ притяженія тѣлъ Ньютономъ, законъ охлажденія Ньютона (смотри *Mech. Princ. d. Wärmehhre*) и т. д.; законъ Авогадро, играющій столь важную роль въ теоретической химіи и состоящій въ томъ, что въ одинаковыхъ объемахъ, при томъ же давленіи и температурѣ, содержится одинаковое число молекулъ, никогда не могъ быть экспериментально провѣренъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ законы эмпиричны, хотя они и найдены при помощи дедуктивныхъ предпосылокъ, во-первыхъ, потому, что они возникаютъ въ связи съ опытомъ и подъ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ опыта; во-вторыхъ, потому, что они только тогда могутъ быть установлены, когда согласуются съ опытомъ, хотя бы въ приближеніи; въ-третьихъ, потому, что они падаютъ, какъ только отерываются новые факты, противорѣчащіе установленнымъ законамъ. Каждый законъ природы поэтому становится лишь тогда закономъ, когда его правильность установлена опытомъ въ огромномъ количествѣ случаевъ. Хотя математическая формула и можетъ быть выведена изъ изслѣдованія одного или двухъ случаевъ, тѣмъ не менѣе, пока не оправдалась возможность ея applicація многократнымъ опытомъ, это еще не будетъ физическій законъ. Раньше часто полагали, что уже единичный случай можетъ установить законъ, такъ какъ онъ основывается на логической необходимости. Но это старый раціонализмъ, отвергнутый точными науками, какъ источникъ массы заблужденій.

Въ тѣсной связи съ законами стоятъ научныя принципы. Прин-

частный законъ будетъ всегда лишь приближительнымъ и вѣроятнымъ". Тамъ же, 261.

ципы эти отчасти вытекаютъ изъ законовъ и составляютъ лишь общую формулировку ихъ, съ другой стороны, они служатъ путеводителями при изслѣдованіи природы и опредѣленіи ея законовъ. Непокосибимость принциповъ связана съ непоколебимостью законовъ и, наоборотъ, колебаніе принциповъ влечетъ за собою колебаніе или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе примѣненія законовъ. Общие принципы даютъ направленіе наукѣ. Они какъ бы указываютъ путь изслѣдованія, устраняя безнадежную затрату силъ на достиженіе невозможныхъ цѣлей. Они же сами выведены при абстрактныхъ условіяхъ и тоже не абсолютны, а до извѣстной степени условны *).

Возьмемъ для примѣра принципъ сохраненія энергіи. Принципъ этотъ имѣетъ огромное значеніе въ наукѣ и ея практическомъ приложеніи. Всѣ физическіе, химическіе, механическіе и физиологическіе законы стоятъ въ согласіи съ нимъ, хотя большинство изъ нихъ и было установлено независимо отъ него. Тѣмъ не менѣе научное подтвержденіе его еще не вполне закончено. Въ началѣ принципъ этотъ былъ простымъ предположеніемъ, выведеннымъ на основаніи поверхностнаго наблюденія. Такъ, извѣстно, что Р. Майеръ пришелъ впервые къ выводу, что теплота переходитъ въ механическую, какъ онъ выражался, силу, на основаніи простаго наблюденія надъ окраской крови у англійскихъ матросовъ во время ихъ пребыванія подъ тропиками. Тотъ фактъ, что при равной работѣ подъ тропиками и дома и при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ, стораанія въ крови было подъ тропиками меньше, натолкнулъ его на мысль, что между механической работой и развиваемой теплотой, должно быть постоянное отношеніе. Уже впоследствии были найдены эквиваленты тепловой, механической, электрической и т. д. энергіи. Въ настоящее время принимается, что существуютъ явленія, несогласуемыя съ принципомъ сохраненія энергіи, какъ, напримѣръ, постоянное выдѣленіе теплоты радиоактивными тѣлами. Явленія эти объясняются вспомогательными теоріями и только такимъ образомъ приводятся въ согласіе съ основнымъ принципомъ. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, W. Ramsay утверждаетъ, что радій производитъ

*) „Когда какой-либо законъ получилъ достаточное подтвержденіе путемъ опыта, мы можемъ занять одну изъ двухъ позицій: или подвергнуть его дальнѣйшимъ испытаніямъ (*laisser cette loi dans la mêlée*); тогда онъ будетъ подлежать постояннымъ прѣвѣркамъ, которыя, несомнѣнно, въ концѣ концовъ докажутъ, что онъ былъ лишь приближительно вѣренъ; — или же мы можемъ возвысить его въ *принципъ*, обставляя его такими условіями, при которыхъ данное предположеніе будетъ несомнѣнно вѣрнымъ. Для этого употребляется всегда одинъ и тотъ же приемъ. Первоначальный законъ выражалъ отношеніе между двумя голыми фактами (*faits bruts*) А и В; между этими двумя голыми фактами и вводятъ отвлеченный посредствующій факторъ С, факторъ болѣе или менѣе фиктивный. Тогда мы получаемъ одно отношеніе между А и С, которое мы можемъ считать строго точнымъ и которое является *принципомъ* и другое отношеніе между С и В, которое есть законъ, подлежащій прѣвѣркѣ“. Poincaré. La Val. d. l. Science. 239.

теплоту во время перехода изъ одного состоянія въ другое (трансформация) въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ всѣ известныя намъ до сихъ поръ тѣла. Кусокъ радія исчерпаетъ такимъ образомъ свою энергію лишь въ 1250 лѣтъ.

Такія и тому подобныя вспомогательныя предположенія и гипотезы употребляются очень часто въ наукѣ, когда появляются факты, противорѣчащіе главному положенію. Такъ, напримѣръ, общимъ принципомъ химіи и основаніемъ ея теоретической постройки является положеніе, что химически различныя тѣла имѣютъ и различный элементарный составъ. Но оказывается, что нѣкоторыя, различныя по своимъ химическимъ свойствамъ, тѣла имѣютъ однакоже одинаковый элементарный составъ. Тогда, чтобы не нарушить общаго принципа, создается гипотеза изоморфности и аллотропіи химическихъ тѣлъ. Конечно, можно себѣ представить такое положеніе вещей, при которомъ на долю этихъ исключеній пришлось бы главная роль и тогда они служили бы основаніемъ для принциповъ, диаметрально различныхъ отъ современныхъ.

Общіе принципы—это высшая точка науки, господствующая надъ всѣми фактами и ихъ отношеніями. Съ этой центральной точки мысль человѣческая охватываетъ явленія и дѣлаетъ свои выводы о будущемъ. Каждый принципъ имѣетъ характеръ всеобщности и примѣняемости ко всѣмъ явленіямъ природы даннаго порядка, какъ, напримѣръ, принципъ равенства дѣйствія и противо-дѣйствія, принципъ сохранения энергіи, принципъ наименьшаго сопротивления и т. д. На установленіе ихъ потребовалось чрезвычайно много усилій, какъ, напримѣръ, для послѣднихъ двухъ, связанныхъ съ такими именами, какъ R. Meyer, Helmholtz, Thomson, Joule и еще раньше D'Alembert, Maupertius, Gauss.

Число принциповъ въ наукѣ не велико. Въ физикѣ насчитывается ихъ всего пять. Увеличеніе числа ихъ было бы не цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія централизаціи нашего знанія въ видахъ экономіи мышленія. Эти пять принциповъ: принципъ Carnot (энтропіи), принципъ относительности всѣхъ явленій, Ньютоновскій принципъ равенства дѣйствій и противо-дѣйствій, принципъ Lavoisier—сохраненія вещества и принципъ Meyer'a—сохраненія энергіи. Несмотря на все ихъ значеніе и кажущуюся неизбежность ихъ, всѣ они въ настоящее время поколеблены въ своихъ основаніяхъ, указывая намъ еще разъ на преходящее значеніе всякихъ теорій и на шаткость всякихъ догмъ. Есть факты, говорящіе противъ всѣхъ общепринятыхъ принциповъ. Такими фактами являются такъ называемые феномены Brown'a. Они состоятъ въ томъ, что микроскопическія и ультрамикроскопическія частички твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ и газахъ находятся въ постоянномъ движеніи, не получая, повидимому, ни откуда энергіи для этого движенія.

То же мы видимъ въ радиоактивныхъ тѣлахъ, которыя постоянно теряютъ энергію, при чемъ эта энергія не является превращеніемъ

какой-либо другой энергіи: ни электрической, ни химической, ни тепловой, ни механической. (См. подробное изложеніе этихъ фактовъ у Poincaré: *La Valeur de la science. Crise actuelle de la physique mathématique*, 180).

Вся эта условность и произвольность научныхъ построений говорить противъ абсолютности ихъ. Цѣнность ихъ заключается не въ нихъ самихъ, какъ таковыхъ, а въ тѣхъ фактахъ и въ той ориентировкѣ въ окружающемъ насъ мірѣ, которую мы получаемъ при помощи ихъ. Такъ, Poincaré говоритъ слѣдующее: «Ни одна теорія не представлялась болѣе достовѣрной, чѣмъ теорія Fresnel'а, которая приписывала свѣтъ движеніямъ эфира. Однакоже теперь ей предпочитаютъ теорію Maxwell'а. Значитъ ли это, что твореніе Fresnel'а не имѣло никакой цѣнности? Совсе нѣтъ, потому что цѣлью Fresnel'а не было узнать, существуетъ ли эфиръ въ самомъ дѣлѣ, не построены ли онъ изъ атомовъ или движутся ли эти атомы въ томъ или другомъ направленіи. Цѣлью его было предвидѣть оптическія явленія. Теорія его также хорошо служитъ теперь для этой цѣли, какъ и раньше, до теоріи Maxwell'а. Дифференціальныя уравненія всегда вѣрны. Ихъ всегда можно интегрировать тѣми же способами и результаты этого интегрированія всегда сохраняютъ свое значеніе».

Приведенный здѣсь нами примѣръ теоріи Fresnel'а относится не только къ теоріи вообще, но и специально къ нѣкотораго рода гипотезамъ, употребляемымъ часто наукой. Гипотезы эти имѣютъ явную цѣль замѣстить видимую дѣйствительность объектами и процессами высшаго порядка. Онѣ стремятся создать новое представленіе (*Anschaung*) о группахъ явленій или даже о цѣломъ мірѣ *).

Возьмемъ, на примѣръ, атомистическую гипотезу, механическую теорію свѣта, теплоты и электричества, или гипотезу вихревыхъ движеній эфира по Helmholtz'у и Thomson'у, кинетическую теорію газовъ, гипотезу Kant-Laplace'а и т. д. Всѣ онѣ стремятся создать не только новыя понятія, но и новые объекты ихъ, т. е. новыя явленія позади дѣйствительности. Противъ пользованія гипотезами при научномъ изслѣдованіи ничего нельзя возразить съ критической точки зрѣнія. Онѣ становятся лишь тогда вредными для науки и нашего міровоззрѣнія, когда имъ придается абсолютно реальное значеніе, т. е. когда забывается именно ихъ гипотетичность. Такъ случилось съ атомистической и механической теоріей въ физикѣ и химіи. Научное изслѣдованіе едва-ли можетъ вообще

*) «Мы увидимъ также, что существуетъ нѣсколько видовъ гипотезъ; что однѣ гипотезы могутъ быть провѣрены и, получивши подтвержденіе на опытѣ, онѣ становятся плодотворными истинами; тогда какъ другія гипотезы, не обманывая насъ, могутъ быть намъ полезны, лишь фиксируя нашу мысль; что, наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ являются гипотезами лишь по видимости, а на самомъ дѣлѣ онѣ сводятся къ опредѣленіямъ или замаскированнымъ условіямъ». Poincaré. *La science et l'hypothèse*, p. 2.

обойтись безъ гипотезъ. При помощи ихъ составляется какъ бы предварительное обобщеніе, и временно онѣ могутъ оказать такую же услугу нашей мысли, какъ и всякое другое обобщеніе; поэтому каждая гипотеза хороша, если она исполняетъ эту роль. Современной критикой настолько уже выясненъ вопросъ о значеніи гипотезъ, что нѣкоторые ученые сомнѣваются въ необходимости детальной разработки каждой гипотезы. Машъ говоритъ, напримѣръ, что все равно, какой гипотезой мы бы ни пользовались въ физикѣ, нужно лишь провѣрить результаты исслѣдованія при помощи непосредственнаго опыта и уяснить себѣ, какая часть нашего знанія имѣетъ реальное значеніе, а какая гипотетическое.

V.

Итакъ, разсмотрѣвъ весь теоретическій арсеналъ науки въ общихъ чертахъ, мы должны придти къ заключенію, что наука не даетъ намъ, и не можетъ дать иной дѣйствительности, чѣмъ та, которая передъ нашими глазами; она не можетъ «объяснить» эту дѣйствительность, не можетъ анализировать ее и разложить на скрытые элементы, какъ какой-нибудь часовой механизмъ. Всѣ положенія ея относительны и вѣрны только при извѣстныхъ ограниченныхъ условіяхъ. Вся теоретическая постройка ея есть чрезвычайно искусная и искусственная кружевная цѣпь, сотканная изъ понятій для уловленія новыхъ фактовъ дѣйствительности и группировки въ нашей мысли уже извѣстныхъ явленій. Сами же эти явленія остаются нетронутыми наукой. Мы не различаемъ въ нихъ никакихъ другихъ сторонъ, кромѣ тѣхъ, которыя воспринимаемъ нашими ощущеніями непосредственно или же при помощи инструментовъ, усиливающихъ наши органы ощущеній. Всѣ эти стороны имѣютъ въ дѣйствительности одинаковое значеніе. Нѣтъ въ нихъ ни важныхъ, ни маловажныхъ факторовъ. То же мы можемъ сказать и о всей совокупности оружающаго насъ міра. Мы видимъ вокругъ себя массу отдѣльныхъ явленій и вещей, имѣющихъ каждое свое самостоятельное значеніе. Каждое изъ нихъ не составляетъ какой-то части цѣлаго высшего порядка, а ведетъ самостоятельное бытіе. Если раньше, въ до-критическое время, извѣстный рядъ явленій разсматривался, какъ нѣчто цѣлое, постоянно измѣняющееся во времени и пространствѣ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, то теперь приобретаетъ существенное значеніе моментъ настоящаго. Вся суть лежитъ въ этомъ моментѣ единичныхъ явленій, въ ихъ индивидуальности. Всѣ явленія состоятъ однакоже въ извѣстной зависимости одно отъ другого и отъ всѣхъ вмѣстѣ. Зависимость эта опять-таки не мистическая, а выражающаяся въ извѣстныхъ перемѣнахъ въ вещахъ и окружающей средѣ, при чемъ съ измѣненіемъ одного измѣняется и другое. Зависимость эта

бесконечно сложная, связывающая каждое явленіе тысячью нитей со всѣмъ остальнымъ въ мірѣ.

Съ измѣненіемъ нашего отношенія къ окружающимъ явленіямъ измѣняется и наше отношеніе къ окружающимъ людямъ и къ самимъ себѣ. Данный человѣкъ перестаетъ быть для насъ явленіемъ, сложенымъ изъ другихъ болѣе общихъ или элементарныхъ явленій. Онъ такое же цѣльное и недѣлимое явленіе, какъ и всякое другое. Это не мованка изъ равныхъ историческихъ категорій и нашихъ понятій, какъ классъ, сословіе, національность, вѣра и т. д. и не частица чего-то другого, болѣе общаго, какой-то высшей индивидуальности,—эти высшія индивидуальности существуютъ лишь въ нашихъ понятіяхъ, а не въ дѣйствительности. Онъ прежде всего и исключительно данный индивидъ:—Петръ, Иванъ, Семень,—существо цѣльное и автономное, хотя и зависящее въ своихъ мысляхъ и поступкахъ отъ своей среды и отъ гипостазированныхъ понятій, затемняющихъ его самосознаніе, какъ индивида. Такое отношеніе къ человѣку мы имѣемъ въ настоящее время лишь въ лучшихъ художественныхъ произведеніяхъ, да въ интимныхъ связяхъ между людьми. Кто, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ о классѣ, вѣрѣ, или національности по отношенію къ своему другу, брату, мужу или къ женѣ? Наша культура идетъ, безъ сомнѣнія, въ томъ направленіи, чтобы одинъ человѣкъ сталъ духовно ближе къ другому. Устраняя предвѣтыя идеи и предразсудки, отодвигающіе людей другъ отъ друга, новый взглядъ поставитъ болѣе близко человѣка къ человѣку, давая тѣмъ возможность лучше использовать богатство и особенности каждаго индивида.

Такое міровоззрѣніе имѣетъ безспорно огромное преимущество передъ прежнимъ. Прежде всего оно не стоитъ въ противорѣчій съ нашимъ опытомъ и благодаря этому даетъ намъ болѣе правильную оцѣнку окружающихъ насъ явленій. Оцѣнивая по достоинству, съ одной стороны, наши понятія, съ другой—окружающую насъ дѣйствительность, мы создаемъ себѣ болѣе правильную ориентировку въ дѣйствительности и такимъ образомъ жизнь наша становится на твердую почву не среди фантомовъ, созданныхъ фантазіей, а среди реальныхъ явленій. Мы въ такихъ условіяхъ правильно будемъ избирать средства по отношенію къ требованіямъ жизни и вѣрнѣе пойдемъ къ цѣли, такъ какъ къ тому и другому мы несемся болѣе сознательно, тѣмъ раньше. Словомъ, мы создадимъ цѣнности реальные, а не фиктивные, и сообразно съ этими цѣнностями устроимъ жизнь нашу свободнѣе и богаче.

Новое міровоззрѣніе, выросшее въ связи съ критическимъ отношеніемъ къ наукѣ, не можетъ, конечно, остаться безъ вліянія и на самую науку. Представимъ себѣ изслѣдователя, который потерялъ вѣру въ реальность той почвы, на которой онъ велъ до сихъ поръ свои изысканія. Какъ онъ можетъ съ прежнимъ усердіемъ, съ той же энергіей и съ тѣмъ же успѣхомъ строить свои комбина-

ція атомовъ, когда надъ нимъ тяготѣеть постоянно сознание, что этихъ атомовъ, можетъ быть, и вовсе нѣтъ? Наука, перейдя изъ догматической фазы въ критическую, какъ бы переживаетъ кризисъ. Исторія человѣческой мысли показываетъ намъ, что критическая фаза обыкновенно указываетъ на распадѣніе данной системы понятій. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что и нынѣшняя критическая стадія ведетъ къ измѣненію прежнихъ методовъ и приѣмовъ науки и къ созданію чего-то новаго. Какова будетъ эта новая фаза, которая послѣдуетъ за критической, конечно, никто не можетъ предсказать въ точности. Тѣмъ не менѣе уже и теперь видѣются новые горизонты и можно уже различить нѣкоторые зародыши будущаго въ настоящемъ.

Такъ какъ дѣйствительность только одна и не является суммой элементовъ и такъ какъ она, какъ таковая, не подлежитъ анализу, то мы вправѣ ожидать въ будущемъ выработки наукой функциональных методовъ, выражающихъ функциональную зависимость явленій одного отъ другого и отъ всѣхъ вмѣстѣ. Теперешняя наука стремится дать намъ аналитическую идею міра. Отъ будущей науки мы можемъ ожидать интегральнаго понятія міра, т. е. такого понятія или такой формулы, при которой каждое явленіе было бы функцией цѣлаго. Конечно, это только идеалъ, достиженіе котораго сопряжено съ необозримыми трудностями, тѣмъ не менѣе въ настоящемъ мы видимъ много попытокъ интегрировать наше знаніе. Онѣ выражаются, съ одной стороны, въ стремленіи дать намъ синтезъ науки, съ другой—въ стремленіи выработать въ точныхъ наукахъ функциональный методъ. Крупный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлала физическая химія въ лицѣ Willard'a Gibbs'a, создавшаго «ученіе о фазахъ».

Ученіе это ставитъ въ функциональную связь данное состояніе тѣла съ физическими факторами и рассматриваетъ то и другое вмѣстѣ, какъ варьирующее цѣлое. Въ связи съ этой теоріей химикъ Wald рассматриваетъ химическія явленія, исходя не изъ понятія элементовъ и атомовъ, а изъ понятія основныхъ тѣлъ, какъ частей нашего непосредственнаго опыта, какъ, напр., воздуха, воды и т. д., рассматривая ихъ въ свою очередь какъ фазы дѣйствительности. Возьмемъ, на примѣръ, воду. Съ измѣненіемъ температуры она переходитъ при томъ же давленіи въ ледъ, жидкость, паръ и дальше въ смѣсь кислорода и водорода. Нѣтъ никакого основанія рассматривать эту послѣднюю фазу съ другой точки зрѣнія, чѣмъ другія *). Къ числу такихъ же функциональных мето-

*) Хорошей иллюстраціей для этого взгляда служатъ также послѣднія изслѣдованія химика Ramsay'a надъ превращеніемъ эманацинъ радія. Оказывается, что гелій, неонъ, аргонъ, а также мѣдь и литій,—тѣла съ вполне опредѣленнымъ характеромъ химическихъ элементовъ, являются таковыми лишь въ связи съ той средой, въ которой они находятся: эманация радія въ прикосновеніи съ кислородомъ или водородомъ даетъ ге-

довь нужно отнести и тотъ, который предлагаетъ В. Аvenarius для психологии и который онъ называетъ имъ методомъ варіацій. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы данные комплексы психологическихъ явленій изслѣдовать въ ихъ измѣненіяхъ, какъ функціи измѣняющихся биологическихъ факторовъ—питанія и работы.

Энергетическое разсматриваніе физическихъ и химическихъ явленій представляетъ также шагъ впередъ по сравненіи съ атомистическимъ и механическимъ, такъ какъ оно выводитъ основные законы, не редуцируя всѣхъ качествъ явленій къ однимъ механическимъ.

Дальше, къ такимъ же зачаткамъ интегрализма въ наукѣ нужно причислить и стремленіе сочетать для полнѣйшаго описанія явленій двѣ науки, шедшія до сихъ поръ отдѣльно, какъ физику и химию, физику и психологию, психологию и логику, математику и логику (логистика), психологию и физиологию и т. д. Каждая изъ этихъ наукъ исходила изъ отдѣльныхъ опредѣленныхъ отвлеченій и разрабатывала ихъ порознь, своими методами. Каждая наука разрабатывала свои понятія, часто несогласимыя съ понятіями другой науки, такъ, напримѣръ, атомъ физической и химической, нѣсколько различныхъ эфировъ и т. д. Соединяя различные методы въ одно, наука централизуетъ свои понятія и приготовляетъ почву для будущаго синтеза. Эта новая наука, выросшая изъ старой подъ влияніемъ философской критики, будетъ имѣть то преимущество передъ прежней, что она освободится отъ метафизики и не будетъ больше стоять въ противорѣчій съ нашимъ опытомъ.

Тѣмъ не менѣе и она, давая намъ интегральную идею міра, не можетъ замѣнить дѣйствительности, хотя бы она и достигла въ своемъ развитіи идеала. Синтетическая наука дастъ намъ болѣе правильную ориентировку въ явленіяхъ прошлаго, настоящаго и будущаго, но явленія сами по себѣ останутся для насъ тѣми же, какъ и теперь. Такимъ образомъ въ нашей жизни наука будетъ играть всегда второстепенную роль орудія. Сама же жизнь наша будетъ всегда протекать среди дѣйствительности, вѣчно новой и вѣчно творящей. У нея мы будемъ всегда черпать наши стимулы и мотивы и въ ней будемъ ставить себѣ новыя задачи и новыя цѣли.

Ж. Кодиошъ.

лія, въ прикосновеніи или растворенная въ водѣ даетъ неонъ, собранная въ насыщенный растворъ мѣднаго купороса даетъ аргонъ, при чемъ мѣдь въ присутствіи эманации превращается въ литій. Словомъ, каждое химическое тѣло можетъ быть разсматриваемо, какъ извѣстная фаза стоящая въ функциональной зависимости отъ окружающей среды. (Naturwissenschaftliche Rundschau, 1907, p. 415, № 32).

РОКОВЫЯ СИЛЫ.

Романъ Густава афъ Гейерстана.

Пер. А. Брунберга.

I.

Оке Йельмъ былъ преподавателемъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Стокгольма. Къ началу нашего разсказа онъ былъ человѣкъ уже среднихъ лѣтъ. Крайній свободомыслящій по своимъ убѣжденіямъ, онъ несомнѣнно принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, на которыхъ партія можетъ всецѣло положиться. Разъ выработаннымъ убѣжденіямъ онъ былъ вѣренъ и было несомнѣнно, что онъ останется имъ вѣренъ до самой смерти. Онъ былъ вѣренъ своимъ друзьямъ, вѣренъ своему долгу, вѣренъ своей женѣ, вѣренъ своимъ убѣжденіямъ—этого никто не могъ отрицать за нимъ. А это ужъ много значить. Онъ былъ человѣкъ чести,—таково было общее мнѣніе, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, что также значить не мало.

Въ головѣ Оке Йельма царилъ строгій порядокъ; тамъ нельзя было натолкнуться ни на что неожиданное. Можетъ быть, ему присуща была нѣкоторая тяжеловѣсность мысли, можетъ быть, также кругозоръ его былъ не особенно широкъ. За то онъ мыслилъ всегда логично и ясно, и его глубоко честный характеръ, въ связи со всей его симпатичной натурой, помогъ ему добиться извѣстнаго положенія въ обществѣ вопреки укрѣпившейся за нимъ съ юности репутаціи радикала.

Оке Йельмъ самъ чувствовалъ себя сторонникомъ свободы въ самомъ современномъ смыслѣ этого слова. Одинъ острякъ разъ назвалъ его „лѣво-настроеннымъ консерваторомъ“, и въ этой иронической кличкѣ, несомнѣнно, было зерно истины. Во всякомъ случаѣ не такъ-то легко было выбить Йельма изъ его обычной колеи. Съ непоколебимой послѣдователь-

ностью шелъ онъ по тому пути, который онъ считалъ вѣрнымъ, и такъ какъ жизнь ставила ему для разрѣшенія не особенно-то много сложныхъ вопросовъ, то онъ разбирался въ нихъ сравнительно быстро. Принадлежа въ теоріи къ вѣчно неудовлетвореннымъ, онъ на практикѣ плылъ довольный по общему теченію современной жизни, на которую смотрѣлъ съ спокойнымъ оптимизмомъ, какъ и подобаетъ чело-вѣку прогресса и будущаго.

Когда сегодня онъ вышелъ изъ своей квартиры въ большомъ угловомъ домѣ на Дротгингской улицѣ, его вниманіе было привлечено толпами сгѣнающихся куда-то людей. На груди ихъ красовались рабочіе значки, и они со всѣхъ сторонъ цѣлыми массами устремлялись къ цирку, гдѣ долженъ былъ собраться многолюдный рабочій кортежъ. Пользуясь свободнымъ отъ занятій днемъ, Оке Йельмъ ускорилъ шагъ и слился съ общимъ теченіемъ. Люди двигались толпами, которыя сгущались у цирка и далеко за нимъ. Въ весеннемъ воздухѣ развѣвались знамена рабочей арміи.

Казалось, сами улицы пришли въ движеніе: такъ густо кишѣли онѣ человѣческими толпами. Какъ бы направляемые одной общей волей, мужчины и женщины стремились къ одному мѣсту—къ открытой площади передъ циркомъ, которая все больше и больше покрывалась людьми; здѣсь масса съ минуты на минуту становилась все гуще, такъ что пришлось выстроиться въ длинные темные ряды на боковыхъ улицахъ, лучами расходившихся отъ этого отдаленнаго пункта.

Йельмъ чувствовалъ, какъ освѣжаетъ его все это движеніе, какъ заражаетъ его носящееся въ воздухѣ одушевленіе. Онъ прошелъ весь городъ и видѣлъ, откуда стекались толпы: эти мужчины и женщины спускались съ холмовъ южнаго предмѣстья, подымались съ Куксгольма, шли изъ худшихъ кварталовъ „Сибири“, изъ всей той части города,—Нормальма и Эстермальма,—которая еще не покрыта магазинами, торговыми заведеніями и роскошными домами. Трамваи были переполнены. Тѣ, кто не досталъ мѣста, шли пѣшкомъ, разбросанными группами или стройными рядами съ красными знаменами впереди.

Во главѣ союзовъ шла музыка. По числу и искусству музыкантовъ можно было судить объ экономическомъ положеніи той или другой профессіи. Типографы и машиностроительные рабочіе шли съ цѣлыми оркестрами, которые производили впечатлѣніе военныхъ музыкантовъ, играющихъ парадный маршъ передъ гвардейскимъ полкомъ и содержащихся на государственный счетъ. Другіе, болѣе бѣдные ферейны довольствовались меньшими оркестрами. Но повсюду

гремѣла музыка, повсюду развѣвались знамена, отовсюду стекались люди, и на знаменахъ, вокругъ которыхъ они собирались, золотыми буквами были написаны слова свободы, человѣческихъ правъ и надеждъ на будущее, которое рабочія массы отвоюютъ у господствующихъ классовъ, которое онѣ сдѣлаютъ своимъ, взявъ на себя вѣчную борьбу чело-вѣчества противъ насилія закона.

Сегодня первое мая, то новое первое мая, которое рабочій сдѣлалъ своимъ днемъ, которое онъ изъ праздника чревоугодія превратилъ въ праздникъ сознанія, сознанія того, что на всей землѣ люди-братья работаютъ для одной и той же цѣли. Въ этотъ день по всей землѣ собираются всѣ тѣ, которые не смѣются надъ мыслью, что міръ—одно большое отечество для мужчинъ и женщинъ всѣхъ націй. Великій братскій союзъ, который массоны нѣкогда мечтали создать для немногихъ избранныхъ, рабочіе основали для многихъ, Онъ уже не сказка. Онъ—дѣйствительность. Пути сообщенія—вотъ то чудодѣйственное средство, которое сдѣлало дѣйствительностью мысль о братскомъ единеніи. Паръ—вотъ та внѣшняя сила, которая подготавливаетъ преображеніе земли,—паръ и сестра его—сила электричества. Съ быстротой электричества и съ силой пара распространяется мысль о братскомъ единеніи. Она уже не связана съ той или другой націей. Она въ тысячу разъ болѣе смѣла, всеобъемлюща и многообъщающа. Истина, прозвучавшая сегодня здѣсь, быстро облетаетъ всю землю и разжигаетъ огни, которые трещать, подобно бѣлымъ молніямъ на телеграфной проволоцѣ. Повсюду въ воздухѣ несется словно дрожащій шопотъ; вѣдъ повсюду, гдѣ творить рука человѣческая, тянутся въ воздухѣ далекія проволоки; а тамъ, гдѣ идутъ громадные пароходы, онѣ погребены въ глубинѣ морей. Цѣль ихъ—объединеніе. Онѣ точно живыя существа, соединяющія то, что злые люди хотятъ расторгнуть.

Эта мысль о единеніи витаетъ въ воздухѣ, осязаемая, всѣмъ доступная и понятная. Рабочіе, стоящіе тутъ, вняли этой мысли и несутъ ее дальше. Можетъ быть, эта мысль потому такъ мощно говорить имъ, что у нихъ такъ мало благъ земныхъ, мѣшающихъ слушать. Можетъ быть, когда-нибудь, когда блага міра сего выпадутъ на ихъ долю, у нихъ уже будетъ менѣе тонкій слухъ, они забудутъ то, чему нѣкогда такъ внимали ихъ отцы. Кто можетъ осудить ихъ за это? Раавѣ не далекимъ и пустымъ отзвукомъ звучать въ нашихъ устахъ слова, нѣкогда вызвавшія къ жизни государство, будущее, вѣру, которая нынѣ на пути къ тому, чтобы быть истоптанными ногами, померкнуть, исчезнуть? То, чего мы достигаемъ, застываетъ. То, чѣмъ овладѣваетъ че-

ловѣкъ, оскверняется отъ употребленія. Лишь то, что ма-
нить издали, достойно стремленія.

Вотъ почему перваго мая развѣваются знамена. Вотъ по-
чему холодный и голубой воздухъ полонъ солнечнаго свѣта
и свѣжаго вѣтерка. Вотъ почему топотъ шаговъ десятковъ
тысячъ людей сливается съ звуками играющихъ оркестровъ,
голосовъ, поющихъ рабочую пѣсню. Величественно это ше-
ствіе—всѣ въ сборѣ: отцы несутъ на рукахъ дѣтей, которыхъ
нельзя оставить дома въ этотъ день, когда и матери хотятъ
стать въ ряды, чтобы дышать воздухомъ, который сегодня,
кажется, болѣе, чѣмъ когда-либо, полонъ надежды на луч-
шія времена. Женщины ведутъ за руку своихъ дѣтей, ве-
дутъ ихъ въ ряды взрослыхъ, чтобы съизмала приучить ихъ
умъ къ мысли о святомъ единеніи, на которой они когда-
нибудь построятъ свое будущее, то святое и желанное бу-
дущее, котораго они, старики, уже не узрятъ. Ярко звучать
ихъ нѣжные голоса среди общаго пѣнія. Медленно, медленно
двигаются впередъ. Теперь центръ кортежа на большой
полянѣ, гдѣ группы любопытныхъ, пришедшихъ заблаговре-
менно, чтобы обезпечить себѣ болѣе удобныя мѣста, напол-
няютъ небольшія возвышенія по пути и тѣнятся вокругъ
ораторскихъ трибунъ. Темной шумной стѣной окаймляетъ
лѣсъ этотъ безконечный залъ для собраній, гигантскимъ ку-
поломъ поднимается надъ нимъ небо, усѣянное бѣгущими
облаками. Въ тактъ движется процессія подъ этимъ купо-
ломъ. Кажется, будто никто не смотритъ ни направо, ни на-
лѣво, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія ни на полицей-
скія каски, сверкающія кругомъ, ни на конныхъ блюстите-
лей общественнаго порядка, открывающихъ и замыкающихъ
шествіе, дабы своимъ присутствіемъ напомнить бунтовщи-
камъ о силѣ государства. Беззаботно идутъ рабочіе со сво-
ими женами и дѣтьми, точно замкнутая дисциплинированная
армія. Никто не торопится, — союзъ за союзомъ выстраи-
вается у ораторскихъ трибунъ, одинъ за другимъ размѣщаются
они въ строгомъ порядкѣ, знамена образуютъ группы, му-
зыка играетъ, и съ разныхъ трибунъ къ внимающимъ мас-
самъ летятъ слова, слова, вокругъ которыхъ они собрались,
чтобы своей численностью, своей серьезностью придать имъ
вѣсъ.

Сегодня великій день. День, посвященный миру, универ-
сальному миру, примиренію съ прошлымъ, провозглашенію
побѣды въ будущемъ, уничтоженію войны, братству человѣ-
ческаго рода...

Оке Ельмъ вышелъ сегодня изъ дому собственно потому,
что между нимъ и женой произошла размолвка, одно изъ
тѣхъ спокойныхъ, горькихъ столкновеній, которыя вносили

такъ много тяжелыхъ часовъ въ прекрасный сонъ ихъ въ общемъ счастливаго брака. Размолвка, по обыкновенію, произошла изъ-за его сына Фольке, самаго чувствительнаго пункта его совѣсти, тѣмъ болѣе чувствительнаго, что этотъ ребенокъ былъ плодъ его юношеской связи, взятый обоими супругами къ себѣ въ домъ: имъ—по влеченію сердца, ея потому, что она считала это вполнѣ справедливымъ и хорошимъ, тѣмъ болѣе, что въ первую пору ихъ любви она каждую мысль своего мужа любила, казалось ей, какъ свою собственную.

Какъ бы то ни было, ребенокъ сталъ между ними и мѣшала ихъ счастью. Бродя туда и сюда и глядя на окружающую его живую картину, Іельмъ, какъ часто и прежде, думалъ о томъ, что взятый имъ къ себѣ ребенокъ по матери также принадлежитъ къ рабочему классу. „Въ этомъ есть что-то красивое“, думалъ Оке Іельмъ. Это какъ будто нѣкоторымъ образомъ сближаетъ его съ тѣмъ классомъ, къ которому онъ, какъ и многіе изъ его среды, съ юношескихъ лѣтъ чувствовалъ какое-то мечтательное почтеніе. И когда онъ осматривается, его захватываетъ воля, сила, твердость, которая рисуется на этихъ лицахъ разныхъ возрастовъ и характеровъ. Армія лицъ, лицъ, съ напряженіемъ вытягивающихся впередъ, чтобы и слова не проронить изъ того, что говорится здѣсь. „Кто ищетъ тѣхъ, которые, какъ въ Писаніи сказано, голодаютъ и жаждутъ справедливости, тотъ найдетъ ихъ здѣсь“, думаетъ учитель. Онъ видитъ старыя лица, лица съ острыми линіями, темнымъ цвѣтомъ кожи и глубоко запавшими глазами; лица молодыя съ насмѣшливыми сильными губами, подвижными, живыми глазами и быстрой игрой мускуловъ; лица горестныя и усталыя, свѣтящіяся улыбкой воодушевленія; лица жесткія и угнетенныя, таящія въ себѣ сдерживаемыя страданія и скрытый огонь, лица усталыя и мрачныя, которыя вообще ужъ не могутъ проясниться. Чѣмъ дольше онъ смотритъ на это людское море, тѣмъ опредѣленнѣе онъ чувствуетъ, что за всѣми этими лицами мужчинъ и женщинъ, стариковъ и юношей живетъ одна громадная воля. И воля эта такъ сильна, что она, когда нужно, подавляетъ всѣ стремленія, инстинкты и желанія, которыя обыкновенно двигаютъ людьми. Тысяча волей вздымается въ этомъ морѣ людей, охватывающемъ тысячи индивидовъ. И все-же въ этотъ моментъ тутъ одна лишь воля, воля, заставляющая семьи голодать, отказывать себѣ въ кускѣ хлѣба, обрекать себя на холодъ, нужду и смерть, чтобы помочь товарищамъ и самимъ себѣ. Оке Іельмъ думаетъ дальше, и его собственныя заботы кажутся ему маленькими передъ этими великими, новыми впечатлѣніями,

наполняющими его. Онъ вышелъ изъ дому, полный возбуждающихъ мыслей, и потому, можетъ быть, его воспримчивость къ истиннымъ впечатлѣніямъ такъ сильна и жива сегодня. Ему кажется, что онъ вполне чувствуетъ эту волю къ единенію, которая охватываетъ всѣхъ. Эта воля, которая сильнѣе всѣхъ отдѣльныхъ волей, собрала толпу этихъ мужчинъ и женщинъ, спаиваетъ ихъ и будетъ спаивать въ одно цѣлое. Сильна, велика, неопредѣленна эта воля, подчинившая себѣ всѣ маленькія воли, научившая ихъ тому, что тотъ, чья воля подвластна ей, можетъ претерпѣть все, можетъ добиться всего, теперь кажущагося ему недостижимымъ. Передъ его глазами поднимается картина народной воли, этого мистическаго, часто употребляемаго во зло слова, народной воли, по поводу которой онъ такъ часто съ иронической улыбкой пожималъ плечами, и которая сегодня, однако, кажется ему силой, данной отъ Бога и способной преобразовать міръ.

Съ ораторской трибуны надъ его головой несутся слова, слова старая и честная, столь хорошо ему знакомыя. Они говорятъ о мирѣ, который наступить, о войнѣ, которая должна стать невозможной. Что такое политика? Открытая игра фальшивыми картами. Жестокая, лживая игра человѣческими судьбами. Ложно понятыя интересы, ввергающіе индивидовъ въ преступленія и народы въ несчастье. Въ корнѣ своемъ лишь погоня за барышемъ и наслажденіями. Сказочныя привидѣнія мрачныхъ временъ, точно вампиры, высасывающіе кровь народа. Развѣ не всѣ мы братья? Кто изъ васъ, стоящихъ здѣсь, хотѣлъ бы убить своего ближняго?

Учитель Оке Іельмъ стоялъ и прислушивался къ мыслямъ, хорошо ему знакомымъ. Онъ слышалъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Онъ встрѣчалъ ихъ въ твореніяхъ мыслителей, въ мечтахъ поэтовъ. Впервые услышалъ онъ ихъ изъ устъ своей матери: онъ стоялъ у колѣнъ ея, а она читала ему Библию. Теперь онъ вдругъ показались ему совершенно новыми. Это были совсѣмъ не тѣ мысли, которыя онъ обдумывалъ въ тиши своего кабинета, сомнѣваясь, мудрствуя и завѣшивая всѣ возможности и невозможности. Онъ стоялъ среди тѣхъ, что вѣрують, онъ чувствовалъ себя частью цѣлаго, однимъ изъ многихъ. И во все то, что онъ слышалъ, видѣлъ, думалъ и чувствовалъ, страннымъ образомъ вплеталась мысль о его ребенкѣ, сынѣ работницы. Его охватило новое и страшное чувство смиренія. Вѣдь все то, что говорилось здѣсь, было такъ просто, почему же оно не можетъ быть возможнымъ? И перепрыгнувъ черезъ всѣ запутанные лабиринты мысли, онъ прислушивался лишь къ голосу, говорившему въ немъ. Этотъ голосъ звучалъ ясно: оно возможно.

Оглянись среди этихъ тысячъ людей! Они вѣрятъ въ свою собственную волю. И потому они смѣютъ вѣрить. И потому для нихъ все возможно.

Онъ опять посмотрѣлъ на людское море передъ собою. „Когда поднимается буря,—думалъ онъ—буря достаточно сильная, то все море вздымается однимъ мощнымъ валомъ, и никто не думаетъ уже о маленькихъ волнахъ! Всѣ онѣ сливаются въ одно, поднимаются къ облакамъ,—никто не можетъ противостоять имъ. Обломки выбрасываются на берегъ, маны разрушаются, мачты трещатъ, люди ползутъ на четверенькахъ, чтобы не быть смытыми. Развѣ объединенная воля не есть подобное же море, которому никто не можетъ противостоять, когда оно разыграется?“

Неподвижно стоитъ толпа. Лишь кое-гдѣ по густо стѣсненнымъ лицамъ пробѣгаетъ легкое движеніе. Горящіе глаза словно ловятъ каждое слово оратора на трибунѣ. Самого оратора Оке Иельмъ не видитъ уже, онъ видитъ лишь глаза эти, которые горятъ однимъ пламенемъ, одной волей, объединившейся для одной и той же цѣли.

И его пробираетъ дрожь. Онъ вспоминаетъ ту позорную рознь, которая отдѣляетъ людей его класса другъ отъ друга. Онъ произноситъ надъ собой ясный и рѣзкій приговоръ и думаетъ:

„Чего бы я не далъ за то, чтобы разъ въ жизни почувствовать въ себѣ дрожаніе этой воли, чтобы знать, что ихъ цѣль—моя цѣль. Но этого уже не будетъ. Почему, я самъ не знаю. Я чувствую только, что это такъ“.

Рѣчь кончается, громадный кортежъ готовится двинуться къ городу, изъ котораго сегодня экипажи катятся по направлению къ Зоологическому саду. Иельмъ условился повидаться сегодня вечеромъ съ нѣсколькими друзьями. Одинокій бродитъ онъ по широкой площади, весь полный впечатлѣніями пережитаго. У него такое чувство, будто исчезло все, кромѣ ощущеній будущаго, только что крѣпко связывавшихъ его съ толпой, будто въ эту минуту лишь они живутъ въ немъ. Все другое кажется ему столь фантастичнымъ и химеричнымъ, точно оно совсѣмъ и не существовало.

Своеобразно оживленный и возбужденный этими и подобными мыслями, Иельмъ медленно ходилъ по Карлавегу. Шаги его были нѣсколько тяжелы, какъ у человѣка, не имѣющаго цѣли и волнуемаго противоположными чувствами. Онъ ужъ не молодъ. Объ этомъ достаточно ясно свидѣтельствуеетъ его лицо съ свѣтлорусой бородой вокругъ крѣпко сжатаго рта и съ глубоко сидящими глазами за золотыми очками. Выраженіе, оживляющее теперь лицо учителя, не обыкновенное. Съ годами по лицу его разлилось какое-то

спокойствіе, бюргерское довольство, и потребность гармонической жизни научила его владѣть своими мыслями. Сегодня у него видъ бунтовщика. При каждомъ шагѣ онъ энергично ударяетъ палкой о мостовую, точно хочетъ вбить въ землю мысли, мучающія его. И нашъ учитель, который прежде проводилъ самую рѣзкую грань между истинно свободомыслящимъ и социалистомъ, теперь слонѣтъ чувствъ, стоящихъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ убѣжденіями, доставляющими человѣку уваженіе общества и государства.

Такое настроеніе было для Иельма необычно.

Прежде, чѣмъ обогнуть улицу Стура, онъ останавливается и задумчиво глядитъ на Гумельскій садъ. Не видать еще ни одной почки на деревьяхъ, висятъ голыя вѣтви— сѣтъ изъ тысячи витей, черезъ которую сверкаетъ голубое небо со своими бѣлыми торопливыми облаками. Кругомъ толпы людей стремятся къ городу, чтобы разсѣяться по всему огромному Стокгольму, въ которомъ сегодня многіе кварталы лежатъ нѣмые, точно мертвые. Мимо него съ шумомъ проходитъ трамвай. Съ трудомъ проводитъ кондукторъ свой вагонъ черезъ всю эту толпу, его голосъ покрываетъ голоса на площадкѣ вагона, гдѣ началась ссора изъ-за того, что набралось слишкомъ много пассажировъ. Точно вытолкнутый изъ толпы, ковыляетъ по улицѣ плохо одѣтый человѣкъ. Онъ останавливается съ проклятіями на устахъ и грозитъ кулакомъ уѣзжающему вагону.

Иельмъ видитъ все это. Съ гримасой на лицѣ, точно жедая стряхнуть съ себя что-то гадкое, онъ входитъ въ паркъ, подъ высокія деревья, за которыми поднимается гигантскій фасадъ библиотеки. Ему какъ-то вдругъ приходитъ на память стихотвореніе Виктора Гюго о библиотекѣ, которую поджегъ во время коммуны рабочій. И онъ повторяетъ про себя заключительныя слова, краткую самозащиту рабочего: „Я не умѣю читать!“ А заглавіе: „Кто виновать?“ Онъ улыбается въ бороду и, прерывая свои мысли, вполголоса говоритъ: „Не про насъ это. У насъ каждый умѣетъ читать. На это здѣсь жаловаться не прихолится“.

Онъ думаетъ о своемъ трудѣ, ожидающемъ его дома, о капитальномъ, многолѣтнемъ изслѣдованіи, которое когда-нибудь броситъ свѣтъ на одинъ изъ жизненныхъ вопросовъ человечества. Какъ у многихъ представителей его поколѣнія, и у него въ одномъ изъ ящичковъ письменнаго стола хранится тайна—широко задуманная работа подъ названіемъ: „Мысли о современномъ недовольствѣ“, которая должна явиться разрѣшеніемъ социальнаго вопроса. Трудъ этотъ уже нѣсколько разъ начинался заново, не разъ переписывался, но все еще не готовъ. Сегодня онъ вполнѣ естественно

Январь. Отдѣлъ I.

приходить Йельму на умъ. Ему вдругъ представляется, что онъ открылъ совершенно новую мысль для освѣщенія великой идеи примиренія, мысль, которая, по его мнѣнію, съ небывалою яркостью возвысится надъ идеей классовой ненависти. Онъ думаетъ про все то, что писали, что дѣлали просвѣщенные люди его времени. И это успокаиваетъ его. Онъ думаетъ затѣмъ о своемъ домѣ, о своей женѣ, о Фольке, о своемъ положеніи свободомыслящаго между свободомыслящими, которые взаимно поддерживаютъ и уважаютъ другъ друга, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ оплотъ противъ реакціи, повсюду поднимающей голову. Ему кажется, будто весь этотъ міръ, которому онъ принадлежитъ тѣломъ и душой, сталъ ему вдругъ чуждымъ. Мысль о немъ совершенно не гармонируетъ съ его теперешними чувствами. Этотъ міръ кажется ему вдругъ такимъ узкимъ, такимъ полнымъ предразсудковъ и такимъ бѣднымъ идеалами, какъ и все общество, которое онъ и его товарищи по убѣжденіямъ всегда критиковали такъ свысока. Развѣ не ежедневно происходятъ чудеса? Развѣ не въ то самое время, когда люди соединялись въ кружки, разбирали проекты реформъ, улучшали въ своихъ книгахъ міръ — развѣ не въ это самое время произошло то, чего никто не видитъ, не хочетъ видѣть? Не переживаютъ ли они всѣ такое время, когда все, что происходитъ, перерастаетъ черезъ ихъ головы? Не переросли ли ихъ самихъ духи ихъ собственныхъ мыслей, превратившіяся въ плоть и кровь, вліяя, подкапывая, низвергая и возвѣщая новыя времена, прежде чѣмъ мыслители, ученые, поэты и реформаторы міра успѣвали кончать свои произведенія? Въ одинъ прекрасный день все то, о чемъ они грезили, для чего работали, окажется, быть можетъ, дѣйствительностью, но произойдетъ это такъ, что ни одинъ человѣкъ, будь онъ самый проникательный, не въ состояніи будетъ предсказать это.

У Йельма было такое чувство, будто онъ долженъ вырваться изъ водоворота, грозящаго поглотить его. „Какъ все спокойно кругомъ“, подумалъ онъ вдругъ: „какъ тихо стало!“ Одинокѣ шагаль онъ по широкимъ аллеямъ парка и шумъ волнующагося человѣческаго моря глухо отдавался въ его ухахъ. Одинокѣ бродилъ онъ по широкому среднему проходу, повернулъ назадъ, пошелъ опять впередъ. Игравшія здѣсь обыкновенно дѣти давно уже ушли домой — время игръ прошло. На улицахъ виднѣлись кучки людей, возвращавшихся домой, отдѣльные осколки недавно передъ тѣмъ собравшагося многолюднаго народнаго шествія.

Вдругъ Йельму показалось, что потокъ людей, стремившійся по улицѣ Стура, остановился, точно разбился, рас-

щепился: люди остановились и прислушивались — и въ тотъ же моментъ до его уха долетѣлъ рѣзкій короткій трескъ, который, отразившись отъ сплошныхъ рядовъ домовъ, прогремѣлъ надъ тихимъ паркомъ. Тутъ же онъ увидѣлъ, что люди бросились бѣжать. Они бѣжали по дерну, прыгали черезъ проволочную ограду, вопреки запрещенію полиціи. Иельмъ тоже ускорилъ шаги и увидѣлъ, что толпа стѣснилась вокругъ скамейки, стоявшей въ полукругѣ низкаго кустарника вокругъ плакучей ивы.

Подойдя ближе, онъ такъ взволновался, точно почувствовалъ наступленіе катастрофы, которую давно предвидѣлъ. Онъ пробился сквозь спины, скучившіяся вокругъ этого мѣста. Вначалѣ онъ ничего не могъ разобрать. Вниманіе массы съ такимъ напряженіемъ было обращено на то, что происходило въ серединѣ, что никто не обернулся и не отвѣтилъ ему на его вопросы. Вытянувъ шею, толпа людей тѣснилась вокругъ площадки безмолвно и тихо, словно видя что-то ужасное, что пригвоздило ихъ къ мѣсту, парализовало языки и превратило ихъ въ нѣмыхъ. Наконецъ, какой-то человѣкъ съ искаженнымъ лицомъ, выбившійся изъ толпы, чтобы уйти, сказалъ ему:

— Рабочій застрѣлился, — взорвалъ динамитный патронъ во рту.

Иельмъ отшатнулся.

— Сегодня? — крикнулъ онъ. — И здѣсь?

— Да! Почему бы не сегодня? И почему бы не здѣсь?

Говорившій тоже былъ рабочій. Въ петлицѣ онъ носилъ значекъ перваго мая.

— Онъ также хотѣлъ содѣйствовать демонстраціи по своему.

Говорившій разсмѣялся короткимъ смѣхомъ, и смѣхъ этотъ походилъ на гримасу. Его рѣзко очерченное лицо съ густыми усами подергивалось. Въ сѣрыхъ глазахъ засверкали искры ненависти и жестокости, и онъ быстро удалился, словно сказалъ слишкомъ много или хотѣлъ сказать еще больше, но счелъ за лучшее промолчать.

Въ ту же минуту раздался голосъ:

— Разступитесь!

Полицейская каска вынырнула надъ толпой, которая нехотя отодвинулась въ сторону.

Иельмъ стоялъ, точно пригвожденный ужасомъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ представшей передъ нимъ картины. На скамейкѣ лежала съежившаяся фигура. Издали виднѣлось лишь что-то сѣрое, выдѣлявшееся на зеленой доскѣ. Фигура лежала такъ скорчившись, что едва обнаруживала человѣческія очертанія. Шапка не упала съ головы, а лишь

надвинулась на лицо. Виднѣлась только бородастая щека, да пара худыхъ, волосатыхъ рукъ. „Удивительно, что голова не разлетѣлась“, подумалъ Иельмъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что изъ той части головы, которой не было видно, красная кровь капала на землю, такъ что подъ скамьей образовалась уже цѣлая лужа...

Иельмъ судорожно отвернулся. Полицейскій обхватилъ тѣло самоубійцы, чтобы повернуть и осмотрѣть его.

— Вы опоздали, сударь, — какъ всегда! — раздался голосъ.

Никто не отвѣтилъ и даже не посмотрѣлъ, кто сказалъ эти слова, — такъ безобразно этотъ голосъ прервалъ мысли присутствующихъ. Одинъ за другимъ люди стали отворачиваться и тихо уходить. Точно произнесено было богохуленіе и всѣ старались возможно скорѣе позабыть о немъ.

Когда толпа вокругъ мѣста катастрофы порѣдѣла, Иельмъ обратилъ вниманіе на женщину, которая по виду также принадлежала къ рабочему классу. Она стояла возлѣ покойника и, казалось, совершенно не замѣчала, что вокругъ нея стало пусто. И она носила на своей поношенной кофтѣ рабочій значекъ. Она стояла съ опущенными глазами, точно ждала чего-то.

— Вы знаете его? — спросилъ полицейскій.

Женщина вся вздрогнула, словно отъ испуга.

— Нѣтъ, — быстро отвѣтила она и осмотрѣлась растерянными глазами.

— Такъ идите! Чего вы здѣсь стоите?

Полицейскій потерялъ терпѣніе. Онъ вложилъ въ ротъ свистокъ, чтобы призвать на помощь и убрать трупъ.

Женщина послушалась и удалилась, но лишь настолько, чтобы имѣть возможность издали слышать и видѣть, что произойдетъ. Она опять неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, точно не слыхала и не видала людей, которые безостановочно двигались туда и обратно.

Оке Иельмъ не могъ оторвать глазъ отъ этой женщины. На ней было сѣрое пальто. Лента на шляпѣ была нѣкогда красной. Ея широкополая шляпа криво сидѣла надъ лицомъ съ странно блуждающими глазами, ничего, казалось, не видѣвшими. Точно пригвожденный, стоялъ онъ на своемъ мѣстѣ. „Что за день сегодня“, думалъ онъ. У него было такое чувство, будто въ его мозгу должно что-то остановиться, застыть. „Что только не происходитъ сегодня? Что еще произойдетъ?“ И вдругъ ему пришла мысль. „Какъ можно послѣ всего случившагося вернуться домой? Что я скажу дома? Кто меня пойметъ? Она — меньше всего!“ Онъ сталъ думать о своей женѣ, и въ томъ напряженіи, въ ко-

тормъ онъ теперь находился, ему казалось, что онъ еще никогда не разсматривалъ ея съ такой уничтожающей рѣзкостью. То, что онъ видѣлъ и пережилъ сегодня, какъ бы сорвало завѣсу съ его жизни. Онъ увидалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ прежде, когда онъ еще жилъ въ маленькой меблированной комнатѣ. И въ этой маленькой комнаткѣ, узкой и ужъ менѣе всего красивой, онъ видѣлъ веселую фабричную дѣвушку, которая была счастлива, оттого, что онъ относился хорошо къ ней и къ ея ребенку. Къ ней, думалъ онъ, ему нужно было бы пойти сегодня. И при воспоминашн о ней и ея судьбѣ его пробиралъ холодъ; онъ совершенно растерялся отъ своихъ собственныхъ мыслей.

Въ тотъ же моментъ онъ покраснѣлъ отъ мысли, что можетъ теперь думать о себѣ. Оглянувшись, онъ замѣтилъ, что двѣ дамы, одну изъ которыхъ онъ зналъ, подошли къ самоубійцѣ. Онъ стояли передъ нимъ, объятаы ужасомъ, и, не сказавъ ни слова, тотчасъ же повернулись, чтобы уйти. Иельмъ былъ имъ почти благодаренъ, что онѣ съ нимъ не заговорили. Уходя, знакомая дама промолвила:

— Ужасно! Немогу онъ, по крайней мѣрѣ, взять револьвера?

Работница, которую онъ такъ долго наблюдалъ, вся вадрогнула, точно почувствовала себя оскорбленной. Глаза на ея сѣровато-блѣдномъ лицѣ загорѣлись, щеки оживились легкимъ румянцемъ. Когда дамы проходили мимо нея, она посмотрѣла говорившей въ глаза и тихо сказала:

— Если-бы у него были деньги на револьверъ, онъ бы не застрѣлился!

Быстро, точно преслѣдуемая, обѣ дамы успѣшили уйти. На улицахъ и въ паркѣ все еще виднѣлись толпы мужчинъ и женщинъ, направлявшихся домой. Вотъ за ближайшимъ угломъ исчезло послѣднее красное знамя.

II.

Въ ту же минуту Оке Иельмъ почувствовалъ на своемъ плечѣ легкое, быстрое прикосновеніе руки. Обернувшись, онъ весь вадрогнулъ. Стоявшій передъ нимъ человѣкъ послѣдно кивнулъ ему головой, почти не сводя глазъ съ проиходящей передъ нимъ сцены.

— Извѣстно, почему?

— Нѣтъ, — возразилъ Иельмъ.

— Идемъ! Уйдемъ отсюда!

Говорившій былъ человѣкъ низкаго роста, видимо нервный, съ необыкновенно большимъ лицомъ, не знающимъ ни

минуты покоя. Трудно было сказать, что опредѣляло характеръ этого лица: глаза ли, высокій ли лобъ, ротъ ли своими глубокими линіями, или же, наконецъ, густые усы, свисавшіе на круглый подбородокъ: выраженіе этого лица мѣнялось такъ быстро и такъ часто, что невозможно было разобрать подробности отдѣльныхъ чертъ.

Идя бокъ о бокъ со своимъ спутникомъ, Оке Іельмъ старался разсмотрѣть его. Въ немъ проснулася бездна воспоминаній, воспоминаній юношескихъ лѣтъ, поры надеждъ и обѣщаній, поры, когда его собственная кровь текла быстрѣе. Когда-то онъ передъ этимъ человѣкомъ преклонялся, былъ ему близокъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему. И какъ разъ теперь онъ долженъ былъ придти, вынырнуть изъ толпы, отдѣляющей въ большомъ городѣ людей другъ отъ друга. „У него ужасно нервный видъ“, думалъ учитель. На ходу онъ пытался высчитать, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ. И онъ сказалъ себѣ: „Что изъ него вышло?“ Онъ былъ въ полной неизвѣстности относительно человѣка, который нѣкогда былъ его другомъ.

Онъ искалъ словъ, но не нашелъ ничего, кромѣ обычнаго признанія въ несостоятельности, которымъ обыкновенно начинается разговоръ бывшихъ друзей.

— Давненько ужъ мы съ тобой не видались!

— И вдругъ встрѣтились здѣсь! Да... всякое бываетъ!

Тотъ тихо улыбнулся, точно былъ занятъ совсѣмъ не тѣмъ, что говорилъ.

— Стокгольмъ разросся, — продолжалъ Іельмъ.

— Да, рѣдко встрѣчаешься.

Какъ бы считая все же само собою понятнымъ, что они проведутъ день вмѣстѣ, новоприбывшій обогнулъ площадь Стура и повернулъ къ Hotel Anglais. Когда Іельмъ сказалъ, что ему нужно объяснить по телефону, почему онъ не можетъ придти домой къ обѣду, тотъ молча кивнулъ головой и исчезъ. Когда учитель вслѣдъ затѣмъ не засталъ своего спутника въ столовой, прислуживавшій оберъ-кельнеръ сказалъ ему шопотомъ, точно сообщая нѣчто крайне интимное:

— Господинъ адвокатъ навѣрно у буфета.

Но тутъ онъ какъ разъ явился. Какъ ни въ чемъ не бывало, онъ прошелъ всю столовую и сѣлъ за свободный столъ.

Оке Іельмъ сидѣлъ молча и думалъ о томъ, какъ скоро сглаживаются даже самыя сильныя впечатлѣнія. Всего часъ тому назадъ онъ шелъ по направленію къ городу съ такимъ чувствомъ, точно земля подъ его ногами качается и онъ и весь міръ, къ которому онъ принадлежитъ, ступаютъ по вулкану. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ очевидцемъ такой ужас-

ной сцены, которая должна была бы навѣки запечатлѣться въ сердцѣ человѣка, сочувствующаго своимъ собратьямъ и имѣющаго хоть малѣйшее понятіе о справедливости. И вотъ, стоило ему попасть опять въ ту обстановку, которую онъ привыкъ считать своей, чтобы недавнее возбужденіе постепенно улеглось: такъ мало гармонировало все имъ пережитое съ этимъ благоустроеннымъ веселымъ заломъ, гдѣ всѣ мѣста были заняты элегантно одѣтыми кавалерами и дамами, гдѣ онъ самъ сидѣлъ за бутылкой хорошаго бордо у ослѣпительно-бѣлаго стола, который съ почтительнымъ усердіемъ накрывалъ къ обѣду лакей во фракѣ. Онъ такъ привыкъ къ рѣзкимъ переходамъ отъ безобразій жизни къ матеріальнымъ и духовнымъ удовольствіямъ, что онъ, какъ и всѣ мы вообще, могъ удѣлить этому противорѣчію въ своей жизни лишь мимолетное вниманіе. „Къ счастью, интенсивность нашей собственной жизни не даетъ намъ такъ сильно страдать отъ всего“, думалъ онъ. И, чокаясь со своимъ сосѣдомъ, онъ улыбнулся печально и мягко. Душа его была полна воспоминаній о тѣхъ далекихъ временахъ, когда они оба, разлученные потомъ жизнью, были еще близки другъ другу. А Іельмъ цѣнилъ дружбу очень высоко: дружба была для него лучшей приправой въ жизни.

— А ты по прежнему счастливъ въ своей семейной жизни? — сказалъ Оскаръ Стейнертъ.

Учителю стало тепло на сердцѣ, какъ всегда, когда заговаривали о его семьѣ. Мысли, раздиравшія его душу, пока онъ переживалъ внутреннее смятеніе, замолкли, когда смятеніе это мало-по-малу улеглось и прошло. Онъ казались ему теперь такими недостойными, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ забылъ бы ихъ совершенно. Чувство, что въ мысляхъ своихъ онъ безъ всякаго основанія поступилъ несправедливо по отношенію къ своей женѣ, вызвало въ немъ такое движеніе, будто онъ преклоняетъ колѣни въ святилищѣ.

— У меня еще лучше, чѣмъ тогда, когда ты меня посѣтилъ, — сказалъ онъ въ отвѣтъ.

Въ послѣднихъ словахъ было что-то въ родѣ вызова. И, точно желая сгладить это впечатлѣніе, онъ спросилъ:

— А ты?

Стейнертъ улыбнулся. Его взгляды скользили мимо Іельма въ пространство.

— Не говори обо мнѣ, — сказалъ онъ. — Я вышелъ, чтобы забыться.

Іельмъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Да, — продолжалъ тотъ. — Развѣ въ этомъ есть что-нибудь особенное? Развѣ не всѣ мы нуждаемся въ забвеніи? Замѣть, я не говорю, что при этомъ должно быть что-нибудь

неприятное. Бываетъ необходимость забыть и другія вещи, кромѣ неприятныхъ. Я легко могу представить себѣ случай, когда живешь въ такомъ опьяненіи счастья, что и это хочется забыть. Знаешь, что я думалъ, когда мы встрѣтились раньше? Я думалъ: вотъ тоже человѣкъ, который ищетъ забвенія. И Богъ знаетъ, обрѣлъ ли онъ его. Вотъ что думалъ я... Я знаю, что ты хочешь сказать. У тебя мысли въ полномъ порядкѣ. Ты думаешь, такъ сказать, систематически. Твердо и ясно ты разъ навсегда подвелъ счетъ съ самимъ собой, и итогъ таковъ: все, что происходитъ послѣ того, какъ прогремитъ выстрѣлъ, или подѣйствуетъ ядъ, или природа обычнымъ, естественнымъ порядкомъ совершить свое дѣло,—все это есть плюсъ—минусъ нуль. Я смотрѣлъ на лежавшаго тамъ человѣка, и онъ не могъ опровергнуть этой мысли. Но вотъ мой взглядъ упалъ на стоящую тутъ же женщину. Я видѣлъ, что и ты наблюдалъ ее. Да иначе и нельзя было. Она стояла точно фантастическое воплощеніе ужаса. Фантастическое—ибо она была и проста, и ужасна, и вся поза ея воплощала угрозу, а не смотрѣть на нее было невозможно, и врядъ ли возможно будетъ скоро ее забыть. Она думала о томъ, обрѣлъ ли покойникъ забвеніе или нѣтъ. Я въ этомъ увѣренъ.

Иельмъ улыбнулся.

— А я въ этомъ не такъ-то увѣренъ, — отвѣтилъ онъ. — Можетъ быть, потому, что я былъ сегодня тамъ на площади.

— И принималъ участіе въ манифестаціяхъ угнетенныхъ? Пожималъ „мозолистую руку“?

Оке Иельмъ вадрогнулъ. На его лицѣ появилось выраженіе благороднаго возмущенія, которое, казалось, смѣшило его собесѣдника.

— Объ участіи въ манифестаціи говорить не приходится, — сказалъ онъ спокойно. — Участвуетъ ли какой-нибудь бѣдный учитель, какъ я, въ манифестаціи или нѣтъ,—это не важно. Я отправился туда лишь потому, что у меня былъ свободный день, и меня что-то тянуло туда вопреки моей волѣ. И я ушелъ съ такимъ чувствомъ, что было бы хорошо, если-бъ многіе поступали такъ, какъ я. Быть можетъ, тогда мы были бы менѣе чужды другъ другу.

— Ты думаешь?—прервалъ его Стейнертъ.

— Можетъ быть, да, а, можетъ, и нѣтъ,—былъ отвѣтъ.—Во всякомъ случаѣ стоило бы попытаться. Но вотъ что я хотѣлъ сказать: непосредственно послѣ того какъ я пришелъ отсюда, я сталъ очевидцемъ этой сцены. Я весь еще былъ подъ впечатлѣніемъ всего слышаннаго и перечувствованнаго. И потому я все видѣлъ не тѣми глазами, что ты. Въ выраженіи застывшаго ужаса, разлитомъ по ея лицу, во всей ея фигурѣ

я ясно и рѣзко видѣлъ одну лишь мысль: неужели все, на что мы надѣмся, должно кончиться такъ? Неужели для насъ нѣтъ никакихъ надеждъ? Или, можетъ быть: сколько человѣкъ еще должны такъ кончить, прежде чѣмъ придетъ нашъ день?

Оскаръ Стейнертъ посмотрѣлъ на стараго пріятеля. Когда онъ опять сталъ говорить, въ его голосѣ звучали уже другія ноты. Онъ былъ тихъ и спокоенъ, а не сухъ и рѣзокъ, какъ прежде.

— Можно и такъ думать,—сказалъ онъ.

Точно раскаяваясь, что онъ уступилъ, что выдалъ чувство, которое хотѣлъ скрыть въ себѣ, онъ съ прежней рѣзкостью спросилъ:

— То, что ты говоришь, ты думаешь серьезно?

— Ты сомнѣваешься въ этомъ?—возразилъ учитель.

Его маленькіе, глубоко сидящіе глаза засверкали изъ-за очковъ.

— Да, да,—сказалъ адвокатъ,—конечно, ты думаешь то, что говоришь. Но что это должно означать? Я тоже думаю то, что сказалъ, если придать словамъ нѣсколько болѣе широкое значеніе. И все же я сижу здѣсь и обѣдаю и пью бордо. Я, можетъ, возьму также стаканъ мадеры послѣ обѣда, и гаванскую сигару къ кофе, и стаканъ—другой виски. И ты также. Ничто во всемъ мірѣ не можетъ намъ въ этомъ помѣшать. Ни наши страданія по поводу всѣхъ несправедливостей жизни, ни нашъ ужасъ по поводу этого самоубійства. Чревоугодіе, видишь ли, править нами,—будь мы поэты или мыслители, реальные политики или мечтатели, фарисеи или мытари. Никто изъ насъ, ни ты, ни я, не подошелъ къ этой женщинѣ, не предложилъ ей руку и не увелъ ея оттуда. Можетъ, это была его жена, невѣста, сестра. Вполнѣ возможно.

— Это вѣрно,—возразилъ Оке Іельмъ.—Но это происходитъ отъ того, что насъ часто удерживаетъ боязнь и нерѣшительность, можетъ быть, также сословные предразсудки. Но вѣдь тѣмъ не менѣе то, что мы чувствуемъ, можетъ все-таки быть искренне и хорошо.

— Да, но слабо,—сказалъ Стейнертъ.—Слабо и потому малоцѣнно.

Учитель нѣкоторое время молчалъ. Потомъ поднялъ глаза и сказалъ безъ малѣйшей ироніи въ голосѣ, точно говорилъ нѣчто, само собою разумѣющееся.

— Почему ты не пишешь?

Тотъ разсмѣялся. Его мягкая рука скользнула по лицу, точно ему нужно было что-то стереть съ него или скрыть.

— Не могу,—сказалъ онъ.—Ты вѣдь это знаешь. Я пишу дѣловыя бумаги въ качествѣ адвоката.

Оке Иельмъ почувствовалъ, что онъ въ эту минуту, можетъ быть, слишкомъ много позволяетъ себѣ. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ удержаться, у него вырвалось „почему“?

— Ты ужъ разъ спрашивалъ меня такъ, — возразилъ Стейнертъ хрипло. — Ты забылъ?

Его лицо разомъ стало жесткимъ, глаза буквально кололи. Въ головѣ Оке Иельма промелькнуло полузабытое воспоминаніе, воспоминаніе о разговорѣ, который ему самому былъ безразличенъ и чуждъ, о словахъ, которыя онъ сказалъ, ничего не думая при этомъ, о горячей сценѣ, послѣдовавшей за ними и объ его собственномъ безграничномъ удивленіи по поводу дѣйствія, вызваннаго его словами. Ему казалось, что онъ еще разъ переживаетъ всю эту сцену, что онъ вдругъ перенесенъ на много лѣтъ назадъ. Онъ видѣлъ себя въ обществѣ товарищей и слышалъ тотъ же гнѣвный голосъ, что и теперь, видѣлъ обращенными на себя тѣ же колючіе глаза и его охватила та же робость, что и тогда, боязнь, что онъ помимо своей воли причинилъ человѣку страданіе.

Много подобныхъ сценъ происходило между Иельмомъ и Стейнертомъ, сценъ, на которыя никто изъ нихъ не смотрѣлъ очень трагично, но которыя въ концѣ концовъ разлучили ихъ. Въ сущности они всегда были чужды другъ другу. Соединяли ихъ лишь общіе друзья, а однородные интересы наталкивали ихъ на безконечные, безцѣльные юношескіе разговоры.

Иельмъ подумалъ вдругъ о томъ, что и онъ могъ бы вспомнить подобныя сцены со стороны Стейнерта, если-бъ началъ копаться. И когда въ головѣ его промелькнула эта мысль, въ немъ проснулось какое-то неопредѣленное чувство злобы, которое все еще жило въ немъ, хотя столь долгіе годы отдѣляли его отъ этого человѣка, съ которымъ онъ встрѣтился сегодня совершенно случайно.

— Я вижу, ты начинаешь вспоминать, — продолжалъ Стейнертъ нѣсколько болѣе мягкимъ тономъ.

— А я тебѣ хочу сказать лишь одно: для меня личная свобода выше всего, и притомъ такая степень свободы, что ты навѣрное и не представляешь себѣ, какъ можетъ человѣкъ требовать ея для себя. Я хочу имѣть право распоряжаться своей жизнью такъ, какъ *мнѣ* хочется. Я хочу имѣть право самого себя разорить, довести до гибели, замучить до смерти, сжечь на внутреннемъ огнѣ, и чтобы никто при этомъ не смѣлъ спрашивать меня, почему. Я требую, чтобы я, если мнѣ угодно, имѣлъ право спиться, довести себя до гибели развратомъ и легкомысліемъ и никому до этого не должно быть никакого дѣла. Ты понимаешь это?

Оке Иельмъ подумалъ минуту, прежде чѣмъ отвѣтилъ. Но собесѣдникъ не далъ ему говорить.

— Все это прошло... забыто,—сказалъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ.—Можно многое сказать по этому поводу. И то, что тебѣ казалось тогда чуждымъ, теперь, можетъ быть, покажется тебѣ менѣе неяснымъ. Въ жизни всякаго человѣка могутъ наступить событія, которыя разъ навсегда убиваютъ всю его жизненную энергію. Представь себѣ, что нѣчто подобное случилось со мною. Что случилось, и случилось ли вообще что-нибудь, на этомъ вопросѣ я не считаю нужнымъ останавливаться подробнѣе. Ты помнишь, можетъ быть, тотъ кругъ, къ которому мы, молодые тогда, принадлежали. Онъ соприкасался со всѣмъ, что расцвѣтало тогда въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ. Духъ возрожденія, перерожденія носился тогда по всей странѣ. Какъ говорилъ старый борецъ давно прошедшихъ временъ: „Души проснулись. Стало наслажденіемъ жить!“ Не переживали ли и мы нѣчто подобное? Не чувствовали ли мы вокругъ себя въ воздухѣ нѣкихъ духовъ? Не казалось ли намъ, что въ насъ и вокругъ насъ начинается новая жизнь? Не испытывали ли мы наслажденіе жить? Въ то время и я столкнулся съ тѣми мужчинами и женщинами. Я *долженъ* былъ сблизиться съ ними, я думалъ, что *долженъ* пожимать имъ руку, внимать ихъ голосу. Со всѣми я былъ на ты, со всѣми мужчинами по крайней мѣрѣ. Теперь мы встрѣчаемся, какъ чужіе. Намъ нечего сказать другъ другу. Обособленность захватила насъ въ свою власть и никто не слушаетъ того, что говорить другой.

Оке Иельмъ прервалъ говорящаго.

— Ты увѣренъ въ томъ, что никто не слушаетъ? Неужели ты на самомъ дѣлѣ считаешь, что сила обособленности такъ велика?

Оскаръ Стейнертъ разсмѣялся своимъ короткимъ замкнутымъ смѣхомъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ такъ кажется. Я не лучшей гадатель, чѣмъ другой. Мнѣ кажется, будто люди бродятъ въ какомъ-то туманѣ, не зная навѣрное, кого они собственно встрѣчаютъ. А тѣ двое, которые встрѣчаются, оказываются столь далекими другъ отъ друга, что не стоитъ уже возвращаться ради новой встрѣчи. Но, какъ я сказалъ уже, тогда было иначе. Тогда воздухъ былъ, какъ бы сказать, прохладный, прозрачный, по временамъ нѣсколько суровый, но имъ все-таки можно было дышать. Помнишь ли еще ты наши безконечные разговоры по ночамъ? Я думаю, тогда я переживалъ вещи, которыя уже не вернутся: то, что называется молодостью, и жизнью, и

вѣрою, и т. д. Мы читали всякую новую книгу, всякую газетную статью, дававшую тему для новаго разговора. Мы ждали новыхъ картинъ и статуй, какъ волнующихъ мѣръ событій, мы прислушивались къ парламентскимъ дебатамъ и дрожали отъ волненія за исходъ всякихъ выборовъ. Насъ приводили въ трепетъ событія великаго міра, и смерть героя повергала насъ всѣхъ въ печаль. Знаешь ты, что собственно терзало меня тогда все время?

Стейнертъ наклонился къ столу и посмотрѣлъ своему другу въ глаза. Его собственные глаза горѣли какъ бы фосфорическимъ блескомъ.

— Ты не можешь этого знать,—продолжалъ онъ.—Это слишкомъ парадоксально. Меня терзало то, что ты и всѣ вы въ этомъ кругу, товарищи, хочю я сказать, смотрѣли на меня, какъ на какой-то, такъ сказать, свѣточъ. У меня было такое чувство, что вы всѣ чего-то требуете отъ меня, ждете, чтобы я что-то написалъ, сдѣлалъ, чѣмъ-нибудь проявилъ себя.

— Да, вѣрно,—сказалъ вдругъ Іельмъ съ необычной для него энергіей.—Неужели это было тебѣ такъ непріятно?

— Это кажется страннымъ,—возразилъ Стейнертъ,—а между тѣмъ это такъ. Я сталъ адвокатомъ. Я, какъ говорится, утилизировалъ свой дипломъ. Но мнѣ казалось, что я совершилъ преступленіе. Вокругъ меня какъ-то разомъ все замолкло. Быть можетъ, я могъ бы объяснить, почему. Но все это теперь такъ старо, что самое лучшее не говорить объ этомъ. Скажи мнѣ лишь одно: какое вообще право имѣли вы—ты, товарищи, другіе люди, возлагать на меня отвѣтственность въ задачахъ, которыхъ я самъ на себя не возлагалъ? Личность есть личность. Кто имѣетъ право или возможность вторгнуться въ душу другого и предписывать ему, что дѣлать?

Оке Іельмъ разгорячился.

— Никто не имѣетъ права губить свои способности,—сказалъ онъ—зарыть свой талантъ. Способности обязываютъ. А взгляды, которые имѣешь на вещи, еще больше.

— Не долженъ ли всякій самъ за себя рѣшать, что онъ обязанъ сдѣлать и чего нѣтъ?

— Разумѣется,—возразилъ учитель.—Другіе за то имѣютъ право судить его.

Стейнертъ тонко улыбнулся. Если слова Іельма его задѣвали, онъ, во всякомъ случаѣ, не давалъ этого замѣтить. Онъ отвѣтилъ:

— Писано: не судите, да не судимы будете.

И такъ какъ Іельмъ ничего не возразилъ, онъ продолжалъ.

— Я вотъ что хочу тебѣ сказать. Въ наше время пишутъ не слишкомъ мало, а слишкомъ много. Всякій хочетъ говорить. Никто не хочетъ слушать. Наблюдай какое-нибудь общество,—и ты увидишь, что я правъ. Всякій сидитъ тамъ изъ вѣжливости и ждетъ паузы, чтобы, наконецъ, выступить съ тѣмъ, что *ему самому* хочется сказать. Онъ хочетъ слышать свой собственный голосъ, хочетъ на минуту вообразить, что другіе слушаютъ его внимательно, чѣмъ онъ слушалъ ихъ. Можно ли вообще представить себѣ, чтобы человѣкъ могъ обманывать себя подобными иллюзіями? Но алкоголь дѣлаетъ при этомъ свое дѣло. Безъ алкоголя мы и не говоримъ. Безъ него мы нѣмы, какъ рыбы. Посмотри на меня! У меня ужъ второй стаканъ виски. Я теперь почти краснорѣчивъ. И я остаюсь при своемъ: у насъ пишутъ слишкомъ много. Если-бъ у насъ случилось что-нибудь такое, что потребовало бы сосредоточенности и національнаго подъема, т. е. попросту активности,—мы бы еще посмотрѣли!

Одного человѣка за другимъ нація выпустила бы въ трубу, а затѣмъ стала бы кричать, что у насъ нѣтъ ни одного, способнаго руководить ею. А еслибы у насъ даже былъ такой—какая польза въ немъ? Ахъ, нѣтъ—мы бы его раскритиковали въ пухъ и прахъ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ бы слово сказать! У cadaго своя идея, какъ должны быть разрѣшены всѣ вопросы! Мы стали слабы, безсильны. Выраженіе „die dummen Schweden“ гораздо болѣе мѣтко, чѣмъ люди думаютъ. Я прямо трясусь, когда слышу, какъ шведы, цитируя это выраженіе, еще смѣются надъ самими собою. Это ужасная самокритика. Подумай только, каково наше положеніе. Нами управляетъ парламентъ, который, благодаря своему замѣчательному составу, вообще ничего не въ состояніи сдѣлать. Онъ трещитъ по всѣмъ швамъ и въ любой моментъ грозитъ распасться. Палаты устроены лишь для того, чтобы противодѣйствовать другъ другу, что онѣ, по мѣрѣ возможности, и дѣлаютъ. У насъ есть высшій классъ, который до того пресыщенъ, что едва въ состояніи переваривать пищу и совершенно ужъ не въ состояніи думать безъ спирта. У насъ нижняя палата, въ которой никто не смѣетъ быть господиномъ и никто не хочетъ быть рабомъ. А наша верхняя палата — пародія того, чѣмъ нѣкогда была, и соперничаетъ въ некультурности съ нашими народными представителями, горизонты которыхъ простираются не далѣе ихъ брюха. И знаешь ты, чего не достаеь нашей верхней палатѣ и чего мы передъ лѣвыми не рѣшаемся признать, потому что этому мѣшаютъ наши предрассудки? Ей недостаеь аристократіи. Читалъ ли ты пар-

ламентскіе дебаты семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ?

— Нѣтъ.

— Почитай, тогда увидишь, что я имѣю въ виду. Какой почтенный, прекрасный консерватизмъ! Старосвѣтскій, ограниченный, несвоевременный, пожалуй. За то глубоко честный и свѣдущій. Эти фабриканты и чиновники, епископы, помѣщики и военные получали совсѣмъ не то образованіе, что мы! Культура была въ ихъ крови. Въ нихъ чувствовался духъ старыхъ временъ. Потому они могли говорить о нихъ, и паюсъ ихъ не звучалъ фальшью, и фразы ихъ не были пустыми. Это были истинные шведы, не смотря на всѣ ихъ недостатки, и это были аристократы! Слѣдовательно—враги всякаго сброда! Но это еще не значить—враги народа. А что у насъ теперь?

Оке Йельмъ разгорячился. Сильныя слова говорилъ онъ въ защиту новаго времени и говорилъ долго.

— Наше время нашло новую аристократію,—кончилъ онъ,—аристократію образованія.

— Наше время нашло новую аристократію,—отвѣтилъ холодно Стейнертъ,—и она зовется аристократіею денегъ, что представляетъ собою *contradictio in adjecto*. Что такое твоя аристократія? Небольшой кругъ истинно просвѣщенныхъ и образованныхъ людей, главное занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы подозрѣвать и унижать другъ друга. Слышалъ ли ты когда-нибудь отзывъ писателя или художника о книгахъ или картинахъ другого? Я ихъ слышалъ, и эти отзывы внушили мнѣ смертельный страхъ. И знаешь ли, что это за страхъ? Это тотъ же страхъ, который заставляетъ лощмана въ послѣдній моментъ отказаться отъ команды и не даетъ ему двинуться по дикимъ волнамъ, когда раздается сигналъ, предупреждающій объ опасности.

Стейнертъ вдругъ замолчалъ, одинъ моментъ смотрѣлъ на Йельма, и насмѣшливая улыбка освѣтила его лицо.

— Ты находишь, что я преувеличиваю,—продолжалъ онъ.—А между тѣмъ я сказалъ еще не все. Въ томъ положеніи, въ какомъ я нахожусь теперь, я не часто говорю такъ, какъ только что говорилъ. Поэтому я говорю такъ много за разъ, и если это никому не нужно, то нужно мнѣ самому. На чемъ я только что остановился? Да,—что у насъ теперь есть? У насъ есть столица, которая хочетъ стать духовнымъ центромъ и не можетъ. Вообще, желать и мочь—это въ нашей странѣ двѣ вещи разныя. На столицу смотрятъ съ недовѣріемъ провинціи, т. е. вся страна, совершенно оторванная отъ нея; онѣ не чувствуютъ никакой связи ни

между собой, ни съ нею. Отъ Сканиі до западнаго побережья далеко, повѣрь мнѣ, не только на картѣ! Мы всѣ это знаемъ. А когда дѣло идетъ о чемъ-либо важномъ, что тогда? Являются шарлатаны. Они появляются въ брошюрахъ и газетахъ. Почитай иной разъ столбцы „сообщеній изъ публики“ и посмотри, что тамъ написано. Безсвязная чушь! Сумасбродныя идейки, вымученныя мозгами, окостенѣвшими въ однѣхъ лишь частностяхъ и не стоящія какого-либо обсужденія. Каждый имѣетъ свой рецептъ и исполнѣ убѣжденъ, что, еслибъ послѣдовали ему, Швеція и весь міръ были бы спасены. Нигдѣ шарлатаны такъ не успѣваютъ, какъ у насъ. Шарлатаны въ женскомъ вопросѣ, въ вопросѣ о мирѣ, въ рабочемъ вопросѣ, въ вопросѣ о трезвости. Нѣтъ, это не такъ, съ послѣднимъ вопросомъ дѣло обстоитъ лучше: теперь, дѣйствительно, пьютъ меньше, чѣмъ прежде. Но знаешь ли, что самое худшее при этой неистовой преобразовательной горячкѣ, знаешь что? То, что надъ всѣмъ этимъ нельзя даже посмѣяться! Если же посмѣешься, ты встрѣтишь очень удивленный взглядъ (я подразумѣваю нашихъ свободомыслящихъ; другіе, конечно, смѣются, чему я совсѣмъ не удивляюсь), и ты сейчасъ же чувствуешь, что ты осужденъ. „Ага! Теперь мнѣ крышка! Онъ думаетъ, что я недостаточно серьезенъ. Я—комедіантъ. Я непочтителенъ!“ Странно быть соплеменникомъ Бельмана и видѣть такое паденіе юмора.

Іельмъ слушалъ Стейнерта и все больше удивлялся тому, что слышалъ и видѣлъ. Съ этимъ человѣкомъ произошла перемѣна, для раскрытія которой у него нѣтъ ключа.

Оба собесѣдника оставили кафе. Блѣдно выдѣлялись электрическіе фонари на свѣтломъ майскомъ небѣ. Улицы были полны людьми, наслаждавшимися свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Старые товарищи, не видавшіе другъ друга такъ долго, не разстались. Оке Іельмъ вдругъ вспомнилъ про ожидавшее его общество и телефонировалъ, что не придеть. Онъ и Стейнертъ дошли теперь до того момента бесѣды, когда никто уже не думаетъ о томъ, чтобы разойтись, когда мысли, спавшія въ однообразіи повседневности, просыпаются, когда никто не знаетъ, пріятно ли ему въ обществѣ другого, и остается лишь потому, что сила инертности мѣшаетъ обоимъ разстаться. Поэтому они продолжали разговаривать, пить, обмѣниваться мыслями, точно боялись одиночества или ждали, что изъ всѣхъ сказанныхъ словъ подучится, наконецъ, какой-нибудь смыслъ. Они были теперь въ Королевскомъ саду. Сквозь листву мерцала, пронизанная лучами свѣта темная вода со своими глубоко фіолетовыми весенними волнами, на которыхъ, подымаясь и

опускаясь, качался свѣтъ фонарей. Темный, серьезный, тяжелый, подымался надъ всѣмъ ландшафтомъ фасадъ замка, нѣмого и замкнутого, точно онъ, далекій отъ повседневности, говорилъ съ самимъ собою языкомъ минувшихъ временъ.

А Оскаръ Стейнертъ все говорилъ. Точно неуправляемый, неизякаемый ключъ, текли слова изъ его усть. На лицѣ его выражалось невѣроятное напряженіе: ротъ его раскрывался и закрывался судорожно и неестественно, а глаза становились все болѣе пустыми и унылыми.

Наконецъ, оба друга очутились въ одномъ углу кафе Большой Оперы. Духота была давящая, шумъ адскій. Весь кафе былъ полонъ знакомыхъ лицъ, людей свѣта и финансоваго міра, политики и прессы. Казалось, что тысячи людей стараются одновременно перекричать другъ друга. Межъ столами протискивались кельнера, неся на высоко поднятыхъ рукахъ громаднѣйшіе подносы съ бутылками и стаканами. Новоприбывавшіе стучали о столъ, чтобы привлечь вниманіе кельнеровъ и до полуночи получить требуемое. За столомъ въ срединѣ залы, подъ бронзовой нимфой, говорилъ какой-то человѣкъ. Слово нельзя было разобрать, слышно было лишь, что онъ что-то рассказываетъ, такъ какъ, едва онъ останавливался, изъ среды общества къ которому онъ обращался, раздавались взрывы хохота. Лица были разгорячены и красны. Кое-гдѣ сверкала пара спокойныхъ, грустныхъ глазъ, которые, казалось, присматривались къ этой странной картинѣ и думали надъ нею. Но они могли вліять не больше, чѣмъ знакомый далекій мотивъ, который тонетъ въ людскомъ шумѣ.

— Подумай только,—сказалъ Стейнертъ,—и въ этомъ мы нѣкогда совершенно серьезно принимали участіе! Ты, я, мы всѣ. И какъ разъ въ то время, когда мы еще стремились къ наивысшему, какъ разъ тогда!

— Да,—возразилъ Гельмъ.—Можетъ быть, какъ разъ потому мы и потеряли волю и вѣру...

Глаза Оскара Стейнерта засверкали, губы вздрагивали подъ усами. Казалось, что наблюдаемая имъ здѣсь картина доставляетъ ему особенное наслажденіе.

— Я всегда былъ плохимъ моралистомъ,—сказалъ онъ.— Все здѣсь лишь для того, чтобы оглушить себя. Это, конечно, очень грубый способъ оглушенія, но зато наиболѣе вѣрный. Никакая проповѣдь трезвости не поможетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать эта глубокая потребность.

Едва Стейнертъ сказалъ это, среди общаго шума раздался страшный звонъ. Сѣдовласый, широкоплечій господинъ, дѣлая шагъ назадъ, натолкнулся на кельнера, кото-

рый несъ полный поднось. Послѣдствіемъ столкновенія была куча разбитаго стекла, шумъ у столовъ, на которые попали осколки, и громкій крикъ и ругань по адресу ни въ чемъ неповиннаго кельнера. Точно сорвавшаяся съ своей орбиты комета, сѣдой господинъ сталъ метаться между столами и вдругъ встрѣтился глазами со Стейнертомъ, котораго онъ, видно, зналъ; онъ тотчасъ же потрясъ ему руку, показывая при этомъ не совсѣмъ чистую манишку и рядъ неровныхъ желтыхъ зубовъ. Затѣмъ онъ опустился на свободный стулъ, уоставилъ локти въ столъ, сталъ оглядывать обоихъ друзей своими мутными, словно стеклянными глазами, со смѣхомъ, который долженъ былъ звучать непри-
нужденно, а на самомъ дѣлѣ звучалъ скорѣе заискивающе, и сказалъ:

— Ага—виски!

Стейнертъ бросилъ на своего собесѣдника взглядъ, которымъ какъ бы извинялся за сосѣдство сѣдовласаго господина, и коротко сказалъ:

— Мѣсто занято.

— Я также занятъ,—отвѣтилъ тотъ находчиво.

Онъ сталъ оглядываться, какъ бы ища кого-то.

— Я ищу свою компанію,—объяснилъ онъ.

Стейнерта это, казалось, забавляло.

— Можно узнать, кто это? Можетъ, мы ее видѣли?

Сѣдовласый сдѣлалъ большое усиліе выпрямить спину и покосился на говорящаго съ недовѣрчивымъ, злымъ выраженіемъ лица.

— Мои политическіе друзья,—сказалъ онъ съ самодовольной улыбкой. — Спасибо, что ты мнѣ напомнилъ о нихъ!

Онъ схватилъ руку Стейнерта, которую тотъ старался вырвать, и, крѣпко стискивая ее, продолжалъ:

— Я хочу тебѣ кое-что сказать. Ты всегда былъ любезенъ со мною. Нѣтъ, не прекословь. Ты отнесся ко мнѣ хорошо. Поэтому я хочу быть честнымъ по отношенію къ тебѣ и скажу тебѣ правду. Шведская политика ни къ чорту не годится. Почему? Потому что все еще не найденъ настоящей человѣкъ. Бостремъ не годится уже. И за весь кабинетъ министровъ я и гроша не дамъ. Вообще въ Европѣ есть или скорѣе были лишь три человѣка, понимавшіе политику. Одинъ изъ нихъ умеръ.

Тутъ онъ поднесъ ко рту свою лѣвую руку, а правую, которую онъ все время судорожно сжималъ руку Стейнерта, положилъ на столъ и, чтобъ адвокатъ его разслышалъ среди этого шума, рявкнулъ ему въ ухо:

Январь. Отдѣлъ I.

— Бисмаркъ, король Оскаръ и я. Или, вѣрнѣе, Бисмаркъ былъ однимъ изъ нихъ. Теперь лишь король Оскаръ и я.

Сказавъ это, онъ оставилъ руку Стейнерта и, покачиваясь, поднялся со стула. Хитро щура глаза, онъ прибавилъ:

— Но этого онъ не долженъ знать!

Кто былъ этотъ „онъ“, сѣдовласый не объяснилъ и, пробираясь между столиками, исчезъ въ толпѣ

— Ты видѣлъ, какъ онъ былъ счастливъ, выкладывая свою великую тайну? Я ужъ не разъ слышалъ все это, и то же слышали и многіе другіе. Повѣрь мнѣ, онъ этой мыслью живетъ. Безъ нея онъ не могъ бы существовать.

— Кто же онъ такой?—спросилъ Иельмъ.

— Шведъ,—сухо отвѣтилъ Стейнертъ.—Или, если выразиться точнѣе: одинъ изъ тѣхъ, которые охотно зовутъ себя шведами.

Онъ молча глотнулъ изъ своего стакана и, обращаясь къ Иельму, продолжалъ.

— Да, ты смѣешься. Я также смѣюсь. Но не такъ, какъ ты. Человѣкъ, только что отошедшій отъ насъ, единственъ въ своемъ величїи. Онъ такъ великъ, что никогда ничего не сдѣлалъ. И такъ какъ люди его не понимаютъ, онъ, пока не пьянъ, скрываетъ свои мысли. Если-бъ онъ этого не дѣлалъ, его бы давно засадили.

— Ты хочешь сказать, что характерной чертой шведа является какая-нибудь манія, которая всецѣло владѣетъ имъ? Обыкновенно онъ скрываетъ ее, но, когда у него развязывается языкъ, его сумасшествіе обнаруживается?

Стейнертъ уставился глазами въ облака табачнаго дыма, точно видя нѣчто особенное въ этихъ фантастическихъ фигурахъ, которыя плавали въ воздухѣ. Трудно было сказать, слушалъ ли онъ вообще своего собесѣдника или нѣтъ. Выраженіе его лица стало вдругъ такимъ разсѣяннымъ, точно его мыслительный аппаратъ пересталъ функционировать. И усталымъ тономъ, совершенно не походившимъ на прежній, окрашенный страстью и желаніемъ борьбы, онъ сказалъ:

— Знаешь, какъ зовется единственный классъ нашихъ согражданъ, въ которомъ личности, при современномъ развитїи Швеціи, не чувствуютъ себя изолированными?

Оке Иельмъ насторожился. Тонъ Стейнерта былъ совершенно свободенъ отъ той шутливости, которая такъ раздражала его все время.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Рабочій,—былъ отвѣтъ.—Я могъ бы свою мысль развить подробнѣе. Но теперь я не въ состоянїи.

Оке Иельмъ смотрѣлъ молча и задумчиво на свою сигару. Стейнертъ, который не курилъ, безъ всякой мысли въ го-

ловѣ безпрестанно проводилъ руками по пуговицамъ своего жилета вверхъ и внизъ, точно долженъ былъ во что бы то ни стало сосчитать ихъ, чтобы запомнить ихъ число. Вдругъ черты его прояснились многозначительной улыбкой, такъ что его до сихъ поръ почти мрачное лицо разомъ получило совсѣмъ добродушный видъ:

— Я испыталъ всего понемножку на свѣтѣ,—сказалъ онъ.— Я путешествовалъ, грезилъ, работалъ, бездѣльничалъ,—какъ случалось. Теперь я залѣзъ въ свой уголокъ. И тамъ я торчу въ своей плотно запертой комнатѣ. Разные люди приходятъ и уходятъ. И я помогаю имъ, поскольку могу. Я получилъ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что сознаю себя радикаломъ, не тратя на это ничего, и каждое засѣданіе въ ратушѣ доставляетъ мнѣ неопишуемое наслажденіе... Къ сожалѣнію, это удовольствіе мое одинокое, изъ чего ты можешь видѣть, что я говорилъ по собственному опыту. Тѣмъ не менѣе я тѣшу себя иллюзіей, что повременамъ приношу нѣкоторую пользу. А это все-таки что-нибудь да значить.

Это послѣднее сообщеніе непріятно поразило Іельма.

Это съ улыбкой провозглашенное признаніе своего банкротства вызвало у положительно настроеннаго Іельма недовольство и, такъ какъ онъ самъ слишкомъ привыкъ думать прямолинейно и непосредственно, то ему даже въ голову не приходило, что эти слова, быть можетъ, содержатъ въ себѣ какой-то скрытый смыслъ, который для говорящаго былъ важнѣе самихъ словъ. Если-бъ онъ прочелъ эти слова въ какой-либо книгѣ рѣзко подчеркнутыми и въ истинномъ освѣщеніи, ихъ смыслъ не ускользнулъ бы отъ него. Но, когда онъ услышалъ ихъ въ дѣйствительности, они показались ему жестокими и отталкивающими и вдругъ охладили его къ человѣку, произнесшему ихъ. Поэтому онъ ничего не отвѣтилъ и, направивъ разговоръ въ прежнюю колею, продолжалъ развивать свою прерванную мысль.

— Ты, можетъ быть, правъ, говоря объ отсутствіи всякой связи между нами. Быть можетъ, мы главнымъ образомъ и страдаемъ отъ этой взаимной обособленности. Можетъ, это—наше несчастье. Что рабочій не такъ сильно ощущаетъ ее, я это почувствовалъ сегодня, и не такъ-то легко будетъ забыть это.

— Ты намекаешь на скамью въ Гумельскомъ саду?

Глаза Стейнерта искрились, вокругъ его рта опять заиграла своеобразная насмѣшливая улыбка.

— Ты прекрасно знаешь, на что я намекаю,—возразилъ раздраженно Оке Іельмъ.

Стейнертъ выпилъ свой грогъ и посмотрѣлъ на часы.

— Конечно,—сказалъ онъ.—Я только вотъ что хотѣлъ

сказать: если-бъ нашъ сознательный рабочій зналъ, какое счастье не чувствовать себя изолированнымъ, онъ бы меньше жаловался.

— Будь увѣренъ, что онъ умѣетъ цѣнить это счастье,— рѣзко сказалъ Іельмъ.

— Тѣмъ лучше.

Шумъ достигъ такихъ размѣровъ, что слышенъ былъ лишь гулъ, то усиливавшійся, то ослабѣвавшій. Половина электрическихъ лампъ была уже погашена, но посѣтители не трогались еще со своихъ мѣстъ. Въ полутьмѣ выдѣлялись лица и глаза, почти неузнаваемые, послѣ всѣхъ этихъ обильныхъ винныхъ возліяній. У двери, черезъ которую оба собесѣдника прошли въ переднюю, стоялъ усталый кельнеръ, полусонный, не смотря на окружающій шумъ. Прохладный ночной воздухъ подѣйствовалъ на нихъ замѣчательно благотворно.

— Идешь домой?—спросилъ учитель.

И, точно желая исправить промахъ, въ которомъ онъ самъ себя упрекалъ, онъ дружески прибавилъ:

— Какъ дѣла у тебя дома?

Стейнертъ посмотрѣлъ ему въ глаза и спокойно отвѣтилъ:

— Плохо. Ничего не подѣлаешь!

Словно боясь дальнѣйшихъ вопросовъ, онъ поспѣшилъ попрощаться. Оке Іельмъ видѣлъ, какъ онъ удалялся быстрыми шагами. Не оглядываясь, онъ у церкви св. Якова подозвалъ извозчика, сѣлъ и исчезъ. Медленно пошелъ учитель на Дроттингскую улицу.

III.

Оке Іельму было совѣмъ не по себѣ. Это продолжительное совмѣстное пребываніе со Стейнертомъ, эти возбуждающіе разговоры и горячая игра мыслей вывели его изъ равновѣсія. Впечатлѣнія, воспріятыя имъ до полудня, были сильны и цѣльны. Теперь же они вдругъ начали казаться ему раздвоенными, разжиженными, растворившимися въ пропитанной спиртомъ ресторанной болтовнѣ. Онъ чувствовалъ, что въ его мозгу, подъ тягостнымъ чужимъ давленіемъ, мечется какой-то хаосъ, и давленіе это исходило изъ чужихъ мыслей, которыя такъ насильственно сплелись съ его собственными, что ему казалось, будто онъ совѣмъ не въ состояніи отдѣлить свои мысли отъ мыслей другого.

То, что онъ на протяженіи всего обратнаго пути только и дѣлалъ, что критиковалъ Оскара Стейнерта и всѣ его

слова и поступки, было, быть можетъ, ничѣмъ инымъ, какъ самозащитой. Какъ будто этотъ человѣкъ, въ обществѣ котораго онъ провелъ весь день, все еще шелъ рядомъ съ нимъ,—такъ ясно онъ видѣлъ передъ собою его лицо, то пылающее страстью, то вдругъ угасающее отъ усталости, то принимающее выраженіе горчайшей ироніи, внезапно смѣняемой выраженіемъ мягкости. Именно эта послѣдняя черта Оскара Стейнерта была крайне симпатична Оке Іельму, и благодаря этой именно чертѣ въ душѣ его всегда жило какое-то чувство къ этому человѣку, чувство, котораго онъ никогда не могъ окончательно забыть. Въ обществѣ Стейнерта онъ никогда не чувствовалъ подъ собой твердой почвы. Было время, когда онъ питалъ къ этому человѣку даже рѣшительную антипатію. Казалось, будто ихъ мысли стремятся другъ къ другу, но никакъ не могутъ встрѣтиться. Вотъ почему день, проведенный въ обществѣ Стейнерта, всегда болѣе или менѣе выводилъ его изъ равновѣсія. И это, быть можетъ, было причиной того, что онъ когда-то отстранился отъ своего друга. Ему пришлось вынести тяжелую борьбу, чтобы обрѣсти то душевное равновѣсіе, которое являлось опорой его жизни. Онъ за послѣдніе годы усталъ отъ „раздвоенныхъ натуръ“. Въ молодости онъ столкнулся съ такой массою ихъ. И, когда онъ шелъ теперь обратно къ себѣ домой, ему казалось, будто почва, по которой онъ ступаетъ, уходитъ изъ-подъ его ногъ. Все испытываемое имъ раздраженіе формулировалось словами: „Никогда этотъ человѣкъ не былъ мнѣ ясенъ!“ Если-бъ Стейнертъ услышалъ эту мысль, онъ бы, вѣрно, отвѣтилъ: „За то ты мнѣ ясенъ!“ Этимъ именно объяснялась пропасть, которая раздѣляла этихъ двухъ людей.

Медленно всходилъ Оке Іельмъ по лѣстницѣ большого дома, въ которомъ жилъ. Этотъ домъ стоялъ на углу одного изъ многочисленныхъ переулковъ, пересѣкавшихъ Дроттингскую улицу, которая начинается въ центрѣ Стокгольма и прямой линіей тянется до громаднаго кладбища за сѣверной таможей. Уже на лѣстницѣ онъ почувствовалъ себя такъ, словно захлопнулъ какую-то дверь, за которой осталось нѣчто, безпокоившее его. И это чувство спокойствія и безопасности укрѣпилось, когда онъ, добравшись до своего кабинета, зажегъ электрической свѣтъ. Изъ-подъ зеленаго колпака свѣтъ падалъ на старый, самага зауряднаго сорта, письменный столъ, на которомъ красовался цѣлый рядъ фотографическихъ карточекъ его жены: невѣстой, молодой женщиной, потомъ нѣсколько старше. Въ маленькихъ рамкахъ, соединенныхъ въ одно радостное цѣлое, тутъ же стояли дѣтскія фотографіи: маленькій голенькій ребеночекъ на коврѣ, маль-

чикъ постарше, въ остроконечной шапочкѣ, играющій на лѣстницѣ, мальчуганъ лѣтъ восьми въ блузѣ и короткихъ штанишкахъ на низкомъ стулѣ и, наконецъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ въ форменной шапкѣ съ ранцемъ на спинѣ. Казалось, что это рядъ дѣтей, похожихъ другъ на друга, какъ братья, но это былъ одинъ и тотъ же мальчикъ въ различныхъ возрастахъ. Каждая фотографія была тщательно сохранена и присоединена къ прежнимъ,—выборъ изъ коллекціи любительскихъ снимковъ, хранящихся въ рѣзной шкатулкѣ, которую Фольке самъ сдѣлалъ и подарилъ отцу въ первый годъ своего пребыванія въ художественно-ремесленномъ училищѣ.

Оке Йельмъ надѣлъ свою короткую куртку изъ сѣраго сукна и сѣлъ за письменный столъ.

Все кругомъ было тихо. И эта тишина, которую онъ обрѣталъ лишь тогда, когда оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ, заполняла, казалось, весь домъ и дѣйствовала на него несказанно благотворно. Нагнувшись надъ столомъ и какъ бы желая самогипнозомъ освободиться отъ чужого вліянія, онъ одну за другой сталъ перебирать фотографіи. Онъ долго разглядывалъ ихъ и потомъ ставилъ обратно на мѣсто. Затѣмъ онъ откинулся въ качалкѣ и весь ушелъ въ размысленія. Ваглядъ его скользилъ сначала по широкой стѣнѣ, которая вся была покрыта книжными полками и посрединѣ которой стоялъ диванъ, потомъ перешелъ на другую стѣну, увѣшанную старинными гравюрами надъ комодомъ, и, наконецъ, остановился на бюстѣ Вольтера, какимъ-то загадочнымъ образомъ попавшимъ въ этотъ мирный домъ и мрачно, точно тѣнь, думавшимъ свою думу тамъ въ углу за низкимъ кресломъ. Оке Йельмъ сидѣлъ неподвижно и совершенно механически колыхалъ качалку. Вдругъ онъ всталъ, отворилъ дверь и со свѣчкой въ рукахъ тихо прошелъ черезъ столовую. Дверь за собой онъ оставилъ открытой и заглянулъ въ дѣтскую. Фольке спалъ, закрывъ лицо рукой и зарывъ лобъ въ подушки. Когда вошелъ отецъ, онъ не шевельнулся; онъ лежалъ спокойно, и изъ-подъ одѣяла высовывалась крѣпкая обнаженная икра одной ноги. Отецъ нагнулся надъ нимъ, поправилъ одѣяло и заботливо подsunулъ его подъ спящаго. Выраженіе нѣжности промелькнуло по его лицу. Онъ тихо пошелъ назадъ по темнымъ комнатамъ. Когда онъ былъ въ столовой, часы пробили половину второго.

Для Оке Йельма это путешествіе было чѣмъ-то въ родѣ покаяннаго паломничества. Онъ свято чтилъ свой домашній очагъ и считалъ, что сегодня онъ собственно долженъ былъ бы устроить своей семьѣ праздникъ, вмѣсто того, чтобы на-

рушить свой собственный покой бунтовщическими разговорами и сценами. Если-бъ онъ не боялся разбудить свою жену, онъ очень охотно заглянулъ бы и въ спальню. Но онъ опять спокойно занялъ свое мѣсто. Второго мая его первый урокъ былъ лишь въ часъ дня, и поэтому онъ могъ рассчитывать на поздній утренній сонъ.

— Все, что я сегодня слышалъ,—думалъ онъ про себя — похоже на прибой волнъ послѣ бурь молодости. Это порывъ настроенія человѣка, который находится въ дисгармонии съ самимъ собой. Можетъ быть, это бессознательныя угрызения совѣсти отъ того, что онъ не воспользовался временемъ, что забылъ мечты своей юности и жилъ только для себя. Странное дѣло, какъ много людей такъ ходять и оплакивають свою молодость!

Чѣмъ болѣе мысли его входили въ обычную спокойную колею, тѣмъ болѣе учитель Оке Тельмъ примирялся съ собою. Онъ протянулъ руку за спичечницей, висѣвшей на стѣнѣ, и вновь зажигая свою трубку, которая ужъ начала было тухнуть, очутился противъ бюста Вольтера. Свѣтъ зажженной спички на мигъ освѣтилъ строгое мускулистое лицо съ сжатымъ ртомъ, скрывающимъ столько страданій и говорящимъ о столь желѣзной энергіи.

Онъ вспомнилъ, что именно ради этой черты великаго фанатика онъ нѣкогда поставилъ въ своемъ кабинетѣ это изображеніе человѣка, который никогда не забывалъ обидъ человѣчества, который посвятилъ цѣлыя годы своей жизни цѣли освобожденія одного невинно осужденнаго. Передъ спасителемъ Каласа преклонялся онъ, тогда,—не передъ гениемъ.

— Желательно ли, чтобы мы всѣ были, какъ онъ? — думалъ онъ и, вспоминая иллюзіи молодости, съ улыбкой покачалъ головой.

Онъ былъ тихимъ, спокойнымъ человѣкомъ, въ которомъ мерцало еще маленькое теплое пламя человѣколюбія. Если-бы только жена его могла такъ же тепло любить Фольке, какъ любилъ его онъ, то ничто въ мірѣ не нарушало бы его покоя. Что могъ ему сказать Вольтеръ?

— Воспоминаніе о томъ, чѣмъ я никогда не былъ, вотъ кѣмъ былъ онъ,—думалъ онъ дальше. Но думалъ онъ объ этомъ безъ горечи и безъ ироніи.

Въ этотъ моментъ за его спиной быстро открылась дверь; онъ вдрогнулъ, очнувшись отъ своихъ грезъ.

Передъ нимъ стояла его жена. Длинный, темно-красный капотъ свободно облегалъ ея фигуру; длинные волосы толстой косою свисали по ея спинѣ. Глаза ея со сна щурились отъ свѣта, а щеки были румяны, какъ у только что проснувагося.

— Я проснулась, когда ты пришелъ и не могла заснуть,— сказала она.

— Проснулась? Ты уже спала?

— Да, я лежала на кушеткѣ и читала. Потомъ заснула надъ книгой. Я думала, ты вернешься не такъ поздно.

Оке Иельмъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ приливъ большой теплоты. Когда она стояла передъ нимъ стройная и маленькая, какими бываютъ женщины, если модные костюмы не обезображиваютъ ихъ дѣйствительныхъ формъ, она походила на ребенка.

То, что произошло между ними, ставши вдругъ ничтожнымъ и далекимъ, совершенно поблѣднѣло передъ всѣмъ, что связывало и связываетъ ихъ.

— Ты меня ждала?

Его голосъ былъ мягокъ, его глаза глядѣли на нее тепло.

— Ты никогда больше не долженъ быть со мной такимъ, какимъ ты былъ сегодня,— отвѣтила она.

Чувство горечи набѣжало на душу Оке Иельма. Какъ часто уже слышалъ онъ эти слова, какъ часто самъ ихъ повторялъ, когда ссора была окончена и они оба жаждали восстановить свою вѣру въ полное счастье. Учитель былъ въ сущности убѣжденъ, что, если-бъ его жена могла научиться разсматривать каждый поводъ къ ссорѣ такъ же, какъ онъ, то ихъ счастье стало бы совершеннымъ. Но, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ твердо убѣжденъ, что мужъ прежде всего обязанъ уважать въ своей женѣ человѣка, онъ стремился честно примирить противорѣчіе между этими своими убѣжденіями, и чисто мужской инстинктъ во всей силѣ своей жилъ подъ слоємъ теорій. На этотъ разъ онъ, во набѣжаніе разговора о больномъ вопросѣ, нашелъ исходъ въ томъ, чтобы притвориться, будто между ними давно все позабыто. И въ полной увѣренности, что этимъ путемъ онъ достигнетъ цѣли, онъ сказалъ:

— Какъ тебѣ долго пришлось ждать меня! Знаешь, у меня очень совѣсть нечиста. Я почти совсѣмъ забылъ тебя и свой домъ. И знаешь, почему?

— Нѣтъ.

— Да, видишь ли, я пустился въ приключенія, и нельзя сказать, чтобы веселія.

И онъ началъ рассказывать. Онъ повѣдалъ своей женѣ, какъ провелъ день. Бесѣды со Стейнертомъ онъ коснулся лишь мелькомъ, но за то тѣмъ пространнѣе остановился на впечатлѣніи отъ шествія рабочихъ и всего того, что послѣдовало затѣмъ. Ему казалось, что онъ опять видитъ все передъ собой, опять переживаетъ все, опять слышитъ зажигательныя рѣчи ораторовъ и ропотъ толпы, опять видитъ сосредоточенность лицъ, опять переживаетъ сцену у скамейки, на которой

лежалъ мертвый рабочій. Фру Лиза слушала немного разсѣянно. Она была занята *своими* мыслями, и ей, собственно не совсѣмъ пріятно было, что мужъ ея такъ много думалъ о разныхъ общественныхъ вопросахъ и совершенно забылъ о ней.

— Я все время была дома и думала о тебѣ,—сказала она нѣсколько рѣзко.

Она смахнула со лба прядь густыхъ бѣлокурыхъ волосъ, которые были радостью и гордостью ея мужа. Потомъ положила одну на другую свои маленькія, бѣлыя ручки, нѣсколько недоброжелательно посмотрѣла на мужа и сказала:

— Я была порядочно зла, когда ты мнѣ телефонировалъ.

Оке Иельмъ былъ недоволенъ оборотомъ, который принялъ разговоръ. Стараясь сказать что-нибудь примиряющее, онъ продолжалъ:

— Послѣ небольшой ссоры, какія иной разъ случаются, развѣ не лучше не видаться другъ съ другомъ одинъ день? Я думаю, что да.

Она вздохнула.

— Я не знаю. Мы все производимъ опыты, а мнѣ кажется, что дѣло идетъ все хуже. Знаешь, что я иной разъ думаю? Мнѣ кажется, что всѣ мы слишкомъ много начитались книжекъ. О любви, о развитіи, о бракѣ, о воспитаніи дѣтей и Богъ знаетъ о чемъ еще. Все становится такъ ясно, такъ опредѣленно, такъ готово, что, въ концѣ концовъ, совсѣмъ не знаешь, чего держаться.

— Книги существуютъ на то, чтобы помогать намъ жить,—сказалъ учитель съ неудовольствіемъ.

— Да, слышала,—отвѣтила жена.

И ея возбужденное лицо покраснѣло.

— Но всегда ли это такъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Когда я одна и думаю о чемъ-нибудь, что меня волнуетъ, та или другая книга вдругъ начинаетъ жужжать у меня въ ушахъ. И тогда я, въ концѣ концовъ, сама не знаю, я ли это или какое-нибудь лицо изъ той или другой книги!

— Развѣ ты не понимаешь, что все сказанное тобою доказываетъ лишь одно: ты читала книги, но не переваривала ихъ?

— Можетъ быть! Но развѣ мнѣ отъ этого легче?—отвѣтила она быстро и рѣшительно.—Можетъ быть, я вообще не создана для того, чтобы много читать. Раньше, дома, въ моемъ родномъ городкѣ мы совсѣмъ не читали. И тогда я все понимала лучше, чѣмъ теперь. Я никогда не испытывала такой безысходности, всегда знала, какъ поступить. И, если мнѣ случалось подчасъ грустить, то я скоро опять обрѣтала ве-

селость безъ такой тяжелой борьбы и такихъ мучительныхъ думъ, какъ теперь.

Помимо воли Оке Иельмъ почувствовалъ, что въ этихъ словахъ, которыя онъ про себя называлъ дѣтской болтовней, есть все-таки что-то такое, что его трогаетъ.

— Развѣ такъ трудно думать ясно, логично? — спросилъ онъ, улыбаясь.

Фру Лиза, хотя и замѣтила иронию, не остановилась. Она весь вечеръ думала объ этомъ: она должна высказаться теперь, будь что будетъ.

— Да, можетъ быть, моя бѣда именно въ этомъ,— сказала она, смѣясь, такъ что блеснули ея бѣлые ровные зубы. — Можетъ быть, я думаю слишкомъ мало, но ты, Оке, не думаешь ли ты слишкомъ много?

— Отъ этого я уже врядъ ли излѣчусь!

Голосъ его звучалъ какой-то обидой.

— Развѣ ты бы не могъ попытаться? Я бы тогда гораздо лучше понимала тебя.

Онъ положилъ свою трубку и, усаживаясь удобнѣе въ своемъ креслѣ, сказалъ:

— Сегодня мы ссорились изъ-за Фольке. Какъ думаешь: такого рода ссоры происходятъ отъ того, что думаешь слишкомъ много или слишкомъ мало?

Онъ придалъ своему лицу высокомерное, раздраженное выраженіе, которое ему совсѣмъ не шло. Фру Лиза это замѣтила.

— Если бы я была совсѣмъ увѣрена, что ты не разсердишься, я бы тебѣ сказала, о чемъ я думала сегодня,— сказала она, робко глядя на мужа.

И, когда онъ отвѣтилъ ей глазами, она продолжала:

— Когда ты взялъ къ себѣ Фольке, тогда было ли это нѣчто, чего ты дѣйствительно самъ желалъ, Оке?

— То есть, какъ?

— Я думаю, не было ли это чѣмъ-то, что ты вычиталъ? Ты это сдѣлалъ потому, что считалъ это своимъ долгомъ, и потому, что это въ твоихъ глазахъ было чѣмъ-то прекраснымъ. Тебѣ казалось, что ты это долженъ сдѣлать, но самъ ты собственно этого не совсѣмъ-то желалъ.

Оке Иельмъ хотѣлъ ее прервать, но она продолжала.

— Мнѣ часто казалось, что это такъ, и поэтому-то я все не могла сжиться съ этимъ, какъ съ чѣмъ-то естественнымъ.

Теперь Оке Иельмъ разсердился серьезно. Его жена ставитъ подъ сомнѣніе искренность убѣжденія, провести которое въ жизнь стоило ему столькихъ усилій. Это задѣвало его за самое чувствительное мѣсто. Онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Неужели ты забыла, чего мнѣ это стоило въ свое время?

— Что тебя обошли при назначеніи ректора? — сказала фру Лиза.

— Да, обошли по дурацкимъ, условнымъ соображеніямъ, за то только, что я исполнилъ свой долгъ.

Лобъ Оке Гельма покрылся морщинами и межъ бровями образовалась рѣзкая продольная складка.

— Я этого вовсе не думала, — испуганно прервала его фру Лиза — совсѣмъ нѣтъ!

Теченіе ея мыслей было вдругъ прервано, опрокинуто вверхъ дномъ этой неумолимой логикой, передъ которой она чувствовала себя беззащитной.

Чувствуя, что она, сама того не желая, оскорбила своего мужа, она сказала:

— Ты теперь все-таки сердисься.

— Да нѣтъ же, — отвѣтилъ онъ и погладилъ свою жену по волосамъ.

А про себя онъ думалъ о большомъ недостаткѣ ихъ брака: о томъ, что у нихъ нѣтъ собственныхъ дѣтей. „Если-бъ не это“, думалъ онъ: „все вѣрно было бы хорошо“. Онъ бы очень хотѣлъ спросить, все ли еще она такъ горюетъ объ этомъ, какъ — онъ это зналъ — раньше. Но не рѣшился.

— Поздно ужъ, — сказалъ онъ, — слишкомъ ужъ поздно, Лиза.

Примиренные и все-таки глубоко разъединенные склонностями, взглядами и характерами, супруги черезъ темныя комнаты пошли въ спальню.

IV.

Оскаръ Стейнертъ также не спалъ эту ночь. Передъ нимъ стояла тяжелая рабочая лампа, а за нимъ поставленный диванъ, поставленный, казалось, на всякій случай, чтобы адвокатъ послѣ напряженной работы могъ хоть подъ утро отдохнуть нѣсколько часовъ. Онъ писалъ на большомъ листѣ бумаги, который постепенно покрывался маленькими, нервными, большей частью едва разборчивыми буквами. Шторы были подняты, и сумерки майской ночи проникали въ комнату, смѣшиваясь со свѣтомъ лампы. Съ того мѣста, на которомъ сидѣлъ Стейнертъ, видна была аллея, окаймлявшая проспектъ, а, когда онъ вставалъ, передъ нимъ открывалась и вся площадь, безконечная, нѣмая, мрачная, въ полутьмѣ похожая на голую степь.

Съ бѣшеной быстротой перо царапало бумагу, исписы-

вая одну страницу за другой. На лицѣ Стейнерта выражалось крайнее напряженіе. И въ то время, какъ онъ совершенно механически формулировалъ свои славившіяся безусловной послѣдовательностью мысли и положенія, которыя должны были на слѣдующій день уничтожить противника,—въ это самое время мозгъ его былъ занятъ совсѣмъ другимъ. Оскару Стейнерту было досадно на самого себя. „Зачѣмъ я вообще подошелъ къ этому человѣку?“—думалъ онъ о Іельмѣ. „Какое мнѣ дѣло до него? Къ чему воскрешать то, что мертво и никогда ужъ не вернется? Развѣ я могу сказать ему, какимъ ужаснымъ кошмаромъ давно уже стала моя жизнь? А если сказать этого я не могу, такъ на что онъ мнѣ? Напомнить ему о томъ, что мертвый Оскаръ Стейнертъ все еще живъ?“

Быстрымъ движеніемъ досталъ онъ свои часы, убѣдился, что ужъ больше двухъ, и опять хотѣлъ погрузиться въ работу, какъ вдругъ дверь осторожно отворилась, и въ комнату вошла молодая женщина. Она была маленькаго роста и двигалась съ той спокойной увѣренностью, которая присуща сидѣлкамъ. На головѣ она носила бѣлую косынку Краснаго Креста. Она остановилась у письменнаго стола и посмотрѣла на Стейнерта своими умными дружелюбными глазами, которые дѣйствовали на этого переутомленнаго человѣка почти какъ успокаивающее лекарство. Лицо его мгновенно прояснилось. Но, когда на его нѣмой вопросъ послѣдовалъ неблагопріятный, видимо, отвѣтъ, его лицо опять омрачилось невыразимымъ страданіемъ.

— Фру Стейнертъ проситъ васъ къ себѣ.

Стейнертъ сдѣлалъ движеніе отчаянной усталости и бросилъ безнадежный взглядъ на недоконченную работу на письменномъ столѣ.

— Собственно, мнѣ крайне необходимо лечь спать, сестра Эмма,—сказалъ онъ.

— Она чрезвычайно безпокойна эту ночь, — возразила сестра.—Я совершенно не въ состояніи усыпить ее.

Не говоря больше ни слова, адвокатъ поднялся и пошелъ за сидѣлкой. И опять казалось, что этотъ странный человѣкъ совершенно преобразился. Шаги его стали едва слышны, его обыкновенно нервныя, неровныя движенія сдѣлались спокойными и увѣренными. И, когда онъ вошелъ въ спальню, на его лицѣ было выраженіе мягкости и сдержанной силы. Подобное выраженіе знали у этого человѣка лишь немногіе: всѣмъ, приходившимъ съ нимъ въ соприкосновеніе, онъ былъ извѣстенъ своей безпокойной натурой и нѣкоторой несдержанностью нрава, что отпугивало отъ него многихъ.

Оскаръ Стейнертъ стоялъ подлѣ существа, которое для него было всѣмъ на свѣтѣ, съ которымъ онъ былъ связанъ неразрывными узами, передъ которымъ все остальное въ его жизни должно было отступить и стать въ тѣнь. Лицо, повернувшееся къ нему на подушкѣ, было мертвенно блѣдно. Маленькіе глазки неопредѣленнаго цвѣта горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Все было ярко въ этомъ лицѣ, которому маленькій ротъ придавалъ что-то дѣтское. Только отсутствіе рѣзко очерченныхъ бровей ступшевывало выразительность лица. Глаза горѣли страхомъ и мольбой. Погрузивъ свой взглядъ въ ея глаза, Стейнертъ увидѣлъ въ нихъ связывавшую его судьбу.

— Милая Элленъ!—сказалъ Стейнертъ мягко. Онъ наклонился и поцѣловалъ ея блѣдныя губы.

— Мнѣ тяжело эту ночь,—прошептала женщина.—Я не могу быть одна. Сестра Эмма такъ жестка со мной.

Адвокатъ быстро осмотрѣлся и убѣдился, что они одни.

— Она ушла,—продолжала больная.—Она всегда выходитъ, когда ты здѣсь. Дѣти спать?

Она бросила на своего мужа такой взглядъ, будто ей грозила опасность.

— Да, да,—проговорилъ онъ быстро.—Они оба спать. Робинъ гулялъ со мною, и, когда мы вернулись, я ему и Эббѣ рассказывалъ сказки, пока они не пошли спать.

Адвокатъ на минуту закрылъ глаза. Онъ мучился тѣмъ, что приходится врать женѣ, но онъ зналъ, что это необходимо. Онъ *долженъ* былъ выйти, удалиться, забыться. Не то онъ не выдержитъ этой жизни, которая съ небольшими промежутками тянется вотъ уже годы. Поэтому онъ продолжалъ сочинять ей, какъ малому ребенку. Мягкимъ голосомъ, какъ бы рассказывая ей сказки, говорилъ онъ о себѣ и о дѣтяхъ, о томъ, что видѣлъ и слышалъ Робинъ, какъ играла Эбба и какъ она говорила о мамѣ, которая скоро будетъ опять здорова. Онъ былъ неутомимъ въ придумываніи подробностей и все время, пока онъ говорилъ, больная лежала совершенно спокойно, прислушиваясь къ его словамъ со слабой мечтательной улыбкой.

Когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Мнѣ такъ тяжело было эту ночь. Я проснулась и мнѣ казалось, что ты умеръ, никому нѣтъ дѣла до меня. И тогда я увидѣла...

Лицо ея искажилось. Обѣими руками притянула она къ своему рту голову мужа, и шопотомъ сказала:

— Я видѣла его!

— Кого?

— Его. Ты вѣдь знаешь. Его—я тебѣ про него ужъ раз-

сказывала. Сестра ушла и оставила меня одну. Тутъ пришелъ онъ. Ему не было надобности открывать дверь—онъ вошелъ такъ. Онъ досѣщаетъ меня, когда я одна. Онъ положилъ свою шляпу на то кресло и сталъ у моей кровати. И онъ началъ говорить. Говорилъ про тебя такъ скверно, говорилъ, что ты меня оставишь и никогда ужъ не вернешься ко мнѣ. „Ты стала для него бременемъ,—сказалъ онъ— а, когда бремя становится слишкомъ тяжелымъ, люди сбрасываютъ его“. Отъ него пахло духами „свѣжее сѣно“. Я знаю ихъ очень хорошо. У него тѣ же духи, что были у тебя раньше, когда я была молода и счастлива, ахъ, такъ счастлива! И потомъ я увидѣла, что тотъ, который сидѣлъ тутъ, былъ ты самъ. То былъ ты—ты тутъ стоялъ и смотрѣлъ на меня такими холодными глазами и говорилъ, что ты уйдешь и никогда ужъ не вернешься ко мнѣ.

— Ты вѣдь никогда не уйдешь отъ меня? Никогда?—заключила она.

— Никогда, моя крошка, никогда!

Все время, пока она говорила, Стейнертъ сидѣлъ совершенно тихо, давалъ больной говорить, не прерывая ее, и лишь гладилъ ея бѣлую узкую руку, которую держалъ въ своихъ. Его знобило отъ усталости, отчаянія и ужаса, но онъ думалъ все время лишь о счастьѣ, которое такъ внезапно было разбито, когда болѣзнь проникла въ ихъ домъ, и о томъ счастьѣ, которое могло бы вернуться, если-бъ злой сонъ, въ которомъ они жили теперь, исчезъ, и они оба вернулись къ жизни.

Когда жена замолкла, онъ опять сталъ говорить совершенно спокойно, словно ничего не слышалъ, и все время гладилъ бѣлую руку, неподвижно лежавшую въ его рукахъ. Онъ самъ давно ужъ не зналъ, что говорилъ. Однако слова текли изъ его устъ неизсякаемымъ потокомъ. Онъ сочинялъ, выдумывалъ, лгалъ, рассказывалъ о себѣ и о дѣтяхъ, о дѣтяхъ и о себѣ, пока глаза больной не закрылись и страхъ на ея лицѣ замеръ и затихъ. Тогда онъ осторожно высвободилъ ея руку изъ своихъ, подошелъ къ туалетному столу и открылъ выдвижной ящикъ. Онъ отыскалъ предметъ, которымъ онъ, наклонившись, усердно занялся въ полутьмѣ. Потомъ вернулся къ кровати, обнажилъ одну ногу своей жены, быстрымъ и увѣреннымъ уколомъ ввелъ въ кожу шприцъ съ морфіемъ и надавилъ его. Одинъ моментъ на лицѣ больной выразилось страданіе, но тотчасъ же на немъ воцарился безчувственный покой. Наконецъ, по ея блѣдному лицу пробѣжала тѣнь счастья.

— Спасибо!—прошептали дремавшія уже губы, и она заснула.

Адвокатъ выпрямился и отеръ потъ со лба. „Теперь я долженъ заснуть,—думалъ онъ.—И я долженъ спать!“ Сказавъ нѣсколько словъ сидѣлкѣ, дремавшей въ креслѣ у двери, онъ пошелъ по темнымъ комнатамъ и исчезъ въ столовой. Онъ вернулся въ свой кабинетъ, держа въ рукѣ бутылку пива, которую тотчасъ же опорожнилъ. Усталый, обезсиленный, сидѣлъ онъ въ креслѣ у своего письменнаго стола, не въ состояніи ни думать, ни двигаться. У него былъ видъ надломленнаго человѣка.

Спустя короткое время перо опять быстро задвигалось по большому листу бумаги. Когда, наконецъ, адвокатъ, смертельно усталый, уснулъ, на часахъ было четыре.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Золотое солнце въ казематъ печальный
Робко заронило свой привѣтъ прощальный, .
Золотое солнце, что на вольной волѣ
Ярко озаряетъ скошенное поле,
Что глядитъ съ улыбкой въ тихія озера...
Съ милаго далѣка, съ яснаго простора
Въ казематъ печальный, въ тусклое оконце
Свой привѣтъ прощальный заронило солнце!

II.

Товарищъ, руку!..
Суровой долѣ насъ не согнуть.
Пусть жизнь сулитъ намъ нужду и муку,
Пусть надорвется отъ горя грудь,—
Честнѣй и лучше сгорѣть въ работѣ,
Чѣмъ гнить въ болотѣ!

Товарищъ, руку!..
Суровой долѣ не покорясь,
Мы гордо стерпимъ нужду и муку,—
И буря жизни не сломитъ насъ!

Дія.

Будущее искусство.

Спенсеръ сравнивалъ науку съ Сандрильоной, которая долго скрывалась въ печальной неизвѣстности, тогда какъ ея надменные сестры кичились передъ всѣмъ свѣтомъ своею сверкающею мишурою. Теперь очередь за Сандрильоной; пришло ея время и близко день, когда наука, признанная самою достойною и прекрасною изъ сестеръ, воцарится, какъ всемогущая властительница. Посрамлены будутъ кичливыя сестры—религія, метафизика, искусство.

Спенсеръ слишкомъ низко цѣнитъ свой авторитетъ, свое признание; оттого онъ перетасовалъ роли и отчасти перенесъ будущее въ настоящее. Если всемогущей властительницей считаетъ науку онъ, то чье признание сдѣлаетъ ее болѣе самодержавной? Признание насъ? Оно неизбежно отолется въ форму религіи—и съ этой точки зрѣнія наука навѣки останется Сандрильоной. Но если истинное торжество въ признаніи высокихъ избранниковъ, если обратить преимущественное вниманіе не на громкую славу, которою окружаетъ артиста толпа, а на то признание, какое даютъ его искусству мыслители, теоретики этого искусства, то ясно, что печальный удѣлъ непризнанной Сандрилоны достался искусству. Чтять его или отвергаютъ—его считаютъ прелестной, но ненужной забавой. Даже тамъ, гдѣ не противопоставляютъ его теоретической безполезности элементарную пользу повседнежнаго обихода, въ немъ видятъ нѣчто, далеко не безусловно необходимое для жизни. Это тихое пренебреженіе избранниковъ не искупается громкими восторгами толпы. Восторги проходятъ—а мысль такого чловѣка, какъ Ренанъ, остается. А Ренанъ—ужь онъ-то, историкъ, филологъ и просто эстетически мыслящій и тонко чувствующій чловѣкъ, могъ бы понять роль искусства—Ренанъ предвидитъ, что «настанетъ время, когда великій художникъ будетъ изображать изъ себя нѣчто устарѣвшее, почти безполезное». Эту цитату приводятъ Гюйо, который для выясненія роли искусства въ будущемъ собралъ, кажется, всѣ возможныя защитительныя соображенія, кромѣ, быть можетъ, самаго важнаго. Между тѣмъ—только при посредствѣ этого важнѣйшаго, окончательно установленнаго со-
Январь. Отдѣлъ I.

временной наукой возвращенія на существо художественнаго творчества могутъ быть рѣшительно отвергнуты тѣ предположенія о предстоящемъ паденіи роли искусства, которыя такъ часто раздаются изъ устъ представителей разнообразнѣйшихъ взглядовъ и такъ рѣдко встрѣчаютъ рѣшительный и *мотивированный* отпоръ. Правда, обязанность доказывать лежитъ на томъ, кто утверждаетъ. Но надо же признать, что, какъ ни слабы доводы отвергающихъ высокую роль искусства въ будущемъ, въ отвѣтъ они рѣдко получаютъ что-либо, кромѣ эстетическихъ по формѣ, но историческихъ по содержанію возгласовъ о томъ, что все высокое и все прекрасное вѣчно, что сомнѣніе уже есть профанация, что искусство переживетъ все сущее уже потому, что этого хочется его адепту. Онъ *отринутъ* въ будущность искусства: какъ смѣете вы сомнѣваться? Человѣку здравомыслящему, какъ всегда, когда онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ религиознымъ,—остается отнестись почитательно къ чужой вѣрѣ, не оскорблять ея логикой и предоставить ее вѣрующему...

Попробуйте, напримѣръ, подойти съ логикой къ знаменитому гимну Теофила Готье въ честь вѣчности искусства, такъ эффектно и горделиво воспѣтой повтомъ:

Tout passe. L'art robuste
Seul a l'éternité.
Le buste
Survit a la cité

Et la medaille austère
Que trouve un laboureur
Sous terre
Révèle un empereur.

Les dieux eux mêmes meurent.
Mais les vers souverains
Demeurent
Plus fort que l'airain...

Оставимъ въ сторонѣ красивыя тавтологіи оды: «Все проходить. Лишь могучему искусству принадлежатъ вѣчность... Даже боги умираютъ. Но тверже бронзы вѣковѣчны царственные стихи». Это убѣдительно для того, кто уже вѣритъ. Но вотъ доводы: «Бюстъ переживаетъ государство. И грубая медаль, которую пахарь находитъ подъ землею, открываетъ міру императора»...

Прежде всего—какой удивительный матеріализмъ. Бюстъ переживаетъ государство? Развѣ онъ переживаетъ его въ качествѣ произведенія искусства? Развѣ его сохраняетъ творческая идея, вложенная въ него? Развѣ въ этой устойчивости онъ не равенъ другому остатку матеріальной культуры—любому чурбану, любому куску жельва? Скелетъ номпейской собаки пережилъ римскую государственность, домены и кромлехи пережили кельтскую куль-

туру: какое отношеніе вѣчность этихъ кусковъ кости и камня имѣетъ къ устойчивости государственныхъ или культурныхъ формъ? Да, бюсты переживаетъ государство,—одинъ изъ тысячи, изъ десятковъ тысячи: вѣдь это чистая случайность. Вѣдь отъ громаднаго міра греческаго художественнаго творчества мы имѣемъ лишь жалкіе остатки, по которымъ можемъ судить о его неисчерпаемомъ величїи; и ничто—ни сокровища творческой мысли, въ него вложенныя, ни высокое мѣсто, которое ему удѣляла окружающая культура,—ничто не спасло его отъ гибели. Да, Гермесъ Праксителя пережилъ греческую государственность; но вѣдь и «Политейя». Аристотеля ее пережила и не только пережила, но и донесла до насъ. И творческая мысль, вложенная въ греческую государственность, дошла до насъ и въ извѣстномъ смыслѣ такъ же жива, какъ мысль, воплощенная въ «Гермесъ».

Или другой примѣръ: погибъ древній деспотъ, исчезъ съ лица земли его обликъ, стерлась память о немъ; но вотъ, пахарь, идя за плугомъ, поднимаетъ вырытую лемехомъ монету—и въ грубыхъ «чертахъ и рѣзахъ» древней медали ученый міръ находитъ извѣстіе о неизвѣстномъ государѣ. Очень хорошо: какое отношеніе это имѣетъ къ вѣчности искусства, какъ особаго вида мышленія? Развѣ въ созданіе этой медали непременно было вложено что-либо, кромѣ узко утилитарныхъ цѣлей? Развѣ ея чеканъ необходимо запечатлѣнъ художественнымъ творчествомъ? Развѣ любая надпись на камнѣ не сообщила бы намъ того же о забытомъ императорѣ? Tout passe—разумѣется: поскольку мы находимся въ области матеріальной культуры. И бюсты не составляютъ исключенія. Напрасно Готье кичится тѣмъ, что «царственные стихи вѣковѣчны». Просто совершенно непонятно, какъ поэтъ, знакомый съ исторїей литературы, можетъ сказать нѣчто подобное. Только что онъ назвалъ бюсты болѣе вѣковѣчнымъ, чѣмъ государственный строй; теперь оказывается, что стихи болѣе устойчивы, чѣмъ бронза, то есть тотъ же бюсты. Но вѣдь всякій знаетъ, что исторія древней литературы съ величайшимъ трудомъ конструируется изъ ничтожныхъ остатковъ, что то, что отъ ея памятниковъ дошло до насъ, есть по истинѣ Fragment der Fragmente. Мы не имѣемъ почти ни одного древне-греческаго писателя, отъ котораго сохранилось бы все его литературное достояніе. Гдѣ греческіе киклики?—мы едва знаемъ ихъ имена. Гдѣ сатиры Архилоха? Гдѣ гимны Тиртея? Изъ семидесяти двухъ пьесъ Эсхила до насъ дошло семь, изъ ста пьесъ Софокла тоже семь, изъ многочисленныхъ (отъ 75 до 123) пьесъ Еврипида мы имѣемъ сатирическое представленіе «Циклопъ» и семнадцать трагедій. Ничего не спасли les vèrs souverains. Увы, больше сдѣлали невѣжественные монахи средневѣковья, которые кощунственной рукой стирали пемвой съ пергамента драгоценныя слова мыслителей и поэтовъ древности и на этихъ палимпсестахъ вали эвокъ прихода-расходныя записи.

Между тѣмъ, еслибы Теофиль Готье обратилъ вниманіе на мѣнѣ матеріальную сторону произведеній искусства, онъ былъ бы болѣе убѣдителенъ. Не такъ ужъ вѣковѣчны созданія искусства, какъ кажется поэту, но они все-таки устойчивѣе весьма недолговѣчныхъ бюстовъ и тысячами гибнущихъ стиховъ. Даже погибнувъ, они живутъ въ душахъ тѣхъ, кто ими наслаждался,—они живутъ въ вѣчно обновляющемъ ихъ пониманіи, они живутъ въ вліяніи, которое они оказали на душевную жизнь и на искусство. Они живутъ въ художественной традиціи. Конечно, бываютъ случаи, что гибнетъ традиція, что прерывается нить развитія. Но вообще-то, если можно говорить о вѣчной жизни отдѣльнаго художественнаго произведенія, то только въ смыслѣ его жизни духовной, которая, конечно, безконечно продолжительнѣе и надежнѣе, чѣмъ его неустойчивое существованіе въ мірѣ матеріальномъ или въ живой рѣчи народа. Умереть народъ, умереть языкъ—и перестануть переходить изъ устъ въ уста глѣнительные или царственные стихи. Но вѣчно то душевное движеніе, первымъ двигателемъ котораго было созданіе творческой мысли поэта. Эти волны моральной энергіи никогда не утратятъ своей силы; эта энергія, какъ и всякая другая, можетъ только измѣнить свою форму, но не исчезнуть безслѣдно.

Важнѣе всего, однако, то, что Готье, воспѣвая вѣчность искусства, воспѣлъ то, что въ немъ брэнно. Онъ говоритъ о томъ, что созданія искусства вѣчны — хотя мы видѣли, что они далеко не вѣчны. Но онъ ни слова не сказалъ о вѣчности самого искусства. Пусть сегодня прекратится навѣки всякое художественное творчество; стоя на точкѣ зрѣнія оды Готье, можно съ тѣмъ же паэосомъ и самоудовлетвореніемъ повторять ея торжественныя увѣренія:

Tout passe. L'art robuste
Seul a l'éternité.

Старые бюсты останутся и старые стихи будутъ жить въ памяти. Для Готье вѣчно только искусство прошлаго; таинственная сила сохраняетъ его остатки вопреки стихіямъ и утвержденіямъ исторіи. До искусства настоящаго, до искусства будущаго ему нѣтъ дѣла. Все обстоитъ благополучно: по медали можно узнать о сгинувшемъ государѣ; какое еще будущее нужно искусству?

Между тѣмъ все дѣло въ этомъ будущемъ. Вопросъ не въ томъ, что оказалось устойчивѣе—гражданская община древняго міра или созданія ея художественной культуры, а въ томъ, какая будущность ждетъ искусство, какъ человѣческую дѣятельность. Намъ говорятъ: остатки прошлаго искусства, можетъ быть, и вѣчны, но у него нѣтъ будущаго; само искусство умереть; искусства не будетъ.

I.

Въ нашей теоретической литературѣ эти споры о будущемъ искусства получили любопытнѣйшее выраженіе въ извѣстномъ діалогѣ П. Л. Лаврова: «Кому принадлежитъ будущее?» Воззрѣнія, высказанныя здѣсь сторонниками и противниками великой и непреходящей будущности искусства, чрезвычайно интересны не только потому, что они формулированы такимъ сильнымъ, логически послѣдовательнымъ и морально безстрашнымъ мыслителемъ, какъ П. Л. Лавровъ, но и по своеобразнымъ особенностямъ поставленной имъ себѣ задачи. Какъ помнятъ читатели, характернѣйшей особенностью собесѣдниковъ, выступающихъ въ діалогѣ, является страстность ихъ логики, ихъ нечеловѣческая послѣдовательность. Извѣстно, изъ какой школы вышли эти избранники: величайшее напряженіе скептицизма въ учителя выразилось въ величайшемъ напряженіи догматизма въ ученикахъ. «Я завелъ школу, — рассказываетъ ихъ учитель — гдѣ употребилъ все свое стараніе на развитіе послѣдовательности въ мысли и энергіи характера воспитанниковъ, не только не навязывая имъ какого бы то ни было единообразнаго взгляда на жизнь, но стараясь въ каждомъ развить до послѣдней возможности то направленіе, которое само собою вырабатывалось изъ его физическихъ и психическихъ особенностей. Каково бы ни было убѣжденіе, къ которому склонялся мой воспитанникъ, я давалъ ему всѣ средства открыть и усилить аргументы въ пользу этого убѣжденія, ослабить и уничтожить аргументы противниковъ; я старался направить всѣ силы его ума на послѣдовательную обработку міросозерцанія въ смыслѣ этого убѣжденія, всѣ силы его характера на энергическое воплощеніе въ жизнь того, что онъ послѣдовательно продумалъ».

Эта система, конечно, могла проявиться во всей своей силѣ лишь на избранникахъ. Большинство учениковъ падало жертвой эклектизма. Одни пугались рѣзкаго противорѣчія своей мысли съ традиціей и пытались согласить несогласимое; другіе, оставаясь чуждыми какому бы то ни было опредѣленному убѣжденію, шли въ жизни одновременно по разнымъ путямъ и, конечно, не пришли никуда — и такъ далѣе. «Только шесть человекъ изъ моихъ многочисленныхъ воспитанниковъ — рассказываетъ учитель — соотвѣтствовали моимъ ожиданіямъ. Это были вы. Ваши стремленія, характеры и развитіе были рѣзко различны и рѣзко опредѣленны, но каждый изъ васъ обладалъ двумя условіями, которыя для меня были единственно существенны: послѣдовательною мыслью и неуклоннымъ, энергическимъ убѣжденіемъ. Я не жалѣлъ средствъ и стараній, чтобы развить каждого изъ васъ именно въ томъ направленіи, которое его характеризовало, чтобы усилить и опредѣленнѣе очер-

тить его особенность, дать ему наилучшіе аргументы для защиты его взгляда на вещи, вселить въ него самую неумолимую рѣшимость додумать свою мысль послѣдовательно до конца и воплотить ее въ жизнь, чего бы это ни стоило и въ какимъ бы результатамъ ни привело. Каждый мѣсяць вы сходились подъ моимъ руководствомъ на диспуты, помогая каждому въ логическомъ развитіи мысли и въ выработкѣ плановъ ея практическаго примѣненія. При выходѣ изъ моей школы я взялъ съ васъ слово сѣзжаться ко мнѣ въ опредѣленные сроки и продолжать ваши совѣщанія, проверяя ихъ практикою жизни.

Свидѣтелями одного изъ такихъ диспутовъ уже «сложившихся людей» дѣлаетъ насъ діалогъ П. Л. Лаврова. Мы видимъ предъ собой не просто теоретиковъ, людей, безстрастно отстаивающихъ свои точки зрѣнія, скептиковъ или эклектиковъ. Художникъ и ученый, капиталистъ и социалистъ, государственникъ и іезуитъ выступаютъ предъ нами какъ догматики, какъ проповѣдники, какъ фанатики. Аргументы звенятъ и сверкаютъ, какъ удары смертоносныхъ клинковъ, паеосъ убѣжденія заражаетъ даже тамъ, гдѣ содержаніе воззрѣній вамъ чуждо и тягостно. Понятно, какъ важно и интересно то, что говорится въ этихъ условіяхъ за или противъ. То, что здѣсь въ пламенномъ и творческомъ обсужденіи роковаго вопроса «кому принадлежитъ будущее?»—сказано о будущемъ искусства, очевидно, есть самое убѣдительное, полное и доказательное выраженіе всего, что могутъ сказать объ этомъ предметѣ разнообразныя теоретики искусства—его оптимистическіе адепты, его пессимистическіе индифферентисты, его скептики и его фанатики.

Выразителями «послѣдовательныхъ» взглядовъ на искусство являются у П. Л. Лаврова три теоретика: художникъ Джуліо, представитель науки, носящій въ діалогѣ кличку Профессора, и неизвѣстный «знатокъ искусства», критическую статью котораго—написанную по поводу смерти Джуліо—читаетъ Профессоръ себе-сѣдникамъ.

Мы имѣемъ основанія думать, и ниже укажемъ на эти основанія, что самъ П. Л. Лавровъ не раздѣлялъ категорическихъ сужденій выведенныхъ имъ теоретиковъ искусства. Онъ не осложнилъ ихъ воззрѣній, чтобы сдѣлать ихъ до конца «послѣдовательными». Они однако не только не послѣдовательны, но и не свѣдущи; они не знаютъ того, о чемъ говорятъ, они плохо оцѣниваютъ настоящее и потому еще хуже пророчествуютъ о будущемъ.

Художникъ Джуліо слабый теоретикъ своего искусства. Повѣримъ ему и его создателю, что онъ гений—онъ такъ краснорѣчиво говоритъ о могучемъ дѣйствіи своихъ твореній, — но о психологіи художника, о смыслѣ художества и о механизмѣ художественнаго дѣйствія онъ судитъ ошибочно—и оттого въ предсказаніяхъ о великой будущности искусства опирается на то же, на что опираются всѣ пророки религіознаго склада: на свой паеосъ. Онъ начи-

иметь съ своей характеристики; онъ безконечно воспримчивъ и многостороненъ; у него нѣтъ пристрастій, потому что всякая чужая страсть заражаетъ его сходнымъ чувствомъ; въ известномъ смыслѣ онъ безразличенъ, но это только потому, что подъ этимъ безразличіемъ бьется живая симпатія ко *всякому* сильному проявленію жизни. Это свойство Джуліо, очевидно, считаетъ характернымъ для всякаго художника. «Я одинъ изъ всѣхъ васъ — напоминаеть онъ старымъ товарищамъ, такъ далеко разошедшимся въ разные стороны—никого изъ васъ не ненавидѣлъ, ни съ кѣмъ изъ васъ не боролся и теперь въ послѣднія минуты жизни, съ теплою любовью отношусь къ каждому изъ васъ. Я съ наслажденіемъ слушалъ и могучую научную логику Профессора, и пламенную религіозную проповѣдь Инквизитора, и тонкія политическія соображенія Барона, и широкія финансовыя комбинаціи Картежника, и грозный революціонный призывъ Бабефа». Читатель помнитъ, что такіа прозвища далъ своимъ ученикамъ ихъ усопшіи учитель. «Для меня—развиваетъ свою точку зрѣнія Джуліо—все полно жизни и прелести, потому что я одинъ изъ васъ вижу живую, вѣчно-прекрасную сторону того, что для васъ самихъ есть лишь переходящее средство для далекой цѣли. Когда я плакалъ при звукахъ органа и ждалъ чуда св. Януарія вмѣстѣ со всѣмъ трепещущимъ народомъ, я понималъ величіе религіи настолько же, какъ понималъ величіе революцій въ минуту, когда стоялъ съ Бабефомъ на баррикадѣ подъ краснымъ знаменемъ, и подъ ногами моими хрустѣла кукла мадонны, брошенная на баррикаду рядомъ съ бочками изъ сосѣдняго погреба. Я съ замираніемъ сердца и съ наслажденіемъ слѣдилъ за успѣхами сыщиковъ Барона, когда они разыскивали радикаловъ; и съ такимъ же наслажденіемъ, съ такимъ же замираніемъ сердца ждалъ, чтобы удался опытъ профессора, чтобы мертвая жидкость закипѣла бактеріями и монадами; съ такимъ же наслажденіемъ и замираніемъ сердца я стоялъ подлѣ Картежника на биржѣ и слѣдилъ за выигрывавшими миллионы отъ одной телеграммы, за блѣдностью раззорвавшихся спекуляторовъ».

Мы можемъ вѣрить пылкимъ признаніямъ сенситивнаго Джуліо, но никакъ не рѣшимся признать это необыкновенное, активное и въ догматъ возведенное безличіе удѣломъ всякаго художника. Превеличенное изображеніе Джуліо напоминаетъ просто каррикатуру на эстетическую воспримчивость артиста. Да, художникъ широкъ и подчасъ способенъ оцѣнить правду въ диаметрально противоположныхъ тенденціяхъ; да, эстетическій восторгъ въ известной степени способенъ вытолкнуть на время другія чувства. Но «слѣдить съ наслажденіемъ за успѣхами сыщиковъ» человекъ, имъ не сочувствующій, можетъ въ такой же мѣрѣ, какъ восторгаться удивительной художественной мѣткостью выстрѣла, убившаго его ребенка. Есть предѣлы, за которыми эстетика становится смѣшна, ибо отрицаетъ себя. Надо ли къ тому же напоминать, что, если

даже есть такіе художники, какъ Джуліо, какъ Берещагитъ, не безъ эстетическаго восторга рассказавшій, какъ по его просьбѣ повѣсили двухъ турокъ,—то есть и такіе, какъ полный дѣятельной любви Успенскій, или Достоевскій, ненавидѣвшій не слишкомъ мало, а слишкомъ много. Дурно ли это отразилось на ихъ искусствѣ? Сдѣлало ли менѣе «истинными» художниками? Такого дѣленія не знаетъ теорія искусства.

«Что мнѣ ваши цѣли?—развиваетъ далѣе свою теорію Джуліо:— что мнѣ все далекое, отвлеченное? жизнь не въ этомъ: она въ стройной формѣ настоящей минуты, въ патетическомъ потрясеніи, что бы ни скрывалось подъ этою формою. Все проходить, смѣняется, умираетъ. Безсмертно лишь то, что схвачено искусствомъ, что оно обезсмертило. И безсмертно оно только потому, что прекрасно, художественно схвачено. Содержаніе, идеи, нравственныя цѣли жизни, научная система—все дребедень. Живетъ и можетъ жить только искусство, потому что оно безсмертно и даетъ безсмертіе. Оно одно—все примиряетъ и все оживляетъ. Въ его одна пошлость и мелочность. Но, чего оно коснется, то живо навѣки, и я каждому изъ васъ доказалъ это». И здѣсь, конечно, мы встрѣчаемъ ту же вереницу риторическихъ тавтологій, которыя видѣли уже въ одѣ Теофила Готье. Совершенно непонятно, напримѣръ, почему государственная власть надъ милліонами людей или биржевыя спекуляціи, дѣлающія человека такимъ же владыкой жизни или ея нищимъ рабомъ,—почему все это «далекое, отвлеченное», а идеальное созданіе художественной мысли—нѣчто близкое и конкретное. «Все проходить, смѣняется, умираетъ»—конечно. Но совершенно въ такой же мѣрѣ, въ какой проходить и умираетъ все, умираютъ и проходятъ художественныя созданія. Джуліо такъ вѣрится въ пустую форму, что и здѣсь, въ области научной мысли, гдѣ, казалось бы, этой пустой формѣ нѣтъ мѣста,—да онъ и самъ монополію на пустыя формы отдаетъ искусству,—онъ все-таки орудуетъ исключительно утвержденіями, въ которыхъ есть что угодно, кромѣ содержанія. Теоретики эстетизма приучили насъ къ этому—и въ этомъ смыслѣ Джуліо удивительно законченная и художественно живая фигура. Онъ только не сюсюкаетъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ жрецы «всего высокаго и всего прекраснаго», не вложившіе въ его разработку ни крупинки творческой мысли. Но онъ также топчется на мѣстѣ, повторяетъ себя и—за неимѣніемъ иного болѣе убѣдительнаго матеріала—бранится. Не смотря на собственныя увѣренія, что онъ ко всѣмъ и ко всему относится «съ теплою любовью», онъ называетъ «дредбеденью» нравственныя цѣли жизни и научныя системы—точно строй его убѣжденій не есть научная система,—и видитъ внѣ искусства только «пошлость и мелочность» вездѣ—даже въ той жизненной борьбѣ, въ трагическихъ припетяхъ которой принималъ участіе съ такимъ наслажденіемъ.

Искусство безсмертно потому, что оно безсмертно—кромѣ этой

тавтологія, которой не придаетъ смысла экстазъ, съ какимъ она произносится, изъ тирады Джуліо не выжмешь ничего. Не больше убѣдительности заключаютъ и его интересныя и пластичныя рассказы о его картинахъ. Онъ проникся религиознымъ экстазомъ и написалъ Христа, отрекающагося отъ матери и братьевъ,—и сила этого изображенія была такъ велика, что, по словамъ католическаго изувѣра *этотъ* Христосъ долженъ быть въ кельѣ каждаго монаха: «въ его взглядѣ, въ его движеніи аскетъ долженъ черпать силу убитъ всѣ привязанности, всѣ человѣческія чувства и связи на алтарѣ религіи, которая не должна знать ничего человѣческаго». Затѣмъ Джуліо, увлекшись рациональнымъ истолкованіемъ личности Спасителя, благодаря своей громадной способности перевоплощенія, изобразилъ съ такою же силой минуту, когда Христосъ воображаетъ себя Мессіей—и представитель науки долженъ былъ признать, что «для психіатра это была драгоцѣннѣйшая иллюстрація помѣшательства религиознаго визионера и идиотическаго вѣрованія неразвитыхъ послѣдователей его»—и профессоръ включилъ снимокъ съ этой замѣчательной картины въ свое изслѣдованіе о «Генезисѣ человѣческихъ заблужденій». Съ той же мимикріей Джуліо отнесся въ своемъ творчествѣ къ вопросамъ политическимъ и социальнымъ. Такъ глубоко проникнуть этотъ гениальный художникъ своей горделивой безыдейностью, такъ охотно демонстрируетъ ее и кокетничаетъ ею, что, какъ дѣло коснется какого-либо изъ громадныхъ историческихъ вопросовъ, раздѣляющихъ человечество на два противныхъ лагеря, Джуліо пишетъ парныя картины, гдѣ воплощаетъ съ одинаковымъ мастерствомъ и могуществомъ диаметрально противоположныя точки зрѣнія. Идетъ борьба между деспотіей и народовластіемъ—Джуліо изобразилъ на одной картинѣ Людовика XIV въ то мгновеніе, когда монархъ произноситъ свое—«государство это я». «И зритель долженъ былъ признаваться, что всѣ эти опытные, ученые, заслуженные, почтенные, но обыкновенные люди, къ которымъ обращена гордая рѣчь короля, суть низшія, ничтожныя существа передъ личностью монарха, просвѣтленнаго величіемъ своего сана, какъ бы обоготвореннаго искусствомъ». На другой картинѣ онъ изобразилъ сентябрьскіе дни 1792 г.: «и всякій зритель сознавалъ въ кровавыхъ, безпощадныхъ палачахъ не представителей минутной страсти, временнаго взрыва, а мстителей за нѣсколько вѣковъ народнаго страданія, воплощеніе исторической заслуженной казни надъ гнилымъ, себялюбивымъ и бессмысленнымъ міромъ; беззащитныя, гибнущія жертвы стали подъ его кистью наглядными представителями отжившаго прошедшаго, того развращеннаго дворянства и духовенства, которыя сами погубили себя своимъ эгоизмомъ и своею ограниченностью. Для всемогущаго искусства одинаково удобенъ и одинаково нагляденъ былъ апоѳеозъ деспотической монархіи и кровавой народной революціи».

Съ той же упрощенной «многосторонностью» подошелъ Джуліо

и къ социальному вопросу. Онъ нарисовалъ двѣ акварели—и на каждой одну и ту же пару: фабриканта и поденщика. «Это были одни и тѣ же лица, почти въ томъ же положеніи; но нѣсколько штриховъ—и картинки составляли поразительный антитезъ. Съ одной стороны, передъ вами былъ представитель энергичной интеллигенціи, развитого человѣчества, рядомъ съ тупымъ идиотомъ, который безъ мысли перваго остался бы вѣчно въ доисторическомъ періодѣ развитія; передъ вами былъ естественный повелитель и руководитель рядомъ съ человѣкомъ, обреченнымъ самою природою на вѣчное подчиненіе. Съ другой стороны, вы имѣли вырождающійся, испорченный типъ эксплуататора, живущаго чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ, и передъ нимъ былъ представитель труда, подавленный исторіей, но выработавшій въ вѣчной борьбѣ здоровую мысль и энергическую ненависть къ своему врагу; вы говорили себѣ: это—отживающій міръ, который обреченъ на скорую гибель, и гибель его придетъ отсюда, отъ этого умнаго, озлобленнаго человѣка, который такъ спокойно смотритъ на своего плута-патрона, но потому лишь, что готовится нанести ему смертельный ударъ. Весь социальный вопросъ, надъ которымъ такъ бьются мои друзья Картежникъ и Бабефъ, былъ рѣшенъ мною въ этихъ двухъ аквареляхъ въ нѣсколько минутъ, рѣшенъ по произволу въ ту или другую сторону, потому что искусство господствуетъ надъ всѣмъ, повелѣваетъ всѣмъ, по произволу, по прихоти минуты возвеличиваетъ и унижаетъ: вѣтъ его все мелко, ничтожно, мертво. Вѣтъ его нѣтъ жизни, нѣтъ истины, нѣтъ нравственности. Оно одно даетъ жизнь, одно—создаетъ истину, создаетъ нравственность».

Въ этомъ чрезвычайномъ самодовольствѣ и самомнѣніи наивнаго художника одно особенно достойно замѣчанія: онъ совершенно не хочетъ знать, чѣмъ его могучее ирраціональное искусство обязано рациональной мысли. Онъ рисовалъ могучаго Людовика и могучій народъ, фабриканта-богатыря и рабочаго-идиота, фабриканта-дегенерата и рабочаго-борца,—и даже не подумалъ, въ какой степени эти воплощенные имъ идеи подсказаны ему наукой, публицистикою, идейной борьбой, которыя онъ такъ самоувѣренно отрицаетъ.

«Религія, философскія міросозерцанія, нравственныя и социальныя ученія, научныя теоріи одна за другой являются на историческомъ горизонтѣ, чтобы жить эфемерною жизнью минуты, чтобы дѣти смѣялись надъ тѣмъ, изъ-за чего страдали и боролись ихъ отцы, чтобы потомки забыли даже смыслъ словъ, когда-то имѣвшихъ историческое значеніе. Всякое содержаніе, теоретическое и практическое, есть прахъ земли, навѣянный сегодняшнимъ вѣтромъ въ громадную гору и завтра разсѣянный другимъ вѣтромъ безъ слѣда. Поэтому ни одно ученіе, ни одно практическое стремленіе не имѣетъ будущаго». Какъ будто художественное произведеніе—даже въ своей яко бы исключительно «формальной» сторонѣ—не

полно этого «теоретического» содержания, какъ будто пейзажъ не есть «система», какъ будто лирическое стихотвореніе не есть «ученіе». И оттого смѣшонъ самоувѣренный Джуліо, когда думаетъ, что подходитъ къ жизни и природѣ, какъ *tabula rasa*, и съ какою, то небывалой творческой пассивностью воспринимаетъ и комбинируетъ ея впечатлѣнія. Какая иллюзія! Художникъ можетъ быть безыдейнымъ въ очень высокомъ смыслѣ слова, но эта безыдейность есть не тезисъ, а синтезисъ, не пустое отъ идей мѣсто, а результатъ высокаго душевнаго развитія, дающаго прозрѣніе тамъ, гдѣ бессильна логическая мысль. Что же будетъ предметомъ воплощенія для свободнаго искусства Джуліо, когда исчезнуть—согласно его комическому предсказанію—всѣ прочія проявленія духовной жизни человѣка? Останется одно искусство—и будетъ изображать только физическую природу и себя: третьяго ничего не будетъ. Къ замкнутому кругу физической природы и ведутъ его теоріи и пророчества Джуліо.

Самую силу искусства онъ преувеличиваетъ съ дѣтскимъ ослѣпленіемъ. Онъ увѣряетъ будто «реальный Христосъ могъ быть или не быть; все равно: онъ живетъ, какъ божественный типъ въ воображеніи вѣрующаго, какъ типъ психопата въ мысли ученаго, и *лишь творчество искусства дало ему эту жизнь*», и онъ гордится тѣмъ, что «одно искусство, всесильное всегда и вездѣ, могло изобразить одну и ту же личность богомъ для фанатика и помѣшаннымъ для ученаго реалиста».

Одно ли искусство дѣлаетъ это? Не доступны ли эти метаморфозы также «искусству» діалектика, которое по существу не слишкомъ много имѣетъ общаго съ художественнымъ творчествомъ, съ образнымъ мышленіемъ? И въ случаяхъ, указанныхъ Джуліо, не падало ли искусство на готовую, слишкомъ готовую почву? Если Христосъ былъ богомъ для вѣрующаго и смертнымъ для ученаго реалиста, то не были ли живы и сильны эти представленія и тогда, когда о творествѣ Джуліо не было рѣчи? Художественное творчество внесло въ нихъ нѣчто, но сила его не всеобъемлюща и не первична.

Искусство, конечно, «можетъ по своей волѣ воплотить въ очевидность какую угодно идею, какое угодно нравственное или политическое стремленіе». Но слѣдуетъ ли изъ этого, какъ увѣрялъ не разъ Джуліо, что искусство есть «господинъ борющихся партій»? Не рабъ ли? Но Джуліо съ энергіей глубоко невѣжественнаго человѣка старается увѣрить политика, религіознаго человѣка, ученаго, борца за свободу, что идеи, ими вырабатываемыя, ничто, а все дѣло въ искусномъ воплощеніи этихъ идей. Они спорятъ изъ-за пустяковъ, изъ-за безсодержательныхъ стремленій—и не знаютъ, что надъ ними «далеко и высоко, стоитъ область, гдѣ все это примирено, потому что все изъ нея лишь черпаетъ свою силу: это—область эстетической формы, область художественнаго патетизма,

область искусства. Религія и наука—пустыя слова въ соответственнаго патетическаго настроенія. Искусство оживить своимъ дыханіемъ религіозные типы, и за ними идутъ народы на побѣды и на гибель. Искусство отхлынуло отъ этихъ типовъ, и религія обратилась въ безмысленныя дѣтскія побасенки. Научная истина открыта, но бессильна, пока ученый не нашелъ той формы, въ которой истина станетъ убѣдительною для общества, пока общество не выработало въ себѣ того настроенія, въ которомъ оно способно воспринять и усвоить научное убѣжденіе». Вотъ какъ далеко идутъ притязанія искусства: даже выработку общественнаго настроенія, въ которомъ усваивается научное убѣжденіе, оно безъ доводовъ всецѣло приписываетъ себѣ. Побѣдоносную борьбу съ религіей тоже, кажется, вела не столько художественная, сколько рациональная, логическая мысль. На завоеванія послѣдней Джуліо совершенно напрасно налагаетъ руку. «Научная истина открыта, но безрезультатна, пока ученый не нашелъ той формы, въ которой истина станетъ убѣдительною для общества». Да развѣ она безъ этого перестаетъ быть истиной? Развѣ въ пріемлемости истины для современниковъ коренится окончательный критерій ея несомнѣнности? Ужъ если выбирать изъ крайностей, то не наоборотъ ли? Вотъ Галилей не нашелъ убѣдительною для современниковъ художественной формы,—а вѣдь земля все-таки движется. И научная истина, найденная Галилеемъ, едва-ли будетъ забыта, едва-ли будетъ пережита какимъ бы то ни было прекраснымъ произведеніемъ искусства. О «такъ называемыхъ» нравственныхъ, социальныхъ и политическихъ истинахъ Джуліо и говорить не хочетъ: «Онѣ становятся истинами, становятся движущими историческими силами, когда талантливый ораторъ или публицистъ воплотить ихъ въ краснорѣчивое слово, въ ѣдкую статью; когда художникъ-поэтъ, скульпторъ или живописецъ создастъ изъ нихъ безсмертный типъ, когда художникъ-историкъ поставитъ ихъ представителей, какъ безсмертныя цѣльныя личности, на поклоненіе потомства. Пока не совершился надъ идеями этотъ процессъ художественнаго преобразенія, до тѣхъ поръ онѣ вовсе не историческія силы, а пустая болтовня, посмѣшище для толпы, предметъ поруганія для руководителей мысли». Эти утвержденія въ извѣстной части просто пустыяки, но въ извѣстномъ смыслѣ они, пожалуй, и вѣрны. Они значатъ, что мысль не существуетъ, пока не воплощена въ слово, вполне ее выражающее. Но какое это отношеніе имѣетъ къ художественному творчеству? Развѣ наша рѣчь есть исключительное созданіе искусства? Развѣ не равносильны въ ней элементы поэзіи и прозы? Развѣ талантливѣйшій публицистъ не можетъ быть воплощеніемъ холодной и побѣдоносной логики безъ тѣни художественнаго творчества? Развѣ нѣтъ реальнѣйшихъ историческихъ силъ, еще не нашедшихъ «художественнаго преобразенія»—и неужто социальнымъ² есть не «пустая болтовня» только потому, что онѣ не нашлѣ «ху-

дожественное преображеніе»? Развѣ идеи П. Л. Лаврова не представляютъ собою «движущихъ историческихъ силъ», хотя онъ не нашелъ еще художника-историка, который поставилъ бы его «какъ безсмертную цѣльную личность на поклоненіе потомства»?

И въ изображеніи будущаго, которое талантливый художникъ и ограниченный мыслитель Джуліо предрекаетъ наукѣ, общественной дѣятельности, религій, — нѣтъ ничего, кромѣ недоразумѣній. «Пройдутъ вѣка, — пророчествуетъ онъ — улягутся страсти. Вымрутъ послѣдователи всѣхъ вашихъ ученій, борцы всѣхъ вашихъ партій. Звѣвая, будетъ перелистывать читатель будущаго поколѣнія устарѣлую проповѣдь Инквизитора, выдохшуюся рѣчь Бабефа на рабочемъ митингѣ; звѣвая, вспомнитъ законы, открытые Профессоромъ и давно поглощенные другими, болѣе общими законами, или политическія комбинаціи Барона, финансовыя хитросплетенія Картежника, такъ какъ все это будетъ дѣтскою забавою для людей будущихъ поколѣній». Даже физическая смерть «послѣдователей ученій» кажется художнику концомъ ученій: какъ будто не вымираютъ представители художественныхъ школъ, какъ будто не умерли классицизмъ, романтизмъ, сентиментализмъ. «Звѣвая», будутъ читать «выдохшуюся рѣчь Бабефа на митингѣ». Возможно. Но многое ли изъ художественныхъ произведеній современности сохранить интересъ для потомства? Не звѣваемъ ли и мы надъ длиннотами «Иліады», не даютъ ли «Вертеръ» и «Донъ Жуанъ» подлинное наслажденіе лишь немногимъ избранникамъ, не перешелъ ли Вальтеръ-Скоттъ, восторгавшій взрослыхъ, въ руки дѣтей?

Wer wird nicht einen Klopstok loben?
Doch wird ihn jemand lesen? Nein.

Научные законы — по справедливому указанію Джуліо — будутъ поглощены болѣе общими: разумѣется. Но развѣ это означаетъ ихъ смерть? Вѣдь въ этомъ ихъ торжество, ихъ жизнь, ихъ вѣчность. Вѣдь научные законы не миеологическій фантомъ, не имманентныя сущности: это — подобно искусству — обобщенное изображеніе явленій, и до тѣхъ поръ, пока жива будетъ неистребимая человѣческая потребность познанія, жажда причинности, Causalitätsbedürfniss, она необходимо будетъ находить утоленіе въ научныхъ построеніяхъ и художественныхъ образахъ. И потому только нелѣпо, когда Джуліо ту или иную судьбу отдѣльныхъ произведеній человѣческой мысли связываетъ съ судьбой цѣлыхъ пріемовъ познанія и дѣятельности. Пусть старая рѣчь Бабефа на митингѣ станетъ скучной для читателей будущаго. Но развѣ оттого вообще прекратятся рѣчи? Развѣ угаснетъ мысль? Развѣ угаснетъ жизнь, — для того, чтобы сохраняться только въ драгоценныхъ «пустыхъ формахъ» художественныхъ произведеній прошлаго?

Какъ ни нелѣпъ этотъ выводъ, въ эту стѣну уперся послѣдовательный художникъ. — «Будущее принадлежитъ тому, что безсмертно, а

бессмертна лишь неумирающая прекрасная форма». Оттого, по убежденію Джуліо, умрутъ его «идейныя» картины вмѣстѣ съ идеями, въ нихъ воплощенными—очевидно, слишкомъ слаба въ нихъ «прекрасная форма». И потому выше всѣхъ своихъ картинъ, которыми восхищались и которые ругали, изъ-за которыхъ писали томы полемическихъ изслѣдованій, Джуліо ставитъ небольшую картинку, которую никому не продастъ, которая виситъ въ его спальнѣ надъ кроватью, и, смотря на которую, онъ собирается умереть. Съ нея онъ не снималъ и не давалъ снимать копій, потому что это считалъ профанаціей; она «могла ему удасться разъ и не болѣе, и никому въ мірѣ не удасться». Онъ и не показывалъ этой картинки никому, кромѣ тѣхъ художниковъ, которыхъ ставитъ всего выше, и тѣ, которые видѣли, должны были сознаться, что это—верхъ художественнаго совершенства. «Что же въ этой картинкѣ? Да ничего. Этюдъ спящей женщины, гдѣ изъ-подъ шелковаго одѣяла видна часть спины, закинута за шею рука, да бѣлокурый локонъ... И только. Но что за формы. Что за одѣлка. Здѣсь бессмертіе. Это совершенство формы я уловилъ однажды и только однажды. Пройдутъ вѣка, пройдутъ сотни поколѣній, но этимъ будетъ такъ же восхищаться художественно-развитой человѣкъ, какъ восхищается теперь, какъ восхищался я, когда, положивъ кисть, въ первую минуту посмотрѣлъ на свое произведеніе. Да, это—вѣчно, вѣчно».

Кой-что въ этомъ предсказаніи преувеличено—едва-ли восхищеніе воспринимающаго зрителя можетъ сравняться съ восторженнымъ самоудовлетвореніемъ творящаго художника; едва-ли можно ручаться и за сотни поколѣній: отдаленное будущее въ непрерывномъ развитіи, быть можетъ, создастъ художественныя формы такой мощи, глубины и красоты, что съ высоты ихъ оно будетъ смотрѣть на прекрасный этюдъ Джуліо только какъ на почтенный археологическій остатокъ старины, очень интересный для исторической мысли, подчасъ трогательный въ своихъ усиліяхъ, но не дающій уже живого художественнаго удовольствія: какъ мы смотримъ, напримѣръ, на ту медаль, которая у Теофиля Готье «раскрываетъ государя», на христіанское искусство первыхъ вѣковъ нашей эры, на художественныя попытки дикарей и такъ далѣе. Но доля истины есть въ гордости Джуліо: его этюдъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть болѣе долговѣченъ, чѣмъ многія изъ созданій современной мысли. Произведеніе искусства имѣетъ способность долго обновляться новымъ содержаніемъ и въ этомъ смыслѣ оно можетъ жить долго. Обобщеніе по существу и индивидуальный образъ по видимости, оно долго живетъ не только въ томъ вліяніи, которое оно оказало на жизнь и творчество, но и въ той замкнутой формѣ, въ которой нашла выраженіе первоначальная мысль создателя. Научная формула поглощается формулами болѣе общими; произведеніе искусства не можетъ быть до конца поглощено новыми художественными обобщеніями, потому что оно не только типично, но и индивиду-

ально, не только абстрактно, но и конкретно, не только обще, но характерно случайными чертами. Оно способно въ своихъ законченныхъ живыхъ образахъ замыкать и обобщать то содержаніе, котораго не имѣлъ въ виду его создатель и которое предъявить ему будущій зритель, читатель, слушатель. Въ предѣлахъ времени—ибо, вопреки мысли Джуліо, старѣють и умирають художественныя созданія—оно способно быть вѣчно исчерпывающей формой для неисчерпаемаго содержанія, которое ищетъ этой формы.

Отсюда, разумѣется, пропасть до тѣхъ возгласовъ о «прекрасной» формѣ, которую Джуліо противопоставляетъ содержанію художественнаго произведенія и въ которой видитъ единственный залогъ его вѣковѣчнаго бытія. Это одни и тѣ же слова, но диаметрально противоположный смыслъ. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ни формы, ни содержанія, ибо въ томъ, что называютъ формой, нѣтъ ничего, что бы не было содержаніемъ. Говорятъ, что въ искусствѣ важно не *что*, а *какъ*. Но это только реакція на господство прозаическихъ элементовъ въ поэзіи; въ искусствѣ есть только *какъ*, и это *какъ* есть его *что*.

Nichts ist innen, nichts ist aussen,
Denn was draussen, ist auch drinnen.

Сюжетъ кажется поверхностной мысли только содержаніемъ. Но кто знаетъ, какъ опредѣляется мысль поэта господствующимъ сюжетомъ, тотъ понимаетъ, что въ этомъ сюжетѣ поэтъ находитъ лишь форму для выраженія извѣстнаго душевнаго содержанія. Не содержаніе разсказа «Чѣмъ люди живы» составляетъ старая легенда объ ангелѣ, спустившемся на землю, а наоборотъ, въ пустую форму этого сюжета великій художникъ вложилъ новое содержаніе. И такъ какъ это понятія соотносительныя, то законченное произведеніе Толстого есть вѣковѣчная форма, которая будетъ жить до тѣхъ поръ, пока способна будетъ вбирать новое содержаніе, способна отвѣчать на обновленные—въ сущности, вѣковѣчные—вопросы. Сказать, что вѣчна только прекрасная форма и не раскрытъ смысла этой тирады—значить ничего не сказать. Конечно, форма вѣчна. Ибо вѣчно то, что способно жить, жить—значить обновляться, обновляться значитъ мѣнять содержаніе, мѣнять содержаніе могутъ только формы. Это тавтологія—и мы никогда не узнаемъ, почему адепты искусства съ такой исключительностью относятъ ихъ только къ художественнымъ формамъ. Это не мѣшаетъ Джуліо патетически закончить свое посмертное письмо словами:

«Форма, форма. Повѣрьте, друзья, бросьте всѣ ваши столкновенія, споры, борьбы; ищите одного—прекрасной формы въ словѣ, въ выраженіи, въ жизни. Она все преображаетъ, все примиряетъ, царствуетъ надъ всѣмъ. Все пройдетъ, но она одна не пройдетъ, и потому ей, только ей, изящной, вѣчной, принадлежитъ будущее. Будущее не можетъ принадлежать ничему, что не завоевало себѣ

вѣчной жизни. Будущее принадлежит безсмертнымъ созданіямъ искусства, и имъ однимъ...»

На эти притязанія—особенно въ нелѣпой постановкѣ, въ которой, впрочемъ, повиненъ не одинъ Джуліо, а всѣ собесѣдники—брошенъ въ дальнѣйшемъ мимоходомъ удачный отвѣтъ. «Будущее—говоритъ Бабефъ—принадлежитъ *людямъ*, ставящимъ себѣ чело-вѣческія цѣли взаимнаго развитія, цѣли теоретической истины и нравственной правды, людямъ, способнымъ дѣйствовать вмѣстѣ, сообща, для общей цѣли, для общаго блага, для общаго развитія, для воплощенія въ жизнь и въ общественныя формы высшихъ чело-вѣческихъ идеаловъ».

Первыя слова—самыя важныя; будущее принадлежит людямъ и ихъ дѣятельности. А для того, чтобы хоть съ минимальной ясностью представлять себѣ это будущее, надо разбираться въ прошломъ и въ настоящемъ. Для пророчества не нужно ничего: оттого и умерли пророчества; для прогноза нужна исторія. И Джуліо плохъ въ прогнозѣ потому, что плохъ въ исторіи.

Его противникъ не выше его—и то, что извинительно въ ге-ніальномъ художникѣ, восторженно мыслящемъ о своемъ искусствѣ, совершенно бессмысленно въ чело-вѣкѣ научнаго мышленія, къ кото-рому умѣстно предъявить иныя требованія.

II.

Фанатично настроенные товарищи Джуліо слушали его посмерт-ное письмо «со сдержаннымъ нетерпѣніемъ». Хотѣлось бы думать, что, если католику-Инквизитору они были скучны потому, что въ нихъ ничего не говорилось о приведеніи прозелитовъ къ единоспа-сающему догмату, дѣльцу-Картежнику потому, что въ нихъ не было business, а Барону-государственнику потому, что его «твердая власть» не нуждается въ искусствѣ,—то Бабефъ скучалъ при этой эстетической исповѣди только потому, что видѣлъ ясно ея несо-держательность. Но онъ смолчалъ, а представитель науки отвѣтилъ столь же бессодержательными общими мѣстами. Онъ видитъ сим-волъ въ кончинѣ Джуліо. По его мнѣнію, этотъ уходъ предстawi-теля искусства есть знаменіе того, что искусство вышло изъ «круга силъ, борющихся въ современной исторіи за побѣду, за господство, за будущность». Здѣсь есть, конечно, глубокое недоразумѣніе—и діалогъ П. Л. Лаврова не выводитъ изъ него. Подобно религіи и наукѣ, социализму и капитализму, искусство—въ лицѣ Джуліо—заявляетъ притязанія на то, что будущее принадлежит ему, одному ему нераздѣльно, ибо никто изъ «послѣдовательныхъ» собе-сѣдниковъ діалога дѣлиться не собирается. Но въ сущности—за-чѣмъ дѣлиться представителю искусства? Гдѣ та область, изъ-за которой оно могло бы спорить съ наукой или съ государствен-

ностью? Оно борется за побѣду, но это будетъ побѣда человѣчества, побѣда надъ тьмою, а не надъ наукой или какой бы то ни было формой человѣческаго общежитія. Это разные плоскости. Казалось бы,—если католицизмъ дѣйствительно несовмѣстимъ съ господствомъ настоящей науки, а деспотія немногихъ даже въ мысли не мирится съ демократическимъ социализмомъ, то почему бы послѣдовательному социализму не сказать — да это и дѣлаютъ его нынѣшніе представители—что его будущее явится также будущимъ науки и искусства? То же могъ бы сдѣлать и самый послѣдовательный человѣкъ науки. Онъ могъ бы знать, что нигдѣ и никогда интересы и выводы искусства и науки не сталкивались—и по существу не могутъ столкнуться. Они дополняютъ другъ друга, они необходимы другъ другу—и рѣчь о борьбѣ между ними есть плодъ теоретической ошибки или непобѣдимаго предразсудка или тупой ограниченности, которая борется за то, чѣмъ не въ силахъ овладѣть. «Искусство давно перестало быть самостоятельной силою,—говоритъ непримиримый фанатикъ науки, выведенный въ діалогъ:— оно не имѣетъ и не можетъ имѣть самостоятельной теоретической будущности». Профессоръ, несомнѣнно, такъ же плохъ въ исторіи, какъ художникъ,—и оттого онъ такъ же плохъ въ предсказаніи. Совершенно непонятно, какую такую самостоятельную силою было искусство въ исторіи и почему оно—если ужъ было—таковою въ дальнѣйшемъ не будетъ. Вытѣсняло когда-либо искусство религію или науку? Главенствовало оно надъ государственностью? Конечно, нѣтъ,—и ничего такого не могло быть. Искусство было и будетъ средствомъ познанія, способомъ опредѣлить свое отношеніе къ міру и жизни. Въ этомъ смыслѣ оно есть сила, и сила самостоятельная, поскольку можетъ быть что-либо самостоятельно въ этомъ мірѣ, цѣликомъ основанномъ на началѣ всепроникающаго взаимодѣйствія. Профессоръ говоритъ о какомъ-то «примирительномъ элементѣ», который присутствіе покойнаго художника вносило въ пламенные дискуссіи непримиримыхъ противниковъ,—и склоненъ связывать эту умиротворяющую роль съ самымъ существомъ искусства. Думается, что здѣсь играли роль скорѣе индивидуальныя черты мягкой природы талантливаго Джуліо, а не коренныя особенности той области, которой онъ посвятилъ себя. Если поэзія иногда смягчаетъ страсти

... и на бушующее море
 Льетъ примирительный елея,—

то это бури отдѣльной души, а не общественныхъ разногласій. Профессоръ, быть можетъ, и правъ поэтому, когда говоритъ, что примиряющая роль Джуліо была «иллюзіей, которая намъ не нужна, едва-ли не вредна». Но онъ напрасно видитъ въ этомъ нѣкое, не въ человѣкѣ, а въ самомъ искусствѣ пребывающее, «начало» и напрасно съ такой горделивой ограниченностью заявляетъ:

Январь. Отдѣлъ I.

«будущее не нуждается въ иллюзіяхъ, и потому именно, можетъ быть, теряетъ всякое историческое значеніе та область, которой служилъ нашъ умершій товарищъ». На это всякій, думавшій о роли и смыслѣ искусства, отвѣтитъ, что въ искусствѣ столько же иллюзіи—и того же типа—какъ и въ наукѣ. Периодическая система элементовъ такая же «иллюзія», какъ и Мефистофель: это двѣ теоріи, два изображенія дѣйствительности, двѣ равноправныхъ точки зрѣнія на сущее.

Впрочемъ, профессоръ самъ не считаетъ себя «безпристрастнымъ въ этомъ отношеніи» и потому предпочитаетъ привести отрывокъ одной критической статьи, писанной однимъ знатокомъ искусства по поводу смерти Джуліо.

Трудно понять, въ какой области изученія искусства признанъ знатокомъ авторъ этой поверхностной и безсодержательной замѣтки. Она въ равной степени не считается ни съ теоріей, ни съ исторіей, ни съ общими соображеніями, ни съ фактами современной дѣйствительности. Въ ней нѣтъ ни одного слова, не вызывающаго возраженій. «Наука и ремесло тѣснятъ искусство съ обѣихъ сторонъ». Непонятно, что хочетъ авторъ сказать этимъ. Выполняютъ ли науки и ремесла тѣ функціи, которыя выполняло до сихъ поръ искусство? Отнимаютъ они у искусства его дѣятелей или его публику? Ничего такого не видно. Искусство живетъ своей жизнью и ничѣмъ ему не приходится дѣлаться ни съ наукой, ни съ ремесломъ. Наоборотъ, кто знаетъ, какъ художественные элементы проникаютъ все больше научную прозу, какъ научились, напримѣръ, писать нѣмецкіе ученые, языкъ которыхъ еще въ половинѣ прошлаго вѣка считался образцомъ сухой абстрактности и педантской темноты, тотъ не увидитъ въ этомъ вытѣсненія искусства наукой. И кому знакомъ гигантскій расцвѣтъ художественной промышленности, которая аристократизируетъ ремесленника и демократизируетъ созданія его художественнаго ремесла, тотъ не скажетъ, что ремесленная промышленность развивается на счетъ искусства. О количественномъ паденіи искусства не можетъ быть и рѣчи. Видѣть ли средоточіе искусства въ его отдѣльныхъ избранныхъ носителяхъ или въ тѣхъ массахъ, которыми условлена самая возможность послѣднихъ,—все равно, уже постоянное возрастаніе—абсолютное и относительное—количества художественно развитыхъ людей есть залогъ развитія искусства. То, что въ малолюдной и необразованной Англіи XVI вѣка былъ Шекспиръ, а теперь его нѣтъ, конечно, не доказательство. Въ тогдашней Англіи среда, изъ которой могъ выйти Шекспиръ, исчислялась сотнями тысячъ, теперь въ ней миллионы; жизнь этихъ миллионновъ проникнута тѣмъ пониманіемъ жизни, которое внесъ Шекспиръ—иначе, онъ прошелъ бы безъ слѣда—и это пониманіе есть живая жизнь искусства, которой не вытѣснятъ ни наука, ни ремесла. Они никогда не смогутъ устранить Шекспира—а во внѣдреніи Шекспира въ жизнь заклю-

чается развитіе художественнаго мировоззрѣнія и вѣрный залогъ появленія новыхъ художественныхъ цѣнностей. Слишкомъ великъ на нихъ спросъ, чтобы ихъ не было. Да мы и видимъ это: литературные вопросы захватываютъ широкіе слои читателей съ чрезвычайной силой; никто никогда не интересовался наукой такъ, какъ интересуются театромъ; выставки становятся необозримы—и толпы зрителей, ихъ заполняющихъ, все растутъ. Нѣтъ геніевъ? Это, конечно, пустяки: современники никогда не видятъ геніевъ. Да и не въ однихъ геніяхъ жизнь искусства.

«Люди болѣе и болѣе убѣждаются, что главная, если не единственная ихъ цѣль должна быть польза». Трудно представить себѣ что-либо болѣе анти-историческое, чѣмъ этотъ доводъ «знатока искусства». Дѣло не въ томъ, «убѣждены» или не «убѣждены» люди въ томъ, что единственная цѣль ихъ должна быть польза, а въ томъ, что всегда и неизмѣнно единственнымъ двигателемъ ихъ дѣятельности была польза. Это начало есть въ исторіи величина постоянная. Мѣняется психологическое и логическое содержаніе понятія пользы,—но въ какомъ направленіи оно мѣняется? Неужто оно суживается? Не хочетъ ли сказать авторъ, что идейныя потребности занимали въ обиходѣ первобытнаго человѣка больше мѣста, чѣмъ теперь? Не думаетъ ли онъ, что въ исторіи понижается необходимость осмыслить міръ, понять жизнь, опредѣлить свое міроотношеніе при помощи образовъ художника? Польза?—что есть польза? Развѣ когда Пушкинъ противопоставляетъ «кумиръ Бельведерскій» печному горшку, онъ менѣе утилитаренъ, чѣмъ поборникъ печного горшка? «Тебѣ бы пользы все», — негодуетъ художникъ: но вѣдь этой пользѣ онъ ничего, кромѣ иной, высшей пользы, не противопоставитъ. Если онъ напоминаетъ, что «мраморъ сей вѣдь богъ», то, конечно, только въ глубокомъ убѣжденіи, что богъ по малой мѣрѣ такъ же полезенъ и необходимъ людямъ, какъ печной горшокъ. И, конечно,—мѣняются боги, мѣняются идейныя интересы, но ничто не говоритъ, что сознаніе ихъ необходимости вымираетъ или что искусство занимаетъ въ нихъ меньшее мѣсто.

«Точно такъ же какъ оставлены народныя пляски, такъ оставить современное чистое искусство въ живописи и скульптурѣ, въ музыкѣ и поэзіи». Народныя пляски не «оставлены». Ихъ формы мѣняются, нѣкоторыя вымираютъ, другія распространяются. Нѣмецкій народный вальсъ, польская мазурка, французская кадрили сдѣлались международными. Танцы общественныя и балетныя, по разнообразнымъ причинамъ, въ значительной степени потеряли свою естественную прелесть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эстетическую цѣнность. Но это обычное явленіе въ жизни искусства: однѣ формы въ ней смѣняются другими. Героическая эпопея тоже умерла,—но никакого общаго заключенія о паденіи искусства въ будущемъ отсюда не выжмешь.

Оставляютъ ли «современное чистое искусство»? «Знатоку искус-

ства», очевидно, ясенъ этотъ терминъ. Мы отказываемся видѣть въ немъ какое-либо опредѣленное содержаніе. Нѣтъ искусства чистаго и не чистаго: есть одно искусство. Если угодно, настоящее художественное произведеніе «чисто»; таковымъ ему не помѣшаетъ быть не только идейность, но и тенденціозность, если оно талантливо. Произведеніе искусства есть данная, въ индивидуальномъ образѣ законченная система знаковъ, при посредствѣ которой художникъ опредѣляетъ свой взглядъ на сущее. Его цѣли суть цѣли познанія—въ этомъ смыслѣ всѣ художественныя произведенія равнозначны. Кажется, впрочемъ, «знатокъ искусства» склоненъ опредѣлять «чистое искусство» изъ противоположности прикладному. Но это, конечно, не двигаетъ его впередъ ни на шагъ. «Единственное проявленіе искусства — говоритъ онъ — будетъ украшеніе жизненныхъ и научныхъ потребностей». Это оригинальное выраженіе было бы совершенно непонятно—и «научнымъ потребностямъ» пришлось бы остаться не украшенными, еслибы въ дальнѣйшемъ знатокъ не исчислилъ конкретнѣе, въ чемъ, собственно, выразится, по его мнѣнію, это «украшеніе потребностей». «Живопись и скульптура — пророчествуетъ онъ — ограничатся красивою отдѣлкою зданій и предметовъ ежедневнаго употребленія. Поэзія безъ стиховъ (они будутъ отброшены, какъ дѣтская забава), поэзія проявится лишь изящными описаніями природы въ географическихъ сочиненіяхъ и стройнымъ воспроизведеніемъ личностей въ исторіи. Музыка, вѣроятно, ограничится колыбельною пѣснью».

Не будемъ подробно разбираться въ этихъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеніяхъ. Не станемъ спрашивать, почему, напримѣръ, отъ музыки останется только колыбельная пѣсня, а не маршъ или шансонетка, почему исчезнуть стихи и въ чемъ найдутъ выраженіе тѣ стороны душевной жизни, которыя до сихъ поръ выражались въ стихахъ, потому что другого способа не придумало для нихъ человѣческое творчество. Дѣло не въ этомъ. Предположимъ, что все предсказанное авторомъ произойдетъ съ буквальной точностью; слѣдуетъ ли отсюда что-нибудь? Ровно ничего. Возможно ли предвидѣнное имъ состояніе отождествить съ пониженіемъ значенія искусства? Конечно, нѣтъ, ни въ малѣйшей степени. Пусть статуи стоятъ на зданіяхъ и составляютъ нераздѣльную часть ихъ внутри ихъ,—развѣ отъ этого творчество скульптора перестанетъ быть творчествомъ? Кто видѣлъ «Ночь» Микель-Анджело, неразрывно связанную съ архитектурой капеллы Медичи, или «Пляску» Карпо, неотдѣлимую отъ парижской Grande-Opéra, тотъ, конечно, только удивится, для чего приводитъ мнимый «знатокъ искусства» аргументы, которые совсѣмъ не аргументы. Пусть вся живопись обратится въ плафоны,—развѣ «Тайная вечеря» Леонардо не должна была служить украшеніемъ монастырской столовой? Развѣ фрески не живопись, и развѣ Пю-

нотъ де-Шаваннъ пересталъ быть большимъ художникомъ оттого, что писалъ на стѣнѣ? Пусть искусство уйдетъ все въ «красивую» отдѣлку предметовъ ежедневнаго употребленія». Это будетъ значить не то, что оно умерло, а то, что оно болѣе необходимо, чѣмъ когда-либо, что оно вѣдряется въ жизнь, что оно потребно для души: ибо вѣдь не для интересовъ физическаго зрѣнія мы оклеиваемъ наши комнаты обоями и стараемся, чтобы они соотвѣтствовали нашему вкусу. Если поэзія проявится, какъ «стройное воспроизведеніе личностей въ исторіи», то это будетъ свидѣтельствомъ того, что наука не придушила искусство, а, наоборотъ, совершенно не можетъ безъ него обойтись. И надо полагать, это «стройное воспроизведеніе» дастъ намъ безсмертные поэтическіе образы, а то, что основой ихъ служили дѣйствительныя историческія личности, конечно,—совершенно безразлично; поэзія всегда ихъ воспроизводила и въ этомъ отношеніи «Война и миръ» не проводитъ разницы между «историческимъ» Кутузовымъ и «не историческимъ» Болконскимъ.

«Словомъ», таковъ общій выводъ изъ этой серіи столь же неосновательныхъ, сколь не убѣдительныхъ данныхъ—«искусство потеряетъ всякое самостоятельное право на жизнь». Трудно понять, почему съ такимъ удовольствіемъ цитируетъ эти слова безстрастный профессоръ. Только ослѣпленіе фанатика могло помѣшать ему сообразить, что, если жизнью будетъ править исключительно тотъ принципъ грубой непосредственной пользы—принципъ «печного горшка»,—которому суждено свести на нѣтъ искусство, то онъ вѣдь такимъ же образомъ сведетъ на нѣтъ и науку. Ибо Лобачевскій или Буславъ, высшія обобщенія гуманитарныхъ—да и естественныхъ—наукъ такъ же «бесполезны», какъ Тютчевъ и Тургеневъ. Но профессоръ этого не замѣчаетъ: онъ убѣжденъ въ вѣковѣчности чистой «науки для науки», какъ будто это убѣжденіе совмѣстимо съ мыслью о гибели искусства, какъ будто чело-вѣчество можетъ и хочетъ жить только одной половиной своего духовнаго существа.

Уже въ текущей дѣйствительности «знатокъ искусства» видитъ признаки его близкой кончины. «Смотрите,—говоритъ онъ—какъ блѣдны произведенія современныхъ художниковъ и поэтовъ, какъ на нихъ тяготѣетъ сознаніе, что они—послѣдніе представители отживающей дѣятельности, что они совсѣмъ уже не нужны. Въ лучшихъ произведеніяхъ искусства нашего времени всюду существуетъ сознаніе отживанія; поэты и художники захватываютъ, что можно, изъ науки и жизни, чтобы казаться нужными людьми но они готовы уже теперь сдѣлаться лишь декораторами реальныхъ областей бытія, тѣмъ самымъ признавая нереальность своей области, области чистаго искусства, области, которая оказывается совсѣмъ ненужною въ дальнѣйшемъ развитіи чело-вѣчества».

Конкретныхъ примѣровъ «знатокъ» не приводитъ, да онъ и

не могъ бы ихъ привести. Если ему произведенія современныхъ художниковъ и поэтовъ кажутся столь рѣшительно «блѣдными», то исключительную субъективность этого воззрѣнія достаточно отмѣтить, чтобы не останавливаться на ней. Въ чемъ «знатокъ» усмотрѣлъ признаки сознанія ненужности, тяготящаго, напри- мѣръ, на созданіяхъ Ибсена или Родэна, сказать невозможно. Этого сознанія, какъ общей нормы—нѣтъ, а, еслибы оно и было, оно знаменовало бы лишь теоретическую ошибку художниковъ или ихъ переходящее разочарованіе: въ худшемъ случаѣ «богъвънѣвка», но не роковое рѣшеніе судьбы искусства. Не нами оно на- чалось, не нами и кончится.

О «реальности» и «нереальности» искусства и иныхъ обла- стей жизни съ «знаткомъ», очевидно, разговаривать не прихо- дится. Почему художникъ, ставъ «декораторомъ реальныхъ обла- стей бытія, *тѣмъ самымъ* признаетъ нереальность своей обла- сти»,—совершенно неизвѣстно. Это игра словъ, а не логическій выводъ. Художникъ, разумеется, можетъ создавать статую вели- каго человѣка для увѣковѣченія его памяти и для украшенія пло- щади и однако признавать во всей полнотѣ свою творческую са- мостоятельность и «реальность своей области». Намъ нѣтъ нужды касаться прошлаго: оно переполнено соответственными данными. Но вотъ одно предположеніе изъ области будущаго. Объ архитек- турѣ умолчалъ «знатокъ», а между тѣмъ ея будущее предста- вляется наименѣ спорнымъ и наиболѣе интереснымъ. То, что жизнь развивается по направленію къ наибольшей социализаціи, представляется, кажется, несомнѣннымъ. Даже рѣшительная по- бѣда индивидуалистическаго анархизма должна привести къ рели- гиозному торжеству общественныхъ формъ жизни—безпредѣльно свободныхъ, проникнутыхъ идеей суверенитета личности, идеей царственнаго самоопредѣленія человѣка, но все же коллективныхъ. Не къ отъединенію подполья идетъ человѣкъ, а къ могучему со- дружеству и сотрудничеству. Для внѣшнихъ формъ этого содру- жества людямъ понадобятся громадныя зданія—не «келья подъ елью», а дворцы общественной жизни, общественнаго творчества. Что же, будутъ это «казенныя зданія», казармы, манежи? Не по- требуетъ ли общественное одушевленіе высшаго напряженія формъ водчества? Не будутъ ли вложены въ эти формы высшія идеи новыхъ формъ общезитія?

Достаточно такимъ образомъ представить себѣ съ минималь- ной конкретностью «дальнѣйшее развитіе человѣчества», чтобы искусство оказалось не только не «ненужной областью дѣятель- ности», но естественнымъ выводомъ изъ грядущихъ формъ жизни.

Да, куда бы, ни шло человѣчество—вверхъ или внизъ, иску- ство будетъ его неизмѣннымъ спутникомъ. Нельзя сказать, при- надлежитъ ли ему будущее, но оно несомнѣнно принадлежитъ будущему—и въ большей степени, чѣмъ прошлому.

III.

Въ одной изъ своихъ раннихъ работъ покойный Гюйо пересматрѣлъ тѣ доводы, въ которыхъ въ его время пыталась найти оправданіе идея неминуемой гибели искусства. Гюйо спорилъ съ этими доводами—иногда искусно, иногда наивно, но—мы уже сказали,—кой-что первостепенно важное ускользнуло отъ него.

Доводы физиологическіе покоются на предполагаемомъ упадкѣ красоты и убыли вниманія къ ней. «Искусство, чтобы достигнуть полного своего развитія, требуетъ извѣстнаго культа красоты, какъ въ самомъ художникѣ, такъ и вокругъ него,—какъ было, напримеръ, въ Греціи». Гюйо соглашается, что культъ этотъ необходимъ. Онъ соглашается съ тѣмъ, что красота тѣла падаетъ; но онъ думаетъ, что, если и не возродится красота пластическая, то ее замѣститъ красота поэтическая. Если въ дальнѣйшемъ физическій подборъ даже не пойдетъ правильнѣе, то красота духовнаго выраженія, красота интеллектуализированная можетъ только развиваться; искусство въ извѣстномъ смыслѣ «подымется отъ членовъ тѣла къ мозгу, отъ конечностей къ челу»—и архаическая «статика» красоты перейдетъ въ ея «динамику». Такимъ образомъ даже Гюйо не хочетъ или не можетъ отказаться отъ все путающаго понятія красоты. Оно можетъ царить въ любовной лирикѣ, но въ эстетикѣ давно должно занять весьма подчиненное положеніе. Наука объ искусствѣ давно построена не на понятія прекраснаго. Да и что дѣлать съ нимъ намъ, давно понявшимъ «красоту» характернаго и безобразнаго? Вѣдь разница въ идеалѣ красоты человѣческаго тѣла не помѣшала намъ оцѣнить великолѣпную живопись японцевъ: зачѣмъ же намъ напередъ отречься отъ нашего будущаго идеала. Для искусства важно не *что* мы будемъ считать красивымъ; для него важно, чтобы идеалъ красоты *былъ*, и онъ будетъ, потому что не можетъ не быть.

Доводы изъ исторіи весьма разнообразны. Длинный рядъ ихъ основанъ на паденіи отдѣльныхъ жанровъ. «Царство скульптуры—говоритъ Ренанъ—окончилось въ тотъ день, когда люди перестали ходить полунагими. Эпопея исчезнетъ съ эпохой личнаго героизма; при существованіи артиллеріи немислима эпопея. Каждое искусство, за исключеніемъ музыки, связано такимъ образомъ съ извѣстной эпохой прошлаго; самая музыка, которую можно признать искусствомъ девятнадцатаго вѣка, въ одинъ прекрасный день тоже споетъ свою пѣсенку и будетъ прикончена». На всѣ эти аргументы можно бы сказать одно: паденіе однихъ художественныхъ родовъ ничего не означаетъ, кромѣ замѣны ихъ другими: умерла эпопея, родился романъ. Гюйо разбирается въ деталяхъ и конкретно показываетъ, что возможенъ еще расцвѣтъ скульптуры, что

не закончено еще развитіе въ челоѣкѣ чувства краски, что музыка въ наши дни скорѣе эволюционируетъ, чѣмъ увядаетъ—и такъ далѣе. Все это и безъ примѣровъ ясно для того, кто видитъ въ искусствѣ не способъ забавляться красотой, а необходимую форму мышленія.

Но будущее несетъ съ собой торжество демократіи. Что будетъ съ искусствомъ? Среди испугавшихся на первомъ мѣствѣ, конечно, Ренанъ: искусство нельзя вульгаризировать; переставъ быть достояніемъ немногихъ избранныхъ, оно перестанетъ существовать; бедна демократія его поглотитъ и уже поглощаетъ. Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ Гюйо становится на точку зрѣнія противниковъ и въ этомъ основная ошибка его аргументаціи. Онъ успокаиваетъ ихъ: народъ всегда имѣлъ свои «низшіе роды» искусства—и при нихъ можетъ остаться: «существованіе популярныхъ искусствъ для народа не только не заслуживаетъ порицанія, но является фактомъ отраднымъ, потому что это именно открываетъ возможность болѣе высокому искусству стоять выше ихъ; народу всегда приходилось пройти эти ступени, чтобы подняться выше,—это ступени, ведущія въ храмъ». Между тѣмъ ясно, что все это разсужденіе совершенно не нужно. Никакой вульгаризаціи искусства демократія съ собой не несетъ: приобщающіеся къ образованности слои отказываются отъ старой благородной стихіи первобытной народной поэзіи, которую несли съ собой; это вѣрно и неизбежно. Но мѣняють ли они ее на безусловно худшее? Въ тѣхъ массахъ «вульгарной» поэзіи и «вульгарнаго» искусства, которыя создаются спросомъ полу-образованнаго народа, все ли такъ дурно, какъ объ этомъ принято судить на эстетическомъ Олимпѣ? Да, конечно, частушка смѣнила былинку, и былина намъ представляется безконечно глубже, шире, благороднѣе. Но не потому ли отчасти, что мы въ былинѣ находимъ законченный жанръ, что мы полны апріорнаго уваженія къ старинѣ, что въ себѣ носимъ ея культъ и отрицаніе новаго; а частушку мы видимъ im Werden, во всей пошлости моды, во всемъ ея легкомысліи и случайности. И въ мѣщанскомъ романсѣ, который теперь отталкиваетъ насъ безвкусіемъ, на который мы отзываемся только карриатурами въ родѣ «Царской короны» Смердякова, быть можетъ, будущее оцѣнитъ то, что онъ все-таки былъ искреннимъ выраженіемъ какого-то душевнаго содержанія, которое нашло въ немъ адекватную форму.

Но творчество аристократично; «искусство живетъ лишь величіемъ генія»—«всемирная посредственность убьетъ искусство». И на эти доводы Гюйо отвѣтилъ соображеніями, которыя соперничаютъ съ ними въ поверхностности. Органическихъ и физиологическихъ условій геніальности у художника демократія, очевидно, уничтожить не можетъ: она не уменьшитъ въ его мозгу количества извилинъ. Наоборотъ, демократія дастъ ему свободу, досугъ, неклоненіе широкихъ массъ, въ атмосферѣ котораго расцвѣтаетъ

дарованіе: ничего, кромѣ этихъ розовыхъ перспективъ, Гюйо не противопоставляетъ историко-эстетическому пессимизму. Между тѣмъ ему стоило только указать— и мы будемъ имѣть случай вернуться къ этому необходимому соображенію — что посредствомъ не убиваетъ искусства, а своимъ коллективнымъ творчествомъ создаетъ его. Вмѣсто этого Гюйо старательно доказываетъ, что демократическій строй не враждебенъ генію—«намъ эта враждебность представляется столь же платоническою, какъ часто бывала любовь аристократическихъ правительствъ». Онъ надѣется также, что «американизмъ» не убьетъ искусство, что промышленныя націи покажутъ еще себя въ области духа. Цѣлую главу отняла у него полемика съ тѣми, которые указываютъ на антагонизмъ между завоеваніями техники и художественной красотой: корабль красивѣе парохода, лошадь красивѣе локомотива, лукъ красивѣе пушки и т. д. Гюйо старается показать, что поэтический отгѣнокъ присущъ технике, что эстетическое совершенство вещи тѣсно связано съ механическимъ, что оно есть лишь внѣшнее выраженіе внутренней цѣлесообразности, что чѣмъ лучше машины, тѣмъ онѣ красивѣе и т. д. Ему тоже не нравится прямой рельсовый путь, но Сентъ-Готардъ великолѣпенъ, туннели прекрасны — и, наконецъ, «самъ г. Рескинъ едва-ли зналъ бы такъ хорошо Венецію, Римъ или Альпы безъ этихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя онъ проваливаетъ, хотя и пользуется ими». Какъ будто божественныя «камни Венеція» были менѣе прекрасны, когда пилигримы красоты прѣзжали поклониться имъ въ мальпостѣ... Разумѣется, гораздо убѣдительнѣе, важнѣе и проще—было бы указаніе, что не техника создаетъ «эстетическіе» предметы, а искусство,—совершенно такъ же, какъ искусство, а не жизнь, создаетъ типичныя образы. Если искусство не найдетъ матеріала для прекрасныхъ созданій въ гигантскихъ чудесахъ промышленности, оно найдетъ этотъ матеріалъ въ другомъ мѣстѣ: художественное творчество живетъ не красотой внѣшняго міра; оно даетъ ему эту красоту. Гюйо самъ очень удачно сказалъ впоследствии: «красивый пейзажъ рисуемъ мы сами»; здѣсь онъ забылъ объ этой истинѣ. Въ нее можно внести оговорки; явленія дѣйствительной жизни не равноцѣнны съ точки зрѣнія типичности и красоты. Но въ общемъ это вѣрно. Къ тому же—надо напомнить еще разъ: искусство не исчерпывается созданіемъ красивыхъ формъ. Если паровозы будутъ не красивы, а уродливы,—на нихъ будутъ рисовать каррикатуры: развѣ это не будетъ искусство?

Съ указаніемъ на то, будто наука «тѣснитъ» искусство и немного дѣлаетъ его ненужнымъ, считается и Гюйо—и очень основательно. Онъ различаетъ для этой цѣли три важнѣйшія способности художника—воображеніе, творческій инстинктъ и чувство—и подробно рассматриваетъ, въ какомъ направленіи наука можетъ повліять на эти основныя предпосылки индивидуальнаго художе-

ственного творчества. Поэтическое воображеніе не будет ли угашено развитіемъ научной мысли? Не будетъ тайны—а въ таинственномъ Штраусѣ и Вагнерѣ усматривали существо поэзіи; ея необходимое условіе Гете видѣлъ въ суевѣріи. «Красота, открывшая намъ свое имя, свою исторію и всѣ свои тайны, быть можетъ, навѣки скроется отъ насъ». Гюйо не боится этого. По его убѣжденію, наука перемѣститъ и отодвинетъ тайну, но не устранимъ ея. Эта «метафизическая тайна, касающаяся не только неизвѣстныхъ законовъ, но, быть можетъ, и *неознаваемой* сущности реального міра» вѣчна, и вмѣстѣ съ нею вѣчна потребность знанія, вѣчна поэзія. «Всѣ теоремы астрономіи никогда не повліяютъ на насъ такимъ образомъ, чтобы картина безпредѣльнаго неба не вызывала въ насъ какой-то смутной тревоги, соединенной съ ненасытной пытливостью, составляющихъ поэзію неба». Самобытный творческій инстинктъ художественнаго генія также не можетъ быть устраненъ самымъ широкимъ развитіемъ точныхъ методовъ рациональнаго научнаго мышленія. Инстинкты, дѣйствительно, замѣщаются приемами метода и расчета, но вѣдь эта точность приемовъ совершенно не применима къ искусству. Нельзя рационально конструировать нѣчто прекрасное; можно пойти далеко въ его анализѣ, но обратный путь синтеза невозможенъ: можно знать, какъ построена трагедія Расина, и не умѣть написать такую трагедію: «знать не есть творить... поэтический инстинктъ не можетъ быть замѣненъ разумомъ». Къ тому же самаго главнаго въ художественномъ произведеніи не раскрываетъ никакой научный анализъ, который неизмѣнно упирается въ неразложимыя и необъяснимыя свойства генія. Тэнъ могъ объяснить, какимъ образомъ—при личности гениальныхъ художниковъ—фламандская или итальянская живопись стали такими, какими онѣ были; но *почему* явились здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ эти художественные геніи, почему они сумѣли воплотить съ такой силой содержаніе, существенное не только для ихъ среды и вѣка, этого не могъ бы объяснить и Тэнъ.

И здѣсь Гюйо не вполне отвѣчаетъ на вопросъ—или, вѣрнѣе, не придаетъ ему той сложности, которую онѣ могъ бы имѣть въ иной постановкѣ. Поскольку онѣ утверждаетъ вѣчность неразложимаго остатка, который все отгѣсняется вдаль подъ напоромъ научнаго изслѣдованія, но никогда не исчезаетъ въ душѣ, онѣ, конечно, правъ. Но онѣ могъ бы не ограничиться качественнымъ анализомъ—и показать ту силу, которую неизмѣнно сохранить надъ душой при самыхъ необъятныхъ завоеваніяхъ науки этотъ неразложимый остатокъ,—уясняемый только искусствомъ. Ему могутъ сказать, что область тайны, нѣкогда владѣвшей огромнымъ міромъ бытія, все суживается въ мысли человѣка; настанетъ моментъ, когда эта область будетъ такъ мала, что о значеніи ея не стоитъ говорить. На этотъ доводъ Гюйо могъ бы отвѣтить указа-

нѣмъ на возростаніе теоретическихъ интересовъ. Вопреки указанію «знатока искусства» въ діалогѣ П. Л. Лаврова, растеть не узенькое сознаніе пользы, а потребность познать бытіе въ его основахъ, въ его «матеряхъ»,—хотя бы никакіе житейскіе интересы не были непосредственно съ этимъ познаніемъ связаны. Познющая мысль, даже пройдя доступный ей путь научнаго изслѣдованія и натолкнувшись въ концѣ его на неразложимый *residuum*, неизбежно обратится къ успокоенію въ искусствѣ, которое и дастъ его.

Надо только ясно представлять себѣ, какъ отвѣчаетъ искусство на запросы, предъявленные ему человѣческой мыслью. Общаго, групповаго, для всѣхъ пригоднаго рѣшенія загадокъ, еще не рѣшенныхъ въ наукѣ, оно, конечно, не дастъ. Еслибы то, что мы называемъ художественнымъ отвѣтомъ на наши вопросы, могло быть дано въ области научной прозы, искусство не вторглось бы въ чужія права. Оно даетъ не формулу общаго рѣшенія, всѣхъ удовлетворяющаго: оно даетъ индивидуальныя отвѣты отдѣльному уму. Оно сообщаетъ не результатъ, а процессъ исканія истины, оно заражаетъ атмосферой мышленія—и въ этомъ движеніи познающей мысли, а не въ законченныхъ формулахъ заключается рѣшеніе для нея важнѣйшихъ загадокъ. Не трудно видѣть, что на этихъ вершинахъ познанія рѣзкая грань между наукой и искусствомъ, между познаніемъ рациональнымъ и образнымъ стирается. Здѣсь наука не такъ категорична, не такъ логична, не такъ разсудочна; ея прованческія схемы переходятъ здѣсь въ неясные образы научнаго предвидѣнія, уже близкіе къ индивидуальнымъ образамъ художественнаго познанія, столь отчетливымъ въ рисункѣ художника и столь колеблющимся въ томъ содержаніи, которое вправѣ сообщить имъ мысль воспринимающаго. Съ другой стороны, на этихъ вершинахъ абстрагируется мысль художника; его символы становятся все безплотнѣе, все ближе къ аллегоріи, все опредѣленнѣе въ своей абстрактности. Но это вершины, удаленныя отъ жизни; не всякому дано долго дышать ихъ разрѣженнымъ воздухомъ.

Третью опасность, грозящую искусству со стороны развивающейся науки, представляетъ антагонизмъ между умомъ и чувствомъ. Научный анализъ пагубенъ для жизни чувства, а чувство необходимо для поэзіи. На это Гюйо отвѣчаетъ указаніемъ на эволюцію чувствъ; они развиваются подѣ влияніемъ жизни мысли, они интеллектуализируются, но, ставъ болѣе философскими, не становятся менѣе поэтичными. Ростъ знаній расширяетъ міръ, расширяетъ и личность человѣка: это не ослабляетъ, а, наоборотъ, усиливаетъ напряженность его чувства. Гюйо подробно разсматриваетъ эволюцію отдѣльныхъ чувствъ и въ особой главѣ занимается вопросомъ, въ какой степени научныя и философскія идеи могутъ служить предметомъ вдохновенія для поэзіи. Онъ избавилъ бы себя отъ этой—въ подробностяхъ, правда, очень интересной—работы,

еслибы точнѣе опредѣлили себѣ роль чувства въ художественномъ творествѣ—созданія или воспріятія—и дѣйствительно былъ принеиуть мыслью, что искусство есть познаніе. Смѣшна самая мысль, что какія бы то ни было идеи не могутъ служить предметомъ вдохновенія для поэзіи. Нѣтъ не поэтичныхъ предметовъ, какъ нѣтъ предметовъ, не подлежащихъ наукѣ: все дѣло въ точкѣ зрѣнія, въ отношеніи осмысливающаго міръ разума. Если посланіе «О пользѣ стекла» не есть поэзія, то это не потому, что въ поэзіи нѣтъ мѣста идеѣ пользы стекла, а потому, что въ посланіи эта идея получила педантически-прозаическое выраженіе. Что касается жизни чувствъ, то достаточно сказать одно: какова бы ни была ихъ судьба, она будетъ находить неизмѣнное выраженіе въ искусствѣ, не затрагивая его сущности. Судьбы искусства касалась бы жизнь эстетическаго чувства, но эстетическое чувство сопровождаетъ всякое завоеваніе мысли—равно въ области научной и художественной. Наслажденіе мышленіемъ есть опредѣляющій моментъ, отъ котораго въ равной степени зависятъ искусство и наука: въ тотъ моментъ, когда самый процессъ познанія—независимо отъ практической полезности его результатовъ—перестанетъ быть источникомъ безконечной радости для человѣка—наука исчезнетъ такъ же, какъ искусство. Но ничто не говоритъ намъ о возможности этого пониженія человѣческой личности.

Мы пересмотрѣли, вѣроятно, громадное большинство точекъ зрѣнія, съ которыхъ будущее искусства представляется радужнымъ или мрачнымъ, и, кажется, имѣемъ возможность утверждать, что пессимистическія предсказанія, по крайней мѣрѣ, мало обоснованы. Но и въ тѣхъ доводахъ, которыми эстетики и художники стараются оградить отъ печальныхъ предсказаній будущее дорогого имъ искусства, мы не всегда встрѣчали достаточную ясность и часто чувствовали, что паеосъ риторическихъ плеоназмовъ вызванъ робостью теоретической мысли, которая страстной увѣренностью заявленій какъ будто хочетъ убѣдить не только другихъ, но и себя. Кажется, теоретики были бы тверже въ своемъ убѣжденіи, еслибы яснѣе и непреложнѣе была для нихъ роль искусства, какъ познанія, и—что еще важнѣе—то мѣсто, которое занимаетъ художественное познаніе въ мысли каждаго человѣка,—изъ тѣхъ, кого мы не называемъ не только «художниками», но даже «публикой».

Въ посмертномъ отрывкѣ Чехова «Письмо» докторъ Травниковъ—типичный и для русской дѣйствительности, и для чеховскаго взгляда на нее интеллигентъ—является выразителемъ утилитарныхъ взглядовъ на искусство. «Красота пріятна—говоритъ Травниковъ—и служить только для удовольствія, потому-то безъ нея трудно обходиться. Кто же ищетъ въ ней не удовольствія, а правды или знанія, того она подкупаетъ, обманываетъ и сбиваетъ съ толку, какъ миражъ. Когда я имѣлъ недосторожность учиться у красоты мыслить, то она дѣлала изъ меня пьянаго и слѣпнаго. Такъ, читая

«Фауста», я не замѣчалъ, что Маргарита—убійца своего ребенка; въ Байроновскомъ «Каинѣ» для меня были безконечно симпатичны и самъ Каинъ, и чортъ... Да мало ли? Однимъ словомъ, у поэзій, беллетристики и философіи «много претензій, но онѣ не объяснили и не освѣтили мнѣ ни одного явленія». За это Травниковъ ихъ не любить; мнѣніе, будто безъ нихъ нельзя обойтись, онъ считаетъ предразсудкомъ. «Красота, талантъ, высокое, прекрасное, художественное—все это очень мило, но условно, не поддается логическому опредѣленію и изъ всего этого не извлечешь ни одного непреложнаго закона».

Хотѣлось бы сказать, что съ Травниковымъ не стоитъ спорить; но мы видѣли—это не такъ. Въ «Письмѣ» онъ имѣетъ противника, но—подобно поэту Теофилю Готье и художнику Джулио—его противникъ въ отрывкѣ, авторъ «Письма», составляющаго содержаніе разсказа, силентъ больше паэосомъ, чѣмъ логикой. Нельзя принижать познавательную роль паэоса: паэосъ играетъ роль въ уясненіи истины, коимъ мы обязаны искусству. Но въ теоретическомъ спорѣ возможны и желательны аргументы менѣе иррациональные, чѣмъ захватывающія внутренней правдой реплики героя и автора «Письма».

«Поэзія и беллетристика не объяснили ни одного явленія!—воскликаетъ онъ.—Да развѣ молнія, когда блеститъ, объясняетъ что-нибудь? Не она должна объяснять намъ, а мы должны объяснять ее. Хороши бы мы были, еслибы вмѣсто того, чтобы объяснять электричество, стали бы отрицать его только на томъ основаніи, что оно намъ многого не объясняетъ. А вѣдь поэзія и всѣ такъ называемыя изящныя искусства—это тѣ же грозныя, чудесныя явленія природы, которыя мы должны научиться объяснять, не дожидаясь, когда они сами станутъ объяснять намъ что-нибудь».

Правда это, конечно. Но для автора даже какъ будто не существуетъ вопроса,—такъ ли ужъ стихійны искусства. Во всемъ ли они подобны молніи? Пусть въ нихъ есть и стихія, —но вѣдь есть и разумъ. Они—произведеніе человѣческой мысли—и какъ ни законенъ по отношенію къ послѣднему вопросу «почему?»—въ равной степени позволителенъ вопросъ «для чего». Ихъ подмѣниваютъ одинъ другимъ—и это иногда очень удобная позиція, имѣющая всю видимость научности, историчности и глубины. Вмѣсто того, чтобы рассуждать о пѣляхъ уголовного наказанія, говорятъ: «нѣтъ, вопросъ, для чего наказывать,—второй вопросъ: это не важно; изслѣдуемъ лучше, *почему* люди наказываютъ». Но для человѣка, который хочетъ сознавать себя не игрушкой иррациональныхъ силъ, а дѣятельнымъ разумомъ, важно не только «почему», но и «для чего». Онъ ставитъ этотъ вопросъ ежеминутно, и общіе отвѣты изъ области какого бы то ни было фатализма, мистическаго или экономическаго, не удовлетворяютъ его, не нужны ему, лишены содержанія. То, что моя дѣятельность опредѣляется игрой экономическихъ

или иныхъ силъ, можетъ быть вѣрно и не вѣрно, но въ моемъ сегодняшнемъ поведеніи эта истина играетъ такую же роль, какъ то, что вся солнечная система движется къ какой-то точкѣ во вселенной. Пусть искусство стихійно—это не лишаетъ Травникова права считать поэтовъ бездѣльниками: вѣдь воровство стихійно въ такой же мѣрѣ.

Не желая опѣивать эмоціональные элементы искусства, Травниковъ удалился въ область сухого рационализма и здѣсь считаетъ себя въ безопасности. Успокоившись на томъ, что въ искусствѣ нѣтъ логическихъ опредѣленій, онъ кажется себѣ какимъ-то монополистомъ логики и разума. Но искусство можетъ принять бой на той единственной почвѣ, которая предложена Травниковымъ. Искусство достаточно могуче, чтобы выдержать огненное испытаніе рациональной мысли. Травниковъ, читая «Фауста», забылъ, что Маргарита—дѣтубійца? Разумѣется: онъ видѣлъ въ ней то, что хотѣлъ показать ему Гете, ни больше, ни меньше. Развѣ ея красота или красота ея поэмы скрыла ея преступленіе? Развѣ холодная логика не извращаетъ факты? Изъ красоты «не извлечешь ни одного непреложнаго закона?» А изъ исторіи они извлечены? Изъ правовѣднія извлечены? Гдѣ есть эти непреложные законы, кромѣ царства нашей мысли, добросовѣстно описывающей явленія такъ, какъ она ихъ видитъ. И въ этомъ смыслѣ развѣ Евгений Онѣгинъ менѣе непреложенъ, чѣмъ періодическая система элементовъ? Красота «сбиваетъ съ толку?» Возможно. Красота въ искусствѣ—примемъ этотъ терминъ, подсказанный логическому Травникову восторженными эстетамъ,—красота есть дѣло человѣческаго творчества, которое не было бы человѣческимъ, еслибы было безошибочно. Но здѣсь есть еще другое. Красота есть обобщеніе, которое поддается разнымъ толкованіямъ, разнымъ примѣненіямъ. Здѣсь—сколько угодно произвола и возможности заблужденій. Но гдѣ же нѣтъ этой возможности? Въ наукѣ? Нѣтъ. Точно и ясно все только въ тѣхъ нивахъ науки, гдѣ кропотливо подбираютъ матеріалы; на вершинахъ точной науки—та же мгла, и отелики споровъ и разногласій, доносящихся оттуда, только свидѣтельствуютъ о томъ, какъ медленно отодвигается эта мгла ввысь подъ напоромъ все проясняющей мысли. Разсѣется ли она когда-нибудь окончательно? Конечно, нѣтъ. Подсознательное будетъ всегда предтечей сознательнаго на его трудномъ творческомъ пути.

«Искусства служатъ только для развлеченія». Спокойно изрекаетъ Травниковъ эту кощунственную нелѣпицу, не понимая, что ею онъ сдалъ уже всѣ свои позиціи. *Только* для развлеченія? Очень хорошо. Но *почему* искусство развлекаетъ? Потому, что обобщаетъ, потому, что сводитъ многообразіе явленій къ единому образу, замкнутому и безконечно содержательному. Искусство учить жить—всякое искусство, всякія его формы—сложныя и простыя, возвышенныя и «нижкія». Травниковъ находитъ, что повѣя и романы

не говорят и правды—«все въ нихъ субъективно, а потому на половину онѣ—ложь, а на половину—ни то, ни се, середка между ложью и правдой». Все-таки есть какой-то кончикъ, близкій къ правдѣ. Въ этомъ кончикѣ все дѣло. Въ немъ искусство, заблуждаясь и обманывая, безумствуя и до крови обламывая ногти о жестокія твердыни истины, все-таки добирается до нихъ,—добирается какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти твердыни совершенно недоступны для умной прозы.

IV.

Искусство есть мышленіе, искусство есть познание, всякое искусство—романъ, соната, орнаментъ, пляска. Въ искусствѣ обобщается, приводится въ систему то, что разрознено въ мірѣ. Оно отличается отъ научнаго познанія не результатами, а приемами, не выводами, а методомъ. Художественная мысль также обобщаетъ жизненныя явленія, также создаетъ новыя категоріи, также индивидуализируетъ и типизируетъ, какъ мысль научная. Она идетъ при этомъ своимъ путемъ: осмысленная жизнь, идеальная закончѣнность бытія предстаетъ предъ художникомъ не въ видѣ закона, формулы, схемы, а въ видѣ образа: индивидуальнаго явленія, вобравшаго въ себя общія черты рода, говорящаго о типичномъ. Искусство и наука, поэзія и проза—равноправныя и равноцѣнныя способы познать міръ, опредѣлить свое отношеніе къ нему—незамѣнимы въ своей сферѣ. Онѣ могутъ совпадать въ нѣкоторой долѣ своихъ выводовъ, ихъ выводы могутъ въ извѣстной степени нести одно логическое содержаніе: психологически онѣ кореннымъ образомъ различны; различенъ ихъ механизмъ въ душѣ творящаго, еще болѣе различно ихъ дѣйствіе въ душѣ воспринимающаго. Содержаніе научной формулы легче поддается учету; мы можемъ точнѣе опредѣлить ея вмѣстимость, можемъ—и то не всегда—напередъ указать всю совокупность жизненныхъ явленій, которыя обобщаются и объясняются ею. За художественнымъ образомъ стоитъ безконечность; никогда нельзя сказать, для какой необозримой группы разрозненныхъ явленій онъ станетъ объясняющимъ замѣстителемъ, какія переживанія онъ затронетъ, приведетъ въ движеніе и перетасуетъ въ душѣ воспринимающаго, что онъ подскажетъ, что онъ внушитъ читателю, зрителю, слушателю. Въ самомъ создателѣ онъ также неясенъ, неустойчивъ въ содержаніи, безконечно вмѣстителенъ по формѣ. Художникъ никогда не знаетъ, «что онъ хотѣлъ сказать» своимъ произведеніемъ, ибо, еслибы онъ это зналъ, онъ выразилъ бы это въ ясной и опредѣленной формѣ прозы, которая не вызываетъ кривотолковъ и ищетъ аутентическаго толкованія лишь въ исключительныхъ случаяхъ: на тѣхъ вершинахъ научнаго познанія, гдѣ оно сближается съ познаніемъ художественнымъ. Въ этомъ сила и незаменимость художе-

ственной познания. Образъ не требуетъ доказательствъ; онъ построенъ по своему внутреннему закону и покрываетъ явленія дѣйствительности въ составѣ неопредѣленномъ и неопредѣлимомъ. Это не мѣшаетъ ему, и даже помогаетъ, говорить о нихъ нѣкоторую истину, инымъ путемъ не постижимую. Отношенія художественнаго образа къ дѣйствительности безконечно болѣе сложны, чѣмъ отношенія научнаго обобщенія; онъ охватываетъ ихъ тогда, когда соотвѣтствуетъ самому себѣ, своему особому міру, своему стилю. Мы смотримъ на портреты Рембрандта и говоримъ себѣ: «какъ похоже»,—хотя, конечно, не знаемъ оригиналовъ. Почему? Потому что Рембрандтъ уловилъ въ нихъ типичное, вѣчно человѣческое? Нѣтъ, этого мало: типичное могло быть схематичнымъ, а схема не похожа ни на кого, потому что похожа на всѣхъ. Рембрандтъ уловилъ индивидуальное? Но вѣдь мы этого не знаемъ; да этого и мало, потому что индивидуальные черты могли быть сочинены и сведены изъ разныхъ образовъ. Нѣтъ: портреты Рембрандта кажутся намъ похожими, потому что убѣдительно: потому что индивидуальное въ нихъ обобщено, а типичное индивидуализировано. Это достигается не прямой вѣрностью дѣйствительности, но перестройкой этой дѣйствительности, соотвѣтствіемъ художественнаго образа не только жизни, но еще какому-то началу, также опредѣляющему соотношеніе его частей: его стилю. То, что было названо «возведеніемъ въ перлъ созданія», идеализація дѣйствительности—есть не только ея обобщеніе, но и субъективное ея преображеніе, гдѣ опредѣляющую роль играютъ не только элементы познаваемой дѣйствительности, но и опредѣляющія стиль свойства познающаго ума. Это та область познания, гдѣ субъективный методъ есть единственный возможный и незамѣнимый путь.

Ученый профессоръ въ діалогѣ П. Л. Лаврова твердитъ одно: «Для меня все то, что добыто строгимъ научнымъ методомъ, есть безусловная бесспорная истина. Это я знаю; въ этомъ я увѣренъ. Но только это и есть истина. Въ области точной, объективной науки я не только ничего не знаю, но ничему и не вѣрю, ничего не допускаю. Я наблюдаю, сравниваю и дѣлаю скромные выводы относительно небольшихъ группъ фактовъ, не забывая ни въ область гипотезъ, ни въ область предсказаній будущаго... Признавая недостаточность научныхъ успѣховъ, тѣмъ сильнѣе мнѣ приходится утверждать, что въ наукѣ и только въ наукѣ заключается вся истина, доступная человѣку и даже сама по себѣ существующая; что лишь путемъ науки былъ добытъ и можетъ быть добытъ какой-либо успѣхъ въ человѣчествѣ».

Но самъ авторъ діалога «Кому принадлежитъ будущее» думалъ иначе. Въ русскомъ изданіи вмѣстѣ съ діалогомъ напечатаны рѣчи и лекціи П. Л. Лаврова и здѣсь онъ съ извѣстной осторожностью, но все-таки съ достаточной опредѣленностью высказываетъ соображенія, ничѣмъ не напоминающія тирады профессора и его

«знатока». «Романтическая мысль—говорить П. Л. Лавровъ—приписываетъ поэтамъ и художникамъ высшя, какъ бы пророческя, способности провидѣння прошедшаго, настоящаго и будущаго въ ихъ истинномъ значеннн и смыслѣ. Современная реалистическая психологя склонна къ тому, чтобы отрицать всякую способность доходить до пониманн вещей и событнн инѣ метода тщательнаго аналитическаго ихъ изученн и осторожнаго систематическаго построенн. Можетъ быть, истинная роль художественнаго угадыванн заключается между этими крайностями. Художникъ и поэтъ такъ же часто ошибаются и даже прямо искажаютъ истину, какъ всякнй другой смертннй, не опирающнйся на науку и послѣдовательную критику. Но его способность улавливать характеристическя черты образовъ и настроенн, инѣ воспринимаемыхъ инѣ окружающаго его мнра, иногда позволяетъ ему, даже при очень недостаточномъ умственномъ и нравственномъ развитнн, угадывать комбинацн явленнн, которыя ускользаютъ отъ методическаго анализа ученаго критика въ своей отдѣльности и по тому самому не входятъ въ его систематическя построенн. Художникъ же, непосредственно воспринимая цѣлую комбинацн и крупныхъ, и едва замѣтныхъ явленнн, имѣетъ возможность въ инныхъ случаяхъ уловить гораздо ближе дѣйствительннй смыслъ историческаго теченн даже тогда, когда ни его умственныя силы, ни его нравственное развитн не дозволяютъ ему ни понять этотъ смыслъ, ни, тѣмъ менѣе, разглядѣть свои нравственныя и гражданскя обязанности, которыя были бы обусловлены подобнымъ пониманнемъ у болѣе развитой личности». Въ извѣстной степени П. Л. Лавровъ схватилъ ту особенность художественнаго мышленн, которая дѣлаетъ его иногда предшественникомъ научнаго изслѣдованн: «Угадыванн художника — замѣчаетъ онъ—важно намъ не въ тѣхъ областяхъ, которыя видны всякому дѣтописцу литературы, а въ тѣхъ, гдѣ характеристическя черты выступаютъ во множествѣ мелочей, едва замѣтныхъ или вовсе не замѣтныхъ для подобнаго дѣтописца, сливаясь болѣе въ общее настроенн лица и общества, тѣмъ въ опредѣленныя событн и дѣйствня». И онъ говоритъ о «глубокой поэтической угадкѣ» Лермонтова.

Естественно, что отъ этой «угадки», отъ художественныхъ путей познанн мнра никогда не откажется человѣческая мысль — не откажется уже потому, что пути эти не для однихъ избранниковъ. Вопреки общепринятому мнѣнню—это общне пути, и именно въ этомъ залогъ устойчивости искусства. Уже въ замѣчанн Гюйо — «искусство живетъ лишь величнемъ гення»—мы видѣли отголосокъ этого общепринятаго заблужденн. Даже такой мыслитель, какъ Гюйо—не только демократически настроенннй, но и филологически образованннй,—не хочетъ замѣтить ошибку и прямо заявляетъ, что «искусство по существу аристократично». Нѣтъ, ни мало не покушаясь на права и заслуги гення, надо сказать: не искусство ари-

стократично, а его теорія, которая съ удивительнымъ упорствомъ держится воззрѣнія, что великіе люди дѣлаютъ исторію—воззрѣнія, весьма осложненнаго въ другихъ областяхъ исторической науки. Но грѣхъ эстетики именно въ томъ, что она никогда не хотѣла быть исторической; крайне медленно отказывается она отъ былого аристократизма—и слѣды этого аристократизма мы находимъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было рассчитывать на это. Оторванная отъ исторіи искусства, отъ психологіи, отъ филологіи, обиходная теорія искусства до сихъ поръ знаетъ только индивидуальное творчество—и ничего, кромѣ него. Она фингируетъ какого-то ирреального отдѣльнаго творца, гениальнаго создателя идеальныхъ «формъ», подъ наитіемъ прозирающаго въ безформенный и безобразный міръ дѣйствительности—и только твореніями этого генія занимается, только ими оперируетъ, только на нихъ основываетъ свои сужденія. Это вѣчный синтезъ безъ предварительнаго анализа, вѣчный переплетъ гипотезъ, основанныхъ на интуитивномъ воззрѣніи, на восхищеніи художественнымъ произведеніемъ, на благоговѣйномъ преклоненіи предъ гениемъ—конечно, упавшимъ съ неба. Эстетика аристократична, потому что анти-исторична. Она интересуется шедеврами, а не эпохами, она занимается «твореніями», а не стилями. «Искусство живетъ лишь величіемъ генія»? Гдѣ же тѣ гени, которые создали народную пѣсню, народную поговорку, живую народную рѣчь, полную поэтическихъ элементовъ? Дѣло не въ томъ, что мы не знаемъ ихъ именъ, а въ томъ, что ихъ и не было: предъ нами громадныя художественныя сокровища, созданныя коллективнымъ творчествомъ. Говорятъ: такъ было раньше; изъ массы, въ своей безразличной совокупности создавшей себѣ искусство, давно выдѣлились специалисты, мастера этого дѣла; процессъ дифференціаціи продолжается—и мы уже не встрѣтимся съ массовымъ творчествомъ. Но на самомъ дѣлѣ мы съ нимъ и не разставались. По превосходному сравненію Потебни—какъ электричество не только тамъ, гдѣ гроза, такъ поэзія не только тамъ, гдѣ великія произведенія. Первичная клеточка поэзіи, ея эмбрионъ—слово—убѣждаетъ насъ, что поэзія вездѣ, гдѣ говорятъ и думаютъ люди: слово можетъ быть прозаично, можетъ быть и поэтично. Почти каждое новое слово въ созданіи своемъ представляетъ собою актъ поэтического творчества; лишь потомъ, медленно и—если обратить вниманіе на психологическую сторону—постепенно оно прозаизируется. Мы живемъ въ атмосферѣ художественнаго мышленія. Всякій разъ, когда, объясняя себѣ новое явленіе, мы категоризируемъ его, приобщаемъ къ прежде познаннымъ посредствомъ новаго слова, новаго образа,—мы въ сферѣ искусства. Когда мы восхищаемся природой или человѣческимъ лицомъ, мы творимъ; когда мы предъявляемъ спросъ на извѣстные сюжеты, извѣстные типы, извѣстные образы,—мы творимъ. Мы ищемъ генія—и мы создаемъ его. Мы безъ его творчества только страдаемъ; онъ безъ нашего творчества не су-

шествуетъ. Посредственность не убиваетъ искусства, какъ слишкомъ поспѣшно согласился Гюйо. Посредственность—мы вѣдь помнимъ, что здѣсь такъ названы не дилетанты, компиляторы и ремесленники искусства, а широкія народныя массы—посредственность въ этомъ смыслѣ создаетъ искусство. Она есть тотъ маточный растворъ, изъ котораго кристаллизуются сверкающіе кристаллы индивидуальнаго творчества — и ихъ не будетъ, если растворъ не насыщенъ. Это не апіорное предположеніе, не метафизическая философія искусства: это выводъ, подтвержденный разными детальными изслѣдованіями его исторіи. Достаточно, напримѣръ, вспомнить судьбу повѣстическихъ сюжетовъ, которые какъ бы живутъ своею жизнью, замираютъ, когда современная имъ мысль ничего не можетъ вложить въ нихъ, и воскресаютъ, и находятъ художниковъ, оживляющихъ ихъ новымъ содержаніемъ, когда на нихъ есть спросъ, когда это новое содержаніе бродитъ въ душахъ и ищетъ воплощенія, т. е. полной ясности. Когда съ высоты исторіи посмотришь назадъ, на пройденный людьми путь художественнаго творчества, то скрадываются личные отгѣнки, личные вклады: остаются широкія движенія, въ которыхъ личность можетъ быть творцомъ постольку, поскольку является выразителемъ болѣе или менѣе коллективнаго настроенія. Геній подобенъ Богу: его находятъ въ той мѣрѣ, въ какой ищутъ.

Этимъ спросомъ опредѣляется будущность искусства. Его существованіе зависитъ не отъ того, признають или не признають его полезнымъ, не отъ того, исчезнуть или не исчезнуть пригодные для его изображенія предметы, явятся или не явятся художественные геніи, а отъ того, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе человѣческой мысли. Пока нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что наука во всей полнотѣ удовлетворяетъ наши душевные запросы, что элементы повѣи въ созданіи рѣчи перестали быть творческимъ двигателемъ, пока искусство намъ нужно не «потому, что оно полезно»,—нѣтъ основаній пророчествовать о предстоящей кончинѣ искусства. Оно будетъ—и новые теоретики грядущаго строя давно отказались отъ старыхъ предрассудковъ, еще нашедшихъ выраженіе въ рѣчахъ послѣдовательныхъ—и ограниченныхъ—собесѣдниковъ Лаврова. Западная социалистическая литература уже давно не занимается ненужнымъ вопросомъ о будущности искусства: этотъ вопросъ представляется ей рѣшеннымъ. Ее интересуетъ болѣе конкретный вопросъ объ искусствѣ будущаго, о будущемъ искусствѣ. Ей хочется опредѣлить и предсказать тѣ формы, въ которыя—въ связи съ новымъ общественнымъ строемъ—столятъ вѣковѣчныя художественныя исканія людей и художественные отгѣты ихъ избранниковъ. Она далеко ушла отъ той точки зрѣнія, съ которой молодой русскій въ діалогъ П. Л. Лаврова отвергаетъ «форму безъ содержанія, какъ бы красива она ни была». Она знаетъ, что такой формы нѣтъ. И оттого она знаетъ, что искусство не роскошь,

не забава, не сладкое блюдо, а необходимость: предпосылка того культурнаго синтеза, того примиренія личности съ обществомъ, которое должно быть въявь новыхъ формъ человѣческаго общенія. Эти новыя формы будутъ заполнены художественной жизнью; онѣ принесутъ съ собою небывалый расцвѣтъ искусства. Ибо, когда элементарныя жизненныя потребности будутъ удовлетворены, запросы познанія охватятъ съ небывалой силой освобожденную человѣческую мысль—и художественныя пути познанія займутъ достойное ихъ мощи мѣсто въ человѣческой дѣятельности. Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ будущее, несомнѣнно, принадлежитъ искусству.

А. Горнфельдъ.

* * *

Ужасно!.. Каждый день повѣшенья, разстрѣлы,
Убійства... Смерть за смерть... въ крови лежитъ страна...
Враждебность лютая всѣ перешла предѣлы,
Чудовищно свирѣпствуетъ война!
И высшій ужасъ въ томъ, что къ этой дикой бойнѣ
Могли привыкнуть мы, что на столбцахъ газетъ
Встрѣчаемъ съ каждымъ днемъ все холоднѣй, спокойнѣй
Мы вѣсти страшныя,—какъ будто въ этомъ нѣтъ
Неслыханнаго зла, позора для народа,
Для человѣчества!..

О, божество свобода,
Въ которой все любовь, и жизнь, и братскій миръ—
Изъ-за тебя какой кровавый пиръ!
Твои друзья—къ тебѣ съ благословеньемъ,
Твои враги—съ проклятіемъ тебѣ,
Всѣ дышать лишь однимъ—неутолимымъ мщеньемъ,
Возмездья жаждою...

Когда-жъ конецъ борьбѣ?

Петръ Вейвергъ.

ДАЧНИКИ ВЪ КАЛАКАЛАНДѢ.

Разсказъ.

I.

Солнце садилось. Въ финскомъ поселкѣ Калакаландѣ, по Седьмой улицѣ, ѣхалъ возъ съ дачными пожитками. На возу ѣхалъ шкафъ, огромный, полуизломанный, черный внутри и снаружи. Дверцы его распахнулись. Онъ былъ такъ великъ, что занималъ всю улицу. На яркомъ фонѣ заката онъ рисовался, какъ большой черный парусъ, и издали казалось, будто онъ идетъ самъ собой и толкаетъ впередъ маленькій возъ и косматую лошаденку.

Рядомъ со шкафомъ бѣжала собаченка, тоже черная, круглая, косматая, какъ клубокъ спутанной шерсти. Каждый разъ, когда въ ухабѣ нагибался черный парусъ и хлопала створка дверей, собачка дѣлала прыжокъ въ сторону и обиженно лаяла.

Владѣльцы шкафа были уже на дачѣ. Они затопили печку щепками и корьемъ, лѣзли къ огню и топали ногами отъ холода. Говорить они не могли, ибо всѣ рты были набиты хлѣбомъ, колбасой, сыромъ и другими припасами. Переѣздъ начался съ ранняго утра, и только теперь они добрались до тепла и до пищи.

Впрочемъ, не смотря на топку, въ дачной квартирѣ было холодно, какъ въ старомъ погребѣ, и пахло затхлымъ. Апрель едва начался и послѣ бѣлыхъ сумерекъ, въ смутную полночь, еще хватали заморозки. Это были самыя раннія птицы, прилетѣвшія изъ Петербурга, привѣтствовать чухонскую весну.

Дачниковъ было трое: мужъ, жена, ребенокъ; при нихъ три прислуги. Былъ еще седьмой, грудной младенецъ, но онъ лежалъ гдѣ-то въ сторонкѣ, завернутый въ рухлядь, и его не было видно.

Андрей Петровичъ Матовъ, глава семьи, былъ отставной

учитель. Не смотря на холодъ, онъ чувствовалъ себя бодро и почти торжественно.

— Слава Богу, избавились,—началъ онъ, но не договорилъ и снова сталъ прожевывать кусокъ.

Ранній выѣздъ Матовыхъ на дачу имѣлъ протестующій и политическій характеръ. Андрей Петровичъ желалъ избавиться отъ дворниковъ, городскихъ, отъ шпіона на углу и отъ возможности обыска.

— Обыски мнѣ смолоду надоѣли,—говорилъ онъ,—теперь конституція, я не могу выносить.

Андрей Петровичъ былъ человѣкъ костляваго сложенія, съ узкимъ лицомъ и траурными бакенбардами. Онъ носилъ длинный сюртукъ и смахивалъ на факельщика. Онъ былъ права меланхолическаго и раздражительнаго и, когда ссорился съ женой, то запирался въ кабинетъ на ключъ и по два дня не говорилъ ни слова ни съ кѣмъ изъ домашнихъ.

Впрочемъ, въ послѣдніе полгода съ нимъ ни разу не было припадка меланхоліи. И настроеніе у него было приподнятое. Ему было сорокъ лѣтъ отъ роду, онъ прослужилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія пятнадцать лѣтъ, выслужилъ статскаго совѣтника, одно время стоялъ на инспекторской линіи, но до инспектора не дошелъ.

Андрей Петровичъ былъ учитель по профессіи и пристанодержатель по призванію. Онъ принималъ всякаго и никогда не спрашивалъ, въ чемъ дѣло и какая партія. Когда были эс-деки, онъ укрывалъ эс-дековъ. Послѣ того давалъ пріютъ эс-эрамъ и уже мечталъ о максималистахъ. Еслибы была интеллигентная партія скопцовъ съ большою печатью, онъ и передъ ними раскрылъ бы свои двери такъ же широко и гостепріимно.

День девятаго января открылъ для него, какъ и для многихъ, новую эру. Въ этотъ день онъ бѣгалъ по улицамъ, что-то кричалъ, махалъ руками, убѣгалъ вмѣстѣ съ толпой отъ драгунскихъ разъѣздовъ. На одномъ перекресткѣ упалъ и сильно расшибся. Послѣ того онъ въ первые дни ходилъ растерянный, но потомъ съ гордостью говорилъ о себѣ, что участвовалъ въ уличной войнѣ.

Съ этого времени Андрей Петровичъ какъ будто измѣнился даже физически. Онъ сталъ казаться выше ростомъ. Быть можетъ, это происходило оттого, что теперь онъ откидывалъ голову назадъ и смотрѣлъ немного вверхъ. Онъ все-таки понюхалъ пороху, хотя изъ-за спины и во время бѣгства. Кровь брызнула мимо него и опьянила его. Никакое вино не опьяняетъ такъ сильно, какъ нѣсколько капель свѣжей человѣческой крови. Съ этого времени Андрей

Петровичъ сталъ говорить о себѣ во множественномъ числѣ: мы, граждане.

Въ ближайшее время послѣ девятаго января Андрей Петровичъ участвовалъ въ различныхъ собраніяхъ, коммисіяхъ и кружкахъ, бывалъ въ Тенишевскомъ училищѣ и въ реформатской церкви. Два раза былъ на тайнственныхъ докладахъ съ платой по пяти рублей за входъ, въ пользу голодающихъ рабочихъ. Но всего этого ему казалось мало. И, когда онъ вспоминалъ о своемъ прошломъ пристанодержательствѣ, ему становилось стыдно. Кто были эти тайнственные гости,—все молодежь, почти дѣти. Онъ уходилъ на службу и оставался въ сторонѣ...

— Мы сами должны заняться политикой,—рѣшилъ онъ—мы, родители.

Онъ началъ съ того, что черезъ двѣ недѣли послѣ открытія всеобщей забастовки номеръ первый, торжественно подалъ въ отставку, и не просто подалъ, а въ мотивированномъ видѣ. Мотивировка была длинная и полная рѣзкостей. Она заканчивалась заявленіемъ, что Андрей Петровичъ не можетъ служить „столь преступному правительству“. Въ тѣ времена начальству приходилось выслушивать еще и не такія вещи. Оно прочитало мотивировку и даже на усъ не намотало. Однако удерживать Андрея Петровича на службѣ насильно тоже не рѣшилось. Такимъ образомъ Матовъ очутился на волѣ. Дѣла у него не было, средствъ тоже.

Андрей Петровичъ, впрочемъ, не думалъ объ этомъ. Событія пошли форсированнымъ маршемъ, исторія катилась, какъ снѣжный комъ съ горы. Были забастовки, союзы, митинги. Явочный порядокъ и явочный беспорядокъ. Почтенные люди среднихъ лѣтъ неожиданно объявлялись эс-деками. Сановники становились либералами въ ожиданіи кадетства. Начальство растерялось и умалилось. Россія была, какъ вѣсы. Въ одной чашѣ лежала диктатура графа Витте, а въ другой диктатура пролетаріата и никто не могъ рѣшить, которая перетянетъ. Андрей Петровичъ бѣгалъ, суетился, кричалъ и на тысячу ладовъ проявлялъ свою общественность. Были минуты, когда онъ поднимался до полного самозабвенія и былъ готовъ бросить свою жизнь, какъ бросалъ рубли въ сборную шапку: „Нате, берите послѣдній, если такъ нужно“. Сорокатысячная толпа шла по Невскому Несли знамена и пѣли. Онъ шелъ вмѣстѣ съ другими и пѣлъ и, кажется, плакалъ. Въ переулкахъ стрѣляли. Но ему не было страшно. Онъ не былъ обыватель, и даже не былъ гражданиномъ земли русской, онъ былъ песчинка. И толпа была, какъ смерчъ въ пустынѣ. Смерчъ идетъ впе-

редь и восходить вверхъ. Въ немъ движутся песчинки и тонуть въ вихрѣ.

Екатерина Сергѣевна Матова была дама сѣрая, сонная, сырая. Она поздно вставала, пила кофе, потомъ забиралась на диванъ и брала старую книжку „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. Больше всего любила читать про Шерлока Холмса. Послѣ обѣда раскладывала пасьянсъ „на исполненіе желаній“. Самая живая страсть ея была — лечиться. Она ѣздила отъ врача къ врачу, принимала сильно дѣйствующія средства. Раза два чуть не отравилась.

Иногда на нее находили припадки энергіи. Она принималась за хозяйство и начинала обыкновенно съ самой грубой работы, пробовала мыть полы, стирать бѣлье, но бросала на половинѣ и ложилась съ мигренью на диванъ. Изъ себя она была блондинка, съ волосами въ видѣ конскаго хвоста свѣтлой масти. Этотъ хвостъ плохо держался на затылкѣ и постоянно сѣзжалъ внизъ. Она ловила его на пол-дорогѣ и водворяла обратно.

Кухарка была высокая, толстая, прямая, съ рябымъ лицомъ. Имя ея было Степа, но ее чаще звали Ступа, и она не обижалась. Горничная была Анисья, лѣтъ сорока, безъ одного зуба во рту, но очень гульливаго нрава. Къ ней постоянно ходили какіе-то масленники, мороженники и даже одинъ золотарь. Но Ступа выгнала его изъ кухни. Къ Ступѣ никто не ходилъ, тѣмъ не менѣе у нея былъ грудной, шестимѣсячный ребенокъ. Для ребенка Ступа держала няньку Настьку, дѣвчонку лѣтъ двѣнадцати, которой платила три рубля въ мѣсяцъ. Свое жалованье Ступа получала неаккуратно, но Настькѣ платила исправно. Настька была дѣвчонка шустрая и все шмыгала за ворота.

У Матовыхъ былъ только одинъ сынъ Сережа, мальчикъ лѣтъ восьми. У него не было няньки и вообще на него мало кто обращалъ вниманія. Онъ былъ мальчикъ тихій, все сидѣлъ въ уголку, складывалъ кубики или перебиралъ картинки. Зимой его некому было водить на прогулку и онъ сидѣлъ дома, какъ арестантъ, по цѣлымъ недѣлямъ. Онъ былъ доволенъ раннимъ переѣздомъ на дачу еще больше своего отца и все посматривалъ на дверь, собираясь улизнуть.

II.

Ужинъ кончился. Женщины стали раскладывать вещи. Андрей Петровичъ ваялъ шапку и пошелъ со двора. Онъ не любилъ домашней возни и, когда мыли полы или стряпали къ празднику, онъ всегда уходилъ изъ дому съ утра.

Онъ дошелъ, не торопясь, до полотна желѣзной дороги, посмотрѣлъ по сторонамъ, не идетъ ли поѣздъ, потомъ перешелъ черезъ полотно и вошелъ въ сосновый лѣсъ. Лѣсъ былъ высокій, прямой. Почва ровная, какъ столъ. Она поросла травой, низкой, зеленой и жесткой. И сосны походили на колонны, или на высокія свѣчи изъ коричневаго воску. Пахло смолой, и ступалось какъ-то особенно бодро. Потомъ дорога стала спускаться внизъ по торфянымъ лужамъ и грядамъ сыпучаго песку.

На морѣ было тихо. Солнца уже не было. Только багровые, слегка дымные лучи стояли короткимъ вѣнцомъ надъ послѣдней искрой, потухавшей на западѣ. Узкія волны ползали на песокъ лѣниво и томно, одна, потомъ другая, потомъ еще другая. Онъ были бурья и густыя, какъ медъ, и ложились у берега, какъ длинныя, мелкія, слегка вадутыя складки.

Въ глубинѣ залива вода мерцала, и таяла, и сливалась съ туманомъ. И надъ обширнымъ смутнымъ и гладкимъ зеркаломъ всплывалъ Кронштадтъ, какъ сказочный городъ Китежъ. Широкій соборъ казался облачнымъ, почти прозрачнымъ и по обѣ стороны дымились трубы, такія смутныя, пепельныя, прямыя. Налѣво бѣлый куполь Сестрорѣцкаго курорта выступалъ стройными гранями, какъ греческій храмъ, брошенный прихотью судьбы на этотъ низкій и сѣрый берегъ.

Людей на берегу не было. Только купальныя будки стояли странными группами, и какъ будто кого-то ждали и время отъ времени неожиданно и сердито крикали полуоткрытою дверью. Онъ походили на финновъ изъ деревни Калакаланды и были такія же деревянныя, приземистыя, квадратныя. Онъ стояли на берегу и поджидали дачниковъ.

У самой воды стоялъ старичокъ въ сѣромъ и смотрѣлъ вдаль. Андрей Петровичъ подошелъ почти машинально и всталъ рядомъ. Старичокъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на вновь пришедшаго и хотѣлъ было отвернуться, но потомъ задержалъ свой взглядъ съ вспоминающимъ усиліемъ.

— Гдѣ я видѣлъ его?—подумалъ Матовъ,—въ банкѣ, на семейномъ вечерѣ или на народномъ митингѣ?

— Мы, кажется, съ вами уже имѣли удовольствіе,—выговорилъ онъ вслухъ свою мысль.

Старичокъ кивнулъ головой.

— Да, встрѣчались, на вечерѣ у Сомовыхъ,—сказалъ онъ отрывисто.

— У Сомовыхъ,—любезно повторилъ Андрей Петровичъ.—Теперь, я полагаю, мы съ вами сосѣди по дачному

мѣсту. Въ такомъ случаѣ позвольте представиться: Матовъ, учитель. *Бывшій*,—прибавилъ онъ значительно.

Старикъ протянулъ руку. Рука у него была маленькая, нервная, совѣмъ женская. Весь онъ былъ тоненькій, аккуратный, и пальто у него сидѣло въ талію, по-дамски.

— Я—Клюевъ, бухгалтеръ. А *бывшій* или нѣтъ, самъ не знаю,—прибавилъ онъ послѣ паузы.

→ Стало быть, также и въ банкѣ,—подумалъ Матовъ.

Они стояли рядомъ и смотрѣли на море. Становилось темнѣе. Вода приобрѣла сѣрый, печальный оттѣнокъ. Лицо старика тоже было печально.

— Помните, на митингѣ?—тихо заговорилъ онъ.

— Стало быть, и на митингѣ,—подумалъ вскользь Матовъ.

— Въ тотъ день на митингѣ—повторилъ старикъ—N-скій говорилъ:—онъ назвалъ имя извѣстнаго кадетскаго оратора.—„Свобода идетъ, какъ невѣста съ сіяющимъ факеломъ. Будетъ новый порядокъ, ни единый волосъ не упадетъ ни съ чьей головы“.—А я стоялъ и думалъ: „Сколько еще головъ должно упасть, чтобы былъ порядокъ“...

— Какъ сколько головъ?

Матовъ вздрогнулъ и даже отодвинулся. Его политическіе планы были мирныя. Онъ любилъ говорить на тему о томъ, что общество должно сплотиться и „остановить кровопролитіе“.

— Много головъ,—сказалъ старичокъ—много жизней.

Онъ кивалъ головой съ грустнымъ убѣжденіемъ, какъ будто итогъ подводилъ въ кровавомъ синодикѣ.

Клюевъ, Иванъ Матвѣичъ, былъ обыватель, зараженный той же бациллою политической смуты. Онъ прослужилъ бухгалтеромъ двадцать лѣтъ въ большомъ полуказенномъ учрежденіи, денегъ не нажилъ, за то женился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и все-таки нажилъ полдюжины дѣтей. Во всю свою долгую жизнь онъ былъ образцомъ аккуратности. Только три раза пропустилъ службу и въ итогахъ его не попадалось ошибокъ. Если у него и были такъ называемыя идеи, онъ никому не говорилъ о нихъ ни слова. И его ставили въ примѣръ молодымъ легкомысленнымъ писцамъ.

Никто не могъ рѣшить, съ какого времени сталъ задумываться Иванъ Матвѣичъ. Онъ вообще былъ человекъ тихій и немногословный. И времена были такія, что молодые люди кричали, а пожилые ходили задумчивые. Даже октябрьскіе дни не произвели на Клюева никакого видимаго впечатлѣнія. Къ поздравленіямъ по поводу свободы онъ отнесся странно холодно. И старшій дѣлопроизводитель изъ иностраннаго отдѣла мысленно даже обозвалъ его черносотенцемъ.

Перемѣна обнаружилась мѣсяца черезъ два, довольно неожиданно. Въ одно воскресное утро Иванъ Матвѣичъ шелъ по улицѣ. На улицѣ собиралась манифестація, жидкая и малоудачная. Человѣкъ тридцать подростковъ, съ алыми значками въ петлицахъ, сошли съ тротуара, выкинули кумачный флагъ и пошли на перерѣзъ улицы. На нихъ на скакали драгуны съ пашками. Иванъ Матвѣичъ поспѣшно свернулъ въ переулокъ, подальше отъ грѣха. Но нѣсколько юношей вбѣжало въ тотъ же переулокъ, спасаясь отъ погони. Одинъ свернулъ на тротуаръ и сталъ пробѣгать мимо Ключева, но всадникъ погнался сзади, и наѣхалъ, и ударилъ на отмахъ... Иванъ Матвѣичъ видѣлъ все, испуганный взглядъ, и шею, пригнутую, какъ у зайца, и блескъ стали, и кровь.

На слѣдующее утро Ключевъ пришелъ на службу и сѣлъ на свое мѣсто. Рядомъ помощникъ кассира велъ съ посѣтителемъ бѣглый политическій разговоръ, какъ часто бывало въ тѣ дни. Посѣтитель былъ купецъ, толстый, но въ тонкомъ пальто. Онъ выглядѣлъ такъ, какъ будто подъ кожей у него была шуба, мѣхомъ внутри.

— Порядка мало, — сказалъ купецъ сердито, — оттого другъ другу головы снимаютъ.

Иванъ Матвѣичъ прислушался и вдругъ сказалъ громко и ни къ кому не обращаясь:

— Нѣтъ, много придется головъ снять, чтобы былъ порядокъ.

Сослуживцы заинтересовались и стали спрашивать почти такъ же, какъ и Матовъ.

— Какихъ головъ?

Но Иванъ Матвѣичъ не удостоилъ ихъ отвѣта.

Съ тѣхъ поръ онъ не разъ повторялъ то же заявленіе и лицо его становилось все угрюмѣе. Какія головы нужно снять и за что именно, — онъ не объяснялъ, быть можетъ, даже и самъ не зналъ и не могъ объяснить. Иные считали его по прежнему черносотенцемъ. Другіе стали называть анархистомъ.

Мѣсяца черезъ два слухи дошли до директора: есть въ учрежденіи чиновникъ, который хочетъ головы снимать.

Директоръ раздумывалъ еще съ мѣсяцъ, потомъ призвалъ стараго бухгалтера и спросилъ:

— Правда ли, что вы хотите головы снимать?

— Я не хочу, — спокойно сказалъ Иванъ Матвѣичъ — а нужно... Пятнадцать милліоновъ.

Директоръ не понялъ. — Пятнадцать милліоновъ рублей? — переспросилъ онъ.

— Нѣтъ, головъ, — также спокойно сказалъ Иванъ Мат-

вѣичъ.—Изъ всего населенія пятнадцать милліоновъ головъ. А сто пятнадцать милліоновъ можно оставить.

— Зачѣмъ такъ много?—въ ужасѣ спросилъ директоръ.

— Знаете,—довѣрчиво сказалъ Иванъ Матвѣичъ.—Я хожу по улицѣ и смотрю на прохожихъ. И все какъ-то не лица попадаются, а морды звѣриныя. Даже я сталъ думать, что, можетъ быть, лучше сто пятнадцать милліоновъ головъ снять, а пятнадцать оставить.

Директоръ побоялся разсиранивать дальше, но подумалъ и неожиданно предложилъ:

— Знаете, Иванъ Матвѣичъ, вы выглядите устало. Вы бы взяли отпускъ, мѣсяцевъ на шесть.

— Не надо мнѣ отпуска,—буркнулъ Иванъ Матвѣичъ.

— Съ сохраненіемъ содержанія,—великодушно сказалъ директоръ.—Вы служите такъ давно... Я велю написать.

Такимъ образомъ старый бухгалтеръ тоже очутился безъ дѣла. Срокъ его городской квартиры кончался въ мартѣ и онъ поспѣшилъ переѣхать на дачу, чтобы не платить вдвойнѣ за квартиру.

Иванъ Матвѣичъ жестоко скучалъ на дачѣ. Ему не хватало утренней прогулки по Невскому, швейцара, который открывалъ предупредительно двери, знакомой конторки съ высокимъ сидѣньемъ, большой книги съ плотными и бѣлыми листами, гдѣ безконечными рядами въ красныхъ и синихъ клѣткахъ тянулись колонны тщательно выведенныхъ цифръ. Колонны эти никогда не прерывались и нарастали каждый день, какъ отчетливая лѣтопись. Языкъ этой лѣтописи былъ языкъ международный, понятный всему человѣчеству, и каждый знакъ говорилъ больше, чѣмъ цѣлыя страницы, исписанныя словами. Кругомъ царилъ бодрый, дѣловыя тишина. Шуршали бумажныя деньги, золото слегка звякало о стеклянную подстилку. Мальчики перебѣгали съ чеками и документами и мѣрно шло впередъ сложное, отвѣтственное, многомилліонное дѣло.

Теперь Иванъ Матвѣичъ остался одинъ безъ занятій, съ своими странными мыслями. Онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, ваялъ толстый романъ, попробовалъ читать. Почти тотчасъ же привычка къ методической дѣятельности заставила его завести особую тетрадь, и чтеніе превратилось въ переводъ. Однако оказалось, что цифры и беллетристика имѣютъ мало общаго. Въ романѣ говорилось о женщинахъ и любви, и старому бухгалтеру не хватало словъ ни по-нѣмецки, ни по-русски. Онъ съѣздилъ въ городъ, привезъ словарь. Какъ всѣ русскіе словари, словарь никуда не годился. Съ тѣхъ поръ Иванъ Матвѣичъ проводилъ цѣлыя часы, сердито перерачивая листы и постоянно натываясь

на такія русскія словечки: *любовать*, *обрюзживать*, *перекоробить*.

Наконецъ дѣти открыли, что романъ уже переведенъ и принесли ему русское изданіе. Иванъ Матвѣичъ не смутился. Онъ взялъ переводъ и положилъ его въ ящикъ стола. Съ тѣхъ поръ вмѣсто словаря на трудныхъ мѣстахъ онъ выдвигалъ ящикъ и заглядывалъ въ переводъ, какъ гимназисты заглядываютъ въ подстрочникъ...

— Папочка, иди чай пить!..

— А, это ты, Мися,—сказалъ Ключевъ.—Сейчасъ, Мися.

Мися была очень похожа на своего отца. Такая же маленькая, опрятная, съ тихими движеніями. Она была въ сѣромъ платьѣ. Русая коса, спущенная вдоль спины, придавала ей видъ совсѣмъ молодой дѣвочки.

Матовъ хотѣлъ попрощаться. Но Ключевъ, не смотря на свой отвѣтъ, стоялъ на мѣстѣ и о чемъ-то думалъ.

— Мамочка будетъ ждать,—напомнила Мися.

— Знаете, что, — неожиданно предложилъ Ключевъ — пойдемте къ намъ чай пить!

Въ голосѣ его прозвучало радушіе, которое мало согласовалось съ его предыдущими рѣчами.

Матовъ замаялся.

— Мои дома будутъ ждать,—сказалъ онъ нерѣшительно.

— А мы пошлемъ сказать,—предложилъ Ключевъ,—или ихъ тоже позовемъ.

Матовъ промолчалъ. Онъ привыкъ отдѣлять свою частную жизнь отъ общественной и даже бывать въ гостяхъ предпочиталъ одинъ, безъ домочадцевъ.

III.

Они повернулись, собираясь уходить, но въ это время на морскомъ берегу недалеко отъ нихъ появилась человѣческая фигура, подалее другая, еще дальше третья. Раньше этихъ фигуръ не было видно. Онѣ какъ будто вытѣлали изъ песку или прятались въ будкахъ и теперь вышли вонъ. Быть можетъ, днемъ онѣ спали или сидѣли взаперти и только къ вечеру выходили посмотреть на свѣтъ Божій. Въ вечернемъ сумракѣ онѣ казались темными, грустными, таинственными.

Впрочемъ, ближайшая фигура тотчасъ же подошла и поздоровалась съ Ключевымъ:

— Здравствуйте, докторъ, — сказалъ Ключевъ, — какъ поживаете?

— Скверно,—сказалъ докторъ.

— Какъ вы думаете, господа,—обратился онъ къ Матову и Ключеву безъ всякихъ предисловій. — Эти фигуры тамъ въ темнотѣ, не шпионы?

— Господь съ вами, — сказала Ключевъ. — Вѣдь вы ихъ знаете. Это все наши, дачники.

— Вы думаете, — переспросилъ докторъ съ разочарованіемъ въ голосѣ.—Гдѣ же шпионы по вашему?

— Да на что они вамъ нужны?—успокаивалъ его Ключевъ.—Богъ съ ними.

— Господи, хоть бы пришли, — зашепталъ докторъ, — обыскали, одинъ конецъ.

— Въ Петербургѣ легче было, — быстро продолжалъ онъ. — Тамъ я ужъ зналъ: какъ ночь, можно ждать звонка. Здѣсь и звонка нѣтъ, да и звонить некому.

— Да ну, бросьте,—успокаивалъ его Ключевъ.—Пойдемте къ намъ чай пить!..

Они пошли назадъ къ подъему на гору. Докторъ шелъ сзади рядомъ съ Матовымъ.

— Въ Петербургѣ легче было,—повторялъ онъ.—Теперь днемъ не вижу, по ночамъ снятся.

— Хоть бы здѣсь охрану ввели, — простодушно прибавилъ онъ.

Докторъ Мартыновъ страдалъ модной болѣзнию, маніей полицейскаго преслѣдованія. Онъ проводилъ въ Петербургѣ мучительные дни и еще болѣе мучительныя ночи. На всѣхъ перекресткахъ ему мерещились шпионы. Каждый вечеръ онъ пересматривалъ свои бумаги, жегъ случайныя письма, уничтожалъ газеты. Въ полночь онъ ложился въ постель и гасилъ лампу, но долго лежалъ въ темнотѣ съ раскрытыми глазами и трепетно ждалъ незванныхъ гостей. Потомъ на разсвѣтѣ просыпался и вспоминалъ: они приходятъ передъ утромъ. Послѣ того онъ уже больше не могъ заснуть. Онъ былъ человекъ совершенно благонадежный и ни въ чемъ не замѣченный. Но мысль объ этомъ нисколько не помогала.—Развѣ теперь разбирають? — говорилъ онъ себѣ и ему становилось еще тяжелѣе на душѣ.

Чтобы избавиться отъ этого, онъ переселился въ Финляндію, но въ Финляндіи ему было еще хуже. Днемъ онъ ходилъ по пустыннымъ улицамъ и лѣснымъ дорожкамъ. Оглядывался назадъ. Никого не было, ни шпионовъ, ни родовыхъ, ни даже просто людей. Ночь приходила. Онъ ложился въ постель, и все существо его напрягалось отъ ожиданія, жуткаго, привычнаго, почти необходимаго. Но ожидать было некого. Онъ похучѣлъ, сталъ раздражителенъ, ссорился съ случайными знакомыми и все отыскивалъ между ними подозрительныхъ людей.

Они поднялись на гору и шли по узкому проулку между двумя рядами сквозныхъ рѣшетокъ. За рѣшетками были чадлыя финскіе садики и деревянныя дачи. Тамъ и сямъ въ окнахъ мелькали огоньки, которые свидѣтельствовали о томъ, что дачи уже заняты.

— Сколько ихъ пріѣхало, — сказали Матовъ съ невольнымъ облегченіемъ. Послѣ этого вечера въ немъ уже возникло смутное опасеніе, что въ Калакаландѣ будетъ скучно.

— А вотъ посмотрите, — указалъ Клюевъ.

На правой сторонѣ среди большого двора, усаженнаго рѣдкими деревьями, стоялъ высокій домъ, двухъ-этажный, съ башней наверху и узкимъ вымпеломъ на длинномъ флагштокѣ. Всѣ окна сверху донизу, включая и башню, были ярко освѣщены. Изъ верхняго этажа неслись звуки фортепіано и веселые дѣтскіе голоса. Фортепіано играло вальсъ и дѣти, повидимому, плясали. Маленькія тѣни поминутно мелькали на оконныхъ занавѣскахъ. Въ тишинѣ финской деревни этотъ ярко-освѣщенный домъ казался волшебнымъ замкомъ, полнымъ живого шума и веселья.

Клюевы жили за угломъ въ длинномъ одно-этажномъ домѣ, построенномъ со всѣми удобствами дачной архитектуры. Ко всѣмъ четыремъ стѣнамъ были пристроены стекольчатая веранды, каждая съ своимъ особымъ выходомъ. Веранды походили на теплицы безъ цвѣтовъ, но сидѣть въ нихъ было тѣсно и неудобно. Изъ-за нихъ было темно почти во всѣхъ комнатахъ.

Комнаты были небольшія, онѣ ютились по стѣнамъ, выглядывая подслѣповатыми окнами, гдѣ придется, изъ-за стекляннй спины пристроекъ. Въ центрѣ дома была оставлена столовая, очень большая и совершенно темная. Здѣсь даже лѣтомъ нельзя было сидѣть безъ лампы. Быть можетъ, неизвѣстный архитекторъ строилъ эту дачу по античнымъ образцамъ, въ новѣйшей финской передѣлкѣ. Еслибы сорвать крышу надъ столовой, вмѣсто обѣденнаго стола устроить фонтанъ, а комнаты кругомъ обратить въ спальни, то вышло бы хорошо устроенное древне-римское жилище.

Впрочемъ, теперь въ полуантичной столовой было свѣтло и уютно. Большая висячая лампа ярко горѣла надъ квадратнымъ столомъ. Самоваръ шипѣлъ. Вся семья Клюева сидѣла въ сборѣ, ожидая отца. Матовъ сталъ считать, насчиталъ восемь молодыхъ лицъ, потомъ вспомнилъ, что нужно прибавить Мисю, пересчиталъ снова и вышло уже одиннадцать.

— Какъ ты долго, папочка? — съ легкимъ упрекомъ сказала хозяйка Клюеву.

Она была маленькая, опрятная, съ мелкими чертами лица,

одновременно похожая на Мисю и на своего мужа. Матовъ отмѣтилъ, что она назвала его: „папочка“, точно такъ же, какъ Мися.

Кромѣ домашнихъ въ комнатѣ было еще двое гостей. Одинъ былъ высокій мужчина, съ русой бородой и хитрыми глазами. Онъ носилъ русскую одежду, сапоги съ наборомъ и черную суконную поддевку съ дутыми серебряными пуговицами. Фамилія его была Завьяловъ. Онъ былъ мелкій помѣщикъ и земскій гласный изъ одной Волжской губерніи. Въ декабрѣ его арестовали, хотѣли сослать въ Сибирь, потомъ предложили ему уѣхать за границу.—„За границу не согласенъ,—сказалъ Завьяловъ,—а въ Петербургъ поѣду“. Въ видѣ компромисса власти предложили ему уѣхать въ Финляндію. Онъ жилъ въ Калакаландѣ мѣсяца три, но часто ѣздилъ въ Петербургъ и велъ переговоры о томъ, чтобы его избавили отъ финскаго изгнанія.

Мало по малу у него образовалось въ подлежащемъ мѣстѣ знакомство, а потомъ даже связи. И незамѣтно для себя онъ забросилъ свои личныя хлопоты и сталъ хлопотать за другихъ, за арестованныхъ студентовъ, за высланныхъ крестьянъ, за молодыхъ дѣвушекъ, „лишенныхъ столицы“.

Хлопоты шли успѣшно, времена были смутныя. Начальство все озиралось по сторонамъ и высматривало „человѣка съ планомъ“, досужаго алхимика, который знаетъ „секретъ“. Въ одно прекрасное утро Завьяловъ совершенно неожиданно получилъ предложеніе составить частный проектъ оздоровленія Россіи...

Завьяловъ проектъ написалъ и подалъ, потомъ пріѣхалъ домой и жестоко напился. Пьянство его было тяжелое. Онъ поставилъ на столъ бутылку спирту, заперъ двери, чтобы не видѣли финны, и хлопалъ рюмку за рюмкой. И смотрѣлъ въ стѣну. Ему мерещились канцеляріи, задніе ходы, столы, покрытые сукномъ, и груды бумаги, цѣлые вороха проектовъ, каждый за номеромъ и съ препроводительной бумагой: обновленіе арміи, обновленіе мирового суда, обновленіе церкви.

— Опять пошло по старому,—бормоталъ онъ.—Эхъ, вы...—

Недѣли черезъ двѣ онъ повторилъ тотъ же самый опытъ. Привезъ спирту изъ города, заперся и выпилъ.

Его насмѣшливый языкъ сталъ злѣе, чѣмъ прежде, и не разъ доводилъ его до ссоръ съ другими соизгнанниками.

Другой гость былъ худощавый, понурый, сутуловатый. Онъ молчалъ и морщился, и Матову почему-то показалось, что у него болятъ зубы.

Клюевъ взялъ стаканъ и подсѣлъ къ понуруму.

— Что, Емельянъ Васильичъ, нѣтъ телеграммы?

Понурый человѣкъ молча покачалъ головой.

— Дастъ Богъ, обойдется,—утѣшалъ его Клеувъ.

Понурый человѣкъ молчалъ. Только быстро зашевелилъ пальцами правой руки, какъ будто давая какой-то невѣдомый отвѣтъ.

Фамилія его была малорусская: Рогачъ. Онъ былъ техникъ изъ большого южнаго города, А—нска. До послѣдняго времени онъ жилъ, какъ живутъ всѣ люди, имѣлъ хорошее мѣсто, сбереженія въ кассѣ, жену и троихъ малолѣтнихъ дѣтей. Потомъ разразилась декабрьская смута и ротмистръ Кшепшицюльскій сталъ проявлять инициативу. Начались погромы, самооборона, баррикады красныхъ и вооруженные походы черныхъ.

Емельянъ Рогачъ въ борьбѣ партій не участвовалъ, но на бѣду свою онъ вспомнилъ о законности и подбилъ мѣщанъ жаловаться губернатору. Онъ самъ написалъ жалобу и вставилъ въ нее нѣсколько пикантныхъ подробностей. Кшепшицюльскій обозлился. Очень скоро Рогачу пришлось бросить насиженное мѣсто и убѣжать изъ А—нска прямымъ ходомъ въ Финляндію. Жена не могла послѣдовать за нимъ. Она была на сносяхъ и должна была со дня на день подарить Емельяну Васильичу четвертаго наслѣдника.

Въ Калакаландѣ Рогачъ проживалъ второй мѣсяцъ. Вѣсти изъ А—нска доходили скудныя. Страшный ротмистръ распечатывалъ письма, перехватывалъ телеграммы. Мало того, на основаніи перехваченныхъ телеграммъ и не смущаясь финляндской конституціей, онъ потребовалъ отъ Гельсингфорса выдачи „бѣглаго уголовнаго преступника, Емельяна Рогача“.

Время шло. Въ А—нскѣ готовился новый погромъ. Женѣ Рогача въ одну прекрасную ночь неизвѣстные люди перебили стекла въ окнахъ. Роды тоже уже должны были наступить. А между тѣмъ извѣстій больше не было. Емельянъ Васильичъ далъ телеграмму, какъ было вновь условлено, на чужое имя. Потомъ другую. Но не получилъ отвѣта.

— Обойдется,—утѣшалъ его Иванъ Матвѣичъ.

Емельянъ Рогачъ вздохнулъ.

— Несчастный я человѣкъ,—сказалъ онъ очень простымъ тономъ, какъ будто констатируя фактъ.—Несчастныя мои дѣточки.

— А зачѣмъ вы лѣзли? — сказалъ раздражительно Клеувъ.—Ежели дѣточекъ жалко, не зачѣмъ было лѣзть въ революцію.

— Я въ нее не лѣзъ,—сказалъ Рогачъ также просто,—она сама въ меня влѣзла.

Пришли еще гости. Веденяпинъ, народный учитель, огромный и неуклюжий, какъ молодой жирафъ, и два прія-

теля, Мытниковъ и Аронсъ. Оба они были провинціальные газетчики изъ одного и того же города, Мытниковъ былъ с.-р., Аронсъ—с.-д. Вначалѣ они издавали вмѣстѣ одну газету и на ея столбцахъ вели усердную полемику. Потомъ каждый обзавелся особымъ органомъ. Полемика продолжалась, но скоро обѣ газеты попали подъ судъ. Судъ проявилъ быстроту и безпристрастіе и въ одинъ день вынесъ два приговора. И оба гласили: на одинъ годъ въ крѣпость. Осужденные полемисты спаслись въ Финляндію, въ надеждѣ на близкую амнистію. Они поселились въ гостинницѣ въ одномъ и томъ же номерѣ, брали одинъ обѣдъ на двоихъ и расходы дѣлили пополамъ. Еще одна черта. Лютые спорщики, они не любили спорить дома и уходили для состязаній въ гости, чаще всего къ Ключеву.

IV.

Дѣти пересѣли за отдѣльный столъ и весело разговаривали. Андрей Петровичъ опять сталъ считать: 1, 2, 5, 11 и сбился. Онъ не вытерѣлъ и спросилъ Ключева: „Неужели это все ваши дѣти?“

— О, нѣтъ!—живо возразилъ Ключевъ.—Нашихъ шестеро.

Онъ глянулъ въ дѣтскую сторону. — Нѣтъ, постоите, семеро.

Кругомъ разсмѣялись.

— Чего же вы смѣетесь?—сказалъ Ключевъ.—Еще Петя нашъ—племянникъ, на праздники пріѣхалъ.

Онъ указалъ на мальчика лѣтъ пятнадцати, рябого, со стриженной головой и большими утомленными глазами.—А другіе въ гости пришли.

Матовъ опять посмотрѣлъ и безъ всякаго труда выдѣлилъ шесть человекъ, собственныхъ дѣтей Ключева. Всѣ они были очень схожи, маленькія, опрятныя, съ легкими движеніями, съ тихимъ упрямымъ въ лицѣ. Двое были мальчики по годки, оба гимназисты второго и третьяго класса. Трое другихъ были значительно моложе.

Семья у Ключева была хорошая, дружная. Всѣ дѣти исправно учились, не затѣвали „исторій“ и не просили денегъ. Вдобавокъ, каждый изъ старшихъ имѣлъ сверхштатный талантъ. Мися рисовала по фарфору, Вася игралъ на скрипкѣ. Двѣнадцати-лѣтній Матюша удачно мастерилъ. Чинилъ замки, клеилъ коробки, лакировалъ скамеечки для ногъ.

Ключевъ опять посмотрѣлъ въ дѣтскую сторону.

— Мамаша, а гдѣ учитель?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Книжку читаетъ,—отвѣтили хоромъ младшія дѣти.— Мы позовемъ.

— Володя, Владиміръ Александровичъ!

— Иду,—раздался голосъ изъ боковой двери. Въ комнату вошелъ студентъ въ тужуркѣ и косовороткѣ, высокій, бѣлокурый, съ длинными руками и неловкими движеніями.

— А, молодое поколѣніе, — привѣтствовалъ его Завьяловъ.—Гдѣ же вы прячетесь? Мы тутъ готовимъ на васъ такое активное выступленіе...

Студентъ посмотрѣлъ непріязненно и сухо поздоровался. Онъ не могъ удержать смущенія предъ этой широкой безцеремонной насмѣшкой. Когда Завьяловъ смѣялся, въ немъ все смѣялось, глаза, и зубы, и серебрянныя пуговицы на груди, и носки лакированныхъ сапогъ.

— Сюда, садитесь, Володя!—кричали дѣти наперерывъ, очищая мѣсто на томъ и на другомъ концѣ стола.

Студентъ чинно подошелъ, взялъ стаканъ, молча усѣлся съ краю и сталъ сосредоточенно пить чай.

Владиміръ Александровичъ Юракинъ былъ учитель младшихъ дѣтей Клевева. Онъ жилъ у Клеуевыхъ въ городѣ и вмѣстѣ переѣхалъ на дачу. Лицо у него было нелюдимое и какое-то переходное, дѣтскіе глаза и подбородокъ, требовавшій бритвы. Привычки у него тоже были смѣшанныя. Днемъ онъ готовъ былъ принимать участіе во всѣхъ дѣтскихъ играхъ, даже скакать съ мальчиками на одной ножкѣ взапуски. А ночи просиживалъ до разсвѣта надъ философскими книгами. Онъ много читалъ въ разныхъ отрасляхъ знанія. Въ литературѣ былъ поклонникомъ Каменскаго и Кузмина, въ философіи спиритуалистомъ и ничшеанцемъ, а въ политикѣ крайнимъ лѣвымъ, лѣвѣе эс-эровъ. Впрочемъ, онъ никогда не спорилъ со старшими, и клеуевскіе гости считали его юнцомъ.

Съ дѣтьми у него были самыя простыя отношенія. Они называли его Володя, и даже Володька, и днемъ безъ старшихъ говорили ему: ты. Случалось, что дѣти ругались и даже дрались съ нимъ. Но, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, дѣти плакали, капризничали и все бѣгали на станцію высматривать приходящія поѣзда. Ѣздилъ онъ въ Петербургъ часто, большей частью возвращался въ тотъ же день, но, случалось, проживалъ въ Петербургѣ два или три дня.

Чай отпили, но никто не хотѣлъ уходить.

— Можетъ, въ винтъ сыграемъ,—внезапно предложилъ Завьяловъ, но на него посмотрѣли съ презрѣніемъ.

— Какой винтъ,—сказалъ Веденяпинъ басомъ.—И такъ завинтили насъ.

Онъ любилъ старья, всѣмъ давно знакомья остроты. Впрочемъ, его дѣйствительно завинтили. Со службы его прогнали, сбереженій у него не было, и жить было совсѣмъ нечѣмъ. Чай, выпитый въ гостяхъ, часто служилъ ему обѣдомъ. Госпожа Ключева старалась его прикармливать, но онъ угрюмо уклонялся и послѣ нѣсколькихъ попытокъ сталъ относиться неприязненно даже къ чаю.

— Ну, давайте языкомъ винтить,—сказалъ Завьяловъ насмѣшливо.

Общій разговоръ вспыхнулъ сразу, какъ порохъ.

— Кто виноватъ?—говорилъ Веденяпинъ басомъ, дѣлая ударенія на *о*.—Подайте мнѣ виноватаго.

— Кто же?—сказалъ Завьяловъ съ хитрой усмѣшкой.— Конечно, правительство.

Веденяпинъ сердито засопѣлъ, въ отвѣтъ на усмѣшку, но Матовъ успѣлъ предупредить его.

— Кто виноватъ? Мы сами. Кто больше?

Съ разныхъ сторонъ возражали, но Матовъ кричалъ громче всѣхъ.

— Мы виноваты. Мы прячемся за дѣтскими спинами, мы устраниаемся, мы позволяемъ дѣлать надъ нами все, что угодно.

— Что же намъ дѣлать?—спросилъ Завьяловъ.

— Мы должны основать собственную партію,—кричалъ Матовъ.

— Ого,—Завьяловъ свистнулъ.— Мало вамъ старыхъ на нашу голову?

— Мало, конечно, мало. Мы должны основать партію гражданъ, партію порядочныхъ людей.

— Я ненавижу партію,—сказалъ неожиданно Ключевъ съ дрожью въ голосѣ.

— Ну, все равно, группу безпартійныхъ.

— И безпартійныхъ ненавижу.

Но Матовъ не смущался.— Все равно, какъ и гдѣ, мы должны сплотиться и крикнуть *имъ, тѣмъ*:— „Руки прочь, довольно безобразничать“!..

Завьяловъ насмѣшливо сморщилъ губы.— Такъ они васъ и послушаютъ. Вотъ остановятъ на Невскомъ тридцать тысячъ человѣкъ и станутъ обыскивать;—и будутъ стоять, какъ бараны.

— Позвольте,—вскипѣлъ Аронсъ,—рабочія массы...

— Еслибы я былъ правительство,—сказалъ Завьяловъ съ внезапной злостью—я бы вамъ показалъ рабочія массы...

— Вы—черносотенецъ,—сказалъ Аронсъ съ такой же злостью.— Народное самосознаніе...

— Я бы вамъ устроилъ народное самосѣченіе. Розги

механическія завелъ бы... Нѣтъ, я бы изъ васъ вышибъ искру пламени...

Они смотрѣли другъ на друга, какъ враги, но Матовъ успѣлъ внести примирительную ноту.

— Господа, полно ѳсориться,—сказалъ онъ.

— Что намъ дѣлать? Мы всѣ виноваты и всѣ сознались.

— Раньше мы уклонялись, увѣряли: „я не я и лошада не моя“. Теперь махнули рукой и сказали себѣ и правительству: „Да, мы виновны и не заслуживаемъ снисхожденія. Будь, что будетъ“.

— Вотъ это правда,—сказалъ Завьяловъ, успокаиваясь.— Пусть дѣлають надъ нами, что имъ угодно. Мы стерпимъ.

И всѣ полуэмигранты, выбитые изъ привычной колеи, почувствовали справедливость этихъ словъ.

— Будь, что будетъ,—повторилъ Аронсъ.—Что-нибудь непремѣнно будетъ.

— Тридцать лѣтъ мы сидѣли сиднемъ у моря и ждали погоды,—продолжалъ Матовъ,—теперь погода пришла. Мы плывемъ.

— Плывемъ,—сказалъ Аронсъ—но не знаемъ куда.

— Куда-нибудь выплывемъ,—весело сказалъ Матовъ,—какъ въ пѣснѣ поется:

Смѣло братья. Вѣтромъ полный,
Парусъ мой направилъ я.

Дачники развеселились. На столѣ появились бутылки, одна съ столовымъ виномъ, другая съ густой коричневой наливкой мѣстнаго производства.

— Старики, давайте: запоемъ,—предложилъ Завьяловъ.— Это самое, „Море“.

— Запоемъ,—согласился Матовъ.

Но туда выносятъ волны
Только смѣлаго душой...

Слова пѣсни были гордыя, вызывающія, но вмѣстѣ съ весельемъ у всѣхъ было совсѣмъ другое чувство: будто море бушуетъ и ночь стоитъ надъ моремъ и берега не видно,—и они плывутъ въ лодкѣ, среди валовъ, окруженные пѣною, но не знаютъ куда...

Матовъ вернулся домой поздно ночью. Они шли вмѣстѣ съ Завьяловымъ и говорили о Клюевѣ.

— Отчего онъ такой?—спросилъ Матовъ и не зналъ, какъ формулировать дальше свою мысль.

Завьяловъ усмѣхнулся:—Онъ вольнаго барана во снѣ увидѣлъ.

— Какого вольнаго барана?

— А помните у Щедрина: домашній баранъ вольнаго барана во снѣ увидѣлъ и затосковалъ. Мѣста не могъ найти, умеръ съ тоски. Вотъ это самое. Одно у Щедрина неправильно. Мирный баранъ былъ, мирный и остался до самой смерти. А на дѣлѣ выходитъ, что послѣ такого сна у барана бываетъ тоска свирѣпая и красное въ глазахъ.—И всѣ мы такіе же бараны,—прибавилъ онъ,—бараны, бя!.. Тоска свирѣпая.

Онъ выпилъ у Клюева и на вольномъ воздухѣ его разобрало.

На перекресткѣ они разстались и Матовъ дошелъ до своей квартиры. Вещи были разложены. Сережа спалъ. Но Екатерина Сергѣевна сидѣла съ заspanными глазами и раскладывала пасьянсъ. Карты были старыя, обитыя по концамъ и совсѣмъ черныя отъ употребленія.

— Ты не спишь?—спросилъ Матовъ съ бѣглымъ неудовольствіемъ, проходя въ свой кабинетъ.

— Не сплю,—вяло сказала Екатерина Сергѣевна и переложила короля.

— Меня караулишь,—сказалъ Матовъ саркастически, снимая сюртукъ.

— Я не караулю,—сказала Екатерина Сергѣевна—у меня денегъ не хватило.

— Какъ,—воскликнулъ Андрей Петровичъ.—Я далъ тебѣ пятьдесятъ рублей.

— Я всѣ истратила,—сказала жена—и еще не хватило.

— Куда вы, бабы, деньги тратите?—раздраженно заговорилъ Матовъ.—Все вамъ мало. Какъ въ яму бросаете.

Екатерина Сергѣевна молчала и перекладывала карты.

— Изъ-за васъ нельзя думать ни о чемъ благородномъ,—крикливо сказалъ Матовъ.

— Я не виновата,—тупо сказала жена.

— И я не виновата...

— Проклятая дверь!—Онъ тянулъ дверь кабинета къ себѣ, но она не поддавалась.

— Хоть пять рублей дай!—поспѣшно сказала жена. Матовъ сердито вытащилъ кошелекъ и вытрясъ содержимое его на столъ.

— На, обирай!

— Завтра попытаюсь у Клюева занять,—думалъ онъ, укладываясь на дачномъ диванѣ и стараясь подобрать ноги, которыя все перелѣзали черезъ боковыя перильца.—Ну, жизнь...

И передъ тѣмъ, какъ заснуть, онъ думалъ о томъ, что, въ концѣ концовъ, онъ существуетъ для этихъ женщинъ,

для Ступы съ нянькой, и для Анисьи съ мороженникомъ, и для этой сырой дамы съ распущенными волосами. Онѣ собрались вокругъ него и живутъ отъ него и у него никогда не хватаетъ денегъ на ихъ потребу.

— Ну, жизнь,—повторилъ онъ и ему стало жаль самого себя до крайности, почти до слезъ.

— Уйти бы куда,—подумалъ онъ,—да развѣ онѣ отпустить.

На этой мысли онъ заснулъ. Ему снилось море. На морѣ была буря, но они отплывали въ лодкѣ, онъ и Ключевъ и другіе мужчины дачники. Дамы стояли на берегу съ прислугой и дѣтьми. Онѣ что-то кричали. Но шумъ прибоя заглушалъ ихъ голоса. Екатерина Сергѣевна стояла впереди и кричала громче всѣхъ. И прислушавшись, онъ разобралъ: „Дай мнѣ денегъ, дай мнѣ хоть пять рублей“!

V.

Въ домѣ Ключева на чердакѣ было три свѣтелки. Въ нихъ спали старшія дѣти, два гимназиста вмѣстѣ и Петя съ учителемъ, тоже вмѣстѣ. Мися помѣщалась одна, въ маленькой комнаткѣ, окно которой выходило на востокъ.

Солнце только что взошло, другія дѣти еще спали. Мися вскочила съ постели, сунула ноги въ туфли, потомъ накинула старую шубку, которая служила ей вмѣсто халата. Ночью въ свѣтелкѣ было очень холодно, но теперь быстро теплѣло. Вся комната была залита радостнымъ, румянымъ свѣтомъ. Мися встала противъ окна и принялась смотрѣть на солнце. Глаза ея слезились. Солнце стало большое, красное, какъ огонь. Оно разстлалось на пол-неба. Потомъ все небо стало, какъ одинъ сплошной, пылающій костеръ. Мися отвела глаза, но вся голова ея была полна свѣтомъ, передъ глазами бѣгали красные круги и даже въ ухахъ звенѣло яркое, малиновое, трепещущее пламя. Мисѣ казалось, что солнце, это—море и она купается въ немъ, таетъ и не тонетъ, горитъ и не сгораетъ.

Стоя въ солнечныхъ лучахъ, Мися стала молиться яркому свѣтилу. Раньше въ дѣтствѣ она постоянно молилась простыми наивными словами.

— Боже, помилуй папу и маму; Боже, помилуй Мисю и Васю и брата Матюшу.

Мися добросовѣстно пересчитывала всѣхъ и никого не пропускала. Теперь Мися молилась не словами и даже не мыслями, она молилась ощущеніями, смутными, яркими и трепетными. Какъ будто душа ея была озеро и солнечные

лучи играли въ этомъ озерѣ всплшками отвѣтнаго отраженія.

Она стояла передъ окномъ, какъ птица, готовая взлетѣть, и все тѣло ея тянулось къ свѣту. Ея распущенныя косы пылали золотомъ и шубка распахнулась и полуобнаженныя плечи согрѣлись и порозовѣли. Слезы, которыя стояли въ ея глазахъ, были въ одно и тоже время слезы физическаго ослѣпленія и душевнаго восторга передъ нестерпимымъ блескомъ побѣдоноснаго свѣтила...

Матовъ проснулся въ десять часовъ утра и тотчасъ же схватился за газеты. Эта тоже была новая привычка послѣдняго времени. Прежде онъ, бывало, не читалъ газетъ по цѣлымъ недѣлямъ. Да и читать было нечего. Теперь онъ не могъ жить безъ газетъ, какъ пьяница безъ водки. И, когда газеты запаздывали, онъ нервничалъ и не могъ пить чаю. И каждый разъ, когда онъ разворачивалъ листъ, ему казалось, что сейчасъ онъ вычитаетъ что-то совсѣмъ новое, поразительное,—что совершенно измѣнить теченіе исторіи и собственную жизнь его, Матова.

Въ то время волна экспроприаций только начиналась. Но во всѣхъ концахъ Россіи происходили убійства, частью политическія, частью загадочно-двусмысленныя, или просто безсмысленныя. Были казни, были погромы. Изъ Балтійскаго края ежедневно сообщали о плѣнникахъ, разстрѣлянныхъ по дорогѣ, „при попыткѣ къ бѣгству“.

Матовъ прочелъ длинный итогъ всевозможнаго кровопролитія и ощутилъ знакомое возбужденіе, тоскливое и захватывающее. Душа его какъ будто окунулась въ кровавую ванну. Онъ выглянулъ изъ окна, было свѣтло и тихо, птицы чирикали. День обѣщалъ быть ясный и теплый, теплѣе вчерашняго.

— Куда идти?—подумалъ онъ уныло.—Какъ здѣсь безлюдно!

— Развѣ махнуть въ Петербургъ?

Но день былъ воскресный. Матову казалось, что въ Петербургѣ онъ не найдетъ никого. Ибо всѣ разбрелись по такимъ же тихимъ дачнымъ закоулкамъ.

Онъ больше не могъ оставаться въ комнатѣ. Онъ наскоро допилъ свой чай, теплый, сладкій и липкій, какъ подслащенное лекарство, и выбѣжалъ на улицу.

Въ Калакаландѣ была только одна дорога для прогулокъ. Черезъ четверть часа онъ опять былъ внизу, на морскомъ берегу. Море было тихо, какъ будто совсѣмъ заснуло. Лишь далеко впереди двѣ черныя точки медленно двигались одна вслѣдъ за другой. Это были финскія лодки. Онъ ѣхали черезъ заливъ на праздникъ въ Куэнсу.

Клюевъ тоже былъ на берегу. Онъ сидѣлъ на плоскомъ камнѣ и держалъ въ рукахъ такой же газетный листъ. Сидѣлъ онъ странно, на самомъ краешкѣ камня и больше на корточкахъ, какъ тушканчикъ, или кузнечикъ, готовый вспрыгнуть.

— Когда же это кончится?

Матовъ подошелъ и безъ дальнихъ объясненій ткнулъ рукою въ газетный листъ. Онъ забылъ даже поздороваться. Впрочемъ, у него было такое ощущеніе, что въ Калакаландѣ здороваться не нужно. Они жили, какъ въ смежныхъ номерахъ одной и той же гостиницы. И послѣ вчерашняго вечера Матову казалось, какъ будто они еще не успѣли разстаться.

Клюевъ покачалъ головой.

— Смертоубійство? Никогда не кончится.

— Вотъ посмотрите!

Рядомъ на пескѣ сидѣла ворона и клевала рыбу. Рыба была свѣтлая, свѣжая, очевидно только что изловленная. Ворона, должно быть, украла ее у рыбаковъ изъ послѣдняго улова. Или рыба ушла изъ невода и потомъ прибилась къ берегу. Подъ сильными ударами чернаго клюва во всѣ стороны летѣла серебряная чешуя.

— Какъ людямъ не убивать?—сказалъ Клюевъ.—Птицы и звѣри, и вся тварь убиваетъ другъ друга и тѣмъ питается.

— То люди, а то звѣри,—возразилъ Матовъ.

— Природа вообще,—сказалъ Клюевъ.—Говорятъ: правительство казнить. А кто даетъ правительству примѣръ? Вся природа и самъ Богъ. Природа почище казнить, да ничего не подѣлаешь.

Онъ говорилъ печально и спокойно и время отъ времени заглядывалъ въ газетный листъ, какъ будто это была хартія природы и онъ вычитывалъ оттуда ея жестокіе приговоры.

— Пойдемте куда-нибудь,—взмолился Матовъ.

Они шли рядомъ и молчали. Душа Матова была обмыта волной жестокости соціальной и билась въ ней, не находя исхода. Клюевъ пытался уйти дальше и глубже. Онъ думалъ объ основахъ жизни, о ширинѣ мірозданія. Вездѣ была жестокость, кровь, пышная роскошь, безумная щедрость убійства.

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ въ сотый разъ съ тѣмъ же унылымъ удивленіемъ.

Онъ посмотрѣлъ кругомъ, потомъ вверхъ, какъ будто отыскивая отвѣтъ. Но вверху не было отвѣта. Было яркое солнце, теплое, круглое, которое поднималось къ зениту въ блѣдной сѣверной синевѣ. Но Клюеву показалось, что это

солнце грозное, жгучее, убійственное, Молохъ, который убиваетъ дѣтей и пьетъ свѣжую кровь.

VI.

Мися и студентъ гуляли вдоль берега, взадъ и впередъ. Студентъ горячо говорилъ и размахивалъ руками, а Мися слушала.

— Они думаютъ: они умники,—говорилъ студентъ.

— А развѣ нѣтъ?—спросила простодушно Мися.

— А вы слышали, какъ они разговариваютъ, — сказалъ студентъ.— Ходятъ вокругъ да около, какъ ворона кругомъ забора

Медленнымъ шагомъ,
Робкимъ зигзагомъ.

Мися улыбнулась.

— Не смѣйтесь, — быстро сказалъ студентъ. — О, какъ я ихъ ненавижу.

— Я не смѣюсь, — оправдывалась Мися. — Я только не знаю, какъ нужно ходить.

— Самая короткая дорога—прямая, — сказалъ студентъ, и тряхнулъ волосами.

— Хочешь достигнуть цѣли, иди и достигни.

— Какой вы счастливецъ, Володя, — сказала Мися завистливо.

— Чѣмъ же счастливецъ? — возразилъ студентъ, однако улыбнулся. Ему стало весело отъ этой наивной полубезсознательной лести.

— Какъ-же, — сказала Мися—люди живутъ и достигаютъ. И вы вмѣстѣ. А я одна и въ сторонѣ.

— Ого, — сказалъ студентъ. — Люди не только живутъ, люди умираютъ.

— Я смерти не боюсь,—сказала Мися.

— Бойся, не бойся,—сказалъ студентъ—а все равно помереть надо.

— Теперъ вы смѣтаете надо мной,—воскликнула Мися.— Нѣтъ, я не могу. Владиміръ Александровичъ, ради Бога, научите, что мнѣ дѣлать.

Она подняла лицо вверхъ и даже руки сложила. Издали казалось, какъ будто она молится этому долговязому бѣлокурому студенту.

Студентъ молчалъ.

— Я все отдамъ,—сказала Мися.—Возьмите меня, испытайте меня.

— Отдать легко,—сказаль студентъ.—Взять самому у другого, это трудно.

— Что взять,—наивно спросила Мися.

— Что будетъ нужно,—отрывисто сказалъ студентъ.— Деньги, такъ деньги, жизнь, такъ жизнь.

Мися задумалась.—Зачѣмъ брать чужую жизнь?—сказала она.—Жизнь—дорогая вещь.

Студентъ пожалъ плечами.— Они берутъ, мы тоже беремъ.

— Пусть такъ,—сказала Мися рѣшительно.—Я иду вмѣстѣ съ вами. Укажите, что я должна дѣлать.

— Я укажу,—сказаль студентъ увѣренно.—А вы будете слушаться?—прибавиль онъ совсѣмъ другимъ, легкомысленнымъ тономъ.

— Буду, общаю!

— А клятву примете?

— Клянусь!

— Хорошо! — сказалъ студентъ.— Ну, дайте руку, товарищъ Мися!

Они ваялись за руки и встали рядомъ на берегу моря, оба молодые, незрѣлые, похожіе на осеннихъ птенцовъ, которые собираются пробовать свои жидкія крылья. Говорили о страшныхъ вещахъ и обѣщали бросить судьбѣ такой вызовъ, какого еще не бывало. А судьба молча слупала и стожила...

Черезъ два дня студентъ уѣхаль въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ Мисѣ, что надо готовиться. Было условлено, что онъ напишетъ ей изъ Петербурга.

На другой день утромъ Мися сложила немного бѣлья въ ручной сакъ и стала ждать письма. Она сидѣла въ свѣтелкѣ у окна и все прислушивалась, не идетъ ли почтальонъ. Что ей предстоитъ, она не знала, только догадывалась, что предстоитъ что-то страшное и полное гибели. Но ей не было страшно. Душа ея свернулась, какъ стальная пружина и ожидала чужого нажима, чтобы развернуться и ударить. Пружина была твердая и слѣпая. И она не думала о томъ, куда ударить. И еще меньше опасалась сломиться при ударѣ. Въ сущности говоря, эта тихая маленькая дѣвушка уже ушла изъ жизни и была по другую сторону Рубикона.

Письмо пришло на другой день къ вечеру. Оно все состояло изъ одной строки: „Большая Томилина улица, 11. 23. Сегодня въ шесть часовъ вечера“. Мися тотчасъ же сказала матери, что ѣдетъ въ Петербургъ къ подругѣ, взяла сакъ и пошла къ станціи. Черезъ три часа она была въ квартирѣ 23-ей, въ домѣ номеръ 11 по Томилиной улицѣ. Въ квартирѣ жили дѣвушка и два молодыхъ человѣка. Владиміръ

Александровичъ былъ здѣсь. Онъ познакомилъ Мисю съ другими жильцами квартиры и тотчасъ же ушелъ, пообѣщавъ придти завтра вечеромъ.

Мисѣ отвели комнату въ одно окно, которое упиралось въ противоположную стѣну. Другіе жильцы занимали три комнаты, которыя имѣли особый выходъ. Квартира, повидимому, была конспиративная лабораторія. Хозяева занимались опытами, возились съ кислотами. У нихъ были пятна на платьѣ. У одного на пальцѣ была свѣжая ранка, залитая коллодіемъ.

Мися, впрочемъ, мало интересовалась хозяевами и почти все время провела въ своей комнатѣ. Она была совершенно спокойна и даже любопытство ея было мало задѣто.

— Что это будетъ? — спрашивала она себя и отъ нечего дѣлать рисовала себѣ картину за картиной:

Вотъ она пришла на приѣмъ въ официальное мѣсто. Вышелъ молодой адъютантъ въ мундирѣ, со звономъ шпоръ.— „Мнѣ нужно видѣть его в.п.—ство.“—Передъ ней сѣдой старикъ съ обрюзглымъ лицомъ и густыми бѣлыми бакенбардами. Она въ черномъ шелковомъ платьѣ. Въ рукѣ у нея письмо на толстой атласистой бумагѣ. Въ карманѣ револьверъ...

— Или, быть можетъ, это будетъ иначе, — говорила она себѣ, — и ей представлялась другая картина. Карета несется, спереди драбанты, сзади велосипедисты. Она стоитъ на тротуарѣ и ждетъ минуты. Трахъ! Лошади бьются на землѣ съ переломанными ногами, кучеръ отлетѣлъ въ сторону. Передъ каретой красная лужа и какія-то сѣрыя лохмотья. Она тоже лежитъ на землѣ. Въ груди у нея желѣзный осколокъ и платье въ крови. „Ваше имя?“ — злое лицо наклоняется надъ ней и задаетъ вопросъ. „Я не хочу отвѣчать на ваши вопросы!“ — „Мы заставимъ васъ отвѣчать“ — угрожаетъ противникъ.

Она рано легла спать и поздно встала. Владиміръ Александровичъ не пришелъ въ назначенное время, но Мися не безпокоилась. Въ полночь пришли другіе, цѣлая эскадра. У нихъ звенѣли шпоры и въ рукахъ были свѣтлые револьверы съ взведенными курками. Жильцы квартиры заперлись и открыли перестрѣлку. Осада длилась часа четыре и ночью пришельцамъ пришлось выломать трое дверей. Мужчины однако успѣли уйти по крышамъ. Но женщина не ушла. Ее убила шальная пуля, отскочивъ рикошетомъ отъ стѣны.

Какъ только раздались первые выстрѣлы, Мися поспѣшно одѣлась, но изъ комнаты не выходила. Когда полиція вошла, она сидѣла на кровати и ждала, прислушиваясь. Ее обыскали,

но ничего не нашли. Хотѣли связать ей руки, но она показала имъ черезчуръ маленькой и жалкой. Потомъ ее посадили въ карету и повезли въ крѣпость.

VII.

Лошади мчались. Карета колыхалась на рессорахъ. Огня кареты были завѣшаны чернымъ. Мися прижалась въ лѣвомъ углу. Въ каретѣ было тѣсно, и она инстинктивно старалась сдѣлаться еще тоньше и миниатюрнѣе. Рядомъ съ ней сидѣлъ офицеръ, высокій, статный, туго затянутый въ мундиръ. Лицо у него было молодое, красивое, надменное и длинные усы съ крѣпкими концами. Онъ держался бдительно и неспокойно. Одинъ разъ, когда онъ нагнулся въ сторону Миси, кончикъ его лѣваго уса чуть задѣлъ Мисю по щекѣ.

На противоположной скамейкѣ сидѣли два жандарма. Оба были огромные, безстрастные, въ плотно пригнутой одеждѣ. У обоихъ были большія руки съ длинными, крѣпкими, слегка разставленными пальцами. Всѣ четыре руки лежали на колѣняхъ. Эти руки пугали Мисю и она закрывала глаза, чтобы ихъ не видѣть.

Ворота съ грохотомъ раскрылись, потомъ закрылись.

— Прошу,—сказалъ офицеръ.

Мися вышла изъ кареты и сдѣлала шагъ впередъ.

— Позвольте,—сказалъ офицеръ и тронулъ Мисю за плечо. Мися вздрогнула и отодвинулась. Одинъ жандармъ очутился спереди, другой сзади.

— Разъ два, разъ два!

Мися пошла въ одной линіи съ своей стражей, и невольно старалась попадать имъ въ ногу своими легкими ножками.

Мелькнули широкія сѣни, лавки у стѣнъ, солдаты съ ружьями. Потомъ Мисю ввели въ контору. Начался обыскъ. Мися подчинялась пассивно и безпрекословно. Она была въ ихъ проворныхъ рукахъ, какъ вещь, какъ разслабленная, какъ жертва гипноза.

— Переодѣньтесь!

Мися переодѣлась.

— Теперь пожалуйста!

Мися пошла за „присяжнымъ“, стуча съ непривычки слишкомъ широкими котами. Стражъ обернулся и поморщился. У него было суровое лицо, окладистая черная борода и ноги его были обуты въ мягкія валенки.

— Пожалуйста сюда!

Дверь распахнулась. Мися вошла въ камеру и дверь опять запахнулась. Звякнулъ одинъ замокъ, потомъ другой. Камера была большая, со сводчатымъ потолкомъ. Стѣны были окрашены масляной краской. Съ лѣвой стороны была койка и желѣзный столикъ. Ярко сверкалъ вдѣланный въ самую стѣну толстый стеклянный глазъ фонаря съ электрической лампой.

Въ задней стѣнѣ подъ самымъ потолкомъ чернѣло окно, все въ частыхъ квадратахъ мелкаго свинцоваго переплета. Мися подошла и протянула руку, но рука ея не достала даже до подоконника. Она поправила полы халата, повернула назадъ и прошла по камерѣ наискось изъ угла въ уголь. Ноги ея попали въ тропинку, выбитую въ асфальтовомъ полу ногами другихъ, прежнихъ плѣнниковъ. Она опять повернулась, прошла по тропинкѣ до задняго угла и больше не сбивалась съ нея.

Въ камерѣ было тихо. Лампа сіяла. На каждомъ шагу туфли шаркали объ полъ, и полы халата заходили другъ за друга и хлопали, какъ будто хватая Мисю за ноги. Мисѣ казалось, что она слышитъ, какъ бьется ея сердце и какъ кровь стучитъ и переливается въ вискахъ.

— Могила,—подумала Мися и неожиданно вздрогнула. За окномъ раздались звуки, протяжные, жалобные, какъ будто кто ударялъ по мѣднымъ струнамъ легкими шершавыми молоточками. Та ти, та ти, та!..

— Что это?—подумала Мися.—Ахъ да, это куранты. Они одни не молчатъ въ этой безмолвной крѣпости.

Куранты заиграли и смолкли. Мися пошла по асфальтовой тропинкѣ изъ угла въ уголь. Разъ два, разъ два. Она не сбивалась и не сворачивала и ходила съ неуклонной правильностью, какъ механическая кукла съ заведенною пружиной. Когда она шла отъ окна, она видѣла дверь, черную, высокую, тяжелую, окованную желѣзомъ. Когда она шла отъ двери, она видѣла бѣлую стѣну и въ самомъ верху широкое, приплюснутое окно съ мелкими пыльными стеклами.

Она ни о чемъ не думала, ходила, ходила. Ноги ея становились тяжелѣе, спина окостенѣла. Въ камерѣ никого не было. Она даже не сознавала, есть ли она сама или ея уже нѣтъ и она потонула въ этой тупой безсознательной тишинѣ.

Кликъ!

Легкій щелкающій звукъ раздался за ея спиной. Мися снова вздрогнула, какъ будто кто ее укололъ сзади и быстро обернулась. Задвижка поднялась, сверкнула стеклянная пластинка дверного „глазка“, въ пластинкѣ мелькнулъ челов

ческій глазъ, черный, круглый, подстерегающій. Потомъ задвижка опустилась и кто-то отошелъ отъ двери тихо, почти воздушно, какъ кошка или ночная птица.

Кто это? Мися вспомнила стражей, но не могла связать ихъ грузныя фигуры съ этимъ таинственнымъ взглядомъ и легкими движеніями. У ней осталось такое чувство, какъ будто въ глазокъ заглянулъ кто-то съ того свѣта, безплотный, опасный и таинственный.

Она описала кругъ по камерѣ и встала у задней стѣны, лицомъ къ глазку. Глазокъ не поднимался. Все было тихо. Только куранты проиграли свой призывъ, разъ, другой, третій, четвертый.

— Коль славенъ!—зазвенѣли колокольчики гдѣ-то далеко, на неизмѣримой высотѣ. И Мисѣ показалось, что они тоже звучатъ оттуда, съ того свѣта.

Не можетъ вымолвить языка!..

Знакомая мелодія плыла въ воздухѣ, но куранты пѣли безъ словъ и сами собой подставлялись инныя новыя слова.

— Господь великъ,—пѣли куранты.

— Навѣкъ, навѣкъ!—раздавалось въ ушахъ Миси.

Куранты умолкли. Мися прислушалась, стараясь уловить послѣдніе звуки мелодіи, потомъ остановилась и посмотрѣла кругомъ.

— Что случилось?—подумала она съ тупымъ удивленіемъ и тотчасъ же въ ея умѣ всплыло, какъ странное эхо.

— Ваше имя?

— Эмилія Ключева.

— Признаете ли вы себя виновной?

И угрюмый отвѣтъ: „Я не хочу отвѣчать на ваши вопросы“.

Было это или не было? Въ ея умѣ всплыла другая картина, дикая и смутная, какъ сонъ:—Приемная. Молодой адъютантъ со звономъ шпоръ. — „Мнѣ нужно видѣть его в п.-ство“. Сѣдой старикъ съ обрюзглымъ лицомъ и густыми бѣлыми бакенбардами. Она въ черномъ шелковомъ платьѣ. Въ ея рукѣ письмо, на толстой атласистой бумагѣ. Въ карманѣ револьверъ...

Было это, или не было, должно было быть, но еще не было?

Мися посмотрѣла и увидѣла черную дверь, окованную желѣзомъ.

— Папочка,—подумала она.—Больше никогда не увижу.

Что-то загорѣлось въ ея груди и губы сморщились, какъ передъ плачемъ. Но слезъ не было. Въ горлѣ было сухо,

голова пылала, въ ухахъ звенѣло и кровь билась въ вискахъ.

Она прислонилась къ стѣнѣ, стараясь освѣжить свою пылающую голову.

Тукъ, тукъ, тукъ!—донесся слабый стукъ, какъ будто мышь скреблась или капли водяныя падали изъ-подъ крана.

Мися прислушалась. Разъ, два, пять, семь. Какъ будто дятель стучить о далекое дерево, слабо и однозвучно, и не хочетъ перестать.

Мися стала считать удары. Дятель простучалъ десять разъ и остановился. Мися переждала секунду и машинально стукнула въ стѣну.

Тукъ, тукъ, тукъ.—Опять началъ дятель. Мися насчитала восемнадцать разъ до новой остановки, потомъ четырнадцать. Она считала спокойно и машинально и потому не сбивалась.

— 10, 18, 14.—Что это такое?—спросила она мысленно и тотчасъ же отвѣтила.

— Это азбука. Тамъ, должно быть, человѣкъ сидитъ.

— Что такое десять?—подумала она снова и стала считать. *a*—1; *b*—2; *c*—3. Десять—*x*; восемнадцать—*m*; четырнадцать—*o*; *x*—*m*—*o*; кто?

Дятель стучалъ дальше, простучалъ три раза, потомъ двадцать шесть разъ.

— Кто вы?—сообразила Мися.

Она стала отвѣчать, медленно, съ большими промежутками, высчитывая букву за буквой:—Клюева.

— Дѣло?—стучалъ дятель.

И вдругъ Мися показалось, что этотъ стукъ, какъ взглядъ стража и звонъ курантовъ, тоже приходитъ оттуда, снаружи, съ того свѣта.

— Какое имъ дѣло?—подумала она сердито и отошла отъ стѣны.

Дятель еще постучалъ. Потомъ неожиданно глазокъ поднялся и опустился обратно.

— Такъ и есть,—подумала Мися—не нужно отвѣчать.

Въ сосѣдней камерѣ брякнулъ замокъ и дверь за скрипѣла. Тамъ, быть можетъ, говорили, но изъ-за толстыхъ стѣнъ не было слышно ни звука.

Дятель пересталъ стучать и угомонился.

— Спать лягу,—подумала Мися, подошла къ кровати и подняла одеяло. Но какъ только она легла и закрыла глаза, ей стало страшно и въ мозгу острымъ блескомъ зажглась бдительность.

— Еще придутъ во снѣ,—подумала она.

Она вспомнила лица присяжныхъ, широкія плечи, бороды, взгляды, упорное молчаніе.

— Нельзя спать!

Она проворно встала съ постели, сняла съ фонаря колпачокъ, уменьшавшій свѣтъ, и опять пошла въ знакомое путешествіе: дверь-окно, окно-дверь, — какъ маятникъ. Дятель стучалъ, но она не слушала. Куранты били четверти и каждая четверть тянулась долго, тоскливо, и время какъ будто разбилось на части, отгороженные звуками, и отъ этихъ вѣчныхъ перегородокъ стало, какъ безконечная лѣстница съ мелкими однообразными ступеньками.

VIII.

Два дня прошло. Мися ничего не ѣла и почти не спала. Всю ночь въ камерѣ былъ свѣтъ. Иногда послѣ полночи Мися садилась къ столу, опустивъ голову на руки и забывалась чуткой дремотой минутъ на пять, на десять. Потомъ куранты били и будили ее, она вставала и уходила на привычную тропинку.

Было это, или не было?—думала она. Ей представлялась новая смутная картина: карета несется, спереди драбанты, сзади велосипедисты. Она стоитъ на тротуарѣ и ждетъ минуты.

— Трахъ! Лошади бьются на землѣ съ переломанными ногами. Кучеръ отлетѣлъ; передъ каретой красная лужа и какія-то сѣрыя лохмотья. Она тоже лежитъ на землѣ. Въ груди у нея желѣзный осколокъ и платье въ крови.

— Ваше имя?—Злое лицо нагибается надъ ней и задаетъ вопросъ.

— Я не хочу отвѣчать на ваши вопросы.

— Мы заставимъ васъ отвѣчать, — угрожаетъ противникъ...

Дятель стучалъ утромъ и вечеромъ, но Мися не откликнулась. Дверной глазокъ щелкалъ за ея спиной. Она вздрагивала, оборачивалась, ловила наблюдающій глазъ. Потомъ задвижка падала. Мися пятилась къ стѣнѣ и долго смотрѣла широкими глазами на крѣпкую, черную дверь.

Но къ вечеру третьяго дня, когда она обернулась на стукъ задвижки, ей тотчасъ же показалось, что за ея спиной, въ стѣнѣ подъ окномъ, тоже мельнула какая-то проворная тѣнь.

Она обернулась назадъ и ничего не увидѣла. Затворъ упалъ за ея спиной. Она обернулась къ двери, потомъ снова къ окну. Тѣнь перебѣжала по стѣнѣ, спряталась въ углу и потонула, какъ будто притаилась, выжидая.

— Идутъ,—подумала Мися.—Съ двухъ сторонъ.

Сердце ея трепетало. Потъ выступилъ на вискахъ. Она
Январь. Отдѣлъ. I.

долго стояла и ждала, потомъ пошла и стала дѣлать оборотъ за оборотомъ, неестественно выгибая шею и стараясь одновременно видѣть, что дѣлается сзади и что спереди.

Часа черезъ два глазокъ опять поднялся и Мися обернулась къ двери. На задней стѣнѣ тотчасъ же встала та же тѣнь и выросла до потолка, и свѣсилась надъ головой Мисы, какъ черная паутина.

— Идутъ,—думала Мися и вся холодѣла отъ страха.

Скоро въ обоихъ углахъ у задней стѣны оказались разные тѣни. Онѣ перебѣгали за ея спиной, справа налѣво, слѣва направо, скрещивались, насмѣшливо подмигивали и прятались въ углахъ, молча и неотвязно наблюдая.

Когда глазокъ поднялся въ третій разъ и Мися обернулась къ дверямъ, обѣ тѣни скользнули вдоль боковыхъ стѣнъ прямо къ ней. Мися вскрикнула и обернулась къ окну. Тѣни скользнули въ углы, но не спрятались. Онѣ вышли на ярко освѣщенную средину задней стѣны, потомъ отдѣлились отъ нея и мелькнули въ воздухѣ.

Это были двѣ человѣкообразныя фигуры. Онѣ постояли минуту, какъ будто въ нерѣшимости, потомъ ушли на полу передъ глазами Мисы.

Обѣ фигуры были черныя, мохнатая; лица у нихъ были черныя, голыя. На головѣ поднимались бугры низкихъ роговъ. Глаза свѣтились страннымъ, слѣпымъ свѣтомъ, какъ у филина днемъ. Онѣ ушли рядомъ, поджавъ ноги и подвернувъ хвосты. Руки у нихъ были большія, цѣпкія, съ длинными, крѣпкими, слегка разставленными пальцами. Всѣ четыре руки лежали на колѣняхъ.

Мися молча стояла передъ ними, опутивъ руки, какъ подсудимая. Она и была подсудимая.

— Подсудимая, ваше имя?—спросилъ лѣвый.

— Эмилія Клюева.

— Признаете ли вы себя виновной?—спросилъ правый.

— Признаю,—глухо отозвалась она.

— Въ чемъ состоитъ ваша вина?—спросилъ лѣвый.

— Убийство.

— Подсудимая Клюева,—спросилъ правый.—Какое наказаніе за убійство.

И Мися немного помолчала и сказала тихо: Смерть!

— Такъ, такъ, такъ,—призраки радостно закивали головами.—Помни, помни, помни.

Что-то скрипнуло въ дверяхъ, тѣни взметнулись и спрятались въ своихъ углахъ. Мися тоже кивнула головой, повернулась и пошла по обычной дорогѣ.

Дверь со звономъ открылась, жандармъ и „присяжный“ вошли въ камеру. Но Мися не видѣла ни мундировъ, ни человѣческихъ лицъ.

Въ безумномъ ужасѣ она затопала ногами: „Уйдите, уйдите, не трогайте“.

Стражи посмотрѣли съ минутнымъ недоумѣніемъ, взяли посуду со стола и вышли вонъ.

— Оставьте меня,—неистово кричала Мися.—Я сама, сама.

Дверь захлопнулась. Въ камерѣ стало тихо. Мися стояла, дрожа, и прислушивалась къ неуловимому шелесту войлочныхъ шаговъ. Потомъ какъ будто ее кто позвалъ. Она обернулась. Черные уже сидѣли на полу, поджавъ ноги. Лѣвый кивнулъ головой. Въ его глазахъ свѣтилась насмѣшка.

— Ваше имя?

— Эмилія Ключева.

— Признаете ли вы себя виновной?

— Признаю, все признаю!

— Въ чемъ ваша вина?

— Убійство!

— Какое наказаніе за убійство?

— Смерть!—сказала Мися твердо и громко.

Второй призракъ кивнулъ головой и сталъ подниматься на ноги. Глаза у него стали глубокіе, мрачные. Лицо обросло широкой черной бородой. Рукава засучились. На ногахъ были мягкія валенки.

— Не трогайте,—крикнула Мися.—Я сама, сама.

— Такъ, такъ,—закивали призраки.—Помни, помни.

Мися стояла и ждала, но они не уходили. Они тоже ждали и сторожили развязку.

— Хочешь попа?—шепнулъ правый чуть слышно изъ подъ своихъ косматыхъ усовъ.

Мися молчала.

— Ну, крестъ хочешь?

Мися кивнула головой.—Хочу. Проститься...

— Такъ, такъ!—подтвердили призраки.

Черное окно задернулось свѣтлымъ туманомъ. Въ туманѣ проступило древо, высокое, прямое, съ двумя распростертыми вѣтвями. Оно висѣло въ пространствѣ. Надъ нимъ было сіяніе, подъ нимъ бездна. Къ древу прильнулъ нагой человѣкъ. Онъ не былъ прибитъ гвоздями или привязанъ веревками. Собственной силой вмѣстѣ съ дровомъ онъ держался въ воздухѣ.

Мися посмотрѣла на лицо человѣка и узнала его. У него были дѣтскіе глаза и бѣлокурые волосы.

— Ты, Володя?

Призракъ кивнулъ головой.

— Прощай, Володя!

Призракъ слабо улынулся и пошевелилъ губами, и Мися прислушалась, но не могла уловить никакого звука.

Туманъ сталъ струиться. Крестъ поплылъ и черное окно опять проступило наружу.

— Пора, пора!—шептали черные призраки.

Мися поглядѣла кругомъ себя. Въ камерѣ не было ни полотенца, ни обрывка веревки.

— Чѣмъ же?—спросила она.

— Найдешь,—шепнулъ правый.

— Хорошо!—Мися кивнула головой. Потомъ обвела глазами стѣны, отыскивая гвоздь, но и гвоздя не было. Наконецъ она замѣтила, что форточка окна открыта и выдается надъ стѣной, какъ чья-то квадратная ладонь.

— Хорошо!—сказала она вслухъ. Отошла къ кровати, сѣла, сняла бумазейную юбку и быстро отодрала зубами двѣ длинныя бѣлыя полосы, потомъ еще двѣ. Она связала ихъ вмѣстѣ, скрутила жгутомъ, сдѣлала петлю на одномъ концѣ. Бросила взглядъ на дверь и убѣдилась, что никто не смотритъ въ глазокъ. Потомъ подбѣжала къ окну и быстро взмахнула жгутомъ. Жгутъ залетѣлъ, скользнулъ на форточку и попалъ въ створку между форточкой и рамой. Мися потянула внизъ и убѣдилась, что онъ застрялъ крѣпко. Сбросила обувь и чулки.

Держась руками за веревку и упираясь босыми ногами въ стѣну, Мися стала подниматься вверхъ къ окну. Пальцы ея ногъ сами собой переступали по стѣнѣ. Ей казалось, какъ будто снизу кто-то подсаживалъ ее большими крѣпкими руками.

Черезъ минуту она уже была вверху. Опираясь одной рукой на форточку, другой на закраину окна, она повисла въ воздухѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно въ свѣтломъ туманѣ повисло древо и на древѣ нагой человѣкъ. Какъ будто ее поддерживала та же чудодѣйственная сила.

Петля уже была на ея шеѣ.

И въ эту минуту куранты заиграли свой унылый призывъ. Первый, второй, третій, четвертый. Мися ждала, слушая эти звуки, и словно парила въ воздухѣ, легкая, босая, въ одной рубахѣ.

Часы на башнѣ стали бить. Разъ, два, три, восемь, одиннадцать.

Съ послѣднимъ ударомъ Мися откинула руки и скользнула въ пространство. Тотчасъ же ее дернуло кверху и бросило объ стѣну. Искры посыпались изъ глазъ, и она увидѣла, какъ съ двухъ сторонъ ринулись лѣвый и правый призраки и схватили ее за горло своими длинными крѣпкими пальцами. Все завертѣлось въ красномъ туманѣ. Подъ ногами открылась бездна.

— Коль славенъ,—играли куранты.—Навѣкъ, навѣкъ!

И подъ эти далекіе и печальные звуки Мися поплыла въ черную бездну и исчезла навѣкъ.

Танъ.

Я Н У С Ъ.

Романъ Ж. Г. Рони.

Перев. съ французскаго С. Б.

Черный левъ—памятникъ національной обороны 1871 года—спокойно лежалъ на своемъ пьедесталѣ. Сквозь окутавшую его прозрачную дымку тумана, какъ бы отполировавшую его сильные мускулы, онъ казался еще величественнѣе. По небу, съ тихою грустью взиравшему на землю, медленно блуждали сизыя тучи; лазурныя пятна въ просвѣтахъ между ними сверкали зеркальной чистотою, и желтый солнечный свѣтъ повременамъ прорѣзывалъ туманную мглу.

Вокругъ льва блуждали въ странныхъ шляпахъ четыре анархиста—трое съ очень блѣдными лицами, четвертый—довольно упитанный.

— Эй!—крикнулъ одинъ изъ нихъ.

Онъ замѣтилъ извѣстнаго демократа, члена Коммуны—маленькаго плотнаго человѣка, съ колоссальнымъ, квадратнымъ подбородкомъ. Рядомъ съ нимъ шла переваливающейся походкой громадная фигура съ симпатичной физиономіей, глядѣвшей изъ-подъ цилиндра; это былъ очень извѣстный прогрессистъ-постепеновецъ, невозмутимый, холодный мыслитель Эльбэ, по прозвищу Янусъ. Первый назывался Равьеръ.

Обмѣнявшись рукопожатіями, всѣ на минуту осмотрѣли другъ друга. Изящный костюмъ Януса, его голова уравновѣшеннаго философа отдавали холодомъ. Порою онъ останавливался передъ львомъ, подолгу глядя на него, и въ еердцѣ подымалась неизъяснимая скорбь и застарѣлая ненависть, клокотавшая подъ бременемъ четырнадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени страшнаго года. Все окружающее напоминало о немъ—и бульвары, и улица, и кладбищенская стѣна, и мостовая, увлажненная утренней сыростью, и солдатъ на часахъ въ металлической каскѣ, украшенной

бѣлыми перьями, и мертвые обитатели монпарнасскаго кладбища, покоившіеся мирнымъ сномъ... Ахъ, этотъ громадный левъ! Онъ слишкомъ живо напоминалъ о паденіи. Непобѣдимая сила гнѣва овладѣла Янусомъ.

— Не пройдемся ли мы?—сказалъ онъ.—Этотъ левъ приводитъ меня въ бѣшенство.

Трое его спутниковъ сочувственно кивнули головами; остальные, космополиты, сохранили невозмутимое равнодушіе.

— Бросьте! Нѣмцы вполне насъ достойны; имъ нужно подать руку примиренія, а не бранить ихъ.

— У нихъ даже больше социалистовъ, чѣмъ у насъ.

— Это абсурды!—воскликнулъ Элье.

-- Почему, гражданинъ?

— Слишкомъ долго разъяснять...

— Я—заговорилъ упитанный анархистъ—знавалъ нѣмцевъ и не замѣчалъ, чтобы они насъ такъ ненавидѣли. Это—клевета, распускаемая буржуями для того, чтобы высасывать изъ насъ милліарды и толкать насъ въ Тонкинъ!

— Вотъ какъ!

Янусъ гнѣвно повелъ плечами.

— Боже!—громко воскликнулъ онъ.—И подумать только, какое множество честныхъ людей, подобно вамъ, видятъ только бѣлое да черное! Ничего, кромѣ бѣлаго и чернаго! Но, граждане, сложное цѣлое представляется сѣрымъ со всѣми его разнообразными оттѣнками!

Въ перспективѣ улицы Орлеанъ обрисовывалось тяжеловѣсное и угрюмое зданіе церкви св. Петра. Социалисты прошли мимо невзрачнаго пожелтѣвшаго вокзала съ его аркадами и направились вдоль пустынной улицы Монсури подъ деревьями, съ уцѣлѣвшими еще, засохшими листьями. На заднемъ планѣ, не смотря на густой туманъ, ясно вырисовывалось зданіе метеорологической обсерваторіи.

— Что, собственно, называете вы сѣрымъ?

— А то именно, что въ девятьсотъ девяносто девяти случаяхъ изъ тысячи всѣ ваши разсужденія сводятся къ абстракціямъ... если не къ простымъ фразамъ,—отвѣчалъ Янусъ.

— Но развѣ—замѣтилъ извѣстный демократъ—хорошая абстракція такъ-таки ничего ужъ и не стоитъ?

— Хорошая абстракція? Допускаю. Но въ основныхъ посылкахъ вашихъ абстракцій нѣтъ никакого положительнаго содержанія... Видите ли, мой дорогой, въ области социальныхъ отношеній вы почти никогда,—я говорю, почти никогда,—не встрѣтите вопроса настолько простаго, чтобы можно было дать на него тотъ или иной опредѣленный

отрѣтъ. Обыкновенно между *тѣмъ* и *инымъ* лежитъ еще безконечный рядъ пунктовъ, требующихъ разъясненія...

Прослушавъ эту надобвшую реплику, анархисты ничего не отвѣтили. Одинъ только демократъ не безъ почтительнаго вниманія слушалъ эклектика Элье. Въ воздухѣ слегка пахло травю. На гладкихъ откосахъ желѣзнодорожной насыпи копошились рабочіе, извлекая изъ тощей почвы песокъ и камень.

Наступали сумерки и въ городѣ воцарялась глубокая тишина. Соціалисты молча двигались мимо обсерваторіи Монсури въ паркъ, куда ведутъ двѣ извилистыя дороги, медленно поднимающіяся на отлогіи холмъ. Ихъ влекло сюда и милое гостепрѣмство молодого соблазнительнаго сада, и эти куполы, возвышавшіеся надъ пестрымъ оригинальнымъ фасадомъ, и эти круглыя оконныя стекла. Восхищенный Янусъ унесся мечтой и представилъ себѣ, что онъ занимаетъ комнату подъ куполомъ, въ комнатѣ лампа съ молочнымъ абажуромъ, а въ несравненномъ жилищѣ всѣ флюгера, барометры, измѣрительные приборы Рудра и Вайю.

Красивыя растенія готовы уже были погрузиться во мракъ; легкая тѣнь легла на массивныя зданія и, очарованные красотю борьбы между умирающимъ свѣтомъ и побѣждающей ночью; наши спутники погрузились въ грезы о минувшихъ дняхъ, въ воспоминанія о печальномъ и въ то же время дорогомъ прошломъ.

— Эти ученые шуты!—зарычалъ наиболѣе бѣдно одѣтый изъ анархистовъ...—Имъ тамъ внутри тепло!

Онъ скосилъ свои янтарнаго цвѣта глаза и скривилъ губы отвратительной усмѣшкой, обнаружившей рядъ зеленыхъ гнилыхъ зубовъ.

— Эхъ, ни щепотки табаку!—проворчалъ онъ затѣмъ, оглядываясь на своихъ товарищей.

Демократъ медленно протянулъ ему кисеть и тотъ запустилъ въ него свои пальцы, потомъ, наклонившись такъ, что короткій жалкій пиджакъ его высоко поднялся надъ лоснящимися и потертыми брюками, онъ сталъ торопливо набивать свою ужасную трубку и, закуривъ, затянулся, жмуря глаза отъ наслажденія.

— Однако это все равно не можетъ такъ продолжаться!—проворчалъ онъ.—Нужно съ нимъ скорѣе покончить. Теперь, чортъ возьми, стало хуже, чѣмъ сто лѣтъ назадъ.

И, широко разставивъ руки, бѣдняга, казалось, загребалъ безмѣрныя богатства.

— Придется, видно, еще пообождать!—грустно замѣтилъ Янусъ.

Въ отвѣтъ на это кто-то проговорилъ суровымъ и глухимъ голосомъ:

— Да, вамъ легко говорить объ ожиданіи!..

Это произнесъ самый молчаливый изъ всѣхъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, съ характерной внѣшностью непоколебимаго аскета, съ кристально-чистыми глазами. Трепетъ сектантаской нетерпимости нервною дрожью, дрожью породистаго звѣря, пробѣгалъ по его мертвенно блѣднымъ щекамъ; непрерывное сознаніе социальныхъ бѣдствій поддерживало въ немъ пламя негодованія, всегда бушевавшее въ его груди. Отъ словъ онъ приходилъ въ восторженное состояніе, но сердце его не знало нѣжнаго чувства. Однотонная и скучающая душа съ суровымъ кодексомъ справедливости, далекимъ отъ подлинной жизни, безошаднымъ къ уклоненіямъ челоуѣчества отъ принятой схемы и, наряду съ этимъ, безграничная вѣра въ стихійные перевороты, полное презрѣніе къ опыту жизни и беззаветный юношескій фанатизмъ—все соединилось въ этомъ челоуѣкѣ. Онъ обладалъ правильно очерченнымъ и, пожалуй, красивымъ профилемъ, нервной, хотя и однообразной, рѣчью, чуждой тонкихъ изгибовъ, невозмутимой и безстрастной совѣстью Сень-Жюста, презирающей каждую враждебную ей доктрину и готовой прибѣгнуть къ гильотинѣ для водворенія тишины и порядка.

И, со всѣми этими характерными чертами, онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться яркимъ послѣдователемъ Бабефа, сталъ анархистомъ.

-- Вопросъ не въ томъ, гражданинъ Лектидъ, легко или трудно,—сказалъ Янусъ,—а вѣрно ли это, или нѣтъ.

— Слишкомъ ужъ у васъ спокойная манера говорить о несчастяхъ обездоленной бѣднои!

И онъ устремилъ гнѣвный взоръ на Януса, сохранившаго полное хладнокровіе.

— Да, спокойная,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой и тономъ едва удовимаго педантизма.—Вопросъ могъ бы трактоваться научно, съ изслѣдованіемъ всѣхъ про и сѣнга. Что жъ было бы въ этомъ дурного?

-- Подите вы! Какое тутъ можетъ быть изслѣдованіе, когда съ одной стороны издыхаютъ съ голоду, а съ другой жрутъ до отвала?

— Пришереть ихъ вилами къ стѣнѣ!—воскликнулъ Бѣднякъ.

— Бѣлое и черное!—воскликнулъ Янусъ,—и ни на грошъ сѣраго.

-- А что же, гражданинъ? По вашему, мирно сложить руки, застыть въ тупомъ равнодушіи и безъ борьбы отдать себя на съѣденіе?

И, какъ свора собакъ, они столпились вокругъ Януса, горя ненавистью и злобою вѣрующихъ въ непреложность своей истины, но не способныхъ въ то же время устранить выводы, фатально вытекающіе изъ строгаго анализа.

— Нисколько!—отвѣчалъ Янусъ.— Никогда не слѣдуетъ впадать въ состояніе тупаго равнодушія.. нужно бороться.. но борьба должна быть разумной, а не стихійной.

Густые звуки колокола извѣщали о закрытіи сада; изъ боковыхъ аллей показались садовники.

— Вотъ дилемма!— со смѣхомъ замѣтилъ Янусъ.— Послушаемся колокола и, если это вамъ доставитъ удовольствіе... будемъ спорить нѣсколько дальше...

Всѣ шестеро медленно двинулись впередъ.

Равьеръ хриплымъ голосомъ рассказывалъ главу изъ своей жизни въ ссылкѣ въ Новой Каледоніи, о первыхъ своихъ шагахъ, о палящемъ зноѣ, о болѣзняхъ, о деревьяхъ, выращенныхъ втеченіе долгаго времени вокругъ хижинъ, о крошечныхъ огородахъ, о планахъ коопераціи, постоянно кончавшихся неудачей, благодаря непобѣдимому упорному тяготѣнію къ проклятой частной собственности.

— Да, я знаю, слишкомъ хорошо знаю людей!—призналъ онъ, повода толстымъ подбородкомъ.— Нужны желѣзные законы, чтобы сдѣлать ихъ справедливыми.

— Совсѣмъ не нужно законовъ!— съ досадою произнесъ анархистъ.

— О, когда вы проживете съ мое, то будете смотрѣть на это другими глазами.

Онъ продолжалъ свой рассказъ, переходя отъ однихъ событій къ другимъ, при сочувственномъ вниманіи товарищей, уважавшихъ въ немъ его упорную любовь къ справедливости и пережитыя тяжкія страданія. Упомянувъ мрачныхъ событій, онъ начиналъ смѣяться тихимъ саркастическимъ смѣхомъ, при чемъ его маленькіе, кристально прозрачные глаза становились еще меньше. Покончивъ рассказъ о Новой Каледоніи, онъ началъ говорить объ извергахъ - хозяевахъ, о вампирахъ, высасывающихъ кровь рабочихъ; охваченный порывомъ пламеннаго негодованія, онъ говорилъ, какъ человѣкъ, непоколебимо увѣренный въ правотѣ своего дѣла, и слова его звучали, какъ удары бича.

— При равной силѣ тотъ, на чьей сторонѣ право, всегда сокрушитъ того, кто не правъ. Да, поставьте десять буржуа противъ десяти коммунаровъ, и послѣдніе съѣдятъ первыхъ!

— Какъ же!— замѣтилъ Бѣднякъ.— Они не настолько глупы, чтобы подставлять свое сало; противъ баррикады они пошлютъ нашихъ братьевъ, несчастныхъ солдатъ.

— Это не помѣшаетъ намъ разнести ихъ въ ключья! — воскликнулъ Равьеръ.

Въ голосѣ его чувствовалась злоба, неизгладимая, кровавая жажда беспощадной войны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отгѣнокъ чистоты и благородства, преобразившія даже въ эту минуту его мало выразительное лицо. Онъ гремѣлъ, воспѣвая мистическіе гимны Праву, обожествляя грядущій катаклизмъ, конечную Революцію. О, наступить, наступить, наконецъ, часъ, когда они, эти убійцы народа, будутъ брошены подъ темные своды сырыхъ подваловъ и обречены на медленное гвѣніе; наступить часъ отмщенія за Кровавую Недѣлю, расправы съ коммуной, и на этотъ разъ не будетъ уже идиотской сентиментальности, заставившей пощадить банки и Ротшильдовъ! Нѣтъ, чортъ возьми! Никакой пощады!

— Еслибы больше разстрѣливали, то Коммуна восторжествовала бы!

Между тѣмъ это была натура мягкая, возвышенная, чуждая широкихъ теоретическихъ обобщеній. Отдавался ли онъ злобамъ текущаго дня, или погружался въ размышленіе, онъ тѣмъ не менѣ сохранилъ свои привязанности къ очагу, къ семьѣ, терпимо относился къ фактамъ, былъ чуждъ никакой зависти, былъ сострадательнъ къ ближнимъ. Но воспоминанія объ іезуитскомъ коварствѣ буржуа, непримиримая ненависть къ маленькому Тьеру, страшное негодованіе противъ того или иного генерала жгли его душу огнемъ беспощадной злобы.

— Люди, владѣющіе силой и не осмѣливающіеся пользоваться ею... заранѣе осуждены на гибель... лучше размозжить себѣ головы о камни. Ахъ, еслибы мы знали!.. Но мы были слишкомъ глупы... мы вѣрили въ милосердіе!..

И онъ рисовалъ картину кровавой гекатомбы, а его товарищи-анархисты, одобрительно кивая головами, заливались восторженнымъ хохотомъ, представляя себѣ стадо блѣдныхъ и трусливыхъ буржуа, ведомыхъ на закланіе.

— Перервутъ имъ горло!—воскликнулъ Бѣднякъ.

— И никакихъ законовъ... довольно этого лицемѣрія!

— Нужны желѣзные законы!—сурово замѣтилъ Равьеръ.

— Необходимо довѣріе къ инициативѣ гражданъ!

— Инициатива! О, Боже! Да развѣ ты не знаешь, старина, что всегда найдется песь, чтобы сожрать твою инициативу. Желѣза, желѣза, желѣза!—вотъ единственное средство для водворенія справедливости.

— Законы—это бумага для извѣстнаго употребленія!

— Съ момента появленія законовъ... появляется и правительство! А его-то намъ и не нужно.

Они кричали всѣ сразу, съ глазами, горящими, какъ у

голодныхъ волковъ, и только Янусъ молчалъ, сохраняя презрительное спокойствіе, спокойствіе безстрастнаго анализа

— Да, да!—кричалъ Бѣднякъ, вмѣстѣ съ другими поворачивая на улицу Вожираръ и обращая на себя вниманіе шумнымъ споромъ.—Всѣмъ поровну... Не моя вина, если я не такъ же силенъ или ловокъ, какъ мой сосѣдь!

— А если ты лѣнтяй,—прорычалъ демократъ,—это тоже не твоя вина, а? Шуты!

— Никто не станетъ лѣниться при истинной анархїи.

— По твоему, всѣ будутъ мужественны и честны? а?—спросилъ Янусъ, дружески хлопнувъ Бѣдняка по плечу.

— Да вѣдь незачѣмъ будетъ быть безчестнымъ.

— И всѣ превратятся въ безкрылыхъ ангеловъ?

— Къ чему эта насмѣшка?—сурово замѣтилъ Леклидъ.— Слова его вовсе не такъ глупы. Если дѣйствительно никто не будетъ заинтересованъ въ обманѣ ближняго, то ради чего тогда и прибѣгать къ обману?

— Это именно я всегда и утверждалъ! — заревѣлъ Равьеръ...—Нужно только убѣдить людей, что не въ богатствѣ счастье... Что богатство — это мнимое счастье! Тогда никто не станетъ обкрадывать ближняго. Но необходимы желѣзные законы, нѣчто реальное, чортъ возьми! Нужно, наконецъ, навести ужасъ на негодяевъ! Иначе... иначе невозможно будетъ убѣдить людей... раса слишкомъ гнила.

— Совсѣмъ ненужно никакихъ законовъ,—сухо отрѣзалъ Леклидъ—нужно разрушить всю жалкую постройку, три мѣсяца дѣйствовать терроромъ, честно распредѣлить богатства... и тогда обитатели деревень и городовъ поймутъ выгоды нашей системы... Съ этого момента все нужно предоставить свободному теченію и положиться на личную энергію. Познавъ на опытѣ превосходство новаго социальнаго строя, зачѣмъ стали бы желать еще какой-то власти? Это было бы нелѣпо!

— А кто будетъ распредѣлять богатства?

— Каждый будетъ приходиться и брать изъ складовъ въ мѣру своихъ потребностей, а взамѣнъ давать свой трудъ. Что же вы находите въ этомъ нелогичнаго?—спросилъ онъ, обращаясь къ Янусу.

— О, ничего!—отвѣтилъ тотъ.—И деревья, пожалуй, будутъ выростать въ десять минутъ?

— Такъ не спорять, чортъ подери!

Съ поблѣднѣвшими лицами, съ горѣвшими безуміемъ глазами, анархисты снова обступили Януса. Онъ привелъ ихъ въ бѣшенство своимъ скептицизмомъ и вѣчнымъ отрицаніемъ; особенно сильно возмущался Леклидъ, ослѣпленный вѣрою непримиримаго фанатика. Демократъ отошелъ въ сто-

рону съ еще большей антипатіей къ анархіи, чѣмъ къ эклектизму, и съ глубокимъ презрѣніемъ представителя школы положительнаго и систематическаго соціальнаго творчества къ сектѣ хаоса.

Но скептикъ-мыслитель началъ уже зѣвать и, поднявъ глаза къ звѣздному небу, произнесъ:

— Что же вы хотите, чтобы я сказалъ? Я подавалъ столько репликъ этимъ тупицамъ, что мнѣ стыдно отвѣчать еще что-нибудь!

Отъ всей его фигуры вѣяло чѣмъ-то нестерпимымъ. Невыносимы были и это высокомѣріе ученаго педанта, и снисходительное презрѣніе, и, особенно, невозмутимый взоръ, свѣтившійся яснымъ и мягкимъ свѣтомъ, въ противоположность фосфорическому блеску глазъ его противниковъ.

— Такіе люди въ великую эпоху будутъ, быть можетъ, принесены въ жертву,—думалъ Леклидъ. Затѣмъ онъ съ легкимъ содроганіемъ оттолкнулъ отъ себя эту мысль, показавшуюся ему чудовищной. Но гдѣ-то, въ глубинѣ смутнаго сознанія, она притаилась, чутко выжидая во мракѣ.

— Идемъ къ Франсуа! Тамъ продолжимъ споръ!—воскликнулъ Равьеръ.

И, увлекая за собою остальныхъ, онъ возобновилъ свой рассказъ о пережитомъ. Они шли по улицѣ Аббэ Гру, пораженной своимъ жалкимъ видомъ, строеніями съ облупленными и потрескавшимися стѣнами, носившими на себѣ слѣды вѣковой нищеты. Янусъ вздрогнулъ, очутившись въ этомъ узкомъ, полутемномъ пространствѣ, кипѣвшемъ человѣческими жизнями, не огражденными ни отъ какихъ случайностей; ему казалось, что онъ слышитъ подавленный стонъ, а красный фонарь жалкой пожарной будки придавалъ еще болѣе зловѣщій отпечатокъ царившей здѣсь нищеты. Наши шесть спутниковъ съ любпытствомъ заглядывали мимоходомъ въ окна сквозь тонкія занавѣски. Комнаты съ сырыми стѣнами, странный, грязный каменный полъ, люди, сидящіе вокругъ лампы, рабочіе, работницы за иглой и за машиной—все это пещерное челоуѣчество, скученное на узкомъ пространствѣ, заставило Равьера воскликнуть:

— Проклятое общество!

Янусъ остановился передъ однимъ окномъ и увидѣлъ точно художникомъ разрисованный сажеею потолокъ, крошечную печь (гдѣ однако горѣлъ коксъ), стулья съ расщепленными спинками, голый земляной полъ и цѣлый семейный улей изъ матери, отца и шести ребятишекъ въ лохмотьяхъ. Его влекло къ этому очагу, онъ хотѣлъ бы туда войти, дружески провести съ ними вечеръ; эта картина напомнила ему его собственное дѣтство, крестьянскую ла

чужку, гдѣ, среди тусклой нищеты и нужды, онъ выросъ въ одиночествѣ.

— Эй! гражданинъ Элье!

Онъ двинулся дальше, рассматривая съ какимъ-то нѣжнымъ упоеніемъ лавченки съ гнилыми яблоками, дешевыми конфектами, банками съ патокой, съ лепешками на салѣ, пирогами на прогорклomъ маслѣ, -- лавченки, гдѣ двери открываются со звономъ колокольчика, ужасно долго не смолкающимъ; онъ смотрѣлъ на жалкіе ресторанички съ желѣзной печкой и длинной трубой вдоль голой стѣны, съ двумя сосновыми столами и, самое большее, съ двѣнадцатю стульями для посѣтителей,—все это оживило въ немъ затаенныя дѣтскія воспоминанія о родинѣ, какъ солнце оживляетъ цвѣтокъ своими лучами.

Леклидъ, подобно пращнику, собирающему камни, запасался аргументами. Онъ съ содроганіемъ вспоминалъ о борьбѣ съ Янусомъ на Биржѣ труда. Никогда этотъ противникъ, съ своей раздражающе-спокойной улыбкой, съ притворной безпартійностью, вставками, возраженіями и поправками, не относился серьезно къ анархіи. Леклидъ смертельно ненавидѣлъ его за неожиданно создаваемыя затрудненія въ спорахъ и жестоко обвинялъ Элье въ недобросовѣстности. Да и не могъ онъ быть искреннимъ! Доводы анархистовъ были слишкомъ логичны. Въ сущности онъ обманываетъ самого себя.

Въ теченіе мѣсяца Леклидъ прочиталъ огромное количество брошюръ и, имѣя теперь въ запасѣ цѣлый арсеналъ новыхъ доказательствъ, рассчитывалъ ошеломить ими противника. Да, онъ поставитъ его лицомъ къ лицу съ самимъ собой, заставитъ вникнуть въ самую сущность вопроса. И безъ всякихъ оговорокъ, увертокъ и уклоненій! Онъ лишь запутываютъ предметъ спора. Леклидъ нервно кусалъ ногти въ ожиданіи боя. Наивная схоластическая вѣра, взвинченное самолюбіе, пламенное усердіе инквизиціи, страстное желаніе увидѣть еретика на кострѣ, насильно вырвать признаніе изъ устъ мятежника -- все это ураганомъ проносилось въ душѣ партизана общественнаго строя, не знающаго ни законовъ, ни правительства, ни границъ человѣческой свободы!

— Вотъ и Франсуа!—воскликнулъ Бѣлякъ.

Революціонеры вошли и, въ качествѣ завсегдатаевъ, дружески поздоровались съ кабатчикомъ въ синей блузѣ, огромнѣйшимъ малымъ, съ ручищами землекопа. Это былъ красивый, здоровенный человѣкъ, съ обросшимъ щетиной лицомъ, съ глазами, какъ у бѣлаго голубя, и сочными губами. Онъ прославился тѣмъ, что во время одной вечерней попойки

свалилъ на землю трехъ пьяныхъ и удержалъ ихъ въ такомъ положеніи до прихода полицейскихъ.

— Какъ дѣла, гражданинъ Франсуа?

— Помаленьку... помаленьку!

Они прошли въ заднюю комнату, отдѣленную отъ кабакъ узкимъ корридормъ. Еще недавно она служила мѣстомъ обычныхъ собраній для коллективистовъ; но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ имъ мало-по-малу пришлось отступить передъ анархистами и перейти въ другой кабакъ по сосѣдству, а свирѣное направленіе дебатовъ изгоняло каждый день болѣе робкихъ. Въ комнатѣ, въ эту минуту, было семь человекъ, безработныхъ бѣдняковъ, надрывающихъ глотки въ теоретическихъ спорахъ; трое изъ нихъ были анархисты, трое членовъ рабочей партіи и одинъ независимый демократъ; одинъ безстрашный старый рантье, окуная въ коньякъ и обсасывая куски сахара, для собственнаго развлечения подзадоривалъ спорщиковъ, науськивая ихъ другъ на друга. Повременамъ независимый демократъ вступалъ въ споръ, и, чтобы заставить слушать себя, сильно возвышалъ голосъ, похожій на трубный звукъ.

— Для осуществленія социализма нужны социалисты, какъ для яичницы нужны яйца... а во Франціи-то и нѣтъ социалистовъ!

— Потому что невозможно вести пропаганду въ деревнѣ!

— Отсутствіе социалистовъ не мѣшаетъ! Почему бы не согласиться намъ общими усиліями добиваться частичныхъ реформъ? Вѣдь не можемъ же мы рассчитывать на осуществленіе социалистическаго строя въ данный моментъ! Это не помѣшаетъ дѣлу революціи, ни отъ кого не потребуются отреченія отъ своихъ принциповъ, а между тѣмъ можно было бы покончить съ наиболѣе острыми проявленіями нищеты. Постный супъ лучше, чѣмъ совсѣмъ безъ супа... Возьмемъ, на примѣръ, налоги... Я хочу, чтобы государство не взимало ихъ непосредственно черезъ своихъ агентовъ, а облагало бы отдѣльно каждую общину. Этимъ была бы достигнута громадная экономія... ибо мэръ и муниципальный совѣтъ въ очень многихъ мѣстахъ предпочли бы сами собирать налоги, чѣмъ оплачивать спеціальнаго сборщика.

— Правительственные агенты необходимы — замѣтилъ рантье.

— Да намъ наплевать на то, будетъ ли въ коммунахъ экономія или нѣтъ!—воскликнулъ одинъ коллективистъ.

— Накопленіе сбереженій въ сберегательныхъ кассахъ — это вздоръ, я имѣю въ виду нѣчто болѣе важное!.. Напримѣръ, построить городъ! Парижъ—громаденъ, онъ весь про-

вонялъ, кишить всякою нечистью, какъ старый сыръ. Прямо чудовищно такъ жить другъ на другъ. Я переношу энергію въ другое мѣсто, создаю новый центръ, строю городъ. Хе! Ломають голову, чѣмъ занять свободныя руки!.. Строить города и для всѣхъ найдется работа.

— Это непрактично!—воскликнулъ рантье... — Государство не должно строить городовъ!

— Почему же оно не должно строить городовъ?

— Потому что не должно!

— А пока околѣвай съ голоду!

— Околѣвай съ голоду!—снова началъ независимый демократъ... — Пусть! Но почему же, съ другой стороны, не согласиться всѣмъ партіямъ вмѣстѣ добиваться установленія для безработнаго рабочаго минимума заработной платы отъ государства до тѣхъ поръ, пока онъ не пристроится?

— Вотъ какъ! — презрительно произнесъ буржуа. — Но вѣдь это премія для бездѣльниковъ! Какимъ образомъ, скажите, оградите вы себя отъ бездѣльниковъ?

— Я ихъ буду растрѣливать!—сказалъ демократъ. — О! по моему, къ чему тамъ ссылка; ничего подобнаго! Бездѣльниковъ я бы растрѣливалъ!

— Великолѣпно! Вы, по крайней мѣрѣ, честный социалистъ, и я къ вамъ присоединяюсь. Да, если вы будете растрѣливать бездѣльниковъ, то я съ вами!

И, обсасывая послѣдній кусокъ сахара вмѣстѣ съ послѣдней каплей коньяку, рантье по военному раскланялся съ революціонерами.

Между тѣмъ Элье и его товарищи, заказавъ литръ вина и три бутылки абсента, молча прислушивались къ этому разговору. Бѣднякъ каплями прибавлялъ воду въ свой стаканъ, наполненный абсентомъ, и волны смѣси молочнаго цвѣта заставляли его щурить глаза отъ удовольствія.

— Ба!—воскликнулъ снова одинъ анархистъ, — всѣ эти частичныя мѣры — только заплаты на старыхъ штанахъ. Когда штаны изношены, ихъ нужно замѣнить новыми. Напе общество такъ провоняло, что его нужно измѣнить сверху до низу!

— Дѣйствительно,—спокойно замѣтилъ Янусъ — чтобы сдѣлать Францію счастливою, для этого нѣтъ, видите-ли, лучшаго средства, какъ перебить всѣхъ французовъ, ибо, когда народъ такъ старъ, его нужно замѣнить новымъ!..

Леклидъ дрожащею рукою поднесъ ко рту стаканъ и съ притворнымъ спокойствіемъ, такъ плохо скрывавшимъ его ярость, что и самые глупые могли о ней догадаться, пробормоталъ:

— Меня, однако, удивляетъ. гражданинъ, ваша постоянная склонность грубо вышучивать наши идеи... Нѣтъ, послушайте, скажите прямо и откровенно, что смѣшного находите вы... въ анархіи?

— Конечно, я шучу,—отвѣтила Элье.— Но въ этой шуткѣ гораздо больше грусти, чѣмъ смѣха. Мнѣ грустно, что люди растрчиваютъ попусту свою энергію.

— Попусту! — воскликнулъ Бѣднякъ, съ серьезнымъ видомъ продолжая готовить свой абсентъ.— Вотъ какъ! Это великолѣпно! Ты предпочитаешь трусовъ, дохнувшихъ съ голоду молча.. Ловко же ты стараешься для буржуевъ!

Въ это время Леклидъ, протянувъ руку, сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ замолчали.

— Вы сожалѣете насъ... Вы очень великодушны! Но, скажите, гражданинъ, почему сожалѣете вы насъ?

— Я уже вамъ это сказалъ.

— О, да! Вы сказали, что мы растрчиваемъ попусту наши силы... Но это старый аргументъ, и его всегда тыкали въ носъ новаторамъ! А не потрудитесь ли вы еще разъ изложить намъ ваши возраженія противъ нашей системы?

— Это было бы немного долго. Но, если вы пожелаете поставить мнѣ вопросы, то я постараюсь вамъ отвѣтить на нихъ.

— И въ этомъ вся твоя плата!—сказалъ Бѣднякъ. — Ну, съ тебя взятки гладки!

— Нѣтъ, я плачу еще за то, что выпилъ, — добродушно сострилъ Элье.

— Не лѣзь не во время!—замѣтилъ Леклидъ Бѣдняку,— ты мѣшаешь намъ покончить споръ.

Бѣднякъ насмѣшливо подмигнулъ и заказалъ себѣ еще порцію абсента на счетъ Элье.

— Я согласенъ ставить вопросы,— снова началъ Леклидъ.

— Изъ катехизиса! — опять вмѣшался Бѣднякъ — Ну, держись!

— Это невыносимо!—вспылилъ Леклидъ.— Не паясничай! Прежде всего, гражданинъ, установимъ фактъ: считаете вы наше дѣло справедливымъ или нѣтъ?

— Конечно, — отвѣтила Элье. — Поскольку въ немъ заключается стремленіе устранить социальную несправедливость, оно, очевидно, справедливо; но эта справедливость проходитъ длинный рядъ ступеней отъ парламентарнама черезъ социализмъ до конечныхъ предѣловъ анархіи.

— Радикалы—лицемѣры!

— Не отрицаю. Но дѣло въ доктринахъ, а не въ личностяхъ!

— Что касается догринъ, то ни одна изъ нихъ не затрагиваетъ сущности вопроса; всѣ онѣ, даже доктрина коллективистовъ, допускаютъ буржуазныя привилегіи... одни мы остаемся послѣдовательны, требуя осуществленія права во всей его строгости.

— Какого права?—спросилъ Элье.

— Истиннаго права Оно одно только и есть!

— Какъ единъ Богъ!

— Кто говоритъ вамъ о Богѣ? Анархія опирается только на положительные факты.

— Но ничего нѣтъ менѣ положительнаго, чѣмъ право!

Охваченные первымъ трепетомъ ярости, всѣ стали внимательно прислушиваться.

— Понимаю!—воскликнулъ Леклидъ.—Ну, хорошо! Станемъ на эту почву для начала и укрѣпимся на ней... Право... Что понимаете вы подъ правомъ? Конечно, безъ громкихъ фразъ, не правда ли?

— Но я вамъ разъ двадцать уже излагалъ это въ Биржѣ!

Леклидъ пожалъ плечами, стараясь увѣрить другихъ въ своемъ презрѣніи...

— Это совсемъ не то! Вы всегда запутывали ваши мысли въ такіа фразы, что самъ чортъ не разобрался бы въ нихъ; а я желаю точнаго, опредѣленнаго отвѣта... вполнѣ опредѣленнаго!.. не оставляющаго мѣста для увертокъ, логическаго обсужденія!..

Онъ особенно подчеркнул слово „логическаго“, съ выраженіемъ пригворнаго презрѣнія къ способностямъ противника. И, предупреждая отвѣтъ послѣдняго, продолжалъ:

— Вы согласны съ этимъ, не правда ли? Что вы думаете о правѣ?

— Ладно. Но вы глупо ставите свой вопросъ. Формулируйте его точнѣе. Имѣете ли вы въ виду естественное право, яко-бы присущее человѣку до возникновенія всякаго общества, или право социальное, право договорное, установленное коллективною совокупностью индивидуумовъ?

— Я просилъ бы васъ не прибѣгать къ пустой фразеологіи!— зарычалъ Леклидъ.—Развѣ мы, анархисты, признаемъ иное право, кромѣ права естественнаго?

— Превосходно! Теперь вопросъ для меня ясенъ. Итакъ, мой дорогой гражданинъ, мое мнѣніе о естественномъ правѣ? Я не вижу ни малѣйшаго доказательства въ пользу существованія такого права...

Дикий свистъ послышался въ отвѣтъ на эти слова Элье, и при видѣ этихъ блѣдныхъ, безкровныхъ, припадочныхъ лицъ, съ выраженіемъ сектантской нетерпимости, при видѣ

этого внезапнаго прилива ненависти, Элье самъ былъ возмущенъ до бѣшенства и, съ вызывающей улыбкой на устахъ, окинулъ всѣхъ гнѣвнымъ взглядомъ. Равьеръ, всегда возмущавшійся подлостью толпы, помѣстился рядомъ съ нимъ, хотя болѣе другихъ былъ огорченъ отрицаніемъ своего Бога.

— Замолчите же вы, баранье стадо!—воскликнулъ онъ.— Это идиотство горланить всѣмъ сразу. Если желаютъ спорить серьезно, то нельзя вести себя такъ гнусно.

— Такъ, по вашему, справедливости не существуетъ!— визжалъ Бѣднякъ.

— Право не существуетъ! Право!—съ яростью оралъ одинъ восемнадцатилѣтній гаменъ.— По вашему, надо лизать пятки у буржуа!

— Уже одно то, что онъ отрицаетъ право, доказываетъ, что оно существуетъ!

— Животное!—воскликнулъ Равьеръ.— Если я тебѣ скажу, что на лунѣ сидитъ стохвостая собака, то ты, отрицая это, неужели докажешь, что такая собака тамъ есть?

Но Леклидъ, поощренный сочувствіемъ своихъ товарищей, простеръ руку и, съ видомъ безпристрастнаго благодушія, произнесъ:

— Товарищи, успокойтесь! Одного отрицанія права еще недостаточно; нужно, чтобы онъ доказалъ справедливость своего отрицанія...

— Да, да, пусть докажетъ!

Всѣ сразу утихли въ нѣмомъ любопытствѣ, успокоенные хвастливой позой Леклида, обѣщавшаго, казалось, припереть къ стѣнѣ своего противника.

— Отрицанія доказывать нечего,—замѣтилъ Элье.

— Отрицаніе есть и утвержденіе!—наставительнымъ тономъ произнесъ какой-то маленькій человѣчекъ лѣтъ двадцати пяти, дряхлый отъ нищеты и нервности.

Всѣ остальные хоромъ поддержали его, повторяя, что отрицаніе есть и утвержденіе.

— Пусть такъ,—отвѣтилъ Элье.— Но это утвержденіе, вѣрно ли оно, или невѣрно, противоположно по смыслу предыдущему и въ этомъ его различіе.

— Это увертка!—зарычалъ гаменъ.

— Это увертка... онъ замечаетъ слѣды!

— Это отклоняетъ насъ отъ вопроса, — снова началъ Элье.— Я говорю лишь, что не нахожу ни малѣйшаго доказательства въ пользу существованія естественнаго права. Не такъ ли? Вотъ и все. Это не утвержденіе; это оговорка, сомнѣніе, какое я выразилъ бы, положимъ, человѣку, если бы онъ сказалъ мнѣ, что изобрѣлъ аэростатъ, чтобы перелетѣть черезъ планетную систему.

— О, чортъ возьми,—вскричалъ гаменъ,—отъ него, кромѣ пустыхъ фразъ, ничего не добьешься!

— Это просто лгунъ!

Равьеръ, раскраснѣвшійся, какъ печка, заоралъ:

— Неужели гражданинъ подалъ поводъ къ такимъ выраженіямъ? Ну, скажи ты, Леклидъ.

— Да, — отвѣтилъ тотъ послѣ минутнаго молчанія — я вижу въ этомъ желаніе солгать.

Бѣлнякъ, поднявъ свою короткую трубку, насмѣшливо произнесъ:

— Ну, ладно! Пусть докажетъ свое сомнѣніе.

— Вотъ, вотъ!

— Сомнѣніе есть также утвержденіе!—повторилъ гаменъ афоризмъ дряхлаго мадаго.

— Молчи, лягушка, — прервалъ его Равьеръ... — Послѣ этого пришлось бы вѣрить всѣмъ свинствамъ, сочиненнымъ иезуитами!

Элье терпѣливо сидѣлъ, покачиваясь на своемъ стулѣ, устремивъ глаза въ стѣну и весь содрогаясь отъ сдержаннаго гнѣва.

— Оставьте, Равьеръ!.. Если гражданинъ Леклидъ чувствуетъ себя неспособнымъ вести споръ безъ поддержки этихъ идіотовъ...

— А, вотъ какъ!—воскликнулъ Леклидъ, жестоко оскорбленный въ своей гордости. — Замолчите же, товарищи... Этотъ честный гражданинъ воспользуется вами, чтобы сказать, что ему не умѣютъ отвѣтить.

— Я жду отвѣта именно отъ гражданина Леклида,—снова началъ Элье.—Пусть онъ докажетъ мнѣ существованіе естественнаго права; въ это право ничто... рѣшительно ничто не даетъ мнѣ повода повѣрить.

Леклидъ, крайне смущенный, подыскивая слова и мысли, ничѣмъ сначала не могъ отвѣтить, какъ тѣми же утверженіями.

— Я говорю, что ребенокъ... рождающійся къ жизни... сотворенный для жизни... Я говорю, что такой ребенокъ имѣетъ право на жизнь...

— Это какой-то заколдованный кругъ... то же утверженіе, но въ иной формѣ, въ виду предустановленнаго права; но откуда выводите вы это право? Почему одинъ только фактъ появленія на свѣтъ даетъ вамъ право на жизнь?

— Да разъ вы существуете на свѣтъ, чтобы жить, то значитъ вы имѣете это право. Это ясно!

— Право? Вы имѣете извѣстную силу, чтобы жить, силу для временной борьбы со стихіями, допускаю. Эту силу природа беззаботно даетъ и отнимаетъ, разсыпая милліоны мил-

ліардовъ зародышей. Но право? Гдѣ тутъ право? Право предполагаетъ *обязанность* въ комъ-то (въ Богѣ или человѣкѣ) уважать известныя свойства, собственность, известную возможность дѣйствія въ другомъ существѣ. Но какой чортъ могъ бы внушить эту обязанность индивиду по отношенію къ другому безъ предварительнаго договора объ этомъ.

— Вы безъ всякой надобности усложняете вопросъ! — воскликнулъ Леклидъ.

— Вѣрно, онъ болтаетъ зря.

— Онъ уклоняется!

— Эго, чортъ возьми, его штука, старая буржуазная игра!

— Оппортунистская образина!

Нервы Януса, наконецъ, успокоились, и онъ сталъ испытывать умиротворяющую жалость къ пустотѣ этихъ головъ, къ дѣтскимъ заблужденіямъ толпы и къ ея вздорнымъ пріемамъ. Но вдругъ женскій голосъ заставилъ его внутренно вздрогнуть; этотъ голосъ прозвучалъ тономъ искренности и глубокой скорби.

— Это подлость! Отнимать у бѣдняка его право равносильно оправданію всѣхъ низостей буржуазіи, всѣхъ ступеней капитала.

Онъ обернулся; занятый своимъ споромъ, онъ не замѣтилъ никого изъ вошедшихъ.

Рядомъ съ Равьеромъ стояло прелестное созданіе, дѣвушка ка съ разгорѣвшимся лицемъ отъ лихорадочной работы безпокойной мысли, соединявшая въ себѣ вмѣстѣ съ жгучею граціей женственности гордое сознаніе своей жизненной силы. Своими прекрасными глазами, полными негодованія, она проклинала Элье. Неприятно пораженный этимъ обиднымъ презрѣніемъ со стороны очаровательной дѣвушки, онъ съ безсильнымъ жестомъ произнесъ:

— Женщины въ особенности не должны были бы вмѣшиваться въ социальныя вопросы!

Еще болѣе возмущенная этимъ замѣчаніемъ, она приблизилась къ нему и сказала:

— У женщинъ столько же ума, сколько и у мужчинъ! Слышите ли, граждане?

— Женщины созданы для произведенія потомства, для заботы о своихъ пенцахъ, для того, чтобы жить подъ нашей защитой... и ни для чего болѣе, — отвѣтилъ онъ съ намѣренной грубостью.

— Тушица! — воскликнула она.

Другіе поддержали ее.

— Почему бы ужъ не оправдать и рабства негровъ?

— Женщины глупѣе мужчинъ.. Только идіоты могутъ утверждать это!

— Мы всё рождаемся съ одинаковыми умственными способностями!

Равьеръ, взявъ за руку молодую дѣвушку, сказалъ:

— Ева, развѣ ты не видишь, что онъ одинъ противъ всѣхъ?.. Неужели ты будешь такъ же глупа, какъ остальные?

И, обращаясь затѣмъ къ Элье, добавилъ:

— Это моя дочь, гражданинъ, она еще дѣвчонка... Надо ее простить! А вы, остальные, знайте: я заявляю, что Леклидъ глупо ведетъ споръ и что, если онъ не способенъ продолжать его, то я сдѣлаю это вмѣсто него... и вы увидите, понадобится ли мнѣ прибѣгать къ безчестнымъ маневрамъ.

Товарищи-коллективисты тотчасъ же стали на его сторону, чтобы досадить анархистамъ.

— Ну, ну, пусть Равьеръ продолжаетъ споръ.

— Начинай, Равьеръ; уступи-ка ему мѣсто, гражданинъ Леклидъ! Онъ ужъ ему покажетъ!

— Онъ не дастъ припереть себя къ стѣнѣ!

Наивная аудиторія была сразу охвачена зловѣщимъ огнемъ сектантской ненависти, заставлявшей ее страстно обрушиться на отступниковъ. Леклидъ, съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, прорычалъ:

— Да замолчите вы, свиньи! Неужели вы думаете, что мнѣ нужно ваше оранье для защиты нашихъ идей?

— Будетъ ругаться!—сказалъ Равьеръ.—Если онъ хочетъ продолжать, пусть продолжаетъ.

Когда коллективисты, наконецъ, замолчали, Леклидъ хитро сказалъ:

— Вы спрашиваете меня, гражданинъ, откуда я беру право и обязанность, не такъ ли? Вы не хотите согласиться, что одинъ фактъ рожденія даетъ уже право на жизнь!.. Согласны вы, что жизнь есть благо?

— Допускаю,—отвѣчала Элье.

— Вы, конечно, согласитесь и съ тѣмъ, что человѣческая жизнь есть величайшее благо на землѣ?

— Могу и съ этимъ согласиться.

— Слѣдовательно, жизнь человѣка есть цѣнность, превосходящая всѣ прочія цѣнности, и всѣ люди, будучи одинаковы, т. е. равны... словомъ, всѣ мы имѣемъ право на то, чтобы нашу жизнь уважали. Вотъ мое заключеніе изъ вашихъ словъ. Ясно, слѣдовательно, что существуетъ естественное право.

На этотъ разъ раздалися аплодисменты. Ударъ попалъ мѣтко! Знаменитый болтунъ сѣлъ въ свою собственную лужу. Леклидъ очень логичен!.. Успокоившаяся Ева съ

восхищеніемъ пристально смотрѣла на анархиста и слегка апплодировала.

Но Янусъ спокойно улыбнулся и только сказалъ:

— Когда вы успокоитесь, граждане, я отвѣчу.

Это уничтожило триумфъ анархиста. Наконецъ, волненіе улеглось.

— Опять тотъ же заколдованный кругъ,—заявилъ Эльсе...

— Какъ заколдованный кругъ? Да вѣдь онъ тебя, приятель, прямо приперъ къ стѣнѣ!..

— Тише!—закричалъ Леклидъ.

— Это заколдованный кругъ... Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваю васъ, какимъ образомъ изъ того факта, что человѣческая жизнь величайшее благо, можно заключить, что человѣкъ обладаетъ естественнымъ правомъ на эту жизнь? Еще разъ спрашиваю, откуда это право? Изъ какого сверхъ-соціального, сверхъ-человѣческаго законоположенія истекаетъ оно? Однѣ и тѣ же силы создаютъ васъ, убиваютъ и замѣняютъ другимъ, и все ваше право, какъ и у ничтожнѣйшаго насѣкомаго, заключается въ дарованныхъ вамъ наступательныхъ или оборонительныхъ силахъ.

— Но разъ это благо, то жизнь заслуживаетъ, чтобы ее уважали!—вскричалъ Леклидъ.

— Это не есть право. Но попробуемъ установить связующую цѣпь между этимъ благомъ и этимъ правомъ!..

— Да я уже сдѣлалъ это.

— Чортъ побери! Какъ это у васъ просто! Вернемся еще разъ къ вашему разсужденію... и на этотъ разъ расчленимъ его. Первое: „человѣческая жизнь—цѣнность, превосходящая всѣ другія цѣнности“. Вотъ ваше основное положеніе. Не будемъ къ нему придирааться. Второе: „и всѣ люди одинаковы, т. е. равны“... Это открываетъ скобки, искусныя, какъ тактичeskій приемъ, но крайне ничтожныя со стороны логики. Ибо, если сходство людей между собою бросается намъ въ глаза гораздо сильнѣе по сравненію со сходствомъ между лошадами и жирафами... то съ абсолютной точки зрѣнія индивидуумы и расы представляютъ довольно значительныя различія. Сравните папуаса и парижанина?.. и болѣе того, еслибы даже они оказались похожими, то дико было бы утверждать, что то, что похоже другъ на друга, въ то же время и равно другъ другу. Ваши скобки, такимъ образомъ, летятъ къ чорту!.. Интеллектуальное неравенство и различіе отрицать невозможно... Покончивъ съ этимъ, перейдемъ къ третьему положенію: „мы всѣ имѣемъ одинаковое право на уваженіе къ нашей жизни“. Опустимъ слово *одинаковое*, являющееся вводнымъ и случайнымъ. Третье въ такомъ случаѣ прямо вытекаетъ изъ перваго, и мы полу-

чаемъ: „Жизнь человѣка есть огромная цѣнность, поэтому мы имѣемъ право на жизни!“ Это ясно! Скажите же намъ, пожалуйста, какимъ путемъ соединяете вы эту цѣнность и это право на жизнь, ничтожное относительно съ абсолютнымъ?

Но слушать больше не хотѣли. Слабая защита Леклида лишила ихъ всякой сдержанности и, поднявшись съ мѣстъ, крича всѣ сразу, они стали тѣснить Элье съ непреодолимымъ желаніемъ пуститься въ рукопашную.

— Это наше подлое общество создаетъ умственное неравенство!

— Всѣ народы равны!.. У китайцевъ существуютъ социалистическія организациі лучше нашихъ!..

— Поѣзжайте-ка въ Алжиръ и посмотрите, стоятъ ли насъ арабы!..

— Рабочій гораздо способнѣе буржуа!

— Долой плутовъ и мошенниковъ!

— Онъ себя выдалъ! Онъ такой же социалистъ, какъ и Жюль Ферри!

— Видно, что онъ трясется за свой карманъ!

Леклидъ ихъ больше не удерживалъ. Задыхаясь отъ злобы, онъ былъ уязвленъ профессорскимъ тономъ, какимъ противникъ уничтожилъ его доводы, а расхрабрившійся гаменъ рискнулъ исподтишка толкнуть противника.

Но онъ заплатился за это. Элье отбросилъ его размашистымъ ударомъ по головѣ и, сжавъ свои сильные кулаки, властно и быстро расчистилъ себѣ дорогу.

— Меня хватить на всѣхъ, если вамъ угодно!.. Вы можете напасть на меня хоть цѣлой дюжиной... но, предупреждаю, не безъ риска для себя!

Они заколебались, смущенные его широкими плечами и внушительной позой боксера. А Равьеръ, въ восторгъ отъ того, что ему можно выйти противъ толпы, подошелъ и сталъ рядомъ съ нимъ. Тогда вмѣшались коммунисты.

— Вы недостойны заниматься социальными вопросами, — сказалъ съ презрѣніемъ Янусъ — вы не мужчины, вы жалкія бабы.

Онъ вышелъ изъ себя и, раздраженный грубостью, съ какой оборвали его рѣчь, забылъ о своемъ отвращеніи къ страстности въ идейныхъ спорахъ, а несчастный двадцатипятилѣтній старикъ бормоталъ между тѣмъ:

— А все-таки, разъ вы отрицаете право, то какъ вы можете называть себя социалистомъ? По вашему, надо, чтобы мы подставляли свою шею подъ ярмо, потому что не имѣемъ права бунтовать?

— Тысяча чертей! Да на что вамъ создавать изъ права

какую-то религію! Развѣ не во имя права, какъ во имя Бога, вѣчно поработчали человѣка? Развѣ вашему священному праву на жизнь не противопоставляютъ священное право собственности? Развѣ нѣтъ божественнаго и феодальнаго права? Схоластическому абсолюту противопоставляютъ другіе, не менѣ узкіе абсолюты, и эта маія къ сотворенію кумировъ обрекаетъ на гибель самая лучшія дѣла.

Онъ сталъ распространяться и усталымъ голосомъ вновь доказывать нелѣпость фанатизма, защищая преимущество опыта, работы мысли, развитія, рациональной борьбы съ заблужденіями, своимъ многословіемъ и философіей вызывая лишь раздраженіе въ слушателяхъ. Безмолвная Ева чувствовала, какъ растетъ ея ненависть къ этому анти-нивелилятору, къ холодному отрицателю революціонныхъ догматовъ. Наконецъ, Равьеръ, видя бессмысленную покорность товарищей, прервалъ его рѣчь.

— Все равно,—сказалъ онъ мягко,—вы никому не помѣшаете вѣрить въ право. Безъ права нѣтъ справедливости, нѣтъ законныхъ требованій. Я всегда видѣлъ, понимаете ли, что при равныхъ силахъ и оружій, побѣждали тѣ, на чьей сторонѣ было право. О! Можете говорить, сколько угодно. Леклидъ пытался обосновать вамъ право... право не нуждается въ обоснованіи... Оно живетъ въ сознаніи... и вы, гражданинъ, сознаете его такъ же, какъ и я, ибо хотите блага для народа... хотя ваше личное положеніе и не заставляеть васъ желать переменъ въ общественномъ строѣ. Нѣтъ, нѣтъ, право не доказывается, оно ясно и очевидно, какъ солнце! Это оно создало великую революцію, это оно заставило сто тысячъ человѣкъ бороться за коммуны... И, будьте увѣрены, не разглагольствованіями о пользѣ вы добьетесь жертвъ, необходимыхъ для борьбы съ преступниками, управляющими нами.

И онъ расхохотался отрывистымъ смѣхомъ, а остальные, вдохновленные имъ, вновь узрѣли Бога, ярко пылавшаго въ облакахъ.

— Вѣрно, вѣрно! Bravo, Равьеръ!

— Bravo, Равьеръ!—сказалъ Элье;—но ты рассуждаешь, какъ священникъ.

Равьеръ продолжалъ смѣяться, кашлять, весь красный отъ напряженія, когда Леклидъ, съ высоты своей оскорбленной гордости, вдругъ кинулъ:

— Конечно, онъ правъ... Но и я не ошибаюсь, утверждая, что самый фактъ созданія природой такого существа, какъ человѣкъ, создаетъ для него тѣмъ самымъ право на существованіе. Конечно, можно дѣлать видъ, что не понимаешь этого, но при безпристрастномъ изъ-

слѣдованіи, нельзя не согласиться со мной. Вотъ что я говорю. Что же касается права собственности, противопоставляемаго намъ буржуями, то это мнимое право, гнусное притязаніе... и существованіе мнимыхъ правъ не доказываетъ еще, что истиннаго права не существуетъ... Одно только право спасетъ насъ, одно только право достаточно сильно для разрушенія преступнаго общества, эксплуатирующаго трудъ и пресмыкающагося передъ капиталомъ... Никакіе доводы никогда не въ состояніи будутъ поколебать въ насъ вѣру въ справедливость, и она вдохновитъ насъ мужествомъ въ „великій день“.

Онъ опять овладѣлъ вниманіемъ, а Янусъ, возмущенный возобновеніемъ уже поконченнаго спора, устало и презрительно молчалъ, глядя на анархистовъ, вновь вспыхнувшихъ при словахъ Леклида. Теперь онъ удивлялся, какъ могъ онъ разсердиться на это собраніе помѣшанныхъ. Бланкисты, геддисты, рабочая партія, еще куда ни шло! Все же они въ общемъ лучше пошлыхъ тварей буржуазіи! Но эти, увы, безнадежны! Но, боясь быть несправедливымъ, онъ внутренне сознался, что все же не всѣ они дураки.

— Скажите-ка, товарищъ,—спросилъ, слегка толкнувъ его, одинъ анархистъ.—Вы не будете отвѣчать?

— Зачѣмъ? Вы всѣ въ полномъ согласіи! Это все равно какъ еслибы я пошелъ спорить съ паломниками у часовни Лурдской богоматери!..

Онъ имѣлъ видъ побѣжденнаго, но это его нисколько не тревожило; онъ разглядывалъ похудѣвшія лица въ клубахъ табачнаго дыма и постепенно въ его душу закрадывалось мягкое чувство состраданія къ этимъ пустымъ желудкамъ, къ колоссальнымъ надеждамъ нищеты. Зачѣмъ обращаться съ ними, какъ съ идиотами? Къ чему гнѣвные споры? Конечно, они идутъ противъ здраваго смысла и съ наивнымъ ожесточеніемъ борются противъ собственнаго будущаго. Но не есть ли это вѣчный историческій процессъ человѣчества? Не жестоко ли требовать отъ толпы утонченныхъ чувствъ, рѣдко доступныхъ даже наиболѣе избраннымъ натурамъ? Говорить съ ними, учить ихъ, о, конечно, но безъ суроваго педантизма, безъ обремененія тяжестью научныхъ знаній.

Между прочимъ, Элье восхищался миловидностью Евы, дочери Равьера. Она была очаровательна, какъ лѣсной цвѣтокъ, подъ своимъ маленькимъ ажурнымъ чепчикомъ, въ голубомъ, нѣсколько черезчуръ яркомъ платьѣ, сіяя всѣми оттѣнками и красками природы, растворившимися въ парижскомъ искусствѣ, точно нѣжные знаки среди ора-

жерейныхъ цвѣтовъ. Какая глупость со стороны отца втягивать ее въ эту среду!

Ему стало скучно; и, охваченный удручающимъ чувствомъ неизбежности и безсилія, онъ сердечно пожалъ руки товарищамъ и тяжелой походкой исчезъ въ глубинѣ залы.

II.

Быль одинъ изъ обманчивыхъ переломовъ сезона; тихій, сѣрый день, съ едва замѣтнымъ дуновеніемъ западнаго вѣтра; по небу неслась вереница холодныхъ облаковъ; время, когда зима какъ бы останавливается, становится мягкой и размягчаетъ людскія сердца. Сидя у своего открытаго окна въ шестомъ этажѣ, выходившемъ на крыши, Ева думала о вѣчномъ возрожденіи природы, о томъ, что скоро снова зазеленѣютъ вѣтви и оживутъ насѣкомыя, а для нея этотъ мягкій день былъ тяжелымъ и роковымъ.

— Охъ!—вздохнула она.

Ей припомнились прочитанныя любовныя исторіи, составляющія обычное чтеніе парижскихъ дѣвушекъ, болѣе нѣжныя, даже болѣе тонкія, чѣмъ обыкновенные романы, и въ этотъ раздражающій день передъ ней воскресли плѣнительные образы, идиллическія сцены.

Уже болѣе года происходила въ ней великая работа жизни. Всѣмъ своимъ прошлымъ она была подготовлена къ этому кризису.

Она полна была противорѣчій. Революціонная логика властно диктовала ей свободную любовь, не налагающую обязательныхъ узъ, но всею натурою своею она протестовала противъ требованія этой логики и въ глубинѣ души мечтала о чемъ-то, болѣе близкомъ ея чистому дѣвичьему инстинкту, болѣе высокомъ, чѣмъ обыкновенный бракъ,—о вѣчной и глубокой любви.

Въ жилахъ ея ключемъ была алая кровь здоровой расы, и она являла собой типъ истинной жрицы любви, страстной дѣвственницы, ожидавшей мужской ласки и сознававшей это.

Въ своей жизни она не хотѣла избѣгать ни радостей, ни обязанностей своего пола; она воображала себя женой, плодотворной матерью и думала объ этомъ совершенно просто; часто ея прекрасные большіе глаза внимательно разсматривали мужчину. Ея возрастъ, нетронутая чистота, не смотря на страстность натуры, дѣлали ее безпокойной и нѣсколько грустной.

И она стала мечтать о человѣкѣ, съ которымъ соеди-

нится на всю жизнь. Она искала его среди партійныхъ людей, относясь съ отвращеніемъ къ представителямъ буржуазіи, къ мелкому, глупому приказчику, къ рабочему безъ социалистической вѣры. Передъ ней проходили многочисленные фигуры „группы“, друзья отца, но всѣ они мало привлекали ее. Она ненавидѣла всѣхъ этихъ курильщиковъ и пьяницъ, а если кто и не пилъ, то почти всегда это были сухія, безжизненные натуры, не вызывавшія никакихъ желаній. Она бы хотѣла любить кроткаго, но мужественнаго человѣка, съ сильнымъ голосомъ, медлительнаго и осторожнаго, съ широкими плечами, съ лицомъ Зевса. Такой скрывался въ туманѣ, и въ ея воображеніи вставали двѣ фигуры: Леклидъ, съ его псевдо-героической осанкой, и красивый маленькій Ларамэ, съ его шелковистой бородой, съ бѣлой шеей, съ необыкновенно ласковымъ лицомъ и очаровательной, восторженной улыбкой. Оба они были привлекательны, но Леклидъ, неспособный на нѣжности, могъ любить грубо, хотя и постоянно, а Ларамэ слишкомъ малъ ростомъ и любовь его могла быть нѣсколько ребяческой.

Воображеніе уносило ее все дальше, и она представляла себѣ уже идиллію робкихъ поцѣлуевъ, мимолетныхъ рукопожатій, волновавшихъ до глубины души. Но вдругъ въ ней проснулось цѣломудріе дѣвственницы, и она вздрогнула и покраснѣла. Къ ней вернулось самообладаніе и сердце ея остыло.

Вѣтеръ упалъ, тучи разсѣялись, и небо стало выше и чище, почти серебрянаго оттѣнка. И уныніе Евы усилилось подъ тяжестью воспоминаній и впечатлѣній, наполнявшихъ странную обстановку ея жизни. Она отошла отъ окна и съ тяжестью въ душѣ, съ сознаниемъ пустоты жизни, долго простояла, прислонившись къ стѣнѣ, съ выраженіемъ горечи на устахъ. Потомъ вдругъ, упавъ лицомъ въ подушки постели, она заплакала, въ рыданіяхъ изливая жалобы на свою одиноко протекающую молодость.

Безильная, холодная и униженная, она, шатаясь, вновь подошла къ баллюстрадѣ окна. Не волнуемая болѣе любовными мечтами и какъ бы омывъ слезами свои чувства, она опять принялась вызывать образы. Это по прежнему были Леклидъ, Ларамэ, соединеніе этихъ двухъ лицъ, но сюда примѣшивалось еще кое-что: революція, счастье людей, великое возрожденіе человѣчества, весь энтузіазмъ юной безпокойной мысли, вся пламенная вѣра новообращеннаго, гдѣ она уже забывала себя, какъ женщину.

И вдругъ она вспомнила собраніе у Франсуа, гдѣ Леклидъ, ея отецъ и она сама такъ волновались. Революціонеры очень хорошо отвѣчали, но и тотъ, этотъ Янусъ..

— Почему Янусъ?

Она не понимала, почему дали такое прозвище? Развѣ только хотѣли имъ показать, что у этого человѣка двѣ вѣры?

— Лицемѣръ?

И въ ней вновь вспыхнуло раздраженіе противъ еретика, хуже, отрицателя. Въ особенности его преступное заявленіе; „естественнаго права нѣтъ“ казалось Евѣ такимъ же холоднымъ и мрачнымъ, какъ атеизмъ вѣрующему. Но Леклидъ, ея отецъ и всѣ прочіе разбили этотъ аргументъ. Разбили? Но почему же онъ остался спокоенъ, а остальные волновались и что-то болтали?

— Лицемѣръ?—повторила она.

Она вся дрожала отъ отвращенія. Съ какимъ презрѣніемъ осмѣлился онъ стричать роль женщины въ революціи, ставя женщину ниже мужчины, дѣлая ее подчиненной, матерью, лишенной логики, благодаря роковой случайности пола. Какая несправедливость! Точно всѣ человѣческія существа не стоятъ другъ друга? Ибо только воспитаніе и мужской эгоизмъ, а отнюдь не ея природа отодвинули женщину назадъ!

Уязвленная въ своихъ убѣжденіяхъ и тщеславіи, она чувствовала, что ненавидитъ этого чужака, и не раздѣляетъ симпатіи своего отца. Буржуа! О, конечно, настоящій буржуа! Она закрыла глаза и вновь увидѣла его, съ спокойнымъ лицомъ, съ медлительными жестами, неповоротливаго, съ сильнымъ голосомъ...

— Онъ не дурень, надо быть справедливой!.. Вотъ у Леклида голосъ звонкій, онъ краснорѣчивъ и его рѣчь хватаетъ за душу!

Но, не смотря на это, тотъ стоялъ передъ ней неотступнымъ призракомъ, какъ еретикъ передъ инквизиторомъ. Мрачная сектантская жестокость, вѣчная непримиримая ненависть проповѣдниковъ рая на землѣ къ сомнѣнію заговорили въ ней; и она смутно начинала желать гибели этого Януса. Другіе возмущали ее, были противны, но всѣ они, какъ и она, принимали первобытное „право“, какъ основу, какъ твердую опору принциповъ.

— Лицемѣръ!

Въ мягкости надвигавшихся сумерекъ ненависть Евы разсѣялась. Нѣсколько минутъ она простояла неподвижно, постепенно освобождаясь отъ тяжелыхъ размышленій, и вновь принялась смотрѣть на улицу. Сѣверная красота вечера, принесшая успокоеніе всему окружающему, побѣдила Еву. Она снова вернулась къ своей первоначальной мысли объ избранникѣ. Холодной, жесткой, равнодушный человѣкъ уступилъ мѣсто болѣе мягкому. Какъ жаль, что этотъ Ларамѣ немного не выше ростомъ! Она съ нѣжностью подумала также объ

ограниченности его ума. Но, не смотря ни на что, она все же предпочитала его. И въ послѣднихъ лучахъ потухающихъ сумерекъ граціозность маленькаго человѣчка, съ красивой бородой, съ прозрачной чистой глазъ, съ изысканнымъ туалетомъ и гладкой и здоровой кожей, выступила еще ярче. Да, онъ прекрасенъ!

На востокъ поднимался тонкій мѣдно-красный серпъ луны. Съ улицы до Евы донесся запахъ жаренаго картофеля, а фонари бросали желтыя ленты свѣта на тротуары и на дорогу.

Скоро вернется отецъ.

— Скорѣе за обѣды!—прошептала Ева.

III.

Раздраженная буржуазнымъ романомъ, взятымъ изъ библиотеки, романомъ, гдѣ герой съ торжествомъ очутился на вершинѣ богатства благодаря своему труду, по словамъ автора, Ева нервно выпрямилась.

— Свифтъ!.. Онъ называетъ *своимъ* трудомъ трудъ тысячи своихъ рабочихъ!..

И, охваченная злобнымъ протестомъ, она отбросила книгу. Потомъ она остановилась въ нерѣшительности, съ горящимъ взоромъ, не переставая внутренно спорить съ писателемъ.

— Что онъ, дуракъ или негодяй?.. Не понимать, что его полезный человѣкъ ничто иное, какъ эксплуататоръ!

Къ ней вернулось спокойствіе, кровообращеніе стало равномѣрнѣе, тревожная паутина мысли разсѣялась въ ея мозгу и она почувствовала, что успокоилась, просидѣвъ въ комнатѣ цѣлый день. Двѣ минуты спустя она накрыла на столъ, убрала рабочій ящикъ, книги, брошюры, потомъ открыла окно. Погода была прекрасная.

— Пойду отцу навстрѣчу. И когда это станутъ писать романы съ дѣйствительно честными героями?

Она надѣла маленькую шляпку и стала обыкновенной парижской фланеркой. Выйдя на улицу, она гордо зашагала по мостовой.

Помѣщеніе коллективистовъ-федералистовъ XIV округа было далеко не великолѣпно, нѣчто вродѣ заброшенной танцевальной залы кабака, съ ужасными стѣнами, измазанными сыростью, и съ застоявшимся воздухомъ, пропитаннымъ плѣсенью. Въ обыкновенные вечера стулья были сложены въ глубинѣ залы въ видѣ параллелепипеда, тяжелой тоской вѣяло отъ деревянной эстрады, и единственный газовый рожокъ слабо освѣщалъ синеватыя и сѣроватыя пятна, два или три

стола, гдѣ сидѣли группами собесѣдники, или грязную афишу, возвѣщавшую о какой-нибудь вечеринкѣ. Въ общемъ это была холодная лѣтомъ пещера и гнѣздо ревматизма во всѣ времена года.

Въ этотъ вечеръ спѣшное дѣло, собравшее здѣсь человѣкъ двадцать, было окончено, и посѣтители медленно допивали три или четыре бутылки вина и разведеннаго абсента. Многие говорили вмѣстѣ, какъ всегда, и голоса повышались и понижались, отражаясь отъ голыхъ стѣнъ.

При скудномъ освѣщеніи они походили на нищихъ; ихъ жесты были необыкновенно однообразны, ихъ гнѣвъ смѣхотворенъ. Нѣкоторые просто пережевывали рассказы о происшествіяхъ въ мастерской или на улицѣ, но большинство было занято сектантскими интересами и перебирали вѣчную социальную исторію. И самымъ многословнымъ, воодушевленнымъ и неистощимымъ былъ Равьеръ. Сидя лицомъ къ лицу съ Лонжтурномъ, редакторомъ «La Revendication proletaire», онъ кричалъ:

— Они не посмѣютъ, понимаешь!.. Чортъ побери, ты понимаешь, еслибы правительство не боялось социализма, то почему бы не позволить сдѣлать нѣсколько опытовъ... Ему это предлагаютъ... Сампру и Пуларъ.. два молодца, специально изучавшіе и основательно знающіе земледѣліе... но правительство опасается ихъ. И что же! Сампру и Пуларъ посылали петицію за петиціей... просили дать имъ два или три гектара необработанной земли... и кредитъ на покупку машинъ и на содержаніе на нѣкоторое время... они брались произвести опытъ съ первыми встрѣчными, набранными въ деревняхъ. Правительство послало ихъ къ чорту. Оно очень боялось, это правительство. Знаешь ли, какое бы это впечатлѣніе произвело на крестьянъ? На десять верстъ кругомъ ихъ хозяйства всѣ стали бы коллективистскими!.. О! коллективная обработка земли въ крупныхъ размѣрахъ! Вотъ, напримеръ, здѣсь рѣка, мѣсто сырое, вмѣсто того, чтобы во что бы то ни стало засѣвать его негодными злаками, я имѣю здѣсь хорошее пастбище, съ мягкой травой, а повыше, гдѣ суше...

Лонжтурнъ, холодный, какъ ледь, съ выразительнымъ лицомъ, обрекъ себя на выслушваніе этихъ рѣчей, съ трудомъ сдерживаясь отъ зѣвоты. И въ то время, какъ энтузіазмъ собесѣдника все возрасталъ, Лонжтурнъ мысленно видѣлъ сотни удачныхъ или неудачныхъ опытовъ, непреодолимую людскую неподвижность въ подражаніи примѣру и ужасное общее равнодушіе къ рыданіямъ обездоленныхъ. Онъ плевалъ на все, въ сущности даже и на свою газету „La Revendication proletaire“ и, оставаясь все же однимъ изъ

вѣрныхъ приверженцевъ партіи, еле зарабатывалъ отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ въ годъ, необходимыхъ для его скуднаго существованія. И съ своей обычной, ставшей безсонзательной гримасой отвращенія, онъ проворчалъ:

— Ты правъ, даже слишкомъ; отказывать въ опытахъ это ихъ дѣло, и съ этой бесовѣстной сволочью возможно только насиліе.

И Равверъ, весь въ поту, опять началъ громить, поднявъ побѣдоносный кулакъ и забывъ о выпивкѣ Лонжтурнъ одинъ осушилъ бутылку маленькими рюмками, уменьшившими необъятность его безнадежной скуки, заставлявшей его ежеминутно вытирать вспотѣвший лобъ.

— Вотъ твоя дочь, гражданинъ.

Равверъ медленно обернулся.

— Я подумала, отчего бы мнѣ не пойти за тобой,—сказала Ева.

На сухихъ щекахъ Лонжтурна и въ грустныхъ, кроткихъ глазахъ его скользнула привѣтливая улыбка. Какъ почти у вѣселаго кружка, у него также просыпалась въ сердцѣ тревога при видѣ этой милой единомышленницы, а, какъ редакторъ и мѣстная знаменитость, онъ спрашивать себя, почему бы этой жной особѣ оставаться равнодушной къ его заслугамъ?

Но она, однако, оставалась равнодушной къ нимъ и терпѣть не могла Лонжтурна. На всѣ его попытки она отвѣчала отказомъ. Онъ бы продолжалъ борьбу, но ему нужно было уходить по дѣлу.

— Половина десятаго! Мнѣ пора улетучиваться.

— Какъ! Половина десятаго?—воскликнулъ Равверъ.— Развѣ я не сказалъ тебѣ, Ева, что долженъ просидѣть часокъ—другой у Северэна? Бѣднягѣ все не лучше.... Придется тебѣ возвращаться одной. Ты что выпьешь?

— Ничего.

Отецъ съ минуту смотрѣлъ на дочь съ хвастливымъ восхищеніемъ. Ну, не молодчина ли? Но рядомъ разгорался споръ. Какой-то смѣшной старикашка, по прозвищу „сынъ желѣза“, уцѣпился за пуговицу нѣкагого гражданина Уазо, безпокойнаго, дрожащаго проныры, съ хохломъ, какъ у попугая, на сморщенномъ черепѣ.

— Ну вотъ! Огромные склады, во сто разъ большіе, чѣмъ рынки, и въ такомъ великолѣпномъ порядкѣ, такъ хорошо устроенные, что, какъ взглянешь, сейчасъ же увидишь, что тебѣ нужно. А почему же нѣтъ? По моему, это очень легко сдѣлать, и я нахожу вполне естественнымъ для человѣка все раскладывать по мѣстамъ.

— А по моему, это вовсе не естественно; я всегда видѣлъ всѣ хозяйства въ безпорядкѣ.

— Прекрасно! Но ты говоришь о частныхъ хозяйствахъ!.. А я говорю объ общей организаціи, понимаешь! Возьми Лувръ или Потэна. Хозяйство огромное и въ полномъ порядкѣ.

Уазо, убѣжденный коллективистъ на людяхъ, въ интимной бесѣдѣ склоненъ былъ къ ереси.

— Потэнъ или Лувръ, да вѣдь ими управляютъ хозяева. Этого смѣшивать не слѣдуетъ.

— Пустая твоя башка! Если тамъ хозяева, то мы, по твоему, не можемъ, что ли, выбрать своихъ людей?

— Тогда будутъ злоупотребленія.

— Злоупотребленія? — вмѣшался Равьеръ.— Они будутъ невозможны, благодаря неумолимой дисциплинѣ. Всѣхъ мошенниковъ моментально въ петлю, какъ въ войскахъ. Подумайте, гражданинъ, вѣдь армія учрежденіе еще гораздо болѣе сложное, чѣмъ Лувръ, а развѣ въ ней нѣтъ порядка?

— Но и тамъ бывають злоупотребленія... да и начальники у нея есть!

— А мы? Ты полагаешь, у насъ не будетъ директоровъ? Только для того, чтобы не допускать злоупотребленій, мы чаще будемъ ихъ смѣнять.

— Но вѣдь солдаты живутъ, какъ собаки, а я, понимаешь ли, не желаю, чтобы мной командовалъ какой-нибудь капраль.

— Начальники въ этомъ не виноваты, это недостатокъ самой системы. Армія создана для жестокаго дѣла, но мудрость ея практической организаціи... ея сила, приспособленная для служенія счастью человѣка... насъ избавитъ отъ нищеты. Подожди... Не надо смѣшивать организацію съ цѣлью организаціи. Организація—это оружіе, могущее служить добру или злу. Мы же хотимъ заставить ея служить только добру! Вѣдь это ясно, не правда-ли?

— Ты говоришь, что армія всегда хорошо организована? Да простые рабочіе лучше бы устроили дѣло подъ Седаномъ, чѣмъ вся эта офицерская шваль.

— Что-жъ это доказываетъ? Что организація можетъ быть плохо поставлена? Чортъ возьми!.. Но посмотри за то, какъ великолѣпно устроена прусская армія!

— А я тебѣ говорю, что социальная организація еще труднѣе, чѣмъ организація арміи.

— Какая чепуха!

— Ты выпивши, Лорэнъ!

— Ссс...—свистнулъ Равьеръ.—Пусть-ка мнѣ дадутъ двѣ тысячи человѣкъ и землю... и власть на одинъ годъ... и увидимъ, трудно ли это. Надо только хотѣть!.. хотѣть!.. и только хотѣть! Только бы удалось убѣдить рабочихъ въ томъ, что

новое общество сведеть ихъ трудъ къ тремъ часамъ рабочаго времени и удвоить плату!..

Уаао, пренебрегая своею популярностью, воскликнулъ тономъ настоящаго буржуа:

— Хочешь расплодить тунеядцевъ, что ли?

— Трудъ—это наказаніе... полное отупѣніе... въ Библии, чортъ возьми, это недаромъ сказано!—зарычалъ Равьеръ.— Мало работая для хлѣба насущнаго, человѣкъ сохранить досугъ для умственнаго развитія. Слушай, Лорэнъ. Напрасно ты ломаешь дурака. Я увѣренъ, что ты все такъ же хорошо понимаешь, какъ и всякій другой; это ясно само собой. Такъ чего же тебѣ? Развѣ организацію на такихъ началахъ не легче создать, нежели армію?

— Напрасно ты все это говоришь! Въ твоёмъ обществѣ всё захотятъ быть аристократами, всякій ухватится за ремесло писателя, ученаго, артиста, и никто не захочетъ сварить супъ... Спасибо, еще руки марать!

— Ахъ, ты придираешься!.. Для занятій высшаго порядка.. будетъ устроенъ конкурсъ.. Общество избересть лучшихъ ученыхъ, писателей или художниковъ..

— А для выгребныхъ ямъ?.. Э? Найдешь ты любителя для нихъ?

— Бездѣльники будутъ чистить выгребныя ямы. Но мнѣ надо бѣжать. Ты идешь, Ева?

— Нѣтъ,—отвѣчала Ева,—если тебѣ все равно, то я останусь еще немного.

Это ему не было все равно, но онъ немного робѣлъ съ Евой.

— Хорошо, только не запаздывай.

Онъ ушелъ. Ева, медленно бродя по залѣ, слѣдила за маленькимъ Ларамэ, останавливаясь около отдѣльныхъ группъ.

Какой-то грязный, сухопарый человѣкъ, съ хитрымъ видомъ таинственно сообщалъ:

— Въ дипломатическихъ кругахъ ходитъ слухъ, что противъ насъ проектируется нѣчто въ родѣ правительственнаго интернаціонала... Говорятъ, Бисмаркъ въ Варцинѣ придумалъ какую-то ловкую штуку... ловкую штуку!..

Всѣ сдвинулись еще тѣснѣе, болтая о правительствахъ, и, точно приближенные ко всѣмъ королевскимъ дворамъ, называли имена дипломатовъ, комментировали невѣроятные факты.

— Знаете, и Ферри съ ними! Онъ свой грязный носъ суетъ во всѣ королевскія кухни. Говорятъ, русскій императоръ отвалилъ ему цѣлый милліонъ! У меня есть доказательства!

— Вѣрно ли это?

— Развѣ это тебя удивляетъ, гражданинъ? Почитай исторію и ты увидишь много подобныхъ примѣровъ.

Вошелъ молодой гражданинъ со впалыми щеками и оглядѣлъ группу безумнымъ взглядомъ.

— Экая свинья! Надо бы, чтобы какой-нибудь хорошій человекъ выпустилъ, наконецъ, ему всю кровь изъ жилъ.

— Ужъ этотъ Малико!

Всѣхъ охватило непріятное чувство, всѣ замолкли, а Малико ворчалъ вполголоса, выходя изъ себя изъ-за человѣческой косности. Это былъ высокаго роста человекъ, съ шафраннымъ цвѣтомъ лица, поразительной худобы, съ печатью варварской ненависти, вѣчно мучившійся трагическими грезами. Всѣ его боялись, опасаясь какого-нибудь взрыва съ его стороны, нисколько не сомнѣваясь въ искренности его храбрости. Онъ сидѣлъ, страшный, какъ стихія, съ вспыхивающими искорками доброты и бессознательнаго самоотверженія. Но какой-то злбный великанъ, съ торчащими во всѣ стороны волосами, по имени Риго, расхохотался, наконецъ, дружески ударилъ по плечу старика „сына желѣза“ и воскликнулъ:

— А слышали, этотъ фефела Жозефъ? Вы никогда не повѣрите, чѣмъ онъ сталъ теперь? Агентомъ у одного торговца святынями возлѣ перкви св. Сюльпиція. Надо видѣть глотку этого шелопаю! Хе! Вотъ сумѣлъ устроиться, молодецъ, съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилъ было подколотъ Гамбетту!

Малико равнодушно и безъ гнѣва ударилъ себя въ грудь. Всякая измѣна причиняла ему мучительную боль и ему всегда трудно было понять ренегата.

Другая группа разносила анархистовъ.

— Анархисты... это больные, дураки или шпіоны. Я другихъ между ними не знаю...

— Къ тому же они играютъ въ руку бонапартистамъ. О! Я не говорю, что они дѣлаютъ это нарочно, но это такъ... это такъ...

— Партія, позорящая революцію. Отодрать бы ихъ хорошенько!

— Глупая партія, видишь ли? Я не понимаю! Думать, что, дѣйствуя, какъ дикіе звѣри, они добьются того, что жареные рябчики будутъ имъ прямо летѣть въ ротъ.

— Ну, да это долго не протянется. Народу они уже надоѣли!

— Ты думаешь?

Ева поймала, наконецъ, Ларамэ.

Молодой человекъ слушалъ какого-то долговязаго парня, съ низкимъ лбомъ, съ шелушившимся облупленнымъ ли-

цомъ, зятанутаго въ широчайшій, висѣвпій мѣшкомъ, пиджакъ.

— Я не говорю вамъ, что хочу совсѣмъ уничтожить писателей, но, въ сущности, на что они нужны? По моему, нѣтъ ничего глупѣе романа.

— Даже революціоннаго?— закричалъ одинъ горланъ.

— Конечно, онъ только менѣе глупъ, вотъ и все! Дѣтскія игрушки, годныя для развлечения на двѣ минуты... да и развлеченіе-то плохое!

— Спасибо!—воскликнулъ Ларамэ.—Это все равно, какъ ты бы сказалъ, что музыка дурное развлеченіе.

— Я вовсе не такъ люблю музыку!—презрительно отвѣчалъ верзила.

— Это доказываетъ, что у тебя слухъ, какъ у..!—вскрикнулъ горланъ.

— Подумай,—сказалъ Ларамэ—что это была бы за жизнь, безъ книги для чтенія, безъ музыкальнаго звука для слуха? Я думаю, что общежитіе должно удовлетворять всѣмъ потребностямъ каждаго изъ своихъ членовъ... и врядъ ли найдется много людей съ такими безотрадно-суровыми вкусами, какъ у тебя, гражданинъ?

Горланъ, охотникъ до ссоръ, съ раздраженіемъ бросилъ долговязому:

— Въ концѣ концовъ, что же ты любишь?

— Что люблю?.. Что люблю?.. Дѣльный трактатъ по соціальной экономіи!

— Да полно тебѣ дурака ломать! Удовольствіе, нечего сказать! Отчего ужъ ты лучше не предложишь катехизисъ, чучело ты эдакое!

Долговязый, полный холодной гордости, ничего на это не отвѣтилъ, замкнувшись въ величіе своихъ размышленій.

Въ другомъ концѣ комнаты какой-то молодой бретонецъ, съ пѣтушинымъ голосомъ, въ фуражкѣ блиномъ рѣзко кричалъ, покрывая всѣ другіе голоса:

— Да чортъ тебя возьми, дуралей! Развѣ ты не знаешь, что въ Германіи насчитывается два милліона социалистовъ. въ Англіи милліонъ, да въ Соединенныхъ Штатахъ столько же... И неужели ты думаешь, что надо больше двухъ лѣтъ, чтобы удесятерить это количество?

Онъ трясъ за шиворотъ какого-то испуганнаго гражданина, съ мясистымъ лбомъ и посоловѣвшимъ взоромъ, увѣряя его, что великая, единая, истинная революція разразится еще до 1889 года. Все говоритъ въ пользу этого. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ партія во сто разъ увеличила количество своихъ послѣдователей. Чѣмъ сильнѣе старались подавить ее, тѣмъ большимъ успѣхомъ она пользовалась. Не къ чему

было изводить ее: приверженцы валились, точно съ луны. Люди, еще наканунѣ высмѣивавшіе ее, на другой день становились самыми горячими ея поклонниками. Да, со своими республиканскими плутнями и мошенничествами эти оппортунисты здорово затагнули себѣ петлю на шеѣ! Милліоны единомышленниковъ сами появятся, какъ изъ земли, какъ только прозвучитъ великій призывный колоколъ и красный пѣтухъ запоетъ при заревѣ пожаровъ! И на этотъ разъ безъ пустословія! Тотчасъ же откроются всѣ склады, хлѣбные магазины, обойдутъ всѣхъ бѣдняковъ и разошлютъ провізію въ садаленныя норы.

— Хорошо сказано, Ланнекъ!

Малико въ лихорадочномъ возбужденіи, вытянувъ шею, сталъ шарить по своимъ карманамъ и нащупаль, наконецъ, револьверъ.

— Не хватаетъ энергіи, — пробормоталъ онъ въ изступленіи. — Еслибы граждане поднялись со всѣхъ сторонъ, подали бы сигналъ, убивъ какого-нибудь гнуснаго министра или крупнаго промышленнаго вампира... это послужило бы примѣромъ... открыло бы глаза милліонамъ... Но на какой же подъемъ можно рассчитывать?

Онъ смотрѣлъ на стѣну, гдѣ прыгали нелѣпые силуэты, и весь охваченъ былъ страшнымъ и мрачнымъ возбужденіемъ.

— И какъ мало такихъ, кто рискнулъ бы мужественно пожертвовать своей шкурой—добавилъ онъ.

Коллективисты, скорѣе приверженцы движенія широкихъ массъ, не рѣшились, однако, порицать эту доктрину, изъ боязни показаться менѣе смѣлыми, нежели анархисты.

Ева начала потихоньку позѣвывать. Ларамэ, внимательно прислушивавшійся къ разсужденіямъ присутствующихъ, слегка разинувъ ротъ, невольно раздражалъ ее. Но маленькій человѣкъ былъ просто робокъ, зная по опыту, какъ строга дѣвица. Впрочемъ, всѣ въ кружкѣ подчинялись ея непобѣдимому очарованію, подходили къ ней, задѣвали ее, но большинство изъ нихъ не особенно привлекало ее, со своими трепанными волосами и перелицованными пиджаками.

Въ это время дверь растворилась, и вошелъ новый посѣтитель; онъ окинулъ взоромъ всю группу и остановился на старикѣ „сынѣ желѣза“ и на Риго.

— Я былъ правъ, не повѣривъ Тернану!—сказалъ онъ.

— О! Что ты говоришь?—вскричалъ Риго.

— Тернанъ—шпіонъ.

— Не можетъ быть!

Всѣ подошли къ вошедшему.

— Тернанъ — вотъ этотъ маленькій съ кривой шеей? — спросила Ева Ларамэ.

Изъ Англіи.

I.

«Намъ нужны факты, факты и еще факты»,—сказалъ какъ-то видный англійскій общественный дѣятель, когда дѣйствительность выдвинула одинъ изъ самыхъ серьезныхъ экономическихъ вопросовъ. Люди, по мнѣнію англичанъ, меньше всего умѣютъ точно наблюдать. Легче всего имъ поэтому создавать фантастическія гипотезы. Это—исконное свойство человеческого ума. Легче было создать легенду о сварливыхъ водяныхъ духахъ, чѣмъ поставить въ причинную связь шорохъ воды о камни и рокочущій звукъ. То же самое явленіе мы наблюдаемъ, по мнѣнію англичанъ, при изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ.

Вотъ и теперь, когда дѣйствительность снова выдвинула здѣсь вопросъ о безработныхъ, мы видимъ любопытную попытку начать съ тщательнаго накопленія фактовъ и анализа ихъ. По терминологіи, установившейся въ Англіи, безработные дѣлятся на двѣ категоріи: 1) на не желающихъ и не могущихъ работать (Unemployable) и 2) на желающихъ работать, но не могущихъ найти спросъ на свой трудъ (Unemployed). Къ первой категоріи относятся калѣчки, слабоумные, старики и профессиональные бродяги, кочующіе круглый годъ изъ одного рабочаго дома въ другой. Вторая категорія раздѣляется на профессиональныхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ какому-нибудь трэдъ-юніону, и на чернорабочихъ (casuals), часто мѣняющихъ профессіи въ зависимости отъ спроса на трудъ. Въ Англіи ведется очень тщательная статистика безработныхъ, но она касается только трэдъ-юніонистовъ. О процентѣ безработныхъ среди профессиональныхъ рабочихъ даютъ представленіе слѣдующія цифры за десять лѣтъ.

	1897.	1898.	1899.	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.	Средн. % ^o
Процентное отношен. без- работныхъ.	3,4	3	2,4	2,9	3,8	4,4	5,1	6,5	5,4	4,1	3,6 *)
Отъ января до апрѣля 1907 г. % ^o безработныхъ среди трэдъ-											

*) The Reformers' Year Book, 1908, p. 146.
Январь. Отдѣль II.

юнионистовъ былъ 3,3. Этотъ % гораздо ниже средняго для Западной Европы, не говоря уже о Россіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ городахъ процентъ безработныхъ среди профессиональных рабочихъ достигаетъ теперь 50 и даже 60. Анализъ таблицы, приведенной выше, показываетъ, что безработныхъ было особенно много въ 1902—1905 гг. Это была цѣна, уплаченная пролетаріа томъ за южно-африканскую войну. Среди casuals, или чернорабочихъ, процентъ безработныхъ гораздо выше, чѣмъ среди трэдъ-юнионистовъ; но тутъ мы не имѣемъ точной статистики. По расчетамъ П. Лауренса, casuals, не находящихъ спросъ на свой трудъ, въ 2½ раза больше, чѣмъ трэдъ-юнионистовъ. Такимъ образомъ, общій % безработныхъ въ Англии за послѣдніе годы выразится слѣдующими цифрами:

	1897.	1898.	1899.	1900.	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.
Процентное отношеніе без- работныхъ.	8,5	7,5	6	7	9,5	11	12,5	16	13,5	10*

Приблизительно, общее число всѣхъ безработныхъ въ Англии, какъ трэдъ-юнионистовъ, такъ и casuals, можно считать теперь около 500.000. Въ февралѣ этого года Джонъ Бернсъ опредѣлялъ общее число безработныхъ только въ 100—150 тысячъ. Громадная разница въ расчетѣ объясняется крайне пестрымъ составомъ «casuals». Сегодня они «докеры» и тянутъ лямкой громадный океанскій пароходъ, которому нужно войти въ доки, завтра они вертятъ колесо машины, красятъ или помогаютъ при строительной работѣ. При такой частой перемѣнѣ занятій статистика можетъ вестись только приблизительно. А между тѣмъ для выясненія вопроса о безработныхъ необходимы точные факты, и вотъ мы опять видимъ, что значить, когда инициатива въ каждомъ дѣлѣ принадлежитъ самимъ гражданамъ. Въ Англии образовалось общество, поставившее себѣ цѣлью изученіе безработнаго пролетаріата (Outer London Inquiry Committee). Желая исходить изъ точно проверенныхъ фактовъ, общество предприняло по собственной инициативѣ и выполнило собственными средствами грандіозный трудъ: поквартирную перепись Уэстъ-Хэма, одной изъ муниципальныхъ республикъ, входящихъ въ составъ федеративнаго союза, имя которому Лондонъ. Получился громадный томъ, только что вышедшій въ свѣтъ и озаглавленный: «West Ham: A study in Social and Industrial Problems. Compiled by Edward G. Howarth and Mona Wilson». Книга эта, начиненная цифрами и діаграммами, является для Уэстъ-Хэма тѣмъ же, что трудъ Чарльза Буса **) для Лондона или изслѣдованіе Раунтри ***) для Йорка.

*) См. „Labour Record and Review“ for October, 1906, p. 170, а также „Reformers' Yearbook“, 1908, p. 147.

**) „Labour and Life of the People“. Вышло IX томовъ.

***) „B. S. Rowntrele“, Poverty: A Study of town Life. Объ этой книгѣ

Уэсть-Хэмъ—округъ, гдѣ находятся доки. Когда-то тутъ были болота, заливаемые во время приливовъ. Теперь тутъ ютится населеніе въ 275 тысячъ, состоящее въ значительной части изъ чернорабочихъ. Уэсть-Хэмъ самый бѣдный округъ Лондона, классическое мѣсто для изслѣдованія вопроса о безработныхъ. Уже въ XIII вѣкѣ трудолюбивое населеніе, дѣйствуя артелью, осушило часть болота, укрѣпило берегъ рѣки и проложило удобныя дороги. Возникло нѣсколько богатыхъ деревень. Населеніе снимало урожай съ тучной земли, разводило тонкорунныхъ овецъ, шерсть которыхъ вывозило въ Италію. На рѣкѣ Ли (теперь—мутная канава, отравленная заводами, а тогда—чистый и быстрый потокъ) шумѣли всюду мельницы. Въ старинной англійской поэмѣ, изображающей положеніе крестьянъ до возстанія Уота Кровельщика (Тейлера), Джэка Мельника и Джона Болла,—въ «Видѣніи плугаря Питера» (*The Vision of Piers Plowman*) говорится про сытую, довольную жизнь обитателей Уэсть-Хэма. Въ XVII и въ началѣ XVIII в.в. Уэсть-Хэмъ росъ и богатѣлъ вмѣстѣ съ Лондономъ. Число мельницъ на Ли увеличилось. Населеніе отвоевало у рѣки еще больше болотъ и превратило ихъ въ луга, на которыхъ паслись стада овецъ. Знающему современный Уэсть-Хэмъ съ его мрачными «пустынями каменныхъ домовъ», съ его грязью и удручающей бѣдностью, странно читать у писателей первой половины XVIII вѣка про громадные сады и про зеленыя поля. Мѣсто было такъ красиво, что здѣсь любили строиться богатые лондонцы. Во второй половинѣ XVIII вѣка на быстрой рѣкѣ Ли рядомъ съ мельницами возникаютъ уже ситцевыя фабрики.

Но вотъ началось массовое разореніе деревни и стихійное движеніе въ городъ. Ограбленные крестьяне, у которыхъ отняли землю, явившись въ городъ, вынуждены были селиться въ самыхъ нездоровыхъ мѣстахъ и заняли поэтому оставшіяся болота. Присутствіе голытьбы, жаждавшей продать за какую угодно цѣну свое единственное достояніе—силу рукъ, вызвало въ Уэсть-Хэмѣ къ существованію нѣсколько фабрикъ. «Чистота воды въ Ли и громадные луга дѣлали мѣсто особенно удобнымъ для набиванія ситцевъ и просушки ихъ. За ситцевыми фабриками возникли другія. Въ началѣ XIX вѣка кустарники, въ которыхъ такъ любили прятаться контрабандисты,—исчезли. Вмѣсто нихъ всюду выросли улицы и переулки, обстроенные каменными мурьями». О быстромъ ростѣ Уэсть-Хэма свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія цифры:

я писалъ подробно въ свое время въ „Русскомъ Богатствѣ“ (см. „Очерки Современной Англій“, стр. 454—483).

Годы.	Площадь въ акрахъ.	Населеніе.
1801	5390	6485
1811	5390	8136
1821	5390	9753
1831	5390	11580
1841	5390	12738
1851	5390	18817
1861	5390	38331
1871	4667 *)	62919
1881	4667	128953
1891	4706	204903
1901	4683	267358 **)

Въ настоящее время населеніе Уэсть-Хэма достигаетъ 275 тысячъ. Анализъ таблицы показываетъ, что населеніе быстро увеличивалось, не смотря на то, что площадь сократилась. Въ 1861 г. и въ 1881 г. мы замѣчаемъ особенный приливъ населенія. Объясняется это двумя кризисами: въ области фабричной и земледѣльческой. Во второй половинѣ XIX вѣка фабрики изъ Уэсть-Хэма, вслѣдствіе различныхъ причинъ, переносятся въ другіе округа. Главнымъ источникомъ дохода Уэсть-Хэма становятся доки. Мы имѣемъ передъ собою крайне пестрое, бѣдное рабочее населеніе, съ преобладаніемъ casuals, т. е. людей, перебивающихся всю жизнь случайнымъ заработкомъ. Въ Уэсть-Хэмѣ селятся иностранцы, только что прибывшіе въ Лондонъ и хватающіеся за какой угодно заработокъ, поэтому округъ—классическое мѣсто для изслѣдованія «потогонной системы». Случайность заработка характерная особенность въ жизни не только иностранцевъ, но и коренного населенія Уэсть-Хэма. Составители упомянутаго труда тщательно выяснили этотъ пунктъ, крайне важный для выводовъ о причинахъ безработицы.

Въ Уэсть-Хэмѣ безработица — постоянное явленіе. «Результатомъ преобладанія случайной работы въ округѣ является хроническое состояніе «недозаработыванія», under-employment, — говорятъ составители книги. Во многихъ случаяхъ средній заработокъ недостаточенъ для сноснаго существованія. Жизнь становится еще труднѣе вслѣдствіе случайности заработка *). При такихъ условіяхъ

*) Пустырь въ 723 акра былъ отчисленъ отъ Уэсть-Хэма.

***) West Ham: A study, etc., p. 6.

***) Вотъ одна изъ таблицъ, показывающая бюджетъ «casual» за цѣлый годъ. Цифры эти крайне интересны, такъ какъ представляютъ, кажется, первую попытку въ этомъ родѣ.

(West Ham: A Study in Social and Industrial Problems. p. 249).

1906 годъ.			
Недѣльный заработокъ.			
6 Января	38 ш. 4 п.	3 Февраля	ничего
13	5 > 10 >	10	ничего
90	11 > 3 >	17	42 ш. 9 п.
27	7 > 3 >	24	4 ш.
<i>Средній</i>	<i>13 ш. 6 п.</i>	<i>Средній</i>	<i>10 ш.</i>

понятно, что застои въ промышленности или суровая погода могутъ гибельно отозваться на населеніи Уэсть-Хэма. Жизнь округа можетъ быть формулирована такъ: хроническое голоданіе съ интервалами голоданія усиленнаго *).

II.

Въ Англии давались и даются много объясненій причинъ безработицы. «Каждая партія имѣетъ свое объясненіе, — говоритъ Кэмпбелль. Лондонскіе рабочіе готовы видѣть причину въ приливѣ немущихъ иностранцевъ и сельскихъ работниковъ. Ланкаширскіе ткачи говорятъ о настойчивой конкуренціи ткацкихъ фабрикъ въ Бомбеѣ, гдѣ туземный рабочій за пригоршню риса и за нѣсколько мѣдныхъ монетъ готовъ работать 18—19 часовъ въ сутки, безъ перерывовъ круглый годъ. Другіе ткачи толкуютъ о необходимости биметаллизма. Рабочіе въ Бредфордѣ, Лидсѣ, Нетингемѣ, Лейстерѣ и Нортгэмптонѣ усматриваютъ причины безработицы въ запретительныхъ тарифахъ Макъ-Кинли, во вторженіи германскихъ и французскихъ товаровъ на англійскіе внутренніе рынки и въ потерѣ нейтральныхъ рынковъ. Фермеры и лэндлорды зловѣщие говорятъ, что земледѣліе погубило, потому что въ Англии нѣтъ ввоз-

8 Марта	15 ш. 10 п.	4 Августа	20 » 9 »
10	8 » 6 »	11	11 » 7 »
17	43 » 2 »	18	36 »
24	16 » 10 »	26	5 » 10 »
31	15 »	<i>Средній</i>	17 » 6 »
<i>Средній</i>	17 ш. 6 п.		
7 Апрелья	24 » 9 »	1 Сентября	5 ш. 3 п.
14	18 »	8	13 » 11 »
21	19 » 9 »	15	16 » 3 »
28	8 » 6 »	22	27 » 9 »
<i>Средній</i>	17 ш. 6 п.	29	ничего
5 Мая	ничего	<i>Средній</i>	12 » 6 »
12	10		
19	13 ш. 6 п.	6 Октября	24 » 6 »
26	1 » 9 »	13	19 » 9 »
<i>Средній</i>	5 шил.	20	15 » 7 »
2 Июня	13 » 6 »	27	4 »
9	27 » 4 ¹ / ₄ »	<i>Средній</i>	15 »
16	31 »		
23	36 » 4 »	3 Ноября	35 » 1 »
30 Июня	5 ш. 10 п.	10	6 »
<i>Средній</i>	22 » 6 »	17	21 » 11 »
7 Июля	10 » 6 »	24	12 » 9 »
14	35 » 8 »	<i>Средній</i>	17 » 6 »
21	36 » 9 »		
28	10 » 6 »	1 Декабря	ничего
<i>Средній</i>	22 » 6 »	8	ничего

Въ теченіе года рабочій, бюджетъ котораго приведенъ здѣсь, былъ докеромъ, носильщикомъ угля, фургонщикомъ, красильщикомъ, разносчикомъ рекламъ и объявленій и пр.

*) West Ham, etc., p. 401.

нихъ пошлинъ на хлѣбъ и сельскіе продукты. Если мы отправимся въ Германію или во Францію, то убѣдимся, что тамъ рабочіе усматриваютъ причины безработицы въ конкуренціи со стороны Англіи, вытѣсняющей мѣстные фабрикатъ съ внутренняго рынка и предоставляющей имъ только международные рынки. Правительства на континентѣ установили цѣлый рядъ запретительныхъ тарифовъ съ цѣлю недопущенія англійскихъ товаровъ на внутренніе рынки. И, не смотря на это, тамъ есть люди, сидящіе безъ работы и жалующіеся на англійскую конкуренцію. Британскія колоніи, а въ особенности Австралія и Канада, усиленно слѣдуютъ примѣру европейскихъ континентальныхъ странъ и Соединенныхъ Штатовъ. Путемъ высокихъ пошлинъ колоніи бойкотируютъ англійскіе фабрикатъ. Тѣмъ не менѣе и въ Канадѣ, и въ Австраліи вопросъ о безработныхъ имѣетъ такой же острый характеръ, какъ и въ Англіи. Изъ этого короткаго перечня видно, что вопросъ о безработныхъ неразрывно спаянъ съ современной формой производства. За всѣми отдѣльными, такъ сказать, мѣстными объясненіями явленія кроется какая-то одна общая первопричина *)). То же самое выясняетъ другой англійскій изслѣдователь вопроса о безработныхъ. «Это явленіе до сихъ поръ разсматривалось, или какъ случайная социальная болѣзнь, происходящая отъ временнаго промышленнаго кризиса, или какъ результатъ лѣности, неспособности и пьянства отдѣльныхъ индивидуумовъ, или, наконецъ, какъ естественный и неизбѣжный фазисъ цивилизаціи,—говоритъ этотъ изслѣдователь, крайне любопытный по своему социальному положенію.—Такъ какъ вторая причина, т. е. лѣнь и пьянство, не приводится уже ни однимъ сколько-нибудь серьезнымъ писателемъ, то достаточно указать, что «безработность» не есть временное состояніе отдѣльнаго индивидуума, а постоянное социальное явленіе, своего рода трясины, куда дѣйствительность непрерывно толкаетъ работниковъ. Отъ личныхъ качествъ того или другаго индивидуума можетъ зависѣть, кого изъ нихъ возьмутъ на работу, но они не рѣшаютъ, сколько останутся *безъ работы*. Если кто-нибудь разсчитываетъ нерадиваго и неспособнаго работника, то только потому, что среди безработныхъ есть болѣе способные. Хорошаго работника вытаскиваютъ изъ трясины и бросаютъ туда менѣе способнаго. Въ силу этого общее число безработныхъ, въ сущности, не измѣняется. Дѣло въ томъ, что безработица есть результатъ такихъ экономическихъ условій, надъ которыми индивидуумъ не имѣетъ контроля. Лѣнь и пороки мы встрѣчаемъ во всѣхъ классахъ. Богатые люди повинны въ этомъ столько же, если даже не больше, чѣмъ бѣдные. Во всякомъ случаѣ въ пользу послѣднихъ можно привести больше смягчающихъ обстоятельствъ, такъ какъ бѣдняки часто начинаютъ пить вслѣдствіе неправильности работы, низкой заработной платы.

*) D. Campbell, The Unemployed Problem. London, 1902. p. 4—5.

и нищеты, доводящей до отчаянія.. Многие, въ томъ числѣ нѣкоторые экономисты, склонны объяснять безработицу застойемъ въ промышленности, «плохими дѣлами», хотя не всегда точно опредѣляютъ, что именно они подразумеваютъ подъ этимъ понятіемъ. Не всѣ знаютъ, какъ велико число безработныхъ даже тогда, когда «дѣла хороши». Считается вполне нормальнымъ, если 2% тредъ-юнионистовъ находятся безъ работы. Среди неорганизованныхъ рабочихъ въ той же области промышленности процентъ гораздо выше. Даже въ то время, когда промышленность достигаетъ необыкновеннаго расцвѣта,—въ Англии не меньше 20—30 тысячъ безработныхъ тредъ-юнионистовъ. Что же касается общаго числа безработныхъ, то оно здѣсь рѣдко бываетъ меньше, чѣмъ 150.000. Въ доказательствахъ, напр., сегодня находятъ работу Джэкъ, а завтра—Джимъ. Оба они считаются работающими; но, въ сущности, и тотъ и другой хронически «недорабатываютъ», сколько они могли бы и хотѣли. При составленіи отчетовъ о числѣ безработныхъ во вниманіе не принимаются сидящіе безъ службы клерки, страховые агенты, дежурные въ складахъ и пр. Не принимаются, конечно, также во вниманіе профессиональные бродяги, нищие и преступники, которые могли бы взять работу, только вытѣснивъ кого-нибудь другого. Считающіе безработицу результатомъ «плохихъ дѣлъ» должны были бы изучить отчеты министерства торговли и промышленности. Въ 1905 г., напр., судя по отчетамъ, дѣла были лучше, чѣмъ когда-либо раньше, а между тѣмъ процентъ безработныхъ былъ очень высокъ. Промышленные кризисы, мертвые сезоны, перемѣны моды, нарушеніе равновѣсія, созданное войной, могутъ усилить безработицу, обострить симптомы болѣзни, но корни лежатъ не въ перечисленныхъ причинахъ, а гораздо глубже. Вотъ почему, при всемъ добромъ желаніи, палліативы не могутъ помочь злу, если во вниманіе не приняты корни *)).

При сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ фактамъ существованіе безработныхъ должно намъ казаться уродливымъ парадоксомъ. Въ самомъ дѣлѣ. Статистика говоритъ намъ, что безработныхъ особенно много среди каменщиковъ и въ строительномъ дѣлѣ. Значитъ ли это, что все населеніе Англии живетъ въ такихъ удобныхъ помѣщеніяхъ, что строиться некому? Нѣтъ, грязныя, нездоровыя, полуразрушенныя мурьи существуютъ въ каждомъ большомъ городѣ. Коттеджи сельскихъ работниковъ, большею частью, совершенно не удовлетворительны (съ англійской точки зрѣнія). Доходъ націи увеличивается съ каждымъ годомъ и вычисляется теперь въ 1.800.000.000 ф. ст.; но только треть этой суммы идетъ на заработную плату. «Ростъ трѣстовъ и быстрая концентрація промышленности въ немногихъ рукахъ увеличиваетъ

*) The Countess of Warwick, «Unemployment: its Causes and Consequences», p. 7—8.

ту часть дохода націи, которая идетъ въ видѣ ренты.—Естественнымъ работодателемъ народа является самъ народъ. Между тѣмъ народъ видитъ, какъ все увеличивающаяся часть богатствъ, производимыхъ имъ, отнимается у него. Она не тратится даже на предметы роскоши, производимые другими работниками, а только содѣйствуетъ еще большей концентраціи капитала и накопленію богатствъ. Такимъ образомъ сами работники сокращаютъ поле труда для себя и своихъ товарищей. Покупательная способность переходить отъ тѣхъ, которые особенно нуждаются въ ней, къ тѣмъ, которые давно совершенно пресытились и имѣютъ только одно стремленіе — къ финансовому господству. Промышленность развивается, но число ткацкихъ фабрикъ, заполняющихъ міровые рынки своими фабрикатами, — не увеличивается. Еслибы судостроительная работа и дѣло на ткацкихъ фабрикахъ могли быть выполнены автоматами, то, навѣрно, образовался бы трѣсть, который, скупивъ патенты на изготовленіе этихъ машинъ, сталъ бы получать всѣ доходы съ упомянутыхъ отраслей промышленности. Если вся земля и капиталъ могутъ принадлежать 100.000 владѣльцамъ, то почему не 100? Если 100.000 работникамъ можно отказать въ правѣ на работу въ странѣ, которую они обогатили своимъ трудомъ, то почему нельзя сдѣлать того же самаго по отношенію къ миллиону работниковъ, разъ только они согласны терпѣть? Несправедливость заключается не въ томъ или въ другомъ числѣ безработныхъ, а въ томъ фактѣ, что хотя бы одинъ человекъ, желающій работать, не можетъ сдѣлать этого, не смотря на то, что земля, орудія производства и инструменты лежатъ праздно. Люди ходятъ безъ работы, тогда какъ часть населенія испытываетъ настоятельную нужду именно въ томъ, что могутъ произвести безработные. Отъ «мертваго сезона» страдаютъ больше всѣхъ портные, хотя тысячи людей не имѣютъ теплаго платья».

«Безработица является абсолютнымъ и неизбежнымъ результатомъ того,—говоритъ упомянутый англійскій авторъ,—что земля, желѣзныя дороги, каналы, доки, машины и другія орудія производства даютъ теперь возможность немногимъ индивидуумамъ жить на счетъ другихъ, которымъ за это предоставляется ровно столько, чтобы не умереть съ голода. По мѣрѣ того, какъ капиталъ будетъ концентрироваться въ немногихъ рукахъ, вопросъ о безработныхъ станетъ еще болѣе острымъ. Ряды безработныхъ будутъ увеличиваться клерками, агентами, раззорившимися торговцами, что мы наблюдаемъ уже въ Соединенныхъ Штатахъ» *).

«И предприниматель, и работникъ,—выясняетъ другой англійскій изслѣдователь вопроса о безработныхъ,—являются рабами рынка. Индивидуальный предприниматель не имѣетъ контроля надъ цѣнами, но самъ, такъ сказать, контролируется ими. Условія

*) Countess of Warwick, „Unemployment“.

рынка заставляютъ предпринимателя стремиться къ пониженію цѣнъ на фабрикатъ. Отсюда вытекаетъ, что фабрикантъ можетъ платить заработную плату только въ зависимости отъ положенія рынка. Такимъ образомъ, заработная плата находится внѣ контроля работниковъ. Такимъ образомъ, невинные фабрикатъ, созданные какъ результатъ мускульнаго и умственнаго труда человѣка, превращаются въ тяжелый жерновъ, дробящій своего производителя *)). Какое отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ вопросу о безработныхъ? Такъ какъ предприниматель зависитъ всецѣло отъ рынка, то конкуренція, растущая все больше и больше, заставляетъ фабриканта принимать машины, по возможности больше экономизирующія трудъ, чтобы такимъ образомъ удешевить производство. Возьмемъ, напр., ткацкое дѣло. Въ 1831 г.,—говоритъ Хэнтонъ въ своей книгѣ «Wealth and Progress»,—въ Америкѣ каждый ткачъ изготовлялъ въ годъ 956,7 ф. матеріи, а въ 1880 г.—3519,47 ф. Другими словами, въ 1880 г. три ткача изготовляли столько же ярдовъ ситца, сколько одиннадцать работниковъ въ 1831 г. Зарботная плата по отношенію къ индивидууму поднялась, быть можетъ, но по отношенію къ производимому фабрикату,—упала. Неизбѣжнымъ результатомъ является сокращеніе числа работниковъ. И если только численность рабочаго населенія не понижается пропорціонально съ введеніемъ экономизирующаго трудъ машинъ,—то естественно число безработныхъ будетъ возрастать. Возьмемъ другой примѣръ. До 1872 г. самые крупные грузовые пароходы, въ среднемъ, имѣли до 1000 тоннъ. На такомъ суднѣ требовался экипажъ по крайней мѣрѣ въ 18 человѣкъ. Въ 1883 г., вслѣдствіе изобрѣтенія новыхъ машинъ и усовершенствованія метода въ постройкѣ корпуса корабля, явились грузовые пароходы въ 4 тысячи тоннъ. Для управленія такимъ судномъ требуется экипажъ въ 30 человѣкъ. Съ 1892 г. мы видимъ уже грузовые пароходы въ семь тысячъ тоннъ, а потомъ въ девять тысячъ. Для такого корабля необходимъ экипажъ въ 35 человѣкъ. Тамъ, гдѣ всѣ матросы и кочегары малайцы или китайцы, а только офицеры европейцы,—экипажъ гораздо многочисленнѣе. Итакъ, мы видимъ, что въ двадцать лѣтъ произошла такая перемѣна: гдѣ въ 1872 г. требовалось 162 человѣка (на 9 кораблей въ 1000 тоннъ), тамъ теперь справляется экипажъ въ 35 человѣкъ. Въмѣсто девяти кораблей теперь можно строить только одинъ. Вотъ почему много кочегаровъ, корабельныхъ плотниковъ и машинистовъ осталось безъ работы. Правда, морская торговля сильно увеличилась, но не въ такой степени, чтобы всѣ работники, выброшенные за бортъ вслѣдствіе перемѣнъ въ постройкѣ судовъ, нашли бы занятіе. Обратимъ вниманіе на стоимость фрахта. Въ 1872 г. фрахтъ изъ Одессы въ Лондонъ былъ 2 ф. ст. за тонну, а теперь только 13 шилл. За

*) The Unemployed Problem. By D. Campbell.

доставку тонны чая изъ Китая въ Лондонъ платилось въ 1872 г.— семь фунтовъ ст., а теперь—два ф. ст. Тонна англійскаго угля продается въ Александріи, на разстояніи двухъ тысячъ миль отъ шахты, за 18 ш. 6 п. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, типичныхъ для настоящаго времени, можно сдѣлать слѣдующіе выводы. *Во-первыхъ*, человѣческій трудъ все болѣе и болѣе вытѣсняется машинами; это явленіе усиливается непрерывной побѣдой на рынкахъ дешевыхъ фабрикатовъ надъ дорогими. *Во-вторыхъ*, въ промышленности мы видимъ, какъ періодически (приблизительно, каждыя десять лѣтъ) старыя машины вытѣсняются новыми, улучшенными. Каждыя десять лѣтъ (приблизительно) собственники орудій производства, конкурирующіе другъ съ другомъ, расширяютъ дѣло, пользуясь прогрессомъ прикладныхъ наукъ. Каждый изъ собственниковъ сражается за себя, имѣя въ виду одну цѣль—личную выгоду. Они строятъ новые корабли, ставятъ на фабрикахъ новыя машины и все это съ тою цѣлью, чтобы выпустить дешевые фабрикаты и вытѣснить конкурентовъ на рынкахъ. Это стремленіе становится всеобщимъ послѣ нѣкотораго періода затишья, во время котораго старыя машины дослуживаютъ свое время, а погибшія суда прежней конструкціи не замѣщаются другими такого же типа. Затѣмъ каждый заводчикъ, фабрикантъ или судовладѣлецъ спѣшитъ примѣнить послѣднее слово науки. Промышленность временно достигаетъ необыкновеннаго расцвѣта, а затѣмъ начинается кризисъ. Новыя машины, вытѣснившія старыя, новые корабли, появленіе которыхъ заставило сдать старыя на сломъ,—создаютъ перепроизводство и громадное накопленіе непроданныхъ фабрикатовъ. Рабочіе болѣе не нужны, потому что фабрикантъ имѣетъ въ своихъ складахъ слишкомъ много продуктовъ ихъ труда. Наступаетъ періодъ хронической безработицы. Такимъ образомъ послѣдняя тѣсно и нераздѣльно связана съ нынѣшней формой производства. Радикальное разрѣшеніе вопроса о безработныхъ возможно поэтому только тогда, когда орудія производства будутъ не частной, а общественной собственностью. Но несомнѣненъ и тотъ фактъ, что чѣмъ современный строй болѣе демократиченъ, тѣмъ слабѣе вопросъ о безработныхъ. Наглядный примѣръ мы видѣли въ началѣ этого письма.

Теперь обратимся къ палліативамъ, т. е. къ тѣмъ средствамъ, которыя предлагаются въ Англій различныхъ общественными дѣятелями и партіями для борьбы съ безработицей. Но прежде еще нѣсколько словъ объ одной теоріи происхожденія безработицы. Выведена она изъ опровергнутой въ Англій же теоріи «заработнаго фонда» и сводится къ тому, что работа для всѣхъ найдется только тогда, когда сами рабочіе позаботятся о сокращеніи числа будущихъ конкурентовъ. Страшнѣе всѣхъ перепроизводство—перепроизводство дѣтей. Каждый имѣетъ право жить,—говоритъ Милль въ XI главѣ второй книги своей «Политической экономіи».—Этѣ

мы предполагаемъ безспорнымъ. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, которыхъ обязаны будутъ содержать другіе люди. Кто хочетъ настаивать на первомъ изъ этихъ правъ, долженъ отказаться отъ всякой претензіи на второе. Если человѣкъ не можетъ содержать даже самого себя безъ помощи другихъ, эти другіе имѣютъ право сказать, что не берутъ на себя обязанности содержать всѣхъ дѣтей, произвести которыхъ на свѣтъ онъ имѣетъ физическую способность. А между тѣмъ есть множество писателей и ораторовъ, и въ томъ числѣ людей съ самыми хвастливыми претензіями на возвышенность чувствъ,—множество писателей и ораторовъ, которые имѣютъ на жизнь такой животный взглядъ, что называютъ жестокосердіемъ мѣшать нищимъ рожать наслѣдственныхъ нищихъ въ самомъ рабочемъ домѣ. Потомство никогда съ изумленіемъ станетъ спрашивать, что это былъ за народъ, въ которомъ такіе проповѣдники могли находить прозелитовъ?

Государство могло бы гарантировать работу съ хорошею платою всѣмъ уже родившимся на свѣтъ. Но если оно сдѣлаетъ это, оно для самосохраненія и по требованію всѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, должно принять мѣры, чтобы не родился ни одинъ человѣкъ безъ его согласія... Подобно почти всѣмъ другимъ бѣдствіямъ,—говоритъ Милль въ другомъ мѣстѣ,—бѣдность существуетъ потому, что люди безъ должной разсудительности слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество именно потому и возможно, что человѣкъ можетъ не оставаться животнымъ. Цивилизація во всѣхъ своихъ сторонахъ—борьба противъ животныхъ инстинктовъ. Она доказала, что человѣкъ можетъ пріобрѣтать достаточную власть даже надъ такими инстинктами, которые принадлежатъ къ числу сильнѣйшихъ... Еслибы утвердилось въ рабочемъ классѣ мнѣніе,—заканчиваетъ Милль—что для благосостоянія работниковъ нужно извѣстное ограниченіе числа ихъ дѣтей, то работники солиднаго и почтеннаго характера будутъ поступать сообразно этому требованію, а нарушать его станутъ лишь тѣ, которые вообще не уважаютъ общественныхъ обязанностей. Тогда очевиднымъ образомъ можно будетъ оправдать обращеніе въ законную обязанность нравственной обязанности не производить на свѣтъ дѣтей, которыя были бы обремененіемъ для общества.

Не смотря на то, что основное положеніе, изъ котораго Милль исходитъ,—*wage-found* *) опровергнуто въ самой же Англій (То-

*) По теоріи *wage-found*, или фонда заработной платы, существуетъ въ каждую данную минуту опредѣленная сумма народнаго богатства, которая идетъ какъ вознагражденіе за трудъ. Больше этой суммы рабочее населеніе не можетъ получить; но оно имѣетъ право на всю эту сумму безъ остатка. Такимъ образомъ, по этой теоріи, заработная плата зависитъ исключительно отъ числа лицъ, претендующихъ на нее: чѣмъ число работниковъ больше, тѣмъ меньше доля постоянной суммы, приходящейся на каждого, и наоборотъ.

ритомомъ),—и теперь еще мы встрѣчаемъ въ Англии не мало лицъ, проповѣдующихъ въ печати и съ платформы, что разрѣшеніе вопроса о бѣдности и безработицѣ зависитъ отъ самихъ работниковъ: надлежитъ только слѣдовать совѣтамъ «нео-мальтузіанства»...

III.

Одно изъ примитивныхъ средствъ борьбы съ безработицей является послѣдствіемъ того взгляда, что работодатель филантропъ, благодѣтельствующій работника. Въ силу этого взгляда «облагодѣтельствованный» работой долженъ «вѣчно Бога молить» за филантропа и не жадничать на плату. «Жадничаніе» свидѣтельствуемъ о душевной испорченности. Въ Англии теперь подобныхъ взглядовъ на обязанности облагодѣтельствованныхъ къ благодѣтелямъ держатся только религіозныя общества, главнымъ образомъ, Армія Спасенія. Вотъ уже много лѣтъ, какъ она—или, точнѣе, лица, стоящія во главѣ ея,—превратились въ крупнаго производителя, беззаствѣнчиво пользующагося вслѣдствіе душевнаго подъема и энтузіазма «солдатъ» невѣроятно дешевымъ трудомъ. Генеральный штабъ Арміи Спасенія даетъ на своихъ фабрикахъ и въ мастерскихъ работу безработнымъ, но на такихъ условіяхъ, что тредъ-юніоны обвиняютъ «генерала» Бузса въ «выжиманіи пота» и даже въ обходѣ парламентскихъ законовъ, воспрещающихъ расчетъ натурой (Truck Acts). Лѣтомъ прошлаго года секретарь тредъ-юніона столяровъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ Арміи Спасенія. «Она не платитъ за работу, а даетъ только «награды»,—писалъ, между прочимъ, секретарь.—Столяры и плотники работаютъ 52½ часа въ недѣлю и, въ среднемъ, получаютъ не больше 12 шилл. Изъ этихъ денегъ Армія удерживаетъ 9 шилл. въ недѣлю за квартиру и столъ, а шиллингъ—за платье, сапоги и стирку бѣлья. Въ мастерскихъ Арміи Спасенія безработные (плотники и столяры) получаютъ 2 п. въ часъ, тогда какъ обычная плата—10 пенсовъ. Главный расчетъ производится натурой, т. е. работники имѣютъ столъ и квартиру. Деньгами же плотники получаютъ только 4 пенса въ день» *). Армія Спасенія пробовала выступить съ опроверженіемъ, но очень неудачно. Фактъ ничтожнаго вознагражденія и обходъ Truck Acts былъ признанъ;

*) Daily News, August 26, 1907. Въ той же газетѣ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ эксплуатированія безработныхъ со стороны Арміи Спасенія. За оконную раму съ косяками Армія Спасенія платитъ своимъ работникамъ 16 шилл.; обычная же плата—3 ф. 3 ш. За шесть кухонныхъ шкафовъ Армія даетъ 36 шилл. Обычная плата, основанная на числѣ рабочихъ часовъ (84),—3 ф. 13 ш. 6 п. За двадцать скамеекъ, въ 8 ф. каждая, Армія Спасенія даетъ 30 шилл. (за 120 часовъ работы); нормальная плата 5 ф. 5 ш., и т. д. Всѣ эти вещи Армія Спасенія продаетъ потомъ за полную цѣну и получаетъ такимъ образомъ громадную прибыль.

ло Армія Спасенія ссылалась на то, что она даетъ хлѣбъ безработнымъ, т. е. благотѣльствуетъ. «Наши фабрики—писалъ «майоръ» Стерджесъ—являются тихой пристанью и убѣжищемъ для несчастныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни и не находящихъ нигдѣ работы... Мы дѣлаемъ все, что можемъ. Въ общемъ безработные намъ очень благодарны, хотя, конечно, паршивая овца можетъ затесаться въ каждое стадо» *). Армія Спасенія пыталась доказать, что ея рабочіе—неудачники, которыхъ ни при какихъ условіяхъ никто не беретъ. На это секретари дѣлаго ряда трэдъ-юніоновъ отвѣтили, что Армія Спасенія пользуется услугами обыкновенныхъ технически обученныхъ работниковъ, временно выброшенныхъ за бортъ. Вотъ нѣкоторые факты, приведенные секретарями. «Хорошій мастеровой, бывшій много лѣтъ старшимъ, въ критическую минуту вынужденъ былъ заложить свои инструменты, которые пропали у закладчика. Мастеровой не былъ членомъ трэдъ-юніона, поэтому безъ инструментовъ очутился на улицѣ. Чтобы собрать на покупку инструментовъ, мастеровой два года работалъ у Арміи Спасенія, никогда не получая больше двухъ шиллинговъ въ недѣлю. Наконецъ, пріятель рабочаго разыскалъ его и помогъ купить инструменты. Мастеровой немедленно нашелъ работу на большомъ заводѣ за настоящую плату. Вотъ второй фактъ. Жена пропала инструменты мужа, который вслѣдствіе этого потерялъ работу и вынужденъ былъ принять «благодѣяніе» Арміи Спасенія. Рабочій пробылъ въ мастерскихъ ея восемь недѣль. Все это время онъ получалъ деньгами отъ 6 пенсовъ до 1 ш. 6 п. въ недѣлю. Наконецъ, пріятели помогли купить инструменты, и рабочій поступилъ на заводъ, гдѣ получаетъ 2 ф. 5 шилл. въ недѣлю» **).

Второе средство послѣ «благотворительности», рекомендуемое противъ безработицы, это—эмиграція. «Между средствами противъ безработицы,—говорятъ авторы труда «West Ham» etc.,—переселеніе пользуется наибольшою популярностью. Безъ сомнѣнія, это—полезная мѣра, когда вопросъ идетъ о слишкомъ переполненномъ рабочемъ рынкѣ. Но плохо то, что переселяются всегда наиболѣе энергичные, смѣлые, предприимчивые и способные люди. Такимъ образомъ, метрополія только страдаетъ отъ переселенія, такъ какъ всѣ чернорабочіе и всѣ малоспособные, представляющіе наибольшій процентъ среди безработныхъ,—остаются. До тѣхъ поръ, покуда процентъ чернорабочихъ, не знающихъ никакого дѣла, не будетъ сведенъ до minimum'a, который, въ свою очередь, будетъ организованъ въ союзы,—эмиграція врядъ ли можетъ явиться скольконибудь значительнымъ факторомъ при разрѣшеніи вопроса о безработныхъ» ***). Та же Армія Спасенія попробовала построить эми-

*) „Daily News, August 29, 1907.

***) Ib.

****) West Ham: A Study in social and Industrial Problems, p. 405.

трацію на другихъ началахъ, т. е. начала вывозить на деньги, доставленныя богачами Сити, всѣхъ чернорабочихъ и «обломки человечества». Въ 1897 г. такой транспортъ былъ отправленъ въ Родезію, гдѣ и погибъ отъ тропической лихорадки на берегахъ Замбези. Такъ какъ вскорѣ началась южно-африканская война, то о фактѣ забыли. Въ прошломъ году Армія Спасенія повторила тотъ же опытъ; но только корабли съ эмигрантами, распѣвавшими на мотивы плясовыхъ пѣсенъ гимны подъ звуки барабановъ и тамбуриновъ, направились не къ берегамъ Африки, а въ Канаду. Въ Англіи капиталистическая пресса очень хвалила за это «генерала» Бузса; но опытъ пришлось прекратить, такъ какъ колонія запротестовала противъ сплава къ ней всѣхъ бездарныхъ и неспособныхъ.

Перейдемъ теперь къ проектамъ, предложеннымъ лицами, разсматривающими безработицу, какъ явленіе постоянное. Такихъ проектовъ предложено было въ послѣднее время очень много. Начну съ эксцентричнаго, фантастическаго плана, развиваемаго авторомъ его не только въ печати **), но и на форумѣ. Почти каждое воскресенье, въ дождь ли, въ черный туманъ, или въ июльскую жару, можно видѣть въ Гайдъ-паркѣ, у мраморной арки, подъ «деревьями конституціи», Кука, развивающаго согражданамъ свой проектъ уничтоженія безработицы. Эксцентричный авторъ прибавляетъ къ своей фамиліи три буквы «D. C. L.», что, по его объясненію, должно означать «Distinguished Contract Labourer», т. е. «Извѣстный рядчикъ рабочій». По мнѣнію Кука, стачки — величайшее бѣдствіе нашего времени. Онѣ приносятъ рабочимъ столько вреда, что остается только удивляться, почему еще не придуманы болѣе дѣйствительныя и разумныя средства. Вопросъ о безработныхъ должны разрѣшить тредъ-юніоны и отнюдь не стачками въ пользу короткаго рабочаго дня и высокой заработной платы. «Тредъ-юніонизмъ великое дѣло, но союзы не знаютъ, какое употребленіе сдѣлать изъ своихъ капиталовъ. Для намѣченной мною реформы,—продолжаетъ Кукъ,—нужны деньги и я научу, какъ добыть ихъ. Работники, принадлежащіе къ какому-нибудь тредъ-юніону, вносятъ еженедѣльно въ кассу около 2½ пенсовъ, т. е. больше 10 шилл. въ годъ. Изъ этихъ взносовъ составляется стачечный фондъ, который очень часто исчерпывается, не принося рабочимъ никакой существенной пользы». Ваносамъ нужно дать другое назначеніе. «Мой планъ заключается въ слѣдующемъ—продолжаетъ Кукъ.—Работники и работницы вносятъ ежегодно 10 ш., или около 2 пенсовъ въ недѣлю въ особый Рабочій Союзный Банкъ (Labour Union Bank), который долженъ находиться подъ непосредственнымъ контролемъ тредъ-юніоновъ. Всѣ свои сбереженія работники отдадутъ этому же банку,

*) The Unemployed Problem Solved. The New Labour Policy, by C. P. Cook, D. C. L.

который общаетъ всѣмъ вкладчикамъ по 5% *). Процентныя деньги будутъ доставляться десятишиллинговыми взносами. Такимъ образомъ, если рабочій союзный банкъ будетъ насчитывать 100 тысячъ членовъ, онъ можетъ платить проценты по займу въ сто милліоновъ ф. ст. Я не знаю, какой именно посторонній капиталъ сумѣютъ работники привлечь въ свой банкъ; но мнѣ извѣстно, что въ ихъ распоряженіи немедленно явятся громадныя суммы, составленныя изъ капиталовъ трэдъ-юніоновъ и изъ вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Въ послѣднихъ хранятся теперь 128 милліоновъ ф. ст. Эти деньги приносятъ только $2\frac{1}{2}\%$. Пять процентовъ будетъ, конечно, гораздо лучше». Что же дѣлать банку съ привлеченными капиталами? При помощи ихъ рабочіе, по выраженію Кука, «должны выработать собственное спасеніе». Рабочій союзный банкъ возьметъ на себя дѣло призрѣнія бѣдняковъ. Каждый взрослый бѣднякъ, находящійся на общественномъ призрѣніи, обходится теперь странѣ въ 12 ш. 6 п. въ недѣлю. Банкъ будетъ получать всѣ деньги, расходуемыя теперь на пауперовъ, и выдавать имъ по 8 ш. въ недѣлю. Въ результатѣ — нищество, пауперизмъ и рабочіе дома исчезнутъ безъ слѣда. «Правительство имѣетъ теперь въ рукахъ 128 милліоновъ ф. ст. сбереженій, главнымъ образомъ, рабочаго класса. Что оно дѣлаетъ съ этими деньгами? — спрашиваетъ Кукъ. — Ссужаетъ ими подрядчиковъ и спекуляторовъ по 4 или 5%; процентныя деньги идутъ на погашеніе національнаго долга. Я думаю, что деньгамъ можно дать лучшее употребленіе. Центральныи рабочій банкъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, триста отдѣленій въ различныхъ мѣстахъ Англій. Рабочимъ необходимо имѣть собственныхъ представителей въ парламентѣ. Каждое отдѣленіе банка можетъ послать въ парламентъ, по крайней мѣрѣ, одного представителя. Такимъ образомъ въ рукахъ рабочихъ очутится не только капиталъ, но и политическая власть... Рабочему союзному банку легко будетъ разрѣшить вопросъ о безработныхъ, — фантазируетъ Кукъ. «Существованіе безработныхъ является величайшимъ проклятіемъ, тяготящимъ надъ каждымъ культурнымъ обществомъ. Безработные заставляютъ имѣющихъ работу чувствовать себя очень неловко. Армію людей, не находящихъ спроса на силу своихъ рукъ, приходится все равно поддерживать такъ или иначе: въ рабочихъ домахъ, тюрьмахъ, больницахъ, убѣжищахъ для душевно больныхъ. На содержаніе ихъ тамъ общество расходуетъ гораздо больше, чѣмъ еслибы каждому выдавалась пенсія». Но банкъ отнюдь не займется филантропіей. Онъ займется только организаціей работъ въ гигантскихъ размѣрахъ. Банкъ устроитъ земледѣльческія колоніи, гдѣ всякій желающій найдетъ работу за справедливую цѣну. Теперь Англія платитъ 120 милліоновъ за привозимые продукты. При хорошей органи-

*) Англійскіе банки обыкновенно платятъ по вкладамъ $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}\%$.

заці земледѣльческія колоніи могутъ сами доставлять значительную часть необходимыхъ продуктовъ. Но въ Англии теперь слишкомъ много работниковъ. Не всѣ изъ нихъ могутъ найти работу на кооперативныхъ фермахъ и въ мастерскихъ, устроенныхъ банкомъ. Останется излишекъ. Что же дѣлать съ нимъ? Кукъ и это обдумалъ. Онъ проектируетъ эмиграцію, но на новыхъ началахъ. Банкъ долженъ устроить идеальную кооперативную колонию, нѣчто въ родѣ оуэновской Новой Гармоніи. Авторъ проекта выбралъ даже мѣсто для колоніи: островъ Ванкуверъ. «Онъ входитъ въ составъ Канадской федераціи — продолжаетъ Кукъ; — климатъ тамъ мягкій и лучше, чѣмъ въ Англии. Я предлагаю банку послать туда нѣсколько пионеровъ, уполномочивъ ихъ приобрести громадныя пространства земли. Она тамъ такъ дешева, что по доллару за акръ можно купить лучшія мѣста. Островъ имѣетъ около 1200 англійскихъ миль въ длину. Лѣса тамъ великолѣпны, камень для построекъ въ изобиліи. Нѣдра богаты желѣзомъ и каменнымъ углемъ. Въ водахъ лососей и омаровъ больше, чѣмъ сельдей у береговъ Англии. Въ общемъ островъ очень здоровъ. На Ванкуверѣ рабочій союзный банкъ устроить кооперативную колонию, куда будутъ переселяться всѣ, не нашедшіе себѣ работы въ Англии... Островъ всего на разстояніи четырнадцати дней пути отъ метрополии... Каждый рабочій въ кооперативной колоніи будетъ получать свою недѣльную плату отъ банка. Къ заработку будетъ причисляться также дивидендъ... Въ кооперативной колоніи рабочіе воспользуются всѣми новыми машинами, которыя принесутъ пользу производителямъ, а не капиталистамъ. На Ванкуверѣ вы, британскіе рабочіе, — говоритъ Кукъ — будете имѣть удовольствіе работать въ собственныхъ мастерскихъ и на собственныхъ фермахъ, ѣздить по собственнымъ желѣзнымъ дорогамъ, на своихъ трамваяхъ, плыть на своихъ корабляхъ и проч... Работники, вдумайтесь хорошенько въ факты, свидѣтельствующіе о вашемъ закрѣпощеніи. Если вы теперь не освободитесь, то уже навсегда останетесь въ подчиненномъ положеніи. Не слушайте людей, предлагающихъ вамъ будто бы чудодѣйственныя лѣкарства. Собирайте митинги и заявляйте, что вамъ необходимъ рабочій союзный банкъ... Этотъ банкъ можетъ стать такъ же громадной страховой компаніей. Сколько тысячъ работниковъ, платившихъ всю жизнь по страховымъ полисамъ, утратили право на нихъ вслѣдствіе того, что во время безработицы не могли дѣлать взносовъ. Если страховымъ агентомъ будетъ банкъ, то такія явленія, какъ утрата права на полисъ, исчезнетъ».

Обратимся, однако, теперь къ менѣ фантастическимъ планамъ борьбы съ безработицей.

IV.

«Всѣ палліативы нежелательны, когда ихъ предлагаютъ вмѣсто дѣйствительныхъ лѣварствъ,—говорить графиня Уоррикъ,—но изъ всѣхъ палліативовъ наиболѣе вредными являются всѣ формы частной благотворительности. Филантропы должны уяснить себѣ одинъ фактъ: считаютъ ли они человѣка, не имѣющаго работы, лѣнтыемъ или нѣтъ. Если они думаютъ, что да, то послѣдовательность требуетъ, чтобы они стояли за принудительныя мѣры. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы принуждать къ труду лѣнтыевъ, къ какому бы классу они ни принадлежали. Если же безработный не лѣнтыитъ, то зачѣмъ же унижать его подачею милостыни? Каково должно быть чувство чернорабочаго, который, проработавъ всю жизнь за нищенскую плату, едва достаточную, чтобы не умереть съ голода,—въ сорокъ пять лѣтъ вынужденъ принять милостыню отъ богатыхъ?»

Помогать безработнымъ нужно иначе. Во многихъ мѣстахъ Англіи муниципалитеты предприняли рядъ общественныхъ работъ. Восточный берегъ Англіи, напр., систематически подмывается моремъ. Волны Сѣвернаго моря гуляютъ теперь тамъ, гдѣ 100—150 лѣтъ тому назадъ были деревни. Послѣ каждой большой бури часть берега близъ многихъ городовъ на востокѣ сползаетъ въ море. И вотъ началась упорная, успѣшная борьба человѣка съ океаномъ. Человѣкъ заставилъ то же море, которое разрушаетъ берегъ, работать на сковываніе волнъ. Всюду на восточномъ берегу перпендикулярно къ водѣ поставлены особые параллельные заборы. Во время приливовъ море нагоняетъ громадное количество гравія. Если нѣтъ заборовъ, вода уноситъ во время отливовъ гравій назадъ. Но человѣкъ заставилъ море оставлять то, что оно приноситъ. Заборы задерживаютъ гравій. Такимъ образомъ, каждый приливъ, каждая буря кладетъ, такъ сказать, новый камень въ преградѣ отъ волнъ. Море, нагоняя гравій, само поднимаетъ берегъ и, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, должно отступить. Образуется высокая дюна, которую человѣкъ обсаживаетъ особыми кустарниками, скрѣпляющими новую почву своими корнями. Тамъ, гдѣ подножію дюны особенно сильно грозятъ волны,—возводится циклопическая каменная обшивка. Въ устьяхъ Темзы, затѣмъ у Лоустофта, гдѣ Сѣверное море прежде производило особенно разрушительную работу,—вы убѣждаетесь, что человѣкъ дѣйствительно гордый Прометей, а не жалкій, ноющій неврастеникъ; этотъ титанъ, подчиняющій своей волѣ наиболѣе неукротимую стихію, нисколько не похожъ на того карикатурнаго Пріапа, котораго намъ теперь преподносятъ, какъ идеаль... Тамъ, гдѣ чело-

Январь. Отдѣлъ II.

вѣкъ захотѣлъ, онъ заставилъ отступить Сѣверное море, пожалуй, болѣе бурное и злое, чѣмъ знаменитый Бискайскій заливъ.

Во многихъ мѣстахъ на восточномъ берегу Англїи муниципалитеты и графскіе совѣты организовали общественныя работы съ цѣлью отвоеванія земли. На западномъ берегу Англїи, гдѣ, наоборотъ, море отступаетъ, оставляя пески и болота, идетъ процессъ превращенія ихъ въ удобныя земли. Въ печати раздаются голоса, что и тутъ могутъ быть предприняты общественныя работы съ цѣлью помочь безработнымъ. По мнѣнію графини Уоррикъ, общественныя работы, какъ укрѣпленіе береговъ, разведеніе новыхъ парковъ, осушеніе болотъ и пр. могутъ помочь безработнымъ, если они будутъ получать справедливую, нормальную плату. Но все это—только временныя мѣры, тогда какъ для борьбы съ безработицей требуется нѣчто постоянное. «Конечно, капиталистъ не желаетъ ничего другого, кромѣ временныхъ мѣръ, такъ какъ хочетъ имѣть всегда въ изобилїи дешевый трудъ. Но, вообще говоря, что хорошо для капиталиста или что, по его мнѣнію, хорошо для него,—то вредно для націи»,—говоритъ графиня Уоррикъ *). Еслибы удалось организовать армію въ пять тысячъ рабочихъ, получающихъ справедливую плату, армію, занятую; напр., древеснасажденіемъ или укрѣпленіемъ береговъ, то это принесло бы націи гораздо больше пользы, чѣмъ еслибы корпусъ въ 50 тысячъ человѣкъ находилъ работу время отъ времени. Это было бы лучше для рабочихъ, лучше для промышленности и лучше для націи, которую обогащаль бы результатъ подобной работы.

Исходъ деревни—не новое явленіе. Последняя народная перепись даетъ намъ въ этомъ отношенїи слѣдующія цифры.

	1881	1891	1901
Было фермеровъ и скотоводовъ въ Соедин. Королевствѣ	633,787	597,878	577,177
Сельскихъ работниковъ, служащихъ на фермахъ	1.192,725	1.072,059	869,728
Садовниковъ и смотрителей за дичью	163,846	199,014	239,689
Пастуховъ и подпасковъ	86,009	83,706	102,242

2.362,331 2.249,756 2.109,812

Таблица эта очень любопытна въ томъ отношенїи, что свидѣтельствуеетъ не только объ уходѣ изъ деревни сельскихъ работниковъ, но также объ увеличеніи числа дармоѣдовъ, угождающихъ вкусамъ богатыхъ людей (садовниковъ и сторожей дичи). Деревенскіе работники, любящіе землю, эмигрируютъ въ Канаду. Остальные являются въ города, гдѣ увеличиваютъ собою число «casuals», т. е. чернорабочихъ, берущихся за всякій трудъ. Эти выходцы изъ деревни (во всякомъ случаѣ, первое поколѣніе) находятся въ

*) Unemployment, p. 13

состояніи, такъ сказать, хронической безработицы. Деревенскихъ работниковъ тянетъ въ городъ не столько заработная плата, сколько независимость, болѣе разнообразная жизнь и возможность жить въ болѣе удобныхъ помѣщеніяхъ. Если мы обратимся къ статистикѣ, то убѣдимся, что не заработная плата гонитъ сельскихъ работниковъ въ города. Зарботная плата въ деревнѣ увеличивается въ послѣдніе годы, и, если мы примемъ во вниманіе дешевизну, во всякомъ случаѣ, не ниже того, что получаетъ «casual» въ городахъ. Слѣдующая таблица показываетъ среднюю заработную плату въ деревняхъ въ Англіи, Шотландіи, Уэльсѣ и Ирландіи.

	ОБЫКНОВЕННЫЕ СЕЛЬСКІЕ РАБОТНИКИ.		Зарботная плата увеличилась.	Средній заработокъ другихъ сельск. работн. (пастуховъ, табуницковъ).
	1898 г.	1902 г.		ботн.
Въ Англіи	16 ш. 9 п.	17 ш. 5 п.	на 4%	18 ш. 3 п.
Уэльсѣ	16 » 6 »	17 » 7 »	» 6,6%	17 » 3 »
Шотландіи	18 » 2 »	19 » 5 »	» 6,9%	19 » 3 »
Ирландіи	10 » 2 »	10 » 9 »	» 5,7%	10 » 11 » *)

Сравненіе этихъ цифръ съ бюджетомъ «casual», приведеннымъ выше, показываетъ, что въ матеріальномъ отношеніи работнику въ деревнѣ живется лучше, чѣмъ чернорабочему въ городѣ. Но за то въ городѣ работникъ независимъ отъ «сквайра» (помѣщика) и священника. «Ходжу» нечего бояться въ Лондонѣ, какъ въ деревнѣ, что сквайръ выгонитъ его изъ коттеджа вслѣдствіе доноса священника.

Теперь рекомендуется для борьбы съ безработицей остановить какъ-нибудь притокъ деревенскаго населенія въ города. Сдѣлать это можно только однимъ способомъ: деревня должна представлять для «ходжа» больше прелести, чѣмъ города. Большая надежда возлагается теперь на новый земельный законъ (Small Holdings Act), которымъ графскимъ и городскимъ совѣтамъ предоставлено право принудительно отчуждать землю у помѣщиковъ и раздавать ее мелкими участками желающимъ. Предполагается, что земля дастъ «ходжу» ту независимость, въ поискахъ за которой онъ отправляется теперь въ Канаду или въ города. Рекомендуется также новый законъ объ улучшеніи жилищъ народа. Если законъ этого рода пройдетъ, то въ деревнѣ лэндлорды вынуждены будутъ перестраивать всѣ коттеджи для рабочихъ. Это, между прочимъ, дастъ заработокъ не одной сотнѣ безработныхъ. «Если графскіе совѣты принуждены будутъ доставлять сельскимъ работникамъ приличныя жилища, — говоритъ графиня Уоррикъ, — то это не только создастъ большой спросъ на рабочія руки, но также устранить

*) См. Hazell's Annual, 1908, p. 5.

одну изъ главныхъ причинъ, гонящихъ деревенское населеніе въ города». Англійскія деревни все болѣе и болѣе приближаются къ растущимъ городамъ; такимъ образомъ, все то, что тянетъ туда молодежь: театры, бібліотеки, конференціи,—становится теперь доступнымъ и въ деревнѣ. Для борьбы съ безработицей графиня Уоррикъ рекомендуетъ также сокращеніе рабочихъ часовъ для служащихъ на трамваяхъ, омнибусахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Теперь дѣти должны пребыть въ народной школѣ до 13 лѣтъ; раньше этого возраста они не могутъ быть приняты на службу. Для борьбы съ безработицей рекомендуется поднять предѣльный возрастъ до 15 или хотя бы до 14 лѣтъ. Такая мѣра поведетъ не только къ улучшенію здоровья расы, но дастъ возможность большому числу подростковъ найти работу. Теперь на рабочемъ рынкѣ конкурентами являются старики, соглашающіеся работать за какую угодно плату. При существованіи государственнаго пенсіона для престарѣлыхъ работниковъ, всѣ эти конкуренты удалились бы на покой.

V.

Наиболѣе вѣскій аргументъ англичанъ—ссылка на прецедентъ. Сторонники радикальныхъ мѣръ въ дѣлѣ борьбы съ безработицей находятъ «прецедентъ», заслуживающій подражанія, въ законѣ королевы Елизаветы, изданномъ въ 1601 г. и не отмѣненномъ еще до настоящаго времени. Въ силу закона, «церковные старосты *) каждого прихода собираются вмѣстѣ съ 4, 3 или 2 домонанимателями и, подъ предсѣдательствомъ мирового судья, образуютъ комитетъ призрѣнія бѣдныхъ (Overseers of the Poor). Эти комитеты устраиваютъ работы для дѣтей тѣхъ бѣдныхъ прихожанъ, которые не могутъ сами поддерживать свои семейства. Точно также комитеты находятъ работы для всѣхъ лицъ, одинокихъ или семейныхъ, которыя не могутъ поддерживать себя. Предоставляется комитетамъ этимъ полномочіе собирать—путемъ обложенія всѣхъ прихожанъ—пеньку, ленъ, шерсть, нитки, желѣзо и другіе сырые матеріалы, дабы дать ихъ бѣднымъ для обработки. Кромѣ того, комитеты могутъ собирать такимъ же путемъ деньги для призрѣнія калѣкъ, слабоумныхъ, стариковъ и всѣхъ, не способныхъ къ работѣ **). Въ 1694 г. явилось дополненіе къ закону Елизаветы. Приходу предоставлялось право нанимать на общественныя деньги участки земли, не превосходящій 20 акровъ, и воздѣлывать, но съ помощью безработныхъ, которымъ предписывается давать «настоящую плату».

*) Строго выборная должность во времена Елизаветы.

**) Цитировано въ книгѣ Кейръ Гарди: John Bull and his Unemployed, London, 1905.

Ссылаясь на эти неотмѣненные законы, рабочіе депутаты въ 1905 г. рекомендовали въ парламентъ рядъ мѣръ, которыя можно принять немедленно для борьбы съ безработицей:

Введеніе мѣстнаго налога съ цѣлью составленія капитала для открытія мастерскихъ, въ которыхъ безработные могли бы найти занятіе и получать разумное вознагражденіе. Работники и работницы въ подобныхъ мастерскихъ сохраняютъ всѣ права взыскивать судомъ недоплаченное вознагражденіе.

Приобрѣтеніе земли (по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ акровъ въ каждомъ приходѣ), которая должна сдаваться мелкими участками въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{4}$ —1 акра. (Это требованіе теперь излишне. «Small Holdings Act», 1907 г., т. е. законъ о мелкихъ земельныхъ участкахъ осуществилъ рекомендуемую мѣру въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ).

Израсходованіе опредѣленной суммы на эмиграцію.

Введеніе школьныхъ кухмистерскихъ съ бесплатными завтраками для дѣтей безработныхъ.

Эта мѣра тоже уже принята парламентомъ въ 1907 г. Любопытные факты о дѣятельности такихъ кухмистерскихъ и о полученныхъ результатахъ мы находимъ въ отчетѣ Брэдфордскаго школьнаго комитета, составленномъ dr. Crowley и миссъ Cuff. Комитетъ, назначенный городомъ, расходовалъ на прокормленіе cadaго воспитанника народной школы отъ 1—1 $\frac{3}{4}$ пен. въ день (4—7 коп.). За эти деньги дѣти получали отъ 2—3 блюда (напр., 1) гороховый супъ и «goly-poly», т. е. любимый пуддингъ англійскихъ дѣтей, состоящій изъ муки, жира и варенья въ изобиліи; 2) бобовый супъ съ клецками и пуддингъ; 3) сосиски, вареные бобы и рисовый пуддингъ съ изюмомъ; 4) пирогъ съ мясомъ, молочный пуддингъ и компотъ и т. д.). Результатъ получился замѣтный и немедленный. Дѣти, по словамъ отчета, «стали толстѣть и повеселѣли». При взвѣшиваніи оказалось, что школьники увеличились въ вѣсѣ:

Въ первую недѣлю на	1 ф. 4	унца.
» вторую »	0	»
» третью »	5 $\frac{1}{2}$	»
» четвертую »	4 $\frac{1}{2}$	»
<hr/>		
За мѣсяць на	1 ф. 14	унца.

Это было передъ перерывомъ въ школахъ, въ началѣ лѣта на двѣ недѣли (во время Whitsuntide). Когда дѣти опять явились въ школы, то оказалось, что они за 14 дней потеряли въ вѣсѣ по фунту. Черезъ двѣ недѣли потеря эта была опять наверстана. Приведенныя цифры показываютъ средній приростъ въ вѣсѣ, нѣкоторые дѣти за мѣсяць прибавились въ вѣсѣ на 3 ф. 5 унцовъ. Кстати, я приведу еще нѣсколько словъ изъ этого отчета. «Столовые въ народныхъ школахъ должны имѣть воспитательное значеніе,—говоритъ miss Cuff.—Онѣ должны быть идеально чисты. Столы, покрытые скатертями и украшенные цвѣтами, разставлены у насъ

такъ, что за каждымъ изъ нихъ могутъ сидѣть не больше пятидесяти человѣкъ. Каждый столъ имѣетъ своего «monitor» (старшій мальчикъ, выбираемый въ каждой англійской школѣ по соглашенію между директоромъ и учениками). Дѣти должны являться въ столовую съ вымытыми руками и лицами. Приблизительно на каждую группу въ 50 дѣтей приходится около 10 слабыхъ или очень застѣнчивыхъ. Учительницѣ приходится обращать спеціальное вниманіе на то, чтобы эти дѣти ѣли достаточно».

Жертвами безработицы, прежде всего, становятся дѣти. Д-ръ Мэкензи установилъ своего рода законъ, что дѣти, родители которыхъ занимаютъ квартиры въ двѣ комнаты, выше ростомъ, чѣмъ дѣти, выросшіе въ квартирѣ въ одну комнату, дѣти, родители которыхъ живутъ въ трехъ комнатахъ, больше своихъ ровесниковъ, выросшихъ въ квартирахъ о двухъ комнатахъ и т. д. Д-ръ Климентъ Дюксъ на основаніи изслѣдованія 7,800 мальчиковъ пришелъ къ заключенію, что дѣти состоятельныхъ классовъ выше ростомъ и больше вѣсятъ, чѣмъ дѣти рабочихъ. Изслѣдователь составилъ подробный отчетъ, представленный имъ спеціальной комиссіи, собиравшей факты относительно положенія трудящихся массъ въ Шотландіи. Вотъ нѣкоторыя цифры, взятые изъ отчета д-ра Климента Дюкса и показывающія, какъ отражается на дѣтяхъ благосостояніе ихъ родителей.

	Средній ростъ.		Годичное увеличеніе въ ростъ.		Средній вѣсъ (съ платьемъ).		Годичное увеличеніе въ вѣсъ.	
	Въ 11 лѣтъ.	Въ 12 лѣтъ.	Въ 11 лѣтъ.	Въ 12 лѣтъ.	Въ 11 лѣтъ.	Въ 12 лѣтъ.	Въ 11 лѣтъ.	Въ 12 лѣтъ.
	Въ дюймахъ.				Въ фунтахъ.			
Дѣти состоятельныхъ классовъ	54,91	56,97	1,51	2,06	72,90	80,30	5,50	7,39
Дѣти рабочихъ	51,52	52,99	1,00	1,47	69,46	73,68	3,15	4,22
Разница	3,39	3,98	0,51	0,59	3,44	6,62	2,35	3,17

Кстати, законъ о школьныхъ кухмистерскихъ факультативный. Муниципалитетамъ предоставляется право, если они пожелаютъ, ввести новый налогъ въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ пенса на фунтъ квартирной платы (0,4%) съ тѣмъ, чтобы кормить дѣтей въ народныхъ школахъ (Board Schools). И такъ какъ на послѣднихъ муниципальных выборахъ въ метрополи побѣдили умѣренные (консерваторы), — то совѣтъ лондонскаго графства не воспользовался факультативнымъ правомъ. Въ результатъ отъ 60.000—120.000 дѣтей являются ежедневно голодными въ лондонскія школы *). Если это происходитъ въ Лондонѣ вслѣдствіе нежеланія обложить себя ничтожнымъ налогомъ въ 0,4%, то можно себѣ представить, что произойдетъ

*) Reformer's Year-book, 1908, p. 96.

гдѣ-нибудь въ глуши Курской губерніи, когда законъ о мелкой земской единицѣ, неизмѣримо сильнѣе затрагивающій интересы сильнаго меньшинства,—будетъ тоже только факультативный...

Итакъ, мы видѣли цѣлый рядъ мѣръ, предлагаемыхъ въ Англій для борьбы съ безработицей. Въ этомъ году дѣйствительность, по-видимому, особенно сильно выдвинетъ вопросъ о безработныхъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы развитіе англійской промышленности и торговли шло стремительно впередъ. Если нѣкоторый упадокъ наблюдается въ мірѣ, обрабатывающемъ не-волокнистыя вещества, то за то промышленность въ районѣ, столицей котораго является Манчестеръ, затѣмъ корабельное дѣло и связанная съ нимъ торговля достигли необыкновеннаго расцвѣта. Послѣдній отчетъ министерства торговли (The Board of Trade returns for December) говоритъ, что въ 1907 г. вывезено изъ Англій и ввезено фабрикатовъ на 1.164.000.000, тогда какъ въ 1906 г.—на 1.069.000.000. Другими словами, за годъ наблюдается приростъ на 95 милліоновъ ф. ст. О поступательномъ темпѣ англійской торговли свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры, взятая изъ того же отчета.

Британская торговля съ 1899 г. (Въ милліонахъ фунт. стер.).

Ввезено.	Вывезено.	Вывезены обработ. фабрикаты, ввезенные, какъ сырье.
1899 485	265	65
1900 523	291	63
1901 522	280	68
1902 529	283	66
1903 543	291	70
1904 551	301	71
1905 565	330	78
1906 608	376	85
1907 646	426	92

Съ 1900 г. ввозъ увеличился на 123 милл. ф. ст., вывозъ на 155 милл. ф. ст., а вывозъ въ обработанномъ видѣ матеріаловъ, ввезенныхъ, какъ сырье (re-export, по англійской терминологіи) на 29 милл. ф. ст. Такой же прогрессъ мы наблюдаемъ въ доходахъ желѣзныхъ дорогъ (пятидесяти четырехъ линій), о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры.

Получено желѣзными дорогами:

1899	94,5 милл. ф. ст.
1900	97,5 » » »
1901	98,2 » » »
1902	101,0 » » »
1903	101,8 » » »
1904	103,6 » » »
1905	103,1 » » »
1906	106,4 » » »
1907	110,3 » » »

Анализъ таблицъ, показывающихъ экспортъ и импортъ, обнаруживаетъ, что въ декабрь прошлаго 1907 г. британская торговля стала колебаться. Кульминаціонная точка достигнута была, повидому, въ октябрь 1907 г. Затѣмъ стали все слышнѣе раздаваться шаги надвигающагося промышленнаго кризиса. Дѣла въ районѣ, обрабатывающемъ волокнистыя вещества, въ общемъ еще хороши, хотя фабрики, обрабатывающія шерсть, чувствуютъ уже приближеніе кризиса. Сильнѣе всего пошатнулись въ концѣ года дѣла въ мѣрѣ, обрабатывающемъ не-волокнистыя вещества. Слѣдующія цифры показываютъ увеличеніе или уменьшеніе дѣлъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности за декабрь 1907 г.

Вывозъ стали и желѣза	—249,000	ф. ст.
Другихъ металловъ	—159,000	» »
Ножеваго товара	+ 342	» »
Электрическихъ приборовъ	— 18,000	» »
Машинъ	+419,000	» »
Миткала	+452,000	» »
Шерстяныхъ товаровъ	—119,000	» »
Другихъ текстильныхъ фабрикатовъ	—186,000	» »
Химическихъ препаратовъ	— 31,000	» »
Кожи	— 34,000	» »
Фаянса и фарфора	+ 13,000	» »
Бумаги	+ 23,000	» »

«Мы, къ сожалѣнію, не можемъ видѣть въ розовомъ свѣтѣ ближайшее будущее британской промышленности,—говорить «Daily News» по поводу отчета министерства торговли. Промышленность всегда развивалась циклами. За періодомъ необыкновеннаго подъема слѣдуетъ всегда промышленный кризисъ со всѣми послѣдствіями его. Отчетъ за декабрь показываетъ, что періодъ сытыхъ лѣтъ кончается... Покуда мы еще не испытываемъ ничего подобнаго тому шторму, который свирѣпствуетъ теперь въ Америкѣ. Въ октябрь 1907 г., напр., доменные печи въ Соединенныхъ Штатахъ выплавляли 28 милл. тоннъ чугуна, а въ настоящій моментъ только 14 миллионновъ. Такого развитія кризисъ у насъ, вѣроятно, не достигнетъ; но слѣдуетъ приготовиться ко всему» *).

Наступающій кризисъ пополнить ряды безработныхъ. Предвидѣніемъ этого факта объясняется, почему въ сессіи 1908 г. депутаты-рабочіе намѣрены, повидому, отстаивать, главнымъ образомъ, двѣ мѣры: государственную пенсію для престарѣлыхъ и государственную помощь безработнымъ.

VI.

Посмотримъ теперь на законопроекты, рассмотрѣнные парламентомъ въ самое послѣднее время и имѣющіе цѣлью явиться на по-

*) «Daily News», January, 6, 1908.

мощь безработнымъ. Въ іюль 1905 г. бывшее консервативное министерство провело въ парламентѣ законопроектъ (*Unemployed Workmen Act*), вошедшій въ силу съ октября того же года. Согласно закону, въ мѣстности, гдѣ существуетъ кризисъ, образуется специальный комитетъ, *Distress Committee*, разсматривающій ходатайства работниковъ, живущихъ не менѣе года въ данномъ округѣ, и прискивающій для нихъ работу. Обращающійся къ комитету долженъ не только «честно желать работы», но и «не имѣть ея въ данный моментъ вслѣдствіе причинъ, находящихся внѣ контроля работника». Безработный долженъ доказать, что «прежде онъ имѣлъ правильную работу, былъ бережливъ и хорошо велъ себя». О томъ, какъ дѣйствуетъ на практикѣ этотъ законъ, мы находимъ данныя въ описаніи Уэстъ-Хэма. «*Distress Committee*, т. е. комитетъ для присканія занятій безработнымъ, отвѣтственный передъ министерствомъ земствъ и муниципалитетовъ (*Local Government Board*), возникъ въ Уэстъ-Хэмѣ 3 октября 1906 г. Комитетъ состоялъ изъ семнадцати совѣтниковъ мѣстнаго муниципалитета, 12 *Guardians* (члены выборнаго совѣта для призрѣнія бѣдныхъ) и семи постороннихъ. Законъ предписываетъ, чтобы комитетъ изслѣдовалъ каждый случай обращенія за работой. Съ этой цѣлью комитетъ заручился содѣйствіемъ мѣстнаго благотворительнаго общества, которое посылало своихъ членовъ для наведенія справокъ. Эти агенты посѣщали дома всѣхъ безработныхъ, обратившихся къ комитету, спрашивали хозяевъ и дѣлали замѣтки о характерѣ жилья. Затѣмъ агенты обращались за справками къ сосѣдямъ и къ хозяевамъ, у которыхъ работники жили раньше. Наконецъ, за свѣдѣніями обращались къ работодателямъ, у которыхъ безработные раньше служили. Иногда, если комитетъ не былъ удовлетворенъ и этими справками, — агенты обращались къ различнымъ благотворительнымъ обществамъ. Отъ октября 1905 г. до мая 1906 г. комитетъ навелъ подобныя справки въ 4785 случаяхъ *)». Какъ много хлопотъ нужно, чтобы получить работу! Въ силу закона 1905 г. каждый, желающій продать, съ цѣлью купить хлѣбъ, единственное свое состояніе—силу своихъ рукъ,—немедленно беретъ подъ подозрѣніе, какъ обманщикъ. Комитетъ исходитъ изъ положенія, что работодатель—благодѣтель, поэтому необходимо имѣть «глазъ да глазъ», какъ бы «благодѣніемъ» не воспользовался не имѣющій на то права. Такимъ образомъ законъ 1905 г. принесъ мало пользы. Въ Уэстъ-Хэмѣ большинство безработныхъ—«*casuals*», т. е. чернорабочіе, тогда какъ законъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду технически обученныхъ работниковъ.

Неудовлетворительность закона 1905 г. заставила рабочую партію внести въ 1907 г. въ парламентъ свой законопроектъ, кото-

*) *West Ham: A Study in Social and Industrial Problems*, p. 369—370.

рый совершенно случайно не пошелъ дальше перваго чтенія и будетъ обсуждаться снова въ 1908 г. Въ общихъ чертахъ билль сводится къ слѣдующему. Создаются центральные и мѣстные комитеты, цѣль которыхъ вѣдать вопросъ о безработныхъ.

Эти комитеты: 1) организуютъ общественныя работы и поддерживаютъ дѣйствительныхъ работниковъ, ищущихъ работу, которую они потеряли не по своей винѣ; 2) ведутъ тщательную статистику съ цѣлью выяснитъ условія рабочаго рынка въ данномъ округѣ.

Отказъ со стороны безработнаго взять предложенную ему разумную работу освобождаетъ мѣстные комитеты отъ дальнѣйшей обязанности.

Обращающихся за работой группируютъ и даютъ имъ занятія, соответствующія ихъ профессіи.

Въ случаѣ, если безработность обусловливается упорной и систематической лѣнью, мѣстные комитеты могутъ заставить бродягу работать.

Мѣстные комитеты не должны доставлять стачковарушителей (штрейкбрехеровъ) въ случаѣ осложненія между предпринимателями и работниками.

Расходы комитетовъ покрываются изъ государственныхъ суммъ.

Обращеніе къ комитетамъ за работой не лишаетъ права участвовать въ парламентскихъ или муниципальныхъ выборахъ.

Діонео.

Современная юриспруденція и ученіе Л. I. Петражицкаго.

(Проф. Л. I. Петражицкій. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Т. I, II, Спб. 1907).

Корни юридико-фантастической растительности заблуждений покоются на представленіи о сверхчеловѣческомъ правовомъ велѣніи, вытекающемъ въ религіозномъ отношеніи изъ художественной, а спекулятивно изъ мыслящей фантазіи. Познаніе этого воображенія совершается при помощи выясненія его психологическихъ тенденцій, которыя происходятъ изъ непониманія земного происхожденія и цѣлей права, а въ силу этого и подлежатъ устраненію при помощи доказательства. Такимъ образомъ сверхчеловѣческое правовое велѣніе, ушедшее изъ-подъ человѣческой опеки, не только опровергается и уничтожается, но вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собою радикальное истребленіе всего дальнѣйшаго ростовщичества за счетъ основной фантазмы. Такъ какъ дѣйствительное происхожденіе права психологически необходимо ведетъ къ фантастическому его обоснованію и образуетъ все его существо, то и философія права даетъ исчерпывающее познаніе сущности права тѣмъ путемъ, что она возвращаетъ правовыя фантазмы къ дѣйствительности, указывая ихъ генетическое происхожденіе. Она не учитъ тому, что предписывается при помощи права, но тому, какимъ образомъ право представляется повелѣвающимъ по своей природѣ и такимъ образомъ ничего не имѣетъ общаго съ правомъ при роды, но только съ природою права".

Ludwig Knapp, System der Rechtsphilosophie, 1837 г.

I.

Въ современной юриспруденціи посторонняго наблюдателя невольно поражаетъ ея пристрастіе къ наиболѣе общимъ и широкимъ темамъ и, въ особенности, ея стремленіе найти какія-то новыя опредѣленія самой сущности своего предмета. И, если въ современной социологіи страстно и лихорадочно разыскивается исчерпывающее опредѣленіе общества, то аналогичное стремленіе въ такой же мѣрѣ мы наблюдаемъ у юристовъ и государственниковъ. Первые среди живой практической работы вдругъ остановились надъ вопросомъ, что такое право, государствѣды, хоть и съ меньшей горючливостью, возвращаются къ вопросу о самой сущности и основахъ государства.

Эти явленія безспорно симптоматическаго характера и живо напоминаютъ намъ тотъ переломъ, который въ XVI—XVIII вѣкахъ

пережила правовая мысль Европы подъ влияніемъ перестройки всѣхъ отношеній, сопряженной съ началомъ «новой эпохи». Какъ теперь на грани, отдѣляющей насъ отъ неизвѣстнаго будущаго, такъ и тогда лучшія головы Европы обратились къ изслѣдованію «сущностей» и «первыхъ началъ». Какъ теперь, такъ и въ то время искали какое-то новое право и несхожее съ прежнимъ государство; подъ видомъ философскаго углубленія въ тайны животворящей и созидающей природы отыскивались понятія, готовые покрыть собою новый міръ, возникающій изъ нѣдръ стараго порядка.

И надо признать, что великіе творцы естественнаго права, права разума и природы, блестяще выполнили свою задачу: найденныя ими понятія и идеи оказались въ высшей степени пригодными для того, чтобы стать духовнымъ оружіемъ въ рукахъ всѣхъ борющихся началъ. Они оправдали революцію изъ прирожденных неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гражданина, но въ той же мѣрѣ послужили щитомъ и мечомъ и для новаго всепоглощающаго «сувереннаго» абсолютизма. Они провозгласили начало свободы совѣсти, но въ той же степени содѣйствовали построенію такъ называемой «духовной полиціи» и основаннаго на ней цезарепапизма. Они, съ одной стороны, въ высшей степени энергично вносили въ гражданскіе кодексы гуманной эпохи начало помощи обездоленнымъ, но, съ другой, еще болѣе сильно способствовали водворенію и распространенію нормъ стараго римскаго права съ его ярко «эгоистическимъ» принципомъ свободной, самодержавной частной собственности. И, если далѣе естественному праву принадлежит заслуга смягченія безчеловѣчныхъ наказаній прежняго уголовного права, то ему же обязана своимъ происхожденіемъ и та пресловутая государственная нравственность, свѣтская религія божественнаго Левіаана, которая построила новыя тюрьмы и создала новыя казни для обновленнаго разумомъ человѣка.

Одна идея объединяетъ, однако, всѣ эти стремленія естественнаго права. Выступая подъ видомъ вѣчнаго закона человѣчества и становясь въ рѣзкую противоположность разрозненной пестротѣ феодальныхъ положительныхъ правъ—одинаково божескихъ и человѣческихъ,—право природы какъ бы инстинктивно все время бьется вокругъ одного идеала, стремится къ одной высшей и окончательной цѣли: оно жаждетъ государства, оно призываетъ «верховнаго законодателя», оно стремится стать государственнымъ, а всѣхъ гражданъ силою природы подчинить центральной всеобъемлющей власти. Государство это солнце естественнаго права...

Только затѣмъ люди рождаются на свѣтъ, чтобы стать гражданами, только для того даны имъ природою-матерью свобода и равенство, чтобы передать ихъ цѣликомъ или въ части великому цѣлому политическаго единства, чтобы создать при помощи договора сіяющій центръ государственнаго всевластія. И къ этому центру направлены всѣ ихъ стремленія и запросы. Природа предписываетъ

государству цѣль его дѣятельности; она путемъ подчиненія естественнаго человѣка законодателью создаетъ власть, она организуетъ ее и диктуетъ священныя хартии и основные договоры, она во имя свободы проводитъ рѣзкую грань между властями и уравниваетъ ихъ въ удивительной машинѣ, гдѣ маятникомъ становится «гармоническая справедливость». Государство, освященное «натурой», неизбежное, какъ естество, могучее, какъ стихія, и основанное на вѣковѣчномъ законѣ естественной необходимости—таково основное твореніе одухотворенной природы, вышедшее изъ лабораторіи сознательнаго человѣческаго творчества.

И мы видимъ удивительное зрѣлище: государство, воплотившее въ себѣ «природу», получаетъ независимое отъ нея бытіе; словно оторвавшаяся отъ первоначальной общей массы планета, оно стремится начертать свою собственную орбиту. Природа огосударствленная объявляетъ войну природѣ, оставшейся позади; одно государство претендуетъ на ореолъ истинной природы, на значеніе нормальнаго и непререкаемаго образца, оно одно есть истинный, непреложный и здоровый организмъ натуральной жизни и все, что внѣ его, объявляется больнымъ, извращеннымъ и уродливымъ; одно оно воспріяло у непосредственнаго источника чистыя струи человѣческой жизни и даетъ имъ просторъ, полноту и защиту. Только въ государствѣ, въ виду этого, можетъ быть возвращено безоблачное человѣческое счастье, только въ его нѣдрахъ возрождается идиллія золотого вѣка, воскресаетъ потерянный и снова возвращенный рай.

И, какъ надо было ожидать, природа государственная объявила войну природѣ, оставшейся внѣ его. Чтобы не быть низвергнутымъ рукою Зевса, Кроносъ сталъ пожирать своихъ дѣтей. Естественное право сдѣлало свое дѣло—оно должно было стать казеннымъ, къ кодексу природы приложена печать, онъ украсенъ надписью «быть по сему». Права человѣка занесены въ надлежащія рубрики, титулы и статьи. Знаменитые терезіанскіе, фридриціанскіе, максиміліановскіе кодексы и уложенія точно такъ же закрѣпили въ государственномъ законѣ естественное и писанное право человѣка и гражданина, какъ это сдѣлали, съ другой стороны, всевозможныя конституціи революціонной Франціи, объединенной Швейцаріи, республиканской Америки. И если въ одномъ случаѣ право природы вылилось въ формѣ абсолютной, а затѣмъ конституціонной монархіи, въ другомъ—различныхъ республиканскихъ штатовъ и государствъ, то всѣ эти «конституціи» базировали на одномъ официально одобренномъ, повсюду обще-принятомъ и для всѣхъ обязательномъ символѣ вѣры, который гласитъ: государство есть начало и конецъ общественной жизни, въ государствѣ и отъ него получаетъ бытіе всякое право, государству одному принадлежитъ самодержавное монопольное распоряженіе вооруженнымъ принужденіемъ, отъ него и только отъ него можно ожидать всяческаго блаженства, добродѣтели и прогресса.

Естественное право цѣликомъ раздѣлило въ своей судьбѣ участь своего создателя и творца. По мѣрѣ того, какъ бунтующее третье сословіе постепенно переходило на рельсы государственно мыслящаго класса и, очищаясь отъ прежнихъ союзниковъ, поднималось по ступенькамъ бюрократіи и народнаго представительства до положенія властвующаго въ объединенномъ государствѣ фактора—право природы, очищаясь въ горнилахъ канцелярій, парламентовъ и полицейскихъ участковъ, получило, наконецъ, твердыя формы государственнаго права, вылилось въ кристаллы священной собственности, благонамѣренной свободы и равенства, построеннаго на конкуренціи нищаго труда и привилегированнаго капитала. Прежнее естественное право умерло... Правда, его старая знамена пробовали поднять оставшіяся за флагомъ «государственности» народныя массы и социалистическія партіи, бунтари и заговорщики хотѣли разуму успокоенному противопоставить разумъ бунтующій, природѣ казенной—природу вольную... Но попытка не удалась, и не только потому, что на сторонѣ прирученной природы оказались фабрики, биржа и пушки; нѣтъ, самый принципъ прирожденныхъ правъ былъ продырявленъ и сданъ за ненадобностью въ архивъ, на огнѣ исторической науки были сожжены его обрывки, какъ истрепавшіяся банковыя бумажки.

Одомашненная природа превратилась въ исторію. Историческое право смѣнило революцію. Разумный и сознательный творецъ государства—суверенная личность—сталъ темной кѣлочкой общественнаго организма, игрушкой эволюціоннаго процесса. Само государство преобразовалось. Холодная, математически обдуманная машина власти, этотъ обожествленный инструментъ свободы и счастья распался, словно весенній ледъ, и выросло изъ-подъ него государство-организмъ, общественное тѣло съ правительствомъ—головою, съ дорогами вмѣсто жилъ, съ буржуазіей въ роли желудка, съ миллионами трудящагося люда въ видѣ вѣчно работающихъ рукъ, безъ отдыха шагающихъ ногъ. И въ мирномъ процессѣ безпрепятственной эволюціи, въ спокойномъ ростѣ могучаго организма зажглась жизнь классового общества, зашевелились кѣлочки индустріальнаго производства и черной, тяжелой волной поднялась горячая кровь обезземеленнаго пролетаріата. Организмъ заработалъ во всю. Оправданный исторіей на твердой почвѣ необходимаго развитія, проникнутый теоріей полезности и приспособленія онъ вошелъ въ міръ органической одушевленной природы, замѣнилъ собой металлическаго Левиаѳана стараго времени.

Спрашивается, откуда же было взять силу самоотверженнаго долга, когда органическая природа признаетъ лишь приспособленіе и роковой неизбѣжный ходъ естественной эволюціи. Откуда добыть идеалы, когда все поконится на борьбѣ за существованіе, когда одинъ сильный имѣетъ право на жизнь и счастье, слабый же обреченъ голодной гильотинѣ? О какомъ нравственномъ законѣ

может идти рѣчь, когда борьба клѣточек построена на принципѣ самосохраненія, когда для выработки лучшаго должны гибнуть тысячи худшихъ, когда сила становится главнымъ основаніемъ, а польза, грубый интересъ, голосъ ненасытнаго брюха, образуетъ все содержаніе стремленій, желаній, домогательствъ? Невозможно было возвращаться къ природѣ тѣмъ классамъ, которые остались внизу, органическо-историческое направленіе убило право природы безповоротно и навсегда.

И въ самомъ дѣлѣ, пока въ видѣ природы была природа неорганическая, все было очень удобно и хорошо. Мыслящій человекъ бралъ бумажку и спокойно высчитывалъ себѣ, сколько понадобится ему для постройки камня и глины, желѣза и стали. Онъ открывалъ руководство по физикѣ и химіи и находилъ тамъ точныя красивыя формулы, неизмѣнныя, какъ само бытіе. По этимъ формуламъ онъ дѣлалъ точныя вычисленія и, хотя вмѣсто кирпича у него былъ человекъ, а вмѣсто цемента его потребности и чувства, дѣло выходило очень хорошо. Набрасывался очень красивый и изящный планъ, точно опредѣлялось качество матеріаловъ и дѣломъ политика-законодателя было слить массу кирпичей и живой глины въ остроумную и крѣпкую постройку, созданную по всѣмъ правиламъ искусства, согласно природѣ людей и ихъ собственному счастью. Въ этомъ случаѣ естественная необходимость совпадаетъ съ долженствованіемъ, математическая формула съ нравственнымъ долгомъ, естественная потребность съ неотчуждаемымъ священнымъ правомъ... Но какъ быть, когда математику смѣнила зоологія, антропологія, социологія, что дѣлать, когда на мѣсто естественной «исторіи» неорганическихъ веществъ развернулась исторія тысячелѣтій со своими загадками и темнотою, со своею сложностью, неопредѣленностью, уходящимъ въ неизвѣстное концомъ? Гдѣ здѣсь социальная необходимость? Въ чемъ цѣль неизсякаемаго моря причинъ? Къ какой точкѣ примкнуть здѣсь личный идеалъ, горящую совѣсть, критическую мысль? Не математическій кодексъ, не ясная формула точныхъ величинъ, а безконечно связанный kaleidoscope «обусловленныхъ» явленій, хаосъ живой эмпири, въ которомъ каждый день новая и сложная переменна, каждую минуту новый фактъ, а вмѣстѣ и новос изслѣдованіе, наблюденіе, индукція. Что до того, что были, наконецъ, изобрѣтены разные эволюціонныя социологическія законы; что можно сдѣлать для личнаго поведенія изъ спенсеровской дифференціаціи и интеграціи, что давало дарвиновское приспособленіе и борьба, къ чему намъ были геккелевскіе монизмы, когда у насъ не было формулы для жизни, оболочки для права, закона для нравственнаго долженствованія? Изъ зоологій нравственности вывести было нельзя. Естественное право погибло.

А между тѣмъ развитіе европейскаго общества само привело къ большому спросу на новые политическія идеалы, приращенныя

права, категорическую и высокую нравственность. Мы не станемъ повторять здѣсь въ тысячу первый разъ той исторіи развитія европейскихъ социальныхъ классовъ, которая стала обще-извѣстной даже въ Россіи, благодаря безчисленнымъ брошюрамъ и книжкамъ. Напомнимъ только, что какъ разъ тамъ, гдѣ была особенно сильна потребность въ идейной основѣ для своихъ реальныхъ стремленій, въ классѣ фабричныхъ работниковъ, получила особое распространѣніе и та теорія, которая сдѣлала колоссальную попытку примирить исторію, изготовленную въ буржуазной лабораторіи, съ социалистическимъ идеаломъ и подъ знаменемъ марксизма объединила миллионы европейскаго пролетаріата. Грандіозная система Маркса, завершившаяся законченной теоріей въ области экономической науки, къ сожалѣнію, не нашла однако равныхъ ему продолжателей. Намѣченная марксизмомъ социологія остановилась при первыхъ своихъ положеніяхъ, правовая и государственная исторія марксизма осталась незаконченной, въ социальной исторіи человечества лишь теперь началась достойная этого имени работа по проверкѣ и обоснованію историческаго матеріализма. Партийная публицистика и напряженная политическая борьба отвлекла отъ теоретической работы всѣ лучшія головы пролетарскаго марксизма, немногіе изъ среды партіи работниковъ могли позволить себѣ роскошь чисто научной теоретической работы. И, если на практикѣ европейскій социализмъ во всѣхъ своихъ отгѣнкахъ и направленіяхъ сумѣлъ создать новую мораль и право, то до сихъ поръ, однако, эта идеологія не получила своего высшаго теоретическаго выраженія. «Естественное» право угнетенныхъ массъ еще ожидаетъ своего «кодекса».

Однако социальный переворотъ, совершившійся уже подъ кровомъ новаго правового и культурнаго государства, не могъ пройти безслѣдно для наиболѣе чуткихъ умовъ западной Европы. И если въ началѣ между пониманіемъ явленій и ихъ дѣйствительнымъ обнаруженіемъ не было никакой связи, то вскорѣ на поверхности общественной жизни закипѣла лихорадочная теоретическая работа. Относительно перваго ея періода совершенно правъ былъ Н. И. Зиберъ, когда говорилъ, «что ни въ какой другой періодъ общественно экономической исторіи не существовало такой глубокой, зіяющей бездны между фактическимъ теченіемъ общественныхъ событій и явленій и уровнемъ ихъ пониманія какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ значеніи послѣдняго». И дѣйствительно, «быстрота, разнообразіе, внезапность появленія и размѣры тѣхъ измѣненій въ экономіи общества, которыя .. являются главнѣйшею характеристикой переживаемаго нами времени, просто на просто застали большинство такъ называемой интеллигенціи врасплохъ, не дали ей еще возможности приспособиться къ себѣ и стать на надлежащій уголь зрѣнія». Такъ создано своеобразное «разстояніе между общественною организаціей и общественнымъ возрѣніемъ».

на нее», такъ «право», этотъ «установившійся общественный разумъ эпохи», основная «единица міровоззрѣнія» ея оказалась назади соціальной дѣйствительности капиталистической эпохи *).

Конфликтъ стараго права и новыхъ потребностей выяснялся все больше и больше. Государство монополизировало право, а наука оказывалась безсильной оторвать право отъ государства и поставить его на иные общественные рельсы. Въ государствѣ право, казалось, нашло свою истинную родину, и покинуть «государственное» право значило впасть въ анархію. Новые стремленія оказывались лишенными надежды получить когда-нибудь «свое право».

Такое положеніе дѣлъ продолжалось, впрочемъ, не долго. И первыми здѣсь заговорили соціальные историки и экономисты, Мауреръ, Мэнъ, Нассе, Лавеле: они первые стали изслѣдовать зависимость учреждений отъ экономическихъ условій; къ нимъ присоединился Арнольдъ, который уже различалъ право и хозяйственные условія только какъ двѣ стороны одного и того же процесса. «Въ исторіи не существуетъ ничего внутренняго и ничего внѣшняго, исключительно отъ точки зрѣнія наблюдателя зависитъ то, какимъ именно образомъ онъ пожелаетъ воспринимать и представлять себѣ вещи; если изслѣдованіе будетъ проведено послѣдовательно, то оно приведетъ къ одному и тому же результату, все равно, станемъ ли мы разсматривать право, какъ основаніе хозяйственныхъ условій, или же эти послѣднія, какъ основаніе развитія права». И даже Рошеръ находилъ, говоря въ своемъ возвышенномъ стилѣ, «что юриспруденція и экономическая наука—это двѣ родныя сестры, у нихъ одна общая мать—истина и одна общая сфера работы—жизнь народа и человечества». Въ полномъ согласіи съ названными учеными стремился Данквартъ найти источники «всякаго права» въ «родившихъ его фактическихъ отношеніяхъ». Политическая экономія должна служить основой при изученіи права *).

Когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ во Франціи былъ поднятъ вопросъ о введеніи экономіи въ курсъ юридическихъ школъ, оживленная полемика между сторонниками этой мѣры и противниками ея послужила толчкомъ къ новому уясненію отношеній между жизнью и ея пониманіемъ. Къ этой полемикѣ присоединились и нѣмецкіе экономисты. Адольфъ Вагнеръ утверждалъ, что «исторія и философія права настоятельно нуждаются въ національно-экономической основѣ: исторія права учитъ познавать внѣшній ходъ права, внутреннія же побудительныя причины неизвѣстны ей самой; только благодаря открытію послѣднихъ будетъ дано дѣйствительное разъясненіе историческаго развитія права, такъ какъ при этомъ можно будетъ заглянуть въ отношенія причинной связи; но

*) Н. И. Зиберъ, Собраніе сочиненій, Т. II, Право и политическая экономія, Спб. 1900 г. стр. 307—337.

**) Тамъ-же, стр. 344—348.

отношенія эти раскрываетъ для большихъ отдѣловъ права одна только политическая экономія». «Именно работы по экономической философіи права должны выполнить» спеціально относительно основаній частной собственности «еще чрезвычайно многое, если не сказать—почти все» *).

Все это теченіе, направленное къ отысканію новой точки зрѣнія на право, осталось въ своей первой стадіи не особенно плодотворнымъ. Между правомъ и экономикой все время оставался какой-то пробѣлъ, черезъ который въ лучшемъ случаѣ перепрыгивали, при помощи то юридической метафизики, то экономической эмпириі. Самый главный вопросъ относительно того, какъ право претворяется въ экономику и обратно, оставался все же неразрѣшеннымъ. И подобно тому, какъ никто не могъ опредѣлить «общественное значеніе и социальную функцію права», точно такъ же никто не могъ опредѣлить путей, посредствомъ коихъ тотъ или другой способъ веденія хозяйства опредѣляетъ соответственныя формы права. Первую попытку оторвать право отъ его новой государственной родины надо считать поэтому безусловно неудавшейся; построенное на хозяйственномъ базисѣ, «общество» оказалось не въ силахъ разрушить крѣпкій союзъ принудительнаго государственнаго права и централизованной власти современныхъ политическихъ единицъ.

И нельзя не отмѣтить здѣсь поразительной черты: тотъ самый марксизмъ, который больше всѣхъ былъ заинтересованъ въ разлученіи государства и права; прямой задачей котораго, казалось бы, было созданіе новаго права въ противоположность официальному государственному закону, — готовъ былъ въ тонъ казеннымъ государственнымъ смѣшать государство и право, какъ нѣчто, необходимо и неизбежно связанное другъ съ другомъ. Разъ государство является одной изъ формъ организаціи имущихъ классовъ, направленной противъ неимущихъ, то и все право, какъ одинъ изъ неизбежныхъ союзниковъ государства, оказывается какъ будто запятаннымъ тою же самой эксплуататорской цѣлью. И если, въ концѣ концовъ, государство осуждено на такое же исчезновеніе, какъ и всѣ другіе атрибуты современнаго классового господства, то и праву гровить съ нимъ вмѣстѣ та же самая участь. Право такимъ образомъ отождествляется вполне съ современнымъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, направленнымъ къ принудительной охранѣ классового капиталистическаго строя, и ни о какомъ иномъ правѣ народныхъ массъ, которое существовало бы внѣ государства, здѣсь уже не можетъ быть рѣчи. Съ классовымъ государствомъ и капиталистической формой производства должно исчезнуть и нынѣшнее «государственное» право. Право собственности на почву и орудія производства исчезнетъ совсѣмъ, уголовное вое-

*) Тамъ-же, стр. 348—366.

мездѣ будетъ замѣнено воспитаніемъ. Для иного права какъ будто не остается мѣста въ общественномъ строѣ будущаго **).

«Безправный» идеалъ тѣхъ марксистовъ, которые признають его вопреки истинному смыслу и духу марксистской доктрины, влечетъ за собой, конечно, чрезвычайныя практическія невыгоды. Выставляемые на основаніи новыхъ социальныя условія притязанія пролетаріата лишаются, такимъ образомъ, всей мощи правовыхъ требованій и нисходятъ на положеніе экономическихъ и политическихъ домогательствъ. Они теряютъ всю силу идейной правовой оболочки и весь авторитетъ безусловнаго, не допускающаго возраженій правопритязанія. Они положительно ослабляются, благодаря шаткой идеологіи экономической цѣлесообразности, хотя бы и основанной на неизбѣжности социальнаго процесса. Самая борьба обойденныхъ и безнаслѣдныхъ получаетъ характеръ не присущей ей по самой грозной природѣ «борьбы за право», а фактической схватки, вѣчной пробы силъ, постоянно озирающейся назадъ, неуверенной въ категорическую силу своихъ лозунговъ и притязаній... Только когда рабочій классъ сознаетъ, какъ право, свои основныя требованія, когда правовая идеологія станетъ частью его социальнаго идеала, и право будетъ перенесено имъ, какъ организационный моментъ, въ его будущее, свободное отъ всякаго принужденія общество,—только тогда получить завершеніе великая борьба за экономическую свободу, а новое право побѣдоносно смѣнитъ собой оффиціальное принужденіе современности.

То, чего не сдѣлали социалисты, было предпринято нѣкоторыми наиболѣе чуткими юристами, представляющими собою цвѣтъ нѣмецкаго правового мышленія. Однако здѣсь былъ избранъ уже обходный путь. Какъ мы знаемъ, главнѣйшимъ результатомъ поглощенія естественнаго права государствомъ было снабженіе «права» полицейской защитой, судебнымъ принужденіемъ. Нормы, которыя прежде представлялись обязательными вслѣдствіе того, что онѣ являются неизмѣннымъ закономъ разума и природы, теперь получили новую гарантію, которая оказалась дѣйствительнѣе старой. Въ сознаніи людей участокъ сталъ неизмѣннымъ спутникомъ права, палачь, судебный приставъ и полицейскій—необходимыми атрибутами юридическаго закона. И въ процессѣ обожествленія различныхъ суверенитетовъ само право приняло скоро своеобразный оттѣнокъ. Принятое на лоно государства, оно скоро совсѣмъ забыло о своей свободной родинѣ въ разумной природѣ и стало правомъ потому, что такъ хочетъ власть. Естественно, что у этого права элементъ внутренней обязательности, добровольнаго сознательнаго подчиненія и общественной санкціи скоро вывѣтрился почти совсѣмъ. Подобно тому, какъ по теоріи Зома церковная «нравственность» (вѣриѣ

*) И. Чернышевъ, Памятная книжка марксиста, С. Петербургъ, 1906 г., стр. XX—XXI.

право) смѣнилась въ послѣдствіи церковнымъ правомъ (вѣрнѣе, принужденіемъ)—точно такъ же и право забыло присущую ему по утвержденію Колера «божественную» природу и выродилось въ грубое государственное насиліе.

До какой степени дошла эта удивительная аберрація мысли, показываетъ хотя бы широкая распространенность и общепризнанность опредѣленія права изъ государственнаго принужденія. И даже такой великолѣпный критическій умъ, какъ знаменитый Герингъ, не смотря на признаніе, что право не можетъ существовать безъ внутренней основы въ человѣкѣ, вывелъ всю его обязательность изъ государственнаго принужденія, такъ что право является у него лишь «государственнымъ механизмомъ для цѣлей воплощенія признанныхъ государствомъ вообще — слѣдовательно и для него самого обязательныхъ—нормъ принужденія». Увлеченный такимъ отождествленіемъ права и государственной мощи, Герингъ даже нравственность отказывается понимать иначе, какъ принужденіе общественное. И, если, съ одной стороны, «не существуетъ для насъ тотъ законъ, который насъ не видитъ, а его рука не простирается дальше его глазъ», то, съ другой стороны, и мораль, завѣдующая любовью и дружбой, честью и долгомъ, великодушіемъ и благородствомъ, «не можетъ безъ принужденія выполнить на землѣ своего призванія». Разница между правомъ и моралью живо напоминаетъ намъ здѣсь то различіе, которое мы видѣли въ просвѣщенной деспотіи между правомъ и религіей: куда не хватаетъ государственный бичъ, туда проникаетъ болѣе тонкое и гибкое общественное принужденіе. Принципъ бича остается, однако, одинъ, и тотъ же, какъ существенный признакъ соціального норматива *).

Отождествленіе права и силы со временъ Геринга сдѣлалось господствующимъ въ юридической литературѣ. Трудно представить себѣ, какого необъятнаго распространенія достигло это по существу бессмысленное опредѣленіе, съ какой безропотностью оно было принято всѣми друзьями и врагами современнаго государства. Именемъ права былъ названъ тотъ насильственный волшебный рычагъ, которымъ думали произвести удивительнѣйшія чудеса всяческой политики. Тѣ, кто держали его въ рукахъ, считали себя монопольнымъ источникомъ всей соціальной нормировки, другіе, которые стремились его захватить, желали запретить при его помощи принужденіе въ свою партійную колесницу. Взнузданный «общественнымъ благомъ», государственный Левіаѳанъ сталъ единственнымъ обладателемъ права, предметомъ зависти и борьбы борющихся классовъ, организацій и группъ. Неудивительно, что право скоро окончательно инкорпорировалось государствомъ; Іосифъ Шейнъ уже не иначе опредѣлялъ его, какъ «правило для поведенія госу—

*) Ihering, Der Zweck im Recht, Leipzig 1884, Band II, 10 — 11, Band I, 435, 498, B. II, 19, 5, 6, 7, 8, 9, 180-183.

дарства»... Къ отдѣльнымъ лицамъ по этой теоріи можетъ быть предъявлено лишь требованіе «морали». Нечего и говорить, что мораль оказалась неразлучной съ принужденіемъ... **).

Было вполне естественно, что въ такомъ сильномъ государствѣ, какъ Россія, съ такимъ громаднымъ перевѣсомъ «принужденія» въ политической жизни, теорія Іеринга, теорія принужденія получила чрезвычайное развитіе. Здѣсь съ такимъ правовѣрнымъ представителемъ русской «государственности», какъ Ренненкампфъ, встрѣчается въ общей теоріи Муромцевъ, а Чичерину протягиваетъ руку Владиміръ Соловьевъ. Правда, первые два мыслителя признають, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, «внѣшнюю силу» или «организованную защиту» существеннымъ признакомъ права. Чичеринъ и Соловьевъ принудительностью снабжаютъ опредѣленное матеріальное содержаніе. Однако сущность остается одна и та же. она мало мѣняется отъ того, что Чичеринъ въ рамки «формальнаго», «принудительнаго» закона вкладываетъ, какъ зерно, «внѣшнюю свободу челоуѣка, опредѣляемую общимъ закономъ», а Владиміръ Соловьевъ характеризуетъ право, какъ «принудительное требованіе реализаціи опредѣленнаго минимальнаго добра или порядка, не допускающаго извѣстныхъ проявленій вла». Что до того? Включаемый принужденіемъ, «нижшій предѣлъ или опредѣленный минимумъ нравственности» ничѣмъ не отличается отъ «предупрежденія» тѣмъ же бичомъ «физическихъ столкновеній между лицами». Какъ здѣсь, такъ и тамъ высшимъ началомъ остается ренненкампфовское принужденіе, которое тоже стремится «опредѣлить и охранить отношенія общегитія для достиженія разумныхъ цѣлей общества и челоуѣка» ***)...

Оргія силы, замѣнившей право въ теоріи торжествующаго государства, заставила многихъ, повторяю, наиболѣе чуткихъ, представителей юриспруденціи искать спасенія отъ грозящей со стороны государственнаго абсолютизма опасности. Державшіяся до послѣдней поры на естественно-правовомъ обоснованіи: свобода совѣсти, свобода слова, свобода научнаго убѣжденія, казалось, подвергались серьезной угрозѣ, одѣтой въ правовой костюмъ всеобъемлющей политической мощи. И вотъ мы видимъ, какъ Феликсъ Данъ устраняетъ возможность противорѣчія между правомъ и моралью при помощи стараго разграниченія между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ. Предоставляя праву цѣликомъ первый, Данъ цѣликомъ изъемлетъ

*) Schein. Unsere Rechtsphilosophie und Jurisprudenz, Berlin. 1889, стр. 59—61.

**) Ренненкампфъ, О правѣ и нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи, 1859 г. (отдѣльный оттискъ) стр. 17. Очерки юридической энциклопедіи, Кіевъ, 1880 г. стр. 28, 35, 36.—Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, Москва, 1879 г., стр. 166, 167, 171, 172, 173, 175, 178.—Чичеринъ, Философія права, Москва 1900 г., стр. 84, 88, 89, 90.—В. Соловьевъ, Оправданіе добра, Спб. 1897 г., стр. 495—498.

изъ его вѣдомства второй и объединяетъ оба начала лишь «въ высшей общности мотивовъ». Ему слѣдуетъ Грюберъ, который основной признакъ права видитъ въ его внѣшнемъ характерѣ, тогда какъ къ морали цѣликомъ относитъ область «внутренняго соотвѣтствія» человѣка поставленнымъ имъ самимъ «идеаламъ». Лассонъ даетъ подробнѣйшее опредѣленіе области дѣйствія «внѣшняго» права и «внутренней» нравственности, при чемъ первому, поскольку оно сопровождается принужденіемъ, отводится только очень тѣсный кругъ самыхъ необходимыхъ опредѣленій максимума правъ и минимума ограничений: «*de internis non judicat praetor, cogitationis roenam nemo patitur*» *)!

Однако подобныя различенія слишкомъ слабы теоретически и малоцѣнны практически, чтобы они могли удовлетворить потребностямъ назрѣвающаго социальнаго строя, и вотъ мы видимъ, какъ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ поражаетъ союзъ права и государства въ одномъ изъ его самыхъ чувствительныхъ пунктовъ — въ отождествленіи права и принужденія. Уже у Бирлинга читаемъ мы великолѣпныя строки, обнаруживающія всю бессмысленность права, построеннаго на силѣ. «Право рѣшаетъ только относительно самого долженствованія». «Принудительное примѣненіе его не есть основной, первоначальный признакъ права, но только нѣчто, естественно вытекающее изъ его сущности».

Праву присуща потребность его осуществленія, «но изъ этой потребности не вытекаетъ еще непосредственно потребность принужденія». Въ области идеаловъ объединяются право и нравственность, которыя различаются только тѣмъ, что первое предназначено для дѣйствія, вторая же для внутренней жизни человѣка. Всѣ эти нормы получаютъ силу лишь благодаря тому, что въ основѣ ихъ лежитъ признаніе со стороны человѣческой воли, признаніе есть основа права. Въ теоріи Бирлинга право разстается съ государствомъ и въ свободномъ признаніи человѣка ищетъ себѣ опоры *).

Еще болѣе рѣшительно ставить Биндингъ принужденіе на собственное ему хамское мѣсто. «Всякое вынужденное исполненіе — это только грубый суррогатъ того, что можетъ требовать управомоченный — въ немъ отсутствуетъ моментъ добровольности. Въ этомъ смыслѣ можно защищать парадоксъ, что принужденіе есть абсолютно негодное средство для осуществленія права... Только въ послѣдней нуждѣ обращается законъ къ этой фикціи... Благородное право стыдится неблагороднаго принужденія, однако слишкомъ ча-

*) Dahn, Bausteine, 4, 1. Rechtsphilosophische Studien, Berlin, 1883, стр. 36, 303, 301, 34, 35, 305, 126. Grueber, Einführung in die Rechtswissenschaft (Birkmeyers Encyclopädie), Berlin, 1901, стр. 16—18. Lasson, System der Rechtsphilosophie, Berlin, 1882, стр. 198—199, 201, 202—208.

*) Bierling, Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe, Gotha, 1877, Т. I. стр. 140—170.

сто нуждается въ его помощи. Право поэтому ищетъ принужденія, которое даетъ ему силу противъ сопротивляющейся мощи. Но право, принимая услуги принужденія, облагораживаетъ его тѣмъ, что регулируетъ формы его примѣненія, а въ благодарность за его услуги оно, какъ всякій большой баринъ, покрываетъ его слабости. Мы однако беремъ прочь съ головы принужденія его побѣдный вѣнокъ и не стѣсняемся его болѣе... и не въ качествѣ всемогущаго, преодолевающаго всякое сопротивленіе гордаго галадина своего короля, но какъ холопа, который въ силу истинной холопской природы не можетъ жить безъ господина... иначе онъ сейчасъ же заносится и общается безконечно больше, чѣмъ можетъ сдерживать... Онъ не достоинъ и не способенъ приблизиться къ тѣмъ вершинамъ, гдѣ царствуютъ наиболѣе идеальныя, лишенныя всякаго принужденія обязанности и права...» «Ужасно насиліе даже въ справедливомъ дѣлѣ!..» *).

Послѣ того, какъ Биндингъ вывелъ въ лакейскую приставленнаго къ праву государственнаго драбанта и право оказалось предоставленнымъ по своему существу добровольному признанію и подчиненію человѣка, оставался одинъ только шагъ для того, чтобы въ самомъ правѣ, въ его «авторитетной формѣ», въ его «безусловныхъ опредѣленіяхъ человѣческой воли» искать его основного признака, а въ психикѣ человѣка, въ «неподлежащемъ дальнѣйшему изслѣдованію убѣжденіи» искать «его мотивирующей силы». Первое сдѣлалъ Гирке, второе Еллинекъ. Остановимся ближе на теоріи послѣдняго. Здѣсь «послѣднимъ основаніемъ всякаго права» признается уже «ни отъ чего далѣе непроизводимое убѣжденіе въ его дѣйствительности, его нормативной, мотивирующей силѣ». «Всякое право» становится «возможнымъ только при предположеніи», что мы способны сознавать себя «обязанными, благодаря тѣмъ требованіямъ, обращеннымъ къ нашей внутренней волѣ, содержаніе которыхъ изъято отъ субъективнаго произвола». Въ основаніи права лежитъ «психически этическая способность воли быть связанной посредствомъ нормъ», и благодаря этому самый процессъ образованія права становится въ значительной степени независимымъ отъ государственнаго законодательства: только культурное «убѣжденіе» народа рѣшаетъ окончательно вопросъ относительно того, «дѣйствительно ли обладаетъ характеромъ нормы то, что заявляетъ на это притязаніе». Ясно отсюда, что, не опираясь болѣе на государственное принужденіе, право ищетъ себѣ новыхъ, независимыхъ отъ государства гарантій, и въ этомъ качествѣ выступаютъ «великія историческія силы: религія, нравы, общественная нравственность... вся совокупность культурныхъ силъ и созданныхъ ими интересовъ и расчлененій; эти силы въ окончательномъ

*) Binding, Die Normen und ihre Uebertretung, B. I., Leipzig, 1890. Anhang der Rechtszwang, стр. 493, 495, 504.

счетъ оказываются самымъ твердымъ «обезпеченіемъ» дѣйствительности права». вмѣстѣ съ тѣмъ государство лишается своей монополюной непогрѣшимости. Государство можетъ совершать не право—*jus iniquum*—оно можетъ злоупотреблять правовыми нормами, оно можетъ издавать законы, которые согласно нынѣшнему правовоззрѣнію противорѣчатъ признаннымъ основнымъ законамъ права... Наоборотъ, антигосударственное революціонное движеніе можетъ оказаться носителемъ праваго права—*jus aequum*—«актъ правового творчества можетъ содержать въ себѣ актъ нарушенія права» **).

Право оторвалось отъ государства. Возвращенное къ свѣтлымъ высотамъ свободнаго, лишеннаго всякаго принужденія закона, обновленное въ убѣжденіи человѣка, оно стало, по словамъ Эльцбахера, нормой, которая только потому имѣетъ жизнь и значеніе, что въ основѣ ея лежитъ желаніе, чтобы она была дѣйствительна, чтобы ею опредѣлялось поведеніе людей и при томъ въ видѣ непрѣмѣннаго, всѣхъ охватывающаго закона... *).

Право оторвалось отъ государства, гдѣ оно найдетъ новую родину?

II.

Изданіе новаго гражданскаго уложенія для Германіи было тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который до крайности обострилъ вопросъ о задачахъ юриспруденціи и права. Составленный юристами-догматиками, проектъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе на заинтересованные круги. Полная неспособность толкователей закона къ созданію новыхъ, требуемыхъ временемъ, нормъ, беспомощность, съ которой обычная интерпретація встрѣтила важнѣйшія проблемы соціальной политики, полное непониманіе задачъ и цѣлей права въ хозяйственномъ организмѣ страны—все это вызвало настоящее отчаяніе въ сердцахъ сознательныхъ представителей германскаго общества.

Нѣмцы и не замѣтили, какъ послѣ великихъ побѣдъ, положенныхъ въ основу единой имперіи, рядовая, догматическая юриспруденція обратилась въ настоящую схоластику, окутавшую своими нитями всѣ главные центры правовой мысли. Склонные вообще къ фикціи замороженнаго порядка профессора и практики-юристы отдались цѣликомъ дѣлу формулировки, толкованія, разъясненія и изученія вырѣзанныхъ мечомъ Бисмарка статей дѣйствующаго закона и даже въ область публичнаго права сумѣли ввести духъ

*) Gierke, Deutsches Privatrecht, Leipzig, 1896, B. I, стр. 113, 114, 115.—Jellinek, Allgemeine Staatslehre, B. I, Berlin, 1900, стр. 334, 321, 322, 720, 721, 335, 336, сравн. его-же. Gesetz und Verordnung, 240. Ср. въ новомъ изданіи Allgemeine Staatslehre, стр. 325 и слѣд.

**) Eltzbacher, Ueber Rechtsbegriffe. Berlin, 1900, стр. 27—32. Сравн. его-же Anarchismus (1900 г.), стр. 22 и слѣд.

филистерской рутини, слѣпого доктринерства и непостижимой узости. За исключеніемъ указанныхъ мной выше теченій вся масса рядовой юриспруденціи тщательно отмежевывалась отъ полной соблазновъ политической исторіи, соціального быта, изученія классовой и партійной жизни и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ отдалась вѣчному нанизыванію новыхъ правовыхъ бусъ на старыя нити. Какъ справедливо замѣтилъ Антонъ Менгеръ въ своей критикѣ проекта германскаго уложенія *): «60--70 лѣтъ въ нѣмецкой наукѣ права господствовалъ почти безусловный принципъ авторитета, была заглушена всякая критика существующаго. Чего же можно было ожидать послѣ этого отъ составителей гражданскаго уложенія, какъ не извлеченія изъ пандектъ, раздѣленнаго по параграфамъ? Наука, проникнутая вѣрой въ авторитетъ, можетъ, конечно, удовлетворить потребностямъ мелкаго научнаго обихода, но для рѣшенія великихъ задачъ ей, прежде всего, необходимъ свободный критическій духъ по отношенію къ существующимъ мнѣніямъ и учрежденіямъ». И, какъ подтверждаетъ Новгородцевъ, голосъ Менгера не только не былъ единичнымъ, но къ нему присоединился цѣлый рядъ нѣмецкихъ ученыхъ, оставшихся живыми среди общаго мертваго поля **).

А между тѣмъ вопросъ объ изданіи «уложенія», этой гражданской конституціи великой индустріальной державы, только разорвалъ передъ глазами общества застилающій дѣйствительность туманъ невѣжества и близорукости. За этимъ туманомъ давно уже высилось новое міровое явленіе, полное движенія и борьбы. Къ XX вѣку «третье сословіе постепенно достигло политически рѣшающей роли и положенія экономическаго эксплуататора, провозгласившаго благодаря своему господству формальную свободу, но приведшаго къ хозяйственному пораженію рабочихъ. Четвертое сословіе, классъ работниковъ стремится къ освобожденію изъ этого экономическаго рабства, стремится подъ краснымъ знаменемъ коммунизма и социализма... Мы стоимъ теперь передъ новой грандіозной цѣлью развитія. Однако въ исторической эволюціи не происходитъ радикальнаго разрыва старыхъ и непосредственнаго натягиванія новыхъ нитей; напротивъ, нарождается переходное положеніе, въ которомъ подчасъ въ кричащей дисгармоніи встрѣчаются послѣдніе остатки стараго исчезающаго періода и первые начатки новаго строя. Природа не дѣлаетъ скачковъ — *natura non facit saltus*. И мы еще живемъ въ одномъ изъ такихъ переходныхъ періодовъ, который показываетъ всѣ симптомы вымиранія старыхъ и зачатія новыхъ идей» ***).

*) Das Bürgerliche Recht und die Besitzlosen Volksklasse. 1890.

***) Таковы: Офнеръ, Нейкамъ, Бюловъ, Л. Савиньи и др., см. II. Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права, въ «Проблемахъ идеализма». Москва, 1903 г., стр. 242 и сл.

***) Berolzheimer, System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. B. Die Kulturstufen. München, 1906, стр. 483, § 52. Der Moderne Klassenstaat.

Антонъ Менгеръ, одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ — вмѣстѣ съ Петражицкимъ — критиковъ анти-соціального и бездушнаго проекта «уложенія», смогъ выдвинуть цѣлую программу новыхъ «правъ», требуемыхъ «великой эмансипаціей классовъ». Въ трехъ основныхъ формулахъ выразилъ онъ основныя требованія вступившаго въ жизнь четвертаго класса. Это — право на полный продуктъ труда, право на существованіе и, въ качествѣ переходной стадіи, право на трудъ. «Идеаль имущественнаго права съ экономической точки зрѣнія былъ бы достигнутъ, если-бы существовалъ правовой порядокъ, при которомъ каждому рабочему былъ бы гарантированъ полный продуктъ его труда, а каждая потребность получала бы полное удовлетвореніе, соразмѣрно съ существующими средствами». Этому идеалу рѣзко противорѣчитъ старое имущественное право. Оно ставитъ въ привилегированное положеніе отдѣльныхъ лицъ, обладателей частной собственности — главнымъ образомъ на средства производства, — и они безъ труда получаютъ доходъ, который отнимается у другихъ. Ни одно юридическое положеніе не даетъ отдѣльному индивиду права хотя бы только на тѣ предметы и услуги, которые необходимы для его существованія. Совершенно точно подходитъ извѣстная характеристика Мальтуса къ лицамъ, не имѣющимъ собственности на землѣ: «Кто рождается на планетѣ, находящейся уже въ чьемъ-либо владѣніи, тотъ не имѣетъ права на содержаніе, если онъ не можетъ добыть средствъ къ существованію отъ своихъ родныхъ или собственнымъ трудомъ; фактически онъ оказывается лишнимъ на землѣ. На большомъ пиршествѣ природы для него не приготовлено прибора. Природа велитъ ему удалиться и не замедляетъ привести свой приказъ въ исполненіе». То, что Мальтусъ здѣсь говоритъ о средствахъ пропитанія, относится къ удовлетворенію всѣхъ другихъ потребностей **).

Посвятивъ себя юридической формулировкѣ новыхъ соціальныхъ правъ, Антонъ Менгеръ рѣшилъ представить полную ихъ систему, обоснованную съ большой глубиной и тонкостью. Въ своемъ «новомъ ученіи о государствѣ», слѣдуя экономической теоріи социализма, Менгеръ конструируетъ новое отношеніе публичнаго и гражданскаго права, создаетъ въ высшей степени оригинальную классификацію вещей съ точки зрѣнія ихъ роли въ хозяйственномъ бытѣ, разграничиваетъ виды собственности и владѣнія, удовлетворяющія требованіямъ нарождающейся соціальной среды, наконецъ, болѣе подробнымъ образомъ, чѣмъ онъ сдѣлалъ это раньше, освѣщаетъ «право на существованіе», соответствующее новой и всеобщей «рабочей повинности». Но Менгеръ не ограничивается однимъ построеніемъ правъ, коренящихся въ сознаніи возникающаго класса и подлежащихъ осуществленію въ трудовомъ народ-

*) А. Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, пер. Вужанскаго, Спб., 1906 г., стр. 1 и слѣд., 6 и слѣд.

номъ государствѣ будущаго. Острому ножу соціально-юридической критики подвергаетъ онъ всѣ священные институты современнаго «государственнаго» права. Въ каждомъ изъ нихъ умѣлою рукой вскрываетъ онъ основное противорѣчіе, разлагающее весь смыслъ юридическихъ конструкцій, и въ каждомъ отдѣлѣ стараго права умѣетъ найти зерна и начатки рождающейся правовой нормировки. Такъ создается въ трудѣ талантливаго юриста образъ разумнаго рефлексированнаго права, которое является одной изъ необходимыхъ сторонъ устройства лучшей и совершеннѣйшей жизни *).

Къ сожалѣнію, Менгеръ въ одномъ отношеніи послѣдовалъ участи многихъ соціалистовъ: борясь и воюя противъ анархизма и его идеаловъ, разбивая естественное право эгоистическаго строя современности, онъ впалъ въ крайность, которая во многихъ отношеніяхъ серьезно ему повредила; стараясь быть позитивистомъ *quand même*, отвергая всяческія утопіи, онъ самъ впалъ въ тяжелое заблужденіе: онъ не сумѣлъ подмѣтнуть въ окружающей средѣ силъ, способныхъ смѣнить нынѣшнее принужденіе безъ анархическаго развала общества; онъ не замѣтилъ тѣхъ политикообразныхъ, государственно-подобныхъ силъ, которыя идутъ уже на смѣну аппарату классового господства. И если Д. Койгену удалось подмѣтнуть среди современныхъ партій своеобразныя тенденціи, направленные къ осуществленію идеи «государственности», а у соціалистовъ даже «духовное государство» или «церковь» соціальнаго спасенія, то Еллинекъ уже сейчасъ со всей положительностью государствовѣда намѣчаетъ новые центры, куда стремится уже не государственная, а общественная власть. «По существу своему, говоритъ Д. Койгенъ, всѣ формы отношенія общежитія, начиная отъ семейной, въ большей или меньшей степени проникнуты принципомъ государственной организаціи». Даже суверенное общество будущаго далеко не является отрицаніемъ самой государственной идеи: «соціализмъ, какъ соціологическая доктрина, несетъ съ собою новое возрѣніе на государство; государство для него— синонимъ цѣлесообразной, рациональной организаціи общественныхъ отношеній и формъ общежитія, призванной вмѣстѣ съ тѣмъ охранять и воспроизводить условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ само общество». И если «либерализмъ никогда не могъ отрѣшиться отъ взгляда на государство, какъ на чисто полицейскую организацію принужденія», а «демократизмъ» полагалъ государство «въ идеѣ своей такимъ же свободнымъ союзомъ самоопредѣляющихся человѣческихъ волю, какъ и любой общественный союзъ», то для соціализма «вся тяжесть государственной проблемы лежитъ не въ вопросѣ о формѣ государственной жизни, а въ децентрализаціи

*) A. Menger, *Neue Staatslehre*, Jena, 1903, Ср. мою статью въ „Вѣстникѣ Права“ за 1904 г. подъ названіемъ „Новое Право“.

или въ централизаціи ея, въ вопросѣ ея распредѣленія въ социальномъ космосѣ». Соціализмъ «ставить выше всего суверенитетъ общества» *).

Въ своемъ изслѣдованіи «объ измѣненіи и преобразованіи конституцій» Еллинекъ часто эмпирически подтверждаетъ, что помимо парламентовъ и правительствъ въ настоящее время «обнаруживаются уже совершенно другія социальныя силы, которыя самымъ энергичнымъ образомъ могутъ вѣять на себя защиту и осуществленіе» «народныхъ правъ». «Выработался новый видъ ответственности правительствъ—ответственность предъ народомъ, многоголосное мнѣніе котораго находитъ свое выраженіе въ печати». Такъ «развилась общественная ответственность правительствъ, которой принадлежитъ будущее»... Повсюду все шире и шире развивается не управляемая никакимъ объединяющимъ центромъ и въ этомъ смыслѣ, такъ сказать, естественно растущая организація народа. Общества и собранія, всякаго рода предпринимательскіе и рабочіе союзы, представительство интересовъ въ самой различной формѣ... создаютъ въ замѣнъ атомизированной народной массы сильно дифференцированную развивающуюся организацію... Мы видимъ уже теперь партійныя организаціи, стоящія внѣ парламента... въ который онѣ, можетъ быть, совсѣмъ или почти совсѣмъ не входятъ, но онѣ вліяютъ на правительство, минуя парламентъ... Уже теперь созданы нормы, которыя—не въ юридическомъ, а въ социальномъ отношеніи—дѣйствуютъ наравнѣ или, по крайней мѣрѣ, подобно законамъ и не вырабатываются въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ». Еллинекъ приходитъ даже къ мысли о необходимости учрежденія «спеціальныхъ парламентовъ на основѣ все рѣзче вырисовывающейся социальной группировки» **).

Не удивительнымъ представляется послѣ этого, что среди представителей философіи права получили необходимое отраженіе всѣ эти новыя явленія современности, а нео-кантіанцы, не довольствуясь признаніемъ наличныхъ социальныхъ тенденцій и идеаловъ, рѣшили даже нѣкоторымъ образомъ канонизировать ихъ, возведя современную эманципаціонную борьбу въ категорію метафизическаго долженствованія, отрѣзаннаго отъ всякой «эмпириі» нравственнаго долга. Они воскресили для этого стараго практическаго двойника чистаго разума, снабдили его абсолютной властью категорическаго императива, и въ Пантеонѣ будущаго посадили, какъ идеалъ, «общество автономныхъ существъ», являющихся сами для себя цѣлью. Такъ совершилось своеобразное взятіе социальнаго идеала живымъ на небо, своего рода помазаніе духомъ «этики чистой воли» до сей поры довольно таки загнаннаго соціализма. И

*) Д. Койгенъ. Міровоззрѣніе соціализма. Спб. 1906 г., стр. 110 и слѣд.

**) Iellinek, Verfassungsänderung und Verfassungswandlung, Berlin, 1906 стр. 73 и слѣд., цитирую по переводу Кистяковского.

хотя, конечно, полное воплощеніе «идеи нравственнаго долга и человѣчности» отлагается въ безконечность, современному же человѣку предоставляется воспринять «справедливость» въ качествѣ наставника добродѣтели, но мы должны отмѣтить и въ этомъ философскомъ иносказаніи уже значительный прогрессъ. Подъ мантией невразумительнѣйшей метафизики здѣсь скрывается, какъ ни какъ, социальный младенецъ новыхъ порядковъ, а «этика чистой воли» или, иначе, «воли, лишенной эгоистическихъ мотивовъ» приходитъ на помощь, полному уничтоженію классовой эксплуатаціи, принципиально исключающей «чистую волю человѣка». Стоило только совлечь всѣ эти императивы и идеалы съ небесъ и связать ихъ тѣмъ или инымъ путемъ съ социальной борьбой современности, и ихъ смѣло можно употребить, какъ оружіе противъ старыхъ, отрицающихъ «чистую волю» порядковъ *).

Нео-гегелианецъ Колеръ пытается подойти нѣсколько ближе къ многогрѣшной землѣ и при помощи универсальной исторіи права стремится установить и его культурное значеніе, и его зависимость отъ различныхъ инстинктовъ, религіозныхъ стремленій, гипнотизирующихъ и самогипнотизирующихъ возбужденій, вплоть до границы психоза и «страшной силы духовной заразительности» среди людей. При этомъ Колеръ не желаетъ ограничиваться правомъ какого-нибудь одного народа: «каждое право имѣетъ различный характеръ по мѣрѣ того, какъ оно примѣняется у того или другого народа». Однако во всей культурной исторіи человѣчества право является «какъ откровеніе царящаго среди человѣчества разумаго духа и его культурнаго стремленія». И это живое, вѣчно измѣняющееся и пестрыми красками блещущее право стремится установить среди людей «упорядоченныя, достаточно сносныя, двигающія культуру условія». Отъ тотемизма черезъ «отдѣльныхъ духовъ» членовъ семьи и групповой бракъ приходитъ Колеръ къ современной семьѣ, черезъ древнѣйшія формы имущественнаго оборота коллективной собственности слѣдитъ онъ развитіе гражданскаго права, въ которомъ теперь устанавливаются новыя задачи: чтобы свободная конкуренція и порожденные ею тресты «не слишкомъ затягивали петлю на шеѣ человѣка». Государственное и уголовное право, процессъ во всѣхъ его историческихъ формахъ проходятъ у Колера передъ нами, и вездѣ право проявляется въ двоякомъ видѣ: «съ одной стороны, какъ проявленіе культурной жизни, оно есть предметъ человѣческаго знанія, съ другой, оно—вспомогательное средство культуры», при помощи котораго «вѣчно возрождающійся Персей обращаетъ голову Горгоны противъ страшнаго дракона враждебныхъ культуръ силъ». Какъ шить Персея, какъ «необходимое средство для человѣческаго, а вмѣстѣ вселенскаго прогресса»—«божествен-

*) Berolzheimer, в. н. с., стр. 410 и слѣд.

нымъ было право и таковымъ останется навѣки» *)... Спрашивается теперь, сумѣетъ ли Персей социализма обратить правовую Горгону противъ антикультурнаго социального рабства?

Еще ближе къ дѣйствительности приближается неокантіанецъ Рудольфъ Штаммлеръ, до чрезвычайности воспримчивый ученый, который сумѣлъ не только впитать въ себя важнѣйшія открытія новѣйшей юриспруденціи, но и придать имъ форму подлинной неокантіанской церковности. И этотъ заимствованный имъ у Когена языкъ даетъ ему возможность подъ метафизическимъ прикрытіемъ довольно близко подойти къ боевымъ позиціямъ враждующихъ социальныхъ силъ. Съ философской осторожностью объявляетъ Штаммлеръ право «формой» для социальной «матеріи», которую онъ, однако, не отождествляетъ цѣликомъ съ преисполненнымъ неблагонадежности «хозяйствомъ». Задачей социальной философіи оказывается не просто постиженіе закономерности ея развитія, а только «закономѣрности, какъ таковой». Основнымъ признакомъ общественнаго сожитія людей является наличность такихъ внѣшнихъ правилъ, которыя извнѣ и независимо отъ личной воли человѣка регулируютъ общественную жизнь. Въ этомъ понятіи, такимъ образомъ, оказывается на лицо правило, какъ форма, «соціальное хозяйство», какъ матерія социальной жизни. Одно безъ другого не существуетъ.

Надъ правомъ и хозяйствомъ возвышается какъ разъ «закономѣрность въ себѣ», о которой мы говорили выше; она, въ свою очередь, является удивительнымъ примиреніемъ, съ одной стороны, «неумолимаго закона причинности», а съ другой—свободной «цѣлесообразности», которую самостоятельно и независимо приписываетъ себѣ самъ человѣкъ. Однако причинность и свободное избраніе цѣли отнюдь не исключаютъ другъ друга. Дѣло въ томъ, что воля не есть сила, а только направленіе нашего сознанія. Поэтому для того, чтобы быть свободнымъ и подчиняться только свободно себѣ поставленнымъ цѣлямъ, человѣкъ долженъ только думать, «какъ будто онъ это можетъ». И это вовсе не нелѣпость, такъ какъ дѣйствовать «свободно», это значитъ дѣйствовать не во имя субъективныхъ цѣлей, а во имя безусловной окончательной цѣли, дающей всѣмъ остальнымъ объективное оправданіе. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это обозначаетъ, что человѣкъ достаточно свободенъ тогда, когда онъ отрѣшается отъ анти-социальныхъ мотивовъ, а дѣйствуетъ во имя блага, которое является въ видѣ свободы всѣхъ **).

«Закономѣрность въ себѣ» даетъ далѣе, согласно принципамъ

*) Kohler, Rechtsphilosophie und Universalrechtsgeschichte (Encyklopädie der Rechtswissenschaft, begr. von Holtzendorf, Berlin, 1904, B. I) стр. 17, 20, 21, 27 и слѣд., 69.

**) R. Stammler, Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft (Die Kultur der Gegenwart, systematische Rechtswissenschaft, Berlin, 1906), стр. 16—22. Berolzheimer, в. н. с., стр. 416—421.

абсолютной дѣли, всеобщности и безусловнаго единства всѣхъ отдѣльныхъ дѣлей, безусловный идеаль для доброй воли, а именно «общество свободно желающихъ людей». Съ точки зрѣнія этого идеала строится далѣе ученіе о такъ называемомъ «правильномъ правѣ», которое въ дѣлахъ соціального идеала регулируетъ отношенія людей при помощи четырехъ основныхъ принциповъ. Двухъ принциповъ уваженія: 1) содержаніе воли одного не должно быть предоставлено произволу другого; 2) каждое правовое требованіе должно существовать только въ томъ смыслѣ, что обязаный можетъ еще оставаться ближнимъ. И двухъ принциповъ участія: 1) ни одинъ правообязанный не можетъ быть исключенъ изъ общенія; 2) каждая правовая власть распоряженія можетъ только въ томъ смыслѣ слова исключать другого, что исключенный можетъ еще оставаться ближнимъ. Въ переводѣ, опять-таки, на вразумительный языкъ, соціальнымъ идеаломъ Штаммлера является свободное общество людей, въ рамкахъ котораго никто не является для другого средствомъ, при чемъ рядомъ съ законнымъ формальнымъ правомъ онъ признаетъ въ качествѣ «праваго» права то направленіе мыслей, которое вытекаетъ изъ указаннаго идеала. На практикѣ правовое право уже теперь проявляется въ вѣрности и честности при исполненіи обязательствъ, въ уклоненіи отъ злоупотребленій семейными правами, въ дѣйствіи по справедливому усмотрѣнію. Это право обозначаетъ твердыя границы договорной свободы и требуетъ, чтобы вообще соблюдался нравственный долгъ, приличіе, добрыя нравы и, наоборотъ, избѣгались въ силу справедливости всякій вредъ и убытокъ другому лицу. Въ силу того же праваго права при установленіи истиннаго содержанія сдѣлки требуется находженіе дѣйствительной воли, лежащей въ основѣ сдѣлки, разумная оцѣнка случая, истолкованіе согласно вѣрѣ и вѣрности, дополненіе пропущенныхъ пунктовъ договора. Точно такъ же въ силу праваго права иногда преждевременно должны быть закончены различныя правовыя отношенія *).

Такъ, подъ покровомъ «пестрой смѣси матеріально обусловленныхъ историческихъ установленій права», рядомъ съ «параграфами и особой матеріей историческихъ правъ», мы находимъ не новое «право», не «кодексъ яко бы идеальныхъ правоположеній», не «совокупность соціально-этическихъ нормъ опредѣленнаго содержанія», но «основное направленіе мыслей, дѣлостный формальный способъ опредѣленія и сужденія» людей въ дѣлѣ соціального регулированія... Отъ Штаммлера не скрылась возможность конфликта между дѣйствующимъ правомъ и этимъ сужденіемъ. Дѣйствующее право можетъ оказаться неправымъ,—тогда возникаютъ тяжкіе и воистину трагическіе конфликты. Принципіальная неприкосновенность и са-

*) R. Stammler, тамъ же, стр. 43 и слѣд. Beroltzheimer, в. н. с., 425 и слѣд.

модержавіе права, которое такъ отличаетъ его отъ всѣхъ конвенціональных—людьми добровольно соблюдаемыхъ—правилъ, сталкивается съ незаконченностью, условностью и несовершенствомъ данного содержанія опредѣленнаго права. *Summum jus, summa injuria* или, иначе, особое «условное» велѣніе закона, желающее быть «безусловной» высшей нормой для человѣческой воли, это величайшая несправедливость. Единственнымъ выходомъ является здѣсь—истинно желать праваго права и ставить его цѣлью своего долга. Только социальный прогрессъ оправдываетъ идеальныя ожиданія, что указанный конфликтъ постоянно будетъ уменьшаться, а правое право все чаще и тверже будетъ выступать *).

Отдѣливая теорію Штаммлера съ точки зрѣнія социальныхъ условій настоящаго времени, нельзя не признать, что какъ «социальный идеалъ», такъ и установленіе необходимой связи между правомъ и социальнымъ хозяйствомъ могутъ, подобно другимъ нео-кантіанскимъ категоріямъ, выразить до извѣстной степени цѣли эманципационнаго движенія и даже быть формулой для борьбы за право быть человѣкомъ. Ученіе о правильномъ правѣ дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ отношеніи и подвергаетъ непрестанной критикѣ, съ точки зрѣнія идеала, существующій правовой порядокъ. Однако это—довольно отдаленныя возможности; штаммлеровскій «историческій материализмъ» плаваетъ высоко въ небѣ въ видѣ лазурнаго облака и только *sub specie aeternitatis* созерцаетъ происходяща на землѣ перипетіи социальной борьбы. Болѣе же всего штаммлеровскія идеи боятся запачкать свое чистенькое платьице въ грязи конкретныхъ, относительныхъ и условныхъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ занять открытую позицію по отношенію къ новому занимающемуся на рубежѣ столѣтій социальному строю. Въ высшей степени радикальныя средства въ идеѣ—оказываются совершенно бессильными на практикѣ, а «форма», занявшая столь горделивое положеніе въ социальной жизни, валится за матеріей во всѣ ея углы и притоны, не различая боевого стана сознательнаго труда и грязнаго прилавка ростовщической эксплуатаціи. Развѣ нѣтъ матеріи и формы въ самыхъ анти-общественныхъ проявленіяхъ жизни, развѣ не можетъ современный предприниматель сердечно вѣровать въ грядущее царство свободно-желающихъ людей, развѣ нельзя, наконецъ, подвести любой гешефтъ подъ правильное право, такъ что каждый поработенный останется въ идеѣ «ближнимъ»?

Удаленіе въ міръ святыхъ абсолютовъ, неподвижныхъ въ себѣ съ вѣчно переливающимся содержаніемъ, есть весьма обоюдоострый, опасный пріемъ. Спасая всеобщность и неприкосновенность принциповъ, приходится вѣчно прибѣгать къ софистическимъ изворотамъ, чтобы примирить ихъ съ непрестаннымъ нарушеніемъ

*) R. Stammler; Die Zukunftsaufgaben des Rechtes und der Rechtswissenschaft (Systematische Rechtswissenschaft), стр. 506, 506 и в. н. с., 58—59

на дѣлѣ. И какъ ни можетъ быть само по себѣ почтенно желаніе снабдить борющіеся классы и группы нетлѣннымъ оружіемъ выкованныхъ въ философскомъ умозрѣніи dospѣховъ, но они, подобно колеровской правовой Горгонѣ, могутъ быть всегда использованы врагами «общества свободно — или, вѣрнѣе, добродѣтельно-желающихъ людей». Не надо забывать судьбы кантовскихъ двойниковъ: въ то время, какъ умозрительный субъектъ проповѣдывалъ абсолютные императивы всяческой свободы и молился абсолютамъ, эмпирической Голядиной не только цинически отрекся отъ всѣхъ боговъ, но и составилъ разрѣшительную грамоту прусскому абсолютизму,

Но если мы даже допустимъ, что можно признать истиной выводы нео-кантіанцевъ, нео-гегеліанцевъ, различныхъ Когеновъ, Натерповъ и Штамлеровъ, то и тогда остается тотъ же самый пробѣлъ, который мы выше замѣтили у подлиннаго историческаго материализма. Будемъ ли мы исходить изъ понятія матеріи и ея движеніемъ опредѣлять развитіе духа, или, наоборотъ, мы провозгласимъ этотъ самый духъ неизмѣннымъ принципомъ, который опредѣляетъ собой стремленіе матеріальнаго начала къ социальнымъ идеаламъ,—все равно въ данной формулѣ скрывается неизвѣстное, которое въ большей или меньшей степени игнорируется обѣими сторонами. Слишкомъ легко выставить утвержденіе, что право есть только вѣрный отблескъ формъ производства на идеологическихъ небесахъ, слишкомъ доступно, въ свою очередь, положеніе, которое, связывая неразрывными узлами социальную жизнь, культуру, общественное хозяйство съ правомъ, ищетъ абсолютной справедливости въ формальномъ умозрительномъ началѣ. И въ настоящее время, когда такъ живо начинается чувствоваться колебаніе хозяйственной почвы и такъ явно разваливается покоившееся на ней правовое зданіе, чуть ли не трюизмомъ звучитъ то дорогою цѣною сдѣланное открытіе, которое гласитъ, что право и мораль суть двѣ стороны одного цѣлостнаго социальнаго процесса.

Ни марксисты, ни кантіанцы не могутъ доказать истинности своихъ положеній до тѣхъ поръ, пока социологически и психологически не установлены законы преломленія бытія черезъ психику въ идеяхъ и наоборотъ. Другими словами, только научно построенная индивидуальная и коллективная психологія могутъ отвѣтить окончательно на вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ взаимная обусловленность этихъ двухъ началъ, какъ преломляются они въ общемъ центрѣ человѣческихъ чувствъ, представленій и воли. И къ теоретическому интересу присоединяется глубокая практическая потребность; только прослѣдивъ психику этическихъ, эстетическихъ, правовыхъ, религиозныхъ и т. п. переживаній, мы можемъ выяснитъ съ полной достовѣрностью вопросъ о томъ, что такое право по отношенію къ хозяйственнымъ явленіямъ и социальнымъ идеаламъ, какую роль оно можетъ и должно сыграть въ процессѣ общаго

преобразования, какимъ путемъ должно совершиться превращеніе классовыхъ и групповыхъ стремленій въ категорическія, не допускающія возраженій права, наконецъ, какую правовую оболочку, форму или организацію можетъ принять то «общество свободно желающихъ людей», которое возникнетъ на почвѣ не государственнаго, а общественнаго суверенитета.

Л. І. Петражицкому принадлежитъ честь психологическаго обоснованія права въ новѣйшей литературѣ и, хотя онъ оставилъ пока безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ту область, гдѣ психологія встрѣчается специально съ хозяйственными явлениями и реагируетъ на нихъ, а, съ другой стороны, психологія Петражицкаго цѣликомъ остается въ области индивидуальной и не простираетъ своего вѣдѣнія на то, что называется психологіей коллективной, тѣмъ не менѣе выводы Петражицкаго должны быть признаны имѣющими громадное теоретическое и практическое значеніе.

Съ чрезвычайной послѣдовательностью проводитъ этотъ ученый добытныя имъ данныя въ области нравственности и права, опрокидываетъ созданныя здѣсь правовыя и моральныя фантазмы, устанавливаетъ новое опредѣленіе права и смежныхъ ему областей, проводитъ между ними исчерпывающее различеніе и даетъ новую классификацію различныхъ формъ и видовъ права, новую систему объектовъ и субъектовъ правъ, наконецъ, уже здѣсь въ значительной степени раскрываетъ историческую тенденцію различныхъ явленій правовой психики, или, говоря иначе, права. Само собою разумѣется, что такое существенное преобразованіе науки немислимо безъ новаго распредѣленія ея задачъ и перестройки составляющихъ ее отдѣльныхъ доктринъ.

Характерно, что психологически Петражицкій пришелъ къ теоріи права благодаря импульсу, полученному имъ отъ социальныхъ условій времени. Уже въ первыхъ своихъ цивилистическихъ трудахъ, въ особенности въ критикѣ гражданскаго уложенія Германіи, нашъ ученый былъ захваченъ мыслию о необходимости созданія особой новой науки, подъ названіемъ «политики права». Эта наука должна была быть «особой дисциплиной, служащей прогрессу и усовершенствованію существующаго правопорядка». Въ ней должна была быть сосредоточена разработка проблемъ законодательства. Политика права должна была воскреснуть подъ знаменемъ возстановленія такъ назыв. естественнаго права, хотя впоследствии Петражицкій рѣзко разграничилъ эту практическую доктрину и старое право разума и природы. Политика права должна была сознательно вести «человѣчество» въ томъ направленіи, «въ какомъ оно двигалось пока путемъ безсознательно эмпирическаго приспособленія и въ соответственномъ ускореніи и улучшеніи движенія къ свѣту и великому идеалу будущаго». «Совершенное господство дѣйственной любви въ человѣчествѣ», «достиженіе совершенно со-

ціальнаго характера» человека—таковъ окончательный идеалъ человека *).

Какъ видно, социальная атмосфера, въ которой развилъ Петражицкій первые начатки своей общей теоріи, обща ему съ его нѣмецкими коллегами. Подобно Менгеру и Штаммлеру, и на него сильнѣйшее впечатлѣніе произвела безпомощность старой юриспруденціи, неспособность ея отвѣтить на крупныя проблемы современности. Однако Петражицкій не удовлетворился сравнительно легкой экскурсіей въ область метафизики и на ней построеннаго неокантіанства. Для обоснованія своей политики права онъ прибѣгъ къ психологическому изученію «факторовъ и процессовъ мотивации человѣческаго поведенія и развитія человѣческаго характера». Базисомъ новой науки должно было стать «спеціальное ученіе о природѣ и причинныхъ свойствахъ права, въ частности, ученіе о правовой мотивации и ученіе о правовой педагогикѣ». Психологическая дедукція самонаблюденія, индуктивный методъ—насколько онъ возможенъ—таковы должны были быть методы правовой политики, приведшіе въ концѣ концовъ и къ построенію своеобразной «эмоциональной психологіи», которая и легла въ основу всѣхъ теоретическихъ построеній Петражицкаго.

Да будетъ позволено здѣсь для лучшаго уразумѣнія теоріи Петражицкаго напомнить читателю другого, давно забытаго матеріалиста и ученика Фейербаха, который болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ аналогичную Петражицкому попытку преобразования юриспруденціи и разрушенія старыхъ юридическихъ фантазмъ, загромаждающихъ свѣтлое и сознательное развитіе права. Людвигъ Кнапшъ—такъ звали этого философа—дѣлилъ всю юриспруденцію на 3 части: первой, по его теоріи, являлось правовѣдѣніе, которое имѣетъ задачей познаніе правовыхъ положеній въ цѣльяхъ выясненія права при помощи его редакціи и интерпретаціи. Второй наукой является политика, какъ знаніе, которое связано временемъ и мѣстомъ, движется тысячеголовымъ интересомъ и не соединимо въ одну науку. Оно познаетъ содержаніе права. Политикъ такимъ образомъ познаетъ содержаніе не только настоящаго, но и рождающагося права, изслѣдуетъ реальное дѣйствіе и обоснованіе правовыхъ институтовъ. Юристъ принимаетъ также участіе въ этомъ познаніи, но онъ, въ такомъ случаѣ, является чѣмъ-то большимъ, чѣмъ юристъ, ибо политика есть созданіе, поддержаніе и разрушеніе права. Какъ вѣчно строящійся синтезъ все новыхъ и новыхъ данныхъ разнообразнѣйшихъ областей вѣдѣнія, политика является своего рода всевѣдущимъ строителемъ новыхъ юридическихъ нормъ. Наконецъ, философія права имѣетъ свою цѣлью познаніе, разъясненіе и истребленіе правовыхъ фантазмъ и та-

*) Л. И. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности, Эмоциональная психологія. Спб. 1906 г., стр. V—XIII.

кимъ образомъ постигаетъ самую сущность права. Философія права является абсолютной предпосылкой для разумности дѣйствія политики и права; она очищаетъ правовую область отъ воображенія и пролагаетъ путь для радикальнаго метода, въ которомъ нуждаются какъ политика, такъ и правовѣдѣніе. Методъ философіи права заключается въ выясненіи психологическихъ тенденцій, которыя создаютъ правовыя фантазмы, и главную изъ нихъ—признаніе сверхчеловѣческаго велѣнія права. Эти тенденціи необходимо присущи самому психическому происхожденію права *).

Въ своей философіи права Кнаппъ и на самомъ дѣлѣ пробуетъ создать необходимую психо-физиологическую теорію правового мышленія. Онъ исходитъ при этомъ изъ понятія возбуждающаго мускулы мышленія (*das Muskelregende Denken*), которое отличается отъ мышленія познающаго и эстетическаго. На почвѣ встрѣчи этого мышленія съ представляющимъ, снабженнымъ опять-таки аффективнымъ аппаратомъ, зарождаются фантастическія представленія нравственности и ея велѣній, какъ чего-то отвлеченнаго отъ человѣка. «Нравственный феноменъ рождается поэтому всякій разъ, какъ только встрѣчается представленіе общенности съ предшествующими ему вегетативными или аффективными влеченіями. И такимъ образомъ, благодаря интенсивности мыслительнаго процесса, водворяется нравственное стремленіе, общественно ограничивающее прежнее непосредственное стремленіе». Весь этотъ процессъ совершается «въ живомъ воспріятіи чувствъ и рѣшается силою противодѣйствующихъ воспріятій неприятнаго». И фантастическое мышленіе укрѣпляетъ силу слабого нравственнаго стремленія тѣмъ, что оно поднимаетъ до значенія обожествленныхъ заповѣдей тѣ велѣнія, которыя переданы отдѣльнымъ лицамъ при помощи воспитанія и народнаго мнѣнія въ формѣ велѣній нравственности. «Лишь глубокое познаніе цѣлесообразности нравственныхъ правилъ устраняетъ чувство слабости нравственнаго желанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ все стремленіе къ его фантастическому укрѣпленію» **).

Отреченіе и требованіе—*Enttsagen und Vordern*—таково основное противоположеніе, которое лежитъ въ основѣ различенія двухъ видовъ нравственности, морали и права. Нравственное стремленіе является «діаметрально различнымъ, смотря по тому, направляется ли оно у размышляющаго лица противъ его собственныхъ или противъ чужихъ побужденій, другими словами, является ли оно отрекающимся или требующимъ. По общему правилу, въ нравственности размышляющій субъектъ, съ одной стороны, обращается противъ притязаній своихъ собственныхныхъ влеченій, съ

*) L. Knapp, *System der Rechtsphilosophie*, Erlangen, 1857, стр. 215 и слѣд., 235 и слѣд., 241—246.

**) Тамъ же, стр. 131 и слѣд., 138—144—150.

другой стороны, противостоят притязаніямъ другихъ людей. Нравственность имѣетъ двойное, во внѣ и внутрь обращенное, лицо, основанное на аффектѣ отреченія или дѣйствиіи требованія. Въ виду этого нравственность различается на два міра: одинъ, обращенный къ «я» и отвѣтственный внутренне—мораль, другой, обращенный къ «ты», внѣшне отвѣтственный—право *). На стражѣ перваго становится принужденіе аффекта совѣсти, на стражѣ втораго—правовое принужденіе. Однакоже правовое принужденіе можетъ быть устранено совѣстью и аффектѣ совѣсти, въ свою очередь, возбужденъ правовымъ принужденіемъ. Отсюда цѣлый рядъ послѣдствій. Мораль субъективна, въ правѣ, напротивъ, требующій ищетъ рѣшенія помимо убѣжденія отрекающагося. И требующій, и отрекающійся оба становятся подѣ внѣшнюю объективную силу. Мораль гипотетична по отношенію чужаго, но безгранично властвуетъ внутри всего субъекта; право, наоборотъ, всегда переходяще отъ одного субъекта по отношенію къ другому, поэтому принуждающіе аффекты совѣсти относятся здѣсь къ морали такъ, какъ «диалогъ» относится къ «монологу». Аффекты совѣсти, далѣе, отнюдь не ограничиваются одной областью морали, напротивъ, все право стоитъ подѣ вліяніемъ совѣсти. Поскольку право для одной или для обѣихъ участвующихъ сторонъ представляется какъ извѣстное, нѣтъ недостатка въ соответственномъ моральномъ сужденіи; въ правообязанномъ оно выражается въ видѣ отрицающихъ или признающихъ требованія аффектахъ совѣсти, а у правомочнаго—въ обращеніи къ соответственнымъ движеніямъ совѣсти своего противника. «Всякое право, которое не имѣетъ своей высшей санкции въ совѣсти индивидовъ, есть безсовѣстное право». Правовое принужденіе, которое сопровождаетъ право, только очень рѣдко выражается въ непосредственномъ насиліи, напротивъ, оно дѣйствуетъ психологически на массы и строго обусловлено духовностью чловѣка. Однако право отличается отъ морали тѣмъ, что для него безразличны мотивы, по которымъ исполняется присущее ему требованіе. Оно удовлетворяется вполне, разъ только выполнена его задача **).

Ясное дѣло, что, разъ право есть чисто психическое переживаніе, коренящееся въ «двигательномъ, порою безсознательномъ, мышленіи» индивида, то право теряетъ характеръ исключительно государственнаго происхожденія и развивается вездѣ, гдѣ только «я» предъявляетъ «ты» императивное требованіе. Отсюда Кнаппъ

*) Конкретная наличность „требующаго“, съ одной стороны, и „отрекающагося“ въ его пользу, съ другой стороны, для наличности правового феномена не требуется. Достаточно, если наличность того и другого совершается „in der Idee“, такъ какъ есть „in der Sittlichkeit Entsagende an die Niemand etwas fordert und fordernde denen Niemand die Entsagung reicht“ (172).

***) Тамъ же, стр. 150, 151, 155 и слѣд., 167—191, 192, 193—195.

находить право среди разбойниковъ въ ихъ шайкахъ и бандахъ, среди людей подъ кровомъ различныхъ классовъ и сословій, вездѣ, гдѣ встрѣчается своя частная нравственность, въ обществѣ среди его свѣтскихъ отношеній и т. п. Такъ, лавочный мальчикъ не имѣетъ права спрашивать пышную придворную даму относительно ея здоровья, совѣтникъ не имѣетъ права просить тайнаго къ себѣ въ гости, терпимый выскочка не имѣетъ права пригласить къ вину его превосходительство... и т. д., это право гарантировано и приводится въ исполненіе при помощи выговора, презрѣнія, отлученія отъ общества. И транзитивная, нравственная природа права, имѣющая опору въ принужденіи, нисколько не мѣшаетъ тому, что область нравственности—морали и права—захватываетъ въ концѣ концовъ, міръ фантастическихъ представленій, неземныхъ существъ, боговъ, чертей, ангеловъ и святыхъ, права которыхъ простымъ преслѣдованіемъ за ересь получаютъ значеніе живой дѣйствительности *).

Рядомъ съ «философіей» морали и права Кнаппъ указываетъ намъ истинное содержаніе тѣхъ тенденцій, которыя лежатъ въ основѣ нравственныхъ феноменовъ. Содержаніемъ нравственности является примиреніе индивида съ обществомъ, подчиненіе его социальнымъ интересамъ вида, человѣчества. Какъ мы видѣли, это совершается сначала при помощи различныхъ фантазмъ, неземныхъ образовъ и представленій, которыя приходятъ на помощь человѣку въ его «Entsagen». Но въ опредѣленный моментъ, когда воспитаніе человѣка до извѣстной степени организовано, выступаетъ на сцену точное научное знаніе и философія въ качествѣ убивающаго фантазмы мышленія. Сдѣлавъ свое дѣло, философія умираетъ, она сливается со всеобщей исторической наукой, а «всѣ кровавыя и драгоценныя чудовища безумной вѣры бредутъ, какъ успокоенныя тѣни въ подземномъ царствѣ воспоминанія». Не философія, а точная продуктивная наука остается единственнымъ хранителемъ фактовъ и ведетъ человѣчество въ его дальнѣйшей исторіи. И въ борьбѣ съ интересами отдѣльной личности постепенно побѣждаетъ человѣчество. Съ устраненіемъ дикой фантазмы отрѣзаннаго отъ человѣчества «я», человѣкъ видитъ въ ближнихъ только то же самое, что и онъ самъ, а съ исчезновеніемъ міа «безсмертной души» исчезаетъ главная опора антисоціального эгонизма. «Борецъ за идею приноситъ свою смертную жертву не сознаніемъ гибели самого себя, а какъ возрожденіе своей личности въ очищенномъ во стотысяче-милліонно-кратномъ продолженіи своего бытія въ отдѣльныхъ жизняхъ». Вполнѣ естественно, что право, столь тѣсно уже теперь связанное съ совѣстью, чѣмъ дальше, тѣмъ больше отрѣшается отъ физическаго принужденія и достигаетъ этимъ не только высшей, наиболѣе быстрой, но и успѣшной дѣйствительности. И та «безграничная че-

*) Тамъ-же, 161—165.

ловѣческая любовь, которая представляет полное слияніе «я» съ челоѣчествомъ, ведетъ къ совершенному уничтоженію эгоизма, является полнымъ завершеніемъ морали, небомъ на землѣ, въ которомъ сливаются, какъ ручьи въ долины, всѣ нравственныя теченія» *).

Такова теорія Кнаппа, изложенная въ его первомъ опытѣ въ области психологическаго права и морали. Если припомнить, что Петражицкій въ значительной степени совпадаетъ, а частью приближается къ Кнаппу въ своей эмоциональной психологіи, въ своихъ исходныхъ пунктахъ для построенія нравственности и права, въ своей борьбѣ противъ юридическихъ фантазмъ и даже въ окончательномъ социальномъ идеалѣ—любви, какъ цѣль политики права,—то нельзя не замѣтить, что сравненіе этихъ двухъ мыслителей должно представить большой интересъ. Одинъ—во всеоружіи современныхъ юридическихъ знаній и психологіи, другой—последователно мыслящій материалистъ въ духъ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія; одинъ, стоящій среди полного развитія социальныхъ бурь современности, другой—едва испытавшій на себѣ первый взрывъ 1848 г., одинъ—совдатель обширнаго ряда выдающихся изслѣдованій въ области гражданскаго права, правовой психологіи и общей теоріи права, другой—скромный авторъ небольшой, забытой всѣми философской книжки — и, однако, не смотря на все различіе ихъ общаго міровозрѣнія и приемовъ изложенія, не смотря на все смѣшеніе quasi-физиологической и психологической точки зрѣнія у материалиста Кнаппа, два мыслителя, разделенные полустолѣтіемъ, встрѣчаются другъ съ другомъ и взаимно поддерживаютъ и разъясняютъ другъ друга: они объединены общимъ психологическимъ методомъ, они оба ищутъ разрѣшенія своей проблемы въ психологіи единого, реально существующаго центра общественнаго творчества—въ психологіи отдѣльнаго челоѣка.

Въ слѣдующей главѣ мы попробуемъ въ подробностяхъ прослѣдить сходство и различіе между ученіемъ Петражицкаго и наиболѣе приближающимися къ нему положеніями изложенныхъ нами выше писателей.

М. Рейснеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Тамъ же, стр. 39, 133, и дальше, 158, 184, 185, 194.

Вильямъ Томсонъ (Лордъ Кельвинъ).

(Биографическая замѣтка).

4 (17) декабря 1907 г. телеграфъ оповѣстилъ весь мiръ о смерти лорда Кельвина, болѣе извѣстнаго публикѣ подъ именемъ Вильяма Томсона (лордомъ Кельвиномъ знаменитый физикъ былъ сдѣланъ лишь въ 1892 г.).

За свою долгую, 83-лѣтнюю жизнь (онъ родился 26 iюля 1824 г.) Томсонъ сдѣлалъ такъ много, что въ небольшой биографической замѣткѣ, написанной, къ тому же, для публики, не знакомой съ высшей математикой, можно дать лишь самый общiй очеркъ его трудовъ, т. е., сообщить лишь о тѣхъ его работахъ, которыя имѣютъ наибольшее значенiе для выработки общаго мировоззрѣнiя, для философи.

Въ англiйской научной литературѣ со временъ Ньютона утвердился прекрасный терминъ (которыя, вѣстаети сказать, возмущался Гегель) «Natural Philosophy» (Естественная философи), употребляемый «для обозначенiя изслѣдованiй законовъ матерiальнаго мiра и выводовъ результатовъ, не наблюдаемыхъ непосредственно» (Thomson and Tait «Treatise on Natural Philosophy». Preface). Блестящимъ работникомъ въ области этой Natural Philosophy и былъ Вильямъ Томсонъ, и онъ дожилъ до того времени, когда физико-химическiя изслѣдованiя выдвинулись на первый планъ въ качествѣ основы для всякой дѣйствительно-научной философи, отгнѣсая на заднiй планъ биологическiя науки, которыя одно время считались главной опорой научной философи.

Ученые, работающiе въ области «Естественной философи», по складу своего ума дѣлятся на двѣ рѣзко отличающiяся другъ отъ друга группы: группу логиковъ-аналитиковъ и группу интуитивистовъ. Одни работаютъ, главнымъ образомъ, при помощи дедукци: берется общее положенiе и изъ него шагъ за шагомъ, аналитически выводятся всѣ послѣдствiя; другiе исходятъ изъ нагляднаго представленiя, которое они могутъ приспособить къ самымъ отвлеченнымъ вопросамъ, и въ своихъ выводахъ руководятся свойствами этого нагляднаго представленiя. Такъ, напр., въ дифференциальномъ исчисленiи, такъ называемая «производная» представляется однимъ въ формѣ алгебраическаго выраженiя, а другимъ—въ формѣ касательной къ кривой. Исторiя науки знаетъ лишь весьма небольшое число ученыхъ, которые были одинаково сильны какъ въ отвлеченномъ анализѣ, такъ и въ интуитивномъ воспрiятии. Вильямъ Томсонъ былъ рѣзко-выраженнымъ интуитивистомъ. Онъ самъ однажды сказалъ про себя, что для того, чтобы понять какое-либо

научное положеніе, онъ долженъ сдѣлать (или вообразить) какую-нибудь модель, наглядно иллюстрирующую это положеніе. Это свойство его ума повело къ тому, что, на ряду съ крупными теоретическими открытіями, онъ сдѣлалъ множество чисто практическихъ изобрѣтеній, до усовершенствованныхъ водопроводныхъ крановъ включительно... За какую бы область научнаго изслѣдованія онъ ни брася, онъ почти всегда попутно дѣлалъ и важныя практическія усовершенствованія. Такъ, напр., когда поднялся вопросъ о возможности проведенія кабеля черезъ Атлантическій океанъ для соединенія телеграфовъ Европы и Америки, то оказалось, что на пути къ осуществленію этого грандіознаго предпріятія встрѣчаются важныя затрудненія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Томсонъ заинтересовался этимъ вопросомъ и далъ прекрасныя теоретическія изысканія, разъяснившія условія распространенія электрическихъ импульсовъ вдоль кабелей и одновременно же указалъ на способы устраненія практическихъ затрудненій, связанныхъ съ проложеніемъ кабеля. Но этого мало, когда, вслѣдъ за этимъ, въ 1865 и 1866 годахъ прокладывался трансатлантическій кабель, и Томсонъ, въ качествѣ одного изъ виновниковъ успѣха, былъ приглашенъ къ завѣдыванію дѣломъ, то результатомъ его поѣздки по океану сейчасъ же явились изобрѣтенія новаго лота и новаго компаса; усовершенствованный компасъ Томсона вошелъ во всеобщее употребленіе. Чтобы покончить съ практической стороною дѣятельности Томсона, сообщимъ, что число его изобрѣтеній настолько велико, что специальная мастерская въ Глазго занята только изготовленіемъ его аппаратовъ.

Чисто научная дѣятельность Вильяма Томсона началась очень рано: первая его работа появилась въ маѣ 1841 года, когда ему не было еще 17 лѣтъ, и онъ былъ студентомъ въ Оксфордѣ, а въ 1846 году двадцатидвухъ-лѣтній Томсонъ уже занялъ кафедру «естественной философіи» (т. е., собственно, теоретической физики) въ Глазго, которую онъ и сохранилъ въ теченіе многихъ десятилѣтій. Въ 1842 году онъ опубликовалъ весьма важное изслѣдованіе о распространеніи теплоты въ однородныхъ твердыхъ тѣлахъ, изслѣдованіе, явившееся исходнымъ пунктомъ его знаменитаго изысканія о возрастѣ земли. Это изысканіе повело къ оживленному спору физиковъ съ геологами, спору, собственно говоря, еще до сихъ поръ не оконченному, хотя одинъ изъ сторонниковъ Томсона, извѣстный физикъ Тэтъ, давно уже провозгласилъ («О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній» и переводъ подъ ред. И. Сѣченова, Спб. 1877 г.): «тѣмъ хуже для геологін» (стр. 154), если ея представители осмѣливаются спорить съ людьми, вооруженными дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіями. Дѣло въ томъ, что новые геологи, Ляйелль и его послѣдователи, вычисляя время, необходимое для образованія земной коры, были слишкомъ щедры на милліоны, десятки и даже сотни милліоновъ лѣтъ, втеченіе которыхъ, по ихъ

мѣнѣн; совершались геологическіе процессы; это, быть можетъ, отчасти объясняется реакціей противъ крайностей прежнихъ геологовъ, допускавшихъ возможность внезапныхъ катастрофъ. Но какъ бы тамъ ни было, однако, несомнѣнно, что геологи упустили изъ виду, что лучший способъ вычисленія древности земной коры это, конечно, способъ математическій. Къ этому математическому способу и обратился Вильямъ Томсонъ, и результаты его вычисленій, которые онъ во исполнѣ законченной формѣ обнародовалъ только въ 1876 г. (въ рѣчи, произнесенной имъ въ качествѣ председателя математической секціи «Британской Ассоціаціи для споспѣшествованія развитію наукъ»), эти результаты вызвали большую сенсацію въ ученномъ мѣрѣ, такъ какъ они оказались въ рѣзкомъ противорѣчій съ ученіями геологовъ. Аргументы Томсона шли по нѣсколькимъ линіямъ, но всѣ они сходились въ томъ, что древность земной коры вѣроятнѣе всего равна 20,000,000 годамъ и, во всякомъ случаѣ, никакъ не можетъ быть болѣе 400,000,000 лѣтъ. Геологи не захотѣли отказаться отъ своихъ безгранично-большихъ періодовъ и между представителями двухъ наукъ: физики и геологіи, завязался споръ. Конечно, геологи не могли спорить противъ самыхъ вычисленій, но вѣдь сверхъ этихъ вычисленій естъ еще данныя, надъ которыми и оперируютъ математики, производящіе вычисления. Уже самая значительность амплитуды колебанія въ отвѣтѣ Томсона (отъ 20 до 400 милліоновъ) указываетъ, что онъ не обладалъ исполнѣ точными данными для вычисленій. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ главныхъ доводовъ Томсона основывался на внутренней теплотѣ земли и на постепенномъ ея охлажденіи; но мы въ настоящее время еще не знаемъ, какъ измѣняется подъ вліяніемъ очень высокихъ температуръ проводимость теплоты веществами, составляющими массу земли: при очень высокихъ температурахъ эта проводимость могла настолько измѣниться, что ходъ охлажденія земли могъ получить иной характеръ. Однако Томсонъ прекрасно понималъ всѣ эти недостатки данныхъ, которыми онъ обладалъ, и именно поэтому онъ и далъ такой сравнительно неопредѣленный отвѣтъ: «вѣроятнѣе всего 20 милліоновъ лѣтъ и никакъ не болѣе 400 милліоновъ лѣтъ». И хотя геологи все еще спорятъ съ Томсономъ, но его доводы имѣли огромное значеніе: геологи посократили свои сроки и стали осмотрительнѣе при опредѣленіи древности земной коры.

Огромный интересъ представляютъ изслѣдованія Томсона о строеніи материн. Здѣсь онъ воспользовался замѣчательными изслѣдованіями Гельмгольца объ абсолютной неуничтожимости вращательнаго движенія въ совершенной жидкости, т. е. въ такой жидкости, въ которой абсолютно нѣтъ никакого тренія между частицами. Вихреобразное кольцо, вращающееся въ такой совершенной жидкости, не можетъ быть ни уничтожено, ни измѣнено; такимъ образомъ оно является настоящимъ атомомъ, исполнѣ индивидуальнымъ и неизмѣняемымъ. Томсонъ предположилъ, что вселенная наполнена со-

вершенной (т. е., повторяю, абсолютно лишеной тренія) жидкостью, которая называется эфиромъ, тогда, если въ какомъ-либо мѣстѣ возникло вихреобразное движеніе, оно никогда не можетъ быть уничтожено: оно сохранится навѣки и въ своей индивидуальной неуничтожимости обнаружитъ тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ въ матеріи. Нашъ воздухъ, въ качествѣ предмета матеріальнаго, не есть совершенная жидкость и поэтому вихреобразныя движенія, образующіяся въ немъ, не могутъ сохраняться до безконечности. Но все-таки даже и въ этой несовершенной средѣ можно на опытѣ показать замѣчательныя свойства вихреобразныхъ движеній. Стоитъ взять довольно большой ящикъ со значительнымъ круглымъ отверстіемъ на одной сторонѣ, при чемъ стѣнка ящика, противоположная отверстию, сдѣлана изъ туго натянутого полотна. Дно ящика должно быть обильно полито растворомъ амміака и, сверхъ того, на это-же дно ставится блюдечко съ поваренной солью, политою сѣрной кислотой. Вслѣдствіе дѣйствія сѣрной кислоты на поваренную соль, выдѣляется соляная кислота, которая, соединяясь съ амміакомъ, наполняющимъ собою ящикъ, образуетъ хлористый аммоній, или нашатырь. Частицы нашатыря при этомъ бывають такъ мелки, что остаются взвѣшенными въ воздухѣ, какъ дымъ. Теперь, если сдѣлать внезапный и довольно сильный ударъ по полотняной стѣнкѣ ящика, то изъ отверстія выскакиваетъ круглое кольцо (состоящее изъ воздуха и частицъ нашатыря), которое движется по воздуху, какъ индивидуальное твердое тѣло. Частицы этого кольца имѣють вращательное вихреобразное движеніе, которое не можетъ быть уничтожено (кольцо, на примѣръ, не можетъ быть разрѣзано никакимъ острымъ орудіемъ), кольца не смѣшиваються ни съ окружающимъ воздухомъ, ни другъ съ другомъ: они относятся другъ къ другу, какъ два твердыя упругія тѣла. И еслибы они двигались въ совершенной жидкости, то эти свойства ихъ сохранились бы навѣки, въ воздухѣ же они обнаруживаютъ подобныя свойства лишь при движеніи на нѣсколько саженой.

Въ созданіи ученія о матеріи, какъ о вихреобразномъ движеніи въ совершенной жидкости, т. е., въ эфирѣ, въ созданіи этой космической гипотезы, наглядно иллюстрируемой при помощи простаго ящика съ нашатырнымъ дымомъ, ярко обнаруживается то интуитивное свойство ума Вильяма Томсона, о которомъ мы говорили выше, и которое столь высоко цѣнилъ Гельмгольцъ, сказавшій, что «даръ превращать реальные факты въ математическія уравненія и обратно, гораздо болѣе рѣдокъ, чѣмъ даръ отыскивать рѣшеніе данной математической проблемы» и что въ этомъ отношеніи Вильямъ Томсонъ «наиболѣе выдается и болѣе оригиналенъ».

Хотя эта теорія матеріи, какъ вихреобразнаго движенія, въ настоящее время и отвергается большинствомъ ученыхъ, однако мы до сихъ поръ имѣемъ лишь одну теорію матеріи, которая можетъ конкурировать съ нею по своей стройности и жизнеспособности

это—новѣйшую электрическую теорію матеріи. Но этого мало; если она и будетъ окончательно отвергнута, то все-таки навсегда останется ея заслуга, заслуга первой исполнѣ послѣдовательной попытки объясненія взаимоотношенія между матеріей и мировымъ эфиромъ.

Минутя глубокія и важныя изысканія Томсона въ области электростатики и теоріи магнетизма, контактнаго электричества, термоэлектричества, механической энергіи солнечной системы, вычисленія приливовъ и отливовъ, величины атомовъ и работы въ другихъ областяхъ физики, минуя всѣ эти вопросы, какъ болѣе спеціальныя, мы познакоимъ нашихъ читателей еще съ однимъ ученіемъ Томсона, имѣющимъ огромное философское значеніе. Мы говоримъ объ ученіи Томсона о разсѣяніи энергіи. Работы Томсона, поведшія къ созданію ученія о разсѣяніи энергіи, были вызваны стремленіемъ приспособить идеи Карно (знаменитый «циклъ Карно») къ новымъ физическимъ воззрѣніямъ, возникшимъ въ результатѣ выработки новаго ученія объ энергіи. Въ этой области работали одновременно и независимо другъ отъ друга англичанинъ Томсонъ и нѣмецъ Клаузиусъ и ихъ выводы, отличающіеся другъ отъ друга по формѣ, были по существу такъ сходны, что это обстоятельство даже послужило причиной столкновенія между англійскими и нѣмецкими учеными, поднявшими споръ о томъ, какой націи принадлежитъ честь открытія такъ называемаго нынѣ «второго закона термодинамики»: англичанамъ или нѣмцамъ.

Мы знаемъ, что теплота и работа превращаются другъ въ друга: теплота (напр., пары) производитъ работу, а работа (напр., ударъ одного твердаго тѣла о другое) порождаетъ теплоту. Сади Карно въ своемъ трудѣ «*Sur la puissance motrice du feu*», вышедшемъ еще въ 1824 году, высказалъ мысль, что понять вполне отношеніе между работой и теплотой можно лишь тогда, когда мы будемъ имѣть законченный циклъ, т. е. когда, напримѣръ, въ паровой машинѣ мы представимъ себѣ такой рядъ процессовъ, въ концѣ котораго паръ возвратится къ своему первобытному состоянію, т. е., тому состоянію, въ которомъ онъ былъ до производства работы. Томсонъ и занялся изученіемъ этого отношенія между теплотой и работой. Работа можетъ цѣликомъ превратиться въ теплоту; напримѣръ, при паденіи одного твердаго тѣла на другое вся энергія паденія можетъ превратиться въ теплоту. Но теплота не можетъ цѣликомъ превращаться въ работу и это прежде всего потому, что теплота каждаго даннаго тѣла можетъ производить работу лишь постольку, поскольку это тѣло теплѣе окружающихъ его тѣлъ; такимъ образомъ все то количество градусовъ теплоты, которое обще всѣмъ тѣламъ данной системы, совершенно не можетъ быть использовано для работы внутри этой системы. Теплота есть та форма энергіи, которая возникаетъ легче всего при всѣхъ превращеніяхъ. И это потому, что «тепловая энергія есть энергія движенія неправильнаго, беспорядочнаго» (Хвольсонъ. Курсъ физики, томъ 3, стр. 2). «Тепловое движеніе

наименѣе правильно; оно не подвержено, насколько извѣстно, никакимъ условіямъ, связывающимъ величины и направленія движенія частицъ, по крайней мѣрѣ, если эти частицы не сосѣднія. Не трудно понять, что именно такое движеніе должно быть *наиболѣе вѣроятнымъ... Всякое не-тепловое движеніе матеріи должно имѣть стремленіе къ переходу въ движеніе тепловое.* Такой переходъ вызывается малѣйшими причинами, разстраивающими не-тепловое, т. е., болѣе или менѣе упорядоченное движеніе» (Хвольсонъ., I. с., стр. 3).

Цѣнность энергіи опредѣляется ея способностью произвести механическую работу, но такъ какъ механическая работа зависитъ отъ разности въ напряженіи энергіи у работающаго тѣла и окружающей среды (все равно, будетъ ли это энергія тепловая, электрическая или иная) то чѣмъ равномернѣе будетъ распреѣлена энергія по вселенной, чѣмъ менѣе она будетъ способна производить работу, тѣмъ менѣе будетъ ея цѣнность.

Мы видѣли, что энергія при всѣхъ ея превращеніяхъ имѣетъ естественное стремленіе принимать форму теплоты. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующую картину мірового процесса. Каждый процессъ, совершающійся во вселенной, требуетъ превращенія энергіи, всякое превращеніе энергіи сопровождается переходомъ части энергіи въ бездѣятельное состояніе, ибо оно сопровождается болѣе равномернымъ распреѣленіемъ энергіи. Всѣ формы энергіи стремятся превратиться въ теплоту. Слѣдовательно, міровой процессъ ведетъ къ тому, что энергія, которая теперь обнаруживается въ различныхъ формахъ и распреѣлена неравномѣрно (наприм., солнце и звѣзды обладаютъ громадными запасами энергіи), въ концѣ концовъ равномерно распреѣлится, равномерно *разтѣтся* (по выраженію Томсона) по всей вселенной въ формѣ совершенно одинаковой теплоты.

Мы упомянули выше, что единственнымъ серьезнымъ конкурентомъ ученія Томсона о вихреобразномъ строеніи матеріи является новѣйшая электрическая теорія матеріи. Къ этому можно прибавить, что вообще судьба Томсона по отношенію къ изученію электрическихъ явленій довольно своеобразна. Онъ много трудился надъ уясненіемъ магнитныхъ и электрическихъ явленій и очень много сдѣлалъ въ этихъ областяхъ. Однако не ему, а Клерку Максвеллю суждено было создать знаменитую электро-магнитную теорію свѣта (приведшую, какъ извѣстно, къ изобрѣтенію беспроволочнаго телеграфа). Это—случай весьма интересный, такъ какъ онъ наглядно показываетъ то различіе въ строеніи умовъ среди высшихъ представителей математическаго знанія, о которомъ мы говорили выше и о существованіи котораго даже и не подозрѣваютъ люди, не знакомые съ высшею математикой и представляющіе себѣ всѣхъ математиковъ созданными по одному шаблону. Дѣло въ томъ, что Клеркъ Максвелль былъ ученикомъ Томсона и настолько проникся его идеями, что Томсона можно по праву называть вдохновителемъ

Максвелля. Однако, такъ какъ Максвелль былъ очень крупнымъ и, слѣдовательно, оригинальнымъ умомъ, то онъ пошелъ вполне самостоятельно и избралъ такой путь, который былъ совершенно чуждъ Томсону. И Томсонъ до конца жизни не занялъ вполне опредѣленнаго отношенія къ знаменитой теоріи своего ученика. Правда, послѣ долгихъ колебаній онъ призналъ ученіе Максвелля, но одновременно съ тѣмъ чувствовалось, что оно такъ чуждо его уму, что онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы приспособить его къ своему болѣе механическому способу пониманія явленій.

Сочиненія Томсона разсѣяны во множествѣ изданій. Значительная часть ихъ собрана въ трехъ томахъ, изданныхъ подъ названіемъ: «Mathematical and Physical Papers». Сверхъ того онъ совместно съ Тетомъ издалъ «A Treatise on Natural Philosophy» (вышли только двѣ части перваго тома). Замѣчательны также его большія статьи: «Теплота» и «Упругость», помѣщенные въ «Британской Энциклопедіи».

Англія торжественно похоронила останки Вильяма Томсона въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ (этомъ англійскомъ Пантеонѣ), причемъ устроители похоронъ выразили свою высокую оцѣнку заслугъ Томсона между прочимъ тѣмъ, что похоронили его бокъ-о-бокъ съ Ньютономъ.

П. Мокиевскій.

Старый и молодой Иранъ.

(Причины персидской революціи и первые шаги ея).

I.

Уже не первый разъ расы, считающія себя «вышшими», и нации, гордящіяся своей культурой, испытываютъ крупные политическіе сюрпризы, когда отстаютъ, «варварскіе»—въ ихъ глазахъ— народы вдругъ заявляютъ права на человеческое существованіе и обнаруживаютъ какъ разъ тѣ стремленія, которыя, по мнѣнію близорукихъ носителей современной цивилизаціи, приличествуютъ только имъ, аристократамъ человеческого рода, а отнюдь не пасынкамъ исторіи, живущимъ гдѣ-то тамъ, на задворкахъ культурнаго міра. Это недоразумѣніе въ особенности часто происходитъ потому, что такъ называемые цивилизованные народы сталкиваются съ «низшими» расами гораздо менѣе въ лицѣ своихъ идейныхъ выразителей, чѣмъ въ лицѣ своихъ государственныхъ дѣятелей и представителей имущихъ и правящихъ классовъ. Немудрено, что

эти культуртрегеры, выражая интересы голой силы и экономического хищничества, и смотрят на не столь «цивилизованныя» народности, лишь как на объект насилия и эксплуатации. Насущны же потребности и человеческія стремленія и вообще различныя стороны общественной жизни злополучныхъ «низшихъ» расъ не только не останавливаютъ на себѣ вниманія этихъ высококультурныхъ цивилизаторовъ, но, наоборотъ, вызываютъ у нихъ лишь пожиманіе плечами, презрительныя улыбки и рѣзкія заявленія, что въ международныхъ столкновенияхъ надо держаться «трезвой политики», а не «гуманитарнаго сентиментальничанія». И вотъ они держатся этой трезвой политики, политики «злата», которое все можетъ «купить», и «булата», который все можетъ «взять», пока угнетаемая и эксплуатируемая ими раса вдругъ не обнаружитъ такой жизненности и такой способности къ развитію, что горделивый иностранецъ съ изумленіемъ останавливается, начинаетъ протирать глаза и въ случаѣ, если начавшееся среди свѣжей націи движеніе оказывается побѣдоноснымъ, пѣть лицемѣрные гимны тѣмъ самымъ «варварамъ», которыхъ онъ еще такъ недавно третировалъ вполне беззащитно, какъ двуногихъ скотовъ. Пѣть гимны, конечно, лишь съ цѣлью приспособиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ и продолжать политику хищничества и эксплуатации въ испытанной благотворную революцію странъ.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на конкретныхъ примѣрахъ такого цивилизаторскаго поведенія. Въ немъ повинны представители власти и капитала всѣхъ культурныхъ странъ, — разумѣется, съ нѣкоторыми различіями въ тактикѣ, которыя обуславливаются отчасти характеромъ политическихъ учреждений внутри самой «цивилизующей» страны, а главное — степенью сопротивленія, какое можетъ оказать чужеземному хищнику пробудившаяся къ сознательной жизни «низшая» раса.

Въ частности, на примѣрѣ современной Персіи мы увидимъ, между прочимъ, какъ европейскіе цивилизаторы были застигнуты врасплохъ освободительнымъ движеніемъ, прокинувшимся втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ съ такою силою въ Иранъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мало соперничающіе въ этой странѣ между собою англичане, русскіе, бельгійцы, нѣмцы, французы и т. п. дѣйствовали и продолжаютъ дѣйствовать въ интересахъ формирующейся гражданственности, предпочитая тянуть каждый поближе къ себѣ скатерть безопадной эксплуатации туземнаго населенія. Тѣмъ интереснѣе становится для насъ задача изучить само освободительное движеніе Персіи, великую иранскую революцію, произведшую столь крупныя измѣненія въ странѣ, которую еще совсѣмъ недавно наблюдатели считали обреченною на вѣчный застоѣ и сонъ, такъ поэтически охарактеризованный нашимъ Лермонтовымъ:

... И склоняся въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,

У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ...

Разумѣтся, изъ ничего ничего и не получается. Должно поэтому предполагать, что въ Персіи уже сравнительно давно зрѣли и подготовлялись къ появленію на свѣтъ Божій тѣ общественныя силы, которыя сложились въ цѣлую національную революцію, глубоко потрясшую основы иранскаго государства и общающуюся не сегодня—завтра произвести коренную ломку и въ области социальныхъ отношеній. Къ несчастію, документы, которыми мы располагаемъ относительно географіи, статистики, культуры, исторіи, политическихъ формъ страны, социального быта и мировоззрѣнія народа и которые могли бы помочь намъ подмѣтить этотъ предварительный процессъ, или устарѣли, или же трактуютъ Персію главнымъ образомъ съ спеціальной точки зрѣнія коммерческихъ, или, проще сказать, хищническихъ интересовъ уже упомянутыхъ цивилизаторовъ. Не мѣшаетъ отмѣтить тотъ фактъ, что сочиненія, представляющія наиболѣе серьезныя попытки проникнуть въ культуру Персіи, въ нравы ея обитателей, въ психологію ихъ, написаны сравнительно давно, до періода того стяжательнаго стремленія на востокъ, *Drang nach Osten*, которое характеризуетъ дѣятельность современныхъ капиталистическихъ конквистадоровъ въ Персіи. Таково «путешествіе» Шардэна ¹⁾. Таковы «очерки Персіи» Малькольма ²⁾; «Три года въ Азій» графа де-Гобино ³⁾; «Персія и ея жители» доктора Поляка ⁴⁾; «Этнографія Персіи» нашего Ханькова ⁵⁾. Изъ сравнительно недавнихъ работъ приблизительно такого же характера мы можемъ упомянуть развѣ «Путешествія» Изабеллы Бэрдъ ⁶⁾; отчасти Свена Хедина ⁷⁾; «Годъ среди персовъ» Брауна ⁸⁾; и обширный докладъ о научной миссіи французца де-Моргана ⁹⁾. Есть, разумѣтся, и еще нѣсколько серьезныхъ трудовъ о Персіи, опубликованныхъ въ послѣдніа десятилѣтія и даже послѣдніе годы. Но они или носятъ черезчуръ спеціальныи и частныи характеръ (таковы статьи въ

¹⁾ Jean Chardin, „Journal de son voyage en Perse“; Амстердамъ, 1686.

²⁾ Sir John Malcolm, „Sketches of Persian Life and Manners“; Лондонъ, 1828, 2 т.

³⁾ Ch. de Gobineau, „Trois ans en Asie“; Парижъ, 1859.

⁴⁾ Ed. Polak, „Persien. Das Land und seine Bewohner“; Лейпцигъ, 1865—1866, 2 т.

⁵⁾ N. de Khanikof, „Mémoire sur l'ethnographie de la Perse“; Парижъ, 1866.

⁶⁾ Isabella Bird, „Journeys in Persia and Kurdistan“; Лондонъ, 1893, 2 т.

⁷⁾ Sven Hedin, „Genom Persien, Mesopotamien, etc.“; Стокгольмъ, 1887; и его же: „Genom Khorasan och Turkestan“; Стокгольмъ, 1892.

⁸⁾ E. G. Browne, „A Year amongst the Persians“; Лондонъ, 1893.

⁹⁾ J. de Morgan, „Mission scientifique en Perse“; Парижъ, 1894—1897, 4 т.

различныхъ географическихъ журналахъ извѣстнаго знатока Персїи, Гутума-Шиндлера ¹⁾); или касаются исключительно одной какой-нибудь стороны дѣла: «торговыхъ отношеній» ²⁾, геологии ³⁾, археологии ⁴⁾, и т. д.

Слѣдуетъ замѣтить, что главнѣйшіе географическіе, статистическіе, экономическіе и культурно-бытовые результаты наиболѣе важныхъ работъ, посвященныхъ Персїи, резюмированы съ обычнымъ мастерствомъ Элизе Реклю въ его географіи «Передней Азіи» ⁵⁾, а для болѣе поздняго времени въ статьѣ «Персїя» много томнаго французскаго «Географическаго Словаря» и «Приложенія» къ нему ⁶⁾.

И ниже намъ придется пользоваться тѣмъ или другимъ изъ цитированныхъ нами сочиненій, поскольку это можетъ пригодиться для ознакомленія читателей съ матеріальными и идейными основами персидской жизни. Ибо національная революція вытекла, несомнѣнно, изъ развитія нѣкоторыхъ сторонъ этой жизни, раньше, повидимому, недостаточно оцѣненныхъ наблюдателями, но въ послѣднее время подготовившихъ своимъ взаимодействіемъ почву для великаго переворота. Къ несчастію, именно событія послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Персїи не нашли до сихъ поръ обобщающей оцѣнки и даже не были изображены съ достаточной точностью и послѣдовательностью, если не считать газетныхъ и журнальныхъ статей русской и заграничной прессы, служившей въ этомъ отношеніи гораздо больше интересамъ минуты и удовлетворенію любопытства читателей сенсационными новостями, чѣмъ уясненію смысла быстро развертывавшихся новыхъ явленій. Довольно много фактическаго матеріала, и при томъ взятаго изъ персидскихъ источниковъ въ самомъ разгарѣ событій, заключено въ русской работѣ г. М. А. ⁷⁾. Но это сочиненіе страдаетъ отсутствіемъ обобщающаго взгляда.

¹⁾ A. Houtum-Schindler, „Reisen in süd-westlichen und nördlichen Persien“; въ берлинской Zeitschrift der Gesell. für Erdkunde, 1879, №№ 1 и 2.

²⁾ См., напр., F. Stolze und F. C. Andreas, „Die Handelsverhältnisse Persiens“;—составляетъ 77-ую „дополнительную тетрадь“ къ „Petermann's Geogr. Mittheilungen“, 1885.

³⁾ Напр., работа Шталя (A. F. Stahl) въ 122-ой „тетради“ того же изданія, вышедшей въ 1897.

⁴⁾ M-me J. Dieulafoy, „La Perse, la Chaldée et la Susiane“; Парижъ, 1887.

⁵⁾ Elisée Reclus, „Nouvelle Géographie Universelle. IX. Asie antérieure“; Парижъ, 1884, стр. 159—316.

⁶⁾ Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, „Nouveau Dictionnaire de géographie universelle“. IV; Парижъ, 1890, стр. 734—757 и „Supplément N° 16“; 1899.

⁷⁾ М. А., «Послѣднее политическое движеніе въ Персїи. По разсказамъ персовъ-тегеранцевъ». Выпускъ первый; С.-Петербургъ, 1906 и того же автора: «Послѣднее политическое движеніе въ Персїи. По персидскимъ газетамъ». Выпускъ второй, 1907.

Январь. Отдѣлъ II.

Наконецъ, тамъ, гдѣ печатные документы заключали прѣсбы или вызывали недоразумѣнія, пишущій эти строки прибѣгалъ къ любезному содѣйствію одного изъ очень компетентныхъ лицъ по персидскому вопросу, а именно образованнаго перса, принадлежащаго къ высшему сословію, но всею душою преданнаго освободительному движенію своей родины. Разумѣется, общественное положеніе моего собесѣдника не могло не сказаться на его взглядахъ. Такъ, отличаясь широтою воззрѣній въ чисто политической области, этотъ живой и интересный человѣкъ уже сравнительно неохотно касался при разговорѣ со мною вопроса о возможности серьезныхъ социальныхъ измѣненій, особенно въ сферѣ крупнаго земельного владѣнія. Въ такихъ случаяхъ я старался приблизиться къ наиболѣе вѣрному представленію о предметѣ путемъ, если можно такъ выразиться, перекрестнаго допроса имѣвшихся у меня подъ рукою документовъ. И хотѣлось бы думать, что, по крайней мѣрѣ, какъ попытка, мой этюдъ о культурно-историческихъ условіяхъ и о современной борьбѣ старой и молодой Персіи можетъ заинтересовать русскаго читателя, переживающаго какъ разъ аналогичную фазу политическаго развитія.

II.

Итакъ, «начиная съ начала», познакомимся, прежде всего, съ матеріальными и духовными условіями существованія персидской національности. Что такое Персія и каковъ характеръ этой страны? Персія, по-персидски Иранъ, составляетъ лишь часть нѣкогда огромной Персидской монархіи, которая въ дни Камбиза и Дарія простиралась отъ Инда до Средиземнаго и до Чернаго морей, обнимая Малую Азію, Сирію, Египетъ и т. д. Въ настоящее время Персія все же представляетъ собою очень большое государство, занимающее въ видѣ равнобедреннаго треугольника, — точнѣе, сектора, — пространство въ 1.645.000 квадратныхъ километровъ (1 кв. км. = 0,879 кв. в.), т. е. немногимъ менѣе Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, взятыхъ вмѣстѣ. И однако на этомъ пространствѣ живетъ всего 9—10, можетъ быть, самое большее 15 милліоновъ народу; при чемъ эта послѣдняя цифра была сообщена мнѣ моимъ собесѣдникомъ, который считаетъ всѣ европейскія оцѣнки числа персовъ значительно ниже дѣйствительности, хотя въ то же время скептически относится къ патристическимъ преувеличеніямъ своихъ соотечественниковъ, говорящихъ о «великомъ 20-милліонномъ народѣ», какъ это вырвалось недавно изъ устъ одного депутата, приносящаго въ парламентъ рѣчь въ присутствіи шаха. Какъ бы то ни было, если и принять цифру населенія равной 15 милліонамъ, то все же это составитъ на квадратный километръ не болѣе 3 жителей, т. е. столько, сколько у насъ считается населенія на

квадратный километръ въ Оренбургской или Пермской губерніи. А остановись мы на общепринятомъ исчисленіи, 9—10 миллионахъ, и плотность населенія въ Персіи оказалась бы еле-еле превосходящею 5—6 жителей на квадратный километръ, т. е. немногимъ больше относительнаго населенія нашей Астраханской губерніи, гдѣ пески и солончаки занимаютъ такую громадную площадь.

Уже эта слабая населенность Персіи позволяетъ намъ а priori заключать, что въ силу ли природныхъ или социальнo-политическихъ условий, но Иранъ принадлежитъ къ странамъ, въ которыхъ культура должна развиваться лишь медленно. Тѣмъ болѣе, что территория современной Персіи была уже очень давно ареной нѣкоторой цивилизаціи, такъ какъ уже съ конца VIII-го вѣка до Р. Х. персы, населявшіе узкія долины южной части иранскаго плато, стали расширять свои владѣнія на счетъ Элама, ослабѣвшаго въ войнахъ съ Ассиріей *); а въ срединѣ VI-го ихъ знаменитый вождь Курушъ, извѣстный намъ болѣе подъ именемъ Кира, представляющимъ греческую передѣлку (Κυρος) туземнаго названія, превратилъ мидійскую монархію въ персидскую и раздвинулъ ея предѣлы во всѣ стороны, отъ Малой Азіи на западѣ до Яксарта (Сыръ-Дары) на сѣверо-востокъ и до Инда на востокъ. И, дѣйствительно, изучая физическія и историческія условія среды, въ которыхъ развивалась страна, мы находимъ подтвержденіе какъ разъ тѣхъ апріорныхъ взглядовъ о медленности роста цивилизаціи въ Персіи, которые не могутъ не возникнуть въ головѣ каждаго мыслящаго человѣка, натыкающагося у самаго входа въ это изученіе на фактъ крайне малой населенности Ирана.

Возьмите, прежде всего, самый характеръ страны. Простираясь отъ 40-го до 25-го градуса сѣв. широты (и отъ 44-го до 63-го градуса вост. долготы,—по меридіану Гринвича), Персія лежитъ на границѣ умѣреннаго и жаркаго поясовъ, въ той зонѣ, гдѣ вліяніе солнца сказывается уже очень сильно и гдѣ плодородіе почвы къ очень сильной степени зависитъ отъ количества осадковъ. Между тѣмъ самымъ устройствомъ своей поверхности страна обречена на сухой, континентальный климатъ. Сливаясь на востокъ своими горами и возвышенностями съ горами и возвышенностями Авганистана и Белуджистана, она со всѣхъ другихъ сторонъ окружена террасами горъ, которыя на сѣверѣ отгораживаютъ ее чetверными рядомъ отъ оазисовъ туркменовъ, тройнымъ и двойнымъ отъ южнаго побережья Каспійскаго моря, на западѣ словно ступеньки гигантской лѣстницы поднимаются надъ равниной Месопотаміи, а на югѣ, «точно колонны солдатъ», по выраженію одного военнаго географа, взбираются съ береговъ Персидскаго залива на

*) См. между прочимъ, у Масперо, извѣстнаго знатока исторіи восточныхъ народовъ: G. Maspero, «Histoire ancienne des peuples de l'Orient»; Парижъ, 1904, стр. 564.

внутреннее плато. Само же это плато, пересѣченное почти во всю свою длину большой передовой цѣпью горъ, направляющейся, подобно большинству персидскихъ возвышенностей, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, состоитъ изъ двухъ равнинъ, разбивающихся, въ свою очередь, на рядъ внутреннихъ, «закрытыхъ», плохо орошенныхъ бассейновъ, гдѣ преобладаютъ пески, неплодная глина и солончаки и гдѣ растительность и жизнь сосредоточились лишь въ немногихъ оазисахъ.

Пульсъ человѣческой дѣятельности бьется такимъ образомъ лишь на пограничныхъ возвышенностяхъ и горныхъ долинахъ сѣвера, запада и юга, которыя образуютъ рядъ хорошо орошенныхъ мѣстностей, сходящихся въ видѣ двухъ сторонъ гигантскаго угла на сѣверо-западѣ и наиболѣе густо населенныхъ именно въ пунктахъ и по мѣрѣ этого схождения: въ провинціяхъ Мазандранѣ, Гилянѣ, Азербейджанѣ, Ардиланѣ, Луркстанѣ, занимающихъ сѣверъ, сѣверо-западъ и западъ территоріи, плотность населенія доходитъ до 20 жителей на квадратный километръ, приближаясь къ плотности нашей Эстляндіи или Вятской губерніи. Наоборотъ, на крайнемъ юго-востокѣ, въ Керманѣ, гдѣ пески и солончаки охватываютъ громадную поверхность, эта плотность едва достигаетъ 2 жителей, т. е. меньше даже, чѣмъ въ нашей Олонедкой. И это понятно: на горныхъ цѣпяхъ, окаймляющихъ Каспійское побережье, количество выпадающихъ осадковъ приближается къ очень значительной, полутропической цифрѣ въ полтора метра за годъ; и Элизэ Реклю по праву говоритъ о роскошной, южно-европейской растительности Мазандерана, гдѣ фиговые, гранатовые, апельсиновые, кипарисовые роши придаютъ низменностямъ видъ «итальянскаго сельскаго пейзажа», а горы одѣты лѣсами, состоящими изъ типичныхъ деревьевъ центральной Европы: ясеней, дубовъ и буковъ. На противоположномъ концѣ Персіи, у палящаго побережья Персидскаго залива, годовой столбъ дождей едва превышаетъ треть метра и финиковая пальма играетъ громадную роль въ экономіи страны. Все же центральное плато, у котораго обрамляющія его горы перехватываютъ атмосферическую влагу, отличается необыкновенно сухимъ, континентальнымъ климатомъ, палящимъ среди лѣта, холоднымъ зимою и на высотахъ, при полнѣйшемъ отсутствіи дождей какъ разъ въ самую жаркую пору и очень значительномъ лученспусканіи, что обуславливаетъ огромную амплитуду колебаній температуры отъ одного времени года до другого и отъ ночи къ дню. Въ январѣ-февралѣ морозы въ центральной Персіи достигаютъ нерѣдко—25° Цельсія, въ іюлѣ жары заставляютъ тотъ же термометръ подниматься до 60° и болѣе! Одинъ изъ очень серьезныхъ путешественниковъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что лѣтомъ, въ Мешедѣ, онъ нашелъ запасы своихъ стеариновыхъ свѣчей растопившимися отъ жара, что предполагаетъ температуру почти въ 66° для внутренности ящиковъ. А почва на-

каляется лучами солнца до 70°. Съ другой стороны, даже въ самое жаркое время года ночи въ центральныхъ мѣстностяхъ сравнительно очень холодны: по наблюденіямъ Дьёлафуа, температура въ моментъ восхода солнца не превышала въ іюль 13°, а къ 8 часамъ поднималась уже до 62°.

Такъ какъ годовая высота осадковъ не достигаетъ на плато и четверти метра, то воздѣлываніе растений возможно лишь на окатахъ и горныхъ долинахъ, питаемыхъ ручьями, которые сбѣгаютъ съ высокихъ горъ и поддерживаются скопленіями зимнихъ снѣговъ, и, во всякомъ случаѣ, если и въ равнинахъ, то не особенно далеко отъ горныхъ возвышенностей, влагою которыхъ жители умѣло пользуются при помощи очень остроумной системы орошенія, основанной на употребленіи открытыхъ водопроводовъ (*арыковъ*), а особенно подземныхъ каналовъ (*карезовъ*, *каризовъ*, или *канатовъ*), образуемыхъ соединеніемъ цѣлой цѣпи спускающихся по скату колодцевъ *). Столько вѣковъ продолжавшіяся враждебныя столкновенія персовъ и туркменовъ на сѣверо-восточной границѣ Персіи имѣли, напр., свою главную причину распределеніе воды, сбѣгающей съ цѣпи Даманъ-и-Коха, воды, которую предприимчивые персы отводили въ верхнихъ долинахъ на свои поля, оставляя такимъ образомъ безъ орошенія пастбища вочевниковъ подножья. Уже этотъ одинъ примѣръ показываетъ, какъ важно при климатическихъ условіяхъ Персіи рациональное пользованіе водой и какое страшное оружіе историческимъ хищникамъ въ борьбѣ съ мирными земледѣльцами давалъ именно сложный механизмъ орошенія, такъ какъ представителямъ голого насилія стоило только захватить въ свои руки источники этой поистинѣ «живой воды» и цѣлые округа оказывались во власти чужестранныхъ или отечественныхъ грабителей, могущихъ взять изморомъ и искусственнымъ голодомъ непокорныхъ воздѣлывателей земли.

III.

Мы такимъ образомъ естественно приведены къ необходимости отъ изображенія чисто климатической среды, въ которой развивалась персидская національность, перейти къ изображенію социальной среды, отчасти созданной ею самою, отчасти навязанной ей внѣшними политическими и иными силами.

Иранъ съ незапамятныхъ поръ представлялъ собою «великій путь народовъ», передвигавшихся съ сѣверо-востока и востока на западъ, сѣверо-и юго-западъ и обратно, напр., изъ степей Центральной Азіи въ Малую Азію, въ Сирію и Египетъ или на

*) См. ихъ описаніе въ статьѣ о „Хорасанѣ“ (Khorasân) уже цитированнаго нами словаря: „Nouveau Dictionnaire“ etc., III; Парижъ, 1887, стр. 115.

Кавказъ, а оттуда въ восточную Европу. И если въ настоящее время, съ успѣхами мореплаванія, наиболѣе дѣятельными линиями сношенія являются Каспійское море и Персидскій заливъ, тогда какъ внутренность Ирана остается въ сторонѣ отъ массоваго передвиженія людей и продуктовъ, то въ прежнее время, наоборотъ, именно иранское плато, суживающееся на западѣ между обоими морскими бассейнами до 700 километровъ или даже до 500, если отбросить черезчуръ болотистыя мѣста побережій и черезчуръ высокія горныя области, было излюбленной международной дорогой и вмѣстѣ лабораторіей, гдѣ сталкивались между собою и измѣнялись подѣ влияніемъ взаимодѣйствія различныя расы, выдѣлявшія завоевателей и поработителей. Аріицы (иранцы) и тюркскія племена (туранцы), боролись за преобладаніе, и каждый новый поворотъ колеса исторической фортуны возносилъ временно наверхъ новыхъ господъ положенія, а между ними, конечно, тѣхъ выдающихся или просто счастливыхъ вождей, которые, поработая чуждыя расы, возлагали иго зависимости и на своихъ одноплеменниковъ.

Одни за другими становились во главу угла мидяне со своими мионическими и полумионическими королями (VI вѣкъ до Р. X.): персы съ царствующей фамиліей Ахаманишь, превратившихся подѣ перомъ греческихъ историковъ въ Ахеменидовъ, которые въ лицѣ Кира, Ксеркса, Даріевъ, стали извѣстны впоследствии всякому школьнику (VI—IV вѣка); греки съ Александромъ Великимъ и Селевкидами (IV—III вѣка); паряне съ Арзакидами (III вѣкъ до Р. X.—III вѣкъ по Р. X.), національная персидская (изъ Фарса) династія Сассанидовъ, которая царила болѣе 400 лѣтъ (III—VII вѣка), втеченіе которыхъ она успѣла создать образцовую по тому времени администрацію, сдѣлать государственною религію Зороастра, бороться съ римлянами и побѣждать ихъ.

Затѣмъ наступаетъ эра владычества арабскихъ калифовъ (VII—X вѣка), при которыхъ персы быстро обращаются въ магометанство, но въ его шитской формѣ, дающей возможность населенію, враждебно относящемуся къ завоевателямъ, стать въ оппозицію къ новому правительству, причемъ персамъ удается замѣнить Омайядовъ Аббасидами, а въ нѣкоторыхъ частяхъ страны основать рядъ независимыхъ государствъ. Съ Газневидами (X—XI в.), а особенно Сельджукидами (XI—XII в.), господство переходитъ къ тюркскимъ племенамъ.

А съ XIII вѣка, въ разгаръ междуусобій между тюркскими властителями, появляются всеокрушающіе монголы, побѣды которыхъ надъ калифами злорадно привѣтствуются шитами-персами, съ удовольствіемъ видящими, какъ грозные завоеватели стираютъ съ лица земли багдадскій калифатъ. Скоро между персами и монголами начинается сближеніе. Въ концѣ XIII вѣка одинъ изъ хановъ новой династіи, Гулагидовъ, принимаетъ исламъ, а въ на-

чалъ слѣдующаго столѣтія властитель Персіи переходитъ въ шиитство и такимъ образомъ между чуждымъ по происхожденію правительствомъ и населеніемъ страны устанавливается религиозное единство, дающее начало національной связи между различными племенами. Послѣ новыхъ междуусобій, на сей разъ между добившимися власти предводителями туркменскихъ клановъ, на тронъ Персіи садится персидская династія Суфіевъ (конѣцъ XV столѣтія—начало XVIII), которая государственнымъ языкомъ дѣлаетъ персидскій, государственной религіей—шиитство и вообще старается воспроизводить внѣшнія формы владычества старой и славной династіи Сассанидовъ, въ родѣ титула «шахъ-инъ-шахъ» (царь царей), снова присвоеннаго главѣ государства. Съ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія неурядица вспыхиваетъ опять яркимъ пламенемъ: соперничающіе правители низводятъ и убиваютъ другъ друга; послѣ жестокаго, но громкаго побѣдами царствованія Надиръ-Шаха (изъ тюркскаго племени афшаровъ) междуусобная война кипитъ между кланами афшаровъ, бахтіровъ, кадजारовъ, зендовъ, пока, наконецъ, воспользовавшись этой гражданской войной, на сцену не является свирѣпый, но способный Ага-Магомедъ и, совершивъ рядъ ужасающихъ жестокостей, кладетъ начало (1794 г.) нынѣ «благополучно царствующей», какъ выражаются придворные историографы, династіи Кадजारовъ.

Легко понять, какую массу бѣдствій пришлось испытать населенію Персіи втеченіе всѣхъ этихъ политическихъ столкновеній, кризисовъ, катастрофъ—а мы, вѣдь, коснулись, только главнѣйшихъ,—и какъ низшіе классы, независимо отъ ихъ племеннаго происхожденія, должны были въ общемъ оказаться равными, если не передъ закономъ и радостями жизни, то передъ произволомъ властей и своими собственными страданіями. Ибо, пока тамъ, наверху, въ «высшихъ» сферахъ владыки страны дрались, мирились, заключали договоры и снова нарушали ихъ, здѣсь, въ юдоли плача, трудящійся людъ долженъ былъ работать, не покладая рукъ, чтобы добывать не только скудное пропитаніе себѣ, но неизмѣримо болѣе обильныя средства существованія для привилегированныхъ сословій и реализаціи ихъ шумной, завоевательной и хищнической политики. Чтобы цари царей могли двигать по территоріи Ирана и за предѣлами ея огромными полчищами, рядовому населенію приходилось такъ или иначе кормить солдатъ, или взнося по требованію начальства тяжелыя подати деньгами и натурою (обычная форма двоякаго взиманія налоговъ въ Персіи) или подвергаясь прямой реквизиціи во время похода. А кто терпѣлъ отъ нашествія врага, какъ не все тотъ же двуногій скотъ! А кто, какъ не онъ, долженъ былъ удовлетворять непомѣрныя потребности въ роскоши «шахъ-инъ-шаховъ», правителей областей, откупщиковъ налоговъ, крупныхъ владѣльцевъ земли, духовенства, ввуховъ, малѣйшаго сборщика податей!

И всё эти поборы и тягости лежали преимущественно на осѣдомъ населеніи и, прежде всего, на земледѣльцѣ. Ибо, если мелкая ремесленная промышленность была очень распространена въ Персіи до вторженія дешевыхъ иностранныхъ товаровъ, нанесшихъ страшный ударъ туземной индустріи, все же главную отрасль національнаго производства составляетъ земледѣліе, а главную форму обложенія — поземельный налогъ. Между тѣмъ число деревенскихъ жителей въ Иранѣ очень незначительно для страны, находящейся на сравнительно низкой степени культуры. Дѣйствительно, изъ 7.653.600 жителей Персіи, которыхъ насчитывали лучшіе иностранные и туземные источники въ 1881 году, поселянъ было всего 3.780.000 чел., тогда какъ горожанъ было 1.963.800 чел., а номадовъ 1.909.800 *). Такимъ образомъ собственно земледѣльческій классъ не достигаетъ въ сущности и половины населенія Ирана (49,4 проц.), между тѣмъ, какъ городской составляетъ немногимъ болѣе четверти (25,7 проц.), кочевники же — немногимъ менѣе четверти (24,9 проц.). По странной аномаліи, Персія какъ бы воспроизводитъ пропорціей своихъ земледѣльцевъ французскія отношенія профессиональныхъ группъ, какъ они складывались на почвѣ третьей республики въ 80-хъ годахъ, когда (по переписи 1886 г.) земледѣліемъ занималось немного менѣе половины жителей *). Съ другой стороны, относительнымъ числомъ горожанъ Персія въ два раза превосходитъ Россію и приближается къ типу странъ въ родѣ Италіи, гдѣ пропорція городского населенія немногимъ превышаетъ четверть всей цифры жителей (26,5%, согласно статистическимъ даннымъ послѣднихъ лѣтъ).

Оставляя безъ объясненія высокой процентъ кочевниковъ, какъ фактъ исполнѣ законмѣрный и объясняющійся отчасти характеромъ страны, отчасти исполненной тревоженіемъ исторіею Персіею и осадкомъ въ ней воинственныхъ номадовъ, мы испытываемъ, однако, нѣкоторое затрудненіе при разсмотрѣніи другихъ только что указанныхъ нами особенностей состава иранскаго населенія. Приходится строить гипотезы для ихъ уразумѣнія и предполагать, напр., что сравнительно низкая пропорція земледѣльцевъ и сравнительно высокая горожанъ находятъ свое объясненіе въ явленіяхъ, знакомыхъ намъ изъ эпохи европейскаго средневѣковья, когда въ иныхъ мѣстахъ деревни пустѣли потому, что крестьяне спасались отъ притѣсненій феодаловъ за стѣнами городскихъ общинъ или, по крайней мѣрѣ, въ ихъ укрѣпленныхъ предмѣстьяхъ, увеличивая, такимъ образомъ, число ремесленниковъ. Этотъ фактъ имѣетъ, повидному, мѣсто и въ Персіи, гдѣ угнетаемый земледѣ-

*) См., между прочимъ, Scott Keltie, «The Statesman's Year-book for the year 1907»; Лондонъ, 1907, стр. 1302.

**) А именно въ точныхъ цифрахъ 47,6%. См. Alf. de Foville, «La France économique»; Парижъ, 1890, стр. 57.

лець осѣдаетъ, въ концѣ концовъ, въ городѣ, а въ крайнемъ случаѣ, убѣгая отъ тяжелыхъ поборовъ, самъ дѣлается кочевникомъ. Во всякомъ случаѣ, если и существованіе горожанина, принадлежащаго къ непривилегированнымъ классамъ, не гарантируетъ еще его отъ вымогательствъ властей, то все же оно несравненно лучше положенія осѣдлаго крестьянина, на которомъ лежитъ весь гнетъ деспотическаго государства и высшихъ сословій. Въ тяжелой и необезпеченной жизни персидскаго земледѣльца заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ того успѣха, который нашло освободительное движеніе въ широкихъ слояхъ населенія, жаждавшаго мало-мальски человѣческаго существованія.

Но, странное дѣло, когда мы хотимъ поближе изучить условія жизни земледѣльческаго класса, мы встрѣчаемся или съ общими мѣстами, или съ противорѣчивыми документами, изъ которыхъ не всегда можно извлечь истину даже при пособіи образованныхъ участниковъ современной иранской революціи, такъ какъ они принадлежатъ сами зачастую къ привилегированнымъ сословіямъ, гораздо больше склонны обращать вниманіе на политическое, чѣмъ на экономическое настроеніе Персіи. Таковъ, напр., вопросъ о характерѣ земельной собственности и вообще о складѣ земельныхъ отношеній, господствующихъ въ Иранѣ. Тутъ, конечно, главное затрудненіе заключается въ несоотвѣтствіи того, что должно было бы быть по закону, и того, что совершается на самомъ дѣлѣ, въ несоотвѣтствіи легальныхъ формъ и вливаемаго въ нихъ тревожною историческою жизнью содержанія.

Мы знаемъ, что въ Персіи, какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, всѣ жизненные отношенія должны регулироваться *шариатомъ*, или священнымъ закономъ, прямо или косвенно (путемъ толкованій) основаннымъ на Коранѣ. А согласно шариату, вся земля въ мусульманскомъ государствѣ принадлежитъ его властелину, какъ представителю Аллаха на землѣ, который лишь раздаетъ участки въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ или учрежденіямъ, вносящимъ за то въ казну подати и отбывающимъ извѣстныя повинности, при чемъ самая значительность тѣхъ или другихъ ясно говорить, что онѣ являются лишь формою ренты, уплачиваемой настоящему собственнику земли, которымъ, какъ уже сказано, является политическій глава государства. Было бы бесполезно анализировать, въ какой степени это мусульманское воззрѣніе выражаетъ, по крайней мѣрѣ, теоретически, идею принадлежности всей земли всей націи правовѣрныхъ, воплощенной въ своемъ верховномъ владыкѣ. Практически, въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ не только всякое имущество, но и самая жизнь подданныхъ принадлежитъ государю, земельная собственность тѣмъ болѣе, *a fortiori*, какъ любитъ выражаться строгая логика, является достояніемъ монарха. А онъ часть земли обращаетъ непосредственно въ свою пользу, эксплуатируя ее при помощи земледѣльцевъ, находящихся въ пол-

номъ подчиненіи ему; часть раздаетъ военнымъ и гражданскимъ сановникамъ, своимъ фаворитамъ и т. п. на началахъ, напоминающихъ феодальное право испомѣщенія. Значительная доля земли превращается съ теченіемъ времени въ *вакуфъ*, или собственность мусульманской церкви, которая такимъ образомъ скопляетъ въ своихъ рукахъ владѣнія, похожія на католическія имущества «мертвой руки». Наконецъ, вполне «свободная» частная собственность занимаетъ въ мусульманскихъ странахъ лишь сравнительно незначительную долю территории *).

Въ Персіи мусульманское право привело на практикѣ къ слѣдующему положенію вещей, которое ярко резюмировано Элизе Реклю и даетъ возможность какъ нельзя лучше представить себѣ всю тяжесть гнета и эксплуатаціи, висящихъ на земледѣльческомъ классѣ Ирана:

«Пропорція персидскихъ земледѣльцевъ исчисляется всего въ двѣ трети общаго населенія (мы видѣли, что и того менѣе, если только не предположить, что часть кочевниковъ занимается воздѣлываніемъ почвы. Н. К.), а площадь обрабатываемой ими земли не обнимаетъ, навѣрное, и пятидесятой части территоріи. Но даже и эта слабая часть поверхности Ирана принадлежитъ почти цѣлкомъ не землепашцамъ и садовникамъ, а другимъ: мало есть странъ, гдѣ была бы болѣе распространена крупная собственность. (Обширныя пространства составляютъ часть владѣній шаха (*domaine royal*), и обрабатывающіе ихъ крестьяне подчинены режиму, который мало чѣмъ разнится отъ крѣпостного состоянія. Другія земли, которыя занимаютъ въ совокупности еще гораздо большее пространство, но по большей части не воздѣланы, образуютъ государственныя имущества, расширившіяся путемъ конфискацій или завоеваній, и обыкновенно уступаются во временное пользованіе фаворитамъ или кредиторамъ властелина. Къ числу крупныхъ собственниковъ принадлежатъ также, въ качествѣ юридическихъ лицъ, мечети, школы, религіозныя учрежденія всякаго рода, и ихъ имущества возрастаютъ съ года на годъ не только путемъ завѣщаній и наслѣдованій, но и благодаря тайнымъ договорамъ чиновниковъ, обогатившихся подкупамъ и взятками, которые, боясь полной конфискаціи ихъ имуществъ со стороны шаха, завѣщаютъ свои поля церкви подъ условіемъ платежа имъ пожизненной ренты. Всей странѣ угрожала опасность превратиться въ огромный *вакуфъ* или *уакфъ*, т. е. собственность «мертвой руки», въ тотъ моментъ, когда Надиръ-Шахъ снова отобралъ у мечетей значительную часть

*) Въ своей нынѣ устарѣлой, но все же небезынтересной книгѣ о первобытной собственности Лавелэ удачно характеризуетъ въ общихъ чертахъ режимъ собственности, установившейся въ разныхъ странахъ, принявшихъ магометанство. См. Emile de Laveleye, «De la propriété et de ses formes primitives»; Парижъ, 1891, 4-е изд., стр. 43 и сл. (Ява), стр. 335 (Индія), 354 (Египетъ и Турція), и т. д.

ихъ недвижимыхъ имуществъ; но современное экономическое положеніе стало такимъ же, какимъ было въ эпоху завоевателя, и является вопросъ, не сдѣлается ли необходимой въ самомъ скоромъ времени подобная же мѣра общественнаго спасенія. Что касается до частныхъ имѣній, занимающихъ извѣстное пространство, то они обыкновенно сдаются половникамъ, которыхъ владѣльцы снабжаютъ водою для орошенія, сѣменами и скотомъ, выговаривая себѣ двѣ трети или три четверти продукта. Случается, что собственники невыносимо отягощаютъ первоначальныя условія договора; тогда подовники поджигаютъ свои хижины, срубаютъ посаженныя ими же самими деревья, складываютъ свой скудный скарбъ на скотъ и уходятъ далеко отъ прежняго мѣста. ища менѣе жестокаго господина. По мнѣнію Стака, въ Персіи не осталось будто бы ни малѣйшаго слѣда деревенскихъ общинъ, похожихъ на общины Индіи; и однако самъ же онъ говоритъ о деревняхъ, жители которыхъ каждый годъ раздѣляютъ окружающую равнину, или *сахра*, на столько же продольныхъ полосъ, сколько въ селеніи имѣется «сохъ». Каждой сохѣ, т. е. каждому главѣ семейства, дается по одной такой земельной полосѣ*).

Относительно послѣдняго пункта у насъ имѣется довольно интересное свидѣтельство въ «Эволюціи собственности» Летурно, который ссылается въ данномъ случаѣ на Друвилля, путешествовавшаго, какъ извѣстно, по Персіи въ 1812—1813 г. и издавшаго, двухтомное описаніе страны десятокъ лѣтъ спустя (*Voyage en Perse*; Парижъ, 1825). Мы приводимъ, впрочемъ, это мѣсто изъ Летурно не столько по вопросу объ общинѣ, такъ какъ за сто почти лѣтъ эта форма владѣнія могла претерпѣть измѣненія и, повидимому, дѣйствительно претерпѣла (о чемъ ниже), сколько ради яркаго подтвержденія того гнета и той эксплуатаціи, которые привилегированное меньшинство обрушиваетъ на трудящіяся массы Ирана: «...Какъ кажется, исламизмъ и безграничный деспотизмъ шаховъ и ихъ чиновниковъ не измѣнили существеннымъ образомъ первобытный способъ владѣнія. Дѣйствительно, мы находимъ въ Персіи деревенскую общину, очень похожую на ту, какая существуетъ въ Индіи. Деревенская собственность, повидимому, еще является здѣсь послѣдней, основной ячейкой (*dernière unité*) земельной собственности. Только селенія эти принадлежатъ тому или другому высокопоставленному лицу. Вслѣдствіе этого обитатели каждой деревенской общины облагаются всякими податями по произволу феодальнаго владѣльца. Они платятъ ему ренту, а сверхъ того платятъ другую такую ренту въ казну государя, который и является настоящимъ собственникомъ земли. Кромѣ ренты и другихъ повинностей, каждая деревня должна снабжать своего господина, своего феодальнаго сеньора, масломъ, сливками, дынями, лѣ-

*) Elisée Reclus, l. c., стр. 301—302.

сомъ, наконецъ, соломой для лошадей. Подобно тому, какъ это существуетъ въ Индіи, у каждой персидской деревни есть свой начальникъ, который является отвѣтственнымъ за исправный взносъ ренты, полагающейся господину, и налога. Обязанность этого начальника состоитъ въ томъ, чтобы распределять лежащія на односельчанахъ повинности соответственно средствамъ и размѣрамъ жатвы каждаго. Въ силу этого деревенскія земли дѣлятся между семьями пропорціонально числу рукъ, которыми онѣ располагаютъ. Каждый первоклассный феодалъ владѣетъ нѣсколькими подобными деревнями; есть между ними такіе, которые обладаютъ сотнею ихъ» *).

Повидимому, описанныя со словъ Дривилля Летуруно деревенскія общины уже не существуютъ,—по крайней мѣрѣ въ наиболѣе населенныхъ мѣстахъ сѣверо-запада и сѣвера Персіи, судя по тому, что мнѣ говорилъ упомянутый мною въ началѣ этой статьи образованный персъ, самъ владѣющій довольно значительной частной собственностью въ окрестностяхъ одного изъ самыхъ людныхъ городовъ Ирана. Но взиманіе ренты и выколачиваніе налоговъ совершались, по словамъ моего собесѣдника, до самаго послѣдняго времени съ тою же беспощадностью, какая отмѣчена и сравнительно давними путешественниками. Особенно много злоупотреблений совершается по отношенію къ жителямъ селеній, которыя временно даются шахомъ его приближеннымъ и фаворитамъ. Великіе и малые слуги его величества обыкновенно предпочитаютъ получать слѣдующій имъ по штату окладъ въ формѣ «кормленія». Процедура для выколачиванія такихъ милостей обыкновенно одна и та же и разнится лишь въ деталяхъ. Приближенное къ шаху лицо, какой-нибудь любимый начальникъ конюховъ или довѣренный «внучъ», узнаетъ предварительно по знакомству отъ служащихъ въ податномъ вѣдомствѣ, какой ежегодный налогъ деньгами и натурой значится въ официальномъ спискѣ за тѣмъ или другимъ селеніемъ; затѣмъ, улучивъ минуту, когда властелинъ въ духѣ, падаетъ къ его ногамъ, цѣлуетъ его туфли и умоляетъ господина дать ему, недостойному рабу, взаменъ получаемого имъ содержанія, право на пользованіе равною этому содержанію суммою налоговъ, платимыхъ той или иной деревней, называя при этомъ мѣстечки, вносящія *официально* какъ разъ ту цифру податей, которая соотвѣтствуетъ жалованью просящаго. Фаворитъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ получаетъ требуемое. А такъ какъ давно составленные податные списки говорятъ лишь о томъ, сколько съ жителей данной мѣстности полагалось взимать податей въ прежнее время, а не о томъ, сколько съ нихъ можно получить этихъ поборовъ теперь, то пожалованное «кормленіемъ» лицо сразу оказывается

*) Ch. Letourneau, «L'évolution de la propriété»; Парижъ, 1889, стр. 308—309.

награжденнымъ двойнымъ, если не тройнымъ окладомъ содержанія и, недовольное даже этимъ, буквально выматываетъ жилы изъ населенія.

Вообще же податная система Персіи, которая, сверхъ взиманія опредѣленной суммы налоговъ, держится еще на декретированіи правительствомъ, когда это ему заблагоразсудится, совершенно произвольныхъ «добавочныхъ» сборовъ, отдаетъ населеніе въ руки цѣлой іерархіи хищниковъ, начиная съ центральной власти и кончаяся мѣстными органами и представителями. Такъ, вошло уже въ практику, что губернаторы и находящіеся подъ ихъ началомъ болѣе мелкіе агенты правительства, помимо извѣстной цифры податей, взимаемыхъ ими съ населенія на государственныя потребности, облагаютъ жителей громадными добавочными данями-взятками, такъ называемыми *мокатель*, которыя даютъ возможность этимъ всемогущимъ администраторамъ какъ обогащаться самимъ, такъ и щедро оплачивать покровительство приближенныхъ шаха, доставившихъ имъ своимъ вліяніемъ эти доходныя должности. Когда крупный агентъ власти, *хакимъ*, нѣчто въ родѣ нашего губернатора, является въ извѣстный округъ, то у жителей городовъ и селеній, черезъ которые лежитъ его путь, существуетъ обычай давать ему, если можно такъ выразиться, отвальное, откунаясь при въѣздѣ и выѣздѣ богатыми подарками: кучами червонцевъ на золотыхъ или серебряныхъ блюдахъ, кашмирскими шалами, дорогими коврами и халатами, прекрасными лошадьми и мулами... Предполагаютъ, что въ Персіи дополнительные и прямо незаконные поборы увеличиваютъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети номинальную сумму налоговъ.

Мы сказали мимоходомъ выше, что главная тяжесть налоговъ и всякаго рода повинностей лежитъ на земледѣльческомъ населеніи. Дѣйствительно, оно платитъ государству прежде всего опредѣленный земельной налогъ, который равняется двумъ «десятинамъ», или одной пятой всего, получаемого съ земли. Кромѣ этого, оно вноситъ уже совершенно произвольную, какъ мы видѣли, очень значительную сумму добавочныхъ сборовъ. Оно же уплачиваетъ привилегированнымъ владѣльцамъ или же крупнымъ частнымъ собственникамъ въ формѣ ли ренты или дѣлежа собранной жатвы львиную долю производимыхъ имъ въ потѣ лица продуктовъ: пшеницы, риса, хлопка, табаку, винограда, шерсти, фруктовъ.

Но было бы ошибочно думать, что другіе непривилегированные классы и слои населенія свободны отъ налогового бремени. Они лишь несутъ его въ меньшей степени. Такъ, племена кочевниковъ, съ которыми власти сносятся при помощи начальниковъ клановъ, облагаются въ свою очередь извѣстной суммой денежныхъ взносовъ и продуктовъ скотоводства. Но, принадлежа къ наиболѣе воинственной и наиболѣе подвижной категоріи населенія и обитая наименѣе доступная для властей части страны, они выговариваютъ

себѣ гораздо болѣе легкія нормы обложенія, тѣмъ болѣе, что къ нимъ правительство обращается по преимуществу для пополненія контингента солдатъ.

Съ другой стороны, и городскіе жители, купцы и ремесленники, участвуютъ до известной степени въ несеніи налоговъ. Но послѣдніе принимаютъ здѣсь форму или заставныхъ пошлинъ, или довольно умѣреннаго обложенія цеховъ и корпорацій. Податной гнетъ чувствуется въ городахъ не столько, какъ постоянное давленіе фискальнаго гидравлическаго пресса, выжимающаго безъ устали соки изъ населенія—что имѣетъ мѣсто въ деревнѣ,—сколько какъ временное, спазмодическое нажиманье налоговой рукоятки мѣстнымъ администраторомъ, который принимается за незаконные поборы подъ вліяніемъ стѣсненныхъ личныхъ обстоятельствъ или же въ надеждѣ на безнаказанность хищенія. И тогда выступаетъ обыкновенно на сцену выборный глава, нѣчто въ родѣ «синдика» торговцевъ, или же представитель той или другой корпораціи. Въ результатѣ переговоровъ начальство оказывается удовлетвореннымъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, сравнительно умѣреннымъ «подаркомъ».

Но что въ особенности тяжело отзывалось на экономическомъ бытѣ всей до-революціонной Персіи, уже безъ различія классовъ и сословій, это чудовищный характеръ государственнаго бюджета, чудовищный, какъ по приемамъ реализаціи доходовъ, такъ и по способамъ ихъ расходованія. Въ этой бѣдной въ общемъ странѣ, гдѣ до послѣдняго времени не было официальной статистики государственныхъ доходовъ и расходовъ, частная же статистика исчисляла государственный доходъ на 1905-1906 годъ въ 65 милліоновъ *крановъ* (серебряная персидская монета), или 1.182.000 фунтовъ стерлинговъ *), т. е. приблизительно 11.300.000 рублей по настоящему курсу, налогъ доставляетъ гораздо меньше государству, чѣмъ беретъ со страны, что зависитъ отъ недѣльныхъ способовъ взиманія. Такъ, таможенные доходы, которые играютъ очень значительную роль въ бюджетѣ Персіи (они вмѣстѣ съ доходами отъ почты, телеграфа, рыболовныхъ и рудокопныхъ концессій составляли половину всего бюджета полученій, другая половина котораго доставляется уже упомянутыми нами выше прямыми налогами и, главнымъ образомъ, поземельнымъ),—таможенные доходы, говоримъ мы, сдаются персидскимъ правительствомъ на откупъ, и у откупщиковъ остается въ карманахъ барышъ, который составляетъ по крайней мѣрѣ 20% валовой выручки. Объ этомъ съ неоспоримой очевидностью говорятъ подробныя цифры за тринадцати-лѣтній періодъ 1883—1897 г., находящаяся въ упомянутой уже нами статьѣ «Приложенія» къ «Географическому словарю и показывающія, что напр., въ 1895 г. правительство получило съ откупщиковъ 4.471.150 *крановъ*, а сами откупщики выручили всего 5.370.375 *крановъ*; въ

*) „Almanach de Gotha“, 1908, стр. 1010.

1896 г. и въ 1897 г. доходы перваго равнялись 6.250.000 крановъ, а доходы вторыхъ 7.500.000 *). Съ другой стороны, мы уже раньше видѣли, какая доля поборовъ попадаетъ въ руки визирей, хакимовъ, сборщиковъ податей и всякаго рода паразитовъ, перехватывающихъ по дорогѣ денежные и натуральныя средства, текущія изъ кармана населенія въ бездонную бочку Данаидъ, именуемую персидскимъ фискомъ.

Что касается до того, какъ расходуется бюджетъ, то здѣсь мы встрѣтимся съ приемами, которые должны, несомнѣнно, поразить всякаго свѣжаго человѣка еще болѣе, чѣмъ способы взиманія податей. Читатель уже видѣлъ, что государственные доходы Персїи исчисляются въ послѣднее время приблизительно въ 11¹/₂ милліоновъ рублей на наши деньги. Но тутъ, по всей вѣроятности, дѣло идетъ лишь о денежныхъ поступленіяхъ. Между тѣмъ, въ Персїи налогъ взимается не только деньгами, но и натурой, а именно чаще всего пшеницей, ячменемъ и соломой. Какъ же тратится этотъ бюджетъ? Громадная доля его идетъ на содержаніе шаха, его двора, его министровъ, его женъ, его фаворитовъ, его внуковъ, между тѣмъ какъ низшіе военные и гражданскіе чиновники получаютъ жалованье далеко не сполна,—тѣмъ меньше, чѣмъ ниже чиномъ,—и если бы даже не хотѣли этого, принуждены прибѣгать къ взяткамъ, вымогательству и вообще хищническимъ операціямъ надъ населеніемъ. Въ частности, благодаря такимъ порядкамъ, 130-тысячная армія, фигурирующая въ официальныхъ персидскихъ документахъ, существуетъ только на бумагѣ, хотя «возможно, что именно это число оплачивается казначействомъ», какъ не безъ юмора замѣчаетъ статистическій ежегодникъ Скотта Кельти **). На самомъ дѣлѣ, Персїя можетъ выставить на случай войны врядъ ли болѣе 54, самое большее 60 тысячъ солдатъ регулярныхъ войскъ ***).

Одинъ изъ наблюдательныхъ путешественниковъ, англичанинъ Макъ-Грегоръ, съ похвалой отзываясь о регулярныхъ солдатахъ, встрѣченныхъ имъ возлѣ Мешеда, замѣчаетъ, что они никогда не получаютъ больше половины приходящагося имъ по закону жалованья, платежъ котораго, кромѣ того, опаздываетъ неизмѣнно на два, на три года, и принуждены жить исключительно своимъ солдатскимъ пайкомъ. На другомъ концѣ, на верхушкѣ общественной пирамиды, шахъ проживаетъ милліоны рублей въ годъ, его придворные визири кладутъ въ карманъ не одну сотню тысячъ рублей, министры получаютъ по 80.000 рублей, внухи по 20.000 рублей (говорю это, между прочимъ, со словъ моего собесѣдника, цитировавшаго мнѣ собственныя имена и точныя цифры), и цѣлыя сотни и даже тысячи болѣе или менѣе проблематическихъ служащихъ питаются

*) «Nouv. Dict., Suppl.», № 16.

***) Scott Keltie, l. c., стр. 1305.

***) «Almanach de Gotha», стр. 1011.

исполнинскими крохами, падающими съ роскошнаго стола шаха, этого иранскаго Гаргавтюа. Все же число служащихъ, «пансіонеровъ» и другихъ официальныхъ паразитовъ, живущихъ на тѣлѣ персидской націи, превышаетъ 500.000 человекъ!..

IV.

Къ этой «экономикѣ» присоедините «политику». Не забывайте, что старый персидскій режимъ, бьющій человекъ рублемъ, не перестаетъ бить его и дубьемъ. Личность иранца столь же мало ограждена, какъ его собственность. И на этой почвѣ и законъ, и практика тѣсно срослись въ одно угнетающее цѣлое. Власть шаха надъ подданными неограниченна, и чиновники шаха, держащіе въ рукахъ частицу царскаго всемогущества, пользуются ею также неограниченно въ своей сферѣ. Обратите только вниманіе на формулы, выражающія характеръ верховной власти, и на эпитеты, ее украшающіе, наконецъ, на поговорки, которыми народная мудрость отмѣчаетъ основныя черты до-конституціонной монархіи. Что въ сравненіи съ персидскимъ властелиномъ всѣ эти европейскіе короли «божію милостію», какъ иронически замѣчаетъ современный географъ? Шахъ есть «царь царей», «высокій, какъ планета Сатурнъ». Онъ—«полюсь міра», «кладезь знанія», «небесная лѣствица», «верховный владыка, стягомъ котораго является яркое солнце, великолѣпіе котораго равно великолѣпію небесъ, а воинства столь же многочисленны, какъ звѣзды въ небѣ». Короче, онъ есть «прямая эманация, исхождение Божества». Въ соотвѣтствіи съ этой теоріей деспотизма, ревниво оберегаемаго прежде всего исполнительными агентами власти, бюрократіей, слагается и практика жизни. Или, вѣрнѣе сказать, именно функціонированіе на практикѣ ужасающаго абсолютизма персидскихъ царей втеченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій выкристаллизовалось теоретически въ уже упомянутыя формулы. Образованные персы повторяли до самыхъ послѣднихъ лѣтъ съ восторгомъ какъ разъ тѣ самые стихи своего національнаго поэта, Саади, которые отзывались наибольшимъ вліяніемъ морали преклоненія предъ гнетущими силами: «каковъ бы ни былъ порокъ, но если его одобряетъ монархъ, то онъ становится добродѣтелью»; «искать мнѣнія, противоположнаго царскому, значитъ обагрять руки своей же собственной кровью». Съ своей стороны, народъ, насмотрѣвшійся на подвиги «божественныхъ эманаций», говорилъ проще, но не менѣе справедливо: «царь, что левъ: только и смѣется, чтобы показать свои зубы».

Губернаторы и прочіе агенты центральной власти съ необыкновеннымъ рвеніемъ воспроизводятъ приемы беспощаднаго произвола, составляющаго атрибутъ восточныхъ монарховъ. Такъ какъ они официально являются «столпами и поддержками государства», то

имъ, точь въ точь, какъ стариннымъ сатрапамъ Артаксеркса или Дарія, дается право на жизнь, смерть и пытки населенія, вѣрнанаго ихъ «попеченію». Въ тѣ дни, когда верховный владыка, или замѣщающій его въ своемъ округѣ визирь, какимъ и т. д. просыпается не въ духѣ и, какъ выражается восточная метафора, «надѣваетъ на себя красный плащъ гнѣва», горе провинившимся или вообще навлекшимъ на себя немилость господина: онъ повелѣваетъ ихъ засѣкать до смерти ударами бича, сжигать на медленномъ огнѣ или замуровывать живыми въ стѣнахъ своего дворца. Въ 1848—1849 г., послѣ подавленія возстанія секты бабидовъ и въ наказаніе за попытку покушенія, сдѣланнаго въ отместку однимъ изъ сектантовъ противъ шаха Насръ-эд-Дина, мучительства въ Персіи достигли степеней, врядъ-ли когда виданныхъ въ исторіи. Совѣтники шаха внушили ему мысль раздать побѣжденныхъ главнѣйшимъ сановникамъ государства и устроить между ними своеобразный конкурсъ вѣрноподданства: кто подвергнетъ своихъ плѣнниковъ наиболѣе изысканнымъ пыткамъ, тотъ докажетъ, что онъ и больше другихъ любитъ монарха. И царедворцы блестяще выдержали этотъ экзаменъ, кто приказывая умерщвлять несчастныхъ мучениковъ безконечными уколами перочиннаго ножа, кто сдиравъ съ нихъ кожу и медленно диссекируя ихъ, какъ на анатомическомъ столѣ, кто опутывая горючими свѣтильнями женщинъ и дѣтей и затѣмъ поджигая ихъ и гоняя до тѣхъ поръ по дорогѣ, пока живые факелы падали на землю, чтобы уже больше не подняться...

Но мы здѣсь говоримъ о пароксизмахъ бѣшенства неограниченной власти. Что касается до будничнаго, до обычнаго упражненія оя, то, не достигая высотъ только что изображеннаго нами политическаго садизма, восточный произволь сказывается здѣсь въ тысячѣ формъ грубаго попиранія личности и ея человѣческаго достоинства. Произвольные аресты, конфискаціи, штрафы, тѣлесныя наказанія принадлежали къ наиболѣе испытаннымъ способамъ управленія страной. Въ частности, битье по пяткамъ, такъ называемое *чубэ-фалаякъ*, необыкновенно распространено и продѣлывается съ быстротой и элегантностью: «пациента» въ одну минуту привязываютъ ногами къ бревну, которое одни «экзекуторы» поднимаютъ и держатъ горизонтально, въ то время, какъ другіе «экзекуторы» сыплютъ удары градомъ на ступни провинившагося, опирающагося головой и спиной на землю. Порою эта операція принимала характеръ настоящаго іерархическаго спорта, такъ что, напр., въ то время, какъ шахъ приказывалъ отхлестать по пяткамъ того или иного генераль-губернатора или *визиря*, этотъ налагалъ такое же наказаніе на *хакима* (губернатора), а этотъ на *забита* (начальника округа), а этотъ на *желантера* (начальника города), а этотъ на *кедлоду* (сельскаго старшину). Часто приближенные шаха мило подсмѣивались другъ надъ другомъ по поводу

Январь. Отдѣлъ II.

этой расправы и, когда раны подживали, не безъ гордости показывали рубцы на пяткахъ, какъ слѣды, какъ доблестные стигматы «барскаго гѣва» и «барской любви».

Тѣлесное наказаніе, встаети сказать, являлось въ Персіи излюбленнымъ эквивалентомъ тюремнаго заключенія, которое замѣняется чрезвычайно охотно битьемъ по пятамъ въ видахъ экономіи, такъ какъ содержаніе провинившихся въ тюрьмахъ стоитъ извѣстныхъ суммъ государству. Иные же мѣстные начальники прямо наживаютъ на этой замѣнѣ деньги, заставляя правительство платить имъ за существующихъ только на бумагѣ арестантовъ, которые на самомъ дѣлѣ уже давно гуляютъ на свободѣ, получивъ надлежущую порцію палочныхъ ударовъ.

Странное дѣло, однако, свидѣтельствующее о мягкой и въ общемъ гуманной натурѣ персовъ: не смотря на ужасы правительственнаго произвола, на грубость приемовъ управленія, на казни, пытки, тѣлесныя наказанія, столь щедро расточаемыя властью имущими, эта жестокость не вошла въ нравы большинства населенія Ирана, о мягкости и вѣжливости котораго говорятъ многіе путешественники. Осѣдлые жители Персіи, собственно такъ называемые персы, не имѣютъ, правда, мужества и энергіи кочевниковъ: составляя болѣе 60% всего населенія страны, они ступеньваются передъ близкими къ нимъ по происхожденію, но воинственными курдами (675.000 чел.) и лурами (234.000 чел.), составляющими какъ бы государство въ государствѣ и наводящими на мирныхъ жителей ужасъ своими набѣгами и грабежами; передъ туркменами (720.000 чел.), политическое значеніе которыхъ очень усилилось въ странѣ съ тѣхъ поръ, какъ они дали Персіи властителей въ лицѣ царствующей династіи, принадлежащей къ роду Каджаровъ, которые занимаютъ привилегированное положеніе въ Иранѣ, и т. д. Но персы представляютъ собою, какъ мы уже сказали, несомнѣнно наиболѣе гуманный элементъ, отличающійся вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимися умственными силами и способностью къ развитію и цивилизаціи.

Веселые, живые, любезные въ обращеніи и получившіе за то отъ европейскихъ путешественниковъ прозвище «французовъ Востока», они внесли извѣстную мягкость и въ строгія нормы мусульманскаго кодекса жизни и мысли. Въ Персіи мужчина не пользуется обычно такою страшною патриархальною властью внутри своей семьи, какъ въ Турціи. Самыя отношенія между полами складываются не столько въ форму рабскаго подчиненія женщины мужчинѣ,—который, встаети сказать, обладаетъ по закону правомъ имѣть четырехъ женъ, но по большей части беретъ только одну,—сколько въ форму раздѣльнаго житія половъ. Въ домѣ есть двѣ половины, одна мужская—для взрослыхъ мужчинъ и юношей, другая женская, для женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей; и обитатели каждой половины живутъ почти независимою

жизнью, принимая къ себѣ гостей своего пола и отдавая имъ въ свою очередь визиты. Прикрытая чадрой, женщины могутъ выходить совершенно свободно съ утра до вечера, и на базарахъ, въ лавкахъ можно видѣть, какъ и въ одиночку, и группами онѣ оживленно торгуются съ продавцами. Во время историческихъ дней послѣдней революціи женщины,—по словамъ моего собесѣдника,—живо интересовались политическими новостями, бѣгали за газетами по городу, и внутри тегеранскихъ трамваевъ нерѣдко можно было видѣть любопытную картину, какъ персіянка, сдвигая, для большаго удобства, немного въ сторону свое покрывало, съ жадностью бѣгала глазами по строкамъ развернутой газеты...

Разумѣется, политическій деспотизмъ и социальный гнетъ не прошли безслѣдно для перса, не смотря на его въ общемъ, какъ мы видѣли, хорошую натуру. Гнетъ и нужда создали особый классъ людей, *фузуль*, родъ фаетотумовъ, способныхъ на все, изъ которыхъ вербуются управляющіе, мелкіе ходатаи, «курьеры», слуги, комиссіонеры, могущіе достать вамъ за деньги все и вся и не оставивающіеся ни передъ чѣмъ для того, чтобы «вѣсть»: «вѣда»—ихъ высшій нравственный критерій. Гнетъ же и нужда превратили древняго перса, для котораго «самымъ постыднымъ дѣломъ» считалось по словамъ Геродота, «говорить ложь» *), въ современнаго перса, который считаетъ, наоборотъ, необходимымъ, какъ гласитъ имъ же созданная поговорка, быть «голубемъ съ голубемъ, соколомъ съ соколомъ». И если на низу социальной лѣстницы крестьянинъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ хитростямъ, скрываетъ правду, говорить ложь, чтобы хоть какъ-нибудь выскользнуть изъ когтей неумолимаго фиска или жаднаго феодала, то въ общественныхъ верхахъ царитъ духъ «постоянной интриги», по выраженію Гобно, и взаимное одурачиваніе и неблаговидныя продѣлки, а то и прямое мошенничество считаются обычными, мало того, неизбежными вещами, которыя никого не приводятъ въ негодованіе, а у всѣхъ возбуждаютъ смѣхъ. Наконецъ, особенностями же социальнo-политическаго режима Персіи объясняется широко разлитое стремленіе къ сдѣлкѣ, компромиссу, словомъ, тому, что называется по-персидски «эслахомъ» и отчасти напоминаетъ итальянскую *combinazione*, имѣющую въ виду примирить, повидимому, непримиримое и соединить несоединимое...

Читатель, однако, уже навѣрное замѣтилъ, что и эти отрицательныя качества современнаго перса предполагаютъ въ немъ значительную умственную силу. И, дѣйствительно, его интеллектуальныя способности не подлежатъ сомнѣнію. Иранская революція опирается не только на стремленіе народа выйти изъ состоянія ужаснаго экономическаго и политическаго гнета, но и на живое пони-

*) Herodoti Histor., I, 138: ἀίχιστον δὲ αὐτοῖσι τὸ ψεῦδεσθαι γενόμεσται...

маніе имъ новыхъ общечеловѣческихъ идей, которыя встрѣтили среди персидскаго населенія живое сочувствіе, какъ только подъ влияніемъ событій послѣднихъ лѣтъ въ Европѣ, особенно въ Россіи, онѣ нашли достаточное распространеніе въ Персіи. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ самому изложенію хода революціи, намъ придется въ заключеніе коснуться умственного склада и отчасти характера міровоззрѣнія пробудившагося къ сознательной жизни народа.

Особенностью этого міровоззрѣнія и крупнымъ элементомъ персидской умственной жизни является религіозная форма туземнаго образованія и вообще культуры, форма, которая придаетъ выдающееся значеніе персидскому духовенству. Не случайно инициатива революціи на почвѣ Ирана принадлежала этому сословію. И если оно, по мѣрѣ развитія великаго національнаго переворота, должно будетъ покинуть, и уже покидаетъ знамя коренной реформы, то все же оно явилось главнымъ застрѣльщикомъ возникшей борьбы со старымъ строемъ.

Дѣло въ томъ, что въ умственномъ смыслѣ Персія переживала до самаго послѣдняго времени и въ значительной степени переживаетъ еще теперь тотъ фазисъ, который Европа переживала въ средніе вѣка, когда цивилизація носила преимущественно церковный характеръ и интеллигенціей самыхъ передовыхъ странъ было духовенство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся представителей. Такъ какъ шаріатъ, или законъ, основанный на коранѣ, проникаетъ, или, точнѣе, долженъ проникать въ теоріи, всѣ жизненныя отношенія, то персидскій клиръ, являющийся его истолкователемъ, долженъ играть выдающуюся роль въ обществѣ и налагать свой отпечатокъ на умственные отправления народа.

Возьмите, напр., персидское судопроизводство. Если свѣтская власть въ лицѣ губернаторовъ и ихъ представителей судить дѣла, относящіяся къ области обычнаго права, или неписаннаго закона (*урфъ*), то всѣ юридическія отношенія, слагающіяся на почвѣ писаннаго мусульманскаго закона (уже упомянутый *шаріатъ*), относятся къ компетенціи духовенства, *шейхъ-эль-исламовъ* въ главныхъ городахъ, или назначаемыхъ ими духовныхъ судей во второстепенныхъ. А громадное большинство юридическихъ отношеній въ Персіи принадлежатъ именно къ этой послѣдней категоріи, что объясняется теократической тенденціей Ислама проникнуть регуляторомъ во всѣ сферы человѣческой жизни и мысли.

Возьмите точно также область народнаго образованія, по отношенію къ которому такой компетентный и серьезный судья, какъ Элизэ Реклю, дѣлаетъ очень характерное замѣчаніе, что въ Персіи оно болѣе развито, чѣмъ въ иной европейской странѣ. Но развито болѣе только потому, что тѣсно связано съ религіей и что духовенство заботится о томъ, чтобы подростающее поколѣніе умѣло читать и знало въ большей или меньшей степени коранъ: тутъ

происходит нѣчто похожее на то, что замѣчается въ традиціонной еврейской средѣ, гдѣ грамотность связана съ чтеніемъ библіи и талмуда. Какъ бы то ни было, почти при каждой мечети есть школа, или *медрессе*, въ которой изучаются коранъ, арабская и персидская литература, начатки собственно такъ называемыхъ наукъ, ариѳметики, географіи, исторіи и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ носятъ характеръ высшихъ учебныхъ заведеній и обучающіеся въ нихъ втеченіе неопредѣленнаго числа лѣтъ, вплоть до полного усвоенія предметовъ курса, молодые люди, такъ называемые *туллабы*, напоминаютъ нашихъ студентовъ (точнѣе выражаясь, нашихъ «студентовъ» духовныхъ семинарій и отчасти духовныхъ академій). Наконецъ, наиболѣе способные изъ нихъ ѣдутъ за предѣлы Персіи, въ городъ Кербелу (находящійся въ багдадскомъ «вилаетѣ» Азіатской Турціи), гдѣ, при гробницѣ шитскаго святого, Гуссейна, находится высшее духовное училище секты шитовъ, и тамъ, по окончаніи курса, держатъ специальный экзаменъ на высшую же ученую (духовную) степень такъ называемаго *муштаида* или *муштегида*. Эти и нѣкоторыя тому подобныя названія читатель, несомнѣнно, уже встрѣчалъ въ газетахъ при чтеніи телеграммъ и корреспонденцій, касающихся персидской революціи: интеллигенція страны,—т. е. пока преимущественно учащаяся въ духовныхъ школахъ молодежь и духовенство—играла крупную роль въ начальный моментъ освободительнаго движенія.

Короче сказать, внѣ духовныхъ школъ существуетъ лишь нѣсколько специальныхъ школъ на западно-европейскій образецъ и во главѣ ихъ «Высшая школа политическихъ наукъ» въ Тегеранѣ, которая нѣсколько напоминаетъ парижскую *Ecole des sciences politiques* и имѣетъ, на своихъ четырехъ курсахъ, кафедръ юриспруденціи, философіи, исторіи, международнаго права, политической экономіи, высшей литературы, научной географіи Персіи и французскаго языка.

Даже дѣти богатыхъ родителей, берущія уроки у частныхъ учителей европейскаго происхожденія, или отправляющіяся въ Европу слушать курсы въ университетахъ и специальныхъ высшихъ школахъ, изучаютъ коранъ и національныхъ моралистовъ въ прозѣ и стихахъ и вообще не остаются въ невѣдѣніи относительно элементовъ персидской культуры, носящей, какъ мы видѣли, сильный религиозный отпечатокъ.

Но, говоря о такомъ характерѣ иранскаго образованія и иранской интеллигенціи, мы должны обратить вниманіе читателей на то важное обстоятельство, что этотъ клерикальный, если можно такъ выразиться, строй персидскаго міровоззрѣнія касается почти исключительно внѣшней, формальной стороны дѣла и далеко не сковываетъ внутренней свободы личности, какъ, напр., то дѣлаетъ католицизмъ. Шиизмъ есть государственная религія персовъ, и правотѣрный долженъ подчиняться ея требованіямъ и отправлять подобающія ре-

лигіозныя обязанности. Однако, не смотря на то, что въ Персіи шитовъ насчитывается громадное большинство (по крайней мѣрѣ, 8.000.000 чел. противъ 800.000 соннитовъ, 45.000 армянъ, 35.000 евреевъ, 25.000 несторіанцевъ, 9.000 огнепоклонниковъ), на почвѣ шитскаго толка выростали издавна самыя разнообразныя, порою очень рационалистическія секты и появлялись поэты-философы, заходившіе въ своихъ взглядахъ такъ далеко, что оказывались не только еретиками по отношенію къ своей національной вѣрѣ, но такъ называемыми *дарійя*. Этимъ словомъ историки мусульманства обозначаютъ «людей, которые утверждаютъ вѣчность міра и отрицаютъ существованіе творца, т. е. формальныхъ атеистовъ», какъ выражается утрехтскій профессоръ Гутсма (Houtsma), отзываясь, между прочимъ, съ большой похвалою о персидскомъ поэтѣ Омарѣ Хайямѣ, писавшемъ въ XI-мъ вѣкѣ и до сихъ поръ чрезвычайно популярномъ на своей родинѣ *).

Но, не говоря уже о такихъ крайнихъ представителяхъ свободной мысли, нѣкоторыя рационалистическія секты, порою жестоко преслѣдовавшіяся, порою добивавшіяся официальнаго признанія и даже покровительствовавшіяся иными властителями, распространяли цѣлыми столѣтіями въ Иранѣ идеи буддизма, мистицизма, пантеизма и разруляли чистую мусульманскую догму. Въ результатъ получилось, что въ то время, какъ соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ государственной религіи мирится у средняго перса изъ народа, въ особенности живущаго въ городѣ, съ религиознымъ индифферентизмомъ, насмѣшливымъ «вольтерьянствомъ» и даже крайне скептическимъ отношеніемъ къ предметамъ вѣры, у персидской интеллигенціи это внѣшнее исповѣданіе прикрываетъ зачастую прямое невѣріе. И эта практика внутренняго отрицанія той религіи, которую формально исповѣдуешь, настолько вошла въ жизнь, что получила даже особое туземное названіе «кетманъ». Кетманъ, это—право каждаго человѣка скрывать свои настоящія убѣжденія подъ видомъ общепринятой догмы, держась на самомъ-то дѣлѣ какихъ угодно взглядовъ, хотя бы полнаго атеизма. Это объясняетъ, почему свободолобивыя идеи разлились съ такою силою въ Персіи за послѣднее время и почему духовенство, и при томъ въ такой, казалось бы, съ нашей точки зрѣнія, «клерикальной» странѣ, явилось однимъ изъ первыхъ и наиболее сильныхъ ферментовъ броженія, по крайней мѣрѣ, въ началѣ революціи.

*) См. статью объ исламѣ въ извѣстномъ руководствѣ по исторіи религіи: Chantepie de la Saussaye, «Lehrbuch der Religionsgeschichte»; Фрейбургъ-Лейпцигъ, 1897, т. I, стр. 371.

V.

Теперь мы знаемъ хотя бы въ общихъ чертахъ матеріальную и идейную среду, въ которой живетъ населеніе Ирана. Намъ поэтому станетъ болѣе понятной игра различныхъ общественныхъ силъ и элементовъ, опредѣлившихъ персидскую революцію, или, лучше сказать, первые шаги ея, такъ какъ движеніе находится, несомнѣнно, лишь въ первыхъ фазахъ и мы еще не можемъ предвидѣть его дальнѣйшаго развитія.

Ближайшей причиной предъ-революціоннаго броженія была русско-японская война, моральное дѣйствіе которой отразилось, какъ извѣстно, на всѣхъ не-европейскихъ народахъ, впервые увидѣвшихъ, что азіатское государство побѣдило европейскую націю, и при томъ такую, въ военную мощь которой вѣрили повсюду. Когда перевѣсъ сталъ явно клониться на сторону Японіи, принялись за объясненіе причинъ превосходства азіатской націи; и образованные азіаты должны были не разъ придти къ тому заключенію,—часто дѣлавшемуся, между прочимъ, на столбцахъ японскихъ газетъ,— что Японія взяла верхъ надъ Россіей потому, что представляла конституціонную страну, тогда какъ ея противница держалась еще старыхъ государственныхъ порядковъ: абсолютизма и безконтрольнаго господства бюрократіи. Извѣстія о сильно расширившемся во время войны русскомъ освободительномъ движеніи и о первыхъ побѣдоносныхъ выступленіяхъ русской революціи, желавшей свести свои счеты съ разгромленнымъ въ Цусимѣ и Портъ-Артурѣ старымъ строемъ, произвели очень сильное впечатлѣніе въ Персіи. Возникла жажда познакомиться съ тѣми идеями и лозунгами, которые до сихъ поръ приходили въ Иранъ изъ Европы лишь въ отрывочномъ и искаженномъ видѣ.

Работа русской политической мысли, страстно оперировавшей надъ общечеловѣческими и, въ частности, демократическими идеями Западной Европы, нашла ревностныхъ цѣнителей и послѣдователей среди образованныхъ персовъ, которые уже ранѣе того были подготовлены къ воспріятію освободительныхъ идей прямымъ общеніемъ съ Западомъ. Когда новыя идеи хлынули въ Персію, произошла любопытная интеллектуальная аберація на почвѣ иранской клерикальной культуры (мы объясняли выше, въ какомъ смыслѣ надо понимать здѣсь слово «клерикальный»). Благодаря тому, что въ исламѣ заключается, между прочимъ, и проповѣдь равенства и братской любви всѣхъ правовѣрныхъ безъ различія расъ и національностей, среди персидской, главнымъ образомъ, духовной интеллигенціи, а затѣмъ и среди народныхъ массъ, подвергшихся ея пропагандѣ, возникла мысль, что идеи свободы, равенства и братства, льющіяся изъ странъ гяуровъ, въ сущности принесены міру Кораномъ; но не-

вѣрные были, молъ, настолько умны, что, и не принявъ мусульманства, воплотили въ жизни его высокіе принципы, тогда какъ магометане, хотя и обладающіе свѣтомъ истинной вѣры, спрятали ихъ подъ спудъ и обрекли себя на жизнь, недостойную послѣдователей Пророка. Эта оптическая иллюзія окрасила своимъ цвѣтомъ начало персидской революціи и опредѣлила выдающуюся роль духовенства.

Нечего, конечно, говорить, что далеко не весь персидскій клиръ шелъ во имя безкорыстныхъ идейныхъ мотивовъ. Довольно правдоподобныя свѣдѣнія говорятъ о томъ, что немалая часть духовенства стала подъ знамя революціи подъ вліяніемъ эгоистическаго раздраженія на великаго визиря (атабека) Эйн-эд-Довлѣ, который, самъ получая громадныя взятки, — до 15.000 рублей ежедневно (?!), — не думалъ дѣлиться ни съ кѣмъ и, въ частности, старался свести на нѣтъ вліяніе духовенства въ дѣлахъ управленія. Какъ бы то ни было, въ силу того, что огонь коллективнаго энтузіазма очищаетъ въ моменты революціи отъ шлаковъ низменныхъ побужденій и самыя дрянныя натуры, все духовенство почти цѣликомъ вело себя очень достойно въ эти первыя минуты революціи. Оно приобрѣло скоро такую власть надъ массами, что къ духовенству, опирающемуся на народъ, применило и торговое сословіе, которому надоѣли вѣчные поборы администраціи и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялось гнѣва широкихъ слоевъ населенія, упрекавшихъ торговцевъ въ томъ, что, подкупая власти, они по произволу поднимали цѣны на предметы первой необходимости и доводили народъ до крайней нужды и до настоящаго голода.

Во всякомъ случаѣ, изъ среды духовенства, и именно изъ рядовъ его интеллигенціи, выдвинулся муштаидъ Сеидъ-Магомедъ, который сдѣлался главою авангарда освободительнаго движенія, «прогрессивной» партіи, ставящей устами своего вождя требованіе отказаться отъ узко-духовной дультуры и воспринять всѣ широкія свѣтскія идеи современнаго цивилизованнаго міра. Любопытнымъ психологическимъ фактомъ вліянія этого человѣка на окружающихъ является то обстоятельство, что онъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, сильно поддерживался среднимъ фанатическимъ духовенствомъ, хотя и далеко не раздѣлявшимъ всѣхъ его прогрессивныхъ требованій, и даже склонилъ на свою сторону тегеранскаго главнаго муштаида.

Первыя столкновенія реформаторовъ съ правительствомъ произошли въ октябрѣ 1905 г. въ городѣ Керманѣ и, подъ вліяніемъ репрессій атабека, подвергшаго наказанію нѣсколькихъ муштаидовъ и купцовъ и производившаго многочисленныя аресты и ссылки, равно какъ подъ вліяніемъ вѣстей изъ Россіи, говорившихъ о побѣдѣ народа надъ старымъ режимомъ, быстро приняли широкіе размѣры, перейдя въ Тегеранъ и другіе города. Излюблен-

>

нымъ приемомъ распространенія идей въ массахъ была ихъ пропаганда въ мечетяхъ духовенствомъ, *ахундами* (знатоками арабскаго) и уже упомянутыми туллабами—студентами. Скоро была употреблена и очень популярная въ Персіи тактика «беста», состоящая въ томъ, что лица, избѣгающія преслѣдованія властей или не добившіяся правосудія, удаляются въ мѣста, которыя считаются неприкосновеннымъ убѣжищемъ, напр., мечети, жилища знатныхъ лицъ, иностранныя посольства, и тамъ остаются до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе не получаютъ удовлетворенія. На сей разъ бестъ былъ продѣланъ въ грандіозныхъ размѣрахъ: все духовенство удалено изъ столицы и поселилось въ сосѣднемъ «святомъ» мѣстечкѣ, Шахъ-Абдулла-Азимъ, тогда какъ купечество, принявшее на свой счетъ содержаніе засѣвшихъ въ убѣжищѣ, въ свою очередь организовало всеобщую забастовку.

Первоначальными требованіями, которыя революціонеры поставили всемогущему атабеку, совершенно изолировавшему больного шаха, Музаффера-эд-Дина, отъ внѣшняго міра и управлявшему страной, какъ ему хотѣлось, были: отставка бельгійца Науса, бывшаго министромъ финансовъ и директоромъ таможенъ и почтъ и озлобившаго весь народъ своимъ лихоимствомъ и притѣсненіями; удаленіе съ поста керманскаго и тегеранскаго губернаторовъ, принимавшихъ жестока мѣры усмиренія; реформа таможенныхъ сборовъ; а главное организація *Идалэть-Ханэ*, или «Дома Справедливости», т. е. высшаго судебнаго учрежденія, которое ввело бы въ Персіи судъ скорый и правый и, при помощи аналогичныхъ мѣстныхъ трибуналовъ, преобразовало архаическую юстицію. Какъ видитъ читатель, платформа инициаторовъ движенія имѣла пока въ виду чисто административныя реформы. И любопытной чертой этого движенія было развѣ то безкорыстіе, съ которымъ вожаки его, принадлежавшіе большею частію къ духовенству и, значитъ, бывшіе естественными судьями народа по закону шаріата, требовали тѣмъ не менѣе участія въ новомъ судопроизводствѣ безразлично, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ.

Старый режимъ, въ лицѣ атабека и его сторонниковъ при дворѣ и въ администраціи, сопротивлялся втеченіе нѣсколькихъ недѣль требованіямъ пробудившагося народа. Наконецъ, видя, что пульсъ національной жизни почти совсѣмъ замеръ и государству грозитъ крушеніе, реакція пошла на уступки. Въ знаменательный день 29-го декабря 1905 г. вышелъ рескриптъ шаха объ учрежденіи «Государственнаго Дома Справедливости»: духовенство и вожаки движенія возвратились въ столицу и были съ восторгомъ встрѣчены народомъ, устроившимъ великолѣпную иллюминацію. Упомянутый рескриптъ, или *дасгхатъ* общалъ, что благодаря учрежденію «Дома» отнынѣ въ дѣлѣ правосудія и управленія не будетъ «никакой разницы между слоями общества», и заявлялъ,

что при этомъ «должно быть запрещено принимать во вниманіе положеніе личностей или держать чью-либо сторону» *).

Такъ правовой строй робко входилъ въ Персію подъ видомъ реформы юстиціи. Но темнъ движенія былъ, какъ и всегда водится въ такихъ случаяхъ, ускоренъ самими защитниками стараго строя. Прошла зима 1905—1906 гг. Наступила весна. А атабекъ и не думалъ о приведеніи въ исполненіе тѣхъ обѣщаній, которыя были даны въ рескриптѣ шаха. Духовенство, торговое сословіе и вожаки народа вели тѣмъ временемъ усиленную пропаганду въ массахъ, приучавшихся теперь двигаться на основаніи лозунговъ руководителей все съ большимъ и большимъ единодушіемъ. Оттягиваніе судебной реформы вызывало, естественно, въ народѣ, охваченномъ освободительнымъ пыломъ, желаніе расширить свои первоначальныя требованія. Когда въ Персіи были получены извѣстія о русскихъ «Основныхъ законахъ», санкціонировавшихъ, не смотря на всю свою двусмысленность, половинчатость и урѣзанность, законодательную Думу, то этимъ былъ данъ лишній поводъ персидскимъ революціонерамъ заострить свою программу и поставить требованіе народнаго представительства.

Новые и болѣе серьезные безпорядки вспыхнули въ первой половинѣ іюня 1906 г. Поводомъ къ нимъ были аресты нѣкоторыхъ популярныхъ лицъ и убійство одного сеида («потомка» Пророка) офицеромъ, командовавшимъ отрядомъ солдатъ, которые отказались стрѣлять по туллабамъ. Произошла огромная демонстрація на похоронахъ убитаго. Атабекъ устроилъ, въ свою очередь, засаду изъ сарбазовъ (солдатъ) при выходѣ изъ мечети укрывшагося туда духовенства, и тамъ было убито 6—7 человекъ, которые въ негодующемъ воображеніи народа превратились въ сотню труповъ. Связь между вожаками и народомъ стала еще болѣе тѣсною, чѣмъ прѣжде. Духовенство торжественно объявило, что не считаетъ болѣе возможнымъ и достойнымъ оставаться подъ игомъ злочестиваго атабека и удаляется въ турецко-азиатскій городъ Кербелу. Оно, дѣйствительно, начало приводить въ исполненіе свою угрозу и 1-го іюля, торжественно провожаемое народомъ, выѣхало изъ столицы, направляясь сначала въ городъ Кумъ. Тѣмъ временемъ оставшіеся въ Тегеранѣ революціонеры вступили въ переговоры съ иностранными миссіями, чтобы найти себѣ убѣжище.

Надо сказать, что освободительное движеніе въ Персіи вспыхнуло очень неожиданно для иностранцевъ, которые, преслѣдуя въ странѣ свои эгоистичные интересы *), мало обращали вниманія на настроеніе

*) Полный переводъ документа съ соблюденіемъ персидскихъ оборотовъ рѣчи находится въ уже цитированномъ нами этюдѣ г. М. А. „Последнее политическое движеніе Персіи“, выпускъ первый, стр. 61.

**) Ср., напр., совсѣмъ недавно (23-10 сентября 1907 г.) заключенную между Россіей и Англійей конвенцію, которая буквально рветъ Иранъ на части, отдавая сѣверную часть Персіи на потокъ и разграбленіе русскимъ хищни-

умовъ въ народѣ. Тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ странамъ, живущимъ издавна при конституціонныхъ учрежденіяхъ, довольно симпатично отнеслись къ началу персидской революціи, полагая, что введеніе болѣе правильнаго правосудія будетъ благопріятно и для иностранцевъ. Другіе, у которыхъ дома царилъ произволъ, полагали, что старый порядокъ обдѣльванія дѣлишекъ въ Персіи при помощи взятокъ визирямъ и хакимамъ, пожалуй, предпочтительнѣе «правового» строя. Но и тѣ, и другіе, въ общемъ, смотрѣли довольно снисходительно на первые шаги освободительнаго движенія, надѣясь, кромѣ того, въ мутной водѣ персидской гражданской войны наловить побольше рыбки лично себѣ. Лишь когда борьба народа съ правительствомъ поставила на очередь вопросъ о настоящемъ конституціонномъ устройствѣ, политическія симпатіи и антипатіи иностранцевъ распредѣлились въ зависимости отъ характера ихъ собственнаго государства и ихъ собственной культуры. Поэтому, когда персидскіе революціонеры завязали переговоры съ миссіями, ища, куда имъ «сѣсть въ бестъ», чтобы произвести давленіе на атабека, то русская миссія очень холодно отнеслась къ предложенію иранскихъ конституціоналистовъ, турецкое посольство дало у себя пріютъ десятку персовъ, но подъ условіемъ не произносить никакихъ рѣчей противъ правительства, и лишь англійская миссія растворила двери своего громаднаго сада революціонерамъ, число которыхъ быстро возросло въ этомъ убѣжищѣ до 12.000 человекъ. Но и «просвѣщенные мореплаватели», скорѣе лишь терпѣли у себя эту горячую, полную энтузіазма толпу, тѣмъ были довольны ея пребываніемъ. Однажды даже, когда сидѣвшіе въ «бестѣ» очень расшумѣлись подѣ влияніемъ рѣчей ораторовъ, англійскій уполномоченный пригрозилъ было революціонерамъ выгнать ихъ всѣхъ съ британской территоріи, но получилъ знаменательный въ устахъ «азіатовъ» отвѣтъ, что они пришли въ гости не къ англійскимъ чиновникамъ, а къ англійскому парламенту, и что только онъ имѣетъ право лишить ихъ убѣжища. Повсюду въ оградѣ миссіи были разбиты шатры; гигантскія кухни были устроены подѣ открытымъ небомъ для продовольствія этихъ десятковъ тысячъ революціонеровъ, которые получали массу съветныхъ припасовъ и разныхъ предметовъ необходимости и удобства,

камъ, южную англійскимъ, а среднюю полосу—и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ ясно вытекаетъ изъ внимательнаго чтенія договора, напечатаннаго, между прочимъ, полностью въ номерѣ отъ 27-го сентября 1907 г. «The Times, Weekly Edition», стр. 611. Замѣтимъ кстати, что эти два государства играютъ и выдающуюся роль во внѣшней торговлѣ Персіи: въ 1905—1906 г., въ общей суммѣ ввоза, равной 886.463.000 кранамъ, доля Россіи выражалась 194.356 000 кранамъ, доля Британской имперіи—122.986.000; въ общей суммѣ вывоза, равной 298.143.000 кранамъ, доля Россіи—197.480.000, доля Британской имперіи—26.081.000. По вывозу Турція шла немедленно за Россіей и передѣ Англійей: 48.820.000 кроновъ. См. «Almanach de Gotha», стр. 1011.

вплоть до ковровъ и кальяновъ, отъ своихъ единомышленниковъ въ городѣ.

Подобныя же сцены разыгрывались одновременно въ Кумъ, Испагани, Ездѣ, Керманѣ, Казвинѣ, Рештѣ, Ширазѣ, Хорасанѣ и въ другихъ городахъ и деревняхъ, причѣмъ въ нѣкоторыхъ, обыкновенно мало населенныхъ, но содержащихъ святилища мѣстечкахъ скоплялись тридцати-тысячныя толпы народа. Повсюду будничная жизнь населенія замерла, базары закрылись и лишь гигантскіе митинги отражали приподнятое настроеніе жителей, которые представлялись въ извѣстность о томъ, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, благодаря хорошо организованной духовенствомъ и купечествомъ системѣ передачи новостей изъ края въ край. Какъ прежде народъ, вдохновляемый лозунгами вожаковъ, требовалъ единодушно «справедливости», такъ теперь онъ требовалъ единодушно «конституціи», именно «конституціи», прочно установленнаго правового государственнаго порядка, какъ гласитъ персидское слово *манъ-руте*. И трогательно было слышать,—говорилъ мой собесѣдникъ, у котораго я беру эту послѣднюю деталь,—трогательно было слышать, какъ простые люди, зачастую бѣдные крестьяне или половники-райеты, въ отвѣтъ на ироническіе вопросы защитниковъ стараго порядка: «но какъ же вы можете просить справедливости, какъ вы можете просить конституціи, когда сами не знаете хорошенько, что это такое», возражали скромно, но твердо: «именно потому, что мы не знаемъ, что такое справедливость и конституція, ибо ихъ нѣтъ у насъ до сихъ поръ, мы и требуемъ и той, и другой»...

А атабекъ окружилъ окончательно желѣзнымъ кольцомъ опеки и надзора все болѣе и болѣе слабѣвшаго физически и умственно шаха и препятствовалъ даже его семейнымъ, женамъ и т. п. сообщать монарху о томъ, что дѣлалось въ странѣ. Наконецъ, когда кризисъ дошелъ до высшаго напряженія и Персія, казалось, грозилъ неизбежный распадъ, министры въ главѣ съ Наибомъ-эс-Салтанъ, братомъ шаха, управлявшимъ военнымъ министерствомъ, потребовали почти единогласно отъ Эйн-эд-Довлэ, чтобы онъ подалъ въ отставку, опираясь на телеграфные отвѣты *) всѣхъ губернаторовъ, сообщавшихъ, что повсюду народъ требуетъ одного: удаленія съ поста атабека. Между тѣмъ приближеннымъ удалось доложить шаху о положеніи дѣлъ въ странѣ, хотя и не развертывая передъ больнымъ всей трагичности событій. Какъ бы то ни было, послѣ нѣ котораго колебанія и коварныхъ маневровъ Эйн-эд-Довлэ, то подававшего въ отставку, то бравшаго ее назадъ по просьбѣ плохо освѣдомленнаго монарха, послѣдній уволилъ, наконецъ, атабека, а на его мѣсто назначилъ Мушира-эд-Довлэ, уже стараго человѣка, который пользовался репутаціею мягкаго и въ общемъ симпатичнаго государственнаго дѣятеля. Но главная роль

*) Въ Персіи считается 131 телеграфное бюро, и длина проволокъ достигаетъ 16.726 кил.

въ разрѣшеніи кризиса выпала на долю болѣе энергичнаго и честолюбиваго Наиба-эс-Салтана, который объявилъ революціонерамъ, что, если они выйдутъ изъ беста и устроятъ обычную иллюминацію въ день рожденія шаха, въ знакъ примиренія съ правительствомъ, то онъ берется добыть имъ отъ монарха рескриптъ объ учрежденіи требуемаго ими народнаго собранія.

Вожаки движенія отказываются исполнить предложеніе Наиба-эс-Салтана, справедливо подозрѣвая его въ желаніи провести революціонеровъ. Честолюбецъ, скрѣпя сердце, присылаетъ, наконецъ, 23-го іюля желанный рескриптъ шаха. Но, узнавъ его содержаніе и видя, что уставъ и порядокъ проектируемаго собранія должны быть, согласно ему, выработаны исключительно великимъ визиремъ, революціонеры не соглашаются оставить свое убѣжище, пока въ правительственномъ актѣ не будетъ оговорена необходимость «одобренія и утвержденія избранныхъ для того людей». И замѣчательно, что народъ, еще не посовѣтовавшись съ своими вожаками, по собственной инициативѣ сорвалъ и уничтожилъ всѣ расклеенные по городу экземпляры этого не удовлетворившаго ихъ рескрипта. Прошло еще четыре дня ожиданій, и, наконецъ, 27-го іюля былъ данъ окончательный дастхатъ, которымъ объявлялось объ «учрежденіи въ Тегеранѣ національнаго совѣщательнаго собранія, состоящаго изъ избранныхъ отъ принцевъ, улемовъ (духовенства), кад-жаровъ, вельможъ, аристократіи, землевладѣльцевъ, купцовъ и ремесленниковъ по ихъ же выбору, дабы они во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ и во всемъ, что касается общаго блага, помогали бы своими совѣтами и замѣчаніями нашимъ министрамъ въ реформахъ и улучшеніяхъ, которыя будутъ сдѣланы для счастья и благоденствія Персіи». вмѣстѣ съ тѣмъ параграфъ о составленіи устава собранія визиремъ былъ измѣненъ въ смыслѣ поправки, предложенной революціонерами: «...Вы, согласно этого рескрипта, приготовите уставъ и выработаете порядокъ этого собранія и все, что для этого необходимо, съ одобренія и утвержденія избранныхъ для этого людей» *).

По поводу перевода этого документа мы должны сдѣлать, со словъ моего собесѣдника, очень важное замѣчаніе, а именно, что персидское названіе парламента «Мэджлисъ-и-Шора-и-Мелли» невѣрно переводится на европейскіе языки словами «національное совѣщательное собраніе». Оно есть не только совѣщательное, но и законодательное учрежденіе, такъ какъ глаголь «шора» ближе всего подходитъ по смыслу къ французскому глаголу *délibérer*, что значить, какъ извѣстно, не только «совѣщаться», но и «принимать рѣшеніе» (въ результатъ совѣщанія). По французски говорится даже *prendre une délibération*, и *assemblée délibérante* отнюдь не значить совѣщательная палата, для которой существуетъ другой

*) См. „Последнее полит. движ.“, I, стр. 63—64.

терминъ, *assemblée consultative*, а именно настоящій парламентъ, и обсуждающій, и рѣшающій вопросъ. Соответственно съ этимъ, нѣсколькими строками ниже, фразу документа «помогать *советами* и замѣчаніями» слѣдуетъ замѣнить фразой: «помогать *обсужденіями* (имѣющими и значеніе рѣшеній) и замѣчаніями»... Мы не беремса, конечно, рѣшать, умысленно ли или неумысленно составители рескрипта употребили выраженіе, которое при переводѣ можетъ вызвать, да уже и вызвало, недоразумѣніе, напоминающее нашу формулу самодержавно-конституціонной монархіи...

Но возвратимса отъ формулъ къ жизни и ходу политическихъ событій въ Персіи. Одержавъ побѣду и положивъ начало конституціи, революціонеры рѣшили устроить торжественный въѣздъ муштаидовъ изъ Кума въ Тегеранъ. Это событіе, получившее, благодаря энтузіазму толпы, характеръ настоящаго народнаго праздника, въ которомъ, не смотря на сопротивленіе духовенства, участвовала не одна тысяча женщинъ, имѣло мѣсто 2-го августа. А 5-го состоялось «открытіе», какъ выражались туземныя газеты, или точнѣе говоря, торжественное объявленіе объ учрежденіи національнаго собранія, причѣмъ какъ главный министръ (Садръ-А'азамъ) Муширь-эд-Довла, такъ и ораторъ отъ народа и духовенства, обмѣнялись привѣтствіями и пожеланіями по поводу новой эры, открывавшейся для Персіи. Не мѣшаетъ напомнить, что представитель націи заявлялъ еще въ этой рѣчи, что «духовенство является на землѣ духовнымъ царемъ надъ народомъ по наслѣдству отъ имамовъ» *).

Народное ликованіе смѣнилось новой тревогой и новымъ «бестомъ», когда оказалось, что атабекъ, который по условію долженъ былъ удалиться окончательно изъ столицы и дѣйствительно отправился въ Мазандеранскую провинцію, вдругъ снова приблизился къ Тегерану и поселился на своей дачѣ. Народъ жестоко упрекалъ духовенство и вообще вожаконъ въ нерѣшительности и безпечности, ставившихъ снова на карту свободу Персіи и счастье населенія. Революціонеры открыли новую кампанію противъ властей и, наконецъ, подъ давленіемъ массъ, шахъ настоялъ на отъѣздѣ атабека, выѣхавшаго въ Хорасанъ 25-го августа, и утвердилъ подробное положеніе о выборахъ въ меджлисъ, опубликованное 28-го того же мѣсяца.

Согласно «правиламъ о выборахъ», основанныхъ на двухстепенной системѣ, «выборщиками изъ народа въ богоспасаемыхъ странахъ Ирана» являются лица «слѣдующихъ категорій»: «принцы крови и каджары (потомки рода, изъ котораго вышла царствующая династія), улемы (духовенство), туллабы (студенты при мечетяхъ), вельможи и аристократія, купцы, помѣщики и земледѣльцы, и ремесленники». Каждое отдѣльное сословіе, собравшись въ ка-

*) „Послѣдн. полит. движ.“, I, стр. 56.

ждомъ изъ городовъ области, выбираетъ одного выборщика и посылаетъ его въ главный городъ области. Выборщики собираются, такимъ образомъ, въ главныхъ городахъ областей и выбираютъ членовъ Национальнаго собранія, число которыхъ въ данный моментъ ограничено 162, — но можетъ быть доведено до 200 чело-вѣкъ,—изъ которыхъ 32 являются представителями отъ столицы, а остальные отъ эйюлетовъ (областей) и вилайетовъ (провинцій), въ числѣ 6 или 12 отъ каждой, смотря по ихъ населенію. Для того, чтобы быть избирателемъ, надо быть персидскимъ подданнымъ, имѣть не менѣе 25 лѣтъ, «имѣть мѣстную извѣстность»; сверхъ того, помѣщики и земледѣльцы должны обладать собственностью въ 1000 томановъ (приблизительно 1700 руб.), купцы — имѣть лавки и опредѣленный родъ торговли, ремесленники — опредѣленное ремесло и мастерскую «средней платы за наемъ». Не могутъ быть избирателями: женщины, военные, злостные банкроты, преступники или подовѣрваемые въ извѣстныхъ преступленіяхъ, «лица, извѣстныя испорченностью своихъ убѣжденій» и т. д. Чтобы быть членомъ Национальнаго собранія, надо быть грамотнымъ по-персидски, имѣть не меньше 30 и не больше 70 лѣтъ отъ роду, не состоять на государственной службѣ, «быть свѣдущимъ въ дѣлахъ страны» и т. п. Выборщики не должны непременно выбирать изъ своего сословія. Для надзора за выборами существуютъ въ каждой мѣстности коммиссія, состоящая изъ «извѣстныхъ лицъ всѣхъ шести категорій выборщиковъ». Продолжительность полномочій избранниковъ народа два года. «Безъ разрѣшенія собранія ни одного изъ членовъ его не могутъ ни подъ какимъ предлогомъ схватить и арестовать, развѣ что онъ совершитъ преступленіе или измѣну явнымъ образомъ». Выборы должны производиться баллотировкою, по абсолютному и относительному большинству, а въ случаѣ равенства голосовъ по жребію. День выборовъ — пятница (мусульманское воскресенье). Столовое содержаніе и жалованье членовъ собранія опредѣляются самимъ собраніемъ. Вотъ главнѣйшія изъ тридцати трехъ статей «положенія», полный переводъ котораго даетъ г. М. А. *)

Оставалось приступить къ выборамъ, при чемъ «положеніе» настаивало на возможно скорѣйшемъ избраніи депутатовъ отъ Тегерана, которые, въ виду продолжительности времени, требующагося по мѣстнымъ условіямъ (дальности разстоянія при отсутствіи хорошихъ путей сообщеній **) для появленія въ столицѣ областныхъ

*) „Посл. пол. движ.“, I, стр. 66 — 73.

**) До сихъ поръ въ Персіи существуетъ лишь коротенькая (13 кил.) линия желѣзныхъ дорогъ между Тегераномъ и уже извѣстнымъ намъ мѣстечкомъ Шахъ-Абдулла-Азимомъ, двѣ доступныя для повозокъ обыкновенныя дороги изъ Тегерана въ Кумъ и изъ Тегерана въ Рештъ, одна проведенная русскими пробѣгая же дорога отъ Табриза до Джульфи и проводимая англичанами дорога изъ Кума въ Испагань; остальные пути сообщенія — ни больше, ни меньше, какъ караванныя дороги.

депутатовъ, должны были немедленно же образовать собраніе и открыть его засѣданія, не дожидаясь прибытія провинціальныхъ товарищей.

Среди націи, только что одержавшей побѣду надъ правительствомъ, распространялся своеобразный «манифестъ», въ которомъ отъ имени народа высказывалась благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ введенію конституціи (шаху, министрамъ, вожакамъ движенія, даже «есаулу Хабаеву», помощнику начальника персидской казачьей бригады, инструкторомъ которой являются русскіе офицеры, за то, что онъ, «не смотря на безумныя приказанія сумасшедшаго русскаго начальника, приказалъ своимъ подчиненнымъ остерегаться убійствъ и кровопролитія»), а противникамъ освободительнаго движенія, особенно «полку фераханскому», расточаются проклятія.

Тѣмъ временемъ происходили выборы, и прежде всего въ Тегеранѣ, гдѣ число депутатовъ было увеличено съ 32 до 58. Нѣкоторые изъ «принцевъ и кадजारовъ» рѣшили бойкотировать выборы, чтобы тѣмъ протестовать противъ введенія конституціи. Отъ этой категоріи было тѣмъ не менѣе выбрано 4 депутата. Духовенство послало тоже 4 депутата, «потомственные купцы» — 10, «аристократы, ханы», помѣщики столицы и окрестностей—11; остальные слагались изъ представителей различныхъ городскихъ промысловъ и ремеслъ, нѣкоторые изъ коихъ отличаются значительнымъ «мѣстнымъ колоритомъ». Таковы, напр., «мастера занавѣсей», «мастера свѣчей и мыла», «продавцы кушаній: пилоу, чилоу, кебабъ», «банщики», «водоносы» и т. п. Оппозиціонные органы отмѣтили въ довольно туманныхъ выраженіяхъ тотъ фактъ, что армяне и евреи были вынуждены передать свои голоса духовенству.

Заходя нѣсколько впередъ событій, скажемъ по этому поводу, что до сихъ поръ характеръ персидской конституціи не выясненъ и служитъ предметомъ споровъ между сторонниками чисто свѣтской конституціонной хартіи и сторонниками хартіи духовной. Повидимому, въ ней нѣтъ прямого запрещенія выборовъ для лицъ немусульманскаго вѣроисповѣданія. И однако въ послѣднее время въ стѣнахъ самого парламента раздаются голоса, требующіе измѣненія религіознаго характера конституціи. Съ другой стороны, если армяны и евреевъ «честью просятъ» подавать ихъ голоса за правобѣрное духовенство, то огнепоклонникамъ (гебрамъ, или парсамъ) изъ Езда удалось провести своего депутата, по имени Арбаба-Джемшида,—какъ сообщилъ мнѣ мой свобододолюбивый собесѣдникъ...

Вернемся, впрочемъ, назадъ, чтобы излагать послѣднія событія въ Иранѣ по порядку. Открытіе меджлиса,—съ одними тегеранскими депутатами, такъ какъ провинціальныя выборы затянулись благодаря давленію хакимовъ, ненавидящихъ новый строй,—имѣло мѣсто 26-го сентября. При этомъ была прочитана тегеранскимъ губернаторомъ довольно банальная привѣтственная рѣчь шаха, по

болѣзни не могшаго открыть самолично собранія. И слушатели невольно припоминали двѣ другія гораздо болѣе интересныя рѣчи шаха, произнесенныя имъ незадолго до открытія меджлиса, рѣчи, въ которыхъ монархъ признавалъ, что современной Персіей нельзя управлять на манеръ Кира, и дѣлалъ очень любопытное заявленіе, что онъ, собственно говоря, уже давно подумывалъ о реформахъ, сообщалъ даже планы государственнаго преобразованія своимъ министрамъ, особенно же внушавшему ему довѣріе великому визирю Эману-эс-Салтане и его преемнику Эйн-эд-Довле. Но какъ тотъ, такъ и другой все время откладывали эти планы въ долгій ящикъ, указывая «на желѣзныя препятствія» этимъ «великимъ намѣреніямъ». Всѣ поняли, что этими желѣзными препятствіями оказывались нежеланіе министровъ разстаться съ своей безграничной и безконтрольной властью и вполне естественная съ ихъ стороны боязнь иныхъ, новыхъ порядковъ. Такимъ образомъ оказывалось, что «царь царей», который могъ посадить на колъ, разрѣзать на куски, сжечь медленнымъ огнемъ любого перса, не имѣлъ силы преодолѣть сопротивленіе великаго визира. Поучительный «предметный урокъ» для любителей единоличной «сильной» власти!..

Работы открытаго меджлиса, начавшаго съ жаромъ свою дѣятельность, скоро приняли оживленный характеръ, но были временно отклонены отъ своего правильнаго русла вслѣдствіе тревоженій, возникшихъ на почвѣ болѣзни стараго шаха, его смерти и вступленія на престолъ новаго шаха, Мухаммеда-Али, который пользовался симпатіями русскаго правительства, но былъ нелюбимъ персидскимъ населеніемъ за его реакціонныя тенденціи. Какъ только наслѣдникъ престола прибылъ (4-го декабря) къ изголовью серьезно больного отца, онъ сейчасъ же началъ интриги съ цѣлью вернуть назадъ сдѣланныя народу уступки, и парламентъ и населеніе пришли въ крайнее возбужденіе. Умирающему шаху на слѣдующій же день (5-го декабря) пришлось письмомъ къ председателю меджлиса успокаивать снова на революціонизированные умы. Въ письмѣ дѣлалось торжественное заявленіе, что реформы будутъ сохраняться и по смерти даровавшаго ихъ монарха. Съ своей стороны, наслѣдникъ не особенно охотно соглашался на эту тактику примиренія, всего нѣсколько дней спустя требуя измѣнить выработанный къ тому времени меджлисомъ проектъ конституціи и, между прочимъ, учредить «второй меджлисъ» подъ названіемъ Сената. Въ результатъ компромисса между наслѣдникомъ и парламентомъ, опирающимся на народъ, былъ выработанъ новый проектъ, подписанный старымъ шахомъ и его наслѣдникомъ 19-го декабря. Это такъ называемая въ западно-европейскихъ источникахъ «конституція 1-го января (н. с.) 1907 г.». Согласно новой конституціи, учреждался сенатъ изъ 60 членовъ, 30 по назначенію шаха и 30 по выбору меджлиса. За то «уставъ національнаго собранія и Сената», продолжая употреблять эпитеты, могущіе переводиться

Январь. Отдѣлъ II.

на европейскіе языки терминомъ «совѣщательный», уже прямо говорить о «рѣшеніи» меджлисомъ «дѣлъ финансовыхъ», о «регулярованіи имъ бюджета», объ «установленіи и отмѣнѣ налоговъ», объ «утверженіи государственныхъ займовъ, трактатовъ и конвенцій», о «выдачѣ привилегій и монополій» *). Министры становились отвѣтственными передъ парламентомъ.

Старый шахъ умеръ 26-го декабря и новый вступилъ на престолъ, а короновался 6-го января. Меджлисъ снова принялся сейчасъ же за работу и фактически превратился въ настоящее учредительное собраніе. Ему давалъ на это право и новый «уставъ», гдѣ, какъ мы видѣли только что, признавалась не только законосовѣщательная, но и законодательная (наравнѣ съ шахомъ) роль парламента. Но еще болѣе давало на это право ему само положеніе вещей, характеризовавшееся полнымъ разложеніемъ старой правительственной машины, а вмѣстѣ замѣчательнымъ расцвѣтомъ народной самостоятельности. Повсюду въ странѣ образовались *энджумэны*, или политическіе союзы, напоминавшіе клубы временъ первой французской революціи. Пресса сдѣлалась могучей выразительницей общественнаго мнѣнія и получила такое распространеніе, что, напр., въ одномъ Тегеранѣ теперь газетъ насчитывается до 70 (!). Меджлисъ, опираясь на сочувствіе массъ, принималъ характеръ всемогущаго конвента. Такъ, хотя «уставъ» предусматриваетъ учрежденіе сената, до сихъ поръ не было приступлено къ его организаціи. Такъ, хотя шахъ имѣетъ право (временно) приостанавливать проведеніе закона при помощи veto и право распускать собраніе, эти прерогативы власти, какъ условлено между обѣими сторонами, не будутъ прилагаться къ первому меджлису. Національное собраніе успѣло вынудить у власти отставку бельгійскихъ таможенныхъ чиновниковъ, жестоко ненавидимыхъ народомъ. Оно успѣло также, начиная съ февраля 1907 г., добиться удаленія могущественныхъ мѣстныхъ тирановъ въ родѣ генераль-губернатора Хорасана, Асафа-эд-Довлэ *).

Что касается до его собственно законодательной дѣятельности, то меджлисъ успѣлъ выработать съ полдюжины очень важныхъ законовъ. Такъ, онъ выработалъ законъ объ организаціи провинціальныхъ и муниципальных совѣтовъ, которые получаютъ права соответствующихъ французскихъ учреждений (*conseils généraux, conseils d'arrondissement* и т. д.), но временно, въ настоящій боевой моментъ, не подчинены контролю мѣстныхъ представителей центральной власти, а, наоборотъ, наблюдаютъ за неправильными дѣйствіями губернаторовъ. Такъ, онъ установилъ свободу печати, ограниченную запрещеніемъ оскорблять шаха, подстрекать къ низверженію конститу-

*) См. текстъ въ „Посл. перс. соб.“, II, стр. 82—93.

**) См. довольно любопытную статейку „The Reform Movement in Persia“ въ номерѣ отъ 6-го сентября 1907 г. „The Times. Weekly Edition“.

ціоннаго строя и—деталь, носящая «мѣстный колоритъ»—говорить неуважительно о шітской религіи и прославлять въ ущербъ ей другія религіи. Меджлисъ выработалъ законъ о реорганизаціи каждаго министерства на новыхъ началахъ. Наконецъ, меджлисъ свелъ безъ дефіцита первый правильный бюджетъ иранской монархіи, финансовый годъ которой будетъ начинаться съ персидскаго новаго года (*науруза*), по нашему 9—22 марта 1908 г.

Именно эта реформа вызвала послѣднее столкновение между сторонниками конституціоннаго строя и защитниками стараго порядка, столкновение, подробности котораго заполняли столбцы нашихъ и заграничныхъ газетъ въ первой половинѣ декабря и которое мы изобразимъ, конечно, лишь въ главныхъ чертахъ, знакомя читателей только съ общимъ смысломъ его. Когда меджлисъ опредѣлилъ цивильный листъ шаха въ 1 миліонъ рублей и 100.000 пудовъ на половину пшеницы и на половину ячменя, равно какъ 100.000 пудовъ соломы, и соответственно съ этимъ уменьшилъ доходы всякихъ придворныхъ туеядцевъ, высшихъ и низшихъ, равно какъ назначилъ болѣе скромное содержаніе министрамъ, губернаторамъ и различнымъ агентамъ власти, въ рядахъ всей реакціонной клики, питавшейся до сихъ поръ «жирными говядями»,—въ статьѣ мы видѣли размѣры ихъ,—раздался крикъ ужаса и негодованія. Вокругъ шаха, который и самъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружелюбно, относится къ новымъ порядкамъ, даже когда они прямо не бьютъ его по карману, моментально образовалась сильная группа сторонниковъ *суп д'ѣтат*. И сдѣлана была, дѣйствительно, попытка низвергнуть только что налаживающійся новый порядокъ.

Подъ предлогомъ шумныхъ патріотическихъ—противъ Турціи—манifestацій и уличныхъ столкновеній между націоналистами (революціонерами) и персидской черной сотней въ лицѣ придворныхъ конюховъ, погонщиковъ, реакціонныхъ муллъ и подстрекаемыхъ ими отбросовъ населенія, шахъ представилъ меджлису ультиматумъ, которымъ онъ отказываетъ Собранію въ правѣ назначать министровъ, требуетъ закрытія всѣхъ клубовъ и обществъ и т. д. Меджлисъ, понимая, что дѣло идетъ о подрывѣ его вліянія въ странѣ, поддерживающей парламентъ при помощи энджуменовъ и т. п. органовъ проявленія коллективной воли націи, отвергъ предложеніе и былъ обстрѣлянъ гвардейцами, находящимися подъ командой эмира Богадура, который въ свою очередь выполнялъ реакціонный планъ главнаго инициатора этого заговора, Саада-эд-Довла. Либеральный кабинетъ, сформированный 12-го октября прошлаго года и имѣющій своимъ премьеромъ министра Насра-эль-Мулька, принужденъ былъ подать въ отставку. Шахъ приказалъ арестовать какъ премьера, такъ и двухъ братьевъ предсѣдателя парламента и еще кой-какихъ выдающихся политическихъ дѣятелей. Но революціонеры подняли сильную агитацію, двинули впередъ массы на защиту меджлиса,

потребовали освобожденія арестованныхъ и возвращенія къ власти ушедшаго кабинета.

Пришла въ сильное броженіе и провинція, особенно Табризь и вообще весь Азербейджанъ. Слабость военной организаціи и сочувствіе низшихъ чиновъ новымъ порядкамъ, при которыхъ, какъ надѣются солдаты, ихъ жалованье не будетъ перехватываться по дорогѣ начальствомъ, были какъ нельзя болѣе на руку народу. Такъ, если гвардія двинулась въ столицѣ противъ меджлиса, то казачья бригада отказалась стрѣлять по народу. Coup d'état не удался. Наступилъ моментъ столь популярнаго въ Персіи «эслаха», или компромисса, заключившаго двухнедѣльную борьбу двухъ сторонъ (съ 2-го по 16 декабря). Шахъ возвратилъ свободу премьеру, который былъ кавалеромъ англійскаго ордена и получилъ поддержку со стороны англійскаго уполномоченнаго. Насръ эль-Мулькъ удалился однако въ Европу. Былъ восстановленъ отчасти старый либеральный кабинетъ, но уже съ Низамомъ-эс-Салтанэ во главѣ, который считается скорѣе консерваторомъ, чѣмъ либераломъ, хотя, по увѣренію знающихъ дѣло демократовъ-персовъ, будетъ держаться въ общемъ корректно, такъ какъ достаточно уменъ, чтобы понять, что съ меджлисомъ, опирающимся на народъ, шутки плохи. Душа же анти-конституціоннаго заговора, Саадъ-эд-Довла, долженъ былъ обратиться во временное добровольное изгнаніе. И шахъ снова,—уже не въ первый разъ,—покаялся на коранѣ, что будетъ вѣренъ конституціи.

Смыслъ затѣвавагося переворота, конечно, ясенъ. Когда мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ Персіи считается, по крайней мѣрѣ, полмилліона лицъ, живущихъ окладами, пенсіями и т. п. воспособленіями казны; когда мы припомнимъ, что въ непосредственной близости отъ дворца и высшей администраціи ютится и кормится, по крайней мѣрѣ, 2.000 паразитовъ; когда, наконецъ, мы представимъ себѣ ясно размѣры и напряженность общей борьбы интересовъ, которая возникаетъ на почвѣ экономической эксплуатаціи и политическаго гнета между старой и молодой Персіей, между пробудившимся народомъ и архаической администраціей, то мы безъ труда поймемъ, что битва между революціей и реакціей далеко еще не кончена въ Иранѣ.

Мы старались, по мѣрѣ силъ и возможности, объяснить читателю матеріальную и духовную среду Персіи, обуславливавшую возникновеніе освободительнаго движенія въ этой, казалось, навѣки заснувшей странѣ. Мы въ общихъ чертахъ обрисовали первые шаги великой иранской революціи. И по мѣрѣ того, какъ событія будутъ развертываться, мы постараемся отъ времени до времени знакомить нашихъ читателей съ судьбами персидскаго движенія, въ которомъ выражается еще лишній разъ колоссальный процессъ демократизаціи политическихъ учреждений, который охватилъ теперь всѣ страны міра.

Въ частности намъ придется обратить вниманіе на новый все рѣзче и рѣзче обозначающійся фазисъ иранской революціи, фазисъ, который характеризуется усиленіемъ чисто свѣтскаго и демократическаго элемента, тогда какъ все большая и большая часть духовенства и крупная буржуазія уже обнаруживаютъ консервативныя и даже прямо реакціонныя тенденціи. Къ сожалѣнію, находящіеся въ данный моментъ въ нашихъ рукахъ документы, свидѣтельствующіе объ этомъ интересномъ усложненіи освободительнаго движенія въ Персіи, слишкомъ еще отрывочны и неполны, чтобы мы теперь же могли вополнѣ опредѣленно схватить на основаніи ихъ главнѣйшія черты этой политической эволюціи. Но дальнѣйшіе факты, повидимому, не заставятъ себя долго ждать...

Н. Е. Кудринъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Ликвідація второй Думы.—Ликвідація первой Думы.—Ликвідація смуты.—II. Тяготѣніе къ трагическимъ развязкамъ.—Дѣло объ убійствѣ генерала Полковникова. Строгость безъ милости.—III. Цѣны на хлѣбъ и закупки интендантства.—Храбрость побѣдителей.—IV. Торжествующій побѣдитель.—Все можно.—По наклонной плоскости.—Тревожныя ноты.

...«Наконецъ, свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Государственной Думы противъ государства и царской власти. Когда же правительство потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ 55 членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Государственная Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допуская никакого отлагательства»...

Таковъ ближайшій поводъ къ роспуску второй Думы. Какъ извѣстно, юридическая основательность обвиненія 55 членовъ социаль-демократической фракціи «въ военномъ заговорѣ» оспаривалась. Доказательное значеніе уликъ, собранныхъ судебнымъ слѣдователемъ г. Зайцевымъ и прокуроромъ г. Камышанскимъ, юристамъ второй Думы представлялось весьма сомнительнымъ. Думская комиссія, на разсмотрѣніе которой поступили эти «улики», не нашла достаточно формальныхъ основаній, чтобы «немедленно исполнить требованіе властей». И вопросъ о томъ, обосновано ли было юридически обвиненіе, послужившее ближайшимъ поводомъ къ роспуску второй Думы, или не обосновано, оставался открытымъ. По существу онъ и до сихъ поръ остается открытымъ. Но соблюдены

формальности, чтобы считать этот спор ликвидированнымъ. 12 декабря 1907 г. «объявленъ въ окончательной формѣ» приговоръ по «дѣлу социаль-демократической фракціи второй Государственной Думы»: особое присутствіе правительствующаго сената признало «заговоръ противъ государства и царской власти» доказаннымъ и приговорило 26 лицъ къ каторжнымъ работамъ, 12 къ ссылкѣ на поселеніе. Правда, 17 депутатовъ, подлежащихъ суду того же особаго присутствія, не разысканы. И «дѣло о заговорѣ» относительно ихъ «выдѣлено въ особое производство». Но это бы пустяки: каково бы ни было рѣшеніе о 17 неразысканныхъ, наличность «заговора» уже признана. Пустяки бы и нѣкоторое противорѣчіе между тѣмъ, что было объявлено 3 июня и правительственнымъ сообщеніемъ 2 декабря о судѣ. 3 июня говорилось, что «заговоръ раскрытъ судебною властью». По словамъ же правительственнаго сообщенія 2 декабря, «раскрытіе заговора» совершено агентами охраннаго отдѣленія. Но разъ особое присутствіе сената, какъ утверждаютъ авторы правительственнаго сообщенія, вынесло приговоръ «по тщательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла», то что же «стязаться о словеси». Кто бы ни раскрылъ, а фактъ остается фактомъ: социаль-демократы «заговоръ противъ государства» устроили.

Но «по тщательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла»... правительство въ своемъ сообщеніи выдало эту лестную аттестацію особому присутствію сената. Однако, на чемъ она основана, не извѣстно. О характерѣ судебного слѣдствія изъ того же правительственнаго сообщенія извѣстно только, что 22 ноября, едва особое присутствіе открыло свои засѣданія, всѣ подсудимые и всѣ защитники сочли невозможнымъ оставаться въ залѣ суда и ушли. Почему это случилось, — правительственное сообщеніе умалчиваетъ. Съ 23 ноября сочли возможнымъ для себя присутствовать на судѣ только семеро. Остальные же подсудимые, хотя и «оповѣщались черезъ приставовъ (о ходѣ процесса и возможности для каждого изъ нихъ вернуться въ залъ засѣданія) во всѣ дни засѣданій ранѣе ихъ открытія и послѣ допроса свидѣтелей», но «вернуться не пожелали». Причины также умалчиваются. Умалчивается даже, кто именно изъ 49 подсудимыхъ счелъ возможнымъ присутствовать; принадлежать ли семеро, пожелавшихъ «вернуться», къ числу оправданныхъ или къ числу обвиненныхъ? Несомнѣнно лишь, что судъ былъ не только тайный (при закрытыхъ дверяхъ), но и заочный. И почему авторы правительственнаго сообщенія пришли къ выводу, что особое присутствіе сената, тѣмъ не менѣе, «тщательно и всесторонне разсмотрѣло всѣ обстоятельства дѣла», — мы не знаемъ.

Оспаривать эту аттестацію, выданную суду, незачѣмъ. Да и какъ оспаривать выводъ, неизвѣстно на чемъ основанный? Остается лишь принять къ свѣдѣнію самый фактъ, что такую аттестацію счи-

тается нужнымъ выдавать. Но, сколько помнится, до сихъ поръ въ правительственныхъ сообщеніяхъ предполагалось несомнѣннымъ, что всякій російскій судъ, а тѣмъ паче судъ высшей инстанціи постановляетъ приговоры не иначе, какъ «по тщательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ». Это разумѣлось само собою. Никакого другого порядка въ «благоустроенномъ государствѣ», вѣдь, и не допускается. И специальныя увѣренія правительства по поводу приговора сената: «се судъ, а не исполнитель предначертаній», вовсе не звучатъ уваженіемъ «власти исполнительной къ власти судебной». А затѣмъ, разъ авторы правительственнаго сообщенія правомочны объявлять, что въ данномъ случаѣ особое присутствіе «тщательно и всесторонне разсмотрѣно всѣ обстоятельства», то, очевидно, они правомочны объявлять и обратное. Иначе говоря, правительство сообщило о судѣ надъ социаль-демократической фракціей второй Думы въ такихъ выраженіяхъ, какія умѣстны лишь въ томъ случаѣ, если особое присутствіе сената есть органъ, подчиненный совѣту министровъ. Ликвидируя споры о ближайшемъ поводѣ къ роспуску второй Думы, мы какъ-то незамѣтно подошли къ официальному объявленію о ликвидации былыхъ иллюзій относительно «независимаго суда». Шило, давно уже торчавшее изъ мѣшка, вдругъ официально высунуто наружу. И, повидимому, совершили это авторы правительственнаго сообщенія не столько съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, сколько по неосторожности.

Во всякомъ случаѣ сообщеніе получило довольно неожиданный и крайне демонстративный смыслъ:

— Совѣтъ министровъ былъ недоволенъ Думою. Одинъ органъ, подчиненный ему,—департаментъ полиціи—«раскрылъ» поводъ къ роспуску. Другой, также подчиненный,—особое присутствіе сената—завершилъ дѣлопроизводство.

Того же 12 декабря, когда былъ объявленъ въ окончательной формѣ приговоръ «завершающаго органа» социаль-демократамъ второй Думы, начался процессъ 169 депутатовъ первой Думы. О немъ слои населенія, обычно называемые «обществомъ», были лучше освѣдомлены. Въ цензурномъ отношеніи онъ доступнѣе. Общественное положеніе «169 обвиняемыхъ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи» не то, что общественное положеніе «49 обвиняемыхъ по дѣлу о заговорѣ». «Судъ надъ второю Думою» сопровождался забастовкою, но впечатлѣніе, произведенное имъ на массы, пока не поддается учету. «Судъ надъ первою Думою» ознаменовался по преимуществу газетнымъ шумомъ, но кое-какіе слѣды его уже зарегистрированы.

«Выборгскій процессъ» могъ быть интересенъ разными сторонами. На его почвѣ могъ подняться старый споръ о «выборгскомъ воззваніи», какъ тактическомъ средствѣ. Но обстановка особаго присутствія петербургской судебной палаты всего меньше располагала къ спорамъ на эту тему. Могла быть, пожалуй, интересна

чисто юридическая сторона дѣла. Но вслѣдъ за правительственнымъ сообщеніемъ о судѣ «надъ второй Думой», официально подчеркнутымъ положеніе вещей, и безъ того очевидное, къ юридическимъ спорамъ врядъ-ли могло у кого-либо лежать сердце. Оставался просто судъ одного изъ органовъ правительственной власти надъ первой Думой. Но если онъ и былъ интересенъ, то развѣ какъ послѣдній судъ. Первый, по словамъ Л. З. Слонимскаго («Вѣстникъ Европы», январь 1907 г.), происходилъ ранней весной 1906 г., заочно, до появленія подсудимой въ Петербургѣ. Тогда было рѣшено, какъ говорить г. Слонимскій, распустить Думу, если она выскажется за принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель. Этотъ приговоръ былъ предложенъ г. Горемыкинымъ. И къ г. Горемыкину же передъ самымъ открытіемъ первой Думы перешли бразды предсѣдателя совѣта министровъ. Затѣмъ, едва она собралась, надъ нею состоялся второй заочный судъ. И приговоръ былъ объявленъ въ окончательной формѣ С. А. Муромцеву, какъ *conditio sine qua non*:

«Въ день открытія Думы,—заявилъ г. Муромцевъ на судѣ—27 апрѣля, глава министерства бесѣдовалъ со мной о томъ, что въ Петербургѣ не привыкли работать лѣтомъ и что всѣ нуждаются въ отдыхѣ, нужно поскорѣе развѣжаться по домамъ и Дума сдѣлаетъ хорошо, если ограничится 10—11 засѣданіями въ маѣ и отложить всю серьезную работу до осени ¹⁾».

«Не только по совокупности вынесенныхъ изъ личныхъ сношеній впечатлѣній, но и изъ прямого смысла сдѣланныхъ (главою министерства) заявленій было ясно, что министерство тяготеетъ учрежденіемъ Думы, какъ постороннимъ привѣскомъ къ правительственному механизму, что дѣла Думы оно противопоставляетъ «своимъ» дѣламъ... Оно (министерство) съ первыхъ же дней существованія Думы выражало г. Муромцеву постоянное желаніе, чтобы Дума разошлась поскорѣе, по крайней мѣрѣ на лѣтній отдыхъ... Было даже сдѣлано заманчивое предложеніе --- сохранить за депутатами суточное довольствіе на все время лѣтняго перерыва занятій» ²⁾.

Первая Дума не подчинилась этому приговору. И въ наказаніе была подвергнута своеобразному бойкоту:

— «Мы (депутаты)—жаловались на судѣ И. И. Петрункевичу, ждали отъ правительства законопроектовъ, но... пришли въ пустое мѣсто. Правительство отстранилось отъ Государственной Думы и предоставило ей заниматься, чѣмъ угодно, сочинять законы, въ обсужденіе которыхъ министерство не желало вступать... Мы принуждены были прибѣгать къ различнаго рода фикціямъ, чтобы заполнить въ первый мѣсяцъ наше время».

¹⁾ «Нов. Вр.», 18, XII, 1907.

²⁾ «Рѣчь», 18, XII, 1907.

Г. Горемыкинъ, если вѣрить газетамъ, назвалъ депутатовъ первой Думы «висѣльниками». Съ той поры приговоръ правительственныхъ органовъ получилъ, такъ сказать, право гражданства. Этотъ приговоръ хорошо иллюстрируется, между прочимъ, анекдотомъ о бывшемъ депутатѣ отъ Донской области свящ. Аванасевѣ. Когда онъ обратился къ подлежащему начальству съ просьбой выдать свидѣтельство о благонадежности «на предметъ поступления въ университетъ», его спросили:

— А кто вы?

— Членъ первой Думы...

— Что?! Членъ первой Думы!.. Да вамъ мѣсто въ Сибиря, а не въ университетѣ!.. Въ Сибиря!..

Званіе депутата перваго призыва фактически уже объявлено преступнымъ. Оставалось лишь неяснымъ, чѣмъ, собственно, отягчить эту ношу особое присутствіе петербургской судебной палаты? Съ какою, собственно, политической цѣлью ставится этотъ процессъ, и при томъ ставится публично, при открытыхъ дверяхъ? По объясненію «Новаго Времени», процессъ долженъ былъ показать «полную политическую незрѣлость депутатовъ первой Думы, не исключая и самого ея ученаго предсѣдателя»¹⁾. Характерно, между прочимъ, что этотъ выводъ «о полной политической незрѣлости» какъ бы предрѣшался оффиціозной и полуоффиціозной печатью. Въ «Новомъ Времени» были даже опубликованы до начала суда уклончивые отвѣты семерыхъ обвиняемыхъ на допросъ у судебного слѣдователя²⁾. («Подписалъ» выборгское воззваніе, «не читая», «не отдавая себѣ отчета», «находясь въ состояніи сильнаго душевнаго волненія», etc.). Повидимому, большая надежда возлагалась именно на эти несвоевременно опубликованныя данныя предварительнаго слѣдствія. Быть можетъ, предполагалось, что, по крайней мѣрѣ, часть обвиняемыхъ въ составленіи и распространеніи выборгскаго воззванія станетъ и на судѣ увилывать, оправдываться. Быть можетъ, моральное впечатлѣніе отъ такого образа дѣйствій заранѣе учитывалось. Недаромъ «Новое Время», комментируя уклончивыя показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ на предварительномъ слѣдствіи, называло судъ надъ 169 депутатами «ликвидацией смуты». Не ликвидацией первой Думы, а именно ликвидацией «смуты», всего «революціоннаго броженія», всего «вліянія» «тайныхъ революціонеровъ» на «безсознательное стадо» обывателей. Надежда преувеличенно-комическая, даже въ томъ случаѣ, еслибы обвиняемые избрали тактику заперательства. Но если былъ расчетъ на эту тактику, то онъ не оправдался.

Особое присутствіе палаты очутилось лицо къ лицу со скопищемъ обвиняемыхъ, объединенныхъ вполне опредѣленнымъ чув-

¹⁾ «Новое Время», 12, XII, 1907.

²⁾ См. № отъ 12 декабря.

ствомъ къ правительству. А это скопище оказалось не изолированнымъ, не отчужденнымъ отъ страны. Съ государственными преступниками, съ «висѣльниками», коимъ «мѣсто въ Сибири», въ самомъ зданіи судебной палаты дружески бесѣдовали члены государственнаго совѣта; къ нимъ съ привѣтомъ обратилась часть третьей Думы; они оказались богаты сочувствіемъ широкихъ слоевъ населенія. Въ теченіе семи дней процесса суду пришлось быть безпомощнымъ самовидцемъ собственнаго отчужденія отъ чего-то большого, что отражалось, какъ голосъ страны, и безмолвно мириться съ явнымъ осужденіемъ того дѣла, которое ему поручено творить. Въ залѣ судебного засѣданія создавалась атмосфера, унижительная, морально невыносимая для суда. И психологически вполне понятенъ тотъ выводъ, который былъ формулированъ вслѣдъ за процессомъ членомъ Государственнаго Совѣта г. Вик. И. Карповымъ на екатеринославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Г. Карповъ предложилъ ходатайствовать объ установленіи такихъ процессуальныхъ формальностей, которыя были бы оскорбительны и унижительны для подсудимыхъ, дабы населеніе не смотрѣло «на государственныхъ преступниковъ, какъ на героев». Что собственно предлагаетъ г. Карповъ,—давать ли подсудимымъ пощечины, или ставить ихъ на колѣни,—пока неизвѣстно. Но возбужденіе вопроса объ «унижительныхъ формальностяхъ» вслѣдъ за выборгскимъ процессомъ, повторяю, психологически вполне понятно. Остается лишь непонятнымъ, ради какой собственно политической цѣли ставился этотъ процессъ? Неужели только для «закономѣрной» ликвидаціи избирательныхъ правъ 166 депутатовъ перваго призыва, приговоренныхъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію?

Но «закономѣрное» лишеніе избирательныхъ правъ... Не будемъ рѣшать, насколько это важно для правительства, если оно надѣется на долговременное существованіе избирательнаго закона 3 іюня. Что же касается вообще мѣръ правительственнаго воздѣйствія—и въ частности, фактическаго лишенія избирательныхъ правъ, то мы уже привыкли, чтобы этотъ результатъ достигался средствами домашними и, во всякомъ случаѣ, не столь громоздкими, какъ процессъ 169 съ иностранными корреспондентами и прочими неудобствами.

«Распоряженіемъ бѣлостокскаго генералъ-губернатора 38 рабочихъ за предвыборную агитацію (во время выборовъ въ третью Думу) высланы въ Оренбургскую губернію на все время военнаго положенія; большинство высланныхъ семейные; ночью они были разбужены и, избитые стражниками, препровождены въ бѣлостокскую тюрьму, откуда отправлены далѣе этапомъ»¹⁾.

Въ Елисаветградѣ, «по распоряженію херсонскаго губернатора,

¹⁾ «Рѣчь», 31, X, 1907.

рабочій Сидоренко, бывший уполномоченнымъ на выборахъ во вторую и третью Думу, высылается изъ предѣловъ губерніи на все время чрезвычайной охраны» ¹⁾).

Въ Смѣлѣ, Кіевской губ., «обысканы выборщики отъ рабочихъ» (въ третью Думу) ²⁾).

«Въ Черниговской губ. усилились высылки, особенно прогрессивныхъ выборщиковъ; всѣ тюрьмы губерніи переполнены политическими, большинство которыхъ крестьяне» ³⁾).

«Канцелярія оберъ-прокурора святѣйшаго синода препроводила уфимскому архіерею слѣдующее предложеніе: «Изъ письма г. уфимскаго губернатора о результатахъ выборовъ въ уфимскомъ губернскомъ собраніи въ семь 1907 г. видно, что священники К. и Б., принадлежащіе къ лѣвымъ партіямъ, на выборахъ въ Государственную Думу не только отдали свои голоса революціонерамъ, но и агитировали вмѣстѣ съ ними, результатомъ чего была передача половины депутатскихъ мѣстъ инородцамъ. Объ изложенномъ долгомъ поставляю сообщить вашему преосвященству для свѣдѣнія, шокорнѣйше прося васъ о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ» ⁴⁾).

«Директоромъ елизаветпольской гимназіи получено предложеніе изъ учебнаго округа войти съ ходатайствомъ объ увольненіи учителя Коляга, какъ заподозрѣннаго въ подачѣ голоса за социал-демократовъ, въ качествѣ выборщика по русской куріи» ⁵⁾).

«Бывшій членъ Государственной Думы отъ забайкальскаго казачьяго войска Таскинъ и баллотировавшійся въ депутаты 2-й Думы Эповъ, административнымъ порядкомъ высылаются» ⁶⁾).

Депутатъ Бриллиантовъ этапнымъ порядкомъ высланъ изъ Томска.

«Депутатъ второй Думы (отъ Подольской губ.) Семеновъ, административно сосланный въ Вологодскую губ., отправленъ по этапу въ г. Никольскъ; въ назначеніи врачебной комиссіи, о которой Семеновъ просилъ съ цѣлью остаться по болѣзни въ Вологдѣ, ему отказано» ⁷⁾).

«Въ м. Екатеринополь, Кіевск. губ., въ домѣ бывшаго члена 2-й Государственной Думы Военнаго полиція произвела обыскъ; ничего противозаконнаго, а равно и самого депутата, который, вмѣстѣ съ другимъ бывшимъ депутатомъ Семеномъ Нечитайломъ, скрывается съ самаго роспуска 2-й Думы, при обыскѣ не найдено; семейства Военнаго и Нечитайла уже свыклись съ частыми обысками.

¹⁾ «Рѣчь», 22, XI, 1907.

²⁾ «Кіев. Вѣст.», 1, XI, 1907.

³⁾ «Рѣчь», 4, XI, 1907.

⁴⁾ «Рѣчь», 4, XII, 1907.

⁵⁾ «Рѣчь», 31, X, 1907.

⁶⁾ «Кіев. Вѣсти», 26, XI, 1907.

⁷⁾ «Рѣчь», 30, XI, 1907.

но на жену и старшую дочь Нечитайла всё эти постоянныя тревоги такъ подѣйствовали, что объ онѣ теперь серьезно заболѣли¹⁾).

Я беру первыя попавшіяся подъ руку газетныя свѣдѣнія. И можно бы приводить ихъ безъ конца. Можно бы напомнить не только административныя кары за подачу голоса на выборахъ и за крамольный образъ дѣйствій при исполненіи депутатскихъ обязанностей. 166 членовъ первой Думы осуждены къ трехмѣсячному тюремному заключенію за подпись подъ Выборгскимъ воззваніемъ. А депутатъ той же Думы, Френкель, приговоренъ въ Умани къ двухгодичному заключенію въ крѣпость за «распространеніе» брошюры, авторъ которой оправданъ петербургскою судебною палатою, при чемъ г. Френкель «распространялъ» брошюру раньше, нежели на нее наложенъ арестъ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ.

Г. Маклаковъ въ своей защитительной рѣчи, между прочимъ, поставилъ въ упоръ вопросъ: на какомъ основаніи дѣло о Выборгскомъ воззваніи разбирается не въ тѣхъ провинціальныхъ судебныхъ округахъ, гдѣ обнаружено «распространеніе этого воззванія», а въ Петербургѣ? «Основанія» на лицо не оказалось. Т. е. прокуратура не запаслась заблаговременно бумагой, которая дѣлала бы формально неуязвимою данную подсудность. Дѣло, разумѣется, не въ формальностяхъ. Важно, что имѣлась полная возможность разбить процессъ на рядъ сравнительно мелкихъ и не очень замѣтныхъ «провинціальныхъ производствъ». Съ какой же стати было собирать «кворумъ первой Думы» въ Петербургѣ, создавать не только всероссійское, но и міровое поворище? Въ этомъ не было надобности, еслибы задача сводилась къ простому желанію оформить въ порядкѣ судебномъ мѣропріятія административныя. Если же ставилась та политическая цѣль, о которой говорило «Новое Время», она не достигнута. Получилось чисто механическое завершеніе разъ начатаго слѣдственнаго производства, попутно выяснившее суду, что дорога къ общественному сочувствію для него закрыта, обществу—что власть болѣе одинока, нежели во времена Плеве. Карповыхъ имѣлъ къ своимъ услугамъ и Плеве. Но въ плевевскія времена крестьяне не обращались къ «государственнымъ преступникамъ» съ привѣтомъ: «всѣ сочувствуемъ» (изъ привѣтственной телеграммы на имя г. Муромцева), «шлемъ сердечное спасибо» (изъ привѣтственной телеграммы на имя г. Набокова). И характерная черта,—пока демонстрировалось одиночество власти, ея безсиліе покарать сочувствующихъ «государственнымъ преступникамъ», газетный шумъ по случаю Выборгскаго процесса находилъ живѣйшій откликъ въ читательскихъ сердцахъ. Какъ только выяснился приговоръ,—интересъ къ процессу сразу упалъ.

Это не значить, конечно, что наказаніе, постигшее 166 депу-

¹⁾ «Рѣчь», 8, XII, 1907.

татовъ, изъ которыхъ многіе представляютъ выдающуюся въ томъ или иномъ отношеніи культурную силу,—дѣло пустяковое. Но къ нему невольно приходишь съ російскими масштабами. Его невольно сопоставляешь съ дѣломъ рядомъ другихъ не-шуточныхъ дѣлъ,—то въ Севастополѣ, гдѣ передъ 10 декабря 1907 г. за два дня было обыскано и арестовано 122 человѣка ¹⁾, то въ Тифлисѣ, гдѣ втеченіе 3 дней производилось изъятіе крамольныхъ «присяжныхъ повѣренныхъ, докторовъ, членовъ управы» ²⁾, то въ Елисаветградскомъ у., гдѣ въ одномъ только селѣ Святотроицкомъ втеченіе одного дня арестовано и препровождено въ тюрьму 27 крестьянъ ³⁾, то въ Одессѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго бюро, населеніе за годы смуты уменьшено на 100.000 человѣкъ ⁴⁾, и т. д., и т. д. При такихъ масштабахъ «судъ надъ первой Думой» приходится разсматривать, какъ довольно таки мелкую, хотя, быть можетъ, и яркую деталь общей картины, какъ одинъ изъ многихъ этаповъ политики, направленной къ «ликвидациіи смуты».

Ликвидируется «крамола», обнаруженная во время трехъ избирательныхъ кампаній и въ связи съ дѣятельностью трехъ Думъ.

Ликвидируется крамола, обнаружившаяся во время октябрьскихъ дней 1905 года. Въ Донской области разыскиваются и изъемяются участники митинговъ «въ дни свободы». Въ Полтавѣ найдены и преданы суду харьковской судебной палаты «лица, участвовавшія въ толпѣ, которая, стоя возлѣ тюрьмы, требовала освобожденія арестованныхъ» ⁵⁾. Въ Кутаисѣ произведены массовые обыски и аресты лицъ, «на предметъ обвиненія въ участіи въ декабрьскихъ событіяхъ 1905 г.» ⁶⁾. Въ Лубнахъ «возбуждено судебное преслѣдованіе противъ дѣлаго ряда общественныхъ дѣятелей, обвиняемыхъ въ организациіи въ октябрѣ 1905 г. съ разрѣшенія полтавскаго губернатора кн. Урусова мирной обороны; хотя съ разрѣшенія губернатора подобнаго рода самообороны существовали во многихъ городахъ Полтавской губ., но нынѣ многіе изъ обвиняемыхъ арестованы, и ходатайства ихъ объ освобожденіи подзалогъ отклоняются» ⁷⁾. Преданы суду 24 офицера кievскаго гарнизона за напечатаніе въ ноябрѣ 1905 г. письма въ редакцію газеты «Кіевскіе Отклики» ⁸⁾. Кто-то вспомнилъ, что С. В. Аникинъ, прежде чѣмъ стать депутатомъ Думы, «велъ агитацію среди крестьянъ»,—передъ выборами и въ октябрѣ 1905 г., и на этомъ

1) Телеграмма „Рѣчи“, 10. XII.

2) Телеграмма „Рѣчи“, 7. XII.

3) Телеграмма „Рѣчи“, 19. XII.

4) „Кіевскія Вѣсти“, 14. XI.

5) „Кіев. В.“, 13. XII. 1907.

6) „Рѣчь“, 6. XI. 1907.

7) „Русь“, 9. XII. 1907.

8) „Рѣчь“, 1. XII. 1907.

основаніи и Аникинъ, по словамъ «Руси», «привлеченъ саратовскими судебными властями и освобожденъ подъ залогъ въ 1000 р.»¹⁾ Кому-то вспомнилось, что командиръ 3-го сапернаго баталіона полковникъ Добровольскій 9 іюля 1906 г., когда нижніе чины выразили скопомъ протестъ противъ пищи, «вмѣсто распоряженія о назначеніи строгаго разслѣдованія, ограничился неумѣстными переговорами съ мятежниками». И черезъ 16 мѣсяцевъ послѣ этого событія командующій войсками виленскаго военнаго округа генералъ Кршвицкій особымъ приказомъ по округу объявляетъ полковнику Добровольскому выговоръ...²⁾

Ликвидируется крамола въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ видѣ примѣра, напомнимъ хотя бы недавнее увольненіе по 3-му пункту завѣдывающаго кустарнымъ отдѣломъ министерства земледѣлія К. В. Николаевскаго. Г. Николаевскій хоть и «знатокъ кустарнаго дѣла», но былъ «заподозрѣвъ департаментомъ полиціи въ сношеніяхъ съ Кропоткинскимъ и, кажется, еще съ однимъ революціонеромъ»³⁾. Впрочемъ, у г. Николаевскаго оказались хоть сношенія съ Кропоткинскимъ. Но за что ликвидированъ 1 января столь исполнительный слуга реакціи, какъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. Кауфманъ, этого не смогло объяснить даже «Новое Время», ведшее кампанію противъ г. Кауфмана совмѣстно съ союзомъ русскаго народа и помѣстившее въ заключеніе спеціальную статью г. Меньшикова, въ коей фактической матеріалъ былъ, по словамъ «Рѣчи», почерпнутъ изъ доноса бывшаго попечителя оренбургскаго учебнаго округа г. Заіончковскаго. Насколько можно было понять, вина г. Кауфмана состояла въ томъ, что онъ въ дѣлѣ ликвидаціи обнаруживалъ больше послушаніе, чѣмъ предприимчивость.

Крамола въ судѣ ликвидирована еще «во времена Витте-Дурново». Теперь ликвидація приняла нѣсколько иной характеръ. Такъ, въ Кіевѣ, напр., товарищу прокурора Григоровичу-Барскому предложено уволиться отъ службы «за подачу особаго мнѣнія по поводу избранія въ члены Государственной Думы Проценко, съ указаніемъ на допущенныя во время выборовъ неправильности»⁴⁾. Саратовскому прокурору Воронову спеціально командированный изъ Петербурга чиновникъ министерства юстиціи Храбро-Василевскій «поставилъ на видъ рядъ дѣяній, доказывавшихъ, что прокуроръ не столько борется съ крамолой, сколько съ агентами правительства». Между прочимъ, г. Воронову было «поставлено на видъ, что онъ возбудилъ дѣло о стражникахъ, везшихъ убитаго челоуѣка въ Сердобскъ, арестовалъ осетинъ, убившихъ крестья-

1) „Кіев. В.“, 13. XII.

2) Этотъ приказъ отъ 10 ноября 1907 г., за № 370, опубликованъ официально въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“,—см. „Рѣчь“, 20. XI.

3) „Вир. Вѣд.“, № 294.

4) „Рѣчь“, 1. XII.

нина, чѣмъ лишилъ помѣщика охраны, остался недоволенъ рѣшеніемъ суда о погромщикахъ... Въ заключеніе г. Храбро-Василевскій пригрозилъ г. Воронову переводомъ на должность товарища прокурора, и только послѣ длинныхъ разъясненій послѣдовала милостивая резолюція о переводѣ изъ Саратова на ту же должность въ Радомъ...» ¹⁾).

Ликвидируется крамола въ школахъ... Ликвидируются возникшіе было на законномъ основаніи профессиональные союзы. Ликвидируются культурно-просвѣтительныя учрежденія, отъ мелкихъ губернскихъ обществъ содѣйствія физическому воспитанію дѣтей до такихъ крупныхъ, какъ польская Матица. Ликвидируется крамола старая и крамола новая, текущая. Тюрьмы переполнены. Кажутся пустякомъ такія извѣстія, что въ радомьской тюрьмѣ, рассчитанной на 100 человекъ, содержится 312 заключенныхъ ²⁾, или что въ скварской тюрьмѣ, рассчитанной на 150 человекъ, сидитъ около 300. Именно потому и кажется пустякомъ, что это стало ужъ слишкомъ обычнымъ явленіемъ. Не хватаетъ каторжныхъ тюремъ. По сообщенію «Голоса Москвы» изъ Ревеля, «мѣстныя тюрьмы переполнены, такъ какъ много осужденныхъ на каторгу не отправляются по назначенію, изъ-за отсутствія мѣстъ въ каторжныхъ тюрьмахъ» ³⁾. По сообщенію «Усс. В.», «въ Никольскѣ-Уссурійскій возвращено обратно 34 каторжника, такъ какъ въ Нерчинской каторгѣ, куда они были отправлены, мѣстъ не оказалось» ⁴⁾. Въ виду такой крайности, «министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесено предложеніе въ совѣтъ министровъ о возобновленіи каторги на Сахалинѣ» ⁵⁾. Административная ссылка достигла такихъ размѣровъ, что явилось своеобразное затрудненіе,—куда ссылать? И, между прочимъ, избрано новое мѣсто для поселенія административно-ссыльныхъ Царства Польскаго. Мѣсто это — Житомиръ и вообще Волинская губ. ⁶⁾. Въ одинъ только Ковель «еженедѣльно по четвергамъ прибываетъ партія ссыльныхъ (изъ Царства Польскаго) въ 25—30 человекъ». И въ одномъ только Ковелѣ ихъ «уже накопилось нѣсколько сотъ человекъ,—положеніе ихъ отчаянное, многіе буквально умираютъ съ голоду» ⁷⁾. По глухимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, подтверждаемымъ, впрочемъ, изустными рассказами, съ прошлаго 1907 г. началось отправленіе административно сосланныхъ въ Архангельскую губернію на Новую Землю.

¹⁾ „Рѣчь“, 16. XII. 1907.

²⁾ „К. В.“, 24. XI. 1907.

³⁾ „Рѣчь“, 11. XI. 1907.

⁴⁾ „Рѣчь“, 21. XII. 1907.

⁵⁾ „Кіев. М.“, 5. XII. 1907.

⁶⁾ „Кіев. В.“, 26. XI. 1907.

⁷⁾ „Рѣчь“, 20. XI. 1907.

II.

Освободительное движеніе ликвидируютъ. 1907 годъ закончился въ самый разгаръ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ въ эту сторону. Предпріятіе это слишкомъ обширно, — глазомъ не окинешь, словами не расскажешь. Но на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ чертахъ ликвидаціонной политики не лишне остановиться. Кое-какія изъ этихъ чертъ невольно бросаются въ глаза даже при бѣгломъ перечнѣ фактовъ. Я вотъ упомянулъ, напр., о судьбѣ бывшаго депутата отъ Подольской губерніи, а нынѣ административно-ссылнаго Семенова: онъ заявилъ въ Вологдѣ о своей болѣзни, — его немедленно отправили въ Никольскъ, т. е. подвергли, прежде всего, этапу въ 600 слишкомъ верстъ, а затѣмъ водворенію въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ никакихъ шансовъ на правильное лѣченіе. Скажутъ, пожалуй, что тутъ не было прямого желанія поставить больного человѣка въ условія, обрекающія его на вѣроятную смерть, что это вышло нечаянно, по недосмотру. Но вотъ другой случай. 10 декабря трое политическихъ: Садъ, Блохъ и Алексѣевъ, пытались убѣжать изъ севастопольской тюрьмы. На дворѣ они были замѣчены и бросились обратно въ свою камеру. Но прежде, чѣмъ имъ удалось добратъся до камеры, ихъ окружила стража — шесть ингушей и надзирателя. И произошло, по словамъ «Руси», слѣдующее:

— «Сдавайся!» — крикнулъ старшій надзиратель Сташенко.

— Сдаемся! — въ одинъ голосъ отвѣтили Блохъ, Садъ и Алексѣевъ (совершенно безоружные).

Послѣ этихъ словъ было произведено три залпа. Блохъ убитъ на мѣстѣ. Садъ умеръ черезъ 15 минутъ. Алексѣевъ получилъ двѣ раны и спасся только тѣмъ, что притворился мертвымъ... Прибывшій въ тюрьму вице-губернаторъ Масальскій-Кашура изъявилъ свое полное одобреніе (такому) образу дѣйствій начальника тюрьмы»¹⁾.

Пожалуй, скажутъ, что начальникъ тюрьмы не отданъ подъ судъ за убійство, а получилъ одобреніе, такъ какъ убитые пытались убѣжать. Но вотъ фактъ болѣе общаго значенія. Тюрьмы переполнены. По газетнымъ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ «наблюдаютъ» эпидемическія заболѣванія холерой, цынгой, тифомъ. Уже одно это условіе должно создавать крайне нервную атмосферу. Изъ-за каждой новой партіи заключенныхъ неизбежно должны возникать неудовольствія, пререканія и протесты: зачѣмъ новыхъ везутъ, когда и безъ того тѣсно. Какія же мѣры предложены по

¹⁾ „Русь“, 30. XII, 1907 г.

этому случаю? Начальникъ главного тюремнаго управленія г. Курловъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ циркулярѣвъ:

«Въ виду крайне неспокойнаго настроенія тюремнаго населенія во многихъ мѣстахъ заключенія... признаю неотложнымъ улучшить и усилить вооруженіе чиновъ тюремной стражи»¹⁾.

То же тяготѣніе къ возможно болѣе безповоротнымъ, къ возможно болѣе тяжкимъ результатамъ сквозить и въ другомъ циркулярѣ тюремнаго вѣдомства, запретившемъ оказывать заключеннымъ «личную помощь». Можно бы думать, что въ этихъ циркулярахъ отразились, главнымъ образомъ, личные качества г-на Курлова. Но вотъ фактъ еще болѣе общаго значенія,—на немъ, впрочемъ, въ виду его характерныхъ особенностей, необходимо остановиться подробнѣе.

12 декабря началось въ кievскомъ военно-окружномъ судѣ вторичное слушаніе «дѣла объ убійствѣ генерала Полковникова». Въ «приложенныхъ къ дѣлу» прокламаціяхъ «летучаго боевого отряда партіи социалистовъ-революціонеровъ» объясняется, что генераль Полковниковъ убитъ за свои дѣйствія при подавленіи беспорядковъ въ Читѣ и за «разстрѣлъ солдатъ Сѣвскаго полка» (во время бунта 15 іюля 1906 г.). Обвиняемыхъ семеро (восьмой «скрылся и не разысканъ»). Единственной уликой противъ нихъ являются показанія нѣкоего Красницкаго. Объ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, характерныя свѣдѣнія сообщилъ писемно начальникъ кременчугской тюрьмы, г. Милькамановичъ:

— «Я просилъ его (т. е. Красницкаго) наблюдать за политическими арестантами... Когда былъ посаженъ Горинъ, я распорядился помѣстить его въ одной камерѣ съ Красницкимъ и далъ послѣднему наставленія, какъ держать себя... Черезъ нѣсколько дней «Красницкій заявилъ мнѣ, что убійство генераль-маіора (Полковникова) въ Полтавѣ совершено Горинимъ при участіи слѣдующихъ лицъ» (далѣе идетъ перечень обвиняемыхъ и фактическія данныя, легшія въ основу обвинительнаго акта).

Надо сказать, что до «разслѣдованія», произведеннаго начальникомъ тюрьмы, Горинъ былъ просто одинъ изъ многихъ арестованныхъ въ порядкѣ охраны, впредь до выясненія причинъ ареста. Убійцы генерала Полковникова оставались такъ же не разысканными, какъ не разысканы и до сихъ поръ. По какой причинѣ въ рукахъ начальника тюрьмы оказалась слѣдственная власть, а съ нею и сугубая возможность, между прочимъ, сводить счеты съ каждымъ изъ заключенныхъ,—неизвѣстно. Но «предварительное дознаніе», произведенное г. Милькамановичемъ, перешло къ слѣдователю. Этому послѣднему Красницкій повторилъ свое показаніе: былъ посаженъ въ одну камеру съ Горинимъ, и онъ мнѣ сознался въ убійствѣ и назвалъ своихъ соучастниковъ. И въ результатѣ обвиненіе го

¹⁾ „Кіев. В.“, 29. XII, 1907 г.
Январь Отдѣлъ II.

смертоносной «279 ст. XXII кн. св. воен. полож.». При чемъ, по какой-то непостижимой игрѣ природы, «свидѣтель» Красницкій «Иосифъ Лейбовъ, мѣщанинъ города Градижска», по словамъ обвинительнаго акта, оказался «отставнымъ подполковникомъ болгарской службы Ковалевымъ». Дѣло поступило на военный судъ. И даже на всенномъ судѣ столь своеобразное обоснованное обвиненіе было отвергнуто. Однако оправдательный приговоръ былъ опротестованъ прокуроромъ. Протестъ прокурора признанъ заслуживающимъ уваженія. И семеро людей, хотя и оправданныхъ, но все время сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, снова приведены на судъ. Снова военному суду пришлось вызывать «свидѣтеля отставнаго полковника болгарской службы Ковалева». Снова «Ковалевъ» оказался не разысканнымъ. На этотъ разъ удалось лишь собрать болѣе подробныя и болѣе точныя свѣдѣнія объ его «личности». Свѣдѣнія эти не лишены интереса:

«Иосифъ Лейбовъ Красницкій, мѣщанинъ. Малограмотный. 15 лѣтъ отъ роду, уѣхалъ за границу въ Болгарію. Въ Болгаріи проживалъ подъ именами: Ивана Черкесова, Ивана Ковачева, Ивана Корявина, Ивана Майдракова, Ивана Григорьева, Ивана Ковалевскаго. Обвинялся въ разныхъ мошенничествахъ и вымогательствахъ и дважды осужденъ болгарскимъ судомъ къ заключенію въ крѣпости: на 5 мѣсяцевъ и на 3 года». Былъ сотрудникомъ по полицейской части при Плеве и Дурново и занимался сыскомъ по политическимъ дѣламъ. Числился въ спискахъ лицъ, служащихъ по военному вѣдомству, и въ 1904 г. представлялся болгарскому дипломатическому агенту въ Петербургѣ подъ предлогомъ желанія перейти въ качествѣ болгарскаго резервнаго офицера въ русскую армію, отправлявшуюся въ Манчжурію. Въ январѣ 1905 г. жилъ въ г. Вознесенскѣ, Херсонской губерніи, подъ именемъ запаснаго болгарскаго капитана Ивана Ковалевскаго. Въ августѣ 1906 г. жилъ къ Кременчугѣ, называясь полковникомъ 33 пѣхотнаго елецкаго полка Ковалевскимъ и нося соотвѣтствующую военную форму. Арестованный въ Кременчугѣ за вымогательство, въ доказательство своей самоличности предъявилъ свидѣтельство на льготный проѣздъ по желѣзной дорогѣ и затѣмъ выданный 8 августа 1905 г. въ Бухарестѣ паспортъ на имя запаснаго подполковника болгарской арміи Ивана Ковалевскаго. И хотя судебнымъ слѣдователемъ было установлено, что именующій себя полковникомъ елецкаго полка есть еврей Красницкій, но установлено также, что Красницкому было позволено въ тюрьмѣ носить военную форму; въ тюрьмѣ же его переименовали въ Ковалева; и подъ именемъ подполковника Ковалева онъ былъ 10 января 1907 г. освобожденъ изъ тюрьмы, «вслѣдствіе нездоровья». Послѣ этого подполковникъ болгарской арміи Ковалевъ, какъ лицо, завѣдомо несуществующее, скрылся и не обнаруженъ полиціей, не смотря на всѣ принятыя мѣры. Что же касается мѣщанина Иосифа Красницкаго, то объ его служебной дѣятельности

послѣ 10 января пока ничего неизвѣстно. По словамъ свидѣтелей, у него—«типичное семитическое лицо», и говоритъ онъ по-русски съ сильнымъ акцентомъ. Такъ что, повидимому, этотъ представитель своеобразной и тяжеловѣсной авантюры охраннаго отдѣленія гораздо болѣе пригоденъ для несенія агентурной службы за-границей, чѣмъ въ Россіи.

На военномъ судѣ обычнымъ порядкомъ былъ прочитанъ обвинительный актъ, составленный на основаніи свидѣній, доставленныхъ «подполковникомъ Ковалевымъ». Затѣмъ обычнымъ порядкомъ начался допросъ свидѣтелей. И въ самый разгаръ судебного слѣдствія «прокуроръ получилъ отъ главнаго военнаго прокурора телеграмму о томъ, что, по предписанію военнаго министра, ко всѣмъ подсудимымъ должно быть предъявлено дополнительное обвиненіе по 102 и 126 статьямъ уголовного уложенія»... Предписаніе военнаго министра было немедленно исполнено. И всѣмъ подсудимымъ былъ поставленъ новый вопросъ:

— Признаете ли себя «виновнымъ въ участіи въ сообществѣ, поставившемъ себѣ задачей ниспроверженіе существующаго строя и учрежденіе демократической республики посредствомъ посягательства на жизнь высшихъ должностныхъ лицъ»...

Надо отдать справедливость военному министру, своимъ предписаніемъ онъ значительно облегчилъ положеніе обвинительной власти. Большое затрудненіе создавали приложенныя къ дѣлу прокламаціи. Изъ нихъ явствуетъ, что убійство совершено «летучимъ боевымъ отрядомъ партіи социалистовъ-революціонеровъ». Между тѣмъ принадлежность обвиняемыхъ къ летучему боевому отряду ничѣмъ не доказана; объ этомъ не говорится даже въ данныхъ, «собранныхъ подполковникомъ Ковалевымъ». Дѣло, сообразно, такъ сказать, историческому ходу слѣдственныхъ событій, разбивалось на двѣ части, взаимно противорѣчащія. Сначала слѣдствіе, основанное на «документѣ», «скрѣпленномъ печатью и подписью летучаго боевого отряда». Но эта часть осталась неизвѣстна ни начальнику тюрьмы г. Милькамановичу, ни подполковнику Ковалеву. А, можетъ быть, они просто не вполне понимали ея значеніе. Затѣмъ «дознаніе» начальника тюрьмы съ перечнемъ лицъ, относительно которыхъ слѣдственная власть, видимо, затруднилась поставить обвиненіе въ принадлежности къ «летучему боевому отряду». Такимъ образомъ центральный пунктъ для перехода къ обвиненію данныхъ лицъ въ убійствѣ Полковникова просто отсутствовалъ. Вотъ тутъ-то и пришла на помощь власть министра—дѣлать предписанія суду. Но, и получивъ эту помощь, прокуроръ призналъ, что его задача «трудна и неблагодарна», такъ какъ все обвиненіе зиждется на «показаніяхъ Ковалева», а «Ковалевъ, дѣйствительно, мошенникъ, провокаторъ, Хлестаковъ», «хуже Хлестакова»,—«просто Лейба Красницкій». «Но въ настоящее время, по мнѣнію прокурора, правосудію приходится идти

ощупью», и потому, разъ «Ковалевъ показалъ», подсудимыхъ надо приговорить къ смертной казни...

Военные судьи вторично признали всѣхъ семерыхъ подсудимыхъ непричастными къ убійству Полковникова. Но четверо, согласно дополнительному обвиненію, поставленному по требованію министра, признаны виновными «въ принадлежности къ преступному сообществу, поставившему себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго общественнаго строя». А относительно троиохъ остальныхъ прокуроръ снова опротестовалъ оправдательный приговоръ ¹⁾.

Дѣло это, начатое «мошенникомъ Лейбой Красницкимъ», переряженнымъ, съ дозволенія начальства, въ военный мундиръ, и завершенное телеграфнымъ предписаніемъ военнаго министра суду, носить явно политическій характеръ. Тутъ и цѣль политическая, и средства политическія. Было бы очень легко подойти къ этимъ средствамъ съ юридической точки зрѣнія и показать ихъ полную несоизмѣримость съ юридическими нормами. Это, впрочемъ, и вообще легко доказывать, что несоизмѣримое несоизмѣримо. Но именно потому, что эти ворота открыты, въ нихъ не слѣдуетъ ломиться. Пусть ужъ лучше военный министръ, если это понадобится, выполнить задачу болѣе трудную,—докажетъ, что несоизмѣримое соизмѣримо, что средства «осудить» хотя бы случайно схваченныхъ людей за смерть генерала Полковникова при помощи «болгарина Ковалева» юридичны. Для насъ же пока важно лишь отмѣтить, какъ характерную черту ликвидаціонной политики,—стремленіе къ возможно болѣе трагическому исходу.

Характеризуя покойнаго генерала Полковникова передъ судомъ, прокуроръ въ теплыхъ выраженіяхъ упомянулъ о «безопасной строгости», съ какою Полковниковъ «усмирилъ беспорядки въ Сѣвскомъ полку». «Безопасная строгость» къ политическимъ врагамъ, стремленіе ликвидировать споръ съ ними возможно трагичнѣе—не новость, конечно, въ Россіи. «Людодерство»—старинный русскій терминъ. И умѣнье быть «безопасно строгимъ» у насъ издавна цѣнится, какъ особый талантъ. Но до послѣдняго времени все-таки учитывалось впечатлѣніе отъ мѣръ трагическаго значенія. И это впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, старались нейтрализовать или хотя бы только ослабить чѣмъ-либо, напоминающимъ жалостливость и милосердіе. Петербургская судебная палата органически слита съ предварилкой, но на ея фронтонѣ все-таки до сихъ поръ считалось необходимымъ сохранять слова: «правда и милость да царствуютъ». Милость съ параднаго хода и предварилка—съ чернаго,—это, такъ сказать, монументальное выраже-

¹⁾ Дѣло объ убійствѣ Полковникова разсматривалось въ Кіевѣ при открытыхъ дверяхъ. Свѣдѣнія о немъ заимствую изъ рефератовъ мѣстныхъ „Кіевскихъ Вѣстей“,—№№ отъ 13, 14, 15 и 16 декабря 1907 г.; извѣстіе о протестѣ прокурора на оправдательный приговоръ заимствую изъ тѣхъ же „Кіевск. В.“, № отъ 19 декабря 1907 г.

ніе стариннаго, пережившаго много вѣковъ взгляда: дѣлая «безпощадную строгость», необходимо вслухъ воздавать хвалу милосердію...

Отступленіе отъ этого стариннаго и мудраго правила тоже не вчера, конечно, началось. Оно началось гораздо раньше треповскаго крылатаго слова: «патроновъ не жалѣть». И въ 1907 году эта черта правительственнаго поведенія достигла лишь своего логическаго завершенія и той почти художественной полноты, какая сквозитъ, напр., въ упомянутомъ выше выговорѣ полковнику Добровольскому. Надо дойти до того, чтобы объявить официально выговоръ начальнику отдѣльной части за то, что онъ прекратилъ безпорядки мирными средствами, а не оружіемъ.

Мы подходимъ ко второй характерной нынѣ для ликвидаціонной политики чертѣ. Но прежде, чѣмъ вскрыть ее, я позволю себѣ еще разъ нѣсколько уклониться въ сторону, впрочемъ, въ ту именно сторону, гдѣ эта черта выражена наиболѣе ярко.

III.

Не приходится доказывать, что между правящими кругами и дворянскимъ землевладѣніемъ существуетъ органическая связь. Тутъ, какъ въ бракѣ, «два слились во плоть одну». Не приходится доказывать также, что подъ вліяніемъ освободительнаго движенія эти стародавнія супружескія узы какъ бы окрѣпли, стали нагляднѣе, краснорѣчивѣе. Чего больше въ этомъ бракѣ, любви или расчета—разбирать нѣтъ нужды. Во всякомъ случаѣ, элементъ расчета на лицо. И не далѣе, какъ въ ноябрѣ 1907 г., дворянскимъ землевладѣніемъ получено новое «воспособленіе» по случаю «неурожая въ 1906 г.» и «происходившихъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи аграрныхъ безпорядковъ»: совѣту дворянскаго банка предложено «разсрочивать числящіяся на имѣніяхъ недоимки въ платежахъ на сроки, предшествующіе ноябрьскому сроку 1906 г. по дворянскому банку и январскому сроку 1907 г. по особому отдѣлу этого банка, въ соответствіи съ размѣрами какъ постигшаго каждое имѣніе бѣдствія, такъ и его задолженности, на время свыше шести, но не долѣе 12 полугодій съ начисленіемъ на разсроченныя суммы 3 проц. въ полугодіе»¹⁾.

Эта обычная по русскимъ нравамъ милость дворянству была опубликована въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» почти одновременно съ происходившимъ въ Кіевѣ совѣщаніемъ мукомоловъ и нѣкоторыхъ представителей хлѣбной торговли, по поводу необыкновенно высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. И тутъ довольно неожиданно

¹⁾ Положеніе совѣта министровъ, высочайше утвержденное 28 октября 1907 г. См. „Рѣчь“, 10 ноября 1907 г.

для профановъ выяснилось, что причину или, вѣрнѣе, одну изъ причинъ необыкновеннаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ надо искать въ милостяхъ помѣстному землевладѣнiю. Дѣло въ томъ, что военное вѣдомство, «согласно высочайшему повелѣнiю, обязано производить закупку ржи непосредственно у землевладѣльцевъ... Интендантство еще въ июлѣ и августѣ текущаго года произвело закупку громаднхъ партiй хлѣба по 75 и 90 коп. за пудъ. Но до сихъ поръ въ казну по этой цѣнѣ не поступило ни одного фунта». Вслѣдствiе особой системы торговъ, казна, «вмѣсто условленныхъ 75 и 90 коп. за пудъ ржи, платитъ і р. 30 коп.» Въ результатѣ, по отзыву одного изъ участниковъ совѣщанiя, «ни значительный, достигшій въ нынѣшнемъ году небывалыхъ размѣровъ экспортъ сибирскаго хлѣба, ни то обстоятельство, что вообще урожаи въ Россiи въ этомъ году на 18 проц. выше прошлогодняго, не могутъ повліять на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, разъ самый крупный покупатель зерна, интендантство, ведетъ свое дѣло такъ, что переплачиваетъ гг. землевладѣльцамъ только за то, что они землевладѣльцы» ¹⁾... Короче говоря, дѣло сводится не только къ прямому воспособленію землевладѣльцамъ изъ средствъ казны, но и къ мощной поддержкѣ, какую получили спекулянты, играющіе на повышеніе цѣнъ.

Каждому понятно, что для успѣха всякаго рода активнхъ дѣйствiй необходимо имѣть обезпеченную базу. Разъ предпринято такое колоссальное дѣло, какъ ликвидація освободительнаго движенiя, значитъ—необходимо всяческими, хотя бы даже чрезвычайными, льготами закрѣпить за собою моральное и матеріальное сочувствіе того общественнаго слоя, интересы котораго связаны съ даннымъ направлениемъ правительственной политики. Съ этой точки зрѣнiя, помощь землевладѣльцамъ посредствомъ повышенія цѣнъ на хлѣбъ,—одно изъ подсобнхъ средствъ ликвидаціи. Во Франціи по случаю голода 1709 г. особые эмиссары короля постарались скупить хлѣбъ, поднять цѣны и тѣмъ значительно обогатили личную казну Людовика XIV ²⁾. И, если хотите, этотъ классическій примѣръ изъ исторiи Франціи менѣе поддается объясненію съ общеполитической точки зрѣнiя, чѣмъ тѣ «закупки интенданства», о которыхъ неопровергнутыя до сихъ поръ данныя были представлены кiевскому совѣщанію мукомоловъ. Тѣмъ не менѣе эти закупки невольно поражаютъ своею прямо-таки исключительною храбростію.

Закупая въ июлѣ и августѣ хлѣбъ на условiяхъ, дающихъ спекулянтамъ превосходное оружіе для игры на повышеніе цѣнъ, интенданство не могло, конечно, знать, что Россію относительно

¹⁾ „Рѣчь“, 13 ноября 1907 г.

²⁾ См., напр., у Олара „Великая французская революція“, стр. 13. изд. т-ва Гранатъ.

будущаго урожая (1908 г.) ждетъ «цѣлый рядъ свѣдѣній тревожнаго характера: въ Полтавской губерніи озими совершенно погибли; въ губерніяхъ: Волынской, Подольской, Бессабарской, Херсонской, Екатеринославской, Харьковской, Черниговской, Курской, Ставропольской, и въ областяхъ Кубанской, Терской и Донской, а также въ частяхъ губерній Таврической, Самарской и Саратовской состояніе озимыхъ посѣвовъ очень плохое; въ Юго-западномъ краѣ озими погибли на двѣ трети; въ малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ остались не засѣянными отъ 25 до 50% крестьянскихъ полей»¹⁾. Въ іюлѣ интенданству трудно было знать, что мы встрѣтимъ новый 1908 г. съ надеждами на новый неурожай и новый голодъ. Допустимъ, что оно не знало также, что 1907 г., официально объявленный урожайнымъ, въ дѣйствительности потребовалъ продовольственныхъ ассигновокъ, какъ настоящій голодный. Но не могло же оно не знать, что страна пережила голодъ 1906 г., что ея силы подорваны, что массовая безработица вовсе не выдумка. Не могло не знать интенданство, что высокія цѣны на хлѣбъ при такихъ условіяхъ, осложняемыхъ ни для кого несомнѣннымъ «броженіемъ умовъ»,—вполнѣ достаточный поводъ для смуты, болѣе неслыханной, чѣмъ та, которую нынѣ тѣшатся ликвидировать. И если, тѣмъ не менѣе, мѣры къ повышенію цѣнъ были приняты, то, согласитесь, это, помимо всего прочаго, свидѣтельствуеетъ также о храбрости изобрѣтателей системы, удачно выполненной интенданствомъ. На почвѣ «небывалыхъ» цѣнъ на хлѣбъ уже происходятъ «тревожныя событія». И въ связи съ «небывальными цѣнами» появились даже помѣщичьи жалобы. Одну изъ этихъ жалобъ, со словъ какого-то «помѣщика изъ центральной губерніи», приводилъ недавно «Голосъ Москвы»:

— «Собралъ все, что можно было, и перебрался въ Москву... Ждемъ съ часу-на-часъ плохого — мужики дождадутъ послѣдній хлѣбъ»²⁾.

Но дѣло не въ однихъ мужикахъ. Мужики есть сословіе, во всякомъ случаѣ подлежащее усмирению. И мы слишкомъ низко оцѣнимъ интендантскую храбрость, если будемъ учитывать лишь мужицкій отвѣтъ на спекулятивно взвизченныя хлѣбныя цѣны. Надо помнить, что хлѣботорговцы и мукомолы, собиравшіеся въ Кіевѣ на совѣщаніе, вовсе не безстрастные эксперты, которымъ все равно,—низки цѣны или высоки. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ обязаны заранее поставками по опредѣленной цѣнѣ и въ опредѣленный срокъ. «NN въ іюлѣ обязался поставить съ 1 января не дороже 90 и вынужденъ въ октябрѣ или платить неустойку, или покупать не дешевле 95». Въ интересахъ привилегированнаго землевладѣнія въ данномъ случаѣ брошенъ вызовъ, такъ

¹⁾ „Рѣчь“, 29. XII, 1907.

²⁾ Цитир. по „Руси“, 30. XII. 1907.

сказать, естественнымъ законамъ хлѣбной торговли, произведено землетрясеніе въ центральномъ, основномъ пунктѣ всѣхъ торговыхъ операций государства Россійскаго... Воля ваша, въ этомъ, помимо всего прочаго, есть доля исключительной храбрости.

Они и вообще на рѣдкость храбры,—я говорю о лицахъ, которыя дѣлають ликвидационную политику. Возьмите хотя бы такой фактъ, какъ закрытіе «Матицы». Между прочимъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ школахъ этого учрежденія обучалось до 62,000 дѣтей, приврѣвалось въ пріютахъ около 14¹/₂ тысячъ. Матица имѣла 14 народныхъ университетовъ. «Закрыть» столь колоссальную просвѣтительную работу, однимъ росчеркомъ пера выбросить на улицу свыше 76 тысячъ дѣтей (14,000 изъ пріютовъ и 62,000 изъ школъ) ¹⁾ — это храбро. Это храбро даже какъ хотя бы только публичное обнаруженіе опредѣленныхъ индивидуальныхъ чертъ:

— Вотъ мы разрушили нѣчто гораздо большее, чѣмъ храмъ Діаны Эфесской. Пусть вся Европа вспоминаетъ Герострата. А мы не только не смущены, но даже, судя по статьямъ «Новаго Времени» и «Россіи», имѣемъ видъ побѣдителей.

Южные горнопромышленники на XXXII съѣздѣ въ Харьковѣ «выразили глубокое сожалѣніе, что южная горнопромышленность потеряла въ лицѣ Л. И. Лутугина неопѣнимаго дѣятеля, совѣты котораго много способствовали развитію горнаго дѣла на югѣ Россіи» ²⁾. Южная горнопромышленность отставлена отъ Л. И. Лутугина. И это наказаніе постигло ее за то, что Л. И. Лутугинъ выступалъ на выборахъ въ третью Думу, какъ кандидатъ «лѣваго блока». Даже въ учебники для начальныхъ школъ вошелъ гордый отвѣтъ Ломоносова на угрозу «отставить отъ академіи»:

— Развѣ академію отставите отъ меня.

Я вовсе не хочу смущать Л. И. Лутугина, какъ ученаго, чрезмѣрными сравненіями. Да и не зачѣмъ вообще сравнивать его ни съ Ломоносовымъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ. Мы не ученые заслуги и дарованія сопоставляемъ. Мы сравниваемъ поведеніе властныхъ политическихъ дѣятелей, раздѣленныхъ промежуткомъ въ 150 лѣтъ. По ту сторону промежутка всесильный елизаветинскій фаворитъ, самодуръ, и при томъ самодуръ раздраженный, ибо задѣто его личное самолюбіе. И все-таки у него не хватило храбрости «отставить академію» отъ «неопѣнимаго дѣятеля». По сю сторону промежутка просто «твердая власть». И передъ нею судьбы не академіи, учрежденія для вельможи временъ Елизаветы довольно-таки умозрительнаго, а горнопромышленность юга Россіи, которая насаждена съ тяжкими жертвами государственнаго казначейства, въ которой матеріально заинтересованы многіе видные представители и такъ называемаго «финансоваго міра», и

¹⁾ Цифры заимствую изъ „Рѣчи“, 11. XII. 1907.

²⁾ „Товарищъ“, 6. XII. 1907.

такъ называемыхъ «правящихъ круговъ». Но мы храбры, безумно храбры.

«Новороссійскому университету угрожаетъ разгромъ». — Профессора Занчевскій и Косинскій «отданы министерствомъ подъ судъ. Проф. Петріевъ отставленъ отъ должности; профессорамъ Завьялову, Роттерну, Клоссовскому предложено министерствомъ подать въ отставку»; устанавливающийся въ университетъ «новый курсъ способенъ повести къ уходу и другихъ профессоровъ» ¹⁾... Профессору Косинскому, между прочимъ, поставлено въ вину «участіе въ освободительномъ движеніи» ²⁾... Дѣйствительно, часть одесской профессуры «участвовала» и даже содѣйствовала раскрытію дѣйствій бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгардта во время погрома 1905 г. Между прочимъ, насколько помнится, г. Косинскій лично вручилъ сенатору, производившему въ Одессѣ «ревизію» компрометирующіе г. Нейдгардта документы. Это несомнѣнно преступленіе, такъ какъ г. Нейдгардтъ близокъ къ союзу русскаго народа и, сверхъ того, имѣетъ значительныя родственныя связи. И не мудрено, если Новороссійскій университетъ оказался наиболѣе обстрѣливаемымъ пунктомъ... Мы скажутъ: при императорѣ Николаѣ Павловичѣ и не то бывало. Да, но въ тѣ времена на пути храбрыхъ реформаторовъ не стояли такія властныя препятствія, какъ «горнопромышленность юга Россіи», нефтепромышленность, желѣзнодорожная сѣть и многія другія «блага матеріальной культуры», которыя требуютъ отъ власти особо бережнаго отношенія къ научнымъ силамъ. Не велика хитрость «уволить», напр., проф. Клоссовскаго. Но, какъ своевременно счелъ долгомъ напомнить первый менделѣевскій сѣздъ въ своей сочувственной телеграммѣ проф. Клоссовскому 26 декабря, этимъ ученымъ «предпринять монументальный трудъ по физикѣ земного шара», «создана метеорологическая сѣть юга Россіи и обсерваторія»; его пребываніе въ даниомъ мѣстѣ, въ центрѣ даннаго научнаго аппарата тѣсно связано съ интересами черноморскаго пароходства, съ интересами желѣзнодорожнаго движенія, съ интересами сельскаго хозяйства...

— Что это? Размышленіе о пользѣ геологіи и о значеніи метеорологіи?..

Къ сожалѣнію, мы приближаемся къ той чертѣ, за которой потребуются доказывать, что Россійское государство не можетъ обойтись безъ таблицы умноженія. Намъ приходится имѣть дѣло съ такими явленіями, которыя поражаютъ необыкновенно прямолинейнымъ отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ азбучныхъ истинъ. Энергическая ликвидація въ Одессѣ потребовала повальной высылки врачей. Но затѣмъ вспомнили, что городу угрожаетъ

¹⁾ „Рѣчь“, 11. XII. 1907.

²⁾ „Товарищъ“, 2. XI. 1907.

холера. Возникло замѣшательство,—врачей надо ликвидировать, какъ элементъ крамольный, и безъ врачей нельзя обойтись. И въ результатѣ появилась по-истинѣ гениальная мысль, формулированная одесскою городскою думой: «врачи бесполезны», такъ какъ оказывать населенію во время холеры медицинскую помощь «успѣшно можетъ торговая полиція» ¹⁾... Это не замогильный голосъ Простаковой. Это сама Простакова вышла на публичную арену, творить судъ и расправу, изрекаетъ свои безсмертныя сентенціи:

— А извозчики на что? А первый портной у кого учился?..

Елизаветинскій вельможа все-таки приближался къ уровню идей Стародума. Это дѣлало его до извѣстной степени осторожнымъ; онъ не могъ забыть о тѣхъ препятствіяхъ, которыя не позволяютъ ту же хотя бы «академію отставить отъ Ломоносова». Простакова.. какъ извѣстно, всего храбрѣе тѣ люди, которые не видятъ препятствій и не замѣчаютъ опасности.

Мы давно храбры. Но теперь наша храбрость достигла крайнихъ предѣловъ. Года 1¹/₂—2 назадъ было понятно, что такія, напр., «религіозныя группы населенія», какъ старообрядцы или мусульмане могутъ быть опорой, что ихъ надо привлекать, а не отталкивать. Мы готовы были подняться до уровня стародумовскихъ идей. Теперь мы «противъ постройки мечети въ Петербургѣ», на томъ основаніи, что если оную мечеть «разрѣшить», то съ ея «минарета будутъ происходить призывы муэдзина» ²⁾. Теперь мы готовы афишировать, что въ смыслѣ отдаленія отъ стародумовской идеологии мы далеко опередили даже Оттоманскую Порту, которая все-таки «разрѣшаетъ» православные храмы въ своемъ мусульманскомъ Стамбулѣ. Теперь мы запретили старообрядческому бѣлокриницкому митрополиту вѣзды въ Россію ³⁾, закрыли «на время усиленной охраны» существовавшій втеченіе двухъ лѣтъ «Старообрядецъ», руководимый выдающимся старообрядческимъ іерархомъ Иннокентіемъ (Усовымъ). Еще недавно для насъ было понятнымъ, почему надо отказаться отъ церковнаго вмѣшательства въ семейную жизнь. Теперь синодъ протестуетъ противъ «законопроекта министерства внутреннихъ дѣлъ объ отиѣнѣ обязательства для лицъ инославныхъ исповѣданій, вступающихъ въ бракъ съ православными, выдавать подписку въ томъ, что дѣти, отъ этого брака рожденныя, будутъ воспитываться въ православной вѣрѣ» ⁴⁾. Синодъ требуетъ сугубыхъ каръ за обличеніе православныхъ духовныхъ лицъ. Синодъ даже «Новое Время» смугилъ рѣзкимъ и безповоротнымъ стремленіемъ ликвидировать всякіе разговоры о «началахъ вѣротерпимости» ⁵⁾. Синодъ желаетъ не только

1) „Рѣчь“, 9. I. 1908.

2) „Каспій“, 2. XII. 1907.

3) „Старообрядецъ“, сентябрь, 1907.

4) „Рѣчь“, 13. XII. 1907.

5) „Нов. Вр.“, 9. I. 1908.

сохранить, но и усугубить всё тѣ препоны, благодаря которымъ въ странѣ крѣпнеть и углубляется отрицательное отношеніе къ православнымъ установленіямъ.

Еще недавно насъ смущалъ «кривизъ православія». И, стараясь найти выходъ изъ тупика, мы то проектировали патріаршество, то говорили о соборѣ, то, по словамъ «Старообрядца» (сентябрь 1907 г.), вели переговоры съ папой на предметъ, если не соединенія, то сближенія церквей. Съ этой послѣдней дѣлю, между прочимъ, предполагалось пригласить представителей католической церкви на предстоящій соборъ. Не зная, какъ найти выходъ, мы готовы были искать помощи извнѣ. Потомъ «Новое Время» «доказало», что соборъ не нуженъ. Теперь, какъ сообщило «Слово» 15 января, «вопросъ о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора въ высшихъ духовныхъ сферахъ рѣшенъ отрицательно; на официальномъ объявленіи объ этомъ особенно настаиваютъ крайніе правые съ епископомъ саратовскимъ Гермогеномъ во главѣ». Теперь мы именно ликвидируемъ всё отступленія отъ вѣроисповѣдной программы Леонтьева и Грингута. Мы стремительно возвращаемся на старыя позиціи и храбрѣемъ, какъ въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ.

Еще недавно намъ, казалось, ясны были тѣ матеріальныя силы, которыя стоятъ за вопросомъ хотя бы объ относительномъ «равноправіи малороссійскаго діалекта». Мы допустили украинскую Библію. Допустили украинскую печать. Въ началѣ текущаго учебнаго года мы еще допускали въ принципѣ, что «малороссійскій діалектъ» можетъ быть преподаваемъ въ «мѣстныхъ школахъ». И, между прочимъ, одной частной гимназій въ Каменецъ-Подольскѣ было разрѣшено министерствомъ народнаго просвѣщенія ввести преподаваніе украинскаго языка. Но вслѣдъ затѣмъ было разъяснено, что преподаваніе этого языка можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если оно будетъ поручено лицу, «имѣющему специальный дипломъ на преподаваніе украинскаго языка» ¹⁾). Можно представить, какъ хохотали храбрецы, «разъяснившіе» собственное разрѣшеніе. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, найти въ Россіи «дипломированнаго учителя украинскаго языка» или учрежденіе, откуда можно получить этотъ дипломъ. Но все-таки мы еще держались «разъяснительной» политики, мы изобрѣтали способы и предлоги замаскировывать смыслъ нашихъ дѣйствій. Теперь въ Екатеринодарѣ просто «не разрѣшено издавать малороссійскую газету «Кубаньска Громада» ²⁾). Теперь мы приступили къ открытой ликвидаціи уклоненій отъ націоналистической программы «Русскаго собранія». И чѣмъ дальше, тѣмъ храбрѣе не останавливаемся передъ препятствіями на этомъ пути.

Еще недавно мы помнили, что секта іоаннитовъ-есть ничто иное,

¹⁾ „Кіев. Мысл.“, 4. XII, 1907.

²⁾ «Рѣчь», 15. I 1908.

какъ темная компанія мазуриковъ, объявившая кронштадтскаго священника Іоанна Сергіева Христомъ, а одну женщину изъ своей среды уже давно обличенную и уличенную въ цѣломъ рядѣ скверныхъ дѣлишекъ, Богородицей. Отъ нея нѣсколько разъ считалъ необходимымъ отречься самъ Іоаннъ Сергіевъ. Правда, іоанниты оказались въ необыкновенно близкомъ родствѣ съ союзомъ русскаго народа. И, когда появилась направленная противъ нихъ обличительная пьеса г. Протопопова «Черные вороны», былъ начатъ своеобразный крестовый походъ, чтобы снять ее съ репертуара. У цѣлаго ряда провинціальныхъ администраторовъ нашлось достаточно храбрости, чтобы взять іоаннитовъ подъ свою защиту. И во многихъ генералъ-губернаторствахъ пьеса была запрещена. Но въ центрѣ нѣсколько мѣсяцевъ все-таки считались съ тѣмъ, что іоанниты есть іоанниты. Еще «въ началѣ декабря временный генералъ-губернаторъ Терской области получилъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати уведомленіе, что какъ оно, такъ и святѣйшій синодъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ постановкѣ на сценѣ «Черныхъ Вороновъ», какъ пьесы, могущей принести только пользу въ борьбѣ съ лицами, злоупотребляющими религиозными чувствами темнаго люда для своихъ личныхъ корыстныхъ видовъ»¹⁾. 16 декабря въ «Бирж. Вѣдом.» была напечатана замѣтка: «П. А. Столыпинъ сообщилъ саратовскому епископу Гермогену, что находить неудобнымъ запрещеніе пьесы «Черные Вороны» послѣ того, какъ свѣтская и духовная цензуры не нашли въ ней ничего преступнаго; недовольный отвѣтомъ П. А. Столыпина епископъ Гермогенъ, по слухамъ, рѣшилъ хлопотать въ Царскомъ Селѣ»²⁾. А ровно черезъ сутки въ тѣхъ же «Бирж. Вѣдом.» сообщалось: «согласно распоряженію высшихъ властей, имѣвшая столь шумный успѣхъ пьеса В. В. Протопопова «Черные Вороны», рисовавшая закулисную сторону дѣятельности іоаннитовъ, снимается съ репертуара»³⁾. И тѣмъ же, между прочимъ, временнымъ генералъ-губернаторомъ Терской области было получено телеграфное предписаніе «снять съ репертуара «Черныхъ Вороновъ», такъ какъ относительно этой пьесы въ святѣйшемъ синодѣ было заслушано представленіе преосвященнаго Гермогена» и т. д.⁴⁾.

Высшее церковное учрежденіе выступило на защиту секты мазуриковъ, сфабриковавшихъ съ уголовно-наказуемыми цѣлями лжехриста, лжебогородицу, лжеапостоловъ... Я хорошо понимаю, что дѣло тутъ не въ личной храбрости Икса, Зета или Игрека. X, Z или Y въ данномъ случаѣ ведутъ политическую игру, направленную къ ликвидаціи «гласности», къ ликвидаціи тѣхъ сложныхъ явленій, которыя входятъ въ понятіе «свободы слова». А

¹⁾ „Рѣчь“, 30. XII, 1907.

²⁾ „Бирж. Вѣд.“. 16. XII, 1907.

³⁾ „Бирж. Вѣд.“. 17. XII, 1907.

⁴⁾ „Рѣчь“, 30. XII, 1907.

открывать или не открывать козыри во время политической игры,— это не всегда зависит от доброй воли игрока,— тут много знать совокупность внешних обстоятельств, много значить также поведение противника. Напиши г. Протопоповъ «богохульную» или «воццущественную» пьесу, и натискъ на «свободу печати» въ этомъ пунктѣ можно бы обставить торжественными разсужденіями о важныхъ предметахъ. Въ игрѣ при такихъ условіяхъ было бы легко смѣшать карты, укрыться подъ защиту высшихъ соображеній. Но пьеса г. Протопопова вполне православна, совершенно неуязвима ни съ точки зрѣнія 73 ст., ни съ точки зрѣнія 74 ст. уголовного уложенія. Она всего только «антиоаннистична». И, «ликвидируя» ее, наряду со многими другими «произведеніями печати, несоотвѣтствующей видамъ правительства», поневолѣ пришлось раскрыть карты, которыя въ интересахъ синода благоразумнѣе было бы прятать.

Этотъ частный примѣръ до нѣкоторой степени поясняетъ, что дѣло именно не въ личной храбрости дѣлающихъ ликвидаціонную политику. Храбростью этого рода не былъ скуденъ покойный Плеве. «Безумствомъ храбрыхъ» было превращеніе колѣнопреклоненнаго бунта 9 января въ гекатомбу. Безумствомъ храбрыхъ вѣсть отъ самоубійственнаго плана—въ моментъ глубокаго кризиса, переживаемаго авторитетомъ власти, взвалить на эту власть отвѣтственность за учрежденіе военно-полевыхъ судовъ. Но, пока ликвидаціонный натискъ направлялся по преимуществу на гребень освободительной волны, на проявленія смуты, безспорныя, явно свойственныя «революціоннымъ партіямъ», характеръ политической игры не вынуждалъ держать открытыми всѣ карты. Однако корни освободительнаго движенія оказались глубоко подъ землею. Ликвидацию пришлось довести до столкновенія съ обывательскою смутю, несомнѣнно враждебной «устоямъ», но темной, неуловимой, часто, какъ въ случаѣ съ пьесю г. Протопопова, никакими законами не предусмотрѣнной. Это заставило быть храбрѣе, въ смыслѣ готовности расплачиваться съ политическими врагами, не считая ихъ. Это заставило также быть храбрѣе и при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ по существу.

Несомнѣнно, мы давно храбры. Но по отношенію къ мужику, напримѣръ, мы все-таки держались до послѣдняго времени въ извѣстныхъ границахъ. Мы были увѣрены, положимъ, что подати вещь священная. И при взысканіи податей не очень склонны были слѣдовать голосу человѣколюбія. Нечего грѣха таить,—мы стригли мужика до-гола. Но все-таки помнили,—стричь можно, а выскубать нельзя, стриженое обрастаетъ, а выскубленное съ корнями отрасли не въ состояніи. Мы признавали извѣстную часть мужицкаго имущества неотчуждаемою даже при взысканіи недоимокъ. Не далѣе, какъ въ 1906 г., мы сочли необходимымъ даже изъ тюрьмы отпускать мужика домой «на побывку» во время полевыхъ работъ. Для очеред-

наго взысканія податей осенью 1907 г. «вышло новое правило». У неплательщиковъ мѣрами полиціи забирается все,—скотъ, земледѣльческія орудія, бѣлье, одежда, постельныя принадлежности, упряжь... И все это, подѣ наблюденіемъ стражниковъ, сами же мужики въ порядкѣ натуральной повинности перевозятъ съ одного сельскаго базара на другой, изъ села въ городъ, изъ города въ село. По дорогѣ куры дохнутъ, телята мерзнутъ, немудреная крестьянская посуда превращается въ никому ненужный разбитый хламъ... Минувшею осенью нѣсколькими газетами отмѣчались совершенно одинаковые эпизоды въ разныхъ частяхъ Россіи:

— Пригнало начальство «партію крестьянскаго скарба на базаръ. Староста кричалъ до хрипоты: «Эй, господа хорошие, пожалуйте съ уячена». Но никто, ничего не купилъ, даже барышники не соблазнились».

«Взысканіе податей получило характеръ политической мести»¹⁾, такъ опредѣлила «Рѣчь» этотъ методъ дѣйствій, при которомъ во многихъ случаяхъ казна ничего не получаетъ, а недоимщикъ разворяется до тла. Но что-жь дѣлать? «Актомъ политической мести» было извѣстное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, запретившаго выдачу продовольственной помощи крестьянамъ, уличеннымъ въ крамолѣ. И, когда издавалось это распоряженіе, можно было тѣшиться предположеніями, что крамольниковъ по деревнямъ не такъ ужъ много, что крамола не такъ ужъ глубока, что нѣсколькими увѣситыми ударами палки дурь изъ мужицкой головы будетъ выбита. Положеніе оказалось гораздо сложнѣе. Разъ ступивъ на путь «выбиванія дури» палками, мы шагъ за шагомъ пришли не только къ тому, что даже взысканіе недоимокъ превратилось въ способъ сводить политическіе счета. Мы вообще сумѣли обнажить нашу внутреннюю политику до жгуче откровеннаго крестьянофобства.

Пусть наша внутренняя политика никогда фактически не страдала крестьянофильствомъ. Но все же мы знали, что у мужика относительно власти есть извѣстныя иллюзіи. Пусть мы далеки были отъ намѣренія идти навстрѣчу этимъ иллюзіямъ. Но все же мы понимали, что ихъ нельзя разрушать. Пусть наши симпатіи принадлежали опредѣленному общественному слою. Но все же мы помнили, что «Россія по преимуществу крестьянское государство», какъ выразились генералы Лобко и Глазовъ при обсужденіи избирательнаго закона 6 августа 1905 г. И, памятуя объ этомъ, мы старались хотя бы только оффиціально, хотя бы лишь на словахъ сохранять нѣкоторый демофильскій лоскъ. Но когда игра становится азартной, кто же помнить о мелочахъ туалета? 3 іюня 1907 г. у насъ хватило храбрости «смыть краски и стереть румяна». И 1907 годъ «крестьянское государство—Россія» закончила «дворян-

1) «Рѣчь», 9. I. 1908.

ской Думой» и открытымъ, гласнымъ, демонстративнымъ выступленіемъ «мѣстныхъ представителей власти» и дворянства на поприще совместной борьбы съ крестьянствомъ. Мы до того охрабрѣли, что у насъ, повидимому, даже не шевелится сомнѣніе:

— Неужели способно крестьянское государство, которое втеченіе вѣковъ питалось извѣстными иллюзіями относительно власти, переварить столь разительную перемѣну декорацій?

IV.

Въ прошломъ году «Вѣстникъ Европы» отмѣчалъ, какъ знаменательную особенность русской жизни,—чрезвычайное качественное пониженіе личнаго состава, обслуживающаго правительственный механизмъ. Отъ Милютиныхъ, Ростовцева, Головнина къ Дурново, Куропаткину и Трепову,—таковъ путь этой нисходящей кривой, которая опускается съ методической правильностью, почти ни разу не повышаясь на протяженіи послѣднихъ 25—30 лѣтъ. Надо, однако, помнить, что измѣнялось не только качество машинистовъ. Измѣнялась и работа, возлагаемая на машину. И не такъ оно просто рѣшается,—оттого ли машина иначе работаетъ, что машинисты другіе, или оттого машинисты другіе, что машинѣ приходится исполнять иную работу. Однѣ задачи возлагались обстоятельствами времени на Милютиныхъ. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ пришлось стать у рычаговъ машины г. Куропаткину. Свою работу г. Куропаткинъ выполнялъ старательно. Но Милютинъ, быть можетъ, пришелъ бы въ ужасъ отъ одного предположенія, что такая работа возможна.

По словамъ кн. Урусова, гр. Витте, въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ, едва не упалъ въ обморокъ, когда узналъ, что для содѣйствія задачамъ союза русскаго народа при департаментѣ полиціи учреждена тайная типографія. И, вообще говоря, вполне возможенъ министръ, способный дѣйствительно упасть въ обморокъ при обнаруженіи такихъ обстоятельствъ, если онъ ясно представляетъ, къ чему идетъ правительство, вступившее на такой путь. По крайней мѣрѣ, тотъ же кн. Урусовъ отчетливо понималъ гибельность этого пути. Но вотъ на смѣну гр. Витте сталъ г. Горемыкинъ и приказалъ печатать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» телеграммы союза русскаго народа; затѣмъ дѣло дошло до открытаго призванія, что союзъ—правительственная организація. И пока ничто не мѣшаетъ г-ну Горемыкину торжествовать и чувствовать свое превосходство:

— Ну, вотъ, молъ, вл. пугались, будто ни вѣсть что произойдетъ. Однако, смотрите сами,—землетрясенія не случилось, солнце не померкло...

Припомните, какъ возникли основные законы 23 апрѣля. Ихъ

проектъ былъ напечатанъ заранее, какъ бы съ цѣлью позиционировать почву. Цѣлый рядъ дѣятелей весьма умѣреннаго образа мыслей пришелъ въ ужасъ отъ мысли издать основные законы передъ появленіемъ первой Думы и помимо нея. Раздались голоса, что страна сочтетъ такой актъ за отказъ отъ обѣщаній 17 октября, что страна не проститъ, что такіе законы не будутъ имѣть авторитета въ глазахъ самого правительства. Словомъ, заранее убѣдительно предсказывалось все то, что потомъ исполнилось съ почти буквальной точностью. И проектъ основныхъ законовъ былъ исчезъ. По газетнымъ свидѣніямъ, отъ мысли узаконить этотъ проектъ отказался самъ г. Витте. Но явился храбрый человѣкъ г. Горемыкинъ.

— И ничего... Землетрясенія не случилось. Солнце не померкло.

Цѣлый рядъ дѣятелей весьма умѣреннаго образа мыслей приходилъ въ ужасъ отъ мысли «разогнать первую Думу». Краснорѣчиво доказывалось, что этотъ шагъ тяжело отзовется на престижъ власти, что онъ ввергнетъ страну въ состояніе анархіи, что это будетъ для правительства началомъ бѣдствій, болѣе страшныхъ, чѣмъ «октябрьская смута». Послѣдствія были такъ очевидны, что, говорятъ, самъ г. Горемыкинъ не рѣшился взять на себя отвѣтственность. Нынешній предсѣдатель совѣта министровъ храбрѣе.

— И ничего. Землетрясенія не случилось. Солнце не померкло.

У русской общины много противниковъ, много и сторонниковъ. О ней издавна идетъ большой споръ. Однако до сихъ поръ всѣ были согласны, что община—явленіе, обусловленное всѣмъ ходомъ хозяйственной жизни, совокупностью чрезвычайно сложныхъ и глубокихъ историческихъ и экономическихъ причинъ. Никому, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ дѣломъ, не приходило въ голову, что общину можно «упразднить» съ такою же легкостью, съ какою нѣкоторые инспектора народныхъ училищъ «упраздняли» деревенское росписание дня:

«Въ видахъ удобства ревизіи предлагаю во всѣхъ сельскихъ школахъ вѣреннаго мнѣ района приступать къ занятіямъ не ранѣе 9 часовъ утра»...

Но пришли храбрецы. «И ничего,—землетрясенія не случилось, солнце не померкло»...

А новый избирательный законъ. Слухи о немъ, какъ пробные шары, появились задолго до 3 іюня. И даже г. Пилленко въ «Новомъ Времени» счелъ необходимымъ доказывать, что этотъ шагъ приведетъ власть къ тяжкому крушенію. Но 3 іюня произошло.

— И ничего. Землетрясенія не случилось. Солнце не померкло.

1907 годъ какъ бы завершилъ эпоху экспериментовъ, которыми какъ бы воспроизведена старинная сказка о мужикѣ Фалалеѣ, нашедшемъ кладъ, и колдунѣ.

— Ну, Фалалейшка, — говорит колдунъ, — въ этой шкатулкѣ все алмазы да изумруды. Смотри, — ихъ нельзя куда зря расшвыривать.

А Фалалей давай горстями въ болото кидать:

— Вотъ самъ видишь, — по твоему нельзя, а по моему можно...

— А это, Фалалейшка, — деньги. Смотри, — ихъ нельзя въ нечкѣ жечь.

А Фалалей схватилъ лопату и ну изъ сундука въ печь бросать:

— Почему нельзя? Вотъ видишь, — можно...

И, такъ какъ разстройство социальной машины довольно долго можетъ проявляться въ единичныхъ фактахъ, прежде чѣмъ сложится въ окончательный и потрясающій итогъ, то экспериментаторы не шутя вообразили себя побѣдителями. Убѣдившись на опытѣ, что итогъ сразу не получается, что непосредственно за каждымъ экспериментомъ землетрясенія не происходитъ, они не шутя стали думать, что итога вообще не будетъ, а поэтому «все можно». Тонъ экспериментаторовъ, въ началѣ осторожный, не лишанный опасливаго: «какъ бы чего не вышло», «какъ бы не насмѣшить людей», постепенно повышается, крѣпнеть и переходитъ въ откровенный кличъ торжествующихъ побѣдителей.

Во врежѣна первой Думы не обошлось безъ покушеній, напри- мѣръ, на депутатскую неприкосновенность. Не обошлось безъ арестовъ и ссылокъ за обращеніе къ депутатамъ и Думѣ. Стенографическіе отчеты первой Думы недаромъ заканчиваются жалобой нѣкоей Аграфены Бабиной:

«Помогите! Мужъ мой былъ выбранъ обществомъ отвезти общественный приговоръ въ Думу... въ Думѣ мужъ былъ 19 іюня. 26 іюня его арестовали и увезли куда-то... Помогите! Помогите!»...

Но въ ту пору, когда Аграфена Бабина взывала о помощи, мы еще старались дѣйствовать осторожно. Во времена второй Думы мы стали храбрѣе. И 20 апрѣля 1907 г. въ «Кіевскомъ Голосѣ», напр., появилась замѣтка:

«Мѣстной администраціей и лученъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ объ установленіи надзора за дѣятельностью депутатовъ, пріѣзжавшихъ на родину во время Пасхи».

Теперь власть совсѣмъ откровенна:

«На Бѣлорѣцкой (Ураль) заводѣ пріѣхавшему депутату третьей Думы Косоротову было предложено полиціей «по заводу не шляться, съ рабочими много не разговаривать и... поскорѣ выѣхать» ¹⁾.

И совсѣмъ откровенны союзники власти: г. Хомяковъ опубликовалъ нѣчто въ родѣ «приказа населенію»: «обращаться въ Думу законами воспрещается».

¹⁾ „Рѣчь“, 27 ноября. 1907.
Январь. Отдѣлъ II.

Пусть, по вашему, это—недѣльность съ точки зрѣнія интересовъ самого г. Хомякова и тѣхъ, по чьей рекомендаціи онъ избранъ въ предсѣдателя Думы. А по нашему, все—пустяки, все можно.

Еще въ 1906 г. началось амнистированіе «лицъ, осужденныхъ по дѣламъ черносотенныхъ убійствъ и погромовъ». Но въ ту пору мы были осторожны. И первыя помилованія составляли какъ бы секретъ, о которомъ печать узнавала изъ частныхъ и случайныхъ источниковъ. Тогда и обвиняемые въ погромахъ держались сравнительно скромно. Нынѣ самъ министръ юстиціи г. Щегловитовъ официально по телеграфу предписываетъ: «приостановить исполненіе приговора надъ обвиненными за участіе въ житомирскомъ погромѣ». А о самочувствіи очередныхъ кандидатовъ на помилованіе можно судить по неоконченному пока процессу о кievскомъ погромѣ. Обвиняемые угрожаютъ свидѣтелямъ, третируютъ судей и даже ухищраются во время судебного засѣданія совершать карманныя кражи:

— Валяй, ребята, во всю... Все равно наша взяла...

Годъ назадъ мы еще чувствовали нѣкоторую неловкость при напоминаніи о россійской паспортной системѣ. Теперь установили правило, что даже въ петербургскую публичную бібліотеку нельзя войти безъ предъявленія «вида на жительство». Еще недавно мы чувствовали необходимость афишировать, что «у насъ все по закону». Въ ноябрѣ, по словамъ «Рѣчи», «вновь назначенный кievскій прокуроръ Кукурановъ публично заявилъ, что въ своей служебной дѣятельности онъ будетъ руководствоваться деклараціей премьера Столыпина». А въ январѣ елецкій окружный судъ заявленіе прокурора: «насколько мнѣ извѣстно, правительство въ сентябрѣ измѣнило свой взглядъ», принимаетъ какъ мотивъ къ судебному рѣшенію (по дѣлу Стаховича, см. «Слово», 15 января). Еще недавно слово шпионъ считалось оскорбительнымъ. Теперь членъ государственнаго совѣта г. Вик. Карповъ публично предлагаетъ екатеринославскому губернскому земскому собранію: «завести опытныхъ сыщиковъ, организовать по уѣздамъ сыскную часть и взять на себя инициативу по указанію правительству, кто изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, склоненъ къ ниспроверженію существующаго строя». И губернское земское собраніе отвѣчаетъ на это криками:

— «Да, да, необходимо» 1)

Мы освободились отъ всякихъ сдерживающихъ началъ и стали подобны тому уряднику Серпуховскаго уѣзда, о которомъ недавно рассказывалось въ газетѣ «Слово Правды». Этотъ урядникъ во время службы ввалился въ алтарь старообрядческаго храма и закричалъ на священника:

— «Ты, мужикъ,—знаешь, кто я?».

1) «Рѣчь», 28. XII, 1907.

И выгнать священника изъ алтаря ²⁾).

Урядникъ, изгоняющій священника изъ алтаря во время церковной службы, — вотъ почти символическая фигура торжествующаго побѣдителя. Собственно, побѣдителемъ онъ считаетъ себя по недоразумѣнью. Вся его побѣда состоитъ лишь въ рѣшимости дѣйствовать вопреки основнымъ законамъ и правиламъ общественнаго бытія. И никакой нужды не было ему врыватья въ алтарь и производить безчинство, какъ никакой надобности не было члену Государственнаго Совѣта г. Карпову публично приглашать земское собраніе къ учиненію политическихъ доносовъ,—этѣ опытный чловѣкъ и знаетъ, что есть вещи, которыя можно дѣлать, но о которыхъ благоразуміе не говорить. Но побѣдитель попалъ на наклонную плоскость. Онъ разогнался. Ему нельзя остановиться. И онъ летитъ стремглавъ. Куда,—едва ли нужно объяснять.

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

Революція наоборотъ.

I.

Правительство продолжаетъ осуществлять свою аграрную программу. Задача, которую оно поставило себѣ въ этой области, рѣзко отличается отъ той, которой оно занято въ сферѣ политики. Тамъ его дѣло просто: нужно отодвинуть жизнь назадъ, отобрать то, что было уступлено подъ напоромъ народнаго возбужденія, возстановить *status quo ante*. Контръ-революція, реакція, реставрація — таковы формулы, которыми общественная мысль сравнительно легко охватываетъ совокупность правительственныхъ актовъ въ этой области. Вполнѣ возможно, что и исторія потомъ воспользуется однимъ изъ этихъ словъ для обозначенія переживаемаго нами періода **).

*) Цит. по „Сѣверу“, 12 декабря. 1907.

***) Движеніе назадъ, возвратъ къ прошлому—это, несомнѣнно, самая характерная черта политической жизни за послѣдніе два года. Не лишне будетъ, однако, замѣтить, что жизненный процессъ и въ этой области много сложнѣе, чѣмъ рисуютъ его общепотребительныя формулы. Такъ, достаточно уже выяснилось, что естественнымъ предѣломъ попятнаго движенія, какое наблюдается въ жизни, ни въ коемъ случаѣ нельзя считать реставрацію, возстановленіе того, что было. Волны раскатившейся

Совершенно иную задачу правительство вынуждено было себѣ поставить и теперь ѣтыается разрѣшить въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Дѣятельность его въ этой области нельзя назвать ни контръ-революціей, ни тѣмъ менѣе реставраціей, ни даже реакціей.

Отбратить назадъ у народа въ этой сферѣ нечего, такъ какъ никакихъ уступокъ, даже бумажныхъ,—здѣсь ему сдѣлано не было. Правда, манифестъ по этой части въ свое время былъ. Онъ былъ изданъ 13 ноября 1905 года, когда «неслышанная смута»—какъ говорилось въ немъ—«перешла въ селенія». Но даже въ ту критическую пору частная собственность на землю осталась неприкосновенной: ея не затронули даже на бумагѣ. Для отставиванія же ея въ жизни немедленно были командированы, какъ извѣстно, три генерала съ пулеметами. Противъ «смуты въ селеніяхъ», гдѣ на этотъ случай имѣлись только «дрючки», средство было надежное. Въ виду такого соотношенія силъ, «милость» была ограничена небольшой скидкой въ налогахъ, — примѣрно около рубля на душу, если имѣть въ виду только крестьянское населеніе, а по расчету на весь русскій народъ и того меньше. Все дѣло свелось, такимъ образомъ, къ политической уступкѣ, и при томъ такой, отобрать которую для тѣхъ, кто держитъ власть въ своихъ рукахъ, ровно ничего не стоитъ. Не далѣе, какъ въ прошлый разъ, мнѣ уже пришлось отмѣтить, что на государственномъ бюджетѣ отмѣна выкупныхъ платежей нисколько не отразилась: онъ продолжалъ въ послѣдніе годы наростать прежнимъ темпомъ, какъ будто никакого измѣненія и не было... Что касается социальнихъ отношеній, то они манифестомъ 3 ноября ни на юту не были затронуты.

реакціи стремятся отнести насъ,—а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и отнесли уже,—много дальше того пункта, до котораго докатилась жизнь, слѣдуя по прежнему историческому руслу. Предоставленные самимъ себѣ, эти волны грозятъ смыть всѣ пріобрѣтенія культуры, всѣ зачатки гражданственности. Уже теперь отъ того „прочнаго правопорядка“, надъ созданиемъ котораго такъ долго трудилась бюрократія, остались, можно сказать, одни руины: орнаменты права обвалились, штукатурка законности осыпалась, устои „самобытной формы“ обнажились. Совершенно явственно обозначился создавшій и поддерживающій эту форму кулакъ—*ultima ratio* современного порядка. Если реакція не отнесла еще насъ въ доисторическую даль, то только потому, что въ жизни не прекратились другія теченія, стремящіяся не назадъ, а впередъ. Борьба новыхъ силъ со старыми, сколь побѣдоносной ни казалась бы намъ реакція, продолжается. Въ результатъ этой борьбы и получается та кривая, до-нельзя изломанная и быстро измѣняющаяся линія, какую представляетъ изъ себя равнодѣйствующая политической жизни. Во многихъ пунктахъ реакція отобрала не только то, что быто уступлено подъ напоромъ революціи, но и многое изъ того, что было завоевано раньше; въ другихъ — она не сдѣлала, да, вѣроятно, и не сдѣлаетъ сколько-нибудь замѣтныхъ успѣховъ. Въ настоящій моментъ трудно даже предугадать, когда и какъ эта линія выравняется.

Аграрный строй остался неприкосновеннымъ. Стало быть, и реставрировать его нечего.

И несомнѣнно, что отнюдь не реставраціей правительство занято теперь въ этой области. Чѣмъ же? Чтобы яснѣе быть отвѣтъ, позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе личнаго характера.

Надъ тѣмъ же самымъ вопросомъ мнѣ пришлось недавно задуматься, сидя на скамьѣ подсудимыхъ. Я попалъ на нее въ довольно большой компаніи по обвиненію всѣхъ насъ, какъ сообщество, въ намѣреніи ниспровергнуть существующій строй путемъ уничтоженія частной собственности на землю. Признаюсь, грѣшенъ я въ этомъ: желаніе измѣнить въ этомъ направленіи аграрный строй у меня есть, — самое задушевное, можно сказать, желаніе. Начальству оно извѣстно и судьямъ въ немъ я, какъ на духу, признался. И все-таки я задумался: почему именно меня они судятъ и судятъ въ данной именно компаніи? Надо сказать, что собрали насъ съ разныхъ мѣстъ, въ большинствѣ другъ другу незнакомыхъ. Компанія подобралась хорошая, но она могла быть и хуже. «Ниспровергатели» вѣдь всякіе имѣются... Въ частности, почему нѣтъ тутъ съ нами, на скамьѣ подсудимыхъ, П. А. Столыпина? Вѣдь, если кто ниспровергаетъ общественный строй, то, конечно, онъ въ сообществѣ съ княземъ Васильчиковымъ. Мнѣ за ними во всякомъ случаѣ не угнаться...

Въ самомъ дѣлѣ: я желалъ бы уничтожить частную собственность на землю, а они желаютъ уничтожить собственность общинную, подворную и чуть ли не всю государственную. Всѣ эти виды собственности основаны на законѣ и всѣ они могутъ съ равнымъ правомъ считаться опорой существующаго у насъ общественнаго строя. Само собой понятно, кажется, что если выдернуть три подпорки, то ниспроверженіе скорѣе послѣдуетъ, чѣмъ если уничтожить одну. Частновладѣльческихъ земель у насъ насчитывается меньше 100 милл. дес., а надѣльныхъ больше 130 милл., государственныхъ свыше 150 милл. дес., — и это въ одной только Европейской Россіи, не считая необъятныхъ пространствъ въ Сибири и Ср. Азій, гдѣ личной поземельной собственности совсѣмъ почти нѣтъ. Спрашивается: чей умыселъ — мой или г. Столыпина — опаснѣе? Отмѣна частной собственности на землю измѣнить социальное положеніе, самое большее, 130,000 собственниковъ, а уничтоженіе общинной и подворной — затронетъ многомилліонную массу народа. Если это потрясеніе, то затѣянное г. Столыпинымъ, казалось бы, несравненно сильнѣе. Главное же: я еще только мечтаю объ осуществленіи своего плана и самое большее, если его проповѣдую, а г. Столыпинъ съ кн. Васильчиковымъ свой планъ уже осуществляютъ. Дѣйствительные-то революціонеры, выходигъ, они, мы же просто-на-просто «мечтатели»... И на счетъ скамьи подсудимыхъ имъ, казалось бы, должно принадлежать несомнѣнное первенство...

Еслибы я былъ прокуроромъ, то на поставленный выше вопросъ, чѣмъ занято въ настоящее время правительство въ аграрной сферѣ, я, не колеблясь ни одной минуты, отвѣтилъ бы: ниспроверженіемъ существующаго общественнаго строя. Но такъ какъ я не прокуроръ и терминологія уголовного уложенія не представляется мнѣ достаточно удачною, то для обозначенія этой дѣятельности приходится искать другое выраженіе...

Въ періодъ перваго междудумья мнѣ пришлось уже писать объ аграрной политикѣ нынѣшняго правительства, въ то время только еще опредѣлявшейся. Переворотъ, какой задумало министерство въ этой сферѣ, я назвалъ тогда «революціей наоборотъ» *). Думаю, что и теперь лучше всего будетъ сохранить это выраженіе, сдѣлавъ на его счетъ кое-какія поясненія.

Выше я упомянулъ, что дѣятельность правительства въ аграрной сферѣ нельзя назвать реакціонною. На этомъ я и сейчасъ настаиваю,—не потому, однако, что революція несомнѣстима съ реакціей. Революцію возможно произвести и впередъ и назадъ, вообще въ любую сторону. Больше того: когда болгары прогнали Александра Баттенбергскаго и возвели на тронъ Фердинанда Кобургскаго, то, можно сказать, они произвели революцію. Въ дѣйствительности же они просто-на-просто перекувырнулись на мѣстѣ. Теоретически, поскольку дѣло касается направленія, революціи возможны всякія, но практически не всѣ онѣ оказываются при тѣхъ или иныхъ условіяхъ выполнимыми.

Въ частности, для насъ податься назадъ въ сферѣ аграрныхъ отношеній рѣшительно некуда. Произвести революцію въ данномъ направленіи это значило бы возстановить крѣпостное право. Тяготѣніе въ эту сторону, несомнѣнно, есть, и силы, готовые произвести такой переворотъ, вѣроятно, нашлись бы. Но дѣло въ томъ, что попытка вернуть «доброе старое время» уже была произведена въ эволюціонномъ порядкѣ и толку изъ этого не вышло. «Почетливую власть» надъ крестьянами возстановили, но оказалось, что многого изъ нея по нынѣшнимъ временамъ уже не извлечешь. Вообще по прежнему пути идти некуда — и этому имѣются несомнѣнныя доказательства: давно уже начались голодъ и безработица и впереди остается одно лишь кладбище. Такъ или иначе, но нужно выходить на другую дорогу. Подавивъ народъ, который заволновался по этому случаю, правительство вынуждено теперь само выполнить задачу, именуемую революціей. Аграрный вопросъ необходимо рѣшить по существу,—ни отсрочить его, ни уклониться отъ его рѣшенія немислимо. И вотъ правительство собственными руками копаешь теперь выходъ для народно-хозяйственной жизни въ новое русло.

О сущности аграрной проблемы, какъ она сложилась въ усло-

*) См. „Народно-соціалистическое Обзорніе“, вып. I. Спб. 1906 г.

віахъ русской дѣйствительности, мнѣ не разъ уже приходилось бесѣдовать съ читателями *). Двѣ неотложныхъ задачи стоятъ въ этомъ случаѣ передъ нами.

Необходимо, во-первыхъ, упрочить социальное положеніе сельско-хозяйственнаго производителя, обезпечивъ ему матеріальную возможность вести и развивать свое хозяйство. Для этого же необходимо устранить крупную аномалію, какая имѣется въ нынѣшнемъ аграрномъ строѣ. Крестьянинъ, которому приходится у насъ выносить на своихъ плечахъ главную тяжесть сельско-хозяйственнаго производства, лишь по виду является самостоятельнымъ хозяиномъ, получающимъ весь слѣдуемый ему доходъ; въ дѣйствительности же это—батракъ, вынужденный довольствоваться самой жалкой заработной платой. Весь прибавочный продуктъ, за счетъ котораго онъ могъ бы улучшать и развивать свое хозяйство, экспроприруется у него правящими классами. Само собой понятно, что, пока сельско-хозяйственный производитель остается на этой двусмысленной позиціи, производительныя силы въ сельско-хозяйственной сферѣ развиваться не могутъ.

Необходимо, во-вторыхъ, освободить сельско-хозяйственнаго производителя, обезпечивъ ему возможность жить тамъ и вести хозяйство такъ, гдѣ и какъ онъ хочетъ,—правильнѣе, впрочемъ, будетъ сказать, гдѣ и какъ требуютъ этого властныя условія рынка. Для этого же необходимо устранить цѣлый рядъ аномалій, стѣсняющихъ и уродующихъ производительную дѣятельность населенія. Напомню тѣ, которыя непосредственно связаны съ аграрнымъ строемъ,—по крайней мѣрѣ, наиболѣе важныя изъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія необходимо, прежде всего, отмѣтить, что колонизація страны, встрѣчавшая втеченіе всей исторіи многочисленныя препятствія и неоднократно въ нѣкоторыхъ направленіяхъ вовсе прерывавшаяся, доселѣ въ Россіи не закончена. Размѣщеніе населенія въ той части территоріи, которая уже занята, въ основныхъ своихъ чертахъ сохраняетъ до сихъ поръ принудительный характеръ, оставшійся отъ временъ крѣпостного права, когда крестьянъ продавали на съезъ и переселяли по прихоти помѣщика. Внутренняя миграція населенія,—перемѣщеніе его въ зависимости отъ постоянно измѣняющихся условій экономической жизни,—до нельзя затруднена,—затруднена прежде всего формами землевладѣнія, въ основѣ которыхъ лежатъ прямо противоположныя начала. Территорія раздѣлена какъ бы на три части—надѣльную, частную и государственную,—раздѣлена непроходимыми, можно сказать, рвами. Въ частности, надѣльная земля, представляющая самую важную въ производственномъ отношеніи часть территоріи, будучи закрѣплена въ

*) См. «Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграрной реформы». Спб. 1906 г. Изд. 3-е, стр. 143—149; «Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ». Спб., 1906 г., стр. 71 — 93; «На очередныя темы», «Р. В.», августъ, 1906 г., стр. 183—193.

цѣломъ за сословіемъ, подѣлена еще на мелкіе клочки, пригороженные къ отдѣльнымъ дворамъ и селеніямъ. Легко понять, какъ все это должно стѣснять производительную дѣятельность населенія, въ особенности теперь, въ условіяхъ мѣнового хозяйства, когда емкость территоріи должна опредѣляться рынкомъ, такъ какъ отъ него зависятъ, рационально ли въ каждомъ данномъ случаѣ хозяйство углубить или его необходимо и возможно еще расширить... Нужно закопать рвы и снять перегородки, избородившіе во всѣхъ направленіяхъ территорію, и дать населенію возможность свободно расположиться и затѣмъ свободно перемѣщаться въ предѣлахъ всей, находящейся въ его обладаніи, страны. Такова эта вторая задача, которую я опредѣлилъ, какъ освобожденіе сельско-хозяйственного производителя.

Рѣшить аграрный вопросъ, какъ онъ поставленъ русской жизнью, это значитъ прежде всего рѣшить только что указанныя мною задачи *). Правительство и пытается теперь это сдѣлать.

Въ настоящее время—говорилъ во второй Думѣ г. Столыпинъ — государство у насъ хвораетъ. Самую больную, самую слабую часть, которая хирѣетъ, которая завядаетъ, является крестьянство. Ему надо помочь. Надо дать толчекъ организму, создавъ приливъ питательныхъ соковъ къ больному мѣсту, и тогда организмъ осилитъ болѣзнь *).

Можно сомнѣваться въ томъ, что безкорыстное желаніе помочь хирѣющему крестьянству руководить правительствомъ. Конечно, въ данномъ случаѣ играютъ роль другія, болѣе вѣскія для него, соображенія. Тѣ затрудненія въ народно-хозяйственной жизни, о которыхъ я говорилъ выше, сказываются, прежде всего, въ производствѣ, а эта область близка и видна даже тѣмъ, кто самъ ничего не производитъ. Устранить эти затрудненія необходимо, такъ какъ иначе и отбирать, въ концѣ концовъ, будетъ нечего. Главное же, и теперь выполнять эту провиденціальную функ-

*) Въ цѣломъ аграрная проблема несравненно, конечно, сложнѣе. Вполнѣ уже выяснилось, напримѣръ, что рано или поздно человѣчеству, а до того, быть можетъ, каждому изъ народовъ въ отдѣльности, предстоитъ такъ или иначе, положить предѣлъ расхищенію общественнаго достоянія, какое производится частными собственниками путемъ присвоенія земельной ренты, представляющей результатъ коллективной жизни и коллективного труда всего общества. Достаточно ясно обозначилась эта задача и передъ нами, но считать ее неотложной мы все-таки не въ правѣ: не она является главнымъ стимуломъ реформы. Еслибы рѣчь шла только о рентѣ, — писалъ уже я въ «Земельныхъ нуждахъ», — то, конечно, мы очень долго мирились бы съ присвоеніемъ ея частными собственниками. Вѣдь даже съ казнокрадствомъ мы справиться все еще не можемъ. И нельзя, конечно, ждать, чтобы нынѣшнее правительство взялось за разрѣшеніе этой задачи. Достаточно напомнить, что среди его дѣятелей, подготовлявшихъ осуществляемую теперь реформу, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занималъ г. Гурко, отношеніе котораго къ общественному достоянію читателямъ, конечно, извѣстно...

***) Стенографическій отчетъ. Государственная Дума, сессія II, засѣданіе 36-е (10 мая, 1907 г.).

цію для правящихъ классовъ стало небезопасно. Аграрный вопросъ «несомнѣнно, хотя бы отчасти, питаетъ смуту». «Я думаю,—говорилъ г. Столыпинъ,—что и землевладѣльцы не могутъ не желать имѣть своими сосѣдями людей спокойныхъ и довольныхъ вмѣсто голодающихъ и погромщиковъ»... Но оставимъ это. Не столь важны тѣ мотивы, которыми руководятся политическіе дѣятели, сколько тѣ цѣли, которыя они ставятъ, и тѣ средства, которыми они пользуются.

Цѣль правительства—заявилъ тогда же г. Столыпинъ — вполне опредѣлена: правительство желаетъ поднять крестьянское землевладѣніе, оно желаетъ видѣть крестьянина богатымъ, достаточнымъ... Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться отъ тѣхъ тисковъ, отъ тѣхъ теперешнихъ условий жизни, въ которыхъ онъ въ настоящее время находится...

Создать вѣрняка крестьянина и свободного производителя—такова, говоря кратко, цѣль, которую поставило себѣ правительство. Задачи, которыя оно намѣрено разрѣшить, какъ видятъ читатели, тѣ же самыя, которыя сильнѣе, можетъ быть, чѣмъ что-либо другое, обусловили неизбежность переживаемаго страной кризиса. И средства, къ которымъ рѣшилось прибѣгнуть для этого правительство, можно сказать, тѣ же самыя, которыми съ самаго начала вознамѣрилась воспользоваться революція. Эти средства: земли казенныя, удѣльныя, частновладѣльческія... Да, даже частновладѣльческія. Характерно, что правительство изъявило готовность передвинуть послѣднія въ большемъ даже количествѣ, чѣмъ нѣкоторыя оппозиціонныя партіи.

Теперь надлежитъ—продолжалъ предсѣдатель совѣта министровъ—немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ. Придется всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельного запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо на льготныхъ условияхъ. Мы слышали тутъ, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всѣмъ крестьянамъ, необходимо имѣть запасъ въ 57.000.000 дес. земли... Я цифры не оспариваю. Тутъ же указывалось на то, что въ распоряженіи правительства находится только 10.000.000 дес. земли. Но, господа, вѣдь правительство только недавно начало образовывать земельный фондъ, вѣдь крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями...

57 милл. десятинъ, и даже больше того, если «придется»: вѣдь, «я цифры не оспариваю». Вотъ, вѣдь, до чего доходитъ готовность правительства. Такого количества земли не обѣщаетъ крестьянамъ даже к.-д. проектъ не только въ нынѣшнемъ, «разработанномъ», но, пожалуй, и въ своемъ первоначальномъ видѣ... Не вправѣ ли я былъ сказать, что правительство намѣрено произвести въ аграрномъ строѣ революцію?

Чѣмъ же отличается революція, которую осуществляетъ прави-

тельство, отъ революціи, которая начата народомъ?.. Не рѣдко въ качествѣ отличительнаго признака указываютъ на то, что оппозиціонныя партіи (до партіи мирнаго обновленія включительно) настаиваютъ на принудительномъ отчужденіи земли или, по крайней мѣрѣ, допускаютъ его; правительство же и всѣ, которые съ нимъ, принципиально исключаютъ этотъ способъ рѣшенія аграрнаго вопроса. Но это же, вѣдь, несомнѣнное недоразумѣніе. Развѣ не на основѣ принудительнаго отчужденія происходитъ въ силу указа 9 ноября расхищеніе общинныхъ земель? Развѣ по добровольному соглашенію съ киргизами правительство отбираетъ ихъ земли подъ переселенцевъ? И развѣ не замышляетъ оно въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ съ тою же цѣлью принудительное отчужденіе какъ киргизскихъ земель, такъ и земель, находящихся во владѣніи сибирскихъ старожиловъ? А «иже съ нимъ»... союзники, на примѣръ. Развѣ они не проповѣдуютъ принудительнаго отобранія земель чуть ли не у всѣхъ инородцевъ? И эта проповѣдь слышится вѣдь, не только изъ келій почаевского монастыря; мы слышали ее и съ думской трибуны. Напомню программу, которую развилъ во второй Думѣ г. Пуришкевичъ.

Я думаю,—говорилъ онъ—что мы вовсе не покривимъ душою и не нарушимъ закона, если скажемъ киргизамъ, что ту землю, которою они теперь надѣлены, они должны уступить русскому народу. Мы также здѣсь слышали отъ представителя Кавказа, говорившаго намъ, что мы вводимъ русификацію на Кавказѣ тѣмъ, что способствуемъ заселенію кавказскихъ земель русскими крестьянами. Я считаю, что такія дѣйствія вполнѣ законны, такъ какъ земли эти завоеваны не для кавказца, а для русскаго народа. Многія конфискованныя земли польскіе помѣщики получили обратно. Мы не сдѣлаемъ натяжки, если скажемъ, что земли, конфискованныя за преступленія противъ русскаго народа, должны быть обратно ему возвращены... Я полагаю, что, если мы пойдемъ такимъ путемъ, громадное количество земель окажется въ рукахъ правительства, и согласно закону эта земля можетъ быть обращена на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ *)...

«Истинно-русскія» начала, которыхъ придерживается правительство, какъ извѣстно, нисколько не мѣшаютъ ему рабски слѣдовать иностраннымъ образцамъ, разъ это выгодно для правящихъ классовъ. Въ аграрной сферѣ это особенно замѣтно. Долго мы пытались устроиться по-ирландски. Но разъ это не выходитъ, то можно попытаться передѣлать все по-вѣмецки. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше выясняется, что аграрная реформа, которую осуществляетъ теперь русское правительство, представляетъ сколокъ съ той, которой много уже лѣтъ занято русское **). Но вѣдь

*) Стенографич. отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы 2 апрѣля 1907 г. (Ш. Т. А.).

**) Сошлюсь въ данномъ случаѣ на пр.-доц. Билимовича, являющагося сторонникомъ аграрной политики правительства и пытающагося въ своей книгѣ дать научное ей обоснованіе. „Программа нашихъ земле-

послѣднее принципа принудительнаго отчужденія даже по отноше-
нію къ частной собственности не исключаетъ,—напротивъ, какъ
разъ теперь оно намѣрено имъ воспользоваться. Впрочемъ возможно,
что и русское правительство еще дойдетъ до этой точки. «При-
нудительное отчужденіе» не можетъ считаться отличительнымъ
признакомъ и въ томъ случаѣ, если мы посмотримъ на дѣло съ
другой стороны. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы к.-д. партію,
которая до послѣдняго времени обнаруживала склонность видѣть
въ «принудительномъ отчужденіи» главное отличие своей аграрной
программы отъ правительственной. Посмотрите, куда сейчасъ обра-
щенъ этотъ мечъ к.-д. партіи,—по виду очень острый, но который
таетъ въ ея рукахъ, «яко воскъ отъ лица огня». Возьмите № 47
«Вѣстника Народной Свободы» за минувшій годъ,—и тамъ вы
найдете составленный г. Кутлеромъ проектъ «побудительнаго вы-
дѣла» общинной земли въ пользу отдѣльныхъ домохозяевъ. Если
№ 47 «Вѣстника», какъ конфискованный, до васъ не дошелъ, то
возьмите № 50,—тотъ же самый законопроектъ тамъ повторенъ
послѣ того, какъ онъ былъ рассмотрѣнъ думской фракціей. «При-

устроительныхъ комиссій,—говоритъ онъ,—довольно точно совпадаетъ съ
теперешними функціями прусскихъ генеральныхъ комиссій. Наказъ же,
содержащій правила для выполненія указанной программы, по предмету
своему очень близокъ къ соотвѣтствующему законодательству Пруссіи...
Закономъ 7 іюня 1821 года и другими дополнительными законами (ге-
неральнымъ комиссіямъ передавъ былъ раздѣлъ общихъ пользованій (т. е.
раздѣлъ общинныхъ земель и разверстаніе сервитутовъ) и уничтоженіе
черезполосицы... Законами 27 іюня 1890 г. и 7 іюля 1891 г. на генераль-
ныя комиссіи возложено, вмѣстѣ съ рентнымъ банкомъ и созданной по
закону 26 апрѣля 1886 г. нѣмецкой поселенческой комиссіей, образованіе
такъ наз. „рентныхъ“ имѣній. Послѣднее состоитъ въ покупкѣ крупныхъ
помѣщичьихъ имѣній, раздѣлъ ихъ на небольшіе участки и поселеніе на
нихъ крестьянъ, при чемъ стоимость земли уплачивается владѣльцу
закладными листами рентнаго банка, покупатель же погашаетъ долгъ
уплатой банку ежегодной ренты. Если добавить,—говоритъ г. Вилимо-
вичъ,—что генеральныя комиссіи завѣдуютъ нѣкоторыми доменами и
основаніемъ на части ихъ крестьянскихъ поселеній, то получится обшир-
ная и крайне сложная сфера дѣйствій, довольно близко подходящая къ
тому, ради чего учреждаются наши землеустроительныя комиссіи“. (Пр-
доп. А. Вилимовичъ. „Землеустроительныя задачи и землеустроительное
законодательство въ Россіи“. Кіевъ, 1907 г. Стр. 17 — 18). Крайне харак-
терно, что вопросъ о „перемѣщеніи занятой уже земельной площади изъ
однихъ рукъ въ другія ради созданія болѣе правильныхъ аграрныхъ
отношеній въ странѣ“ „поставленъ и рѣшается въ Пруссіи путемъ созда-
нія указанныхъ выше рентныхъ имѣній“, при чемъ, какъ поясняетъ
г. Вилимовичъ, „тамъ ставятся главнымъ образомъ національно-полити-
ческая цѣли—увеличеніе нѣмецкаго крестьянскаго землевладѣнія на счетъ
польскаго помѣщичьяго,—но большинство германскихъ государственныхъ
людей и экономистовъ смотрятъ на него шире и видятъ на первомъ
планѣ социальныя задачи—увеличеніе мелкаго землевладѣнія на счетъ
крупнаго“ (стр. 19 и 20). Стало быть, и тамъ имѣются свои „истинно-
нѣмецкіе“ люди а la Пуришкевичъ и свои социаль-политики а la Вилимо-
вичъ, а главное, свое правительство, состоящее изъ аграріевъ...

нудительное отчужденіе» это такой мечъ, который среднія партіи, слѣдуя своему провиденціальному назначенію, могутъ, смотря по обстоятельствамъ, поворачивать въ ту или другую сторону. Этимъ и объясняется, что г. Кутлеръ, у котораго по аграрному вопросу нѣтъ ничего за душой, кромѣ «принудительнаго отчужденія», можетъ такъ легко переходить изъ правительства въ оппозицію. И такова ужъ, должно быть, судьба г. Кутлера, чтобы дѣйствовать невольно: будучи въ правительствѣ, онъ проектировалъ принудительное отчужденіе частной собственности, а теперь, въ качествѣ лидера оппозиціи, проектируетъ такое же отчужденіе общинной.

Нѣтъ, не въ принудительномъ отчужденіи должны мы искать разницу.

Правительственная революція отличается отъ народной, если выразиться кратко, однимъ: направленіемъ... Не разъ уже указывалось, что мы находимся въ настоящее время на распутьи. Путь, по которому шла до сихъ поръ народно-хозяйственная жизнь, оказался прегражденнымъ и, такъ или иначе, нужно перебираться на новую дорогу. Но съ того пункта, на которомъ мы сейчасъ находимся, возможно свернуть въ разныя и притомъ прямо противоположныя стороны.

Выше я указалъ двусмысленную позицію, какую занимаетъ въ настоящее время крестьянство. Легко понять, что это социальное противорѣчіе можетъ быть разрѣшено въ разныхъ направленіяхъ: можно употребить усилія, чтобы крестьянинъ не только по виду, но и въ дѣйствительности былъ хозяиномъ, можно предоставить ему роль батрака, возложивъ веденіе сельскаго хозяйства на другого предпринимателя. Не меньшую аномалію, какъ мы знаемъ, являютъ собою въ современномъ строѣ надѣльныя земли, составляющія не то частную, не то государственную собственность. Но и этотъ мучительный компромиссъ, какимъ надѣлила насъ исторія, можетъ быть разрѣшенъ въ разныя стороны: возможно сдѣлать всю землю личною собственностью или, наоборотъ, всю ее обратить въ государственную.

Едва-ли нужно говорить, въ какую сторону всегда тяготѣло русское правительство. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ тѣ усилія, какія прилагало оно для поддержанія дворянскаго и вообще частнаго землевладѣнія, и тѣ льготы, которыя оно все время предоставляло помѣщичьему хозяйству, а съ другой стороны—то давленіе, подъ какимъ оно неизмѣнно держало крестьянскую массу, чтобы обезпечить помѣщиковъ дешевой рабочей силой. Было сдѣлано, кажется, все возможное, чтобы дать перевѣсъ предпринимательскому хозяйству надъ трудовымъ.

Мечта, что частновладѣльческое хозяйство расплывется на основѣ «свободнаго» труда, довольно широко распространенная въ моментъ отмены крѣпостнаго права, очень скоро разсѣялась. Впрочемъ, правительство съ самаго начала не очень на это полагалось: въ

условія реформы были введены всякаго рода предупредительныя мѣры, чтобы крестьяне съ одной стороны черезчуръ не возгордились, а съ другой, чтобы не разбѣжались и чтобы помѣщики не остались такимъ образомъ безъ батраковъ и арендаторовъ. Потому же съ этою цѣлью были пущены въ ходъ почти всѣ средства, какія имѣлись въ крѣпостномъ арсеналѣ...

Переселенія втеченіе 25 лѣтъ были вовсе запрещены, а потому, когда сдерживать напоръ крестьянской земельной нужды сдѣлалось невозможнымъ, если и допускались, то не иначе, какъ съ разрѣшенія земскихъ начальниковъ, т. е. тѣхъ же помѣщиковъ. Надѣльныя земли, все время оставшіяся въ указанномъ неопредѣленномъ положеніи не то частной, не то государственной собственности, служили той же цѣли прикрѣпленія крестьянъ къ помѣщичьимъ хозяйствамъ въ качествѣ подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ; выкупные платежи, которые привязывали крестьянъ къ землѣ, и круговая порука, которой они были связаны между собою, — таковы были цѣни, которыя удерживали ихъ на отведенныхъ имъ и заблаговременно обставленныхъ «западными» загончикахъ. Помѣщикамъ не требовалось даже аркана, чтобы имѣть всегда готовую для упряжи рабочую скотину. Но кнутъ, чтобы подстегивать ее, имъ былъ предоставленъ въ видѣ положенія о наймѣ на сельскія работы, коимъ установлены, какъ извѣстно, уголовныя кары для нанимающихся. Можно было бы напомнить еще много всякихъ «воспособленій» предпринимателямъ въ ихъ борьбѣ съ трудящимися.

Но все было напрасно. Предпринимательское хозяйство не процвѣло, земля изъ помѣщичьихъ рукъ ускользала. Цѣль, которую правительство надѣялось осуществить посредствомъ вмѣшательства въ хозяйственный процессъ, оказалась этимъ путемъ недосягаемой. Но это не значитъ, что оно отвернулось отъ нея и желаетъ идти въ противоположную сторону. Ту же задачу оно надѣется осуществить теперь путемъ преобразования аграрнаго строя. Изъ сферы хозяйства центръ тяжести своей политики оно перенесло въ сферу землевладѣнія...

Крѣпкаго крестьянина желаетъ создать правительство... Но это не значитъ, что оно желаетъ освободить крестьянскую массу отъ обязанности работать на помѣщиковъ. Еслибы это было такъ, то прежде всего оно должно было бы отобрать кнутъ, который оно предоставило послѣднимъ, т. е. отмѣнить положеніе о наймѣ на сельскія работы. Въмѣсто этого оно вручило имъ еще палку, чтобы погонять заупрямившееся «быдло». Послѣ открытія уже первой Думы неожиданно появились проведенныя въ прежнемъ законодательномъ порядкѣ «Правила противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ», коими установлены въ интересахъ обезпеченія помѣщичьяго хозяйства рабочей силой такія наказанія, какъ арестантскія роты и каторжныя работы. Я не буду говорить о еще

болѣе характерныхъ и нерѣдко еще болѣе сильныхъ административныхъ «воспособленіяхъ», какія въ столь обильномъ количествѣ оказываются за послѣднее время сельскохозяйственнымъ предпринимателямъ. Для меня достаточно было лишь напомнить, что операціи правительства въ сферѣ хозяйства не прекратились и теперь: онѣ продолжаютъ въ прежнемъ направленіи и съ удвоенной, быть можетъ, энергіей. Помѣщикъ по-прежнему, очевидно, считается идеаломъ сельскохозяйственнаго производителя, а безъ батраковъ этотъ производитель ничего, вѣдь, произвести не можетъ...

Само собой понятно, что и въ сферѣ землевладѣнія, гдѣ теперь сосредоточены главныя операціи, правительство стремится обезпечить выходъ въ ту же сторону, что и въ сферѣ хозяйства. Да, оно освободитъ сельскохозяйственнаго производителя. Оно засыплетъ рвы и сниметъ изгороди, оно предоставитъ въ распоряженіе производителя всю территорію, но предоставитъ ее на правахъ.. личной собственности.

Не безпорядочная раздача земель,—читаемъ мы въ деклараціи правительства, съ которой оно выступило въ третьей Думѣ,—не успокоеніе бунта подачками—бунты подавляются силой,—а признаніе неприкосновенности частной собственности и какъ послѣдствіе, отсюда вытекающее, созданіе мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшеннаго землепользованія—вотъ задачи, осуществленіе которыхъ правительство считало и считаетъ вопросами бытія Русской Державы...

(Аплодисменты справа и въ центр).

«Русскую Державу» правительство, конечно, спасетъ и, разъ уже это необходимо, выходъ для жизни въ новое русло проложить. И надѣльный узелъ оно разрубить...

Мы совершенно опредѣленно высказываемъ наше намѣреніе—заявить еще во второй Думѣ кн. Васильчиковъ—распространить блага частной собственности и на ту громадную территорію крестьянскаго землевладѣнія, которая до сихъ поръ этихъ благъ была лишена. Мы это дѣлаемъ, повторяю, вполне сознательно, исповѣдуя, что начало собственности оплодотворяетъ трудъ земледѣльца и что только въ сочетаніи съ этимъ началомъ трудъ земледѣльца получаетъ ту чудодѣйственную силу, которая способна превратить сыпучіе пески въ золото и голую скалу въ цвѣтущій садъ *).

И лишь послѣ того, какъ «сыпучіе пески превратятся въ золото и голая скала въ цвѣтущій садъ», въ Россіи появится, наконецъ, свобода. Это объяснилъ—уже въ третьей Думѣ—г. Столыпинъ.

Пока крестьянинъ бѣденъ,—сказалъ онъ, защищая правительственную декларацію отъ нападковъ оппозиціи,—пока онъ не обладаетъ личной земельной собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины, онъ останется рабомъ, и никакой писанный законъ не дастъ ему блага гражданской свободы..

(Бурные аплодисменты справа и въ центр).

*) Стенографическій отчетъ. Государственная Дума, сессія II, засѣданіе 12-е (19 марта 1907 года).

Видите, какъ хорошо! съ законами на счетъ свободъ можно, стало быть, подождать. Торопиться, во всякомъ случаѣ, не вачѣмъ.

Для того, чтобы воспользоваться этими благами,—продолжалъ г. Столыпинъ—нужна, вѣдь, извѣстная, хотя бы самая малая, доля состоятельности.

Стало быть, правъ былъ лидеръ теперешнихъ прогрессивовъ (мирнообновленцевъ тожъ) г. Ефремовъ, который, ссылаясь на авторитетъ Иоганнеса Мюллера, еще лѣтомъ доказывалъ какъ-то въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ», что «свобода процвѣтаетъ тамъ, гдѣ готовится сыръ». «Существуетъ, по его словамъ, даже физиологическое объясненіе этого явленія... Поднимается производительность сельскаго хозяйства, улучшается питаніе земледѣльца, растетъ и упрочивается его благосостояніе, при которомъ онъ особенно начинаетъ цѣнить свободу» *). Впрочемъ, не на нѣмца Мюллера сослался г. Столыпинъ, и даже не на г. Ефремова, который признаетъ, вѣдь, и обратную формулу, выставленную г. Зайкевичемъ, а именно, что «сыръ распространяется вездѣ тамъ, гдѣ распространяется свобода». При томъ даже неизвѣстно, на какую сторону больше склоняется самъ г. Ефремовъ... Предсѣдатель совѣта министровъ нашелъ другой, совершенно безупречный, авторитетъ. «Мнѣ, господа, вспомнились—сказалъ онъ—слова нашего великаго писателя Достоевскаго, что «деньги—это чеканенная свобода».

Поэтому — продолжалъ онъ—правительство не могло не идти навстрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому врожденному у каждаго человѣка, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое другое природное свойство человѣка. Вотъ почему раньше всего и прежде всего правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ хозяйственнаго быта и улучшеніе его и желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, приобрѣтенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности...

Идя этимъ путемъ, правительство и создастъ крѣпкаго и свободного крестьянина. Оно мирится съ мыслью, что кое-кто изъ крестьянъ перейдетъ на хозяйское положеніе, тѣмъ легче, что этотъ крѣпкій и свободный крестьянинъ еще пригодится.

Мелкій земельный собственникъ — пояснилъ г. Столыпинъ — несомнѣнно явится ядромъ будущей земской единицы; онъ, трудолюбивый, обладающій чувствомъ собственнаго достоинства, внесетъ въ деревню и культуру, и просвѣщеніе, и достатокъ. Вотъ тогда, только тогда писаная свобода превратится и претворится въ свободу настоящую, которая, конечно, слагается изъ гражданскихъ вольностей и чувства государственности и патриотизма...

(Бурные аплодисменты въ центрѣ и справа. Крики: „браво“!).

«Продавъ свою душу черту», какъ выразился бы по этому случаю «мальчикъ безъ штановъ», продавъ ее за блага личной зе-

*) „Московскій Еженедѣльникъ“, 1907 г. № 18.

мельной собственности, этотъ крѣпкій и свободный крестьянинъ явится самой надежной опорой основаннаго на этой собственности общественнаго порядка. За его спиной помѣщики могутъ совершенно спокойно заниматься «производствомъ». Полный чувствъ «государственности и патриотизма», онъ будетъ озабоченъ лишь тѣмъ, какъ бы «прожить на свѣтѣ, не огорчая своихъ родителей». Довольный своей судьбой, онъ съ гордостью будетъ говорить: я—бауеръ... Читатели помнятъ, конечно, эту сценку *):

Мальчикъ съ штанахъ. Я—бауеръ.

Мальчикъ безъ штановъ. Это мужикъ, что ли?

Мальчикъ съ штанахъ. Не мужикъ, но земледѣлецъ.

Мальчикъ безъ штановъ. Ну, да извѣстно... мужикъ!

Мальчикъ съ штанахъ. Нѣтъ, земледѣлецъ. Мужикъ—это русскій, а у насъ земледѣлецъ...

Разъ реформа производится по нѣмецкому образцу, то и результатъ долженъ получиться нѣмецкій. Само собой понятно, что остальная крестьянская масса—этотъ русскій «мальчикъ безъ штановъ»—тоже передвинется на болѣе опредѣленную позицію,—займетъ положеніе въ родѣ нѣмецкаго Knecht'a. Еслибы при этомъ передвиженіи произошло какое замѣшательство, то Вапер, разъ мы имъ обзаведемся, поможетъ. Онъ совершенно резонно разсудить.

Мальчикъ съ штанахъ. Знаешь ли, русскій мальчикъ, что я думаю!.. Господинъ Гехтъ охотно бы васъ въ кнехты принялъ. Вы подума те только: вы какъ у себя спите? что кушаете? А тутъ вамъ сейчасъ войлокъ для сна въ хорешій дадутъ, а пища—даже въ будни горюхъ съ свинымъ саломъ!..

Двусмысленности изъ русской жизни будутъ такимъ образомъ устранены... При этомъ и помѣщики безъ рабочей силы не останутся.

Да, революцію, разъ нельзя безъ этого обойтись, правительство произведетъ, но только въ сторону, какъ разъ обратную той, въ которую стремится рабочій народъ,—въ сторону личной, а не коллективной собственности, въ сторону буржуазнаго, а не трудового хозяйства.

Революція наоборотъ... Таково дѣло, которымъ правительство занято теперь въ аграрной сферѣ. Оно сравнительно мало привлекаетъ къ себѣ общественное вниманіе,—последнее цѣликомъ почти сосредоточено на политической реакціи. Между тѣмъ эта реакція, сколь бы побѣдоносной она въ данный моментъ ни являлась и какъ бы далеко назадъ она насъ ни отбросила, представляетъ завѣдомо проходящее явленіе. Это—не рѣшеніе вопроса, а только отсрочка.

Бываетъ иногда, что рѣка, встрѣтившись съ преградой, начи-

*) М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ). За рубежомъ.

наеть течь какъ будто вспять. Не то же ли самое происходитъ сейчасъ въ политической жизни Россіи?

И вотъ,

Рѣдѣтъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаеть...
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...

И силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло...

Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли
Пожитки бѣдной нищеты;
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плынуть по улицамъ!..

Народъ

Зрять Божій гнѣвъ и казни ждеть,
Увы! все гибнетъ...

Но вѣдь мы же знаемъ, что рѣки назадъ течь не могутъ *). Вода одолѣетъ преграду,—даже еслибы это была самая прочная, сооруженная по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства, плотина. И это, пугающее сейчасъ насъ, разрушительное теченіе, которое готово все снести въ своемъ попятномъ бѣгѣ, — теченіе поверхностное. Внизу потокъ по-прежнему стремится впередъ, — въ широкое море. Съ каждымъ часомъ увеличивается количество задержанной воды и усиливается ея напоръ на преграду. Она опрокинеть послѣднюю своей массой...

Если, конечно, вода не найдетъ себѣ другого стока... Прорыть такой стокъ и спѣшить теперь правительство. Оно надѣется спасти

*) Напомню другого поэта, который образъ текущей назадъ рѣки поставилъ во главѣ невыполнимыхъ желаній:

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить съ начала!

Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да батюшка-царь нашъ всю правду бы вѣдалъ!

плотину тѣмъ, что отведеть воду. Представьте же себѣ, что оно успѣетъ прорыть берегъ... Куда въ такомъ случаѣ устремится потокъ? Вынесетъ ли онъ насъ, хотя и обходнымъ путемъ, на вольный просторъ, въ безбрежное окіанъ-море? Или же, какъ нѣкоторые средне-азіатскія рѣки, затеряется въ необозримыхъ пескахъ пустыни?

Увѣреннѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ себя теперь правительство,—и именно въ аграрной сферѣ. Политическія партіи, еще недавно настойчиво выдвигавшія впередъ свои аграрныя требованія, сейчасъ не рѣшаются на этотъ счетъ даже заикнуться. Крестьянская масса, въ значительной своей части уже разочаровавшаяся и въ своихъ надеждахъ на народное представительство, и въ возможности рѣшить аграрный вопросъ «своими средствами», проявляетъ большую, чѣмъ когда-либо, податливость. Государственная Дума, которая даже по русскимъ основнымъ законамъ могла бы встать поперекъ дороги, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ для аграрныхъ плановъ правительства, конечно, не опасна. Все, повидимому, обѣщаетъ ему успѣхъ: ни съ чьей стороны не предвидится ни помѣхи, ни сопротивленія...

И мы съ большею тревогою, чѣмъ когда-либо, должны слѣдить за усиліями правительства рѣшить аграрный вопросъ вопреки народному правосознанію и наперекоръ народнымъ интересамъ. Надежды, которою мы еще недавно утѣшали себя, надежды, что оно не успѣетъ, теперь ужъ быть не можетъ. Времени у него, повидимому, хватить, а для жизни достаточно, вѣдь, въ ту или иную сторону просочиться,—потомъ она и сама себѣ русло проложитъ.

Что насъ ожидаетъ въ той сторонѣ, куда желаетъ отвести ее правительство? И какъ далеко подвинулось оно въ своей работѣ? Посмотримъ...

II.

Написалъ я: «посмотримъ»—и смутился... Не такъ легко окинуть взоромъ эти работы, ведущіяся на земляхъ казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, частныхъ, надѣльныхъ... Землеустроительными операціями охвачены всѣ важнѣйшіе виды земель, онѣ раскинулись на всю территорію—отъ границъ Польши и до береговъ Великаго океана.

Еще труднѣе уяснить себѣ уже достигнутые ими результаты. Свѣдѣнія о ходѣ реформы скудны и разрозненны, многое вовсе не извѣстно: одно совершается слишкомъ высоко, на самыхъ вершинахъ власти; другое—слишкомъ глубоко, въ самыхъ низахъ народной жизни; третье—и это, быть можетъ, труднѣе всего поддается наблюденію—въ тайникахъ человѣческой души, которая какъ извѣстно представляетъ для наблюдателя «потемки».

Наковецъ, и вовсе ужъ трудно уяснить себѣ перспективы. По-

мимо того, что работы сложны, а свѣдѣнія о нихъ скудны, самый ходъ этихъ работъ крайне неровень: въ однѣхъ частяхъ предпринятая правительствомъ реформа достаточно уже опредѣлилась, въ другихъ—едва намѣтилась, въ третьихъ—можно сказать, еще не начиналась. Когда же нѣтъ отчета, трудно составлять смѣту.

Начнемъ съ того, что лучше извѣстно, дальше подвинулось, больше опредѣлилось...

Передо мною лежитъ составленная Переселенческимъ Управленіемъ «Справка для гг. членовъ Государственной Думы», подъ заглавіемъ: «Современное положеніе переселенія и его нужды». «Справка» представляетъ цѣлую книгу. По этому вопросу правительство заблагоразсудило, повидимому, дать Государственной Думѣ, а вмѣстѣ съ ней и публикѣ («Справка» разслана по редакціямъ) сравнительно полныя—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ,—и во всякомъ случаѣ систематизированныя свѣдѣнія. Да и сама по себѣ эта отрасль землеустройства лучше другихъ опредѣлилась и въ своихъ размѣрахъ, и въ своихъ результатахъ...

Сначала переселенія, повидимому, разсматривались, какъ средство облегчить нужду крестьянъ или — что будетъ, конечно, правильнѣе—ослабить ея давленіе на существующій порядокъ. Впервые эта потребность была признана правительствомъ еще лѣтъ 20 тому назадъ. Съ 1885 года, какъ извѣстно, открылъ свои дѣйствія крестьянскій банкъ, долженствовавшій облегчить выходъ крестьянамъ на помѣщичьи земли. Въ 1890 году были «легализованы», наконецъ, переселенія; до того же, какъ мнѣ пришлось уже упомянуть, они были воспрещены: сначала преслѣдовавшіяся правительствомъ и потомъ лишь терпѣвшіяся имъ, они, если и совершались, то «явочнымъ порядкомъ».

Оба клапана были однако только пріоткрыты и притомъ устроены они были такъ, что во всякій моментъ ихъ можно было захлопнуть. Въ частности, изданныя въ 1890 г. «Правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли» начинались такими словами: «Переселеніе допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. Лица, предпринявшія переселеніе безъ сего разрѣшенія, возвращаются въ мѣста приписки распоряженіями административныхъ властей» (ст. 1). Въ дальнѣйшемъ та и другая щель, въ зависимости отъ настроенія высшихъ сферъ и мѣстныхъ усмотрѣній, то расширялись, то суживались. Наканунѣ революціи оба клапана нѣсколько неожиданно были захлопнуты. По случаю японской войны переселенія были запрещены,—и это было понятно. По тому же случаю дѣятельность крестьянскаго банка была тоже пріостановлена, — и понятъ это было, конечно, труднѣе. Въ дѣйствительности же, въ данномъ слу-

чаѣ сыграли роль не столько военныя, сколько другія соображенія. Это были времена владычества Плеве, когда правительство чувствовало себя особенно сильнымъ, и земельное дворянство считало своевременнымъ перейти въ наступленіе. Дѣятельность крестьянскаго банка, замѣтно усилившаяся послѣ реформы его въ 1897 г., вызывала съ ихъ стороны прямо вопли. Приостановка его операций, мотивированная войной и необходимостью облегчить правительству другія кредитныя операціи, была обусловлена—какъ тогда же сдѣлалось извѣстнымъ—желаніемъ Плеве остановить ливъидацію дворянскаго землевладѣнія. Вообще онъ питалъ, повидимому, надежду и, быть можетъ, даже увѣренность, что ему не только удастся удержать старый порядокъ, но и укрѣпить его чуть-ли не на вѣки. Напомню, что къ этому времени относится и составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при дѣятельномъ участіи прославившагося потомъ, но тогда еще неизвѣстнаго г. Гурко, проектъ крестьянской реформы, цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы удержать крестьянъ въ рамкахъ «особливаго строя», и въ основу которой—по мѣткой характеристикѣ Н. Ѳ. Анненскаго—была положена мысль стараго лечебнаго устава, а именно, что «крестьянскія болѣзни въ виду ихъ простоты и несложности должны лѣчиться дикорастущими травами, собираемыми чинами полевой стражи»... *).

Близорукость этой политики очень скоро обнаружилась съ полною очевидностью. 1905 годъ заставилъ правительство немедленно открыть тотъ и другой клапаны, и при томъ открыть во всю, не думая уже о томъ, какъ бы не выпустить черезъ-чуръ много нужной помѣщикамъ рабочей силы. Дѣятельность крестьянскаго банка была возобновлена и расширена манифестомъ 3 ноября 1905 года; переселенія вновь разрѣшены и даже объявлены совершенно свободными въ мартѣ 1906 года. Это были, можно сказать, инстинктивныя движенія: нужно было спустить паръ,—иначе котелъ грозилъ лопнуть. Того цѣлостнаго и стройнаго плана аграрной реформы, какой правительство осуществляетъ теперь, въ то время, несомнѣнно, не было. Достаточно напомнить, что въ этотъ именно періодъ г. Кутлеръ, въ качествѣ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, разрабатывалъ свой планъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, пока объ этомъ не прознали гг. дворяне и не подняли по этому случаю воплей **).

*) См. „Право“, 1904 г., № 5.

**) Обстоятельства отставки г. Кутлера были описаны потомъ въ „Странѣ“. Дворяне южныхъ губерній, по словамъ газеты, провѣдавъ о трудахъ Кутлера, всполошились, прискакали въ Петербургъ и тутъ составили петицію, рѣшившую участь Кутлера. „Мы осмѣливаемся доложить,—между прочимъ писали въ ней дворяне—что въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ, какъ Россія, аграрный вопросъ является измышленіемъ революціонеровъ и мечтателей-бюрократовъ, незнакомыхъ

Г. Кутлеру пришлось послѣ этого изъ правительства перейти въ оппозицію. Что касается плана «революціи наоборотъ», то онъ появился позже *).

съ реальной жизнью страны. Русскій крестьянинъ, если не юридически, то фактически и теперь пользуется всей обрабатываемой въ Россіи землею, У него на поприщѣ нѣтъ конкурентовъ, и на всемъ пространствѣ Имперіи нѣтъ ни единой десятины, на которой работали бы не крестьяне. Такимъ образомъ значительный процентъ выручки со всего годового урожая и теперь попадаетъ въ карманъ крестьянина-работника. Трудно допустить, чтобы лица, принявшія бразды правленія, обладали недостаточными знаніями и житейской опытностью, чтобы уразумѣть эти неопровержимыя практическія данныя, а потому немудрено, что въ обществѣ раздаются голоса, утверждающіе будто бы утопическіе проекты гр. Витте вырабатываются съ затаенной цѣлью неудавшуюся среди городскихъ и рабочихъ классовъ революцію перенести въ села и деревни, дабы всеобщимъ народнымъ взрывомъ вызвать тотъ политическій переворотъ, котораго столь настойчиво добиваются крайнія революціонныя партіи“. (Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 1 декабря 1906 г.). Петніца имѣла полный успѣхъ, хотя послѣдствія ея, поскольку дѣло касалось самого гр. Витте и другихъ членовъ кабинета, сказались позже. Г. Кутлеру же немедленно было предложено подать въ отставку.

*) Этотъ планъ впервые былъ оглашенъ въ правительственномъ сообщеніи по аграрному вопросу, появившемся 20 іюня 1906 года и сыгравшемъ, какъ извѣстно, роковую роль въ жизни первой Государственной Думы. Въ этомъ сообщеніи правительство, вопреки предначертаніямъ Думы, обѣщало:

1) Передать малоземельнымъ крестьянамъ, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, всѣ годныя для земледѣлія казенныя земли.

2) Въслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, купить для той же цѣли за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыхъ ими земли.

3) Продавать приобрѣтенныя за счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля приобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ.

4) Установить, что земли, передаваемые государствомъ малоземельнымъ крестьянамъ, наравнѣ съ надѣльными землями, не могутъ быть продаваемы лицамъ другихъ сословій, и что на нихъ не могутъ быть обращены взысканія частныхъ лицъ.

5) Увеличить помощь переселенцамъ, какъ для переѣзда на новыя мѣста, такъ и для обузаведенія на нихъ.

6) Установить легкій порядокъ продажи крестьянами, желающими переселиться или заняться какимъ-либо не-земледѣльческимъ промысломъ, принадлежащихъ имъ надѣловъ.

7) Улучшить способъ землепользованія крестьянъ на принадлежащихъ имъ нынѣ земляхъ посредствомъ расселенія желающихъ, устраненія чрезполосности надѣльныхъ земель и сведенія мелкихъ полосъ, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ, въ болѣе крупныя земельныя участки.

8) Признать, что въ обществахъ, которыя не производили общихъ переѣловъ земли втеченіе 24 лѣтъ, земельныя участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и что, слѣдовательно, переѣлы земли въ такихъ обществахъ впредь производимы быть не могутъ.

10 марта 1906 года совѣтомъ министровъ «было испрошено Высочайшее соизволеніе на установленіе простого и общедоступнаго порядка выдачи ходаческихъ свидѣтельствъ всѣмъ желающимъ пріискать для себя землю въ Сибири, безъ предварительнаго обслѣдованія ихъ экономической состоятельности». Клапанъ былъ такимъ образомъ открытъ на распашку.

Главнѣйшее значеніе вновь установленнаго порядка—читаемъ мы теперь въ „Справкѣ“—заключалось въ томъ, что, вмѣсто искусственнаго подбора переселенцевъ правительствомъ и крестьянскими учрежденіями изъ извѣстныхъ раіоновъ и сообразно признанію дѣйствительной нужды въ переселеніи по малоземелью,—этотъ способъ улучшенія быта былъ предоставленъ всѣмъ желающимъ. Такимъ образомъ, основнымъ началомъ образованія контингента переселенцевъ и распредѣленія его по районамъ выхода и водворенія признано было въ самомъ законѣ не что иное, какъ собственная инициатива и экономическій расчетъ каждаго переселяющагося хозяина. Этою мѣрою была гарантирована дѣйствительная свобода общаго пользованія льготами по переселенію.. (стр. 17—18).

Правительственные экономисты не затрудняются заднимъ числомъ указать и другія соображенія,—пожалуй, еще болѣе широкія, которыми будто-бы руководилось правительство.

Содѣйствуя болѣе правильному и равномерному распредѣленію населенія по территоріи государства—процессу, давно уже пережитому Западной Европой, но далеко еще не завершившемуся въ Россіи, переселенческое движеніе—и прежде всего оно—ведетъ къ увеличенію національныхъ богатствъ, благодаря производительному приложенію не находившихъ себѣ достаточнаго примѣненія на родинѣ рабочихъ рукъ къ созданію новыхъ цѣнностей, путемъ расширенія культурной площади за счетъ пустыющихъ пространствъ и оживленія, производительныхъ силъ заселяемыхъ раіоновъ (стр. 14).

9) Въ обществахъ, производящихъ передѣлы земли, предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ право выйти изъ общества и укрѣпить за собою въ свою частную собственность участки общинной земли, сохранивъ за собою право выкупать земельные участки выходящихъ изъ ея состава членовъ, уплативъ имъ ихъ стоимость деньгами.

10) Предоставить земельнымъ обществамъ право исполнѣ самостоятельно распоряжаться принадлежащими имъ землями, ограничивъ правительственный надзоръ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы общества не нарушали требованій закона.

Какъ видятъ читатели, въ этихъ десяти пунктахъ содержится, можно сказать, вся осуществляемая теперь программа. Намѣченъ даже ея детали (вродѣ 24-хъ лѣтнаго срока), которые цѣликомъ были перенесены потому въ соотвѣтствующіе указы. Самый документъ пріобрѣтаетъ, благодаря этому, особую важность—двойное, такъ сказать,—историческое значеніе,—и по той роли, которую онъ сыгралъ въ судьбахъ народнаго представительства, и по тому значенію, какое онъ получилъ въ дальнѣйшей дѣятельности правительства.

Какъ извѣстно, роспускъ первой Думы былъ произведенъ по инициативѣ и подъ давленіемъ Совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ. Можно думать, что и аграрная программа исходить отсюда же. Впрочемъ, и безъ этого для каждаго должно быть ясно, откуда пошла «революція наоборотъ». Я считалъ не лишнимъ напомнить только время, когда правительство начало осуществлять ее планомерно и сознательно...

«Переселенческое движение — и прежде всего оно — ведет къ увеличенію національных богатствъ»... Поэтому, очевидно, его и запрещали такъ долго. Можно, конечно, сомнѣваться, что именно эти идеологическія соображенія заставили правительство объявить свободу переселеній въ мартѣ 1906 года. Во всякомъ случаѣ несравненно большую роль сыграли въ данномъ случаѣ шкурные интересы. Нужно было, какъ я уже сказалъ, открыть клапанъ, сбрызнуть рукъ безпокойные элементы. А такъ какъ наиболѣе безпокойной является голытьба, то по этому случаю можно было отмѣнить и «предварительное обследованіе экономической состоятельности», каковая до того требовалась отъ каждого желающаго переселиться. О томъ же, какъ эта голытьба устроится, едва-ли правительство въ тотъ моментъ думало...

Позднѣ переселенія вошли въ общій планъ революціи, при чемъ имъ предназначалась, повидимому, очень видная роль. Прежде всего въ качествѣ демагогическаго средства, способнаго отвлечь вниманіе крестьянской массы отъ помѣщичьихъ земель... Съ этою цѣлью «обширныя площади плодородной земли», какія «имѣются въ распоряженіи государства» въ Сибири и Средней Азій, были использованы уже въ правительственномъ сообщеніи 20 іюня. Трудно сказать, тогда же или позднѣ явилась мысль использовать переселенія и съ другою цѣлью, а именно въ качествѣ фермента, способнаго усилить землеустроительное броженіе въ желательномъ для правительства направленіи. Такъ или иначе, но къ концу перваго междудумья по волостнымъ правленіямъ были расклеены громадныя плакаты подъ заголовкомъ: «Свободное переселеніе на казенныя земли», — плакаты, несомнѣнно сыгравшіе крупную роль въ переселенческомъ движеніи 1907 года. О нихъ, къ слову сказать, вовсе не упоминается въ «Справкѣ», хотя «распространенію въ населеніи свѣдѣній о переселеніи» въ ней посвящена особая рубрика. Крестьянское населеніе, сосредоточившее, повидимому, свое вниманіе, главнымъ образомъ, на заголовкѣ плакатовъ, увидѣло въ нихъ дѣлаемый правительствомъ вызовъ желающимъ переселиться. Между тѣмъ центръ тяжести ихъ содержанія лежалъ, несомнѣнно, въ другомъ. Въ плакатахъ довольно много говорилось о трудностяхъ переселенія и о необходимости имѣть средства на это, при чемъ, какъ бы мимоходомъ, упоминалось, что получить нужныя для этого деньги крестьяне могутъ очень легко, продавъ или заложивъ свою надѣльную землю, такъ какъ и на этотъ счетъ теперь дарована свобода.

Переселеніе, освобождая Европейскую Россію отъ безпокойныхъ элементовъ, должно было такимъ образомъ усилить процессъ укрѣпленія въ личную собственность и затѣмъ мобилизаціи надѣльной земли, успѣшнымъ ходомъ какового процесса съ самаго начала и до сихъ поръ крайне озабочено правительство. Переселеніе за счетъ распродажи надѣльной земли представлялось, вѣроятно, выгоднымъ правительству и съ другой стороны: это давало ему возможность

избавиться отъ голытьбы, не затрачивая на этотъ предметъ значительныхъ ресурсовъ. «Дешево и сердито» — такъ, вѣроятно, рисовалась правительству эта землеустроительная операція въ ея цѣломъ. Но расчеты эти не вполне оправдались.

«Свобода переселеній» дѣйствительно сказалась... Переселенческое движеніе достигло въ 1907 году небывалыхъ размѣровъ: втеченіе 10 мѣсяцевъ (по 1 ноября) прошло за Уралъ 555.682 души, въ томъ числѣ 410.904 переселенцевъ и 144.778 ходочковъ *). Кромѣ «свободы» въ данномъ случаѣ сыграла свою роль и «задержка». «Вызванная военными событіями на Дальнемъ Востокѣ задержка переселенія — говорятъ авторы «Справки» — должна была привести къ тому, что въ Европейской Россіи остался тотъ избытокъ населенія, въ количествѣ не менѣе 40—50 тысячъ семей, который при нормальныхъ условіяхъ выселился бы за это время въ Сибирь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ — читаемъ мы дальше — широкое распространеніе въ народной массѣ черезъ лицъ, побывавшихъ въ Сибири во время войны, свѣдѣній объ условіяхъ жизни въ Азіатской Россіи, о ея климатѣ и почвѣ, еще болѣе упрочило исконную вѣру крестьянъ въ земельный просторъ за Ураломъ...

Какъ бы то ни было, масса всколыхнулась... Сознавало ли правительство свою отвѣтственность? предусматривало ли оно тѣ, обязанности, которыя лежатъ на немъ по отношенію къ этой взбужденной, въ значительной мѣрѣ благодаря его усиліямъ, массѣ?.. Говорятъ, что въ средѣ высокихъ землеустроителей въ послѣднее время все откровеннѣе и рѣшительнѣе провозглашается лозунгъ, что задача правительства устроить не людей, а землю. Но и раньше судьбою людей, не обладающихъ бѣлою костью, оно не очень интересовалось. Такъ или иначе, но въ данномъ случаѣ люди оказались въ ужасномъ положеніи.

Правительство было захвачено врасплохъ: не хватало подвижного состава, чтобы перевезти эту массу пришедшихъ въ движеніе людей; не хватило заготовленныхъ участковъ, чтобы поселить ихъ; не оказалось денегъ, чтобы ихъ устроить. Кто слѣдилъ лѣтомъ за газетами, тотъ знаетъ, какія бѣдствія пришлось пережить переселенцамъ и въ пути, и въ Сибири... Есть основанія думать, что и сейчасъ эти бѣдствія не кончились. «Положеніе большинства переселенцевъ въ Приморской области, — телеграфировалъ въ октябрѣ

*) За предыдущее десятилѣтіе (1897—1906 г.г.) общее число переселенцевъ и ходочковъ, прошедшихъ за Уралъ, составило цифру 1.387.532 (переселенцевъ 1.030.493 и ходочковъ 357.039), колеблясь по отдѣльнымъ годамъ отъ 44.019 за 1905 г. до 223.209 за 1899 г. („Переселеніе и заготовка земель для переселенцевъ“. Спб. 1907 г. Изд. Пересел. Управленія). Такимъ образомъ движеніе 1907 г. по своимъ размѣрамъ въ 4 слишкомъ аза превысило среднюю цифру за десятилѣтіе.

мѣсяцѣ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» — отчаянное. Смертность среди дѣтей огромная. Къ зимѣ многіе переселенцы остались въ палаткахъ *)...

Самому правительству результаты переселенческой кампаніи представляются однако достаточно благоприятными. По крайней мѣрѣ, авторы «Справки» усиленно подчеркиваютъ, что изъ 410.904 переселенцевъ, прошедшихъ въ 1907 году за Уралъ, обратно вернулось въ томъ же году (по 1 ноября) — всего лишь 18.489 душъ, а если сдѣлать вычисления, на какія способны чиновники, и въ данномъ случаѣ исключить «тѣхъ лицъ, которыя прослѣдовали за Уралъ вопреки установленнымъ правиламъ», то «весь размѣръ обратнаго переселенія выразится въ 11.752 души, что составляетъ всего до 2,5% прямого семейнаго переселенія». «Такое число обратныхъ переселенцевъ, по сравненію съ прошлыми годами, когда оно доходило до 20 и болѣе процентовъ (средняя за десятилѣтіе 1894—1903 гт.—въ 16,4%), должно быть признано — по мнѣнію авторовъ «Справки» — совершенно ничтожнымъ».

Но этотъ единственный утѣшительный выводъ нужно, повидимому, считать черезчуръ поспѣшнымъ. Я не буду говорить, что самая регистрація обратнаго движенія переселенцевъ возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ по газетнымъ извѣстіямъ это движеніе было шире, чѣмъ его рисуютъ официальные данныя. Важнѣе въ данномъ случаѣ другое соображеніе. Далеко не всегда переселенцы бѣгутъ назадъ немедленно по прибытіи на мѣсто. Возможно и даже вѣроятно, что большинство изъ нихъ прибѣгаетъ къ этому крайнему средству лишь послѣ того, какъ испробуетъ всѣ другіе способы устроиться на новомъ мѣстѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго поэтому, что обратная волна скажется со всею силою лишь въ послѣдующіе годы.

Особенно большое значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ тотъ фактъ, что изъ числа оставшихся за Ураломъ 390 тысячъ переселенцевъ 1907 г. (составляющихъ до 64.000 семей) до 1 ноября было водворено лишь 48 тыс. семей. Остальныя, за исключеніемъ устроившихся въ старожильческихъ селеніяхъ, оставались еще не водворенными. До конца года предполагалось водворить еще 12 тысячъ семей (т. е. около 75 тыс. душъ). Что это за «водвореніе», которое происходитъ зимой, — трудно себѣ и представить. Можетъ быть, этимъ именно семьямъ и предстоитъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», — провести зиму «въ палаткахъ». Въ такомъ случаѣ, «климатъ» Сибири имъ покажется, вѣроятно, совсѣмъ непереноснымъ. Между тѣмъ, эти, не водворенныя до 1 ноября, семьи составляли свыше 20%. Многіе переселенцы, конечно, зимы не перенесутъ и сложатъ свои кости на чужбинѣ, но и за

*) «Биржевыя Вѣдомости», 3 октября.

вѣсьмъ тѣмъ процентъ лицъ, которыя вернутся потомъ на родину, можетъ за ихъ счетъ значительно увеличиться.

Можетъ онъ увеличиться и за счетъ тѣхъ, которые были водворены своевременно. По частнымъ свѣдѣніямъ, многіе переселенческіе участки нарѣзаны въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство совершенно невозможно. Кромѣ того, самыя участки, независимо даже отъ мѣстности, гдѣ они находятся, не рѣдко оказываются совершенно непригодными для поселенія. Этому не отрицаютъ и авторы «Справки». Въ числѣ «недочетовъ современной постановки переселенческаго дѣла», они указываютъ, между прочимъ, «недостаточное водоснабженіе многихъ переселенческихъ участковъ, вслѣдствіе чего пришлось закрывать для водворенія цѣлыя группы участковъ, оказавшихся безводными, и даже переселять уже водворенныхъ на нихъ новоселовъ на иныя земли» (стр. 40). Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что на 100 тыс. душевыхъ долей, какія оставались къ началу 1907 года отъ заготовки предыдущаго года (97 тыс. долей) и запаса прежнихъ лѣтъ (200 тыс. долей), приходилось «около 50 тыс. долей, неудобныхъ для заселенія» (стр. 19). Сколько такихъ же «неудобныхъ» долей оказалось и окажется изъ 290 тыс. ихъ, заготовленныхъ въ 1907 году, мы не знаемъ. Надо во всякомъ случаѣ помнить, что землеотводныя работы производились въ этомъ году въ высшей степени спѣшно и едва-ли особенно тщательно. Думать это заставляетъ, между прочимъ, дешевизна работъ: въ 1907 году расходы на землеотводныя работы не достигли даже предполагаемой по смѣтѣ суммы въ 7 р. 60 коп. на душевую долю; между тѣмъ средній расходъ за прежніе годы (до 1906 г.) составлялъ 15 р. 17 к. на ту же единицу. Авторы «Справки» спѣшатъ эту дешевизну поставить въ активъ переселенческой кампаніи минувшаго года, но—кто знаетъ?—не скажется ли она потомъ еще большой величиной въ ея пассивѣ. Во всякомъ случаѣ, даже тѣхъ переселенцевъ 1907 года, которые уже «водворены», считать прочно устроившимися въ Сибири было бы преждевременно.

Въ еще болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ оказались, повидному, ходоки. Послѣднихъ прошло по 1 ноября, какъ мы видѣли, 144.778. Изъ нихъ вернулись за то же время обратно 80.400 или 55,5%, при чемъ изъ этихъ вернувшихся лишь 15.894 ходока зачислили за собою землю (100.470 долей), и 5.416 ходоковъ заручились пріемными приговорами старожилловъ; остальные 59.090 ходоковъ вернулись ни съ чѣмъ. Кромѣ того, около 65 тыс. ходоковъ оставались къ 1 ноября еще за Ураломъ, продолжая поиски и ожидая нарѣзки участковъ. Переселенческое управленіе различными вычисленіями и сопоставленіями старается ослабить значеніе двухъ послѣднихъ цифръ, но мнѣ кажется, что причины, почему такъ много лицъ не нашло себѣ земли, совершенно ясны.

Къ 1 января 1907 года числилось заготовленной земли 241 тыс.

долей (въ томъ числѣ зачисленныхъ ходами минувшихъ лѣтъ 141 тыс. и свободныхъ 100 тыс.), въ 1907 году вновь заготовлено 290 тыс., итого втеченіе года имѣлось 531 тыс. душевыхъ долей. Изъ этого числа подъ водвореніе переселенцевъ 1907 года отошло и должно было отойти 180 тыс. долей (считаю, какъ и Переселенческое Управление, 60 тыс. семей и по 3 доли на семью); всѣмъ ходакамъ втеченіе всего года во всѣхъ мѣстностяхъ Сибири, Степного края и Дальняго Востока правительствомъ могло такимъ образомъ предложить 351 тыс. душевыхъ долей. Между тѣмъ, по расчетамъ самого Переселенческаго Управленія, для того, чтобы удовлетворить всѣхъ ходяковъ, которыхъ выслали въ 1907 году Европейская Россія, нужно было, «по крайней мѣрѣ, 1 мил. душевыхъ долей» (считая каждого ходяка представителемъ только 2—3 семей и полагая на каждую семью по 3 доли). Изъ этого совершенно ясно, что двѣ трети ходяковъ обречены были вернуться ни съ чѣмъ.

Дѣйствительныя условія, въ которыхъ оказались ходяки, были еще тяжелѣе, чѣмъ рисуетъ ихъ приведенный расчетъ. Такъ, мы знаемъ, что громадная часть переселенцевъ (271 тыс. или 66%) и ходяковъ (118.609 или 82%) явились втеченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ 1907 года *), когда въ распоряженіи правительства имѣлось свободныхъ всего 100 тыс. долей. Далѣе, ходяки и переселенцы могли распредѣлиться по необъятной территоріи, какую представляютъ взятые вмѣстѣ Сибирь, Степной Край и Дальній Востокъ, совершенно непропорціонально тому количеству земли, какое было заготовлено въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. И мы, дѣйствительно знаемъ, что въ Приморской области, на примѣръ, была заготовлена земля для 1500 переселенческихъ семей, а явилось ихъ туда 12.000. Наконецъ, многіе участки, по осмотру ихъ ходаками, могли оказаться совершенно негодными для поселенія или же находящимися въ такихъ условіяхъ, которыя ходяки ни въ коемъ случаѣ не могли признать для себя приемлемыми. Переселенческое Управление въ своей «Справкѣ» констатируетъ, что «большинство ходяковъ нынѣшняго года, въ отличіе отъ прежнихъ лѣтъ, не довольствуется бѣглымъ осмотромъ отмежеванныхъ участковъ, а, напротивъ, настойчиво добивается устройства въ Сибири, оставаясь выжидать на мѣстѣ окончанія землеустроительныхъ работъ». И это, я думаю, вполне понятно: волей-неволей приходится бродить въ поискахъ земли и зимовать въ ожиданіи ея, когда нѣтъ заготовленныхъ участковъ. «Наплывъ такихъ лицъ,—читаемъ мы дальше—заставилъ Переселенческое Управление допустить на мѣстахъ условное зачисленіе долей на неготовыхъ еще участкахъ, т. е. установить очередь полученія земель по предварительной записи кандидатовъ

*) См. „Переселеніе и заготовка земель для переселенцевъ“. Изданіе Пересел. Управленія. Спб., 1907 г.

ранѣ открытія самыхъ участковъ». Чиновники, такимъ образомъ, нашлись: въ виду нехватки отмежеванной земли въ натурѣ, они начали нарѣзать ее на бумагѣ.

Однако, какъ ни находчивы чиновники,

тѣмъ не менѣ, Главному Управленію Землеустройства и Земледѣлія—говорится въ „Справкѣ“—пришлось уже въ маѣ временно до 1 іюля приостановить выдачу новыхъ ходаческихъ свидѣтельствъ въ Западную Сибирь... а затѣмъ, въ іюль мѣсяцѣ, представить на одобреніе совѣта министровъ о дальнѣйшей приостановкѣ въ текущемъ году свободной посылки ходоковъ въ Западную Сибирь и о прекращеніи льготнаго семейнаго переселенія на Дальній Востокъ безъ предварительнаго зачисленія земель...

Клапанъ пришлось, такимъ образомъ, прикрыть... Послѣ раздачи «Справки» членамъ Государственной Думы, явилась склонность и вовсе его закрыть, — на время, конечно. При Главномъ Управленіи Землеустройства въ началѣ декабря состоялось особое совѣщаніе съ участіемъ мѣстныхъ представителей крестьянскихъ учреждений, которое «признало желательнымъ, до заготовленія достаточнаго земельного фонда для переселенцевъ, воспретить льготное ходачество въ Азіатскую Россію приблизительно до 15 іюня 1908 года, своевременно извѣстивъ объ этомъ населеніе, и допускать ходачество, по мѣрѣ подготовки земельного фонда, въ исключительныхъ случаяхъ, лишь для особо желательныхъ видовъ переселенія»...

Даже тотъ паръ, который уже выпущенъ, правительство рѣшило перенять на дорогѣ и пропустить черезъ трубу бюрократическаго усмотрѣнія. Тѣмъ же совѣщаніемъ, во избѣжаніе скопленія въ пути переселенцевъ, которые за собою землю уже зачислили, признано желательнымъ, чтобы «переселенческое управленіе по соглашенію съ министерствомъ путей сообщенія опредѣляло число проходныхъ свидѣтельствъ и свидѣтельствъ на льготный проѣздъ, могущихъ быть выданными въ каждой губерніи втеченіе опредѣленнаго срока» *). Это пожеланіе совѣщанія уже приведено въ исполненіе. Отъ Переселенческаго Управленія объявлено, что имъ «будутъ сдѣланы распоряженія о срокахъ слѣдованія переселенцевъ каждого узла. Впредь до полученія этихъ указаній губернаторамъ предложено совершенно прекратить выдачу проходныхъ переселенческихъ и тарифныхъ свидѣтельствъ» **).

Такимъ образомъ, вмѣсто «собственной инициативы и экономическаго расчета cadaго переселяющагося хозяина» отнынѣ будутъ дѣйствовать маршруты, составляемые въ Переселенческомъ Управленіи, а вмѣсто «свободы переселеній» на неопредѣленное время воцарилось уже столь же строгое, какъ и передъ началомъ революціи, «воспрещеніе».

*) „Товарищъ“, 7 декабря.

**) „Новое Время“, 23 декабря.

Расчеты правительства на то, что голытьба может переселиться на свой счет, оказались, повидимому, столь же неосновательными, какъ и его надежды на свободу. Правда, переселенческую кампанію въ 1907 году ему удалось значительно удешевить. Сумма всѣхъ затратъ на устройство одной переселенческой семьи за Ураломъ составила, по расчетамъ Переселенческаго Управленія, 181 р. 50 коп., тогда какъ по даннымъ за 1901—1903 г. г. она составляла цифру въ 310 руб. Не скажется ли эта экономія, поскольку она достигнута за счетъ землеотводныхъ (межевыхъ, статистическихъ, агрономическихъ, дорожныхъ и гидротехническихъ) работъ значительнымъ потомъ ущербомъ,—мы это узнаемъ впоследствии. Поскольку же она достигнута путемъ сокращенія расходовъ на передвиженіе, постольку русскій народъ ее уже оплатилъ муками, какія пришлось перенести переселенцамъ, и дѣтскими косточками, какія они оставили по дорогѣ; впрочемъ, и по этой статьѣ доплатить, несомнѣнно, еще придется: финансовое и физическое истощеніе переселенцевъ благодаря путевымъ неурядицамъ еще долго на ихъ хозяйствахъ будетъ сказываться. Но всѣ эти ущербы и доплаты, какъ мнѣ уже пришлось замѣтить, быть можетъ, вовсе не интересовали правительство. Для оцѣнки его плановъ важнѣе отмѣтить, что въ «издержкахъ по водворенію» экономіи не оказалось: ссуды, «выдаваемыя переселенцамъ на руки», составили въ среднемъ около 115 руб. на семью, тогда какъ въ прежнее время никогда не достигали такихъ размѣровъ...

Прежде всего не оправдались, повидимому, расчеты на то, что переселенцы получатъ достаточныя для устройства на новыхъ мѣстахъ суммы посредствомъ продажи своихъ надѣловъ. Вообще указъ 9 ноября въ переселенческой кампаніи 1907 г. былъ использованъ—можетъ быть, въ виду его новизны—очень слабо. Но и потомъ едва-ли этимъ путемъ будутъ получаться достаточныя для устройства на новыхъ мѣстахъ суммы, особенно, если принять въ расчетъ, что за Уралъ стремится самая малоземельная и наиболѣе закабаленная часть населенія. Главное же, самое переселеніе становится все дороже... Къ этому послѣднему вопросу я еще вернусь. Сейчас же для меня важно было отмѣтить лишь фактъ, что волей-неволей правительству пришлось увеличить выдаваемыя переселенцамъ ссуды, превысивъ смѣтныя назначенія на 46%.

Но это не значитъ, что хотя бы ссудная помощь была поставлена сносно. Напротивъ, само Переселенческое Управленіе относить ее «къ числу наименѣе удовлетворительно поставленныхъ въ настоящее время сторонъ переселенческаго дѣла». Для устройства на новомъ мѣстѣ, по его расчетамъ, каждому новоселу требуется отъ 250 до 500 руб., при чемъ всѣ переселенцы 1907 г. «должны быть отнесены къ разряду нуждающихся». Многихъ изъ нихъ, въ виду отсутствія у нихъ всякой «наличности», правительство сочло за лучшее отправить просто-на-просто обратно, «что вызвало зна-

чительный (до 100 тыс. руб.) расходъ изъ ссуднаго капитала на оплату удешевленнаго желѣзнодорожнаго тарифа» (стр. 26). Оставшіеся въ Сибири получили домообзаводственныя ссуды въ среднемъ около 100 р. на семью, при чемъ выдача ихъ зависѣла, можно сказать, всецѣло отъ усмотрѣнія. Характеризуя выдававшіяся ссуды, авторы «Справки» пишутъ: «Сооруженіе одной только полуземляной хаты въ степи требуетъ затраты большихъ средствъ, чѣмъ выдаваемая ссуда, а плугъ съ парюю лошадей обходится вдвое дороже»...

При такихъ условіяхъ, — говорятъ они — получаемыя переселенцами въ указанныхъ выше минимальныхъ размѣрахъ ссуды не только не облегчаютъ существенно ихъ устройства, но, расходясь по мелочамъ, въ особенности при устанавливаемой закономъ выдачѣ ссудъ частями, совершенно утрачиваютъ свое производительное назначеніе, такъ что семья переселенцевъ, уже успѣвшихъ зачислить за собою землю, или подолгу бѣдствуютъ, прежде чѣмъ обзаведутся своимъ хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, или же нерѣдко, истративъ весь запасъ наличныхъ средствъ и потерявъ энергію, возвращаются на родину, въ конецъ раззоренныя испытанною неудачею (стр. 74).

Я отмѣтилъ лишь наиболѣе важныя стороны переселенческой кампаніи 1907 г., но и сказаннаго, какъ мнѣ кажется, достаточно, чтобы представить себѣ, съ какими затрудненіями она шла и какая царила въ ней сумятица. На мѣсто долженъ былъ выѣхать начальникъ главнаго управленія кн. Васильчиковъ. Вглубь тайги онъ, повидимому, не ѣздилъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ кн. Меццеракаго въ «Гражданинѣ», кн. Васильчиковъ «впередъ объявилъ, что ѣдетъ на мѣсяць и предполагаетъ, для упрощенія дѣла, прибыть въ Иркутскъ и туда вытребовать къ себѣ всѣхъ ему подвластныхъ для передачи имъ своихъ повелѣній». Какъ бы то ни было, картины, которыя онъ увидѣлъ въ Сибири, были, должно быть, столь тяжелы, а перспективы, которыя передъ нимъ открылись, столь безотрадны, что по возвращеніи изъ поѣздки онъ рѣшилъ немедленно уѣхать за границу. Въ газетахъ появились даже слухи объ отставкѣ. «Мы имѣемъ основаніе думать, — писали въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» — что кн. В. А. Васильчиковъ очень разочарованъ въ своихъ планахъ... Уходъ его считается очень вѣроятнымъ. Отъѣздъ за границу, какъ разъ въ настоящій моментъ, когда разрѣшаются самые важные для вѣдомства кредитные вопросы, подтверждаетъ эту вѣроятность».

Заграничное турнѣ ослабило, повидимому, остроту сибирскихъ впечатлѣній, и кн. Васильчиковъ остался. Но для разочарованія данныя, несомнѣнно, были. Послѣ того, что намъ уже извѣстно, я думаю, мы вправѣ сказать, что аграрной проблемы въ одной изъ важнѣйшихъ ея частей правительствъ не разрѣшило: свободной колонизаціи страны установить оно не сумѣло. Даже той непосредственной цѣли которую задалось, оно не достигло: земельной нужды оно не облегчило и, стало быть, ея давленія на существующій строй нисколько не ослабило. Въ этомъ случаѣ достаточно напомнить,

что небывалое еще по своимъ размѣрамъ переселенческое движеніе 1907 г., поглотило, по расчетамъ кн. Васильчикова, лишь 20% ежегоднаго прироста крестьянскаго населенія. Такимъ образомъ, земельная нужда, поскольку она опредѣляется численностью населенія, за этотъ годъ должна была еще больше обостриться...

Но, можетъ быть, правительство еще сумѣетъ поставить это дѣло какъ слѣдуетъ. Одна кампанія еще не доказательство... Правда, министерство плохо рассчитало, но за то въ будущемъ, быть можетъ, поставить дѣло несравненно шире и лучше... Постараемся уяснить себѣ и эти перспективы.

Выше я упомянулъ, что, чѣмъ дальше, тѣмъ переселенія становятся дороже... Пока «новая земля» лежала рядомъ, населеніе сравнительно легко справлялось съ колонизаціоннымъ процессомъ. Пионеръ шагъ за шагомъ врѣзался съ топоромъ въ дѣвственную чащу и поднималъ плугомъ цѣлинную землю, постепенно продвигая дальше и дальше свое хозяйство. Не то теперь, когда приходится переселяться за многія тысячи верстъ и наново закладывать хозяйство, въ совершенно иныхъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, чѣмъ съ какими сжилась уже населеніе. Но и эта колонизація, выполняемая путемъ далекихъ переселеній, становится съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Въ частности, въ Сибири уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ

признано было болѣе осторожнымъ, изъ-за опасенія затронуть земельные интересы старожилаго населенія, перенести районы водворенія въ болѣе далекія таежныя и степныя мѣстности, въ которыхъ производству собственно межевыхъ работъ должны были предшествовать значительныя агрономическія и статистическія изысканія, а также гидротехническія и дорожныя сооруженія (стр. 10).

Вмѣстѣ съ этимъ и положеніе переселенцевъ стало несравненно труднѣе.

Районы водворенія отодвинулись въ безводныя степи или въ бездорожную глушь сибирскихъ урмановъ и тайги, гдѣ разработка земли сопряжена съ весьма большими затрудненіями; отдаленіе же отъ старожильческихъ селеній, гдѣ можно было пріютиться и найти хотя какой-нибудь заработокъ, усугубило трудность первоначальнаго обзаведенія на новыхъ мѣстахъ и увеличало связанныя съ нимъ расходы (стр. 75).

И чѣмъ дальше, тѣмъ эти трудности должны становиться больше... Даже для того только, чтобы поддерживать переселенческое дѣло на томъ уровнѣ, какого оно достигло въ 1907 году, отъ государства будутъ требоваться все большіе и большіе расходы. Еще больше нужно денегъ, чтобы это дѣло улучшить и расширить...

Приходится, однако, сомнѣваться, — и Переселенческое Управленіе въ этомъ сомнѣвается, — можно ли его расширить, можно ли найти нужныя для этого земли. Но, допустимъ, что, приложивъ достаточныя усилія, возможно завоевать еще значительную часть

тайги и безводной степи. Еслибы правительство рѣшилось вложить въ это дѣло 2—3 миллиарда,—хотя бы тѣ, которые оно намѣревается затратить на флотъ,—то, можетъ быть, ему и удалось бы устроить за Ураломъ значительную часть нуждающагося въ землѣ населенія. Но вглядываться въ эти перспективы намъ неважѣно,—такъ далеко идти правительство не намѣрено..

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ его предположеніями на нынѣшній годъ. Мѣстными переселенческими организаціями предъявлено на этотъ годъ смѣтныхъ требованій на сумму свыше 36 милл. руб. Главное Управление Землеустройства находитъ эти требованія вполне обоснованными.

Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что предположенное увеличеніе переселенческой смѣты поставило бы въ затруднительное положеніе Государственное Казначейство, названное вѣдомство нашло себя вынужденнымъ отказаться отъ осуществленія въ будущемъ году всѣхъ, хотя бы вполне назрѣвшихъ потребностей... (стр. 42).

Оно сократило смѣту до 26 милл. руб.,—и это былъ «минимумъ»... Однако, «при послѣдующемъ обсужденіи смѣтныхъ кредитовъ, оно вынуждено было пойти еще на дальнѣйшее значительное ихъ сокращеніе—до 19 милл. руб.». Другого, конечно, и нельзя было ждать отъ правительства, которое думаетъ строить флотъ,—отъ правительства, которому деньги нужны на многія другія потребности, несравненно болѣе ему близкія, чѣмъ земельная нужда крестьянскаго населенія... «Все это—писалъ еще въ августѣ кн. Мещерскій—было говорено князю-министру, но, не слушая никого, онъ требуетъ себѣ десятки милліоновъ рублей на переселеніе, въ такое время, когда на увеличеніе жалованья офицерамъ нашей арміи не хватаетъ денегъ, когда на усиленіе средствъ борьбы съ разбоемъ по всей Россіи и грабежами не имѣется денегъ!» Но потомъ «князь-министръ», очевидно, послушался и свои требованія сократилъ. Нужно ли говорить, что получится въ результатъ этихъ сокращеній?

Ходоки 1907 г., какъ мы видѣли, предъявили спросъ «по крайней мѣрѣ на 1 милл. душевыхъ долей».

А такъ какъ заготовка этого года вмѣстѣ съ запасомъ прежнихъ лѣтъ (390 тыс. душевыхъ долей) покрываетъ только 40% этого спроса, то, очевидно, для полного удовлетворенія его, насколько онъ уже выраженъ ходячествомъ текущаго года, не считаясь даже съ дальнѣйшимъ неизбежнымъ развитіемъ этого дѣла, пришлось бы довести размѣръ земельный заготовки, по крайней мѣрѣ, до 600 тыс. душевыхъ долей (стр. 46).

Вмѣсто этого правительство рѣшило заготовить въ 1908 году лишь 350 тыс. Другими словами: даже потребность 1907 г., совершенно ясно выразившуюся, удовлетворить оно не можетъ или не хочетъ. О «дальнѣйшемъ неизбежномъ развитіи этого дѣла», стало быть, и говорить нечего.

На сколько-нибудь замѣтное улучшеніе его тоже рассчитывать не

приходится. Выше я упомянулъ уже, что по расчетамъ Переселенческаго Управленія на устройство одной семьи требуется отъ 250 до 500 руб., не считая расходовъ на дорогу и общественныя надобности. Но средній размѣръ ссуды на 1908 г. опредѣленъ имъ въ 150 руб., включая сюда всѣ виды ссудной помощи вплоть до пособій на «внутринадѣльное размежеваніе». При этомъ ссуды, какъ объяснилъ начальникъ Переселенческаго Управленія г. Глинка въ засѣданіи думской переселенческой комиссіи, будутъ по прежнему выдаваться частями, такъ какъ «Переселенческое Управленіе опасается, что если выдать ссуду сразу, то переселенцы возьмутъ и вернутся обратно» *). А, стало быть, и расходиться онѣ будутъ у переселенцевъ по прежнему «по мелочамъ», «не облегчая существенно ихъ устройства»...

Нѣтъ! ни расширять, ни даже улучшать переселенческое дѣло правительство не намѣрено. И завоевывать безводную степь и дремучую тайгу оно не будетъ,—вѣдь это тоже большихъ денегъ стоитъ. Нужныя для переселенцевъ земли оно рассчитываетъ найти безъ «чрезвычайныхъ затратъ на меліорацию или пути сообщенія». Оно ихъ возьметъ у киргизовъ,—и сдѣлаетъ это «какъ въ государственныхъ цѣляхъ разумнаго использованія земельныхъ излишковъ, такъ и въ интересахъ культурнаго преуспѣянія самого киргизскаго населенія, стѣсненнаго древними формами общинно-родового быта, недоразвившагося даже до понятія о частной земельной собственности» (стр. 47). Оно ихъ «изыметъ изъ пользованія» старожиловъ (стр. 49). Оно займетъ подъ переселенцевъ запасныя земли Уссурийскаго казачьяго войска...

Правда, «чуть не каждое такое изытіе возбуждаетъ протестъ со стороны киргизъ» (стр. 47). Старожилы тоже не совсѣмъ спокойно относятся къ такимъ изытіямъ (стр. 48). Объ Уссурийскихъ казакахъ пока ничего не слышно, но и тѣ могутъ заволноваться... Но государственная польза и культурное преуспѣяніе выше всего этого,—тѣмъ болѣе, что и жизнь, сдавленная со всѣхъ другихъ сторонъ, движется въ этомъ направленіи. Для примѣра можно взять хотя бы «киргизскія степи, гдѣ прибывшіе переселенцы, за недостаткомъ подготовленнаго колонизаціоннаго фонда, устраивались на правахъ аренды или захвата».

Противодѣйствовать этому движенію запретительными мѣрами—говорить Переселенческое Управленіе—не представлялось возможнымъ, да, кромѣ того, подобныя мѣры въ данномъ случаѣ не оправдались бы и существомъ дѣла (стр. 56).

Такимъ образомъ, не только противъ «принудительнаго отчужденія», но и противъ «захвата», по скольку они направлены въ данную сторону, правительство ничего не имѣетъ...

Надо сказать, что въ Степномъ краѣ и во многихъ мѣстахъ

*) „Новое Время“, 15 января.
Январь. Отдѣлъ II.

Сибири уже назрѣлъ переходъ къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ. Такъ, среди киргизъ давно уже начался и все больше усиливается процессъ осѣданія кочевниковъ, переходъ ихъ къ земледѣльческому хозяйству. Еслибы государство пришло съ культурною и матеріальною помощью въ этотъ трудный періодъ жизни мѣстнаго населенія и вызвало къ самостоятельности его общественныя силы, давъ имъ надлежащую организацію, то вполне возможно, что емкость этихъ мѣстностей очень быстро увеличилась бы. Еще быстрѣе она возросла бы, еслибы одновременно съ этимъ были приняты крупныя меліораціонныя работы,—напримѣръ, оросительныя, въ которыхъ такъ нуждаются степныя области. Тогда и для пришлаго населенія, несомнѣнно, нашлось бы еще достаточно много мѣста. Его не только приняли бы, но и устроили бы, вѣроятно, лучше, чѣмъ устраиваетъ теперь правительство...

Но у послѣдняго другой планъ. Оно рассчитываетъ рѣшить культурный вопросъ и получить нужныя земли проще и, главное, дешевле: путемъ «принудительнаго отчужденія» при посредствѣ мѣстныхъ чиновъ и «самовольнаго захвата» со стороны переселенцевъ. Какими послѣдствіями долженъ сопровождаться этотъ способъ рѣшенія аграрнаго вопроса, предусмотрѣть, конечно, не трудно. Печать уже не мало огласила кровавыхъ фактовъ—подчасъ цѣлыхъ сраженій *),—явившихся въ результатъ принудительнаго вселенія. И чѣмъ дальше правительство будетъ подвигаться по намѣченному имъ пути, тѣмъ такихъ фактовъ будетъ, конечно, больше: если оно не хочетъ оплатить новую землю казенными деньгами, то за нее придется заплатить народною кровью.

Таковы намѣчающіяся перспективы. Но правительство намѣрено идти и дальше. Кромѣ борьбы за землю между старожилами и новоселами, оно намѣрено возжечь такую же борьбу внутри тѣхъ и другихъ.

Въ цѣляхъ согласованія правительственныхъ мѣропріятій по земельному устройству крестьянскаго населенія во всѣхъ частяхъ Имперіи, главное управленіе землеустройства и земледѣлія—какъ сообщило Освѣдомительное Бюро—предполагаетъ: 1) внести въ Государственную Думу законопроектъ о закрѣпленіи отведенныхъ и отводимыхъ крестьянамъ и инородцамъ, а также переселенцамъ земель въ частную собственность съ переводомъ платимой нынѣ оброчной подати въ поземельный налогъ или выкупные платежи и 2) выработать рядъ мѣръ къ содѣйствію населенію Сибири какъ старожилому, такъ и переселенческому къ созданію улучшенныхъ приѣмовъ землепользованія **).

Можно, конечно, сомнѣваться, чтобы правительству удалось сдѣлать сколько-нибудь значительные успѣхи въ дѣлѣ насажденія въ

*) См., напр., „Рѣчь“, за 10 августа (сраженіе въ Акмолинской волости близъ д. Аймагуль между переселенцами и киргизами) или „Русь“, за 6 августа (сраженіе въ Барнаульскомъ уѣздѣ между переселенцами и калмыками).

**) „Новое Время“, 1 декабря.

Азиатской Россіи «улучшенныхъ приемовъ землепользованія», каковыя нынѣшнимъ землеустроителямъ представляются не иначе, какъ въ видѣ «отрубовъ» и «хуторскихъ участковъ». Просто-напросто межевыхъ чиновъ для этого у нихъ не хватитъ. Да и населеніе взвоетъ: извольте-ка къ каждому хутору проводить дорогу и около каждаго хутора устраивать свою поскотину...

— Нѣтъ, миленькій, этотъ номеръ не пройдетъ... — скажегь, пожалуй, Сибирь самодовольному революціонеру. И еще, того гляди, прибавить:

— Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я — плохая? *).

Другими словами: можешь ли ты расположиться даже въ Европейской Россіи на хуторахъ, когда я тутъ еще съ тайгой не управилась? Можешь ли ты въ какомъ бы то ни было направленіи разрѣшить аграрный вопросъ, когда колонизаціонный процессъ тобою задержанъ? Нѣтъ однако ничего удивительнаго, что Главное Управление не только въ Россіи, но и въ Сибири сдѣлаетъ все-таки попытку ввести «улучшенные приемы землепользованія» и передвинетъ съ этою цѣлью имѣющіяся въ его распоряженіи межевыя силы для «внутринадѣльнаго», какъ оно выражается въ своемъ планѣ, размежеванія... Само собой понятно, что землеотводныя работы по наръзкѣ новыхъ переселенческихъ участковъ пойдутъ въ такомъ случаѣ еще медленно.

Болѣе осуществимой представляется земельная спекуляція на основѣ личной собственности. Это дѣло можетъ пойти, если умѣло за него взятыся, — при содѣйствіи крестьянскаго банка, на примѣръ. Правда, земля въ Сибири никакой еще цѣны не имѣетъ. Но это ничего: начнется дѣло съ копейекъ, а потомъ до рублей и десятковъ ихъ дойдетъ, а дальше и сотнями за каждую десятину платить будутъ. И какой эффектъ въ концѣ концовъ получится! Если къ тому времени въ правительствѣ опять будетъ гр. Витте, то онъ, — какъ это уже бывало, — непременно скажетъ:

— Такого преуспѣянія никогда еще не было. Смотрите, какъ Россія разбогатѣла: земля, которая ничего не стоила, теперь стоитъ миллиарды...

Охотники торговать землей въ Сибири, конечно, найдутся, и за нуждой, которая ее покупать будетъ, дѣло не станеть... Само собой понятно однако, что прежде, чѣмъ торговать землей на правахъ личной собственности, ее еще предстоитъ присвоить путемъ самовольнаго захвата. Перспектива, стало быть, передъ нами та-

*) Извиняюсь передъ Сибирью, что въ ея уста — въ уста дѣвственницы, можно сказать, съ аграрной точки зрѣнія — я вкладываю слова проститутки. Но вѣдь и «революціонеръ» передъ нею находится особый: не чистый и невинный юноша, а скорѣе, изрядно поистрепаный старикашка. «Революція наоборотъ» и въ этомъ случаѣ сказала: дѣйствующія лица какъ бы помѣнялись своими ролями...

кая: новоселы воюють изъ-за земли со старожилами, пришельцы— съ туземцами, и въ это же время отнимають ее другъ у друга. Тамъ убійства, здѣсь грабежъ—такова ожидающая насъ картина.

Само собой понятно и то, что этотъ процессъ укрѣпленія земли въ личную собственность будетъ тянуться долго. Несомнѣнно, что въ Сибири онъ будетъ протекать несравненно медленнѣе, тѣмъ въ Европейской Россіи, хотя и здѣсь онъ завершится, конечно, не скоро. И, стало быть, надолго территория Азиатской Россіи окажется перегороженной: будутъ земли казенныя и надѣльныя, отведенныя за выкупъ цѣлымъ деревнямъ и укрѣпленныя въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ. Будутъ крестьяне, которые платятъ выкупные платежи, и крестьяне, которые свою землю уже «окупили». И, конечно, ни тѣ, ни другіе пріемныхъ приговоровъ выдавать переселенцамъ уже не станутъ, да и сами подвигаться вглубь тайги и степи уже не будутъ. Отъ «окупленной», хотя бы только частью, земли оторваться будетъ трудно, да и займку вынести будетъ уже некуда, разъ казенную землю отдѣлять. И не столько, быть можетъ, межа въ данномъ случаѣ помѣшаетъ, сколько грань, которая пройдетъ въ правѣ. Въ Россіи—писалъ когда-то Г. И. Успенскій—землемѣръ съѣлъ мужика, а въ Сибири мужикъ—землемѣра. Но если землемѣру съ его астролябіей будетъ предпосланъ X томъ съ его разнообразіемъ видовъ собственности, то, пожалуй, и тамъ отъ мужика не много останется.

Правительство, повидимому, очень торопится «согласовать» сибирскіе земельные порядки «съ началами землеустройства, положенными нынѣ въ основу крестьянскаго законодательства Европейской Россіи». Какъ сообщили газеты, министерствомъ уже выработана соответствующій законопроектъ для внесенія въ Государственную Думу *). Нечего, конечно, и говорить, что со стороны послѣдней никакихъ препятствій на этомъ пути оно не встрѣтитъ. «Господская» Дума, быть можетъ, даже подтолкнетъ правительство идти дальше и вступить на дорогу, которая уже давно спроектирована, но использовать которую до сихъ поръ еще не удалось.

Крайне характерно въ этомъ случаѣ, что немедленно по открытіи третьей Думы въ «Новомъ Времени» появились статьи нѣкоего Е. И. Ж. подъ заголовкомъ: «Переселенцы». Ссылаясь на авторитет покойнаго Герценштейна, признававшаго культурно-политическую роль помѣщичьяго класса, и г. Петражицкаго, энергично въ первой Думѣ ее отстаивавшаго, авторъ прежде всего съ негодованіемъ обрушился на легкомысліе, обуявшее за послѣднее время нашихъ землеустроителей.

Ликвидация частновладѣльческихъ земель—говоритъ онъ—идеть во всю, и телеграфъ ежедневно приносить намъ извѣстія о десяткахъ тысячъ десятинъ, переданныхъ изъ помѣщичьяго въ крестьянское владѣніе. Однимъ словомъ, мы

*) См. «Рѣчь», 30 декабря.

заканувъ страшнаго паденія сельско-хозяйственной культуры и связаннаго съ этимъ паденія производительности земли и доходовъ *).

И въ Сибири «легкомысленные землеустроители» дѣйствуютъ неправильно...

По какому-то странному недоразумѣнью,—говорить г. Е. И. Ж.—главное управленіе землеустройства и земледѣлія, сосредоточивъ у себя колонизаціонное дѣло государства, работаетъ исключительно въ пользу крестьянскаго переселенія, и то именно на земляхъ казны, игнорируя совершенно интересы другихъ землевладѣльцевъ и земли другихъ вѣдомствъ. Между тѣмъ водвореніе въ Сибирь землевладѣльцевъ, помимо своего экономическаго значенія для этой страны, было бы весьма важно и во многихъ другихъ отношеніяхъ.**).

Еще бы... Въ политическомъ, напримѣръ, отношеніи. Но сотрудникъ «Новаго Времени» знаетъ, «какъ дѣломъ тѣмъ поправить»...

Совсѣмъ другая картина—пишетъ онъ—получилась бы, еслибы наряду съ крестьянами стараніями переселенческаго управленія водворялись въ Сибирь и землевладѣльцы, хотя бы на правѣ долгосрочныхъ арендаторовъ ***).

Близжайшей задачей переселенческаго управленія—говорить онъ въ другой статьѣ—должно быть подробное выясненіе вопроса объ учрежденіи помѣщичьихъ хозяйствъ въ Сибири какъ на казенныхъ, такъ и на прочихъ земляхъ...

«Третья Дума — заканчиваетъ г. Е. И. Ж. эту свою статью—должна, по нашему мнѣнью, отнестись съ большимъ вниманіемъ къ вопросу о колонизаціи Сибири. Выяснившійся теперешній составъ ея даетъ гарантіи, что вопросъ будетъ рѣшенъ правильно и безпристрастно». Безпристрастіе третьей Думы въ этомъ вопросѣ уже сказывается. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые члены переселенческой комиссіи очень интересуются, нельзя ли уменьшить надѣлы переселенцамъ и предоставить землю помѣщикамъ. Они уже требуютъ на этотъ счетъ объясненій отъ правительства. Кн. Васильчиковъ отвѣтилъ, что вопросомъ о помѣщичьихъ хозяйствахъ послѣднее очень интересуются, но что это дѣло трудное.

Что касается большихъ участковъ до 1000 дес.,—пояснилъ въ другомъ засѣданіи комиссіи начальникъ переселенческаго управленія г. Глянка—то опытъ насажденія частной земельной собственности въ Сибири былъ уже сдѣланъ. Участки были нарѣзаны, но охотниковъ до послѣдняго времени не являлось. Поэтому участки были розданы переселенцамъ. Теперь просьбы поступаютъ, но земли эти уже обращены въ колонизаціонный фондъ ****).

*) «Новое Время», 9 ноября.

**) «Новое Время», 10 ноября.

***) Чтобы пояснить готовность автора примириться съ этимъ титуломъ, достаточно будетъ сказать, что въ постъ-скриптумѣ къ одной изъ статей онъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу Высочайшей благодарности, которая только что объявлена одному изъ частныхъ хозяевъ Акмолинской области, нѣкому г. Комиссарову, которому «грозило выдвореніе съ участка за какія-то грошевыя недомыслия по уплатѣ аренды». Разъ можно рассчитывать на «благожелательное отношеніе къ культурнымъ начинаніямъ арендаторовъ», то, конечно, нечего опасаться за ихъ хозяйственную устойчивость.

****) «Рѣчь», 18 января.

По частнымъ свѣдѣніямъ, многіе нарѣзанные для помѣщиковъ участки,—а имъ выдѣлены, конечно, лучшія земли, — приберегаются до сихъ поръ. Впрочемъ, это не важно. Какъ бы тамъ ни было, земля для нихъ найдется,—благо охотники теперь появились.

Въ сущности, Думѣ, какъ законодательному учрежденію, даже дѣлать въ этомъ направленіи нечего. Законъ объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири написанъ уже давно,—еще въ 1901 году. На основаніи его и производилась помѣщичья нарѣзка. Если же до сихъ поръ охотниковъ на отведенныя помѣщикамъ земли не было, то, конечно, въ значительной мѣрѣ потому, что землеотводныя работы были перенесены въ болѣе далекія таежныя и степныя мѣстности. Правда, въ самомъ законѣ было предусмотрено, чтобы предназначаемыя для помѣщиковъ земли «нарѣзались, по возможности, въ перемежку съ площадями, надѣленными крестьянамъ». Саратовскіе помѣщики, во главѣ съ «дворяниномъ Божією милостію» г. Павловымъ, возлагали также большія надежды на совмѣстное переселеніе туда съ прирученными уже ими крестьянами. Но, повидимому, трудно было заставить крестьянъ, которымъ приходилось завоевывать тайгу, работать въ то же время на помѣщиковъ. Сами же по себѣ вѣдраться съ топоромъ въ дѣвственную чащу послѣдніе никогда склонности не имѣли... Вообще, пока колонизаціонная работа переселенческаго управленія сосредоточивалась, какъ выражается г. Е. И. Ж., «на земляхъ казны», надежды на расцвѣтъ помѣщичьяго хозяйства въ Сибири было мало.

Не то теперь, когда правительство рѣшило распространить эти работы и на земли другихъ вѣдомствъ,—въ томъ числѣ на земли киргизовъ, казаковъ и старожиловъ.

Земли, подлежащія колонизаціи, въ Сибири—какъ пояснилъ г. Глинка—подраздѣлены на двѣ категоріи. Въ первую категорію входятъ излишки земли въ населенной полосѣ. Эта категорія земель самая удобная и можетъ быть немедленно использована. Вторая категорія—пустынные земли въ ненаселенной части Сибири *).

Теперь, стало быть, возможенъ выборъ. Какъ извѣстно, дворяне издавна питали пристрастіе къ населеннымъ землямъ и владѣніе ими очень долго считали своей исключительной привилегіей. «Отрѣзки» же отъ крестьянскаго надѣла,—а «первая категорія» будетъ состоять, главнымъ образомъ, изъ нихъ,—представляютъ, какъ выяснила пореформенная исторія, прямо-таки золотое дно. За охотниками на нихъ дѣло не станеть.

И если въ отсутствіи желающихъ являлось главное затрудненіе къ насажденію помѣщичьяго хозяйства въ Азіатской Россіи, то съ нимъ, можно думать, правительство больше не встрѣтится: законъ 8 іюля 1901 года теперь можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе.

*) „Рѣчь“, 18 января.

Третьей Думѣ, если и придется о чемъ позаботиться, то развѣ о ссудахъ этой давно желанной категоріи переселенцевъ. Деньги на это, конечно, найдутся,—и, если это будетъ зависѣть отъ господской Думы, то даже скорѣе, чѣмъ на флотъ.

Лучше честно признать,—заявилъ какъ-то г. А. Ст-нъ—что мы отказываемся отъ чести морской державы, отъ защиты своихъ береговъ, отъ голоса въ концертѣ европейскихъ державъ, и обратить эти деньги на школы, на дороги, на переселенцевъ, на устройство хуторовъ. Мало ли есть полевныхъ предметов! *).

И развѣ помѣщицье хозяйство не самый полезный изъ нихъ?!

Конечно, на пути развитія помѣщицьяго хозяйства, когда жизнь властно требуетъ его уничтоженія, можетъ еще встрѣтиться много всякихъ терній. Но если мы допустимъ, что дѣло пойдетъ гладко, не встрѣчая ни съ чьей стороны ни помѣхи, ни сопротивленія, то результаты земле-устроительныхъ работъ, какія производятся и проектируются за Ураломъ, для насъ должны быть ясны. Перспективы въ нѣкоторыхъ направленіяхъ—гдѣ уже убиваютъ и гдѣ будутъ грабить—я отмѣтилъ. Теперь мнѣ остается прибавить еще одну деталь: „культурные очаги“, около которыхъ народъ будетъ умирать съ голоду...

Если эта намѣтившаяся уже картина осуществится, то сибирскіе земельные порядки окажутся «вполнѣ согласованными» съ «началами землеустройства» Европейской Россіи. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что власть, подъ давленіемъ и при дѣятельномъ участіи которой создавался аграрный строй въ этой послѣдней, стремится распространить его на всю находящуюся въ ея распоряженіи территорію. Можетъ быть, она и успѣетъ это сдѣлать. Но рѣшить аграрный вопросъ въ Россіи отъ того, что онъ распространится и на окраины, не станеть, конечно, легче...

Боюсь, что я утомилъ читателей и, быть можетъ, надоелъ имъ Сибирью... Я знаю, что ихъ не столько интересуеть то, что творится и проектируется далеко за Ураломъ, сколько то, что совершается внутри Россіи... Не столько имъ хотѣлось бы видѣть, какъ готовятся завязать новый узелъ, сколько то, какъ разрубаютъ старый. Но я рѣшилъ все-таки прежде всего остановить и довольно долго задержать ихъ вниманіе на этомъ, менѣе интересномъ, вопросе. Онъ достаточно важенъ, чтобы надъ нимъ задуматься...

Изъ всѣхъ землеустроительныхъ операцій, какія входятъ въ аграрный планъ правительства, переселеніе встрѣтило пока наибольшій откликъ въ массахъ. На миллионъ, «по крайней мѣрѣ», душевыхъ долей, какъ мы видѣли, предъявили спросъ ходоки только одного 1907 года. Вѣдь это два милліона душъ обоого пола... Въ эту именно дверь,

*) «Новое Время», 11 января.

которую правительство объявило открытой, бросилась наиболѣе значительная часть прижатого къ стѣнѣ крестьянскаго населенія. Ни одна изъ другихъ землеустроительныхъ операций—ни изъ тѣхъ, которыя производятся на помѣщичьихъ земляхъ, ни изъ тѣхъ, которыя предприняты на надѣльныхъ, — не можетъ похвалиться, какъ мы еще увидимъ, такимъ массовымъ успѣхомъ.

Но дверь, въ которую бросилось крестьянство, немедленно захлопнули. Въ нее, можетъ быть, и будутъ выпускать, но понемногу... Въ домѣ—какъ выразился г. Столыпинъ—пожаръ, правительство по этому случаю выбило уже всѣ почти стекла, но если вы хотите выйти, то можете это сдѣлать не иначе, какъ по росписанію, которое составляютъ чиновники... Конечно, чтобы не было затора, необходимо упорядочить выходъ. Иногда это и удается, но не тогда, когда оставаться въ домѣ сдѣлалось уже невыносимо. И, главное, не тѣмъ успокоиваютъ публику, что захлопываютъ двери. Охваченные паникой люди будутъ ломиться въ нее и давить другъ друга, пока не бросятся въ другую сторону...

Я не буду сейчасъ ставить вопроса: въ какую? Да и не это мнѣ хотѣлось бы отмѣтить... Задача обезпечить свободное теченіе колонизаціоннаго процесса, какъ я указалъ въ началѣ, составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ частей аграрной проблемы. И въ этой части правительство послѣднюю не разрѣшило. Напротивъ, даже тамъ, гдѣ этотъ процессъ могъ бы протекать ровно и свободно, оно задалось цѣлью выкопать рвы и наставить перегородки. Этимъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется характеръ производимыхъ имъ работъ,—вмѣсто прорытія для жизни новаго русла, оно загромождаетъ уже имѣвшіеся стоки. За Ураломъ это особенно хорошо видно и, чтобы убѣдиться въ этомъ, какъ мнѣ кажется, стоило на этомъ остановиться.

Наконецъ, и судьбы Азіатской Россіи, превосходящей во много разъ ту территорію, на которой въ силу историческихъ условій сгрудилась значительная часть населенія російскаго государства, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть для насъ безразличны. Кто знаетъ, гдѣ и какъ развернется будущее Россіи? Быть можетъ, тамъ, за Ураломъ, разыграются важнѣйшіе акты ея дальнѣйшей исторіи. Центръ русской государственной жизни не разъ уже перемѣщался съ сѣвера на югъ и затѣмъ съ юга на сѣверъ; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ перемѣщается теперь къ югу и востоку. Всѣмъ, кому дорого будущее народа, должны быть близки и судьбы необлѣтной и пустынной теперь Азіатской Россіи.

Эту страну—пусть грубую и некультурную,—но, какъ я уже сказалъ, еще дѣвственную въ аграрныхъ отношеніяхъ, на нашихъ глазахъ хотятъ обратить въ страну терпимости или, выражаясь сибирскимъ же языкомъ, терпѣливости. Ея жизнь,—только еще начинающуюся жизнь—наполнять своимъ гамомъ и грязью всякіе аграр-

ные насильники. Быть может, скоро—завтра, может быть,—съ тревогой и мукой намъ придется поставить вопросъ:

Или пешла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто жь защититъ тебя?..

Мнѣ кажется, что лучше надъ этимъ вопросомъ задуматься сегодня. На немъ слѣдуетъ остановиться хотя бы для того только, чтобы потомъ ужь не спрашивать:

Какъ дошла ты до жизни такой?

А. Пѣшеховъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П о л и т и к а .

Нѣкоторыя перспективы на 1908 годъ.

I.

16 (3) декабря 1907 года, огромный флотъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, собранный на рейдѣ Гамптона въ составѣ шестнадцати линейныхъ кораблей (эскадренныхъ броненосцевъ), послѣ смотра президента Рузвельта, поднявъ якоря и двинулся въ Тихій океанъ, огибая Южную Америку. Командуетъ этой безпримѣрной въ лѣтописяхъ броненосныхъ флотовъ армодой вице-адмиралъ Ивансъ. Около 250 тыс. тоннъ водоизмѣненія, около 14 тыс. человекъ экипажа, нѣсколько сотъ орудій, — вотъ въ какихъ терминахъ опредѣляется боевая сила этой плавучей громады. Милліоны, много милліоновъ долларовъ должны быть израсходованы для того, чтобы доставить этотъ флотъ въ Тихій океанъ къ берегамъ американскихъ владѣній... Равсчелливые американцы не бросаютъ въ море деньги тщеславія ради. Значить, они считаютъ необходимыми эти жертвы ради охраненія важныхъ интересовъ. Значить, они считаютъ эти интересы угрожаемыми. Еслибы интересы были угрожаемы изъ Европы, то нельзя бы было обнажать атлантическаго побережья. Напротивъ, именно здѣсь надо было бы собрать всю морскую силу Штатовъ. Очевидно, по мнѣнію американцевъ, угроза идетъ изъ Азіи, а здѣсь, послѣ уничтоженія русскаго дальневосточнаго флота и при зачаточномъ состояніи китайскихъ морскихъ силъ, угрожать можетъ только Японія.

Движеніе американскихъ эскадръ въ Тихій океанъ—это еще не война. Это еще и не вѣроятность войны. Но это уже ея возмож-

ность. Мировое значеніе не только войны, но даже приготовленій къ войнѣ между Японіей и Соединенными Штатами, само собою вырисовывается ярко-темными красками на относительно ясномъ горизонтѣ современнаго состоянія Дальняго Востока. Остановимся на той эволюціи, которая привела къ историческимъ фактамъ столь всемірно важнаго значенія. Эти факты должны наполнить собою значительную часть 1908 года и многое измѣнять въ строеніи международнаго политическаго міра, все равно, войною или мирнымъ соглашеніемъ (какъ скорѣе можно ожидать) окончится настоящая тревога.

Въ наиболѣе тревожный для Дальняго Востока періодъ, съ начала боксерской войны и до окончанія русско-японской (1900—1904), всѣ морскія державы усилили свои морскія силы въ водахъ Тихаго океана, въ томъ числѣ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Они довели свой тихо-океанскій флотъ до слѣдующаго состава: дивизія линейныхъ кораблей (3), и три крейсерскихъ эскадры, т. е. не менѣе 18 крейсеровъ, въ томъ числѣ не менѣе 2 броненосныхъ. Это въ азиатскихъ водахъ, а въ американскихъ, у Санъ-Франциско, одна дивизія броненосцевъ береговой обороны (3) и одна крейсерская дивизія, другая у Говолулу (Сандвичевы острова), а затѣмъ канонерки, минныя суда, вѣстовыя и т. д.

Такъ обстояло дѣло весной 1905 года. Но прогремѣлъ цусимскій бой. У Россіи были обрублены ея морскія руки и морскія державы всѣ почувствовали облегченіе (всѣ, кромѣ развѣ Франціи въ тѣ времена). Послѣ подавленія боксерскаго движенія только наступательная политика Россіи являлась угрозою для мира и культуры Дальняго Востока. Эта угроза была уничтожена цусимской битвой и морскія державы немедленно приступили къ сокращенію своихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ, Соединенные Штаты въ томъ числѣ. Мы выше видѣли, что главною составною частью ихъ морской силы къ Тихомъ океанѣ были могущественныя крейсерскія эскадры. Они ихъ и сократили. Крейсеровъ въ 1901—1904 годахъ было не менѣе 24. Это число уменьшили вдвое и оставили въ Тихомъ океанѣ всего 12 крейсеровъ, въ томъ числѣ 7 у азиатскихъ береговъ и 5 у американскихъ. Линейные корабли остались въ прежнемъ числѣ, а такъ же береговые броненосцы и канонерки. Нѣсколько прибавлено минныхъ судовъ, но ихъ малочисленность это уже давно сознаваемая американцами слабая сторона ихъ флота. Въ такомъ видѣ представлялись морскія силы Соединенныхъ Штатовъ въ Тихомъ океанѣ къ концу 1905 года и онѣ не могли существенно измѣниться втеченіе 1906 года до возникновенія конфликта въ началѣ 1907 года. И послѣ этого американцы не сразу могли сдѣлать серьезную попытку уравнять силы двухъ внезапно сказавшихся соперницъ.

Соединенные Штаты имѣютъ сильный флотъ, но раздѣленный

между двумя океанами. До прорытія Панамскаго канала это два флота, которымъ очень затруднительно помогать другъ другу. Замѣствуемъ изъ «Matin» сравнительную численность судового состава флотовъ американскаго и японскаго, прибавивъ отъ себя (на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ), столбецъ американскихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ:

	Японія всего.	Америка всего.	Америка въ Тих. океанѣ.
Линейныхъ кораблей	12	26	3
Брон. береговой обороны . . .	3	11	3
Броненосныхъ крейсеровъ . . .	13	15	2
Бронепалубныхъ крейсеровъ .	19	25	10
Мелкихъ крейсеровъ и канонерокъ	8	29	7
Контръ-миноносцевъ	51	20	7
Миноносцевъ	44	35	неизв.
Подводныхъ лодокъ	12	12	.

Теперь двинулись въ Тихій океанъ 16 линейныхъ кораблей, главныхъ единицъ морскаго боя въ настоящее время, а съ находящимися уже на мѣстѣ всего будетъ 19 противъ 12. Одновременно, частью раньше, вышли изъ американскихъ портовъ Атлантическаго океана по назначенію Тихаго океана крейсера, но ни составъ, ни численность ихъ неизвѣстны. Сообщалось только, что они присоединятся къ флоту вице-адмирала Иванса уже въ Тихомъ океанѣ. Шесть контръ-миноносцевъ направляются туда же. Не раньше марта 1908 года вся эта угроза Японіи достигнетъ тихоокеанскихъ территоріальныхъ водъ Соединенныхъ Штатовъ. Надо надѣяться, что къ тому времени все уладится, а теперь посмотримъ, какъ и почему разладилось между такими, казалось, друзьями, какъ Японія и Америка.

II.

Крайне оптимистически настроенная парижская газета «Temps», съ большою симпатіей относящаяся и къ Америкѣ, и къ Японіи, такъ резюмируетъ происхожденіе и сущность конфликта: «Положеніе теперь то же самое, что было назадъ три мѣсяца, что было назадъ шесть мѣсяцевъ, что было назадъ девять мѣсяцевъ. Между Соединенными Штатами и Японіей существуетъ нерѣшенный вопросъ, вопросъ серьезный, но который въ настоящій моментъ не обостряется никакими спеціальными инцидентами: это вопросъ объ иммиграціи. Японская иммиграція въ Соединенныхъ Штатахъ была очень значительна за рядъ послѣднихъ лѣтъ, регулярно возрастающая изъ года въ годъ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ русско-

японской войны. Въ Калифорніи проживаетъ около 50 тысячъ японцевъ, которые являются опасными конкурентами бѣлому рабочему населенію: они живутъ дешево и согласны на низшую заработную плату. Къ этому экономическому соперничеству прибавляется расовая ненависть, столь обычная и распространенная въ Соединенныхъ Штатахъ и направляющаяся противъ чернаго племени, какъ и противъ желтаго. Негры и китайцы по очереди являлись жертвою этихъ чувствъ бѣлаго населенія. Конечно, эта расовая нетерпимость заслуживаетъ всяческаго порицанія, особенно когда выражается въ формѣ насилія. Съ другой стороны, нельзя требовать отъ американцевъ индифферентнаго отношенія къ угрожающей имъ опасности. Японское правительство сознательно отдастъ себѣ отчетъ въ этомъ положеніи. И это дѣлаетъ большую честь его дальновидности. По этой причинѣ японское правительство уже съ 1902 года не выдаетъ своимъ эмигрирующимъ кули паспортовъ по назначенію материковыхъ территорій Соединенныхъ Штатовъ, а только по назначенію ихъ островныхъ владѣній в американскаго протектората на Панамѣ. Практически однако затрудненія этимъ устранены не были: японскіе кули брали паспорта на Гавайскіе острова, а оттуда, какъ изъ американской территоріи, свободно перѣезжали въ Калифорнію и Орегонъ. Эта продолжавшаяся иммиграція японцевъ и вызвала въ 1906 году извѣстный школьный инцидентъ: *Board of Education* (управленіе народнаго просвѣщенія) въ Санъ-Франциско постановило удалить японскихъ школьниковъ изъ общихъ школъ, создавъ для нихъ спеціально отдѣльныя школы. Японія совершенно справедливо протестовала противъ этихъ исключительныхъ постановленій. Въ сущности школьный вопросъ былъ лишь предлогомъ: калифорнійцы желали обратить вниманіе союзнаго правительства на вопросъ объ иммиграціи. Они этого достигли. Въ мартѣ 1907 года вашингтонскій конгрессъ вотировалъ законъ, которымъ уполномочивалъ президента республики въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сочтетъ нужнымъ, не допускать высадки на материкъ Америки иностранныхъ кули, получившихъ отъ своего правительства паспорта только на островныя владѣнія Штатовъ, туда иммигрировавшихъ и оттуда, уже въ качествѣ обывателей американскихъ территорій, переселявшихся на континентъ. Это было превосходное рѣшеніе. Оно избавляло правительство Штатовъ отъ необходимости требовать отъ японскаго новыхъ жертвъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по внѣшности являлось простымъ исполненіемъ японскихъ правилъ о паспортахъ. Это не являлось окончательнымъ рѣшеніемъ, но это было устраненіемъ поводовъ къ непосредственнымъ конфликтамъ. Съ тѣхъ поръ ничего не случилось, что бы могло указывать на измѣненіе этого положенія, такъ какъ походъ американскаго флота въ Тихій океанъ мы не считаемъ покушеніемъ на Японію. И само токійское правительство не видитъ въ этомъ походѣ ничего подобнаго. Вопросъ объ

иммиграции желтых въ Америку представляется очень серьезнымъ и, еслибы оба правительства предоставили ему осложняться и обостряться, онъ долженъ былъ бы въ будущемъ привести къ войнѣ. Но ни Соединенные Штаты ни Японія не заслуживаютъ подобнаго упрека. Безъ всякаго сомнѣнія, они и впредь будутъ работать среди царствующаго мира для предупрежденія возможныхъ опасностей».

Чтобы дополнить это оптимистическое, но въ главныхъ чертахъ правильное изложеніе фактовъ за послѣдніе 9—10 мѣсяцевъ (кромѣ простаго lapsus'a, что за девять мѣсяцевъ съ изданія закона 14 марта 1907 года *ничего* не измѣнилось), мы заимствуемъ официальные данныя о переселенческомъ движеніи изъ Японіи въ Америку (изъ послѣдняго отчета Commissioner General of Immigration). Отчетный годъ кончается 30 іюня, такъ что послѣдній отчетъ объемлетъ періодъ съ іюля 1906 по 30 іюня 1907 года. За этотъ срокъ, когда именно разыгрывался японо-американскій конфликтъ и когда былъ изданъ законъ 14 марта, составившій «превосходное рѣшеніе», азиатскихъ иммигрантовъ вступило на территорію Соединенныхъ Штатовъ 40,524, на 18,224 больше, чѣмъ въ предъидущемъ отчетномъ году. Между этими азиатскими переселенцами преобладаютъ японцы, которыхъ въ послѣднемъ отчетномъ году (по 30 іюня 1907 г.) переселилось въ Штаты 30,226, тогда какъ въ предъидущемъ 13,835, на 16,391 меньше. Ихъ иммиграція болѣе чѣмъ удвоилась въ теченіе одного года.

Что же это значитъ? Японское правительство предупредительно само принимаетъ мѣры противъ наплыва японскихъ кули въ Америку. Американское находитъ превосходное рѣшеніе (и въ самомъ дѣлѣ удачное), издавъ соотвѣтственный законъ, а великое переселеніе желтаго племени на континентъ Америки продолжается, все возрастаетъ и какъ бы смѣясь надъ столь согласными усиліями дружественныхъ правительствъ... Чудеса, да и только.

Давно сказано, что не стоитъ писать законовъ, если ихъ не примѣнять. Между тѣмъ американцы именно такъ поступили. Они издали законъ, отчасти ограничивавшій наплывъ японскихъ кули на Дальній Западъ Соединенныхъ Штатовъ, и оставили его лежать на полкахъ. Президентъ Рузвельтъ ни разу не воспользовался правомъ, которое самъ испросилъ у конгресса, и безудержная волна японской иммиграціи съ удвоенною силою затопляетъ рабочій рынокъ Дальняго Запада. Почему же президентъ Рузвельтъ поступилъ такимъ страннымъ образомъ, совершенно несоотвѣтствующимъ его твердому и послѣдовательному поведенію въ другихъ случаяхъ его политической дѣятельности? Надо полагать, не потому, что не желалъ. Надо думать, не могъ.

Законъ 14 марта 1907 года былъ компенсаціей въ пользу Америки за уступки японцамъ въ школьномъ вопросѣ. Постановленіе калифорнійскаго *Board of Education* было отмѣнено, японцы

возстановили равноправіе съ другими иностранцами, но за то доступъ ихъ кули былъ ограниченъ новымъ закономъ. Однако переговоры между токійскимъ и вашингтонскимъ правительствами этимъ не завершились и продолжались. Продолжаются переговоры и теперь. Если Японія почему-либо воспротивилась примѣненію закона, то въ условіяхъ мѣста и времени она была вполне въ силахъ не допустить этого примѣненія. вполне господствуя на морѣ, имѣя передъ собою не защищенные американскіе берега, обладая огромною прекрасною арміею противъ небольшой арміи Соединенныхъ Штатовъ, она могла диктовать дружественной державѣ ея поведеніе. Черезъ девять мѣсяцевъ безуспѣшныхъ дружественныхъ переговоровъ Соединенные Штаты двинули морскую громаду въ Тихій океанъ. Мы не знаемъ ея назначенія, но всякому очевидно, что ея появленіе у американскихъ тихо-океанскихъ береговъ устраняетъ и морское господство Японіи, и возможность десанта на западные берега Штатовъ. Тогда можно будетъ вспомнить и о законѣ 14 марта 1907 года. Впрочемъ, надо надѣяться, что еще ранѣе дружественные переговоры приведутъ къ соглашенію и флотъ адмирала Иванса, сослуживъ большую службу своей родинѣ, совершить просто пріятную морскую прогулку.

III.

Оптимизмъ оптимизмомъ и при томъ на этотъ разъ, на этотъ годъ, на эту прогулку адм. Иванса этотъ оптимизмъ имѣетъ достаточныя и всѣскія основанія, но напоръ желтой расы на всѣ берега Тихаго океана, уже занятые бѣлою расою, составляетъ такой выдающійся фактъ, что отвѣчать на него паспортною системою и думать этимъ путемъ остановить столь мощную эволюцію значило бы уже совсѣмъ не считаться съ историческою и экономической необходимостію и убаюкивать себя бабушкиными сказками. Въ чемъ заключается эта историческая необходимость и каковы ея шансы въ этомъ процессѣ,—объ этомъ мы скажемъ ниже, а теперь еще нѣсколько фактовъ современной исторической жизни Тихаго океана и его береговъ, фактовъ, полнѣе обрисовывающихъ ту ситуацію, на почвѣ которой выросли современные конфликты.

Въ Канадѣ, на ея западныхъ берегахъ, омываемыхъ Тихимъ океаномъ, происходитъ приблизительно то же, что и въ Калифорніи. Та же усиленная иммиграція японскихъ кули, та же конкуренція ихъ бѣлому населенію, та же враждебность между двумя расами, тѣ же драки и порою кровавыя побоища, то же стараніе канадскаго правительства остановить эту волну переселенія и тѣ же дружественные переговоры въ Токио съ тѣми же превосходными результатами въ смыслѣ согласія и съ тѣмъ же, *до послѣдняго времени*, отсутствіемъ результатовъ въ смыслѣ сокращенія японской иммигра-

ціи. Вотъ послѣднія извѣстія о домогательствахъ канадскаго правительства и его дипломатическихъ успѣхахъ.

«*Лондонъ* 31 (18) дек. По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ официальныхъ англійскихъ и японскихъ источниковъ, переговоры, касающіеся вопроса объ иммиграціи японцевъ въ Канаду, ведутся въ самомъ дружественномъ тонѣ. Англійская дипломатія находится въ курсѣ переговоровъ, но главную роль предоставила правительству Канады, какъ сторонѣ, наиболѣе заинтересованной. Когда Лемье, канадскій комиссаръ, командированный по этому дѣлу въ Японію, возвратится въ Канаду, правительство Канады не преминетъ сообщить британскому свою точку зрѣнія по этому вопросу» (*Агентство Рейтера*). Что переговоры ведутся между союзниками въ дружественномъ тонѣ, это само собою разумѣется и совершенно понятно, но не совсѣмъ понятно, по какой причинѣ больше года переговоры пребывали все только въ фазисѣ дружественнаго тона.

Лемье между тѣмъ возвратился и доложилъ своему правительству результаты своей миссіи. Объ этомъ въ «*Темпс*» отъ 23 (10) января находимъ слѣдующія свѣдѣнія: «министръ торговли Лемье сдѣлалъ вчера (т. е. 21 янв. н. ст.) въ палатѣ общинъ колоніи давножданное сообщеніе о своей миссіи въ Японіи. Онъ прочелъ, сначала письмо виконта Гааши (нынѣ министра иностранныхъ дѣлъ въ Японіи), въ которомъ тотъ заявляетъ, что японское правительство настаивать на точномъ и полномъ осуществленіи правъ и привилегій японскихъ гражданъ, какъ они условлены ранѣе состоявшимися японо-канадскими соглашениями, не намѣрено въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ примѣненіе сталкивается со специальными условіями, могущими возникнуть въ Канадѣ отъ времени до времени. Японское правительство рѣшило по возможности сократить эмиграцію изъ Японіи въ Канаду, насколько это совмѣстимо съ духомъ упомянутыхъ соглашеній и достоинствомъ имперіи. Лемье сообщилъ дальше, что втеченіе переговоровъ японскимъ правительствомъ были выработаны правила и строгія инструкціи, разосланныя мѣстнымъ властямъ и японскимъ консуламъ въ Канадѣ. Лемье находить это урегулированіе удовлетворительнымъ». Лемье дѣлалъ свое сообщеніе 21 (8) янв., оно основывалось на правилахъ и строгихъ инструкціяхъ, установленныхъ въ бытность его въ Токио, т. е. не позже начала января. Тѣмъ не менѣе, отъ 22 (9) янв. агентство Рейтера сообщаетъ изъ Викторіи (гл. городъ западной тихо-океанской Канады), что въ этотъ день туда «прибылъ пароходъ *Ландсдаль* отъ портовъ Мексики, имѣя на борту тридцать одного японскаго пассажира, которымъ всадка была воспріята колоніальными властями. Это первое примѣненіе недавно изданнаго закона, по которому иммигранты должны прибывать непосредственно изъ своего отечества. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ данномъ случаѣ японское правительство было вполне искренно. Ссориться съ Англійей ему,

конечно, вовсе не улыбалось. Волна японскаго движенія на культурные берега Тихаго Океана не стихаетъ однако подъ «строгими инструкціями». Канадское правительство остановилось и на другомъ способѣ. Оно издало законъ, аналогичный вашингтонскому отъ 14 марта, и стало немедленно примѣнять его. Подъ щитомъ англійской морской мощи, Канада можетъ не ждать армады для примѣненія новаго закона.

Еще рѣшительнѣе поставленъ вопросъ объ азіатской иммиграціи въ Австраліи. Уже давно Австралія принимала всевозможныя мѣры къ стѣсненію и воспрещенію азіатской иммиграціи. Въ то время дѣло шло о китайцахъ, но тѣ же законы примѣнялись и къ индусамъ, и къ индо-китайцамъ, а теперь примѣняются и къ японцамъ. Токійское правительство не разъ уже жаловалось въ Лондонъ на это отнюдь не дружественное отношеніе на территоріи союзной державы. Изъ Лондона пробовали даже повліять, 'но безуспѣшно и Австралія стала готовиться сама къ возможному отпору. Отъ 30 (17) дек. изъ Мельбурна «Агентство Рейтера» сообщало, что «въ парламентѣ соединенной республики премьеръ сообщилъ о принимаемыхъ правительствомъ мѣрахъ къ обезпеченію обороны страны. Онъ сказалъ, что правительство рѣшило ежегодно пріобрѣтать по три подводныхъ лодки и по два контръ-миноносца самаго сильнаго типа и надѣется этимъ обезопасить берега отъ внезапнаго нападенія. Сухопутныя военныя силы проектируется тоже значительно увеличить. Въ этихъ видахъ предполагается ввести обязательное военное обученіе всѣхъ молодыхъ людей, начиная съ восемнадцати лѣтъ. Молодые люди будутъ созываться ежегодно (втеченіе трехъ лѣтъ) на шестнадцать дней. Этимъ путемъ въ сравнительно незначительный срокъ можно разсчитывать имѣть 215 тыс. удовлетворительно обученной арміи». При нынѣшней политической конъюнктурѣ эти приготовленія Австраліи какъ будто излишняя роскошь, потому что британскій флотъ прикрываетъ берега и Австралія. Однако политическая конъюнктура можетъ измѣниться. Англійскія морскія силы временно могутъ быть задержаны другими операціями и надо сумѣть защитить себя и дожидаться освобожденія достаточныхъ морскихъ силъ метрополіи для отраженія японскаго нападенія. Австралійцы предусмотрительно принимаютъ мѣры на всякій случай, на самый худшій возможный случай. Интересно, что эти серьезные и освѣдомленные люди считаютъ нападеніе японцевъ вѣроятнымъ, конечно, въ случаѣ совершенно измѣнившейся политической конъюнктуры...

IV.

Несомненно, что японское правительство желает мирно уладить всё свои конфликты съ англо-саксами, занявшими и заселившими столь значительную часть тихо-океанскихъ береговъ. Эта часть и составляетъ единственныя культурныя страны по европейскому типу на Тихомъ Океанѣ, т. е. страны, которыя, отличаясь просвѣщеніемъ, политической свободой и накопленными богатствами, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются капитализмомъ и его энергическимъ ростомъ. Иначе говоря, онѣ могутъ поглощать все возрастающее количество пролетаріевъ, являясь въ этомъ значеніи странами единственными отъ Европы на западѣ до Европы на востокѣ. Естественно, если японскій пролетаріатъ въ поискахъ за работой сюда именно и направилъ свое переселеніе. Но почему онъ вынужденъ искать работы далеко внѣ родины и внѣ тѣхъ странъ, которыя недавно оружіе японцевъ открыло японскому труду и капиталу?

Страны эти (Корея, Квантунъ, южная Маньчжурія, южный Сахалинъ) не культурны въ европейскомъ смыслѣ. Это или незаселенные пустыри, или край натурального хозяйства. Здѣсь найдется дѣло колонисту-земледѣльцу и купцу, а за ними и промышленнику, прежде всего горнопромышленнику. Здѣсь надобны капиталисты и, если у японцевъ найдется достаточно капиталовъ, китайцы Маньчжуріи и корейцы могутъ принести имъ обильныя дани. За японскимъ капиталомъ можетъ проникнуть и японскій пролетарій. Конечно, но трудъ корейцевъ и китайцевъ еще дешевле труда японцевъ, а капиталъ не различаетъ своихъ и чужихъ, «лишь бы доходъ». Наконецъ, еслибы и открылся въ будущемъ во вновь приобрѣтенныхъ странахъ рынокъ для японскаго труда, это вѣдь та Улита, которая ѣдетъ, когда-то пріѣдетъ, а работа нужна теперь. Здѣсь центръ тяжести всего вопроса.

Увлекаемая блескомъ европейской цивилизаціи, Японія отнеслась безъ критики къ разнымъ сторонамъ этой цивилизаціи. Она пересаживала къ себѣ всё учрежденія, всё начала, всё формы европейской общественной жизни. Она и получила все: раззоренное земледѣльческое населеніе, наполовину обезземеленное; быстрое развитіе капиталистической промышленности съ огромнымъ числомъ пролетаріевъ; громадный бюджетъ съ не менѣе громаднымъ государственнымъ долгомъ; огромныя военно-сухопутныя и военно-морскія силы; четвертый въ мірѣ по тоннажу коммерческой флотъ, и т. д., и т. д. Въ началѣ новаго столѣтія эта колоссальная эволюція начала колебаться. Была промышленность, были товары, были огромныя транспортныя средства, но не хватало потребителя. Въ значительной мѣрѣ, русско-японская война была вызвана этимъ японскимъ торгово-про-

мышленнымъ кризисомъ. Казалось, именно Россія мѣшаетъ японцамъ широко пользоваться дальневосточными рынками. Война устранила русскія препятствія, но не устранила кризиса. Мы уже говорили о значеніи вновь прибрѣтенныхъ земель лишь въ будущемъ. Пытаться, однако, надо теперь. Промышленный кризисъ и безъ того выбросилъ на рынокъ массы безработныхъ, а продолжающееся раззореніе и обезземеленіе земледѣльческаго населенія прибавляетъ къ нему новыя и новыя массы въ то время, какъ чрезвычайная быстрота размноженія увеличиваетъ съ такою же быстротою число трговъ. Для массы японскаго пролетаріата дома работы не хватаетъ, а вновь прибрѣтенныя обширныя земли не для пролетаріевъ заняты. И тамъ имъ не хватаетъ мѣста. Они и стремятся въ Канаду и въ Соединенные Штаты (Австралія заказана), гдѣ есть хорошо оплачиваемая работа и возможность безбѣднаго существованія. Это такъ естественно, даже неизбежно.

Остановить эту волну можно только силою, какъ это сдѣлала Австралія и какъ это пробуютъ дѣлать съ большою осторожностью Канада и Штаты. Японское правительство, хотя тоже съ большою осторожностью, удовлетворить *въ настоящее время* желаніе Канады и Америки, но оно само оговаривается (выше въ письмѣ виконта Гаюши къ министру Лемье), что это временныя съ его стороны мѣры. Иначе и быть не можетъ. Теперь оно вполне добросовѣстно можетъ стремиться избавить американскіе берега Тихаго океана отъ японскихъ кули, но этимъ кули надо же кормиться гдѣ-нибудь и какъ-нибудь! Если и впредь японская промышленность не будетъ вмѣщать весь японскій пролетаріатъ и поглощать его новыя контингенты, высылаемые деревней и порождаемые размноженіемъ, то никакое правительство не будетъ въ состояніи сдержать народныя требованія, строгія инструкціи не будутъ исполняться и паспорта будутъ выдаваться.

Но это опять-таки Улита ѣдетъ, а покуда японское правительство старается сдержать эмиграцію кули изъ Японіи. Это даетъ основаніе вѣрить въ миръ на водахъ Тихаго океана въ 1908 году. Съ этою доброю гипотезою и съ такими же добрыми пожеланіями мы и закончимъ сегодня нашу бесѣду о нѣкоторыхъ перспективахъ новаго года.

С. Южановъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ. М. 1907. VIII+423 стр. Ц. 1 р. 25 к.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ, 1906. XLIV+346 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ послѣдніе годы изученіе исторіи декабристовъ вступило въ новый фазисъ, благодаря тому, что передъ историками открылась, наконецъ, возможность знакомиться съ хранящимся въ Государственномъ Архивѣ слѣдственнымъ дѣломъ о декабристахъ. Дѣло это, по справедливому замѣчанію г. Довнаръ-Запольскаго въ предисловіи къ изданнымъ имъ «Мемуарамъ декабристовъ», даетъ «въ высшей степени интересный матеріалъ для характеристики лицъ и цѣлой эпохи», матеріалъ, который «во многихъ отношеніяхъ гораздо интереснѣе тѣхъ немногочисленныхъ записокъ декабристовъ, которыя были написаны ими уже впоследствии, въ старости, когда чувства охладѣли, когда память поистерла даже многіе эпизоды въ жизни Тайнаго Общества». Въ значительной мѣрѣ именно этотъ матеріалъ, заключающійся въ слѣдственномъ дѣлѣ о декабристахъ, и положенъ г. Довнаръ-Запольскимъ въ основу его книги «Идеалы декабристовъ». Послѣдняя раздѣлена авторомъ на три части: въ первой, носящей характеръ введенія, онъ описываетъ реакціонную политику Александра I подъ конецъ его царствованія, во второй излагаетъ взгляды декабристовъ на современный имъ соціальный и политическій строй Россіи и въ третьей даетъ обзоръ составленныхъ декабристами проектовъ конституцій. Изъ этихъ трехъ частей книги г. Довнаръ-Запольскаго наименѣе содержательной и по заключающимся въ ней выводамъ, и по введеному въ нее матеріалу является первая часть, въ которой авторъ лишь воспроизводитъ нѣкоторые довольно извѣстные факты, характеризующіе правительственную и общественную реакцію послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I. Гораздо болѣе интересны вторая и третья часть книги, въ которыхъ идетъ рѣчь уже о декабристахъ, причемъ авторъ широко пользуется матеріалами слѣдственнаго дѣла и такимъ путемъ вводитъ въ свое изложеніе рядъ новыхъ источниковъ. Правда, свое использованіе послѣднихъ г. Довнаръ-Запольскій ограничиваетъ по преимуществу лишь простою передачей показаній декабристовъ и пересказомъ конституціонныхъ проектовъ послѣднихъ, не подвергая свой матеріалъ сколько-нибудь сложному критическому анализу и не пытаясь путемъ такого анализа ближе подойти къ опредѣленію источниковъ идейнаго творчества декабристовъ. Благодаря этому выводы автора нерѣдко слишкомъ бѣдны

по сравненію съ тѣмъ матеріаломъ, какой находился въ его распоряженіи. Но самъ этотъ матеріалъ во всякомъ случаѣ сохраняетъ свою цѣну и дѣлаетъ книгу г. Довнаръ-Запольскаго, написанную къ тому же съ достаточной простотой и популярностью, полезнымъ приобрѣтеніемъ въ нашей исторической литературѣ.

Если «Идеалы декабристовъ» г. Довнаръ-Запольскаго представляютъ интересъ главнымъ образомъ для широкихъ круговъ читающей публики, то изданные тѣмъ же авторомъ «Мемуары декабристовъ» должны специально заинтересовать лицъ, занятыхъ самостоятельнымъ изученіемъ исторіи декабристовъ. Заглавіе этой книги несовсѣмъ точно. Ея содержаніе гораздо лучше и точнѣе передается ея подзаголовкомъ — «записки, письма, показанія и проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла». Матеріалъ, включенный г. Довнаръ-Запольскимъ въ это изданіе, весьма разнообразенъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь рядъ записокъ о тайномъ обществѣ, принадлежащихъ перу М. Ф. Орлова, Н. Комарова, Никиты Муравьева и кн. С. П. Трубецкого, извлеченія изъ показаній кн. С. П. Трубецкого, А. Бестужева, Батенькова, А. Поджіо и Бобринцева-Пушкина 1-го, нѣсколько писемъ декабристовъ къ имп. Николаю, письмо полковника Булатова къ в. кн. Михаилу Павловичу, написанное въ 1823 г. письмо Муравьева-Апостола къ брату, проектъ конституціи Никиты Муравьева, воспроизведенный послѣднимъ въ крѣпости по требованію слѣдователей, такой же проектъ, найденный въ бумагахъ кн. Трубецкого, и проектъ манифеста, найденный въ тѣхъ же бумагахъ. Весь этотъ разнообразный матеріалъ, заключающій въ себѣ рядъ любопытныхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ моментахъ въ жизни тайныхъ обществъ Александровской эпохи и объ отдѣльныхъ лицахъ, связанныхъ съ этими обществами, тѣмъ болѣе цѣненъ, что до послѣдняго времени онъ оставался совершенно неиспользованнымъ изслѣдователями. Съ своей стороны г. Довнаръ-Запольскій, издавая названные документы, снабдилъ ихъ вводной статьей, въ которой въ общихъ чертахъ оцѣниваетъ ихъ значеніе для исторіи декабристовъ, и именнымъ указателемъ. «Мы не сочли пужнымъ — говоритъ онъ — присоединить замѣчанія, разъясняющія достоверность или недостоверность фактовъ, сообщаемыхъ мемуарами. Намъ кажется, что отъ этого избавляетъ насъ изложеніе хода исторіи тайныхъ обществъ, которое мы даемъ въ одно-временно выходящей книгѣ «Идеалы декабристовъ» (VII). Съ этимъ замѣчаніемъ г. Довнаръ-Запольскаго едва-ли возможно вполнѣ согласиться. Въ дѣйствительности изложеніе исторіи тайныхъ обществъ, данное въ его «Идеалахъ декабристовъ», само по себѣ еще не устраняетъ надобности въ критическихъ комментаріяхъ къ изданнымъ имъ матеріаламъ. Но во всякомъ случаѣ отсутствіе такихъ комментаріевъ не имѣетъ особенно большого значенія въ книгѣ, предназначенной главнымъ образомъ для специалистовъ, и

дасть себя чувствовать по преимуществу тогда, когда этою книгою будетъ пользоваться рядовой читатель.

Библиотека декабристовъ. Выпускъ первый. Полное собраніе сочиненій Кондратія Федоровича Рылѣва. Томъ I. Портретъ и статьи М. 1906. 192 стр. Ц. 75 к. **Выпускъ второй. Россія и русскіе. Николая Тургенева.** Часть I. Портретъ и статьи. М. 1907. XXII + 148 стр. Ц. 80 к.

Редакторъ-издатель «Библиотеки декабристовъ», г. Балицкій, по его словамъ, предпринялъ свое изданіе, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что въ настоящее время въ обществѣ «назрѣла потребность возможно больше знать о декабристахъ—нашихъ первыхъ революціонерахъ». «Декабристы,—говоритъ г. Балицкій,—оставили по себѣ богатое наслѣдіе, но благодаря тому, что оно разбросано въ малодоступныхъ уже теперь журналахъ, заграничныхъ изданіяхъ, частныхъ рукописяхъ и архивныхъ документахъ, оно подчасъ мало извѣстно читателю; поэтому прямою задачею момента является собрать весь этотъ матеріалъ воедино, представить его въ возможно полномъ видѣ и едлать его доступнымъ всѣмъ и каждому». Поставивъ себѣ такую большую задачу, г. Балицкій не поясняетъ, однако, какъ именно онъ рассчитываетъ выполнить ее, и не даетъ читателю какого-либо плана своего изданія, замѣняя послѣдній простымъ указаніемъ на то, что въ изданіе будутъ, между прочимъ, включены сочиненія Кюхельбекера и А. И. Одоевскаго, воспоминанія Фонвизина, Оболенскаго и Якушкина, собраніе конституцій, составленныхъ декабристами, и «многое другое». При такихъ условіяхъ судить о «Библиотекѣ декабристовъ», какъ о цѣльномъ изданіи, пока довольно трудно. Мало матеріала для этого дають и два вышедшіе ея выпуска. Оба они не представляютъ собою чего-либо законченнаго. Въ первомъ изъ нихъ начато собраніе сочиненій Рылѣва, во второмъ помѣщено начало перевода извѣстной книги Н. Тургенева «La Russie et les russes», являющейся главнымъ памятникомъ русскаго либерализма Николаевской эпохи. При этомъ оба выпуска снабжены приложениями: въ первомъ выпускѣ помѣщены воспоминанія о Рылѣвѣ Н. Бестужева, перепечатанныя г. Балицкимъ изъ лейпцигскаго изданія Рылѣва, и статья Герцена «Русскій заговоръ 1825 года», во второмъ—Герценовское письмо къ имп. Александру II, написанное по поводу книги бар. Корфа о воцареніи Николая I и представляющее собою горячую апологію декабристовъ. Къ сожалѣнію, перепечатывая Герценовскую статью о декабристахъ, г. Балицкій счелъ нужнымъ произвести въ ней рядъ серьезныхъ сокращеній и даже нѣкоторыя измѣненія. Пора бы уже русскимъ издателямъ проявлять нѣсколько больше уваженія къ Герцену и усвоить себѣ ту мысль, что русскому читателю можно давать или не давать Герцена, но не слѣдуетъ давать Герцена искаженнаго. Какъ мало въ частности даже съ цензурной точки

зрѣнія было серьезной нужды въ искаженіяхъ г. Балицкаго, можно видѣть уже изъ того, что та самая статья («Русскій заговоръ 1825 года»), которую онъ призналъ нужнымъ сокращать и измѣнять, вслѣдъ затѣмъ появилась въ полномъ видѣ отдѣльной брошюрой въ изданіи Павленкова. Помимо названныхъ приложений, въ двухъ первыхъ выпускахъ «Библиотеки декабристовъ» помѣщены еще статьи самого г. Балицкаго: въ первомъ о Рылѣевѣ, во второмъ объ Н. Тургеневѣ. Впрочемъ, эти статьи не особенно много даютъ читателю. Не заключая въ себѣ ни біографіи, ни сколько-нибудь полной характеристики тѣхъ лицъ, о которыхъ въ нихъ говорится, онѣ являются лишь своего рода бѣглыми набросками. Но изложены эти наброски въ необыкновенно высреннемъ тонѣ и авторъ старается въ нихъ по старинной модѣ до послѣдней степени превознести своихъ героев, тѣмъ самымъ лишая ихъ всякой жизненности. Поэзію Рылѣева г. Балицкій оцѣниваетъ крайне высоко, а Н. П. Тургенева прямо изображаетъ, какъ «образецъ человѣка», по-просту отбрасывая всѣ свидѣтельства, не мирящіяся съ такимъ изображеніемъ. Столкнувшись, напримѣръ, съ указаніями нѣсколькихъ декабристовъ на принадлежность Н. Тургенева къ Сѣверному обществу, принадлежность, которую самъ Тургеневъ въ своихъ объясненіяхъ правительству и въ своей книгѣ отрицалъ, г. Балицкій разрѣшаетъ это противорѣчіе простой ссылкой на письма Н. П. Тургенева къ братьямъ и категорически заключаетъ: «мы имѣемъ неуклонное отрицаніе этого факта со стороны самого Тургенева, а этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы повѣрить ему». Такъ же просто разрѣшаетъ г. Балицкій и другіе спорные вопросы и въ результатѣ получается изображеніе «образца человѣка», весьма далекое отъ историческаго портрета.

Повидимому, г. Балицкому трудно было бы взять на себя роль историка декабристовъ. Но, если вообще «Библиотека декабристовъ» не окажется эфемернымъ явленіемъ и будетъ продолжаться, ея редактору слѣдовало бы позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы внести въ свое изданіе больше строгости и стройности, не стараясь прельстить читателя кажушимся разнообразіемъ матеріала.

Баронъ А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Съ портретомъ и приложениями. Спб. 1907. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. XVI+464 стр. Ц. 3 р.

Втеченіе прошлаго года наша литература обогатилась рядомъ новыхъ изслѣдованій и новыхъ изданій, посвященныхъ декабристамъ. Среди такихъ изданій «Записки» барона Розена занимаютъ довольно видное мѣсто. Правда, онѣ не представляютъ собою литературной новинки въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ онѣ были изданы ихъ авторомъ въ Лейпцигѣ еще въ 1870 г., но въ Россіи изъ нихъ до сихъ поръ печатались лишь отрывки и въ полномъ видѣ по сю сторону русской границы онѣ появились теперь впервые.

А между тѣмъ эти «Записки» имѣютъ серьезную цѣну для всякаго, кто захотѣлъ бы ближе познакомиться съ декабристами и съ обрѣзавшей ихъ общественной средой. Самъ Розенъ не игралъ замѣтной роли въ идейномъ движеніи, связанномъ съ именемъ декабристовъ, и не принималъ особенно дѣятельнаго участія ни въ составленіи тайныхъ обществъ, ни въ роковой вспышкѣ 14 декабря. Онъ былъ лишь рядовымъ членомъ кружка декабристовъ, и тѣмъ не менѣе его «Записки», носящія форму автобіографіи, заключаютъ въ себѣ не мало цѣннаго матеріала для характеристики какъ этого кружка, такъ и тѣхъ историческихъ условій, на почвѣ которыхъ онъ зародился и выросъ. Мелкія подробности личной жизни, которымъ удѣлено много мѣста въ «Запискахъ» Розена, воссоздаютъ передъ читателемъ живую картину нравовъ Александровской эпохи и на фонѣ этой картины съ особенной отчетливостью выступаютъ фигуры тѣхъ декабристовъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ «Записокъ». Не менѣе любопытно и живо даваемое послѣднимъ изображеніе слѣдствія надъ декабристами, ихъ ссылки и жизни ихъ въ Сибири. Гораздо меньше интереса представляютъ тѣ части «Записокъ» Розена, въ которыхъ онъ говоритъ о своей жизни по возвращеніи изъ ссылки, но и здѣсь попадаются отдѣльные любопытные штрихи и цѣнныя свѣдѣнія, благодаря которымъ читателю не приходится жалѣть о времени, потраченномъ на знакомство съ этою частью книги, во весь ростъ возстановляющей передъ нимъ фигуру самого Розена.

Издатели «Записокъ» снабдили ихъ приложеніями, въ которыхъ собраны отдѣльныя статьи и замѣтки Розена, дополняющія и разъясняющія текстъ «Записокъ» и содержащія въ себѣ тѣ или иные свѣдѣнія объ отдѣльныхъ декабристахъ. Помимо того, къ настоящему изданію приложена вступительная статья, въ которой изложено хранящееся въ Государственномъ Архивѣ и до сихъ поръ не изданное дѣло о Розенѣ Высочайше учрежденнаго Комитета по разысканію о злоумышленныхъ обществахъ. Какъ констатируетъ авторъ этой статьи, «уклончивость и сдержанность въ отвѣтахъ не покинули Розена до конца» и «его нужно причислить къ немногочисленной группѣ тѣхъ декабристовъ, которые сохранили выдержку во время слѣдствія».

Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири. (Воспоминанія). 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. Изд. Н. Глаголева. 416 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе книги г. Дейча значительно шире ея заглавія. Около трети этой живо и интересно написанной книги не имѣетъ прямого отношенія къ Сибири и занято лишь разговоромъ о томъ, какъ авторъ воспоминаній попалъ въ Сибирь. Въ первыхъ главахъ заключается подробное и обстоятельное повѣствованіе о томъ, какъ г. Дейчъ въ 1884 г. былъ арестованъ во Фрейбургѣ и выданъ баденскимъ правительствомъ русскому, какъ затѣмъ онъ содержался въ Петро-

наковской крѣпости, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія и въ одесскихъ тюрьмахъ, какъ его судили въ Одессѣ, приговорили къ каторгѣ и отправили въ ссылку. Остальныя двѣ трети книги посвящены описанію этапнаго пути, жизни на Карѣ, сперва на каторгѣ, потомъ въ вольной командѣ, и, наконецъ, побѣга за границу, удачно совершеннаго г. Дейчемъ въ 1901 г. Таковы внѣшнія рамки воспоминаній г. Дейча, развертывающихся передъ читателемъ рядъ яркихъ картинъ изъ жизни политическихъ ссыльныхъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Внѣшняя обстановка тюрьмы и каторги, изображаемая г. Дейчемъ, мало въ чемъ измѣнилась къ лучшему, и теперь, и читатель, пробѣгая книгу г. Дейча, встрѣтитъ въ ней не мало такого, что знакомо ему по современнымъ описаніямъ. Но г. Дейчъ не ограничивается въ своихъ воспоминаніяхъ изображеніемъ одной лишь внѣшней обстановки жизни политическихъ ссыльныхъ. Онъ много рассказываетъ о самихъ ссыльныхъ, объ ихъ взглядахъ и настроеніяхъ, подробно передаетъ трагедіи, разыгравшіяся въ ихъ средѣ, и удѣляетъ не мало мѣста на бѣглыя характеристики многихъ лицъ изъ числа тѣхъ, кто были его товарищами по ссылкѣ. Порою въ этихъ характеристикахъ чувствуется, правда, чрезмѣрный субъективизмъ, создавшійся на почвѣ партійныхъ воззрѣній автора. Но въ общемъ тѣ главы въ книгѣ г. Дейча, которыя посвящены характеристикѣ политическихъ ссыльныхъ и ихъ жизни на Карѣ, представляютъ собою большой интересъ, тѣмъ болѣе, что авторъ въ этихъ главахъ приводитъ и нѣкоторые документы изъ описываемой имъ эпохи, въ видѣ писемъ къ нему М. Ковалевской, коллективныхъ заявленій, подававшихся ссыльными тюремному начальству, и т. п. Все это дѣлаетъ воспоминанія г. Дейча любопытнымъ и цѣннымъ пособіемъ для всякаго, интересующагося исторіей политической ссылки въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ качествѣ приложеній авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ списки политическихъ каторжанъ, бывшихъ на Карѣ, и добровольно послѣдовавшихъ за нѣкоторыми изъ нихъ родственниковъ.

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Мой побѣгъ изъ Сибири. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908. 219 стр. Ц. 80 к.

«Эти строки—говоритъ самъ г. Парвусъ, опредѣляя содержаніе своей книжки,—являются лишь изложеніемъ личныхъ впечатлѣній человѣка, попавшаго изъ водоворота революціи подъ жернова политической полиціи и быстро попадавшаго изъ одного положенія въ другое: сначала обыкновенная тюрьма, потомъ—Петропавловка, далѣе—Сибирь и, наконецъ, бѣгство» (180). Такого рода личные впечатлѣнія могли бы, конечно, представить выдающійся интересъ, еслибы они принадлежали человѣку, одаренному большою наблюдательностью и умѣніемъ ярко передавать свои наблюденія. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Парвуса нѣтъ на-лицо ни одного изъ

этихъ условій. То немного, что разсказано въ ней авторомъ о петербургскихъ «Крестахъ», о Петропавловской крѣпости и Сибири, уже много разъ и притомъ въ гораздо болѣе яркой формѣ было разсказано другими. Правда, удѣляя мало мѣста изображенію внѣшней стороны жизни въ тюрьмѣ и ссылкѣ, г. Парвусъ за то много страницъ своей книжки отдаетъ разсказу о тѣхъ внутреннихъ переживаніяхъ, какія онъ испыталъ въ тюремномъ заключеніи. Онъ самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ передаетъ не только тѣ размышленія, какимъ онъ предавался въ тюрьмѣ, но и тѣ галлюцинаціи, какія по временамъ его посѣщали. Онъ не только приводитъ выдержки изъ дневника, веденнаго имъ въ крѣпости, и отрывки изъ «газеты», какую онъ сочинялъ тамъ же для собственнаго развлеченія, но и воспроизводитъ цѣлыя рѣчи, съ которыми онъ собирался обратиться къ рабочимъ въ случаѣ побѣдоноснаго возстанія. Эти страницы книжки г. Парвуса, пожалуй, оригинальны, но это оригинальность такого рода, что она едва-ли привлечетъ сколько-нибудь вдумчиваго читателя. Авторъ, повидимому, увѣренъ въ томъ, что всякая мимолетная мысль, промелькнувшая въ его головѣ во время тюремнаго заключенія, должна быть сохранена и воспроизведена для современниковъ. У читателя же, по мѣрѣ ознакомленія съ книжкою г. Парвуса, неизбѣжно складывается совершенно противоположное впечатлѣніе. Мысли и представленія, излагаемыя г. Парвусомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ до-нельзя шаблонны и бѣдны внутреннимъ содержаніемъ. Можно, конечно, представить себѣ, что человѣку, сидящему въ тюрьмѣ, могутъ, между прочимъ, приходиться въ голову и такія мысли. Но очень трудно понять, зачѣмъ надо было обнародовать ихъ по выходѣ изъ тюрьмы. Легко повѣрить, что юморъ «газеты» г. Парвуса доставлялъ ему самому развлеченіе въ крѣпости и что его патетическія размышленія помогали ему сносить бремя одиночнаго заключенія. Но для читателя, стоящаго въ иныхъ условіяхъ жизни, ни этотъ юморъ, ни этотъ паеосъ не представляютъ большого интереса, такъ какъ въ томъ и другомъ онъ одинаково не найдетъ ничего, кромѣ давно извѣстнаго шаблона.

С. Прокоповичъ. Рабочее движеніе въ Германіи. 2-е изд., дополн. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Вышедшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіе С. Н. Прокоповича о рабочемъ движеніи на Западѣ (т. I) появилось въ настоящее время вторымъ изданіемъ, при чемъ двѣ части, на которыя распадался первый томъ (второго и не было), составляютъ теперь двѣ самостоятельныя книжки. Изъ нихъ имѣется пока первая — «Рабочее движеніе въ Германіи», гдѣ авторъ, съ одной стороны, исключилъ кое-какія части, а, съ другой стороны, вставилъ значительныя дополненія. И то, и другое послужило на пользу

книгѣ. Въ настоящее время предъ нами лежитъ сжато и просто написанный и основанный на большомъ знаніи дѣла очеркъ развитія рабочаго движенія въ Германіи, преимущественно втеченіе второй половины XIX вѣка. Авторъ подробно останавливается какъ на страхованіи рабочихъ и фабричномъ законодательствѣ, такъ и на профессиональныхъ союзахъ и кооперативномъ движеніи, а въ послѣднихъ главахъ излагаетъ развитіе социаль-демократіи въ Германіи. Въ главѣ объ обязательномъ страхованіи С. Н. Прокоповичъ справедливо ставитъ вопросъ: «почему отъ несчастныхъ случаевъ застраховано болѣе 18 милл. человекъ—весь рабочій классъ Германіи,—а отъ болѣзни только около 12 милл. чел. на дожитіе около 14 милл. чел.?» (стр. 29),—указывая на то, что «содержаніе инвалидовъ труда должно падать на промышленность; оно составляетъ такую же необходимую часть издержекъ производства, какъ и частичный или полный ремонтъ машинъ» (стр. 30). Но все же онъ не отрицаетъ того, что и въ такомъ видѣ государственное страхованіе въ Германіи «приноситъ рабочимъ большую матеріальную пользу» (стр. 33). Выдвигая огромную роль, которая принадлежитъ въ рабочемъ движеніи социаль-демократіи, г. Прокоповичъ чуждъ, однако, преувеличеній и исключительности въ этомъ отношеніи. Такъ, онъ признаетъ, что не только социаль-демократическіе, но и христіанскіе профессиональные союзы имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ борьбы рабочихъ съ предпринимателями (стр. 126 и сл.). Авторъ подчеркиваетъ, далѣе, и тотъ фактъ, что если социаль-демократія оказываетъ большое давленіе на рабочее законодательство, то все же «дѣйствующимъ законодательствомъ,—поскольку идетъ рѣчь о чисто-законодательной работѣ,—рабочіе обязаны не социаль-демократіи, а партіямъ большинства» (стр. 161). Говоря о потребительныхъ обществахъ, г. Прокоповичъ вполне правильно находитъ, что общества эти «сокращаютъ расходы потребителей, а не даютъ имъ новую прибыль» (стр. 197), почему—прибавимъ мы—о промышленномъ обложеніи коопераций, поскольку они продаютъ товары только своимъ членамъ (а въ Германіи сбытъ постороннимъ лицамъ запрещенъ) не можетъ быть рѣчи. Укажемъ, наконецъ, на весьма интересную послѣднюю главу, въ которой авторъ слѣдитъ за процессомъ постепеннаго превращенія социаль-демократической партіи Германіи изъ революціонной организаціи, стремившейся къ «конечной цѣли», наступленіе которой казалось весьма близкимъ, въ партію практической политики, имѣющую прежде всего въ виду осуществимые теперь же, при существующихъ условіяхъ, интересы рабочаго класса.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не остановился подробнѣе на результатахъ, достигнутыхъ рабочимъ движеніемъ въ Германіи въ смыслѣ того матеріальнаго и духовнаго подъема, который повлекли за собой какъ мѣропріятія государства, такъ и сама дѣя-

тельность рабочаго населенія втеченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Мы не раздѣляемъ всѣхъ взглядовъ автора, но не можемъ отказать его работѣ въ большой содержательности и интересѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ двѣ—три мелочи, которыя слѣдовало бы исправить въ дальнѣйшихъ изданіяхъ. Такъ, выраженіе «построечныя» товарищества едва-ли удачно, лучше—«строительныя» или для постройки домовъ; называть «мелкобуржуазными» — стр. 180—тѣ изъ нихъ, гдѣ рабочіе приобрѣтаютъ домики въ собственность, едва-ли есть основаніе; переводить Produktionsverhältnisse—производительныя отношенія — стр. 139—рискованно, еще хуже звучитъ «реформа въ области квартирныхъ отношеній» вмѣсто «въ области отношеній между домовладѣльцами и квартиронанимателями»—стр. 130.

Во всякомъ случаѣ мы не сомнѣваемся въ томъ, что второе изданіе сочиненія г. Прокоповича разойдется столь же быстро, какъ и первое.

В. Святловскій. Профессиональные рабочіе союзы и учрежденія, ими созданныя. 3-е изданіе, переработанное и дополненное. Вып. I и II. Спб. 1908.

Среди нашей читающей публики въ послѣднее время замѣчается большой интересъ къ профессиональнымъ рабочимъ союзамъ Западной Европы. Переведенныя на русскій языкъ сочиненія Магайма, Кулемана, С. и Б. Веббъ нашли себѣ широкій кругъ читателей. Интересъ этотъ долженъ былъ еще болѣе возрасти съ тѣхъ поръ, какъ и у насъ появились профессиональные союзы. Ознакомленіе съ развитіемъ рабочихъ организацій на Западѣ стало уже потребностью для каждаго, кто желаетъ сознательно отнестись къ жизни рабочихъ союзовъ Россіи, и литература должна дать отвѣтъ на основные вопросы организаціи и дѣятельности рабочихъ союзовъ, выступившіе впередъ вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ профессиональнаго движенія. Имѣющіеся на русскомъ языкѣ переводы иностранныхъ книгъ, помимо того, что они уже нѣсколько устарѣли, нельзя считать вполне отвѣчающими предъявляемымъ со стороны русской публики запросамъ. Г. Святловскій и взялъ на себя благодарную задачу восполнить этотъ пробѣлъ. Насколько его книга своевременна, видно изъ того, что она вышла уже третьимъ изданіемъ.

Другой вопросъ—насколько удовлетворительно выполнена авторомъ стоявшая предъ нимъ задача. Русскому читателю нужно было дать ясное и точное представленіе о характерѣ и сущности профессиональнаго движенія въ передовыхъ западно-европейскихъ (и не-европейскихъ) странахъ, привести это движеніе въ связь съ общимъ экономическимъ, въ частности индустриальнымъ, развитіемъ, выяснить основные вопросы организаціи и дѣятельности профес-

сіональныхъ союзовъ въ отдѣльныхъ государствахъ, отгнѣивъ общія для всего профессиональнаго движенія черты, съ одной стороны, и отличительныя особенности его въ тѣхъ или другихъ странахъ, съ другой; наконецъ, слѣдовало установить результаты, достигнутыя профессиональными союзами, и вліяніе, оказанное ими на положеніе рабочаго класса на Западѣ.

Къ сожалѣнію, книга г. В. Святловскаго совершенно не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ. Она можетъ, пожалуй, служить недурнымъ библиографическимъ указателемъ литературы о профессиональныхъ союзахъ по отдѣльнымъ странамъ, даетъ довольно много фактическихъ свѣдѣній о ходѣ развитія рабочихъ союзовъ и ихъ современной организаци (хотя и въ этомъ отношеніи попадаются ошибки), но яснаго представленія о характерѣ профессиональныхъ союзовъ въ различныхъ странахъ не даетъ. Приходится даже удивляться тому, какъ мало въ сущности почерпнулъ авторъ изъ обширной приводимой имъ же литературы, чтобы, воспользовавшись ею, дать надлежащую картину профессиональнаго движенія, хотя бы въ главнѣйшихъ только странахъ Европы.

Возьмемъ, для примѣра, главу о Германіи. Здѣсь на протяженіи чуть-ли не двадцати страницъ излагается уставъ (и др. постановленія) одного союза, безъ какихъ бы то ни было критическихъ замѣчаній и оцѣнки и безъ указанія, насколько тѣ или другія правила являются характерными для нѣмецкихъ рабочихъ организацій вообще, или встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ (или даже исключительно въ данномъ) союзахъ. Всѣмъ остальнымъ вопросамъ профессиональнаго движенія въ Германіи (исторія и современное состояніе) посвящено также всего 20 страницъ, изъ коихъ половина занята статистическими таблицами, а на остальныхъ находимъ голыя перечисленія по пунктамъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Съ цѣлю поддержки отдѣльныхъ союзовъ, послѣдніе практикуютъ особыя временныя между собой соглашенія—«картельные договоры» (что это значитъ—не объяснено) Задачи послѣднихъ были также опредѣлены слѣдующей программой (слѣдуетъ 7 пунктовъ)» (стр. 112).

Не лучше вышла и глава объ Англіи. Противопологая «старый» и «новый» тредъ-юніонизмъ и повторяя нѣсколько разъ почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, въ чемъ состоитъ различіе между ними, г. Святловскій въ то же время весьма мало выясняетъ, въ чемъ заключались успѣхи въ смыслѣ улучшенія условій труда и заработной платы, достигнутыя этими «старыми» союзами. Въ историческомъ очеркѣ о дѣятельности ихъ почти не говорится, въ главѣ «о результатахъ дѣятельности тредъ-юніоновъ» идетъ рѣчь лишь объ одномъ вопросѣ—о перемѣнѣ общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ тредъ-юніонамъ, главка объ организаци тредъ-юніоновъ—въ размѣрѣ одной странички—получилась весьма жидкая, и только въ гл. VI даются кое-какія свѣдѣнія о политикѣ этихъ союзовъ, при чемъ многіе весьма важныя вопросы вовсе не затро-

нуты, о характерѣ коллективнаго договора впервые упоминается на стр. 191, тогда какъ выраженіе это встрѣчалось уже (и осталось очевидно непонятнымъ для читателя) гораздо раньше (напр., стр. 166), и нигдѣ не подчеркивается тотъ фактъ, что всѣ эти результаты достигнуты благодаря политикѣ «старыхъ» тредъ-юніоновъ. На стр. 236 г. Святловскій утверждаетъ, что «ничего хорошаго политика эта съ собою не принесла». Вообще изъ всего изложенія получается такое впечатлѣніе, какъ будто «старый» тредъ-юніонизмъ уже отошелъ въ прошлое и вполне замѣненъ «новымъ», «боевымъ» тредъ-юніонизмомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ «старые» союзы стоятъ еще весьма крѣпко, а тредъ-юніоны неквалифицированныхъ рабочихъ, составляютъ явленіе совершенно новое, находящееся пока въ первыхъ фазахъ своего развитія.

Но едва-ли не самую неудачною является глава первая подъ громкимъ заглавіемъ «Историческій очеркъ развитія рабочихъ организацій на Западѣ», написанная, повидимому, главнымъ образомъ на основаніи двухъ брошюръ Кауцкаго. Еслибы г. Святловскій былъ знакомъ со всѣми тѣми сочиненіями, которыя онъ приводитъ на стр. 20, то едва-ли получилась бы та путаница, какую мы здѣсь находимъ. На стр. 10 авторъ утверждаетъ, напр., что въ XII—XIII ст. «начавшееся разложеніе феодальнаго строя, усилившаяся централизація и быстрый ростъ городскихъ центровъ» и т. д. «послужили первопричиной возникновенія рабочаго вопроса» и указавъ далѣе на то, что «привилегированные» стремились подчинить своему господству ремесленниковъ, заканчиваетъ такъ: «въ XII и XIII вѣкахъ это господство для европейскихъ ремесленниковъ стало невыносимымъ. Они, имѣя передъ собою наглядный примѣръ старыхъ гильдій, вскорѣ сами сплотились въ союзы, какъ для борьбы со своими хозяевами, такъ и для совмѣстнаго преслѣдованія своихъ профессиональныхъ интересовъ. Такъ возникли цехи»... Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Святловскаго, въ XII—XIII ст. возникъ *рабочій* вопросъ и выразился онъ въ образованіи союзовъ *самостоятельныхъ* мастеровъ (противорѣчія онъ не замѣчаетъ) при чемъ члены гильдій патристично являлись *хозяевами* (sic) *ремесленниковъ* (опять противорѣчіе), для борьбы съ которыми ремесленники образовали цехи!

Послѣ всего сказаннаго, мы вправѣ, намъ кажется утверждать что и послѣ выхода книги г. Святловскаго настоящее, столь необходимое для широкой публики, сочиненіе о профессиональныхъ рабочихъ организаціяхъ еще не написано.

Библиотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ XIV. Трагедія дѣтской души. Очерки Ю. А. Веселовскаго. Москва, 1907.

Выпускъ XVI. **Отто Рюле. Дѣти пролетаріата.** Пер. съ нѣмецк. М. Веселовской. Съ предисловіемъ Ю. Веселовскаго. Москва, 1907.

Выпускъ XX. **Дѣти — работники будущаго.** Первая книга Московскаго общества Сетлементъ. Москва, 1908.

За послѣднее время въ Москвѣ группою лицъ, идейно-близкихъ къ издательству «Посредникъ», выпущена цѣлая серія брошюръ и книжекъ подъ общимъ заглавіемъ «Библиотека Свободнаго Воспитанія», а съ осени 1907 г., кромѣ того, предпринято изданіе журнала «Свободное Воспитаніе». Какъ направленіе кружка «Свободнаго Воспитанія», такъ и его практическая работа представляютъ очень характерный уголокъ русской дѣятельности въ «эпоху неслыханной смуты». Кое-какія стороны этой работы уже обратили на себя вниманіе. Между прочимъ, въ «Русскомъ Богатствѣ» была посвящена замѣтка учрежденному нѣкоторыми членами кружка «Дому Свободнаго Ребенка» («Педагогическій максимализмъ», декабрь, 1907 г.). «Домъ Свободнаго Ребенка» учреждался для интеллигентныхъ и состоятельныхъ семей. Только что вышедшая «первая книга» — отчетъ «Московскаго Общества Сетлементъ» даетъ свѣдѣнія о практической дѣятельности кружка въ другихъ областяхъ.

«Весною 1905 г. въ Москвѣ созданъ небольшой кружокъ лицъ, объединенныхъ желаніемъ работать среди бѣднаго населенія». Для начала райономъ дѣятельности была избрана Сушевская часть Москвы. «Кружокъ» собралъ около 12 мальчиковъ, «которые пожелали провести лѣто (1905 г.) на дачѣ, предоставленной въ распоряженіе кружка однимъ изъ его членовъ». «Двое сотрудниковъ кружка З. и Ш. отпразднвали на дачу вмѣстѣ съ дѣтьми». Первые двѣ недѣли на дачѣ «постоянно происходили ссоры, драки». Часть мальчиковъ уѣхала домой въ Москву. Остальные рѣшили, что такъ долше жить нельзя, и сообща установили порядокъ. Для поддержанія порядка ежедневно происходили «сходки». На сходкахъ «сотрудники» юридически ничѣмъ не отличались отъ мальчиковъ. И, когда, во время дежурства одного изъ сотрудниковъ г-на Ш. полы оказались небрежно выметенными, г. Ш. былъ приговоренъ сходкою къ однодневному дежурству внѣ очереди.

Дача помогла кружку найти опорныя точки среди дѣтскаго населенія Сушевскаго района. По окончаніи лѣта былъ нанятъ домъ. Сюда въ сентябрѣ 1905 г. собралось сначала около 15 мальчиковъ, основавшихъ первый «клубъ» для изученія химіи и физики, назвавшійся «Арбатскимъ клубомъ». Но затѣмъ одинъ изъ членовъ клуба заявилъ, что онъ «физикой не интересуется». — «А вы что хотѣли бы дѣлать?» — спросили у него сотрудники. — «Да я больше рисовать люблю». — «Ну, такъ что же? Собирайте свой клубъ рисо-

вальщиковъ». — «Какъ же сдѣлать, а то я бы собралъ? У меня и товарищи есть». — «Вывѣшывайте объявленіе въ клубъ о томъ, что предлагаете собрать новый клубъ, — вотъ и все»... «Объявленіе было вывѣшено, и черезъ вѣсколько дней образовался другой клубъ — «Художественный». Такимъ же порядкомъ образовалось 9 или 10 клубовъ, у мальчиковъ: «Тихвинскій», «Кушнеревскій», «Англійскій», «Товарищескій», «Американскій», «Австралійскій», «Японскій»; у дѣвочекъ: «Заря», «Серебристый Ландышъ», «Друзья». Къ веснѣ 1906 г. во всѣхъ клубахъ, собиравшихся постоянно въ кватирѣ кружка, оказалось 120 дѣтей. Учрежденіе, созданное по образцу американскихъ селлементовъ, и получило названіе «Селлементъ». Кружокъ же, взявшій на себя заботу о матеріальной и идейной сторонѣ дѣла, организовался въ «Московское Общество Селлементъ». Ближайшимъ образомъ руководятъ серіей клубовъ такъ называемые сотрудники. Послѣдніе, однако, старались, чтобы строй каждаго клуба, а равно и строй всего Селлементъ опредѣлялся самими дѣтьми. Лѣтомъ 1906 г. на дачѣ общества жило около 70 «колонистовъ» — мальчиковъ и дѣвочекъ, при чемъ опять всѣ дѣла рѣшались общимъ собраніемъ, куда сотрудники входили на одинаковыхъ — юридически, конечно, — правахъ со всѣми малолѣтними колонистами. Съ осени того же 1906 г. «прибавилось очень много новыхъ ребятъ». Для клубовъ пришлось нанять болѣе обширное помѣщеніе. При Селлементѣ былъ открытъ, помимо клубовъ, дѣтскій садъ («для маленькихъ дѣтей, начиная съ пятилѣтнихъ»). И одновременно для дѣтей, подростки и уже привыкшихъ, благодаря Селлементу, къ общественной жизни, организованной на началѣхъ самодѣятельности и самоопредѣленія, потребовались болѣе сложныя и болѣе широкія формы совмѣстной работы. Нѣкоторый намекъ на дальнѣйшую судьбу клубовъ, возникшихъ въ 1905 г., содержится въ слѣдующемъ примѣчаніи къ XX выпуску «Библиотеки Свободнаго Воспитанія»: «книга набрана членами Кушнеревского клуба при О-вѣ Селлементъ». Задача кружка въ общемъ сводится къ тому, чтобы пріучить дѣтей къ опредѣленнымъ совмѣстнымъ формамъ общественной жизни и дѣятельности, памятуя, что изъ такихъ дѣтей по естественному порядку вещей сложатся взрослые опредѣленнаго типа. Эта мысль и выражена заголовкомъ отчета о дѣятельности «Московского Общества Селлементъ»: «Дѣти — работники будущаго».

Такова внѣшняя сторона работы среди народа въ данномъ направленіи. Нѣскольکو сложнѣе сторона внутренняя. Изъ занятій, на почвѣ которыхъ организовались клубы, оказывается, «пользовались сравнительнымъ успѣхомъ физика, химія, рисованіе, выклеиваніе картонажей, пѣніе, танцы, туманные картины, чтеніе вслухъ и руководствъ»; на второй годъ къ этимъ занятіямъ прибавились «ремесла, черченіе, французскій, нѣмецкій языкъ и т. д.». Во всемъ Сущевскомъ районѣ Москвы, повидимому, не нашлось дѣтей

и подростковь (въ Сетлементѣ были и 17-лѣтніе юноши), которые захотѣли бы организовать въ «клубъ» для совмѣстнаго ознакомленія съ элементами общественныхъ наукъ. И это въ Москвѣ, даже въ такое время, какъ декабрь 1905 г. Не будемъ разбирать, есть ли это аполитизмъ по принципу, или руководители Сетлемента даже въ бурную осень 1905 г. сумѣли памятовать о необходимости мѣръ къ устраненію такихъ интересовъ и такихъ «вопросовъ», которые могутъ вызвать внимательство извнѣ. Для насъ достаточно отмѣтить фактъ: кружокъ сумѣлъ найти въ Москвѣ свыше 100 дѣтей и подростковь, въ возрастѣ отъ 12 до 17 лѣтъ, и вмѣстѣ съ ними осенью 1905 г. почти ежедневно собирався съ 5 час. вечера, для выклеиванія картонажей, пѣнія, рукодѣлья, танцевъ и т. д. Очевидно, по крайней мѣрѣ, часть этихъ дѣтей, имѣвшая отъ роду 14—17 лѣтъ, могла получиться только при помощи нѣкагого искусственнаго подбора.

Но не этимъ только самоограничиваетъ кружокъ свою дѣятельность. Между прочимъ, онъ довольно суровъ по отношенію къ «дикимъ инстинктамъ улицы». Въ Сетлементѣ не полагается курить. Сотрудниковъ кружка оскорбляютъ «рѣзкія выходки, грубость, драки, брань». Несомнѣнно, дѣти-курильщики—явленіе прискорбное, какъ и «рѣзкія выходки, драки, брань», въ особенности брань площадная. Но, кто сблизался съ «дѣтьми бѣднаго населенія», тотъ знаетъ, что къ этой средѣ надо подходить съ мѣрками гораздо болѣе широкими и терпимыми, чѣмъ принято въ такъ называемыхъ «приличныхъ семьяхъ». Куреніе и брань—пустякъ. Прессъ, стиснувшій общественные низы, создаетъ болѣе потрясающіе эффекты. Въ книжкѣ Рюле «Дѣти пролетаріата», изданной подъ редакціей того же г. И. Горбунова-Посадова, приводится, между прочимъ, характерная статистическая справка объ ученицахъ, выпущенныхъ въ 1902 г. изъ прусскихъ (начальныхъ) «школъ для принудительнаго обученія». Въ названномъ году изъ этихъ школъ вышло около 1000 дѣвочекъ. Изъ нихъ «657 (65,8%) оказались уже «опороченными въ половомъ отношеніи», 84 большыя сифилисомъ, 76 были уже наказаны за нарушеніе полицейскихъ правилъ, 61 уже родила или была беременна. Въ школы-пріюты для принудительнаго обученія попадаютъ дѣти подонковъ общества, часто брошенные родителями на произволъ судьбы. Но тотъ же Рюле не даромъ отмѣчаетъ, что въ Берлинѣ, напр., семьи рабочихъ не такъ ужь рѣдко помѣщаются бокъ-о бокъ съ квартирами проститутокъ, и въ такихъ случаяхъ «дѣти рабочихъ исполняютъ для сосѣдокъ маленькія порученія, бываютъ у нихъ въ гостяхъ, зовутъ «тетями», а посѣтителей «дядельками»» («Дѣти пролетаріата», стр. 38). И не даромъ московскіе мальчишки-ученики машиностроительнаго завода отвѣтили «сотруднику III., когда тотъ обидѣлся на ругань по его адресу: «Это вамъ только чудно кажется, а у насъ уже привыкли; вы бы пожили побольше съ нами и тоже

сбѣялись бы, когда ругаются; мы такъ и смотримъ, какъ на шутку, а вы въ серьезъ принимаете» («Дѣти—работники будущаго», стр. 66). Надо именно «пожить съ ними», а если не пожить, то понять чудовищную обетановку, въ которой растутъ «дѣти бѣднаго населенія», дѣти большинства народа, — иначе не сумѣешь терпимо и спокойно отнести къ грубой оболочкѣ, иначе не разглядишь сквозь эту оболочку духовныя силы кристальной чистоты. Руководители московскаго Сетлемента не сумѣли отнести терпимо и не разглядѣли. Изъ ихъ книжки-отчета узнаемъ, напр., что одна дѣвочка была исключена изъ клуба за «слишкомъ безпокойный и задорный характеръ»; для «мальчиковъ-учениковъ машиностроительнаго завода» оказалось поставленнымъ условіе: кто не подпишется подъ правилами не браниться, не курить, «тотъ пусть не ходить въ клубъ». И слова о «работѣ среди бѣднаго населенія» получили нѣсколько условный смыслъ. Имѣются подробныя свѣдѣнія о 98 дѣтяхъ, собранныхъ Сетлементомъ; изъ нихъ 53 — дѣти мелочныхъ торговцевъ, домовладѣльцевъ, владѣльцевъ ремесленныхъ заведеній и прачешныхъ, извозчиковъ-хозяевъ, пенсіонеровъ, служащихъ, механиковъ и т. п.; менѣе значительную группу (33 человека) дали дѣти ремесленныхъ рабочихъ, офиціантовъ, газетчиковъ, тюремныхъ служителей. Во всякомъ случаѣ, пока большинство дѣтей, сообразное «правиламъ» руководителей Сетлемента, дано сравнительно обезпеченнымъ общественнымъ слоємъ. Нужна, конечно, работа въ этомъ слѣѣ, и очень благодарна она, и хорошо, что частныя пожертванія, на которыя содержится московскій Сетлементъ, притекаютъ и въ эту сторону. Не надо лишь закрывать глаза, что это работа не «среди бѣднаго населенія».

Такимъ образомъ, дѣятельность кружка ограничена; такъ сказать, и въ ширину и въ глубину. Но, разумѣется, можно и даже должно съ успѣхомъ плавать и на томъ сравнительно узкомъ и мелкомъ мѣстѣ, какое избрали себѣ руководители Сетлемента. Къ сожалѣнію, у нихъ, какъ и вообще у кружка «Свободнаго Воспитанія», есть и еще одна особенность, — они страдаютъ предвзятостью мысли, стремленіемъ упрощать, размѣнивать на мелкую монету необыкновенно сложныя явленія жизни. Эта особенность явственно прорывается наружу у составителей отчета о дѣятельности Сетлемента. «Дѣти — читаемъ, напр., на стр. 28 — принесли съ собою все, что дала имъ улица: постоянно происходили ссоры... сильные притѣсняли слабыхъ... покупали папирсы и курили»... Какъ будто все дѣло тутъ въ «улицѣ»; какъ будто «дѣти приличныхъ семей», всемирно удаленныя отъ «улицы», не ссорятся, не притѣсняютъ слабыхъ, не покупаютъ и не курятъ папирсы... Необыкновенно ярко отразилось стремленіе упростить сложныя явленія и въ «очеркахъ» г. Веселовскаго «Трагедія дѣтской души». Авторъ пересказываетъ цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, такъ или иначе затрагивающихъ дѣтскія стра-

Январь. Отдѣль II

данія. И то, что въ подлинникѣ является дѣйствительно трагедіей, проклятіемъ, органически вытекающимъ изъ наличныхъ формъ семейнаго и общественнаго устройства,—въ пересказѣ г-на Веселовскаго приобрѣтаетъ характеръ случайнаго происшествія. Въ одномъ случаѣ ребенокъ страдаетъ, потому что отецъ и мать его не любятъ, въ другомъ,—потому что родители заражены предразсудками, въ третьемъ,—потому что родители развелись, въ четвертомъ,—потому что мать легкомысленна, потому что школьные учителя рутинеры, и т. д., и т. д. Получается рядъ казусовъ, необъятельныхъ, ибо это «баллетристика, а не фактъ», связанныхъ чисто словесными переходами отъ одного пересказа къ другому, наскоро пригнанныхъ къ пюаской и едва-ли кому-нибудь нужной морали: воть еслибы всѣ родители своихъ дѣтей любили, да не разводились, да не были бы легкомысленны, да не было бы рутинны, то дѣти не страдали бы. Даже очерки Рюле, ярко рисующіе, во что обращена жизнь дѣтей пролетаріата условіями даннаго строя жизни, по толкованію г. Веселовскаго, оказываются «призывомъ къ нравственному перерожденію общества» («Дѣти пролетаріата», стр. 5, предисловіе г. Юрія Веселовскаго). Стоить лишь вершинамъ общественной пирамиды одну «нравственность» снять, а другую «надѣть», и адъ, на который обречены пролетарскія дѣти, станетъ раемъ.

При такихъ упрощенныхъ взглядахъ немудрено, что руководители Сетлсента склонны слишкомъ преувеличивать значеніе личнаго самоусовершенствованія, слишкомъ сосредоточивать свои силы на непосредственной борьбѣ съ «привычками улицы». И въ результатѣ они сами вынуждены безпомощно огмѣчать: «условія обычной жизни (дѣтей) стали стирать то новое, что начало прививаться», дѣти жалуются: «скучно, нечего дѣлать»; «общественныя чтенія и бесѣды казались скучными» (См., напр., стр. 48, 58, 91, «Дѣт. раб. буд.»). Надо опасаться, что вліяніе такой работы даже въ той узкой средѣ, гдѣ она ведется, не будетъ ни широкимъ, ни глубокимъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала **не продаются**. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908. 1) *С. Мирбо*. „628-е-8“. Путешествіе въ *Саргевъ-Денскій*. (Смерть. Пьеса. Автомобиль II, 1 р. 25 к.—4) *Маркъ* II. 75 к.—Е. Чирковъ. *Марья Ивановна*. Комедія. Ц. 60 к.—3) *Октавъ* 5) *Театръ*. Книга о новомъ театрѣ.

- Ц. 2 р. — **Андрей Немоевский**. Письма неортогонального человека. Ц. 80 к.
Изд. М. В. Пярожкова. Спб. 1908.
- Метерлинк**. Томъ III. Ц. 2 р. — **Н. Мимский**. Полное собрание стихотворений. Тома: 1, 2, 3 и 4. Ц. по 1 р. — **Э. Н. Гиппиусъ**. Черное по бѣлому. Ц. 1 р. 25 к.
Изд. „Мысль“. Спб. Лейпцигъ. 1908.
- Э. Генкель**. Естественная исторія миротворения. Ч. 1-я. Ц. 2 р. — **Виталий Танский**. Ц. 75 к.
Изд. кн. маг. С. И. Иванова. Киевъ. 1908.
- И. П. Барановъ**. Леонидъ Андреевъ, какъ художникъ-психологъ и мыслитель. Ц. 50 к. — **Т. Осадчий**. Борьба за землю и правду. Ц. 1 р.
Изд. „Свободная Россія“. Профессиональные союзы во Франціи. Ц. 40 к.
Изд. „Новыя Силы“. М. 1908.
- Н. Суламовъ**. Земельная рента. Ц. 85 к. — **В. Украинский**. Крестьянская община. Ц. 50 к. — **Ф. Волховской**. Швейцарская военная система. Ц. 20 к. — **А. Багъ**. Экон. мнѣскіе очерки. Часть 2-я. Ц. 15 к. — **М. В. Ратнеръ**. Аграрный вопросъ и социаль-демократія. Ц. 1 р. 20 к.
Изд. „Б-ка Общественной Пользы“. Спб. 1908.
- П. Лафаргъ**. Изъ исторіи социализма во Франціи. Ц. 25 к. — **Максимъ Леруа**. Эволюція государственной власти. Ц. 70 к. — **Петръ Масловъ**. Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. — Тоже. Т. 2. Ц. 3 р.
Изд. „Зерно“. Спб. 1908.
- Л. Войтоволский**. Текущій моментъ и текущая литература. Ц. 35 к. — **Н. Троцкий**. О германской социаль-демократіи. Ц. 30 к. — **Вл. Ильинъ**. Аграрный вопросъ. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к. — **Давидъ Рихардо**. Собрание сочинений. Т. I — **Очерки по философіи марксизма**. Философскій сборникъ. Ц. 2 р. 50 к.
Изд. „Порядникъ“. М. 1908.
- Адинъ Балу**. Ученіе о христіанскомъ сопротивленіи злу насиліемъ. Ц. 45 к. — **Л. Н. Толстой**. Недѣлани. Ц. 5 к. — **Л. Н. Толстой**. Религія и нравственность. Ц. 5 к. — **Е. Чижевскій**. Тайны и чудеса Божьяго міра. Ц. 60 к. — **Эдвардъ Карпентеръ**. Я поднимаюсь изъ тьмы. Стихотв. въ прозѣ. Ц. 25 к. — **Арвидъ Эрнефельдъ**. Чада земли. Разсказъ. Ц. 45 к. — Избранныя мысли **Лабрюйера**. Съ предислов. **Л. Н. Толстого**. Ц. 75 к.
Изд. „Трибуна“. Вильна. 1907.
- Наша трибуна**. Непериодическій сборникъ. Кн. 1-я. Ц. 25 к. — **Б. Горнбергъ**. Эмиграція и иммиграція. Ц. 25 к.
Изд. „Эра“. М. 1908.
- Д. Фирсовъ**, **М. Якобій**. Къ пересмотру аграрной программы и ея обоснованія. Ц. 1 р. 50 к.
Изд. „Мятели“. **Петръ Кожевниковъ**. Разсказы. Ц. 80 к.
Изд. „Брокгаузъ - Эфронъ“. Спб. 1907.
- М. А. Курчинскій**. Муниципальный социализмъ.
Д-ръ **Рихардъ Авенариусъ**. Критика чистаго опыта. Т. I. Ц. 80 к.
Изд. Московскаго о-ва народныхъ университетовъ. Проф. **Г. Ф. Шершеневичъ**. Общее ученіе о правѣ и государствѣ. Ц. 40 к.
Изд. И. Ф. Наживина. Спб. 1906.
- Эд. Карпентеръ**. Цивилизація, ея причины и излеченіе. Ц. 80 к.
Изд. „Трудъ и Борьба“. Спб. 1908.
- Вас. Вовчокъ**. Нѣдра земли въ Россіи и ихъ общественное. Ц. 1 р.
Изд. I. Кнебель. М. 1908.
- А. Васнецовъ**. Художество. Ц. 1 р.
Изд. А. С. Суворина. Спб. 1908.
- Д-ръ **Освальдъ Вальцеръ**. Къ исторіи общественно - государственнаго строя Польши. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Рах-овъ. Къ философіи марксизма. Рига. 1908. Ц. 30 к.
Изд. „Даль“. Спб. 1908.
- Соціалистическая исторія. Подъ ред. **Жана Жореса**. Т. I. Ц. 2 р.
Изд. Сирмунта. Спб. 1908.
- Генрихъ Ибоенъ**. Ц. 2 р. 20 к.
Изд. С. В. Вунина. Спб. 1908.
- А. А. Николаевъ**. Кооперация. Ц. 30 к.
Изд. „Дзвінъ“. **Дзвінъ**. Збірникъ. I. Ц. 1 р. 10 к.
Изд. „Наша Жизнь“. Спб. 1908.
- А. С. Гринъ**. Шашка невидимка. Ц. 80 к. — **Вл. Максимовъ**. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Ц. 1 р.
- Е. Треневъ**. „Ру и вверхъ“. Шутка въ одномъ дѣйствіи (Рукоп).
Изд. Т-ва М. Д. Орѣховъ и К°. Спб. 1908.
- А. Покровский**. Хищники. Ц. 10 к.
Изд. о-ва русскихъ врачей. М. 1908.
- Л. Б. Грановскій**. Общественное правоохраненіе и капитализмъ. Ц. 30 к.
Скл. изд. тип. ф. Вайсберга. **Вопросы колонизаціи**. Периодич. сборникъ. № 2. Ц. 2 р. 50 к.
Б-ка Юнаго Читателя. **Н. Березинъ**. Украина. Ц. 40 к.
Бог. Де-Турже Туржанская. „Огкляки“. Моленскъ 1908. Ц. 10 к.
И. Ф. Неводничанскій. Матеріалы къ выясненію взаимоотношеній уральскихъ казаковъ и киргизъ-кайсаковъ. Ц. 75 к.

- А. А. Валасовъ.** Полное счетоводство учреждений мелк. кредита. Ц. 75 к.
- Н. Новомбергскій.** Положеніе о губ. и уѣздныхъ земск. учрежденіяхъ 1 января 1864 г. Томскъ. 1907. Ц. 30 к.
- Л. Н. Толстой.** Вѣрьте себѣ. М. 1908. Ц. 4 к.
- Складъ изд. въ „Правдѣ“. Спб. 1908.
- Баронъ **Корфъ.** Исторія русской государственности. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.—
- Эд. Бернштейнъ.** Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Ц. 2 р.
- Изд. Т-ва „Издательское бюро“.
- В. Измайловъ.** Цвѣты жизни. Ц. 1 р.—
- Д. Н. Овсянко-Куликовскій.** А. И. Герценъ. (Характеристика). Ц. 35 к.—
- Владиміръ Нагорный.** Пѣсня о землѣ и солнцѣ. Ц. 10 к.—
- Анатоль Франсъ.** Эрвеств Ренавъ. Ц. 30 к.
- „Сервъ“. Сборники 1-й и 2-й. Ц. 50 к. и 1 р.—
- О. Ловинскій.** Национальный вопросъ и политическія партіи въ Австріи.
- Изд. „Политической энциклопедіи“.
- С. Слоппинскій.** О монархіи.—
- Л. Сломинскій.** Князь Бисмаркъ. Ц. 30 к.
- Изд. въ магаз. „Основа“.
- Иванъ Новиковъ.** Золотые кресты. Романъ.
- А. Баулина.** Думы и пѣсни. Спб. 1907.
- П. Лучанскій.** Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Изд. „Грифъ“. М. 1908.
- Иванъ Новиковъ.** Духу святому. Ц. 1 р.—
- Нина Петроская.** Разказы. Ц. 60 к.—
- Осипъ Дыжовъ.** Земля цвѣтегъ. Ц. 1 р.
- Изд. Спбургской книжной экспедици. Спб. 1908.
- Г. Зудержанъ.** Розы. 4 одноактныхъ пьесы. Ц. 20 к.
- Изд. „Скорпионъ“. М. 1908.
- Валерій Брюсовъ.** Пути и перепутья. Сбораніе стиховъ. Т. I. Ц. 2 р.
- Изд. „Идея“.
- Г. Д. Аннуцио.** Наслажденіе. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Изд. „Правда“.
- Спб. 1908.
- Друзья и враги евреевъ. I. **А. Е. Кауфманъ.** Д. И. Пихно. Ц. 10 к.—Его же. А. С. Суворинъ. Ц. 20 к.
- Изд. „Западъ“.
- Спб. 1908.
- Шарль Бодлеръ.** Исканіе рая. Ц. 1 р.
- Изд. „Современныя проблемы“.
- М. 1908.
- Западные сборники. Кв. I. Ц. 1 р.
- Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ. Каталогъ 6-ки о-ва приказчиковъ-евреевъ. Одесса. 1908. Ц. 40 к.
- Жюль Леметръ.** Серенусъ. М. 1908. Ц. 1 р.
- О. Соуриденко.** На сѣверѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- В. И. Кораблевъ.** Литературныя замѣтки. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Изд. „Олимпъ“.
- Спб. 1908.
- Семенъ Шницеръ.** Разказы. Ц. 60 к.
- Изд. „Идея“.
- М. 1908.
- Октавъ Мирбо.** 21 день неврастеника. Ц. 1 р. 25 к.
- Изд. „Прялка“.
- Спб. 1908.
- Е. и О. Ковальскіе.** Тамъ, за желѣзными дверями... Драма. Ц. 50 к.
- Изд. „Зори“.
- Спб. 1908.
- Ньюсенгуисъ.** Распадъ марксизма. Ц. 20 к.
- Изд. „Жизнь“.
- Спб. 1908.
- Л. Андрусонъ.** Сказка любви. Ц. 1 р.
- Изд. „Свободной Россіи“.
- М. 1908.
- С. Мельгуновъ.** Студенческія организаціи 80—90 гг. Ц. 50 к.
- М. И. Успенскій.** Обществѣдѣніе въ начальной школѣ. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- А. Калантаръ.** Инструкторская дѣятельность по молочному хозяйству. Тифлисъ. 1907.
- А. Блоссовскій.** Метеорологія. Часть 1. Одесса. 1908.
- А. М. Никольскій.** Подъ открытымъ небомъ. Харьковъ. 1908. Ц. 1 р. 80 к.
- Изд. И. Д. Сытина. М. 1908.
- Л. Б. Хавкина.** Индія. Ц. 80 к.
- Изд. Н. П. Карбасникова. Спб.
- И. С. Штейнгауеръ.** Первые уроки географіи. Ц. 45 к.
- Проф. **В. И. Никольскій.** О русскомъ національномъ самосознаніи. Спб. 1907.
- А. И. Лебедевъ.** Что читать крестьянамъ и рабочимъ. Н.-Новг. 1908. Ц. 12 к.
- А. И. Лебедевъ.** Дѣтская и народная литература. Н.-Новг. 1908. Ц. 50 к.
- Л. Сивемскій.** Обученіе чтенію въ семьѣ. Спб. 1908. Ц. 35 к.
- Н. Г. Врандтъ.** Тихія пѣсни. Кіевъ. 1907. Ц. 50 к.
- Т. Львовъ.** Ушла. М. 1908. Ц. 50 к.
- Октавъ Мирбо.** Голгофа. М. 1908. Ц. 1 р.
- А. Б. Ривлинъ (Пролетарій).** Забытый герой. Луганскъ. 1907. Ц. 8 к.
- А. И. Матюшенскій.** Отъ воровства къ анархизму. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Л. Ш—въ.** Трагедія шестимилліоннаго народа. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Петръ Клуныный.** Окончившіе учительскіе институты стучатся въ закрытую дверь университета. Спб. 1907.
- Н. Казминъ-Вьюговъ.** О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908. Ц. 35 к.

Протоколы учительскаго съѣзда федерации. Спб. 1907.

Эмиль Вергарнъ. Обезумѣвшія деревни. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Н. Фальевъ. Дуэли. Разказы. Спб. 1908. Ц. 3 р.

В. И. Чарюлюсскій. Къ школьной реформѣ. Спб. 1908. Ц. 30 к.— Ежегодникъ народной школы. Вып. I.

Изд. Спб. о-въ народныхъ университетовъ. *Евгеній Елачичъ*. Сборникъ программъ лекцій по биологiи. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Д-ръ мед. *М. М. Бреженеръ*. Венерическiя болѣзни. М. 1908. Ц. 50 к.

Изд. Дороватовскаго и Чарушничко-

ва. Спб. 1907. *Луи Эрмитъ*. Исторiя французской революцiи 1848 года и второй республики. Ц. 1 р. 80 к.

Изд. А. И. Гранатъ и К°. Спб. 1908. Исторiя Россiи въ XIX вѣкѣ.

Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1907. *А. И. Герценъ*. О развитiи революцiонныхъ идей въ Россiи. Ц. 40 к.— *Искандеръ (Герценъ)*. Русскiй разговоръ 1825 года. Ц. 6 к.

Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908. *А. Серафимовичъ*. Дѣтскiе разказы. Ц. 1 р.—*Шарвусъ*. По тюрьмамъ во время революцiи. Мой побѣгъ изъ Сибири. Ц. 80 к.

Случайныя замѣтки.

Два кающихся литератора. ...«Сквозь шумъ и грохотъ думскихъ рѣчей П. А. Столыпинъ вѣрнымъ и твердымъ взглядомъ усмотрѣлъ, что за (первой) Думой не было никакой физической силы». ...И «семь мѣсяцевъ (перваго) междудумья были страшнымъ кошмаромъ. Обнажилось истинное подполье русской жизни. Организованныхъ силъ у общества для борьбы, какъ и предвидѣли люди, знавшiе русскую жизнь, не оказалось. Но выяснилось, что нѣтъ той области, въ которую не проникъ бы червь анархiи. Военные бунты по своей бессмысленности и дикости ничѣмъ не отличались отъ крестьянскихъ беспорядковъ и еврейскихъ погромовъ. Учащаяся молодежь, на ряду съ безкорыстными фанатиками и маіаками идеи или чувства, выдвинула много элементовъ, въ которыхъ обыкновенное негодяйство причудливо переплелось съ поверхностно воспринятыми идейными переживанiями. Изъ народныхъ низинъ обыкновенные уголовные преступники, убійцы, воры, грабители массами хлынули въ «политику»... Одною изъ жертвъ террора явился П. А. Столыпинъ, лично чудомъ спасшiйся отъ смерти... Та самая трагедiя, которая разыгралась въ первой Думѣ, повторилась и во второй, только въ формѣ, болѣе тяжелой, такъ какъ безсилiе общества, точно въ наемѣшку выславшаго крайнее большинство, было очевидно для всѣхъ».

Такъ пишетъ г. А. С. Изгоевъ въ статьѣ, озаглавленной «П. А. Столыпинъ» и напечатанной въ «Русской Мысли» (кн. XI, 1907 г.).

«То, что есть,—есть... А есть безсилiе, дряблость и мелкота народа, массъ, большинства наци, о которыя разбились усилiя лицъ и партiй»... Напрасно приносило жертвы «все,—что есть въ Россiи

умнаго, даровитаго, талаятливаго, самоотверженнаго, героическаго»... «Народъ оказался фефелой... Онъ показалъ себя въ этомъ покушеніи на революцію не Ильей Муромцемъ и не сильнымъ Самсономъ, а всего только Поприщинымъ, который вообразилъ себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, и давай чертить. Начальство опѣшило; а тамъ, видя, что Поприщину—только Поприщину («П. А. Столыпинъ вѣрнымъ и твердымъ взлядомъ усмотрѣлъ»), собралось съ духомъ. «Я тебѣ покажу, какой ты испанскій король»... И показали. Мы думали: передъ нами вулканъ, а нъ оказался пузырь. Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ,—и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ...»

Такъ пишетъ г. М. Энгельгардъ въ понедѣльничной газетѣ: «Свободныя Мысли» (статья: «Безъ выхода», 7 января 1908 г.).

«Въ темной несчастной странѣ»,—говоритъ г. Изгоевъ,—руководящими силами внутренней политики являются и по сей день бюрократія... и классовый интересъ землевладѣльческаго дворянства». И никакихъ «реформъ», никакихъ перемѣнъ не предвидится. Какъ «мы» живи и живемъ, «такъ и будемъ жить, занимая за границей деньги, до новаго толчка». «Провалившаяся революція,—говоритъ г. М. Энгельгардъ,—не только не привела къ обновленію, но и не вывела на путь къ обновленію. Передъ нами длинный, черный, зловонный корридоръ... По этому корридору... поведетъ насъ исторія. Строителемъ жизни выступаетъ... торжествующій клопъ изъ союза русскаго народа. Впрочемъ, русская исторія издавна клопомъ пахла»... Г. М. Энгельгардъ не отрицаетъ, что «въ концѣ концовъ» можетъ случиться всякое, но для «ближайшихъ десятилѣтій» не видитъ никакого исхода, никакой надежды; «это очевидно: народъ не революціонеръ; сунувшись было впередъ, онъ не выдержалъ первой неудачи и претъ теперь на попятный; при такихъ условіяхъ всякія революціонныя попытки — бесполезная гибель людей, ненужная жертва; надо имѣть мужество признать и заявить это». Не обольщается надеждами относительно ближайшаго будущаго и г. Изгоевъ. Правда, по его мнѣнію, «П. А. Столыпинъ борется за новый строй, отстаиваетъ реформы». «Даже политическіе противники, утверждаетъ г. Изгоевъ, не ставятъ оспаривать у П. А. Столыпина выдающихся личныхъ качествъ: безстрашнаго физическаго мужества, ораторскаго таланта, упорной энергіи; мы идемъ дальше,—заявляетъ отъ себя г. Изгоевъ,—и признаемъ, что П. А. Столыпинъ одинъ изъ немногихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей», душою котораго владѣетъ «истинно-государственная идея... о превращеніи Россіи въ страну свободнаго зажиточнаго крестьянства, расселиваемаго хуторами *)». И г. Изгоевъ «лично убѣжденъ», что осуществленіе этой идеи «неизбѣжно

*) «Русск. Мысль», кн. 11, 1907 г., стр. 151.

и желательнѣе» *). Идя «еще дальше», г. Изгоевъ утверждаетъ, что «если партія народной свободы суждено остаться крупной общественной силой, она неизбежно должна придти къ признанію начала личной собственности въ крестьянскомъ земельномъ строѣ» **). И, какъ извѣстно, «партіей народной свободы» уже предприняты шаги къ проясненію сознанія въ эту сторону. Но П. А. Столыпинъ одержимъ «боязнью и неприязнью къ общественнымъ силамъ». «Всѣ общественныя силы, которыя возникали на нашей родинѣ, встрѣчали въ немъ злѣйшаго и неумолимаго врага». Ему не на кого «опереться въ своей родинѣ». И «при столкновеніи съ помѣстнымъ классомъ» изъ «идеи, овладѣвшей душою» П. А. Столыпина», сразу выпало три четверти ея содержанія». Осуществить же «последнюю», уцѣлѣвшую «четверть» у П. А. Столыпина нѣтъ «средствъ»,—опять-таки по причинѣ «неприязни къ общественнымъ силамъ». Итакъ, надо оставить надежды, что П. А. Столыпинъ спасетъ Россію. И выхода нѣтъ. Настолько выхода нѣтъ, что, какъ выразился г. А. С. И.—въ въ «Рѣчи», «кто изъ русскихъ людей теперь не мечтаетъ о томъ, чтобы появился, наконецъ, у насъ свой Бисмаркъ и вывелъ Россію изъ поглощающей ее смуты» *). О, еслибы, въ самомъ дѣлѣ, появился Бисмаркъ, который не боялся бы «общественныхъ силъ», который искалъ бы союза съ «общественными силами», чтобы осуществить идею, овладѣвшую его душою...

«Передъ нами длинный, черный, зловонный корридоръ». Намъ противно по немъ идти. И вотъ ищутъ Бисмарка. Г. М. Энгельгардъ, впрочемъ, какъ будто ничего не ищетъ и никого не ждетъ. И другихъ убѣждаетъ не ждать, не искать, не приносить «безполезныхъ жертвъ», а «мужественно» идти подъ команду «торжествующаго клопа». Г. А. С. Изгоевъ въ «Русской Мысли» просто скорбитъ, что П. А. Столыпинъ, имѣя всѣ данныя («безстрашное мужество, ораторскій талантъ, упорную энергію» и даже «идею»), тѣмъ не менѣе... Г. А. С. И.—въ въ «Рѣчи» даже убѣжденъ, что не только онъ, но и всѣ вообще «мечтаютъ о Бисмаркѣ». Но эти различія едва-ли существенны. И тотъ же г. М. Энгельгардъ, надо полагать, ничего бы не имѣлъ, еслибы его командиромъ былъ не клопъ, а какое либо болѣе пріятное насѣкомое.

Я вовсе не намѣренъ ставить знакъ равенства между г. Изгоевымъ и М. Энгельгардомъ. Безъ сомнѣнія, это разные люди и разные у нихъ мысли. Г. М. Энгельгардъ пишетъ о себѣ: «Грѣшенъ, и я въ то время (втеченіе 1904 — 1905 г.г.) повѣрилъ, что вижу очнушагося титана, который не остановится даже передъ попыткой осуществленія социалистической организаціи общества»; «и я», хотя наравнѣ съ другими «публицистами извѣстнаго на-

*) Ibid., стр. 143.

**) Ibid., стр. 144

***) «Рѣчь», 3, 1, 1905.

правления», но все же «старался истолковать дѣйствительность въ благоприятномъ для революціи смыслѣ». Теперь онъ убѣдился, что народъ не титанъ, а фефела и *ogbi et ugbi* приносить покаяніе. Г. Изгоевъ, насколько помнится, 'вовсе не ожидалъ немедленнаго осуществленія социализма. Однако теперь онъ напрасно даетъ понять, что принадлежитъ къ числу людей, знающихъ русскую жизнь, и «предвидѣвшихъ»... По существу г. Изгоевъ тоже раскаивается и тоже поумнѣлъ. Какъ партійный публицистъ, онъ «сожалеетъ», что «революціонный подъемъ 1905 г. оживилъ умирающую утопію», что «партіей народной свободы» «сдѣланъ былъ довольно рѣшительный шагъ въ сторону отъ личной собственности по направленію къ націонализаціи... и, благодаря обилію въ партіи интеллигентскихъ элементовъ, не вышедшихъ изъ-подъ обаянія народническихъ теорій, это встрѣтило не мало симпатій». Раскаивается г. Изгоевъ и лично отъ себя, какъ публицистъ, который, между прочимъ, уже не первый разъ высказываетъ свои взгляды на нынѣшняго предсѣдателя совѣта министровъ. При жизни, напр., первой Думы, когда г. А. Столыпинъ въ «Новомъ Времени» сталъ угрожать Думѣ «страшнымъ гнѣвомъ народа», г. Изгоевъ писалъ:

«Изъ двухъ русскихъ джентльменовъ Столыпиныхъ... министр... молчаливъ и сосредоточенъ... Съ одной стороны, государственныя работы, съ другой—государственныя тайны, отъ тайной типографіи до подготовленія патріотическихъ процессій... При такомъ обиліи дѣла некогда разъяснять... основанія своей политики. Какое счастье, если для такой работы имѣется надежный, свой человекъ, братъ... Нововременскій А. Столыпинъ и является сіамскимъ близнецомъ министра П. Столыпина. Одна душа въ двухъ тѣлахъ: одно тѣло управляетъ, другое пишетъ». И далѣе, отвѣчая обоимъ «джентльменамъ» на угрозы, г. Изгоевъ писалъ: «Мы не сомнѣваемся, что, собравъ нѣсколько сотъ хулигановъ, вы можете разыграть трагикомедію страшнаго гнѣва народа и противъ всей Думы и противъ ея отдѣльныхъ членовъ. Не сомнѣваемся, что вамъ удастся вовлечь въ заговоръ противъ Думы и нѣсколько сотъ обманутыхъ шпионами солдатъ. Но... еслибы вы вѣрили, что народъ за вами, что онъ лобызаетъ преступную руку убійцъ, насылающихъ на него осетинъ и казаковъ»... etc. *).

Совершенный втеченіе полутора лѣтъ переходъ отъ этихъ выраженій, почти равносильныхъ энгельгардовскимъ, къ такимъ чрезвычайно обзывающимъ эпитетамъ, какъ: «борецъ за новый строй», — есть несомнѣнно раскаяніе. Но г. М. Энгельгардъ и г. А. С. Изгоевъ настолько разные люди, что они даже раскаиваются по разному. Одинъ помнитъ о «прежде писанномъ» и говоритъ напрямки: «грѣшентъ». Другой слабопамятенъ, какъ женщина, обличаемая Соломономъ: «поѣла, обтерла ротъ», и какъ

*) Рѣчь, 2 іюля 1906 г.

будто ничего раньше не было, какъ будто ничего не случилось. Но при всемъ различіи этихъ людей трудно не замѣтить и сходства. Сходство сказывается уже въ самой манерѣ каяться. «Я грѣшнень», — говоритъ г. М. Энгельгардъ, — но, обратите вниманіе, «публицисты извѣстнаго направленія» не меньше меня «старались» Я радикально измѣнилъ свое мнѣніе о П. А. Столыпинѣ, но, господа,—говоритъ г. Изгоевъ—«даже политическіе противники не стануть оспаривать у П. А. Столыпина выдающихся личныхъ качествъ»... Не я одинъ заблуждался,—всѣ заблуждались. Не одно мое сердце покорено,—всѣ сердца покорены. Эта манера оправдываться при помощи облыжнаго обвиненія другихъ одинаково не чужда обоимъ кающимся публицистамъ,—и г. М. Энгельгарду, и г. А. С. Изгоеву.

Но сходство между ними не только въ этомъ. Г. М. Энгельгардъ «поставилъ точку надъ і»: «народъ фефела», «народъ Поприщинъ», «бесилень, драблѣ, мелокъ». И разъ эта точка надъ і поставлена, изъ нея, казалось бы, долженъ слѣдовать выводъ:

— Каковъ народъ, такова и рожденная имъ интеллигенція. По законамъ естества и я, М. Энгельгардъ, долженъ признать себя фефелинымъ порожденіемъ, поприщинскимъ отпрыскомъ. Грѣшнень, заблуждался на этотъ счетъ,—«думалъ, что я. М. Энгельгардъ, вулканъ, а нѣ оказался пузырь; пнулъ меня, М. Энгельгарда, носкомъ господскій сапогъ—и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ»...

Выводъ, повторяю, единственный, неизбежный. Оказывается, однако, что это только народъ—фефела. А г. М. Энгельгардъ особъ статья. Онъ обвинитель. Онъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ ко «всему тому, что есть въ Россіи умнаго, даровитаго, талантливаго, самоотверженнаго, героическаго». Откуда же взялись самоотверженные, талантливые умники-герои? Аистъ, что ли, ихъ въ Россію принесъ? Конечно, не аистъ. Очевидно, всѣ вообще умники-герои рождены естественнымъ порядкомъ. Но они не фефелино порожденіе и не поприщинскій отпрыскъ. И существованіе ихъ въ Россіи можетъ быть объяснено только тѣмъ, что есть въ Россіи, помимо народа, особый слой, рождающій самоотверженныхъ борцовъ, мучениковъ идеи, людей бѣлой, не фефелиной кости. Въ одно время г. М. Энгельгардъ было «повѣрилъ», что у народа тоже, хотя и чудеснымъ образомъ, на мѣстѣ черныхъ костей выросли бѣлыя. Но то былъ миражъ. И людямъ бѣлой кости остается лишь мужественно признать, что ихъ дальнѣйшія «жертвы», дальнѣйшая борьба бесполезны. Народъ—фефела, хамъ... «Мы надѣялись, а народъ оказался»... Увы, живъ старый русскій народолюбивый баринъ, начитанный, и даже какъ будто образованный, но въ основныхъ вопросахъ соціальной жизни младенчески невѣжественный. Живъ старый русскій народолюбивый баринъ, до глубины души возмущающійся, когда при немъ говорятъ, что есть

люди черной и есть люди бѣлой кости, мечтающій о свободѣ, о равенствѣ, о братствѣ, но неискоренимо, всѣмъ нутромъ своимъ убѣжденный, что «мы» есть «мы», а народъ, русскій народъ... гм... «русская исторія, знаете ли, издавна клопомъ пахла». Эта барственная психологія, эта бактерія шляхетства прожила 47 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права, сумѣла уцѣлѣть въ огнѣ «смуты», сумѣла приукраситься даже нынѣшними революціонными фразами. Но поскоблите революціоннаго фразера,—и вы увидите, что это все тотъ же чудаковатый старый баринъ.

Г. Изгоевъ подходит съ другой стороны, но тоже ставитъ точку надъ і. Есть П. А. Столыпинъ, душою коего «владѣть государственная идея» и жажда ввести «новый строй». Но на его пути властныя препятствія. Для преодоленія ихъ П. А. Столыпину нужна опора. И есть «партія народной свободы», «крупная общественная сила», также жаждущая «новаго строя» и готовая, почти обязанная принять ту же государственную идею... Спѣшу оговориться; со стороны «Русскихъ Вѣдомостей», до нѣкоторой степени отражающихъ взгляды партійныхъ конституціонно-демократическихъ круговъ, изгоевская характеристика «премьеръ-министра» получила суровый отпоръ, и уже одно это не позволяетъ распространять на всю партію отвѣтственность за столь неуклюжее сопоставленіе, отъ котораго пахнетъ политическимъ сватовствомъ дурного тона. Сватовствомъ, именно неуклюжимъ и, по меньшей мѣрѣ, неумнымъ. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что г. Столыпинъ—женихъ, которому для преодоленія властныхъ препятствій нужна подруга сердца. А «общественныя силы», готовые принять «государственную идею» г. Столыпина, — невѣста. Но вѣдь, по словамъ г. Изгоева, не только эта невѣста, но и вся ея семья безсилна и немощна. Она можетъ раздобрѣть, расцвѣсти, стать супругой на рѣдкость и оказать большую помощь «борцу за новый строй». Но для этого женихъ долженъ предварительно и единолично отмѣнить охраны, обезпечить свободы, вообще столкнуть внутреннюю политику съ рельсовъ, соответствующихъ программѣ верховной управы союза русскаго народа и совѣта объединеннаго дворянства. То есть женихъ долженъ до брака достигнуть той цѣли, для осуществленія которой предполагается бракъ. Собственно схема г. Изгоева есть сплошное и всестороннее недоразумѣніе. Ни откуда не слѣдуетъ, что «П. А. Столыпинъ борется за новый строй». Это г. Изгоевъ изъ собственного пальца высосалъ. Ни откуда не слѣдуетъ, что при данномъ настроеніи «сферъ» вообще возможенъ на мѣстѣ г. Столыпина «борецъ за новый строй», и что этому «борцу» позволять столкнуть политику съ ея нынѣшняго русла. Вотъ кабы былъ борецъ, да кабы ему позволили, да кабы онъ пересталъ быть «злѣйшимъ врагомъ» прекрасной невѣсты, да кабы построить воздушный мостъ изъ Заманиловки прямо въ Петербургъ... Ахъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ явился Бисмаркъ да заключилъ бракъ, конечно, не съ «зуб-

рами», не съ «маньяками и фанатиками идеи (или чувства», не съ тѣми «низинами», откуда хлынули убійцы, воры, грабители... Одивъ строгій баринъ, г. М. Энгельгардъ, безъ хозяина рѣшилъ, что надо идти къ немедленному осуществленію социализма. Другой едва ли не болѣе строгій баринъ, г. А. С. Изгоевъ, не прочь тоже безъ хозяина, въ порядкѣ, такъ сказать, брачнаго контракта между «Бисмаркомъ» и «общественными силами», превратить Россію въ страну свободнаго зажиточнаго крестьянства (на подобіе датскаго), расселившася хуторами и поддерживающаго на своихъ плечахъ «богатую промышленность и сильное государство»...*) «Хозяинъ», «мужикъ», народъ, «народныя низины»... Эта величина фатально ускользаетъ отъ барскаго вниманія, когда баринъ полонъ жажды «осуществить государственную идею», и на нее фатально обрушивается барскій гнѣвъ, когда баринъ переживаетъ горечь разочарованія. И если энгельгардовская «фефела» звучитъ по-барски высокомерно, то и изгоевскіе «низины», «убійцы», «воры», «грабители», направленные въ пространство, безъ строго опредѣленнаго адреса, звучатъ, по меньшей мѣрѣ, барственно сердито.

Чего собственно сердятся два народолюбивыхъ барина? Съ какой стати? Вотъ г. М. Энгельгардъ пишетъ: «въ движеніи 1904—1906 гг. впервые выступилъ на сцену народъ, масса, большинство населенія»; «большинство населенія» «очнулось», «народъ» ринулся къ опредѣленной цѣли, но «отступилъ отъ перваго прѣпятствія»... И, дѣйствительно, въ движеніи 1904—1906 гг. впервые выступила на сцену «масса», скованная и общностью политическаго настроенія и нѣкоторою общею политическою платформою. Но говорить, что «народъ» былъ охваченъ общимъ политическимъ настроеніемъ, что «большинство населенія» ушло въ революцію, принимая общеконституціонную или даже чуть ли не социалистическую программу, — значитъ утверждать то, чего не было. Это показалось сердитому барину. Это онъ вообразилъ, будто уже имѣетъ то, что еще не заработано, и что весьма нелегко и весьма непросто заработать. Да и сама по себѣ масса, выступившая на сцену, главнымъ образомъ, въ 1905 г. была не такъ ужъ однородна и далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ непримирима по отношенію къ «историческимъ устоямъ». Освѣщенная зарею хаотическаго аграрнаго движенія, она была грозна, поскольку рѣчь шла о моральномъ давленіи, по скольку свидѣтельствовала передъ властью, что дальнѣйшее упорство грозитъ катастрофою, что пора уступить и завершить вѣковой споръ изданіемъ и соблюденіемъ «хартіи». «Хартія» появилась и затѣмъ, какъ выразился кн. Е. Н. Трубецкой, пропала. Споръ начать снова, снова откровенно перенесенъ съ «почвы права» на «почву факта». И для рѣшенія спора на этой почвѣ у страны не было силъ въ 1905 г.,

*) Русск. Мысль, кн. 11, 1907 г., стр. 151.

нѣтъ ихъ и теперь. Ихъ нужно заработать. Нужно, чтобъ обѣ спорящія стороны стали передъ страной во весь ростъ, безъ маски, безъ грима; нужно раскрыть карты противника, показать его въ его подлинномъ видѣ. Этотъ результатъ въ значительной мѣрѣ достигнуть. И нельзя сказать, что двухлѣтняя борьба, не давшая пока положительныхъ результатовъ, прошла совершенно безслѣдно. Много картъ удалось раскрыть, съ многихъ мѣстъ гримъ уже снятъ, меньше стало иллюзій, глубже разделились устои. И если нѣкоторымъ сердитымъ господамъ тѣмъ не менѣе кажется, что споръ можно рѣшить безъ хозяина, путемъ политическаго сватовства, то лишь по причинѣ нѣкоего самообмана и самообольщенія.

Этимъ господамъ казалось и продолжаетъ казаться, будто они, какъ политическіе дѣятели, выступавшіе въ Думѣ и въ другихъ мѣстахъ, рѣшаютъ споръ. Увы, въ дѣйствительности, судьба опредѣлила имъ болѣе скромную роль — вынуждать противника къ откровеннымъ позамъ и откровеннымъ дѣламъ и тѣмъ лишь накапливать силы, необходимыя для рѣшенія спора. Два года, повторяю, прошли не даромъ. Опредѣленное впечатлѣніе откровенными позами и откровенными дѣлами создано. Духъ вызванъ. Быть можетъ, лучше было бы его не вызывать. Но, разъ судьбѣ угодно было, чтобы онъ появился, боюсь, его не прогнать никакими заклинаніями никакіе сердитые господа.

И если другимъ сердитымъ господамъ хочется имѣть зрѣлый плодъ тамъ, гдѣ едва стала наливаться завязь, то единственное оправданіе этому — общечеловѣческая слабость: «жать, гдѣ не съялъ, и собирать, гдѣ не расточалъ».

А. Петрищевъ.

Старый знакомый. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ гор. Харбинѣ появился господинъ, обратившій на себя почтительное вниманіе обывателей и мѣстнаго начальства. Остановившись въ «Коммерческой гостиницѣ», онъ отдалъ въ прописку видъ, на коемъ значилось, что пріѣзжій есть чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по фамиліи Анненскій. Его сопровождала супруга. Оба производили впечатлѣніе людей «изъ хорошаго общества», самъ Анненскій говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, обладалъ пріятными манерами, и держалъ себя съ достоинствомъ, навѣрное не меньшимъ, чѣмъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Вскорѣ же послѣ своего появленія въ Харбинѣ онъ сдѣлалъ дипломатическій визитъ мѣстнымъ жандармскимъ властямъ, которымъ заявилъ, что онъ командированъ по особу важному дѣлу: для наблюденія за боевыми организаціями. Вскорѣ послѣ этого супруги Анненскіе отправились на югъ, но на одной изъ ближайшихъ станцій ихъ застигло распоряженіе объ арестѣ...

Негодование «чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ» при этомъ пассажѣ было велико и, повидимому, довольно натурально. Газеты отмѣчаютъ, что онъ «сумѣлъ внушить кому слѣдуетъ представленіе чуть-ли не о неприкосновенности своей личности и сдѣлать заявленія, одно другого невѣроятнѣе». Онъ сказалъ, между прочимъ, что состоитъ личнымъ секретаремъ П. А. Столыпина, и тотчасъ-же составилъ и послалъ шифрованную депешу на имя премьеръ-министра. Можно легко представить колебанія и сомнѣнія, какими были обуреваемы харбинскія власти. Въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга супруги Анненскіе были оставлены подъ домашнимъ арестомъ въ гостиницѣ. Черезъ нѣкоторое время, однако, самозванство «чиновника» разоблачилось, и онъ переведенъ въ тюрьму.

Ничего особеннаго въ самомъ фактѣ ареста самозванца, разумеется, нѣтъ. Еще въ 1896 году въ «Русскомъ Богатствѣ» мы пытались отмѣтить и проанализировать это специфическое явленіе русской жизни, и передъ читателемъ прошла тогда пѣлая галлерія типическихъ фигуръ этого рода. Все это были русскіе люди, по разнымъ причинамъ и побужденіямъ отрѣшающіеся отъ собственныхъ «личностей» и «видовъ» и посягающіе на виды и личности чужіе, порой совершенно фантастическіе. Раменскіе, Покровскіе, Исаковы, Хинелевы, инженеры, врачи, ревизоры путей сообщенія, ревизоры монастырей, ревизоры учрежденій Краснаго Креста, ревизоры больницъ и особенно волостныхъ правленій,—они въ удручающемъ изобиліи появляются на поверхности русской жизни, наводятъ на время страхъ и трепетъ своимъ истинно начальственнымъ величіемъ и—взимаютъ если не узаконенные, то «обычные» сборы. А затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной карьеры, понадаютъ въ кутузку и на скамью подсудимыхъ...

Такимъ образомъ и харбинскій самозванецъ увеличилъ бы только одной единицей этотъ длинный рядъ обычныхъ російскихъ Хлестаковыхъ, эксплуатирующихъ російское ротоустройство и трепетъ передъ каждымъ подобіемъ «сильной власти». Въ данномъ случаѣ, однако, оказалось одно привходящее обстоятельство: во время обыска въ багажъ таинственнаго незнакомца найдены процентныя бумаги на сумму въ 4¹/₂ милліона франковъ. И по справкамъ въ компетентныхъ учрежденіяхъ бумаги оказались настоящими.

Итакъ, харбинскій незнакомецъ, „чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, командированный для наблюденія за боевыми „дружинами“ и личный секретарь премьеръ-министра“ оказался не просто самозванцемъ, а самозванцемъ милліонеромъ.

Явленіе, пожалуй, до сихъ поръ небывалое. Мы слышали о самозванствѣ съ цѣлью присвоенія суммъ болѣе или менѣе скромныхъ. Въ данномъ случаѣ—званіе „чиновника министерства внутр. дѣлъ“ присваиваетъ себѣ счастливый обладатель 4¹/₂ милліоновъ въ ино-

странныхъ бумагахъ. Немудрено поэтому, что о небываломъ происшествіи петербургское телеграфное агентство оповѣстило всю Россію, что извѣстіе проникло за границу, и весь читающій міръ заинтересовался таинственнымъ самозванцемъ и его милліонами. Подозрѣвали крупную экспроприацію, кражу изъ банка, подлогъ.

Но пока никакой связи Анненскаго съ какими бы то ни было крупными экспроприаціями не установлено.

Черезъ нѣкоторое время газеты сообщили, что первоначально объявленная фамилія Анненскій—невѣрна, что въ дѣйствительности незнакомца зовутъ Анненковымъ. А еще черезъ нѣкоторое время обнаружилась новая фамилія. И это уже, кажется, самая настоящая. Зовутъ харбинскаго самозванца... Раменскимъ!..

Итакъ, это нашъ старый знакомецъ, до нѣкоторой степени извѣстный уже читателямъ «Русскаго Богатства», и мы съ понятнымъ интересомъ встрѣчаемъ извѣстіе о блестящей карьерѣ, которую г-ну Раменскому удалось сдѣлать съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли его изъ виду.

Позволимъ себѣ возобновить въ памяти читателей черты этой замѣчательной біографіи, довольно подробно изложенной въ статьѣ «Самозванцы гражданскаго вѣдомства» *).

Въ 1896 году онъ уже судился за самозванство, которое было не первымъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, изящный, красивый, съ прекрасными манерами. По словамъ одного изъ корреспондентовъ, онъ отлично говорилъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и даже на нѣкоторыхъ азіатскихъ. Въ одномъ судебномъ отчетѣ онъ называется студентомъ, но вообще первоначальная его біографія не вполне выяснена. Конецъ 1893 и начало 1894 года застаютъ этого изящнаго молодого человѣка въ самомъ бѣдственномъ положеніи на дорогѣ изъ Симферополя къ Мелитополю. Онъ бредетъ пѣшкомъ, увязая то въ грязи, то въ снѣгу. Настоящее его печально, но—у него есть блестящее прошлое: судился въ Полтавѣ, извѣстенъ публикѣ, читающей газеты, тѣмъ, что произвелъ строжайшую ревизію Лозово-Севастопольской, Екатерининской, Фастовской и Ростово-Владикавказской жел. дорогъ подъ именемъ вице-директора медицинскаго департамента г. Шевича; затѣмъ ревизовалъ съ неменьшимъ успѣхомъ карантинъ Чернаго моря, затѣмъ тщательно осмотрѣлъ сахарные заводы чуть-ли не пяти губерній южнаго края, наводилъ трепетъ на братію монастырей Черниговской и Харьковской епархій подъ именемъ товарища прокурора свят. синода, а также обозрѣвалъ конскіе заводы Бессарабской губерніи еще подъ чьимъ-то именемъ. Въ концѣ 1893 года отбылъ тюремное заключеніе, выпущенъ и послѣ столь обширной и, какъ самъ онъ утверждалъ на судѣ,—даже не бесполезной дѣятельности—блестя-

*) „Р. Бог.“, 1896, августъ (въ отдѣлѣ внутр. хроники).

щій молодой человекъ приготовился къ новымъ трудамъ на томъ же поприщѣ.

Въ Мелитополѣ, безъ денегъ и знакомствъ, онъ прежде всего отправляется въ двѣ типографіи, гдѣ, подъ предлогомъ будущаго заказа, получаетъ образцы разныхъ оффиціальныхъ бланковъ, въ томъ числѣ даже бланки общества взаимнаго кредита. Съ этими бланками въ карманѣ онъ уже чувствуетъ себя вооруженнымъ и смѣло принимается за работу. Онъ—уже не Раменскій, только что отбывшій тюремное заключеніе. Онъ—для начала—членъ губернскаго правленія, гр. Толстой.

Мы не станемъ излагать здѣсь во всѣхъ подробностяхъ дальнѣйшія приключенія этого замѣчательнаго мистификатора, — отсылая читателей къ цитированной нами статьѣ. Здѣсь скажемъ только, что, начавъ сравнительно скромно, съ члена губернскаго правленія, онъ быстро повышалъ себя въ титулахъ и должностяхъ, перебѣгая изъ одной мѣстности въ другую. Первымъ ямщикамъ онъ платилъ фантастическими ордерами на бланкахъ взаимнаго кредита, но дальше имѣлъ уже возможность бросать на чай, такъ какъ каждое встрѣчное волостное правленіе увеличивало его ресурсы. Такъ онъ доѣхалъ до предѣловъ Екатеринославской губерніи, и погоня, высланная за нимъ изъ Мелитополя, нашла лишь невдалекѣ отъ желѣзной дороги связку неиспользованныхъ бланковъ, а также строгое предписаніе объ арестѣ ташеннакскаго учителя, оказавшагося штудистомъ, чего, разумѣется, строгій ревизоръ безъ наказанія оставить не могъ.

Въ предѣлахъ Астраханской губерніи молодой человекъ пережилъ новую эманацию личности: тутъ онъ явился уже въ видѣ графа Гендрикова, «экстренно командированной особы для закупки киргизскихъ лошадей». Онъ очень строго обращается порой съ мѣстными властями, но порой бываетъ и милостивъ, принимаетъ прошенія и владеть на нихъ резолюціи. Одному становому онъ разрѣшилъ шестимѣсячный отпускъ, другому обѣщалъ повышение. Слухи предшествовали проѣзду важной особы, и въ селахъ его встрѣчали кое-гдѣ даже съ колокольнымъ звономъ.

16 марта самозванецъ былъ въ Черномъ Яру, и черномарскій исправникъ извѣстилъ о проѣздѣ особы еногаевского, который приготовился къ достойной встрѣчѣ. За ужномъ у еногаевского исправника происходитъ почти буквальное повтореніе извѣстной сцены изъ гоголевскаго «Ревизора»: Гендриковъ нѣсколько заговаривается, а исправникъ трепещетъ: «если тутъ хоть половина правды, и то... Господи помилуй!» Послѣ этого еногаевскій исправникъ лично сопровождаетъ «графа» до Астрахани.

Въ Астрахани возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, но обаяніе «званія» такъ велико, что полиціймейстеръ не рѣшается самъ настаивать на предъявленіи вида и командируетъ для этого пристава. Приставу «графъ Гендриковъ» предъявляетъ паспортъ от-

ставного штабъ-ротмистра, графа Алексѣя Алексѣевича Толстого, но даже и послѣ этого мѣстныхъ власти не рѣшаются задержать таинственную особу. Пока они шлютъ телеграммы и запросы,— какъ понимать загадочнаго «графа» и какъ съ нимъ надлежитъ поступать,—Гендриковъ-Толстой увѣжаетъ на ревизію по губерніи. Въ это время о немъ говорила уже вся поволжская пресса, и власти гонялись за нимъ по пятамъ, какъ Михельсонъ за Пугачевымъ: графъ Гендриковъ налетитъ на волостное или камыцкое управленіе, обревизуетъ и скачетъ дальше, а вслѣдъ за нимъ появляется запоздавшее начальство. «Есть основаніе предполагать,— писалъ одинъ приволжскій фельетонистъ, пародируя донесенія о Пугачевѣ,—что самозванецъ, преслѣдуемый по пятамъ, устремился въ степи къ Узенямъ». Наконецъ, двумъ приставамъ удалось нагнать его гдѣ-то, быть можетъ, недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда былъ захваченъ его знаменитый предшественникъ, Емельянъ Ивановичъ,—и графъ Гендриковъ превратился въ простаго арестанта.

Судили его опять въ Симферополѣ. Онъ сознался во всемъ, однако пожелалъ все-таки, чтобы судебное слѣдствіе шло обычнымъ порядкомъ. Повидимому, онъ былъ не прочь развернуть во всей полнотѣ передъ судомъ и публикой картину своего торжества, съ одной стороны и обывательскаго трепета, съ другой. На судѣ много смѣялись и много дивились почти невѣроятнымъ похождениямъ смѣлаго «графа» и совершенно невѣроятному ротоубійству обывателей и властей. Самъ Раменскій увѣрялъ, что на него порой находятъ періоды маніи величія. Тогда онъ воображаетъ себя гофмейстеромъ, губернаторомъ, чѣмъ угодно... И окружающая среда поддерживаетъ его въ этомъ настроеніи... Ему, конечно, не повѣрили, судили, осудили и сослали въ Кунгуръ.

Здѣсь нѣкоторое время онъ жилъ въ безвѣстности, но затѣмъ въ одинъ прекрасный день, послѣ двухнедѣльнаго запоя, „ревизоръ“ опять проснулся въ ссыльномъ. Чуть не на глазахъ у мѣстной полиціи онъ выѣхалъ изъ Кунгура и „по очереди обревизовалъ“ разные учрежденія, начиная съ волостныхъ правленій и кончая чуть-ли не рѣчной полиціей и лѣснымъ вѣдомствомъ“. Покончивъ съ Пермской губерніей, онъ направился въ Сарапульскій уѣздъ сосѣдней Вятской губерніи и, проѣхавъ его насквозь, былъ наконецъ арестованъ въ селѣ Колесниковѣ. Здѣсь, передъ самымъ задержаніемъ, злополучный ревизоръ принялъ значительную дозу морфія и кристаллической карболовой кислоты. На этомъ блестящая карьера геніальнаго ревизора могла бы закончиться, еслибы, къ счастью, энергическія усилія караулинскаго земскаго врача не вернули его къ жизни. Послѣднія газетныя извѣстія гласили, что Раменскій водворенъ въ психіатрическую лѣчебницу.

Статья, въ которой, наряду съ другими представителями этого типа, я приводилъ біографію и похождения Раменскаго-Гендрикова,

была напечатана въ августѣ 1896 года. Черезъ нѣкоторое время я получилъ письмо, подписанное г-мъ Раменскимъ, въ которомъ послѣдній писалъ мнѣ, что статью прочиталъ и находить, что я не совсѣмъ правильно понялъ и истолковалъ его личность. При письмѣ было приложено одно или два стихотворенія. Сколько могу припомнить, они были написаны довольно гладко, содержаніе ихъ было меланхолическое, но особенными поэтическими достоинствами они не отличались. Письмо и стихи пришли въ мое отсутствіе и прочелъ я ихъ довольно поздно. Я тотчасъ-же отвѣтилъ автору, что стихи для печати не подходятъ. Что-же касается до его возраженій по поводу моей статьи, то я съ большимъ интересомъ ожидаю его собственныхъ разъясненій, такъ какъ, конечно, я пользовался только газетнымъ матеріаломъ, въ которомъ могли быть ошибки. Отвѣта я не получилъ. Быть можетъ, г. Раменскій былъ огорченъ неудачей со стихами, или письмо не попало въ его руки, или, наконецъ, что наиболѣе вѣроятно, запоздавшее письмо не стало его уже на мѣстѣ. Неодолимое влеченіе къ новымъ реви-зіямъ, къ бѣшеной скачкѣ по родному простору, въ атмосферѣ собственной власти на фонѣ общаго трепета, приниженности и раболѣпія,—могло къ тому времени увлечь его къ новымъ приключеніямъ.

Послѣ этого я совершенно потерялъ его изъ виду, пока за границей не прочиталъ въ газетахъ о задержаніи въ Харбинѣ чиновника миллионера, а по возвращеніи въ Россію не узналъ, что настоящая фамилія задержаннаго—Раменскій.

Итакъ—молодой человѣкъ, отправлявшійся въ 1894 году изъ Симферополя въ Мелитополь, гнѣшкомъ, безъ денегъ и въ плохой одеждѣ, и затѣмъ водворенный въ Кунгурѣ, съ тѣхъ поръ сдѣлалъ, можно сказать, блестящую карьеру, пожалуй, самую блестящую, какая только могла выпасть на долю современнаго самозванца. Времена Лже-Димитріевъ и Пугачевыхъ прошли безвозвратно. Престола и короны уже не захватываются съ такою волшебною легкостью. Но и $4\frac{1}{2}$ милліона, хотя бы франковъ,—это вѣдь огромная сила въ наше прозаическое и капиталистическое время. И нужно много ловкости, увѣренности, таланта, чтобы на почвѣ измельчавшаго современнаго самозванства стать миллионеромъ.

Судь, вѣроятно, раскроетъ опять много интереснаго и объяснить, гдѣ, когда и какимъ способомъ благопріобрѣтены эти процентныя бумаги. Онъ, вѣроятно, выяснитъ также и странную психологическую загадку: зачѣмъ было этому человѣку, уже ставшему счастливымъ обладателемъ милліоновъ, принимать на себя непринядающее ему званіе «чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ», дѣлать визиты жандармамъ и съ важностію увѣрять, что онъ посланъ слѣдить за боевыми дружинами. Какъ будто званіе сыщика прибавляетъ что-нибудь къ званію миллионера...

А пока насъ интересуетъ только еще одна сторона этого явленія.

нія. Въ статьѣ, которую я цитировалъ выше и которую г. Раменскій нашелъ не вполне правильною, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ своей личности,—проводилась мысль, что болѣзнь самозванства, до сихъ поръ симптоматически характеризующая наше русское безправіе, есть явленіе двустороннее, обуславливающееся нѣкоторой взаимностью между самозванцемъ и средой, въ которой ему приходится дѣйствовать. Хлестакову, навѣрное, не пришло бы въ голову выдавать себя за ревизора, еслибы его въ томъ не увѣрилъ первый Иванъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухоновскій. Это явленіе вырастаетъ на почвѣ сильной власти, съ одной, и раболѣпства, пониженія личности, заботности, съ другой стороны. Самозванство невозможно тамъ, гдѣ есть точно опредѣленное право обывателя и точно отграниченныя обязанности начальства. Самозванцы такъ легко подражаютъ «законнымъ властямъ» именно потому, что и эти послѣдніе слишкомъ часто дѣйствуютъ подобно самозванцамъ, то и дѣло выходя за предѣлы своей власти. Напоминаніе о своемъ маленькомъ правѣ—въ присутствіи любой «персоны» у насъ считается явнымъ признакомъ крамолы. А разъ право средняго челоѣка загнано и молчитъ,—почва для самозванства готова. Въ 1896 году у насъ еще не было и рѣчи о конституціи и о представительствѣ народа, и тогда г. Раменскій только похизгалъ скромныя волостныя суммы. Теперь у насъ и Дума, и представительство... А наряду съ ними — генералы Думбадзе, Каульбарсъ, всемогущество союза русскаго народа... Гдѣ-же при такой «конституціи» мѣсто для гражданскаго права средняго русскаго челоѣка? Если что дѣйствительно усилилось за послѣдніе годы, — то это, конечно, не право, не законность, а только «сила власти», налетающая ураганомъ, не считающаяся ни съ закономъ, ни съ чьими бы то ни было правами...

И вотъ г. Раменскій является уже въ качествѣ миллионера...

Интересно: не эти-ли именно особенности новѣйшей россійской конституціи сумѣлъ учеть талантливѣйшій изъ представителей современной самозванщины? Вѣдь недаромъ въ девяностыхъ годахъ онъ только ревизовалъ волостныя правленія, а теперь уже слѣдитъ за «боевыми дружинами» и требуетъ содѣйствія жандармскихъ властей. Да, повидимому, есть большая вѣроятность, что именно этотъ учеть такъ повысилъ фонды г. Раменскаго, поднявшіеся съ жалкихъ сотенъ волостныхъ рублей до миллионѣвъ въ иностранныхъ процентныхъ бумагахъ.

Теперь газеты о Раменскомъ, объ его миллионѣхъ и ходѣ его дѣла что-то замолокли. А между тѣмъ, если предстоящій процессъ сможетъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ и освѣтитъ эту сторону нашего «конституціоннаго» быта,—то, конечно, это будетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ процессовъ, быть можетъ, немногимъ уступающій эпопеѣ портъ-артурскихъ героев...

Вл. Короленко.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ неизвѣстнаго, изъ Митавы—5 р.; отъ А. Миловичъ, изъ Бѣлостока—2 р.; отъ К. Ланге, изъ Кіева—20 р.; отъ А. М., изъ В.—5 р.; отъ Миши Куширенико—5 р.; черезъ Осипова, чистая прибыль отъ спектакля на Видляцкомъ зав., бывш. 29 дек. 1907 г.—22 р. 20 к.; отъ П. Кривошеина, изъ Екатеринбургa—6 р.; отъ М. О.—1 р.

Итого 66 р. 20 к.

А всего съ прежде поступившими 212 р. 65 к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Госуд. Думы: отъ неизвѣстнаго—5 р.; отъ N—5 р.; отъ А. Борисовой, со ст. Алтымовка—3 р.; отъ Косяченко и Д. Наумова—2 р.; отъ группы служ. контр. сбор. 1-го о-ва подъѣзда ж. д. путей въ Россіи—7 р.; изъ Вятки—11 р. 30 к.; отъ служащ. тарифнаго отдѣла страхов. о-ва—29 р. 88 к.

Итого 63 р. 18 к.

На какое-нибудь просвѣт. учрежд. въ память Н. М. Михайловскаго: черезъ контору Русскихъ Вѣдомостей. — 6 р. 52 к.

Въ пользу б. шлиссельбургцевъ: отъ М. А. Е.—6 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ служащ. тарифнаго отдѣла страхов. о-ва—29 р. 87 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ неизвѣстнаго—25 р.; отъ Ж.—15 р. 95 к. черезъ Д. Ф. К.—20 р.; отъ N—5 р.; отъ Н. Ф.—20 р.; отъ рабочихъ ситце-набив. м-ры, изъ Шлиссельбурга—30 р.; отъ неизвѣстнаго—2 р.; отъ Павельева, изъ Козмодемьянска—2 р.; отъ О. Ваньковичъ—2 р.; отъ неизвѣстнаго, изъ Митавы—5 р.; отъ А. Миловичъ, изъ Вѣлостока—3 р.; отъ С. Чмутова, изъ Выборга, 6 р.; отъ М. С.—20 р.; отъ Ф. Ф. О.—3 р.; отъ Н. М. Г. 8-ой взносъ—10 р.; отъ А. С.—5 р.; отъ П. Самсонова, изъ Смоленска—3 р.; отъ П. Е. Д.—100 р.; отъ стараго подписчика—5 р.; отъ М. А. Е.—14 р.; отъ Ф. Алейникова—3 р.

Итого 298 р. 95 к.

О П Е Ч А Т К И .

Въ дек. книжкѣ въ статьѣ Н. Е. Кудрина „Уроки исторіи“ вкралась опечатка: на стр. 63, строка 9 снизу напечатано „1815—1830“, а должно быть „1789—1815“.

Въ янв. книжкѣ въ статьѣ Дюнео (II отд., стр. 11), послѣдняя строка снизу напечатано „Торитономъ“. а должно быть „Торнтономъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НИВА ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 г.
 Крошъ 52 № № самого жур-
 нала и др. къ нему прилежащій,
 ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

28 КНИ- Полное собраніе сочиненій въ
 ГАХЪ Глѣба Ив. УСПЕНСКАГО
 Съ обширной критико-биографической статьи Н. Н. Михайловскаго.
 Полное собраніе сочиненій въ
 10 КНИ- Гергарта ГАУПТМАНА
 ГАХЪ
 Въ образцовыхъ переводахъ извѣстныхъ писателей, съ критико-биогр. очеркомъ.
 2 КНИ- Дневникъ и письма въ
 ГАХЪ гр. Алексѣя ТОЛСТОГО,
 которые представляютъ идейное дополненіе къ „Собр. соч.“ въ видѣ IV тома.
 12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-
 НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, == ВСЕГО ==
 52 КНИГЪ, т.-е., независимо отъ друг. приложеній,
 ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: безъ доставки—6 р. 50 к. съ доставкой—7 р. 50 к.	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ МѢСТА РОССИИ: За границу—12 р.	Разорочка издается въ 2, 3 и 4 орѣха.
Гр. новые подписчики на 1908 г. могутъ получить, крошъ „Нивы“ 1908 г., еще 10 книгъ гр. А. М. ТОЛСТОГО за 1907 г. за единовременную доплату: безъ доставки 2 руб., съ дост. и перес. 2 р. 50 к.		

Многостраничное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ НА

„Нижегородскій Листокъ“

(годъ изданія XVI-й).

Составъ редакціи и сотрудниковъ остается прежній.

Съ открытія парламентской сессіи въ «Нижегородскомъ Листкѣ» печатаются статьи и сообщенія собственнаго спеціального корреспондента редакціи изъ Государственной Думы. Будутъ также помѣщаться оригинальныя статьи членовъ Государственной Думы какъ отъ Нижегородской губерніи—А. В. Иконникова, Г. Р. Килевскаго и А. А. Савельева, такъ и друг.

Подписная цѣна: Для городскихъ и сормовскихъ подписчиковъ: На 1 м.—1 р., 2 м.—1 р. 50 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 5 м.—3 р. 25 к., 6 м.—4 р., 7 м.—4 р. 50 к., 8 м.—5 р., 9 м.—5 р. 50 к., 10 м.—6 р., 11 м.—6 р. 50 к., 12 м.—7 р.; для иногороднихъ подписчиковъ. На 1 м.—1 р., 2 м.—1 р. 75 к., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 5 м.—4 р., 6 м.—4 р. 50 к., 7 м.—5 р., 8 м.—5 р. 50 к., 9 м.—6 р. 25 к., 10 м.—7 р., 11 м.—7 р. 50 к., 12 м.—8 р.

Открыта подписка на „Нижегородскій Листокъ“: 1, въ главномъ конторѣ редакціи—на Б. Покровскѣ въ д. Приспѣшниковъ и 2, въ газетномъ кіоскѣ въ Владимовскомъ саду на Нижнемъ мѣстѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

на ежедневную большую общественно-политическую и литературную газету

„Волжское Слово“

издающуюся въ гор. Самарѣ.

Газета будетъ выходить при значительно увеличенномъ новыи силами составѣ редакціи, при чемъ къ участию въ ней приглашены видные сотрудники столичныхъ изданій.

Корреспондентомъ въ Государств. Думу приглашенъ С. С. Кондурушкинъ.

Подписная цѣна. Для городскихъ: На годъ безъ дост.—6 р., съ доставкой.—7 р.; на 1/2 года—3 р. 60 к., на 1/4 года 1 р. 80 к., на 1 мѣс.—65 к. Для иногороднихъ: на годъ — 7 р., на полгода — 3 р. 60 к., на 1/2 года — 2 р., на 1 мѣсяць—75 к.

Адресъ конторы и редакціи: Самара, Саратовская, д. Подбѣлскаго.
Редакторъ-издатель В. Вітровъ. Редакторъ Н. Троицкіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ (II-й годъ изданія).

На ежедневную политическую, общественную, литературную и экономич. газету

„У Т Р О“издающуюся въ г. Харьковѣ, Николаевская площадь, д. Земельнаго Банка
При ближайшемъ участіи Проф. Ар. Ник. Фатѣва.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м.—6 р. 75 к., 7 м.—6 р., 6 м.—5 р. 25 к., 5 м.—4 р. 50 к., 4 м.—3 р. 65 к., 3 м.—2 р. 80 к., 2 м.—1 р. 90 к., 1 м.—1 р. За границу вдвое.

Учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народнымъ учителямъ, бесплатнымъ народнымъ библіотекамъ-читальнямъ, сельскимъ священникамъ, фельдшерамъ, фельдшерницамъ, акушеркамъ, а также рабочимъ, подписывающимся на газету черезъ свои организаціи, подписная плата 70 к. въ мѣсяць.

Редакторъ П. Г. Реттеръ.

Издатель А. А. Жукотскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ (IX годъ изданія)

на литературную и политическую газету

„Амурскій Край“.

Газета выходитъ ежедневно кромѣ дней послѣ праздничныхъ.

Подписная цѣна: за годъ съ доставкой и перес. 9 р., 6 м.—5 р., 1 м.—1 р. Въ розничной продажѣ отдѣльный номеръ 5 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Благовѣщенскѣ по Торговой у. № 38.

Редакторъ-Издатель Г. И. Клеточкоу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

на ежедневную общественно-литературную газету

„Вятскій Край“

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по програмѣ большихъ столичныхъ газетъ, внѣ-партийная, прогрессивная.

Подписная цѣна: На годъ 6 р.; на 6 м.—3 р. 50 к.; на 3 м.—1 р. 75 к.; 1 мѣсяць—65 к.

Контора газеты: Вятка, ул. Николаевской и Пятницкой, д. Либерманъ.
Издательница А. Н. Праздникова. Редакторъ Н. И. Новиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ. (Ш-й годъ изд.)

Вѣстникъ Народной Свободы.

Еженедѣльникъ к-д.

Еженедѣльникъ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи В. Д. Набокова и А. И. Каминка, по прежней программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ „Вѣстника Народной Свободы“ помѣстили, между прочимъ, статьи слѣдующіе авторы: А. Ю. Блохъ, Н. А. Вородитъ, А. В. Вергезскій, І. В. Гессенъ, профессоръ Н. А. Гредескулъ, А. П. Грессеръ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, Н. М. Юрдаевскій, прив.-доц. А. И. Каминка, профессоръ Н. И. Карѣевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. М. Колубакинъ, А. А. Корниловъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Н. Н. Кутлеръ, А. Р. Ледницкій, П. Н. Милуковъ, М. М. Могилянскій, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, И. И. Петрункевичъ, А. А. Прессъ, Д. Д. Протопоповъ, Ѳ. П. Родичевъ, Л. Родионовъ, А. В. Смирновъ, П. Б. Струве, Л. С. Таль, А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, прив.-доц. М. И. Фридманъ, Н. Н. Чрененковъ, кн. Д. И. Шаховской, Г. Шниттау, А. И. Шангаревъ, Л. И. Шифъ, профессоръ Н. Н. Щепкинъ, Е. Якушкинъ, Л. Яснопольскій и др.

Кромѣ статей, въ „Вѣстникъ Народной Свободы“ отводятся много мѣста сообщеніямъ о текущей партійной жизни. Относящійся сюда матеріалъ располагается по слѣдующимъ постояннымъ рубрикамъ:

Центральный комитетъ: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности ц. к. циркуляры ц. к. мѣстнымъ партійнымъ организаціямъ, отчеты о дѣятельности состоящихъ при ц. к. комиссій: аграрной, рабочей, церковной и т. д.

С.-Петербургская и Московская группы: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности городскихъ и губернскихъ комитетовъ, а также районныхъ комитетовъ к-д. партій въ столицахъ. Отчеты о собраніяхъ, рефератахъ и т. п.

Провинціальный отдѣлъ: Корреспонденціи, отчеты и хроника партійной жизни на мѣстахъ.

Изъ жизни другихъ партій: Сообщенія о выдающихся моментахъ жизни другихъ партій—дѣльмихъ и правыхъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются, между прочимъ, отчеты о сѣздахъ и всѣ важнѣйшія постановленія и резолюціи партійныхъ организацій Россіи.

Особое вниманіе удѣлено Государственной Думѣ и дѣятельности парламентской фракціи партіи Народной Свободы. Въ „Вѣстникѣ“ печатаются, между прочимъ, всѣ законопроекты партіи, предназначенные для внесенія въ Государственную Думу.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—5 р., на полгода—3 р.

Разрочка: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая 2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала—Кирочная, № 30, отдѣленіе конторы для городскихъ подписчиковъ при конторѣ газеты Рѣчь, Невскій пр., № 13 (въ кн. маг. Вольфа); 2) въ Москвѣ: при книжномъ складѣ „Народное Право“, Б. Никитская, Чернышевскій пер. домъ Пустошкина, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціонно-демократической партіи.

Издатель В. Д. Набоковъ

Редакторъ А. Ю. Блохъ.

ПОДПИСКА на 1908 г. (41 г. изданія) на ежедневную газету

„ДОНЪ“
(въ Воронежѣ)

Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ, на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города. На годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб.

Ред.-Издатель В. Весековскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на внепартийный исторический и историко-литературный журналъ

„Минувшіе Годы“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами 18—20 листовъ.

Программа: 1 Исслѣдованія и статьи по русской исторіи и русской литературѣ. 2. Материалы, документы, мемуары и письма изъ области русской исторіи и русской литературы. 3. Биографіи дѣятелей русской исторіи и литературы. 4. Критика историческая и литературная и библиографія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: В. П. Акимовъ, М. А. Антоновичъ, К. К. Арсеньевъ, М. Ю. Ашенбреннеръ, Ф. Д. Батюшковъ, А. В. Баулеръ, П. А. Берлинь, П. Д. Боборыкинъ, В. Я. Богучарскій, А. К. Бородинъ, В. А. Брюсовъ, В. Л. Бурцевъ, В. Н. Бугаевъ, П. И. Вейсбертъ, С. А. Венгеровъ, Е. Н. Водовозова, В. В. Водовозовъ, М. О. Гершензонъ, И. С. Джабадаръ, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, Н. И. Иорданскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, В. О. Ключевскій, М. М. Ковалевскій, Н. А. Котляревскій, А. А. Корниловъ, В. П. Крайфельдъ, Л. П. Купріянова, Е. Д. Куцова, М. К. Лемке, Г. А. Лопатинъ, О. И. Любатовичъ, И. И. Майновъ, И. Д. Манучаровъ, П. Н. Мялюковъ, Н. А. Морозовъ, Д. С. Мережковский, Н. К. Муравьевъ, М. В. Новорусскій, Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Л. Ф. Пантаевъ, Э. К. Пекарскій, А. В. Прибылевъ, А. П. Прибылева-Корба, А. С. Пругавинъ, П. Н. Перверзевъ, Ф. И. Родичевъ, Н. С. Русановъ, С. Г. Святковъ, В. И. Семевскій, Е. В. Тарле, В. Г. Татъ, М. Н. Тригони, Н. И. Фалѣевъ, В. Н. Фигнеръ, Д. В. Философовъ, П. Ш. Щеголевъ, В. Е. Якушкинъ и др.

Цѣна журнала: на годъ—8 р., на $\frac{1}{2}$ года—4 р., на $\frac{1}{4}$ года—2 р. за границу (при выпискѣ изъ Россіи)—10 р. Выписывающіе черезъ мѣстные заграничныя почтовые учрежденія платятъ только 8 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера—1 руб.

Подписка городская принимается: въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, 18 и Невскій просп., д. № 13, въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ и Моховая.

Подписка иногородняя направляется по адресу: Знаменская, 19.

Временный адресъ редакціи: Знаменская, 19.

Издатель Н. В. Мѣшковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г. (XXIV г. изданія).
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

Вокругъ Свѣта

Въ теченіе года подписчики получаютъ: 50 №№ иллюстрированнаго журнала. Содержательныя и разнообразныя бесплатныя преміи: 14 книгъ иллюстрированныхъ сочиненій; Камилла Фламмаріона. Многочисленность обитаемыхъ мировъ и условія существованія живыхъ твореній на этихъ мірахъ.—Лжемень. Разговоръ астронома съ душой умершаго друга.—Исторія одной кометы.—Ея странствованія среди безконечности и встрѣча съ землею.—Въ безконечности. Фантастическій рассказъ—Стелла. Звѣздный романъ.—Конецъ міра. Фантастическій очеркъ гибели нашей планеты.—Уранія. Звѣздный романъ.—Въ небесахъ и на землѣ. Очерки и рассказы. Лунный свѣтъ. Повесть. 10 книгъ «необыкновенныя рассказы» Эдгара Поэ. Кромѣ того съ приплатою одного рубля подписчики «Вокругъ Свѣта» получаютъ «Тысяча одна ночь». 12 выдусковъ (болѣе 100 стр. текста и 200 рис.) полнаго богато-иллюстрированнаго собранія восточныхъ сказокъ знаменитаго арабскаго эпоса Шехеразеды, стоившихъ въ отдѣльной продажѣ 3 рубля.

Цѣна на годъ безъ собр. сказокъ «Тысяча одна ночь» 4 р. съ пересылкой и доставкой. Цѣна на годъ съ собр. сказокъ «Тысяча одна ночь» 5 р. съ пересылкой и доставкой. Разрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 июля 1 руб.

Адресъ конторы журн. „Вокругъ Свѣта“: Москва, Тверская улица, д. Т-ва И. Д. Сытина. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Саратовскій Листокъ“

въ 1908 году (46-й годъ изданія).

Подписная цѣна съ доставкою въ Саратовъ и въ Покровской сл.: на годъ—7 р., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 2 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—1 р. Съ пересыл. въ другіе города: на годъ—8 р., 11 мѣс.—7 р., 10 мѣс.—6 р. 50 к., 9 мѣс.—6 р., 8 мѣс.—5 р. 50 к., 7 мѣс.—5 р., 6 мѣс.—4 р. 50 к., 5 мѣс.—4 р., 4 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—3 р., 2 мѣс.—2 р. 40 к., 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая ул., домъ Оневорге; въ сл. Покровской у П. М. Осыко.

Редакторъ-издатель П. О. Лебедевъ.

Издатель И. П. Горизонтовъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

„Астраханскій Листокъ“

будеть выходить въ 1908 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразования государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Самый полный торгово-промышленный и сел.-хозяйств. обзоръ юго-востока Россіи. Точныя свѣдѣнія съ рынковъ рыбнаго, солянаго, лѣснаго, хлѣбнаго, нефтянаго, мясного, о судоходствѣ, садоводствѣ, и др.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ—7 руб. 50 коп., полгода—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

„Астраханскій Листокъ“ расходится больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Мало-Демидовской улицѣ, свой домъ.

Редакторъ-издатель В. И. Склабисскій.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНАЯ ЗАРЯ.

Большая ежедневная газета, выходитъ въ Екатеринославѣ подъ редакціей А. Я. Ефимовича, изданіе П. Г. Гезе.

Подписная цѣна: Городск. съ доставкой: на годъ 6 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р., 1 м.—70 к. Иногороднымъ на годъ 7 р., 6 м.—4 р., 3 м.—2 р. 50 к., 1 м.—90 к. Заграницу на годъ 12 р., 6 м.—7 р., 3 м.—4 р., 1 м.—1 р. 50 к..

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ «Южной Зари» (Екатеринославъ, проспектъ, домъ Ильева). Объявленія изъ Петербурга, Москвы, и вообще Сѣверо-Западнаго района принимаются въ конторѣ торгов. дома Метцль.

Редакторъ-Издатель В. Г. Корол енко.

Изданія С. В. Бунина.

(С.-Петербургъ, Преображенская, 5. Телефонъ № 73—10).

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.

По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцелярiи. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ СПБ., 1908 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Отзывы печати 1907 г.: «Новости Одессы»—27 октября, «Утро» (Харьковъ)—2 ноября, «Товарищъ»—1 декабря, «Русскія Вѣдом.»—26 декабря, «Приазов. край»—№ 287, «Критич. Обзоръ»—кн. V, «Современ. міръ»—декабрь, «Русская мысль»—декабрь, «Нива»—декабрь и «Вѣсти Европы»—январь 1908 г.

Владиміръ Беренштамъ. Около политическихъ.

Съ 7 картинами, изъ которыхъ 6 на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, и 18 автобиографіи политическихъ смысловъ. СПБ., 1908 г. Цѣна 1 руб.

Отзывы печати 1907 г.: «Товарищъ»—5 октября, «Казанскій телеграфъ»—28 октября, «Рѣчь»—1 ноября, «Приазовскій край»—№ 280, «Кіевскія Вѣсти»—5 ноября, «Вѣсти Европы»—октябрь, «Образованіе»—октябрь, «Русское Богатство»—ноябрь, «Нива»—ноябрь, «Современный міръ»—декабрь.

А. М. Ѳедоровъ (авт. роман.: Камни, Разказы

(повье). Въ худож. обложкѣ раб. М. Соломонова. СПБ., 1908 г. Цѣна 1 р.

Отзывы печати 1907 г.: «Новости Одессы»—27 октября, еженед. «Новая Книга» № 14—31 октября, «Русскія Вѣдомости»—11 декабря, «Кіевскія Вѣсти»—17 декабря.

Ивановъ - Разумникъ. Что такое «Махаевщина»?

Къ вопросу объ интеллигенціи. СПБ., 1908 г. Цѣна 50 коп.

В. Кильчевскій. Богатства и доходы духовенства.

2-е значительно дополн. изданіе 1908 г. Цѣна 15 коп.

Отзывы печати 1907 г.: «Часъ» (Москва)—1 ноября, «Товарищъ»—1 декабря, «Столичная Почта»—1 января 1908 г.

А. А. Николаевъ. Кооперация

(о томъ, какъ со-обща можно вы-годиѣ устраивать свои хозяйственныя дѣла). 2-е переработанное и значительно дополненное изданіе. СПБ., 1908 г. Цѣна 30 к.

1-е изданіе («Русск. Богат.») было рекомендовано всѣми наиболее прогрессивн. библиограф. указателями (Н. А. Рубакинъ, Шейнкманъ, Гр. Нестровъ, календарь «Сѣятель» и ин. друг.).

Первыя 4 книги находятся и у издателя и въ складѣ М. М. Стасю-левича (СПБ., В. Остр., 5 л., 28).

Некнигопродавцы, выписыв. отъ издат. С. В. Бунина (СПБ., Пре-ображенская, 5, телеф. 73—10) на рубль и болѣе, за перес. не платятъ, что должно быть особенно важно для тѣхъ районовъ, гдѣ продажу первыхъ двухъ книгъ (г.г. Лемке и Беренштама) мѣстная администрація по како-му-то недоразумѣнію книжныхъ магазинамъ не дозволяетъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

(XVI-йя ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горюфальда, Дюссо, С. Я. Ельяшевскаго, А. И. Иванчицъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Моисевскаго, В. А. Милютина, А. Б. Петрищева, А. В. Пышехомова, С. Н. Южакова и П. Ф. Ялубовича (Л. Мельнича).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго, *Пасажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

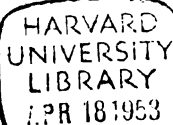
Подписка въ разсрочку или не вполне оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

4
KSE-722

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ФЕВРАЛЬ.

1908.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПРОТИВЪ СОЛНЦА. Продолженіе. . . Нанда.
2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СВѢТЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ М. Б. Ратнера.
3. ИЗЛУЧИНА. А. Вернера.
4. ФЕЛУКА. Стихотвореніе. А. Тулубьева.
5. ИЗЪ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКОЙ РЕАКЦІИ Н. Е. Кудрина.
6. РОКОВЫЯ СИЛЫ. Романъ. Переводъ Брумберга. Продолженіе Густава афъ Гейерстама.
7. ИСТОРИЯ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА Вл. Короленко.
8. ИЗЪ АНГЛІИ. Діонео.
9. СОВРЕМЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦІЯ И УЧЕНІЕ Л. І. ПЕТРАЖИЦКАГО . Окончаніе М. Рейснера.
10. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕЧЕНІЙ П. Мокиевского.
11. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ:
 1. Процессъ четырехъ генераловъ. — Укрѣпленіе неизвѣстнаго типа, неизвѣстно кому подчиненное. — Всеобщее уклоненіе отъ отвѣтственности. — Портъ-Артурская анархія. — 2. Была ли измѣна? — Какъ вооружается русскій флотъ? — Образовательный уровень арміи и фло-

(См. 2-ую стр. обложки).

- ваніе ст. 126 уголовного уложенія и амнистіи 1905 г.—Союзники и Портъ-артурская г-жа Савельева. *А. Петрищева*. 74—116
12. Политика. Португальскія дѣла.—Текущія событія. *С. Южакова*. 116—126
13. На очередныя темы. Революція наоборотъ. III—IV. *А. Пъшехонова*. 126—175
14. Наброски современности. X. О мрачныхъ публицистахъ и простыхъ схемахъ. 175—195
15. Въ порядкѣ беззаконія. *И. Снова*. 195—201
16. Новыя книги:
Борисъ Лазаревскій. Разказы. — Западныя сборники. Книга первая. — Сѣверныя сборники. Книга вторая и третья.—Германъ Зудерманъ. Розы.—Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ.—М. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.—Ильинскій, М. В. Архангельская ссылка.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 202—219
17. Случайныя замѣтки: Что же думаетъ г. Изгоевъ о г. Столыпинѣ? *А. Петрищева*. 219—226
18. Отчетъ конторы редакціи. 227
19. Объявленія.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(С.-Петербургъ—контора журнала „Русское Богатство“, Васкова ул., 9;
Москва—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжкиныя магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 82 стр. Цѣна 8 к.

Дюнео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— **АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ.** Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „ледохоль“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— **НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА.** Изд. второе 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— **СВОБОДА ПЕЧАТИ.** 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитриева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокозовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Червышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. Одинадцатое изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлымъ праздникомъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— **ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. Седьмое изд.** 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесть.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (юмъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— **ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. Четвертое изд.** 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заявка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— **ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.** Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— **СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.** Этюдъ. *Одинадцатое изд.* 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— **БЕЗЪ ЯЗЫКА.** Разсказъ. *Четвертое изд.* 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЪЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебного разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

Ө. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станячники.—Изъ дневника учителя Васюлина.—Кладь.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику истины.—*Встрѣча*.

Н. Е. Нудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идеиное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастеръ.—Додэ.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики со- роковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЬ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣтнова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшимъ (П. Ф. Янубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ.—Современныя миниатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической ка- торги. I. Мельшима. — II. На Амурской колесной дорогѣ. Р. Бравскаго. Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шестъ томовъ по 2]

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука. гическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вол и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 г.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма — логическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874

Т. Ш. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука“.—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Г. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—Карль Маркъсъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ веремежку.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокий талантъ.—Гл. И. Успенскій.—Шедринъ.—Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе второе. 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ“. „Книжный Вѣстникъ“. „Отеч. Записки“.—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеѣвъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса.—Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы.—Г. З. Елисеѣвъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе второе—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ материализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ницше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр.

Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр.

Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяць смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА“. Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мянотимъ. ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. второе 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ.—Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій.—К. Д. Кавелинъ.—Памяти Глѣба Успенскаго.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. второе 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основные задачи аграрной реформы. Изд. третье 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. третье безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. Второе изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЬ и СВОБОДА. Четвертое изд. 1906 г. 17 стр. Ц. 10 к.

- АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.
- СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема“. 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.
- КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.
- НАКАНУНЪ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.
- ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.
- С. А. Савинова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.
- П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.
- Карлъ Шурицъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.
- Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.
- Б. Эфрусъ. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. Второе изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.
- С. Н. Юмаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевныя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.
- П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). Пятое изд. 1908 г.—282 стр. Ц. 1 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). Третье, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.
- РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданіе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

- Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 биографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.
- Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.
- М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.
- Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.
- Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.
- Эдмъ Шампльонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ по приказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.
- Даніэль Стернъ. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.
- С. Н. Юмаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.
- СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ) Цѣна 1 руб. 50 коп.
- П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ и ПРОПАГАНДИСТЫ Цѣна 1 руб.

ПРОТИВЪ СОЛНЦА.

VIII.

Преслѣдованіе какъ будто прекратилось. Солдаты ободрились, и то одинъ, то другой останавливался и стрѣлялъ для чего-то въ темноту; кажется, стрѣляли они только для того, чтобы нарушить мертвую тишину, которая вмѣстѣ съ мракомъ спускалась на землю. Кругомъ все какъ будто вымерло или затаилось, ожидая пока не пройдутъ мимо чуждые незнакомые люди, беспорядочной толпой двигавшіеся по дорогѣ. Но выстрѣлы, топотъ шаговъ, слова, которыми вполголоса обмѣнивались солдаты,—всѣ эти звуки, чуждые природѣ, не могли нарушить естественной тишины, царившей кругомъ, и даже какъ бы подчеркивали ее. Люди, двигавшіеся по дорогѣ, не оживляли природу, не признававшую ихъ своими, да и сами они чувствовали себя здѣсь лишними, ненужными, мучились сознаниемъ своей отчужденности въ этой странѣ и торопились на сѣверъ. Шура, который также какъ и всѣ офицеры и солдаты полка освободился отъ этого тягостнаго чувства лишь въ самое послѣднее время, отчасти благодаря стараніямъ Михаила Павловича, отчасти благодаря тому, что всѣ привыкли къ мысли, будто Ляоянъ это уже нѣчто свое, теперь, когда армія уходила отъ Ляояна, вновь съ особой силой почувствовалъ сколько нехѣпости было въ томъ, что вотъ онъ идетъ гаоляновыми полями, никому рѣшительно не нужный, совершенно безпомощный и не знающій, что дѣлается въ двухъ шагахъ отъ него. По обѣимъ сторонамъ дороги опять возвышались непроницаемыя стѣны гаоляна, и люди шли по этому корридору съ неприятнымъ и тяжелымъ сознаниемъ того, что выбора для нихъ нѣтъ, что обойти эти поля или пройти черезъ нихъ они не могутъ, именно они, а „онъ“,— „онъ“ можетъ, „онъ“ тутъ свой... Дрогнувъ даже Макаръ Трофимовичъ и вполголоса сталъ „докладывать“ Шурѣ.

Февраль. Отдѣлъ I.

— Сказываютъ, — таинственнымъ шопотомъ говорилъ онъ, — что бьетъ „онъ“ теперь по желѣзной дорогѣ.. Гдѣ-то дивизія побѣжала... не разберешь хорошо...

Шура, у котораго сердце сильно забилося отъ смутнаго предчувствія какой-то большой бѣды, рѣзко оборвалъ старика.

— Дуракъ! повторяешь всякія глупости..

Это вырвалось у Шуры нечаянно и даже въ первый моментъ онъ раскаялся-было въ своихъ словахъ, но замѣтивъ какъ принято это было старикомъ-фельдфебелемъ и другими солдатами, онъ рѣшилъ, что поступилъ прекрасно, и даже почувствовалъ нѣкоторую гордость. Макаръ же Трофимовичъ дѣйствительно не только не обидѣлся на „дурака“, но обрадовался тому, что наконецъ-то въ Шурѣ заговорилъ сынъ Михаила Павловича, котораго старикъ безгранично уважалъ; кромѣ того въ этотъ моментъ, когда казалось, что все, на чемъ, по представленію этого стараго солдата, держится свѣтъ, готово было рухнуть, когда рядовые безнаказанно бросали винтовки и даже ругали начальниковъ, какъ сдѣлалъ это съ нимъ запасный изъ хохловъ, въ такой моментъ пріятно было узнать, почувствовать, что нѣтъ, — не все еще рухнуло, существуютъ еще отношенія, которыхъ измѣнить не можетъ даже отступленіе отъ Ляояна, въ силу которыхъ молодой, ничтожный офицерикъ можетъ обругать дуракомъ его, стараго заслуженнаго фельдфебеля.

— Виноватъ, ваше благородіе! извѣстное дѣло зря болтаютъ, черти!.. Эй вы, въ порядкѣ! разомкнись! чего сбились въ кучу, какъ бараны!

И съ новой энергіей принялся за дѣло. Выслалъ патрули впередъ, оставилъ нѣсколько человекъ сзади, но въ стороны т. е. именно туда, въ гаоляновую чашу, куда необходимо было бы послать дозорныхъ, онъ не послалъ, понимая, что все равно заблудятся, да и не пойдутъ вовсе.

Благодаря этимъ мѣрамъ, а главнымъ образомъ благодаря ругани и увѣренному тону какимъ дѣлались эти, въ сущности, безобидныя распоряженія, настроеніе солдатъ стало лучше и движенію приданъ былъ кое-какой порядокъ. Шура, увлеченный своей новой ролью, время отъ временіи останавливался и вынималъ компасъ. Въ такихъ случаяхъ повторялась одна и та же сцена.

— Стой! патруль, стой! — кричали солдаты, видя что Шура остановился и лѣзетъ за компасомъ.

Эти крики и серьезный, дѣловитый видъ съ какимъ солдаты относились къ нему и къ его компасу, конфузили Шуру.

— Кажется, идемъ вѣрно,—думаль глядя на стрѣлку, которая бѣшенно крутилась по всему кругу и не хотѣла успокоиться.—Э-э! чортъ съ нимъ! все равно съ дороги не свернемъ — и онъ громогласно объявлялъ, что идутъ они вѣрно, послѣ чего солдаты, успокоенные, двигались впередъ.

Но правильно ли они идутъ, Шура положительно не зналъ, беспокоился и рѣшался еще разъ посмотрѣть на компасъ, съ тѣмъ чтобы на этотъ разъ выдержать характеръ и дожидаться, пока стрѣлка успокоится, [но повторялась старая исторія.

Такъ шли они довольно долго. Вдругъ впереди раздались крики; слышно было, что кто-то съ кѣмъ-то ругался наконецъ, Шура увидѣлъ всадника, котораго два солдата, схвативъ лошадь подъ уздцы, тащили къ нему. Оказывается, охотникъ.

— Ты что?

— Вашу роту искать послали, ваше благородіе,—доложилъ охотникъ.

Солдаты, тащившіе его, стали ругаться.

— Хорошо искалъ! Мы ему кричимъ, а онъ повернулъ, да удирать! Насилу поймали!

— А ты поѣзди ночью въ гаолянѣ!—огрызался охотникъ.

Угомонивъ спорящихъ, Шура послѣ долгихъ распросовъ узналъ, наконецъ, что полкъ, т. е. штабъ полка, расположенъ былъ верстахъ въ четырехъ въ деревушкѣ, ротѣ же приказано выставить охраненіе и войти въ связь съ сосѣдними ротами.

— А гдѣ же адъютантъ?

— Остался сзади, должно съ версту... говорить, найди роту, здѣсь должна быть, а какъ ее тутъ найдешь?

Солдаты хотя давно уже знали, что ночью придется имъ стоять въ охраненіи, только теперь какъ будто поняли, что не придется имъ спать и что не будетъ имъ ни чаю, ни хлѣба...

— Ну, ну, вы! Вамъ бы только жрать, да спать! а охранять кто васъ будетъ? Можетъ вамъ лакеевъ нанимать еще!—раздался зычный голосъ Макара Трофимовича.

Шура, которому страшно захотѣлось повидать своихъ товарищей, узнать почему и куда отступали, подѣлиться впечатлѣніями, раздраженно, сердясь неизвѣстно на кого, сталъ говорить охотнику, чтобы онъ доложилъ, что необходимо къ ротѣ прислать офицера, что капитанъ раненъ и т. п., но Макаръ Трофимовичъ, рѣшивъ, что говоритъ онъ глупости, рѣшительно перебилъ его.

— Доложи, что капитанъ раненъ. Пушай двуколка съ фельдшеромъ прїѣдетъ. А насчетъ охраненія доложи, что сейчасъ выставимъ мы двѣ заставы и пошлемъ для связи. Ты говоришь пятая рота гдѣ?—И Макарь Трофимовичъ сталъ подробно разспрашивать охотника, гдѣ пятая, гдѣ седьмая, гдѣ батальонъ и т. д.—А вы не извольте беспокоиться, ваше благородіе,—обратился онъ къ Шурѣ,—я сейчасъ разставлю заставы и посты... Пожалуйте, ваше благородіе, вотъ тутъ отдохните... Эй, дай шинели!..

Два солдата подхватили Шуру подъ руки и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-либо отвѣтить, осторожно усадили его на разосланныя шинели. Увлеченіе своимъ положеніемъ начальника роты такъ же быстро прошло, какъ и явилось, и Шура теперь яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ свое безсиліе и неумѣніе распоряжаться. Не могъ онъ еще понять и того, почему солдаты и самъ Макарь Трофимовичъ такъ ухаживаютъ за нимъ. Значить, онъ имъ сумѣлъ внушить уваженіе! и онъ тщательно сталъ припоминать, что было за день сдѣлано имъ тактичнаго и умнаго, но сколько онъ ни копался въ разныхъ мелочахъ, оказалось, что самый лучший его поступокъ заключался въ томъ, что онъ обругалъ Макара Трофимовича дуракомъ,—даже онъ самъ чувствовалъ, что этого было слишкомъ мало, чтобы внушить къ себѣ уваженіе.—„Нѣтъ, не гожусь я въ начальники“, думалъ онъ, но это была, такъ сказать, показная мысль, которою рисовался онъ самъ передъ собой, внутри же былъ почти увѣренъ, что раздастся голосъ, который опровергнетъ его. Но голоса никакого не раздавалось, за исключеніемъ голоса Макара Трофимовича, отдававшего свои приказанія шепотомъ (по уставу полагается въ охраненіи говорить въ полголоса), но такимъ грознымъ, что слышно его было на версту кругомъ.

— А всетаки безъ меня они не могутъ обойтись!— съ нѣкоторымъ злорадствомъ думалъ Шура,—и самъ Макарь Трофимовичъ не можетъ! Онъ даже обрадовался, когда я его обругалъ. Вообще, я совершенно напрасно волнуюсь и воображаю, что я почему-то хуже другихъ; офицеръ вовсе не слженъ бѣгать и разставлять посты, еще въ мирное время это имѣетъ смыслъ, но въ военное время, разъ что я подготовилъ своихъ солдатъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, я избавленъ отъ этой хлопотни,—старался онъ успокоить себя.

Онъ и не замѣтилъ, какъ солдаты, по приказанію фельдфебеля, вырыли то, что они назвали окопъ, хотя это былъ не окопъ вовсе, а просто большая яма въ родѣ погреба, сверху тщательно прикрытая гаолянномъ; въ углу въ специально вырытой ямкѣ разведенъ былъ костеръ, отчего въ погребѣ

этомъ можно было безопасно только лежать, иначе дымъ могъ задушить и выѣсть глаза. Солдаты пригласили Шуру туда и, опять подхвативъ подъ мышки, свели по ступенькамъ въ „окопъ“, гдѣ въ углу устроена была для него постель изъ шинелей и вещевого мѣшка вмѣсто подушки. За нимъ ухаживали, но заснуть не дали, такъ какъ за отсутствіемъ Макара Трофимовича нѣкому было обругать и успокоить ихъ. Особенно волновался наружный часовой. То и дѣло раздвигалъ онъ гаолянъ и, сыпя внизъ комки грязи, просовывалъ голову и шепталъ, — „ваше благородіе! кажись, японцы идутъ!“ Съ сильно бьющимся сердцемъ Шура вылѣзъ наверхъ. Луна уже взошла, но свѣтъ ея былъ таковъ, что кажется, лучше и не свѣтила бы она вовсе. Все кругомъ наполнено призраками, и когда часовой показываетъ куда-то, — „вонъ, ваше благородіе, что-то видать! вонъ!“ то всѣмъ кажется, что тамъ, въ указанномъ направленіи, дѣйствительно есть кто-то или что-то. Храбрѣе всѣхъ оказывается еврей Израильсонъ; онъ безъ ружья и даже безъ шапки бѣжитъ въ указанномъ направленіи. Минуты двѣ, три проходятъ въ тоскливомъ ожиданіи. Солдаты осторожно, стараясь не шумѣть, заряжаютъ винтовки. Знобитъ, по тѣлу бѣгаютъ мурашки, отъ напряженія и этого свѣта начинаютъ болѣть глаза. Несмотря на то, что возвращенія Израильсона всѣ ждуть, появляется онъ неожиданно, какъ будто онъ все время, пока бѣгалъ, былъ прозрачнымъ духомъ и воплотился лишь тогда, когда подошелъ вплотную къ ожидавшимъ его.

— Ничего нѣтъ, ваше благородіе, — докладываетъ онъ, произнося слова съ замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ.

Но едва люди успокоятся, опять кто-нибудь поднимаетъ тревогу. Вернулся солдатъ, посланный въ штабъ полка за двуколкой. Оказывается ни двуколки, ни лазаретной линейки нѣтъ, весь обозъ 1-го разряда куда-то затерялся и его ищутъ.

— Такъ что адъютантъ сказываютъ, чтобы носилки съ капитаномъ отправить въ штабъ полка, — добавляетъ онъ.

Солдаты не соглашаются съ этимъ, — зачѣмъ въ штабъ полка, если нѣтъ у нихъ тамъ ни доктора, ни линейки? Нѣкоторые пробуютъ доказать, что раненому будетъ тамъ спокойнѣе, но доводы ихъ большинствомъ признаются не заслуживающими вниманія, — „свой-то лучше присмотрять“, причемъ по адресу „писарिशекъ и конюховъ“ сыпятся нелепые комплименты. Во всякомъ случаѣ, необходимо подождать Макара Трофимовича, — на этомъ всѣ соглашаются и Шура, хотя никто его не спрашиваетъ, спѣшить выразить свое полное согласіе. Вернувшійся въ скоромъ времени Ма-

каръ Трофимовичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, крѣпко ругаетъ докторовъ, фельдшеровъ и всю „обозную безпардонную команду“. Окончивъ эту филиппику, сопровождавшуюся соответствующими жестами, онъ, ни мало не измѣняя себѣ, почтительнымъ, но твердымъ тономъ докладываетъ Шурѣ, что раненаго необходимо хоть до утра оставить при ротѣ.

— Да, да, я тоже такъ думаю, — отвѣтилъ Шура, думая на самомъ дѣлѣ о томъ, какъ позорно бѣжалъ онъ, бросивъ раненаго товарища и какъ до сихъ поръ онъ даже не подходилъ къ нему. Побѣдивъ въ себѣ стыдъ, Шура подошелъ къ гаоляновому шалашу, сооруженному заботливыми руками надъ носилками. Раненый лежалъ съ закрытыми глазами и слабо стоналъ. Шура чувствовалъ, что исполняетъ простую формальность, что этотъ лежавшій на носилкахъ умирающій человекъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ Карлушей, котораго можно было третировать, выпучивать и даже немножко любить. Какъ обратиться къ раненому? Имя и отчество его всѣми въ полку давно уже забыто, а Шура и не зналъ никогда, назвать же его теперь Карлушей было бы неприлично.

— Вы не спите? — наклонившись надъ носилками, спросилъ Шура, голосомъ выдавая себя.

— „Они“, ваше благородіе, ничего не слышатъ, — пожалуйста въ окопъ, сейчасъ чай заварять, — обратился къ нему Макарь Трофимовичъ, весьма недовольный этой сценой. „Сидѣлъ бы ты, пиголица, на своемъ мѣстѣ! тоже лѣзетъ!“ — думалъ онъ и впервые почувствовалъ злобу противъ слабого безтолковаго офицера, не сумѣвшаго подойти съ чистымъ сердцемъ даже ко всѣми любимому капитану.

Въ „окопѣ“ кипятилокъ былъ уже готовъ и шель разговоръ о чаѣ, котораго ни у кого не было. Вспомнили объ Олянчукѣ и о томъ, что въ офицерскомъ вьюкѣ долженъ былъ быть и чай, и сахаръ. Тутъ только Шура вспоминаетъ обстоятельства, при которыхъ Олянчукъ остался на позиціи. Ему съ осликомъ вовсе не слѣдовало быть на позиціи, но еще задолго до боя, несмотря на протесты Карлуши, Шура приказалъ денщику держаться возможно ближе къ ротѣ, считая своимъ долгомъ отучить его отъ трусости, въ которой онъ его подозревалъ. А потомъ забылъ заблаговременно удалить съ позиціи...

Шурѣ становится мучительно стыдно, но стыдно не передъ Олянчукомъ, быть можетъ погибшимъ, и во всякомъ случаѣ пострадавшимъ по его винѣ, а передъ солдатами, которые, конечно, знаютъ всю исторію и теперь, подъ предлогомъ чая и сахара, вспоминаютъ объ Олянчукѣ только для того, чтобы уколоть его, Шуру, — Шура въ этомъ совер-

шенно увѣренъ и потому поспѣшно поворачивается на другой бокъ и притворяется спящимъ.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ!.. — думалъ онъ, прислушиваясь къ разговору солдатъ.

Сердце его мучительно стучитъ, зубы сжаты до боли и нѣсколько ужасныхъ минутъ ждетъ онъ удара, но мало по малу убѣждается, что солдаты не только не упрекаютъ его ни въ чемъ, но даже соболѣзнуютъ ему.

Кто-то вспоминаетъ, что вмѣстѣ съ вещами „пропало пальто, очень хорошее пальто! есть на немъ дырочка, вѣроятно папиросой прожгли,—но еще очень хорошее, рублей десять взять можно“... О вещахъ этихъ дѣлаются всякія предположенія, кому онѣ достанутся,—солдату или офицеру?—„Извѣстно—офицеръ отберетъ“...—„Какъ отберетъ?—Это братъ не того!“—„Очень просто, дастъ полтинникъ и отберетъ, будто купилъ! Нешто офицерское пальто оставлять солдату!..“

Объ Оляничукъ говорили ровно постольку, поскольку это имѣло отношеніе къ вещамъ, но ни о немъ, ни о другихъ оставленныхъ на позиціи или въ гаолянѣ во время отступленія, не спрашивали и не говорили,—какъ будто ихъ никогда и не было въ ротѣ.

— Ну, нечего тутъ языки чесать!—прекратилъ разговоръ Макаръ Трофимовичъ, которому не понравился протестующій тонъ и самое предположеніе о неминуемомъ отобраніи пальто японскимъ офицеромъ у японскаго же солдата.— Говори, у кого чай есть.

— Должно быть у Прохорова есть.

Прохоровъ стоялъ наружнымъ часовымъ, но, внимательно прислушивался къ тому, что говорилось внизу въ землянкѣ, и потому сверху тотчасъ-же раздавался его голосъ.

— Разрѣшите сойти, господинъ фельдфебель, у меня чай есть.

— Иди сюда, а слѣдующій наверхъ!—приказалъ Макаръ Трофимовичъ.

Прохоровъ, сойдя внизъ, облегченно вздохнулъ и радостно оглядѣлъ всѣхъ,—наверху, видимо, было ему не очень весело. Вытащивъ изъ кармана разныя мелкія вещи, онъ сталъ медленно выворачивать самый карманъ и, наконецъ, высыпалъ въ пригоршню что-то,—повидимому, смѣсь крошекъ хлѣба, махорки и чая. Макаръ Трофимовичъ только покрутилъ носомъ, нюхнувъ эту смѣсь, но ничего не сказалъ и тщательно высыпалъ все въ котелокъ, который послѣ этого снова былъ поставленъ на огонь.

Черезъ нѣсколько минутъ Макаръ Трофимовичъ подаль Шурѣ кружку чая и высыпалъ на шинель горсть сухарей.

Кружка, сдѣланная изъ жестяной банки изъ подь мясныхъ интендантскихъ консервовъ, выглядѣла очень не аппетитно; „чай“ сильно отдавалъ табакомъ, но несмотря на это Шура, обжигая руки и губы, съ наслажденіемъ глоталъ горячую жидкость. Макаръ Трофимовичъ однимъ своимъ присутствіемъ сглаживалъ всѣ шероховатости, но когда онъ ушелъ наверхъ поить раненаго, Шура почувствовалъ себя неловко передъ солдатами.

— Отчего никто не пьетъ чай?—спросилъ онъ нерѣшительно.

Но солдаты, тѣснившіеся около костра, продолжали упорно смотрѣть въ огонь и торжественно молчали, никто даже не обернулся въ его сторону, какъ будто то, что онъ сказалъ, не заслуживало никакого вниманія. Выпивъ свой чай, Шура осторожно, стараясь не обратить на себя ничего вниманія, поставилъ на землю пустую кружку, но это тотчасъ же замѣтили и кружку стали наполнять второй разъ. Всѣ оживились, принимая живѣйшее участіе.—„Осторожно „не пролей“...—„Сдунь, смотри цѣлое бревно плыветъ!—Когда Шурѣ подали полную кружку, онъ снова спросилъ:—„Что-жъ никто не пьетъ чай?“ — „Пейте, ваше благородіе!—Кушайте на здоровье!“—отвѣтило сразу нѣсколько голосовъ, а молодой латышъ, безусый, вѣчно веселый юноша, по прозванію „мальчишка“, къ которому Шура чувствовалъ особенную симпатію, привѣтливо улыбнулся ему и крикнулъ.

— Мы безъ сахара ни чаю, ни кофею не пьемъ, ваше благородіе.

— А ты, мальчишка, кофе видѣлъ?

И посыпались обычныя остроты. „Мальчишка“ всегда умѣлъ отвѣтить находчиво и дерзко, даже самому Макару Трофимовичу, который дѣлалъ ему нѣкоторое послабленіе и даже позволялъ слегка „разсосуливать“, т. е. вступать въ споры, что безусловно воспрещалось всѣмъ другимъ солдатамъ роты.

Солдаты шумно болтали, смѣялись, не обращая на Шуру никакого вниманія, отчего тому стало легче и онъ спокойно допилъ вторую кружку.

Вернулся Макаръ Трофимовичъ.

— Ну, сколько васъ тутъ? Пять что ли?.. Раненыхъ-то пять человѣкъ?..

Раненыхъ дѣйствительно было пять человѣкъ, всѣ своей роты и всѣ ранены легко уже во время отступленія, приставшіе же раненые другихъ частей не остались при ротѣ, а ушли куда-то въ темноту искать пріюта, за исключеніемъ одного стрѣлка, который отъ чая отказался. Макаръ Трофи-

мовичъ критически посмотрѣлъ въ котелокъ и хотя ничего не сказалъ, а только вздохнулъ, но въ этомъ вздохѣ Шурѣ почудился упрекъ за вторую кружку и онъ весь вспыхнулъ, чего къ счастью для него никто не видѣлъ, такъ какъ костеръ догоралъ и въ дымной землянкѣ было достаточно темно.

— Что-жъ, по поль-кружки на брата хватить! Разбейте ребята!—приказалъ Макаръ Трофимовичъ.

Раненые, покрывавая, протискивались впередъ къ огню, остальные съ грубымъ добродушіемъ шутили и помогали имъ.

Раздѣлить чай поровну взялъ на себя Красноперовъ, барабанщикъ и загввало.

— Макаръ Трофимовичъ, тутъ и вамъ хватить,—нерѣшительно сказалъ онъ.

— Лакайте, лакайте!—грубо отвѣтилъ тотъ, повидимому, всецѣло поглощенный скручиваніемъ палиросы.

Красноперовъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ и осторожно сталъ добавлять въ каждую кружку, а затѣмъ поднесъ котелокъ ко рту и однимъ глоткомъ выпилъ остатокъ. Когда онъ съ шумомъ поставилъ котелокъ на землю, торжественная тишина, царившая въ землянкѣ во время дѣлежа, была нарушена цѣлымъ взрывомъ шутокъ и остротъ; всѣ казались такими веселыми и удовлетворенными, какъ будто каждый выпилъ, по крайней мѣрѣ, по кружкѣ.

IX.

Видѣть этихъ непринужденно и весело болтавшихъ людей, сознавать себя неспособнымъ принять участіе въ ихъ бесѣдѣ было для Шуры невыносимо тяжело, тяжело тѣмъ болѣе, что смутно онъ сознавалъ, что простыхъ и ясныхъ словъ, нужныхъ для разговора съ этими людьми, онъ не находилъ не потому, что не было ихъ у него въ головѣ, а не было ихъ у него на сердцѣ. Вѣдь умѣлъ же онъ говорить съ солдатами и не такъ давно! Еще кадетомъ старшаго класса прѣбжалъ онъ къ отцу на каникулы и тогда конфузился и избѣгалъ общества офицеровъ, а дружилъ съ солдатами, особенно съ конюхами нестроевой роты, гдѣ часто бралъ лошадей и въ то время находилъ о чемъ поговорить, находилъ слова, а теперь чувствовалъ себя такимъ далекимъ и чужимъ этимъ же солдатамъ, какъ будто явился онъ изъ другого міра.

Шура всталъ и потихонько, никого не тревожа, вышелъ изъ землянки. Солдаты, казалось, не обращали на него ни-

какого вниманія, но когда онъ скрылся барабанщикъ Красноперовъ насмѣшливо подмигнулъ ему вслѣдъ и разразился хохотомъ, другіе солдаты тоже чему-то засмѣялись.

—Ну-ну!—крикнулъ на нихъ Макаръ Трофимовичъ.

Солдаты притихли и настроеніе нѣсколько приподнятое сразу упало. Красноперовъ задумчиво шевелилъ палкой догоравшій костеръ.

— А что, ребята, теперь значить до Харбина?—тихо спросилъ онъ.

Никто ему не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, до Харбина еще рано, сказываютъ еще въ Тъелинѣ позиція, окопы уже готовы,—послѣ минутной паузы сказалъ онъ также тихо, про себя.

Хохоль, тотъ самый, который во время отступленія швырнулъ винтовку и все время сидѣлъ поодаль отъ другихъ и угрюмо молчалъ, поднялъ голову.

— Чого вони хотять?—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ въ голосъ.—Дома жинка и диты безъ хлѣба сидять, а они мене тутъ голову морочуть!...

— Ты у меня разсуждай, чортовъ хвостъ!—злобно вскрикнулъ на него фельдфебель.

Хохоль, фамилія котораго была дѣйствительно Хвостъ, обидѣлся.

-- Ще я и не разсуждать долженъ! А кому же и разсуждать, якъ у начальства не хвата уже. Кажуть, положи душу свою за виру, царя и отечество,—пускай такъ!.. виру нашей никто не трогалъ, царь войны не хотивъ, тай никто ее не хотивъ, а яке же це мнѣ отечество? Самый кавельянъ да чумиза!.. Ось насъ и бьютъ!..

Макару Трофимовичу очень не понравились эти разсужденія, и онъ уже собрался было примѣнить самыя строгія мѣры, дабы обуздать этого хохла, котораго мысленно уже назвалъ бунтовщикомъ, но въ разговоръ неожиданно вмѣшался самый старшій по годамъ солдатъ, унтеръ-офицеръ изъ запасныхъ, по прозванію „Дядя Монахъ“.

„Дядю Монаха“ недавно только *пригнали*, какъ выражались солдаты, изъ Россіи, но онъ уже завоевалъ себѣ положеніе въ ротѣ и хотя не командовалъ взводомъ, а стоялъ въ ряду, къ нему относились съ большимъ уваженіемъ и слушались, такъ какъ службу онъ дѣйствительно любилъ и зналъ хорошо, но несчастіе его жизни заключалось въ томъ, что онъ слишкомъ твердо усвоилъ себѣ солдатскій катехизисъ, который подъ названіемъ „словесности“ преподается молодымъ солдатамъ. Онъ считалъ всякаго солдата стоящимъ неизмѣримо выше всякаго „вольнаго“, но солдатъ лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка, — онъ отбывалъ

воинскую повинность въ этомъ полку, — стоялъ превыше всѣхъ; съ этой гренадерской точки зрѣнія трактовалъ онъ все окружающее и потому, естественно, нигдѣ ужиться не могъ, былъ даже послушникомъ въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ его первое время очень цѣнили за исполнительность и суровость, но и оттуда пришлось уйти. Теперь, попавъ по мобилизаціи въ простой пѣхотный полкъ, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ достоинствѣ, ругалъ всѣхъ, смѣялся надъ всѣми и даже съ Макаромъ Трофимовичемъ пикировался, намекая на то, что ему, гренадеру, не пристало подчиняться какому-то „пѣхотному“ фельдфебелю. Макаръ Трофимовичъ боялся „Монаха“, такъ какъ видѣлъ, что положиться на этого человѣка было никакъ нельзя, а вліяніе на болѣе молодыхъ солдатъ онъ имѣлъ и вліяніе вредное. Вся эта война, такъ какъ въ ней не принимали участія кавказскіе гренадеры, была, по его мнѣнію „плевымъ, ничего не стоящимъ дѣломъ“. Съ этой точки зрѣнія онъ и объяснялъ солдатамъ происходящія событія. Разбили гдѣ-то дивизію, уничтожили полкъ, но какой?—простой пѣхотный полкъ, о которомъ, конечно, не стоило серьезно говорить!—„Нешто это полкъ! ты, братъ, настоящихъ полковъ еще не видалъ!“—вразумлялъ онъ какого-нибудь солдатика своей роты.

Разсужденія хохла о жинкѣ и дѣтяхъ не понравились „Монаху“, но онъ въ пику фельдфебелю рѣшилъ поддержать его.

— Это ты вѣрно, Игнать, — сказалъ онъ, подчеркивая своимъ обращеніемъ по имени грубость фельдфебеля.—Что вѣрно то вѣрно! Царь войны не хотѣлъ! Кабы онъ въ сурьезъ воевать хотѣлъ, то прислалъ бы сюда гвардію, али гренадеръ, а не пѣхоту всякую...

Макара Трофимовича скорчило отъ этихъ словъ.

— Что ты зря болтаешь! старый солдатъ, — постыдился бы! Развѣ не все равно,—что гренадеры, что пѣхота?

— Все равно?.. По твоему значить, что гвардія, что лейбъ-гренадеры, что пѣхота, то все равно!.. Нѣтъ, братъ, это шалишь! Потому-то и не присылаютъ сюда эти полки, что они для серьезнаго дѣла нужны, а сюда такъ... мужиковъ нагнали, чтобъ не баловались зря по деревнямъ!.. Кабы были здѣсь гренадеры, нешто стали бы они отступать?

— Чѣмъ же гренадеры лучше другихъ полковъ? Народъ тотъ же, присяга та же, уставъ тотъ же, генералы тѣ же! Кабы были здѣсь гренадеры, то и гренадеры отступили бы, потому давить „онъ“! а тѣмъ болѣе, что у „него“ все въ аккуратѣ, а у насъ что? Хотя бы нашъ бригадный,—пьянчуга, сидитъ и пьетъ, ему и горя мало! — съ горечью говорилъ Макаръ Трофимовичъ.

Этимъ невольнымъ признаніемъ нашихъ недостатковъ, Макаръ Трофимовичъ сразу сбиль съ позиціи „Монаха“ и завоевалъ сочувствіе всѣхъ слушателей. У японца все въ аккуратѣ! Развѣ это не такъ? не говоря уже объ аммуниціи, но на простыхъ солдатахъ находили такія вещи, какъ бинокль и компасъ!.. Говорили всѣ сразу, каждый вспоминалъ свои обиды. Вдругъ поднялся лежавшій въ углу солдатъ стрѣлокъ, приставшій къ ротѣ во время отступленія. Стрѣлокъ былъ раненъ въ грудь и въ ногу, кромѣ того имѣлъ онъ уже георгіевскій крестъ за Вафангоусскій бой; поэтому Макаръ Трофимовичъ, не въ примѣръ прочимъ, разрѣшилъ ему остаться при ротѣ.

— Вотъ, братцы, почитайте, что японецъ пишетъ,—сказалъ онъ, протягивая бумажку.

— Это что? Откуда?—съ безпокойствомъ спросилъ Макаръ Трофимовичъ.

— Въ окопы намъ ночью набросали... много было, да офицеры отбирали,—отвѣтилъ стрѣлокъ, укладываясь въ своемъ углу.

Макару Трофимовичу хотѣлось и самому отобрать бумажку, но сдѣлать это онъ не посмѣлъ. Бумажкой (это была японская прокламація печатанная на гектографѣ) завладѣлъ „Дядя Монахъ“, чувствовавшій необходимость реабилитировать себя въ глазахъ товарищей.

„Русскіе солдаты!—началъ онъ читать.—Вы храбрые и честные люди, и мы не хотимъ васъ убивать, намъ непріятно драться съ вами, но политика вашего правительства вынуждаетъ насъ взяться за оружіе. Русское правительство систематически нападаетъ на сосѣдей и обижаетъ ихъ. Оно угнетаетъ народъ въ Польшѣ, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Финляндіи; оно посылаетъ туда свои войска и заставляетъ ихъ проливать кровь свою и чужую. Теперь русскіе вошли въ Манчжурію. Что, имъ здѣсь нужно? Земля? Но земля здѣсь вся занята, а у русскаго народа и своей земли довольно, но крестьяне не могутъ ею пользоваться, потому что ихъ обижаютъ чиновники и дворяне, но развѣ крестьяне китайскіе и японскіе виноваты въ этомъ? Развѣ крестьянамъ китайцамъ и японцамъ легко живется?.. За что же хотите вы теперь воевать съ нами? Русскіе солдаты,—знайте что правительство ваше обманываетъ васъ, оно посылаетъ васъ на неправую, нехорошую войну, посылаетъ васъ на вѣрную гибель, потому-то, знайте, ничто васъ не спасетъ! Совѣтуемъ вамъ уходите скорѣе изъ Манчжуріи и не оказывайте безполезнаго сопротивленія солдатамъ Страны Восходящаго Солнца“...

Сотни, тысячи такихъ прокламацій разбрасывались на

русскихъ позиціяхъ, но онѣ обыкновенно не производили желаемого эффекта, ихъ напыщенный, самоувѣренный тонъ иногда даже раздражалъ солдатъ, но эта прокламація была лучше написана и читалась въ такой моментъ, когда она не могла не произвести впечатлѣнія.

— Ну и сволочь же народъ, эти китаезы!—воскликнулъ одинъ изъ слушателей, нарушивъ тишину воцарившуюся послѣ чтенія прокламаціи.

— Дуракъ! Нешто это китаецъ пишетъ? Это японецъ пишетъ! А ты, китаезы!.. Эхъ, ты!..—раздалось съ разныхъ сторонъ.

— А я такъ думаю,—сконфуженно забормоталъ солдатикъ,—японецъ такимъ дѣломъ не станетъ заниматься, зачѣмъ ему писать? А все онъ, стерва!.. и нашимъ, и вашимъ!.. И вы, дескать, хорошіе люди, и японцы, а что ему надоть и не разберешь!..

— Не разберешь!.. тетѣха!.. Онъ дѣло пишетъ!.. Противъ солнца, говоритъ, противъ правды воюй—не воюй,—ничего не подѣлаешь! Вотъ что онъ пишетъ... Молчалъ бы ужъ, коли Богъ обидѣлъ!..

Всѣ, казалось, были обижены за авторовъ прокламаціи и ругали бѣднаго солдатика такъ, что онъ даже отодвинулся отъ костра вглубь. Каждый комментировалъ прокламацію по своему.

— У него есть гвардія, вотъ онъ и куражится,—говорилъ „Монахъ“.

— Значить съ восхода солнца начнеть опять бить,—сказалъ Красноперовъ, и среди многихъ другихъ соображеній это, какъ относившееся непосредственно къ текущему моменту, показалось наиболѣе интереснымъ.—Сейчасъ бить начнеть, это вѣрно, уже свѣтаетъ...

— Вы тутъ тише, а я на заставы пройду,—поднимаясь сказалъ Макаръ Трофимовичъ.

Наверху, дѣйствительно, уже свѣтало. Было сыро и вѣтренно. Тутъ же передъ землянкой взадъ и впередъ бѣгалъ Шура. Онъ весь скорчился и дрожалъ отъ холода; китель на немъ смялся, боевой ремень съ револьверомъ отвисъ почти до колѣнъ, пашка безпомощно болталась, заплетаясь въ ногахъ, и Шура, заложивъ руки въ рукава, локтемъ поправлялъ ее, раскачиваясь при этомъ самымъ нелѣпымъ образомъ всѣмъ туловищемъ и не догадываясь сдѣлать это рукой,—ему было не до пашки: нахлобучивъ фуражку на самыя уши и низко опустивъ голову, онъ быстро шагаль, не замѣчая, не видя окружающаго, не чувствуя даже самого себя. Первою мыслью Макара Трофимовича было предложить ему шинель, и онъ сдѣлалъ навстрѣчу нѣсколько ша-

говъ, но остановился, пропустилъ Шуру мимо, посмотрѣлъ вслѣдъ и, злобно плюнувъ, пошелъ прямо по дорогѣ на заставу.

— Э-э! Чортъ васъ всѣхъ возьми! Нячись еще съ вами! Много васъ тутъ!—И долго еще Макаръ Трофимовичъ ругалъ про себя какихъ-то, въ ихъ числѣ и Шуру. А Шура продолжалъ бѣгать, не подозрѣвая того, что его видѣлъ Макаръ Трофимовичъ, что наружный часовой уже давно съ недоумѣніемъ наблюдаетъ за нимъ.

Шура чувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ среди этихъ гаоляновыхъ полей и это чувство, сознание того, что онъ самостоятельно исполняетъ какую-то роль, несетъ отвѣтственность за цѣлую роту, заставляли сердце его трепетать отъ гордости и страха. Онъ строилъ десятки плановъ; то онъ съ ротой пробивается къ Портъ-Артуру, то идетъ въ Корею; то онъ умираетъ, то израненный остается жить и т. д., и т. д., но при всѣхъ этихъ комбинаціяхъ людей убивалъ онъ безпощадно тысячами, десятками тысячъ, и своихъ, и чужихъ. Сначала онъ удовлетворялся голыми цифрами, — убито столько-то, но скоро эти человѣческія гекатомбы не давали уже того ощущенія, почти сладострастнаго, котораго онъ искалъ; пришлось цифры замѣнить лицами и, конечно, знакомыми. Умиралъ Макаръ Трофимовичъ, умиралъ мучительной, но геройской смертью, до конца сражаясь съ врагомъ и въ послѣднюю минуту онъ вдругъ начиналъ понимать, какъ неправъ былъ онъ по отношенію къ Шурѣ. Умирали по очереди всѣ знакомые и товарищи, и всѣ при жизни были виноваты передъ Шурой и умирая мучились сознаниемъ своей неправоты; нѣкоторые успѣвали примириться съ Шурой, другіе нѣтъ; нѣкоторые умирали, потомъ воскресали для того, чтобы умереть еще разъ смертью еще болѣе мучительной и страшной, а нѣкоторыхъ Шура продолжалъ мучить уже послѣ смерти, гдѣ-то въ загробномъ мірѣ. Такъ не замѣтилъ онъ, что начало уже свѣтать и, случайно взглянувъ на востокъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что изъ-за причудливо-ломаной линіи горизонта уже выглядывало краешкомъ солнце. Шура какъ будто проснулся послѣ тяжелаго сна и съ трудомъ, съ усиленіемъ возвращался къ дѣйствительности, но первую его мыслью было, — „значить, сейчасъ начнется“!.. Что начнется, онъ ясно не представлялъ себѣ, но что-то страшное. Кругомъ все во мглѣ, все еще спитъ, жаждетъ отдыха, жаждетъ забвенія; ужасы вчерашняго дня утомили всѣхъ и никто, ничто не хочетъ просыпаться, но чудовище на востокѣ уже проснулось и можно было простымъ глазомъ видѣть, какъ медленно, но неуклонно, властно раздвигая мглу, выльзаетъ изъ-за горъ огненный шаръ, —

то былъ налитый кровью, пылавшій ненавистью глазъ чудовища, то было само чудовище, выползавшее изъ своего логовища, чтобы искать и найти враговъ своихъ. Глазъ выкатывался, все больше и больше наливаясь кровью, все сильнѣе загорааясь ослѣпительной, беспощадной ненавистью, и все кругомъ, каждый изъ этихъ тысячъ широкихъ, плоскихъ галяновыхъ листьевъ, какъ только прикасался къ нему лучъ свѣта, страхивалъ съ себя сонъ, дремоту, пробуждался для ненависти и борьбы съ дерзкими пришельцами, нарушителями покоя этой страны.

Чудовище дышало! Шура чувствовалъ это смертоносное дыханіе, неуловимо-тонкое, но острое какъ бритва, пронизывающее насквозь, отъ него леденѣли мозги, замирало сердце и каждый мускулъ прыгалъ мелко, часто... Помытый, съ воспаленными глазами и воспаленнымъ мозгомъ, трепеща всѣми мускулами и отбивая дробь зубами, Шура былъ жалокъ, по самому себѣ казался сильнымъ, здоровымъ, готовымъ на все.

— Пусть, пусть такъ! Всѣ противъ насъ, но мы не боимся!—злбно шепталъ онъ, грозя кулакомъ на востокъ.— Мы умремъ здѣсь, но не уйдемъ, не сдадимся!..—и острое желаніе умереть немедленно, вотъ сейчасъ, на зло врагу, такъ охватило его, что былъ онъ способенъ въ эту минуту даже на самоубійство.

Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздались одинокіе, давно, давно знакомые звуки,—какъ будто на зарѣ, привѣтствуя восходящее солнце, забилъ перепелъ самецъ,—то былъ звукъ японской винтовки: та-тахъ! та-тахъ!.. и тотчасъ же въ разныхъ мѣстахъ отозвались на этотъ призывъ: та-тахъ! та-тахъ!—„Всѣ ли на мѣстѣ? всѣ ли готовы?“—спрашивали одни.—„Всѣ на мѣстѣ! Всѣ готовы!“—увѣренно отвѣчали другіе.

Бодро и весело перекликались между собой таинственные враги, было очевидно, что за ночь они отлично выспались, отдохнули, поѣли... Съ растерянными, встревоженными лицами выскочили изъ землянки и суетились солдаты. По дорогѣ бѣжалъ Макаръ Трофимовичъ и кричалъ:—„въ ружье“!..

— Ваше благородіе,—запыхавшись отъ быстрого бѣга, докладывалъ онъ Шурѣ,—„ихъ“ густая цѣпь идетъ, заставы наши уже отступаютъ... Намъ бы тоже цѣпь выслать...

— Да, это необходимо... я тоже такъ думаю—отвѣтилъ Шура, занятый исключительно тѣмъ, что онъ вдругъ, сразу почувствовалъ сильнѣйшее разстройство желудка. Нужно было побѣдить себя во что бы то ни стало. Отъ волненія и

напряженія онъ побѣлѣлъ и капли холоднаго пота выступили на лбу.

— Господи, за что Ты со мной такъ поступаешь!—мысленно воскликнулъ Шура, съ ужасомъ чувствуя, что ему уже трудно стоять на ногахъ.

— Ваше благородіе, поручикъ Бѣлогорскій ѣдутъ,—должилъ Красноперовъ.

Шура оглянулся. Съ сѣвера по дорогѣ крупной рысью ѣхалъ офицеръ въ сопровожденіи коннаго охотника. Офицеръ былъ высокаго роста и на своей китайской лошади сидѣлъ такъ, что колѣни его были подняты чуть не выше холки и онъ, чтобы сохранить равновѣсіе, непрерывно работалъ локтями какъ крыльями. Такая ѣзда привела его въ самое скверное расположеніе духа и потому, подѣхавъ къ ротѣ и соскочивъ на землю, онъ прежде всего выругалъ охотника.

— Возьми, подлецъ, свою лошадь и убирайся ко всѣмъ чертямъ!.. А я пріѣхалъ по приказанію вашего батюшки получать роту,—обратился онъ къ Шурѣ. —А вы что? Больны?.. Если больны, можете убираться на всѣ четыре стороны... впрочемъ и такъ можете ѣхать... Кстати васъ кажется батька хочетъ видѣть... поговорить...—добавилъ онъ улыбаясь и обнажая свои заплеснѣвшіе зубы.

Шура ненавидѣлъ этого поручика за грубость и за то, что тотъ не скрывалъ своего презрѣнія и нелюбви къ нему. Такъ начали они относиться другъ къ другу съ первой же встрѣчи. Теперь, увидѣвъ этого человека, Шура почувствовалъ приливъ острой къ нему ненависти и подъ вліяніемъ этого чувства выльчился отъ своихъ страховъ.

— Да, я боленъ... я простудился...—злобно отвѣтилъ онъ,

— Ну, и убирайтесь!.. А ты что, старый песь!—заоралъ поручикъ на Макара Трофимовича.—Почему капитана не отправили въ штабъ полка, какъ было приказано?.. Я вамъ тутъ покажу, мерзавцы!.. Я васъ научу...

— Это я распорядился... онъ здѣсь не при чемъ, — сказалъ Шура.

— Даже распорядились!.. Ну, ладно, посмотримъ... поѣзжайте, поѣзжайте въ штабъ...—угрожающимъ тономъ отвѣтилъ поручикъ, взбѣшенный вмѣшательствомъ Шуры.— Охотникъ! Подай подпоручику лошадь и проводи ихъ въ штабъ полка.

Шура безъ дальнѣйшихъ разговоровъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ. Вспомнилъ было о Карлусѣ, но рѣшилъ, что и безъ него обойдутся и распорядятся, и задумался надъ тѣмъ, что Бѣлогорскій ему, очевидно, чѣмъ то угрожалъ. Чѣмъ?

Шура чувствовалъ за собой столько всякихъ грѣховъ, что достаточно было одного намека, чтобы заставить его мучиться, терзаться сомнѣніями. Такъ было и теперь, хотя онъ долго не могъ понять, на что намекалъ Бѣлогорскій и только, когда подѣзжалъ онъ къ деревнѣ, въ которой долженъ былъ быть штабъ полка, вспомнилъ онъ о вчерашнемъ своемъ разговорѣ съ отцомъ.

X.

Михаилъ Павловичъ, получивъ приказаніе отступать, подумалъ сначала, что это недоразумѣніе, а быть можетъ даже мистификація, такъ мало допускалъ онъ возможность отступленія, но тутъ же пришлось ему убѣдиться, что никакого недоразумѣнія въ приказаніи этомъ нѣтъ, и армія, дѣйствительно, готовится къ отступленію. Солдаты и офицеры его полка, также какъ солдаты и офицеры другихъ полковъ, первый моментъ не хотѣли, не могли вѣрить отступленію, но когда они увидѣли, что войска уже начали очищать позицію, они не только примирились съ этимъ фактомъ, но тотчасъ же усвоили идею необходимости этого отступленія. Оказалось, что у каждого гдѣ-то глубоко внутри копошилось нехорошее чувство, которое теперь и вырвалось наружу,—чувство это было недовѣріе къ своимъ силамъ, недовѣріе къ своимъ начальникамъ и было оно настолько сильно, что достаточно было толчка, чтобы оно выразилось въ болѣе или менѣе рѣзкихъ формахъ. Предполагали самое худшее, вѣрили всякому слуху, самому вздорному.

Передъ Михаиломъ Павловичемъ встала труднѣйшая задача,—успокоить солдатъ и вывести полкъ въ порядкѣ; на этомъ и сосредоточилъ онъ все свое вниманіе и потому думать о причинахъ отступленія было ему некогда. Но къ часу ночи, несмотря на то, что движеніе совершалось въ темнотѣ и нѣкоторыя роты сбились съ дороги и заблудились, онъ получилъ свѣдѣнія о всѣхъ ротахъ и увидѣлъ, что задача поставленная себѣ была выполнена имъ хорошо. Приблизительно въ это же время получилъ онъ приказаніе, съ разсвѣтомъ свернуться и форсированнымъ маршемъ идти къ станціи Янтай, гдѣ въ то время была ставка командующаго арміей. Теперь, по привычкѣ своей быть во всемъ аккуратнымъ, Михаилъ Павловичъ считалъ необходимымъ заснуть, чтобы утромъ быть бодрымъ и свѣжимъ, но убѣдившись, что заснуть ему не удастся, онъ всталъ съ кана, на который было прилежъ, и отправился гулять по деревнѣ, въ которой расположены были первый батальонъ и штабъ полка.

Во дворѣ у денежнаго ящика увидѣлъ онъ свой фонарь, замѣнявшій ночью флагъ; на другомъ концѣ деревни виденъ былъ еще одинъ фонарь, но больше въ цѣлой деревнѣ ни одного огня,—деревня несмотря на то, что собралось въ ней чужихъ людей болѣе тысячи человекъ, была погружена въ полную темноту и если могла показаться подозрительной, то именно тѣмъ, что кругомъ было слишкомъ тихо, слишкомъ темно,—даже собакъ не было слышно, такъ какъ всѣ онѣ были выгнаны въ поле или просто перебиты. У каждыхъ воротъ стояли дневальные съ оружіемъ и нѣскольکو разъ Михаила Павловича грубо хватали за плечо, а одинъ напуганный темнотой и одиночествомъ солдатикъ чуть не ударилъ его штыкомъ.

Михаилу Павловичу и пріятно, и непріятно было видѣть этотъ порядокъ кругомъ. Съ одной стороны, онъ убѣждался, что работа его не пропала даромъ, полкъ научился быть въ походѣ и солдаты сами безъ всякихъ приказаній принимали всѣ нужныя мѣры предосторожности; съ другой стороны, непріятно было видѣть солдатъ столь предусмотрительными, тѣмъ болѣе, что съ вечера было отдано приказаніе офицерамъ не настаивать на слишкомъ строгихъ мѣрахъ охраненія,—этимъ Михаилъ Павловичъ хотѣлъ показать, что непріятеля считаетъ онъ безвреднымъ и обезсиленнымъ, какъ онъ и предполагалъ на самомъ дѣлѣ.

— Ясное дѣло, — съ неудовольствіемъ думалъ Старшовъ,—этими непрерывными отступленіями въ солдатахъ воспитывается страхъ передъ врагомъ и, еще хуже,—недовѣріе къ своему начальству,—вѣдь это они меня направляютъ...

Чѣмъ больше думалъ онъ объ этихъ „безпрерывныхъ отступленіяхъ“ тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что „Куропаткинъ преступникъ, а быть можетъ даже измѣнникъ“... Онъ припоминалъ извѣстные ему изъ военной исторіи случаи измѣны, сравнивалъ и приходилъ къ тому заключенію, что въ дѣйствіяхъ Куропаткина несомнѣнно можно усмотрѣть признаки злостнаго намѣренія убить русскую армію, и убить самымъ ужаснымъ образомъ,—морально.

Такого рода соображенія и подозрѣнія довольно часто приходили ему въ голову, особенно послѣднее время, послѣднія пять-шесть лѣтъ. Каждый разъ когда его обходили и оскорбляли, онъ начиналъ анализировать условія, въ которыхъ приходилось ему жить и работать, и каждый разъ приходилъ къ тому, что условія эти изъ рукъ вонъ ненормальны, что все растущія требованія и претензіи вышшаго начальства, основанныя исключительно на самодурствѣ или оригинальничаніи, обиды чинимыя ему, отличному офи-

церу, не могутъ быть объяснены даже глупостью, а несомнѣнно имѣютъ причины болѣе глубокия; но тутъ-то, т. е. когда начиналъ онъ, по его мнѣнію, углублять вопросъ, сказывался присущій его уму недостатокъ,—неумѣніе обобщать факты и наблюденія и въ результатъ онъ не *углублялъ* вопроса, а заплывалъ въ грязную лужу мелкихъ личныхъ счетовъ и здѣсь барахтался, невольно пачкая себя и не замѣчая этого. Онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ и другихъ, менѣе тяжелыхъ преступленійхъ по очереди всѣхъ своихъ начальниковъ; даже знаменитый Драгомировъ казался ему подозрительнымъ, такъ какъ *самоопатываніе* называлъ *самоокакиваніемъ*, полевую фортификацію знать не хотѣлъ и требовалъ, чтобы въ атаку войска ходили открыто, ни въ коемъ случаѣ не смѣли бы прятаться въ складкахъ мѣстности, училъ вѣрить только штыку и глумился надъ *огнепоклонниками*,—офицерами, которые, какъ Михаилъ Павловичъ, придавали большое значеніе современному ружейному огню. Зависимость тактики отъ ружейнаго огня была такъ очевидна, что Михаилъ Павловичъ не могъ вѣрить, чтобы Драгомировъ не понималъ этого,—приходилось, значить, допустить умыселъ и очевидно злостный, и Михаилъ Павловичъ допускалъ его.

На Куропаткина, военнаго министра, Михаилъ Павловичъ былъ уже давно недоволенъ: тотъ какъ-то обидѣлъ его невниманіемъ; съ началомъ войны онъ, сознавъ, что судьбы ихъ отнынѣ связаны, примирился съ нимъ, но мало по малу прежнее недовольство и недоувѣріе просыпались въ немъ. Онъ видѣлъ, что Куропаткинъ своею тактикой отступленій исправляетъ сдѣланную дипломатами ошибку, основанную на неправильномъ расчетѣ силъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства микадо, и что никакимъ другимъ способомъ исправить эту ошибку нельзя, такъ какъ государственные люди, втянувшіе Россію въ эту войну, признаться въ своемъ полнѣйшемъ невѣжествѣ добровольно не хотѣли.

Старшовъ настолько хорошо понималъ это, что какъ-то, собравъ офицеровъ, говорилъ имъ:

— Господа, въ арміи недовольны Куропаткинѣмъ. Не довольны тѣмъ, что, вмѣсто движенія въ Корею, войска наши отступаютъ все дальше на сѣверъ. Такъ дѣло обстоитъ въ стратегіи. Въ тактикѣ еще того хуже, — оборонительному оружію дано предпочтеніе передъ наступательнымъ, и даже при сборонѣ оборона пассивная предпочитается оборонѣ активной. Отсюда недовольство. Но я думаю, господа, что, критикуя Куропаткина, мы упускаемъ изъ вида ошибку, сдѣланную нашими дипломатами. Мы уже теперь, хотя ком-

панія только началась, видимъ, какъ неправильно опредѣлено было соотношеніе силъ на Дальнемъ Востокѣ и видимъ, что Куропаткину удалось внести нѣкоторую поправку. Объективныя свойства этой ошибки, сдѣланной въ политикѣ, таковы, что она цѣликомъ переходитъ въ стратегію, такъ какъ стратегія есть продолженіе политики. Но этого мало! Ошибка эта является слѣдствіемъ полнѣйшей безпринципности нашей политики на Дальнемъ Востокѣ, это ея субъективное свойство, и, какъ таковая, она переходитъ въ тактику, она отражается на духѣ войскъ, а тактика, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ дѣло прежде всего съ человѣкомъ. Поэтому я думаю, господа, что намъ остается только слѣпо вѣрить Куропаткину, его генію.

Говоря такъ, Михаилъ Павловичъ неправильно предполагалъ, будто офицеры и солдаты недовольны Куропаткинѣмъ,—недовольства этого не было, ругали все и всѣхъ, но только не Куропаткина; самъ же Старшовъ, хотя и говорилъ умныя вещи объ объективныхъ и субъективныхъ свойствахъ ошибки, сдѣланной дипломатами, Куропаткинѣмъ, дѣйствительно, былъ недоволенъ и это свое недовольство навязывалъ другимъ; недовольство же возникло и росло по мѣрѣ того, какъ честолюбивыя мечты его разлетались передъ суровой дѣйствительностью. Отступленіе отъ Ляояна разбило всѣ планы Старшова и потому, естественно, поведеніе Куропаткина представлялось ему болѣе чѣмъ подозрительнымъ. Думая объ этомъ, Михаилъ Павловичъ, конечно, исходилъ изъ пользы и нужды государственныхъ; отступленіе это было преступно, такъ какъ вредило какому-то большому, общему дѣлу, но сюда же Михаилъ Павловичъ не могъ не пристегнуть соображеній личнаго характера.

— Интересно знать, — думалъ онъ, — что Куропаткинъ скажетъ о моей атакѣ? Чтобы тамъ ни было, но полкъ отличился!.. Полкъ не виноватъ въ томъ, что ему вздумалось отступать! Полку до этого отступленія нѣтъ никакого дѣла, — онъ свою задачу выполнилъ блестяще и можетъ требовать награды!.. Я, по крайней мѣрѣ, не могу отказать своимъ офицерамъ, я буду требовать для нихъ!

О себѣ Михаилъ Павловичъ не думалъ, вѣрнѣе—ему казалось, что не думалъ, хотя, очевидно, если будетъ признано, что полкъ отличился, тѣмъ самымъ будетъ отличенъ и командиръ его. Михаилъ Павловичъ сознавалъ, что за полкомъ, т. е., за нимъ, никакихъ заслугъ, требующихъ особаго отличія не оставалось,—это естественно вытекало изъ положенія созданнаго отступленіемъ арміи,—кому нужны герои, разъ что не было побѣдъ?—„Герои безъ побѣдъ! Это даже комично!“ — эту именно фразу сказалъ себѣ Михаилъ Павловичъ.

но тутъ же прибавилъ, — „тѣмъ хуже для него!“ т.-е. для Куропаткина. — „Армія вела себя геройски, а онъ струсилъ, — тѣмъ хуже для него! Нужно его вывести на чистую воду.“ — Такимъ образомъ доказать, что полкъ отличился, стало необходимо изъ соображеній принципиальныхъ, — къ этому пришелъ Михаилъ Павловичъ.

Занятый этими мыслями, вошелъ онъ во дворъ своей фанзы и сталъ гулять передъ окнами. Фанза эта, какъ и всѣ крестьянскія фанзы, по плану своему походила на хохлацкую избу: входъ былъ въ переднюю, а отсюда двѣ двери, направо и налево, въ комнаты. Одну изъ нихъ занималъ Михаилъ Павловичъ, а другую — адъютантъ, казначей и прочіе чины штаба. Въ этой второй комнатѣ собралась, повидимому, большая компанія офицеровъ и горячо о чемъ-то спорила, голоса ихъ раздавались на весь дворъ, но Михаилъ Павловичъ не вслушивался, не интересовался предметомъ спора, пока изъ дверей фанзы не вышло пять человѣкъ офицеровъ, изъ которыхъ четверо были въ пальто и фуражкахъ, а пятый, адъютантъ, провожавшій гостей, безъ пальто и безъ фуражки, при чемъ онъ, продолжая разговоръ, громко и убѣжденно говорить: „...само собой понятно, я сейчасъ же отошелъ въ сторону и старался не подходить и не подслушивать, но по первому же словамъ мнѣ стало ясно, что онъ просто-напросто доноситъ“...

— Этого не можетъ быть! — перебилъ адъютанта грубый голосъ, принадлежавшій капитану Козлову, какъ это опредѣлили Старшовъ, — Шура не такой мальчикъ, да и Михаилъ Павловичъ не сталъ бы слушать. Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе.

— Вы говорите: не сталъ бы слушать; онъ и на самомъ дѣлѣ отвернулся и пошелъ, а Шура за нимъ по пятамъ...

— А я думаю, — опять грубо перебилъ Козловъ, — Шура хотѣлъ нагрубить отцу, это скорѣе! Это въ его характерѣ!..

Михаилъ Павловичъ мгновенно вспомнилъ сцену, произошедшую между нимъ и сыномъ передъ самой атакой. Нѣкоторыя подробности, которыя замѣтилъ онъ тогда же, но по тогдашнему своему настроенію не обратилъ на нихъ вниманія, воскресли въ его памяти. Растерянный видъ Шуры, неясное бормотаніе чего-то такого, весьма подозрительнаго, — подлинныхъ словъ Шуры Михаилъ Павловичъ не помнилъ, — а потомъ то, что шелъ онъ, очевидно, по пятамъ за нимъ, такъ какъ выбѣжалъ съ крикомъ „ура“ изъ-за его спины, все это было очень подозрительно. Но предположить доносъ было нелѣзно и Михаилъ Павловичъ объ этомъ и не подумалъ, — „очевидно, хотѣлъ надерзнуть, какъ вѣрно говоритъ Козловъ, это въ его характерѣ... А по статуту георгіевскій кавалеръ!“ —

думалъ Михаилъ Павловичъ и мысль эта была ему пріятна не потому, что Шура его сынъ, а потому, что онъ офицеръ его полка. Но тутъ же онъ вспомнилъ, что Шура стѣсняетъ и „отъ него, хотя бы и георгіевскаго кавалера, все равно нужно будетъ избавиться. А стоитъ ли давать крестъ офицеру, который сейчасъ же и уйдетъ изъ полка? Вѣдь это не ему только награда, а всему полку... Впрочемъ...“ — Михаилъ Павловичъ вспомнилъ, что если Шура получитъ георгіевскій крестъ, то, значить, на атаку обращено будетъ вниманіе, а въ этомъ случаѣ его самого могутъ, даже должны произвести въ генералы, слѣдовательно, онъ получитъ бригаду или какое-нибудь другое назначеніе, а Шура можетъ остаться въ полку.

Это соображеніе примирило его съ Шурой, но не надолго, такъ какъ мысль о бригадномъ командирѣ и прочихъ лицахъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы умалить значеніе атаки, произведенной полкомъ, беспокоила его и ему представлялось, какъ неудобно будетъ его положеніе, когда придется отстаивать интересы полка и на первое мѣсто выдвигать собственнаго сына.

— И зачѣмъ было ему выходить ко мнѣ въ полкъ, — съ досадою подумалъ онъ. — На каждомъ шагу постоянныя недоразумѣнія! Эта вчерашняя сцена! Во всякомъ случаѣ она неприлична!.. А потомъ, Богъ его знаетъ, очень возможно, что онъ хотѣлъ мнѣ дать какой-то совѣтъ и можетъ быть даже донести... Отъ него можетъ статься! Еще въ дѣтствѣ были у него дурные задатки.

Черезъ нѣсколько минутъ Михаилъ Павловичъ былъ уже увѣренъ, что Шура хотѣлъ донести и, мало того, припеллъ къ заключенію, что порочныя наклонности унаслѣдованы Шурой отъ матери польки, — что хорошаго можно унаслѣдовать отъ польки?

— Какъ могъ сдѣлать я такую ошибку! Вотъ теперь и наказанъ! Это именно въ характерѣ поляковъ, — нагать, сфискалить!.. Мальчишкой еще вралъ и какъ! Съ какими подробностями!..

Между тѣмъ адъютантъ, проводивъ товарищей, возвращался къ себѣ. Михаилъ Павловичъ подозвалъ его и сталъ спрашивать. Адъютантъ этотъ считалъ себя стоящимъ много выше товарищей и на этомъ основаніи позволялъ себѣ говорить съ начальникомъ своимъ о своихъ же однополчанахъ въ тонѣ иронически-покровительственномъ; онъ полу-шутя, полу-серьезно рассказывалъ командиру полка такія интимныя подробности полковой жизни, доложить о которыхъ тономъ серьезнымъ счелъ бы для себя позорнымъ.

— Пустяки, Михаилъ Павловичъ, не стоитъ объ этомъ и

говорить... это я только такъ, съ товарищами... — шутливо сказалъ адъютантъ какъ бы желая избавиться отъ неприятныхъ вопросовъ, но Старшовъ понялъ, что узнаеть даже больше чѣмъ предполагалъ и потому настойчиво повторилъ вопросъ.

— Очень возможно, что онъ сдѣлался жертвою какой-либо интриги, молодъ еще... — заступался за Шуру адъютантъ.—Говорять, что какъ разъ передъ тѣмъ какъ подойти къ вамъ, онъ имѣлъ какой-то разговоръ со Станиславихой... Вотъ это нехорошо, Михаилъ Павловичъ, (адъютантъ заговорилъ серьезнымъ, сочувствующимъ тономъ), онъ подъ дурнымъ вліяніемъ! Мало того что дружить съ Козловымъ, но эта госпожа завербовала его къ себѣ, говорятъ сдѣлала его своимъ любовникомъ...

Михаилъ Павловичъ былъ пораженъ.

— Я васъ не понимаю... Станиславиха здѣсь? Откуда? Съ какого времени? И при чемъ тутъ мой сынъ?

— Вы только не волнуйтесь, Михаилъ Павловичъ,—заговорилъ адъютантъ, намѣреваясь вдаваться во всѣ подробности, но тонъ его, слишкомъ развязный, не понравился Старшову и онъ его рѣзко оборвалъ.

— Я васъ попрошу, поручикъ, не шутить! — крикнулъ онъ,—это выходитъ изъ всякихъ границъ! Иавольте подробно доложить мнѣ обо всемъ этомъ!..

— Я, право, ничего не знаю, господинъ полковникъ. Я только слышалъ, вотъ сейчасъ тутъ говорили, будто Станиславиха здѣсь при мужѣ, а такъ ли это — я не знаю...

Михаилъ Павловичъ доведенъ былъ до послѣдней степени раздраженія и нѣкоторое время молчалъ, злобно смотря въ лицо адъютанту.

Итакъ, офицеры надъ нимъ насмѣялись! Онъ всю свою душу отдалъ полку, всѣмъ пожертвовалъ, а они!.. Теперь, въ послѣдній моментъ поднимать скандалъ было невозможно. Быстро сообразивъ всѣ обстоятельства, Михаилъ Павловичъ принялъ рѣшеніе: отъ Шуры освободиться немедленно, а съ остальными обождать до болѣе удобнаго времени.

— Сію секунду послать въ 15-ю роту поручика Бѣлогорцева, а подпоручика Старшова потребовать сюда! Поняли-съ?.. Вы поняли, что я вамъ приказываю?—возвысивъ голосъ до самыхъ рѣзкихъ нотъ крикнулъ онъ.

— Такъ точно, господинъ полковникъ... Сію секунду.

Адъютантъ подумалъ было доложить, что въ полку есть поручики старше Бѣлогорцева и не ему слѣдуетъ по очереди принимать роту, но воздержался и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ Михаилъ Павловичъ объ этомъ вовсе не забылъ,—

онъ выбралъ Бѣлогорцева за его изъ ряда вонъ выдающійся грубый и жестокий нравъ.

— Пусть... онъ имъ тамъ всёмъ покажетъ!.. — думалъ Старшовъ. Кому—„всёмъ“, въ этомъ не отдавалъ онъ себя отчета.

Положеніе осложнялось тѣмъ, что полкъ съ утра долженъ былъ идти въ Янтай и слѣдовательно, какъ это ясно понималъ Михаилъ Павловичъ, завтра же ему придется, войдя въ соприкосновеніе со штабомъ командующаго арміей, дать генеральный бой всёмъ своимъ врагамъ, командиру бригады, начальнику дивизіи, командиру корпуса и т. д., до самаго Куропаткина включительно, которому придется докладывать о дѣйствіяхъ полка, отъ какового доклада и будетъ зависѣть все. Михаилъ Павловичъ потребовалъ къ себѣ писаря и сталъ составлять конспектъ доклада. Подойдя къ тому моменту, какъ Шура первый съ крикомъ „ура“ побѣжалъ впередъ, Михаилъ Павловичъ задумался, поставивъ на бумагѣ большой вопросительный знакъ и долго вырисовывалъ его карандашомъ. Писарь, сверхсрочно служащій унтеръ-офицеръ, слышавшій и знавшій гораздо больше, чѣмъ ему полагалось, понялъ, что вопросительный знакъ этотъ стоитъ надъ Шурой и съ любопытствомъ ждалъ, что будетъ. Рѣшившись, Михаилъ Павловичъ зачеркнулъ вопросительный знакъ и перешелъ къ обсужденію оцѣдующаго вопроса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Національний вопросъ

въ свѣтѣ социалистическаго міровоззрѣнія.

I.

Среди разнообразныхъ проблемъ, вынесенныхъ на поверхность политической жизни современнымъ освободительнымъ движеніемъ, такъ называемый національный вопросъ бесспорно занимаетъ весьма важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько странное, какъ бы двойственное положеніе. По словамъ извѣстнаго знатока въ области національнаго — главнымъ образомъ, украинскаго — вопроса, проф. Грушевскаго, «нѣтъ надобности скрывать, что среди такъ называемаго русскаго общества, т. е. точнѣе выражаясь — среди великорусской интеллигенціи и тяготящихся къ ней, болѣе или менѣе обезличенныхъ національно представителей другихъ народностей Россіи, національный вопросъ или національные вопросы въ настоящее время не обрѣтаются въ авантажъ, не пользуются вниманіемъ и расположеніемъ» *). Это писалось въ августѣ 1906 года. Но уже въ мартѣ 1907 года тотъ же ученый писалъ: «Россія—*Имперія народовъ*, среди которыхъ государственная народность составляетъ лишь меньшинство, — не можетъ развиваться свободно и успѣшно, пока въ этомъ переустройствѣ не будетъ обезпечено свободное существованіе и развитіе ея составныхъ частей — ея народовъ, пока въ ея развитіи, движеніи, прогрессѣ эти народы не будутъ видѣть залогомъ своего развитія и прогресса. Безъ превращенія Россіи въ свободный союзъ народовъ немыслимо полное обновленіе ея, полное освобожденіе отъ мрачныхъ пережитковъ прошлаго» **).

И, несомнѣнно, эта вторая мысль проф. Грушевскаго ближе къ истинѣ, раздѣляемой даже столь нелюбимой этимъ украинскимъ патріотомъ «великорусской интеллигенціей». Лучшимъ тому

*) Проф. М. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб. 1907, стр. 1.

**) Тамъ же.

доказательствомъ могутъ служить непосредственные и безспорные факты, ясно свидѣтельствующіе объ огромной роли національнаго момента на всемъ протяженіи русскаго освободительнаго движенія. Мы, конечно, не послѣдуемъ за «истинно-русскими» патриотами, не устающими съ усердіемъ, поистинѣ достойнымъ лучшей участи, доискиваться «инородческихъ» корней этого движенія. Лишь люди, въ конецъ ослѣпленные напыльвомъ челоѣко-ненавистническихъ идей и не знающіе азбучныхъ истинъ своей собственной исторіи, могутъ разсуждать объ «инородческомъ» характерѣ ихъ движенія, на протяженіи котораго уже въ царствованіе Петра Великаго Посошковъ высказывалъ идею созыва народныхъ представителей, а революціонныя дѣйствія начинаются вооруженнымъ возстаніемъ декабристовъ, принадлежавшихъ къ сливокамъ русскаго великосѣтскаго общества. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, съ другой стороны, что послѣдовательно проводившаяся въ теченіе вѣковъ русскою бюрократіею система національнаго гнета ввергла въ круговоротъ революціоннаго движенія и обездоленные народности, внесшія и свою лепту кровавыхъ жертвъ въ дѣло борьбы за право и свободу новой Россіи. Періодъ открытаго освободительнаго движенія, во всякомъ случаѣ, характеризуется участіемъ въ немъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію, и въ связи съ этимъ естественно обнаруживается выставленіе вполне опредѣленныхъ національныхъ требованій.

Уже на сѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, бывшихъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1905 года, дѣлаются доклады и принимаются постановленія по вопросу польскому, отчасти украинскому. *) Тотъ же національный вопросъ занялъ видное мѣсто въ работахъ сѣзда русскихъ журналистовъ, состоявшагося весной 1905 года. Наконецъ, кому же неизвѣстно, что требованіе предоставленія «національнаго самоопредѣленія» для всѣхъ безъ исключенія національностей, населяющихъ Россію, составляетъ признанное общее мѣсто во всѣхъ программахъ русскихъ оппозиціонныхъ политическихъ партій.

Близость національнаго вопроса интересамъ даже «коренного» населенія страны явствуетъ, между прочимъ, и изъ той тѣсной, неразрывной связи, которая существуетъ между этимъ вопросомъ и другимъ, затрагивающимъ коренную яву обще-русской жизни—вопросомъ аграрнымъ. Совершенно правильно замѣтилъ полякъ Ледницкій: «Аграрный вопросъ для насъ, поляковъ сѣверо и юго-западнаго края, не былъ вопросомъ одной только экономической политики, но вопросомъ національнаго быта, національнаго существованія. Сорокалѣтняя дѣятельность бюрократіи была направлена на уничтоженіе польскаго края; борьба за удержаніе

*) См. „О правахъ національностей и о децентрализаціи“. Докладъ бюро сѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей. Москва, 1905 г.

земли была патріотическимъ девизомъ польскаго населенія Литвы и Бѣлоруссіи, она была защитой священныхъ правъ народа на національную жизнь. Это создало какъ бы культъ земли» *). Съ другой стороны, украинець проф. Грушевскій слѣдующимъ образомъ высказывается по поводу связи между вопросами національнымъ и аграрнымъ: «Ликвідація крупнаго землевладѣнія и передача этихъ земель въ руки мѣстныхъ трудящихся массъ (почти исключительно украинскіхъ по составу) для каждаго сознательнаго украинца является актомъ въ высшей степени желательнымъ не только съ точки зрѣнія экономической и соціальной, но и съ точки зрѣнія національной... Этотъ актъ возвращаетъ въ національное достояніе земельный капиталъ, изъятый изъ него дезертирствомъ высшихъ классовъ, правительственными секвестрами, «легальными» и нелегальными, насильственными отчужденіями земель изъ рукъ трудящихся массъ, и освобождаетъ эти послѣднія отъ вліянія и власти чуженародныхъ владѣльческихъ элементовъ... Подобное же сочетаніе мотивовъ, насколько я знаю мѣстныя отношенія, должно имѣть мѣсто у бѣлоруссовъ и литовцевъ, у эстовъ и латышей. Въ обратномъ отношеніи комбинируются они у другихъ народностей, какъ остзейскіе нѣмцы и еще болѣе поляки» **).

Считаю долгомъ оговориться. Я здѣсь не касаюсь существа вопроса о связи аграрныхъ и національныхъ отношеній; не винкаю я и въ вопросъ о степени правильности высказываемыхъ цитированными авторами сужденій; мнѣ важно только подчеркнуть самый фактъ существованія означенной связи, изъ чего само собою вытекаетъ непререкаемый выводъ объ универсальномъ, общерусскомъ значеніи національнаго вопроса.

Но и помимо проведенныхъ соображеній, можно найти болѣе общія и объективныя основанія, характеризующія огромную теоретическую цѣнность и практическую важность національнаго вопроса въ переживаемый моментъ политическаго развитія страны.

Достаточно, даже бѣлаго взгляда на этнографическую карту Россіи, чтобы мысль о важности національнаго вопроса приобрѣла значеніе неоспоримой аксіомы.

По даннымъ всеобщей переписи населеніе Россіи въ 1897 году распредѣлялось по національному составу слѣдующимъ образомъ:

*) Первая Государственная Дума В. I. Политическое значеніе первой Думы. Сборникъ статей. Спб. 1907. Ст. А. Ледницкаго. „Національный вопросъ въ Госуд. Думѣ“, стр. 159.

***) М. Грушевскій. „Національные моменты въ аграрномъ вопросѣ“, ст. въ цит. кн. „Освобожденіе Россіи и Украинскій вопросъ“. Стр. 142—145. О связи аграрнаго и національнаго вопросовъ см. также мою статью „Націонализація земли и интересы національностей“, „Наканунъ“, 1906, № 2.

Народности.	% всего населения.	Народности.	% всего населения.
Великороссы	43,30	Грузины (съ имерет., мингр. и сванетами)	1,05
Малороссы	17,41	Армяне	0,91
Поляки	6,17	Молдаване и румыны	0,87
Бѣлоруссы	4,57	Мордва	0,79
Евреи	3,94	Эсты	0,78
Киргизы	3,18	Сарты	0,75
Татары	2,91	Чуваши	0,66
Финны	1,71	Узбеки	0,57
Нѣмцы	1,40	Лезгины	0,47
Литовцы и жмудь	1,29	Лезгины съ прочими горцами—чеченцами, черкесами и другими	0,85 *)
Башкиры и тептары	1,12		
Латыши	1,12		

Ясно, что если разсматривать задачу политическаго момента, какъ предстоящій процессъ политическаго, экономическаго и духовнаго раскрѣпощенія населенія страны, то въ конкретное содержание этого процесса неотъемлемымъ составнымъ элементомъ войдетъ разрѣшеніе національнаго вопроса въ смыслѣ удовлетворенія національныхъ потребностей и устройства междунаціональныхъ отношеній.

Между прочимъ, не лишеннымъ съ этой точки зрѣнія интереса является тотъ фактъ, что какъ только начались политическіе выборы въ странѣ, то, несмотря на все противодѣйствіе бюрократіи, запечатлѣнное въ самомъ избирательномъ законѣ и въ непосредственныхъ усиліяхъ администраціи на мѣстахъ, составъ самого парламента получился весьма пестрый по національному составу.

По отдѣльнымъ національностямъ депутаты первой Государственной Думы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Великороссовъ	265	59,1 %
Малороссовъ	62	13,1 »
Бѣлороссовъ	12	2,9 »
Поляковъ	51	11,3 »
Евреевъ	13	2,8 »
Литовцевъ	10	2,2 »
Эстовъ	4	0,9 »
Татаръ	8	1,8 »
Башкиръ	4	0,9 »
Киргизовъ	1	0,2 »
Чеченцевъ	1	0,2 »
Мордвы	2	0,4 »
Вотяковъ	1	0,2 »
Болгарь	1	0,2 »
Чувашей	1	0,2 »
Молдаванъ	1	0,2 »
Калмыковъ	1	0,2 » **)

*) См. *Б. Fortunатовъ* Национальныя области Россіи. М. 1906, стр. 4. *Д. Менделѣевъ*. Къ познанію Россіи. Спб. 1906, стр. 48.

**) *А. Ледницкій*, цит. ст., стр. 156.

И авторъ цитированной статьи совершенно правъ, когда указываетъ на то, какъ, благодаря этому разнообразію національнаго состава депутатовъ первой Государственной Думы, удручающее состояніе и гнетущія нужды отдѣльныхъ національностей нашли свое живописное изображеніе въ яркихъ рѣчахъ поляковъ Новодворскаго, Ржонда и др., украинцевъ Трасуна, Шрага, евреевъ Винавера и Левина, башкира Сыртланова, татарина Ахтынова и т. д. И надо отдать справедливость дѣятелямъ перваго русскаго представительнаго собранія, въ ихъ работахъ сквозило довольно широкое исниманіе національнаго вопроса. Достаточно, на примѣръ, вспомнить слѣдующія слова проф. Карѣва, произнесенныя имъ отъ имени комиссіи по составленію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь: «Мы пришли къ тому выводу, что гораздо лучше будетъ не употреблять выраженія *русская земля*, потому что территория Россійской имперіи не принадлежитъ исключительно только русской національности и, слѣдовательно, мы эту территорию русской землей назвать не можемъ» *).

Въ самомъ же текстѣ отвѣтнаго адреса мѣсто, относящееся къ національному вопросу, было изложено въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ:

„Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ“ **).

Извѣстна дальнѣйшія перепитія этого адреса. Сколько-нибудь соответствующаго отклика съ надлежащей стороны адресъ не получилъ, и національному вопросу не суждено было развернуться въ формѣ не только положительнаго законодательнаго акта, но даже сколько-нибудь опредѣленнаго проекта или предложенія ни въ первой, ни во второй Государственной Думѣ. Возлагать какія бы то ни было надежды въ этомъ отношеніи на истинно-русскихъ представителей,

*) Стенографич. отчетъ Госуд. Думы. Сессія I, т. I, стр. 152.

**.) Тамъ же, стр. 76.—Конечно, даже въ первой Думѣ нашлись „истинно-русскіе“ депутаты, заявившіе по національному вопросу совершенно другую позицію. Изъ числа этихъ депутатовъ долженъ быть отмѣченъ волынской священникъ Концевичъ, въ желаніи авторовъ адреса достигнуть огражденія интересовъ всѣхъ національностей усмотрѣвшій „духъ космополитизма“ (!?) (тамъ же, стр. 137). Въ свою очередь деп. Концевичъ предложилъ, при общемъ возмущеніи всѣхъ депутатовъ, съ ироническою цѣлью „поправку“ къ адресу слѣдующаго содержанія: „Государственная Дума озаботится о широкомъ удовлетвореніи этихъ нуждъ (національностей), чтобы Россія, населенная многочисленными племенами и народностями, потеряла свое своеобразіе и даже самое свое имя“ (тамъ же, стр. 220).

засѣдающихъ въ третьей Думѣ, нѣтъ, конечно, никакихъ основаній. И только погребенныя въ думскихъ архивахъ работы думскихъ комиссій по вопросу о гражданскомъ равенствѣ и по другимъ, соприкасающимся съ національнымъ, вопросамъ, служатъ нынѣ напоминаніемъ о быломъ интересѣ народныхъ представителей къ этой большой и сложной проблемѣ русской народной жизни.

Тѣмъ важнѣе и настоятельнѣе присмотрѣться къ этому вопросу ближе, заняться его теоретическимъ анализомъ и хотя сколько-нибудь намѣтить конкретные пути его возможнаго практическаго разрѣшенія.

II.

Национальный вопросъ составляетъ, несомнѣнно, одну изъ наименѣе изслѣдованныхъ проблемъ нашего времени. Вполнѣ правъ современный австрійскій социаль-демократъ Гертцъ, заявляя, что «о націонализмѣ было написано очень мало дѣянаго въ научномъ отношеніи», и что «понятіе національности въ настоящее время окружено такимъ же мистическимъ ореоломъ, какъ нѣкогда понятіе религіи» *).

Несмотря на то, что, по мѣткому опредѣленію де Вогюэ истекшій XIX вѣкъ былъ «вѣкомъ національностей»; что по менѣе вѣрной характеристикѣ русскаго автора, В. М. Устинова, «это былъ вѣкъ национальныхъ сложений и разложеній, разнообразныхъ национальныхъ движеній, национальныхъ побѣдъ и угнетеній, борьбы націй за признаніе, за существованіе, за преобладаніе» **), нѣмецкій публицистъ Рюдигоръ правъ былъ, замѣтивъ въ 1865 г., что «принципъ національности не нашелъ еще нигдѣ справедливаго и честнаго признанія» ***). Причинъ такого страннаго на первый взглядъ и, во всякомъ случаѣ, печальнаго явленія имѣется нѣсколько. И прежде всего приходится на умъ старинный мѣткій афоризмъ о томъ, что, если бы математическія аксіомы затрогивали человѣческіе интересы, то и несомнѣнная истина, гласящая, что дважды два — четыре, не пользовалась бы всеобщимъ признаніемъ современнаго человѣчества. Национальныя отношенія лежатъ въ самой гущѣ человѣческихъ отношеній, страстей и потребностей, — вотъ первый камень преткновенія на пути ихъ свободнаго изслѣдованія.

Надо при этомъ признать, что трудность теоретическаго анализа національной проблемы и, еще болѣе — практическаго ея

*) *Фр. Гертцъ*. Соціализмъ и національный вопросъ, ст. въ сборникѣ „Задачи социалистической культуры“ Спб. 1907, стр. 662.

**) *В. М. Устиновъ*. Идея національнаго государства. X. 1906, стр. 3.

***) Цит. въ соч. *В. Даневскаго*: Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. Спб. 1882; стр. 239.

разрѣшенія неизмѣримо велика. Въ этомъ отношеніи вполнѣ законна аналогія между положеніемъ этого вопроса и другого, составляющаго не въ меньшей, а можетъ быть и въ большей степени, яблоко современнаго политическаго раздора, волнующаго и терзающаго русскіе политическіе круги. Я разумію вопросъ аграрный. Въ національной проблемѣ, такъ же какъ и въ области аграрнаго вопроса, замѣчается та же индивидуальность проникающихъ проблему жизненныхъ отношеній, та же сложность формъ и выраженій общественной жизни, та же трудность найти общую формулу для универсальнаго выраженія той безконечной гаммы эластичныхъ культурныхъ потребностей, своеобразныхъ интересовъ, многоразличныхъ задачъ. При томъ же въ этой области необходимо самостоятельное и смѣлое соціологическое творчество, для котораго позади имѣется весьма мало историческаго опыта и почти никакихъ историческихъ традицій, а впереди неминуемо предвидится много соціальныхъ треній и масса политическихъ препятствій.

Позднее историческое появленіе національной идеи и слабость, уже вслѣдствіе этого, ея литературной и научной разработки представляетъ собою фактъ, признаваемый всѣми изслѣдователями этой проблемы. Проф. Даневскій въ цитированной уже нами, старой, но весьма богатой содержаніемъ, работѣ справедливо отмѣчаетъ, что древній міръ не зналъ никакихъ національностей; онъ зналъ только государства, сложившіяся путемъ завоеванія и явившіяся конгломератомъ самыхъ разнохарактерныхъ племенъ; идеаломъ древняго міра было *всемірное государство*, самое понятіе о которомъ противорѣчитъ идеѣ самостоятельности государствъ и національностей. Средніе вѣка, начавшіеся великимъ переселеніемъ народовъ и смѣшеніемъ различныхъ племенъ, изъ которыхъ и вышли современные національности, нанесли ударъ принципу единства, выдвинутому Римомъ. Съ распространеніемъ христіанства вѣрующій рѣзко отдѣляется отъ язычника и еретика, и мало по малу образуется два враждебныхъ лагеря: міръ язычскій и міръ христіанскій. Впрочемъ, развитіе этой тенденціи было скоро задержано новымъ стремленіемъ католической церкви къ единству, которое должно было быть достигаемо не только пропагандой христіанства, но и истребительными войнами и насильственнымъ обращеніемъ язычниковъ и магометанъ. Логическимъ послѣдствіемъ этихъ тенденцій явилась великая имперія Карла Великаго. По выраженію Лорана, націи являються «уклоненіемъ отъ идеала и почти революціей противъ Бога: національнсе разнообразіе ввелось посредствомъ грѣха, различіе языковъ было послѣдствіемъ паденія» *).

Идеѣ католическаго единства наносенъ былъ убійственный ударъ реформаціей XVI вѣка, провозгласившей свободу совѣсти и

*) В. Даневскій, цит. соч. стр. 239—243.

сдѣлавшей религію индивидуальнымъ чувствомъ. Перенесенный въ предѣлы политической жизни, протестантизмъ привелъ въ конечномъ выводѣ къ идеѣ политической свободы, откуда былъ только одинъ шагъ до демократіи и признанія свободы національностей, закрѣпощенныхъ средне-вѣковымъ единствомъ. Великая революція, смѣло провозглашавшая права человѣка, дала политическую санкцію принципу человѣческой личности. «Первымъ послѣдствіемъ доктрины, выставленной французскою революціею, былъ суверенитетъ (верховенство) націй... Революція XVIII вѣка открываетъ собою эру національностей».

Такъ говоритъ проф. Даневскій *), и въ доказательство своей мысли приводитъ, казалось бы, краснорѣчивыя свидѣтельства, заимствованныя изъ арсенала французской политической философіи и публицистики того времени. Такъ, Вольней предложилъ декларацію о правахъ народа, по смыслу которой весь человѣческій родъ разсматривается, какъ одно общество, существующее для счастья всѣхъ и каждаго изъ его членовъ; въ немъ народы разсматриваются какъ индивидуумы, пользующіеся тѣми же естественными правами, и, поэтому, ни одинъ народъ не имѣетъ права ни завоевать собственности другихъ народовъ, ни лишать ихъ свободы. Кондорсе предложилъ конвенту декларацію, въ которой объявлялось, что «французская нація не будетъ нарушать природныхъ правъ другихъ людей и не нанесетъ ущерба независимости другихъ націй». Карно уже въ періодъ господства монтаньяровъ признавалъ за каждой націей «неизмѣнное право жить отдѣльно или слиться съ другими; французы знаютъ сувереновъ только въ самихъ націяхъ и система ихъ есть система братства». Аббатъ Грегуаръ въ деклараціи международнаго права, принятой конвентомъ, говоритъ о «независимыхъ и суверенныхъ народахъ», каково бы ни было «количество индивидуумовъ и пространство территоріи, занимаемой ими». Наконецъ, устами конвента въ органѣ Робеспьера провозглашено, что «притѣсняющій одну націю есть врагъ всѣхъ; ведущій противъ народа войну съ тѣмъ, чтобы остановить успѣхи народа и уничтожить права человѣка, долженъ быть преслѣдуемъ, какъ убійца и разбойникъ» **).

Торжествомъ національнаго принципа явились, однако, не только указанные попытки официальнаго провозглашенія и утвержденія національной идеи, но и внушительныя историческія событія, потрясшія Европу вслѣдъ за великой французскою революціей. При этомъ національная тенденція приняла въ своемъ конкретномъ историческомъ развитіи два, какъ будто противоположныхъ, но выросшихъ изъ одного корня и проникнутыхъ одной идеей направленія. Прежде всего обнаружился процессъ постепен-

*) Тамъ же, стр. 245—246.

**) Тамъ же, стр. 260—262.

наго и медленнаго выдѣленія отдѣльныхъ національныхъ государственныхъ единицъ, каковы Сербія, Болгарія, Черногорія, Румынія, Австрія. Съ другой стороны, наблюдается обратный процессъ національнаго объединенія—въ Италиі, Германіи. Какъ бы то ни было, всѣ эти процессы явились въ конечномъ счетѣ результатомъ власти и торжества національной идеи, принимавшей только различныя конкретныя формы и приводившей къ различнымъ политическимъ комбинаціямъ соотвѣтственно разнообразію тѣхъ историческихъ условій, которыя тяготѣли надъ отдѣльными народностями въ ихъ борьбѣ за свою самостоятельность и независимость.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на весь этотъ хаосъ поучительныхъ идеологическихъ вѣяній и конгломератъ краснорѣчивыхъ историческихъ фактовъ, нельзя сказать, чтобы получившее первоначальный толчекъ отъ демократическихъ идей великой французской революціи торжество національной идеи совершило свой законченный логическій путь и привело къ цѣннымъ практическимъ результатамъ. Реальный анализъ дальнѣйшихъ путей социальнаго развитія европейскихъ странъ приводитъ какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на положительное содержаніе нормъ національной жизни, поскольку онѣ получили свое выраженіе въ протекшей, уже пережитой народами исторіи, и мы здѣсь, въ этой живой лабораторіи человѣческихъ отношеній и взаимной борьбы, найдемъ полное подтвержденіе только что высказанной мысли.

При внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ существующія конституціи поражаютъ изумительною скудостью относящихся къ національному вопросу положеній, отсутствіемъ какой бы то ни было системы національнаго права.

„Всѣ подданные королевства, безъ различія званія и чиновъ равны предъ закономъ. Всѣ одинаково пользуются гражданскими и политическими правами“.

(Итальянская конституція).

„Всякій пользуется полной свободой при исповѣданіи своихъ религиозныхъ убѣжденій“.

(Нидерландская конституція).

„Всѣ прусаки равны передъ закономъ. Сословныя привилегіи отменяются. Публичныя должности равно доступны для всѣхъ, способныхъ къ ихъ отправленію“.

(Прусская конституція).

„Различіе религиозныхъ вѣрованій и исповѣданій не служитъ препятствіемъ къ приобрѣтенію гражданскихъ и политическихъ правъ и къ ихъ осуществленію“.

(Румынская конституція).

„Каждый вправе выбрать себѣ профессию и ремесло по собственному влеченію... Каждый подданный пользуется правомъ свободнаго выхода изъ страны... Каждому обывателю обезпечена полная свобода совѣсти... Пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія“.

(Саксонская конституція).

„Всѣ сербы равны предъ закономъ. Свобода совѣсти неограниченна“.
(Серская конституція).

„Въ государствѣ нѣтъ различія по сословіямъ. Бельгійцы равны передъ закономъ“.

(Бельгійская конституція).

„Всѣ граждане равны передъ закономъ и всѣ они безъ различій уплачиваютъ налоги въ пользу государства, пропорціонально ихъ имущественной состоятельности“.

(Греческая конституція).

„За релігіозныя убѣжденія никто не можетъ быть лишенъ пользованія всѣми политическими и гражданскими правами“.

(Датская конституція).

Мы видимъ, что во всѣхъ конституціяхъ въ отношеніи къ національному вопросу проведенъ, такъ сказать, методъ исключенія. Всѣ конституціи гласятъ, что ни релігія, ни происхожденіе, ни сословіе и т. д. не служатъ препятствіемъ къ использованию гражданами ихъ общечеловѣческихъ правъ. И несомнѣнно, что такимъ же взглядомъ проникнуто конституціонное законодательство и въ отношеніи національности, которая даже и не упоминается отдѣльно, будучи отождествляема то съ релігіей, то съ происхожденіемъ и т. п. Объясненіе такому методу построенія современныхъ конституцій легко найти въ свойствахъ и содержаніи того міровоззрѣнія, плодомъ котораго явились эти акты законодательнаго творчества.

Послѣдніе были плодомъ просвѣтительнаго движенія XVIII вѣка, стремившагося воплотить въ жизнь идеи естественнаго права, — абстрактнаго, вѣчнаго и нерушимаго, принесшаго съ собою возвышенную декларацію правъ человѣка и гражданина *). Этого «человѣка и гражданина» надо было, во имя идеала всеобщаго равенства, абстрагировать отъ всѣхъ релігіозныхъ, сословныхъ, классовыхъ и т. п. путей. Национальность мерещилась міровоззрѣнію XVIII и начала XIX вѣка, какъ одно изъ такихъ препятствій къ непрерывному шествію человѣческаго прогресса. И отрицательное отношеніе законодателя къ этому понятію являлось вполне естественнымъ и соответствующимъ міровоззрѣнію того времени, несмотря на всѣ отдѣльные перлы и блестящіе мысли, собранные, какъ мы видѣли выше, старательною рукою проф. Даневскаго.

Правда, въ общей сокровищницѣ законодательныхъ положеній дѣйствующихъ буржуазныхъ конституцій обращаетъ на себя вниманіе одинъ законодательный памятникъ, который стоитъ какъ бы особнякомъ и выгодно отличается нѣсколько иной позиціей по національному вопросу. Я разумѣю австрійскую конституцію, изда-

*) „Авторы естественно-правовыхъ положеній приписываютъ естественно-правовымъ нормамъ вѣчность, неизмѣнность, всеобщее, независимое отъ мѣста значеніе и т. д., говорятъ о всеобщихъ правахъ каждаго человѣка, каждаго гражданина, о вѣчности и прирожденности, независимости отъ государственнаго предоставленія соответственныхъ правъ и т. д.“ *Д. Петражицкій*. Теорія права и государства, т. II, Спб. 1907, стр. 590

ную 21-го декабря 1867 года въ видѣ «Основного государственнаго закона объ общихъ правахъ гражданъ». Въ этомъ «Основномъ законѣ», источники котораго восходятъ еще къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка, мы находимъ слѣдующія положенія, направленные къ разрѣшенію національнаго вопроса и урегулированію національныхъ отношеній въ Австріи:

Ст. 1. Для всѣхъ подданныхъ представленныхъ въ рейхсратъ королевствъ и земель устанавливается общее право австрійскаго гражданства ..

Ст. 2. Всѣ граждане равны передъ закономъ.

Ст. 3. Всѣ государственныя должности одинаково доступны всѣмъ гражданамъ.

Ст. 4. Свободное передвиженіе лицъ и имущества внутри государства не подчинено никакимъ ограниченіямъ...

Ст. 14. Всѣмъ гарантируется полная свобода вѣроисповѣданія и совѣсти. Пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія.

Ст. 19. Всѣ народности государства равноправны, и каждая народность имѣетъ неприкосновенное право на охраненіе и развитіе своей національности и своего языка.

Государство признаетъ равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школахъ, управленіи и общественной жизни.

Въ земляхъ, гдѣ обитаетъ нѣсколько народностей, государственныя учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы каждая изъ этихъ народностей, не будучи вынуждаема къ изученію втораго мѣстнаго языка, могла на своемъ языкѣ получать всѣ необходимыя для образованія средства.

Изложенныя положенія и изъ нихъ, особенно, пресловутый § 19 австрійской конституціи выгодно отличается тѣмъ, что въ нихъ опредѣленно говорится о народностяхъ объ ихъ правахъ, о мѣрахъ, необходимыхъ къ огражденію этихъ правъ. Удовлетворяютъ ли, однако, своему назначенію эти положенія? Можно ли въ нихъ усмотрѣть нѣкоторую систему національныхъ правъ, пригодную къ удовлетворенію національныхъ потребностей и къ устраненію національныхъ конфликтовъ? На этотъ вопросъ необходимо дать отрицательный отвѣтъ, каковой уже и данъ всѣми государствовѣдами и публицистами, касавшимися даннаго вопроса. По мнѣнію Еллинека, ст. 19-ая «стилизованна не-юридически». Статья эта лишена конкретнаго содержанія. Она скорѣе указываетъ на законодательство, которое еще должно быть создано, но не содержитъ въ себѣ тѣхъ нормъ, которыя въ дѣйствительности способны оградить указанные въ этой статьѣ интересы *). На ту же «бессодержательность» ст. 19-ой указываетъ и другой юристъ Герригтъ. По его мнѣнію, статья эта содержитъ въ себѣ лишь «общія неопредѣленныя, не-юридическія» положенія; въ лучшемъ случаѣ здѣсь идетъ рѣчь объ основномъ положеніи, о принципѣ, ко-

*) Dr. Georg Jellinek. System der subjectiken öffentlichen Rechte, 2-te Aufl. Tübingen 1905, § 99—100.

торый еще нуждается въ дальнѣйшемъ законодательномъ опредѣленіи и развитіи *).

Смыслъ этихъ характеристикъ 19-го § австрійской конституціи — ясень. И эта законодательная норма, опредѣленно говорящая о правахъ національностей, построена по типу деклараціи правъ чловѣка и гражданина. Но если и не соглашаться съ знаменитымъ теоретикомъ утилитаризма Бентамомъ въ томъ, что декларація «лишена реального политическаго содержанія» и содержитъ въ себѣ лишь «бесодержательный пафосъ», что все же нельзя не подписаться подъ словами Еллинека, что принципы деклараціи «приобрѣтаютъ жизненное значеніе только при детальной законодательной разработкѣ» **). Но такой разработкой далеко не отличается ни § 19, ни прочія цитированныя статьи австрійской конституціи. Принципъ долженствованія, точка зрѣнія желательности въ нихъ замѣняютъ конкретное юридическое содержаніе. Тѣмъ болѣе, что ни въ одной изъ цитированныхъ статей не имѣется сколько-нибудь точнаго указанія на родъ и содержаніе тѣхъ гарантій, которыми обезпечивалось бы осуществленіе провозглашеннаго тамъ національнаго равноправія. «Каждая народность *имѣетъ неприкосновенное право на охраненіе и развитіе своей національности и своего языка*». «Государственныя учебныя заведенія *должны быть такъ устроены...*» Все это — одни пожеланія и долженствованія безъ точной и конкретной конструкціи правовыхъ нормъ, направленныхъ къ осуществленію признанныхъ правъ гражданъ. «При такихъ условіяхъ», — правильно замѣчаетъ Рудольфъ Шпрингеръ, — «правовое положеніе націи въ высшей степени жалкое... Національная идея... не можетъ удовлетвориться жалкими ничтожными подачками, не дающими вовсе правовой санкціи національному коллективу и обещающими индивидууму лишь бесодержательное равноправіе... § 19 является, поэтому, лишь провозвѣстникомъ того золотого вѣка, когда наступитъ истинное равноправіе; этотъ § есть своего рода блестящій законодательный фейерверкъ, который «свѣтитъ, но не грѣетъ» ***).

*) *Dr. Rud. Herrnhitt. Nationalität und Recht, Wien 1899, S. 52—56.*

***) *G. Eллинекъ. Декларация правъ чловѣка и гражданина. Пер. съ нѣм. 3-е изд. М. 1906, стр. 1—5.*

***) *Rud. Springer. Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat. 1902 S. 20.* Въ этомъ сочиненіи, составляющемъ едва ли не наиболѣе блестящій трудъ по національному вопросу въ послѣднее время, Шпрингеръ подробно анализируетъ и причины столь неудовлетворительнаго состоянія соотвѣтствующаго законодательства австрійской и другихъ конституцій. Онъ выдвигаетъ далѣе свою самостоятельную систему національныхъ правъ — «національной автономіи» — пользующейся въ настоящее время почти всеобщимъ признаніемъ. Эта теорія Шпрингера, въ связи съ необходимыми критическими замѣчаніями и вытекающими изъ нея политическими выводами, будетъ мною подробно изложена въ одной изъ послѣдующихъ главъ настоящей работы. Здѣсь же я счелъ необходимымъ лишь привести мѣткій отзывъ Шпрингера о § 19 австрійской конституціи.

Таково болѣе чѣмъ неудовлетворительное состояніе дѣйствующаго европейскаго законодательства въ области національнаго вопроса. Обращаясь теперь къ движенію политической жизни и къ теченію политической мысли, съ силою непреодолимаго историческаго процесса ломающихся устарѣлые устои и ведущихъ къ непрестанному творчеству новыхъ формъ обществитя, мы найдемъ, что и здѣсь далеко не все обстоитъ благополучно. Въ сферѣ буржуазныхъ идеологій и въ программахъ буржуазныхъ политическихъ партій мы не найдемъ въ области національнаго вопроса и національныхъ теченій ровно ничего, заслуживающаго сколько-нибудь серьезнаго вниманія. И причины такого явленія вполне понятны. Буржуазія, какъ классъ, покоющійся на опредѣленныхъ экономическихъ основаніяхъ и проникнутый опредѣленной политической психологіей, не представляетъ собою элемента населенія, заинтересованнаго въ скорѣйшемъ разрѣшеніи національной проблемы и радикальномъ устраненіи національныхъ конфликтовъ. Скорѣе даже наоборотъ. Диктуемая естественнымъ ходомъ экономической эволюціи, торговая политика современнаго капиталистическаго общества приводитъ къ бѣшенной погонѣ за внѣшними рынками, которые становятся тѣмъ болѣе необходимыми, чѣмъ болѣе внутри каждой капиталистической страны подкашиваются силы внутренняго потребителя въ результатъ братоубійственной классовой борьбы и безостановочнаго извлеченія прибавочной стоимости. Внѣшніе рынки становятся жизненною необходимостью капиталистическаго строя, нуждающагося во все большемъ количествѣ мѣстъ для приложенія капиталовъ и сбыта товаровъ. На этой почвѣ естественно возникаетъ грозная по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ система таможенныхъ заставъ и охранительныхъ пошлинъ. Здѣсь же вырастаютъ направленные къ эксплуатаціи все того же злосчастнаго капиталистическаго потребителя тресты, картели, синдикаты. Тутъ же мы найдемъ и реальные корни новѣйшей колониальной политики, подарившей капиталистическому міру не только рядъ болѣе или менѣе ловкихъ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній, но и кровопролитныхъ войнъ. Пониженіе нормы прибыли въ странахъ съ застарѣлымъ капитализмомъ гонитъ капиталъ въ новыя молодыя страны, но эти послѣднія, въ свою очередь, возводятъ на своей почвѣ собственное зданіе роднаго капитализма, и война капиталистическихъ производителей, конкуренція между отдельными государствами, братоубійственная взаимная война разноплеменной буржуазіи становится все ожесточеннѣе. И въ этой братоубійственной войнѣ, гдѣ движущимъ импульсомъ является стремленіе къ торговой прибыли, а орудіями борьбы—капиталъ, товаръ и торговая конъюнктура, современная буржуазія является носителемъ новой, «империалистской» политики, которая по своей природѣ, по существу и психологическому содержанию своему глубоко отличается отъ верховнаго критерія старой манчестерской поли-

тики: «laisser faire, laisser passer». Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу австрійскій авторъ интереснаго новѣйшаго изслѣдованія по національному вопросу, Отто Бауеръ, «старая англійская система свободы торговли была *космополитической*; она стремилась разорвать таможенные границы, она хотѣла весь міръ превратить въ одну хозяйственную область. Международное объединеніе труда должно было объединить народы; не въ кровавомъ бою, а въ мирномъ соревнованіи народы должны были мѣряться своими силами», но «не таковъ новѣйшій империализмъ». Послѣдній не стремится къ превращенію всѣхъ странъ въ единую хозяйственную область, а ревностно отгораживаетъ пошлинами свой собственный рынокъ. «Онъ не мечтаетъ о мирѣ, а готовитъ войну». Современная буржуазія даетъ «не космополитическихъ либераловъ, а національныхъ империалистовъ». Для такихъ «национальныхъ империалистовъ» наличность подчиненныхъ національностей, фактъ существованія національнаго гнета весьма желателенъ. Все это облегчаетъ буржуазіи господствующей національности экономическое господство и капиталистическую эксплуатацію. «Идеаломъ современнаго капитализма является, поэтому, совсѣмъ не *національное государство* (Nationalstaat), но *государство* (состоящее изъ нѣсколькихъ) *національностей* (Nationalitätenstaat), въ которомъ при томъ одна только господствующая національность пользуется и эксплуатируетъ, а остальные всецѣло отданы ей во власть». «Империалистическій національный принципъ—единство и свобода своей націи и господство надъ всѣми другими народами» *).

Такой «национализмъ» свойствененъ современной буржуазіи и по мотивамъ другого, болѣе внутренняго характера. Въ капиталистическомъ обществѣ буржуазія является классомъ, живущимъ на счетъ прибавочной стоимости и ограждающимъ свое матеріальное благополучіе и политическое господство посредствомъ главнаго своего орудія—классовой борьбы. А существованіе взаимныхъ національныхъ трений, безконечныхъ національныхъ конфликтовъ, вообще неурегулированіе національнаго вопроса, — все это подливаетъ воду на буржуазную мельницу, все это идетъ на пользу буржуазіи, поскольку существующее національное нестройство разстраиваетъ стройные ряды арміи пролетаріата и вообще трудовыхъ массъ, вноситъ въ планомѣрную классовую борьбу нѣкоторое замѣшательство по линіи національныхъ дѣленій, затемняетъ классовое сознаніе и ослабляетъ силу классоваго сопротивленія трудового народа. Отто Бауеръ правильно замѣчаетъ, что при современномъ національномъ нестройствѣ мучительная борьба за общія національныя блага, за интересы своей національной культуры (школы, литературы, и т. д.) часто невольно объединяетъ въ одну армію пред-

*) Dr. Max Adler u. dr. R. Hilferding. Marx-Studien B. II. Otto Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Socialdemokratie. Wien. 1907, S. 4745, 502.

ставителей антагонистическихъ классовъ. Въ результатѣ «населеніе дѣлится въ политической борьбѣ не на классы, расчленяющіеся, въ свою очередь, по національнымъ группамъ, а на націи, состоящія изъ различныхъ классовъ». На практикѣ весьма часто, говоритъ Бауеръ, социалдемократы одной національности на выборахъ голосуютъ противъ своихъ же товарищей, принадлежащихъ къ другой національности и не желающихъ, поэтому, поддержать ихъ національныя требованія; наоборотъ, происходитъ неестественное объединеніе буржуазіи и пролетаріата одной и той же національности во имя борьбы за свои національные интересы противъ соединенной арміи буржуазіи и пролетаріата другой національности *).

Таковы причины незаинтересованности современной буржуазіи въ разрѣшеніи національной проблемы и, въ связи съ этимъ, отсутствія у этой буржуазіи сколько-нибудь яркой національной программы.

Изложенный анализъ своей, такъ сказать, отрицательной стороной приводитъ естественнымъ логическимъ путемъ къ обратнымъ результатамъ въ отношеніи другого класса современнаго капиталистическаго общества—трудовыхъ массъ. Послѣднія, великими естественныхъ условий своего существованія написавшія на своемъ знамени борьбу противъ капиталистической эксплуатаціи и созданіе новаго общественнаго строя на социалистическихъ началахъ, глубоко заинтересованы въ томъ, чтобы съ дороги планомѣрной и послѣдовательной классовой борьбы были убраны постороннія препятствія, задерживающія правильный ходъ этой борьбы и ослабляющія силу объединенной трудовой арміи въ ея ожесточенной схваткѣ съ буржуазіей. А однимъ изъ такихъ препятствій, какъ уже было замѣчено, является фактъ національныхъ дѣленій внутри трудящихся массъ,—дѣленій, которыя часто раздробляютъ стройные ряды борцовъ за экономическую и политическую свободу и заставляютъ ихъ идти на временныя союзы съ группами одноплеменной буржуазіи. Вотъ почему найти конкретныя формы цѣлесообразнаго разрѣшенія національнаго вопроса, изобрѣсти ключъ къ раскрытію національныхъ конфликтовъ, ввести національную жизнь въ ея естественное русло—все это становится жизненною необходимостью трудящихся классовъ, ихъ конечной задачей, ихъ несомнѣнною историческою миссією. И социализмъ, какъ система социальнаго міровоззрѣнія, одухотвореннаго основной идеей огражденія интересовъ трудящихся массъ, по самой природѣ своей и по основной цѣли своихъ конечныхъ стремленій, связанъ съ необходимостью выработки опредѣленной и стройной національной программы, какъ одной изъ составныхъ частей социалистическаго мышленія. Правъ, поэтому, австрійскій ревизионистъ Гертцъ, замѣчая, что «націона-

*) *Otto Bauer*, Цит. соч., в. 564.

лизмъ и социализмъ, дѣти одной матери», хотя они «въ настоящее время ведутъ между собою ожесточенную борьбу» *).

Посмотримъ теперь, каково состояніе современнаго социалистическаго міровоззрѣнія въ области національнаго вопроса.

III.

Национальный вопросъ составляетъ одно изъ самыхъ спорныхъ и, можно сказать, болыныхъ мѣстъ въ теоріи и практикѣ современнаго социалистическаго движенія. Корнемъ спора и разногласій является идея о взаимномъ соотношеніи идеала *интернационализма*, написаннаго на знамени всѣхъ современныхъ социалистическихъ партій, съ одной стороны, и идеала совершенствованія каждой отдѣльной національности соответственно съ индивидуальными условіями ея жизни — съ другой. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что конфликтъ между этими двумя сторонами вопроса сравнительно новаго происхожденія. По справедливому замѣчанію Х. Житловскаго, автора одного изъ раннихъ произведеній, посвященныхъ разработкѣ національнаго вопроса съ социалистической точки зрѣнія, «знаменитая *Международная ассоціація рабочихъ*, такъ называемый *Интернациональ*, компетентность котораго въ дѣлахъ интернационализма никто не станетъ оспаривать, понималъ свой основной принципъ международности не иначе, какъ въ смыслѣ синтеза націонализма и космополитизма»; что, съ точки зрѣнія Интернационала, «рабочее движеніе имѣетъ всюду своей предпосылкой свободное и цѣлостное національное развитіе», и «даже за малѣйшею національностью должно быть обезпечено свободное и самостоятельное существованіе» **). Такъ, дѣйствительно, обстояло приблизительно дѣло во времена стараго Интернационала. Но не говоря уже о томъ, что и въ цитированныхъ словахъ содержится гораздо болѣе общихъ замѣчаній, чѣмъ конкретныхъ указаній на реальныя пути разрѣшенія національнаго вопроса, Каутскій совершенно правъ, замѣчая, что «тогда (во время Интернационала) еще не было марксизма, не было еще школы и направленія, которыя основывались бы на пониманіи его точки зрѣнія и метода. Марксизмъ, какъ политическій факторъ,—явленіе современное, которое нельзя относить къ эпохѣ Интернационала» ***).

«Современное явленіе» — марксизмъ, дѣйствительно, ввелъ изрядную путаницу въ пониманіе національнаго вопроса, путаницу, конецъ которой начинается предвидѣться лишь въ наши дни. Ключъ

*) *Фр. Герцъ*. Социализмъ и національный вопросъ, стр. 662.

**) *Х. Житловскій*. Социализмъ и національный вопросъ. К-во „Серпъ“, изд. 2-е. Спб., 1907, стр. 13—18.

***) *К. Каутскій*. Предисловіе къ книгѣ *В. Комитадта*: „Аграрный вопросъ и социаль-демократія“. К. 1906, стр. 5.

къ выясненію того колоссальнаго недоразумѣнія, которое было связано съ пониманіемъ національнаго вопроса въ марксистскомъ міровоззрѣніи и которое на долго предопредѣлило не только общій путь развитія социалистической мысли, но и опредѣленные шаги въ этой области, мы найдемъ въ исторіи грандіознаго движенія—интернаціональнаго пролетаріата. Въ этомъ отношеніи необходимо прежде всего отмѣтить, что система научнаго социализма, всегда служившая и служащая теперь идейной опорой этого движенія, создана при условіяхъ, какъ бы предназначенныхъ для игнорирования національной проблемы.

Какъ мнѣ приходилось уже говорить въ другомъ мѣстѣ *), вся историческая обстановка, сопровождавшая рожденіе на свѣтъ Божій и дальнѣйшее направленіе дѣятельности германской социаль-демократіи до нашихъ дней, съ, неумолимой логической послѣдовательностью и желѣзной необходимостью вела къ тому, чтобы національная проблема была почти всецѣло игнорирована на родинѣ творцовъ научнаго социализма. Система научнаго социализма, созданная Марксомъ и Энгельсомъ, прозвучала какъ новое евангеліе для международнаго социалистическаго пролетаріата въ серединѣ прошлаго вѣка. Историческія событія того времени и самыя условія жизни и дѣятельности Маркса и Энгельса исключали возможность сколько-нибудь серьезнаго учета значенія національнаго момента въ исторической жизни. Подъ игомъ невыносимаго абсолютизма Германія творцы научнаго социализма вынуждены были сдѣлаться эмигрантами и въ качествѣ таковыхъ въ Парижѣ, Лондонѣ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, въ идейномъ общеніи съ великими выходцами изъ другихъ странъ, они закладывали грандіозное зданіе интернаціональнаго социализма, перешагнувшаго полетомъ своей политической мысли границы отдѣльныхъ государствъ и всею силою научнаго анализа и историческаго обобщенія подчеркившаго общую межчеловѣческую основу всякаго общежитія, всѣхъ безъ исключенія народовъ.

При такихъ условіяхъ заложенное германскими выходцами стройное зданіе интернаціонализма находило себѣ дальнѣйшую поддержку въ историческихъ судьбахъ Германіи, гдѣ небывалое напряженіе національныхъ силъ нѣсколькихъ народовъ потребовалось на проявленіе центростремительнаго движенія, плодомъ котораго явилась объединенная Германія, положившая конецъ разрозненному существованію отдѣльныхъ маленькихъ государствъ **).

*) См. „Дебаты по національному вопросу на Брюннскомъ партейтагѣ“, вступительная статья *М. В. Ратнера*: „Эволюція социалистической мысли въ національномъ вопросѣ“. К-во „Серпъ“, 2-е изд., Спб., 1906, стр. 7—10.

**) *Эд. Беренштейнъ* въ предисловіи къ собранію сочиненія Лассаля указываетъ на сочувствіе Маркса и Энгельса идеѣ единства Германіи, по поводу чего они и вели полемику съ Лассалемъ. См. сочиненія *Ф. Лассаля*, 3-е изд. Спб., т. I, стр. XXVI—XXX.

И въ моментъ стройной организаціи германской социаль-демократической партіи послѣдняя оказалась также единой, включая въ свои ряды рабочихъ почти сплошь одной національности и совершенно не зная тѣхъ національныхъ дѣленій внутри пролетаріата, которыя въ другихъ государствахъ такъ часто ведутъ къ затѣмненію классоваго сознанія и ложатся тяжелымъ камнемъ на пути социалистическаго движенія. Обнаружившіяся теперь различія по линіи національныхъ дѣленій внутри германской социаль-демократіи; любопытные признаки движенія среди польскихъ социалистовъ Германіи; зачатки политическаго движенія среди датчанъ, жителей Шлезвига, Эльзаса и Лотарингіи *), — все это явленія, еще не сложившіяся въ сколько-нибудь опредѣленные формы и не нарушающія пока общаго типа германскаго социаль-демократическаго движенія. Въ общемъ оно остается цѣлостнымъ и единымъ, и его до сихъ поръ еще, можно сказать, не коснулся ядъ національныхъ трений, стоявшихъ уже такъ много труда и борьбы социалистическимъ партіямъ другихъ странъ. При такихъ условіяхъ мало-по-малу выросло и окрѣпло социаль-демократическое движеніе, интернаціональный характеръ котораго привелъ къ одному, на мой взглядъ, весьма прискорбному результату. Основной принципъ *интернаціонализма*, сознаніе международной общности мірового пролетаріата въ смыслѣ солидарной борьбы рабочихъ всѣхъ странъ и націй за общіе экономическіе и политическіе интересы, оказался мало-по-малу подмѣненнымъ принципомъ *космополитизма*, выдающаго разрѣшеніе національной проблемы въ сліяніи отдѣльныхъ національностей въ одну аморфную, амальгамированную отъ всѣхъ индивидуальныхъ особенностей массу.

Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу и тамъ, устами самихъ же ревностныхъ сторонниковъ современнаго научнаго социализма, будетъ доказана вся неубѣдительность, необязательность и даже неестественность этой напрасно мерещившейся раннему социализму связи между двумя различными, логически не совпадающими понятіями — *интернаціонализмомъ* и *космополитизмомъ*. Теперь же, продолжая начатый анализъ раскрытія причинъ игнорированія школой Маркса и Энгельса національной проблемы, ея теоретической цѣнности и практической важности для социализма, я долженъ указать на важную и, пожалуй, основную причину этого явленія, кроющуюся не только въ историческихъ условіяхъ возникновенія, но и въ самой природѣ міровоззрѣнія научнаго социализма.

Центральнымъ пунктомъ этого міровоззрѣнія является, какъ известно, ученіе экономическаго или историческаго матеріализма,

*) Объ этомъ см. не лишеныя интереса данныя въ книгѣ Л. В. Новгородцева (В. А. Поссе), Германія и ея политическая жизнь. Спб. 1904 г. Стр. 175—8.

наложившаго свою неизгладимую печать на весь строй теоретическихъ и практическихъ построений научнаго социализма. Въ пониманіи національнаго вопроса творцами научнаго социализма вліяніе историческаго матеріализма сказалось въ отождествленіи національности съ государствомъ и въ пониманіи націи только въ политическомъ смыслѣ *). И въ качествѣ вполне логическаго вывода изъ основной концепціи историческаго матеріализма, національность трактуется Энгельсомъ въ «Святомъ Семействѣ» лишь какъ проявленіе эгоизма со стороны государства. «Эгоизмъ національный,—говоритъ Энгельсъ,— есть естественный эгоизмъ государства въ противоположность эгоизму феодальныхъ разграниченій», хотя «эгоизмъ, содержаніе котораго есть нація, болѣе общъ или чистъ, чѣмъ эгоизмъ, имѣющій своимъ содержаніемъ отдѣльное сословіе или отдѣльную корпорацію» **).

Материалистическому кругозору Маркса было близко пониманіе расовыхъ вліяній на историческій процессъ, но и разсужденія о вліяніи расъ ***), при всей отдаленности этой темы отъ современнаго пониманія національнаго вопроса (о чемъ будетъ рѣчь ниже, въ дальнѣйшихъ главахъ настоящей работы) фигурируетъ у него въ видѣ случайныхъ обмолвокъ, безъ опредѣленной связи съ общей теоретической концепціей и безъ дальнѣйшихъ практическихъ выводовъ.

Индифферентное и какъ бы пренебрежительное отношеніе къ національному вопросу и національнымъ интересамъ отдѣльныхъ народностей приводило не разъ Маркса и Энгельса къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, вызывавшимъ не малыя недоразумѣнія. Стоитъ, напримѣръ, только вспомнить о саркастическихъ выходкахъ Маркса по адресу славянства, о чемъ многократно вкривъ и вкось толковалось въ критической литературѣ, посвященной марксизму ****).

Не менѣе поучительна въ этомъ отношеніи знаменитая статья Маркса по еврейскому вопросу, давшая поводъ нѣкоторымъ критикамъ, въ томъ числѣ, напр., тому же Масарику, объявлять геніальнаго творца научнаго социализма, къ тому же происходящаго изъ еврейской семьи, «антисемитомъ» *****).

Обвиненіе Маркса въ антисемитизмъ, конечно, совершенно негѣно. Но истиннымъ виновникомъ этой негѣпости является едва ли не самъ Марксъ, допустившій въ своемъ этюдѣ о еврейскомъ вопросѣ странное отождествленіе національнаго содержанія еврейскаго вопроса и національной сущности юдаизма съ нѣкоторыми

*) *Th. Masaryk. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus. Wien. 1899, S. 430—431.*

**) *Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx u. Fr. Engels, B. II, Die Heilige Familie v. Marx, S. 226.*

***) Сюда относится главнымъ образомъ одно извѣстное мѣсто изъ 3-го тома „Капитала“.

****) См. напр. *Masaryk*, цит. соч. S. 440—441.

*****) *Masaryk*. Цит. соч. S. 434.

экономическими сторонами еврейскаго быта, при томъ опредѣленной исторической эпохи *).

Очерченный выше строй теоретическихъ воззрѣній стараго марксизма по національному вопросу естественнымъ образомъ отразился и на конструкціи теоретическихъ положеній, и на самомъ направленіи социаль-демократическаго движенія. Такъ, уже въ историческомъ документѣ, опубликованномъ въ 1847-мъ году и прозвучавшемъ какъ евангеліе всемірной социаль-демократической арміи,—въ Коммунистическомъ Манифестѣ мы читаемъ слѣдующія слова, имѣющія отношенія къ данному вопросу:

«Рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Пока пролетаріатъ еще долженъ завоевать себѣ политическое господство, подняться до положенія господствующаго класса націй **), конституировать себя самого какъ націю, онъ еще самъ націоналенъ, хотя не въ буржуазномъ смыслѣ этого слова.

«Национальная обособленность и антагонизмъ все болѣе и болѣе исчезаютъ уже съ развитіемъ буржуазіи, съ свободой торговли, съ мировымъ рынкомъ, съ однообразіемъ промышленнаго производства и соответствующихъ ему жизненныхъ отношеній.

«Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе. Соединенная дѣятельность, по крайней мѣрѣ цивилизованныхъ странъ, есть одно изъ первыхъ условій его освобожденія.

«Въ той мѣрѣ, въ какой будетъ уничтожена эксплуатація одного индивидуума другимъ, будетъ уничтожена и эксплуатація одной націи другой.

«Вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націи падутъ и враждебныя отношенія націй между собою» ***).

Здѣсь формулируется основной тезисъ интернаціональнаго социализма: національный вопросъ трактуется исключительно какъ проблема національной вражды конкурирующихъ между собою классовъ населенія, которая и прекратится съ прекращеніемъ борьбы классовъ вообще. «Вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовымъ внутри націи падутъ и враждебныя отношенія націй между собою». Иными словами, борьба національностей какъ бы совпадаетъ, по

*) См. *Gesammte Schriften v. K. Mark u. Fr. Engels*. B. I, Stuttgart 1902, S. 424—431.—Марксъ, имѣвшій предъ своими глазами образъ нѣмецкаго еврея-неоцианта и по немъ судившій о сущности «еврейскаго вопроса», вѣроятно радикально намѣнилъ бы свою точку зрѣнія, если бы могъ предвидѣть появленіе современнаго еврейскаго пролетарскаго движенія. Но совершенно непонятно, какимъ образомъ не замѣтилъ узости взгляда Маркса новѣйшіе писатели, какъ Мерингъ и даже живущій въ Россіи г. Луначарскій. Оба они умудрились въ наше время отозваться съ величайшей похвалой о статьѣ Маркса. См. *Schriften*, B. I, S. 352—6. *K. Маркса* Къ еврейскому вопросу. Спб. 1906. Статья *А. Луначарскій*, стр. 3.

**) Въ оригиналѣ „подняться до положенія національнаго класса“ (sich zur nationalen Klasse erheben). М. Р.

***) *Das Kommunistische Manifest*, 6-te Ausgabe. Berlin 1896, s. 22. Есть русскій переводъ во многихъ изданіяхъ.

мысли авторовъ Коммунистическаго Манифеста, съ борьбою классовъ. Но каково взаимоотношеніе этихъ двухъ проблемъ? Какія модификаціи вносить въ классовую борьбу расхожденіе по линіи національныхъ дѣленій? Какими практическими мѣрами социальнаго переустройства можетъ быть парализовано или ослаблено гибельное вліяніе національныхъ дѣленій на планомѣрное развитіе экономической борьбы? Существуетъ ли, наконецъ, самостоятельная социологическая цѣнность національной проблемы и національныхъ потребностей жизни?—На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта въ произведеніи, исходящемъ изъ положенія, что «рабочіе не имѣютъ отечества» и выдвигающемъ впередъ лозунгъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

На дальнѣйшихъ, но все еще первоначальныхъ ступеняхъ социаль-демократическаго движенія не обнаружилось прогреса социалистической мысли въ этой области. Такъ, въ официальной программѣ германской социаль-демократической партіи, принятой на Эрфуртскомъ партейтагѣ въ 1891 году и формулирующей до настоящаго времени обычныя политическія требованія большинства социалистическихъ партій, не содержится какихъ-либо положеній, способныхъ освѣтить съ той или другой стороны отношеніе социализма къ національному вопросу и національной борьбѣ.

Въ общей, теоретической части программы мы не находимъ даже и упоминанія о національной проблемѣ и о требованіяхъ, изъ нея вытекающихъ для современнаго социалиста:

„Пропастъ между имущими и неимущими все болѣе расширяется.

„Только превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства въ общественную собственность и превращеніе товарнаго производства въ социалистическое, ведущееся для общества и самимъ обществомъ, можетъ привести къ тому, что крупное производство и все растущая производительность труда ввернутся для нинѣ эксплуатируемыхъ классовъ изъ источника нищеты и гнета въ источникъ высшаго благоденствія и всесторонняго гармоническаго совершенствованія.

„Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо является политической борьбой.

„Интересы рабочихъ классовъ тождественны во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства.

„Освобожденіе рабочаго класса является, поэтому, дѣломъ, въ которомъ въ равной мѣрѣ принимаютъ участіе рабочіе всѣхъ культурныхъ странъ. Сознывая это, социалдемократическая партія Германіи чувствуетъ и привозглашаетъ себя солидарной съ сознательными рабочими всѣхъ остальныхъ странъ.

„Социалдемократическая партія Германіи борется не за новыя классовыя привилегіи и преимущества, но за уничтоженіе классоваго господства и самыхъ классовъ, за равныя права и равныя обязанности всѣхъ, *безъ различія пола и происхожденія*. Исходя изъ этихъ возрѣній, она борется въ современномъ обществѣ не только противъ эксплуатаціи и угнетенія наемныхъ рабочихъ, но и *противъ всякаго рода эксплуатаціи и угнетенія*, направлены ли они противъ класса, партіи, пола или расы.

Изъ подчеркнутыхъ мною въ приведенномъ отрывкѣ изъ текста программы словъ о *происхожденіи* и *расѣ*, правда, видно, что по

смыслу Эрфуртской программы германская социаль-демократія включаетъ въ содержаніе своей политической борьбы и противодѣйствіе существующему національному угнетенію. Но изъ программы совершенно не видно, какими реальными средствами достигается, съ точки зрѣнія ея авторовъ, достиженіе указанной цѣли—уничтоженіе національнаго угнетенія? Каковъ намѣчаемый путь вмѣшательства партіи въ разыгрывающуюся или могущую разыгратъя предъ нею національную борьбу? Каковы возможныя пути социалистической національной политики, и каковъ идеаль будущиѣхъ національныхъ отношеній? На всѣ эти вопросы мы не найдемъ никакого отвѣта ни въ общей части Эрфуртской программы, основныя мысли которой въ этой области приведены выше, ни въ практической, прикладной части ея. Изъ 15 пунктовъ, послѣдней ни одинъ не относится къ вопросу объ урегулированіи національныхъ отношеній *).

Не лучше обстоятъ дѣло и въ знаменитомъ комментарий къ Эрфуртской программѣ, принадлежащемъ перу Каутскаго. Сужденія по національному вопросу этого виднаго теоретика научнаго социализма, высказанныя имъ давно, но сохранившіяся и въ новѣйшихъ изданіяхъ его комментарія къ Эрфуртской программѣ, отличаются поразительной наивностью. Это, по его мнѣнію, «купецъ» всегда былъ и остается «націоналистомъ». «Онъ даже въ большинствѣ случаевъ становится шовинистомъ, чувствуя всѣхъ непосредственнѣе все значеніе величія своего отечества для наполненія своего кармана». Но «не то съ пролетаріемъ. На родинѣ государство не избаловало его своимъ покровительствомъ, за границей ему не зачѣмъ искать защиты у отечества... Современный пролетарій отрывается отъ отечества гораздо полнѣе, чѣмъ странствующій подмастерье цехового періода или купецъ. Онъ становится истиннымъ космополитомъ, его отечество—весь міръ» **).

Такова точка зрѣнія наивнаго,—сказалъ бы первобытнаго, космополитизма, проникающаго знаменитую Эрфуртскую программу. Мы сейчасъ увидимъ, какъ неизмѣримо далека эта точка зрѣнія отъ современнаго воззрѣнія междунагоднаго социализма въ той области. Мы наглядно убѣдимся въ коренной эволюціи и взглядовъ самого Каутскаго. Но обрисованныя сужденія его остаются, какъ я указалъ, нерушимыми и въ новѣйшихъ изданіяхъ его комментарія къ Эрфуртской программѣ. А между тѣмъ эта Эрфуртская программа послужила, какъ извѣстно, прототи-

*) Эрфуртская программа помѣщается въ началѣ всѣхъ протоколовъ партейтаговъ партіи. На русскомъ языкѣ Эрфуртская программа помѣщена въ книгѣ: *К. Каутскій Эрфуртская программа*, 2-ое изд. М. 1906, стр. IX—XV. *И. Чернышевъ* Памятная книжка марксиста. Спб. 1906, стр. 183—188.

**) *K. Kautsky. Das Erfurter Programm. Stuttgart, 1892 S. 189.*—Русскій переводъ: *К. Каутскій. Эрфуртская программа*, стр. 278.

помѣ для программъ социалистическихъ партій другихъ странъ, и отмѣченныя черты въ пониманіи національнаго вопроса оказались присущими и имъ.

Въ 1892 году принимается въ Генуѣ программа итальянской социалистической партіи. Въ 1893 году, на конгрессѣ въ Брюсселѣ, вотируется программа рабочей партіи въ Бельгіи. Программа рабочей партіи во Франціи вырабатывается на цѣломъ рядѣ національныхъ и областныхъ конгрессовъ въ Марсели, Парижѣ, Гаврѣ, Реймсѣ въ періодъ времени 1879—82 годовъ и подтверждается всѣми позднѣйшими конгрессами съ поправками, не относящимися къ національному вопросу. И во всѣхъ этихъ программахъ, играющихъ роль практическихъ директивъ для борющагося пролетаріата важнѣйшихъ странъ Европы, мы не найдемъ никакихъ положеній, относящихся къ національному вопросу, способныхъ въ той или иной мѣрѣ освѣтить этотъ вопросъ съ социалистической точки зрѣнія. И только въ новѣйшей программѣ швейцарской социаль-демократической партіи, принятой на конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 1904 г., программѣ, отличающейся наибольшей теоретической полнотой и носящей въ нѣкоторыхъ частяхъ (напр., въ пониманіи аграрнаго вопроса) явные слѣды новѣйшаго ревизионизма, мы находимъ слѣдующія мѣста, содержація въ себѣ братскія указанія, почти намеки на значеніе національнаго вопроса:

„Швейцарская социаль-демократія, вмѣстѣ съ социалистическими партіями всѣхъ культурныхъ странъ, борется путемъ классовой борьбы за уничтоженіе классовъ и классовыхъ противорѣчій, за то, чтобы на ихъ мѣсто поставить солидарность гражданъ всѣхъ народовъ и своей побѣдой уничтожить также національныя противорѣчія и водворить солидарность всѣхъ народовъ. Этимъ интеллигентная социаль-демократія освободитъ націи отъ проклятаго милитаризма и принесетъ имъ, съ освобожденіемъ отъ нищеты и заботъ, миръ и братство для совмѣстнаго устройства и культивированія всего земнаго шара* *).

Читатель видитъ, однако, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ мимолетнымъ замѣчаніемъ о національномъ вопросѣ, нисколько не нарушающимъ общаго характера космополитическихъ разсужденій программы о всеобщемъ братствѣ и всечеловѣческой солидарности, которыя будутъ добыты планомѣрно-организованной классовой борьбой.

Таково теоретическое соотношеніе научнаго социализма и таковы практическіе взгляды современныхъ европейскихъ социалистовъ въ области національнаго вопроса. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что такъ обстоитъ дѣло лишь въ официальной, программной, такъ сказать, части современнаго социалистическаго

*) На русскомъ языкѣ читатель найдетъ программы главнѣйшихъ социалистическихъ партій въ кн. *И. Чернышев. Памятная книжка марксиста*, ч. III. Стр. 181—228. Ср. также у *Р. Энзора Современный социализмъ*. Москва 1906. стр. 385—441.

движенія. Въ дѣйствительности же, въ глубинахъ этого движенія зрѣеть серьезная эволюція и по національному вопросу, и не даромъ Отто Бауеръ говоритъ о «національномъ ревизионизмѣ», ревизионизмъ въ области національнаго вопроса, характеризующемъ современное социалистическое сознание и настроеніе широкихъ рабочихъ массъ. И надо признать, что такой ревизионизмъ находитъ себѣ полное оправданіе въ объективныхъ условіяхъ новѣйшаго социальнаго развитія.

IV.

Тонкій и вдумчивый изслѣдователь современнаго экономическаго строя, Вернеръ Зомбартъ, давшій въ своемъ капитальномъ трудѣ «Der Moderne Kapitalismus» и въ другихъ болѣе мелкихъ работахъ тщательную характеристику всѣхъ изгибовъ новѣйшаго капиталистическаго развитія, отмѣтилъ, между прочимъ, важное значеніе національныхъ особенностей современнаго социальнаго движенія, которое,—по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ стадіяхъ его развитія, создаетъ особые «національные типы», какъ, напр., англійскій, французскій, нѣмецкій *).

Зомбартъ не далъ, къ сожалѣнію, этому своему интересному наблюденію надлежащаго социологическаго объясненія, но самое наблюденіе, несомнѣнно, вѣрно. Внимательное наблюденіе надъ формами существующихъ экономическихъ отношеній обнаруживаетъ, съ одной стороны, гигантскій ростъ капитализма, втягивающаго въ свои сѣти все большее количество странъ, связанныхъ единой нитью торгово-промышленныхъ отношеній и интересовъ. Отсюда то единство общихъ основъ капиталистическаго строя, то единообразіе новѣйшаго экономическаго развитія, которое нашло себѣ столь блестящее истолкованіе въ гениальныхъ трудахъ Карла Маркса. Но это единство, это единообразіе общихъ началъ и формъ, нисколько не мѣшаетъ сохраненію разнообразія и индивидуальности, создающихъ то, что я назвалъ бы децентрализацией новѣйшей экономической жизни. Дѣло въ томъ, что при всемъ господствѣ капиталистическаго строя, налагающаго неизгладимую печать не только на экономическую, но и на всѣ прочія стороны жизни новѣйшихъ народовъ, далеко не всѣ современныя страны характеризуются одинаковой *степенью развитія* капитализма. Въ каждой данной странѣ, у cadaго народа существуетъ своя степень развитія капиталистическаго строя, свои особыя отношенія капиталистической промышленности къ другимъ, не капиталистическимъ родамъ хозяйства, свое особое численное отношеніе пролетарскихъ, занятыхъ въ капиталистической индустріи массъ къ другимъ трудовымъ эле-

*) В. Зомбартъ. Соціализмъ и социальное движеніе. Перев. съ 6-го нѣм. изд. подъ ред. В. Тотоміанца. Спб. 1906, стр. 112—124.

ментамъ населенія. Это естественно объясняется тѣмъ, что даже въ странѣ блестящаго развитія капитализма—въ Англии, эта форма промышленности далеко не захватила всей области труда и хозяйства; въ другихъ же странахъ замѣчается еще большее смѣшеніе различныхъ періодовъ и типовъ экономического развитія. Необходимо, такимъ образомъ, признать, что общій капиталистическій характеръ современнаго экономического быта не мѣшаетъ образованію отдѣльных типовъ капиталистическаго развитія, отличающихся особой экономической структурой предприятий, особымъ строемъ классовыхъ отношеній и цѣлымъ рядомъ другихъ индивидуальныхъ отличій, проникающихъ уже въ область психологій и бытовыхъ особенностей народовъ.

Указанное различіе экономическихъ типовъ обнаруживается не только въ предѣлахъ территоріально отграниченныхъ странъ и государствъ, но и въ предѣлахъ *народностей*. Можно, разумеется *съ конечнымъ счетъ* сводить индивидуальные особенности великорусскихъ, малорусскихъ, польскихъ, армянскихъ, грузинскихъ и т. п. экономическихъ отношеній къ особенностямъ соотвѣтствующей географической среды. Но для каждаго даннаго момента существуютъ, какъ неизбѣжный фактъ, индивидуальные особенности хозяйства этихъ народностей, которыя мы вправѣ, поэтому, называть *національными* особенностями народнаго хозяйства. Разительнымъ примѣромъ, доказывающимъ правильность этой мысли, можетъ служить неоднократно указывавшійся фактъ особаго, весьма своеобразнаго уклада экономическихъ отношеній, отличающихъ бытъ вполнѣ экстерриторіальной народности—еврейской. На этомъ явленіи, подвергающемся въ настоящее время всестороннему освѣщенію въ специальной русско-еврейской литературѣ и образуящемъ одинъ изъ главныхъ факторовъ дифференціаціи еврейскихъ національно-политическихъ теченій, какъ нельзя болѣе ярко и краснорѣчиво обнаруживается сила національнаго момента въ народномъ хозяйствѣ.

Необходимо, однако, отмѣтить еще одно вліяніе, дѣйствующее въ томъ же направленіи. Въ предыдущей главѣ уже было вскользь отмѣчено естественное стремленіе народныхъ массъ къ устраненію взаимныхъ національныхъ треній, гнетущихъ національныхъ конфликтовъ, стоящихъ по пути плановѣрнаго развитія классовой борьбы. Но это же явленіе имѣетъ и другую существенную сторону. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ приходилось уже указывать «на процессъ націонализаціи жизни, возникающій со вступленіемъ широкихъ народныхъ массъ въ ряды активныхъ дѣателей историческаго развитія. Космополитизмъ интеллигентныхъ одиночекъ, проникнутыхъ ассимиляціонной идеологіей, всегда смѣняется глубоко и органически-національными формами жизни, какъ только на авансцену политической борьбы выступаютъ во всей своей стихійной цѣлостности народныя массы, чуждыя абстрактной

культурности, но связанныя тысячью живыхъ нитей со всей совокупностью специфической соціальной среды своего времени, своего мѣста, своей родины, своего народа» *).

Въ результатъ дѣйствія всѣхъ очерченныхъ факторовъ получается то, на первый взглядъ мало понятное и трудно объяснимое явленіе, что пышный расцвѣтъ капиталистической культуры, характеризующій вторую половину XIX вѣка, вызвавъ на свѣтъ высшее проявленіе интернаціональной солидарности организованнаго пролетаріата, не привелъ, однако, къ воплощенію космополитическихъ идеаловъ, а явился, наоборотъ, ареной безпримѣрныхъ по напряженію народныхъ силъ національныхъ движеній. И вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ понятнымъ становится, почему новѣйшіе теоретики социализма и современные дѣятели социалистическаго и даже, въ частности, социалдемократическаго движенія далеко отошли не только отъ игнорирования, но и отъ былого прямолинейнаго трактованія національнаго вопроса.

Приведу два-три примѣра для иллюстраціи.

Такъ, Карлъ Каутскій,—тотъ самый Каутскій, который, какъ мы видѣли, еще въ комментаріи къ Эрфуртской программѣ обнаружилъ такое пренебрежительное отношеніе къ національному вопросу, съ теченіемъ времени продѣлалъ весьма поучительную эволюцію въ этой области. Въ одной изъ сравнительно старыхъ статей своихъ онъ еще находилъ, что «національное чувство стало факторомъ, который дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, безъ всякой связи съ экономическимъ развитіемъ страны и, при извѣстныхъ условіяхъ, даже во вредъ этому развитію»; что «существуетъ потребность въ объединеніи націй современной цивилизаціи въ одну экономическую область, потребность въ уничтоженіи національныхъ разграниченій»; что «національныя стремленія, какъ ни выгодны они были до сихъ поръ, становятся все болѣе и болѣе бесполезными, а иногда даже вредными»; что «національная идея стала мантией, въ которую драпируются всякіе спекуляторы и карьеристы» и т. д. и т. д. **) Однако, въ дальнѣйшихъ работахъ того же автора обнаруживаются проблески совершенно иного пониманія національнаго вопроса. Въ статьѣ о національныхъ задачахъ Австріи, вопреки прежнему своему взгляду на наличность экономической тенденціи къ ассимиляціи, Каутскій находитъ, что «капитализмъ овладѣлъ Австріей, пробудилъ отъ сна ея народы и разбудилъ въ нихъ потребность національнаго самоопредѣленія». Мало того, по его мнѣнію, «экономическое развитіе Австріи и Турціи не способствуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, сплоченію національностей,

*) М. В. Ратнеръ. Эволюція социалистической мысли въ національномъ вопросѣ, стр. 16. Болѣе подробно см. объ этомъ въ сб. „Возрожденіе“ (Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема), Спб., 1906, стр. 29—33.

**) К. Каутскій. „Національность нашего времени“. Перев. Г. Львовича. Изд. 2-е. Спб., 1906, стр. 37, 43, 44 и др.

поглощенію крупными національностями мелкихъ и созданію, такимъ образомъ, національностей, живущихъ въ замкнутыхъ областяхъ; оно скорѣе содѣйствуетъ еще большому смѣшенію націй, создавая все новыя и новыя группы». Въ дальнѣйшемъ онъ весьма одобрительно отзывается о выставленной австрійской социаль-демократіей программѣ національной автономіи *). А въ статьѣ о національномъ вопросѣ въ Россіи Каутскій уже съ полной определенностью признаетъ, что «социаль-демократія должна быть въ такой же мѣрѣ національной, какъ демократической», и что «национальная автономія можетъ и должна стать лозунгомъ интернациональной социаль-демократіи» **).

Намъ не зачѣмъ, впрочемъ, прибѣгать къ примѣрамъ эволюціи мысли отдѣльныхъ авторовъ для доказательства того несомнѣннаго положенія, что въ мировоззрѣніи социализма въ области національнаго вопроса за послѣднее время совершился крутой и рѣзкій переломъ. Для этой цѣли легче и цѣлесообразнѣе всего воспользоваться имѣющимся въ нашихъ рукахъ драгоценнымъ свидѣтельствомъ—отчетомъ о дѣятельности послѣдняго (состоявшагося въ августѣ 1907 г.) очереднаго международнаго социалистическаго конгресса въ Штуттгартѣ.

Какъ вполне вѣрно отмѣтилъ авторъ интереснаго отчета о Штуттгартскомъ конгрессѣ, Н. Гайдаровъ, «национальный вопросъ не стоялъ на ordге du jour конгресса. Но духъ его виталъ надъ всѣми работами его. Въ сущности, еще не было ни одного международнаго социалистическаго конгресса, который занимался бы такъ много національнымъ вопросомъ и который высказался бы относительно него съ такой полнотою, какъ Штуттгартскій конгрессъ» ***). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что на очередь дня были поставлены такіе вопросы, какъ колониальная политика, милитаризмъ, эмиграціонная проблема. Такимъ путемъ дѣятели интернациональнаго социализма оказались вплотную охваченными цѣлымъ роємъ вопросовъ, въ вихрѣ которыхъ невольно сверлила мозгъ все та же навойливая національная проблема.

*) К. Каутскій. Кризисъ въ Австріи, см. въ сборн. „Очередныя проблемы международнаго социализма“. Спб., 1906, стр. 290, 292, 301 и др.

***) См. В. Медемъ. Социаль-демократія и національный вопросъ. Въ прилож. ст. К. Каутскаго. О національномъ вопросѣ въ Россіи. Изд. „Трибуна“. Спб., 1906, стр. 58—64.—Въ самое послѣднее время Каутскій призналъ, что „крестьянское хозяйство при одной и той же техникѣ можетъ служить основой очень различныхъ общественныхъ формъ, смотря по жизни страны и свойствамъ ея соседей“ и что „новое состояніе общества зависитъ отъ техники, естественной среды, свойствъ соседей и предковъ существующаго общества“. К. Kautsky. Ethik und Geschichtsauffassung. Stuttgart, 1906, S. 116, 189. Это уже большая диверсія въ сторону признанія „национальнаго фактора“.

****) П. Гайдаровъ. Штуттгартскій конгрессъ. Сборникъ „Серія“. В. II, стр. 289.

Прислушаемся, каковы же были высказанные по этому вопросу новые взгляды.

Уже при обсужденіи вопросовъ колониальной политики опредѣленно прозвучала нота вполне свободнаго пониманія національнаго вопроса.

Делегатъ Соединенныхъ Штатовъ, Саймонсъ заявилъ, что

„мы представляемъ себѣ социалистическую систему, какъ братскій союзъ націй и расъ, но ни въ какомъ случаѣ не такъ, чтобы одна часть человѣчества господствовала, а другая подчинялась“.

Ему вторилъ германскій делегатъ Ледебуръ, заявившій:

„Мы абсолютно отвергаемъ право опеки одного народа надъ другимъ и считаемъ невозможнымъ, чтобы конгрессъ одобрилъ подобнаго рода опеку*“).

Тѣ же взгляды отразились и на резолюціяхъ конгресса. Такъ, въ внесенной Ванъ-Колемъ, Вибо и Ледебуромъ резолюціи говорилось, что

„капитализмъ по существу своему не имѣетъ иной цѣли, кромѣ завоеванія чужихъ странъ и подчиненія себѣ чужихъ народностей“,—

въ то время какъ, по словамъ проектированной Давидомъ резолюціи,

„социализмъ стремится предоставить человѣчеству возможность использовать производительныя силы всего земнаго шара и вести къ высшей культурѣ народы всѣхъ расъ и всѣхъ нарѣчій“ **).

Болѣе опредѣленный характеръ носили мысли по національному вопросу, сквозившія въ дебатахъ на самую боевую тему конгресса—о милитаризмѣ. Правда, пресловутый Эрве, такъ много нашумѣвшій своимъ анти-милитаристскимъ походомъ, пробовалъ внести резолюцію, въ которой встрѣчаются знакомыя намъ слова:

„для пролетариата безразлично, подъ какимъ національнымъ и империалистическимъ (!) (курс. мой) ярлыкомъ его эксплуатируютъ капиталисты“...

Но извѣстенъ приемъ, оказанный взглядамъ Эрве на конгрессѣ

Бельгійскій делегатъ Трокге, касаясь рѣчи Эрве, предшествовавшей цитированной резолюціи, при общемъ смѣхѣ конгресса, ядовито процитировалъ:

„Эрве говорилъ, что нѣтъ отечества. Онъ живо ставитъ на мѣсто отечества „Соединенные штаты Центральной Европы“. Чтобы быть последовательнымъ, онъ долженъ былъ бы уничтожить всѣ границы и только сожалѣть, что онъ не можетъ включить и Марсъ въ Интернаціональ“.

Въ томъ же тонѣ ѣдкой ироніи Жоресъ напомнилъ о томъ, какъ по поводу выходовъ Эрве,

„Matin“ помѣстилъ снимки со всѣхъ насъ и окружилъ портреты надписью: „Національные социаль-демократы“. только я и мои французскіе друзья окружены надписью: „Антинаціональные социаль-демократы“ ***).

*) Н. Гайдаровъ, цит. ст., стр. 254—5.

**) „За рубежомъ“. Международн. социалист. конгрессъ въ Штуттгартѣ, съ приложеніемъ стат. Мартова „Конгрессъ въ Штуттгартѣ“, Спб., 1907, стр. 12, 13.

***) Тамъ же, стр. 71, 62, 66.

Другіе делегаты конгресса выразились по этому поводу съ интересною для насъ опредѣленностью и категоричностью.

Фольмаръ:

„Неправда, будто у насъ нѣтъ отечества. Мы имѣемъ отечество. Какъ бы далеко мы ни шли въ признаніи общности культурныхъ интересовъ всѣхъ народовъ, мы безусловно отказываемся примкнуть къ утопическому воззрѣнію, будто было бы желательнo, чтобы націи исчезли и чтобы на ихъ мѣсто появилась безразличная всенародная каша“.

Браншингъ съ ироніей предлагаетъ выразить благодарность Эрве за то, что

„онъ далъ намъ поводъ показать наше полное единодушіе относительно того, что націонализмъ и интернационализмъ не суть противоположности, но, наоборотъ, взаимно дополняютъ другъ друга“.

Вальянъ:

„Націи являются не только полезными, но даже *необходимыми* элементами человѣческаго развитія“.

Бебель:

„Эрве думаетъ, что отечество есть только отечество господствующихъ классовъ и, стало быть, должно остаться безразличнымъ для пролетариата... Это еще большой вопросъ, кому принадлежитъ отечество. Въдъ вся культурная жизнь развивается только на почвѣ родного языка, на почвѣ національности. Взгляните на Австрію, на борьбу поляковъ за ихъ національное возрожденіе. И въ Россіи безспорно поднимется національный вопросъ.“

Каждый народъ, страдающій подъ чужимъ господствомъ, даже когда оно приноситъ ему благодѣяніе, подымается всей своей массой на борьбу за свободу и отодвигаетъ на задній планъ всѣ остальные цѣли“.

При такихъ условіяхъ Вандервельде, докладчикъ комиссіи по этому вопросу, слѣдующимъ образомъ резюмировалъ сущность происходившихъ на конгрессѣ преній по національному вопросу:

„Мы были совершенно единодушны относительно того пункта, который былъ такъ блестяще наложенъ въ рѣчахъ Бебеля и Вальяна, какъ предпосылкой для нашего интернационализма является существованіе свободныхъ и автономныхъ націй. Рабочій интернациональ не есть аморфная масса. Онъ—свободное объединеніе живыхъ организацій, союзъ не только самостоятельныхъ государствъ, но и *націй*... Можно признать существованіе націй необходимымъ и въ то же время никoимъ образомъ не ослаблять международной связи рабочихъ... Какъ далеки мы отъ того времени, когда слова „Коммунист. Манifesta“: „пролетариатъ не имѣетъ отечества“ толковались въ смыслѣ полного безразличія и даже враждебнаго отношенія къ интересамъ національной независимости. Теперь эти слова получаютъ совершенно другой смыслъ. „Пролетариатъ не имѣетъ отечества“, потому что его отечество захвачено буржуазіей и эксплуатируется ею исключительно въ свою пользу. Онъ не имѣетъ отечества, это значитъ: онъ долженъ завоевать его себѣ. Или, какъ Дашинскій выразилъ эту мысль въ своей рѣчи на Капштадтскомъ Лугу: „бездомному народу завоевать отечество, какъ мѣсто для проявленія человѣческаго достоинства и человѣческой радости,—вотъ задача социализма“.

«Представляютъ ли національное и интернациональное противо-

положности?»—спрашивалъ наканунѣ открытія конгресса Бебель въ своей статьѣ въ «Schwäbische Tagwacht» и отвѣчалъ:

„Задача рабочаго класса всѣхъ культурныхъ странъ въ одно и то же время національна и интернаціональна... Национальное и интернаціональное вовсе не является понятіями и стремленіями, исключаящими другъ друга; наоборотъ, они другъ друга *дополняютъ*. Подобно тому, какъ въ предѣлахъ собственнаго народа истинное благосостояніе всѣхъ соплеменниковъ зависитъ отъ того, хорошо ли живетъ каждой отдѣльной личности, такъ и въ предѣлахъ великой семьи народовъ благо одного народа зависитъ отъ блага всѣхъ другихъ“ *).

Читая эти строки, слушая эти слова, невольно соглашаешься съ мыслью Вандервельде: «какъ далеки мы отъ этого времени, когда слова *Коммунистическаго Манифеста* «пролетаріатъ не имѣетъ отечества...» толковались въ столь превратномъ смыслѣ. Прогрессъ человѣческой мысли, въ связи съ давленіемъ конкретныхъ условій реальной исторической жизни, мало-по-малу сдѣлалъ свое дѣло.

Различіе двухъ понятій: *интернаціонализма* и *космополитизма* было, наконецъ, усвоено, и «наивный космополитизмъ» рабочихъ массъ и ихъ соціалистическихъ представителей смѣнился, по терминологіи Отто Бауера, «сознательнымъ интернаціонализмомъ» **), апеллирующимъ къ общности международныхъ интересовъ трудовыхъ массъ, но умѣющимъ не посягать на автономность національной жизни, со всѣми возникающими въ этой сферѣ модификаціями индивидуальнаго развитія.

Можно, конечно, сказать, что всѣ приведенныя мысли, съ такимъ единодушіемъ и такой настойчивостью высказанныя на Штуттгартскомъ конгрессѣ, хотя и характеризуютъ опредѣленное настроеніе современныхъ соціалистическихъ сферъ въ данной области, но не даютъ еще, однако, матеріала для сужденія о практическомъ, такъ сказать, пониманіи національнаго вопроса тѣми же сферами. Но это указаніе, правильное по существу, ослабляется тѣмъ фактомъ, что все же есть одна соціалистическая партія, въ дѣятельность которой давно уже входитъ, въ качествѣ одной изъ очередныхъ политическихъ задачъ, разработка національной программы. Я разумѣю австрійскую соціаль-демократическую партію. Въ странѣ, гдѣ національныя различія велики и разнообразны, а національные конфликты, давно достигнувъ высшей точки кипѣнія, дѣйствуютъ съ развѣдающею силою, невольно отодвигая на задній планъ всѣ животрепещущіе вопросы иного соціального порядка, австрійскіе соціалисты естественнымъ ходомъ вещей и реальными нуждами политической борьбы давно приведены къ необходимости урегулированія взаимныхъ національныхъ отношеній и выработки съ этою цѣлью практической національной программы. Работа эта,

*) *Гайдаровъ*, цит. ст., стр. 241—250.

***) *Otto Bauer*, цит. соч., S. 522—3.

однако, оказалась не легкой, возможной къ проведенію лишь постепенно. Напомню главные ея этапы.

Программныя постановленія социаль-демократической рабочей партіи въ Австріи, выработанныя въ Гайнфельдѣ въ 1888—89 гг. и дополненныя, а на партейтгѣ въ Вѣнѣ въ 1892 году, носятъ обычный для социалистическихъ программъ общій характеръ. Здѣсь говорится:

„Австрийская социаль-демократическая рабочая партія добивается для всего народа, безъ различія національности, расы и пола, освобожденія изъ подъ ига экономической зависимости, уничтоженія политическаго безправія и поднятія народа изъ духовной тьмы“.

„Австрийская социаль-демократическая рабочая партія есть партія интернаціональная. Она осуждаетъ привилегіи націй такъ же, какъ и привилегіи рожденія, и пола, владѣнія и происхожденія, и объявляетъ, что борьба противъ эксплуатаціи должна быть интернаціональной, какъ интернаціональна сама эксплуатація“ *).

Мы видимъ, что здѣсь предъ нами обычные недостатки старыхъ социалистическихъ національныхъ программъ. Одрѣ общія мысли, ни одного конкретнаго предложенія, ни одного практическаго мѣропріятія. Обнаружившееся вскорѣ недовѣльство такого рода «программой» по наболѣвшему вопросу народной жизни понятно, и послѣ пѣлаго ряда опытовъ литературной разработки національный вопросъ былъ поставленъ на специальное обсужденіе Брюннскаго партейтага, собравшагося 24—29 сентября 1899 года. Въ исторіи развитія социалистической мысли въ области національнаго вопроса работы этого партейтага представляютъ собою своего рода кульминаціонный пунктъ; историческое значеніе этихъ работъ несомнѣнно. Я коснусь только самаго существа затронутыхъ на партейтагѣ вопросовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, среди членовъ партейтага оказалось не мало «ортодоксовъ», для которыхъ самая постановка національнаго вопроса на очередь на социалистическомъ съѣздѣ представлялась странной и нецѣлесообразной.

Делегатъ Прегаферъ (Зальцбургъ) по этому поводу говорилъ:

„Я думаю, что національная борьба пристокаетъ не изъ національныхъ, а изъ экономическихъ интересовъ буржуазныхъ классовъ. Поэтому національная борьба есть явленіе буржуазнаго происхожденія и насъ совершенно не касается“ **).

Прегаферу вторили другіе делегаты разныхъ національностей: Либерманъ (Пржемысль):

„Я здѣсь вспоминаю Маркса, который говоритъ: „Въ исторіи только экономическія побужденія массъ имѣютъ рѣшающее значеніе. Если буржуазныя партіи увлекаются національнымъ шутовствомъ, то массы въ

*) Памятная книжка марксиста, стр. 188—193.

***) Цитирую по брошюрѣ „Дебаты по національному вопросу на Брюннскомъ партейтагѣ. Кн.—во „Серпъ“, стр. 40. Въ дальнѣйшемъ нумераціи страницъ относится къ этому же изданію.

своей дѣятельности не идеалистичны и не могутъ забыть свои экономическіе интересы". (61—62).

Геринъ (Тріестъ):

„Мнѣ національный вопросъ представляется вопросомъ желудка для буржуазіи и, какъ таковой, онъ долженъ насъ трогать очень мало... Теперь у насъ, социалдемократовъ, только одна задача: продолжать классовую борьбу“ (50—51).

Но эта прямолинейная точка зрѣнія, исполнѣ въ духѣ ортодоксальнаго материалистическаго марксизма, не вызвала сочувствія въ большинствѣ съѣзда, собравшагося съ опредѣленной практической цѣлью — выработки національной программы, потребность въ которой, съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, давно была признана въ процессѣ политической борьбы. Старая нота прозвучала, какъ отзвукъ давно пережитыхъ традицій, какъ естественная дань окаменѣвшей догмѣ, все еще владѣвшей умомъ и сердцемъ ортодоксовъ. Но мнѣніе большинства сложилось совсѣмъ въ иномъ направленіи.

Вождь партіи Адлеръ категорически заявилъ:

„Мы не легкомысленны и не безъ долгаго колебанія приступили къ разсмотрѣнію національнаго вопроса. Не положеніе дѣлъ въ Австріи таково, что наша партія должна, наконецъ, дать ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ... Долженъ сознаться, меня крайне удивляетъ, что многіе изъ присутствующихъ ломаютъ себѣ головы надъ вопросомъ, какъ это отразится на экономическихъ отношеніяхъ... Мы должны намѣтить направленіе, по которому намъ надо пойти, для того, чтобы не вышлись Австрія, а народы, ее населяющіе, достигли чего нибудь“ (40—41).

Дашинскій (полякъ):

„Съ національными особенностями мы должны считаться; мы стали сильнѣе только потому, что начали считаться съ ними и уже два года тому назадъ созрѣли для того, чтобы успѣшно разрѣшить національный вопросъ внутри партіи. Дѣло идетъ теперь о томъ, можемъ-ли мы и должны-ли установить эту программу для всего государства“ (44—5).

Пернерсторферъ (Вѣна):

„Если еще находятъ члены партейтага, которые въ возбужденіи національнаго вопроса усматриваютъ „затемненіе классового самосознанія пролетаріата“, то я позволю себѣ указать, что мы именуемся социалдемократической партіей, и мы должны были бы вычеркнуть изъ своей программы слово „демократическій“, если бы мы не поддерживали тѣхъ требованій демократіи, которыя утверждаютъ права каждаго народа на національное существованіе“ (51—2).

Предположеніе, что самая постановка національнаго вопроса на социалдемократическомъ партейтагѣ, можетъ нѣкоторымъ показаться странною и неожиданною, было столь распространено, что докладчикъ Зелигеръ началъ свой докладъ съ отвѣта на этотъ вопросъ:

„Можетъ показаться прѣтвортвѣемъ, что мы, конгрессъ интернациональной социалдемократіи въ Австріи, ставимъ вопросъ о разрѣшеніи національной проблемы... Характерно, что мы, которыхъ клеймятъ кличкой людей безъ націи, безъ отечества, мы ищемъ разрѣшенія національ-

ной проблемы... Все это мнѣ лично не кажется противорѣчимъ; напротивъ, я рассматриваю наше внимательство въ разрѣшеніе національной проблемы, какъ выполненіе естественной задачи австрійской социалдемократіи. Мы твердо убѣждены, что при настоящемъ положеніи вещей больше всѣхъ страдаетъ рабочій классъ. Рабочій классъ выноситъ на своихъ плечахъ наибольшую долю борьбы національностей и исключительно онъ оплачиваетъ матеріальныя издержки этой войны. Я не говорю уже о томъ, что тамъ, гдѣ происходятъ національныя тренія, гдѣ страдаютъ люди, гдѣ льется кровь, тамъ обыкновенно страдаетъ пролетаріатъ, ибо онъ принимаетъ участіе въ каждомъ политическомъ событіи, то въ качествѣ непосредственнаго борца, то какъ зритель... Неясность австрійской національной проблемы всегда давала феодаламъ и клерикаламъ возможность возстановлять одну націю противъ другой съ тѣмъ, чтобы на вспыхивавшемъ огнѣ национальной вражды „варить себѣ кушанье“ и оказывать огромное вліяніе на государственную жизнь... Мы не должны смотрѣть на эту борьбу со сложными руками, такъ какъ въ этой національной битвѣ буржуазіи больше всего страдаетъ пролетаріатъ. За послѣдніе 2¹/₂ года ожесточенной національной борьбы социалдемократическіе депутаты не имѣли возможности провести въ парламентъ абсолютно необходимыя и насущныя законы въ области рабочаго законодательства и придать нашимъ требованіямъ тотъ вѣсъ, который необходимъ для ихъ реализаціи“ (80—2).

Въ цитированныхъ строкахъ доклада сконцентрирована сущность тѣхъ чисто практическихъ соображеній, вслѣдствіе которыхъ большинство съѣзда пришло къ необходимости выработки опредѣленной національной программы. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что къ концу дебатовъ самая мысль о необходимости, въ интересахъ пролетаріата, выработки такой національной программы уже ни въ комъ не вызвала сомнѣній. Но каково возможное конкретное разрѣшеніе національной проблемы съ точки зрѣнія интернациональнаго социализма и примѣнительно къ условіямъ австрійской жизни? И этотъ вопросъ вызвалъ оживленныя пренія на партейтагѣ.

Работавшая до партейтага соединенная исполнительная коммиссія, составленная изъ представителей всѣхъ австрійскихъ національностей, внесла, въ видѣ проекта, свою резолюцію, которая и послужила канвой для обсужденія вопроса. Авторы резолюціи, исходя изъ тѣхъ соображеній, что «національныя распри въ Австріи препятствуютъ политическому прогрессу и парализуютъ культурное развитіе народовъ», что «эти распри вызываются, прежде всего, политическимъ несовершенствомъ общественнаго устройства», и что «продолженіе національной борьбы является лучшимъ средствомъ, при помощи котораго командующіе классы обезпечиваютъ себѣ господство и препятствуютъ всякому проявленію истинныхъ народныхъ интересовъ»,—проектируютъ такое устройство, при которомъ, на ряду съ твердымъ соблюденіемъ «принциповъ интернациональнаго боевого единенія», признается «право каждой націи на національное существованіе и національное развитіе», декретируется отиѣна всякихъ «національныхъ привилегій», въ томъ числѣ и требованія «государственнаго языка». Самый строгъ взаим-

ныхъ національныхъ отношеній проектируется на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ:

1. Австрія можетъ существовать только, какъ демократическое „государство національностей“ («Национальное союзное государство»).
2. Это союзное государство состоитъ изъ автономныхъ національныхъ самоуправляющихся областей, совпадающихъ по возможности съ „одноязычными“ областями.
3. Самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ всѣ вмѣстѣ одно національное цѣлое; послѣднее разрѣшаетъ всѣ свои національныя дѣла (касающіяся культуры и языка) вполнѣ автономно.
4. Права національнаго меньшинства въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ обеспечиваются особымъ закономъ (въ сферѣ его національной дѣятельности)*).

Съ своей стороны, комитетомъ южно-славянскоѣ социаль-демократической партіи была предложена партийному особая резолюція, въ которой содержится тѣ же общія указанія на то, что «национальныя распри препятствуютъ прогрессу и успѣшному развитію народовъ»; что «командующіе классы используютъ эти распри въ своихъ интересахъ»; что «разрѣшеніе національнаго вопроса въ Австріи есть условіе культурнаго прогресса и хозяйственнаго развитія населенія, а также окончательной экономической эмансипаціи австрійскаго пролетаріата»; что «въ виду этого пролетаріатъ обязанъ способствовать справедливому и благоразумному разрѣшенію этого вопроса» и т. д. Въ виду этого резолюція проектируетъ организацію такого «государственнаго строя, въ которомъ всѣмъ гражданамъ предоставлены одинаковыя права и возможность участвовать въ управленіи государствомъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ признается «за каждой націей неограниченное право на національное существованіе», съ соблюденіемъ при этомъ «точки зрѣнія интернаціональнаго единенія и братства рабочаго класса всѣхъ націй въ интересахъ какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ его частей».

Къ осуществленію подобнаго государственнаго строя ведутъ, по мысли резолюціи, слѣдующія положенія національной программы:

- 1) Австрія должна стать демократическимъ союзнымъ государствомъ національностей (Nationalitäten-Bundesstaat).
- 2) Каждый народъ, живущій въ Австріи, независимо отъ обитаемой его членами территоріи, представляетъ автономную группу, которая вполнѣ самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ свои національныя потребности (касающіяся культуры и языка).
- 3) Территоріальныя области имѣютъ чисто-административное значеніе и не оказываютъ никакого вліянія на національныя отношенія.
- 4) Въ государствѣ всѣ нарѣчія равноправны; поэтому, исключаются всякія національныя преимущества, а также и всякій государственный языкъ; необходимость всестороннихъ сношеній заставитъ свободныя націи, кромѣ роднаго языка, учиться и тѣмъ языкамъ, которые имъ необходимы въ практической жизни**).

*) Цѣликомъ резолюцію см. въ „Дебатахъ“, стр. 27—9.

**) Тамъ же, стр. 75—7.

Сопоставляя эти двѣ цитированныя резолюціи, внесенныя на обсужденіе партейтага, мы легко замѣтимъ въ нихъ существенное различіе въ основной точкѣ зрѣнія на способы разрѣшенія національной проблемы.

Резолюція «соединенной исполнительной комиссіи» (центрального комитета объединенной социаль-демократической партіи Австріи) проектируетъ соединеніе въ одно «государство національностей» цѣлаго ряда автономно самоуправляющихся національных областей, совпадающихъ по возможности съ «одноязычными» областями, при условіи огражденія особымъ закономъ правъ національного меньшинства въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ и образованія автономно самоуправляющихся національных единицъ изъ областей одной и той же національности. Здѣсь, такимъ образомъ, предполагается при реорганизаціи національных отношеній руководиться принципомъ пространственного размѣщенія отдѣльныхъ націй, въ соответствии съ которымъ и требуется реорганизація управления областями: области выкраиваются по возможности «одноязычныя», т. е. населенныя, представителями одной національности; одноязычныя области государства образуютъ одно цѣлое, права національных меньшинствъ обезпечиваются «особымъ закономъ». Иными словами, разбираемый проектъ проникнуть такъ называемымъ «*территориальнымъ*» принципомъ, построенъ по типу «*территориальной*» или «*областной*» автономіи.

Изъ другой точки зрѣнія исходитъ резолюція, предложенная партейтагу комитетомъ южнославянской социаль-демократической партіи. Какъ представители народа, имѣющаго шансы оказаться въ незавидной роли пресловутаго «национального меньшинства» при самой даже совершенной организаціи «одноязычныхъ» областей, южно-славянскіе социаль-демократы естественно не питаютъ особаго довѣрія къ благотворности спасительнаго «территориальнаго» принципа съ маленькой оговоркой о необходимости огражденія невѣдомымъ «особымъ закономъ» правъ національного меньшинства. Въ мотивировкѣ своей резолюціи они прямо заявляютъ, что «установившаяся точка зрѣнія на австрійскій національный вопросъ ложна, ибо въ ней смѣшивается понятіе о націи съ понятіемъ о территоріи, и тѣмъ самымъ чистокультурный вопросъ превращается въ вопросъ о господствѣ»; что «между тѣмъ, живая нація никогда не можетъ быть отождествляема съ мертвымъ географическимъ факторомъ — ограниченной территоріей» *).

По этимъ именно соображеніямъ южно-славянская резолюція и выставляетъ требованіе, въ силу котораго территориальныя области пріобрѣтаютъ чисто административное значеніе, не оказывая никакого вліянія на національныя отношенія, а вся Австрія превра-

*) Тамъ же, стр. 75.

щается въ союзное государство національностей (Nationalitäten-Bundesstaat), при чемъ каждый народъ, живущій въ Австріи, независимо отъ обитаемой его членами территоріи, образуетъ автономную группу, самоуправляющуюся въ области своихъ національныхъ интересовъ.

Здѣсь, такимъ образомъ, верховнымъ критеріемъ для конструкціи національныхъ правъ является не область, не территорія, не мѣсто, занимаемое народомъ, а самъ народъ въ качествѣ правоспособнаго лица, въ качествѣ субъекта національныхъ правъ. Въ противоположность *территориальному* принципу, здѣсь предъ нами—принципъ *экстерриториальный, персональный*.

Защитниковъ того и другого принципа—*территориальнаго* и *персональнаго*—не мало нашлось на партейтагѣ, и вокругъ нихъ возгорѣлись страстные, но глубоко жизненные споры.

Защитникъ территориальнаго принципа въ смыслѣ предложенія соединенной комиссіи докладчикъ *Зелигеръ* говоритъ, что

„национальный вопросъ разрешимъ только въ демократическомъ смыслѣ“, что „націи должны получить полное право самоопредѣленія“, для чего „Австрію проектируется раздѣлить на національныя самоуправляющіяся области, автономно рѣшающія всѣ свои дѣла“. „Какъ въ вопросѣ о школахъ, такъ и во многихъ другихъ вопросахъ, учрежденіе національныхъ самоуправляющихся областей устранить поводъ къ національной враждѣ“. При этомъ „для того, чтобы устранить плоскость тренія между націями, необходимо точно установить путемъ закона, до какихъ предѣловъ допустима свобода развитія національнаго меньшинства, т. е. установить предѣлъ вліянія національнаго большинства“. Во всякомъ случаѣ „дѣло идетъ о томъ, чтобы найти тѣ основы, при которыхъ будетъ возможно сожительство всѣхъ народовъ въ государствѣ, и которыя дадутъ гарантіи въ томъ, что національная война уступитъ мѣсто чистой классово-вой борьбѣ (33—6).

По мнѣнію другого сторонника того же принципа—руснскаго делегата Ганкевича,

„Австрія должна быть раздѣлена на такія національныя самоуправляющіяся области, гдѣ каждая нація могла бы распоряжаться своей судьбой“ (47).

Наконецъ, Пернерсторферъ выразился въ томъ смыслѣ,

„что прежде всего нація въ своемъ существованіи должна быть обеспечена и защищена. Это обеспечение націи возможно только посредствомъ установленія опредѣленныхъ національныхъ территорій“ (52).

Защитники *южно-славянской* резолюціи шли гораздо дальше въ своихъ предложеніяхъ.

Криштанъ (Триестъ), въ противоположность «территориальной національной автономіи» выдвинулъ идею «национальной автономіи, независимо отъ территоріи».

Территориальная организація націй не приведетъ къ цѣли. „Послѣ того, какъ національныя территоріи намѣняются, мы черезъ непродолжительное время, когда націи снова переимѣняютъ свое мѣстопробываніе, будемъ вынуждены конструировать новые округа“... Мы должны принци-

циально установить, что равноправіе необходимо для народа, который не представляет населенія, живущаго на одной территоріи, а сумму людей, признающихъ свою принадлежность къ одной націи" „Резолюція соединенной комиссіи только немного уменьшитъ плоскость тренія между націями, но далеко не устранить ихъ. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ націи живутъ компактными массами, на периферіи онѣ смѣшаны между собою. Будетъ трудно, поэтому, установить границы. Какъ, напр., возможно устранять территоріальныя раздѣленія по національностямъ въ Береговой землѣ? Городъ Триестъ почти совершенно итальянскій, окружающія же его территоріи почти исключительно словенскія". Громадная часть русинской націи живетъ въ Россіи: „у нѣмцевъ есть отношенія въ области культуры къ нѣмцамъ, живущимъ внѣ Австріи" (48—50).

По мнѣнію Эленбогена, нужно «прежде всего заявить, что мы не настаиваемъ на территоріальномъ принципѣ, но склоняемся къ образованію національныхъ единицъ безъ территоріи, основывающихся на добровольномъ признаніи и разрѣшающихъ свои культурныя дѣла вполнѣ автономно». Территоріальное обособленіе націй не поможетъ дѣлу.

„Когда границы будутъ фиксированы, то намъ только просто будетъ казаться, что наступило затишье въ національной борьбѣ; мы и тогда не сумѣемъ воспрепятствовать смѣшенію членовъ отдѣльныхъ націй, ибо причины его лежатъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Обозначая определенно границы и въ то же время констатируя, что взаимное проникновеніе націй не можетъ прекратиться, мы создаемъ непрерывную цѣпь національныхъ треній, которыхъ мы какъ разъ хотимъ избѣжать. Почему же намъ не конструировать національныхъ корпорацій, состоящихъ изъ членовъ, добровольно себя къ нимъ причисляющихъ, и создать такой модус, при которомъ націи дѣйствительно рѣшали бы вполнѣ самостоятельно свои дѣла". „Мы не можемъ замкнуть въ физическія границы духовное содержаніе національности, ея творческія способности въ области искусства и литературы" (55—7).

Эта идея экстерриторіальной или персональной національной автономіи встрѣтила, однако, на партейтагѣ энергичный отпоръ. Адлеръ, напр., нашель, что

„это, дѣйствительно, очень богатая идея, но сомнительно, чтобы кто-нибудь считалъ ее исполнимой въ настоящее время" (42).

„О тѣхъ перспективахъ, которыя передъ нами развернулъ тов. Кришланъ, теперь, конечно, не можетъ быть и рѣчи",—

сказалъ другой видный дѣятель партіи, Пернерсторферъ (54).

Въ результатъ всѣхъ этихъ дебатовъ была избрана изъ представителей различныхъ націй комиссія по исправленію резолюціи, послѣ работы которой резолюція соединенной комиссіи приняла слѣдующую форму.

Въ резолюціи этой, единогласно затѣмъ принятой партейтагомъ, повторены и подчеркнуты соображенія о томъ, что національныя распри препятствуютъ политическому прогрессу и культурному развитію народовъ; что въ интересахъ пролетариата уничтоженіе національнаго гнета и признаніе права каждой націи на національное существованіе и національное развитіе—и т. д.—въ полномъ

согласи съ проектированной выше резолюціей соединенной комисіи. Національныя же требованія формулированы въ окончательной, принятой партиейтагомъ резолюціи слѣдующимъ образомъ:

1. Австрія должна быть преобразована въ государство, представляющее демократическій союзъ національностей.

2. Въмѣсто историческихъ коронныхъ земель должны быть образованы національно-отграниченныя самоуправляющіяся административныя единицы, въ каждой изъ которыхъ законодательство и управленіе найдется бы въ рукахъ національнаго парламента, избраннаго на основѣ всеобщаго, прямого и равнаго голосованія.

3. Самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ вмѣстѣ одинъ національный союзъ, который рѣшаетъ свои національныя дѣла вполне автономно.

4. Права національныхъ меньшинствъ обезпечиваются особымъ закономъ, издаваемымъ имперскимъ парламентомъ.

5. Мы не признаемъ никакихъ національныхъ привилегій, а потому отвергаемъ требованіе государственнаго языка; поскольку необходимъ общій языкъ для сношеній, будетъ установлено имперскимъ парламентомъ *).

Случая объ резолюціи—проектированную (соединенной комисіи) и принятую,—легко замѣтить ихъ существенныя отличія. Важно, что изъ пункта 2-го проектированной резолюціи (см. стр. 58) выкинута оговорка насчетъ необходимости совпаденія «по возможности» вновь организуемыхъ національныхъ самоуправляющихся областей съ «одноязычными областями». Несомнѣнно, въ этомъ послѣднемъ признакѣ самая характерная черта принципа *территориальной* автономіи, сущность которой сводится къ автономіи областей съ опредѣленными территориальными границами и по возможности однороднымъ этническимъ составомъ. Но, съ другой стороны, какъ видно изъ п. 4-го принятой резолюціи, въ ней уцѣлѣло требованіе обезпеченія путемъ особаго закона правъ національныхъ меньшинствъ,—требованіе, являющееся въ сущности излишнимъ при строгомъ и послѣдовательномъ проведеніи *экстерриториальной, персональной* автономіи, которая по самому существу своему не знаетъ ни «большинства», ни «меньшинства» въ національныхъ отношеніяхъ. Принятая резолюція носитъ, такимъ образомъ, компромиссный характеръ, хотя все же приближается болѣе къ требованію *территориальной* автономіи. Такой компромиссный характеръ резолюціи находитъ себѣ естественное объясненіе въ обстановкѣ работы партиейтага, въ опредѣленныхъ политическихъ соображеніяхъ, которыя легко могли при этомъ руководить членами съѣзда. Какъ видно изъ протокола партиейтага резолюція была принята *единогласно*, несмотря на присутствіе на съѣздѣ представителей двухъ противоположныхъ воззрѣній. Кто знакомъ съ условіями политической борьбы, тотъ знаетъ, что зачастую та-

*) Тамъ же, стр. 78—80.

кія компромиссныя рѣшенія, достигнутыя на почвѣ взаимныхъ уступокъ, по условіямъ момента оказываются обладающими извѣстными преимуществами предъ опасностью разброда. И, можетъ быть, именно такой моментъ въ отношеніи національнаго вопроса переживали въ 1899 году дѣятели Брюннскаго партейтага.

Таковъ итогъ вѣкового развитія европейской социалистической мысли въ области одного изъ самыхъ острыхъ, трудныхъ, неислѣдованныхъ вопросовъ. Послѣ всего изложеннаго ясно, что этотъ длинный путь привелъ уже къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ. Усиліями социалистической мысли и социалистическаго движенія убранъ съ дороги свободнаго изслѣдованія этого запутаннаго вопроса цѣлый гнѣзъ предрасудковъ, предубѣжденій, недоразумѣній. Національный вопросъ поставленъ, поставленъ открыто, прямо, во весь ростъ. Константировано безъ колебаній огромное значеніе національнаго вопроса, правильныхъ способовъ его разрѣшенія для кровныхъ нуждъ пролетаріата и признана неотложная необходимость выработки національной программы, какъ одной изъ опоръ интернаціональнаго социалистическаго движенія. Дальше идутъ уже спорные пункты, начинаются разногласія. Центромъ споровъ, корнемъ разногласій служитъ отсутствіе единодушія въ пониманіи основнаго момента національной проблемы—вопроса о самомъ принципѣ практическаго осуществленія національной автономіи. И мы видѣли, что и на Брюннскомъ партейтагѣ, сказавшемъ послѣднее социалистическое слово по національному вопросу, два спорящихъ другъ съ другомъ принципа—*территориальный, областной и экстерриториальный, персональный*—столкнулись въ рѣшительномъ бою, окончившемся, однако, ни въ чью, безъ рѣшительной побѣды одного и пораженія другого, съ увѣнчаніемъ всей распри сплошнымъ компромиссомъ. Но компромиссы не дадутъ рѣшенія вопроса, а вопросъ рѣшенія ждетъ.

Намъ необходимо, поэтому, подойти вплотную къ этому вопросу и заняться его разсмотрѣніемъ во всей его теоретической полнотѣ и практической цѣлостности. И лишь послѣ этого можно будетъ бросить взглядъ на положеніе вопроса въ Россіи и на возможные способы его разрѣшенія съ точки зрѣнія россійскихъ отношеній.

Все это будетъ сдѣлано въ слѣдующей статьѣ.

М. Б. Ратнеръ.

ИЗЛУЧИНА.

I.

...Трудно сказать, какъ это началось... Мы продолжали свое дѣло, но прежней вѣры не было, и внутри насъ уже вѣяло холодомъ. Каждый былъ недоволенъ собой и мучилъ другихъ утонченной, инквизиторской психологіей и алорадствовавъ, когда находилъ въ нихъ то же, что въ себѣ. Начались безконечные теоретическіе споры, только все затемняющіе, съ вѣчно одними и тѣми же положеніями, которыя отъ частаго повторенія потеряли уже для насъ смыслъ и стали какими-то заклинаніями... А тутъ еще нелегальное положеніе и постоянная возня съ квартирами и паспортами...

Хотѣлось остановиться на время въ своей работѣ, подумать о чемъ-то, рѣшить какой-то важный вопросъ, но глухая тревога, тѣснившая грудь, не позволяла ни на минуту сосредоточиться. И покоя, покоя хотѣлось такъ жадно, что возможность ареста уже не пугала, и одиночное заключеніе рисовалось, какъ мѣсто отдыха и успокоенія...

Но что же было причиною этого? Мы долго не могли найти настоящую причину или, можетъ быть, не хотѣли ее видѣть. Первый, кажется, понялъ ее нашъ товарищъ, Паша Киселевъ — искренній, нѣжный и болѣзненно-впечатлительный юноша.

Мы собрались однажды на легальной квартирѣ у одного студента, принадлежавшаго къ нашему кружку. Самоваръ давно ужъ остылъ, а мы все сидѣли вокругъ него на стульяхъ, на кровати, на подоконникѣ и спорили. Паша не принималъ участія въ спорѣ и о чемъ-то думалъ. Потомъ онъ заговорилъ своимъ тихимъ, робкимъ голосомъ. Онъ былъ заика и теперь отъ волненія говорилъ такъ плохо и неясно, что мучительно было его слушать.

Онъ заговорилъ о недоумѣніяхъ, которыя вызывала въ немъ программа нашего кружка—все вещи продуманныя и

выстраданныя—и глухой ропотъ товарищей, подчеркивалъ каждую его фразу. Наконецъ онъ осмѣлился коснуться нашего святого святыхъ—основного положенія, на которомъ покоилось все наше ученіе.

— Какъ хотите, господа,—сказалъ онъ,—но это для меня... это д-далеко... не док-казано... Я не могу п-понять этого...

Въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ раздались протесты—и среди нихъ вдругъ ясно и отчетливо прозвучало это непоправимое, жестокое слово:

— Еще бы *самъ* понять! Человѣку, у котораго есть тысяча десятинъ земли!

Эти слова сказала Фанни Гольдманъ—женщина, въ сущности, не злая, но страстная въ полемикѣ—и они болѣзненно рѣзнули насъ всѣхъ своею явной несправедливостью. намъ стало какъ-то неловко, споръ прекратился самъ собою, и мы скоро разошлись по домамъ.

Помню, какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Паша сидѣлъ у меня въ номерѣ. Сидѣлъ онъ на кровати, одѣтый, въ пальто, галошахъ и высокой мѣховой шапкѣ, похожей на камилавку. Мнѣ стоитъ только закрыть глаза—и я вижу его блѣдное, прыщеватое лицо, рѣдкіе безцвѣтные кустики волосъ на его подбородкѣ и свѣтло-голубые глаза, которые смотрятъ на меня поверхъ очковъ такъ недоумѣвающе и испуганно...

Онъ вздыхалъ, маялъ свой наморщенный лобъ, щипалъ тонкими, блѣдными пальцами свою жидкую бородку и пилъ стаканъ за стаканомъ черный, какъ смола, чай. Его чуткая, больная душа страдала, и, казалось, онъ самъ пугался того, что находилъ въ ней. И онъ только повторялъ:

— Страшно, братъ... страшно... скажи, какъ жить въ этомъ сумбурѣ?— Жилъ до сихъ поръ потому, что вѣрилъ... молился на свой свѣтъ, думалъ, что это и есть настоящее солнце... А теперь снова въ ночи, и не знаю, гдѣ оно взойдетъ. Это солнце... настоящее.

Мнѣ было жаль его, но я не зналъ, что сказать, и молча ходилъ изъ угла въ уголъ со стаканомъ въ рукѣ.

Паша ушелъ,—а черезъ два дня я узналъ, что онъ зарѣзался у себя на квартирѣ. Зарѣзался крошечнымъ перочиннымъ ножомъ. И сильно, должно быть, смерть манила его къ себѣ, потому что онъ изрѣзалъ и искромсалъ всю шею, прежде чѣмъ попалъ на сонную артерію...

Его смерть открыла мнѣ глаза. Я понялъ, что мы насильно принуждали себя заниматься дѣломъ, въ которое больше не вѣрили. Давно мы уже чувствовали, что нашъ символъ вѣры надо обновить и передѣлать, но не могли этого сдѣлать собственными силами: для этого нуженъ былъ

новый кругозоръ, свѣжіе люди, вѣянье новыхъ идей. Въ жизни партій, какъ и въ личной жизни, бывають переломы, когда необходимо остановиться, заглянуть внутрь себя, передумать и переоцѣнить все на-ново, а главное, выйти изъ обычнаго круга фактовъ, изъ которыхъ выжаты уже всѣ выводы...

И какъ только понялъ я все это—я освободилъ себя отъ принятыхъ ранѣе обязательствъ. Товарищамъ я ничего не сказалъ—къ чему, если сами они еще этого не сознавали?—собралъ свои личныя деньги—рублей 60 или 70—досталъ заграничный паспортъ и уѣхалъ изъ Москвы.

II.

Выѣхалъ я вечеромъ. Вагонъ былъ плохо освѣщенъ, проходы завалены узлами и мѣшками, полъ оплеванъ. Вомяло чѣмъ-то прѣлымъ, и въ воздухъ висѣла ругань, споръ пьяныхъ голосовъ, хриплая игра гармоники и неумолчный плачь грудного ребенка. Потомъ все понемногу стихло, свѣча догорѣла, всѣ заснули, я остался одинъ и могъ думать и думать подъ аккомпаниментъ мѣрныхъ ударовъ колесъ.

На другой день меня разбудилъ шумъ дождя, бывшаго по стеклу. Была поздняя осень. По обѣ стороны пути тянулись безконечныя поля—черныя и унылыя. Мелькали лѣса съ голыми озябшими деревьями. Вдали, какъ кучи грибовъ, видѣлись деревни—сѣрыя, съ промоченными насквозь соломенными крышами. Низко по небу ползали мохнатыя тучи, похожія на грязную овчину, и лили на землю косые и частые потоки дождя. И я думалъ и передумывалъ свои привычныя, старыя мысли.

Часы проходили за часами, настала ночь, потомъ снова день—а поля все тянулись и уходили вдаль, все такія же унылыя и изсѣченныя дождемъ. Время отъ времени поѣздъ съ грохотомъ проносился по мосту—и сквозь желѣзныя фермы на секунду видна была вода—мутная и холодная, съ прыгающими по ней каплями дождя,—и размытые глинистые берега. Мелькали будки, водокачки, станціи. На платформахъ еще издали видѣлись черныя толпы людей. Это были евреи въ длинныхъ, рваныхъ пальто и смѣшанныхъ картузахъ, нахлобученныхъ на самыя уши. Одни стояли подъ зонтиками, другіе прямо подъ дождемъ, и вода лилась имъ за воротъ и струилась по плечамъ. Они стояли такъ, сбившись въ кучу какъ черныя овцы—иззябшіе, жалкіе, дрожащіе—и съ завистью смотрѣли большими, грустными

глазами на поѣздъ, который убѣгалъ куда-то, гдѣ просторно и не душитъ начальство.

За Варшавой дождь пересталъ, но поля тянулись все такія же плоскія и унылыя, и люди были такіе же забытые, оборванные и несчастные.

Солнце показалось только у границы. Я пересѣлъ на нѣмецкій поѣздъ, получилъ изъ рукъ жандарма — послѣдняго русскаго жандарма! — паспортъ, — и мы поѣхали въ Торнѣ. И какъ только переѣхали мы ровъ, у котораго стоялъ русскій часовой въ сѣрой шинели, — сразу все измѣнилось вокругъ. вмѣсто песчаныхъ и глиняныхъ полей, уходящихъ до горизонта, — появились темно-зеленые сосновые лѣса, выхолонные, съ геометрически правильными просѣками; прекрасно вспаханныя, ярко-зеленыя озими и прямыя, какъ палка, дороги, обсаженныя деревьями. На перекресткахъ, за шлагбаумами ждали прохода поѣзда телѣги и фургоны, крѣпкіе и основательные, запряженныя сытыми глянцеваыми конями. И люди были тоже сытые, спокойные, и на лицахъ ихъ какъ будто было написано: „Мнѣ хорошо, потому что я твердо знаю, что дозволено и что не дозволено“.

Въ Торнѣ я пересѣлъ на другой поѣздъ, въ вагонъ 4-го класса. Здѣсь не было скамеекъ, всѣ сидѣли на своемъ багажѣ, и такъ какъ вещей у меня не было, то я все время стоялъ у маленькаго окна съ рѣшеткою и смотрѣлъ на дорогу.

Новыя впечатлѣнія привлекали все мое вниманіе — и душевный гнетъ сталъ ослабѣвать. Прошедшее ушло далеко назадъ — и мой духъ, смятый и подавленный, началъ понемногу выпрямляться.

Природы почти не было замѣтно — такъ она здѣсь расчищена и распланирована. Всюду на чугунныхъ доскахъ изображены черныя орлы и надпись: „verboten!“ Станціи и города изъ темно-краснаго и бѣлаго кирпича походятъ на казармы. На улицахъ и по платформамъ ходятъ люди въ маленькихъ форменныхъ фуражкахъ, всѣ похожіе другъ на друга, съ гордо выпяченной грудью, упитанные, свѣжевыбритые, всѣ съ усами, закрученными вверхъ à la Kaiser и съ тупыми, самодовольными лицами. Въ буфетахъ нѣтъ ничего кромѣ сосисокъ, пива и горькаго кофе. Кондукторъ кричитъ на насъ — четвертоклассниковъ — грубымъ, фельдфебельскимъ голосомъ, толкаетъ насъ и запираетъ на ключъ въ вагонѣ, какъ телятъ... И все же эта самодовольная, казарменная культура казалась мнѣ привлекательною послѣ произвола и безправія русской жизни.

Черезъ два дня, послѣ множества пересадокъ, я нодѣ-

ѣхалъ къ бельгійской границѣ. Приходилось ждать около часу на пограничной станціи Гербесталь парижскаго поѣзда. Я вошелъ въ ресторанъ, смылъ съ себя дорожную грязь, заказалъ яичницу съ ветчиной и сѣлъ завтракать въ саду, въ бесѣдкѣ.

Было чудное утро и, несмотря на позднюю осень, очень тепло. Трава ярко зеленѣла, небо смотрѣло на меня ласково, и въ воздухѣ вѣяло мягкимъ дыханіемъ Гольфштрема. И въ первый разъ за много мѣсяцевъ я почувствовалъ себя свободно и легко. Бодрость и радость жизни широкими волнами вливались въ мою грудь — и я вспомнилъ, что мнѣ только 25 лѣтъ, что я здоровъ, силенъ и предо мною лежитъ еще цѣлая жизнь.

Никогда я не забуду свѣтлаго, весенняго чувства, которое я испыталъ, проѣзжая чрезъ маленькую, изящную Бельгію. Я какъ будто выздоровѣлъ отъ тяжелой болѣзни — такъ свѣжи и ярки были мои впечатлѣнія.

Мы ѣхали по теченію рѣки Маасъ. Спокойная, какъ будто уснувшая вода отражаетъ небо съ облаками и зеленые плоскіе берега. По водѣ медленно скользитъ барка; старая бѣлая лошадь, опустивъ голову къ травѣ, тянетъ ее бичевой, зацѣпленной за верхушку мачты. Мальчикъ въ синей блузѣ и деревянныхъ „сабо“, съ кнутомъ подмышкой, идетъ за лошадей и на ходу строгаешь палочку...

Вотъ горбатый мостъ, весь покрытый лишаями; въ водѣ подъ нимъ моется и морщинится другой такой же мостъ, съ аркою и пѣшеходомъ, который идетъ внизъ головою. А надъ мостомъ высится городъ, какіе видишь только на старинныхъ гравюрахъ: высокіе дома, острыя аспидныя крыши и узкія извилистыя улочки.

За городомъ тянутся заводы съ огромными трубами, надъ которыми стоятъ облака желтоватаго дыму; элеваторы съ наваленными около нихъ горами желѣзной руды и каменнаго угля; шахты съ высокой подъемной башней и огромнымъ колесомъ, которое медленно вращается, сверкая на солнцѣ своими спицами.

А вечеромъ мы проѣзжаемъ мимо сталелитейнаго завода. Надъ трубою по вѣтру развѣвается синее пламя; при свѣтѣ лиловыхъ электрическихъ фонарей видна внутренность мастерскихъ, гдѣ двигаются черныя фигуры рабочихъ. Въ одномъ корпусѣ изъ печи выливается ярко-бѣлый потокъ стали и падаетъ куда-то, разбрасывая цѣлый фейерверкъ огненныхъ искръ. Въ другомъ — на цѣпяхъ подъемнаго крана волокутъ огромный цилиндръ съ раскаленнымъ ярко-краснымъ концомъ — и вокругъ него, какъ муравьи, копошатся маленькіе черные рабочіе...

Я стоялъ у окна, вдыхалъ полной грудью воздухъ, и бодрое чувство наполняло меня. Я думалъ о томъ, что не зналъ жизни и до сихъ поръ воображалъ, что формулы вродѣ „капиталистическая форма производства“ или „борьба классовъ“ исчерпываютъ все ея содержаніе. Я свысока смотрѣлъ на эту жизнь, думалъ, что понимаю ее насквозь и знаю средство противъ всѣхъ ея недостатковъ. А теперь она была предо мною во всей ея сложности и обаяніи. И я хотѣлъ забыть всѣ предвзятія идеи, всѣ чужія теоріи, броситься въ самую гущу ея, бороться и жить, просто жить какъ другіе...

III.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я не пошелъ въ русскую колонію, хотя у меня было нѣсколько адресовъ—я зналъ, что въ ней найду то же самое, отъ чего я уѣхалъ. Я началъ ходить по фабрикамъ и мастерскимъ и всюду просилъ работы. Во многихъ мѣстахъ у меня брали мой адресъ и обѣщали написать, когда нужны будутъ рабочіе. Первое время это меня очень ободряло, но скоро я убѣдился, что это только вѣжливая форма отказа.

Тѣ нѣсколько франковъ, которые я съ собой привезъ, скоро вышли. Тогда я заложилъ пальто за пять франковъ и эти деньги тоже скоро прожилъ. Помню, какъ въ одно холодное осеннее утро я вышелъ изъ гостиницы (гдѣ платилъ за комнату 15 су въ сутки, впередъ) съ двумя су въ карманѣ. Я очень озябъ—и зашелъ въ „баръ“, гдѣ выпилъ на послѣднія деньги стаканъ горячаго молока съ ромомъ. Потомъ вышелъ на улицу, сталъ на тротуарѣ и задумался—куда идти? Я столько ужъ исходилъ мастерскихъ, что не вѣрилъ въ возможность найти работу. Мнѣ все равно было куда идти—и я пошелъ бродить по улицамъ безъ цѣли.

Парижъ лежалъ предо мною, какъ огромная каменная пустыня, въ которой такъ же трудно было прокормиться, какъ въ каменистой Аравіи или Сахарѣ. Мимо меня шли люди довольные, веселые и сытые... И, уже смотря на все съ точки зрѣнія голоднаго, я старался вообразить себѣ тѣ способы, при помощи которыхъ всѣ они кормились въ этой пустынѣ.

Я переходилъ изъ квартала въ кварталъ и видѣлъ то веселящійся, то трудящійся, то спекулирующій Парижъ. Такъ я попалъ на Champs-Élisées—широкій проспектъ, окаймленный двойной аллеей каштановыхъ деревьевъ и теряющійся на горизонтѣ въ туманныхъ очертаніяхъ лѣса.

По мостовой двумя непрерывными потоками катились

экипажи: блестящія, лакированныя кареты, съ бритыми кучерами на козлахъ; открытыя коляски — и въ нихъ, какъ гигантскіе тропическіе цвѣты—женщины въ яркихъ туалетахъ, окруженныя облакомъ крѣпкихъ модныхъ духовъ; электрическіе автомобили, беззвучно скользящіе, точно черныя привидѣнья, по мостовой, и бензиновые—стучащіе моторами и рывкающіе рожками, съ шофферами въ мохнатыхъ шкурахъ и черныхъ маскахъ.

Въ аллеяхъ играли дѣти, точно сошедшія со страницъ журнала модъ—въ бархатныхъ курткахъ, съ длинными завитыми волосами и голыми икрами. По асфальту, между деревьямъ важно плыли нарядныя дамы и медленно прогуливались, должно быть для возбужденія аппетита, мужчины въ рединготахъ, и сверкающемъ бѣлизною бѣльѣ... И тутъ же проходили люди въ поношенномъ платьѣ, дырявыхъ башмакахъ и грязномъ бѣльѣ, которые, такъ же какъ и я, находились „dans la cage“—что угадывалось по особенному выраженію ихъ глазъ—внимательному и ищущему, какъ у охотника.

Въ другомъ кварталѣ я видѣлъ, какъ фабрики при полуденномъ гудкѣ выбрасывали изъ себя тысячи рабочихъ въ голубыхъ полотняныхъ костюмахъ, съ усталыми и грязными отъ работы лицами. Изъ воротъ мастерскихъ выходили толпы дѣвушекъ въ черныхъ платьяхъ — блѣдныя, хрупкія, заморенныя десятичасовымъ трудомъ и хроническимъ недоѣданіемъ...

Воалѣ Биржи я еще издали былъ пораженъ какимъ-то воемъ, похожимъ на вой своры голодныхъ гончихъ, которыми псары вынесли похлебку. Заинтересованный, я подошелъ къ зданію Биржи, въ стилѣ греческаго храма. На широкихъ ступеняхъ и между колоннами храма толпились сотни черныхъ фигуръ. Время отъ времени изнутри выбѣгалъ какой-то человѣкъ въ цилиндрѣ и бѣломъ жилетѣ; онъ выкрикивалъ что-то, а толпа отвѣчала ему этимъ воемъ, который я слышалъ издали, и нѣкоторые подымали руки или махали тростями.

Я вошелъ внутрь зданія. Огромная зала съ прозрачнымъ куполомъ чернѣла народомъ. Посрединѣ находилась круглая площадка, обнесенная барьеромъ; она вся какъ снѣгомъ была замечена бѣлыми записками. Вокругъ барьера волновалось цѣлое море цилиндровъ, котелковъ и поднятыхъ рукъ въ перчаткахъ, съ палками и съ записными книжками. Всѣ кричали—и крики сливались въ общій сплошной гулъ. Вотъ внутри барьера какой-то человѣкъ въ черномъ сюртукѣ сталъ на табуретъ и выкрикнулъ какое-то слово, точно бросилъ въ эту толпу новый лозунгъ. Всѣ за

волновались, и слово начало перекатываться по залу изъ усть въ уста, пока не дошло до самыхъ отдаленныхъ угловъ. Наконецъ, кто-то открылъ входную дверь и повторилъ это слово наружу—и тамъ, подь колоннами и на широкихъ ступеняхъ, оно было встрѣчено энтузіазмомъ и поднятiемъ рукъ...

Мимо меня пробѣжалъ изящно одѣтый молодой человекъ; его красивое лицо горѣло пятнами и голубые глаза смотрѣли не видя, какъ будто что-то ослѣпительное стояло передь ними и манило его къ себѣ... И его губы въ экстазѣ повторяли этотъ лозунгъ, это магическое слово— „*quatre-vingt douze!*“ — „девяносто два!..“

Наконецъ, подь вечеръ я попалъ на Большіе Бульвары и—несмотря на то, что голодь терзалъ мои внутренности—любовался Парижемъ въ его апофеозѣ.

Быль тотъ эффектный часъ парижскаго дня, когда всѣ сидятъ на улицѣ, и яркіе цвѣта играютъ и переливаются въ стаканахъ и графинахъ на столикахъ кафе: опаловый абсентъ, оранжевый гренадинъ, палевое пиво въ граненыхъ кружкахъ и пунцовая касисъ, похожая на расплавленный рубинъ...

Въ этотъ часъ розовый свѣтъ умирающаго дня мягко сливается съ искусственнымъ освѣщенiемъ улицъ. Подь блѣднымъ небомъ дрожатъ лиловые лучи вольтовыхъ дугъ, и изъ оконъ падаютъ на тротуары снопы зеленого ауэровскаго свѣта. Недавно привезенный изъ Америки, феерическій свѣтъ Юитъ-Купера голубыми волнами струится изъ длинныхъ, тонкихъ трубокъ, которыя, какъ гигантскіе свѣтляки прилипли къ потолкамъ богатыхъ магазиновъ. А высоко въ небѣ, надъ крышами сѣрыхъ шестиэтажныхъ домовъ, вспыхиваютъ и сейчасъ же гаснутъ яркія буквы свѣтящихся рекламъ, которыя каждую ночь вколачиваютъ въ усталые неврастеническіе мозги названія новаго мыла или горчицы.

По тротуарамъ движется густая толпа—нарядная, веселая и шумная—и передь зеркальными стеклами магазиновъ стоятъ группы людей, какъ будто загнипнотизированныхъ блестящими золотыми и бриллантовыми вещами, выставленными въ окнахъ.

И въ этой толпѣ пробираются такіе же, какъ я, голодные люди въ измятомъ дырявомъ платьѣ. Теперь я вижу ихъ всюду: какъ будто привлеченные всѣмъ этимъ свѣтомъ и движенiемъ, они собрались сюда со всѣхъ концовъ города. Одни хриплыми, уже беззвучными голосами кричатъ: „*Demandez la Patrie!*“, другіе назойливо предлагаютъ сидящимъ открытки, пѣсни, непристойныя фотографіи. Третьи—самая

многочисленная группа—просто понуро бродячь, съ трудомъ подымая ноги, останавливаются передъ окнами ресторановъ и жадно смотрять, какъ господа, завѣшенные бѣлоснѣжными салфетками, ѣдятъ аппетитно дымящійся супъ и разрѣзають розовое мясо...

Когда наступила ночь я, усталый и голодный, заснулъ на скамейкѣ бульвара. Вдругъ кто-то трясеть меня за плечо. Я открылъ глаза и вижу надъ собой кэпи и огромные усы городского.

— *Circulez!* Проходите!—кричитъ онъ.

Я отхожу шаговъ на сто и снова засыпаю на скамейкѣ, уже сидя.

— *Nom de nom!* слышу я тотъ же голосъ. Сколько разъ вамъ говорить одво и то же? *Si j'vous pince encore—j'vas vous mener au violon*—если я поймаю васъ еще разъ—я отведу васъ въ участокъ!

И долго пришлось мнѣ блуждать по улицамъ заснуваго города въ эту безконечную, холодную ночь...

IV.

На другой день я продолжалъ бродить по улицамъ и сдѣлалъ много открытій. Оказалось, во-первыхъ, что въ этой каменной пустынѣ можно кое-какъ прокормиться, а во-вторыхъ—что отсутствіе ночлега страшнѣе голода. Въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, раза два въ день представляются случаи заработать нѣсколько су. Но комнаты дороги, а гдѣ находятся ночлежные дома—я не зналъ. А между тѣмъ ничто такъ не ослабляетъ и не лишаетъ бодрости, какъ бессонная ночь. Наконецъ, мое третье открытіе состояло вотъ въ чемъ: я давно ждалъ и боялся момента, когда останусь безъ гроша денегъ, а теперь оказалось, что это не такъ ужъ страшно. Прежде я мучился тѣмъ—что будетъ со мною черезъ недѣлю, или мѣсяцъ, или даже чрезъ полгода,—а теперь, когда удавалось поѣсть, я успокаивался и уже не думалъ о будущемъ. Страшно падать, но потомъ какъ бы низко ни лежалъ, ужъ все равно, и чувство, что положеніе не можетъ стать хуже, даетъ человѣку извѣстную беззаботность.

Утромъ я стоялъ у какого-то крупнаго бакалейнаго магазина, когда изъ него вышла толстая дама съ сѣткой наполненной покупками. Кажется, она страдала одышкой, потому что каждые десять шаговъ останавливалась и тяжело дышала. Замѣтивъ меня, она окинула меня быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ и сразу опредѣлила мое социальное положеніе.

— *Portez moi ça*,—сказала она, протягивая мнѣ сѣтку.

Я донесъ покупки до извозчика и получилъ отъ нея два су.

Вечеромъ того же дня я проходилъ мимо ресторана Максима—извѣстнаго теперь во всемъ свѣтѣ. Благодаря пьесѣ „*La dame de chez Maxim*“. Къ ресторану подкатилъ фіакръ. Я бросился къ экипажу и открылъ дверцу. Оттуда вышелъ полный сѣдой господинъ во фрачной парѣ и красивая женщина въ накидкѣ изъ бѣлаго пуха. Женщина прошла прямо въ ресторанъ, а мужчина расплатился съ извозчикомъ и небрежно бросилъ мнѣ четыре су.

На эти деньги я купилъ хлѣба и жареной картошки на углу у уличной торговки. Хлѣбъ былъ мягкій и ароматный, а картошка аппетитно хрустѣла—и мнѣ казалось, что я никогда не ѣлъ ничего вкуснѣе. Ночевать я забрался въ тупой переулокъ позади редакціи газеты „*Matin*“, гдѣ была навалена куча макулатуры,—и скрытый подъ бумагою, благополучно проспалъ всю ночь.

Слѣдующій день былъ для меня еще счастливѣе. Проходя по бульвару, я замѣтилъ, что въ переулокъ свернулъ фіакръ, на крышѣ котораго стояло два большихъ чемодана. Такъ какъ переулокъ былъ короткій, то я сообразилъ, что экипажъ долженъ скоро остановиться, и побѣжалъ за нимъ. Дѣйствительно, бѣжать пришлось недолго, экипажъ остановился, и пока сѣдокъ расплачивался, я съ такимъ видомъ, какъ будто меня нарочно позвали, снялъ вещи съ фіакра и внесъ ихъ въ домъ. Сѣдокъ—приличный молодой человекъ—не протестовалъ, прошелъ впередъ и началъ подыматься по лѣстницѣ. Я шелъ на немъ по этой крутой лѣстницѣ съ наощенными ступенями, рискуя поскользнуться и упасть подъ тяжестью двухъ чемодановъ. Подъемъ казался безконечнымъ, у меня къ вискамъ начала съ шумомъ приливать кровь и передъ глазамиплыли цвѣтныя пятна—но, къ счастью, на пятомъ этажѣ молодой человекъ велѣлъ поставить вещи на коврикъ, позвонилъ и далъ мнѣ серебряную монету въ десять су.

Окрыленный радостью, я живо сбѣжалъ внизъ и сейчасъ же отправился въ ресторанъ для извозчиковъ „*Au rendez-vous de cochers*“, гдѣ за шесть су мнѣ дали порцію варенаго мяса съ бобами и маленькую бутылку вина.

Отъ вина и горячей пищи по моему тѣлу разлилась теплота, я почувствовалъ себя опять бодрымъ и свѣтлѣе сталъ смотрѣть въ будущее. Вечеромъ я даже позволилъ себѣ такую роскошь, какъ провести ночь подъ крышей. Я случайно узналъ отъ такого же „*purotin*“а, какъ я самъ, что на улицѣ Юшетъ существуетъ кафе для нищихъ, подъ громкимъ названіемъ „*Chateau Rouge*“—„Красный Замокъ“.

Это была (теперь это гостеприимное учреждение ужъ не существуетъ) длинная, узкая и плохо освѣщенная комната, въ которой не было другой мебели кромѣ двухъ скамеекъ и веревки, натянутой отъ стѣны къ стѣнѣ. За два су постоятель получалъ при входѣ стаканъ кофе и право сѣсть на скамью, опереть локти на веревку и въ такомъ положеніи спать до утра.

Когда я пришелъ, маленькое газовое пламя, окруженное радужнымъ вѣнчикомъ, тускло освѣщало комнату. Стѣны были покрыты надписями и циничными рисунками; на одной стѣнѣ какой-то художникъ-апахъ изобразилъ эпопею убійцы—четыре ужасныя картины, нарисованныя углемъ и красной краской: убійство, арестъ, судъ и казнь. И картины именно въ силу грубости и примитивности рисунка производили въ этомъ мѣстѣ очень сильное впечатлѣніе.

Въ комнатѣ сидѣло фигуръ десять: нѣсколько старыхъ нищихъ, двое юношей въ картузахъ, повидимому сутенеры, и какой-то пьяный субъектъ, бритый и весь изрѣзанный бритвою, со звѣрскимъ выраженіемъ лица; онъ спалъ безпокойно, бормоталъ что-то во снѣ и время отъ времени вскакивалъ, дико озирался на насъ и съ угрожающимъ жестомъ хватался за карманъ. Никто не разговаривалъ,—всѣ пришли сюда, чтобы спать и не теряли золотого времени. Только старикъ съ опухшимъ, завязаннымъ тряпками лицомъ, что-то рассказывалъ гнусавымъ голосомъ своему сосѣду; сосѣдъ скоро захрапѣлъ, но старикъ долго еще продолжалъ ворчать себѣ подъ носъ... Въ комнатѣ былъ спертый воздухъ, воняло потомъ и заносеннымъ бѣльемъ, и веревка рѣзала руки—но мнѣ хорошо спалось, потому что было тепло и я не боялся, что меня разбудитъ грозный окрикъ: „circulez“!

Утромъ, выходя изъ „Краснаго Замка“, я познакомился со своимъ сосѣдомъ по веревкѣ—Ламберомъ—„le père Lambert“, какъ называлъ его хозяинъ кафе. Это былъ человекъ неопредѣленнаго возраста, съ морщинистыми розовыми щеками, хитрыми, мигающими глазками и большимъ носомъ, который придавалъ его профилю форму остраго треугольника. Одѣтъ онъ былъ въ сѣро-зеленую пару, испещренную разноцвѣтными заплатами и рыжий измятый котелокъ; шея у него была закутана длиннымъ краснымъ шарфомъ. Его одежда, вѣроятно, была когда-то очень хороша и изнасилась такъ постепенно, что по привычкѣ онъ все еще считалъ себя франтомъ и гордо выступалъ съ измятой, сморщенной розой въ петлицѣ.

Когда мы вышли на улицу онъ сказалъ:

— Ну что-жь—пора завтракать.

— У меня только два су,—отвѣтилъ я.

— Поѣдимъ на казенный счетъ.

Я выразилъ сомнѣніе.

— Toi, t'es un *bleu*, ma vieille branche— (ты новичекъ). Пойдемъ со мною.

Мы пошли вмѣстѣ; онъ шелъ впереди, гордый сознаниемъ своего превосходства надо мною. По дорогѣ онъ поучалъ меня и немного прихвастывалъ.

— T'as pas de *savoig-vivre*— у тебя нѣтъ умѣнья жить,—говорилъ онъ. Во всякомъ положеніи можно хорошо устроиться... Я, вотъ, получаю отъ правительства завтракъ, отъ города квартиру, табакъ у меня даровой... Et la belle *galette* que j'grasse, ça va roug rauger des petits-verg aux petites femmes... А деньжонки тоже случается добыть—это ужъ дѣвочкамъ на угощеніе...

И онъ хитро подмигнулъ мнѣ.

Мы вышли на широкую улицу Монжъ. Когда мы проходили мимо террасы кафе, Ламберъ увидѣлъ окурокъ подъ стуломъ.

— Tiens, voila un mégot,—сказалъ онъ и вытащилъ окурокъ палкою съ гвоздемъ на концѣ.

Онъ развернулъ его, высыпалъ табакъ въ свою трубку и съ развязнымъ видомъ подошелъ закурить къ господину въ шикарномъ пальто.

— Да, братъ, продолжалъ онъ, раскуривая трубку,—пафъ... въ большомъ городѣ... пафъ, пафъ... не пропадешь. Civilization, quoi! Прежде я жилъ въ провинціи, а теперь окончательно поселился въ Парижѣ. Люблю Парижъ! Оживленіе, театры, хорошее общество, красивыя женщины... Это не какой-нибудь Noisy-le-Sec, гдѣ даже богатые люди курятъ трубку. Вотъ еще вчера вижу—идетъ мимо Палаты Депутатовъ сенаторъ какой-то или иностранный дипломатъ... Шуба на немъ и лицо такое важное... Вынулъ сигару, закурилъ, потомъ вдругъ скорчилъ гримасу и какъ швырнетъ ее, сигару, отъ себя—и закурилъ другую. А я поднялъ ее... цѣлую сигару!

Мы вышли на бульваръ Поръ-Рояль.

— Пстой, — сказалъ Ламберъ, — надо прежде достать посуду.

Онъ подошелъ къ кучкѣ мусору, порылся въ ней и вытащилъ двѣ жестянки изъ-подъ консервъ. Онъ вымылъ ихъ у фонтанчика Валласа и подалъ мнѣ одну. Потомъ мы дошли къ казармамъ, которые занимали огромный сѣрый квадратъ на углу бульвара. У воротъ уже стояло нѣсколько человѣкъ, кто съ тарелкой, кто съ чашкой, кто съ коробкой изъ-подъ сардинокъ: прилично одѣтый старикъ, старуха, обтрепанный человѣкъ неопредѣленнаго возраста и молодая

женщина, чрезвычайно блѣдная, которая все время кашляла, хватаясь рукой за грудь.

Ламберъ весело поздоровался со всѣми за руки.

— Bonjour, Mme Michel, ça va-t-il selon vos désirs? Здравствуйте, мадамъ Мишель, какъ ваши дѣла?—спросилъ онъ старуху. Bonjour, Mlle Josephine—когда мы будемъ плясать на вашей свадьбѣ? Bonjour, Juliet, mon gros lapin...

Отворилась калитка въ воротахъ—и два солдата въ полотняныхъ костюмахъ и синихъ шапочкахъ вынесли мѣдный котелокъ, надъ которымъ стоялъ паръ, и разлили въ нашу посуду варенные бобы. Это были остатки вчерашняго солдатскаго ужина, которые—какъ я узналъ впоследствии—раздають бѣднымъ во всѣхъ парижскихъ казармахъ.

V.

— Какъ же ты говоришь, что тебѣ городъ даетъ квартиру,—предложилъ я Ламберу давно мучившій меня вопросъ, — а самъ ночуешь въ „Красномъ Замкѣ“?

— Вчера нельзя было ночевать дома... Въ нашихъ краяхъ была вчера облава... Но меня предупредили—у меня, вѣдь, есть хорошия связи. Онъ предупредилъ меня три дня тому назадъ. Онъ стоялъ на посту и когда я проходилъ, сказалъ мнѣ такъ: „Père Lambert, какъ бы чего не вышло. Теперь чередъ за нашимъ участкомъ“. И вѣрно это онъ сказалъ, потому что вчера была облава. Но разумѣется, никого не нашли. А теперь все спокойно мѣсяца на три...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, подумалъ и сказалъ:

— Если хочешь, и ты могъ бы поселиться тамъ... Мѣста хватить. Мнѣ что-жъ? ты все-таки надежнѣе Южена... съ нимъ страшно оставаться по ночамъ съ глазу на глазъ...

Мы спустились бульварами къ рѣкѣ и перешли мостъ Аустерлицъ. Потомъ спустились подъ мостъ на такъ называемую „berge“—мощенную полосу вдоль берега, надъ самой водой.

Здѣсь было тихо и спокойно, какъ будто не въ городѣ: между камнями росла трава; на широкихъ плитахъ у воды сидѣли рыболовы; старая женщина трепала шерсть и набивала ею матрацъ. По ту сторону рѣки, въ Ботаническомъ Саду подымались деревья съ красными осенними листьями и между ними красными пятнами выдѣлялась темная зелень кедровъ и кипарисовъ. Дальше внизъ по теченію былъ виденъ Соборъ Парижской Богоматери съ его изящными контрфорсами, и рядомъ съ нимъ массивный куполь Пантеона,

ясно вырѣзавшійся своею сѣрою громадой на блѣдной голубизнѣ неба. По рѣкѣ бѣжали легкіе пароходы, съ публичкой толпившейся на палубѣ, и медленно проѣзжали черные буксирные суда, тянувшіе за собой по нѣскольку тяжелыхъ баржъ съ пескомъ и бѣлымъ камнемъ.

Ламберъ таинственно шепнулъ мнѣ, чтобы я шелъ за нимъ, и мы подошли къ тунелю, изъ котораго лилась въ рѣку струя мутной воды. Ламберъ по выступамъ каменной пролѣзъ въ него, и я слѣдовалъ за нимъ. Тунель оказался выходомъ сточной трубы, принадлежащей къ обширной системѣ канализаціи, по которой сливаются въ Сену всѣ воды, текуція по парижскимъ улицамъ. Пройдя шаговъ двадцать мы остановились у ниши; въ ней была площадка, возвышавшаяся на одинъ аршинъ надъ поломъ тунеля. Вверху чрезъ отдушину синѣлъ кусочекъ неба. Такія ниши устроены по всему протяженію главныхъ трубъ для рабочихъ канализаціи на случай проливного дождя, когда вода въ трубахъ внезапно подымается и все сноситъ передъ собою. На площадкѣ шириною съ диванъ лежали сухіе листья и скомканная газетная бумага, и пахло плѣсенью и мышами.

— Вотъ она, наша квартира, — сказалъ Ламберъ. — Нѣтъ ни консьержа, ни хозяина, ни квартирнаго налога... Если потѣсниться, то сюда влѣзетъ и третій; теплѣе будетъ... Только ты долженъ поставить намъ литръ вина — такой ужъ обычай.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Не сейчасъ, а когда будутъ. Мы потерпимъ.

Я ушелъ на промыслъ и не возвращался до вечера. Часовъ около пяти дня на какой-то людной улицѣ я замѣтилъ толпу, окружавшую автомобиль. Что-то испортилось въ моторѣ и онъ остановился. Шофферъ, одѣтый такъ, какъ будто собирался на сѣверный полюсъ — въ мѣховую шапкѣ съ наушниками и козлиной шкурѣ шерстью вверхъ, — поднялъ крышку мотора и возился съ нимъ. На такъ какъ улица была узкая, а ѣзда на ней очень бойкая, то скоро позади автомобиля образовался цѣлый хвостъ извозчиковъ, фургоновъ и омнибусовъ. Кучера омнибусовъ сердито щелкали кнутами, извозчики ругались, а публика острила по адресу несчастнаго шоффера и его „auto“.

Подошелъ городской.

— Circulez! — сказалъ онъ. — Вы задерживаете движеніе.

Узнавъ, что моторъ испорченъ, онъ потребовалъ, чтобы автомобиль вытащили въ сосѣдній переулокъ, гдѣ не было ѣзды. Я и другой доброволецъ изъ публики начали толкать съзади экипажъ, а шофферъ управлялъ рулемъ — все это при

дружномъ смѣхѣ толпы. Въ переулкѣ я остался при немъ пока онъ починалъ моторъ и подавалъ ему масленку, отвертки и ключи. У него были слабыя и бѣлыя какъ у женщины руки—и я предложилъ ему отвинтить какую-то гайку, съ которой онъ никакъ не могъ совладать. Понемногу вся работа перешла ко мнѣ и я сталъ разбирать и собирать по его указаніямъ части машины. Когда моторъ былъ исправленъ и застучалъ всѣми своими четырьмя цилиндрами пофферъ далъ мнѣ одинъ франкъ—цѣлыхъ двадцать су!—и уѣхалъ.

Вечеромъ я купилъ фунтъ хлѣба, ломоть сыра „bric“ и литръ вина за 6 су. Со всей этой провизіей я отправился на свою новую квартиру. Мои будущіе сожители—Ламберъ и Юженъ—уже сидѣли подъ мостомъ, спустивъ ноги низко къ водѣ, и ждали меня. Мы вошли втроемъ въ тунель, и при свѣтѣ огарка начали ѣсть хлѣбъ съ сыромъ и запивать виномъ прямо изъ бутылки.

VI.

Смотришь иногда въ лѣсу на сгнившій пенъ—и кажется что это мертвый, уже никуда негодный кусокъ дерева. Но присмотришься—и окажется, что на немъ кипитъ сложная и разнообразная жизнь: тутъ и плѣсень, и грибы; снизу прилипли къ нему дряблыя мокрицы, и сотни крошечныхъ черныхъ жучковъ копошатся подъ корою.. Также подъ мостами, въ тунеляхъ и въ укрѣпленіяхъ, окружающихъ Парижъ, копошится свое население—тоже своего рода людскія мокрицы—которое ночуетъ или кормится здѣсь.

Надъ нами по мосту проѣзжали электрическіе трамваи и катилась сложная и богатая жизнь; въ лабораторіяхъ противъ насъ сидѣли люди надъ микроскопами и изучали радій и рентгеновскіе лучи; немного ниже по теченію рѣки стояли Лувръ и Школа Изыщныхъ Искусствъ, гдѣ молодые художники чертили, лѣпили изъ глины и писали красками,— а мы на своей площадкѣ подъ мостомъ вели жизнь пещерныхъ людей, голодную, звѣриную, полную охотничьихъ случайностей.

Здѣсь жило насъ нѣсколько человѣкъ—и хотя всѣ мы были совершенно разные люди, и между нами не было ничего общаго—мы хорошо знали другъ друга и даже до известной степени были привязаны другъ къ другу. И такая существуетъ у человѣка потребность въ собственномъ углѣ и обществѣ, что эту площадку подъ мостомъ мы считали своимъ настоящимъ домомъ, и насъ постоянно тянуло къ ней, когда мы были въ городѣ.

Насъ было пятеро постоянныхъ жителей — Ламберъ, Юженъ, я и еще супруги Жюпиль.

Самъ Ламберъ представлялъ изъ себя бродягу съ ясно выраженными буржуазными наклонностями. Насколько это возможно для человѣка, который спитъ, не раздѣваясь, онъ былъ чистоплотенъ и даже франтовать. Въ противоположность Южену, который никогда не мылся, Ламберъ каждое утро спускался къ рѣкѣ, снималъ пиджакъ и совершалъ здѣсь свой туалетъ; при этомъ онъ вынималъ изъ кармановъ свое имущество: трубку, перочинный ножъ, треугольный обломокъ зеркала, кусокъ гребешка и метелочку для платья. Вымывшись, онъ тщательно причесывался, держа передъ собой зеркальце—онъ очень заботился о своей наружности. Потомъ снималъ по очереди всѣ части своего костюма, чистилъ ихъ и осматривалъ, не надо ли что зашить.

Ламберъ чрезвычайно уважалъ устой общества: собственнoсть и властей. Нищихъ онъ презиралъ и съ гордостью говорилъ: «*z'suis pas un mendigot, moi*» (я не попрошайка!) Богатыхъ уважалъ, но нисколько не завидовалъ имъ, потому что у него сложилось чисто-индусское представлениe о невозможности перехода изъ одной касты въ другую.

Современнымъ общественнымъ строемъ онъ не то что былъ доволенъ, но считалъ его вѣчнымъ и неизмѣняемымъ, и ему также не могло прийти въ голову критиковать этотъ строй, какъ ворчать на то, что земля вертится, и день смѣняется ночью. Формѣ онъ придавалъ суевѣрное, фетишистское значенiе—и человѣкъ въ форменной фуражкѣ—будь это почтальонъ, кондукторъ конки или даже развозчикъ изъ магазина „Bon Marché“—казался ему полубогомъ.

Онъ уважалъ всѣ установленныя власти—и не только городскихъ и комиссара участка, но даже министровъ и президента республики, несмотря на то, что обрывки газеты „*Intransigeant*“, которыя онъ подымалъ на мостовой, обвиняли ихъ во всевозможныхъ преступленiяхъ, начиная отъ дѣтoубiйства и кончая тайной принадлежностью къ компанiи ассенизационныхъ обозовъ. Онъ даже рассказывалъ съ умиленiемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проходя мимо Елисейскаго Дворца, онъ видѣлъ, какъ президентъ республики—*Monsieur Felisque Faure*—садился въ коляску и вѣжливо поднималъ шляпу въ отвѣтъ на поклонъ Ламбера.

— *Oui, il a salué moi, Lambert Goujon, un sans domicile!* Да, онъ поклонился мнѣ, человѣку безъ „мѣстожительства!“—съ гордостью повторялъ онъ всякій разъ, когда рассказывалъ намъ объ этой встрѣчѣ, и рѣшительно не могъ понять Южена, который всякій разъ въ отвѣтъ на это говорилъ:

— Болванъ! Это его ремесло—за это онъ и получаетъ миллионъ, чтобы цѣлый день раскланиваться.

И при этомъ прибавлялъ, сжавъ зубы:

— Tous ces gens-la-c'est des scarpules à qui il faudrait couper la cloche! Всея этой сволочи слѣдовало бы срубить башку!

Ламберъ не зналъ ни одного ремесла и, вѣроятно, всю свою долгую жизнь былъ бродягой. О своемъ прошедшемъ онъ не говорилъ—главнымъ образомъ потому, что ему нечего было рассказывать: это было мутное, одноцвѣтное пятно, изъ котораго не выдѣлялось ни одного образа или событія.

Единственно яркимъ воспоминаніемъ его жизни (за исключеніемъ уже упомянутой встрѣчи съ президентомъ Форомъ) было мѣсячное сидѣніе въ тюрьмѣ. Спокойнымъ, эпическимъ тономъ онъ рассказывалъ намъ, какъ попался во время облавы въ Булонскомъ лѣсу. Двадцать бродягъ и его въ томъ числѣ, спавшихъ въ эту ночь въ лѣсу, окружила полиція, загнала, точно дичь, на одну поляну — и отвела въ участокъ. Отсюда ихъ перевели въ Derô—домъ предварительнаго заключенія — гдѣ они провели нѣсколько дней, пока ихъ не рассортировали по группамъ и отдѣлили уголовныхъ отъ простыхъ бродягъ. Потомъ повели на судъ. Судьи сидѣли за прилавкомъ въ черныхъ тогахъ и смѣшанныхъ красныхъ шапкахъ, а сзади висѣла картина, изображавшая распятаго Христа. Можетъ быть, было бы правильнѣе повѣсить ее противъ судей, чтобы они видѣли Его, когда судили... Но она висѣла за ними, и Ламберъ все время смотрѣлъ на Его кроткое и скорбное лицо, и чувствовалъ себя большимъ преступникомъ, хотя и не зналъ за что его судятъ. Только въ тюрьмѣ ему объяснили, что каждый гражданинъ обязанъ имѣть квартиру—и такъ какъ у него не было квартиры, то судьи и приговорили его къ мѣсячному заключенію. Впрочемъ, на тюрьму онъ даже не смотрѣлъ какъ на наказаніе, и съ большой похвалой отзывался о тюремномъ режимѣ: пища хорошая, койки мягкія и общество интересное. Если бы только выдавали табакъ и позволяли больше гулять по двору, онъ съ удовольствіемъ остался бы въ ней и дольше.

Хотя Ламберъ и не зналъ ремесла, но онъ никогда не былъ празднымъ и зарабатывалъ до двадцати су въ день. На улицахъ онъ смотрѣлъ по сторонамъ внимательнымъ, все подмѣчающимъ взглядомъ: тамъ онъ подымалъ окурковъ, адѣсь газету, тамъ морковь или кочанъ капусты, упавшіе съ воза мужика, который ѣхалъ на рынокъ. Окурковъ онъ собиралъ до 50 штукъ въ день и потомъ, подъ мостомъ, тщательно сортировалъ ихъ. Худшіе онъ выкуривалъ самъ, а хорошіе крошилъ ножомъ и составлялъ изъ нихъ пакеты

табаку, которые продавалъ гдѣ-то возлѣ Place-Maubert, гдѣ, по его словамъ, была „Биржа окурковъ“.

Но главнымъ занятіемъ Ламбера были черви. Въ хорошую погоду по воскресеньямъ всѣ парижскія набережныя заняты рыболовами, которые сидятъ съ удочками подолгу, тутъ же завтракаютъ, и вылавливаютъ въ день штуки три или четыре крошечныхъ пискаря. Въ такіе дни Ламберъ ходитъ вдоль набережной съ жестяной полной маленькихъ ярко-красныхъ, какъ кристаллы граната, червячковъ, и выкрикивалъ:

— Кому червяковъ, хорошихъ червяковъ? У кого нѣтъ червяковъ? Недорого—почти даромъ—два су пригоршня!

Для меня долго было загадкой, гдѣ Ламберъ беретъ этихъ червей. Однажды, желая похвастаться передо мною своей хозяйственностью, Ламберъ признался мнѣ что у него была „фабрика“, и повелъ меня смотрѣть ее. „Фабрика“ помѣщалась въ той же трубѣ, гдѣ и наша квартира, только значительно выше. Мы долго шли въ темнотѣ, шлепая по водѣ, согнувшись и придерживаясь о покрытыя сырими кристаллами стѣны. Шагахъ въ двухстахъ отъ входа до меня донесся нестерпимый запахъ падали. Ламберъ зажегъ огарокъ, и я увидѣлъ въ нишѣ нѣсколько собачьихъ труповъ. Ихъ сюда приносилъ Ламберъ и „засѣивалъ“ въ нихъ горсть или двѣ червяковъ, которые быстро размножились въ гниющемъ мясѣ. Одинъ изъ труповъ буквально кипѣлъ червями, и Ламберъ при мнѣ сталъ выбирать ихъ руками, сидя на корточкахъ и вдыхая невыносимое зловоніе...

Насколько Ламберъ благодушенъ и незлобивъ, настолько Юженъ раздраженъ противъ всего окружающаго. Это малый лѣтъ двадцати; одѣтъ онъ въ широкіе бархатные штаны, фуфайку и пиджакъ со слишкомъ короткими рукавами; красный поясъ обмотанъ вокругъ его талии, и на головѣ онъ носитъ черный картузь, надвинутый на самые глаза. У него короткая могучая шея и голова, всегда наклоненная впередъ, какъ у быка, который собирается боднуть. Лицо у него звѣрское и бессмысленное, носъ кривой и расплющенный въ дракъ („*roug une sacrée tête de Monpouge*—изъ-за проклятой дѣвочки съ Монружа“—объяснялъ онъ), косо поставленные глаза, тяжелая, сизая, всегда отвислая челюсть и огромныя руки... Никогда не забуду я этихъ рукъ... костлявыя, страшныя, похожія на клешни огромнаго омара, онѣ всегда были сведены такъ, какъ будто собирались душить чью-то шею.

Юженъ ненавидитъ всѣхъ — богатыхъ и бѣдныхъ, властвующихъ и угнетенныхъ, побѣдителей и побѣжденных. И это не ненависть анархиста во имя высшихъ идеаловъ, а Февраль. Отдѣлъ I.

злоба человѣка, задыхающагося въ слишкомъ сложныхъ для него формахъ жизни. Живи Юженъ въ ледниковый періодъ— онъ охотился бы на мамонта и зубра, разбивалъ бы каменнымъ топоромъ черепъ своего врага, уносилъ бы въ свою пещеру выслѣженную дѣвушку—и былъ бы счастливъ, и современники почитали бы его. Но какъ жить въ этомъ Парижѣ, гдѣ все подѣ замкомъ, гдѣ надо знать какія-то мудренныя ремесла, гдѣ на каждомъ шагу поставлены городовые съ револьверами и сыщики съ ручными кандалами въ карманѣ и гдѣ женщины смѣются надъ его искалѣченнымъ носомъ?

Другіе молодые люди съ темпераментомъ Южена крадутъ или находятъ себѣ „une partimite“—проститутку, которая кормитъ ихъ. Но во Франціи полиція хорошо организована, и обыватели умѣютъ охранять самихъ себя. Воровъ-любителей давно ужъ нѣтъ, какъ нѣтъ ужъ волковъ и медвѣдей; есть только специалисты, тонко изучившіе свое ремесло и принадлежащіе къ организаціямъ. Въ этихъ организаціяхъ—одни высматриваютъ мѣсто, гдѣ можно съ выгодой и безопасно украсть, другіе фабрикуютъ сложные и остроумные инструменты, необходимые современному вору—клевцы для отпирания дверей, коловороты и электрическіе сверла для продѣлыванія дыръ въ несгораемыхъ шкалахъ,—третьи умѣютъ сбывать краденныя вещи. Все это слишкомъ сложно и трудно для Южена, и кромѣ того, онъ не умѣетъ подчиняться дисциплинѣ организацій, и его никуда не принимаютъ.

Что же касается другого источника благополучія—„partimite“, то и здѣсь ему не везетъ. Вѣроятно, ни одинъ индѣецъ такъ хитро не выслѣживалъ бизона въ степи и ни одинъ рыцарь такъ страстно и настойчиво не разыскивалъ свою красавицу, похищенную сарацинами, какъ ищетъ Юженъ сожигательницу въ этомъ огромномъ Парижѣ... Даже во снѣ онъ разговариваетъ съ какими-то женщинами, въ чемъ-то ихъ убѣждаетъ и шепчетъ: „oh, ma gonzesse, ma girolette“—эти нѣжныя воркующія слова, по странному капризу языка примѣнимыя только къ проституткамъ. Довольно, чтобы на набережной въ туманѣ, при невѣрномъ свѣтѣ газоваго рожка, показалась одинокая женская - фигура безъ шляпки и съ высокимъ шиньономъ, какъ Юженъ весь настораживается, всматривается въ темноту загорѣвшимся взглядомъ, потомъ встаетъ и медленно, какъ волкъ, крадется за нею...

Но все напрасно: дамы время отъ времени дарили его своею благосклонностью гдѣ нибудь въ тѣни моста или на скамейкѣ бульвара, но до серьезной связи никогда не доходило.

Какъ-то въ минуту полнаго отчаянiя Юженъ самъ объяснилъ намъ причину этого. Онъ вообще любилъ поговорить о женской психологiи и изучалъ ее съ такимъ же интересомъ, съ какимъ охотники изучаютъ нравы бекаса или дикой козы.

— Видите ли,—говорилъ онъ, презрительно сплевывая въ сторону,—баба, она всюду суеть свое чувство... *la femme ça met partout du sentiment*. Чтобы ее взять, непременно надо вначалѣ притвориться нѣжнымъ, несчастенькимъ... тогда она пожалѣетъ и захочетъ утѣшить. А когда привыкнетъ—она ужъ съ собою ничего не подѣляетъ: сколько хочешь бей ее—ей жалко будетъ бросить тебя. Другiе такъ и начинаютъ, а я не могу — *j'sais pas faire du sentiment, ça ne me réussit pas...* не умѣю я нѣжничать, никакъ это у меня не выходитъ...

— А ты вотъ поймай какую-нибудь,—совѣтуетъ Ламберъ,—и припугни ее—*donne lui la frousse...*

— *Espèce de vieil abrutil* Дуракъ ты старый!—возмущается Юженъ.—„Припугни ее“. Не понимаешь ты ничего: когда баба любить—она дура, силы у нея нѣтъ противъ тебя. А когда не любить—она хитрѣ тебя; не то что тебя, дурака,—всякаго перехитритъ. Уйдетъ „работать“ въ другой кварталъ—ищи ее! А то нарочно сойдется съ кѣмъ-нибудь по сильнѣе тебя — *qu'il te casse la gueule*—чтобы тотъ разбилъ тебѣ морду...

Такимъ образомъ, Южену совершенно не находится мѣста въ современномъ обществѣ. Понятно, что онъ озлобленъ и постоянно думаетъ о преступленiяхъ—самыхъ ненужныхъ бессмысленныхъ, жестокихъ. Ночью, пока не заснетъ, онъ все рассказываетъ намъ сильнымъ голосомъ исторiи безъ начала и конца про какихъ-то Эрнестовъ и Жюло, извѣстныхъ въ средѣ апашей. Все это рыцари безъ страха, которые убиваютъ не изъ корысти, а изъ протеста, чтобы показать обществу, что они плюютъ на его законы и несогласны войти въ тѣ узкiя загородки, куда оно хочетъ загнать ихъ. Онъ рассказываетъ про какого-то „*Jean dit Tour Eiffel, qui a degingolé un flic*“—который „уложилъ городского“ за то, что тотъ отогналъ отъ мясной лавки его собаку. Смакуя подробности, онъ пространно рассказывалъ, какъ „Жюло-людоѣдъ“ съ товарищами „*ont chouriné une vieille gentière*“—„укокошили старуху-рантьершу“; у нея на квартирѣ не оказалось ни денегъ, ни цѣнныхъ вещей—ничего, кромѣ колоды картъ и двухъ бутылокъ вина; и, сидя на ея тругѣ, они играли въ карты и пили это вино...

Какъ апофеозъ героевъ—въ рассказахъ Южена всегда фигурируетъ „*la Veuve*“ „Вдова“, ждущая съ послѣднимъ

страшнымъ поцѣлуемъ обрученныхъ съ нею храбрецовъ— красная гильотина съ блестящимъ стальнымъ лезвиемъ, которая возвышается въ утреннемъ туманѣ на площади, среди волнующейся толпы народа...

Супруги Жюпиль въ противоположность намъ троимъ еще не потеряли связи съ остальнымъ міромъ. Они нанимаютъ мансарду на шестомъ этажѣ громаднаго сѣраго дома на набережной. Такъ какъ оба они очень старые и подыматься на шестой этажъ имъ трудно, то они возвращаются домой только ночевать, а наша площадка подъ мостомъ служить имъ мастерской, конторой и столовой.

Они живутъ общей жизнью со всѣмъ кварталомъ и цѣлый день посвящаютъ себя самымъ разнообразнымъ трудамъ. У нихъ есть ящикъ, окрашенный въ черную краску съ узорами, на немъ рама съ полотномъ, и на полотнѣ нарисованъ пудель—такой бѣлый и пушистый, какъ будто онъ сдѣланъ изъ ваты. Подъ картиной желтыми неровными буквами выведена надпись: „Жюпиль выполняетъ порученія и стрижетъ собакъ“.

И, дѣйствительно, всѣ домашнія длинно-шерстя собаки квартала знаютъ и смертельно боятся Жюпиля. Когда надо остричь собаку, хозяинъ приводитъ ее на ремнѣ подъ мостъ; М-ше Жюпиль связываетъ ей морду, садится на ящикъ, кладетъ ее на колѣни и крѣпко держитъ за лапы. А самъ Жюпиль становится на колѣни и начинаетъ стричь; при этомъ въ продолженіе всей операціи онъ не перестаетъ объяснять собакѣ всю неосновательность ея страха и ставитъ ей на видъ, что если онъ порѣжетъ ее, то это будетъ ея собственная вина. Собака при этомъ тоскливо попискиваетъ и трясется мелкой нервной дрожью. Стрижетъ онъ очень искусно, и, меньше чѣмъ въ полчаса, превращаетъ обыкновеннаго кудлатаго пса, съ шерстью, нависшей на глаза, въ гордаго льва, съ кисточками на ногахъ и на концѣ хвоста.

Кромѣ стрижки собакъ, супруги Жюпиль занимаются набивкой матрацовъ шерстью, которую чешутъ тутъ же подъ мостомъ особой машинкой, и неопредѣленными дѣлами которыя называются „commissions“—„порученія“. Если, напримеръ, кто-нибудь изъ окрестныхъ жителей получаетъ съ юга бочку вина—онъ обыкновенно зоветъ Жюпиля разливать его по бутылкамъ—и за трудъ даетъ ему двадцать су и литръ вина съ боченка. Если кто-либо изъ бѣдныхъ сосѣдокъ боленъ или родитъ дома—„Мамъ“ Жюпиль ухаживаетъ за больною, готовитъ обѣдъ и возится съ ребенкомъ на первыхъ порахъ. Если у кого уходитъ прислуга или сбѣгаетъ жена, то до пріисканія новой М-ше Жюпиль варитъ супъ и моетъ полы.

Такими непрестанными трудами они зарабатывают вдвоемъ франка два въ день—которыхъ едва-едва хватаетъ на ѣду и квартиру. Несмотря на это, оба довольны своимъ положеніемъ и часто смѣются и шутятъ.

Мамъ Жюпиль—низенькая полная старушка; лицо—румяное и безъ морщинки, какъ наливное яблоко—окружено мягкими, бѣлыми волосами. Носитъ она черное платье, вязанную косынку на плечахъ, ножницы на лентѣ у пояса и деревянные лакированныя „galoches“ на ногахъ. Ея мужъ—высокій, худой старикъ съ длинными бѣлыми усами и краснымъ носомъ; видно, что въ свое время онъ былъ очень красивъ; даже и теперь еще онъ сохранилъ въ своей фигурѣ и походкѣ нѣкоторую элегантность, особенно когда идетъ, покручивая усъ, подъ руку съ М-ше Жюпиль.

Оба они до сихъ поръ влюблены другъ въ друга. Завтракаютъ они всегда вмѣстѣ, и гдѣ бы ни задержали М-ше Жюпиль ея разнообразныя занятія, къ полдню она непременно урвется и принесетъ мужу завтракъ въ маленькой корзинѣ. Она разстилаетъ на ящикѣ чистую салфетку и ставитъ на нее бутылку вина, длинный парижскій хлѣбъ, одну котлетку на двоихъ и кусочекъ сыру. Они садятся на складные стулья—и трогательно видѣтъ, какъ они заботятся другъ о другѣ, подливаютъ одинъ другому вина, рѣжутъ хлѣбъ, и какъ хитритъ М-ше Жюпиль, чтобы вся котлетка досталась старику, у котораго большой аппетитъ.

По ихъ разговору и манерамъ видно, что они знавали лучшія времена и сильно спустились внизъ по социальній лѣстницѣ. Мнѣ всегда казалось, что въ ихъ отношеніяхъ было что-то большее, чѣмъ нѣжность супруговъ и привязанность старыхъ друзей. Другіе старятся въ своемъ обществѣ, одновременно съ людьми своего круга—и теченіе времени для нихъ мало замѣтно. Но Жюпили потеряли всѣ свои прежнія связи—и жили среди людей другого общества и другой эпохи. И другъ для друга они представляли послѣднее, что у нихъ осталось отъ прежняго счастливаго времени и отъ прежняго близкаго имъ круга людей..

Разъ я слышала обрывокъ такого разговора между ними.

— Я не знала, что она въ Парижѣ. Она сегодня проѣхала мимо меня въ экипажѣ,—говорила старуха. Можешь представить, какъ я испугалась...

— Пустяки,—сказалъ онъ:—она никогда не узнала бы тебя: безъ шляпки и въ этомъ костюмѣ...

— Не говори, я вовсе не такъ ужъ измѣнилась. И потому ты не знаешь ее: это доставило бы ей огромное удовольствіе узнать меня въ такомъ видѣ... Дурная женщина!

Старикъ опустилъ голову и задумался. На его губахъ бродила печальная улыбка—и видно было, что воспоминаія одно за другимъ проходили передъ его глазами. Потомъ онъ махнулъ рукой—старческой рукой съ голубыми, набухшими жилами—и сказалъ вздохнувъ:

— Да, если бы не моя глупость—и ты не была бы подъ старость подъ этимъ мостомъ...

— Ну, что объ этомъ говорить!—сказала старуха, и энергичнѣе принялась чесать шерсть.

VII.

Я прожилъ около двухъ недѣль въ сточной трубѣ. Потому погода рѣшительно повернула на зиму. Началась гнилая парижекая зима съ дождями, слякотью и пронизывающими насквозь туманами. По утрамъ надъ рѣкою носились клочья бѣлаго тумана, и зданія за рѣкою тонули въ молочной мглѣ. Иногда падалъ снѣгъ, мокрый и рыхлый, посыпалъ точно сахаромъ крыши и мостовую и сейчасъ же таялъ, оставляя на улицѣ жидкую холодную грязь, которая заливалась въ дырявыя ботинки и заставляла коченѣть ноги. Падалъ дождь, холодный, неумолимый, и сѣкъ лицо, заливался за воротъ, леденилъ руки...

Разъ ночью страшный шумъ разбудилъ насъ. Мы едва успѣли вскочить на ноги въ своей нишѣ—какъ по трубѣ что-то пронеслось со свирѣпымъ ревомъ. Ламберъ зажегъ спичку—и мы увидѣли желтую воду, которая неслась вся покрытая пѣной и водоворотами, прыгала на стѣнки тунеля и отскакивала отъ нихъ мутными горбатыми волнами. Вода все подымалась пока не достигла половины трубы, до нашихъ колѣнъ. Нечего было и думать, выйти наружу—потокъ моментально снесъ бы насъ въ Сену—и такъ, по колѣно въ ледяной водѣ, намъ пришлось стоять около часу, пока уровень не опустился до пола ниши.

Начались холода, и по утрамъ мы находили въ лужахъ тонкую ледяную корочку. Спали мы, крѣпко прижавшись другъ къ другу, съ газетной бумагой набитой подъ платье, потому что бумага отлично грѣетъ.

Съ дурной погодой начались голодные дни. Въ дурную погоду люди раздражены, не въ духѣ—и случаи заработать представляются рѣже.

Помню одинъ такой безконечно длинный, какъ мнѣ казалось, день, когда я бродилъ по городу, голодный, прозябшій насквозь, съ отчаяньемъ на душѣ... Мимо меня быстро проходили люди въ тепломъ платьѣ, засунувъ руки въ кар-

маны, закутанные въ шарфы, съ поднятыми воротниками пальто—и мнѣ казалось, что они прячутся не отъ холода, а отъ состраданія, чтобы не видѣть и не слышать меня, когда я буду звать ихъ на помощь... Такъ блуждалъ я до вечера, потомъ вернулся „домой“, завернулся въ газетную бумагу и легъ. Ламберъ не ночевалъ дома, въ очень холодныя ночи онъ куда-то уходилъ, а Юженъ еще не пришелъ. Я лежалъ съ открытыми глазами и смотрѣлъ на маленькій свѣтлый эллипсисъ—выходъ трубы. Вдругъ въ ней показался черный силуэтъ Южена. Онъ подошелъ ко мнѣ и легъ рядомъ. У насъ давно уже началось глухое раздраженіе другъ противъ друга—и я притворился что сплю, чтобы не разговаривать съ нимъ. Юженъ долго безпокойно ворочался, бормоталъ что-то сквозь зубы, и я чувствовалъ, что онъ настроенъ какъ-то особенно.

Наконецъ, онъ поднялся, сѣлъ и зажегъ огарокъ, который всегда лежалъ у насъ въ углу. Потомъ, чтобы убѣдиться, что свѣтъ не разбудилъ меня, онъ спросилъ шопотомъ:

— Tu *roupilles*, toi—ты дрыхнешь?

Я не отвѣчалъ.

Пламя свѣчи освѣщало красноватымъ свѣтомъ только лицо и руки Южена и небольшое пространство вокругъ него, за которымъ какъ облака крепа постепенно сгущалась темнота. И казалось, что эта черная темнота враждебно сторожила насъ и хотѣла сомкнуться и втянуть въ себя это коптящее маленькое пламя съ его дрожащимъ свѣтомъ...

Юженъ вынулъ изъ кармана маленькій дамскій портмонэ и высыпалъ на ладонь все его содержимое: ключъ, пятифранковую монету и нѣсколько мѣдныхъ су. Потомъ взялъ пятифранковую монету, приблизилъ ее къ огню и долго съ интересомъ разсматривалъ ее. Лицо у него было какое-то особенное—возбужденное и осмысленное—и при свѣтѣ свѣчи я отчетливо увидѣлъ вокругъ его ногтей тонкую полоску запекшейся крови... Потомъ онъ спряталъ деньги, потушилъ свѣчу и скоро захрапѣлъ.

А я не могъ уже заснуть. Эта сцена взволновала меня, и мое сердце сильно стучало. Мнѣ стало невыносимо оставаться въ темнотѣ, наединѣ съ этимъ человѣкомъ, и я осторожно выбрался изъ туннеля.

На мосту горѣли красныя огни и красными зигзагами отражались въ темной водѣ. Въ туманъ уходилъ двойной рядъ уличныхъ фонарей по обѣ стороны рѣки. Все спало вокругъ, и темныя массы домовъ тяжело нависли надъ водою.

Я попробовалъ заснуть на корточкахъ, положивъ голову

на колѣни, но рѣзкій холодъ разбудилъ меня — и я сталъ ходить, чтобы согрѣться. Такъ ходилъ я часовъ до двухъ и наконецъ, очутился на Большихъ Бульварахъ.

Здѣсь было свѣтло и пустынно. Я остановился на минуту на углу улицы — и вдругъ замѣтилъ, что на меня смотритъ какой-то оборванецъ. Онъ спряталъ руки въ рукава пиджака и весь трясся мелкой дрожью отъ холода. Лицо у него было блѣдное, носъ красный и глаза — красные и слезящіяся. И эти глаза смотрѣли на меня такъ упорно и внимательно, что мнѣ стало страшно. И вдругъ я понялъ, что смотрю въ зеркало, которымъ украшены простѣнки между магазинами. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ бродягою — я въ первый разъ видѣлъ себя въ зеркало и теперь былъ пораженъ перемѣнами, которыя нашелъ въ себѣ. Неужели у меня такой грязный, нездоровый цвѣтъ лица, такія впалыя щеки, такіе черные круги подъ глазами?

Я пошелъ дальше. Было часовъ около трехъ. Въ домахъ вездѣ погасъ свѣтъ, все уже спало и только окна шикарнаго ночного ресторана горѣли огнями. Ресторанъ находился на углу бульвара и переулка — и я замѣтилъ, что на тротуарѣ стоялъ большой цинковый ящикъ — такъ называемое „boite aux ordures“. Въ эти ящики кладутъ кухонные отбросы, которые въ пять часовъ утра собираютъ мусорные обозы и увозятъ за городъ. Голодъ сверлилъ мои внутренности — и я, ставъ на колѣни передъ ящикомъ, началъ копать въ золь, яичной скорлупѣ и картофельной шелухѣ въ надеждѣ найти хоть корку хлѣба.

И вдругъ изъ темноты переулка медленно вышла бродячая собака — грязная, лохматая, съ поджатымъ хвостомъ и ребрами, торчавшими отъ худобы. Она пугливо взглянула на меня, оперлась лапами о край ящика, засунула морду въ соръ и стала копать въ немъ. Она оказалась счастливейше меня — нашла какую-то кишку, которую, не жуя и даваясь, жадно проглотила и снова стала рыться въ мусорѣ.

Въ это время дверь ресторана открылась, и оттуда вышли господинъ и двѣ дамы. Дамы въ бѣлыхъ мѣховыхъ мантильяхъ, въ кружевныхъ платкахъ на головѣ, съ цѣлымъ облакомъ красивыхъ бѣлыхъ юбокъ. Господинъ въ блестящемъ цилиндрѣ, съ моноклемъ въ глазу, въ великолѣпной шубѣ, распахнутой на груди надъ сверкающей бѣлизной манишкой...

Видно было, что они только что поужинали — были навеселѣ и громко смѣялись. И видъ человѣка и собаки, рывшихся въ одной кучѣ отбросовъ, очень смутилъ ихъ. Они замолчали и остановились. Я тоже былъ смущенъ, что меня

застали за такимъ занятіемъ и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю ихъ. Тогда одна женщина сказала шопотомъ:

— Бѣдняга! Посмотри на него, Альджи... А мы проѣли за ужиномъ 300 франковъ...

Мужчина сдѣлалъ ей знакъ замолчать, осторожно, на пыпочкахъ подошелъ ко мнѣ и сталъ сзади. Затѣмъ три монетки скатились по мусору къ моей рукѣ... Очевидно, этотъ Альджи хотѣлъ заставитьъ меня повѣрить, что я нашелъ монеты въ сору.

Когда я оглянулся, всѣ трое уже были далеко. Мужчина держалъ подъ руки обѣихъ дамъ и подпрыгивалъ, какъ будто танцуя мазурку, а дамы бѣжали, нагнувшись и подхвативъ въ охапку свои бѣлыя юбки.

Я подошелъ къ фонарю, чтобы разсмотрѣть монеты. Это были луидоры. Три луидора—60 франковъ—цѣлое состояніе!!

VIII.

Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ удалось, наконецъ, найти мѣсто токаря по металлу на одномъ автомобильномъ заводѣ въ городкѣ Сюрень, въ окрестностяхъ Парижа. Практическія работы, которыми я занимался въ Техническомъ училищѣ, сослужили мнѣ службу: я хорошо выполнилъ пробную работу и былъ принятъ на жалованіе въ 15 су въ часъ или 7 фр. 50 въ день.

Мастерская, гдѣ я работаю—свѣтлая и просторная. Всѣ станки приводятся въ движеніе электричествомъ, поэтому нѣтъ ни уродливыхъ шкивовъ и валовъ, ни ремней, спускающихся съ потолка. Изразцовый полъ блеститъ, какъ паркетъ, и подъ высокимъ стекляннымъ потолкомъ царитъ озабоченная дѣловая тишина; только изрѣдка завизжитъ вдругъ круговая пила или злобно закричитъ точильный камень, окруженный снопами яркихъ, красныхъ искръ. Двѣсти станковъ стоятъ правильными рядами, блестя своею полированной сталью, и рабочіе, согнувшіеся передъ ними, кажутся маленькими придатками машины. Зубчатые колеса, смазанныя зеленымъ масломъ, вращаются медленно и беззвучно, увлекая куски бронзы и чугуна, и спиральная стружка сходитъ съ легкимъ шуршаніемъ и падаетъ на полъ. Рука машинально повертываетъ ручку супорта; подъ тихую пѣснь стружки мысль уносится далеко, снова переживаешь свою жизнь, и воспоминанія—то веселыя, то грустныя—вереницей тянутся въ головѣ... Рѣзецъ вдругъ начинаетъ рычать—капаешь на него масломъ или пускаешь струю мыльной воды, когда онъ начинаетъ грѣться;

или вынимаешь его и несешь точить. У точильнаго камня уже ждуть нѣсколько товарищей въ голубыхъ полотняныхъ костюмахъ; здѣсь маленькій клубъ, и всѣ болтаютъ вполголоса, слѣдя за мастеромъ, который возится въ своей застеклённой будочкѣ; Майо --- мрачный и небритый—сообщаетъ, что послѣ вчерашней „suite“ (выпивки) у него „болятъ волосы“. Эрпэнь, смѣшной юноша съ кривымъ плечомъ и длиннымъ лошадинымъ лицомъ, кривляется и голосомъ и жестами передразниваетъ мастера. Этотъ пятиминутный отдыхъ освѣжаетъ, и, благодаря ему, время проходитъ быстрѣе, и работа кажется не такой монотонной. Но вотъ наконецъ, когда подъ ложечкой начинаетъ сосать и голова слегка кружиться отъ голода,—раздается такъ долго жданный 12-часовой гудокъ. Всѣ, точно по командѣ, останавливаютъ станки, у всѣхъ сразу блеснетъ синяя искра въ выключателѣ мотора, и сразу все замретъ въ мастерской. Мы торопливо выходимъ изъ залы, толпимся въ узкомъ коридорѣ, проходимъ широкой дворъ и высыпаемъ на улицу, нетерпѣливой голодной толпою. На нѣсколько минутъ сонныя улицы наполняются гулкимъ топотомъ нашихъ подкованныхъ гвоздями башмаковъ, потомъ все замолкаетъ, и рабочіе расходятся по окрестнымъ кабачкамъ и ресторанамъ.

Я съ нѣсколькими товарищами всегда ходимъ къ „отцу Жиро“. У входа здѣсь стоитъ блестящій цинковый прилавокъ, уставленный бутылками и сифонами, а за прилавкомъ самъ хозяинъ безъ пиджака въ синемъ фартухѣ, толстый и важный. Въ ресторанѣ нѣсколько столовъ, на которыхъ уже разставлены безъ скатерти тарелки, длинные хлѣбы и бутылки съ краснымъ виномъ. Мы садимся за столъ голодные и мрачные, но послѣ блюда наше озлобленіе проходитъ, и всѣ начинаютъ шутить и смѣяться. Подаетъ сама „Мамъ“ Жиро, веселая, краснощекая нормандка; она быстро ходитъ между столовъ съ грудой тарелокъ на рукахъ, разноситъ кушанье, убираетъ посуду, увертывается отъ протягиваемыхъ ей объятій, шлепаетъ по головѣ слишкомъ предприимчивыхъ и успѣваетъ отвѣчать на шутки, съ которыми обращаются къ ней со всѣхъ сторонъ.

Мы ѣдимъ „ordinaire“, т. е. бульонъ съ говядиной, бобы и сыръ, и запиваемъ краснымъ виномъ съ водою; въ заключеніе пьемъ кофе изъ высокихъ узкихъ стакановъ, и „rousse-saifé“—рюмку коньяку или киршу. Такой обѣдъ обходится намъ около 24 су. Послѣ обѣда мы долго еще сидимъ за столомъ съ пріятнымъ ощущеніемъ сытости и теплоты во всемъ тѣлѣ. Пожилые рабочіе играютъ въ карты тутъ же между бутылками и грязными тарелками, а молодежь спорить о политикѣ или ругаетъ администрацію завода.

Если до часового гудка остается еще много времени, мы выходимъ на набережную, садимся на бревна и смотримъ какъ плыветъ вода мимо низкихъ зеленыхъ береговъ и морщится противъ устоевъ моста. У другого берега качается старинное судно, вродѣ каравель Колумба; у него выпуклые бока, на носу золотогрудая сирена съ рыбьимъ хвостомъ и три мачты съ парусами, красиво подобранными къ реямъ. Мы молча смотримъ на это судно, и его видъ вызываетъ въ насъ тоску по путешествіямъ и бродячей, свободной жизни.

Но вотъ, часовой гудокъ; мы возвращаемся на заводъ и становимся снова у своихъ станковъ. Послѣ обѣда монотонность работы немного прерывается посѣщеніями администраціи, акціонерами и даже кліентами, которымъ показываютъ заводъ. Проходитъ „нашъ виконтъ“ — *administrateur delegué*, съ Ладуро, мастеромъ нашего отдѣленія. Ладуро, — маленькій, толстый, съ багровымъ лицомъ и заплывшими глазами; онъ одѣтъ въ бѣлую блузу сверхъ сюртука, бѣжитъ рядомъ съ виконтомъ и даетъ ему объясненія тонкимъ заискивающимъ голосомъ. Виконтъ — огромный, высокій красавецъ, уже съ просѣдью, идетъ быстрыми шагами, довольный всѣмъ, и только старается своими вопросами — часто не впопадъ — показать, что онъ понимаетъ кое-что въ технику. Проходить, крадучись, какъ лиса, директоръ завода — Филлипаръ, въ цилиндрѣ, съ желтымъ, унылымъ и лицемѣрнымъ лицомъ, и мы всѣ съ неприязнью смотримъ на него, потому что знаемъ что онъ воръ, и его постоянная забота — съэкономить на комъ или на чемъ-нибудь, и деньги положить себѣ въ карманъ. У него двѣ дочери, такія же длинныя, тощія и желтолицыя, какъ онъ самъ и; чтобы пристроить ихъ, необходимо приданое — и Филлипаръ съ утра до вечера приворовываетъ по франку, по 10 су, беретъ взятки съ мастеровъ и получаетъ комиссіи со всѣхъ поставщиковъ, чтобы поскорѣе скопить это приданое. Время отъ времени, какъ бомба, вылетаетъ изъ чертежной нашъ инженеръ Тьерри; онъ вопитъ разстроеннымъ голосомъ: „Ладуро! Вы опять дѣлаете карбюраторы не по чертежу!“ Ладуро подбѣгаетъ къ нему быстро, насколько позволяютъ ему короткія ноги и грузное брюшко, и они вмѣстѣ начинаютъ вымѣрять карбюраторъ, при чемъ оказывается что самъ Тьерри сдѣлалъ ошибку въ чертежѣ, и сконфуженный, онъ уходитъ въ чертежную. Этотъ Тьерри прежде строилъ мосты и по протекціи попалъ на нашъ заводъ; автомобилей онъ совершенно не понимаетъ и дѣлаетъ ошибки за ошибками, изъ-за которыхъ заводъ теряетъ иногда сотни тысячъ. Дѣло совершенно его не интересуетъ, и его голова занята другимъ: онъ живетъ съ извѣстною „Mome Fromage“, которая танцуетъ въ *Moulin Rouge* такъ называемую „реалистическую кадрили“;

и дрябги его любовницы съ другими „артистками“ поглощаютъ всё душевныя силы нашего инженера.

Вторая половина дня длиннѣе и утомляетъ больше, чѣмъ первая. Послѣдніе часы тянутся убійственно медленно; спину начинаетъ ломить, ноги отекаютъ отъ долгаго стоянія, глаза устаютъ смотрѣть на работу, которая все вертится, вертится, и кажется, что большіе стѣнные часы надъ дверью засыпаютъ и не передвигаютъ стрѣлокъ... Но вотъ раздается послѣдній гудокъ; вздрагиваешь отъ радостнаго чувства освобожденія; всё быстро, на ходу, одѣваются, смѣшиваются въ оживленную, говорливую кучу—и выбѣгаютъ за ворота. Одни садятся на велосипеды и уѣзжаютъ домой; другіе уходятъ подъ руку съ своими дѣвушками, которыя поджидали ихъ у забора, а большинство въ одиночку разбредается по темнымъ, узкимъ переулкамъ. Улицы и площади на минуту оживляются и скоро снова пустѣютъ; въ окнахъ загораются желтые огни, и изъ-за полуоткрытыхъ дверей кабацковъ слышится смѣхъ и шумъ спорящихъ голосовъ...

IX.

Я занимаю маленькую комнату въ гостиницѣ для рабочихъ; въ ней стоитъ кровать съ рыхлой периной вмѣсто одѣяла, столъ и умывальникъ. Въ комнатѣ такъ голо и непріятно, въ длинномъ полутемномъ коридорѣ такъ пусто и тоскливо, что я захожу домой только переодѣться и почесать. Вечера я провожу въ кафе, гдѣ за шесть су можно выпить чашку кофе, посидѣть въ теплѣ и свѣтѣ и прочесть нѣсколько газетъ.

Въ будни здѣсь сонное царство. У чугунной печки посреди комнаты дремлетъ жирный котъ, въ углу, прикурнувъ на стулѣ, спитъ единственный гарсонъ. На возвышеніи за конторкой сидитъ хозяйка—неподвижная и величественная, съ усами и тройнымъ подбородкомъ; сонная жизнь чуть теплится въ ея огромномъ тѣлѣ, падающемъ отъ плечъ безформенными мягкими каскадами. У окна играютъ нескончаемую партію въ „покеръ“ четыре старичка—мѣстные коммерсанты; они сѣдые, лысые, ихъ руки дрожатъ, сдавая карты, и при удачномъ ходѣ они смѣются слабымъ, беззубымъ старческимъ смѣхомъ.

Но по воскресеньямъ сюда собираются молодые рабочіе—и сразу наполняютъ комнату шумомъ, веселыми шутками и задорными спорами о будущемъ. Они приходятъ въ воскресномъ платьѣ, въ котелкахъ, пиджакахъ и крахмальныхъ сорочкахъ; платье сидитъ на нихъ неуклюже, но въ немъ они

чувствуютъ себя увѣреннѣе и развязнѣе, чѣмъ въ полотняныхъ блузахъ. Товарищи занимаютъ два-три стола, сдвинутыхъ вмѣстѣ — и скоро на каждомъ образуется по столбику войлочныхъ кружковъ, которые указываютъ на число выпитыхъ кружекъ. Сначала всѣ громко толкуютъ о пустякахъ, набиваютъ трубки и крутятъ папиросы изъ купленнаго въ складчину табака, но понемногу затягивается споръ, особенно, если присутствуютъ сапожникъ Жіа и рабочій нашего завода Бюкэ.

Жіа и Бюкэ полная противоположность другъ другу. Жіа — красивый брюнетъ, южанинъ, изъ Перпиньяна. Бюкэ — сѣверянинъ, изъ Арраса, родины Робеспьера; онъ блондинъ съ болѣзненнымъ лицомъ и постоянной иронической улыбкой на тонкихъ блѣдныхъ губахъ. Жіа говоритъ красиво и немного безтолково, съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, и тонъ его голоса горячій и вибрирующій. Бюкэ — холоденъ и логиченъ, говоритъ умно и сухо, и презираетъ краснорѣчіе. Жіа — поэтъ и философъ, додумавшійся, вколачивая гвозди въ башмаки, до своей собственной туманной анархической теоріи; его интересуютъ только вопросы о свободѣ и счастьѣ отдѣльной личности. Бюкэ же социалистъ, онъ занять вопросомъ объ организаціи общества, и всѣ его идеи выработаны не имъ самимъ, а другими, болѣе сильными мозгами и представляютъ стройную теорію, предвидящую всѣ возраженія. Жіа просто излагалъ свои мысли, которыя проходятъ черезъ его голову, не заботясь о доказательствахъ. Бюкэ же — искусный діалектикъ, и потому всѣ рабочіе хотя и слушаютъ Жіа съ удовольствіемъ, но принуждены въ концѣ концовъ соглашаться съ Бюкэ.

Начинаетъ обыкновенно Жіа. Онъ поднимаетъ голову надъ газетой, его глаза зажигаются юморомъ, и онъ рассказываетъ намъ какой-нибудь только что вычитанный фактъ. И оттого, что излагаетъ онъ его наивными, умышленно-простыми словами — его рассказъ кажется злою карриатурой. Понемногу онъ увлекается, и тогда достается всему — и биржѣ, и арміи, и суду, и парламенту. Мы смѣемся, а Бюкэ короткими вопросами, какъ кочегаръ въ печь, подбрасываетъ ему новый матеріалъ для жару.

— Что „они“ мнѣ вѣчно трубятъ про свободу! — кипятится Жіа, ударя кулакомъ по газетѣ. — Говорятъ, что наши дѣды взяли Бастилію и добились свободы... Желалъ бы я знать, гдѣэта свобода для меня, на примѣръ, когда я цѣлый день запертъ въ своей будочкѣ, прикованъ къ табурету и умру голодной смертью, какъ только выпущу изъ рукъ свой сапожный ножъ! Vous autres *sociologes* (вы, социалисты) общаете, что если устроить по-вашему, то лучше будетъ. А я думаю — ничего не измѣ-

нится. Чѣмъ сложнѣе жизнь, тѣмъ больше узъ на человѣкѣ. Главное зло на свѣтѣ—это раздѣленіе труда. Человѣкъ долженъ дѣлать самъ для себя все, что ему нужно, а пока этого не будетъ—не будетъ у него ни свободы, ни счастья.

— При чемъ тутъ раздѣленіе труда?—говоритъ мой товарищъ по мастерской Шнэдеръ, нетерпѣливо пожимая плечами.

— А при томъ, что я связанъ съ другими и завишу отъ нихъ... И еще то—что я не могу любить свой узкій, однообразный трудъ. Я ненавижу и свою будочку, и тѣ подошвы, которыя я пришиваю, и заказчиковъ, которые заставляютъ меня изо дня въ день всю жизнь починать сапоги. Трудъ долженъ быть разнообразнымъ и увлекательнымъ, какъ спортъ; онъ долженъ правильно развивать всѣ мускулы и умъ, а не калѣчить человѣка, какъ теперь, горбитъ ему спину, вдавливать ему грудь. Мы всѣ должны жить въ поляхъ и заниматься здоровымъ трудомъ, а наша ремесленная работа—это одно наказаніе... Ты Библию читалъ?

— Нѣтъ,—говоритъ презрительно Шнэдеръ,—предпочитаю читать Виктора Гюго или хоть Зола.

— Напрасно. Это хорошая, мудрая книга. Я, вѣдь, изъ гугенотской семьи; у меня есть старинная такая, семейная Библия, ее читали и отецъ, и дѣдъ мой, и, должно быть, пра-дѣдъ—и всѣ искали въ ней мудрости. И я самъ, когда хочу понять нашу современную жизнь, читаю эту книгу, и она многое мнѣ объясняетъ... Такъ вотъ тамъ рассказывается про Каина. Проклялъ Богъ Каина за убійство брата—проклялъ тѣмъ, что отнял у него землю, которую тотъ воздѣлывалъ. „Когда ты будешь воздѣлывать землю, не станетъ она больше давать своей силы для тебя“.

А Каинъ говоритъ:—„Господи, наказаніе мое больше, чѣмъ можно вынести“. Вотъ оно—проклятіе Каина: земля не прямо кормитъ его, а долженъ онъ кормиться ремесломъ отъ людей. Вотъ Каинъ и изобрѣтаетъ раздѣленіе труда; онъ идетъ и строить *городъ*—первый городъ на землѣ. И въ этомъ городѣ потомство его занимается всякими ремеслами—забавляетъ людей, живущихъ отъ земли, игрою на гуслихъ и свирѣли, куетъ для нихъ орудія изъ мѣди и желѣза, шьетъ имъ сапоги, какъ я, и строить имъ автомобили, какъ вы.—Всѣ мы, рабочіе и ремесленники—потомки Каина, и лежитъ на насъ каинова печать...

— Все это такъ,—прерываетъ его Бюкэ, хитро подмигивая намъ,—только безъ раздѣленія труда люди у тебя совершенно одичаютъ. И еще другое: такой строй, можетъ быть, и возможенъ, когда людей на землѣ мало—гдѣ-нибудь въ Канадѣ или въ Африкѣ, и то не знаю, возможенъ ли... А

чтобы прокормить всѣхъ людей, напримѣръ, во Франціи, нужны и разные плуги, и искусственныя удобренія, и мало ли что—что же, ты все это будешь фабриковать самъ, сидя на своемъ клочкѣ земли?

Жіа начинаетъ объяснять свою систему — и очень увлекается. Теперь, когда онъ оживленъ — онъ положительно красивъ съ его сѣрыми глазами, съ красно-черной бородкой и бѣлымъ высокимъ лбомъ съ подвижною кожей. Торопясь и немного путаясь, онъ съ жаромъ излагаетъ свои любимыя мысли и мечты, которыя постоянно осаждаютъ его, когда онъ работаетъ.

По его мнѣнію, общины должны обмѣниваться между собою произведеніями своего труда. Община можетъ специализироваться на одномъ какомъ-нибудь продуктѣ — винѣ, оливкахъ, глиняныхъ издѣліяхъ — но человѣкъ долженъ уметь дѣлать все и переходить съ мѣста на мѣсто. Тогда только личность можетъ широко развиваться и сдѣлаться вполнѣ свободной.

— Въ старину,—говорилъ Жіа,—былъ у насъ такой обычай: молодые ремесленники (ихъ звали тогда—*compagnons de tour de France*)—столяры, каменщики, оружейники—обходили всѣ города и села Франціи. Ведѣ ихъ принимали мѣстные цехи, отводили имъ квартиру, кормили ихъ и давали имъ работу. Счастливое было для нихъ время! Ходили съ мѣста на мѣсто, видѣли свѣтъ, знакомились съ разными людьми и научались многому такому, чего никогда въ жизни нельзя было узнать, сидя на мѣстѣ... Отчего бы не устроить того же для всей страны и для всякаго труда? Придешь, напримѣръ, въ деревню:—„Какая у васъ, братцы, сейчасъ работа?“—„Сѣно косимъ; вотъ тебѣ коса, становись съ нами“. Работаешь съ ними, вечеромъ ужинаешь, слушаешь ихъ рассказы и самъ рассказываешь, что видѣлъ. Работа кончена, сѣно скошено и собрано въ стоги — берешь свою палку и мѣшокъ, прощаешься съ новыми друзьями (они ужъ набили твой мѣшокъ всякими припасами на дорогу!) и уходишь. Идешь бодро и весело, съ легкимъ сердцемъ, потому что спокоенъ за завтрашній день и знаешь, что въ сосѣдней деревнѣ найдешь ужинъ и работу. По дорогѣ рубишь деревья съ дровосѣками, гребешь на баркасѣ съ рыбаками разстилаешь на морскомъ пескѣ сѣтъ и чинишь ее... Идешь дальше—въ горахъ догоняетъ тебя десятокъ молодыхъ людей. —„Ты куда?“—спрашиваютъ. —„Да вотъ, хочу гдѣ-нибудь поработать“. —„Иди съ нами—тамъ, въ долинѣ теперь собираютъ хлѣбъ“. Идемъ; приходимъ на работу, какъ на праздникъ, съ шутками, пѣснями, со смѣхомъ. У входа въ деревню насъ встрѣчаютъ дѣвушки, (свои-то кавалеры уже

надоѣли!) смѣются, задираютъ, бросаютъ въ насъ орѣховой скорлупою. Становимся на работу, щеголяемъ передъ дѣвушками своей силой, соперничаемъ другъ съ другомъ, кто больше успѣетъ въ день хлѣба скосить, а вечеромъ, послѣ ужина, музыканты играютъ подъ большимъ деревомъ на площади, и мы танцуемъ до поздней ночи... Ну, разумѣется, такъ не всю жизнь странствовать: въ концѣ концовъ встрѣтишь какую-нибудь дѣвушку по сердцу, понравится больше другихъ какое-нибудь дѣло—и оснуешься на одномъ мѣстѣ до самой старости...

Жіа еще долго говоритъ въ этомъ родѣ—и мы всѣ—хотя и знаемъ, что все это только несбыточные мечтанія—слушаемъ его съ удовольствіемъ, потому что всѣ мы ненавидимъ свою работу и утомлены однообразіемъ своей жизни. Даже сонный гарсонъ, съ салфеткой подмышкой, подходитъ къ намъ и жадно слушаетъ съ открытымъ ртомъ, какъ какую-то волшебную сказку, разсужденіе Жіа. И когда Бюкэ начинаетъ говорить, намъ становится досадно, какъ будто у насъ на глазахъ ломаютъ хрупкую, хорошенькую вещьцу...

Впрочемъ, Бюкэ говоритъ не много. Онъ задаетъ нѣсколько вопросовъ, требуетъ, чтобы Жіа конкретнѣе объяснилъ организацію своего общества и Жіа начинаетъ путаться, фантазировать, обнаруживаетъ такое непониманіе жизни и такое преувеличенно-хорошее представленіе о личности, что скоро его теорія разсѣивается, какъ дымъ, и всѣ рабочіе начинаютъ добродушно подтрунивать надъ нею.

Расчистивъ такимъ образомъ почву, Бюкэ начинаетъ развивать свои взгляды и рисуетъ передъ нами свои собственные перспективы. Будь онъ больше художникъ и сумѣй онъ ярче нарисовать подробности своей картины, рабочіе навѣрно приняли бы его слова съ энтузіазмомъ, потому что эти перспективы, дѣйствительно, грандіозны. Къ сожалѣнію, говорить онъ сухо и скучно и мало увлекаетъ товарищей, которые только холодно соглашаются съ нимъ, что, „пожалуй, и вправду идетъ къ этому“.

Когда мы расходимся по домамъ, для насъ одно ясно изъ этого спора—это то, что оба они—и Жіа, и Бюкэ—распространяютъ на весь міръ условія собственнаго труда. Жіа—un glaff—сапожникъ, занимающійся починкой; онъ всегда работаетъ одинъ, не нуждается ни въ чьей помощи—и потому не признаетъ ни раздѣленія труда, ни какой-либо организаціи. По его идеалу каждый человѣкъ—изолированная отъ другихъ дробинка, которая можетъ свободно перекатываться среди другихъ такихъ же дробинокъ. Бюкэ-же—фабричный рабочий; на нашемъ заводѣ онъ работаетъ одну и ту же крошечную

часть мотора и знаетъ, что для постройки всего автомобиля нужны согласныя усилія тысячи рабочихъ. Онъ знаетъ, что для его работы нуженъ сложный и дорогой станокъ, приводимый въ движеніе электричествомъ,—т. е. огромными машинами, котлами и генераторами. Онъ знаетъ также, что его заработокъ мѣняется отъ состоянія рынка, отъ иностранной конкуренціи, даже оттого, что гдѣ-то на краю свѣта двѣ арміи дерутся между собою... Понятно, что Бюкэ чувствуетъ себя частью огромнаго пѣлаго, и его представленія носятъ широкій организаторскій характеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф Е Л У К А.

Быстро спускается ночь,
 Бурное море шумить;
 Въ морѣ за гранью валовъ
 Тихо фелука скользитъ.
 Слышится пѣсня на ней:
 „Спишь ли? Проснися скорѣй!
 Мѣсяцъ исчезъ въ облакахъ,—
 Жди на прибрежныхъ камняхъ.
 Ночь безъ просвѣта темна,
 Стража усталая спитъ;
 Трусовъ поглотитъ волна,
 Смѣлыхъ и буря хранитъ.
 Темная ночь намъ сродни:
 Въ морѣ маячимъ мы дни,
 Ночью къ землѣ проскользнемъ,—
 Мы контрабанду веземъ.
 Спишь ли?“—Въ отвѣтъ огонекъ
 Вспыхнулъ на скалахъ крутыхъ,
 И на фелукѣ замолкъ
 Голосъ средь шумовъ ночныхъ.
 Лодка къ фелукѣ скользитъ,
 Стража усталая спитъ...
 Бьется въ бурунахъ волна,
 Ночь безъ просвѣта темна!

А. Тулубевъ.

Изъ исторіи дворянской реакціи.

I.

Въ статьѣ «Уроки исторіи» *) я попробовалъ охарактеризовать политическую сторону французской дворянской реакціи 20-хъ годовъ и германской дворянской реакціи 50-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ настоящей статьѣ мнѣ хотѣлось бы остановиться на соціальной сторонѣ этой реакціи, т. е. главнымъ-то образомъ на политикѣ, которую привилегированный землевладѣльческій классъ проводитъ въ деревнѣ, по отношенію къ непривилегированному земледѣльческому классу. Крестьянство, трудящіяся массы деревни ближе всего подвергаются воздѣйствію дворянской реакціи, ибо лишь благодаря существованію сельскаго рабочаго люда она и сама можетъ существовать и надлежащимъ образомъ выполнять свою роль соціальнаго паразита. Изучая соціальную сторону дворянской реакціи, мы изучаемъ ея деревенскую политику и ея аграрную программу.

Французская революція не прошла даромъ даже и для контрреволюціонеровъ. Когда зная, возвратившаяся «въ фургонахъ союзниковъ» вслѣдъ за своимъ королемъ, принялась сокрушать со всѣмъ пыломъ застарѣлой злобы ненавистные ей новые порядки, то скоро оказалось, что сама она, аристократія «старога режима», была уже заражена ядомъ свободныхъ, болѣе или менѣе демократическихъ порядковъ. Мы знаемъ въ самомъ дѣлѣ, во что превратилось, при Людовикѣ XIV и его преемникахъ, нѣкогда гордое феодальное дворянство, поскольку дѣло шло о его политической роли и его отношеніи къ королю. Такихъ раболѣпныхъ, хотя и раззолоченныхъ лакеевъ было бы трудно сыскать въ то время во всей Европѣ. И можно понять, какой духъ концентрированной желчи и презрѣнія водилъ гениальнымъ перомъ сеньора Луи де-Руврэ, герцога де-Санъ-Симона, когда этотъ старый феодалъ изображалъ въ своихъ «Мемуарахъ» высокопоставленныхъ аетеровъ

*) «Русское Богатство», 1907, декабрь, стр. 34—72.

и самое драму тогдашней придворной жизни. За возможность жить роскошнымъ чужезднымъ растеніемъ на тѣлѣ народа французское дворянское сословіе поступило своими политическими правами. Лишь бы ему дана была монополія существовать жесточайшей эксплуатаціей крестьянства, не платить податей, занимать хорошо оплачиваемыя синекуры, получать всевозможныя пенсіи и воспо-собленія изъ государственной казны, и оно соглашалось на то, чтобы націей правилъ неограниченно и безконтрольно монархъ, а на самомъ дѣлѣ всемогущая бюрократическая и придворная клика, и съ восторгомъ купалась въ лучахъ версальскаго «короля-солнца». Знатные люди съ тоски и горя умирали отъ неласковаго слова, отъ суроваго взгляда владыки. Мимо пустой кровати монарха принцы крови не проходили, не отвѣсивъ низкаго поклона въ сторону августѣйшихъ подушекъ. На площади Побѣды однимъ изъ знатнѣйшихъ аристократовъ еще при жизни Людовика XIV былъ поставленъ ему памятникъ и возжены съ четырехъ сторонъ неугасимые свѣтильники, словно предъ иконой. Недаромъ Сэнъ-Симонъ утверждалъ, что потребуй король отъ своихъ подданныхъ полнаго обоготворенія, какъ того требовали римскіе цезари, и его желаніе было бы непрекословно исполнено. Съ другой стороны, не даромъ и самъ король считалъ, что онъ имѣетъ право распро-сражаться лично, «а въ случаѣ нужды и имуществомъ всѣхъ французовъ». Недаромъ онъ воображалъ, будто величайшее счастье Франціи заключается въ томъ, что вся власть сосредоточена въ особѣ короля, и будто ужаснѣйшія бѣды обрушатся на страну, если произойдетъ «хоть малѣйшее раздѣленіе властей»,—что, конечно, фактически не мѣшало ему въ громадномъ большинствѣ случаевъ быть игрушкой въ рукахъ великихъ и малыхъ приказныхъ госу-дарства.

Какъ измѣнилось все это, когда легитимизмъ вздумалъ пустить снова корни въ распаханную огненнымъ плугомъ революціи почву новой Франціи! Прежде всего уже тотъ фактъ, что въ странѣ была октроированная или неоктроированная, но все же конституція, что управление націей переходило въ руки націи же, хотя и раздѣляющей эту власть съ монархомъ, уже этотъ фактъ обозначалъ глубокой разрывъ съ прошлымъ. Сочинители конституціи дѣлали усилія представить новую хартію, какъ проявленіе той же самой монаршей воли, которая смѣло приравнивала себя на землѣ къ волѣ Провидѣнія. Слуги короля думали мишурой воскрешаемаго этикета, позолотой придворныхъ мундировъ, архаическими назва-ніями чиновъ и должностей, возстановленіемъ которыхъ занималась для куртизановъ Реставрація, обмануть себя и зрителей относи-тельно смысла происходившаго, увѣрить себя и Францію, что «ста-рый порядокъ» живъ и процвѣтаетъ по прежнему. И все тщетно! Измѣнилось самое міровоззрѣніе привилегированныхъ классовъ, ко-торые при старомъ режимѣ съ такою охотою продали бюрократи-

чекскому абсолютизму королей право политическаго первородства за чечевичную похлебку эксплуатаціи народныхъ массъ.

Роялисты XIX вѣка возвратились во Францію не за тѣмъ только, чтобы передъ королями

умиляться,
Въ безмѣрной радости теряться
И благодарны слезы лить!..

Они желали возстановленія своихъ прежнихъ привилегій, возможности жить по прежнему общественными паразитами и поглощать удвоенными порціями тотъ государственный пирогъ, который въ теченіе четверти вѣка преслѣдовалъ ихъ голодное воображеніе въ наполненномъ эмигрантами Кобленцѣ, подъ туманнымъ небомъ Лондона, на паркетѣ французско-нижегородскихъ салоновъ Петербурга. И когда они увидѣли, что неограниченная монархія не успѣла сохранить этихъ привилегій и этого государственнаго кормленія для своего первенствующаго сословія, они полунинстинктивно, полусознательно должны были прийти къ мысли возстановить свои привилегіи при помощи парламентарнаго строя. Самые наивные, самые заскоруждые между ними доказывали своими словами и жестами, что этотъ планъ будетъ, пожалуй, осуществимъ, чѣмъ надежда на однѣ монаршія милости. Любя католическій алтарь и легитимистскій тронъ, они все таки любили прежде всего и больше всего самихъ себя. И разъ само функціонированіе парламентарнаго строя подсказывало имъ соображеніе, что привилегированнаго положенія имъ можно добиваться не только при помощи короля, но и безъ него и даже противъ него, то по этому руслу направилась и ихъ сословная дѣятельность. Они эманципировались отъ политическаго идолопоклонства передъ королевскою властью.

Мыслимъ ли былъ бы, напр., въ дни Людовика XIV таковой, если можно такъ выразиться, бунтовской, революціонной роялизмъ, который вылился 6-го января 1816 г. въ пламенной рѣчи нѣкоего «ультра», де-Бетизи, возмущеннаго умѣренностью, какъ ему казалось, правительственнаго репрессивнаго закона и увлекшаго за собою палату депутатовъ приглашеніемъ въ чтобы то ни стало вотировать свирѣпую поправку къ проекту: «Если король, недовольный тѣмъ, что его вѣрные слуги мѣшаютъ его монаршей милости, отвратить на мигъ отъ насъ свой исполненный доброты взглядъ, то скажемъ, какъ обитатели западной Франціи, какъ эти доблестные воины, сражающіеся за престоль и алтарь: «Да здравствуетъ король, не взирая ни на что!» Точно также, съ какимъ негодованіемъ повернулся бы въ своемъ саркофагѣ Людовикъ XIV, если бы могъ слышать, какъ энергично роялисты въ этой же сессіи 1815—1816 года противоплагали министерскому законопроекту о выборахъ, вносившему въ число избирателей чуть не всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и дававшихъ такимъ образомъ центральной

власти возможность проводить своихъ креатуръ, собственный законопроектъ, который, наоборотъ, дѣлалъ однихъ крупныхъ собственниковъ господами положенія въ избирательныхъ коллегіяхъ. Припомните также развязность и энергію, которую обнаружили крайніе легитимисты, когда, не взирая на критическое положеніе финансовъ, они отвергли министерскій законопроектъ, увеличивавшій поземельный налогъ, и замѣнили его своимъ, перебрасывавшимъ податную тяжесть на плечи торговцевъ и промышленниковъ.

Или прислушайтесь къ рѣчамъ ультра-роялистовъ послѣ выборовъ 1816 г., когда, очутившись въ новой палатѣ въ роли оппозиціоннаго меньшинства, они произносятъ настоящія дифирамбы въ честь неприкосновенности личности, свободы печати и влеймятъ произволъ министровъ и полиціи выраженіями, далеко оставляющими за собою свободолюбивыя жалобы тогдашнихъ умѣренныхъ либераловъ на цензуру и исключительные законы. Наконецъ, остановитесь на минуту и вдумайтесь въ вызывающій тонъ адреса, составленнаго въ отвѣтъ на рѣчь короля уже снова чрезвычайно реакціонною палатою въ сессію 1822 г., адреса, который прозрачно высказываетъ, что «внѣшній миръ» былъ «купленъ цѣною жертвъ, несомнѣстимыхъ съ честью націи и достоинствомъ самой короны», и который вызвалъ со стороны короля «негодованіе при одной мысли», что парламентъ осмѣливается подозрѣвать монарха въ столь низкой политикѣ.

Какъ видите, *l'appétit vient en mangeant*, и потомки феодаловъ, пресмыкавшихся передъ королями стараго режима и считавшихъ за «великую честь для себя снимать съ монарха его натѣльную рубашку» (подлинное выраженіе герцога Люксембургскаго), были увлечены самою игрою парламентарныхъ учреждений въ оппозицію правительству и безъ страха говорили, когда это имъ казалось нужнымъ, самыя рѣзкія вещи когда-то обожаемымъ имъ королямъ. Фраза: «да здравствуетъ! король, не взирая ни на что», приобрѣтала такимъ образомъ глубокое жизненное значеніе. Она говорила о томъ, что дворянское сословіе рѣшалось отнынѣ защищать свои интересы и убѣжденія, не особенно заботясь, насколько его линія поведенія будетъ совпадать съ желаніемъ носителей верховной власти. И притомъ защищать, пользуясь какъ разъ тѣми самыми представительными учрежденіями, которыя были столь ненавистны прямолинейнымъ философамъ королевскаго абсолютизма.

II.

Съ восшествіемъ на престолъ Карла X, который самъ былъ въ значительной степени типичнымъ «ультра», дворянская реакція рѣшила, усиливая свою агрессивную политику противъ новаго строя въ области политической и культурной, приняться вмѣстѣ съ тѣмъ

плотную за социальныя мѣры, могущія, по ея мнѣнію, прямо или косвенно положить прочное основаніе ея господству и послѣ революціи. Изъ этихъ мѣропріятій выдавались по своему значенію два, судьба которыхъ была различна. Одно изъ нихъ, состоявшее въ выплатѣ государствомъ миллиарда франковъ знатнымъ землевладѣльцамъ, имѣнія которыхъ были конфискованы во время Великой революціи, прошло въ результатѣ ожесточенныхъ преній въ парламентѣ. Другое, вносившее измѣненія феодальнаго характера въ установленныя революціей законы о наслѣдованіи, пало подъ ударами возмущеннаго имъ общественнаго мнѣнія, которое нашло откликъ въ отрицательномъ вотѣ палаты пэровъ. Но обѣ эти мѣры, несмотря на различіе въ своей судьбѣ, ярко обрисовываютъ характеръ французской дворянской реакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ намъ возможность понять, именно благодаря своей различной участи, о какія социальныя силы разбилась здѣсь попытка феодальной реставраціи.

О такъ называемомъ «миллиардѣ эмигрантовъ» особенно много говорить не приходится. Правительство, находившееся подъ давленіемъ феодаловъ, вычислило, путемъ очень проблематическихъ расчетовъ, что въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1793 г. по 1803 г., въ руки разныхъ покупателей перешло конфискованныхъ у эмигрантовъ земель на 1.298 милліоновъ франковъ; и что, за вычетомъ 310 милліоновъ, уплаченныхъ государствомъ эмигрантамъ въ погашеніе ихъ долговъ и т. п., прежнимъ привилегированнымъ владѣльцамъ нація должна была такимъ образомъ доплатить 988 милліоновъ *). Эта громадная сумма должна была, согласно законопроекту, быть возмѣщена благороднымъ кредиторамъ въ теченіе пяти лѣтъ путемъ внесенія на ихъ имя въ книгу государственнаго долга 30 милліоновъ 3⁰/₁₀₀-ой ренты, что соответствуетъ уже капиталу ровно въ 1 миллиардъ. Такъ какъ составъ палаты былъ очень реакціонный, ибо изъ 430 членовъ ея цѣлыхъ 320 принадлежали къ привилегированному сословію, при чемъ между знатными депутатами насчитывалось 2 принца, 1 герцогъ, 36 маркизовъ, 78 графовъ, 23 виконта, 30 бароновъ и 14 кавалеровъ, то можно было заранѣе предвидѣть, что «миллиардъ эмигрантовъ» будетъ вотированъ парламентомъ. И, дѣйствительно, онъ былъ вотированъ большинствомъ 209 голосовъ противъ 124. Но главный интересъ лежалъ не столько въ фактѣ принятія законопроекта, сколько въ томъ, что онъ встрѣтилъ оппозицію, какъ со стороны крайней лѣвой, такъ и со стороны крайней правой, а также въ характерѣ столкнувшихся между собою при этомъ противоположныхъ взглядовъ.

Съ одной стороны, республиканецъ генералъ Фуа нанесъ же-

*) Въ точности, 987.819.962 фр. 96 сантимовъ. См. Ach. de Vaublanc, „Histoire des deux Restaurations“; Парижъ, 3-е издан., 1867, т. VII. стр. 109.

стокіе удары любителямъ милліарда, показавъ, что если они сошлются на силу, то, вѣдь, ихъ окажется въ странѣ одинъ на тысячу, а если будутъ апеллировать къ праву, то о какомъ же правѣ можетъ быть рѣчь по отношенію къ людямъ, которые шли подъ знаменами враговъ противъ своей родины. Но, съ другой стороны, представитель крайней правой, нѣкто Дюплесси де-Гренеданъ, потребовалъ просто-на-просто возвращенія имуществъ ихъ прежнимъ собственникамъ безъ всякаго вознагражденія новымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ земли эмигрантовъ, раскупленные у конфисковавшаго ихъ правительства, были въ сущности украдены у нихъ, и потому никакимъ вознагражденіемъ старинныхъ правомочныхъ владѣльцевъ нельзя придать имъ характера законной собственности узурпаторовъ.

Замѣчательно, однако, что если «милліардъ эмигрантовъ» и усилилъ неприязнь страны къ возвратившимся властвовать феодаламъ,—располагавшимъ, и помимо милліарда, 70 милліонами франковъ ежегоднаго кормленія изъ средствъ государства въ видѣ жалованья и четвертью всей суммы пенсій, внесенныхъ въ бюджетъ,—то все же это враждебное чувство не перешло въ активное сопротивленіе и даже не вызвало внѣшнихъ рѣзкихъ взрывовъ ненависти націи къ привилегированнымъ владѣльцамъ. Вещь на первомъ взглядѣ очень странная, но объясняющаяся тѣмъ, что очень значительная часть конфискованныхъ имуществъ, значительная не столько, можетъ быть, по числу участковъ, сколько по общей площади ихъ, была куплена крупной городской и средней сельской буржуазіей. А кто читалъ хотя бы замѣчательный этюдъ Жоржа Авенала о «національныхъ имуществахъ», знаетъ, какая масса спекуляцій, ажіотажа, злоупотребленій и прямого мошенничества лежитъ въ основаніи той вакханаліи купли и продажи, которая была пущена въ ходъ «черными бандами» по отношенію къ конфискованнымъ землямъ церкви и дворянской эмиграціи *). Эти буржуазные благопріобрѣтатели были въ общемъ, дѣйствительно, «ворами», какъ называлъ ихъ пылкій феодалъ, но ворами по отношенію къ государству, которое врядъ ли отъ нихъ получило и одну десятую условленной цѣны земель. Понятно, съ какою готовностью они въ сущности соглашались, чтобы государство,—т. е. опять-таки, въ концѣ концовъ не они, а трудящійся народъ,—заткнуло разъ навсегда милліардомъ глотку феодаламъ и избавило ихъ отъ висѣвшей надъ ними опасности пересмотра и провѣрки фантастическихъ документовъ, на основаніи которыхъ они владѣли теперь третью, если не половиною всей земледѣльческой Франціи. А за ними потянулось и трудовое крестьянство, которое тоже купило,—правда, за заработанныя потомъ и кровью деньги,—извѣстную долю конфискованныхъ имуществъ. И эти рядовые мужики,

*) Georges Avenel, „Lundis révolutionnaires“; Парижъ, 1875, стр. 24--49.

находясь подъ вліяніемъ своихъ богатыхъ односельчанъ, ловко игравшихъ въ притворную панику, испустили вздохъ облегченія, хотя и осложнявшійся сожалѣніемъ о миллиардѣ, когда рѣшили, что этою цѣною они навсегда откупились отъ притязаній вернувшихся дворянъ.

III.

Любопытна судьба другой соціальной мѣры, которую рѣшила провести, но не могла провести дворянская реакція, наткнувшаяся на сильное сопротивленіе страны. Дѣло шло, какъ припомнить читатель, объ измѣненіи права наслѣдованія въ феодальномъ духѣ. Но для того, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе этой реакціонной попытки, надо ясно представить себѣ аграрные порядки тогдашней Франціи. Великая революція произвела едва ли даже не большій переворотъ въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. И не то, чтобы она создала мелкую крестьянскую собственность, какъ то утверждаютъ буржуазные историки, старающіеся сознательно переоцѣнить въ этомъ направленіи значеніе революціи: съ одной стороны, еще въ до-революціонную эпоху мелкая земельная собственность занимала, по крайней мѣрѣ, треть всего пространства Франціи; съ другой, трудовое крестьянство приобрѣло если и многочисленными, то мелкими покупками самое большее одну шестую, можетъ быть, одну седьмую всей площади «національныхъ имуществъ», мобилизованныхъ декретами революціоннаго правительства *).

Но Великая французская революція оправдываетъ этотъ свой эпитетъ въ томъ отношеніи, что она освободила всю земельную собственность и самого крестьянина отъ феодальныхъ путъ и тягостей съ такою энергіей и такою прямолинейностью, какихъ мы нигдѣ не найдемъ въ другомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, не прекращавшіяся возстанія крестьянъ и знаменитые «историческіе дни» въ столицѣ имѣли своимъ результатомъ то, что послѣ нѣкоторыхъ юридическихъ колебаній и тщетныхъ попытокъ различать между подлежащими и неподлежащими выкупу феодальными повинностями революціонное правительство рядомъ быстро слѣдующихъ одна за другой и все болѣе и болѣе радикальныхъ мѣръ уничтожило безъ всякаго вознагражденія всѣ личныя и земельныя права сеньоровъ.

Такъ, лѣтомъ 1789 г., уже послѣ созыва Генеральныхъ Штатовъ, крестьяне принимаютъ жечь пергаменты, жечь замки, прогонять сборщиковъ повинностей, а парижане берутъ 14-го іюля Бастилію; и въ ночь 4-го августа дворянство и духовенство «великодушно» отказываются въ принципѣ отъ феодальныхъ правъ. Такъ, крестья-

*) См., между прочимъ, Jean Jaurès, „La Constituante“; Парижъ, безъ даты, стр. 490 и слѣд.

яне, разочарованные, раздраженные декретомъ 15-го марта 1790 г., которымъ Национальное Собрание обязывало ихъ выкупать у феодаловъ не личныя, а земельныя повинности, отказываются стать на точку зрѣнія строгихъ легистовъ Конституанты и въ теченіе всего лѣта и всей осени 1790 г. отвѣчаютъ серьезными волненіями на злополучный декретъ. Такъ, слѣдующимъ лѣтомъ, 1791 г., еще болѣе раздраженные новымъ декретомъ правительства, отъ 15-го іюня, декретомъ, который ставитъ точку надъ і въ предыдущемъ указѣ, крестьяне въ самый разгаръ выборовъ въ Законодательное Собрание начинаютъ протестовать противъ мѣръ властей всѣми легальными и нелегальными способами. А въ сферѣ политической происходитъ бѣгство короля, арестованнаго народомъ въ Вареннѣ, и республиканскія идеи впервые начинаютъ серьезно развиваться въ клубахъ, между тѣмъ какъ на горизонтѣ обрисовывается призракъ войны съ коалиціей реакціонныхъ европейскихъ правительствъ.

И вотъ, въ самомъ же началѣ слѣдующаго, 1792 года, Законодательное Собрание, несмотря на свой умѣренно-конституціонный составъ, старается, подъ вліяніемъ формирующихся робеспьеристовъ, пойти на встрѣчу рѣзко выраженнымъ требованіямъ крестьянства и ослабить чувство крайняго недовольства, вызваннаго среди трудового населенія деревни декретами предшествующаго Собрания. Подъ давленіемъ крестьянскихъ беспорядковъ, отражающихся и въ многочисленныхъ петиціяхъ апрѣля-мая мѣсяцевъ, вотируется декретъ 18-го іюня 1792 г., которымъ отмѣняются феодальныя права, вытекающія изъ перехода собственности, наследованія и т. д., если только сеньоръ не представитъ документовъ, показывающихъ, что въ основѣ ихъ лежатъ чисто земельныя отношенія. Затѣмъ, на помощь крестьянамъ приходитъ день 10-го августа, взятіе Тюльрійскаго дворца народомъ, отрѣшеніе короля отъ власти; и 25-го августа выходитъ новый декретъ, распространяющій дѣйствіе предшествующаго указа на всѣ, безъ исключенія, феодальныя права.

А революція продолжаетъ идти по восходящей вѣтви параболы: начинается героическая борьба съ врагами внѣшними и внутренними; смѣнившій Законодательное Собрание Конвентъ на первомъ же засѣданіи (20-го сентября) декретируетъ уничтоженіе королевской власти; на слѣдующій день учреждается республика; и почти одновременно съ этимъ французская армія разбиваетъ австро-прусскія войска и переходитъ въ наступленіе. По всей странѣ широкимъ потокомъ разливается революціонный патріотизмъ. Въ январѣ 1793 года король посылается на эшафотъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ республиканское правительство исполняетъ послѣднее желаніе крестьянства, сыновья котораго съ душой, полной энтузіазма, идутъ подъ трехвѣтнмъ знаменемъ противъ враговъ ставшей, наконецъ, свободною и народною родины: законъ 17-го іюля отмѣняетъ всѣ феодальныя права, на какіе бы документы они ни

опирались *). И этому закону предшествуютъ: законъ 3-го іюня, который организуетъ продажу имущества эмигрантовъ (церковныя имущества стали усиленно раскупаться, уже начиная съ августа мѣсяца 1790 г.), и законъ 10-го іюня, который признаетъ за общинами право на общинныя земли, во многихъ мѣстахъ оспаривавшіяся у нихъ, и разрѣшаетъ равный дѣлежъ этихъ имущества.

Такъ этапы соціального переворота проходятся или, лучше сказать, пробѣгаютъ французской націей параллельно и въ тѣсной связи съ различными моментами политической революціи. И Жоржесъ имѣетъ право сказать: «Благодаря великолѣпному совпадению событій, спасшему революцію, каждое великое народное движеніе въ Парижѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ болѣе рѣшительное освобожденіе крестьянина... Каждое революціонное колебаніе почвы въ столицѣ обрушивало твердыню крестьянскаго порабощенія». *) Къ этому можно лишь прибавить вещь, вытекающую изъ фактовъ, сообщаемыхъ и даже комментируемыхъ въ этомъ именно духѣ самимъ Жоржесомъ **), а именно, что трудящіяся массы деревни съ своей стороны, не покладая рукъ, разбивали стѣны своей феодальной тюрьмы.

Свободнымъ отъ гнета сеньоровъ, свободнымъ отъ несенія какихъ бы то ни было тягостей по вознагражденію своихъ прежнихъ господъ за ихъ историческія права, или, лучше сказать, многовѣковой произволь и эксплуатацію, французское крестьянство переходило отъ бурнаго періода революціи къ кровавой эпопеей первой имперіи, а отъ наполеоновской эпопеи къ ублюдочному дворянско-конституціонному строю реставраціи съ его бѣлымъ терроромъ, господствомъ іезуитовъ и помѣщиковъ и умѣренно-либеральнымъ фрондерствомъ крупной буржуазіи. Рядовой мужикъ, какъ мы уже раньше видѣли, не особенно обогатился отъ продажи національныхъ имущества. Но онъ твердо охранялъ свою небольшую собственность, если и мало увеличившуюся со времени Великой революціи, то все же ставшую въ его глазахъ опорой его существованія и его независимости и хотя небольшимъ клочкомъ напоминавшую ему о революціонной ликвидаціи дворянскихъ земель, между тѣмъ какъ его односельчанинъ, деревенскій буржуа, или поселившійся въ бывшемъ феодальномъ замкѣ городской капиталистъ, уже прямо утверждалъ свое благополучіе на развалинахъ «старого режима». Съ этой-то деревней приходилось имѣть дѣло реакціонному дворянству, которое возвратилось съ желаніемъ уже навсегда укрѣпить свое господство въ странѣ. Что же могло оно предпринять?

*) Ср. А. Aulard, „Histoire politique de la Révolution française“; Парижъ. 1901, стр. 260.

***) Jean Jaurès, „La Convention“, II, стр. 1630.

***) Напр., въ его же „La Législative“, стр. 757—791.

Вьмоганьемъ миллиарднаго «вознагражденія» съ націи кончалось его непосредственное воздѣйствіе на новыя экономическія отношенія. Если бы оно вздумало только заикнуться о возстановленіи крѣпостной зависимости отъ него населенія, о возобновленіи феодальныхъ поборовъ, то крестьянскія вилы поднялись бы сами собою противъ этихъ притязаній во всей Франціи. Не забудьте, что какъ ни была мала въ среднемъ собственность трудового крестьянина, какъ ни тяжело стало ему уже въ то время приходится порою отъ ростовщичества его богатыхъ односельчанъ, но безвозмездное уничтоженіе барщины и прочихъ сеньориальныхъ правъ въ высокой степени подняло благосостояніе страны. На страницы исторіи перешло наивное изумленіе эмигрантовъ и союзниковъ, которые, явившись во Францію четверть вѣка спустя послѣ освободительной революціи, не узнали прежняго, нищаго и забытаго раба въ бодромъ, хорошо питающемся и обитающемъ свѣтлыя помѣщенія крестьянинѣ XIX-го вѣка. Однажды, даже съ трибуны палаты пэровъ, на засѣданіи 28-го марта 1826 г., раздался голосъ одного изъ самыхъ крайнихъ реакціонеровъ реставраціи, графа де-Санъ-Романа (Saint-Romans), чтобы констатировать этотъ фактъ: «Ошибочно думать, что благосостояніе деревни зависитъ отъ дѣленія собственности. Оно вытекаетъ... изъ почти даровой въ извѣстный моментъ раздачи конфискованныхъ имуществъ». Даже войны Наполеона, вызвавшія такой страшный дренажъ ресурсовъ и рабочихъ силъ страны, не могли парализовать благотѣльнаго дѣйствія аграрныхъ законовъ революціи. Ясное дѣло, что французскій мужикъ могъ слушать въ иныхъ случаяхъ фанатическую пропаганду своихъ священниковъ, могъ выражать вѣрнопопданническія чувства Бурбонамъ, какъ онъ, кстати сказать, выражалъ ихъ Наполеону, оказывать знаки вѣшьяго почтенія возвратившимся изъ легитимистскихъ странствій по чужбинѣ маркизамъ и графамъ. Но онъ не потерпѣлъ бы никакого возврата къ прежнимъ порядкамъ.

Передъ правящимъ дворянствомъ становилась такимъ образомъ задача создать въ странѣ, и прежде всего въ деревнѣ, социальную опору себѣ. Создать, не затрогивая непосредственно новыхъ порядковъ, поскольку они касались громаднаго большинства населенія, а обративъ вниманіе на болѣе состоятельные элементы владѣльческаго класса и искусственно стараясь закрѣпить и округлить путемъ введенія первородства собственность въ ихъ рукахъ, изготовить изъ нихъ такимъ образомъ группу новыхъ вассаловъ, которые тянули бы идейно къ привилегированнымъ собственникамъ и питали бы феодальную реставрацію. Этому плану, во мнѣніи министровъ Карла X, долженъ былъ удовлетворять «законопроектъ о наследованіи и субституціяхъ», внесенный правительствомъ 10-го февраля 1826 г., въ палату пэровъ. Совекая съ него одежды юридической терминологіи, мы можемъ резюмировать его смыслъ въ немногихъ словахъ: онъ давалъ право стар-

шему сыну лица, платящаго не менѣе 300 франковъ *поземельнаго* налога, получать лишнюю долю наслѣдства, если только отецъ въ завѣщаніи не оговорилъ своего желанія распорядиться иначе, т. е. согласно освященной революціоннымъ законодательствомъ практикѣ равнаго дѣлежа между дѣтьми; и онъ расширялъ дозволенную этимъ же законодательствомъ умѣренную «субституцію» или предварительное назначеніе не только наслѣдника, но и его замѣстителя, съ одной степени родства на двѣ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщателю право установить субституцію лишь для одного изъ своихъ дѣтей, внуковъ и т. п.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ въ сущности была робка эта попытка дворянской реакціи, и какъ ограничена была сфера ея дѣйствія. Но даже и этотъ несмѣлый законопроектъ феодаловъ встрѣтилъ въ парламентѣ и странѣ необыкновенно энергичную оппозицію. Современники этой эпохи прямо говорятъ, что никогда еще со времени возвращенія Бурбоновъ Франція не видѣла подобной агитаціи противъ предполагаемой мѣры, такого единодушнаго протеста и такого возмущенія общественнаго мнѣнія. Не находилось, кажется, ни одного глухого угла, изъ котораго не было бы послано въ парламентъ петиціи, порою нѣсколькихъ петицій, подписанныхъ именами отцовъ семействъ и ихъ старшихъ сыновей. Немудрено, что это явное отвращеніе страны къ законопроекту сказалось и на поведеніи парламента. И дворянское измышленіе было въ существенныхъ чертахъ отброшено палатой пэровъ, которая въ силу нѣкоторыхъ особенностей эпохи была порою болѣе либеральнымъ учрежденіемъ, чѣмъ палата депутатовъ. Интересъ, возбужденный этимъ вопросомъ, былъ настолько силенъ, что пренія въ палатѣ пэровъ, начавшіяся 28-го марта, длились пѣтихъ десять дней, въ теченіе которыхъ на трибуну взошло двадцать два оратора, пять министровъ, раздавались всевозможные аргументы за и противъ, пока, наконецъ, 120 голосовъ противъ 94 не отбросили пункта о первородствѣ, составлявшаго центръ всего закона, и не опрокинули такимъ образомъ всю феодальную затѣю.

Во время дебатовъ много, конечно, говорилось и объ экономической сторонѣ проекта, о дробленіи поземельной собственности, о преимуществахъ крупнаго владѣнія надъ мелкимъ. Но дьявольское копыто политики на каждомъ шагу высывалось изъ-подъ этихъ якобы дѣловыхъ аргументовъ. И легко поэтому можно понять разочарованіе изслѣдователей исторіи чисто экономической доктрины о томъ или другомъ видѣ собственности, когда они изучали взгляды реставраціи на этотъ вопросъ по дебатамъ, занесеннымъ на страницы правительственнаго органа Франціи, знаменитаго «Монитера». Такъ, одинъ изъ этихъ изслѣдователей, нѣкто Ожэ-Лариба, прямо замѣчаетъ: «Чтеніе резюме, дававшихся Монитеуромъ, очень интересно для тѣхъ, кто хотѣлъ бы написать исторію отношеній между классами при реставраціи, но уже го-

раздо менѣе интересно съ нашей спеціальной точки зрѣнія. Кой-какія мнѣнія, которыя мы должны будемъ принять къ свѣдѣнію, утоплены въ формулахъ, звучащихъ торжественнымъ и пустымъ краснорѣчіемъ; у благородныхъ перовъ лишь одна забота: выказать себя горячими защитниками трона или его смиренными, робкими и почтительными критиками» *). Между тѣмъ, именно для насъ эта фразистая «политика» представляетъ особое значеніе, такъ какъ мы хотимъ приглядѣться поближе къ феодальному нутру.

Вообще, когда берешь въ руки «Мониторъ» хотя бы того же 1826 г., то отъ этой сѣрой, почти оберточной бумаги, на которой онъ печатался въ то время, точно отдѣляются и перебѣгаютъ въ ваше сознаніе электрическія искры воскресающей исторіи, и тогдашняя дѣйствительность смотритъ на васъ во всей своей глубоко волнующей душу тѣлесности... Вотъ въ области повѣи вы наталкиваетесь на разборъ раннихъ произведеній Ламартина. Вотъ виѣшняя политика напоминаетъ вамъ о себѣ трагическими извѣстіями изъ Россіи о раздавленномъ возстаніи декабристовъ и о готовящихся казняхъ. Вотъ и дворянская реакція, и борьба противъ нея насильно «реставрируемой» Франціи въ безконечныхъ рѣчахъ перовъ... Мы подчеркнемъ наиболѣе типичныя мѣста этой идейной полемики, не гонясь строго за порядкомъ, въ которомъ смѣнялись ораторы, но зато по возможности точно передавая мысли людей реставраціи ихъ же словами.

Въ сущности, какъ министры и пары, стоявшіе за правительственный законопроектъ, такъ и пары, боровшіеся противъ него, имѣли въ своемъ распоряженіи мало фактическихъ данныхъ. Дробится или не дробится собственность, концентрируется ли она, или «превращается въ пыль», увеличивается или уменьшается число владѣльцевъ, возрастаетъ или нѣтъ цифра пролетаріевъ,—всѣ эти вопросы находили свое рѣшеніе просто-на-просто въ духѣ политики, которой держались съ той и съ другой стороны препиравшіеся, а не на почвѣ очень скудныхъ и мало провѣренныхъ фактовъ. Единственный мало-мальски серьезный статистическій матеріалъ былъ брошенъ въ дебаты министромъ финансовъ, де-Виллелемъ, который считалъ возможнымъ констатировать, на основаніи частичныхъ подсчетовъ налоговъ по нѣкоторымъ департаментамъ, что съ 1815 по 1826 г. «число земельныхъ участковъ (cotes), платящихъ менѣе 20 франковъ налогу, увеличилось приблизительно на одну девятуя, а число участковъ, платящихъ болѣе 1000 франковъ, уменьшилось на одну треть» **). Но тутъ же officialный ораторъ прибавляетъ, что

*) Michel Augé-Laribé, „Grande ou petite propriété? Histoire des doctrines en France sur la répartition du sol et la transformation industrielle de l'agriculture»; Монпелье, 1902, стр. 56—57.

***) „Moniteur Universel“, № 95, отъ 5 апрѣля 1826 (засѣданіе 3-го апрѣля), стр. 436.

увеличеніе числа участковъ можетъ, между прочимъ, быть объяснено и большей точностью послѣднихъ статистикъ. И такимъ образомъ ему оставалось пугать воображеніе пэровъ только возвышеніемъ общаго результата мобилизаціи земель послѣ 1789 г.: «Въ теченіе революціи, имущества духовенства и старинныхъ корпорацій, пущенныя въ продажу, перешли въ руки 666.000 покупателей; 440.000 частныхъ лицъ приобрѣли имущества 27.000 семей эмигрантовъ; земли общинъ служили предметомъ 110.000 сдѣлокъ... такъ что 1.222.000 новыхъ собственниковъ смѣнили 30.000 старыхъ» *).

Съ этимъ могли, собственно, согласиться и противники проекта. Но въ то время, какъ они готовы были признать фактъ дѣленія очень крупныхъ имуществъ на среднія, они отрицали существованіе дальнѣйшаго процесса дробленія и даже утверждали, что развитіе промышленности, создавая новые капиталы, неизбежно заставляетъ осѣдать часть ихъ въ видѣ земельныхъ участковъ умѣренной величины, зато снабженныхъ достаточнымъ инвентаремъ. Но такъ какъ центръ тяжести спора былъ не экономическій, а политическій, то защитники проекта пропускали мимо ушей эти аргументы, а старались бить своими рѣчами въ одну точку: показать, что при свободѣ наслѣдованія и неограниченной возможности дѣленія земли будетъ все уменьшаться и уменьшаться число цензовыхъ избирателей, столь необходимыхъ для поддержки легитимистской монархіи, равно какъ вообще земельная собственность будетъ легко мобилизоваться и придавать своимъ кратковременнымъ владѣльцамъ ту подвижность мнѣній, тотъ любящій новшества либерализмъ, который уже пугалъ реакціонеровъ въ промышленной буржуазіи. Въ доводахъ иныхъ изъ феодаловъ звучатъ ноты недвусмысленной демагогіи, которая тщится показать все величіе соціальныхъ благодѣяній, вытекающихъ изъ самой природы крупной земельной собственности, и противопоставить этой идиллической картинѣ отрицательныя стороны крупнаго индустріальнаго капитала.

Такъ, на третій же день преній баронъ де-Монталамберъ восклицаетъ патетически, обращаясь къ своимъ коллегамъ: «Не очевидно ли, что тамъ, гдѣ безграничное дѣленіе земельной собственности разсѣиваетъ и уничтожаетъ политическій классъ націи, т. е. тотъ классъ, который обладаетъ достаточнымъ довольствомъ и досугомъ, чтобы заниматься общественными дѣлами, тамъ не можетъ быть ни національнаго духа, ни привязанности къ конституціи государства? Поглощенная необходимостью заботиться о своемъ матеріальномъ существованіи, громадная масса становится равнодушною къ ходу общественныхъ дѣлъ, которая такимъ образомъ оказывается на произволъ судьбы... Нѣтъ болѣе крупныхъ собствен-

*) Ibid.

никовъ, и нѣтъ, стало быть, духа общности (sociabilité), нѣтъ семейныхъ чувствъ, нѣтъ болѣе облегченія участи бѣдныхъ, нѣтъ общей благожелательности, но... самое страшное равенство: равенство въ нищетѣ... Общество представляется нынѣ раздѣленнымъ на два класса, изъ которыхъ одинъ, предающійся торговлѣ, промышленности, ручному труду, склоняется къ республиканскимъ идеямъ, тогда какъ другой, располагающій официальными мѣстами, должностями, чинами, влечется въ сторону принциповъ абсолютной власти. Не очевидно ли при такомъ положеніи вещей, что для избѣжанія столкновения и поддержанія равновѣсія, самая форма нашего правленія требуетъ, чтобы существовалъ промежуточный классъ, который онъ, ораторъ, называетъ классомъ политическимъ? Сохранить этотъ-то классъ и имѣть въ виду предлагаемая мѣра: онъ возникнетъ на нашей почвѣ, когда будетъ прекращено дробленіе земель и возстановится фамиліальная собственность» *).

Еще громче дифирамбъ въ честь крупныхъ собственниковъ срывается съ устъ маркиза де-Куалэна (Coislin), который желаетъ ни много ни мало, какъ совѣмъ изъять землю изъ сферы обращенія. передавъ ее въ руки благородныхъ феодаловъ, и развиваетъ съ неподражаемой наивностью преимущества крупной земельной собственности... для батраковъ, тутъ же дѣлая выпадъ въ сторону промышленнаго класса: «Если не поспѣшатъ поставить преграду этому яростному дробленію, то скоро Франція превратится въ грудку крошечныхъ участковъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою... Крупная собственность не можетъ создавать бѣдняковъ вокругъ себя, такъ какъ поденщики въ полной увѣренности могутъ найти на ней ту же работу въ этомъ году, какъ и въ прошломъ. Количество этого труда обнаруживаетъ стремленіе возрастать вслѣдствіе успѣховъ сельской промышленности, которая можетъ совершенствоваться исключительно въ странахъ съ крупной собственностью. Лишь богатый владѣлецъ можетъ дѣлать предварительныя затраты и выносить потери, связанные съ этими опытами. Крупное сельское хозяйство употребляетъ больше рабочихъ рукъ, чѣмъ слѣдовало бы пропорціонально для воздѣлыванія полей той же величины: поденщики, нанимаемые богатымъ владѣльцемъ, работаютъ гораздо меньше, чѣмъ тогда, когда работали за свой собственный счетъ... Не будемъ, однако, завидовать бѣднякамъ, что у нихъ получается этотъ родъ отдыха, но признаемъ, что если крупная земельная собственность не только не, создаетъ бѣдняковъ, а даже кормитъ тѣхъ, которые уже находятся вокругъ нея, то ей нечего вѣнчать въ вину необходимость установленія таксы для бѣдныхъ. Можемъ ли мы сказать то же самое относительно мануфактурной промышленности? Столь же неустойчивая, какъ и сама мода, дав-

*) „Moniteur Universel“, № 91, отъ 1-го апрѣля 1826 г. (засѣданіе 30-го марта), стр. 417.

шая ей существованіе, эта промышленность не только должна бояться каприза вкусовъ, и конкуренціи, но часто фабрикантъ, совершенствуя способы производства, находитъ средство обойтись безъ тѣхъ рабочихъ рукъ, какія онъ сначала самъ же употреблялъ» *).

Но если оставить даже въ сторонѣ мнѣніе этихъ крайнихъ феодаловъ, которые высказывали удивительныя экономическія соображенія по поводу соціальной роли крупной земельной собственности, то само правительство, въ лицѣ министра юстиціи, какъ нельзя развязнѣе открывало карты дворянской реакціи, прямо утверждая, что ей важна даже не всякая собственность, какъ основа порядка, а собственность земельная, собственность, могущая служить точкою опоры для плановъ феодальной реставраціи. Графъ де-Шароннэ — такъ звали министра—совершенно ясно развивалъ эти взгляды, изукрашая ихъ свойственнымъ ему, по выраженію одного историка, напыщеннымъ пафосомъ: «Путемъ постоянно дѣйствующаго и постоянно растущаго дробленія земель, вы увеличиваете населеніе, но увеличиваете болѣе, чѣмъ-то слѣдуетъ для государства... Вы превращаете въ пыль земельную собственность и вы отнимаете у нея влияніе, для того чтобы передать его владѣнію деньгами. «Дайте дѣлать землю,—раздаются крики,—земля сама по себѣ ни монархична, ни демократична». Да, но земля внушаетъ тѣмъ, кто владѣетъ ею, наклонности и мнѣнія, отличающіяся отъ наклонностей и мнѣній, внушаемыхъ денежной собственностью; внушаетъ мнѣнія, менѣе безпокойныя и менѣе бурливыя, болѣе проникнутыя любовью къ порядку, спокойствію и добрымъ нравамъ, болѣе подходящія и болѣе благопріятствующія интересамъ правительства, которое основываетъ свои права на продолжительности и сохраненіи тѣхъ правъ, какія оно установило; болѣе полезныя, слѣдовательно, для монархіи, которая, очевидно, должна опираться скорѣе на земельную собственность, чѣмъ на мимолетное владѣніе подвижныхъ и измѣняющихся вещей, каковыя, не имѣя ни прочности, ни длительности, могутъ служить основаніемъ лишь такимъ учрежденіямъ, которыя непрочны и измѣнчивы, какъ сами эти вещи» **).

Несмотря на неуклюжую риторическую форму этой рѣчи, которая даже на ясномъ французскомъ языкѣ содержитъ массу неясностей, главная мысль оратора какъ нельзя болѣе опредѣленна: это—признаніе значенія государственнаго принципа за земельной и притомъ привилегированной собственностью, въ противоположность «денежной» собственности, т. е. въ сущности-то всякой собственности, передвигающейся изъ рукъ въ руки на основаніи законовъ современнаго буржуазнаго общества.

*) „Moniteur“, № 94, отъ 4-го апрѣля (засѣданіе 1-го апрѣля), стр. 426.

***) „Moniteur“, № 90, отъ 31-го марта (засѣданіе 29-го марта), стр. 409--410.

Любопытно, какъ возражали на эти вожделѣнія феодаловъ противники законопроекта. Большинство изъ нихъ, не нападая прямо на принципъ легитимистской монархіи, старались опрокинуть законопроектъ именно съ точки зрѣнія социальнаго мира и политической устойчивости, на что такъ напирали реакціонеры. Если резюмировать вкратцѣ мнѣнія этихъ сторонниковъ болѣе либеральнаго міросозерцанія, то суть ихъ аргументаціи заключается въ слѣдующемъ. Спокойствіе въ деревенскихъ массахъ наступило именно съ тѣхъ поръ, какъ собственность, освобожденная отъ феодалныхъ путъ, распространилась въ націи, дѣлящей безъ стѣсненія свои земли, согласно давнишнимъ обычаямъ, освященнымъ революціоннымъ законодательствомъ. Но это спокойствіе легко можетъ уступить мѣсто враждѣ и волненіямъ, если предлагаемая правительствомъ мѣра создастъ привилегированныхъ собственниковъ въ лицѣ старшихъ дѣтей мужского пола. Кромѣ того, насколько широкъ тотъ кругъ семей, на которыхъ отразится вліяніе новаго закона? Если онъ коснется наслѣдства только такихъ лицъ, которыя платятъ не менѣе 300 франковъ прямого поземельнаго налога, то стоитъ ли изъ-за столь ограниченной сферы дѣйствія предлагаемой мѣры волновать общественное мнѣніе?

Такъ, графъ Моле ставитъ правительству вопросъ: «Да и старшіе сыновья найдутъ-ли въ этомъ законѣ большія выгоды? Неужели съ одной лишней частью, приходящейся на ихъ долю, они будутъ въ состояніи играть роль покровителей семьи? Предлагаемый законъ сдѣлаетъ ихъ, слѣдовательно, ненавистными для другихъ дѣтей, не достигнувъ въ то же время своей цѣли. Что касается до младшихъ сыновей и до дочерей, то результатомъ принятія закона будетъ превращеніе въ грозную демократію всѣхъ другихъ дѣтей, обездоленныхъ ради старшихъ, изъ которыхъ правительство надѣется образовать столь жалкую аристократію... Да и Франція, выводя изъ сферы обращенія четверть или треть всей суммы переходящихъ теперь изъ рукъ въ руки земельныхъ имуществъ, подрѣжетъ главный источникъ своего богатства, сократитъ свой національный доходъ и будетъ поставлена въ необходимость увеличить въ самомъ скоромъ времени» налоги» *).

Графъ Симеонъ подчеркиваетъ цифровую незначительность того контингента лицъ, ради которыхъ правительство думаетъ восстановить право первородства: «Дробленіе собственности является могущественной причиной всеобщаго процвѣтанія и благосостоянія народа. Потому-то боятся не за него, а приблизительно за 600.000 семействъ, платящихъ 300 фр. поземельнаго налога, между тѣмъ какъ около 6 милліоновъ семей, не платящихъ такого налога, останутся внѣ дѣйствія предложеннаго закона, на почвѣ обыкновен-

*) „Moniteur“, Приложение къ № 89 отъ 30 марта (засѣданіе 28 марта), стр. 402.

наго права... Зачѣмъ въ такомъ случаѣ тревожить семьи введеніемъ законодательства, которое было неизвѣстно въ значительной части французскаго королевства, а въ остальной части было забыто за послѣдніе 33 года?» *).

Герцогъ де-Шузель еще рѣзче подчеркиваетъ непопулярность проектируемой мѣры, говоря: «Кой-какіе французы могутъ, конечно, еще заблуждаться относительно интересовъ своей страны; но цѣлая Франція не ошибается; и если бы палата пэровъ дала себѣ трудъ прочесть полученные ею многочисленные протесты, вмѣсто того, чтобы передавать ихъ въ комиссію, враждебное отношеніе которой къ нимъ уже было ей извѣстно, то нѣтъ сомнѣнія, что эти петиціи произвели бы на нее самое глубокое впечатлѣніе» **).

Впрочемъ, еще почти въ самомъ началѣ преній баронъ Паскье переводилъ вопросъ на почву политической опасности, которая грозитъ странѣ въ томъ случаѣ, если будетъ отмѣнено популярное законодательство о наслѣдованіи, и противопоставлялъ духъ соціального консерватизма въ современной, добравшейся до собственности деревнѣ спокойному духу старой, голодавшей и нищей деревни. Либеральный пэръ указалъ на тотъ фактъ, что и въ до-революціонной Франціи обычай равнаго наслѣдованія всѣхъ дѣтей царилъ на всемъ югѣ страны, а также въ Лотарингіи; что если на сѣверѣ и въ центрѣ обычное право отличалось разнообразіемъ, то во всякомъ разѣ, за исключеніемъ территоріи Ко (pays de Coix), нормандскіе обычаи, наравнѣ съ парижскимъ, признавали право первородства лишь по отношенію къ дворянскимъ имуществамъ. Такимъ образомъ проектируемое измѣненіе въ правѣ наслѣдованія стало бы въ разрѣзъ не только съ революціоннымъ законодательствомъ, но и съ закоренѣлыми привычками громаднаго большинства населенія, лишь санкціонированными новымъ правомъ. Но едва ли не самымъ многозначительнымъ мѣстомъ въ рѣчи Паскье были слѣдующія слова: «Со времени революціи число собственниковъ значительно увеличилось. И кто осмѣлится отрицать, что между 1800 и 1825 г. народный классъ (classe populaire) было труднѣе поднять, чѣмъ при старомъ законодательствѣ 1764 г., напр., хотя бы въ 1792 г.? Пусть припомнятъ безпокойство, которое причинилъ тогда классъ пролетаріевъ, и народныя волненія, которыя вызывало малѣйшее вздорожаніе продуктовъ» ***).

Раньше мы уже упомянули, что законъ о правѣ первородства былъ отвергнутъ палатой пэровъ: остался лишь параграфъ о субституціяхъ, не имѣвшій важнаго практическаго значенія (онъ, кстати сказать, былъ принятъ и палатой депутатовъ 10-го мая 1826 г., несмотря на сопротивленіе значительнаго меньшинства,

*) „Moniteur“, № 92 отъ 2-го апрѣля (засѣданіе 31-го марта), стр. 420.

**) „Moniteur“, № 95 отъ 5-го апрѣля (засѣданіе 3-го апрѣля), стр. 436.

***) „Moniteur“, № 90 отъ 31-го марта (засѣданіе 29-го марта), стр. 407.

мнѣніе котораго отразилось, между прочимъ, въ энергичной рѣчи Бенжамена Констана противъ «господства кастъ»). Насколько въ странѣ было раньше сильно безпокойство, возбужденное возможностью принятія закона, настолько теперь сильна была радость при извѣстїи о его отверженіи. Иллюминаціи, каламбуры, торжественные банкеты, дававшіеся старшими сыновьями остальнымъ дѣтямъ, прокатились волной по Франціи и приняли особенно большіе размѣры въ торговыхъ и промышленныхъ мѣстностяхъ, и опять таки преимущественно въ населенныхъ коммерсантами кварталахъ. Очевидно, тонъ побѣднымъ торжествамъ задавала буржуазія. Спрашивается, чьи же интересы затрогивалъ реакціонный законопроектъ? Не надо особенно глубоко анализировать характеръ предлагавшейся феодалами мѣры, чтобы видѣть, что противъ нея протестовало зажиточное крестьянство, сельская буржуазія и связанная съ нею узами родства и интересовъ городская буржуазія.

Кого касался реакціонный проектъ? Тѣхъ только, кто платилъ не менѣе 300 франковъ земельного налога, что по тогдашнимъ фискальнымъ условіямъ предполагало собственность, дававшую не менѣе 3000 франковъ чистаго годового дохода. Ясное дѣло, что лица, располагавшія такимъ добромъ, отнюдь не принадлежали къ рядовому крестьянству, а представляли различныя градаціи владѣльцевъ, начиная отъ зажиточныхъ и кончая богатыми и чрезвычайно богатыми непривилегированными собственниками земли. Говорю непривилегированными потому, что право первородства въ «благородныхъ» семьяхъ и безъ того осуществлялось тогда путемъ майоратовъ, которые были восстановлены Наполеономъ I и даже считались при реставраціи необходимымъ условіемъ избранія или назначенія перомъ; при чемъ ежегодный доходъ въ 10000 франковъ уже давалъ право на установленіе низшаго майората (виконтскаго или баронскаго). А крупной буржуазіи не было ничего легче въ то время, какъ путемъ связей и различныхъ «услугъ» вліятельнымъ лицамъ получить дворянское званіе отъ короля. Такимъ образомъ, законопроектъ о правѣ первородства 1826 г. несомнѣнно имѣлъ въ виду преимущественно зажиточное крестьянство и сельскую буржуазію, или городскую буржуазію, владѣвшую поземельной собственностью. Но лицъ этой категоріи было сравнительно немного: не вводя читателя въ подробности выкладокъ, мы можемъ ограничиться утвержденіемъ, что такихъ главъ семействъ было не только не 600.000, какъ утверждалъ въ то время одинъ изъ либеральныхъ перовъ, но врядъ ли больше 100.000 *).

*) Производя нѣкоторыя операціи надъ цифрами, приводимыми де-Виллемемъ по нѣсколькимъ департаментамъ (см. *Moniteur* № 95, стр. 436), я нахожу, что въ 1826 г. на 1.617,339 плательщиковъ поземельнаго налога

Вотъ надъ какой сравнительно незначительной группой лицъ хотѣла оперировать дворянская реакція, стараясь обособить ее отъ цѣлаго населенія страны и прежде всего отъ жившаго бокъ-о-бокъ съ нею рядового крестьянства, пропитать ее своими феодальными воззрѣніями и приготовить себѣ изъ нея новыхъ и покорныхъ вассаловъ, при помощи которыхъ реставрація могла бы вліять на умы націи. Этотъ опытъ созданія «феодальнаго крѣпкаго крестьянства» не удался. Сельская буржуазія, предводимая городской буржуазіей, давившей въ свою очередь на тогдашнихъ представителей націи, отвергла дары благороднаго сословія и осталась тѣмъ, чѣмъ была: консервативной частью населенія по отношенію къ вопросу о частной собственности, но настроенной враждебно и совершенно въ духъ освободившей ее Великой революціи къ дворянскому гнету и даже простымъ поподзновениямъ временно воскресшихъ феодаловъ на покровительство. Борьба интересовъ между трудовымъ крестьянствомъ и сельской буржуазіей Франціи, поскольку она обнаруживается въ послѣднее время, подготавливалась въ теченіе XIX-го вѣка на почвѣ демократическихъ учрежденій, но отнюдь не въ стѣнахъ феодальной темницы. Дворянская реакція потерпѣла поражение и въ соціальной области и, временно захвативъ въ свои руки политическую власть, была уже окончательно брошена эволюціей страны въ историческій чуланъ рядомъ съ разной заваливавшейся ветошью изъ временъ сословно-абсолютной монархіи.

IV.

Когда переходишь отъ изученія дворянской реакціи во Франціи къ изученію дворянской реакціи въ Германіи, то испытываешь почти физическое ощущеніе перемѣны страны, климата, атмосферы. По правую сторону Рейна феодалы не только не побѣждены, но оказываются побѣдителями, и побѣдителями не въ одномъ только политическомъ отношеніи, но и въ соціальномъ. Опираясь на слабость и неподготовленность буржуазіи къ политической борьбѣ, они успѣваютъ въ буржуазное общество, начало которому было положено въ Германіи революціей 1848 г., пронести свои феодальные права, добиться вознагражденія за нихъ въ видѣ излюбленнаго «всеобщаго эквивалента» мѣщанства, денегъ, укрѣпить

приходилось лишь 1197 лицъ, вносившихъ каждое болѣе 300 фр. этого налога, что составляетъ лишь 0,7%. Такъ какъ даже по чрезвычайно оптимистическому мнѣнію Фовилля въ то время Франція насчитывала 6½ милліоновъ собственниковъ, то плательщиковъ трехсотъ-франковаго и болѣе налога было не болѣе 45.000—50.000. Съ другой стороны цензниковъ (вносившихъ не менѣе 300 фр. всякаго, а не только поземельнаго, прямого налога) считалось около 100.000.

свое экономическое положеніе, словомъ, умѣло и настойчиво опутать деревню узами соціальной реакціи.

Переходя къ изображенію этой реакціонной политики нѣмецкихъ феодаловъ, мы чувствуемъ потребность съ самаго же начала устранить двоякую историческую легенду, которая довольно сильно распространена и между серьезными ислѣдователями германскихъ отношеній. Подобно тому какъ на почвѣ Франціи мы встрѣчались съ буржуазной легендой, приписывающей образованіе мелкой крестьянской собственности революціи, на почвѣ Германіи мы встрѣчаемся съ другой, на сей разъ монархически-профессорской легендой. Она гласитъ, что верховная власть, особенно въ Пруссіи и Австріи, всегда была покровительницей крестьянъ, ихъ защитницей отъ притѣсненій привилегированныхъ владѣльцевъ; и при этомъ прибавляетъ, что въ результатѣ историческаго компромисса между монархіей и феодалами было *создано* «крѣпкое крестьянство», которое служитъ опорой общественнаго порядка противъ враговъ современнаго строя. Разсматривая безпристрастно исторію германскихъ отношеній между властью и различными классами, мы не можемъ не прийти къ выводу, во-первыхъ, что благотворительная роль германскихъ правительствъ въ дѣлѣ «защиты крестьянства» сильно преувеличена; а во-вторыхъ, что аграрная политика имущихъ и правящихъ классовъ въ Германіи не создала «крѣпкаго крестьянства»,—его нечего было создавать, ибо оно уже создалось раньше и лишь освободилось отъ крѣпостной зависимости на почвѣ аграрныхъ мѣропріятій, цѣною тяжелыхъ земельныхъ и денежныхъ жертвъ,—но создала, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно содѣйствовала созданію сельскаго пролетаріата, злополучныхъ нѣмецкихъ батраковъ.

Прежде всего, что касается до мужиколобства хотя бы прусскихъ королей, то чтеніе самихъ же очень расположенныхъ къ нимъ историковъ приводитъ къ заключенію, что все, предпринимавшееся носителями верховной власти въ Пруссіи съ цѣлью «защиты крестьянства», было внушаемо имъ исключительно фискальными и военными соображеніями, какъ бы получать съ деревни побольше денегъ и побольше рекрутовъ, соображеніями, которыя лишь во вторую половину XVIII-го вѣка стали подбалтываться идеями платоническаго филантропства.

Надо читать дояльныхъ ислѣдователей судебъ крѣпостнаго крестьянства вродѣ Зугенхейма, у которыхъ добросовѣстность историка любопытно соединяется съ чисто нѣмецкимъ шлететомъ къ верховной власти, чтобы убѣдиться въ справедливости только что сдѣланнаго нами замѣчанія. Станетъ, напримѣръ, такой ученый говорить о попыткахъ королей уничтожить крѣпостное право на своихъ доменахъ, и окажется, что всѣ эти Фридрихи I, и Фридрихи Вильгельмы I, и Фридрихи II Великіе, и Фридрихи Вильгельмы II искореняютъ крѣпостничество на бумагѣ въ тече-

ніе ста лѣтъ, но съ воцареніемъ каждаго новаго короля приходится продѣлывать ту же самую процедуру, какъ если бы раньше ничего не было сдѣлано, причемъ, несмотря на «палочные» указы (Prügel-Mandate), удары градомъ сыплются на крестьянина со стороны королевскихъ чиновниковъ. Что, впрочемъ, и не удивительно; ибо сами авторы этихъ гуманныхъ предписаній при случаѣ щедро угощаютъ палкой мужиковъ, которыхъ они хотятъ приучить этимъ способомъ къ рациональной культурѣ, какъ то продѣлывалъ хотя бы Фридрихъ Вильгельмъ I съ литовцами, не желавшими воздѣлывать картофель.

А объ отмѣнѣ крѣпостнаго права на земляхъ помѣщиковъ ужъ и говорить нечего: здѣсь просвѣщенный деспотизмъ вѣнценосныхъ культуртрегеровъ пасовалъ всякій разъ передъ энергичнымъ протестомъ вѣрныхъ дворянъ, какъ то случилось, напримѣръ, съ приказомъ Фридриха II отъ 23-го мая 1763 г. о «немедленномъ, абсолютномъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій (ohne das geringste Raisonniren) уничтоженіи крѣпостной зависимости какъ въ королевскихъ, такъ и помѣщичьихъ и городскихъ деревняхъ». На что померанскій сословный сеймъ отвѣтилъ единодушно, что «невозможно удовлетворить этой монаршей волѣ». И Фридрихъ Великій смирился передъ этимъ категорическимъ императивомъ феодаловъ, давъ поводъ уже упомянутому нами лояльному историку написать слѣдующія уничтожающія строки о мнимомъ народолюбствѣ прусскаго короля и о тѣсной связи между дворянствомъ и монархической бюрократіей: «Глубже лежащій мотивъ охлажденія его реформаціоннаго пыла при первомъ же серьезномъ сопротивленіи, которое онъ встрѣтилъ въ своихъ старыхъ провинціяхъ, мы должны искать въ томъ, что «философъ изъ Сансуси»... въ этомъ отношеніи былъ—увы!—отнюдь не философъ и отдавалъ слѣпое предпочтеніе дворянству. Известно его изреченіе: «обыкновенно только у одного дворянства и есть честь». Если онъ уже поэтому не могъ побѣдить себя, чтобы энергично вмѣшаться въ это дѣло, то онъ, пожалуй, и не считалъ себя въ правѣ рѣшиться на это, такъ какъ при тогдашнемъ положеніи своего государства не былъ въ состояніи принести достаточныя жертвы для освобожденія крестьянъ, т. е. вознаградить надлежащимъ образомъ помѣщиковъ, которые, кромѣ того, имѣли въ лицѣ королевскихъ чиновниковъ поистинѣ могущественныхъ союзниковъ» *). И подобную же готовность уступать требованіямъ феодаловъ прусское правительство обнаруживало неоднократно и въ XIX-мъ столѣтіи, ломая и искажая свои проекты освобожденія крестьянъ всякій разъ, когда

*) Samuel Sugenheim, „Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des neunzehnten Jahrhunderts S.-Петербургъ, 1861, стр. 883 (это добросовѣстное сочиненіе, сохраняющее, несмотря на свои мѣстами архаическіе взгляды, до сихъ поръ извѣстное значеніе, получило премію отъ нашей Академіи наукъ въ 1860 г.).

«первенствующее сословіе» поднимало протестъ во имя своихъ узко-классовыхъ интересовъ.

Не мѣшаетъ встать къ этой оцѣнкѣ Зугенгеймомъ сѣверно-германскихъ реформаторовъ присоединить оцѣнку имъ же южно-германскихъ народолюбцевъ на тронѣ, напр., Маріи-Терезіи, которая, несмотря на крестьянскія волненія въ Богеміи и Венгріи, не рѣшается предпринять, по ея же собственнымъ словамъ, ничего кромѣ нѣкотораго «облегченія крестьянъ», работающихъ на дорогихъ ея сердцу дворянъ; или ея «благороднаго сына», Иосифа II, который погубилъ предпріятыя въ интересахъ помѣщичьихъ крестьянъ реформы «своимъ незнаніемъ и достойнымъ сожалѣніи недостаткомъ государственнаго образованія и проницательности», такъ что его брату, Леопольду II, пришлось взять обратно изданный было (22-го августа 1785 г.) Иосифомъ II эдиктъ объ отиѣнѣ крѣпостнаго права, эдиктъ, приведшій въ «патріотическое» негодованіе венгерскихъ магнатовъ *). Тѣмъ-то и хороши исполненные лоялізма, но добросовѣстные историки въ родѣ Зугенгейма, что истина говоритъ въ ихъ работахъ громче ихъ симпатій, и что въ противоположность библейскому Валааму, произносящему благословія вмѣсто проклятій, они самыя похвалы вынуждены противъ воли превращать въ орудіе жестокой критики...

Не болѣе состоятельна и легенда о созданіи «крѣпкаго крестьянства». Дѣло обстоитъ такъ. Разгромъ Пруссіи при Іенѣ (1806 г.) вынудилъ правительство, находившееся подъ давленіемъ негодующаго общественнаго мнѣнія, издать эдиктъ 9 октября 1807 г. о повсемѣстномъ уничтоженіи крѣпостнаго права или, какъ выражаются нѣмцы, «наслѣдственнаго подданства» (Erbunterthänigkeit). На государственныхъ (доманіальныхъ) земляхъ оно уже было почти уничтожено къ концу XVIII столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство рѣшило заставить своихъ крестьянъ выкупить свои барщинныя повинности, а съ другой стороны, внесеніемъ особыхъ «вкупныхъ денегъ» (Einkaufsgeld), приобрѣсти въ собственность тѣ земли, которыми крѣпостные земледѣльцы владѣли на менѣ прочномъ правѣ (наслѣдственнымъ или ненаслѣдственнымъ). Эта операція была продѣлана въ 1799—1808 гг., но лишь по отношенію къ «упряжнымъ» (spannfähige) крестьянамъ, которые и безъ того уже были «крѣпкими» въ томъ смыслѣ, что располагали достаточнымъ скотомъ и вообще инвентаремъ, равно какъ рабочей силой для веденія самостоятельнаго хозяйства. Казна извлекала себѣ при этомъ очень ощутительную выгоду: не говоря о замѣнѣ натуральной повинности денежнымъ оброкомъ, она получала съ крестьянина за простое чисто формальное измѣненіе юридическаго права или «титула» владѣнія отъ 100 до 200 талеровъ ежегодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ освобождалась отъ обязательствъ снабжать

*) Sugenheim, l. c., стр. 395—397.

бывшаго крѣпостного, въ случаѣ нужды, скотомъ, сѣменами, хлѣбомъ, лѣсомъ и т. д. Всѣ остальные земледѣльцы, огородники (Kossäthen), различнаго рода бобыли и «хатники» (Häusler, Büdner, Käthner) или остались въ прежнемъ положеніи, или получили, смотря по провинціямъ, лишь нѣкоторую возможность выкупа своихъ ручныхъ повинностей, составивъ резервъ будущей арміи свободныхъ батраковъ.

Подобный же процессъ выкупа былъ установленъ для помѣщичьихъ крестьянъ, причемъ тѣ изъ нихъ, которые пользовались менѣе прочными правами на землю («ласситы», арендаторы и т. д.), приобрѣтали ее въ собственность и выкупали барщину и инныя повинности на основаніи эдикта 14 сентября 1811 г. и деклараціи къ эдикту 29 мая 1816 г.,—это такъ называемое «регулированіе»; а тѣ изъ нихъ, которые уже были собственниками или наслѣдственными арендаторами земли, вносили въ возмѣщеніе барщины ежегодную ренту или 25-кратный единовременный взносъ на основаніи «положенія о выкупѣ» 7 іюня 1821 г.,—это собственно такъ называемый «выкупъ поземельныхъ повинностей», (распространенный и на доманіальныхъ крестьянъ). Слѣдуетъ еще прибавить, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, и въ случаѣ регулированія, и въ случаѣ выкупа, крестьянинъ не иначе могъ ликвидировать свои отношенія къ прежнему владѣльцу, какъ уступивъ ему, сверхъ всего прочаго, крупную долю, отъ одной трети до цѣлой половины, земли, находившейся раньше въ его, крестьянина, владѣніи, или обязавшись платить ему соответствующую дополнительную ренту.

Недаромъ Георгъ Кнаппъ, въ своей извѣстной работѣ по освобожденію крестьянъ, возражаетъ противъ мнѣнія, выдающаго въ прусской реформѣ созданіе новой крестьянской собственности: «Выраженіе «новое распредѣленіе собственности» отнюдь неприложимо къ этимъ фактамъ; оно вызываетъ представленіе, какъ будто въ силу соображеній о полезности крестьянамъ было дано что-то, чего они не имѣли до того времени; какъ будто эти «новые собственники» стали обладать теперь большимъ количествомъ земли, чѣмъ прежде, между тѣмъ какъ на самомъ-то дѣлѣ они владѣютъ теперь меньшимъ пространствомъ ея, хотя и на основаніи «лучшаго» права»^{*)}. Авторъ прямо приписываетъ лишь эгоистическимъ страхамъ феодаловъ при освобожденіи возникновеніе ложной идеи, якобы «государство, поднимаясь надъ низшими сферами традиціоннаго права, отняло властнымъ приказомъ землю у помѣщиковъ, чтобы подарить ее крестьянамъ»^{**}). И видятъ

^{*)} Georg Friedrich Knapp, „Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens“; Лейпцигъ, 1887 г., часть первая, стр. 332.

^{**}) Ibid.

главную особенность реформы, наравнѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, съ избыткомъ возмѣщеннымъ дворянству, въ «отсутствіи всякаго попеченія о хозяйственномъ положеніи освобожденныхъ и вновь возникшихъ сельскихъ рабочихъ» *).

Дѣло въ томъ, что операція выкупа и регулированія, которая могла совершаться по требованію лишь одной изъ сторонъ, соединялась обыкновенно съ уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ общиннаго владѣнія: господской и мужицкой череполосицы, принудительной культуры, общаго выпаса скота на жнивьяхъ, въ помѣщичьемъ и деревенскомъ лѣсу и т. п. Получая отрубной участокъ, «крѣпкій» крестьянинъ производилъ пертурбацію въ поземельныхъ отношеніяхъ односельчанъ, освобождаясь наравнѣ съ помѣщикомъ отъ сервитутовъ, которые были полезны мелкимъ земледѣльцамъ; но, обездоливая ихъ, онъ самъ, какъ мы видѣли, платился легальной экспропріаціей значительнаго количества земли, находившейся раньше въ его череполосномъ владѣніи, въ пользу могущественнаго сосѣда, который оставался любимымъ дѣтищемъ государства.

Наконецъ, послѣдняя черта, дорисовывающая эту картину вынужденной государственными разгромомъ реформы, заключается въ томъ, что выкупъ дозволялся опять-таки только «упряжнымъ», наиболее состоятельнымъ крестьянамъ, которые и раньше были «крѣпкими» хозяевами, и воспрепятствовался всѣмъ остальнымъ земледѣльцамъ: однолошаднымъ и безлошаднымъ «огородникамъ», бобылямъ и вообще деревенской мелкотѣ. Это было сдѣлано съ совершенно опредѣленной и сознательно поставленной себѣ «реформаторами» цѣлью обезпечить помѣщикамъ пѣшую барщину и дешевый трудъ сельскаго населенія, стоявшаго на границѣ собственника и бездомнаго пролетарія.

Съ такимъ-то «крѣпкимъ крестьянствомъ» и классомъ полусвободныхъ батраковъ Пруссія была застигнута революціей 1848 г., между тѣмъ какъ въ Австро-Венгріи этотъ же великій европейскій переворотъ засталъ власть совершенно безучастною къ положенію крестьянъ. Ибо здѣсь реформы конца XVIII-го вѣка, уничтожившія личную зависимость крѣпостныхъ (патенты 1781 и слѣдующихъ годовъ въ Австріи, 1785 г. въ Венгріи), оставляли барщину нетронутой, и немногіе законы, изданные въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія и ограничивавшіе поборы помѣщиковъ, существовали только на бумагѣ. Надо было, напр., жестокое возстаніе галиційскаго крестьянства въ 1846 г., чтобы правительству издало имѣющей мало значенія патентъ о барщинѣ 13-го апрѣля и разрѣшеніе условнаго (по договорамъ) выкупа крестьянскихъ повинностей 12-го декабря 1846.

*) Ibid., стр. 326.

V.

Много писалось о драматическихъ дняхъ революціи 1848 г. въ нѣмецкихъ городахъ. Но и движеніе деревень сопровождалось драматическими сценами. Любопытно, что наиболѣе сильные аграрные беспорядки вспыхнули въ Вюртембергѣ и Баденѣ, почти какъ разъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя три столѣтія тому назадъ были театромъ великой крестьянской войны. Уже въ самомъ началѣ марта, гористый Оденвальдъ и плодородная долина Таубера,—такъ называемый Таубергрундъ,—затѣмъ мѣстность, известная подъ именемъ Крайхгау, и вообще нижнее течение Неккера наводнились толпами бунтующихъ крестьянъ, которые осаждали замки гордыхъ феодаловъ, прогоняли прославившихся жестокостью сборщиковъ ренты, жгли пергаменты, барщинныя и арендныя книги. Порою дѣло доходило и до поджога самихъ замковъ, что чаще случалось въ имѣніяхъ, управляющіе которыхъ заслужили нелестную кличку «крестьянскихъ живодеровъ» (Bauernschinder), въ особенности же въ старинномъ вюртембергскомъ графствѣ Гогенлоу, вблизи того самаго Вейнсберга, который былъ въ 1525 г. свидѣтелемъ жестокаго пораженія рыцарей возставшими крестьянами.

«Замокъ Вейлеръ, — рассказываетъ историкъ германской революціи, — былъ осажденъ 300 крестьянъ. Въ великолѣпномъ зданіи не было похищено ими ни одного пфеннига, но бумаги они сожгли до послѣдняго клочка. «Гляди, гляди, вотъ еще летитъ пѣтушокъ!» (Hui, da fliegt wieder ein Kickerle), — раздавались восклицанія, когда сыпались искры: дѣло въ томъ, что крестьяне должны были приносить много куръ въ рентную контору... Два дня спустя появилось здѣсь 200 солдатъ. Но народъ принялъ такой угрожающій видъ, что властямъ пришлось выпустить уже арестованныхъ было «зачинщиковъ». Въ Нидерштеттенѣ дѣло вышло еще серьезнѣе. Тамъ крестьяне снесли въ кучу и подожгли «ленныя книги» дворца Гогенлоу; съ бумагами загорѣлся и замокъ, большая часть котораго была уничтожена пожаромъ... «Еще съ семью замками случится тоже самое», — раздавалось въ толпѣ крестьянъ. Въ другихъ мѣстахъ, въ Шварцвальдѣ, у Нейенбюрга, по Кохеру, по Яксту, было много шуму и кошачьей музыки. Ходили зловѣщія слухи о большомъ заговорѣ крестьянъ, которые будто бы хлынуть изъ горныхъ долинъ и сравняютъ съ лицомъ земли все, что только напоминаетъ о феодальныхъ временахъ. Въ шинкахъ раздавались восклицанія: «долой пѣвочку и долой разбойничьи гнѣзда!» *).

Цитируемый мною авторъ хорошо рисуетъ настроеніе, овладѣв-

*) Wilhelm Bloß, „Die Deutsche Revolution. Geschichte der deutschen Bewegung von 1848 und 1849; Штуттгартъ, 1892, стр. 88—89.

шее не только аристократіей, но и буржуазіей, когда крестьянскія волненія достигли такой степени напряженности: «Возстаніе деревенскаго люда въ тотъ самый моментъ, какъ городъ находился въ движеніи, означало, по ихъ мнѣнію, безграничную социальную революцію, угрожавшую поглотить все, — остатки стараго феодальнаго міра вмѣстѣ съ начатками новаго буржуазнаго общества. Поэтому-то ими и была обнаружена такая уступчивость по отношенію къ крестьянамъ и оказано такое сопротивленіе рабочему народу городовъ. Съ попомозженіями на городскую социальную революцію было не трудно справиться, когда крестьяне были удовлетворены» *). Но, въ качествѣ черезчуръ прямолинейнаго социаль-демократа, Вильгельмъ Блосъ слишкомъ преувеличиваетъ быстроту наступившаго успокоенія между крестьянами, послѣ того какъ самими сословными сеймами нѣкоторыхъ государствъ былъ предложенъ выкупъ всѣхъ феодальныхъ повинностей и измѣненіе законовъ объ охотѣ. Не сейчасъ крестьяне «сдѣлались консервативны, антиреволюціонны, проявили свирѣпую любовь къ порядку (ordnungswüthig) и поддержали реакцію», которая съ успѣхомъ науськивала ихъ на «горожанъ». Наоборотъ, нужно было пройти не одному мѣсяцу, нужно было буржуазіи обнаружить отвращеніе къ коренной реформѣ аграрныхъ отношеній, чтобы крестьянство, разочарованное либеральнымъ народолюбіемъ, отхлынуло отъ революціи и удовольствовалося реформами, предложенными ей феодально-бюрократической реакціей. Въ этомъ отношеніи читатель найдетъ поправку ко взглядамъ Блоса даже у такого не менѣе его прямолинейнаго социаль-демократа, какимъ является Мерингъ. Стоитъ только пробѣжать хотя бы главу «Принесеніе въ жертву крестьянъ» въ его «Исторіи нѣмецкой социаль-демократіи» *), чтобы видѣть, какъ не соответствуетъ тогдашнему ходу вещей обвиненіе Блоса въ скоропостижной, если можно такъ выразиться, реакціи крестьянъ.

VI.

Но я тороплюсь перейти отъ этихъ уже обобщающихъ работъ о германской революціи къ сырымъ матеріаламъ эпохи, которые лучше помогутъ читателю уяснить смыслъ социальной реакціи, подорвавшей революцію 1848 г. Съ этою цѣлью я приведу нѣсколько выдающихся мѣстъ изъ преній по крестьянскому вопросу въ берлинскомъ собраніи, созванномъ — какъ гласитъ его официальный титулъ — для примирительной выработки прусской государственной конституціи». Читая стенографическіе отчеты выросшаго изъ мартовской революціи прусскаго парламента, соприкасаясь лицомъ къ

*) Ibid., стр. 90.

**) Franz Mehring, „Geschichte der Deutschen Sozial-demokratie“; Штутгартъ, 1903, 2-е изд., т. II, стр. 45-55.

лицу съ стоявшими передъ нимъ задачами и непосредственнымъ отраженіемъ ихъ въ рѣчахъ ораторовъ, мы можемъ лучше представить себѣ, въ какой степени нѣмецкая буржуазія не оказалась на высотѣ своей общественной задачи, и какъ ловко, наоборотъ, маневрировала феодальная реакція.

Когда въ августѣ 1848 г. поднимаются дебаты о необходимости учредить особыя окружныя комиссіи для регулированія отношеній между сельскими хозяевами и батраками, то большинство собранія на словахъ еще обнаруживаетъ сильную любовь къ трудящимся массамъ деревни. Самъ министръ торговли, фабрикантъ Мильде, на засѣданіи 16-го августа, произнесъ сочувственную рѣчь насчетъ положенія сельскихъ рабочихъ, говоря, что если бы онъ обращался къ собранію не со скамьи министра, а съ трибуны депутата, то «показалъ бы, какъ деревенскіе жители, какъ земледѣльческій пролетаріатъ гораздо болѣе угнетены, чѣмъ фабричныя и промышленныя рабочіе въ любой части страны. Я могъ бы рассказать вамъ, какъ содержатъ людей въ деревнѣ, какъ въ Силезіи еще теперь есть рабочіе въ сельскихъ промыслахъ, которые получаютъ мясо лишь два-три раза въ годъ, какъ они работаютъ безъ усталы цѣлый день съ восхода и до заката солнца, между тѣмъ какъ скотъ мѣняется въ упряжкѣ, и какъ владѣльцы не позволяютъ имъ отдохнуть даже ночью, ибо тогда они должны работать въ стойлахъ» *).

Можно было бы, конечно, заподозрить искренность этого министра изъ фабрикантовъ, который способенъ изобразить въ черзуръ черныхъ краскахъ положеніе сельскихъ рабочихъ, чтобы противопоставить ему положеніе фабричныхъ, благодествующихъ подъ эгидой промышленныхъ капиталистовъ. Но та же самая ужасающая картина быта сельскихъ батраковъ развертывается въ рѣчахъ представителей отъ самыхъ различныхъ мѣстъ. Приведу еще слова лѣваго депутата д'Эстеръ изъ рейнской провинціи, слова, которыя замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ указывается на благотѣльное вліяніе французскаго законодательства, проникшаго въ прирейную Германію съ завоеваніями Наполеона I. Возражая депутату Штуппу, который доказывалъ, что въ этихъ мѣстахъ все добро зѣло, д'Эстеръ тонко схватываетъ темныя и свѣтлыя стороны рейнской Пруссіи: «Смѣю увѣрить, что положеніе дѣлъ здѣсь не такъ блестяще, какъ изображаетъ его г. Штуппъ. У насъ вмѣсто стараго феодализма появился новый, а именно тотъ, который созданъ крупными земельными торговцами, или, какъ въ насмѣшку ихъ называютъ крестьяне, «земельными рѣзачами». Однако, вы можете допустить, что все же у насъ есть большое преимущество

*) „Stenographische Berichte über die Verhandlungen der zur Vereinbarung der Preussischen Staats-Verfassung berufenen Versammlung“; Берлинъ, 1848, т. II, стр. 836.

передъ старыми провинціями, такъ какъ у насъ, къ счастью, невозможно нанять работника за три зильбергроша (около 14 коп. Н. К.) въ день; средняя плата лѣтомъ достигаетъ шести зильбергрошей (28 коп. Н. К.) на хозяйскихъ харчахъ. Но этимъ мы обязаны какъ разъ тому счастливому обстоятельству, что у насъ всѣ феодальныя повинности и барщина были отмѣнены безъ всякаго вознагражденія. Этимъ мы обязаны результатамъ той знаменитой ночи 4-го августа 1789 г., въ которую было принято великое рѣшеніе совершенно уничтожить это гнетущее бремя, обязаны результатамъ, распространившимся и на нашу провинцію, благодаря успѣхамъ французской революціи. Здѣсь же лежитъ и причина того, что у насъ неизвѣстенъ голодный тифъ (*Бразил!*)^{*}).

Депутатъ Пиперъ изъ Восточной Пруссіи рассказываетъ все на томъ же засѣданіи, что у нихъ нерѣдко встрѣчаются помѣщики, «которые не дадутъ своимъ людямъ обѣдать, потому что какъ только тѣ принимаются за ѣду, такъ сейчасъ же раздастся хозяйскій звонокъ, и они должны идти на работу»; помѣщики, которые каждую субботу приказываютъ своимъ управляющимъ и надсмотрщикамъ за рабочими неизмѣнно «платить имъ ударами»; помѣщики, наконецъ, которые держатъ рабочихъ лѣтъ до 40—50, а когда тѣ состарѣлись, то дадутъ имъ особый волчій билетъ (*Zettel*), съ которымъ даже дѣти ихъ, живущія при имѣніи, не могутъ ихъ помѣстить у себя, и бѣдняки скитаются безъ призора. «Когда входишь въ помѣщеніе этихъ рабочихъ,—воскликаетъ ораторъ,—то словно входишь въ свиную закуту: у нихъ нѣтъ ни кровати, ни даже соломы на подстилку».^{**})

Въ началѣ сентября крестьянская экономика снова врывается въ политическіе дебаты палаты, посвященные выработкѣ закона о вооруженіи гражданъ. Депутатъ Нейбартъ, на засѣданіи 5-го сентября, вноситъ, дѣйствительно, предложеніе приступить сейчасъ же послѣ закона о вооруженіи къ обсужденію вопроса о безвозмездной отмѣнѣ феодальныхъ правъ охоты. Мотивировка предложенія проливаетъ яркій свѣтъ на тогдашнее состояніе деревни: «охота открылась 1-го сентября; но деревенскіе жители держатся того мнѣнія, что ее не слѣдуетъ больше позволять привилегированнымъ владѣльцамъ на чужихъ владѣніяхъ. По этому поводу уже имѣли мѣсто очень прискорбныя столкновенія, вынудившія употребленіе военной силы; должно опасаться новыхъ. Распространилось мнѣніе, будто наше собраніе еще ничего не сдѣлало въ этомъ отношеніи. Народъ считаетъ себя повѣтому вправѣ провести самовольно уничтоженіе сохранившихся охотничьихъ привилегій, отмѣна которыхъ упомянута въ основныхъ нѣмецкихъ законахъ. Это противозаконное состояніе со всѣми своими послѣдствіями тре-

^{*}) Ibid., стр. 840.

^{**}) Ibid., стр. 842—843.

буетъ скорѣйшаго обсужденія новаго уложенія объ охотѣ, которое уже больше недѣли находится въ нашихъ рукахъ» *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что осенью 1848 г. крестьяне еще далеко не успокоились. Настойчиво требуя отъ депутатовъ уничтоженія феодальныхъ правъ охоты, они вмѣстѣ съ тѣмъ нетерпѣливо ожидаютъ, когда же, наконецъ, собраніе прекратитъ совершающіеся еще на основаніи законовъ 1816 и 1821 г. регулированіе и выкупъ повинностей, равно какъ отмѣнитъ феодальные поборы.—мѣры, къ обсужденію которыхъ собраніе переходитъ въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда надъ нимъ рѣветъ уже призракъ королевскаго *coup d'Etat*, и либерально-консервативное министерство фонъ-Ауэрсвальда и Ганземанна смѣняется консервативнымъ министерствомъ генерала Пфузля, а это въ свою очередь уступаетъ мѣсто реакціонному кабинету графа фонъ-Бранденбурга.

На засѣданіи 30-го сентября въ рѣчахъ депутатовъ слышатся еще недвусмысленные отголоски боевого настроенія крестьянъ. Диршке при одобрительномъ смѣхѣ лѣвой рассказываетъ, какъ одинъ крестьянинъ сталъ говорить о необходимости отмѣны безъ всякаго вознагражденія такъ называемыхъ «лаудемій», т. е. феодальныхъ повинностей, падающихъ на участокъ при перемѣнѣ владѣльца, и ссылаясь на примѣръ Франціи и потрясенной революціею Австріи; а когда ему возразили, что тамъ были революціи, у насъ же нѣтъ, и потому на нихъ ссылаться нечего, сейчасъ же отвѣтилъ: «Ну, господа, если вы думаете это, такъ скажите только жителямъ верхней Силезіи: они потребуютъ самой коренной революціи» *).

Аппельтъ сообщаетъ собранію о «жестокихъ арестахъ и заключеніи въ тюрьмы», которымъ подвергаются со стороны властей «наши деревенскіе братья», старающіеся мирнымъ образомъ сбросить гнетъ, который горожане сбросили на мартовскихъ баррикадахъ. Онъ приглашаетъ депутатовъ дать крестьянамъ «то, что своею временною, справедливо и необходимо дать, и что уже давно должно бы было быть даровано имъ» ***), т. е. отмѣну повинностей.

Но правый центръ и министерство, умѣренно-либеральная буржуазія и крѣпчаящая феодальная реакція, уже становятся въ умилительномъ единеніи на стражѣ помѣщичьихъ интересовъ. Ассесоръ Шилотъ предостерегаетъ собраніе отъ провозглашенія принципа безвозмездной отмѣны феодальныхъ повинностей даже при заявленіи, что законъ о регулированіи будетъ выработанъ послѣ. «Этимъ путемъ,—воскликаетъ онъ въ патетическомъ ужасѣ,—мы декретируемъ уничтоженіе безъ всякаго вознагражденія всякихъ повинностей на будущее время. Если хоть въ теченіе полгода

*) Ibid., стр. 1049—1050.

**) Ibid., стр. 1280.

***) Ibid., стр. 1281.

крестьянское население привыкнетъ быть свободнымъ отъ всѣхъ взносовъ, то я не думаю, чтобы въ эпоху возбужденія, подобную нашей, государство и органы государственной власти обладали достаточной силой принудить население къ уплатѣ того, что съ него слѣдуетъ *)). А министръ внутреннихъ дѣлъ, Эйхманъ, вторитъ Пилзуту и пугаетъ собраніе доистиннѣ грозными перспективами для имущихъ и правящихъ: «Сельское населеніе отучится исполнять лежащія на немъ обязанности, и никакая человѣческая сила не будетъ въ состояніи измѣнить этотъ порядокъ вещей. Ясно, какое великое безпокойство, какая великая несправедливость будутъ причинены этимъ значительной части народа, а именно привилегированной и имущей части его» (**).

Реакціонная бюрократія и феодалы пользуются сидѣньемъ буржуазіи между двухъ стульевъ по вопросу объ уничтоженіи архаическихъ повинностей. Они не могутъ спасти феодальнаго права охоты, которое безвозмездно отмѣняется на засѣданіи 10-го октября 271 голосами большинства противъ 69 голосовъ крупныхъ бюрократовъ и крупныхъ владѣльцевъ. Но они берутъ свой реваншъ при обсужденіи законопроекта объ уничтоженіи уже упомянутыхъ «лаудемій» и другихъ феодальныхъ правъ. Они изъ многочисленныхъ петицій, поступающихъ съ разныхъ концовъ Пруссіи отъ крестьянъ въ собраніе, знаютъ, что терпѣніе крестьянъ уже истощается; что многіе изъ нихъ на свой страхъ рѣшаютъ не платить никакихъ феодальныхъ повинностей; что среди самого крестьянства происходитъ борьба различныхъ интересовъ, напр., «крѣпкіе» крестьяне жалуются на мелкихъ, мѣшающихъ имъ устранять черезъ посредство выкупомъ, мелкие жалуются на крупныхъ, лишаящихъ ихъ отрубнымъ владѣніемъ возможности выпаса на прежней череполосной землѣ, постояльцы-поденщики жалуются на тѣхъ и на другихъ за то, что они гонятъ ихъ изъ дому и т. д.

И вотъ феодалы хотятъ еще болѣе затянуть обсужденіе аграрныхъ законовъ. Они вносятъ въ каждый параграфъ безчисленныя поправки, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ парламентскимъ уловкамъ и загоняютъ собраніе въ искусно устраиваемыя ловушки, приготовляя изъ промаховъ парламента орудіе для социальной демагогіи среди крестьянства. Одну изъ такихъ военныхъ хитростей упоминаетъ Мерингъ *). Но она стоитъ того, чтобы о ней разсказать нѣсколько подробнѣе на основаніи «Стенографическихъ отчетовъ». Дѣло шло о различеніи такихъ помѣщичьихъ правъ, которыя слѣдовало, по мнѣнію большинства собранія, отмѣнить безъ вознагражденія, и такихъ, за которыя отказывающійся отъ нихъ владѣлецъ могъ претендовать на вознагражденіе; въ частности же объ упоминавшихся здѣсь уже нѣсколько разъ лаудеміяхъ.

*) Ibid., стр. 1290.

***) Ibid.

***) L. c., стр. 54—55.

Бухеръ, будущій бисмаркианецъ, а тогда депутатъ лѣваго центра, отличавшійся большимъ радикализмомъ въ общихъ политиче-скихъ и социальныхъ вопросахъ, предложилъ (вмѣстѣ съ Шульце-Деличемъ) къ одной изъ статей законопроекта поправку о лаудеміяхъ. Зная, что громадное большинство изъ нихъ не опирается ни на какіе документы, а основывается на простой давности этого чисто феодальнаго права, онъ предложилъ безвозмездное уничтоженіе лаудемій, за исключеніемъ тѣхъ, по отношенію къ которымъ «обязательство платежа можетъ быть доказано договоромъ объ уступкѣ участка, заключеннымъ между привилегированнымъ владѣльцемъ и лицомъ, несущимъ повинности». На почвѣ этой поправки произошелъ жаркій турниръ между Бухеромъ и докладчи-комъ законопроекта, пресловутымъ Пилетомъ. Въ засѣданіи 18-го октября Бухеръ защищалъ свою точку зрѣнія со всей страстью и энергіей революціонной логики: «Если вы примете поправку, то тѣмъ самымъ вы осудите принципъ давности, осудите историческое право. Тѣмъ самымъ вы заявите, что столѣтняя, что тысячелѣтняя несправедливость, если бы даже съ ней были связаны воспомина-нія цѣлаго міра, если бы даже за ней стояла сила всего міра, не имѣетъ значенія и одного короткаго часа передъ высшей, передъ побѣдительной справедливостью! (*Многократное bravo!*)» *).

Ему возражалъ черезъ день, на засѣданіи 20-го октября, Пилетъ. И его возраженія показывали прежде всего, что если буржуазія вставала противъ радикальной и безвозмездной отмены феодаль-ныхъ правъ, то именно потому, что боялась этимъ прецедентомъ нарушенія помѣщичьей собственности создать почву для нарушенія буржуазной собственности, тоже въ концѣ концовъ опирающейся не Богъ знаетъ на какіе «документы». Это опасеніе, которое такъ шло на руку бюрократически - феодальной реакціи, составляетъ лейтъ-мотивъ рѣчи Пилета: «Я думаю, что вообще опасно воско-дять всегда къ источнику происхожденія современныхъ отношеній собственности и владѣнія. Эти изслѣдованія имѣютъ высокое зна-ченіе для исторіи права, но съ точки зрѣнія законодателя они не столь важны, какъ то, повидимому, думаютъ. Ибо если бы мы хотѣли доводить наше изученіе до самаго источника возникновенія всякаго имущества, то мы нашли бы, что источникомъ всякой соб-ственности является несправедливость, является сила, вообще не основанное на правѣ владѣніе» *).

Эта обоюдоострая аргументація смутила, впрочемъ, собраніе, которое, не желая совсѣмъ отождествить себя съ феодалами, воти-ровало поправку Бухера, вотировало, правда, незначительнымъ боль-шинствомъ 178 противъ 160, при 1 воздержавшемся и 63 отсут-ствующихъ. Но тогда стратеги правой бросили подъ ноги собра-

*) «Stenogr. Berichte», III, стр. 1656.

**) Ibid., стр. 1703.

нію небольшой на первый взгляд камешекъ, на который парламентъ не обратилъ вниманія, но который скоро выросъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ цѣлую глыбу, въ грузное орудіе феодальной демагогіи въ странѣ и особенно въ деревняхъ. А именно, въ томъ же засѣданіи 20-го октября два члена правой фракціи, Тюсхаусъ и Геллертъ, которые только что вотировали противъ поправки Бухера, теперь, когда она была принята, внесли въ законопроектъ дальнѣйшую поправку, гласившую: «Въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи закона, должно уплачивать лаудеміи, послѣднія не должны превышать двухъ процентовъ 18-кратной суммы капитализированнаго чистаго дохода участка». Большинство вотировало эту поправку сейчасъ же, безъ всякаго голосованія, при крикахъ «браво».

Но на слѣдующій же день, 21-го октября, 40 членовъ правой, Тамнау, Гесслеръ и нѣсколько «фоновъ», фонъ-Ауерсвальдъ, фонъ-Энкевортъ, фонъ-Вангенхоймъ, и т. д., просили внести въ протоколъ прошлаго засѣданія, что они вотировали противъ поправки своихъ двухъ коллегъ, такъ какъ она «незаконнымъ, по нашему мнѣнію, образомъ врывается въ право договоровъ и тѣмъ самымъ подрываетъ основаніе всякаго права вообще». А черезъ нѣсколько минутъ собранію приходится выслушать чтеніе уже болѣе громкаго и торжественнаго протеста, подписаннаго наиболѣе выдающимися членами правой, которые «считаютъ долгомъ совѣсти предостеречь страну отъ опасности вчерашняго голосованія поправокъ Шульце-Делича и Бухера и Тюсхауса-Геллера со всѣми ихъ послѣдствіями... Они не могутъ допустить, чтобы права отгѣнялись только потому, что основываются на одной давности. Они считаютъ давность за главный столпъ (Hauptpfeiler) правового порядка въ государствѣ, противоположную же точку зрѣнія считаютъ въ высшей степени вредной именно для самаго крестьянства... Столь же мало они признаютъ за законодателямъ право понижать высоту лаудемій до 2%, когда самъ договоръ опредѣляетъ высшій процентъ» *).

Описанные маневры правой въ парламентѣ и выросшій изъ нихъ документъ послужили для феодальной реакціи отправнымъ пунктомъ соціальной демагогіи въ странѣ. Реакціонные стратеги указывали теперь буржуазіи и «крѣпкому» крестьянству на опасность, которая грозитъ зажиточнымъ слоямъ города и деревни отъ вота собранія. Если, молъ, теперь законодатель получаетъ право въ известной области имущественныхъ отношеній отвергать силу давности и произвольно понижать проценты, опредѣленные договорами, то кто же поручится, что это же нарушеніе собственности не будетъ перенесено и на другія сферы? Не говорилъ ли самъ представитель юридически образованной буржуазіи въ парламентѣ, что всякая собственность въ современномъ обществѣ можетъ быть сведена къ источнику «несправедливости» и «насилія»? А

*) Ibid., стр. 1722—1723.

сами крестьяне, не должны ли они бояться, что необеспеченные элементы деревни будутъ отнынѣ не церемониться съ уже регулируемой и выкупленной, уже округленной собственностью «упряжныхъ» крестьянъ, будутъ не считать для себя обязательной высоту процента, выговореннаго въ условіяхъ, заключаемыхъ ими съ зажиточными односельчанами?..

Такова была агитація, поднятая феодалами въ странѣ, въ то самое время, какъ собраніе умирало (начало ноября) подъ ударами государственнаго переворота, не окончивъ реформы аграрныхъ отношеній. Оно не имѣло духу, какъ французскія революціонныя собранія, вырвать сразу съ корнемъ ядовитое растеніе феодализма. Оно провело въ принципѣ законъ, прекращающій дѣйствіе еще неконченныхъ операцій порегулированію и выкупу. Но оно не успѣло окончательно выработать закона, ликвидирующаго отношенія между феодалами и крестьянами. При этомъ выработывавшійся ими законъ страдалъ всѣми недостатками половинчатой и сложной мѣры, представлявшей, благодаря безчисленнымъ поправкамъ, хаотическую чашу юридическихъ ограниченій и противоограниченій. Оно стало на почву серьезнаго компромисса съ привилегированнымъ владѣніемъ, признавъ, что есть такія, хотя и перешедшія отъ феодальной эпохи права, которыя крестьянинъ долженъ выкупить. Но оно въ то же время допустило оговорки и исключенія, то раздражавшія помѣщиковъ, то разочаровавшія крестьянъ. Побѣдителемъ изъ этой борьбы въ парламентѣ и странѣ выходила феодально-бюрократическая реакція, которая распускала собраніе въ моментъ крайней общественной и политической сумятицы, и распускала подъ предлогомъ, что парламентъ занимался не «дѣловыми законами», а «безплодными и раздражающими населеніе преніями», словомъ былъ неработоспособенъ.

Разбивъ первый, самый энергичный и самый общій, натиск буржуазіи, не умѣвшей да и не хотѣвшей опираться на народъ, режимъ бюрократически-феодальной монархіи вышелъ если не совсѣмъ, то на половину цѣлымъ изъ революціоннаго хаоса «сумасшедшаго года». Въ деревнѣ онъ пожертвовалъ тѣми правами помѣщика, которыя онъ не могъ больше спасти, но при этой окончательной ликвидаціи отношеній между феодаломъ и крестьяниномъ успѣлъ щедро вознаградить привилегированныхъ владѣльцевъ за такъ называемыя вещныя повинности» (Reallasten), якобы вытекающія не изъ личной зависимости крестьянъ, а изъ ихъ пользованія землей помѣщика. Ему пришлось отказаться отъ вотчинной юстиціи, отъ всякихъ мѣръ, ограничивающихъ передвиженіе непривилегированной собственности. Но за барщину, за десятину, за цѣлыя категоріи лаудемій онъ не стѣснялся тяжело облагать мужика, съ неподражаемой искренностью заявляя, что исключаетъ изъ выкупа тѣ права, «которыя доставляютъ владѣльцамъ трудно

усчитываемую въ деньгахъ выгоду» *). Онъ учреждалъ для облегченія этой операціи выкачиванія денегъ изъ кармана мужика въ карманъ барина, такъ называемые, «рентные банки». Онъ великодушно расширялъ теперь право выкупа не только на «упряжныхъ», но и на всякихъ крестьянъ, «огородниковъ», пѣшихъ и т. п.: жаль только, что ихъ къ тому времени почти не осталось. И онъ по прежнему не дѣлалъ ничего для улучшенія быта батраковъ.

Таковъ смыслъ двухъ законовъ 2-го марта 1850 г., которые торжествующая феодально-бюрократическая реакція провела черезъ двѣ смиренныя палаты, вызванныя къ жизни октроированной конституціей 5-го декабря 1848 г., позволивъ себѣ даже роскошь временнаго несогласія съ изувѣрствующимъ протестантизмомъ Фридриха-Вильгельма IV.

Было бы, можетъ быть, интересно провести параллели и указать на контрасты между феодальной реакціей въ Пруссіи и феодальной же реакціей въ Австріи. Но эта задача потребовала бы особаго этюда. Достаточно сказать, что если австрійскій абсолютизмъ, потрясенный революціей 1848 г., могъ снова взять силу надъ страной (или точнѣе говоря, странами), то только потому, что у него достало ума, распуская Учредительный Рейхстагъ, сохранить вотированный этимъ собраніемъ на засѣданіи 26-го іюля 1848 г. законъ о ликвидаціи ерѣвостничества и барщинныхъ отношеній, которыя,—какъ говоритъ Карлъ Грюнбергъ, одинъ изъ лучшихъ историковъ крестьянскаго освобожденія въ австрійскихъ земляхъ,—остались до этого времени «въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находились въ концѣ прошлаго столѣтія. Именно эта причина и сдѣлала вообще возможной революцію. Такъ какъ крестьянство должно было въ концѣ концовъ отказаться отъ надежды на осуществленіе своихъ законныхъ желаній абсолютнымъ правительствомъ, то оно, имѣвшее такое рѣшающее значеніе уже въ силу самой численности своей, и примкнуло къ революціонному движенію противъ существующаго строя. Только это одно и дало революціи точку опоры и сообщило ей энергію; только это одно и наложило на нее характерный отпечатокъ. Въ моментъ, когда столько вопросовъ ждало своего разрѣшенія, впередъ выдвинулся главнѣйшій изъ этихъ вопросовъ, который долженъ былъ бы уже давно быть разрѣшеннымъ: то былъ вопросъ о барщинѣ (Robotfrage), и благодаря ему революція 1848 г. получила свое исключительно социальное и аграрное содержаніе, тогда какъ политическое содержаніе отступило совершенно на задній планъ.. Но фактическое осуществленіе рѣшавшихъ вопросъ мѣръ выпало снова на долю абсо-

*) См. исторію подготовленія мантейффельскаго закона 1850 г. у Кнаппа: «Die Bauern-Befreiung», часть вторая, стр. 430.

лютизма. А съ проведеніемъ реформы революція исчерпалась и пришла къ концу, ибо поддержка со стороны крестьянства снова исчезла въ тотъ моментъ, когда оно сочло себя удовлетвореннымъ *)).

Такимъ образомъ, въ Австріи феодально-монархическая реакція могла выдержать натискъ революціи только потому, что подъ давленіемъ необходимости, забыла свое презрительное отношеніе къ мужику и постаралась исполнить аграрное завѣщаніе, оставленное ей убитымъ ею же народнымъ представительствомъ.

Факты и нѣкоторые частные выводы изъ нихъ, уже представленные въ этой статьѣ читателю, служатъ, какъ намъ кажется, достаточнымъ подтвержденіемъ общей мысли, легшей въ основаніе нашего изслѣдованія. Эта мысль та, что дворянская реакція неизбежно должна заниматься соціальной демагогіей въ деревнѣ, и что если ей удастся это, благодаря политической неразвитости крестьянства и отсутствію политической энергіи въ другихъ борящихся съ ней классахъ, то она торжествуетъ; а если нѣтъ, то она осуждена на фатальное уничтоженіе, какъ всякая отживающая историческая сила. Коренное рѣшеніе крестьянскаго вопроса служить поэтому лучшимъ противоядіемъ противъ соціальной демагогіи помѣщиковъ.

Н. Е. Кудринъ.

*) Karl Grünberg „Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich, bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien“; Лейпцигъ, 1894, часть первая, стр. 420—421.

РОКОВЫЯ СИЛЫ.

Романъ Густава афъ Гейерстама.

Переводъ А. Брумберга.

V.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня адвокатъ Оскаръ Стейнертъ сидѣлъ за завтракомъ. Робинъ былъ уже въ школѣ, а Эбба стояла еще въ передней, вся разгоряченная, румяная, въ весеннемъ пальто, которое она получила наканунѣ. Быстрыми, взволнованными шагами она зашла въ столовую, чтобы отецъ полюбовался ею.

Стейнертъ притворился, будто ничего не видитъ. Онъ сосредоточенно разбилъ скорлупу своего яйца, сосредоточенно намазалъ масло на хлѣбъ и подвизалъ себѣ салфетку.

— Иди — сказалъ онъ, не поднимая глазъ. — Ты опоздаешь въ школу,

— Развѣ тебѣ совсѣмъ не хочется посмотрѣть на меня? — возразила дѣвочка нетерпѣливо.

— Посмотрѣть? На что же мнѣ смотрѣть?

Стейнертъ вытаращилъ глаза.

— А, на тебѣ новое пальто! Я этого совсѣмъ не зналъ.

Дѣвочка громко разсмѣялась.

— Ты все время зналъ, — сказала она. — Ты только думаешь, что можешь надуть меня! Но ты этого не можешь.

Стейнертъ похвалилъ пальто, какъ того хотѣлось дѣвочкѣ, и думалъ, что она теперь уйдетъ.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ, измученнымъ, хотѣлъ быть одинъ, чтобы освободиться отъ того неестественнаго напряженія, которое онъ испытывалъ всякій разъ, когда ему приходилось шутить съ своими дѣтьми и быть веселымъ. Ни одна обязанность не была ему такъ тяжела. Но Эбба все не уходила, какъ бы желая сказать что-то, и взгляды ея стали серьезнымъ.

— Чего тебѣ? — спросилъ онъ, наконецъ, желая пойти навстрѣчу ребенку и возможно скорѣе окончить разговоръ.

— О комъ мама говорила сегодня ночью?—сказала дѣвочка.

Оскаръ Стейнертъ вадрогнулъ. Въ немъ все стало пусто, темно и холодно.

Но онъ принудилъ себя улыбнуться.

— Моей дѣточкѣ, вѣрно, приснилось! — сказалъ онъ и погладилъ ребенка по щекѣ.

Она вся заволновалась, кровь ударила ей въ лицо.

— Нѣтъ,—сказала она твердо,—я прекрасно знаю, что не спала. Дверь была приоткрыта, и я помню, что видѣла свѣтъ черезъ щель. Я слышала, что ты былъ у мамы, и что она боялась кого-то, кого она видѣла.

— Мама больна, ты вѣдь знаешь, — сказалъ онъ уклончиво, привлекая къ себѣ и лаская дѣвочку.—Не думай больше о томъ, что ты слышала. Мама скоро опять выдворѣтъ.

Дѣвочка стояла такъ, что отецъ не могъ видѣть ея лица. Она стала вдругъ серьезной и не по годамъ умной. Не отвѣчая на ласки отца, она стояла неподвижно, точно все ея нѣжное, маленькое тѣльце вдругъ застыло, и по ея дѣтскимъ чертамъ разлилось выраженіе горечи и упрямства.

— Я вѣдь слышала, что говорила мама, и что ты отвѣчалъ,—возразила она. — Отчего ты не хочешь помочь мнѣ, когда я сама не понимаю?

Адвокатъ отодвинулся отъ своей дочери и подперъ голову рукой. „Я ужъ не могу больше,—думалъ онъ.—Я не могу больше носить на себѣ всю эту тяжесть, не могу снести всего того, что вокругъ меня разлетается въ щепки, не могу о всѣхъ заботиться, на всѣхъ работать, работать, работать, чтобы трепетать всякій разъ передъ новой пропастью!“

Дѣвочка видѣла, что отецъ страдаетъ. Инстинктивно чувствуя, что его гнететъ, она нагнулась къ нему и сказала:

— Вѣдь это совсѣмъ не такъ страшно, если бы ты только хотѣлъ сказать, что это.

Оскаръ Стейнертъ растерянно посмотрѣлъ на нее. Неужели довѣриться ребенку? Онъ, который въ сущности не довѣрялся никогда ни одному человѣку? Возможность чего-нибудь подобнаго ему и въ голову не приходила. И онъ покраснѣлъ отъ того, что позволилъ дочери стать свидѣтельницей того волненія, которымъ полна была его душа. Онъ глубоко усталъ и чувствовалъ, что самообладаніе готово оставить его.

— Другой разъ,—сказалъ онъ съ трудомъ.—Теперь тебѣ нужно въ школу, а мнѣ въ судъ.

Не сказавъ больше ни слова, дѣвочка ушла. И Оскаръ Стейнертъ почувствовалъ, что онъ, помимо своей воли, оттолкнулъ отъ себя дочь.

Но у него не было времени думать объ этомъ. Его обурежала одна мысль. „Ребенокъ все знаетъ—думалъ онъ.—А подобныя вещи ребенку не подъ силу. Дѣти должны быть спасены—во что бы то ни стало!“

Ему казалось, что самое ужасное изъ всего обрушившагося на него было то, что дѣвочка знала обо всемъ. То, что его собственное счастье готово было разбиться и рушиться, казалось ему теперь почти ничтожнымъ въ сравненіи съ этимъ новымъ несчастьемъ, которое онъ предвидѣлъ, и которое фантазія рисовала ему въ увеличенныхъ размѣрахъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ дѣвочка расскажетъ все слышанное ею брату. Робинъ, нервный и не по годамъ развитой, будетъ потрясенъ еще гораздо больше сестры. Да вѣдь онъ и старше: ему будущей осенью четырнадцать минеть. Онъ, поэтому, больше пойметъ и больше будетъ страдать. Адвокатъ испытывалъ такое чувство, какъ будто вихрь грозилъ захватить, завертѣть и задушить его. Погруженный въ свои мысли, онъ не вставалъ изъ-за стола. На полу передъ нимъ играло солнце, въ окно глядѣло ясно-голубое небо. Изъ кухни доносился шумъ голосовъ.

— Кто тамъ можетъ быть?—думалъ онъ.—Никто не смотреть за домомъ, никто, кромѣ меня!

Въ спальнѣ все было тихо. Онъ зналъ, что жена его будетъ спать теперь до обѣда. Пойти къ ней онъ не рѣшался, да и не хотѣлось.

Онъ механически собралъ бумаги, написанныя ночью, и вышелъ изъ дому; механически надѣлъ перчатки, механически отвѣчалъ на поклоны прохожихъ. И все время мозгъ сверлила мысль, что надъ нимъ стряслось новое несчастье, и что онъ долженъ охранить своихъ дѣтей. — „Зачѣмъ я уходилъ вчера,—думалъ онъ.—Если бы я выспался, я былъ бы теперь не такъ утомленъ“. Но онъ прекрасно зналъ, зачѣмъ уходить. Его гналъ страхъ передъ собственнымъ домомъ, какъ часто и раньше. Если-бы онъ остался дома, онъ вѣдь заперся бы и безцѣльно и бессмысленно шагаль бы по своей комнатѣ, оттолкнувъ отъ себя все, подъ предлогомъ работы.

Адвокатъ дошелъ до своей конторы. Направляясь по боковому, извѣстному только посвященнымъ ходу въ свою приемную, онъ уже въ сѣняхъ видѣлъ, что комната для кліентовъ была полна посѣтителей. На столѣ передъ нимъ громоздилась масса газетъ и писемъ, въ которыхъ онъ началъ рыться. Онъ пажалъ кнопку электрическаго звонка и,

разсортировавъ письма, отдалъ большинство ихъ вошедшему слугѣ. Послѣдній передалъ ихъ письмоводителю, который сидѣлъ въ маленькой комнатѣ, окномъ выходящей во дворъ, и тайкомъ курилъ папироску. Одно только письмо адвокатъ оставилъ себѣ и неторопливо распечаталъ его. Оно было написано четкимъ женскимъ почеркомъ и гласило:

Стокгольмъ, 1 мая.

Милый Оскаръ!

Я тебя видѣла, но ты меня не замѣтилъ. Ты ходилъ съ учителемъ Гельмомъ и такъ былъ увлеченъ разговоромъ, что совершенно не смотрѣлъ по сторонамъ. Во всей твоей наружности было нѣчто такое странное, что ты съ тѣхъ поръ не выходишь изъ моей головы. Поэтому я еще сегодня вечеромъ пишу эти строки. Завтра ты бы могъ заглянуть ко мнѣ. Вѣдь съ тобой не случилось ничего особеннаго?

Твой другъ

Тора Льюнгъ.

Задумавшись, адвокатъ положилъ письмо въ карманъ. Одну минуту казалось, что отъ этихъ немногихъ словъ ему стало легче. Но это продолжалось не долго. Вгляды его опять омрачился, и грустное лицо его застыло.

Начался приемъ. Одни за другими слѣдовали мужчины и женщины. Вотъ входитъ помѣщикъ, изъ-за процесса прѣхавшій въ Стокгольмъ. Дѣло идетъ о какой-то торговой сдѣлкѣ съ Англійей, тянущейся уже очень долго, такъ какъ противная сторона отказывается принять товаръ и заинтересованные представители Англии и Швеции не могутъ придти къ соглашенію. За купцомъ слѣдуетъ женщина, желающая развестись съ мужемъ. Она входитъ вся возбужденная, шурша юбками, и въ теченіе получаса наполняетъ комнату своими жалобами, самымъ беззащитнымъ образомъ рассказывая невѣроятнѣйшія подробности, при чемъ перья на ея шляпѣ дрожать при каждомъ ея движеніи. Ее смѣняетъ спокойный господинъ въ поношенномъ сюртукѣ и съ горестнымъ лицомъ. Онъ—изобрѣтатель, къ сожалѣнію, ему не достаетъ средствъ, необходимыхъ для сооруженія модели, которая должна его сдѣлать миллионеромъ. Всѣ его движенія полны неописуемаго достоинства. Только глаза его горятъ непреоборимымъ желаніемъ борьбы и энергіей мономана, который ополчается на весь міръ за то, что тотъ своимъ непониманіемъ гения, своей жестокосердной критикой давить его къ землѣ, мѣшаетъ ему и ограничиваетъ его на каждомъ шагѣ.

Казалось, что всѣ несчастья, всѣ несчастные міра собрались въ этой комнатѣ съ ея большимъ американскимъ письменнымъ столомъ посерединѣ и съ прямыми кожаными

креслами вокругъ круглаго стола, на которомъ сверкала электрическая лампа на мѣдной подножкѣ.

Адвокатъ всѣхъ удовлетворяетъ, и ничто изъ всего слышаннаго имъ не нарушаетъ холодности его дѣлового тона и сдержанности его размѣренныхъ движеній. Все, что онъ слышитъ здѣсь, проникаетъ не далѣе его уха. Сердце его остается незатронутымъ. Онъ все время думаетъ лишь одно: „Къ чему, собственно, все это? Изъ-за чего, собственно, люди борются?“ Наполняющій его ужасъ передъ жизнью дѣлаетъ для него чуждыми страданія другихъ. Онъ кажется самому себѣ чуть ли не жертвой кошмара, въ которомъ онъ, несчастнѣйшій между несчастными, не будучи въ состояніи отвести бѣду отъ своего собственнаго дома, осужденъ на то, чтобы сидѣть сложа руки и чувствовать, какъ всякій прохожій снимаетъ тяжелое бремя съ своихъ плечъ, чтобы взвалить его на его плечи.

Вдругъ въ его глазахъ зажигаются искры. Какъ бы внезапно заинтересовавшись, онъ наклоняется надъ письменнымъ столомъ и говоритъ своему послѣднему посѣтителю:

— Какъ это случилось? Не можете ли вы повторить? Я сегодня нѣсколько разсѣянъ.

Клиентъ — хорошо одѣтый рабочій съ энергичнымъ интеллигентнымъ открытымъ, нѣсколько рѣзкимъ лицомъ. Онъ видимо удивленъ.

— Господинъ адвокатъ не слушалъ?—говоритъ онъ.

— Да, да, — возражаетъ Стейнертъ быстро. — Мнѣ хотѣлось бы только еще разъ услышать подробности.

Рабочій, какъ бы подчиняясь подобному требованію лишь потому, что не хочетъ повредить своему дѣлу, повторяетъ свой разсказъ съ начала:

— Я живу за городомъ у озера Гаммарбю, — говоритъ онъ, — или во всякомъ случаѣ неподалеку. Нѣсколько дней тому назадъ я и жена моя проснулись отъ стука въ окно. Было темно и дождливо, и жена умоляла меня не выходить: по улицѣ шляется столько бродягъ, и опасно выходить ночью.

— И она стояла за окномъ?

Адвокатъ вдругъ замѣтилъ, что всетаки слушалъ рабочаго, такъ какъ едва тотъ повторилъ, онъ сейчасъ же все вспомнилъ.

Рабочій посмотрѣлъ на него еще болѣе удивленный, чѣмъ прежде, однако, продолжалъ:

— Да... она стояла тамъ... и ребенка держала на рукахъ. Она сказала, что заблудилась, и просила пріютить ее на ночь. Такимъ образомъ она попала къ намъ. Кто она собственно и чего она хотѣла, она совсѣмъ не говорила, и мы

не считали возможнымъ разспрашивать ее. На слѣдующій день она ушла и передъ уходомъ просила насъ присмотрѣть за ребенкомъ. Моя жена такъ и сдѣлала, а вечеромъ она вернулась, сѣла съ своимъ ребенкомъ въ уголокъ и плакала. И ни слова. Грустно было смотрѣть на нее. И потому мы не могли потребовать отъ нея, чтобы она ушла. Такимъ образомъ, она осталась у насъ. Каждое утро она уходила и каждый вечеръ возвращалась. Мы думали, что она ищетъ работы. Позже мы подозрѣвали, что она ищетъ чего-то совсѣмъ другого! Мнѣ кажется, я знаю, кто отецъ этого ребенка. Какой-то подлець, который ее соблазнилъ и затѣмъ бросилъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Ну—потому что мои товарищи видѣли ее, а разъ я ее такъ видѣлъ. Она бѣгала по улицамъ и фабрикамъ. Повсюду просила работы. Но совершенно не выслушивала отвѣтовъ. Она хотѣла лишь пройти по мастерскимъ и заламъ. Она оглядывалась, словно кого-то выискивая, и уходила, не дожидаясь отвѣта.

— Откуда вы все это знаете?

— Я разспрашивалъ. Вчера она пришла раньше обыкновеннаго, много разъ благодарила меня и мою жену и сказала, что хочетъ уйти отъ насъ. Ну—коротко и ясно—она ушла—и скоро затѣмъ ее вытащили изъ озера. Она жила еще, но ребенокъ ужъ былъ мертвъ. Она хотѣла покончить сразу съ собою и съ ребенкомъ.

Рабочій съ минуту помолчалъ. Потомъ сказалъ задумчиво,—и голосъ его звучалъ такъ, будто онъ говорилъ не одному, а многимъ слушателямъ:

— Говорять, ее обвинять въ убійствѣ. Неужели это возможно?

— Вполнѣ возможно,—отвѣтилъ Стейнертъ.—Знаете ли вы, гдѣ она провела вчерашній день?

— Я знаю только, что ее видѣли въ рабочемъ шествіи.

Адвокатъ вспомнилъ женщину, видѣнную имъ у трупа застрѣливагося рабочаго. Ея образъ онъ невольно приводитъ въ связь съ только что слышаннымъ. Ему кажется, что теперь у него имѣется уже объясненіе того выраженія ея лица, о которомъ они вчера спорили съ Йельмомъ. Можетъ быть, это случилось какъ разъ тогда, когда они о ней говорили.

Онъ одну минуту медлитъ и, наконецъ, говоритъ:

— Не знаете ли... живъ отецъ ребенка?

— Живъ ли?—отвѣчаетъ рабочій смущенно.—Да... онъ навѣрное живъ. Дѣло лишь въ томъ, захочетъ ли она назвать его или нѣтъ. Не думаю, чтобы она это сдѣлала. Мо-

жетъ онъ ей слишкомъ дорогъ, она не захочетъ повредить ему. Это бываетъ.

— Вотъ какъ, однако! Значитъ,—думаетъ адвокатъ,—она стояла у трупа человѣка, о которомъ она знала лишь, что онъ ея братъ по бѣдности. И это во много разъ увеличало ея отчаяніе. Или, можетъ, она все ходила и думала объ этомъ. И, стоя передъ совершившимся фактомъ, она, быть можетъ подумала: „Что же, вѣдь это не тяжелье?“. И послѣдовала его примѣру. А я?—думалъ онъ дальше. Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы не выдать себя передъ человѣкомъ, который ничего не знаетъ о немъ. Адвокату вдругъ кажется жестокой комедіей, что онъ долженъ сидѣть и говорить о томъ, что ему такъ чуждо, такъ далеко. Но онъ овладѣваетъ собою и спрашиваетъ:

— Гдѣ теперь эта женщина?

— У меня.—Она слишкомъ больна, чтобы можно было отправить ее изъ дома. Когда она окрѣпнетъ немного, дѣло перейдетъ въ руки полиціи.

— А чего собственно вы хотите отъ меня?

— Мы думали, господинъ адвокатъ навѣрное заступится за нее и защититъ ее противъ обвиненія въ убійствѣ.

— Кто это „мы“?

Онъ сказалъ это хрипло и жестко. Рабочій замѣтилъ это. Не понимая причины, онъ отвѣтилъ просто:

— Мы всѣ, которые говорили объ этомъ дѣлѣ.

Это маленькое слово „мы“, произнесенное рабочимъ, произвело удивительное дѣйствіе: оно попало въ больное мѣсто адвоката. Не разъ онъ наталкивался на это слово. Онъ встрѣчалъ его вездѣ, куда ни повернется. Это словечко „мы“, сказанное въ поддержку какого-нибудь взгляда или стремленія, стало для него клеймомъ рабства, сковывающимъ умы и затягивающимъ свободныхъ людей въ горячечную рубашку партій. Это словечко „мы“ когда-то отрѣзало его отъ другихъ, сдѣлало его одинокимъ, каковымъ онъ себя чувствовалъ и былъ теперь на самомъ дѣлѣ. Это странное слово, дѣлающее человѣка сильнымъ или слабымъ, смотря по тому, какъ оно употребляется, стало для него краснымъ плащомъ, при видѣ котораго кровь его каждый разъ неизмѣнно вспыхивала. Онъ съ раздраженіемъ посматрѣлъ на рабочаго, глаза котораго съ выраженіемъ силы и съ горячимъ вопросомъ были обращены на него. Въ эту минуту онъ былъ такъ нечувствителенъ ко всему, кромѣ того что касалось его лично; что стоявшій передъ нимъ человѣкъ казался ужъ ему не братомъ, чья рука ищетъ его руки, а кредиторомъ, пришедшимъ къ нему съ жестокими и не-

справедливыми требованіями. „Не теперь!—думалъ онъ—Не теперь! Какъ этотъ человѣкъ не понимаетъ, что я попросту не могу!“ Онъ закусилъ зубы, чтобы заглушить боль, грозившую взять въ немъ верхъ, наклонился къ человѣку, сидѣвшему у письменнаго стола, и рѣзко сказалъ:

— Вы думаете, что я могу измѣнить шведскіе законы? Законъ говоритъ: кто умышленно лишилъ человѣка жизни, тотъ совершилъ убійство. Что, думаете вы, могу тутъ сдѣлать я?

— Мы думали, г. адвокатъ могъ бы помочь намъ сыскать смягчающія вину обстоятельства и такъ поставить дѣло, чтобы женщина была спасена.

Оскаръ Стейнертъ отвѣтилъ:

— Если бы мнѣ сказали, что законъ долженъ быть исправленъ въ томъ смыслѣ, чтобы подобные случаи не подходили подъ него, вы были бы вполнѣ правы. Безъ всякаго сомнѣнія. То, что вы мнѣ рассказали, вопіюще. Вы слышите, я повторяю: вопіюще. Женщина эта будетъ осуждена за убійство. Пойдетъ въ смирительный домъ. И все-жъ таки она только несчастная, которую общество обдѣлило. Въ настоящее время ужъ не модно говорить о винѣ общества. Но въ данномъ случаѣ она все-таки существуетъ. И самое скверное при этомъ то, что я ничѣмъ не могу помочь. Намъ нечего надѣяться, что законъ будетъ измѣненъ. А безъ этого никто ничего не можетъ сдѣлать.

Лицо рабочаго омрачилось. Онъ опять вспомнилъ про пропасть между классами, и въ немъ проснулась гордость, питаемая тысячелѣтіями взаимнаго недоверія и отчужденности.

— Значить, я долженъ сообщить женщинѣ, что ей никто не можетъ помочь?—сказалъ онъ.—И моимъ товарищамъ также?—прибавилъ онъ съ горечью.

Оскаръ Стейнертъ продолжалъ сидѣть неподвижно, точно слова эти и не были произнесены. У него было неясное ощущеніе, будто кто-то нанесъ ему глубокую рану, которая когда-нибудь, впослѣдствіи, когда онъ опомнится отъ перваго оглушенія, начнетъ жечь его. Но онъ не въ силахъ былъ защитить себя отъ нападенія, заключавшагося въ этихъ словахъ. Словно ничего не слыша, онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ спокойно. Все глубже проникалъ въ него ядъ словъ рабочаго. Но что же все это, наконецъ? Какое ему дѣло до сидящаго тутъ человѣка? Что *ему* до женщины, о которой говорить этотъ человѣкъ? Какое ему вообще дѣло до чужихъ людей, до ихъ счастья и горя? Развѣ надъ нимъ не тяготѣло несчастье, гораздо болѣе тяжелое? Мало ему горя изъ-за двухъ дѣтей, которыхъ никто не хочетъ по-

мочь ему спасти? Онъ ужъ совершенно не замѣчалъ, какъ его собственная судьба въ такой степени овладѣла всей его личностью, что она уноситъ съ собою и судьбы другихъ, топчетъ ихъ, ступаетъ по нимъ и разбиваетъ ихъ такъ, какъ только можетъ человѣческая судьба разбивать чужія судьбы, лишь только волны жизни высоко поднимаются навстрѣчу другъ другу. А если даже онъ и замѣчалъ, то это было для него настолько безразлично, что скользило мимо него. Оскаръ Стейнертъ былъ ожесточенъ, и всетаки въ этотъ моментъ что-то внутри говорило ему, что стоитъ ему только смягчиться, протянуть руку людямъ, стряхнуть копоть, покрывавшую его душу и изолировавшую его,—и онъ былъ бы спасенъ. Онъ былъ въ страшномъ волненіи. Ему хотѣлось вскочить, схватить рабочаго за горло, трясти его, кричать ему въ самое ухо: „Я такой же человѣкъ, что и ты! Мнѣ самому достаточно тяжело! Какъ ты смѣешь придти къ другому и сказать ему: „Помоги мнѣ!“ Есть ли хоть одно живое существо, которое въ состояніи хотя бы самому себѣ помочь?“

Напрягая свои послѣднія силы, свой инстинктъ самосохраненія и способность владѣть собою, которая, въ случаѣ необходимости, дѣлаетъ возбужденныхъ людей совершенно холодными, онъ сказалъ:

— Я не могу взяться за безнадежное дѣло.

Рабочій всталъ. Что онъ пришелъ въ неудачный моментъ, этого онъ, конечно, не понялъ. Онъ чувствовалъ лишь холодъ, вѣявшій на него отъ словъ и всей фигуры адвоката. И его озлобляла мысль, что бѣднякъ всегда неправъ.

— Товарищи и я съ удовольствіемъ готовы вознаграждать г-на адвоката,—сказалъ онъ сухо.

Стейнертъ вдрогнулъ точно отъ удара.

— Кто говорить о гонорарѣ?—крикнулъ онъ внѣ себя.— Я развѣ изъ тѣхъ, которые требуютъ вознагражденія за благодѣянія? Идите себѣ, любезный, и оставьте меня въ покоѣ!

Рабочій все еще владѣлъ собою. Онъ отвѣтилъ спокойно:

— Я требую не благодѣяній, а справедливости. И ея я также не хотѣлъ безъ денегъ.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Адвокатъ остался одинъ. Онъ чувствуетъ, что его охватываетъ ознобъ. Онъ знаетъ, что онъ совершилъ дурной поступокъ. Но это не мѣшаетъ ему принять новыхъ клиентовъ. Когда онъ остается совершенно одинъ, къ нему возвращается нѣкоторое равновѣсіе, конечно, лишь кажущееся;—спокойствіе, дающее ему возможность говорить, дѣ-

лать, думать, не выдавая себя. Сдѣланное имъ утромъ открытіе не даетъ ему покоя. Все время его преслѣдуетъ страхъ, что въ его отсутствіи дома можетъ случиться нѣчто такое, что разрушить всё его старанія. Онъ выходитъ на улицу, садится на дрожки и ѣдетъ домой. Подъ мышкой онъ держитъ портфель съ бумагами.

Оскаръ Стейнертъ знаетъ, что теперь его дѣти дома завтракаютъ. Почти безшумно открываетъ онъ дверь въ корридоръ, быстро проходитъ кабинетъ и заходитъ въ столовую. Робинъ сидитъ еще за столомъ. Эбба стоитъ воалѣ него, положивъ одну ногу на стулъ и подперевъ голову [рукой. Длинная коса свисаетъ по ея спинѣ.

Адвокатъ внимательно оглядываетъ лица дѣтей.

— Ты вернулся ужъ домой, папа?—говоритъ Робинъ и встаетъ, чтобы поздороваться съ нимъ.

— Я кое-что забылъ,—отвѣтилъ адвокатъ.—О чемъ вы говорили?

— Ни о чемъ,—поспѣшила отвѣтить Эбба.

Робинъ посмотрѣлъ на него удивленно. Онъ не понимаетъ тревожнаго состоянія отца. Сестра еще ничего не рассказала ему. Но Эбба понимаетъ. Быстрымъ инстинктомъ дѣвочки она смутно догадывается, что внезапное возвращеніе отца находится въ какой-то связи съ ихъ разговоромъ поутру. Она краснѣетъ и отворачивается.

— Мама еще спитъ?—спрашиваетъ адвокатъ.

— Да,—отвѣчаетъ Робинъ.—Сестра Эмма только что была здѣсь.

Не говоря больше ни слова, отецъ киваетъ имъ головой и уходитъ. Сидя опять на дрожкахъ, онъ чувствуетъ, какъ безцѣльно было его посѣщеніе. Ничего онъ не знаетъ и не узнаетъ. Что должно произойти, всетаки произойдетъ. Ничего онъ не можетъ измѣнить въ томъ, чего боится и что предвидитъ.

Когда дѣти опять остаются одни, сестра рассказываетъ брату, что она видѣла и слышала. Виногато въ этомъ посѣщеніе отца. Робинъ прислушивается, спрашиваетъ, лицо его совершенно блѣдно, и, когда сестра кончаетъ, глаза его полны слезъ. Они обмѣниваются обѣщаніями: все, что они знаютъ и довѣряютъ другъ другу, останется между ними. Никто не долженъ узнать объ этомъ. Даже папа—онъ менѣе чѣмъ кто-либо.

VI.

Тора Льюнгъ жила на узкой Иоанновской улицѣ, проходящей мимо кладбища того же названія. Если войти въ комнаты изъ передней, гдѣ горитъ газовый рожокъ, можно подумать, что во всей квартирѣ царитъ мракъ: въ столовой темно, въ спальнѣ также, въ гостиной—полумракъ. Только въ задней комнатѣ горитъ большая лампа, стоящая на старомъ кругломъ столѣ краснаго дерева, съ кривыми ножками, манерно изгибающимися на толстомъ красномъ коврѣ. Занавѣсы здѣсь подняты, несмотря на горящую въ комнатѣ лампу. Съ крутой возвышенности, на которой стоитъ домъ, открывается далекій видъ на Гумельскій лѣсъ, на Кристинавегъ, на весь Стокгольмъ, который тянется позади.

Квартира, достаточно обширная для одинокой дамы, свидѣтельствуешь о благосостояніи и любви къ старинѣ. Въ столовой разставлена тяжелая, потемнѣвшая отъ времени дубовая мебель. Гостиная почти пуста: въ ней стоитъ лишь большой столъ краснаго дерева, прямой диванъ и разставленные вдоль стѣнъ стулья стиля емпіе, оставляющіе свободное мѣсто для великолѣпнаго смирнскаго ковра, лежащаго теперь въ полутьмѣ. У задней стѣны стоитъ рояль. Въ той комнатѣ, гдѣ теперь свѣтло, во всемъ чувствуется тепло—въ краскахъ, въ матеріяхъ, въ количествѣ и формѣ диванныхъ подушекъ; оно струится также изъ огня, горящаго въ изразцовой печкѣ. Въ большомъ креслѣ сидитъ Оскаръ Стейнертъ. Странно видѣть, какое свѣтлое спокойствіе царитъ на его лицѣ, обыкновенно мрачномъ и возбужденномъ, а еще чаще равнодушномъ и ничего не выражающемъ.

— Какое облегченіе побыть у тебя!—говоритъ онъ вдругъ.

Тора Льюнгъ двигается по комнатѣ быстро и оживленно. Она необыкновенно стройна, и лишь заострившіяся черты ея лица выдаютъ ея возрастъ. У нея особенная манера улыбаться—не губами только, а всѣмъ лицомъ, которое обладаетъ способностью разомъ просіять, иалучать свѣтъ и тепло. Она сама не чувствуетъ того, какъ сильно этимъ отличается отъ другихъ. Она прекрасно знаетъ все внутреннее и внѣшнее я Стейнерта. Что-то вродѣ инстинкта подсказываетъ ей, что этотъ человекъ со своими властными, угловатыми манерами есть въ сущности мягкій мечтатель, который ведетъ жизненную борьбу, скрывъ лицо подъ забраломъ. Наклоняясь къ нему, она отвѣчаетъ:

— Ты хочешь сказать, тебѣ нечего насиловать себя?

— Да, именно!—говорить онъ довольный и закрываетъ глаза.

Долго сидитъ онъ такъ. Онъ самъ удивляется тому, что все, недавно казавшееся ему неопреодолимо тяжелымъ, вдругъ утратило такъ много интенсивности. Онъ чувствуетъ себя такимъ свободнымъ, словно его ужь не можетъ постигнуть никакое зло, такимъ сильнымъ, словно бремя, которое ему приходится тащить, перестало быть тяжелымъ. Это происходитъ отъ того, что ему здѣсь никогда не нужно объясняться, ему нечего бояться, что его слова поймутъ не такъ, какъ онъ хотѣлъ бы.

— Ахъ,—говоритъ онъ съ улыбкой,—ужасно тяжело быть постоянно окруженнымъ чужими людьми.

Отъ его друга не ускользаетъ признаніе, кроющееся въ этихъ простыхъ, откровенно сказанныхъ словахъ. Не разъ ужь Стейнертъ говорилъ съ нею о своей женѣ, но никогда онъ не произносилъ ея имени и вообще не вдавался въ подробности о своемъ бракѣ. Ихъ взаимное пониманіе настолько развилось, что намеки и полувывсказанные взгляды имѣли для нихъ такую же силу, какъ длинныя признанія и страннѣйшія объясненія. У Стейнерта вообще не было потребности говорить о томъ, что его угнетало. Да и безъ словъ, одно лишь присутствіе друга помогало ему прогнать все то, что его обыкновенно терзало и мучило. Въ ея обществѣ онъ становился тѣмъ, чѣмъ онъ обыкновенно не бывалъ — цѣльнымъ человѣкомъ. И хотя онъ зналъ, что это чувство пройдетъ, лишь только онъ выйдетъ изъ заколдованнаго круга ея комнаты, онъ все же былъ ему радъ. Наконецъ, онъ обратился къ ней съ почти веселой улыбкой:

— Какъ собственно случилось, что мы стали друзьями?

— Это произошло постепенно, какъ всегда происходитъ и должно происходить все подобное,—послышался отвѣтъ.

Она на минуту замолкаетъ. И свободно, съ улыбкой, словно говоря нѣчто само собою понятное, прибавляетъ:

— Впрочемъ, это произошло потому, что я поняла этотъ особенный, тебѣ свойственный видъ одиночества, а ты отчасти понималъ мой. Не такъ ли?

— Должно быть,—отвѣтилъ Стейнертъ.

Весь разговоръ производилъ впечатлѣніе, будто каждый изъ нихъ ждалъ, чтобы другой нарушилъ молчаніе. Стейнертъ привыкъ въ этой комнатѣ отдыхать, попросту отдыхать и говорить очень мало. И мысль, что все же придется говорить, претила ему. Такъ благотворно дѣйствовало на него одно ужь молчаніе.

Онъ, однако, поднимается, наконецъ, и подходитъ къ своему другу. Порывистымъ движеніемъ онъ охватываетъ

ея голову и цѣлуетъ ея волосы. Затѣмъ онъ быстро отвѣрачивается, словно устыдившись своей мягкости. Тора замѣчаетъ по его глазамъ, которые вдругъ затуманились, что онъ ваволнованъ, но не хочетъ этого показать.

— Кажется, я не ошиблась,—я тебя видѣла вчера?—начинаетъ она, желая выручить его.—Что случилось?

Стейнертъ весь выпрямился. Теперь лицо его ужъ не спокойно. Онъ сначала ничего не отвѣчаетъ на ея вопросъ. Кажется, будто онъ смотритъ на нѣчто совсѣмъ другое, болѣе глубокое, чѣмъ его собственная маленькая судьба, которая, чувствуетъ онъ, близится къ своему концу. Глаза Торы слѣдятъ за нимъ, пока онъ говоритъ, и она безъ его объясненія понимаетъ, что слова, которыя онъ теперь говоритъ, давно уже жгутъ его душу. Но она чувствуетъ также, что, не случись съ нимъ чего-нибудь такого, чего онъ не можетъ или не хочетъ высказать, слова эти никогда не были бы произнесены. Она понимаетъ, что онъ ищетъ темы для разговора, чтобы на минуту забыться. И, кромѣ того, она знаетъ, что Оскаръ Стейнертъ принадлежитъ къ тѣмъ, интенсивно живущимъ натурамъ, чья личная жизнь сплетается съ судьбами другихъ въ одно ужасное цѣлое, отъ котораго они не могутъ уйти.

— Помнишь ли ты еще,—сказаль онъ,—какъ я къ тебѣ пришелъ въ первый разъ? Ты меня пригласила къ себѣ, и я стоялъ тутъ у окна. Былъ весенній вечеръ, какъ и теперь, и я впервые увидѣлъ съ высоты эту часть Стокгольма, которая такъ измѣнилась съ тѣхъ поръ. Такъ много людей здѣсь было тогда. Да, я говорю именно то, что думаю. Здѣсь были люди, много людей. Я видалъ ихъ при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Я сидѣлъ въ ихъ кругу, пожималъ имъ руки, прислушивался къ ихъ словамъ и говорилъ самъ такъ, какъ я теперь говорю лишь съ тобою. Тогда я могъ еще говорить со всѣми, и, что столь же важно, другіе могли говорить со мною. Никто не сомнѣвался въ доброй волѣ другого. У всѣхъ была одна вѣра, одна надежда, одна любовь. Мы держались другъ друга, но безъ расчетовъ; мы поддерживали другъ друга, но не дѣлали изъ этого ничего великаго; мы радовались своимъ успѣхамъ, чувствовали свои пораженія... Мы и критиковали другъ друга... Но безъ алорадства и высокомерія.

Теперь же все это будто исчезло, или заросло чѣмъ-то темнымъ, тяжелымъ, мрачнымъ, словно всему, что мы любили когда-то, не хватаетъ воздуха! Что за силы дѣйствовали тутъ? А мы, мы топчемъ здѣсь все то, что наросло, и земля стала пустой и мертвой!

Февраль. Отдѣлъ I.

10

— Но изъ того, что теперь намъ кажется мертвымъ, когда нибудь расцвѣтетъ будущность.

Стейнертъ перестаетъ шагать по комнатѣ. Онъ прислушивается къ словамъ, которыя, въ устахъ другого, вызвали бы въ немъ варывъ его сатиры, духа противорѣчія, прислушивается къ нимъ потому, что они вышли изъ устъ его друга, прислушивается, точно ждетъ, что они тотчасъ же, на его глазахъ претворятся въ дѣйствительность.

— Ахъ да, — говоритъ онъ. — Кто въ это вѣруеть, тотъ можетъ жить. Но гдѣ вѣра? Гдѣ надежда? А любовь? Скажи откровенно: на что ты надѣнешься? Во что ты вѣришь? Что ты любишь, я знаю. Не то я бы тебя не спрашивалъ.

Тора Льюнгъ опускаетъ голову. Лицо ея въ тѣни. Теперь она ужъ не кажется молодой.

— Я живу одиноко, — говоритъ она. — Но по временамъ я все таки вижу людей. Въ обществѣ я говорю не много и больше прислушиваюсь къ тому, что говорятъ другіе. Есть тутъ всего нѣсколько семействъ, куда я захожу часто. У меня также есть люди, — и ихъ больше, чѣмъ ты думаешь, — которые привязываютъ меня къ жизни. Ты потому такъ глубоко все это чувствуешь, что ты изолированъ. Тебѣ нечего оправдываться предо мною. Я знаю, какимъ образомъ ты сталъ такимъ. Но я хочу сказать тебѣ то, что думаю: и кромѣ тебя есть много людей, — съ сердцемъ, полнымъ печали, — которые чувствуютъ, что на нихъ опустилось что-то темное тяжелое, что-то такое, что въ нашей странѣ, быть можетъ, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отдѣляетъ людей другъ отъ друга. Я ничего не могу дѣлать, ты это знаешь. Писать я не умѣю, проповѣдывать и подавно. Одно лишь я могу: стараться сохранить свое сердце молодымъ и — ждать, ждать, пока наступятъ лучшіе дни.

— А если они никогда не придутъ?

Стейнертъ продолжалъ шагать по комнатѣ. Но онъ ступалъ тихо, словно поглощая каждое слово. Его другъ возразилъ:

— Тогда я попытаюсь увѣровать, что ихъ увидятъ тѣ, которые придутъ послѣ насъ когда-нибудь.

Промолчавъ минуту, она продолжала говорить, все время глядя на Стейнерта, который стоялъ теперь у окна и глядѣлъ въ сумерки весенняго вечера.

— Ты думаешь, что ты единственный, который чувствуетъ себя такимъ одинокимъ? Вѣрь ты мнѣ, въ нашей странѣ сотни мужчинъ и женщинъ страдаютъ отъ того же чувства. У однихъ эти страданія проявляются въ видѣ слишкомъ сильной интеллектуальной горячности, другіе впадаютъ въ апатію, третьи поѣдаютъ себя самоненавистничествомъ, чет-

верные ищут забвенія въ развратѣ и пьянствѣ, пятыя, наконецъ, находятъ убѣжище въ насмѣшкѣ и ироніи. И у всѣхъ ихъ есть одно общее: они чувствуютъ себя одинокими. Это становится замѣтнымъ, едва присмотришься къ нимъ поближе. И среди тѣхъ, которые чувствуютъ это одиночество глубже и болѣзненнѣе всѣхъ, можно найти и такихъ, которые замкнулись въ себѣ и работаютъ и —ждутъ. Они то кладутъ фундаментъ для новой Швеціи, которая когда-нибудь придетъ, когда минетъ день одиночества.

— Новая Швеція? Что это за слово?

Въ голосѣ Оскара Стейнерта звучала рѣзкость, почти ненависть. Но Тора Льюнгъ улыбнулась ему печально, хотя и вполне доврчиво.

— Не обманывай самого себя, — сказала она. — Меня ты не обманешь. Я вѣдь видѣла тебя и знаю, какъ все это сдѣлалось. Я знаю, что ты думаешь объ этомъ гораздо больше, чѣмъ я. Новая Швеція! То, о чемъ никто теперь не говорить, но что когда-нибудь будетъ у всѣхъ на устахъ и — что еще важнѣе — у всѣхъ въ сердцахъ, — молодо и живо.

— Было нѣкогда что-то такое, что называлось „молодой Швеціей“, — возразилъ онъ. — Если не ошибаюсь, это было браннымъ словомъ.

— Мы вѣдь еще не такъ стары, — замѣтила она.

— Ты счастливица, если можешь вѣрить во все это.

Стейнертъ остановился. Слова его звучали глухо:

— Когда-то я тоже внималъ этимъ словамъ, но это пѣніе сирены является теперь моимъ адомъ. Мое несчастье въ томъ, что у меня прекрасная память. Я думаю о мужчинахъ, которые были растоптаны, о женщинахъ, которыя погибли. Знаю я и такихъ, которые какимъ-то чудомъ спаслись. Тѣ, которые пережили нѣчто подобное, продолжаютъ жить. А вокругъ именъ покойниковъ все затихло. Живые мертвецы могучѣй тѣхъ, которые должны были умереть, потому что ихъ духъ живѣе духа погибшихъ. Когда я оглядываюсь назадъ на свою жизнь, мнѣ, Тора, кажется, что я вижу однѣ лишь могилы. Я пришелъ сюда, полный силъ и молодости, я страстно стремился сюда, потому что въ университетѣ мнѣ было слишкомъ тѣсно. Радостной молодости я почти не зналъ. Я явился сюда съ мыслью, что жизнь, собственно говоря, достаточно горька, и самое лучшее, что меня ожидаетъ, это работа. Тогда я былъ такимъ же, какъ ты теперь. Я ждалъ. Ты меня знаешь, Тора. Ты знаешь, — то, что я говорю, правда. Мой отецъ только что умеръ тогда. Моя мать была обезпечена. И я отправился путешествовать. Я странствовалъ, возвращался домой, и каждый разъ вокругъ меня становилось все пустыннѣе. Когда я вернулся въ послѣдній разъ, я привезъ

съ собой свою жену. Мы нашли другъ друга въ великомъ городѣ на Сенѣ, гдѣ волны жизни поднимаются такъ высоко, гдѣ каждый день пробуждаетъ насъ къ новой радости. Мы шли рядомъ, какъ два одинокихъ человѣка, нашедшихъ другъ друга, и даже не предчувствовали тогда, что со временемъ можетъ наступить день, когда мы пожалѣемъ о нашей встрѣчѣ. Болѣзнь моей жены была тогда гдѣ-то глубоко скрыта. Жизнь несла насъ такъ легко, будни съ ихъ тоскливой тяготой лежали такъ глубоко подъ нами. Мы были такъ счастливы, такъ несказанно счастливы. Я помню, намъ казалось тогда, что лица всѣхъ свѣтились, глядя на насъ. И вотъ однажды насъ охватила тоска по родинѣ и мы поѣхали домой. Я привелъ ее къ тебѣ... сюда... въ эту комнату. Помнишь ли ты еще этотъ вечеръ? Никогда еще не было во мнѣ такой тишины, такого покоя, какъ тогда. Никогда еще я не былъ такъ далекъ отъ всякой тревоги всякой суеты, всякой раздвоенности. И все таки, когда я пріѣхалъ, я чувствовалъ, что ужъ слишкомъ поздно. Тѣ нѣсколько лѣтъ, которыя обѣщали столь великое, кончились. Я оказался бѣднякомъ, растратившимъ свое наслѣдство на чужой сторонѣ; тогдашнее положеніе мое заставляло меня открыть контору—пожертвовать своими мечтами. И я открылъ свою контору: вѣдь мнѣ нужно было жить. Говорять, что мнѣ везло, мнѣ все удавалось. Но отъ всего того, на что я нѣкогда надѣялся и къ чему стремился, не осталось ничего. И когда ты говоришь, что, несмотря на все это, должно ждать и надѣяться, я чувствую нѣчто вродѣ надѣвательства, хотя эти слова исходятъ изъ твоихъ устъ. На что мнѣ надѣяться? Я вѣдь связанъ по рукамъ и ногамъ. Право, когда я тогда вернулся, я казался себѣ какимъ-то заблудившимся, словно оставилъ отечество, великій прекрасный міръ, въ которомъ я чувствовалъ себя своимъ, и попалъ къ чужимъ, которые такъ же мало понимали меня, какъ я ихъ. Все это ты вѣдь знаешь. Зачѣмъ я тебѣ говорю все это?

Тора Льюнгъ поднялась. Она стояла передъ нимъ стройная и гибкая и глядѣла въ лицо, глаза котораго избѣгали ея глазъ.

— *Такъ ты думаешь въ свои мрачные часы,*—сказала она тихо.—Но это не такъ. Ты думаешь, народъ нашъ мертвъ. Но я говорю тебѣ, онъ живъ. Одну зиму за другой проводишь ты въ столицѣ и совершенно не встрѣчаешься съ людьми: вѣдь твоихъ собутыльниковъ и тѣхъ, съ которыми ты сталкиваешься по дѣлу, считать не приходится. Все ты видишь въ мрачномъ свѣтѣ, ты и всѣ наши лучшіе люди, и почему? Потому, что ты усталъ отъ базарнаго крика, и потому, что базарный крикъ такъ назойливъ и оглушите-

лень. Оглянись—и ты увидишь, что такое Швеція. Наша наука, наше искусство, наша литература! Неужели народъ, создающій все это, вырождается? Я, почти старуха, которой не знаетъ никто, кромѣ тебя и нѣсколькихъ знакомыхъ,—я говорю тебѣ,—клянусь, Швеція, о которой ты мечталъ, существуетъ. Но ты этого не умѣешь видѣть!

Щеки ея горѣли, и убѣжденность, съ которой она говорила, была такъ сильна, что Стейнертъ не въ силахъ былъ противорѣчить ей. Она прибавила:

— Должно лишь кое-что случиться, чтобы ты и всѣ вы увидѣли то, что вижу я!

— А оно случится?—спросилъ онъ съ сомнѣніемъ.

— Этого никто не знаетъ заранѣе.

Оскаръ Стейнертъ молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Остается только желать, чтобы это произошло скорѣе, Не то я—и многіе со мною—станемъ слишкомъ стары для твоей новой Швеціи.

— Этого не будетъ. Оставь мнѣ мою вѣру! — возразила Тора и протянула ему руку.

Стейнертъ взялъ ее. И, держа въ своей рукѣ эту дружескую, теплую руку, которую онъ такъ часто, въ радости и печали, пожималъ, онъ вдругъ сталъ мягокъ, какъ ребенокъ. То чувство, которое мѣшало ему говорить о себѣ, начало таять. Оно еще владѣло имъ, онъ еще пытался насиловать свою волю, чтобы она не поддавалась...

— Зачѣмъ мы говоримъ обо всемъ этомъ?—сказалъ онъ.— Какая мнѣ польза, если то, на что ты надѣнешься, даже придетъ? Я вѣдь буду стоять внѣ всего этого, у меня ужъ нѣтъ силы, нужной для того, чтобы сойтись съ другими.

Онъ выпустилъ ея руки и отвернулся.

— Ахъ! я этого не выдержу больше!—воскликнулъ онъ.— Тебѣ кажется, что я сижу здѣсь и разговариваю съ тобой. Но это ошибка. Я далекъ отсюда. Передъ твоими глазами одна лишь оболочка, отраженіе, схема, маріонетка. Я могу говорить и думать, но это лишь притворство. Когда я одинъ, я становлюсь безсильнымъ, какъ трупъ. Я не раздѣляю твоихъ интересовъ—что мнѣ до нихъ? Волненія, которыя я на твоихъ глазахъ переживаю, имѣютъ совершенно иной источникъ, нежели ты предполагаешь. Все, что было для меня велико — друзья, отечество, будущность и свобода—стали мертвыми словами, которыя я говорю лишь потому, что ихъ отъ меня требуютъ другіе, потому что ты, сама того не зная, желаешь, чтобы я таковымъ казался. Чтобы не стыдиться тебя, я слѣдую за тобой, слышу, какъ мои уста говорятъ твои собственныя мысли. Но ничто изъ всего

этого ужъ не трогаетъ меня, ничто, кромѣ моей собственной несчастной жизни, которая перестала ужъ быть жизнью.

Оскаръ Стейнертъ опустился на стоявшій передъ нимъ стулъ, и голова его упала на его мягкія, сильныя руки.

Тора Льюнгъ поблѣднѣла. Страданіе, которое она теперь видѣла передъ собой, было изъ тѣхъ, къ которымъ она почти не осмѣливалась подойти.

— Что же это? — сказала она. — Не можешь ты сказать мнѣ?

Стейнертъ сидѣлъ неподвижно. Тихій, безмолвный, онъ не мѣнялъ своей позы, словно спалъ.

Вся затаенная материнская теплота этой сильной женщины, которая была осуждена на одиночество въ ту пору, когда всѣ стремленія женщины достигаютъ наибольшей силы, проснулась въ Торѣ передъ лицомъ этого страданія, о причинѣ котораго она догадывалась, не зная размѣровъ его. Тихо сѣла она возлѣ него. Не говоря ни слова, она положила свою руку на плечо Стейнерта. Боясь, однако, помѣшать ему, она потомъ хотѣла снять ее. Задрожавъ, точно отъ испуга, онъ взялъ ея руку и сжалъ.

Тора Льюнгъ силѣла неподвижно. Глаза ея расширились, словно она хотѣла проникнуть въ мракъ, чтобъ найти дорогу къ этой страждущей душѣ. Она казалась матерью, страдающей болью своего ребенка и не осмѣливающейся просить его довѣриться ей.

Она сидѣла въ безмолвномъ ожиданіи, и, наконецъ, спустя довольно продолжительное время онъ понялъ ее. Въ овладѣвшемъ имъ глухомъ страданіи понялъ онъ, что долженъ теперь говорить — долженъ ради себя и ради нея, которая въ этотъ часъ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, стала его другомъ. Отрывочно рассказалъ онъ ей о своей жизни и жизни жены, признался, что до сихъ поръ былъ лишь на половину откровененъ, избѣгалъ говорить, скрывалъ; рассказалъ, какъ онъ работалъ только для того, чтобы спастись; какъ онъ весь опутанъ, и какъ отчаянно его положеніе.

— Я думалъ, что смогу, по крайней мѣрѣ, спасти дѣтей, — кончилъ онъ. — Теперь они уже все знаютъ. Спрашивать ихъ я не могу. Да и не нужно это. Вѣдь я знаю. Напрасно все, что я дѣлалъ. Безполезными, безцѣльными оказались страданія всѣхъ этихъ лѣтъ. Понимаешь — все это шло періодически... Что у нея вообще существуетъ этотъ больной пунктъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, я замѣтилъ впервые лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣ инфлюэнцы. Ты помнишь, жена моя была тогда больна?

— Да, знаю.

— Я сказалъ, что она больна. Тогда это былъ первый разъ...

Стейнертъ замолчалъ съ невыразимо страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ. Но какъ будто слова доставляли ему облегченіе, будто касаться самаго жуткаго являлось для него утѣшеніемъ, онъ продолжалъ оживлять это жуткое словами, возможно болѣе сильными.

— Вѣрь мнѣ, Тора, я сдѣлалъ все: никто не знаетъ, что мнѣ пришлось продѣлать, гораздо больше того, что могло вообще дойти до тебя, больше того, что я могу тебѣ сказать. Больше даже того, что я самъ могу помнить. Припадки все усиливаются. Цѣлыми часами просиживалъ я у ея кровати и говорилъ, чтобы успокоить ее. Цѣлыя ночи я бодрствовалъ, чтобы помѣшать ей покончить съ собой или совершить одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ поступковъ, которые могли бы ее скомпрометировать передъ другими. На рукахъ своихъ отнесъ я ее отъ окна, въ которое она хотѣла броситься. Я среди ночи боролся съ ней, чтобы не дать ей убѣжать, Богъ вѣсть, зачѣмъ и куда. Все время ея страданія были ужасны. Притомъ любовь ея къ намъ была въ это время сильнѣе, чѣмъ въ дни здоровья.—И знаешь, отъ чего она больше всего страдаетъ? Отъ того, что она для меня и для дѣтей не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она хотѣла бы быть. А между тѣмъ, ни одинъ человѣкъ не былъ для меня и для дѣтей тѣмъ, чѣмъ была она. Казалось, когда она выздоравливала, сила и нѣжность ея удваивались. Часто наполняла она нашъ домъ такимъ счастьемъ, которое заставляло меня все, все позабыть и вселяло въ меня наивную вѣру, будто теперь все прошло, какъ кошмаръ, который никогда не повторится!

Самое страшное то, что она всегда, видимо, предчувствуетъ, когда у нея начинается болѣзнь. Въ концѣ концовъ это, вѣрно, вполне естественно. По всей вѣроятности, это всегда такъ бываетъ... въ подобныхъ случаяхъ. Но это ожиданіе... это знаніе заранѣе... вотъ, вотъ приходитъ опять... усиливается... и усиливается... На колѣняхъ лежала она однажды передо мною и умоляла меня:—„Чтобы ни случилось, какой бы я ни стала, не отсылай меня отъ себя, не отдавай меня чужимъ людямъ!“ Что я могъ дѣлать? Я принужденъ былъ обѣщать ей это. И я знаю, нарушь я свое обѣщаніе, я бы никогда не простилъ себѣ этого.

Тора Льюнгъ наклоняется впередъ и говоритъ:

— Такъ именно это ты и думаешь сдѣлать теперь?

— Не знаю...

Отвѣтъ звучалъ, точно крикъ ужаса.

— Разъ дѣло идетъ о дѣтяхъ, я долженъ это сдѣлать!

Проходитъ часъ за часомъ. Два человѣка сидятъ другъ возлѣ друга въ тихой комнатѣ, не замѣчая, какъ время

уходить. Они ужъ больше не говорятъ. Отдѣльныя слова, короткія фразы слетаютъ съ устъ этихъ людей, ставшихъ другъ другу такъ странно близкими съ тѣхъ поръ, какъ они все знаютъ другъ о другѣ.

Когда Оскаръ Стейнертъ поднимается, наконецъ, чтобы уйти, Тора Льюнгъ беретъ его руку и говорить:

— Если я тебѣ нужна буду, дай мнѣ знать, я обѣщаю прійти.

— Спасибо!—говоритъ онъ. Потомъ выходитъ.

Внизу на улицѣ онъ думаетъ еще о смыслѣ этихъ словъ, которыя онъ отъ усталости не понялъ. Вокругъ него весенній снѣгъ падаетъ большими мокрыми хлопьями, которые таутъ на мостовой.

VII.

Майское солнце свѣтило на холмахъ южнаго предмѣстья, гдѣ зазеленѣли уже кусты сирени и деревья; сверкало на крышахъ темныхъ громадъ домовъ, скучившихся между мостами; отражалось въ волнахъ воды, тянувшейся вдоль набережной и плескавшейся у бортовъ готовыхъ къ лѣтнимъ путешествіямъ пароходовъ; скользило, наконецъ, по водоворотамъ позади килы парохода, отправлявшагося въ шхеры, который, выпуская клубы дыма, оставлялъ за собой городъ и выходилъ въ широкую даль воды.

Было воскресное утро. Группы мужчинъ и женщинъ стояли на палубѣ и смотрѣли на мелькавшіе мимо нихъ берега, которые ужъ покрывались весеннею зеленью. На всемъ суднѣ царили воскресное настроеніе и деревенская веселость. Всѣ тѣ люди, которые еще вчера торопливо и серьезно пробѣгали на улицѣ одинъ мимо другого, смотрѣли теперь совершенно другими. Глаза горѣли, уста болтали веселый вздоръ. Незнакомые обмѣнивались оживленными взглядами, веселыми окриками, любовными словами. Мужчины и женщины, приближаясь другъ къ другу, имѣли совсѣмъ другія лица, улыбались, затѣмъ отходили другъ отъ друга и молчаливо наслаждались видомъ бухты, тянувшихся передъ ними и постоянно мѣнявшихся, воды, становившейся все прозрачнѣе, еловыхъ лѣсовъ, темнѣвшихъ надъ водой, и чайекъ, которыя, кружась, слѣдовали за судномъ, ныряли и опять вылетали, ловя хлѣбныя крошки, бросаемыя подвижными дѣтскими ручками въ пѣнившуюся за килемъ воду.

На капитанскомъ мостикѣ стоялъ Оке Йельмъ. Преподаватель былъ сегодня совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Чело-

вѣкъ чистаго воздуха, дитя полей, взявшее въ немъ верхъ, когда онъ влюбился въ фру Лизе—натуру, совершенно чуждую его собственной—опять проснулось въ немъ и вытѣснило учителя. Въ своей шапкѣ съ прямымъ козырькомъ и спортивной курткѣ съ роговыми пуговицами онъ выглядѣлъ настоящимъ капитаномъ. Онъ былъ въ томъ своеобразно торжественномъ и счастливомъ настроеніи, которое всегда охватывало его, когда онъ весною въ первый разъ выѣзжалъ въ свой маленькій домикъ, въ которомъ вмѣстѣ съ женой проводилъ каждое лѣто съ тѣхъ поръ какъ женился. Этотъ красивый домикъ, съ бѣлыми окнами и дверьми былъ для него тѣмъ пріютомъ, котораго онъ не находилъ въ городѣ. Въ его крови жила потребность въ постоянномъ жильѣ, и ему совершенно непонятно было, какъ можно именно лѣтомъ, когда природа такъ нѣжна и влечетъ все живое въ свое лоно, какъ можно въ это время скитаться и мѣнять свое мѣстопробываніе. „Нужно имѣть домъ“, говорилъ онъ бывало: „постоянный пунктъ на землѣ, куда всегда возвращаешься,—домъ, а не квартиру“.

И, облокотившись на перила капитанскаго мостика, онъ смотрѣлъ на виды, памятные ему съ юности, и въ немъ проснулись старыя воспоминанія. Когда ему и фру Лизе пришлось въ первый разъ искать дачи, онъ отправился однажды на томъ же пароходѣ, который и теперь совершалъ свой обычный путь между шхерами, и сталъ неудачу искать мѣста, куда онъ могъ бы скрыться со столь неожиданно выпавшимъ на его долю счастьемъ. Когда судно достигло Кульма, онъ сошелъ на сушу. Въ карманѣ у него былъ цѣлый списокъ адресовъ. Но едва завидѣвъ первый домикъ, носившій названіе „хутора“, онъ вдругъ рѣшилъ, что ничего лучшаго онъ не найдетъ. Все время думая о Лизе, онъ долго ходилъ вокругъ этого домика и подробно осмотрѣлъ все, прежде чѣмъ рѣшился войти въ него, чтобъ спросить о цѣнѣ и другихъ условіяхъ. Ему казалось, что этотъ маленький домикъ съ верандой на море и съ берегами въ саду есть именно то мѣсто, о которомъ онъ всегда мечталъ. Дорога къ бухтѣ была тѣниста и узка, а сейчасъ за садикомъ начинался еловый лѣсъ. „Свѣтъ и темнота попеременно, совершенно такъ, какъ въ жизни“, думалъ онъ. Вошедши же въ комнаты съ еловой мебелью, низкими потолками и бѣлыми гардинами, онъ тотчасъ же почувствовалъ себя, какъ дома. Онъ снялъ „хуторъ“, и въ первый разъ переѣхалъ туда въ срединѣ лѣта вечеромъ, когда спускалось солнце, свистѣли зяблики и громко куковала кукушка въ лѣсу. Онъ ввелъ Лизе въ новый домъ и спросилъ ее, какъ ей кажется: будетъ ли она себя чувство-

вать адѣсь хорошо? И Лизе, которая по голосу мужа чувствовала, что онъ счастливъ, залилась слезами радости. Это лѣто протекло такъ же тихо и спокойно, какъ и вся его жизнь.

Съ тѣхъ поръ хуторъ оставался за ними. Каждое лѣто возвращались они въ привѣтливый домикъ надъ берегами. Это лѣто было уже одиннадцатое. Учителю стало грустно на душѣ, когда онъ подумалъ объ этомъ. Все, что здѣсь было явилось мало-по-малу. Ему казалось, что онъ лучше всего могъ бы рассказать все то, что произошло за эти годы, если бъ онъ припомнилъ всѣ эти лѣта и все, что медленно и постепенно измѣнялось кругомъ, благодаря ему и его женѣ. Онъ пользовался своими каникулами, какъ истый учитель, и то, чѣмъ онъ владѣлъ на своей дачѣ, было ему гораздо дороже, чѣмъ вся его городская квартира. И, думая объ этомъ, онъ радовался. Вотъ рыбацкій челнъ, хорошо сохранившійся подъ кучей хворосту. Удочки висятъ на своихъ крючкахъ въ сторожкѣ, уда для угрей хранится въ ящикѣ подъ крышей. Бочки и ведра, садовые стулья и гамаки, новый парусъ для разъ навсегда нанятаго челна,—все это на своемъ мѣстѣ, сохраняется отъ одного лѣта до другого и ждетъ его возвращенія. Самой послѣдней новинкой была стеклянная веранда, которую онъ построилъ, рѣшивъ, что можетъ позволить себѣ эту роскошь, о которой они съ женой мечтали многіе годы. „Я верандовладѣлецъ“, шутилъ онъ, бывало: „домовладѣльцемъ же не буду никогда“.

Противъ обыкновенія сегодня на капитанскомъ мостикѣ стояли лишь Иельмъ и Фольке. Когда дѣвушка утромъ пришла ихъ будить, фру Лизе чувствовала себя не совсѣмъ хорошо, что вначалѣ чуть не разстроило радостное настроеніе Иельма на цѣлый день. Нашъ учитель былъ нѣсколько сентименталенъ. Ему хотѣлось, чтобы праздникъ, который такъ красиво рисовался въ его воображеніи, прошелъ безъ всякаго диссонанса. Но ради другихъ онъ подавилъ свое безпокойство, надѣясь, что когда фру Лизе отдохнетъ въ своей каютѣ, солнечное сіяніе къ нимъ вернется. Этотъ день былъ семейнымъ праздникомъ, почти такимъ же важнымъ, какъ Рождество или день рожденія. Осматривать дачу было совершенно излишне: она была въ полномъ порядкѣ, и Вестербергъ былъ надежнымъ другомъ, на котораго, разъ заручившись его расположеніемъ, можно было вполне положиться. Если бы даже никто не пріѣхалъ, садъ былъ бы осмотрѣнъ, парусная лодка и домъ были бы къ лѣту почищены и приведены въ порядокъ. Но въ составъ программы входило нѣсколько воскресныхъ часовъ на дачѣ: предстояло, какъ бы въ предвкушеніи лѣта, посидѣть спокойно на берегу, послушать свистокъ парохода и не прыгать при

этомъ внизъ, чтобы поднять флагъ. Въ семьѣ это воскресенье называлось встрѣчей весны, и Оке Йельмъ дорожилъ имъ почти больше, чѣмъ Фольке, который стоялъ возлѣ отца на капитанскомъ мостикѣ, осматривая все кругомъ и удѣляя свое вниманіе, то мелькавшимъ берегамъ, то рулевому, однообразно вращавшему большое колесо.

Не двигаясь съ мѣста, учитель стоялъ погруженный въ свои мечты и, ничуть не отрываясь отъ нихъ, отвѣчалъ на вопросы и восклицанія Фольке. Въ душѣ его говорили воспоминанія, и онъ радовался, что всѣ мѣста, мимо которыхъ они проѣзжали, были ему столь знакомы. Какъ все это было красиво въ весеннее утро! Какъ богато, какъ полно! „И все жъ, думалъ Йельмъ, я этимъ ужъ не такъ наслаждаюсь, какъ прежде. Когда я еще былъ молодъ, я воспринималъ все, что видѣлъ, гораздо глубже. Моя способность все впитывать въ себя была гораздо интенсивнѣе. Я попросту былъ моложе. Въ этомъ все. Старѣешь. Я уже пережилъ лучшее, что дарить жизнь. Въ мои годы начинаешь незамѣтно отходить въ сторону — на покой“. Но, словно эта мысль содержала въ себѣ несправедливость по отношенію къ дорогимъ ему людямъ или неблагодарность по отношенію къ тому, что даровала ему жизнь, онъ попытался отогнать ее. „Лучшее, чего я требовалъ отъ жизни, она мнѣ все-же дала. Не такъ, какъ я желалъ, но, быть можетъ, даже лучше. Я не одинокъ. Бремя, которое для меня стало бы, можетъ быть, слишкомъ тяжелымъ, мнѣ помогала нести она“. Его мысли съ теплотой перенеслись на его жену, и, какъ всегда, когда онъ думалъ о ней, его охватило какое-то неопредѣленное чувство виновности.

Онъ повелъ Фольке въ столовую и, кое-какъ пробравшись къ столу среди толпы завтракавшихъ, подаль ему меню, чтобы онъ самъ выбралъ себѣ блюда. Фольке былъ въ восторженномъ настроеніи. Онъ болталъ и смѣялся безъ перерыва, не громко, потому что кругомъ было столько чужихъ людей; но зато гѣмъ сердечнѣе: отецъ былъ вѣдь сегодня въ „сельскомъ“ настроеніи! Дрессировка, которой онъ такъ часто мучилъ мальчика, улетучилась сама собой. Если мальчикъ дѣлалъ какую-нибудь глупость, отецъ притворялся, что не замѣчаетъ. И это чувство свободы доставляло Фольке невыразимое счастье. Папа былъ веселъ, потому что онъ былъ веселъ. Это было такъ хорошо, потому что случалось рѣдко. Никогда они не чувствовали себя такъ свободно, какъ тогда, когда они бывали одни въ эти свѣтлые весенніе дни. Фольке зналъ это прекрасно. Ошибался лишь Йельмъ: онъ былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что онъ

для своего сына дѣлаетъ все возможное, и что у Фольке нѣтъ ничего такого, что могло бы омрачать его жизнь.

Послѣ завтрака онъ опять вышелъ на палубу и обрадовался тому, что они уже среди шхеръ, гдѣ деревья болѣе голы, и воздухъ болѣе свѣжъ и прохладенъ.

Далеко по обѣимъ сторонамъ парохода простиралась вода, высоко въ воздухъ кричали чайки.

Учитель далъ Фольке полную свободу наслаждаться, какъ ему вздумается. Самъ же сѣлъ на среднюю скамейку подъ навѣсомъ и закурилъ сигару. Медленно и осторожно докуривая ее, онъ забавлялся тѣмъ, что наблюдать окружавшихъ людей, и радовался, что и они, подобно ему, имѣютъ возможность убѣжать изъ города, чтобы отдохнуть отъ культурной жизни. Выкуривъ сигару, онъ посмотрѣлъ на часы и нашель, что пора. Веселый, словно въ ожиданіи новаго удовольствія, онъ спустился внизъ, вошелъ въ одну изъ каютъ и молча сталъ смотрѣть на жену, которая спала и не слышала, какъ онъ входилъ. Когда онъ разбудилъ ее, она почти недружелюбно сказала:

— Зачѣмъ ты разбудилъ меня? Я спала такъ крѣпко.

Но учитель этимъ не смутился.

— Тебѣ же нужно позавтракать!—возразилъ онъ спокойно:— а то потомъ поздно будетъ.

Фру Лизе была далеко не въ томъ настроеніи, что мужъ ея. Оттого что ее разбудили, голова у нея была тяжелая; кромѣ того, ее раздражало, что въ угоду мужу ей пришлось преодолѣть свое нерасположеніе къ этой поѣздкѣ. Но Оке Іельмъ не давалъ разстроить себя. Онъ подождалъ, пока жена была готова, повелъ ее въ столовую, заказалъ завтракъ и радовался ея аппетиту, какъ радовался всему тому, что попадалось ему на глаза. Спокойнымъ, тихимъ голосомъ рассказывалъ онъ ей, какъ прекрасенъ сегодняшний день, какъ его мысли возвращались къ ихъ первой поѣздкѣ, какъ каждая слѣдующая поѣздка казалась ему все прекраснѣе и богаче. Каждый разъ прибавлялся новый годъ, годъ, такъ счастливо прожитый другъ съ другомъ.

Фру Лизе, мало-по-малу смягчилась. Она ужъ забыла, что между ними пробѣжала черная кошка, и черезъ столъ подала мужу руку, которую тотъ сердечно пожалъ. Въ немъ при этомъ промелькнуло такое чувство, будто онъ побѣдилъ ея сопротивленіе.

Когда они вышли на берегъ, онъ сказалъ:

— Смотрите, дѣти, Вестербергъ поднялъ флагъ!

Эти слова Оке Іельмъ повторялъ каждый разъ всѣ эти десять лѣтъ. И Вестербергъ, который зналъ своихъ жильцовъ, никогда не пропускалъ случая тѣмъ или другимъ

способомъ выказать имъ свое расположеніе. Они заново окрасили ему домъ, развели садъ, обработали для этого новую полосу земли, построили ему стеклянную веранду. Онъ поэтому любилъ своихъ жильцовъ и каждый разъ принималъ ихъ, словно красное солнышко.

Теперь онъ стоялъ у пристани и привѣтствовалъ ихъ. Обвѣтренное, загорѣлое бородатое лицо его улыбалось подъ густыми съ просѣдью волосами.

— Гдѣ же ваша старуха? — спросилъ учитель, поздоровавшись.—Она вѣдь не больна?

Вестербергъ кашлянулъ, бросилъ взглядъ на пароходъ, который съ шумомъ и сопѣніемъ только что отошелъ отъ пристани, и отвѣтилъ:

— Она весной померла.

Учитель весь заволновался.

— И вы намъ объ этомъ не писали?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ. — Вѣдь это ничего не измѣнило бы. И я думалъ, что еще успѣю самъ рассказать вамъ.

Молча поднималась малочисленная компанія по дорожкѣ къ домику. Вестербергъ рассказывалъ о болѣзни своей жены, какъ долго она продолжалась, и какая она была тяжелая.

— За врачомъ вы не послали?—спросила фру Лизе.

— Мы объ этомъ думали. Но моя старуха все говорила, что лучше подождать. И вотъ однажды, возвращаясь домой, я замѣтилъ, что изъ трубы не поднимается дыма. Я понялъ, что что-нибудь случилось, и пошелъ тише. А, когда я вошелъ въ комнату, она лежала въ кровати мертвая.

Фольке шелъ молча рядомъ съ отцомъ. При этихъ словахъ старика онъ схватилъ руку отца и широко раскрытыми глазами посмотрѣлъ на маленькій домикъ, гдѣ это произошло. Когда Вестербергъ, не желая дольше мѣшать господамъ, пошелъ къ себѣ, мальчикъ обратился къ отцу со словами:

— Подумай! Она умерла совѣмъ одна!

Объ этомъ онъ, вѣрно, думалъ все время.

Фру Лизе подошла къ мальчику и поцѣловала его въ щеку, что случилось рѣдко.*

Учитель почувствовалъ себя счастливымъ, какъ всегда, когда его жена ласкала Фольке.

— Старики обыкновенно умираютъ легко, — сказалъ онъ.

Они обошли свою дачу, убѣдились, что молодья плодовые деревца хорошо перенесли зиму, что изъ земли показались уже гиацинты и подснежники, и что живая изгородь изъ елокъ вокругъ сада подросла съ тѣхъ поръ, какъ они ее не видали. Вокругъ веранды потянулся уже дикій виноградъ,

и розовый кустъ передъ окномъ освободился отъ своего покрова изъ мха и хвороста. Потомъ они спустились къ купальнямъ, гдѣ качалась парусная лодка. Всѣ трое вошли въ нее, учитель поднялъ паруса, и они отчалили. Они пересѣкали узкій проливъ по разнымъ направлѣніямъ. Когда онъ сталъ шире, и началась открытая бухта, лодка поплыла съ высоко воздувшимися парусами. Когда они, наконецъ, повернули и направились къ берегу, Фольке взялъ руль, а учитель усѣлся воелѣ своей жены.

Онъ опытъ сталъ говорить о томъ, что его занимало все утро. Онъ говорилъ тихо, и жена отвѣчала ему также тихо. Фольке весь былъ увлеченъ тѣмъ, что на него возложили отвѣтственную роль рулевого. Разговоръ обоихъ супруговъ имѣлъ довѣрчивый, теплый тонъ, какъ бесѣда людей, которые вдругъ стали очень близки другъ къ другу и забыли, что вообще что-нибудь можетъ нарушить гармонію, существующую въ данный моментъ между ними.

— Какъ легко становится здѣсь все! — сказалъ учитель

— Да, — отвѣтила она. — Если бъ намъ никогда не нужно было жить въ другомъ мѣстѣ!

— И зимою, когда снѣгъ и ледъ?

Учитель весело усмѣхнулся.

— Такъ что за бѣда?

Бухта мерцала голубая подъ солнечными лучами. Съ шумомъ ударялись волны о борты лодки.

Вдругъ фру Лизе сказала такъ же, какъ прежде Фольке

— Подумай— умереть совсѣмъ одной.

— Ты говоришь о стаухѣ?

— Да. И мы это должны были услышать какъ разъ сегодня.

— Что ты хочешь сказать?

— Странно какъ-то лѣтомъ все время думать о томъ, что зимою она тутъ умерла она.

Учитель улыбнулся.

— Ты думаешь, что на землѣ есть еще такое мѣсто, гдѣ никто не умираетъ? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Но я знаю, что здѣсь, въ уединеніи я все время буду думать объ этомъ.

— А вѣдь только что ты все-таки хотѣла жить здѣсь постоянно? Даже зимою, когда кругомъ снѣгъ и ледъ?

Учитель улыбнулся нѣсколько иронически. Но, какъ бы опасаясь, что огорчилъ жену, онъ продолжалъ:

— Знаешь, почему ты думаешь теперь о смерти?

— Нѣтъ.

— Объ этомъ думаешь обыкновенно тогда, когда бываешь счастливъ,

Быстрымъ движеніемъ фру Лизе сняла съ себя свою круглую дорожную шляпу и, придвинувшись къ мужу, прижалась къ нему и положила голову на его плечо. Она сидѣла такъ молча до тѣхъ поръ, пока лодка повернула, и Фольке вскочилъ, чтобы багромъ предупредить ударъ о береговые камни. И сидя такъ, она думала о томъ, почему жизнь не можетъ быть всегда такъ проста и такъ легка какъ въ солнечный майскій день, когда вѣтеръ играетъ парусами.

Черезъ нѣсколько часовъ супруги вмѣстѣ съ Фольке опять стояли на дорожкѣ внизу, гдѣ развѣвался маленькій бѣлый флагъ, давая знакъ пароходу причалить къ берегу. И Вестербергъ былъ адѣсь, желая попрощаться съ ними, а когда пароходъ отбѣхалъ, старикъ сталъ махать шапкой. Подернутые сѣдиной волосы блестѣли на заходящемъ солнцѣ. И опять фру Лизе охватила мысль о старикѣ, потерявшемъ свою жену, съ которой онъ прожилъ почти весь свой вѣкъ. Она обратилась къ мужу и сказала тихо, чтобы стояшіе кругомъ люди не разслышали:

— Ты видишь, какой онъ тамъ стоитъ одинокій?

Учитель кивнулъ головой. Онъ почувствовалъ холодъ возможной разлуки, который вѣетъ отъ сознанія близости смерти.

— Можетъ быть, въ душѣ своей онъ совершенно доволенъ этимъ одиночествомъ.

— О!—сказала фру Лизе.—Какъ можно говорить нѣчто подобное!

— Да,—возразилъ учитель печально,—никогда нельзя знать.

Фру Лизе задумалась. Какъ часто, когда Гельмъ говорилъ что-нибудь непонятное для нея, она думала: „Можетъ быть, онъ внутренно не удовлетворенъ мною? Не жаждетъ ли онъ въ сердцѣ своемъ быть одинъ?“ Она робко посмотрѣла на своего мужа. Профиль его выдѣлялся въ воздухѣ. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собою, и, казалось, совершенно забылъ, что она сидитъ возлѣ него.

Тутъ онъ повернулся къ ней и замѣтилъ выраженіе ея лица. Инстинктивно онъ понялъ, о чемъ она думаетъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что и на его лицо набѣжала тѣнь. Онъ быстро отвелъ глаза, чтобы она этого не замѣтила. „Постоянно подозреваетъ!“ подумалъ онъ. „Даже сегодня она счастлива не вполнѣ!“

Но объ этомъ онъ не могъ говорить теперь. Онъ боялся какъ бы не началась одна изъ ихъ длинныхъ, безконечныхъ размолвокъ и не омрачила бы радость этого дня. Поэтому онъ заставилъ себя улыбнуться, и это ему удалось. Словно

появъ его, фру Лизе отвѣтила ему также улыбкой, улыбкой робкой, печальной, благодарной, въ которой дрожала какъ бы покорность судьбѣ, доступная лишь немногимъ.

Такъ подѣхали они къ городу. Берега стали темнѣть, потому что солнце зашло, и снова освѣтились лишь тогда, когда кругомъ засверкали тысячи и тысячи огней Стокгольма. Повсюду свистѣли и шумѣли возвращавшіеся пароходы, набережныя кипѣли народомъ, и, когда они вышли на берегъ, ихъ ошеломилъ специфическій запахъ города, сегодня показавшійся имъ граздо болѣе тяжелымъ и сильнымъ, чѣмъ всегда.

Молча пошли они по Дроттигской улицѣ къ большому угловатому, казарменнаго вида дому, въ которомъ они жили окруженные чужими имъ людьми.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исторія моего современника.

„Н о в ы е“ *).

Кажется, я былъ въ пятомъ классѣ, когда у насъ появились „новые“ молодые учителя, проходившіе курсъ гимназій въ попечительство Пирогова и только что вышедшіе изъ университета.

Теперь впечатлѣнія отъ этихъ „новыхъ“ вспоминаются мнѣ, точно прилетъ щебечущихъ воробышковъ. Однимъ изъ первыхъ появился Владиміръ Васильевичъ Игнатовичъ-Завилейскій, учитель химіи. Это былъ молодой человекъ, только что окончившій университетъ, съ чуть замѣтными усиками, маленькаго роста, съ пухлыми розовыми щеками, въ золотыхъ очкахъ. На насъ онъ прежде всего произвелъ впечатлѣніе своей молодостью: у насъ были ученики, выглядѣвшіе старше своего учителя. Кромѣ того, онъ говорилъ тонкимъ голосомъ, въ которомъ какъ будто еще сохранились дѣтскія нотки. Въ классѣ онъ нѣсколько робѣлъ, и нѣжное лицо его часто заливалъ застѣнчивый румянецъ. Обращался онъ съ нами вѣжливо, преподавалъ старательно, заданное спрашивалъ рѣдко, къ отмѣткамъ выказывалъ пренебреженіе, уроки объяснялъ, какъ профессоръ читаетъ лекцію; помню, что мнѣ все время хотѣлось, чтобы онъ взялъ нотой ниже, и чтобы голосъ его сталъ нѣсколько тверже...

Первымъ результатомъ его системы было то, что классъ почти пересталъ учиться. Вторымъ, что ему порой начали слегка грубить. Бѣдный юноша, приступавшій къ намъ съ самыми идеальными ожиданіями, платился за общую систему, которая вносила грубость и цинизмъ. Впрочемъ, это было недолго. Однажды, когда классъ шумѣлъ, и Завилейскій напрасно надрывалъ свой нѣжный голосокъ, одному изъ насъ показалось, будто онъ назвалъ насъ стадомъ барановъ. Другіе учителя очень часто называли насъ стадомъ бара-

*) Последній очеркъ этой серіи былъ напечатанъ въ январѣ 1907 г. Февраль. Отдѣлъ I.

новъ, а порой и хуже. Но то были другіе. Они были привычно грубы, а мы привычно покорны. Завилейскій самъ сразу приохотилъ насъ къ другому обращенію и производилъ впечатлѣніе слабого. Одинъ изъ учениковъ, Заруцкій, очень хорошій въ сущности малый, но легко поддававшійся настроеніямъ, всталъ среди шумѣвшаго класса.

— Господинъ учитель,—сказалъ онъ громко, весь красный и дерзкій.—Вы, кажется, сказали, что мы стадо барановъ... Позвольте вамъ отвѣтить, что... въ такомъ случаѣ...

Классъ вдругъ затихъ такъ, что можно было слышать пролетающую муху.

— Что въ такомъ случаѣ... вы сами баранъ...

Стеклянная колбочка, которую держалъ въ рукахъ Завилейскій, звякнула о реторту. Онъ весь покраснѣлъ, его дѣтское личико какъ-то безпомощно дрогнуло отъ обиды и гнѣва... Въ первую минуту онъ растерялся, но затѣмъ отвѣтилъ какъ будто окрѣпшимъ голосомъ:

— Я этого не говорилъ... вы ошиблись...

Этотъ простой отвѣтъ озадачилъ. Въ классѣ поднялся ропотъ, значеніе котораго сразу разобрать было трудно, и въ ту же минуту прозвенѣлъ звонокъ. Завилейскій вышелъ; Заруцкаго окружили. Онъ стоялъ среди товарищей, упрямо потупившись и чувствуя, что настроеніе класса не за него. Сказать дерзость учителю, вообще говоря, считалось подвигомъ, и если бы онъ также прямо назвалъ бараномъ одного изъ „старыхъ“ — Фанца, Самаревича, Егорова, совѣтъ бы его исключилъ, а ученики проводили бы горячимъ сочувствіемъ, и въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ его имя было бы окружено ореоломъ и легендой. Теперь настроеніе было недоумѣло-тяжелое, непріятное...

— Свинство, братъ,—сказалъ кто-то.

— Пусть жалуется въ совѣтъ,—угрюмо отвѣтилъ Заруцкій. Для него въ этой жалобѣ былъ своего рода нравственный выходъ. Его бы исключили, но это бы сразу поставило новаго учителя въ рядъ со старыми... А значитъ, и оправдало бы грубую выходку.

— И пожалуется,—сказалъ кто-то.

— Конечно. Думаешь,—спустить?

— Нѣтъ, не пожалуется.

— Пожалуется.

Этотъ вопросъ сталъ своего рода центромъ въ разыгравшемся столкновеніи. Прошло дня два, о жалобѣ ничего не было слышно. Между тѣмъ, если бы она была,—Заруцкаго прежде всего вызвалъ бы инспекторъ Руцевскій для обычнаго громового внушенія, а, можетъ быть, даже прямо приказалъ бы уходить домой до рѣшенія совѣта. Исключеніе,

въ такомъ случаѣ, было бы несомнѣнно. Мы ждали... Прогонелъ совѣтъ. Никакихъ признаковъ жалобы не было.

Наступилъ урокъ химіи. Завилейскій явился нѣсколько покраснѣвшій, лицо его было серьезно, глаза чаще потуплялись, и голосъ срывался. Видно было, что онъ старается овладѣть положеніемъ и не вполне увѣренъ, что это ему удастся. Сквозь серьезность учителя проглядывала обида юноши, урокъ шелъ среди тягостнаго напряженія.

Минуть черезъ десять Заруцкій, съ лицомъ краснымъ и потемнѣвшимъ, поднялся съ своего мѣста. Казалось, что при этомъ на своихъ плечахъ онъ поднимаетъ тяжесть, давленіе которой чувствовалось всеѣмъ классомъ.

— Господинъ учитель...—съ усиленіемъ выговорилъ онъ среди общей тишины. Вѣки у Завилейскаго дрогнули подъ очками, лицо покраснѣло еще гуще. Напряженіе въ классѣ достигло высшаго предѣла.

— Я... прошлый разъ...—началъ Заруцкій глухо и затѣмъ, съ внезапной рѣзкостью, закончилъ: •

— Я извиняюсь.

И сѣлъ съ такимъ видомъ, точно сказалъ новую дерзость. Лицо у Завилейскаго посвѣтлѣло, хотя краска залила его новой волной до самыхъ ушей, и онъ сказалъ просто и свободно:

— Я сказалъ уже, господа, что баранами никого не называлъ.

Инцидентъ, очевидно, былъ исчерпанъ. Въ первый еще разъ у насъ такое столкновение разрѣшилось такимъ образомъ. „Новый учитель“ выдержалъ испытаніе. Мы были довольны и имъ, и—почти безсознательно—собою, потому что также въ первый разъ не воспользовались слабостью этого юноши, почти ровесника нашего, такъ, какъ воспользовались бы слабостью кого-нибудь изъ „старыхъ“. Самый эпизодъ скоро изгладился изъ памяти, но какая-то ниточка своеобразной симпатіи, завязавшейся между новымъ учителемъ и классомъ, осталась.

Вскорѣ Завилейскій уѣхалъ въ отпускъ, изъ котораго черезъ двѣ недѣли вернулся съ молоденькой женой. Во второмъ дворѣ гимназіи было одноэтажное зданіе, одну половину котораго занимала химическая лабораторія. Другая половина стояла пустая; въ ней жилъ только сторожъ, на обязанности котораго лежало мыть колбы, и который самъ называлъ себя „лабораторщикомъ“ (отъ слова „лабораторія“). Теперь эту половину отдѣляли и отвели подъ квартиру учителя химіи. Тутъ и водворилась молодая чета.

Жена Завилейскаго была выше его ростомъ, худенькая, смуглая, не особенно красивая. Но, на нашъ взглядъ, въ ней

было что-то необыкновенно привлекательное, вѣрнѣе, — было что-то необыкновенно привлекательное въ нихъ обонхъ вмѣстѣ, и въ томъ, что свое гнѣздышко они устроили въ самомъ центрѣ гимназической сутолоки и шума. Каждую перемѣну черезъ дворъ неслись вереницы шаловливыхъ учениковъ, направляясь въ помѣщеніе, гдѣ можно было тайкомъ затянуться папироской. По звонку все это летѣло обратно, налетая другъ на друга, спшибаясь, крича, вступая въ короткія драки на скорую руку. Порой въ большую перемѣну во второмъ дворѣ передъ лабораторіей устраивались игры въ мячъ, и ученики, подталкивая другъ друга локтями, указывали на смуглое личико, мелькавшее въ окнахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ были даже почтительно влюблены, и изъ ученической квартиры, заглядывавшей вторымъ этажомъ изъ-за ограды въ гимназическій дворъ, порой глядѣли на „лабораторію“ въ бинокли. Иной разъ, живой и бурный потокъ, послѣ уроковъ устремлявшійся къ калиткѣ, вдругъ останавливался, пропуская Завилейскую, проходившую сквозь толпу съ милой привѣтливой улыбкой, и тотъ, кому она кланялась, какъ знакомому, считалъ себя польщеннымъ и счастливымъ. Завилейскій изрѣдка приглашалъ того или другого ученика къ себѣ, и тогда его жена тоже выходила, знакомилась, разговаривала, спрашивала. Это, конечно, не входило въ область педагогики, но все же было въ этомъ что-то хорошее, теплое, дѣйствовавшее на толпу сорванцовъ уже тѣмъ, что этотъ учитель былъ для насъ не только машиной, задающей уроки, но и человѣкомъ, въ маленькомъ счастьи котораго мы принимали какъ бы нѣкоторое участіе. Я сначала запустилъ было химію, но затѣмъ въ первыя же каникулы, вызубрилъ весь учебникъ Вурца на зубокъ; я иногда ходилъ къ Завилейскому съ рисунками приборовъ, и мнѣ не хотѣлось, чтобы Марья Васильевна сказала какъ-нибудь при встрѣчѣ:

— А вы почему это, NN, не учите химію? Вамъ не нравится? Да?

Одновременно съ Завилейскимъ пріѣхалъ еще Комаровъ, преподававшій при мнѣ только въ низшихъ классахъ. Его тоже сразу полюбили за простоту, отсутствіе обычной грубости и новые приемы преподаванія. Кромѣ того, мы, ученики высшихъ классовъ, узнали, что Комаровъ — „украинофилъ“, хорошо знаетъ малороссійскую исторію и работаетъ по украинской этнографіи. Это очень поднимало его въ нашихъ глазахъ. Мы плохо понимали, что это за „труды по этнографіи“, но чувствовали, что это какой-то интересъ высшаго порядка, выходящій за предѣлы казеннаго препода-

даванія, и которому отдаются по свободному умственному влеченію.

Почти въ то же время поступили еще два-три молодыхъ учителя, которыхъ я не зналъ. Чувствовалось, однако, что въ гимназіи появилась группа новыхъ людей, и общій тонъ поднялся. Кое-кто и изъ прежнихъ лучшихъ учителей, чувствовавшихъ себя одинокими, теперь ожили, и до насъ долетали отголоски споровъ и разногласій въ совѣтѣ. Въ томъ общемъ хорѣ, гдѣ до сихъ поръ надъ голосами средняго тембра и регистра господствовали рѣзкіе фальцеты автоматовъ и маіаковъ,—стала замѣтна новая живая нота...

А затѣмъ явился и еще одинъ человекъ, на воспоминаніи о которомъ мнѣ хочется остановиться подольше, такъ какъ это самое свѣтлое воспоминаніе изъ этихъ годовъ моего ученія.

Веніаминъ Васильевичъ Авдіевъ.

Нашъ прежній словесникъ, Митрофанъ Александровичъ Андриевскій, успѣлъ какъ-то, незамѣтно, кажется, для себя, жениться и по семейнымъ обстоятельствамъ перевелся въ другую гимназію. Мы проводили его съ сожалѣніемъ, такъ какъ любили его добродушіе, мягкую улыбку и трогательную преданность „Слову о полку Игоревѣ“. На нѣкоторое время „каедре словесности“ у насъ была не занята. На уроки приходилъ Яковъ Степановичъ Рущевскій, который принялся почему-то учить насъ декламации. Самъ онъ читалъ какъ-то особенно грузно, массивнымъ голосомъ, съ чувствомъ, толкомъ и расстановкой, а порой даже съ неосновательными претензіями на выразительность. Онъ требовалъ, чтобы мы точно подражали его интонаціямъ, а намъ это было „совѣстно“ и казалось кривляніемъ. Между тѣмъ, словесность всегда, по какой-то традиціи, считалась въ гимназіи самымъ интереснымъ и самымъ „умнымъ“ предметомъ. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждали мы новаго словесника.

Однажды пронесся слухъ, что онъ уже пріѣхалъ. Зовутъ его Авдіевымъ, молодой. Кто-то уже видѣлъ его въ городѣ и рассказывалъ о своей встрѣчѣ какъ разъ передъ началомъ урока, который, какъ мы думали, на этотъ разъ проведетъ еще инспекторъ. Но почти вмѣстѣ съ звонкомъ, дверь класса отворилась, и на порогѣ появился незнакомый учитель. Онъ на мгновеніе остановился, спокойно глядя, какъ мы, застигнутые врасплохъ, быстро разсаживались по мѣстамъ,—потомъ прошелъ къ каедрѣ, кивнувъ намъ на ходу головой. Такъ какъ это былъ первый урокъ, то онъ молча сталъ

ждать. Пока дѣла, вы прочтѣте обычную молитву: затѣмъ сѣсть в раскрытыя журналы. Лицо у него было слегка хмурое, переключку онъ дѣлалъ какъ будто недовольнымъ голосомъ, порой останавливаясь надъ какой-нибудь фамилею и глядясь въ ея обладателя. Кончивъ это, онъ сошелъ съ кафедры и неторопливо прошелся вдоль скамей по классу, думая о чемъ-то, какъ будто совсѣмъ не имѣющемъ отношенія къ данной минутѣ и къ тому, что на него устремлены около сотни глазъ, внимательныхъ, любопытныхъ и изучающихъ каждое его движеніе.

Это былъ молодой человекъ, пожалуй, только года на три старше Завидейскаго, но болѣе возмужалый и солидный. Лицо у него было не совсѣмъ обыкновенное: правильныя черты съ греческимъ профилемъ, большіе выразительные глаза, полныя губы, тонкіе усы и небольшая русая борода. Все это было довольно красиво, но почему-то намъ съ перваго раза не понравилось. Кромѣ того, на немъ были узкія брюки и сапоги съ низкими каблуканами, а мы считали верхомъ щегольства брюки по-казацки широкіе и высокіе каблуки. Узкія брюки носили у насъ только завѣдомые молники и франты въ шестомъ и седьмомъ классѣ.

Все это мы успѣли замѣтить и оцѣнить до послѣдней пуговицы и до слишкомъ широкихъ лацкановъ синяго фрака,—пока новый учитель ходилъ по классу. Намъ казалось страннымъ и немного дерзкимъ то обстоятельство, что онъ ведетъ себя такъ безцеремонно, точно насъ, цѣлаго класса, здѣсь вовсе не существуетъ.

Пройдя такимъ образомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ остановился, точно прогоняя изъ головы занимавшія его стороннія мысли, и опять внимательно посмотрѣлъ на классъ.

— Чѣмъ вы занимались въ послѣднее время?—спросилъ онъ.

Мы переглянулись.

— Въ послѣднее время Яковъ Степановичъ читалъ намъ...

— Что?

— Басни Крылова.

По лицу новаго учителя прошла тѣнь.

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ.

Вопросъ показался намъ страннымъ. Объ этомъ нужно бы спросить у самого инспектора. Но кто-то догадался:

— Чтобы занять пустые уроки.

— А!.. И васъ тоже заставлялъ читать?

— Да.

— Такъ. Кто у васъ хорошо читаетъ?

Классъ молчалъ. Всѣ мы умѣли читать громко, иные

бѣгло, но хорошаго чтенія не слышали никогда, а „выразительное чтеніе“ Якова Степановича казалось намъ тѣмъ-то искусственнымъ и пошлымъ.

— Ну, что же?—сказалъ онъ, нетерпѣливо, поведя плечомъ.—Что же вы молчите?

— Всѣ мы читаемъ одинаково,—съ досадой вырвалось у меня, но я сказалъ это слишкомъ тихо. Учитель повернулся ко мнѣ и спросилъ въ упоръ:

— Вы читаете хорошо?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, покраснѣвъ.—Я этого не говорилъ.

— А я именно объ этомъ спрашивалъ. Читайте вы!—сказалъ онъ ученику, передъ которымъ лежала книжка басенъ. Тотъ всталъ и, раскрывъ наудачу, сталъ читать. Учитель недовольно морщился.

— Плохо,—сказалъ онъ.—И всѣ такъ? И нѣтъ никого, кто бы умѣлъ читать?.. Ну, а что вы проходили раньше?

— Теорію словесности... По Минину,—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— А что такое словесность?

Молчаніе.

— Происходить отъ „слово“...—сказалъ кто-то.

— Положимъ,—а что такое „слово“?

— Выраженіе мысли.

— Не совсѣмъ. Можно наговорить много словъ, и все-таки выйдетъ безсмыслица... А что такое мысль?

Молчаніе.

Онъ посмотрѣлъ на насъ съ слегка комической кислой гримасой и сказалъ:

— Подумайте каждый про себя и скажите: вы когда-нибудь въ своей жизни *мыслили*?

Это была обида. Въ классѣ поднялся легкій ропотъ.

— Всѣ,—сказалъ кто-то.

— Что всѣ?

— Всѣ думаемъ, то-есть мыслимъ,—отвѣтило нѣсколько голосовъ задорно. Видимо, учитель начиналъ раздражать.

— „Думаете“,—передразнилъ онъ, поведя плечомъ.—Вы всѣ думаете: скоро-ли звонокъ... И тоже *думаете*, что это-то и значить *мыслить*. Но вы ошибаетесь. „Мыслить“,—понимаете: не думать только, а мыслить—это значить совсѣмъ другое. Берите тетради... Записывайте.

И, медленно расхаживая по классу, онъ началъ свой первый урокъ съ простѣйшихъ опредѣленій. Сначала въ его глазахъ и въ морщинѣ между бровями виднѣлось то же хмуро-недовольное выраженіе. Но вскорѣ развитіе мысли видимо его захватило. На смугломъ лицѣ пробился густой румянецъ. Говорилъ онъ медленно, вдумчиво и свободно.

Видно было, что урокъ не заученъ, что мысли и слова рождаются, вышлаваяются тутъ же и летать къ намъ, еще не остывшія. По временамъ онъ останавливался на ходу и дѣлать паузу, подыскивая наиболѣе удачную форму, ловилъ нужное слово и опять шель дальше, все болѣе и болѣе довольный. Записывать за нимъ было трудновато. Онъ говорить довольно медленно, но не ждалъ, пока мы за нимъ поспѣемъ. Но записать хотѣлось. Остальная часть урока прошла въ этомъ занятіи. Когда ударилъ звонокъ, я удивился, что урокъ кончился такъ скоро.

Авдѣевъ закончилъ періодъ, взявъ журналъ и, кивнувъ головой, вышелъ. Въ классѣ поднялся оживленный обмѣнъ мнѣній. Впечатлѣніе было единодушное и неблагопріятное.

- Вотъ такъ птица!—говорилъ одинъ.
- Ну, у этого держись...
- И откуда пригласили такого чорта?
- А вѣдь онъ насъ, господа, оскорбилъ!..

За такими разговорами засталъ насъ звонокъ ко второму уроку. Вошелъ, помнится, учитель исторіи Петрусовъ. Это былъ тоже „новый“, поступившій за нѣсколько мѣсяцевъ до Авдѣева, молодой человекъ, невысокаго роста съ очень умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Въ классѣ онъ держалъ себя по учительски, суховато, но все-таки симпатично. Урокъ у него былъ точно распределенъ на двѣ неравныя части. Въ первой онъ вызывалъ, спрашивалъ и ставилъ отмѣтки. Когда онъ опускалъ перо въ чернильницу, чтобы поставить баллъ,—лицо его дѣлалось задумчиво и серьезно. Было видно, что онъ тщательно взвѣшиваетъ въ умѣ всѣ за и противъ, и, когда послѣ этого твердымъ почеркомъ вносилъ въ журналъ ту или другую цифру,—всѣ чувствовали, что она поставлена обдуманно и „справедливо“. За двадцать минутъ до конца урока, онъ придвигалъ къ себѣ учебникъ и, раскрывъ его, начиналъ объясненіе неизмѣнной фразой:

— Ну-съ, такъ вотъ. Мы остановились на томъ-то. Теперь будемъ продолжать.

И затѣмъ, поглядывая въ книгу, онъ излагалъ содержаніе слѣдующаго урока добросовѣстно, обстоятельно и сухо. Мы знали случаи, когда въ совѣтѣ онъ также обстоятельно излагалъ свое мнѣніе о томъ или другомъ провинившемся ученикѣ, причемъ это мнѣніе было всегда въ мѣру снисходительно и непоколебимо. Мы его уважали, какъ человека, и добросовѣстно готовили ему уроки. Но исторія представлялась намъ предметомъ изрядно скучнымъ; Петрусовъ же, кажется, и самъ не считалъ себя педагогомъ и черезъ нѣкоторое время такъ же честно и справедливо взвѣсилъ свою

педагогичку,—поставилъ себѣ неодобрительный баллъ и переимѣнилъ родъ занятій.

Теперь его урокъ казался мнѣ особенно блѣднымъ и безцвѣтнымъ. Я съ удовольствіемъ, какъ всегда, смотрѣлъ на его энергичное квадратное лицо, но его объясненія совсѣмъ не слушалъ. За монотонными звуками его рѣчи мнѣ слышался грудной голосъ новаго словесника, и въ ушахъ стояли его язвительныя рѣчи. „Думать“ и „мыслить“... Да, это правда... Разница понятна. А все-таки есть въ немъ что-то... несимпатичное. Что-то будетъ дальше...

Вынувъ тихонько тетрадь, я сталъ читать подъ партой записанный урокъ словесности, рискуя вызвать замѣчаніе Петрусова. Несмотря на „антипатію“, возбужденную новымъ учителемъ, я долженъ былъ признать, что урокъ былъ красивъ и интересенъ.

Послѣ уроковъ на квартирахъ тоже говорили о „новомъ словесникѣ“. Впечатлѣніе въ общемъ было и въ другихъ классахъ почти то же. Учитель казался загадочнымъ, строгимъ и малосимпатичнымъ. Но говорили о немъ больше, чѣмъ обыкновенно говорятъ о „новыхъ“.

Дня черезъ три заговорили еще больше, и на этотъ разъ толки въ гимназію пришли изъ города: новаго учителя видѣли пьянымъ... При этомъ извѣстіи меня что-то кольнуло въ сердце. Слѣдующій урокъ онъ пропустилъ. Одни говорили „съ похмѣлья“, другіе—что устраивается на квартирѣ, Какъ бы то ни-было, у всѣхъ явилось чувство разочарованія, когда вмѣсто новаго учителя на порогъ, съ журналомъ въ рукахъ, явился Яковъ Степановичъ.

Еще дня черезъ два въ классъ упало, какъ петарда, новое сенсационное извѣстіе, уже совершенно достовѣрное, потому что оно было принесено очевидцемъ. Былъ у насъ ученикъ Доманевичъ. Это былъ великовозрастный молодой человекъ, засидѣвшійся въ гимназіи и казавшійся среди насъ, мелюзги, совсѣмъ взрослымъ. Кажется, отчасти именно это обстоятельство способствовало развитію въ немъ болѣзненнаго самолюбія. Онъ былъ добрый малый и хорошій товарищъ, но держалъ себя высокомерно, какъ профессоръ, случайно усѣвшійся на одну парту съ малышами.

Въ этотъ день онъ явился въ классъ съ видомъ особенно величавымъ и надменнымъ. Съ небрежностью, сквозь которую, однако, просвѣчивало самодовольство, онъ рассказалъ, что успѣлъ уже близко познакомиться съ новымъ учителемъ. Произошло это знакомство при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. Вчера, луннымъ вечеромъ, Доманевичъ возвращался отъ знакомыхъ. На углу Тополевой улицы и шоссе онъ увидѣлъ какого-то господина, который сидѣлъ

на штабелѣ бревенъ, покачивался изъ стороны въ сторону. обмѣнивался шутками съ удивлявшимися на него прохожими и запѣвалъ малорусскія пѣсни.

— Голосъ, я вамъ скажу,—замѣчательный!—прибавилъ рассказчикъ съ нѣкоторой гордостью за своего новаго пріятеля.

Когда Доманевичъ, не сразу узнавъ новаго учителя, приблизился къ тому мѣсту, тотъ его окликнулъ:

— Господинъ ученикъ. Подойдите сюда!

Тотъ подошелъ и, конечно, поклонился.

— Какъ ваша фамилія?

Доманевичъ, „признаться, немного струсилъ“. Было уже поздно, вечеромъ выходить съ квартиръ запрещено, а этотъ новый, кажется, строгъ. Самъ пьянъ, а директору донесетъ. Тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце, фамилію назвалъ.

— Очень пріятно,—вѣжливо сказалъ на это учитель, протягивая руку.—А я Авдіевъ, Веніаминъ Васильевичъ, учитель словесности. Въ настоящую минуту, какъ видите, нѣсколько пьянъ.

При этомъ онъ весело захохоталъ („смѣхъ у него удивительно веселый и заразительный“) и, крѣпко опершись на руку ученика, поднялся на ноги и попросилъ проводить его до дому, такъ какъ еще не ознакомился съ городомъ.

— Чортъ знаетъ,—говорилъ онъ, смѣясь,—улицы у васъ какія-то несообразныя, а еще хуже: вино у вашего Вайнтрауба крѣпкое. Пошелъ отъ него, не успѣлъ оглянуться,—уже за шлагбаумомъ... Пошелъ назадъ... тутъ бревна какія-то подъ ноги лѣзутъ... Ха-ха-ха... Голова у меня всегда свѣжа, а ноги, чортъ ихъ возьми, пьянѣютъ...

Доманевичъ проводилъ учителя на его квартиру надъ прудомъ, причемъ всю дорогу дружески поддерживалъ его подъ руку. Дома у себя Авдіевъ былъ очень милъ, предложилъ папиросу и маленькій стаканчикъ краснаго вина, но при этомъ, однако, уговаривалъ его никогда не напиваться и не влюбляться въ женщинъ. Первое—вредно, второе... не стоитъ...

Рассказъ вызвалъ въ классѣ сенсацію. — Что-же это такое?—думалъ я съ непонятнымъ ощущеніемъ какой-то щемящей душевной боли, тѣмъ болѣе странной, что Авдіевъ казался мнѣ теперь еще менѣе симпатичнымъ.

— Ну, братъ,—сдѣлалъ кто-то практическій выводъ,—теперь можешь круглый годъ не учить словесность...

— Что мнѣ учить ее,—отвѣтилъ Доманевичъ небрежно,—я съ прошлаго года знаю все, что онъ диктовалъ... Я, братъ, „мыслию“ еще съ перваго класса. И, окинувъ насъ обычнымъ, нѣсколько пренебрежительнымъ взглядомъ, — Дома-

невичъ медленно прослѣдоваль къ своему мѣсту. Теперь у него явилось новое преимущество: никто изъ насъ не былъ въ такихъ „товарищескихъ“ отношеніяхъ ни съ однимъ изъ учителей, и едва-ли къ кому-нибудь изъ мелюзги можно было обратиться за *такой* услугой...

Пробилъ звонокъ. Дверь открылась. Вошелъ Авдѣевъ и легкой беззаботной походкой прошелъ къ кафедрѣ.

Въ классѣ стояла необыкновенная тишина. Послѣ молитвы всѣ взгляды устремились на учителя, о которомъ узнали, что вчера онъ былъ пьянъ, и что его Доманевичъ велъ подъ руку до квартиры. Но на его красивомъ лицѣ не было видно ни малѣйшаго смущенія. Оно было свѣжо, глаза оживленно блестя, на щекахъ виднѣлся румянецъ, на губахъ играла тонкая улыбка. Вглядѣвшись теперь въ это лицо, я вдругъ почувствовалъ, что оно вовсе не антипатично, а наоборотъ—очень умно и красиво... Съ тѣмъ большей горечью щемило у меня на душѣ воспоминаніе о вчерашнемъ происшествіи. Авдѣевъ раскрылъ журналъ и сталъ дѣлать перекличку.

— Варденскій... Заботинъ... Буяльскій... Доманевичъ.

— Здѣсь,—отвѣтилъ Доманевичъ, лѣниво чуть-чуть подымаясь съ мѣста. Авдѣевъ на мгновеніе остановился, посмотрѣлъ на него своими веселыми глазами, какъ-бы припоминая что-то, и продолжалъ перекличку. Затѣмъ, отодвинувъ журналъ, онъ облокотился на кафедру и, окинувъ классъ открытымъ взглядомъ, спросилъ:

— Вы прошлый разъ успѣли все записать, что я рассказывалъ?

— Успѣли. Что не успѣли, то возстановили другъ отъ друга.

— И выучили? Конечно, выучили. Да? Господинъ Доманевичъ.

Неожиданно раздавшаяся фамилія пробѣжала въ классѣ электрической искрой. Всѣ взгляды повернулись къ Доманевичу. Бѣдняга, застигнутый врасплохъ, недоумѣло и беспомощно оглядывался, какъ бы не отдавая себѣ отчета въ происходящемъ. Въ классѣ послышался невольнo прорвавшийся смѣхъ. Лицо учителя стало совершенно серьезно.

— Итакъ, господинъ Доманевичъ расскажетъ намъ... Какъ мы подошли прошлый разъ къ опредѣленію предмета. Слушаемъ.

Доманевичъ поднялся, постоялъ полъ-минуты потупясь и потомъ совершенно растерянно сказалъ:

— Я, господинъ учитель...

— Что именно?

— Сегодня не успѣлъ приготовить.

— Напрасно, г. Доманевичъ, не успѣли. Времени было достаточно. У васъ была основательная причина?

Доманевичъ молчалъ.

— Жаль, но...—Онъ взявъ перо и раскрылъ журналъ.— Съ величайшимъ сожалѣніемъ вынужденъ поставить вамъ... единицу...

Проведя въ журналѣ черту, онъ взглянулъ на бѣднаго Доманевича. Видъ у нашего патріарха былъ все еще такой растерянный и комично обиженный, что Авдѣевъ внезапно засмѣялся, слегка откинувъ голову. Смѣхъ у него былъ дѣйствительно какой-то особенный, переливчатый, заразителный и звонкій, при чемъ красиво сверкали изъ-подъ тонкихъ усовъ ровные бѣлые зубы... У насъ вообще не было принято смѣяться надъ бѣдой товарища,—но на этотъ разъ видъ у Доманевича былъ такой, что въ классѣ смѣхъ вспыхнулъ невольно. Засмѣялся, наконецъ, и самъ Доманевичъ и, махнувъ рукой, усѣлся на мѣсто.

Осложненіе сразу разрѣшилось. Мы поняли, что изъ вчерашняго происшествія рѣшительно никакихъ послѣдствій собственно для ученія не вытекаетъ, и что авторитетъ учителя установленъ прочно. А къ концу этого второго урока Авдѣевъ успѣлъ овладѣть нами безповоротно. Продиктовавъ, какъ и въ первый разъ, красиво и свободно дальнѣйшее объясненіе, онъ затѣмъ взошелъ на кафедру и, раскрывъ принесенную съ собой толстую книгу въ новомъ изящномъ переплетѣ, сказалъ:

— Теперь, господа, отдохнемъ. Я вамъ говорилъ уже, что значить мыслить понятіями. А вотъ сейчасъ вы услышите, какъ иные люди мыслятъ и объясняютъ самыя сложныя явленія образами. Вы знаете уже Тургенева?

Къ стыду нашему, Тургенева мы тогда знали только по имени. Книгами мы пользовались или за умѣренную плату у любителя-еврея, снабжавшаго насъ истрепанными романами Дюма, Монтепена и Габоріо, или изъ гимназической библіотеки. Книги изъ этой послѣдней выдавалъ самъ Митрофанъ Александровичъ Андріевскій. Для этого былъ назначенъ одинъ вечеръ въ недѣлю, но пользовались мы этимъ вечеромъ только зимой. Веселой гурьбой мы вваливались въ темные гулкіе корридоры, казавшіеся таинственными и незнакомыми при сомнительномъ свѣтѣ сальнаго огарка, который несъ впереди Андріевскій, и поднимались по лѣстницамъ, обмѣниваясь съ добродушнымъ словесникомъ шутками и остротами. Каждый разъ онъ долго подбиралъ ключъ къ замку библіотечной двери, потомъ звонко щелкали затворы, и открывался входъ въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ огромными черными шкафами. Здѣсь, впро-

чемъ, наше удовольствіе и кончалось, такъ какъ содержимое шкафовъ было чрезвычайно скудно: тутъ были преимущественно душеспасительныя поученія, „Воскресный Досугъ“, почему-то еще „Солдатское Чтеніе“ и „Всемирный путешественникъ“. Мы громко роптали, а Андріевскій, нимало, конечно, не повинный въ этой скудости, отшучивался, порой очень остроумно, возбуждая общій хохоть. Въ концѣ концовъ приходилось все-таки просить для чтенія путешествіе Ливингстона, за нимъ путешествіе Кука, затѣмъ Араго или путешествіе Беккера-паши. Разъ я принесъ домой даже какое-то путешествіе на Авоны. Кажется, это были „Письма Святогорца“, изъ которыхъ впрочемъ, несмотря на тогдашнее мое религіозное настроеніе, я запомнилъ только одно красивое описаніе бури и восхищеніе передъ тѣмъ, какъ святитель Николай заушилъ на соборѣ еретика Арія. Святогорецъ стоитъ передъ иконой, изображающей этотъ сильный аргументъ богословской полемики, и ему чудится, что „отзвукъ святительскаго заушенія еще носится подъ сводами безмолвнаго храма“. Описаніе бури мнѣ понравилось, а восхищеніе передъ пощечиной произвело какое-то странное, „терпкое“ впечатлѣніе, отразившееся до извѣстной степени на дальнѣйшей эволюціи моихъ религіозныхъ взглядовъ.

Какъ бы то ни было, но даже я, читавшій сравнительно много, хотя безпорядочно и случайно, знавшій „Трехъ мушкетеровъ“, знавшій „графа Монтекристо“ и даже „Вѣчнаго жидка“ Евгенія Сю (на польскомъ языкѣ),—о Гоголѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ, Гончаровѣ и Писемскомъ имѣлъ лишь отдаленное понятіе. Мое чтеніе того времени было гораздо хуже, чѣмъ прежде, въ Житомирѣ. Оно было просто развлеченіемъ, поглощавшимъ часы досуга, и пріучало меня смотрѣть на беллетристику, какъ на занимательныя описанія того, чего въ сущности не бываетъ въ жизни. Я хорошо помню нѣкоторыя минуты за чтеніемъ, когда я прикидывалъ поступки и разговоры книжныхъ героев къ условіямъ окружающей меня жизни и находилъ, что никто и никогда такъ не говоритъ и не поступаетъ. Ровнымъ свѣтлымъ пятнышкомъ на этомъ мутномъ и пестромъ фонѣ выступало воспоминаніе о „Ѳомѣ изъ Сандомира“ и еще двухъ-трехъ произведеній польскихъ писателей, прочитанныхъ ранѣе. Такъ люди тоже, пожалуй, кругомъ меня не говорили, но все же это было ближе къ жизни, и мнѣ казалось, что гдѣ-то, быть можетъ недалеко и не очень давно, — люди могли такъ говорить и поступать... И порой мнѣ хотѣлось прочесть такую книгу, гдѣ люди говорятъ совсѣмъ такъ, какъ въ жизни, и увидѣть картину, гдѣ все такъ нарисо-

вано, какъ въ натурѣ. Помню одинъ свѣтлый осенній вечеръ въ Ровно, когда я шелъ по тихой Тополевой улицѣ и свернулъ черезъ пустырь въ узенькій переулокъ. Улица была въ тѣни, но за огородами, между двумя черными крышами, поднималась луна, и на ней рѣзко обрисовались черныя вѣтки дерева, уже обнаженнаго отъ листьевъ. Я остановился, невольно пораженный красивой простотой этого несложнаго пейзажа. Я любилъ рисовать, ограничиваясь рабскимъ копированіемъ, но теперь мнѣ страстно хотѣлось передать эту картину вотъ такъ же просто, съ ровной темнотой этихъ крышъ, съ кольями плетня, врѣзавшимися въ освѣтлѣвшее отъ мѣсяца небо, со всей глубиной влажныхъ тѣней, въ которыхъ чувствуется такъ много утонувшихъ во тьмѣ предметовъ, чувствуется даже недавно выпавшій дождь...

Потомъ мысль моя отъ предполагаемой картины перешла къ книгамъ, и мнѣ пришла въ голову идея: что, если бы описать просто мальчика, вродѣ меня, жившаго сначала въ Житомирѣ, потомъ переѣхавшаго вотъ сюда, въ Ровно; описать все, что онъ чувствовалъ, описать людей, которые его окружали, и даже вотъ эту минуту, когда онъ стоитъ на пустой улицѣ и мѣрять свой теперешній духовный ростъ съ своимъ прошлымъ и настоящимъ, со всѣмъ, что его окружаетъ. Вотъ въ этихъ домахъ кругомъ, въ этой слитой, влажной тьмѣ, беспорядочно усѣянной огоньками, за этими свѣтящимися окошками, живутъ люди. Теперь они пьютъ чай, или ужинаютъ, разговариваютъ, ссорятся, смѣются. Вотъ тутъ учитель рисованія Снахурскій, недавно женившійся и ревнивый, ругаетъ свою молодую жену за то, что она сегодня глядѣла въ окно на проходившихъ мимо учениковъ. Вотъ тамъ квартира помощника исправника, очень гордаго своимъ званіемъ и берушаго умѣренныя взятки. Вотъ тамъ чиновникъ Доброклонскій, нѣсколько лѣтъ назадъ принявшій православіе и теперь изображающій себя и всю семью природными великороссами... Всюду, гдѣ мигаютъ эти огоньки сидятъ люди, никогда не оглядывающіеся на себя и на природу, никогда не примѣривающіе своего я ко всему, что ихъ окружаетъ. Быть можетъ, во всемъ городѣ я одинъ стою вотъ здѣсь, вглядываясь въ эти огни и тѣни, и одинъ я думаю о нихъ, — о каждомъ въ отдѣльности и обо всѣхъ вообще, и я одинъ желалъ бы изобразить и эту природу и этихъ людей такъ, чтобы все было правда, и чтобы каждый нашелъ здѣсь свое мѣсто.

Конечно, я думалъ опять не этими словами, но думалъ именно это. И во мнѣ было тогда нѣчто вродѣ гордости и вмѣстѣ—горечь неудовлетворенія. Я только думалъ, что

можно бы изобразить все, въ той простотѣ и правдѣ, какъ я теперь это вижу, и что исторія мальчика, подобнаго мнѣ, и людей его окружающихъ, могла бы быть интереснѣе и умнѣе графа Монтекристо. Но, въ сущности, я ничего не умѣлъ: учитель Снахурскій считалъ меня даровитымъ рисовальщикомъ, но требовалъ тщательной „штриховки“. Въ штриховкѣ я достигъ большихъ успѣховъ, но съ ней не могъ нарисовать самаго простаго пейзажа съ натуры. Порой, отвязавъ нашу лодку, я подплывалъ къ острову, ставилъ ее среди кувшинокъ и ряски и принимался съ залива рисовать старый замокъ объ пустыми окнами, съ высокими тополями и обомшлѣлыми каменными рыцарями. Рисунки мои хвалили, но я самъ чувствовалъ, что все это только черты, контуры, штриховка... Нѣтъ ни задумчивой массивности старой руины, ни глубины въ зіяющихъ окнахъ, ни высоты въ тополяхъ съ шумящими вершинами, ни воздуха въ высокомъ небѣ, ни прозрачности въ водѣ. И не разъ съ ощущеніемъ безсилія и какой-то душевной безвкусицы я клалъ карандаши и альбомъ на скамейку лодки и подолгу сидѣлъ безъ движенія, глядя, какъ вокругъ лодки, шевеля застоявшуюся сверкающую воду, бѣгали голоногіе водяные комары съ свѣтлыми чашечками на концахъ лапокъ, какъ въ тинѣ тихо и томно проплывали разомлѣвшія лягушки, или раки вспахивали хвостами мутное дно. Черезъ нѣкоторое время—душевная пустота, вѣявшая отъ мертвой жизни мертваго городка, начинала наполняться: изъ нея выходили тѣни прошлаго. Пустой островъ заселялся, замокъ оживалъ, зіяющія пустоты замѣнялись рядами оконъ, въ которыя глядѣли красивые польскіе рыцари и дамы... На широкомъ балконѣ появлялись группы красавиць, и одна изъ нихъ держала кубокъ, а молодой рыцарь (можетъ быть, это даже былъ я) вѣзжалъ на конѣ по лѣстницамъ и переходамъ и бралъ этотъ кубокъ изъ руки дамы... Кругомъ гремѣли крики, выстрѣлы, звонъ шпоръ и ржаніе коней...

Но чаще я представлялъ себѣ другія картины. На замокъ нападаютъ козаки и гайдамаки, весь островъ въ бѣломъ дымѣ... Я теперь на сторонѣ нападающихъ, съ „головою, дейнеками“ и казаками. Вообще, въ это время, подъ вліяніемъ мѣстныхъ преданій и отрывочнаго чтенія (въ стихахъ) „Гайдамаковъ“ Шевченка,—романтизмъ старой Украины опять врывается въ мою душу, заполняя ее призраками отошедшей козацкой жизни, такими же мертвыми, какъ и польскіе рыцари и ихъ прекрасныя дамы... Въ такія минуты мнѣ казалось, что жизнь маленькаго хорошо знакомаго мнѣ мальчика и юноши не можетъ представлять ничего интереснаго. Интересны только дикія степи, бѣшенная

погоня, нападенія, приелльченія, подвиги невѣроятной храбрости, обусловленной, разумѣется, непремѣнно благополучнымъ окончаніемъ... Помню, что одно время я даже заинтересовался географіей съ той точки зрѣнія,—гдѣ можно бы теперь въ наше прозаическое время найти уголокъ для возстановленія Запорожской сѣчи, и очень обрадовался, услышавъ, что такой же, какъ я, полумалороссъ, полу-полякъ, Садыкъ-Паша, Чайковскій, ищетъ того-же романтическаго прошлаго на Дунаѣ, въ Анатолиі и въ Сириі... Для чего мнѣ нужно было это Запорожье? Только для романтическихъ грезъ, для воображаемыхъ приключеній и душевныхъ движеній, фантастическихъ, беспочвенныхъ, но жгучихъ. Это было что-то вродѣ феерической декораціи, подвѣшенной внѣ времени и пространства, безъ живыхъ связей съ окружающей жизнью, въ которой я только угадывалъ что-то, могущее стать интереснымъ, но схватить и оформить этого интереснаго не могъ. Между тѣмъ, мечты, куда я удалялся отъ надоѣвшихъ будней, бесплодно распяляли воображеніе, сушили и обезсиливали волю. Помню, что когда приходило время возвращаться съ этихъ художественныхъ сеансовъ, я, недовольный результатами, разомлѣвший отъ влажной жары и фантазмагорическихъ видѣній, лѣниво бралъ весла, и моя лодка протягивала за собой медлительный слѣдъ, вновь постепенно затягивавшійся ряской, водорослями и тиной.

И вотъ, въ классѣ, гдѣ такъ часто бывало еще тоскливѣе и скучнѣе, — молодой учитель подъ конецъ урока раскрываетъ книгу въ новенькомъ изящномъ переплетѣ и начинаетъ читать такимъ простымъ голосомъ, точно продолжаетъ самую обыденную бесѣду:

„Мардарій Аполлоновичъ Стегуновъ—старичокъ низенькій, пухленькій, лысый, съ двойнымъ подбородкомъ, мягкими ручками и порядочнымъ брюшкомъ. Онъ большой хлѣбосоль и балагуръ... Зиму и лѣто ходитъ въ полосатомъ плафронѣ на ватѣ... Домъ у него старинной постройки: въ передней, какъ слѣдуетъ, пахнетъ квасомъ, салными свѣчами и кожей“...

Это — „Два помѣщика“ изъ „Записокъ охотника“. Рассказчикъ—еще молодой человекъ, тронутый „новыми взглядами“, гоститъ у Мардарія Аполлоновича. Они пообѣдали и пьютъ на балконѣ чай. Вечерній воздухъ затихъ. „Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и въ послѣдній разъ, замирая около дома, донесъ до слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни“. Мардарій Аполлоновичъ, только что поднесшій ко рту блюдечко съ

чаемъ,—останавливается, киваетъ головой и съ доброй улыбкой начинаетъ вторить ударамъ:

— Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!

Оказывается, на конюшнѣ сѣкутъ „шалунишку“ буфетчика, человѣка съ большими бакенбардами, недавно еще въ долгополомъ сюртукѣ прислуживавшаго за столомъ... Лицо у Мардарія Аполлоновича доброе. „Самое лютее негодованіе не устояло бы противъ его яснаго и кроткаго взора“, а на выѣздѣ изъ деревни рассказчикъ встрѣчаетъ и самаго „шалунишку“: онъ идетъ по улицѣ, лущитъ сѣмечки и на вопросъ, за что его наказали, отвѣчаетъ просто:

— А подѣломъ, батюшка, подѣломъ! У насъ по пустякамъ не наказываютъ... У насъ баринъ... такого барина во всей губерніи не сыщешь.

Авдѣевъ дочиталъ послѣднюю фразу: „Вотъ она—старая-то Русь“—среди глубочайшей тишины въ затаившемъ дыханіи классѣ. Затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько, опять очень простыхъ, словъ о крѣпостномъ правѣ и объ ужасѣ самаго „порядка“, при которомъ возможно это двустороннее равнодушіе. Звонокъ Савелія, быть можетъ, въ первый разъ прозвучалъ для насъ неожиданно и непріятно.

Въ этотъ день я уносилъ изъ гимназіи огромное и новое впечатлѣніе. Простыя слова, именно тѣ, какія постоянно слышишь въ жизни, простое чтеніе съ выраженіемъ естественной разговорной рѣчи—и за всѣмъ этимъ настроеніе огромной драмы, въ которой толпятся безчисленныя сцены, фигуры, эпизоды видѣннаго и пережитаго... Такъ что простой короткій рассказъ не можетъ выѣстить вызванной имъ вереницы образовъ...

У меня былъ дядя „капитанъ“, о которомъ придется еще сказать впослѣдствіи. Это былъ человѣкъ добрый, веселый и большой юмористъ. И однако, у насъ передавали шепоткомъ, что, незадолго до освобожденія крестьянъ, онъ однажды приказалъ обливать водой напившагося плотника, голаго, на декабрьскомъ морозѣ. Этотъ жизненный фактъ стоялъ въ моемъ воображеніи, полный совершенно непримиримыхъ противорѣчій. Если это правда,—то вѣдь этотъ мой дядя долженъ быть похожъ на помѣщика Дешерта, завѣдомаго мучителя и злодѣя. А между тѣмъ, онъ веселый старикъ, отлично рассказывающій занимательныя вещи. Значить—неправда. Но, на мой вопросъ, одна изъ его дочерей густо покраснѣла и едва слышнымъ, испуганнымъ шопотомъ сказала: „Правда!..“ И, вдобавокъ, я не разъ видѣлъ того же плотника Кароля, самымъ миролюбивымъ образомъ, даже вполне дружески обсуждавшаго съ „капитаномъ“

вопросы о наилучшем устройствѣ „кулаковъ“ для шестерни въ новой мельницѣ...

Теперь это „чюки-чюки! Чюки-чюки-чюки!“—сразу объяснило мнѣ это противорѣчіе, сливъ противоположныя черты въ одинъ цѣльный образъ.

— Что вы, молодой человѣкъ, что вы?—говорить у Тургенева Мардарій Аполлоновичъ, качая головой:—Что я, злодѣй, что ли, что вы на меня такъ устались?

И я почувствовалъ, что дядя мой тоже не злодѣй, но что все-таки... онъ несомнѣнно обливалъ Кароля водой на морозѣ. И Кароль не питаетъ противъ него ни злобы, ни негодованія. А во мнѣ это негодованіе колыхалось теперь, какъ туча, за простыми впечатлѣніями этихъ житейскихъ картинъ, негодованіе уже не противъ людей, а противъ ихъ отношеній. Вѣроятно, я и этого тогда еще не выразилъ бы въ ясныхъ логическихъ понятіяхъ, но въ видѣ образа и настроенія у меня именно тогда родилось представленіе о нравственности отдѣльныхъ людей и нравственности порядка, учрежденій, строя жизни...

Такое было „настроеніе“, которое составляло фонъ для художественныхъ образовъ увлекавшей насъ тогда литературы. Слова и образы были просты, опредѣленны и ясны, настроеніе сложно, глубоко и плодотворно, потому что протягивалось въ глубокія дали самой жизни.

Съ этого дня художественная литература перестала быть въ моихъ глазахъ только развлеченіемъ, а стала увлекательнымъ и серьезнымъ дѣломъ. Это, конечно, нужно отнести и насчетъ самой литературы, но Авдѣевъ сумѣлъ зажечь и раздуть эти душевныя эмоціи сразу въ яркій пожаръ. У него было инстинктивное чутье юности и—талантъ. Съ первыхъ шаговъ онъ захватилъ наши незатронутые еще умы, и все уже, что онъ читалъ, говорилъ и дѣлалъ съ тѣхъ поръ, пріобрѣтало въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Исторія литературы, съ поученіями Мономаха и письмами Заточника,—выступала изъ своего туманнаго отдаленія, какъ предметъ значительный и важный, органически подготовлявшій грядущія откровенія „Слова“, а коротенькіе дивертисменты въ концѣ уроковъ, когда Авдѣевъ раскрывалъ принесенную съ собой книгу и прочитывалъ отрывокъ, сцену, стихотвореніе,—стали для насъ потребностью. Читалъ онъ мастерски, и, главное, въ его чтеніи никогда не чувствовалось искусственности. Начиналось оно всегда просто, и мы не замѣчали, какъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ Авдѣевъ переходилъ къ пафосу, потрясавшему насъ, какъ рядъ электрическихъ ударовъ, или къ комизму, заставлявшему классъ отъ души хохотать. Особенно любилъ онъ читать

Некрасова, и впоследствии я уже никогда не слышалъ такого чтенія.

Вскорѣ между Авдѣевымъ и нами завязались болѣе тѣсныя отношенія. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ, угощалъ чаемъ за своимъ холостымъ столомъ, и всегда держалъ себя просто, дружески и весело. И здѣсь опять мы никогда не чувствовали преднамѣренности и дидактизма: легкая шутка и вопросъ о только что прочитанной кѣмъ-нибудь изъ насъ повѣсти Тургенева, Писемскаго, Гончарова, Помяловскаго, стихотвореніи Некрасова, Никитина или Шевченка сплетались одинаково непринужденно... До сихъ поръ въ душѣ моей, какъ ароматъ цвѣтка, сохранилось особое ощущеніе, которое я уносилъ съ собой, возвращаясь изъ квартиры Авдѣева темными осенними вечерами,—ощущеніе любви, уваженія, молодой радости раскрывающагося ума и благодарности за эту радость...

Однажды, возвращаясь подъ такими впечатлѣніями къ себѣ часовъ около 9-ти, я вдругъ наткнулся на инспектора, который въ переулкѣ внезапно освѣтилъ мое лицо своимъ потайнымъ фонарикомъ. Меня на мгновеніе обдало точно кипяткомъ. Но я не испугался, не пытался увернуться и убѣжать, хотя могъ-бы, такъ какъ передо мной заранѣе рисовалась въ темнотѣ высокая, точно длинный столбъ, фигура приближавшагося Якова Степановича... Помню, что мнѣ было странно и досадно, точно я до этого мгновенія все еще оставался въ свѣтлой комнатѣ, а теперь неожиданно очутился въ грязномъ и темномъ переулкѣ передъ назойливымъ выходцемъ изъ другого міра. Повидимому, въ выраженіи моего лица было что-то, удивившее инспектора. Онъ ближе придвинулъ фонарикъ, внимательно всмотрѣлся въ меня и спросилъ:

— Что вы?

— Ничего, Яковъ Степановичъ.

— Откуда?

— Отъ Веніамина Васильевича. Относилъ книгу.

— А!

И онъ ушелъ, оставляя во мнѣ впечатлѣніе какого-то мимолетнаго соннаго призрака.

Никогда отъ Авдѣева мы не слышали ни одного намека на нашу „систему“ или на ненормальности гимназическаго строя. Но то, что онъ давалъ, было, пожалуй, сильнѣе прямой критики. Во мнѣ, напримѣръ, онъ вызывалъ совершенно особый душевный строй, который своимъ естественнымъ непреднамереннымъ контрастомъ отбѣнялъ и подчеркивалъ обычный строй гимназической жизни.

По временамъ Авдѣевъ, однако, продолжалъ пить. Однажды

его вывели изъ клуба, гдѣ онъ началъ говорить посѣтителемъ—очень веселія, правда—дерзости. Сначала, когда дѣло касалось отдѣльныхъ лицъ,—остальные хохотали; но затѣмъ оказалось, что у этого остроумнаго пьянаго красавца былъ неисчерпаемый запасъ остроты и каламбуровъ почти для каждаго въ отдѣльности и для всѣхъ вмѣстѣ. Это вызвало общее негодованіе, и Авдіева выпроводили; но и при этомъ онъ велъ себя такъ забавно, что и старшины, и публика хохотали, а на слѣдующій день, какъ стая птицъ, разлетѣлись по городу его характеристики и каламбуры... А еще черезъ нѣсколько дней, въ ближайшій клубный вечеръ, онъ опять явился, какъ ни въ чемъ не бывало, изящный, умный, серьезный, и—никто не посмѣлъ напомнить о недавнемъ скандалѣ... На гуляньяхъ въ ясные дни, когда „весь городъ“ выходилъ на шоссе, чинно прогуливаясь „за шлагбаумомъ“, Авдіевъ переходилъ отъ одной группы къ другой, и всюду его встрѣчали привѣтливо, какъ общаго фаворита. Дамы всѣ были отъ него въ восторгѣ—въ отношеніи къ нимъ онъ никогда не забывался даже пьяный,—а мужчины старались забыть его выходки.

— Что дѣлать! Человѣкъ съ сатирическимъ направленіемъ ума, — сказалъ про него кто-то, кажется, воинскій начальникъ, жену котораго Авдіевъ считалъ очень красивой и умной,—и провинціальный городъ принялъ эту сентенцію, какъ своего рода патентъ, узаконявшій поведеніе интереснаго учителя. Другимъ, конечно, спустить того, что спускалось Авдіеву, было-бы невозможно. Но вѣдь эти другіе и не могли бы сдѣлать все это такъ смѣло, весело и остроумно. Человѣку съ „сатирическимъ направленіемъ ума“ все это какъ-бы полагалось по штату... Все это, разумѣется, въ маленькомъ городишкѣ становилось извѣстнымъ и, конечно, доходило до гимназистовъ. Ученики передавали о скандалахъ по рассказамъ клубныхъ очевидцевъ и съ удовольствіемъ повторяли остроты и каламбуры своего любимца. Мнѣ тоже порой казалось, что это занимательно и красиво, и иной разъ я даже мечталъ о томъ, что когда-нибудь и я буду такимъ-же увѣзднымъ сатирикомъ, котораго одни боятся, другіе любятъ, и всѣ, въ сущности, уважаютъ за то, что онъ никого самъ не боится и шевелить дремлющее болото своими выходками. Но еще чаще щемило въ душѣ какое-то сложное ощущеніе. Я не могъ примириться съ мыслью, что Авдіева—„выводили изъ клуба“, и многіе считаютъ себя вправѣ называть его пьяницей.

Однажды онъ далъ мнѣ читать Писемскаго. Есть у этого писателя одна повѣсть, менѣе другихъ упоминаемая критикой и забытая читающей публикой, но которая тогда про-

извела на меня очень яркое впечатлѣніе. Называется она „M-sieur Батмановъ“ и изображаетъ человѣка съ „широкой натурой“, красиваго, эксцентричнаго, остроумнаго, „не признающаго условностей“. Онъ попадаетъ изъ столицы въ небольшой губернский городъ, очаровываетъ все общество, которое самъ открыто презираетъ, говоритъ дерзости губернскимъ магнатамъ и производитъ болѣе или менѣе забавныя дебоши. Его любятъ умная и красивая женщина. Онъ какъ будто любитъ ее также, но они все-таки расходятся навсегда: мосье Батмановъ не можетъ подумать безъ отвращенія о законномъ бракѣ и любви по обязанности. У меня замирало сердце, когда я читалъ послѣднее объясненіе Батманова съ любимой женщиной гдѣ-то, кажется, въ театральной ложѣ. Я не совсѣмъ понималъ, что именно заставило ихъ разойтись, но мнѣ казалось, что то, изъ-за чего такой умный человѣкъ отказывается отъ любви и счастья, должно быть тоже очень умно, возвышенно и важно. Съ тѣхъ поръ я не перечитывалъ этой повѣсти и не могу теперь рѣшить что тутъ, собственно, способствовало особенной яркости и силѣ впечатлѣнія: яркость самаго образа или то обстоятельство, что за обликомъ Батманова я подставилъ въ воображеніи оригинальное лицо любимаго учителя, съ его тонкой улыбкой, заразительнымъ смѣхомъ и порой ѣдкимъ, но чаще благодушно-красивымъ остроуміемъ. Какъ и Батмановъ, онъ выдѣлялся рѣзкимъ пятномъ на тускломъ провинціальномъ фонѣ, головой выше всѣхъ окружающихъ. Какъ и Батмановъ, не боялся общаго мнѣнія; наконецъ, какъ и у Батманова, мнѣ чудилась за всѣмъ этимъ какая-то драма, душевная боль, непонятный отказъ отъ счастья изъ-за неясныхъ для меня, но, конечно, возвышенныхъ побужденій...

Кончается повѣсть Писемскаго неожиданной сценкой. Въ какомъ-то сибирскомъ городкѣ мѣстные купцы-золото-промышленники встрѣчаютъ пріѣзжаго сановника. Впереди депутаціи съ хлѣбомъ-солью стоитъ дородный красивый человѣкъ, съ широкой бородой, въ сибирскѣ изъ тонкаго сукна и въ высокихъ сапогахъ бураками. Сановникъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ узнаетъ въ немъ стараго знакомаго, — м-сье Батманова. „Да, чѣмъ только не кончалось русское разочарованіе!“ — замѣчаетъ въ заключеніе Писемскій. Обаяніе фигуры Батманова и его предыдущихъ подвиговъ на мой неопытный въ критикѣ умъ было такъ велико, что я какъ-то совершенно не обратилъ вниманія на это сатирическое заключеніе.

Однажды, когда я принесъ Авдіеву какую-то прочитанную книгу, онъ остановилъ меня, и мы разговорились какъ-то особенно задумчиво. Вообще, я уже сталъ тогда однимъ

изъ любимыхъ его учениковъ, и порой наши бесѣды принимали оттѣнокъ своеобразной дружбы взрослога человѣка и юноши, почти мальчика. Не помню, съ чего начался этотъ разговоръ, но затѣмъ онъ спросилъ,—не случается-ли мнѣ встрѣчать въ литературѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Я сказалъ о томъ, какъ Мардарій Аполлоновичъ Стегуновъ заставилъ меня вспомнить о моемъ дядѣ-капитанѣ, хотя, въ сущности, они другъ на друга не похожи. Онъ выслушалъ эту параллель съ интересомъ и вдругъ предложилъ вопросъ:

— Ну, а я похожъ на кого-нибудь изъ этихъ господъ?

— Вы...—отвѣтилъ я, нѣсколько застѣнчиво,—у Писемскаго: мосе Батмановъ.

Авдѣевъ удивленно повернулся на креслѣ и сказалъ съ недоумѣніемъ:

— Бат-ма-новъ? Странно. Въ чемъ-жѣ сходство?

Я почувствовалъ себя въ затрудненіи. Что сказать, въ самомъ дѣлѣ, на этотъ вопросъ: въ скандалахъ и остроумныхъ каламбурахъ? Замѣтивъ мое затрудненіе и сконфуженность,—онъ засмѣялся и спросилъ:

— А Батмановъ этотъ вамъ нравится?

— Да.

Онъ протянулъ руку, взялъ со стола книгу и, развертывая ее, спросилъ:

— Да вы дочитали до конца?

— Дочиталъ. Что-жъ, конецъ? Можно-бы закончить иначе...

— Вы думаете? Ну, нѣтъ. Въ этомъ чувствуется художественная правда. *Иначе* было бы опять въ томъ-же родѣ.

Онъ прочелъ заключительную сценку вплоть до ироническаго восклицанія о русскомъ разочарованіи и сказалъ:

— И что только вамъ понравилось? Печоринствующій бездѣльникъ изъ дворянъ... Но съ Печориними, батюшка, дѣло давно покончено. Въ литературной гвардіи они уже разжалованы въ инвалидную команду,—и теперь развѣ гарнизонные офицеры прельщаютъ уѣздныхъ барышенъ печоринскимъ „разочарованіемъ“. Вамъ вотъ конецъ не понравился... Это значить, что и у васъ, господа гимназисты, вкусы еще немного... гарнизонные... Конецъ-то какъ разъ показываетъ, что Писемскій настоящій художникъ.

Я чувствовалъ себя совершенно сконфуженнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сравнилъ Авдѣева съ гарнизоннымъ Печоринимъ, и, должно быть, сильно покраснѣлъ. Авдѣевъ замѣтилъ это и вдругъ, откинувъ голову, залился своимъ звенящимъ смѣхомъ.

— А! вотъ оно что! Кажется, понимаю,—сказалъ онъ.— Ну, ничего, ничего, но краснѣйте! Не вѣдь это сходство только поверхностное. Батмановъ прежде всего баринъ, ску-

чающий отъ бездѣлья. Ну, а я разночинецъ и работникъ. И кажется...

Онъ опять взглянулъ на меня и прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— И, кажется, работникъ въ своемъ дѣлѣ не дурной.

Онъ откинулся въ креслѣ-качалкѣ, нѣсколько времени молча покачивался, глядя передъ собой. Затѣмъ опять протянулъ руку къ полкѣ съ книгами.

— „Затишье“ вы читали?—спросилъ онъ.

— Читалъ.

Онъ раскрылъ Тургенева и, перекинувъ нѣсколько листовъ, прочелъ громко:

„Марья Павловна опять взглянула на него.

— „Вы увѣряете, что слушаетесь меня...

— „Конечно, слушаюсь.

— „Слушаетесь? А вотъ сколько разъ я васъ просила... не пить вина.

„Онъ засмѣялся.

— „Эхъ Маша, Маша! И вы туда-же... Да, во-первыхъ, я вовсе не пьяница, а, во-вторыхъ, знаете-ли, для чего я пью. Посмотрите-ка вотъ на эту ласточку... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ,—куда хочетъ, туда его и бросить... Вонъ взвилась, вонъ удари-лась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ для чего я пью, Маша, чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка... Швыряй себя, куда хочешь, лети, куда вздумается“...

— Веретьевъ!—сказалъ я радостно. Веретьевъ мнѣ тоже очень нравился и тоже отчасти напоминалъ Авдѣева: превосходно читалъ стихи, говорилъ пошляку Астахову неприятную правду въ глаза и — такъ красиво „швырялъ себя, подобно ласточкѣ“. Но на этотъ разъ я тотчасъ-же вспомнилъ конецъ и сказалъ довольно уныло:

— А кончается тоже плохо.

— Очень плохо,—сказалъ Авдѣевъ.—Ласточка, ласточка, а въ концѣ... господинъ въ поношенномъ испанскомъ плащѣ, съ слегка оплывшими глазами и крашеными усами. Знаете что,—никогда не пейте, и главное—не начинайте. Ни изъ удалства, ни для того, чтобы быть ласточкой. Запомните вы этотъ мой совѣтъ, когда станете студентомъ?

— Запомню, Веняминъ Васильевичъ,—отвѣтилъ я съ волненіемъ и затѣмъ, по внезапному побужденію, поднялъ на него глаза, но не рѣшился высказать вставшій въ умѣ вопросъ. Онъ, вѣроятно, понялъ, потянулся въ креслѣ и быстро всталъ на ноги.

— Да,—сказалъ онъ:—„ласточка“ —это у Тургенева замѣ-

чательно вѣрно; но крашенные усы... брррр. И вообще скверность. Эти полеты нужно умѣть остановить во-время...

Это былъ косвенный отвѣтъ на мой безмолвный вопросъ... Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ опять сѣлъ и закачался, смѣясь, а я, ободренный этимъ, рѣшился еще на одинъ вопросъ:

— Правда... вы женитесь?

Онъ съ улыбкою, искоса, взглянулъ на меня и спросилъ, въ свою очередь:

— На комъ?

— На Л...

— А вы бы мнѣ этого желали?

— Да, очень...

— Искренно?

— Искренно,—отвѣтилъ я съ убѣжденіемъ.

Онъ захохоталъ какъ-то совсѣмъ по-дѣтски и потомъ сказалъ:

— Очень тронуть...но... Да будетъ вамъ краснѣть-то! Нѣтъ, не женюсь...

Я, дѣйствительно, покраснѣлъ, должно быть, до корня волосъ. Дѣло въ томъ, что въ это время я самъ былъ влюбленъ и именно въ ту самую дѣвушку, о которой въ городѣ начали поговаривать, какъ о предполагаемой невѣстѣ Авдіева. Слухъ этотъ сначала больно поразилъ мое влюбленное сердце, но затѣмъ я примирился съ мыслью, что она будетъ женой Авдіева, и что тогда онъ броситъ пить. Мое довольно подвижное воображеніе рисовало мнѣ на этомъ фонѣ разныя болѣе или менѣе красивыя картины. Черезъ много лѣтъ я, пожилой и одинокій, такъ какъ остался вѣренъ своему чувству, посѣщаю, послѣ разныхъ бурныхъ скитаній по свѣту, ихъ счастливую семью. И только тогда онъ узнаетъ тайну моей любви и моего самоотверженія и то, какую огромную жертву принесъ ему горячо любившій его ученикъ...

Теперь переливчатый смѣхъ Авдіева спугнулъ всѣ эти фантазіи. На этотъ разъ я покраснѣлъ оттого, что почувствовалъ ихъ ребячество и... вспомнилъ сразу, что, въ сущности, великодушіе мое было довольно дешеваго свойства, такъ какъ, и безъ Авдіева, мои шансы были очень плохи... Реализмъ отвоевывалъ и тутъ мѣсто у сантиментально-фантастической драмы...

Русскихъ писателей я бралъ у Авдіева одного за другимъ и читалъ запоемъ. Часто мнѣ казалось, что все это, въ сущности, только вскрываетъ и освѣщаетъ мысли и образы, которые давно уже стояли туманной толпой въ глубинѣ моего собственного мозга. Каждый урокъ словесности являлся свѣтымъ промежуткомъ на тускломъ фонѣ обязательной гим-

наизической рутины, часомъ отдыха, наслажденія, неожиданныхъ и яркихъ впечатлѣній. Часто я даже по утрамъ просыпался съ неоформленнымъ ощущеніемъ какой-то радости. А, это—сегодня урокъ словесности!

Однажды на улицѣ вечеромъ я встрѣтилъ Авдіева. Онъ шелъ подъ руку съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, нѣсколько старше меня, съ южнымъ профилемъ и черными кудрявыми волосами. Я уже видѣлъ его раньше. Это былъ Гаврило Кайдановъ, недавно пріѣхавшій въ нашъ городъ, чтобы поступить въ одинъ изъ старшихъ классовъ гимназіи. Онъ приходился родственникомъ учителю Тысу и держался запросто въ учительской компаніи. Это дѣлало его въ моихъ глазахъ чѣмъ-то вышшимъ, чѣмъ мы, бѣдняги-ученики въ застегнутыхъ мундирахъ, съ вѣчной опаской передъ начальствомъ. Встрѣтивъ меня у одинокаго фонаря на углу, Авдіевъ остановился и сказалъ:

— А! Это вы. Хотите ко мнѣ пить чай? Вотъ кстати, познакомьтесь: Кайдановъ, вашъ будущій товарищъ, если только не срѣжется на экзаменѣ,—что однако, весьма вѣроятно. Мы вамъ споемъ малорусскую пѣсню. Чи може вы нашихъ писенъ цураетесь?—спросилъ онъ по-малорусски.—А коли не цураетесь,—идемъ.

Я, конечно, былъ очень радъ, и этотъ вечеръ весь прошелъ въ пѣніи. У Авдіева былъ глубокій и свободный баритонъ. Кайдановъ подтягивалъ небольшой, но пріятной октавой. Я сидѣлъ у открытаго окна и слушалъ. Въ окно видѣлся прудъ, островъ, тополи и замокъ. Надъ дальними камышами, почти еще не свѣта, подымалась въ туманахъ задумчивая красная луна, а небольшая комната, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ лампы,—вся звенѣла мечтательной, красивой тоской украинской пѣсни. Никогда впоследствии я не испытывалъ такихъ сильныхъ ощущеній отъ пѣнія, какъ въ подобные вечера у Авдіева. Послѣ двухъ-трехъ знакомыхъ пѣсенъ, Авдіевъ сказалъ:

— Ну, Кайдановъ,—теперь давайте ту, новую...

И, взявъ тонъ, онъ запѣлъ пѣсню „про бурлаку“.

— Бурлакъ робить, заробляе,

А хозяинъ пье, гуляе.

Гей-гей! Яромъ, за товаромъ,

А горами за волами...

Гей, гей! Тяжко житы зъ ворогами.

Да, несомнѣнно, въ пѣснѣ, какъ и вообще въ поэзіи, есть свои краски и формы. Нужно только, чтобы въ центрѣ сталъ ясный образъ, а уже за нимъ, въ туманныя глубины воображенія, въ безконечную даль непознаннаго, невѣдомаго въ природѣ

и жизни, потянутся свои живые отголоски и будут уходить, дрожа, вспыхивая, плача, угасая. Я живо помню, какъ въ этотъ вечеръ въ замирающихъ тонахъ глубокаго голоса Авдіева, когда я закрывалъ глаза или глядѣлъ на смутную гладь камышей,—мнѣ *видѣлась* степь, залитая мечтательнымъ сіяніемъ, колышущаяся буйной травой, изрѣзанная молчаливыми ярами. А басовая октава Кайданова разстилась подъ изгибами високаго и свѣтлаго баритона, какъ ночныя тѣни въ этихъ ярахъ и долинахъ... И среди этой озаренной степи стоялъ и оглядывался сиротина-бурлака и кричалъ: гей-гей! на затерявшихся воловъ и на свою одинокую долю...

Помню, что эта пѣсня безотчетно понравилась мнѣ тогда больше всѣхъ остальныхъ, но только теперь я понимаю причину этого. Авдіевъ своимъ чтеніемъ и пѣніемъ вновь разбудилъ во мнѣ дремавшій украинскій романтизмъ, и я опять чувствовалъ себя во власти этой поэтической дали степей и дали временъ...

Гетьманы, гетьманы! Якъ бы то вы встали,
Встали подывылись на свій Чигиринъ,
Що вы будували, де вы панували...

А за этимъ печальнымъ вздохомъ тянулись ряды картинъ:

Базары, де вѣйсько, якъ море червоне,
Перед буньчуками, бувало, горить...
А ясновельможный на вороним кони
Блысне булавою...⁶Море запыть...

Или:

У трубы затрубили,
У дзвоны задзвонили,
Вдарыли з гарматы...
Знаменами, буньчуками
Гетьмана укрыли...

И я грустилъ о томъ, что все это ушло, что всего этого уже нельзя встрѣтить на этомъ скучномъ свѣтѣ, что уже

Не вернуться казаччина,
Не встануть гетьманы,
Не покріють Україну
Червони жупаны.

А од казачтва, од гетманства высокі могилы, бѣльш нічого не осталось... Подъ вліяніемъ пѣсенъ и чтенія Шевченка, котораго превосходно читалъ Авдіевъ,—этотъ романтичeskій душевный строй достигалъ у меня въ извѣстныхъ минутахъ

сильного, жгучаго напряженія, и мнѣ казалось, что я-таки становлюсь, какъ тогда говорили, „украинофиломъ“. Но, въ сущности, этого не было, и не было потому, что та самая рука, которая открывала теперь для меня этотъ призрачный міръ,—еще шире распахнула передо мной окно родственной русской литературы, въ которое хлынули потоками простые, ясные, современные, реальные образы и мысли. Безъ моего сознанія и вѣдома въ душѣ происходила чисто стихійная борьба этихъ настроеній. И теперь на вопросъ Авдіева, понравилась ли мнѣ пѣсня „про бурлаку“ я отвѣтилъ, что понравилась больше всѣхъ. На вопросъ,—почему больше всѣхъ, я нѣсколько замаялся.

— Потому что... напоминаетъ Некрасова. И я весь покраснѣлъ, чувствуя, что въ сущности сходства нѣтъ, а между тѣмъ мой отзывъ все-таки выражалъ что-то дѣйствительное.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, что тутъ рѣчь идетъ не о прошломъ, а о настоящемъ?—сказалъ Авдіевъ.—Что это современный бурлакъ и современный хозяинъ? У Шевченка тоже много такихъ мотивовъ.

И онъ прочелъ нѣсколько отрывковъ. Я тогда согласился, но въ глубинѣ сознанія все-таки стояло какое-то различіе: такіе мотивы были, были даже прямыя проклятія этому декоративному прошлому:

Варшавське смиття ваши паны,
Ясновельможные гетьманы!

Но основной, господствующій мотивъ все-таки была глубокая тоска объ этомъ прошломъ, разрѣшавшаяся безпредметной мечтой, о чемъ-то невозможномъ и смутномъ, какъ говоръ степного вѣтра на казацкой могилѣ...

Это я теперь раскрываю скобки, а тогда въ душѣ уживались оба настроенія, только одно становилось все живѣе и громче. Въ это время я вообще бредилъ литературой, и порой, собравъ двухъ-трехъ охочихъ слушателей, иногда даже довольствуясь однимъ,—готовъ былъ цѣлыми часами громко читать Некрасова, Никитина, Тургенева или комедіи Островскаго. Въ чтеніи я подражалъ Авдіеву. Конечно, ни Авдіевского голоса, ни силы въ его выраженіи у меня не было, и въ общемъ это было чтеніе весьма посредственное. Но порой я все-таки одушевлялся и сознавалъ, что въ нѣкоторой степени одушевленіе передается и другимъ. Однажды, въ воскресенье, я залучилъ, такимъ образомъ, товарища-еврея, Симху, съ которымъ въ то время очень сблизился. У него были художественныя наклонности, и я охотно слушалъ его игру на скрипкѣ. Въ свою очередь, я угостилъ его че-

ниемъ „Гайдамаковъ“. Чтеніе захватило меня сильно, голое мое стало гибкимъ и зазвенѣло внутреннимъ одушевленіемъ. Однако, вскорѣ я почувствовалъ, какъ это часто бываетъ, что та оѣбенная, живая связь, которая порой соединяетъ чтеца съ слушателемъ, оборвалась и не возобновляется. Я пересталъ читать, взглянулъ въ круглое симпатичное лицо моего пріятеля и понялъ: я читалъ *серго* о томъ, какъ герой Шевченковскій поэмы, Галайда, кричитъ въ Лисянкѣ: „дайте ляха, дайте жида, мало мені, мало!“ Какъ гайдамаки точатъ кровь „жидивочекъ въ воду“ и такъ далѣе... Это, конечно, была „исторія“, но я тогда менѣе всего способенъ былъ устанавливать историческія перспективы и видѣлъ, что отъ этой поэтической исторіи моему пріятелю стало больно. А затѣмъ кое-гдѣ изъ жгуче-красиваго тумана, въ которомъ гениальною кистью украинскаго поэта были разбросаны полныя жизни и движенія картины этой ужасной и безчеловѣчной борьбы,—стало проглядывать кое-что, затронувшее уже и меня лично. Гонта, предводитель гайдамаковъ, служилъ прежде въ уманьскомъ замкѣ начальникомъ реестровыхъ казаковъ. Въ это время онъ женился на полькѣ, и у него было двое дѣтей. Когда гайдамаки, подъ предводительствомъ того же Гонты, взяли замокъ, иезуитъ приводитъ къ ватажку его дѣтей — католиковъ. Гонта уноситъ ихъ и рѣжетъ обоихъ „священнымъ ножомъ“, а гайдамаки зарываютъ живьемъ въ колодець школяровъ изъ семинаріи, гдѣ учились дѣты Гонты.

Эта картина ударила меня по сердцу рѣзкимъ диссонансомъ. Въ книгѣ Добробольва, данной Авдѣевымъ, я прочелъ восторженный отзывъ объ этомъ произведеніи малороссійскаго поэта и отчасти объясненіе того, что меня такъ поразило. Шевченко, самъ украинецъ, потомокъ тѣхъ самыхъ гайдамаковъ, съ полной объективностью и глубокимъ проникновеніемъ рисуется настроеніе своего народа. Я тогда принялъ это объясненіе, но, въ сущности, гдѣ-то подъ этимъ моимъ согласіемъ просачивалась струйка глухого протеста... Въ поэмѣ ничего не говорится о судьбѣ матери зарѣзанныхъ дѣтей. Гонта ее прокликаетъ:

„Будь проклята маты,
Та проклята католичка,
Що васъ породила,
Чомъ вона васъ до схидъ сонца
Була не втопыла“...

Но, думалось мнѣ неволью,—вѣдь онъ самъ на ней женился, зная, что она католичка, какъ мой отецъ женился на

моей матери... И я, конечно, не могъ раздѣлять непосредственно и цѣльно этой жгучей тоски о томъ, что теперь уже

Не заріже батько сына
Своеї дитины
За честь славу, за братерство
За волю Вкраїны...

Между тѣмъ, это четырехстишіе глубоко застряло у меня въ мозгу еще съ того юношескаго времени... Вѣроятно, именно потому, что невольное восхищеніе передъ силой таланта украинскаго поэта, невольное очарованіе націоналистскаго романтизма уже встрѣчалось съ другимъ, качественно отличнымъ теченіемъ, болѣе родственнымъ моей душѣ. Этому способствовали еще нѣкоторые особенные мотивы, вытекавшіе изъ тогдашняго „обрусительства“, болѣзненно затрогивавшіе меня въ отношеніи моей матери-польки...

Въ первый же годъ по вступленіи моемъ въ ровенскую гимназію, священникъ-законоучитель замѣтилъ въ моемъ произношеніи ударенія на польскій ладъ. Читая „отче нашъ“, я сказалъ: на небесѣхъ, вмѣсто „на небесѣхъ“.

— „На небесѣхъ“... передразнилъ онъ какимъ-то особеннымъ ехиднымъ тономъ:—по-польскому... Матка полечка...

Кровь бросилась мнѣ въ голову. Я потушился и пересталъ отвѣчать на это грубое издѣвательство надъ моей матерью. Мы тогда были еще очень смирны... Въ моей маленькой груди столпились и клокотали безформенныя чувства, но я не умѣлъ ихъ выразить и, можетъ быть, расплакался бы или выбѣжалъ изъ класса, но меня поддержало сознаніе, что за мной—сочувствіе всѣхъ товарищей. Не добившись отъ меня продолженія молитвы,—священникъ отпустилъ меня на мѣсто. Когда я съѣлъ, мой сосѣдь Кроль сказалъ:

— Молодецъ, что не отвѣчалъ. Это онъ всегда такъ, проклятый попище. У меня тоже отецъ лютеранинъ...

Мое молчаніе, почти произвольное, — было принято какъ протестъ, и классъ это одобрилъ. Но я, идя домой, всю дорогу бормоталъ про себя разныя гнѣвные слова, которыя я долженъ былъ найти тогда же, и не могъ себѣ простить, что не нашелъ ихъ своевременно... Впослѣдствіи особенныхъ столкновеній у меня лично съ этимъ священникомъ не было, и вообще онъ не былъ особенно придирчивъ. Но я нѣсколько лѣтъ, пожалуй, до конца не могъ забыть ему этого „матка-полечка“ и тона, какимъ эти слова были сказаны...

Я излагаю эти сторонніе словесности мотивы въ главѣ объ Авдіевѣ потому, что его слѣдъ остался въ моей душѣ

переплетеннымъ почти со всѣми элементами моего умственнаго и духовнаго роста. Всѣ остальные учителя преподавали каждый—свой отдѣльный предметъ. Авдѣевъ, отправляясь отъ словесности, училъ мыслить и чувствовать. Онъ училъ насъ въ классѣ, дома, на прогулкѣ, училъ систематическимъ курсомъ, чтеніемъ для отдыха, данной на домъ книгой, пѣсней, шуткой, обаяніемъ своей личности. На мое національное чувство онъ тоже имѣлъ большое и разрѣшающее вліяніе, хотя и не прямое. И впоследствии еще не разъ волны національнаго украинскаго романтизма пронеслись надъ душой, какъ тѣни облаковъ проносятся надъ нивами. Но душа все-таки гораздо обильнѣе засѣвалась впечатлѣніями передовой русской мысли, не потому, конечно, что она была русская, а потому, что она разрѣшала многое, что даже не было затронуто другими. И если впоследствии я уже сознательно нашелъ свою родину, то это была уже не Польша, не Украина, не Волынь, не Великороссія,—а великая область русской мысли и русской литературы, область, гдѣ господствовали Пушкины, Лермонтовы, Бѣлинскіе, Добролюбовы, Гоголи, Тургеневы, Некрасовы, Салтыковы... Эта область взяла цѣликомъ мою „разноплеменную“ душу именно потому, что она примиряла и разрѣшала душевные конфликты, не требуя ни вражды, ни посягательства, ни отреченій, а все охватывая широкими формулами „человѣческой“ терпимости и свободы... И самого Шевченка я научился понимать и любить лучше и глубже, когда впоследствии подошелъ къ нему съ идеями, вынесенными изъ литературы „москалей“...

Авдѣевъ пробылъ у насъ уже около учебнаго года. Пропили экзамены и каникулы. Я перешелъ въ седьмой классъ. На первомъ урокѣ новаго курса,—онъ обратился къ классу съ шутливымъ предложеніемъ:

— Нѣтъ ли, господа, у кого-нибудь записокъ моего прошлогодняго перваго урока? Есть? Отлично. Прозкзаменуйте меня, пожалуйста. Я буду опять говорить о томъ же, а вы прослѣдите и отмѣчайте тѣ фразы, которыя я повторю цѣликомъ по прошлогоднему. Я буду держаться конспекта, и, значитъ, порядокъ будетъ приблизительно тотъ же.

Мы стали слѣдить и подчеркивать повторенія. Когда онъ кончилъ,—оказались подчеркнутыми двѣ или три красивыя фразы. Онъ взглянулъ въ тетрадь и улыбнулся.

— Ну, это еще слава Богу.—И затѣмъ, слегка вздохнувъ, прибавилъ: — Лѣтъ черезъ десять буду жарить слово въ слово... Рутиня — самый страшный врагъ всякаго живого дѣла. Вы, вотъ, посмѣиваетесь надъ нѣкоторыми изъ насъ, а вѣдь это, господа, трагедія! Сначала — въ умѣ все

свѣжо и живо. Самъ еще продолжаешь учиться, ищешь новой мысли, новаго каждый разъ выраженія, наилучшей системы... Потому... годъ за годомъ все отливается въ готовые формы. Сначала запоминаются только наиболѣе удачныя выраженія, потомъ застываетъ все... И хотѣлъ бы выразиться иначе, да уже нельзя. Готово: вмѣсто живого человѣка — болѣе или менѣе аккуратная машина!

Помню, что этотъ внѣпрограммный маленькій урокъ произвелъ на меня огромное впечатлѣніе, точно яркимъ лучомъ освѣтивъ общій тонъ нашей, да и не одной нашей гимназіи. Я представилъ себѣ сорокъ лѣтъ службы, напримѣръ, старика Лемпа, въ томъ же городѣ, надъ тѣми же заплывшими ряской прудами, въ томъ же аданіи, гдѣ онъ учить, быть можетъ, внуковъ своихъ первыхъ учениковъ... И трагедія этого умственного окостенѣнія и автоматизма въ первый разъ еще выступила для меня въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, безъ дѣтски-легкомысленнаго комическаго освѣщенія...

Авдіеву, пока, эта трагедія еще не угрожала. Онъ защищался отъ нея дѣйствительной любовью къ своему предмету и живымъ общеніемъ съ своими учениками. Однако, опасность подходила съ другой стороны.

Однажды онъ явился въ классъ серьезный и чѣмъ-то, видимо, огорченный:

— У насъ требуютъ присылки четвертныхъ сочиненій для просмотра въ округъ,—сказалъ онъ съ какой-то особенной сдержанностью.—По нимъ будутъ судить не только о вашемъ изложеніи, но и объ образѣ вашихъ мыслей. Я хочу вамъ напомнить, что наша программа кончается Пушкинымъ. Все, что я вамъ читалъ изъ Лермонтова, Тургенева, особенно Некрасова,—не говоря о Шевченкѣ, въ программу не входитъ. Теперь перейдемъ къ уроку...

Ничего больше онъ въ классѣ не сказалъ, и мы не спрашивали... Начиналась „система“, которой вскорѣ суждено было сжать и учениковъ, и учителей общими тисками. Къ „обрусительной“ политикѣ прибавлялась политика внутренняя, къ искорененію полонизмовъ въ рѣчи, изслѣдованіе „образа мыслей“. Чтеніе новыхъ писателей продолжалось, но мы понимали, что все это, что намъ такъ нравилось, что будило въ насъ столько новыхъ чувствъ и мыслей,—кто-то хочетъ отнять отъ насъ; кому-то нужно закрыть окно, въ которое лилось столько свѣта и воздуха, освѣжавшаго застоявшуюся „гимназическую“ атмосферу...

— А я отъ васъ, кажется, скоро уѣду,—сказалъ вскорѣ послѣ этого Авдіевъ съ мягкой грустью, когда я зашелъ къ нему. У меня упало сердце.

— Отчего?—спросилъ я.

— Долго рассказывать, да, может быть, и не къ чему,— отвѣтилъ онъ.—Просто пришелся не ко двору...

Съ этого года къ намъ пріѣхалъ новый директоръ, Долгоноговъ. Это былъ плотный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ великорусскимъ акцентомъ рѣчи и съ манерами формалиста-чиновника. Правда, чиновника „настоящаго“ (теперь, по моему мнѣнію, такихъ нѣтъ). Онъ не былъ особенно строгъ, всегда обстоятельно выслушивалъ объясненія учениковъ, и если въ нихъ встрѣчалось что-нибудь, похожее на жалобу, то за ней всегда слѣдовало самое точное разбирательство. Всѣ, начиная съ огромнаго инспектора и кончая Дятяковичемъ, сразу почувствовали надъ собой авторитетную руку. Долгоногова, видимо, боялись, уважали и не любили. Мы считали его человѣкомъ справедливымъ, но онъ былъ отъ насъ далекъ и мало доступенъ.

Можно было легко угадать, что Авдіеву будетъ трудно ужиться съ этимъ неуклоннымъ человѣкомъ. А Авдіевъ, вдобавокъ, ни въ чемъ не мѣнялъ своего поведения. По-прежнему читалъ намъ въ классахъ новѣйшихъ писателей; по-прежнему мы собирались у него группами на дому; по-прежнему порой въ городѣ рассказывали объ его выходкахъ...

Я почувствовалъ, безъ объясненій Авдіева, въ чемъ дѣло, и прямая плотная фигура Долгоногова стала мнѣ ненавистна. Однажды, при встрѣчѣ съ нимъ на деревянныхъ мосткахъ, я уступилъ ему дорогу, но поклонился запоздало и небрежно. Онъ повернулся, но, увидя, что я все-таки поклонился, тотчасъ же прослѣдовалъ дальше своей твердой размѣренной походкой. Ему нуженъ былъ поклонъ, такъ какъ это требовалось правилами и дисциплиной. Но онъ не былъ мелочень и не обращалъ вниманія на отвѣтки.

Онъ пробылъ у насъ не болѣе года и ознаменовалъ свое директорство, во-первыхъ, тѣмъ, что выжилъ Авдіева, а, во-вторыхъ... Человѣческая натура—штука очень сложная, и съ тѣмъ же человѣкомъ, который лишилъ насъ любимаго учителя, у меня связано одно изъ лучшихъ воспоминаній моего гимназическаго періода. Объ этомъ, впрочемъ, послѣ...

Вскорѣ въ городъ пріѣхалъ кievскій попечитель, кажется, Яновскій. Это былъ скромный старикъ, въ мундирѣ отставнаго военнаго, съ очень простыми и симпатичными повадками. Пріѣхалъ онъ какъ то тихо, безъ всякой помпы, и въ гимназію пришелъ, кажется, пѣшкомъ, по звонку, вмѣстѣ съ учителями. На уроки онъ тоже приходилъ въ самомъ началѣ, сидѣлъ до конца, и объ его присутствіи почти забывали. Ученики передавали, что онъ былъ когда-то

разжалованъ въ солдаты по одному дѣлу съ Костомаровымъ и Шевченкомъ, и опять возвысился при Александрѣ II. Онъ остался очень доволенъ Авдѣевымъ въ смыслѣ преподаванія. Пробылъ онъ въ нашемъ городѣ нѣсколько дней, и въ теченіе этого времени распространилось извѣстіе, что его переводятъ попечителемъ учебнаго округа на Кавказъ.

Однажды, на гимназической улицѣ, когда я шелъ, обремененный книгáми, съ послѣдняго урока, — меня обогналъ Авдѣевъ.

— Что это у васъ за походка, — сказалъ онъ, весело смѣясь: — съ разальцемъ.. Подтянулись бы немного. А вотъ еще хуже, что вы не занимаетесь математикой.

— Я, Веніаминъ Васильевичъ, неспособенъ...

— Пустяки. Никто не требуетъ отъ васъ математическихъ откровеній, а въ гимназическихъ предѣлахъ — способенъ всякій. Нельзя быть образованнымъ человѣкомъ безъ математической дисциплины...

Въ это время на противоположной сторонѣ изъ директорскаго дома показалась скромная фигура Яновскаго. Поклонившись провожавшему его до выхода директору, онъ перешелъ черезъ улицу и пошелъ нѣсколько впереди насъ.

— Ну, вотъ, — сказалъ тихо Авдѣевъ, — сейчасъ дѣло мое и рѣшится. Кивнувъ мнѣ привѣтливо головой, онъ быстро догналъ попечителя и, приподнявъ шляпу, сказалъ своимъ открытымъ пріятнымъ голосомъ:

— У меня къ вамъ, ваше превосходительство, большая просьба. Учитель Авдѣевъ, преподаю словесность.

— Знаю, — сказалъ старый генералъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ голосѣ. — Какая просьба?

— Говорятъ, вы переводитесь на Кавказъ. Если это правда... Въ Тифлисѣ есть свободная вакансія... возьмите меня съ собою.

— Это почему?

Авдѣевъ улыбнулся и сказалъ:

— Разъ вы, ваше превосходительство, меня запомнили, то позвольте думать, что вамъ извѣстны также причины, почему мнѣ здѣсь оставаться... не рука.

Старый Кирилло-мееодіевецъ остановился на мгновение и взглянулъ въ лицо такъ свободно обратившемуся къ нему молодому учителю. Потомъ зашагалъ опять, и я услышалъ, какъ онъ сказалъ негромко и спокойно:

— Ну, что жъ. Пожалуй.

Мнѣ было неловко подслушивать, и я отсталъ. Въ концѣ улицы Яновскій подалъ Авдѣеву руку и пошелъ направо, а я догналъ опять Авдѣева, насвистывавшаго какой-то веселый мотивъ.

Февраль. Отдѣлъ I.

— Ну, вотъ, дѣло сдѣлано,—сказалъ онъ.—Я знаю, что съ нимъ можно говорить по-человѣчески. Въ Тифлисѣ, говорятъ, ученики приходятъ въ гимназію съ книжками, тѣмъ менѣе основаній придираться къ мелочамъ. Ну, не поминайте лихоу!

— Развѣ уже... такъ скоро?—спросилъ я.

— Да,—черезъ три недѣли. Какъ только Яновскій вступить въ должность, я тоже долженъ быть въ Тифлисѣ.

• Черезъ три недѣли онъ уѣхалъ... Первое время мнѣ показалось, что въ гимназіи точно сразу потемнѣло... Помня нашъ разговоръ на улицѣ, я подправилъ, какъ могъ, свои математическія познанія и... старался подтянуть свою походку...

Вскорѣ на мѣсто Авдіева былъ назначенъ другой словесникъ, Сергѣй Тимофеевичъ Балмашевскій. Это былъ высокій, худощавый молодой человѣкъ, съ нѣсколько впалой грудью и слегка сутулый. Лицо у него было приятное, съ доброй улыбкой на тонкихъ губахъ, но его портили глаза, близорукіе, съ красными, припухшими вѣками. Гимназисты узнали откуда-то, что онъ страшно много работалъ, отчего спина у него согнулась, грудь впала, а на вѣкахъ образовались ячмени, да такъ и не сходятъ... На первомъ урокѣ онъ, какъ и Авдіевъ, заставилъ читать стихи. Выборъ его палъ на меня, и я прочелъ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

Ковши круговые запѣнась, кипятъ
 На тризнѣ печальной Олега.
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
 Дружина пируетъ у берега.

Со временъ Авдіева въ классѣ у насъ любили читать, и нѣкоторые читали недурно. Этотъ разъ у меня „выходило“. На меня нахлынули воспоминанія, и я чувствовалъ, что въ голосѣ у меня звенитъ что-то печальными и задумчивыми отголосками. Но, когда я прочелъ предпоследній стихъ, новый учитель перебилъ меня:

— На холмѣ сидятъ... Нужно читать на холмѣ!

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Размѣръ не выйдетъ,—сказалъ я.

— Нужно читать на холмѣ,—все тѣмъ-же тономъ, не допускающимъ дальнѣйшихъ возраженій, повторилъ онъ. Изъ-за каеэды на меня глядѣло добродушное лицо, съ нѣсколько деревяннымъ выраженіемъ и припухшими вѣками.— „Вѣчный труженикъ, а мастеръ никогда!“—быстро, точно кѣмъ-то подсказанный, промелькнулъ у меня въ головѣ отзывъ Петра Великаго о Тредьяковскомъ. Къ тому-же заклю-

ченію пришелъ послѣ перваго же урока и классъ. Поднялись споры: два-три человекѣ находили, что Балмашевскій правъ, большинство стояло за меня, находя, что новый словесникъ не чувствуетъ размѣра...

Положеніе бѣдняги, непосредственно послѣ Авдіева, было трудно. Однако, черезъ нѣкоторое время мы съ нимъ помирились. Блеска у него не было, новыя мысли, неожиданныя, яркія идеи, то и дѣло вспыхивавшія на урокахъ Авдіева,—погасли. Балмашевскій добросовѣстно объяснялъ, добросовѣстно задавалъ и добросовѣстно спрашивалъ. Интересъ къ предмету, такъ сильно возбужденный Авдіевымъ, не успѣлъ исчезнуть, и мы готовили довольно добросовѣстно: такое-то произведеніе раздѣляется на столько-то частей. Въ части первой или вступленіи говорится о такомъ-то предметѣ... При этомъ авторъ прибѣгаетъ къ такому-то удачному сравненію... Но „словесность“ стала опять только отдѣльнымъ предметомъ. Лучи, которые она еще такъ недавно кидала во всѣ стороны и на всѣ остальные предметы, исчезли... Центра для нашихъ чувствъ и мыслей въ ровенской реальной гимназіи опять не было...

Вскорѣ, однако, случился эпизодъ, очень поднявшій въ нашихъ глазахъ новаго словесника...

Гаврило Кайдановъ, о которомъ я говорилъ выше, тотъ самый экстернъ, который жилъ одно время вмѣстѣ съ Авдіевымъ,—въ этомъ году поступилъ въ гимназію. Ореоль, которымъ онъ былъ окруженъ раньше въ моихъ глазахъ, разсѣялся, тѣмъ болѣе, что предсказаніе Авдіева сбылось: онъ срѣзался на вступительномъ экзаменѣ и оказался классомъ ниже меня. Но теперь мы очень подружились. Насъ объединило прежде всего воспоминаніе объ Авдіевѣ. Часто онъ приходилъ ко мнѣ, и, лежа долгими зимними сумерками на постели въ темной комнатѣ, мы вели съ нимъ тихія бесѣды. Порой онъ заводилъ вполголоса тѣ самыя пѣсни, которыя пѣлъ съ Авдіевымъ. Теперь въ темнотѣ звучалъ одинъ только басокъ, но въ моемъ воображеніи надъ нимъ вился и звенѣлъ бархатный баритонъ, такъ свободно взлетавшій на высокія ноты... И сумерки наполнялись ощутительными видѣніями...

Кайдановъ былъ малый нѣсколько неповоротливый, съ изрядной лѣнцой, и в послѣдствіи онъ пассивно опустился и завялъ. Но въ то время у него было очень много добрыхъ и великодушныхъ побужденій.

Однажды у насъ исключили двухъ или трехъ бѣдняковъ за невзносъ платы. Мы съ Гаврилой безопасно шли въ гимназію, когда навстрѣчу намъ попался одинъ изъ исключенныхъ, отосланный Дитяткевичемъ домой. На нашъ вопросъ,

почему онъ идетъ изъ гимназін не въ урочное время,—онъ утробно отвернулся. На глазахъ у него были слезы...

Въ тотъ-же день послѣ уроковъ Гаврило явился ко мнѣ, занятый мыслию объ этой встрѣчѣ, и мы стали обсуждать, что дѣлать. По общему обсужденію былъ нами принятъ планъ, возникшій впервые въ головѣ моего вообще-то очень быстро товарища. Мы рѣшили обложить данью ежедневное потребленіе пирожковъ въ большую переѣмъ. Сдѣлавъ приблизительный подсчетъ, мы нашли, что, при извѣстной фискальной энергіи,—нужную сумму можно собрать довольно быстро. Я составилъ нѣчто вродѣ краткаго воззванія, которое мы съ Гаврилой переписали въ нѣсколькихъ экземплярахъ и пустили въ своихъ классахъ. Воззваніе имѣло успѣхъ, и на слѣдующій же день Гаврило во время большой переѣмы самымъ серьезнымъ образомъ расположился на крыльцѣ гимназін, рядомъ съ еврейкой Сурой и другими продавцами пирожковъ, колбасъ и яблокъ, и при каждой покупкѣ предъявлялъ свои требованія.

— Два пирожка... Давай копѣйку... У тебя что? Колбаса на три копѣйки. Тоже копѣйку...

Дѣло пошло. Нѣкоторые откупались на нѣсколько дней, и мы подумывали уже о томъ, чтобы завести записи и бухгалтерію, какъ наши финансовыя операціи были замѣчены надзирателемъ Дитяткевичемъ...

— Это что такое? Что вы дѣлаете?

Чувствуя свою правоту, мы простодушно изложили свой планъ и его цѣли. Дидонусъ, нѣсколько озадаченный, тотчасъ же поковылялъ къ директору.

Долгоногова въ то время уже не было. Его перевели вскорѣ послѣ Авдіева, и директоромъ былъ назначенъ Яковъ Степановичъ Руцескій. Черезъ нѣсколько минутъ Дидонусъ вернулся, оживленный, торжествующій и злорадный. Всѣ его чувства давно уже цѣликомъ ушли въ охотничьи инстинкты. Я замѣчалъ, что и инымъ учителямъ доставлялъ истинное огорченіе неожиданно хорошій отвѣтъ завѣдомо плохого ученика, и, наоборотъ, поймать врасплохъ хорошаго ученика, добиться отъ него неожиданно плохого отвѣта было для нихъ истинной удачей и наслажденіемъ. Застигнувъ насъ за необычнымъ въ гимназін „поступкомъ“, Дидонусъ вначалѣ страдалъ отъ недоумѣнія: преступно это, или не преступно. Если бы директоръ нашелъ, что наше предпріятіе заслуживаетъ похвалы, — Дитяткевичъ, конечно, тотчасъ же бы съ этимъ согласился. Но искреннюю, настоящую радость онъ ощутилъ, только узнавъ, что мы совершили нѣчто въ высокой степени предосудительное. И онъ повлекъ насъ въ

„инспекторскую“, расталкивая шумную толпу гимназистовъ и кидая кругомъ торжествующіе взгляды...

Въ инспекторской, на обычномъ мѣстѣ, въ широкомъ креслѣ, торжественный и грузный, сидѣлъ Яковъ Степановичъ съ глазами, устремленными на дверь. Все пространство, отъ порога до его стола, намъ пришлось пройти подъ этимъ упорнымъ, гипнотизировавшимъ взглядомъ. Прежде, въ младшихъ классахъ, мнѣ каждый разъ въ такихъ случаяхъ казалось, что этотъ упорный тяжелый взглядъ обволакиваетъ меня чѣмъ-то подавляющимъ, тягучимъ, густымъ, замедляющимъ движенія. Ноги мои какъ будто прилипали къ полу, а главное, я чувствовалъ, что этотъ суровый взглядъ и притягиваетъ, и отталкиваетъ вмѣстѣ: преступленіемъ будетъ идти слишкомъ свободно. И еще большимъ преступленіемъ будетъ остановиться... Теперь это странное обаяніе въ значительной степени прошло. Я давно уже разглядѣлъ подъ этой грозой сознательную комедію, разыгрываемую добродушнымъ, въ сущности, человѣкомъ, у котораго единственный педагогическій ресурсъ, главная опора авторитета заключалась въ его внушительныхъ размѣрахъ. По мѣрѣ того, какъ я самъ становился физически выше, — противоположность смягчалась, и авторитетъ умался... Но мой другъ, какъ новичокъ, чувствовалъ себя очень неловко, и я невольно улыбался про себя, при взглядѣ на его красивое лицо, съ смѣшно выпученными черными глазами. Мы подошли къ креслу и остановились.

Директоръ, откинувшись на стулъ, съ четверть минуты измѣрилъ насъ обоихъ взглядомъ. На учениковъ старшихъ классовъ онъ кричалъ рѣдко, и, подержавъ насъ сознательно подъ угрозой своей вспышки, онъ заговорилъ низкимъ хрипловатымъ голосомъ, съ мрачнымъ видомъ:

— Вы что это затѣяли. Прокламации какія-то... Тайные незаконные сборы съ извѣстными цѣлями?..

— Мы... Яковъ Степановичъ...—началь было изумленный Гаврило, но директоръ кинулъ на него мрачный взглядъ и сказалъ:

— Молчать... Я говорю: тайные сборы, потому что вы объ нихъ ничего не сказали мнѣ, вашему директору... Я говорю: незаконные, потому...

Онъ выпрямился на стулѣ и продолжалъ торжественно:

— ...что на-ло-ги устанавливаются только государственнымъ совѣтомъ... Знаете ли вы, что, если-бы я далъ официальный ходъ этому дѣлу, то вы не только были бы исключены изъ гимназіи, но... и отданы подъ судъ...

Красивые глаза Гаврилы застыли въ выраженіи величайшаго, почти сверхъестественнаго изумленія. Я тоже былъ

удивленъ такимъ неожиданнымъ освѣщеніемъ нашей затѣи, хотя, конечно, чувствовать, что законодательныя права государственнаго совѣта тутъ не при чемъ.

Въ это время взглядъ мой случайно упалъ на фигуру Балмашевскаго. Онъ, вѣроятно, подошелъ въ самомъ началѣ разговора и теперь стоялъ въ углу стола, перелистывая журналъ. На его тонкихъ губахъ играла легкая улыбка, и, несмотря на то, что глаза были, какъ всегда, точно занавѣшены тяжелыми, припухшими вѣками, — я ясно прочелъ въ выраженіи его лица сочувственную поддержку и ободреніе. Яковъ Степановичъ спустилъ тонъ и сказалъ:

— Пока—ступайте въ классъ.

Мы вышли, и у дверей инспекторской, въ корридорѣ увидѣли толпу заинтересованныхъ гимназистовъ... Затѣя наша, конечно, рухнула, но ей суждено было все-таки не остаться безъ послѣдствій.

Въ тотъ-же день при выходѣ изъ гимназій, меня окликнулъ Балмашевскій и сказалъ, улыбаясь:

— Что, досталось? Ну, ничего! Никакихъ послѣдствій изъ этого, разумѣется, не будетъ. Но вы, господа, дѣйствительно, принялись не такъ. Зайдите сегодня ко мнѣ и захватите вашего товарища.

Въ тотъ-же вечеръ мы зашли съ Гаврилой въ его холостую квартирку. Онъ принялъ насъ привѣтливо и просто и наложилъ свой планъ: мы соберемъ факты и случаи крайней нужды въ средѣ нашихъ товарищей и изложимъ ихъ въ формѣ записки въ совѣтъ. Онъ подастъ ее отъ себя, и общими силами учителя выработаютъ уставъ общества вспомоществованія учащимся города Ровно.

Вышли мы отъ него, тронутые и съ чувствомъ благодарности.

— Не Авдѣевъ, а малый все-таки славный, — сказалъ на улицѣ мой пріятель. — И, знаешь, онъ очень недурно поетъ. Я слышалъ на именинахъ у Тыса.

Записку мы составили. Помню, что мнѣ далось очень трудно это первое произведеніе въ дѣловомъ стилѣ, и Балмашевскому пришлось много исправлять его. Молодые учителя всѣ поддержали докладъ, и проектъ устава былъ отосланъ въ министерство, а пока сдѣлали единовременный сборъ и уплатили за исключенныхъ. Вслѣдствіе обычной волокиты, уставъ былъ утвержденъ только года черезъ три, когда ни насъ съ Гаврилой, ни Балмашевскаго въ Ровно уже не было. Но все-же у меня осталось по окончаніи гимназій хорошее теплое воспоминаніе объ этомъ неблестящемъ молодомъ учителѣ, съ впалой грудью и припухшими отъ усиленныхъ занятій вѣками...

Прошло еще лѣтъ десять. „Система“ въ гимназіяхъ опредѣлилась окончательно и застыла надолго. Въ 1888 или 1889 году появился памятный циркуляръ „о кухаркиныхъ дѣтяхъ“, которыя напрасно учатся въ гимназіяхъ. У директоровъ потребовали особую „статистику“, въ которой было бы точно отмѣчено состояніе родителей учащихся, число занимаемыхъ ими комнатъ, количество прислуги. Даже въ то глухое и смиренное время этотъ циркуляръ выжившаго изъ ума старика Делянова, слишкомъ наивно подслуживающаго кому-то и поставившаго точки надъ і, вызвалъ общее возмущеніе: не всѣ дикртора даже исполнили требованіе о статистикѣ; а публика просто накидывалась на людей въ синихъ мундирахъ „народнаго просвѣщенія“, выражая при встрѣчахъ, даже на улицахъ, чувство общаго негодованія...

Въ это время мнѣ довелось быть въ одномъ изъ городовъ нашего юга, и здѣсь я услышалъ знакомую фамилію. Балмашевскій былъ въ этомъ городѣ директоромъ гимназіи. У меня сразу ожили воспоминанія о нашемъ съ Гаврилой посягательствѣ на права государственнаго совѣта, о симпатичномъ вмѣшательствѣ Балмашевскаго, и мнѣ захотѣлось повидать его. Но мои знакомые, которымъ я рассказалъ объ этомъ эпизодѣ изъ моихъ гимназическихъ воспоминаній, выражали сомнѣніе: „Нѣтъ, не можетъ быть! Это, навѣрное, другой!“

Оказалось, что это былъ тотъ же самый Балмашевскій, но... мѣсто директора при „системѣ“ далось ему, очевидно, не даромъ. Возмутившій всѣхъ циркуляръ онъ принялся примѣнять не токмо за страхъ, но и за совѣсть: призывалъ дѣтей, опрашивалъ, записывалъ „число комнатъ“ и прислуги.. Дѣти уходили испуганныя, со слезами и недобрыми предчувствіями, а за ними исполнительный директоръ сталъ призывать бѣднѣйшихъ родителей и на точномъ основаніи циркуляра убѣждалъ ихъ, что воспитывать дѣтей въ гимназіяхъ имъ трудно и нецѣлесообразно. По городу ходила даже классическая по выразительности фраза, которою онъ будто-бы отвѣтилъ на возмущенныя нападки знакомыхъ:

— Да что вы ко мнѣ пристааете: я чиновникъ и обязанъ исполнять циркуляры. Прикажутъ вѣшать десятаго.. Приходите въ гимназію: такъ и будутъ висѣть рядышкомъ, какъ галки на огородѣ... Адресуйтесь къ высшему начальству, а не ко мнѣ.

Это, конечно, шутки и „юморъ“, но юморъ ужасный по тому, между прочимъ, что онъ воскрешаетъ въ области російскаго просвѣщенія непосредственность и цѣльность безсмертнаго Мардарія Аполлоновича Стегунова:

— Да что вы, молодой человекъ, что вы? Что я злодѣй, что-ли, какой-нибудь, что вы такъ на меня оставились.

И Балмашевскіе тоже не злодѣи. Нѣтъ, они выступали на свою дорогу съ добрыми чувствами, и, если-бы эти чувства терпѣлись, требовались по штату, поощрялись,—они бы ихъ старательно прилагали и развивали. Но жестокий, тусклый режимъ школы требовалъ другого, производя въ теченіе десятилѣтій систематически свой „отборъ достойныхъ“. И они столь-же старательно исполняли циркуляры въ другомъ направленіи.

Я не пошелъ къ Балмашевскому, думая все-таки, что, можетъ быть, мои знакомые ошибались. Черезъ нѣкоторое время я прочелъ въ газетахъ, что въ засѣданіи одной городской думы директоръ гимназіи выступилъ съ горячей рѣчью, цѣлью которой было... лишеніе значительной части учениковъ пособій изъ особаго общегородскаго капитала. Рѣчь не имѣла тогда успѣха, гласные переглядывались и пожимали плечами. Питомцы, за которыхъ такъ своеобразно хлопоталъ въ думѣ ихъ директоръ, были... евреи. Но я вспомнилъ, что и въ числѣ тѣхъ, для кого мы въ Ровно собирали деньги при помощи Балмашевскаго, были тоже два бѣдняка еврея...

А Авдѣевъ умеръ незамѣтнымъ провинціальнымъ преподавателемъ словесности на окраинѣ. Въ этомъ сопоставленіи, на мой взглядъ—вся характеристика нашего учебнаго строя и его тридцатилѣтней эволюціи. Таланты затирались, изгонялись, тускнѣли. Торжествовала посредственность, старательная, исполнительная, бездушная.

Однако, я забѣгаю впередъ, и мнѣ придется еще вернуться въ Ровенскую реальную гимназію.

Вл. Короленко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Англіи.

I.

«Палата общинъ,—говоритъ авторъ только что вышедшей интересной книги *The Spirit of the Parliament*,—застава, гдѣ платятъ пошлину, прежде чѣмъ пройдутъ, всѣ идеи: политическія и социальныя, прогрессивныя и реакціонныя, фантастическія и практическія. Въ одной залѣ собраны вмѣстѣ наиболѣе острые умы всей страны; тутъ смѣлые борцы и реформаторы, мысль которыхъ быстра, какъ ртуть. Своимъ сосѣдствомъ они гальванизируютъ товарищей-тяжкодумовъ. Въ эту насыщенную электричествомъ среду погружается только что избранный кандидатъ. Знанія его, вполне достаточныя раньше для обыденной жизни, оказываются здѣсь невѣжествомъ. То, что казалась прежде новичку конечной цѣлью прогресса, оказывается здѣсь только отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ усилій. Горизонтъ, ограничивавшій тотъ промышленный или профессиональный мірокъ, въ которомъ вращался коммонеръ со избранія своего,—сразу расширяется, и передъ глазами изумленнаго новичка вырисовываются невѣдомыя матеріки. Низкій потолокъ, казавшійся раньше небомъ, раскрывается. Всѣ члены символа вѣры новичка, которые казались ему раньше незыблемыми, подвергаются теперь рѣзкой критикѣ и требуютъ защиты. Впервые, такимъ образомъ, новичекъ убѣждается, построены ли тѣ политическія теоріи, въ которыя онъ вѣрилъ, на скаль или на скаль».

Два часа дня. Палата общинъ, безмолвствовавшая пять мѣсяцевъ, кипитъ жизнью. Черезъ нѣсколько минутъ «застава», упоминаемая выше, начнетъ взывать пошлину съ идей, имѣющихъ цѣлью оздоровить еще больше могучій организмъ, которому имя Британская имперія. Коммонеры въ цилиндрахъ, въ котелкахъ и въ мягкихъ фетровыхъ шляпахъ толпятся у скамей, разбиты, не взирая на политическія убѣжденія, на группы. Консерваторы, рабочіе, либералы, ирландцы, радикалы—обмѣниваются энергичными рукопожатіями, шутками, впечатлѣніями, вынесенными изъ объѣздовъ Англіи и изъ бесѣдъ съ избирателями. Вотъ въ группѣ,

Февраль. Отдѣлъ II.

состоящей изъ нѣсколькихъ консерваторовъ, подошелъ живнерадостный, остроумный статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи. Раздается веселый смѣхъ. Биррель, повидимому, отпустилъ одну изъ тѣхъ острогъ, которыми онъ славится. Черезъ часъ эти консерваторы яростно будутъ обличать Бирреля за политику въ Ирландіи, т. е. за полную отмѣну тамъ законовъ о чрезвычайной охранѣ. Блѣдный, изящный вождь оппозиціи Бальфуръ дружески бесѣдуетъ съ министромъ мѣстнаго самоуправленія Джономъ Бернсомъ, широкоплечимъ, коренастымъ, съ голосомъ, какъ у лодмана на рѣчномъ пароходѣ. Новый вождь рабочей партіи Хендерсонъ, съ энергичнымъ лицомъ, черты котораго вырублены какъ будто топоромъ, совѣщается о чемъ-то съ совершенно одряхлѣвшимъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Индіи—Джономъ Морлеемъ. Черезъ часъ всѣ эти мирно бесѣдующіе люди разобьются на партіи, которыя будутъ страстно отстаивать свои взгляды; но теперь это—товарищи по общему дѣлу. Консерваторы, социалисты, либералы, радикалы, ирландцы уважаютъ другъ въ другѣ законныхъ представителей страны, свободно избранныхъ населеніемъ. Они рѣзко расходятся во взглядахъ, но это въ буквальномъ смыслѣ *Gentlemen of the Commons*. *Джентельмены* отвѣчаютъ на чужое мнѣніе аргументами, фактами, а не воемъ, потрясеніемъ кулаковъ и неприличной руганью. Докторъ Гулливеръ на островѣ волшебниковъ пожелалъ видѣть римскихъ сенаторовъ, чтобы сравнить ихъ съ законодателями своей родины. (Въ то время, т. е. въ эпоху королевы Анны, въ палату общинъ попадали только крупные лэндлорды и удобныя правительству лица). Сенаторы показались ему «героями и полубогами» въ сравненіи «съ шайкой лавочниковъ, мошенниковъ, разбойниковъ съ большой дороги и грубіановъ» (a knot of pedlars, pickpockets, highwaymen and bullies). Я боюсь, что если бы суровому доктору пришлось сравнивать современныхъ тори съ ихъ единомышленниками кое-гдѣ на континентѣ, то, несмотря на всѣ недостатки англійскихъ консерваторовъ, они оказались бы «героями и полубогами»...

Нѣкоторые изъ коммонеровъ, чтобы обезпечить себѣ хорошія мѣста на всю сессію, забрались въ парламентъ въ полночь. Въ это время стража изъ Тоуэра, слѣдуя старинному обычаю, введенному еще при Яковѣ II, осматриваетъ подвалы парламента съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ ли тамъ бочекъ съ порохомъ. Но въ этомъ году, какъ и во всѣ предыдущіе, стража не нашла за каменными колоннами крипто не только новаго Гайфокса, но даже и суффражистку, которая выпалила бы сакраментальную фразу: «Vote for Women!»

Но вотъ смѣхъ и шутки въ палатѣ внезапно прекратились. За дверью, далеко въ глубинѣ корридора, раздалось восклицаніе:

— Дорогу спикеру!

— Дорогу спикеру!—крикнули ближе, потомъ еще ближе, потомъ

сейчасъ же за дверью, которая широко распахнулась. Показался парламентскій приставъ Serjeant-at-Arms, въ костюмѣ XVII вѣка, съ громаднымъ скипетромъ палаты общинъ, или «дубиной» (шасе) на плечахъ. За нимъ торжественно выступаетъ спикеръ, въ сѣдомъ парикѣ, въ длинной черной шелковой мантии поверхъ бархатнаго костюма XVII вѣка. За спикеромъ слѣдуютъ еще два пристава и капеланъ. Депутаты, усѣвшіеся уже на мѣстахъ, почтительно поднимаются и кланяются «первому коммонеру», который, въ свою очередь, кланяется самому себѣ: прежде чѣмъ усѣсться въ кресло, стоящее подъ балдахинномъ, спикеръ трижды кланяется своему престолу. Капеланъ прочитываетъ короткую молитву; затѣмъ слѣдуетъ процедура торжественнаго shake hands: коммонеры одинъ за другимъ подходятъ къ предѣдателю и обмѣниваются съ нимъ рукопожатіемъ. Но вотъ опять раздались восклицанія въ корридорѣ, а затѣмъ послышался стукъ въ дверь. Посоль отъ верхней палаты, — «человѣкъ съ чернымъ жезломъ» (Black Rod), — проситъ у коммонеровъ разрѣшенія войти. Онъ принесъ извѣстіе, что король прибылъ въ верхнюю палату и будетъ читать тронную рѣчь. Спикеръ медленно поднимается съ престола (поспѣшность не приличествуетъ тому, кого представители всей страны признали *первымъ* среди себя). Вслѣдъ за Serjeant-at-Arms съ дубиной на плечахъ предѣдатель идетъ по переходамъ, ведущимъ въ золоченную верхнюю палату. «Человѣкъ съ чернымъ жезломъ» показываетъ дорогу, которую всѣ отлично знаютъ. Коммонеры бѣгутъ послушать тронную рѣчь, которая многимъ изъ нихъ отлично извѣстна уже. Корридоръ не особенно широкъ. Шестьсотъ коммонеровъ, надавливающихъ сзади, заставляютъ свиту спикера и даже его самого ускорить шаги. Иногда народные представители, среди которыхъ не мало людей очень пожилыхъ, въ длинномъ корридорѣ уподобляются группѣ школьниковъ, играющихъ въ «тѣсную бабу». Въ особенности это бывало лѣтъ 35—30 тому назадъ. У входа въ верхнюю палату приставъ долженъ оставить дубину. Мы видимъ тутъ обломокъ одного изъ обычаевъ, имѣвшихъ когда-то глубокое значеніе. Каждая изъ палатъ равнѣю охраняетъ свои права и привилегіи. Точно такъ же, какъ коммонеры не пускаютъ «человѣка съ чернымъ жезломъ», покуда посоль верхней палаты не попроситъ смиренно позволенія, — лорды не позволяютъ, чтобы къ нимъ внесли «дубину», являющуюся символомъ власти и авторитета нижней палаты. Вотъ почему одинъ изъ приставовъ остается съ дубиной за дверьми. Положеніе дѣлъ давнымъ давно измѣнилось въ Англии. Теперь хозяевами страны являются только коммонеры. Они крѣпко держатъ мѣшокъ съ народной казной. Они, въ сущности, составляютъ правительство; но, сохраняя *форму* старины, спикеръ не входитъ въ верхнюю палату, а останавливается у мѣднаго шеста (Bar), которымъ загороженъ переходъ. Рядомъ съ первымъ коммонеромъ стоятъ «человѣкъ съ чернымъ жезломъ» и Serjeant-at-Arms (при-

ставъ нижней палаты). Позади толпятся коммонеры и члены кабинета, которые выработали каждое слово тронной рѣчи. Такимъ образомъ сохраняется иллюзія, что лорды также стоятъ во главѣ Англіи, какъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ, когда гордые бароны вырвали у Іоанна Безземельнаго знаменитую хартію. Для сохраненія той же иллюзіи тронная рѣчь называется «королевской», King's Speech. Лордъ канцлеръ,

.... чиномъ

Устроенный древле свершая обрядъ,—

возвѣщаетъ предъ началомъ чтенія, что рѣчь будетъ «въ собственныхъ его величества словахъ». Въ старину, когда короли были еще абсолютными властелинами Англіи, они, дѣйствительно, въ тронной рѣчи сообщали, что они намѣрены дѣлать. Коммонеры тогда обязаны были осуществить работу, намѣченную для нихъ королемъ. Очень часто въ такой рѣчи говорилось про репрессіи. Теоретически право намѣчать работу для коммонеровъ осталось за короной; но фактически со времени революціи тронная рѣчь всегда составляется кабинетомъ, который отвѣтственъ передъ парламентомъ за каждое ея слово. Теоретически, парламентъ не можетъ приступить къ законодательной работѣ, покуда король не укажетъ въ своей рѣчи программу дѣятельности. Практически же со времени революціи парламентъ очень часто разсматриваетъ законопроекты, не упомянутые въ тронной рѣчи. Проектъ королевской рѣчи набрасывается премьеромъ, который передаетъ ее потомъ кабинету на разсмотрѣніе. Кабинетъ имѣетъ свою любопытную исторію. Напрасно стали бы мы искать въ анналахъ англійской конституціи королевскій приказъ или парламентскій законъ объ учрежденіи кабинета. Все держится на обычаяхъ. Возникъ кабинетъ такимъ образомъ. Уже бароны, вырвавшіе у короля Великую Хартію, требовали, чтобы король не предпринималъ никакихъ рѣшеній безъ Magnum Concilium, получившаго впоследствии названіе тайнаго совѣта (Privy-Council). Король обязанъ былъ совѣщаться съ тайнымъ совѣтомъ; но уже во времена Стюартовъ Privy Council отказывался быть послушнымъ исполнителемъ приказовъ короны. Тогда король изъ членовъ тайнаго совѣта сталъ отбирать наиболѣе работѣльныхъ и послушныхъ, которые собирались въ одномъ изъ кабинетовъ дворца. Таково происхожденіе кабинета. Онъ пережилъ революцію 1688 г. и мало-по-малу измѣнился настолько, что осталось только названіе. «Кабинетъ» сталъ выразителемъ желаній не короны, а народа. Короли долго не могли примириться съ тѣмъ, что кабинетъ формируется не изъ послушныхъ имъ лицъ; даже при первыхъ короляхъ ганноверской династіи корона навязывала парламенту своего лорда-канцлера. И только въ концѣ XVIII вѣка кабинетъ принялъ тотъ характеръ, какъ теперь, т. е. сталъ совѣтомъ вождей парламентской политической партіи, располагающей большинствомъ голосовъ,

избираемыхъ не королемъ, а главнымъ лидеромъ партіи. Корона долго не хотѣла отказаться отъ права вмѣшательства въ дѣла кабинета. И только со времени вступленія на престолъ Викторіи кабинетъ окончательно принимаетъ тотъ характеръ, который имѣетъ теперь.

Кабинетъ тщательно ввѣриваетъ, такъ сказать, каждую букву тронной рѣчи, которая потомъ дается для подписи королю. Послѣ революціи извѣстны два случая, когда тронная рѣчь не скрѣплялась подписью короля. Это было въ 1798 и 1810 г. во время боѣзни (умопомѣшательства) Георга III. Въ обоихъ случаяхъ, вмѣсто подписи короля, рѣчь была, безъ вѣдома его, скрѣплена тайной печатью, приложенной лордомъ - хранителемъ ея *). Согласно обычаю, установленному съ незапамятныхъ временъ, тронная рѣчь дѣлится на три части. Въ первой король обращается къ лордамъ и къ коммонерамъ (My Lords and Gentlemen). Въ ней говорится объ иностранныхъ дѣлахъ имперіи. Затѣмъ слѣдуетъ вторая часть, специально обращенная къ коммонерамъ («Gentlemen of the House of Commons»), въ которой говорится о финансовыхъ реформахъ, такъ какъ со времени революціи только палата общинъ контролируетъ расходование народныхъ денегъ. Въ третьей части тронной рѣчи король, обращаясь къ «лордамъ и джентельмэнамъ» обѣихъ палатъ, сообщаетъ объ общемъ положеніи промышленности и намѣчаетъ рядъ законопроектовъ.

Послѣ революціи 1688 г. извѣстны только два случая, когда король, читая тронную рѣчь, прибавилъ слова, которыхъ не было въ ней. Въ первый разъ то было въ 1760 г., когда парламентъ открывалъ Георгъ III, первый король послѣ революціи, родившійся на англійской почвѣ. Георгъ II былъ нѣмецъ и по-англійски почти не говорилъ. Вотъ почему слова, прибавленные отъ себя Георгомъ III къ тронной рѣчи: «Такъ какъ я рожденъ въ этой странѣ, то горжусь именемъ британца», — вызвали необыкновенный энту-

*) Иностранцевъ обыкновенно приводятъ въ недоумѣніе титулы нѣкоторыхъ членовъ кабинета, какъ „лордъ президентъ совѣта“, „лордъ хранитель тайной печати“ (Lord Privy Seal) и пр. „Лордъ президентъ“ председательствуетъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда собирается тайный совѣтъ (Privy Council). Когда-то у лорда-президента было много обязанностей; теперь онѣ всѣ носятъ случайный характеръ. Постъ этотъ существуетъ для того, чтобы заручиться въ кабинетѣ сотрудничествомъ талантливаго или вліятельнаго лорда.

То же самое можно сказать и о лордѣ хранителѣ тайной печати. Когда-то тайный совѣтъ, борясь съ королемъ, настоялъ, чтобы канцлеръ не прикладывалъ государственной печати къ грамотамъ или къ распоряженіямъ короля, покуда документы эти не будутъ скрѣплены печатью совѣта. Съ этой цѣлью тайный совѣтъ назначилъ хранителя „тайной печати“. Англійскіе короли уже давно не воюютъ съ кабинетомъ; но постъ „хранителя тайной печати“ остался, хотя самой печати уже нѣтъ. На постъ этотъ премьеръ назначаетъ талантливаго и опытнаго союзника, принадлежащаго къ верхней палатѣ.

зіязмъ. Впослѣдствіи этотъ восторгъ гражданъ сильно остылъ, такъ какъ король сдѣлалъ рядъ неудачныхъ попытокъ возвратиться къ абсолютизму. Второй случай произошелъ въ 1836 г. Парламентъ открывалъ престарѣлый Вильгельмъ IV, зрѣніе котораго сильно ослабло. Между тѣмъ тронная рѣчь была переписана не особенно четко. Король, спотыкаясь на каждомъ словѣ, прочиталъ нѣсколько строкъ, затѣмъ прибавилъ фразу, которой не было въ текстѣ:

— *Damn it, I can't read!* (Чортъ побери! Не могу читать!)

Въ зависимости отъ литературныхъ талантовъ премьера, королевская рѣчь то вяла, то дѣловита, то украшена метафорами. Вялыя рѣчи составлялъ лордъ Мельбурнъ. При Дерби, Пальмерстонѣ, Гладстонѣ и Солсбери королева выражалась въ своей рѣчи закончески и дѣловито. При Биконсфильдѣ являлись въ тронной рѣчи поэтическія украшенія. Въ одной рѣчи съ трона королева, напр., цитируетъ старинный философскій романъ Самюэля Джонсона— «Расселась». Въ романѣ этомъ говорится про героя Расселаса, дожидющагося въ счастливой долині, откуда его позовутъ на абиссинскій престолъ. Въ другой своей рѣчи, тоже при Биконсфильдѣ, королева цвѣтисто упоминала про «новое пурпурное пятно на картѣ» (пуриуръ—государственный цвѣтъ Англіи). Дѣло шло о новой колоніи, Британской Колумбіи. Черезъ годъ стиль королевы сталъ опять сухимъ и дѣловымъ: Биконсфильда замѣнилъ Гладстонъ. Было время въ Англіи, когда короли, являвшіеся открывать парламентъ, встрѣчали иногда враждебный приѣмъ. Такъ было съ Вильгельмомъ IV, когда стало извѣстно его отрицательное отношеніе къ реформамъ. Такъ было въ сороковыхъ годахъ съ королевой Викторіей, которая подъ вліяніемъ своего принца-супруга, привыкшаго къ нѣмецкимъ нравамъ, пробовала бороться съ желаніемъ кабинета. Впослѣдствіи имя Викторіи было окружено ореоломъ. Лояльность англичанъ превратилась въ своего рода культъ. А между тѣмъ было время, когда лондонскіе оборванцы караулили у Тоуэра, такъ какъ всѣ повѣрили слуху, что королеву и принца-супруга, за измѣну народу, повезутъ въ государственную тюрьму. Король Эдуардъ VII пользуется необыкновенной и вполне заслуженной популярностью. Это—джентельмѣнъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Англичане видятъ въ немъ символъ своей собственной власти и свободы. И если граждане вполне лояльны своему королю, онъ также лояленъ своимъ гражданамъ. Эдуардъ VII стоитъ внѣ борьбы партій. Онъ не пытается принять сторону консерваторовъ и не видитъ въ побѣдѣ либераловъ личнаго оскорбленія. Король ни либераль, ни консерваторъ: онъ—только символъ народной власти. Когда граждане высказываются за консерваторовъ, Эдуардъ VII радушно принимаетъ, какъ своихъ личныхъ гостей, Бальфура, Чамберлена, Лонга и др. Когда же страна подаетъ голосъ за либераловъ, гостями короля являются Сэръ Генри Кэмпбелъ-Банерманъ, Халденъ, Асквиль и Джонъ Бернсъ. Король ви-

дѣтъ въ консерваторахъ и либералахъ не своихъ личныхъ союзниковъ или враговъ, а только законныхъ представителей общей всѣмъ родины. Эдуардъ VII болѣе лояленъ своему народу, чѣмъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ. Каждый годъ, когда король ѣдетъ открывать парламентъ, граждане шумно выражаютъ свою лояльность. Она — проявленіе искренняго чувства, а не страха. Аплодируютъ и поднимаютъ шляпы дѣйствительные граждане, а не переодѣтые полицейскіе и шпионы. Въ Англіи граждане могли бы и не поднять шляпу при проѣздѣ короля. Если англичанинъ дѣлаетъ это, то только потому, что считаетъ уваженіе къ «первому гражданину» Британской имперіи.

II.

Король прочиталъ тронную рѣчь, и черезъ нѣсколько минутъ скамьи палаты общинъ снова наполнились. Снова появляется спикеръ, предшествуемый приставомъ съ «дубиной» на плечахъ. Скипетръ кладутъ на столъ передъ спикеромъ. Полагается, что коммонеры не знаютъ еще содержанія королевской рѣчи, поэтому спикеръ прочитываетъ ее палатѣ. Но предварительно секретарь нижней палаты (The Clerk of the House) вноситъ нѣсколько законопроектовъ. Это только pro forma. Называются только заголовки биллей, и палата, не выслушавъ ихъ, принимаетъ въ первомъ чтеніи. Это тоже обломокъ глубокой старины, имѣющей громадное принципиальное значеніе. Тѣмъ самымъ, что коммонеры принимаютъ билли раньше, чѣмъ выслушали тронную рѣчь, — палата общинъ заявляетъ свое право на разсмотрѣніе законовъ, помимо тѣхъ, которые намѣчены королемъ. Въ то время, когда король дѣйствительно намѣчалъ программу дѣятельности, палата должна была демонстративно доказывать, что инициатива въ законодательной работѣ принадлежитъ ей.

Палата общинъ приняла два билля въ первомъ чтеніи, хотя изъ 100 коммонеровъ, быть можетъ, 90 не разслушали даже заглавія. Затѣмъ поднимается спикеръ. Онъ докладываетъ, что былъ въ палатѣ перовъ и выслушалъ «милостивую тронную рѣчь».

— Для большей точности, — продолжаетъ спикеръ, — я досталъ копію и теперь прочту ее вамъ.

Въ этомъ году тронная рѣчь крайне богата содержаніемъ. Мы находимъ упоминаніе о цѣломъ рядѣ важныхъ реформъ: обѣщаны три земельныхъ билля, школьный, нормировка рабочаго дня въ угольныхъ шахтахъ, законопроектъ о жилищахъ рабочаго класса, билль о сокращеніи пьянства и, наконецъ, о государственной пенсіи для всѣхъ стариковъ. Послѣдній законопроектъ — самый важный. Англійскія массы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его. Обѣ партіи обѣщали эту грандіозную реформу. Вотъ уже 13 лѣтъ, какъ реформа была впервые выставлена пунктомъ избирательной программы.

Сдѣлали это консерваторы и одержали, вслѣдствіе этого, блестящую побѣду на выборахъ 1895 г., но не сдержали обѣщанія. Въ Англии предложенъ былъ цѣлый рядъ проектовъ для разрѣшенія вопроса о престарѣлыхъ работникахъ. Проекты эти можно раздѣлить на три группы: 1) государственная страховка работниковъ; 2) пенсія для нѣкоторыхъ; 3) пенсія для всѣхъ. Составители проектовъ первой группы предлагаютъ, чтобы рабочіе сами вносили опредѣленную сумму ежегодно. Государство, съ своей стороны, или платитъ по этимъ взносамъ болѣе высокой процентъ, чѣмъ обыкновенно, или прибавляетъ опредѣленную сумму. Такой проектъ составили, между прочимъ, банкиры съ лордомъ Авербери (Джономъ Леббокомъ) во главѣ. Критики возражаютъ слѣдующее. Правильно вносить страховку могутъ лишь технически обученные рабочіе и то при условіи, что будутъ всегда имѣть работу. Эти мастеровые уже и теперь состоятъ членами трэдъ-юніоновъ, выдающихъ пенсію старикамъ. По вычисленіямъ Раунтри оказывается, что значительная часть работниковъ получаетъ отъ 18—21 шил. въ недѣлю. При такомъ заработкѣ рабочіе не въ силахъ платить страховку. Безъ всякихъ средствъ къ старости оказываются чернорабочіе, всю жизнь боравшіе съ хронической безработицей (быть можетъ, читатели вспомнятъ мое прошлое письмо, въ которомъ этотъ пунктъ подробно выясненъ). Временная безработица, лишаящая работника возможности внести страховку,—отниметъ у него право на пенсію. Такимъ образомъ можетъ случиться, что въ 55 лѣтъ работникъ потеряетъ всѣ взносы, которые дѣлалъ въ продолженіе тридцати лѣтъ.

На основаніи этихъ соображеній проектъ государственной страховки рабочихъ на случай старости почти не имѣетъ сторонниковъ въ Англии. Рабочіе относятся къ этому проекту не только равнодушно, но даже враждебно. Вторая группа проектовъ говоритъ о государственной пенсін, но только не для всѣхъ, а для избранныхъ. Пенсія (въ размѣрѣ 5 или 7 шиллинговъ въ недѣлю) выдается старикамъ, достигшимъ 65 лѣтъ, британскимъ подданнымъ, при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) если они въ послѣдніи двадцать лѣтъ не были опорочены судомъ; 2) если они въ такой же срокъ не получали общественной помощи; 3) если они не имѣютъ дохода больше, чѣмъ 10 ш. въ недѣлю; 4) если они всю жизнь были трудолюбивы и бережливы. Пенсія должна носить характеръ обязанности государства къ гражданину, а не благотворительности. Старики, кромѣ исключенныхъ упомянутыми условіями, получаютъ пенсионныя книжки, по которымъ имъ изъ ближайшей почтовой конторы выдается по субботамъ отъ 5—7 шил. Во что обойдется такая реформа? По вычисленіямъ, въ 1907 г. въ Соединенномъ Королевствѣ было всѣхъ стариковъ въ возрастѣ отъ 65 лѣтъ—2.116.267. Изъ нихъ доходъ больше 10 шил. въ недѣлю имѣли 778.283; стариковъ пауперовъ было 541.682, иностранцевъ, преступниковъ и безумныхъ—33.661 и наконецъ нищихъ и бродягъ—76.185.

Такимъ образомъ, стариковъ, которые имѣли бы право на государственную пенсію, было 686.456. Если считать пенсію въ размѣръ 5 ш. въ недѣлю и еще 3% на расходы, то осуществленіе реформы обойдется въ 10.780.000 ф. ст. въ годъ, т. е. въ сто миліоновъ слишкомъ рублей.

Конгрессъ трэдъ-юнионистовъ отвергъ подобный проектъ государственной пенсіи для нѣкоторыхъ. При этомъ были выставлены слѣдующіе аргументы: 1) правительство не имѣетъ права лишать пенсіи тѣхъ стариковъ, которые благодаря собственной бережливости скопили доходъ болѣе 10 ш. въ недѣлю; 2) вслѣдствіе трудности добыть работу многіе чернорабочіе, быть можетъ, даже большинство ихъ, вынуждены иногда прибѣгать къ общественной благотворительности; 3) тотъ пунктъ, гдѣ говорится о бережливости, какъ необходимомъ условіи права на пенсію,—очень растяжимъ; онъ потребуетъ сыскной канцеляріи, которая крайне стѣснитъ свободу гражданъ. Въ 1905 г. консервативное министерство провело законъ о безработныхъ, въ силу котораго спеціальныя мѣстные комитеты, убѣдившись предварительно, что обращающіеся за работой дѣйствительно не имѣютъ ея, получаютъ право прискивать заработокъ нуждающимся. Для провѣрки правъ нуждающихся на заработокъ пришлось завести спеціальныя развѣдочныя канцеляріи. И получилось вотъ что: центральный лондонскій комитетъ помощи безработнымъ израсходовалъ въ прошломъ году на организацію общественныхъ работъ 45 тысячъ ф. ст., а на «развѣдочную канцелярію»—25 тысячъ ф. ст. Русскіе привыкли и не въ такимъ явленіямъ, но англичанъ они приводятъ въ ужасъ. «Выгоднѣе мириться съ тѣмъ, что нѣкоторые будутъ злоупотреблять своимъ правомъ,—говорятъ англичане,—чѣмъ съ громоздкими, дорого стоящими канцеляріями».

Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ авторъ капитальнаго изслѣдованія жизни пролетаріата въ Лондонѣ доказалъ, что государственная пенсія необходима и что ее слѣдуетъ дать всѣмъ старикамъ безъ исключенія *). Теперь трэдъ-юнионы, многіе либералы и консерваторы согласны съ выводомъ, къ которому приходитъ Бутсъ (Чарльзъ, а не «генералъ» Арміи Спасенія). Размѣры государственной пенсіи опредѣлены въ пять шиллинговъ въ недѣлю. Эта сумма, хотя и не даетъ возможности старикамъ жить самостоятельно, но позволить имъ быть не въ тягость роднымъ. «Въ круглыхъ цифрахъ,—читаемъ мы въ отчетѣ спеціальной комиссіи, назначенной въ 1895 г. для изслѣдованія вопроса о пенсіи для престарѣлыхъ,—изъ 10 стариковъ въ возрастѣ отъ шестидесяти пяти лѣтъ,—трое обращаются къ общественной помощи. Значеніе этихъ цифръ увеличивается, если мы вспомнимъ, что треть всего населенія принадлежитъ къ зажиточнымъ классамъ, изъ которыхъ не выходятъ

*) *Charles Booth. Pauperism. A Picture and Endowment of Old Age.*

пауперы. Если мы вычтемъ престарѣлыхъ людей зажиточнаго класса, то получится, что изъ каждыѣхъ семи стариковъ изъ другихъ классовъ,—трое вынуждены обращаться къ общественной помощи. На насъ произвело также сильное впечатлѣніе то,—продолжаютъ авторы отчета,—что кромѣ дѣйствительныхъ пауперовъ, призрѣваемыхъ обществомъ, мы видѣли множество стариковъ, терпящихъ лищенія, чтобы имѣть возможность жить сколько нибудь независимо. Мы пришли также къ заключенію, что утверждение, будто бѣдность въ старости обуславливается пьянствомъ, лѣнностью, беззаботностью и тому подобными причинами,—вѣрно только въ очень немногихъ случаяхъ» *).

Итакъ, въ Англіи намѣчены три проекта обезпеченія стариковъ: государственная страховка, пенсія для избранныхъ и пенсія для всѣхъ. Большинство реформаторовъ, въ силу приведенныхъ выше соображеній, считаютъ послѣдній проектъ наиболѣе справедливымъ и удобнымъ. Возникаетъ вопросъ: во сколько обойдется осуществленіе реформы? Мы видѣли, что въ 1907 г. всѣхъ стариковъ въ возрастѣ отъ 65 лѣтъ было въ круглыхъ цифрахъ 2.116.000. Если предположить, что всѣ они явятся за полученіемъ пенсін въ пять шил. въ недѣлю, то государству это обойдется въ 27.508.000 ф. ст. въ годъ, не считая расходовъ на администрацію. Но далеко не всѣ старики предъявятъ требованія на пенсію. По расчетамъ Филиппа Снаудела, за пенсіей не явятся:

500.000 богатыхъ стариковъ.

80.000 государственныхъ пенсионеровъ (военныхъ, моряковъ и чиновниковъ).

70.000 пауперовъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ.

34.000 преступниковъ, иностранцевъ и безумныхъ.

684.000

Такимъ образомъ, число пенсионеровъ уменьшится до 1.432.000. Такъ какъ каждый старикъ получить по 13 ф. ст. въ годъ (5 ш. въ недѣлю), то содержаніе престарѣлыхъ обойдется государству въ 18.619.470 ф. ст. въ годъ (т. е. 186 мил. руб.). Если прибавить еще 3% на администрацію, то получится 19 мил. ф. ст. Значительная часть этой суммы уже имѣется, такъ какъ въ Англіи всѣ квартиронаниматели платятъ высокій специальный налогъ въ пользу бѣдныхъ. Содержаніе рабочихъ домовъ обходится почти въ 10 мил. ф. ст. въ годъ. Кромѣ того изъ специальныхъ суммъ выдается теперь неимущимъ старикамъ, живущимъ не въ рабочихъ домахъ, пособія (outdoor relief) въ размѣрѣ 1.855.000 ф. ст. Противъ проекта государственной пенсін для всѣхъ выставляются два возраженія: 1) пенсія сдѣлаетъ массы менѣе бережливыми; работники, зная, что ихъ старость все равно обезпечена, не будутъ от-

*) Цитировано въ „Reformers' Year Book“, за 1908, стр. 131.

кладывать на черный день; 2) для государственной пенсiи требуется слишкомъ много денегъ. Защитники пенсiи возражаютъ, на первое: «въ настоящее время 200.000 общественныхъ пенсiонеровъ получаютъ уже около 10 мил. ф. ст. отъ государства и частныхъ компанiй; тѣмъ не менѣе, эти пенсiонеры не менѣе бережливы, чѣмъ остальные граждане». Второе возраженiе, т. е. ссылка на большiе расходы, встрѣчается такимъ аргументомъ: «Англiя—самая богатая страна въ Европѣ. При національномъ доходѣ въ 2000 мил. ф. ст. странко говорить о томъ, что трудно найти 10—12 мил. ф. ст. въ годъ. Эти деньги не будутъ потеряны, такъ какъ останутся въ странѣ. Вслѣдствiе того, что увеличится покупательная способность миллiона слишкомъ человекъ, улучшится положенiе торговли. Государственная пенсiя выдается старикамъ въ трехъ англiйскихъ колонiяхъ: въ Новой Зеландiи, Новомъ Южномъ Уэльсѣ и въ Викторiи. О размѣрѣ пенсiи и о числѣ пенсiонеровъ даетъ представленiе слѣдующая табличка.

	Maximum пенсiи (въ недѣлю).	Число пенсiо- неровъ.	Стоимость въ годъ.
Новая Зеландiя .	10 шил.	11.770	325.000 ф. ст.
Нов. Южн. Уэльсѣ.	10 шил.	22.000	508.000 ф. ст.
Викторiя.	8 шил.	11.452	206.000 ф. ст.

Правительство обѣщало въ тронной рѣчи грандиозную реформу, которую съ такимъ нетерпѣнiемъ ждутъ англiйскiя массы и не можетъ уже отступить. Если министръ финансовъ скажетъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда внесенъ будетъ бюджетъ, что реформу приходится временно отложить, такъ какъ необходимы громадныя расходы и надвигается промышленный кризисъ, то это дастъ великолѣпную карту сторонникамъ протекционизма. «Если либеральное министерство,—скажутъ они,—не въ состоянiи осуществить реформу, имѣя непримѣрное большинство въ палатѣ (350), то значить, либералы не хотятъ дать рабочимъ Old Age Pension. Если либералы не вносятъ законопроектъ въ такое время, когда британская торговля достигла апогея, значить, что при свободной торговлѣ такую реформу осуществить невозможно». Такъ именно убѣждали протекционисты избирателей въ Mid Devon и въ Hereford, гдѣ они одержали надняхъ большую побѣду надъ либералами на дополнительныхъ выборахъ. Избиратели повѣрили, что государственную пенсiю возможно осуществить только при «расширенiи базиса тарифныхъ обложенiй»; что протекционизмъ означаетъ «работу для всѣхъ и меньшiе налоги», такъ какъ вся тяжесть послѣднихъ падеть «на иностранцевъ». Вполнѣ возможно, что лорды, несмотря на то, что законопроектъ о государственной пенсiи для стариковъ есть «Money Bill», т. е. денежный билль, который верхняя палата не можетъ калѣчить,—рѣшатся отвергнуть его. Въ такомъ случаѣ,—говорятъ компетентные люди,—правительству остается только обратиться къ странѣ, которая, не-

сомнѣнно, дастъ полномочія какъ на Old Age Pension, такъ и на радикальную реформу верхней палаты. Вопросъ о государственной пенсiи для стариковъ обстоитъ теперь такъ, что, побѣди теперь консерваторы, они въ первую же сессiю вынуждены будутъ внести законопроектъ о пенсiи. Прецедентовъ подобнаго рода въ парламентской исторiи Англiи много: консерваторы внесли въ 1867 г. второй билль о реформахъ, хотя сами незадолго до того доказывали, что такой законъ равносильнъ революцiи; консервативное министерство Солсбери дало Ирландiи широкое мѣстное самоуправленiе, хотя тотъ же Солсбери доказывалъ; когда эту реформу хотѣлъ осуществить Гладстонъ, что земское и муниципальное самоуправленiе на Эрнѣ «еще хуже гомруля».

III.

Второй по важности билль, которому само министерство придаетъ громадное значенiе, его Licensing Bill, т. е. законопроектъ о сокращенiи пьянства. «Во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка и во всѣхъ классахъ пьянство являлось всегда причиной моральнаго паденiя, социальнаго униженiя и гибели,—писать лѣтъ пять тому назадъ нынѣшнiй министръ мѣстнаго самоуправления. Нѣтъ такой части общества, которая избѣгла бы губительнаго влiянiя алкоголя. Оно отражалось одинаково на крестьянахъ и купцахъ, на крѣпостныхъ и короляхъ, на воинахъ и на государственныхъ дѣятеляхъ, на богатыхъ и бѣдныхъ. Жертвами пьянства становились ученые, священники, политическiе дѣятели, художники, ремесленники. За призрачныя наслажденiя, доставляемыя алкоголемъ, эти люди пожертвовали всѣмъ, до чести включительно. Изъ всѣхъ классовъ общества рабочiе особенно чувствуютъ тяготы, наложенныя пьянствомъ, потому что и безъ того страдаютъ уже отъ другихъ провлятiй.. Съ Бахусомъ, какъ своимъ другомъ и Силеномъ вмѣсто проводника, у бѣдняковъ есть только одинъ путь: внизъ по наклонной плоскости. Пьянство губительно, когда ему предаются богатые, хорошо питающiеся классы, живущiе въ здоровыхъ помѣщенiяхъ. Но оно особенно разрушаетъ бѣдняковъ» *). Талантливый министръ, какъ видитъ читатель, не особенно оригиналенъ въ данномъ случаѣ. Даже поверхностное знакомство съ фактами приводитъ насъ къ другимъ выводамъ. Алкоголь, конечно, ядъ; но не здѣсь нужно искать корней народной бѣдности.

Высокий или низкий уровень культуры въ странѣ не находится въ зависимости отъ меньшаго или большаго потребленiя алкоголя. Иначе пришлось бы признать, что Англiя, Францiя, Германiя,

*) *John Burns*, „Labour and Drink“, *The Independent Review*, № 15, vol. IV (1902).

Данія и Голландія, пьющія гораздо больше, чѣмъ Россія, менѣе культурны, чѣмъ она.

По такимъ же соображеніямъ мы приходимъ къ заключенію, что богатство или бѣдность народа не находится въ какой либо прямой зависимости отъ меньшаго или большаго потребления алкоголя. Русскій народъ—самый бѣдный въ Европѣ, а между тѣмъ, по количеству пропиваемыхъ денегъ, занимаетъ далеко не первое мѣсто.

Пьянство и бѣдность не равнозначущи; средніе классы пьютъ больше массъ, что не мѣшаетъ имъ накоплять богатства.

Тѣ страны, которыя больше тратятъ на спиртные напитки, отнюдь не имѣютъ болѣе бѣднаго пролетаріата. Приведу нѣсколько цифръ.

Потребленіе пива въ различныхъ странахъ:

Въ Бельгіи	40,1 гал. на чел.	Въ Новой Зеландіи	2,4 гал. на чел.
Великобританія	28,8 „ „	Австро-Венгрія	8,6 „ „
Германія	27,2 „ „	Франціи	7,6 „ „
Данія	22,5 „ „	Швеціи	6,1 „ „
Соединен. Штатахъ	18,4 „ „	Канадѣ	5 „ „
Австраліи	11,5 „ „	Норвегіи	4,4 „ „

(Галлонъ—три штофа).

Россія въ потребленіи пива занимаетъ только четырнадцатое мѣсто. Пиво, потребляемое въ Англіи, очень крѣпко и содержитъ большой % алкоголя, въ особенности stout (черное пиво).

По количеству выпиваемого вина Россія тоже представляетъ *quantité négligeable* въ сравненіи съ другими странами. Среднимъ числомъ приходится вина на человѣка:

Франція	32,7 гал.	Германія	1,1 гал.
Италія	27,5 „	Австралія	0,85 „
Испанія	17,0 „	Соедин. Штаты	0,6 „
Греція	11 „	Великобританія	0,35 „
Бельгія	10 „	Канада	0,1 „
Австро-Венгрія	5 „		

Только по количеству выпиваемой водки Россія занимаетъ высокое, хотя и не первое мѣсто. Впереди ея и непосредственно послѣ—стоятъ государства, населеніе которыхъ славится своимъ трудолюбіемъ, бережливостью и зажиточностью. Такимъ образомъ, совершенно произвольно будетъ обусловливать богатство массъ—трезвостью, а бѣдность—пьянствомъ.

Среднее количество выпиваемой водки (въ галлонахъ, на человѣка).

Данія.	Россія.	Франція.	Австро-Венгрія.	Голланд.	Швеція.	Германія.	Соедин. Штаты.	Бельгія.	Велико-Британія.	Канада.	Австрал.	Норвегія.	Италія.
2,61	1,81	1,75	1,72	1,61	1,49	1,48	1,02	1	0,96	0,95	0,74	0,64	0,23

Цифры эти взяты мною изъ классическаго «Atlas of the World's Commerce», вышедшаго въ 1907 г. *).

Перейду теперь къ специально англійскому «пьяному счету». «Расходъ на спиртные напитки,—говоритъ Джонъ Бернсъ,—составляетъ нашу наиболѣе крупную трату. Она тѣмъ болѣе поразительна, что совершенно не продуктивна. И, если дѣло ограничивалось бы только потерянными деньгами, бѣда была бы еще не такъ велика. Это заключается въ томъ, что «пьяный счетъ» даетъ еще результаты въ видѣ преступленій и болѣзней» **). Въ 1902 г., когда Бернсъ писалъ свою статью, «пьяный счетъ» каждаго англичанина равнялся въ среднемъ 4 ф. 2 ш. 4 пен. въ годъ. Это—принимая во вниманіе мужчинъ и женщинъ, стариковъ и грудныхъ младенцевъ. Такъ какъ пьющихъ вообще около 55%, всего населенія, то пьяный счетъ, въ дѣйствительности, равняется приблизительно 8 ф. ст. въ годъ. По расчету, рабочая семья, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, тратила въ 1902 г. на спиртные напитки отъ 16—18 ф. ст. въ годъ, т. е. отъ 6—7 шил. въ недѣлю (3 р.—3 р. 50 к.). Пьяный счетъ другихъ классовъ, по вычисленіямъ члена парламента Унтэкера,—еще выше.

Рабочіе расходуютъ на человѣка въ годъ	7 ф. 4 ш. 6 п.
Средніе классы	13 » 10 » 11 »
Рабочая пьющая семья	18 » 15 » 4 »
Семья изъ среднихъ классовъ	46 » 18 » 2 »

Обратимся теперь къ цифрамъ самаго послѣдняго времени. Сорока-трехъ-милліонное населеніе (43.659.120) Соединеннаго Королевства выпиваетъ теперь:

Спирта	39.302.480 гал.	стоимостью въ	52.075.786 ф. ст.
Пива	33.918.101 бочен.	»	» 101.754.303 » »
Вина	12.328.691 гал.	»	» 11.095.822 » »
Сидра	15.000.000 »	»	» 1.500.000 » »
			<hr/>
			166.425.911 ф. ст.

(Цифры приведены въ «Daily Mail Year Book», 1908, р. 11).

Такимъ образомъ, «пьяный счетъ» населенія Англій составляетъ теперь больше, чѣмъ полтора милліарда рублей въ годъ. Среднимъ числомъ на человѣка это составляетъ теперь 3 ф. 16 ш. 3 п., т. е. нѣсколько ниже, чѣмъ въ 1902 г., когда Джонъ Бернсъ писалъ свою статью. Въ виноуренномъ и нивоваренномъ дѣлѣ заинтересованы десятки тысячъ людей: владѣльцы заводовъ, акціонеры, рабочіе, грузчики, возчики, тысячи клерковъ, потому—кабатчики, подносчики и подносчицы. Мы видимъ, что производство и распредѣленіе спиртныхъ напитковъ, или «trade» по техническому названію, имѣетъ много друзей. Кабаки въ Англій,

*) Таблицы 92 и 93.

**) Labour and Drink, p. 403.

собственно говоря, принадлежать владѣльцамъ винокуренныхъ заводовъ. Кабатчикъ является только арендаторомъ. Каждое разрѣшеніе на открытіе кабака является концессіей, представляющей большую цѣнность. Раунтри въ своемъ изслѣдованіи «Poverty, A Study of Town Life» цитируетъ слова лорда Грея. «Въ 1899 г.,—говоритъ лордъ Грей,—я обратился за разрѣшеніемъ (license) на новый кабакъ въ Брумхиллѣ, которое и было мнѣ дано. И я тотчасъ же убѣдился, что государство, давая монополію, уступило мнѣ концессію, представляющую большую цѣнность. Мнѣ дали знать, что если я соглашусь продать разрѣшеніе, которое не стоило мнѣ и шести пенсовъ, то получу 10 тысячъ ф. ст.» Въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Англіи,—сообщаетъ Раунтри,—полученное разрѣшеніе на открытіе кабака было продано за 24.500 ф. ст. Полученная концессія носитъ вѣчный характеръ. Понятно, почему противъ cadaго радикальнаго проекта борьбы съ пьянствомъ, проекта, основаннаго, между прочимъ, на правѣ муниципалитетовъ «обращать число кабаковъ,—возстаетъ «trade», т. е. всѣ заинтересованные въ народномъ пьянствѣ. Руководители «trade», т. е. всѣ «водочные» и «пивные» короли, сидятъ въ верхней палатѣ. За нихъ—епископы, ибо «trade»—строго консервативно. Прежде, когда возникалъ вопросъ о радикальной реформѣ въ области trade,—пивные и водочные короли вопили о грабежѣ и попыткѣ лишить ихъ концессій. Теперь «trade» старается привлечь на свою сторону массы. Мы видимъ теперь памфлеты, въ которыхъ доказывается, что водочный король, въ сущности, исконный другъ рабочихъ. «Гдѣ собирались трэдъ-юніонисты въ то время, когда промышленные союзы были запрещены и приравнялись къ тайнымъ обществамъ?—Въ кабакахъ,—отвѣчаетъ памфлетъ. Гдѣ находили чартисты мѣсто для митинговъ, когда ихъ преслѣдовали всюду?—Опять же въ кабакахъ». Въ памфлетахъ, защищающихъ «trade», указывается, что при немъ кормятся десятки тысячъ работниковъ. Если мы справимся съ синей книгой, выпущенной въ 1891 г. и посвященной «trade», то увидимъ, что винокуренные и пивоваренные заводы платятъ меньше, чѣмъ другіе заводы и фабрики. Приведу нѣсколько цифръ. Изъ стоимости произведенныхъ цѣнностей идетъ въ видѣ заработной платы:

Въ каменноугольныхъ шахтахъ	55%
Въ кораблестроительномъ дѣлѣ	37%
На желѣзныхъ дорогахъ	30%
Въ сельскомъ хозяйствѣ	29%
На ткацкихъ фабрикахъ	29,2%
На заводахъ, обрабатывающихъ желѣзо и сталь	23,3%
На газовыхъ заводахъ	20%
На винокур. и пивовар. заводахъ	7,5% *)

*) Синяя книга «С. 6535», стр. 17, 24, 32, 33, 43.

Законопроектъ, обѣщанный теперь въ тронной рѣчи, ожидается уже давно. Покуда неизвѣстно, что именно думаетъ сдѣлать министерство. Джонъ Бернсъ пять лѣтъ тому назадъ рекомендовалъ, прежде всего, правильную работу для массъ (то, что «пить дешево, чѣмъ ѣсть и одѣваться» знаетъ не только Лопуховъ, но и англійскіе чернозубочіе), лучшую заработную плату, болѣе удобные дома, чтобы бѣдняки имѣли комфортабельный «home». Въ бѣдныхъ кварталахъ мужчины и женщины идутъ въ кабаки, потому что тамъ свѣтло, просторно, тепло и весело, тогда какъ дома мрачно, тѣсно, холодно и тоскливо. Затѣмъ слѣдуютъ уже спеціальныя мѣры, непосредственно противъ продажи крѣпкихъ напитковъ: 1) Обложеніе высокими налогами разрѣшеній на открытіе кабаковъ. Въ настоящее время патенты на продажу крѣпкихъ напитковъ приносятъ въ Англій казну только 1.500.000 ф. ст. Въ Нью-Йоркѣ нѣсколько больше 2 милл. жителей, т. е. въ десять разъ меньше, чѣмъ въ Англій и Уэльсѣ, а между тѣмъ тамъ патенты приносятъ государству почти столько же, сколько во всемъ Соединенномъ Королевствѣ. Ливерпуль имѣетъ почти столько же жителей, сколько Бостонъ. Между тѣмъ, первый вноситъ за патенты 55.813 ф. ст., а второй—356.000 ф. ст. Въ Манчестрѣ столько же жителей, сколько въ С.-Луи (Соед. Шт.); но первый платитъ за патенты 29.326 ф. ст., а второй—275.400 ф. ст.; Бристоль не меньше Сьюпириора (С. Шт.), но послѣдній платитъ за патенты 158.500 ф. ст., тогда какъ первый—только 16.195 ф. ст. *). Если бы патенты на продажу крѣпкихъ напитковъ приносили въ Англій столько, сколько въ Соединенныхъ Штатахъ, то открылся бы значительный источникъ, изъ котораго можно было бы черпать средства для социальныхъ реформъ,—говорятъ враги «trade». 2) Концессіи на открытіе кабака должны носить не вѣчный характеръ, какъ теперь, а лишь временный. По истеченіи срока концессіи владѣлецъ кабака не можетъ требовать никакого вознагражденія за закрытіе питейнаго заведенія. Если концессія будетъ выкуплена городомъ или государствомъ раньше истеченія срока ея, то расчетъ производится на основаніи оставшагося времени. 3) Муниципализація продажи спиртныхъ напитковъ. 4) Предоставленіе права муниципалитетамъ разрѣшать или совершенно запрещать продажу крѣпкихъ напитковъ.

IV.

Въ тронной рѣчи обѣщаны три земельныхъ билля: одинъ касается Ирландіи, другой—Англій, третій—Шотландіи. Въ Ирландіи, какъ извѣстно, земля выкуплена пять лѣтъ тому назадъ. Тогда принципъ принудительнаго отчужденія не былъ принятъ; но громадное большинство

* Цифры приведены въ «Reformers' Year-Book», 1908, p. 144.

ирландскихъ помѣщиковъ успѣшило отдѣлаться отъ земли, приносившей имъ столько хлопотъ. Результатомъ чрезвычайныхъ мѣръ, принятыхъ въ 1882 г. подѣ влияніемъ давленія на правительство со стороны крупныхъ помѣщиковъ,—было то, что жизнь для большинства землевладѣльцевъ стала невозможна въ Ирландіи. При первой возможности помѣщики, съ большой выгодой для себя, постарались раздѣлаться съ землей. Но въ Ирландіи остались «непримиримые» лэндлорды. Они ни за что не соглашались продать свои вотчины, обращенныя въ пастбища. Недавно я рассказывалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» про борьбу съ «непримиримыми». Въ прошломъ году принятъ законъ, имѣющій цѣлью надѣленіе землей тѣхъ фермеровъ, которые за участіе въ аграрномъ движеніи 1881—1882 гг. были прогнаны помѣщиками. Законопроектъ, обѣщанный теперь, имѣетъ въ виду принудительное отчужденіе у «непримиримыхъ» луговъ и превращеніе послѣднихъ въ пастбища. Крупные помѣщики попытались прибѣгнуть къ испытанному средству: консервативная печать, находящаяся въ ихъ рукахъ, заговорила объ «анархіи» въ Ирландіи и стала требовать возобновленія чрезвычайныхъ законовъ. Но противъ чрезвычайныхъ законовъ выступилъ такой авторитетъ, какъ бывший ирландскій вице-король, лордъ Дедлей (консерваторъ). Онъ заявилъ въ верхней палатѣ, что «соег-сiон актъ» (усиленная охрана) не только не приноситъ успокоенія, но порождаетъ анархію. И вице-король консерваторъ безусловно оправдываютъ радикаловъ въ ихъ намѣреніи заморить Ирландію при помощи реформы.

Англійскій земельный билль является дополненіемъ къ аграрному закону 1907 г., о которомъ я писалъ уже въ свое время. Когда защитники крупныхъ помѣщиковъ въ Англіи начинаютъ доказывать, что принципъ принудительнаго отчужденія земли нарушаетъ священное право собственности, сторонники такого выкупа отвѣчаютъ вопросомъ: имѣли ли бы лэндлорды столько земли, если бы ихъ предки соблюдали священное право? Въ самомъ дѣлѣ. Въ 90 лѣтъ, отъ 1760 г. до 1859 г., англійскіе помѣщики оттягали у общинъ громадныя площади земли, не заплативъ за нее ни одного гроша. Подробнымъ образомъ лэндлорды оттягали:

Годы.	Акры.
1760—1769	704.550
1770—1779	1.207.800
1780—1789	450.180
1790—1799	858.270
1800—1809	1.550.010
1810—1819	1.560.990
1820—1829	375.150
1830—1839	248.880
1840—1849	399.747

Итого 7.350.577

Предельсь оттягиванія общественнои земли частными владѣльцами происходилъ до послѣдняго времени. Отъ 1547—1838 гг. помѣщики отсудили себѣ 618.000 акр.

Теперь вѣрными сторонниками крупныхъ помѣщиковъ является церковь, а между тѣмъ лэндлорды, если можно такъ выразиться, отточили себѣ зубы на церковной землѣ, которую оттягали раньше, чѣмъ принялись за собственность общинъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ: основатель рода лордовъ Bedfordскихъ, Джонъ Рёссель, получилъ отъ Генриха VIII и отъ Эдуарда VI (путемъ подѣлки завѣщанія короля) 87.425 акровъ церковной и монастырской земли въ разныхъ графствахъ, да кромѣ того еще громадная площадь въ Лондонѣ, въ томъ числѣ Ковентгарденскій рынокъ. Основатель рода лордовъ Westminsterскихъ, Гросвеноръ, такимъ же образомъ получилъ 19.749 акр. въ четырехъ графствахъ и, кромѣ того, землю въ Лондонѣ. Первый Кавендишъ получилъ 199.890 акровъ въ одиннадцати англійскихъ графствахъ и въ Ирланди. Сесиль (родоначальникъ маркизовъ Солсбери), по прозвищу «паукъ», захватилъ 10.122 акра церковной земли. Теперь нѣтъ ни одного лорда, земельная собственность котораго не была бы основана на грабѣжѣ монастырей, если родъ его восходитъ до XVI вѣка. Въ настоящее время:

28 герцоговъ	владѣютъ площадью	въ 3.991.881 акр.
33 маркиза	»	» 1.567.227 »
194 графа	»	» 5.364.118 »
270 бароновъ	»	» 3.780.000 »

Баронъ Леонфильдъ владѣетъ больше, чѣмъ 100.000 акр. земли, приносящими 88.000 ф. ст. ренты въ годъ. Герцогу Сутерландскому принадлежать 1.358.000 акр.; герцогъ Бакленскій получаетъ одной ренты 217.000 ф. ст. въ годъ, т. е. больше двухъ милліоновъ рублей. Страной крупныхъ помѣщиковъ является Шотландія, гдѣ шестая часть всего королевства принадлежитъ шести герцогамъ *). Пространство Англiи и Уэльса—34.524.974 акра. Вся эта площадь принадлежитъ 974.011 владѣльцамъ.

400 пэровъ	владѣютъ	5.729.979 акр.
1.288 крупн. лэндлордовъ	8.497.699 »
2.529 сквайровъ	4.319.271 »
9.585 крупныхъ іоменовъ	4.782.627 »
24.412 мелкихъ іоменовъ	4.144.272 »
217.049 мелкихъ собственниковъ	3.931.806 »
14.459 обществъ	1.443.548 »
703.289 домовладѣльцевъ, построившихся на собств. землѣ	151.148 »

Сложивъ три первыхъ класса землевладѣльцевъ, мы получимъ, что 4217 помѣщиковъ, т. е. 0,01% всего населенія Соединеннаго Королевства, владѣютъ 18.546.949 акрами, или болѣе чѣмъ по-

*) Цифры взяты изъ книги Говарда Иванса—„Our Old Nobility“.

ловиной всей площади Англии и Уэльса. И это тогда, когда всюду ощущается земельный голодъ.

Такимъ образомъ, у защитниковъ принудительнаго отчужденія земли есть аргументы, когда лэндлорды начинаютъ говорить о нарушеніи священнаго права собственности. Законъ, предоставляющій муниципалитетамъ и совѣтамъ графствъ право принудительно отчуждать землю (и брать ее такъ же принудительно въ аренду) съ тѣмъ, чтобы сдавать ее потомъ въ аренду мелкими участками, вошелъ въ силу съ 1 января 1908 г. Теперь вопросъ идетъ о томъ, сколько потребуютъ помѣщики за отчуждаемую землю. Лэндлорды «богатѣютъ во свѣ»: земля, безъ всякаго усилія со стороны владѣльцевъ, автоматически поднимается въ цѣнѣ въ зависимости отъ трудолюбія гражданъ. Каждая новая дорога, проложенная обществомъ, дренажъ, проведенный не помѣщикомъ, ростъ города,— все это быстро поднимаетъ стоимость земли. Когда лѣтъ десять тому назадъ лондонскій муниципалитетъ пожелалъ выкупить у покойнаго лорда Солсбри участокъ земли, застроенный нездоровыми трущобами, съ тѣмъ, чтобы проложить новую улицу, которая соединила бы Оксфордстритъ съ Стрэндомъ,—благородный маркизъ удивилъ всѣхъ своею жадностью. Онъ не только потребовалъ рыночную стоимость земли, основанную на доходности ея, Солсбри пожелалъ также получить и «незаработанное приращеніе» за нѣсколько лѣтъ впередъ. «Вы снесете трущобы и проведете новую улицу, обстроенную великолѣпными магазинами; земля тогда сильно поднимется въ цѣнѣ. Такъ вотъ заплатите мнѣ и за это. Вычитайте и «незаработанное приращеніе» за десять лѣтъ и прибавьте это къ стоимости земли». Такъ можно было бы формулировать требованія лорда Солсбри. Споръ изъ за «незаработаннаго приращенія», которое требовалъ маркизъ, дважды доходилъ до парламента. Чтобы не было такіяжъ чрезмѣрныхъ и безстыдныхъ требованій теперь, новый билль имѣетъ въ виду вычислить, такъ называемую, внутреннюю стоимость земли. (Объ этомъ вычисленіи я подробно писалъ въ началѣ прошлаго года).

Третій аграрный законопроектъ касается Шотландіи. Содержаніе его хорошо извѣстно, такъ какъ билль рассмотрѣнъ парламентомъ еще въ прошломъ году. Законопроектъ имѣетъ цѣлью улучшить положеніе мелкихъ арендаторовъ, или *крофтеровъ*, путемъ обезпеченія аренды и права на вознагражденіе за всѣ сдѣланныя крофтерами улучшения. Прежде помѣщикъ могъ прогнать въ любое время крофтера, при чемъ все то, что послѣдній сдѣлалъ на своемъ участкѣ, оставалось въ пользу лэндлорда. Прежде помѣщикъ могъ установить чрезмѣрную ренту. Послѣдствіемъ этого было, что значительная часть сельской Шотландіи превратилась въ верешаки для разведенія куропатокъ. Новый земельный билль устанавливаетъ справедливую ренту, которую помѣщикъ не можетъ повысить по своему произволу. Кромѣ того, если пять или болѣе крофтеровъ обращаются

къ графскому совѣту за землей, которую помѣщикъ не хочет сдавать въ аренду, — то совѣтъ можетъ принудительно выкупить ее.

Шотландскій законопроектъ былъ принятъ нижней палатой; но лорды отвергли его. Теперь билль вносится вторично въ прежнемъ видѣ.

Если вопросъ о землѣ глубоко интересуетъ массы, то школьный билль, обѣщанный въ тронной рѣчи, сильно волнуется средніе и «ниже-средніе» классы. До 1902 г. въ Англии были два типа народныхъ школъ: свѣтская (Board School) и конфессіональная (Voluntary School). Первые содержались на счетъ суммъ, доставляемыхъ городскими налогами и пособія, отпускаемаго казною. Въ этихъ школахъ катехизисъ совершенно не преподавался. Учитель (не священникъ) прочитывалъ только разъ или два раза въ недѣлю главу изъ библіи, не комментируя ее. Конфессіональныя школы (Voluntary Schools) получали *только* казенное пособіе. Предполагалось, что остальные деньги дадутъ родители, желающіе, чтобы ихъ дѣти учили катехизисъ опредѣленной религіи или секты. Board Schools находились подъ общественнымъ контролемъ. Съ этой цѣлью населеніе непосредственно избирало спеціальные комитеты (School Boards). Конфессіональныя школы не были подъ общественнымъ контролемъ и всецѣло находились въ рукахъ священниковъ. Школьная реформа, описываемая здѣсь, введена была въ 1870 г. За тридцать лѣтъ своего существованія свѣтская народная школа дала блестящіе результаты. Что же касается конфессіональной школы, то она постепенно приходила въ упадокъ вслѣдствіе отсутствія средствъ. Священники жаловались, что родители, посылающіе своихъ дѣтей въ церковныя школы, не желаютъ платить. Критики находили, что вообще въ конфессіональной школѣ образовательное дѣло поставлено гораздо хуже, чѣмъ въ свѣтской. Когда у власти стали консерваторы, они вняли мольбамъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ клерджименовъ и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, провели въ парламентѣ школьный законъ 1902 г. Въ силу его, всѣ народныя школы, какъ свѣтскія, такъ и конфессіональныя, стали получать деньги изъ городскихъ налоговъ. Свѣтскія школы оставались подъ общественнымъ контролемъ, но не School Boards, какъ раньше, а комитетовъ назначенныхъ муниципальными совѣтами. Конфессіональныя же школы, «non provided schools», какъ онѣ стали называться по новому, оставались фактически въ рукахъ частныхъ лицъ, т. е. священниковъ. И такъ какъ священники англиканской церкви преобладаютъ въ Англии, конфессіональныя школы очутились въ рукахъ господствующей церкви. Тогда неконформисты запротестовали. Они заявили, что съ нихъ собираютъ деньги на содержаніе школъ, въ которыхъ преподается катехизисъ другой секты. Такъ какъ такимъ образомъ нарушалась, по мнѣнію диссентеровъ, свобода совѣсти, гарантированная конституціей, то они отказались платить школьной налогъ. Началось пассивное сопротивленіе школь-

ному закону 1902 г., которое въ Уэльсѣ достигло колоссальныхъ размѣровъ. Всѣ графскіе совѣты Уэльса отказались привести законъ въ исполненіе. Такъ дѣло шло до декабря 1905 г., когда консервативное министерство вышло въ отставку. Измѣненіе школьнаго закона 1802 г. явилось однимъ изъ главныхъ пунктовъ избирательной программы либеральной партіи. Слѣдующая таблица покажетъ число учащихся въ свѣтскихъ и конфессіональныхъ школахъ въ Англіи и Уэльсѣ:

Г о д ы.	Свѣтскія школы (Board Schools).		Конфессіональныя школы.	
	Число школь.	Число дѣтей.	Число школь.	Число дѣтей.
1869—70 . . .	—	—	8,281	1,878,584
1871—72 . . .	82	17,156	9,772	2,278,738
1875—76 . . .	1,596	556,150	12,677	2,870,165
1881—82 . . .	3,868	1,298,746	14,421	3,239,574
1885—86 . . .	4,402	1,692,505	14,620	3,452,787
1891—92 . . .	4,831	2,041,464	14,684	3,651,511
1895—96 . . .	5,432	2,433,411	14,416	3,638,963
1901—02 . . .	5,878	2,881,155	14,275	3,723,329
1906 . . .	6,800	3,445,881	13,980	3,515,786

Цифры эти показываютъ, что въ то время, какъ свѣтская народная школа стремительно развивалась,—конфессіональная школа съ 1885 г. оставалась совершенно неподвижной. Ей не пошли впрокъ даже общественныя деньги, отпущенныя въ 1902 г. Церковная школа въ послѣдніе годы рѣшительно падаетъ. На содержаніе всѣхъ бесплатныхъ начальныхъ школъ въ Англіи и Уэльсѣ министерство народнаго просвѣщенія (Board of Education) отпускаетъ теперь 12.604.048 ф. ст. въ годъ, а мѣстныя самоуправленія—20.403.935 ф. ст.

Въ 1906 г. у власти стало либеральное министерство и первымъ дѣломъ внесло новый школьный законъ. Правительство находилось въ довольно затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, традиціи партіи требовали, чтобы оно высказалось рѣшительно за свѣтскую школу, предоставивъ отдѣльнымъ сектамъ обучать катехизису въ специальныхъ конфессіональныхъ школахъ. Съ другой — союзники правительственной партіи ирландцы стояли за близкое участіе католическихъ священниковъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Законопроектъ попыткась разрѣшить трудную задачу, но не особенно удачно. Остались недовольны и диссентеры, и католики, и, конечно, представители господствующей церкви. Билль, однако, прошелъ въ нижней палатѣ; но въ верхней палатѣ лорды, по указанію епископовъ, внесли въ законопроектъ рядъ важныхъ измѣненій. Такъ какъ послѣднія были неприемлемы для коммонеровъ, то билль погибъ. И вотъ въ этомъ году министерство дѣлаетъ новую попытку, внося другой школьный билль. О томъ, какую народную школу желали бы имѣть диссентеры и рабочіе,—мы можемъ судить по дѣлому ряду резолюцій. И свободныя церкви,

и рабочіе стоять за школу того типа, которая существовала до 1902 г. Трудъ юніоны, кромѣ того, прибавляютъ еще слѣдующія требованія: 1) воспитаніе и содержаніе дѣтей въ школахъ на счетъ государства; 2) національная система воспитанія подъ полнымъ народнымъ контролемъ, бесплатная и свѣтская отъ начальной школы до университета; 3) техническое образованіе должно входить въ каждую школьную программу.

V.

Обсужденіе адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь—сдѣлать изъ поводовъ для оппозиціи подвергнуть критикѣ всю вѣншую и внутреннюю политику правительства. Оппозиція внесеть рядъ законопроектовъ. И если какая-нибудь изъ нихъ принята, то министерство должно выйти въ отставку. Въ этомъ году предложены были двѣ важныя поправки: одна касалась вопроса о безработныхъ, другая—положенія дѣлъ въ Ирландіи. Обѣ поправки крайне любезны, такъ какъ показываютъ, что разниа между программами главныхъ партій въ Англіи все болѣе и болѣе изглаживается. Въ одной поправкѣ, предложенной рабочей партией, выражается сожалѣніе по поводу того, что въ тронной рѣчи ничего не упомянуто про безработныхъ. Поправка послужила поводомъ для социалистовъ выставить тезисъ, что безработица являея прямымъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ капиталистическаго строя. Съ другой стороны, консерваторы, поддержавшіе поправку, защищали положеніе, что безработица является результатомъ свободной торговли. Работа для всѣхъ, по мнѣнію протекціонистовъ, явится вмѣстѣ съ покровительственными пошлинами. Протекціонистамъ указали на факты. Если, дѣйствительно, безработица находится въ зависимости отъ свободной торговли, то почему же въ протекціонной Америкѣ или въ Германіи столько безработныхъ? Въ одномъ Берлинѣ теперь 60 тысячъ технически обученныхъ работниковъ, не находящихъ спроса на свой трудъ. Въ Англіи же, если читатели помнятъ мою статью, помѣщенную въ январской книжкѣ «Русскаго Богатства»,—отъ безработицы страдаютъ по преимуществу чернорабочіе. Во время дебатовъ былъ намѣченъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя могутъ значительно уменьшить число безработныхъ. Чернорабочіе, по преимуществу, сельскіе работники, только что явившіеся изъ деревень. Если остановить тягу изъ деревень въ города, то это немедленно благоприятно отзовется на рабочемъ рынкѣ въ городахъ. Остановить тягу можетъ возвращеніе земли народу, разрѣшеніе жилищнаго вопроса въ деревняхъ, большее оживленіе деревенской жизни, освобожденіе «ходжа» отъ вліянія сквайра и священника.

Крайне благоприятныя послѣдствія въ смыслѣ разрѣшенія во-

проса о безработныхъ должно имѣть введеніе восьмичасоваго рабочаго дня. Если бы такой нормальный день существовалъ на желѣзныхъ дорогахъ,—говорятъ экономисты,—то еще сто тысячъ работниковъ нашли бы себѣ занятіе на линияхъ. Къ остальнымъ мѣрамъ борьбы съ безработицей нужно отнести: повышеніе возраста дѣтей, когда они могутъ поступать на фабрики, пенсію для престарѣлыхъ, которая устранитъ конкурентовъ, понижающихъ заработную плату. Чтобы дать хлѣбъ безработнымъ, необходимы общественныя полезныя предпріятія, какъ лѣсонасажденіе или укрѣпленіе береговъ.

Поправка рабочей партіи была отклонена небольшимъ большинствомъ голосовъ (49). Вторая поправка касалась Ирландіи. Въ поправкѣ правительство осуждалось за то, что не прибѣгаетъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для подавленія, такъ называемаго, *cattle-driving*, т. е. угона скота. Это не означаетъ, что въ Ирландіи теперь скотъ калѣчатъ или убиваютъ, какъ въ эпоху разгара революціонной борьбы. Нѣтъ, скотину пасущуюся на лугахъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, которые относятся враждебно къ выкупу земли, — угоняютъ ночью версты за три. На другой день ее находятъ невредимой гдѣ-нибудь на берегу ручья. И вотъ на основаніи этихъ фактовъ консерваторы требовали, чтобы правительство опять ввело въ Ирландіи отмѣненные имъ законы объ усиленной охранѣ (*coercion acts*). Коммонеры, высказывавшіеся за эти законы, говорили лѣниво, неубѣдительно. Наиболѣе любопытны были дебаты по поводу той же поправки въ верхней палатѣ. Тамъ лордъ Лейтримъ объяснялъ *cattle-driving*, съ одной стороны, появленіемъ «агитаторовъ», съ другой стороны, — отмѣной правительствомъ чрезвычайныхъ мѣръ. Лордъ Лейтримъ настоятельно требовалъ, чтобы *coercion acts* были опять введены. «Они нисколько не стѣсняють лицъ, уважающихъ законы», — прибавилъ лордъ. Имя его вписано кровью въ анналы Ирландіи. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ исторіи аграрнаго движенія начала шестидесятыхъ годовъ. «Выжиманіе денегъ лэндлордами изъ своихъ фермеровъ не имѣло предѣловъ. Рента повышалась съ каждымъ годомъ. Помѣщикъ не зналъ другихъ границъ при своихъ требованіяхъ, кромѣ собственнаго аппетита, каприза и потребностей. Постройка помѣщикомъ новаго дворца въ Лондонѣ, большой карточный проигрышъ, чрезмѣрныя требованія жадной любовницы,—все это отражалось на ирландскомъ фермерѣ; все это дѣлало его судьбу еще болѣе мрачной. Рента росла. И, когда старый помѣщикъ исчезалъ въ Мальштремѣ долговъ, являлся новый владѣлецъ, быть можетъ, болѣе бережливый, но столь же жадный». Среди старыхъ помѣщиковъ,—продолжаетъ историкъ,—своею жадностью особенно выдѣлялись пять: маркизъ Слайго, графъ Льюкэнъ, Олланъ Поллонъ, Джонъ Джорджъ Эдэйръ и лордъ Лейтримъ. Послѣдній отличался не только крайней грубостью (при видѣ

помѣщика жены и дочери фермеровъ отъ страха впадали въ истерику). «Droit de seigneur, — продолжаетъ цитируемый историкъ, — существовало въ Ирландіи такъ же, какъ и во Франціи; но въ послѣдней это право уничтожено революціей, тогда какъ въ Ирландіи оно продержалось до шестидесятихъ годовъ. Лордъ Лейтримъ, въ этотъ отношеніи, подобно другимъ помѣщикамъ, свирѣпствовалъ, какъ чума. Въ его вотчинѣ каждая пригожая дѣвушка должна была явиться въ помѣщичій домъ, будто бы, на службу. Домъ превращался для дѣвушки въ тюрьму, а служба — въ поворъ. Черезъ нѣкоторое время оставленная дѣвушка отправлялась въ Америку, а помѣщикъ предлагалъ новой жертвѣ выборъ между поступленіемъ въ гаремъ или изгнаніемъ отца изъ фермы» *). Благородный лордъ, требующій теперь чрезвычайныхъ мѣръ — сынъ того графа, о которомъ говорить историкъ.

Лорду Лейтриму возражалъ лордъ Дѣдлей, консерваторъ, бывший вице-король ирландскій. Лордъ Дѣдлей категорически заявилъ, что соегион acts не только не вносятъ успокоенія, а напротивъ, являются постояннымъ источникомъ раздраженія. Правительство сильно только тогда, когда его поддерживаетъ общественное мнѣніе. Только тогда оно законно. Вотъ почему всѣ толки про то, что англичане должны быть въ Ирландіи господствующей націей — вредны. Если же правительство должно считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, — продолжалъ лордъ Дѣдлей, — то необходимо въ Ирландіи построить систему управленія согласно идеаламъ большинства населенія.

Другими словами, бывший вице-король высказывается за областной сеймъ въ Ирландіи. Быть можетъ, читатели вспомнятъ про книгу лорда Дѣпрейвана, о которой я писалъ не такъ давно. Я тогда говорилъ про группу прекраснорушныхъ ирландскихъ помѣщиковъ-консерваторовъ, которые, послѣ разрѣшенія земельного вопроса, стоятъ за сближеніе съ націоналистами. Теперь внѣ сомнѣнія, что бывший вице-король глубоко симпатизируетъ этимъ «примиренцамъ». Явленіе это крайне любопытно. Оно показываетъ, что многіе консерваторы пришли теперь къ заключенію, что единственный способъ полного замиренія Ирландіи это — дарованіе ей областного сейма. Реформа, эта не называется страшнымъ для консерваторовъ именемъ «гомруль». Придуманъ псевдонимъ «деволюція», но сущность остается тою же. Внѣ сомнѣнія, что областной сеймъ у Ирландіи будетъ, хотя трудно сказать, какая изъ двухъ партій осуществить реформу. Много вѣроятности за то, что осуществленіе реформы достанется консерваторамъ.

Итакъ, послѣдній пунктъ, сильно отличавшій программу радикаловъ отъ консерваторовъ, т. е. отношеніе къ областному сейму Ирландіи, — устраняется. Демаркаціонной линіей между партіями

*) T. P. O'Connor The Parnell Movement 1887. p. p. 111—116.

становится не отношеніе къ политической свободѣ гражданъ (въ этомъ отношеніи между партіями уже давно нѣтъ разницы); не отношеніе къ социальнымъ реформамъ (консерваторы выставили пенсію для стариковъ и восьмичасовой рабочей день еще въ 1895 г), а приверженность къ тому или другому взгляду на таможенныя пошлины. Мнѣ много разъ приходилось выяснять на страницахъ «Русскаго Богатства», какимъ образомъ возникъ въ Англии споръ о преимуществахъ той или другой таможенной системы, а также почему этотъ споръ имѣетъ такое колоссальное, жизненное значеніе для громаднаго населенія двухъ промышленныхъ міровъ *). Я выяснялъ, почему міръ, обрабатывающій не волокнистыя вещества, сталъ протекціонистомъ и почему районъ, живущій обработкой текстильныхъ веществъ, видитъ въ свободной торговлѣ спасеніе для себя. Такъ какъ теперь въ Англии исходъ выборовъ зависитъ всецѣло отъ массъ, то и фритредеры, и протекціонисты постарались втянуть въ свой споръ всѣхъ англійскихъ избирателей. До послѣдняго времени фритредерамъ не трудно было доказать массамъ, что свободная торговля выгодна для пролетаріата. На выборахъ 1906 г. протекціонисты были разбиты. Но надвигающійся промышленный кризисъ, съ послѣдствіемъ его — безработицей, заставляетъ теперь массы задуматься. Онѣ очень плохіе статистики и экономисты, а тутъ протекціонисты каждый день твердятъ: «тарифныя реформы означаютъ работу для всѣхъ». И массы кое-гдѣ, какъ показываютъ дополнительные выборы, стали колебаться. Консерваторы ожили. Теперь они нашли въ протекціонизмѣ новый лозунгъ для себя.

Діонео.

*) См. „Очерки Современной Англии“, стр. 33—113. „Англійскіе Служацы“, стр. 287—319.

Современная юриспруденція и ученіе Л. І. Петражицкаго.

(Проф. Л. І. Петражицкій, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Т. I, II, Спб., 1907).

III.

Когда Петражицкій предпринялъ свое психологическое обоснованіе права, онъ не могъ не наткнуться на шаблонную, застывшую въ традиціонныхъ формахъ психологію. Правовыя переживанія въ видѣ различныхъ психологическихъ движеній, правовыя императивы, ощущаемыя человекомъ въ качествѣ какихъ-то велѣній, обязательныхъ для внутренней его жизни и дѣйствій,—все это совершенно не умѣщалось въ рамкахъ рутинной системы, стоящей отъ вѣка на трехъ знаменитыхъ китахъ: на чувствахъ, на мышленіи, на волѣ. Психологія этики и права оказывалась въ значительной степени исключенной изъ старой психологіи, и передъ нашимъ авторомъ стояла неотвратимая дилемма: или отречься совсѣмъ отъ созданія всеохватывающей и цѣльной теоріи права, построенной на психологическомъ базисѣ, или же присоединиться къ новому, реформаторскому теченію въ психологіи.

Петражицкій остановился на послѣднемъ рѣшеніи, и если намеки и начатки своей психологіи онъ далъ еще въ своихъ болѣе раннихъ, юридическихъ сочиненіяхъ, то, начиная съ «Очерковъ философіи права», онъ уже ясно избираетъ реформаторское направленіе и въ «Мотивахъ человѣческихъ поступковъ» и въ «Введеніи въ изученіе права и нравственности», рѣшительно становится на новый путь, который и приводитъ его къ завершенію психологической теоріи права. Для психологовъ особенно важное значеніе должно имѣть безспорно упомянутое «Введеніе»; опираясь на глубокое изученіе современныхъ психологическихъ теорій, Петражицкій даетъ здѣсь въ высшей степени изящную критику традиціонныхъ воззрѣній, разбираетъ на строго методологической основѣ общепринятыя начала тройственной психологіи, и отвергая каждую изъ трехъ «китовъ», какъ ненаучныя категоріи, сводитъ въ концѣ концовъ психику человека къ первоначальному единству. Въ этомъ отношеніи вмѣстѣ со своимъ отдаленнымъ предшественникомъ онъ могъ бы воскликнуть: здѣсь «все едино» и «нѣтъ никакихъ окончательныхъ различій».

Это первоначальное единство, представляющее особый интересъ для социолога и юриста, устанавливается Петражицкимъ какъ

разъ въ той области, которая особенно близка зоологическому міру, стоитъ на границѣ субъективной психики и объективнаго приспособленія. И нельзя не отмѣтить, что уже покойный Н. К. Михайловскій, благодаря своимъ изслѣдованіямъ въ области животнаго мимизма, массовой подражательности, различныхъ психозовъ, вроде эпидемической хореи и мерячества, благодаря, наконецъ, внимательному изученію отношеній «героевъ» и «толпы», пришелъ къ необходимости изученія особыхъ психическихъ «факторовъ», «внутреннихъ двигателей», особыхъ «импульсовъ», которые должны объяснить и «всѣ явленія коллективнаго увлеченія и нравственныхъ эпидемій». Въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ указаннымъ вопросамъ, Михайловскій привелъ массу фактовъ и богатую коллекцію примѣровъ, которые ярко рисуютъ намъ картину психо-моторныхъ движеній и заставляютъ признать, «что всякое представленіе да и всякій психическій актъ вообще заканчивается бессознательными непроизвольными движеніями»; правда, эти «психо-моторныя движенія» далеко не оказываются всегда достаточно дѣлесообразными. Однако же, нельзя не признать ихъ громадной роли въ дѣлѣ приспособленія живыхъ существъ къ окружающей средѣ. Къ сожалѣнію, Михайловскій не могъ докончить своихъ изслѣдованій, и хотя научная психологія современности его глубоко не удовлетворяла, а психологическое невѣжество нашихъ юристовъ и незнакомство съ психической мотиваціей его искренно печалило, самъ онъ не успѣлъ дать той законченной соціальной психологіи, которая, по его мнѣнію, была такъ необходима *).

Отказъ отъ различныхъ фантастическихъ представленій въ области психологіи и обращеніе къ чисто научному методу—ограничить вліяніемъ успѣховъ зоологіи и фізіологіи—заставило не одного Михайловскаго обратиться къ положительному изученію новыхъ фактовъ и построенію исчерпывающей ихъ теоріи. Міръ «бессознательнаго» привлекъ къ себѣ вниманіе не однихъ только Карпентеровъ и Спенсеровъ, съ одной стороны, Гартмановъ и ихъ приверженцевъ—съ другой. У нашего матеріалиста Кнаппа мы встрѣчаемъ попытку построить чисто научную, позитивную психологію не менѣе рѣшительную, чѣмъ у современныхъ ему, а отчасти послѣдующихъ французскихъ и англійскихъ психологовъ. И у нашего Кнаппа на первый планъ выдвигается особое «бессознательное мышленіе», которое входитъ, какъ одинъ изъ процессовъ, въ общее теченіе человѣческаго мышленія. И у этого писателя мы находимъ указанія на моторную функцію мышленія, причѣмъ «каждое обнаруженіе его—будь то аффектъ или дѣйствіе—является только моторнымъ (или мускулы-возбуждающимъ—*muskelregendes*) мышленіемъ, а слѣдовательно продуктомъ возбужденія со стороны мыслительнаго

*) Н. К. Михайловскій, Сочиненія. Т. II, стр. 104 - 106, 122, 126, 127, 135, 137, 139, 143, 150, 209, 212, 304—314.

органа и возбуждаемости моторныхъ приспособленій. Даже особую опасность видить нашъ писатель въ той быстротѣ, съ которою работаютъ мускулы подѣ влияніемъ мозга: «разъ только длится секунду представленіе безъ противодѣйствія, тотчасъ же сжимается мускуль, наносится смертельная рана и бѣшенство безсильнаго отчаянія бросаетъ преступника на его жертву» *).

«Безсознательное мышленіе» по теоріи Кнаппа производитъ во всей мускульной системѣ—какъ произвольной, которая преимущественно служитъ дѣйствіямъ, такъ и произвольной, которая также служитъ аффектамъ—цѣлый рядъ весьма тонко отдѣленныхъ возбужденій, которыя, уменьшаясь во силѣ, прерываясь въ обморокъ, оканчиваются лишь со смертью. При помощи этихъ законныхъ и потому понятныхъ мускульныхъ отраженій выносятся на наружную поверхность тѣла, на волнообразную поверхность кожи безсознательныя, а слѣдовательно, наиболѣе внутреннія и скрытыя состоянія духа и такимъ образомъ обнаруживаются для всего круга умныхъ наблюдателей... такъ какъ склонность и отвращеніе, довѣріе и подозрительность опредѣляются двойственной—воспринимающей и производящей («productive und resective») —дѣятельностью безсознательнаго мышленія, которое при помощи выработанной дипломатіи аффектовъ регулируетъ формы обращенія... Вліяніе безсознательнаго мышленія, однако, никоимъ образомъ не ограничивается одними аффектами; оно господствуетъ и въ сознательныхъ движеніяхъ; сознаніе можетъ освѣщать только узкую полосу главнаго направленія движеній, самое же выполненіе массы подчиненныхъ движеній должно быть предоставлено содѣйствію безсознательнаго мышленія. И ясное дѣло, что послѣ того, какъ выяснено, что «безсознательное мышленіе при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выполнить все, что производитъ сознательное, то и самое сознаніе нельзя считать существенно опредѣляющей причиной: такъ какъ этотъ факторъ не необходимъ, то его слѣдуетъ разсматривать только лишь въ качествѣ сопровождающаго, хотя и въ высшей степени полезнаго проявленія для дѣйствія... Въ аффектѣ страха или радости могутъ быть выполнены сложнѣйшія движенія... однако, рѣдкость подобныхъ случаевъ указываетъ, съ другой стороны, на полезность сознанія въ процессѣ обнаруженія мысли. Тѣмъ не менѣе, несмотря на безспорность пользы, для насъ имѣетъ важность только несущественность проявленія сознанія» **).

Для того, чтобы показать на примѣрѣ значеніе такого рецептивно - продуктивнаго и вмѣстѣ безсознательнаго мышленія, Кнаппъ приводитъ намъ случаи, когда и сознательный и безсознательный процессы оказываются вполнѣ тождественными по своимъ

*) L. Knapp, System der Rechtsphilosophie, Erlangen, 1857 г., стр. 58—61, 65.

***) Тамъ же, стр. 70—72.

результатамъ: «гдѣ нѣсколько людей неожиданно должны озаботиться охраненіемъ своей жизни или своей одежды, гдѣ, напримѣръ, глядящіе зрители внезапно оказываются подъ угрозой качающейся стѣны или направленной на нихъ пожарной трубы, тамъ обычно всѣ дѣлаютъ одно и тоже—всѣ бѣгутъ оттуда; и тѣ которые вполнѣ сохранили сознание, тѣ, которые потеряли присутствіе духа. То, что говорится здѣсь о различныхъ субъектахъ, въ равной степени можно сказать и о различныхъ періодахъ мыслительнаго процесса: когда сильное раздраженіе обращаетъ мышленіе въ страсть—сознаніе можетъ присутствовать или нѣтъ безъ какой бы то ни было перемены въ дѣйствіи» *).

Психическій духовный факторъ Михайловскаго, точно такъ же какъ бевсознательное мышленіе Кнаппа, находятъ свою полную аналогію въ ученіи Петражицкаго. «Хозяиномъ» человѣческой жизни, «факторами, рѣшающими и управляющими въ области тѣлодвиженій и вообще осуществленія... біологической функціи психики, являются не тѣ элементы, о которыхъ думаетъ традиціонное психологическое ученіе, а эмоціи. Что же касается элементовъ познанія, чувства и воли, то они играютъ лишь роль добавочныхъ, подчиненныхъ и вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, служащихъ эмоціямъ въ качествѣ средства болѣе совершеннаго эмоціональнаго приспособленія». Понимая подъ эмоціями двустороннія, пассивно-активныя переживанія или «моторныя возбужденія», Петражицкій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «громадное большинство эмоцій» даже «всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, протекаютъ незамѣтно для переживающихъ ихъ и недоступны открытію для невооруженнаго взора. Мы переживаемъ ежедневно многія тысячи эмоцій, управляющихъ нашимъ тѣломъ и нашей психикой... заставляющихъ психо-физическій аппаратъ измѣняться и дѣйствовать такъ, какъ это соотвѣтствуетъ ихъ командѣ; но сами эти хозяева и управители остаются нормально незамѣченными». Это—цѣль безчисленныхъ, смѣняющихъ другъ друга, нормально скрытыхъ и невидимыхъ эмоцій... Такъ эмоціи въ силу «своей двойственной раздражительно-моторной природы» представляютъ собой «коррелятъ двойственной центростремительной, центробѣжной, анатомической структуры нервной системы и двойственной, раздражительно-моторной физиологической функціи этой системы и прототипъ психической жизни вообще съ ея двойственнымъ массивно-активнымъ характеромъ». Или иначе, говоря словами Кнаппа, «передача возбужденія мыслительнаго органа на моторные нервы производитъ сокращеніе мускуловъ, а вслѣдствіе этого и создаетъ историческій процессъ жизни»...

*) L. Knapp, в. н. с., стр. 72—73.

**) Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности, эмоціональная психологія Спб., 1905 г., стр. 268—270, 266, Кнапп, тамъ же, стр. 61.

Итакъ, бессознательный процессъ жизни есть основной и первичный. Не разумъ съ его ясными и чистыми категориями и стремлениями къ единству, не воля, какъ сознательный процессъ односторонне-активного начала, не свободное творчество кантовской самодѣльной личности, пришедшей въ мѣръ, дабы путемъ неуклоннаго слѣдованія категорическому императиву перейти въ разрядъ не феноменовъ, а нуменовъ, умопостигаемыхъ сущностей. И если мы припомнимъ, что какъ разъ въ этой массѣ вѣчно движущейся темной бессознательной жизни покоится все богатство уже унаслѣдованнаго человѣкомъ приспособленія, то сразу же мы начинаемъ сознать всю важность такой исходной точки зрѣнія на психическую жизнь человѣка. Не даромъ Петражицкій съ такой подробностью и вниманіемъ останавливается на отдѣльныхъ психическихъ рядахъ эмоціональной жизни человѣка, характеризующихъ собой его дѣятельность, главнымъ же образомъ дѣятельность экономическую.

Уже Авенариусъ установилъ, что всѣ психическіе феномены представляютъ собой постоянные болѣе или менѣе легко отдѣлимые другъ отъ друга ряды, которые при всемъ своемъ различіи представляютъ опредѣленные общія черты; эти ряды совершенно одинаковы въ духовной дѣятельности ребенка или дикаря, съ одной стороны и творческаго гениа, съ другой. Изъ среды этихъ психическихъ рядовъ выдѣляются особые жизненные ряды, которые въ свою очередь дѣлятся на независимые и зависимые; первые, согласно терминологіи Матзата, можно назвать рабочими рядами, вторые — мыслительными. Независимые ряды опять таки могутъ быть раздѣлены на двѣ части: одни, благодаря предшествующему частому упражненію, протекаютъ просто и однообразно, можетъ быть, даже безъ психическихъ сопроводителей, другіе же, теченіе которыхъ отличается отъ предшествующаго упражненія, являются преимущественно носителями или средствами для опредѣленія сознанія. Замѣчательною чертою всѣхъ этихъ «рядовъ» оказывается далѣе то, что каждый изъ нихъ, будучи вариацией предшествующихъ упражненій, является сосредоточеннымъ на одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ родѣ дѣятельности, такъ что параллельное и совмѣстное существованіе нѣсколькихъ такихъ рядовъ невозможно *).

У Петражицкаго мы находимъ аналогичные ряды «моторныхъ возбужденій», которые, однако, приводятся имъ безъ какой бы то ни было дальнѣйшей систематики, только въ видѣ иллюстраціи къ его эмоціональной психологіи. Останавливаясь на шаблонной теоріи голода, какъ психической причины, лежащей въ основѣ чело-вѣческой дѣятельности, Петражицкій очень удачно анализируетъ различные «ряды», не только связанные съ голодомъ, но и охотничьи, рыболовные, рабочіе, спортивные и т. п., дающіе яркую

*) H. Matzat, Philosophie der Anpassung, Jena 1903, ст. 100 и слѣд.

картину унаслѣдованныхъ нами отъ отдаленнѣйшихъ предковъ переживаній. Обращаясь, подобно Кнаппу, противъ грубаго и элементарнаго сведенія психической жизни человѣка къ «страданію» и «удовольствію», Петражицкій рисуеъ намъ частью индифферентныя, частью сопряженныя съ своеобразной переодѣвкой «удовольствія» процессы, гдѣ опредѣленная эмоція является отъ начала до конца господствующимъ стимуломъ ряда *).

На этихъ рядахъ Петражицкаго особенно ярко оправдывается то замѣчаніе Шнейдера, которое онъ сдѣлалъ относительно различія между психическими и животными явленіями. Именно на эмоціональныхъ рядахъ движеній мы видимъ какое преимущество даютъ не только явленія сознанія, но и одно только дѣйствіе привлекательности—Attraction—и отвращенія—Repulsion, то притягивающее, то отталкивающее насъ психически безсознательно отъ предметовъ внѣшняго міра. Но этого мало. Согласно ученію Авенаріуса, мы накаплиемъ цѣлый «составъ» логическаго, эстетическаго и этическаго характера, который является своего рода унаслѣдованнымъ отъ предковъ складомъ накопленныхъ вѣками переживаній, которыя всѣ получаютъ жизнь и движеніе во время развитія того или другаго психическаго ряда **).

И вотъ мы видимъ, какъ у Петражицкаго идетъ и развивается эмоція голода-аппетита, превращающаго весь организмъ въ спеціальное орудіе «психо-физическій аппаратъ вообще, годный для производства многихъ и весьма различныхъ дѣйствій, на время въ аппаратъ спеціально приуроченный къ дѣлу успѣшнаго питанія и вызывающій» во всемъ организмѣ «такія безчисленныя измѣненія»... которыя въ совокупности представляютъ «безсознательно гениальное» приспособленіе къ успѣшному осуществленію функціи питанія». Голодь повышаетъ вниманіе человѣка по отношенію къ впечатлѣніямъ, которыя связаны съ предметами питанія. Онъ увеличиваетъ воспримчивость органовъ внѣшнихъ чувствъ, служащихъ дѣлу питанія, главнымъ образомъ вкуса и обонанія, онъ дѣйствуетъ и на мозгъ, вызывая раздраженіе и дѣйствіе этихъ элементовъ центральной нервной системы. Онъ вызываетъ прямо фізіологическія измѣненія въ железахъ и мускулахъ, наконецъ, дѣйствуетъ на общее возбужденное состояніе другихъ связанныхъ съ питаніемъ органовъ и т. д. «Это положеніе вполнѣ естественно и понятно съ точки зрѣнія естественнаго подбора, т. е. совершенствованія въ теченіе множества тысячелѣтій организмъ путемъ скорѣйшаго вымиранія менѣе приспособленныхъ и наслѣдственнаго

*) Л. Петражицкій, Введеніе, ст. 229 и слѣд., Л. Кнапп, в. н. с. стр. 99 и слѣд.

**) Schneider, Der menschliche Wille vom Standpunkte der neueren Entwicklungs Theorien, цитирую по Мацату, в. н. с. ст. 98. Авенаріусъ тамъ же, стр. 100 и слѣд.

перехода измѣненій къ лучшему въ направленіи приспособленія къ условіямъ жизни». Здѣсь идетъ рѣчь, однако, о приспособленіи «къ общимъ, обычнымъ, преобладающимъ въ массѣ случаевъ условіямъ жизни, и притомъ жизни не настоящаго поколѣнія, какъ таковаго, а большихъ рядовъ предыдущихъ поколѣній». Это—мысль, которую мы находимъ и у современныхъ эволюціонистовъ. «Въ строеніи нашего тѣла обнаруживается безконечно древній великій разумъ, который безконечно превосходитъ нашъ собственный; онъ есть сумма всѣхъ идей цѣлесообразности, которыя были восприняты и воплощены въ движеніе всѣми безчисленными милліонами нашихъ животныхъ предковъ, начиная съ самыхъ начальныхъ рыбъ... или даже отъ мельчайшихъ червей». Неудивительно поэтому, что «многія движенія, которыя служатъ нѣсколькимъ цѣлямъ, являются въ качествѣ движеній бессознательныхъ». И если исчезла первоначальная идея цѣли унаслѣдованныхъ нами движеній, то цѣлесообразность ихъ осталась... На примѣрѣ удовольствія жажды занятія охотою, рыболовствомъ, на дѣтскихъ играхъ и забавахъ въ связи съ играми животныхъ, наконецъ, на цѣломъ рядѣ рабочихъ моторныхъ возбужденій показываетъ Петражицкій, какъ соединяются унаслѣдованныя нами эмоціи, порою совершенно излишнія при современныхъ условіяхъ, съ возбужденіями, рождающимися на почвѣ новыхъ переживаній... *).

Переходъ отъ эмоцій «матеріальныхъ» къ эмоціямъ «идеальнаго» характера не могъ представить для Петражицкаго особенныхъ затрудненій, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Л. Кнаппъ, только «благодаря незнакомству съ чувствительной способностью мускульнаго аппарата, превращающаго чистыя идеи въ живыя воспріятія, измѣряемыя сокращеніемъ кожи и пульса, и вербующаго такимъ образомъ безчисленныхъ наемниковъ чувственнаго міра для міра идей—могъ сохранить идеализмъ свое кипящее ужасомъ отвращеніе къ матеріализму естествоиспытателя» **).

Современная эволюціонная психологія даетъ Петражицкому возможность построить цѣлую скалу мотиваций, при чемъ онъ различаетъ отъ эмоцій, имѣющихъ опредѣленное и специальное содержаніе, другія, въ которыхъ характеръ и направленіе нашего поведенія опредѣляется содержаніемъ связаннаго съ эмоціей представленія. Этотъ видъ эмоціи является въ высшей степени важнымъ для правовой психологіи, такъ какъ здѣсь двигательное представленіе не требуетъ одной только какой-нибудь опредѣленной акціи или дѣйствія, но является эмоціей, сопряженной съ идеей общаго представленія, общаго направленія будущей дѣятельности человѣка. Такимъ образомъ—путемъ ли унаслѣдованныхъ представленій или подъ вліяніемъ и мпульсовъ раздражительности или того внушенія, ко-

*) Петражицкій, Введение стр. 228 и слѣд., Matzat, в. н. с. стр. 102—103.

**) Кнапп., в. н. с. ст. 109—110.

торое дается проповѣдникомъ съ кафедръ, или командиромъ, стоящимъ во главѣ полка, складывается опредѣленная эмоція отвѣченнаго типа, которая въ свою очередь является только формой для воспріятія самаго различнаго содержанія. И различая, далѣе, согласно теоріи Петцольда-Авенаріуса различныя «составы» накопленныхъ мотивацій въ душѣ человѣка (эти писатели различаютъ три особые состава: логическій, эстетическій и этический) возможно, какъ это дѣлаетъ Петражицкій, установить и соответственные классы нормативныхъ переживаній. Этихъ классовъ Петражицкій насчитываетъ три: эстетическихъ, этическихъ (моральныхъ и правовыхъ) и интеллектуальныхъ переживаній, при чемъ послѣднія особенно выдвигаются въ «Введеніи», гдѣ Петражицкій разбираетъ такъ называемыя теоретическія эмоціи и роль эмоціональныхъ возбужденій въ чисто логическомъ процессѣ *).

Вполнѣ правъ поэтому Петражицкій, когда онъ такъ называемыя «абстрактныя» или «бланкетныя» эмоціи выдвигаетъ на первый планъ; онѣ именно представляютъ собой ту психическую почву, или, вѣрнѣе, то орудіе, при помощи котораго не только человѣкъ управляетъ человекомъ, но и вообще складывается регулированіе соціального поведенія. Это психическій аппаратъ наилучшей, наиболѣе доступной чужому вліянію формы. Самые различныя мотивы могутъ быть положены въ основу его построенія, и будутъ ли это мотивы рабской души, приспособившей свою психику къ импульсамъ страха, будутъ ли это мотивы наемника или нравственно свободнаго и любящаго человѣка — всѣ они способны въ концѣ концовъ дать абстракцію, связанную съ живою эмоціональною основой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступать въ дѣйствія всякій разъ, какъ только будетъ вызвана внѣшними или внутренними причинами именно данная эмоція. Положительныя велѣнія, просьбы, мольбы, совѣты, «чувство долга», «сознаніе права», велѣнія совѣсти—все это въ одинаковой мѣрѣ порождаетъ тѣ или другія акціи въ зависимости отъ того, какое содержаніе вливается въ эту открытую форму психики, снабженную напередъ своимъ особымъ двигательнымъ мотивомъ. Въ душѣ cadaго человѣка такимъ образомъ имѣется своеобразный «составъ», своего рода категория практическаго разума, снабженная живою двигательной системой, вѣчно наполняемая все новымъ и новымъ содержаніемъ. Къ сожалѣнію, для насъ еще не совсѣмъ ясны тѣ пути, которыми создается этотъ самый составъ. Эволюціонисты пробуютъ свести всю борьбу между истиной и ложью, уродствомъ и красотой, добромъ и зломъ, правомъ и неправомъ исключительно къ борьбѣ уже имѣющихся въ «составѣ» нравственныхъ, эстетическихъ и логическихъ переживаній съ массою новыхъ, стремящихся въ этотъ

*) Петражицкій, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Спб. 1907. Т. I стр. 10 и слѣд. Matzat, в. н. с. стр. 106 и слѣд. Февраль. Отдѣлъ II.

составъ, воспріятій и двигательныхъ сужденій. Это своего рода вѣчный поединокъ между старымъ и новымъ. Врядъ ли, однако, послѣ изслѣдованій Михайловскаго и Тарда, послѣ трудовъ по организаціи внушенія со стороны Крживицкаго можно считать данный вопросъ разрѣшеннымъ, особенно въ такой однотонной формулѣ; и, пожалуй, правъ Петражицкій, когда онъ, ограничиваясь въ некоторыхъ замѣчаніяхъ о согласіи своемъ съ основными положеніями эволюціонизма, оставляетъ пока въ сторонѣ этотъ нерѣшенный вопросъ и прямо переходитъ къ анализу психологін права и нравственности.

Тѣ двигательныя представленія, которыя лежатъ въ основѣ интеллектуально-эмоціональнаго ряда, распадаются, въ свою очередь, по теоріи Петражицкаго, на разныя категоріи, сообразно тому, изъ чего они состоятъ. Здѣсь прежде всего возможно представленіе цѣли, или будущихъ подлежащихъ осуществленію дѣйствій. Однако, представленія цѣли далеко не являются господствующими среди логическихъ возбуждителей дѣятельности. Подавляющая масса человѣческихъ дѣйствій основывается совершенно не на цѣлевой, телеологической мотиваціи. Напротивъ того, масса дѣйствій совершается не «для того чтобы», а «потому что». Такимъ образомъ, возбуждателемъ можетъ явиться представленіе уже совершившагося факта, по самой природѣ своей относящееся не къ будущему, а къ прошедшему. Эту мотивацію, такъ же какъ и представленіе выходящее изъ наличнаго факта—Петражицкій называетъ основными. Отъ этихъ мотивовъ отличаетъ Петражицкій объектную или предметную мотивацію, гдѣ эмоція возбуждается воспріятель извѣстнаго предмета. Независимо отъ этихъ мотивовъ Петражицкій устанавливаетъ еще такія эмоціи, гдѣ возбуждающимъ элементомъ является самое представленіе тѣхъ или другихъ поступковъ, которые въ качествѣ «гадкихъ» или «злыхъ» вызываютъ въ душѣ человѣка непосредственное чувство влеченія или отвращенія. Это — акціонная или самодовлѣющая мотивація *)

Нельзя признать подобную классификацію достаточно полной и систематичной; спрашивается, развѣ не можетъ быть цѣлью нашего дѣйствія и притомъ совершенно сознательнаго цѣлесообразнаго дѣйствія, предметъ, который находится въ наличности? Къ какому классу мотиваціи должно отнести лежащую въ основѣ эмоцію? Есть ли это цѣлевая, основная или предметная? Основой нашего представленія здѣсь является наличный предметъ, которымъ мы желаемъ овладѣть. Для того, чтобы овладѣть имъ, мы строимъ цѣльную систему цѣлесообразно-координированныхъ дѣйствій. Такъ основная мотивація превращается въ цѣлевую, а наличный объектъ становится цѣлью. Гдѣ здѣсь кончается объектная мотивація, гдѣ начинается цѣлевая? Однако, мы пойдемъ еще дальше: при построе-

*) Петражицкій, Теорія права, стр. 19 и слѣд.

ніи системы своихъ дѣйствій я необходимо буду исходить изъ представленія образа ихъ совершенія — особенно, если дѣло идетъ о предпріятіи среди и при помощи людей, и такимъ образомъ моя мотивація принимаетъ элементъ «акціонный», а въ мое представленіе входитъ новый мотивъ, который подчасъ оказывается настолько сильнымъ, что можетъ совершенно пресѣчь дѣйствія всѣхъ моихъ предметныхъ, основныхъ и цѣлевыхъ эмоцій, связавшихся въ нераздѣлимый клубокъ. Мы считаемъ въ виду этого болѣе осторожнымъ и соответствующимъ истинѣ утверженіе Кнаппа, что въ нашемъ мышленіи, поскольку оно является двигательнымъ и возбуждающимъ тѣлесную дѣятельность, весьма трудно разграничить въ качествѣ независимыхъ мотивовъ эмоціи, связанныя съ познающимъ и творчески-художественнымъ мышленіемъ, которыя являются необходимо сопутствующими нашему двигательному сознанію. «Въ каждомъ конкретномъ проявленіи возбуждающаго дѣятельность мышленія постоянно находится въ общемъ, взаимно другъ друга проникающемъ смѣшеніи эстетическое и познающее мышленіе, такъ что, если представленіе возбуждающе бьетъ на мускулы, оно при этомъ, однако, неизбѣжно опирается на познаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ становится подъ мѣрило красоты» *).

Мы бы, со своей стороны, присоединяясь къ Кнаппу и выдѣляя въ особую категорию сознательную мотивацію, слѣдующимъ образомъ видоизмѣнили бы систему Петражицкаго: въ первую категорию зачислили бы мы мотивы, основанные на ясно сознанныхъ представленіяхъ: субъективной и объективной причинности, эстетической и нравственной оцѣнки, практической цѣлесообразности. Цѣлевая мотивація Петражицкаго такъ-же, какъ и его акціонная, а частью основная цѣликомъ поглощаются этой категоріей. При примѣненіи указанной мотиваціи къ отдѣльнымъ предметамъ и дѣйствіямъ мы, конечно, можемъ получить оцѣнку ихъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, однако, на нашъ взглядъ именно категорія «оцѣнки» является существеннымъ понятіемъ для всей первой категоріи. Разъ элементъ оцѣнки уходитъ прочь, и дѣйствія, вначалѣ сознательныя, становятся безсознательными, то мотивы, двигающіе и возбуждающіе дѣйствіе въ силу оцѣнки, смѣняются другими мотивами—символа, знака, сигнала и т. п. Классификація подобныхъ сигналовъ могла бы дать намъ приказы, повелѣнія, условныя движенія, внушенія и т. п. — молитвенныя, танцевальныя, военныя, судебныя и т. д., или, по самому свойству сигнализаціи — зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д. Наконецъ, независимо отъ сигнальной мотиваціи мы можемъ выдѣлить мотивацію предметную, къ которой мы можемъ смѣло присоединить и мотивы, вызываемые представленіемъ своего или чужого дѣйствія или иного явленія. Эта мотивація, по утверженію

*) Петражицкій, Теорія права, т. I, стр. 13 и слѣд., Кнапп, стр. 141—142.

Петражицкаго, «представляетъ» наиболѣе обыденный и распространенный видъ мотиваціи въ человѣческой и тѣмъ болѣе животной жизни: питаніе, въ томъ числѣ тѣлодвиженія ѣды, питія, охоты... половая жизнь, тѣлодвиженія спасенія отъ грозныхъ враговъ... — выйдутся въ животномъ царствѣ именно на предметной мотиваціи».

Мы не можемъ не замѣтить здѣсь-же, что не различая въ видовомъ отношеніи оцѣночной мотиваціи отъ символической и предметной, Петражицкій лишается вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго критерія для классификаціи мотивовъ съ эволюціонной точки зрѣнія. А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что именно такой критерій необходимъ для надлежащаго пониманія перехода отъ предметной или животной мотиваціи къ символу, — который уже въ значительно большей степени присущъ человѣку, чѣмъ животному, и характеризуетъ психологію рабскаго общества, — а отъ этого послѣдняго къ высшей ступени культуры и цивилизаціи, когда на первый планъ выступаютъ въ повышающейся прогрессіи нравственныя эмоціи высшихъ областей сознанія. Мало того, специально символическая или сигнальная эмоція объяснила бы Петражицкому тотъ мистическій характеръ нравственныхъ фантазмъ, который является для нашего ученаго чуть ли не основнымъ признакомъ моральныхъ и правовыхъ переживаній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи теорія Мацата представляется намъ болѣе полной, такъ какъ у него символика и фантазмы являются не только результатомъ недостаточности процесса познанія у младенческихъ народовъ, но и естественнымъ результатомъ той психологіи, которая при помощи символа воспроизводитъ первоначально-сознательныя дѣйствія путемъ бессознательно-воспроизводимыхъ повтореній.

Остановимся теперь специально на тѣхъ эмоціяхъ, которыя лежатъ въ основѣ нравственной и правовой жизни. Эти эмоціи Петражицкій характеризуетъ слѣдующими признаками. Во 1-хъ, онѣ «имѣютъ своеобразный мистическій-авторитетный характеръ... онѣ исходятъ какъ бы изъ невѣдомаго... таинственнаго источника», «онѣ противостоятъ нашимъ (другимъ?) эмоціональнымъ склонностямъ и влеченіямъ, аппетитамъ и т. д. какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ». Во 2-хъ, «онѣ переживаются какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободнаго облюбованія... какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ коего сочетаются соотвѣтственныя эмоціи». Останавливаясь на этихъ двухъ признакахъ, которые являются основными, мы не можемъ не замѣтить, что эти признаки далеко не равноцѣнны. Мистическій характеръ нашего мышленія является отнюдь не исключительной привилегіей нашего этического мышленія; напротивъ того, какъ это въ свое время указалъ Кнаппъ и какъ это можно считать сейчасъ почти общепризнаннымъ, такъ называемая мистика есть ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ фантастическаго мышленія, необходимо присущаго человѣку на извѣст-

ной ступени его развитія и восполняющаго при помощи фантазіи ту пропасть, которая образуется между нашими представленіями и дѣйствительностью, нашими желаніями и реальной невозможностью ихъ удовлетворить. И если даже считать съ новѣйшей философійей, что въ основѣ мистическаго чувства лежитъ особая эмоція, влекущая человѣка къ интимному сближенію съ вселенной, то и тутъ мы врядъ ли найдемъ оправданіе для спеціальнаго приуроченія мистики къ нравственнымъ эмоціямъ вообще. И мистикѣ, и фантазмамъ въ такой же мѣрѣ подлежатъ всѣ другія области человѣческаго мышленія — и связанная съ ними эмоціоанальность — какъ и нравственныя и правовыя эмоціи. Правда, у этихъ эмоцій, есть нѣкоторая особая тенденція къ фантазмамъ, но она не первична, она только вытекаетъ изъ того признака, который отмѣченъ у Петражицкаго, какъ второй *).

Второй признакъ, который по теоріи Петражицкаго является основнымъ для нравственныхъ эмоцій, долженъ быть признанъ первымъ и исчерпывающимъ. Чувство или сознаніе границы, опредѣляющей предѣлы для внутреннихъ стремленій человѣка, является въ нравственныхъ эмоціяхъ безусловно основнымъ признакомъ. Но такъ какъ нравственное мышленіе является основаннымъ на абстракціяхъ, которыя сначала возникаютъ бессознательно и только потомъ поднимаются въ область сознанія, или наоборотъ, то вполне понятно, что эта абстрактная граница, противодѣйствующая опредѣленнымъ желаніямъ и стремленіямъ, представляется чѣмъ то самостоятельнымъ, то въ видѣ божескаго повелѣнія, то въ видѣ дѣйствія, простирающаго изъ какой то субстанціи. «Небесныя представленія нравственности, въ качествѣ вѣлѣній божественной личности или спекулятивнаго отвлеченія являющейся цѣлью самой для себя, представляютъ собою ничто иное, какъ фантастическое обозначеніе неизвѣстной исторіи этого древнѣйшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго человѣческаго творенія, надъ которымъ работали цѣлый родъ архитекторовъ, и еще сегодня каждый является рабочимъ. И подобное обожествленіе нравственности и возведенія ея заповѣдей къ внѣ насъ стоящему источнику казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что у фантазмы бессознательно искалъ человѣкъ помощи для того, чтобы остановить при помощи новыхъ импульсовъ вытекающія изъ животной жизни стремленія и возбужденныя различными аффектами позымы къ гнѣву, зависти, страху и корысти» **).

Если Петражицкій далѣе изъ природы нравственныхъ эмоцій выводитъ воспріятіе соотвѣтственныхъ представленій въ видѣ какихъ-то «законовъ», «велѣній» и «запретовъ», вытекающихъ яко-

*) Петражицкій, Теорія права, т. I, стр. 80, Л. Кларр, в. н. с., стр. 18 и слѣд.

**) Л. Кларр, в. н. с. стр. 144—150.

бы изъ воли сверхъестественныхъ существъ или «общей воли», «совокупной воли» и т. п., то это вполне объясняется тѣмъ, что сказано выше. И если, съ другой стороны, тотъ субъектъ, который ощущаетъ нравственныя эмоціи, чувствуетъ себя въ «особомъ состояніи несвободы, связанности», то и это, конечно, не научное, фантастическое представленіе, отвѣчающее цѣликомъ характеру импульси долга, противодѣйствующей другимъ эмоціямъ иного характера. Для насъ, конечно, важно не изученіе всѣхъ этихъ фантазмъ, которыя отвлекаютъ отъ человѣка его собственныя переживанія и переносятъ ихъ во внѣшнюю жизнь, подобно тому, какъ мы проектируемъ во внѣшнѣе ощущенія нашего глаза и т. д. Для насъ важно самое содержаніе тѣхъ переживаній, которыя лежатъ въ основѣ нравственныхъ эмоцій. Но уже здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что проф. Петражицкій, считая нравственныя фантазмы, въ частности мистическаго содержанія, основнымъ признакомъ всѣхъ нравственныхъ эмоцій, тѣмъ самымъ—какъ это мы отчасти уже предвидѣли выше—лишаетъ себя возможности отмѣтить то развитіе въ области нравственности, которое, постепенно сокращая количество символовъ, а затѣмъ фантастическихъ представленій, ведетъ насъ къ той эпохѣ, когда не извнѣ навязанная заповѣдь или велѣніе, не императивная фантазма, а сознательный процессъ свободнаго самоопредѣленія человѣка дастъ ему характеръ нравственнаго существа, живущаго по нормамъ «правды-справедливости» *).

Въ области нравственности, построенной, какъ мы уже видѣли, у Кнаппа на формулѣ «Entsagen-Vordern» или, по-русски, «отреченіе-требованіе», возможны всегда двоякаго рода положенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы почитаемъ себя «обязанными» отречься отъ тѣхъ или иныхъ благъ въ пользу другихъ лицъ или даже вообще отречься отъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій во имя такъ называемаго долга; это область Entsagen—отреченія, гдѣ не представляется, съ другой стороны, никакого требованія, предъявляемаго третьимъ лицомъ или гдѣ можно говорить о требованіи лишь въ смыслѣ нашихъ собственныхъ чувствъ, убѣжденій, принциповъ и т. п. Въ этомъ случаѣ формула отреченія - требованія цѣликомъ умѣщается въ душѣ самого человѣка. Это область морали. Напротивъ того тамъ, гдѣ «Entsagen» представляется лишь на сторонѣ одного человѣка, причѣмъ «Vordern» закрѣплено за другимъ, и слѣдовательно отреченіе одного является результатомъ требованія другого, тамъ возникаетъ отношеніе, которое приурочивается къ области права. Какъ мы уже видѣли выше, при этомъ совершенно не требуется двухъ реально существующихъ субъектовъ, изъ которыхъ одинъ бы требовалъ, другой лишалъ бы себя тѣхъ или иныхъ благъ въ пользу перваго, нужно только, чтобы требующій или

*) Петражицкій. Теорія права. Т. I, стр. 32 и слѣд.

отрекающийся въ его пользу представляли себѣ другого субъекта, въ первомъ случаѣ—обязаннымъ, въ другомъ—требующимъ. Такова теорія Кнаппа. Петражицкій совпадаетъ съ ней цѣликомъ, хотя различіе морали и права понимаетъ нѣсколько проще. Свою формулу «*ratī-ponere*»—тергѣть и двигать—онъ не переводитъ цѣликомъ на все содержаніе нравственности, какъ это дѣлаетъ Кнаппъ; право онъ характеризуетъ какъ отношеніе, въ которомъ нашъ долгъ закрѣпленъ за другимъ субъектомъ, какъ нѣчто ему должное, какъ его добро. Очевидно полное примѣненіе формулы «*Entsagen-Vordern*» къ области правовыхъ переживаній. Мораль опредѣляетъ Петражицкій лишь съ отрицательной стороны: это есть долгъ, который не заключаетъ въ себѣ связанности по отношенію къ другимъ. Нельзя не признать нѣкотораго преимущества формулы Кнаппа: она даетъ болѣе цѣлостную характеристику и послѣдовательное опредѣленіе двумъ полюсамъ данныхъ переживаній *).

Петражицкій, однако, не удовлетворяется однимъ только опредѣленіемъ права: въ цѣломъ рядѣ блестящихъ страницъ даетъ онъ жизненное и научное обоснованіе права, какъ особой психической эмоціи; при помощи богатаго филологическаго матеріала обосновываетъ онъ свою формулу и разбираетъ въ тончайшихъ развѣтвленіяхъ всѣ стороны эмоціональнаго права. Передъ нами такимъ образомъ проходятъ различные виды моторныхъ возбужденій, лежащихъ въ основѣ требованія и отреченія, права и обязанности. Обосновывается съ эмоціональной стороны различіе положительныхъ притязаній, охранительныхъ и уполномочивающихъ; въ самомъ логическомъ составѣ моральныхъ и правовыхъ переживаній различаются всевозможныя представленія, связанные то съ дѣйствіемъ, то съ субъектомъ, то съ условіями и гипотезами въ видѣ обусловливающихъ правовое переживаніе фактовъ. Сюда-же относятся и представленія нормативныхъ фактовъ, которые придаютъ положительный характеръ правовымъ переживаніямъ, снабжаютъ ихъ внѣшней санкціей съ ссылкой на внѣшніе авторитеты. Однако и здѣсь, подобно ученію о мотивахъ, Петражицкій не даетъ намъ такой классификаціи интеллектуальнаго состава, различныхъ видовъ нравственныхъ эмоцій, которая бы открывала намъ извѣстную социальне-историческую подпочву. Возможны переживанія, гдѣ односторонне выступаетъ на первый планъ императивная сторона, опредѣляющая размѣры долга, но бываютъ и другія импульси, гдѣ односторонне выступаетъ сторона атрибутивная. Возможны представленія атрибутивнаго характера — требованіе безъ требующаго субъекта—и возможно это потому, что «специфическая природа явленій права... коренится не въ области интеллектуаль-

*) Петражицкій. Теорія права. Т. I, стр. 45 и слѣд. L. Knapp, стр. 150 и слѣд.

наго, а въ области эмоціональнаго, импульсивнаго... состава». Увы, и здѣсь нельзя не отмѣтить смѣшенія сознательныхъ представленій и символовъ, которое мы замѣтили уже выше, а подъ видомъ «безсубъектнаго» представленія здѣсь прямо фигурируетъ опредѣленный знакъ, своего рода скобки для выраженія въ краткой формѣ сложнаго и субъектнаго представленія. Иначе не только «можетъ показаться», но непременно должно признать, что подобныя «правовыя переживанія съ одностороннимъ императивнымъ... атрибутивнымъ» или «безсубъектнымъ составомъ логически невозможны» и противорѣчатъ «самой природѣ права» *).

Перенесеніемъ въ область права современныхъ психологическихъ теорій такъ называемаго эмпирио-критицизма Петражицкій не только воскресилъ одного изъ ближайшихъ предшественниковъ этого течения, лѣваго гегеліанца Кнаппа, но и открылъ безспорно совершенно новыя перспективы для пониманія права и классификаціи нравственныхъ явленій. И если, ограничиваясь въ разбираемомъ трудѣ исключительно психологической стороною правовыхъ явленій, нашъ авторъ до извѣстной степени избѣгаетъ социальныхъ построеній, уже теперь сближающихъ его съ новымъ теченіемъ эволюціонно-біологическаго направленія, то съ другой стороны, право въ изслѣдованіяхъ Петражицкаго переживаетъ своеобразный процессъ расширенія и спецификаціи, который даетъ полную возможность социологу распределить по надлежащимъ центрамъ и стадіямъ развитія богатѣйшіе правовые ряды, намѣченные нашимъ ученымъ.

То новое и замѣчательное, что удалось установить Петражицкому, лежитъ на нашъ взглядъ не въ его психологической теоріи самой по себѣ, а въ томъ примѣненіи ея къ новой теоріи права, которую онъ построилъ на психологическомъ базисѣ. Переходимъ къ ея рассмотрѣнію и оцѣнкѣ.

IV.

Реально-психологическая точка зрѣнія необходимо ведетъ къ выводамъ, переворачивающимъ совершенно вверхъ дномъ рутинныя воззрѣнія на право и его природу. И въ самомъ дѣлѣ: разъ надо признать право вездѣ, гдѣ его въ качествѣ таковаго чувствуетъ и признаетъ человекъ, то этимъ самымъ внезапно расширяется область права до безграничности, захватываетъ такія сферы, о которыхъ не могъ и думать современный юристъ. Наличие права приходится констатировать даже тамъ, гдѣ есть только одинъ человекъ, его признающій и въ него вѣрующій. Право отнынѣ не ограничивается наличностью какой-бы то ни

*) Л. Петражицкій. Теорія права, т. I, стр. 59—81.

было шаблонной дѣеспособности. Четырех-лѣтній ребенокъ, играющій со своимъ товарищемъ, разсуждаетъ, требуетъ, дѣйствуетъ согласно самому настоящему праву, и не только дѣти, но и животныя входятъ въ правовой оборотъ. Не говоря уже о томъ, что среди животныхъ часто наблюдаются весьма сильныя правовыя инстинкты, отношенія человѣка къ животнымъ могутъ быть сплошь и рядомъ построены на правовыхъ представленіяхъ и чувствахъ; болѣе того, даже отношенія человѣка къ неодушевленной природѣ могутъ сплошь и рядомъ складываться по правовому типу. Вспомнимъ хотя бы Ксеркса, бичующаго море. Нечего и говорить послѣ этого, что міръ сверхъестественныхъ существъ, населяющихъ то греческій Олимпъ, то римскій Капитолій, является дальнѣйшимъ расширеніемъ правовой области человѣка. Не надо забывать, что все это существа живыя, реальныя, сознательныя, во всемъ подобныя человѣку, и было-бы странной непослѣдовательностью, если-бы человѣкъ, который вступаетъ съ богомъ въ постоянныя сношенія, исключилъ его почему-либо изъ великой цѣпи правъ и обязанностей. И на примѣрѣ еврейскаго Іеговы, и на христіанскихъ ангелахъ, святыхъ и чертахъ мы видимъ, какъ небо нисходитъ на землю и образуетъ вмѣстѣ съ ней единый міръ всюду проникающаго правопорядка *).

Воистину грандіозное, удивительное зрѣлище: безпомощно стоитъ передъ нимъ современный юристъ, привыкшій къ одному праву, выдѣланному въ государственной лабораторіи, признающій обычное право лишь постольку, поскольку стоитъ на немъ надпись: «отъ начальства дозволяется». Но не менѣе смущаетъ этотъ вновь открытый міръ благороднаго прогрессиста и либерала, дорожащаго культурными пріобрѣтеніями новѣйшихъ правовыхъ воззрѣній. Вѣдь, если допустить, что право вездѣ, гдѣ есть представленіе двусторонней зависимости, правъ и обязанностей, охваченной фантазмами заповѣди или закона, то придется отбросить всѣ ограниченія, которыя опредѣляютъ не формы, а самое содержаніе права. Вѣдь если теорія Кнаппа и Петражицкаго вѣрна, то тогда въ царство права можетъ снова войти все, что такъ старательно удалено изъ него усиліями долгой, вѣковой борьбы. Вѣдь тогда падаютъ границы, отдѣляющія совѣсть одного отъ притязаній другого, и вся область духовной жизни человѣка, такъ старательно исключенная изъ круга права и его велѣній, снова можетъ подвергнуться безчисленнымъ посягательствамъ чужой и чуждой ей воли. Любовь и благодарность, вѣра и убѣжденіе, радость и печаль—все это можетъ явиться въ представленіи психологическаго права какъ его объектъ, и даже область человѣконенавистничества, злобы и коварства можетъ дать цѣлый рядъ правоотношеній, которыя упоря-

*) Петражицкій. Теорія права, т. I, стр. 86--129, ср. Кларр, в. н. с. стр. 161.

дочиваютъ злую волю, организуютъ ненависть, даютъ правовой ореолъ преступленію. Гдѣ же защита отъ злого неправаго права, какъ оградить освобожденную отъ него любовь, убѣжденіе, совѣсть? **).

И надо отмѣтить, Петражицкій безъ страха и колебаній послѣдовательно идетъ по своему пути, не останавливаясь ни передъ какими выводами изъ разъ принятой имъ теоріи. Уже у его предшественника—Кнаппа—находимъ мы самое рѣшительное признаніе права въ отношеніяхъ человѣка къ богамъ, разбойниковъ между собою, людей въ отношеніяхъ такъ называемаго приличія и т. п. Примѣры этого нами приведены уже выше, но что важнѣе всего, Кнаппъ отнюдь не отказываетъ въ признаніи нравственнаго характера, также какъ правового, за такими «институтами», какъ принятыя у дикихъ народовъ «кровосмѣсительство, оскотленіе мужчинъ и женщинъ, самоубійство вдовъ, принесеніе человѣческихъ жертвъ, убійство дѣтей и стариковъ», также какъ за «ордаліями» при помощи воды, каленаго желѣза, бросанія горшка» и т. п. И къ нимъ достойно присоединяются «античные и варварскіе нравы проституціи, прямо отрицающее бракъ обезщетеніе дѣвущекъ и планомѣрный, праздничный адюльтеръ на храмовыхъ площадяхъ, который былъ осѣненъ привлекательнымъ религіознымъ ореоломъ. И въ то же самое время, какъ разъ въ тѣ эпохи и у тѣхъ племенъ, переносившихъ безъ стыда все это безстыдство, величайшей нивостью считалось оплаченное гостепримство и... оплаченная любовь!» Правда, говоря о нравственности и правѣ среди разбойничьихъ бандъ, Кнаппъ называетъ ее «пародіей» другой, внѣ банды существующей, морали, однако-же, «пародія» въ концѣ концовъ «подымается со справедливой гордостью до рѣшительнаго проявленія, которое гласитъ: «вы нарушаете ваши клятвы благому Господу Богу, мы—свято блюдемъ наши клятвы чорту» *).

Петражицкій посвящаетъ многія и, можно безъ преувеличенія сказать, великолѣпныя страницы своего изслѣдованія полному выясненію разбросаннаго въ обществѣ права. Съ тонкимъ анализомъ психолога рисуетъ онъ дѣтскую, отмѣчаетъ всю важность правового воспитанія ребенка и необходимость блюсти его автономное дѣтское право. Онъ ведетъ насъ далѣе къ алтарямъ древнихъ храмовъ, окружаетъ насъ бессмертными тѣнями небожителей и на яркихъ примѣрахъ убѣждаетъ насъ въ наличности небснаго правопорядка. Игры и приличія, самая разнообразная, самая широкая жизнь и дѣятельность общественныхъ группъ, слоевъ и классовъ, самыя интимныя отношенія въ средѣ семьи, любви и дружбы, самыя сложные оттѣнки въ правилахъ знакомства и такъ называемыхъ свѣт-

*) Тамъ-же.

**) Кнапп, в. н. с. стр. 165.

ских отношеній получают у него право-психологическое освѣщеніе; съ культурной средой сливается здѣсь быть дикихъ и варварскихъ народовъ, а право, цѣльное и всеобъемлющее, живое и пестрое, какъ сама жизнь, право, блестящее высокими подъемомъ самоотверженія и героизма, оттѣненное мрачными пятнами человѣческой крови и мученій, возникаетъ передъ нами, словно океанъ, который не разрѣзанъ еще ладьей изслѣдователя, словно заповѣдная чаша движущихся, растущихъ и переплетающихся человѣческихъ отношеній. Кнаппъ, на основаніи философской дедукціи, указавъ на этотъ скрытый такъ долго отъ науки міръ и звавъ туда юриста и политика, но—увы, остался неслышаннымъ. И только черезъ пятьдесятъ лѣтъ современный ученый дерзнулъ отбросить прикрывающую общественное право завѣсу и со всѣмъ аппаратомъ нынѣшняго знанія показалъ намъ воочию сокрытыя отъ насъ чудеса.

Для изученія той новой области правовыхъ явленій и новой природы права въ высшей степени важнымъ является классификація различныхъ его видовъ. И прежде всего, конечно, необходимо установить различіе между тѣмъ, что уже сейчасъ представляется какъ цѣлостный и законченный конгломератъ такъ наз. законнаго и обычнаго права. Слѣдовательно, необходимо разграничить то, что сейчасъ считается правомъ, отъ того, что до сихъ поръ относилось къ нравственности, обычаямъ, правамъ и т. п. У Кнаппа мы встрѣчаемъ опытъ классификаціи, подсказанной ему его психологіей права. Это раздѣленіе права на «дѣйствительное», поскольку оно дѣйствительно примѣняется и «мыслимое», поскольку оно не осуществляется на дѣлѣ. Право дѣлится далѣе на «позитивное», поскольку оно принято государственною или какой-либо иной высшей властью, и на «не позитивное», не положительное, которое признается властью меньшинства, отдѣльныхъ лицъ или сообществъ, а также нефедерированными, слѣдовательно, независимыми государствами. Изъ новѣйшихъ писателей нѣсколько подходитъ къ этой классификаціи Р. Штаммлеръ. Какъ извѣстно, онъ дѣлитъ область социальной нормировки на два класса: одинъ отличается тѣмъ, что его правила являются «самодержавнымъ, нерушимымъ нормированіемъ социальной жизни людей», причемъ оно «желаетъ стоять надъ подчиненными ему людьми безъ какого бы то ни было ихъ согласія». Это—право. Другую категорію представляютъ собою такъ называемыя условныя или конвенціональныя правила, которыя дѣйствуютъ среди общества лишь постольку, поскольку они принимаются или добровольно признаются соблюдающею ихъ средой. Какъ право, такъ и конвенціональныя правила, могутъ въ одинаковой степени содержать права и устанавливать обязанности. Наконецъ, дополняетъ это двойное дѣленіе т. н. «правильное право», котораго, однако, Штаммлеръ за право не почитаетъ, а считаетъ лишь опредѣленнымъ критеріемъ для сужденія о соответствіи того или иного права социальному идеалу. При всей туманности конструкціи Штаммлера

нельзя не замѣтить, что между его правомъ и конвенціональными правилами скрывается отдаленное подобіе позитивнаго и не позитивнаго права Кнаппа. Особенно можно наблюдать такое сходство на процессѣ превращенія условныхъ правилъ въ право и наоборотъ. Содержанія своего конвенціональнаго правила при этомъ не мѣняютъ, они становятся только «самодержавными» и «нерушимыми». Это послѣднее обстоятельство, конечно, нисколько не мѣшаетъ имъ, однако, соблюдаться по волѣ подчиненныхъ и нарушаться въ случаѣ надобности... *)

Правильному праву Штамлера суждено было имѣть большой успѣхъ, и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что неокантіанцы стали искать въ естественномъ правѣ, какъ идеальномъ правѣ «будущаго», новую категорію, которая должна была явиться оплотомъ противъ дурнаго и недостаточнаго положительнаго права. Такимъ образомъ право будущаго было противопоставлено праву настоящаго, а для того, чтобы хоть нѣсколько оправдать наименованіе права для этихъ желаній и алканій будущаго, приверженцы естественнаго права попробовали сдѣлать его формой съ вѣчно мѣняющимся содержаніемъ. Это—своего рода предварительный резервуаръ, въ который вѣчно вливаются новыя потребности жизни и, перемѣшавшись въ котлѣ «естественнаго права», выливаются оттуда въ настоящее, позитивное право. Какъ очевидно, форма этого права нисколько не соответствуетъ формѣ положительнаго или какого-либо иного права. Общимъ для обѣихъ категорій является только содержаніе, которое становится правовымъ предписаніемъ лишь со времени воспріятія его обычаемъ или закономъ. Какъ справедливо замѣчаетъ по поводу подобныхъ заключеній Кнаппъ, «экипажъ худшаго, такъ же какъ и лучшаго мастера одинаково является экипажемъ, искусственное удобреніе такъ же какъ навозъ—удобреніемъ. И точно также высокоумная модель солдатской каски будетъ—самое большее—моделированной каской; что же касается правовыхъ опредѣленій, то здѣсь всякій дуракъ, которому нравится его колпакъ, утверждаетъ, что всѣ колпаки другой матеріи и другого покроя вообще не колпаки». И если тотъ-же писатель по поводу современныхъ ему приверженцевъ естественнаго права говорить, что у нихъ «воображаемое лучшее право одно только называется правомъ и всякому другому отказывается въ этомъ значеніи», то очень мѣтко замѣчаетъ Петражицкій по поводу вышѣшнихъ представителей «эволюціоннаго естественнаго права», что они изобрѣли идеальную классификацію, которая въ зоологіи могла бы дать параллель въ видѣ раздѣленія собакъ на два основ-

*) L. Knapp. в. н. с, 102—103. R. Stammler, *Wirtschaft und Recht*, I Auflage, стр. 105, 106, 125—127, 131, 135, 491. Его-же. *Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft (Systematische Rechtswissenschaft)* стр. 22 и дальше.

ныхъ класса: во 1-хъ, собакъ настоящихъ, и во 2-хъ, на собакъ «будущихъ» или «идеальныхъ»... *).

Дѣленіе Петражицкаго значительно совпадаетъ съ дѣленіемъ Кнаппа. Подобно послѣднему онъ дѣлитъ право на два вида: на позитивное и интуитивное (у Кнаппа «не позитивное»); свое раздѣленіе, однако, Петражицкій обосновываетъ болѣе глубоко, чѣмъ Кнаппъ. Основой классификаціи здѣсь является различіе тѣхъ представленій—интеллектуальныхъ элементовъ,—которые связаны съ самою правовой эмоціей. Въ этихъ представленіяхъ очень часто встрѣчаются указанія на особые факты, съ которыми связывается наличность принимаемой нами заповѣди. Таковы ссылки на различные авторитеты, на чужія предписанія или велѣнія, которыя якобы придаютъ силу тому или другому закону. Формула такого права (общая, впрочемъ, и для морали) это—«такъ написано въ законѣ», «такъ повелось отъ предковъ», «такъ предписано начальствомъ», «такъ сказала мать или отецъ», «такъ учатъ юристы» и т. п. Другая область права, наоборотъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ ссылокъ на вѣншія «нормо-установительные факты», а выводитъ свои велѣнія изъ внутренняго самостоятельнаго убѣжденія лица; это право, какъ очевидно, нѣсколько приближается къ конвенціональнымъ правиламъ Штаммера, отличаясь отъ нихъ, однако, тѣмъ, что оно есть всегда право, т. е., какъ опредѣляетъ Петражицкій, атрибутивно-императивная норма. Среди нормъ позитивнаго права, въ свою очередь, выдѣляетъ Петражицкій право официальное или признанное государствомъ. Различіе у Петражицкаго съ Кнаппомъ въ томъ, что послѣдній, противопоставляя положительное не положительному, присоединяетъ къ этому различію до извѣстной степени признаки мыслимаго и дѣйствительнаго. Такъ, позитивное оказывается болѣею частью вмѣстѣ и дѣйствительнымъ, не позитивное-же—главнымъ образомъ, только мыслимымъ. Нельзя не отдать здѣсь преимущества дѣленію Петражицкаго **).

Классификація Петражицкаго бросаетъ уже значительный свѣтъ въ ту новую область, которая значительно расширяетъ современную науку. И въ той массѣ правовыхъ переживаній, которыя вѣчно рождаются вновь и умираютъ, сплетаются другъ съ другомъ, перекрещиваются и, наконецъ, сливаются въ мощные потоки массовыхъ чувствованій и представленій, мы начинаемъ различать понемногу отдѣльные пласты живой воды, общее движеніе и направленіе ея теченій и тотъ удивительный процессъ, который можно бы назвать своеобразной кристаллизацией правовой массы, и который представляетъ много въ высшей степени замѣчательныхъ чертъ. Пока

*) R. Stammler, Wesen des Rechtes, стр. 37 и слѣд., Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права (Проблемы идеализма), стр. 250 и слѣд. Л. Кнапп, в. н. с., стр. 205, Петражицкій, Теорія права. Т. II, стр. 472—473.

**) Петражицкій, Теорія права, т. I, стр. 72, 78, Л. Кнапп, в. н. с. стр. 203.

еще мы не спрашиваемъ почему, мы наблюдаемъ, что есть, и уже такое наблюдение даетъ намъ картину медленнаго и постояннаго затвердѣнія права, сгущенія его въ глыбы отдѣльныхъ положительныхъ институтовъ, наконецъ, своеобразное дѣйствіе ихъ на вѣчно бьющія волны народнаго правового творчества. Мало того, мы можемъ прослѣдить тѣ особыя эпохи въ развитіи народнои жизни, когда мирный процессъ наростанія кристалловъ и не прекращающагося правового прилива временно уступаетъ мѣсто грозной катастрофѣ со всѣми ея послѣдствіями... О, въ такихъ случаяхъ море народнаго гнѣва, море интуитивнаго права ничѣмъ не уступаетъ бушующему океану. Темнѣетъ и крѣпнетъ эмоція праведнаго гнѣва, сильнѣе и страшнѣе становятся удары карающей правовой совѣсти, и всеобщій смерчъ новаго права дробитъ прогнившія скалы стараго порядка... еще моментъ... и вотъ ужь...

Ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный
Перерожденіе земли...`

Интуитивное право побуждаетъ, новое право крѣпнетъ, кристаллизуется, становится правомъ позитивнымъ... «На вольность опершись», оно провозглашаетъ «равенство»...

Интуитивное право имѣетъ индивидуальный, измѣнчивый характеръ, оно опредѣляется особыми условіями жизни каждаго чловека, его характеромъ, воспитаніемъ, социальнымъ положеніемъ, профессіей, знакомствами и т. п. Общность этихъ условій необходимо ведетъ «къ наличности большей или меньшей степени согласія ихъ интуитивнаго права. Такъ рождается право данной семьи, кружка, круга общества, класса и т. п. И по мѣрѣ того какъ интуитивное право захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги, оно становится болѣе сильнымъ и господствующимъ въ данной средѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это право—гибкое и разнообразное; его рѣшенія свободно сообразуются съ конкретными индивидуальными обстоятельствами, случая, данной комбинаціи». Оно во имя формы не насиуетъ факта, про него нельзя сказать *summius jus—summa injuria*. Также гибко оно и въ области своего историческаго развитія, оно развивается «закономѣрно, постепенно, не подвержено фиксированію и окаменѣнію», оно «не зависитъ отъ чьего бы то ни было произвола». Вмѣстѣ съ тѣмъ оно является правомъ безмѣрно болѣе широкимъ, чѣмъ право позитивное; оно властвуетъ вездѣ, гдѣ только есть правовая интуиція, куда не доходитъ велѣніе положительнаго закона. Оно не связано въ своемъ существованіи съ наличностью символа, съ приказами начальства, съ авторитетомъ законодателя, съ заповѣдью бога, чорта или ангела; оно существуетъ внѣ ихъ и независимо отъ нихъ. Право, не знающее момента своего рожденія, оно представляется вѣчнымъ; не нуждаю-

шееся въ силѣ для своего бытія, оно кажется высшимъ, духовнымъ; отвѣчающее жизни и идущее вмѣстѣ съ нею шагъ за шагомъ, оно получаетъ ореолъ разумнаго и естественнаго, нормальнаго и непогрѣшимаго. Отсюда, говоритъ Петражицкій «высшій ореолъ, высшій рангъ интуитивно-правовыхъ нормъ, значеніе ихъ, какъ вышаго масштаба и критерія для оцѣнки позитивныхъ нормъ, для порицанія ихъ въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ содержанія» и т. д. Неудивительно теперь, что правовая эмоція способна именно здѣсь къ величайшему подъему, что здѣсь рождается тотъ чистый энтузіазмъ, тотъ правовой фанатизмъ, который требуетъ не милости, а права, во имя права идетъ на героическія жертвы, съ сознаніемъ всепобѣждающей правды связываетъ надежды на окончательный успѣхъ *).

«Не трудно убѣдиться», говоритъ Петражицкій, «что фактически интуитивное право играетъ весьма большую и существенную роль въ качествѣ фактора индивидуальнаго поведенія и массовыхъ, социальныхъ, экономическихъ и иныхъ явленій; въ обширныхъ областяхъ социальной жизни, оно играетъ болѣе важную и существенную роль, чѣмъ позитивное право». Даже болѣе того, «фактической основой социальнаго «правопорядка» и дѣйствительнымъ рычагомъ соотвѣтственной социальнаго правовой жизни является въ существѣ дѣла не позитивное, а интуитивное право **).

Прежде чѣмъ перейти къ отношенію интуитивнаго права къ положительной нормировкѣ социальной жизни, необходимо остановиться на тѣхъ «тенденціяхъ» и на томъ вліяніи на общественную среду, которыя обнаруживаетъ самый психологическій аппаратъ нравовыхъ переживаній. И здѣсь прежде всего мы замѣчаемъ, что въ основѣ права лежитъ тенденція достигнуть своего осуществленія независимо отъ желанія или нежеланія обязаннаго. «За обязаннымъ не признается свободы усмотрѣнія исполнить или не исполнить»; требующей сторонѣ, во что бы то ни стало, должно быть доставлено то, что ей причитается, если же этого нѣтъ, «то это представляется нетерпимымъ и недопустимымъ произволомъ». Праву вообще, не исключая интуитивнаго, принадлежитъ тотъ «самодержавный» характеръ, который былъ отмѣченъ Штаммлеромъ относительно права въ отличіе отъ конвенціональныхъ нормъ, но, какъ мы видимъ, это «самодержавіе» есть не признакъ права какъ такового, но только психологическая тенденція, лежащая въ основѣ правосознающей психики. Отсюда вытекаетъ роль и принужденія и самоуправства тамъ, гдѣ право встрѣчается съ произволомъ ***).

Въ отличіе права отъ морали, говоритъ Кнаппъ, «разъ только кто-нибудь въ формѣ правопрязанія требуетъ, хотя бы лишь цѣн-

*) Петражицкій, Теорія права. Т. II, стр. 475—483.

**) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 482, 483.

***) А. Петражицкій, Теорія права, Т. I, стр. 157—162.

ности ломаного гроша, то это требование—иначе оно бы не было правовым—существенно связывается съ обращеніемъ къ объективной силѣ, которая можетъ вытекать изъ власти судьи или изъ самоуправства сторонъ». Право такимъ образомъ—«будетъ ли оно кѣмъ-нибудь оспариваемо или не подвергается спору, разрѣшается ли вопросъ о немъ ножами при потопленіи корабля, идетъ ли о немъ дѣло среди уличныхъ боевъ революціи, или въ перипетіяхъ всемірной войны, разрѣшается ли споръ, наконецъ, въ сосѣдской бесѣдѣ, третейскомъ разбирательствѣ или въ судебномъ заглѣ—оно всегда содержитъ вмѣстѣ со своимъ бытіемъ призывъ къ объективной силѣ, которая должна обезпечить носителю права виѣшнее или, иначе, мускульно-переходящее признаніе» *).

Правовой эмоціи свойственны, однако, еще болѣе грозныя тенденціи; неисполненіе обязательства со стороны обязаннаго сознается другой стороной въ качествѣ положительнаго ущерба, посягательства, обиды, причиняемаго человѣку зла. И подобное сознаніе дѣйствуетъ чрезвычайно рѣзко и сильно на правовое чувство. Необходимо является не только личный протестъ, но и широкое зараженіе гнѣвомъ и негодованіемъ за поправное право окружающихъ обиженнаго человѣка, и мы видимъ картину коллективнаго взрыва мести и ненависти, которая направлена противъ преступниковъ, нарушителей права. На этой почвѣ развиваются не только «рѣзкія формы мести, самосуда и расправы, но и такіе факты «какъ судъ Линча», расправа съ конекрадами и т. п.». Правовая психика не есть явленіе мира и любви, жалости и снисхожденія, въ ея нѣдрахъ рождается грозная Немезида, и какъ бы подчасъ не были бессмысленны дикія казни, и какъ бы ни представлялись отвратительными гильотины революціи и разгромы культурныхъ гнѣздъ и центровъ, увы, это неизбежный результатъ оскорбленнаго народнаго чувства, стихійная месть за поправное право **).

Правовая психика есть психика борьбы и опасныхъ разрушительныхъ столкновеній; ей свойственна тенденція къ «насильственному добыванію» должнаго, къ гнѣвной репрессіи въ случаѣ нарушенія. И «если одни приписываютъ другимъ правовыя обязанности, а себѣ соотвѣтственныя права, а эти другіе не признаютъ этихъ обязанностей-правъ... то это представляетъ благоприятную... почву для возникновенія опасныхъ споровъ и конфликтовъ, ожесточенія, насилій, кровопролитій, подчасъ взаимонистребленія цѣлыхъ группъ людей». Такъ, въ правѣ кроется «опасное взрывчатое вещество... и не удивительно послѣ этого, что, въ противоположность этой тенденціи права, въ немъ развивается «на почвѣ соціально-культурнаго приспособленія» стремленіе къ развитію «единаго шаблона нормъ». На этой почвѣ вырастаетъ то теченіе къ

*) Л. Кларр, в. н. с., стр. 218.

***) Л. Петражицкій, в. н. с. стр. 162, 163, 164.

позитивации права, которое желает присвоить положительнымъ нормамъ монополию на созданіе права и прямо отрицаетъ существо какаго бы то ни было права помимо ихъ. Пусть лучше пропадетъ всякое право, кромѣ позитивнаго, лишь бы скрылось чудовище правового возмездія, лишь бы не рождалось новыхъ, властныхъ правопритязаній оттуда, изъ народной глубины! Но и народная психика сама въ опредѣленныхъ случаяхъ стремится къ установленію такого шаблона, она спасаетъ себя отъ тихихъ потрясеній, она устанавливаетъ компромиссъ тамъ, гдѣ вчера еще звучали мечи, она пользуется для этого и частнымъ сборникомъ права и формой стариннаго обычая и изреченіемъ угоднаго и разумнаго судьи. Такъ возникаютъ хартии и своды права въ моменты усвоенія послѣ перелома» *).

Съ объединеніемъ—унификаціей—права тѣсно связаны и другія тенденціи, которыя направлены къ установленію точной опредѣленности содержанія и объема правовыхъ представленій и понятій. Въ этомъ случаѣ, какъ мѣтко замѣчаетъ Кнаппъ, въ виду необходимости сведенія двухъ сторонъ къ одному пункту долженъ быть съ двухъ концовъ построенъ своего рода туннель, который при встрѣчѣ долженъ дать объективно установленную точку соединенія двухъ противныхъ сторонъ. Отсюда величайшая важность юридической точности, составляющей особую задачу юриспруденціи. Къ этому присоединяется стремленіе права къ достиженію не меньшей точности въ установленіи и доказательствѣ тѣхъ или другихъ важныхъ для рѣшенія спора фактовъ. Это же, въ свою очередь, порождаетъ такъ называемый формализмъ права, который тѣмъ выше, «чѣмъ ниже культура даннаго народа», «чѣмъ рѣзче и кровопролитнѣе соотвѣтственные конфликты, чѣмъ больше эгонистичной неуступчивости, неправдивости и проч.». Послѣдней стадіей унификаціи или объединенія въ правѣ является обращеніе къ третьему незаинтересованному лицу съ просьбой о разборѣ и рѣшеніи дѣла. Такихъ судей можно встрѣтить очень много, начиная съ суда дѣтей и кончая судомъ государственнымъ. Принципъ всѣхъ этихъ судовъ совершенно одинаковъ **).

Своего завершенія шаблонное и формальное право, вмѣстѣ съ тѣмъ право точное и буквальное, способное больше всякаго иного къ судебной защитѣ—достигаетъ какъ разъ въ области не интуитивнаго, а позитивнаго или положительнаго права. Въ своихъ различныхъ видахъ и разновидностяхъ оно отличается прежде всего тѣмъ, что не въ человѣкѣ, не внутри его, а извнѣ, со стороны ищетъ оно импульса для своей эмоциональной основы. Безразлично, кто является этимъ внѣшнимъ авторитетомъ или—какъ говорятъ юристы—источникомъ права. Но именно въ постепенномъ подчи-

*) Тамъ же, стр. 165—169, Кнапп, в. н. с. стр. 219—224.

***) Петражицкій, т. I, стр. 169—177. Сравни. Кнапп, стр. 225 и слѣд.

нені народной психики императивному представленію даннаго авторитета лежитъ его сущность, и здѣсь, конечно нельзя говорить о полномъ противоположеніи между интуитивнымъ правомъ и правомъ положительнымъ. Въ послѣднемъ также основу повиновенія надо искать въ подчиненіи не за страхъ, а за совѣсть; подчиненіе это несмотря на долгій процессъ, которымъ оно вырабатывается, не идетъ далѣе опредѣленныхъ границъ, установленныхъ правомъ интуитивнымъ. И то сверженіе авторитетовъ, замѣна однихъ другими и перетасовка законодателей, на которую уже указалъ Менгеръ, упоминается Петражицкимъ въ качествѣ одной изъ причинъ неустойчивости позитивнаго права. Не говоримъ уже о томъ, что «незамѣтное и постепенное разрушительное дѣйствіе оказываетъ въ этой области интуитивное право» *).

Однако, нельзя чрезмѣрно умалять значеніе позитивнаго права; проявляясь въ различныхъ формахъ, оно дѣйствуетъ тѣмъ суровѣе и грубѣе, чѣмъ ниже культурный уровень общества, чѣмъ больше дикой воли и кулачнаго самоуправства. И уже первая господствующая въ исторіи форма права, основанная на обычаяхъ, показываетъ намъ весь смыслъ позитиваціи, обращенной какъ разъ противъ интуитивнаго простора. Шаблонъ обычного права отличается характеромъ мелочной регламентаціи, однообразіемъ своихъ формулъ, «косностью и неподвижностью», стремленіемъ сообразоваться «съ условіями не настоящаго, а прошлаго, подчасъ весьма отдаленнаго прошлаго». Обычному праву свойственна тенденція «сохранять неизмѣнно подлежащую рутину и старину». «Это наиболѣе косный и консервативный видъ права», и это въ особенности надо отмѣтить тамъ, гдѣ оно основывается на старомъ преданіи, а не на общепринятомъ обычаѣ. И если послѣднему свойственна неизмѣнная рутинная, то первое есть «по природѣ своей... право, смотрящее не впередъ, а назадъ». Оно сообразуется не съ тѣмъ, что можетъ быть въ будущемъ... а съ тѣмъ, что было раньше». Отсюда многіе обычая сохраняются даже послѣ того, какъ исчезло ихъ содержаніе, а смыслъ ихъ затерялся. Характерно, что какъ разъ обычное право явилось въ исторіи въ качествѣ орудія «развитія и поддержанія соціально-правового неравенства, кастовыхъ и сословныхъ привилегій, рабства и крѣпостнаго права, безправія женщинъ» и т. п. Такъ, «на почвѣ медленнаго, незамѣтнаго и нечувствительнаго процесса... получаютъ, напримѣръ, такіе результаты, какъ кастовое право, низведеніе болѣе слабыхъ на положеніе паріевъ въ буквальномъ смыслѣ, рабовъ, крѣпостныхъ» и т. п. Съ другой стороны, консерватизмъ обычного права, сила инерціи, традицій и старины содѣйствуетъ поддержанію соответственныхъ сословныхъ и иныхъ привилегій и предрасудковъ и т. д., и подчасъ настолько упорно задерживаетъ соціально-необходимое разви-

*) Петражицкій, Теорія права, т. II, стр. 514 и слѣд.

тѣ болѣе равнаго и свободнаго права, въ частности попадаетъ въ такую коллизію съ имѣющимъ принципиально иное содержаніе интуитивнымъ правомъ, что дѣло доходитъ до социальныхъ катаклизмовъ или, въ случаѣ безсилія освободиться отъ устарѣвшаго и негоднаго права, до разложенія социального организма, деморализаціи высшихъ классовъ» и т. д. И какъ разъ обычное право, поддерживающее указанные институты, пользуется великимъ престижемъ и ореоломъ, всякое же «новшество, выдумываніе новаго собственнымъ умомъ вмѣсто соблюденія священныхъ традицій считается зломъ постыднымъ» *).

Обычное право представляетъ собой наиболѣе суровую форму правовой позитиваціи. Болѣе гибкимъ характеромъ и сравнительно болѣе широкой отличается та форма права, которая ссылается, какъ на авторитетъ, на практику судебныхъ рѣшеній, на изреченія мудрецовъ и миическихъ законодателей, наконецъ, на частные сборники разныхъ законовъ и правъ, собранныхъ анонимнымъ трудомъ безвѣстныхъ авторовъ. Это «юдиціальное» и «книжное» право, право священныхъ изреченій, примѣровъ является, развивается, процвѣтаетъ и играетъ главную... роль въ правовой жизни обыкновенно въ тѣ эпохи, когда обычное право, какъ таковое, разрушается или вообще перестаетъ доставлять народу необходимый, определенный... шаблонъ, и законодательство не достигло еще такого развитія и значенія, чтобы замѣнить въ этомъ отношеніи съ успѣхомъ обычное право» **).

И вотъ, наконецъ, мы встрѣчаемся съ высшей формой позитивнаго права, съ такъ называемымъ закономъ. Выясняется особое понятіе законодателя. Божественный законодатель постепенно становится мірскимъ, но это нисколько не умаляетъ его исключительныхъ правъ. При помощи ихъ «одно лицо или извѣстная группа... можетъ по своему усмотрѣнію вызывать въ психикѣ... обширныхъ народныхъ массъ такое право на будущее время, какое ему или ей представляется съ какой-либо точки зрѣнія желательнымъ, а равно устранять, отмѣнять существующее право и производить разныя другія измѣненія въ чуждой психикѣ и жизни». Эти измѣненія, далѣе, «могутъ быть производимы внезапно, сразу въ избранное по усмотрѣнію время». Такъ власть родится съ правомъ и сама становится правосозидающей силой; власть приобретаетъ характеръ символа, съ роковой неизбежностью требующаго повиновенія и человѣчество преклоняется, едва слышитъ трубу глашатая объявляющаго новые законы... Всякая власть становится законодателемъ; хозяинъ, отецъ, мать у себя дома, рабовладѣлецъ на своей плантаціи, помѣщикъ, предприниматель-фабрикантъ у себя въ имѣніи и на фабрикѣ, папы, патріархи и соборы—въ церкви,

*) Петражицкій, тамъ-же, стр. 559—565.

**) Тамъ же, стр. 573, 574—578.

и, наконецъ, цари, парламенты, суверенныя общины республиканскаго народа—въ государствѣ. «Обыкновенно,—говоритъ Петражицкій, въ области упорядоченной и нормальной правовой жизни законы исходятъ отъ лицъ или учреждений, надѣленныхъ (въ психикѣ надлежащаго общественнаго круга) такою или иною властью надъ другими, общею или спеціальною, социально служебною или господскою, низшею или высшею или верховною властью». И во всѣхъ этихъ случаяхъ право становится правомъ не потому, что таковымъ признають его подвластные, а лишь потому что такъ повелѣваетъ признанная ими власть. Самодержавіе права становится самодержавіемъ законодателя... *)».

Итакъ, мы снова стоимъ передъ трагедіей право-творящаго процесса: съ одной стороны, свободное интуитивное право, вѣчно вновь созидающее свои живыя измѣнчивыя нормы, съ другой — твердо-организованная сила власти, ставшей правомъ и творящей его въ видѣ непреложнаго, неизмѣннаго, для всѣхъ обязательнаго закона. Какъ помирить эту область свободы и подчиненія, эти два, казалось бы, другъ друга отрицающихъ права. И если въ современной культурной жизни начало закона является всепобѣждающимъ принципомъ общественной жизни, то какъ примирить по самой природѣ возникающій конфликтъ между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ, между закономъ государственнымъ, официальнымъ и правовымъ убѣжденіемъ того или иного большинства или меньшинства, того или другого класса и сословія или, наконецъ, попросту «подвластныхъ», которые безсильно отступаютъ предъ натискомъ «закономъ» организованныхъ полчищъ. Мало того, Петражицкій научилъ насъ различать законъ домашній и общинный, законъ промышленнаго предпріятія и церкви, законъ общины и провинціи, города и государства. Правовая жизнь не только распадется передъ нами на миллионы индивидуальныхъ сознаній, она раскалывается на два враждебныхъ міра—интуитивнаго и повитивнаго права, изъ которыхъ каждый живетъ особою жизнью. Первый покрываетъ изнутри каждую социальную форму своимъ живымъ, измѣнчивымъ покровомъ, второй охватываетъ ее извнѣ жесткой оболочкой приготовленной по произволу «законодателя» формы. Право властное и безвластное, право разныхъ борющихся между собою властей, право юридическаго символа, авторитета и свѣтлаго индивидуальнаго сознанія—вотъ тѣ силы, которыя страшатъ изслѣдователя своимъ неожиданнымъ появленіемъ на историческую сцену.

Тамъ, гдѣ прежде все было ясно, тихо и спокойно, и царило одно официальное и обычное право, теперь сняты всѣ запоры, открыты всѣ входы для новыхъ неожиданныхъ гостей. Юристъ и социологъ видятъ себя передъ новыми задачами, которыхъ они

*) Петражицкій. Теорія права. Т. II, стр. 534 и слѣд.

не подозрѣвали и твердый порядокъ научнаго познанія долженъ быть внесенъ въ ожившіе подъ рукою нашего ученаго ряды. Спрашивается, однако, какъ же Петражицкій разрѣшаетъ основную задачу, какъ смиряетъ буйную толпу новыхъ сомнѣній, запросовъ, колебаній?

Остановимся пока на главномъ, основномъ вопросѣ объ отношеніи интуитивнаго права и положительнаго. Умѣстнымъ будетъ замѣтить, что первое Петражицкій отождествляетъ цѣликомъ съ такъ называемой «справедливостью». Молное совпаденіе этихъ двухъ понятій онъ доказываетъ настолько убѣдительно, что мы цѣликомъ присоединяемся къ его воззрѣніямъ, нашъ вопросъ слѣдовательно можно формулировать еще такъ: какъ относится справедливость къ положительному праву? *).

Прежде всего надо, однако, отмѣтить, что Петражицкій далеко не считаетъ необходимымъ отсутствіе согласія между «правдой-справедливостью» и позитивнымъ правомъ. И хотя этотъ исследователь самъ утверждаетъ что «разныя частныя разногласія» «между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ» «по природѣ вещей неизбежны», онъ полагаетъ, однако, что также «имѣется и должно неизбежно имѣться согласіе по содержанию въ главныхъ основахъ, въ общемъ и основномъ направленіи». И это утвержденіе нашъ ученый обосновываетъ слѣдующимъ образомъ: «развитіе обоихъ правъ, и интуитивнаго, и позитивнаго, опредѣляется въ общихъ и основныхъ чертахъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же социальнo-психическихъ процессовъ, дѣйствующихъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, и лишь въ связи съ... различіями интеллектуальнаго состава... получаютъ частично различныя результаты развитія, разныя частныя, по большей части несущественныя, различія по содержанию». Однако, не однимъ психическимъ процессомъ объединяется то и другое право: «неизбѣжность согласія» между ними, по мнѣнію Петражицкаго, коренится и въ томъ, «что одновременное существованіе и дѣйствіе и интуитивнаго и позитивнаго права возможно только при условіи... согласія въ общихъ и основныхъ чертахъ; при переходѣ разногласія за извѣстные предѣлы неизбежно крушеніе подлежащаго позитивнаго права — въ случаѣ сопротивленія въ формѣ социальной революціи» **).

Въ этихъ положеніяхъ далеко не все представляется правильнымъ. Прежде всего врядъ ли можно согласиться съ такой низкой оцѣнкой въ различіи «интеллектуальнаго состава»; для психики субъекта далеко не безразлично, какія именно представленія опредѣляютъ ее къ дѣйствію: представленіе начальственнаго кулака или вѣчной справедливости, законнаго приказа подзаконной власти, или же ведѣнія неизмѣнной и всеобщей «правды». Если Петра-

*) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 500 и слѣд.

***) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 486.

жицкій самъ указываетъ на неизбежность конфликта между тѣмъ и другимъ правомъ по самой «природѣ вещей», то мы не склонны считать этого различія несущественнымъ, частнымъ или второстепеннымъ; по теоріи Петражицкаго представленіе есть существенный элементъ эмоціональнаго процесса, и даже на общей почвѣ правовой психики нельзя не различать, какъ отдѣльныхъ типовъ, интуитивнаго и позитивнаго права, въ качествѣ формъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по своему интеллектуальному составу. Мотиваціи здѣсь и тамъ построены на исключаютельныхъ другъ друга принципахъ, нѣтъ и не можетъ быть «взаимной поддержки и взаимнаго укрѣпленія» этихъ двухъ психикъ, если одна не подчиняется другой; слѣдовательно не о согласіи по содержанію здѣсь идетъ рѣчь, а о преобладающей роли одной, которая и опредѣляетъ другую. Самъ Петражицкій подтверждаетъ это, говоря, что въ случаѣ «равногласія» между ними происходитъ «врушеніе» «подлежащаго позитивнаго права». Какъ очевидно, здѣсь для позитивнаго права не оказывается другого выхода, какъ воспріятіе того содержанія, которое ему навязываетъ интуитивное. И если позитивное право сопротивляется, оно—при наличномъ своемъ содержаніи—неизбѣжно гибнетъ. Говорить такимъ образомъ о согласіи двухъ формъ права между собою не приходится, здѣсь вынужденное и необходимое согласованіе одной съ другою. И это согласованіе немислимо, если не признать существеннаго различія, а затѣмъ и зависимости одна отъ другой двухъ правовыхъ психикъ.

На дальнѣйшемъ знакомствѣ съ взаимнымъ отношеніемъ интуитивнаго и позитивнаго права, мы убѣждаемся въ правильности нашихъ выводовъ. Какъ оказывается, оба вида права имѣютъ свои области, въ которыхъ они дѣйствуютъ почти исключительно. Таковой оказывается прежде всего область, въ которой «всякая... позитивная нормировка, не только официальная, но и неофициальная... была бы неумѣстна». Это область, «гдѣ является необходимымъ сохраненіе свободной измѣнчивости и приспособляемости обязанностей и правъ къ конкретнымъ обстоятельствамъ сообразно измѣнчивому объему, измѣнчивымъ степенямъ интенсивности, качественнымъ отѣнкамъ и т. д.». Такъ, въ области литературной и художественной критики, въ жизни семьи и школы, въ области наложенія господскихъ наказаній, а въ современномъ правѣ даже въ области суда (наложеніе наказаній на преступника), мы видимъ сферу свободнаго дѣйствія интуитивнаго права, при чемъ позитивное въ лучшемъ случаѣ опредѣляетъ рамки и границы подобной автономной области. Замѣтимъ кстати, что загадка такъ называемаго дисциплинарнаго права во всѣхъ областяхъ соціальной жизни очень легко разрѣшается съ принятіемъ гипотезы интуитивнаго права. И то, что до сихъ поръ криминалистамъ и государствовѣдамъ представлялось не то правомъ, не то нравственностью.

получает совершенно определенное и научное объяснение. Несомненно, что и такъ называемое свободное творчество управления, свободное усмотрѣніе администраціи и дискреціонная власть являются въ значительной степени мѣстомъ развитія не позитивнаго, а интуитивнаго права. И замѣчательная вещь, говоритъ Петражицкій, «по мѣрѣ облагороженія и социализаціи человѣческой психики... сфера, предоставляемая позитивнымъ правомъ дѣйствию интуитивнаго», «все болѣе» увеличивается... *).

Спеціальной родиной интуитивнаго права — «правды-справедливости» — является, однако, область оцѣнки и распредѣленія хозяйственныхъ благъ и общественнаго властвованія. По теоріи Петражицкаго, право вообще является факторомъ распредѣляющимъ и организующимъ. Съ одной стороны, оно регулируетъ раздѣленіе разныхъ хозяйственныхъ благъ отдѣльнымъ индивидамъ и коллективнымъ группамъ, создаетъ социальную принадлежность этихъ благъ, опредѣляетъ ихъ социальное распредѣленіе. Съ другой стороны, право организуетъ индивидуальное и массовое поведение, состоящее въ томъ, что «одни повелѣваютъ, распоряжаются общими дѣлами, наказываютъ провинившихся и пр., а другіе безропотно это переносятъ, безпрекословно исполняютъ распоряженія первыхъ и проч.» Къ числу явленій первой, «распредѣляющей функціи права», относится «всяческая собственность»; къ области второй, «организующей функціи», относится «власть», а при ея помощи и организація коллективной силы.

И вотъ здѣсь то мы встрѣчаемъ своеобразную роль интуитивнаго права, оно регулируетъ какъ разъ тѣ отношенія, «въ которыхъ дѣло идетъ о причиненіи извѣстнаго добра или зла (въ томъ числѣ извѣстной тягости, извѣстнаго имущественнаго бремени)» или, говоря иначе, «при распредѣленіи извѣстныхъ благъ или золь между нѣсколькими субъектами». Справедливость такимъ образомъ становится за спиной распредѣляющаго права и независимо отъ той или другой положительной нормировки рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому и сколько «по совѣсти», по «правдѣ» надлежитъ и какое зло, тягость или мученіе «по правдѣ» тому или другому причитаются. И, какъ отмѣчаетъ Петражицкій, даже обычное пониманіе справедливости специально приурочиваетъ ея господству наиболѣе важную сторону въ дѣятельности власти. Именно интуитивному праву принадлежитъ сужденіе о томъ, справедливо ли поступаютъ тѣ или другія высшія и независимыя лица по отношенію къ другимъ, низшимъ и подчиненнымъ. «Справедливость приписывается» (или отрицается!) «законодателямъ по отношенію къ подзаконнымъ, монархамъ по отношенію къ подданнымъ, господамъ по отношенію къ рабамъ... родителямъ по отношенію къ дѣтамъ» и т. п. И замѣчательная вещь, справедливость, какъ критерій, никогда не при-

*) Петражицкій, въ н. с. Т. II, ст. 486—487.

мѣняется къ ниже стоящимъ, а только къ тѣмъ, которые могутъ «по усмотрѣнію надѣлять другихъ благами». И только одна сфера въ области распредѣляющаго и организующаго права не имѣетъ возлѣ себя справедливости, какъ высшаго судьи—это область административной техники, формальнаго порядка, должности и службы, механической организаціи коллективнаго труда. Только здѣсь господствуетъ нераздѣльно положительное право и молчитъ за отсутствіемъ поводовъ интуитивно-правовая совѣсть *).

Подобное значеніе интуитивнаго права намъ лучше всего раскрываетъ то «согласіе», которое существуетъ между справедливостью и положительнымъ правомъ. Въ ней положительная норма имѣетъ своего судью, и понятнымъ теперь является тотъ—я сказалъ бы, діалектической—ходъ развитія обѣихъ формъ права. Конфликты и противорѣчія между ними являются его постояннымъ содержаніемъ, и это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ Петражицкій. Интуитивное право, благодаря своей близости разнымъ сферамъ и кругамъ жизни, всегда право разнообразное и пестрое. Право позитивное, «удовлетворяя интуитивно-правовымъ требованіямъ однихъ.. тѣмъ самымъ не удовлетворяетъ» таковымъ же «требованіямъ другихъ». И «чѣмъ больше разнообразія и разногласія въ предѣлахъ самой интуитивно-правовой народной психики, тѣмъ обильнѣе и больше разногласія и коллизіи этой категоріи между позитивнымъ правомъ и интуитивнымъ... разныхъ общественныхъ элементовъ». Въ результатъ—тяжелые конфликты между обѣими формами права. можно ли это считать «только частными разногласіями» между ними? На нашъ взглядъ—это необходимый и неизбѣжный процессъ **).

Въ своемъ историческомъ развитіи обѣ формы права идутъ путемъ вѣчной борьбы еще и въ другомъ отношеніи: позитивное право имѣетъ тенденцію костенѣть и отставать отъ жизни, интуитивное развивается «непрерывно-постепенно». «Чѣмъ большей неподвижности и окаменѣлости достигаетъ традиціонно обычное или иное право... чѣмъ менѣе приспособленъ законодательный механизмъ къ сообразованію законодательнаго права съ народными интуитивно-правовыми возрѣніями и требованіями, тѣмъ обильнѣе и рѣзче, *ceteris paribus*, конфликты этого рода между интуитивнымъ правомъ; ихъ можно назвать историческими или эволюціонными конфликтами». Эти конфликты смягчаются только тѣмъ, что интуитивное право пріобрѣтаетъ рѣшающее вліяніе на самое развитіе позитивнаго права. Это послѣднее оказывается такимъ образомъ «въ значительной степени» ничѣмъ инымъ, какъ «продуктомъ и проявленіемъ интуитивнаго права соотвѣтствующихъ лицъ, инди-

*) Петражицкій, в. н. с. Т. I. стр. 185—187, 198, 199, 208, Т. III, стр. 484, 505, 506, 485.

**) Тамъ же, в. н. с. Т. II. стр. 489.

видовъ и массъ, получающѣхъ затѣмъ въ психикѣ другихъ самостоятельное значеніе». Такое давленіе «правды-справедливости» на положительное право идетъ, однако, какъ это признаетъ самъ Петражицкій, путемъ постоянно возрастающихъ несогласій и конфликтовъ между ними и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянного роста реформаторской дѣятельности въ области законодательства. «Процессу постепеннаго появленія и усиленія разногласій между интуитивнымъ и позитивнымъ правомъ соотвѣтствуетъ процессъ множества частичныхъ и мелкихъ или болѣе или менѣе крупныхъ разрѣшеній и перемѣнъ въ сферѣ позитивнаго права». Величайшаго напряженія достигаетъ эмоція «справедливости» тогда, когда она встрѣчаетъ особенно сильное сопротивленіе со стороны стараго порядка. Въ этихъ случаяхъ интуитивное право приобретаетъ все большую силу, доходить «у все большаго числа индивидовъ до энтузіазма и фанатизма», доводитъ ихъ «до фанатической ненависти къ существующему порядку и его представителямъ, вызываетъ въ концѣ-концовъ взрывъ, революцію»... Успѣхъ ея облегчается тѣмъ, что на сторонѣ стараго порядка, идущаго въ разрѣзъ съ интуитивнымъ правомъ массъ, развивается неизбежное «этическое гніеніе», столь свойственное средѣ, лишенной моральной санкціи и сознанія своего права *).

Въ обычное время «дѣйствіе интуитивнаго права по большей части остается скрытнымъ и незамѣтнымъ», оно «дѣйствуетъ въ качествѣ, такъ сказать, незримаго закулиснаго фактора, на сценѣ же появляются разные иные моменты и соображенія, составляются разныя теоріи, политическія и социальныя ученія. Несмотря на свою подчасъ большую поверхностность, односторонность и произвольность... разъ онѣ по своему направленію соотвѣтствуютъ требованіямъ зарождающагося и укореняющагося интуитивнаго права, представляются людямъ весьма удачными и убѣдительными, приобретаютъ распространеніе и популярность, иногда такую вѣру и почитаніе, какая бываетъ въ религіозной области». Также незамѣтно можетъ дѣйствовать интуитивное право и тамъ, гдѣ оно встрѣчается съ нарушеніемъ справедливости въ отдѣльныхъ случаяхъ или казусахъ. Этотъ конфликтъ неизбеженъ, позитивное право не можетъ покрыть всѣ «конкретно-жизненныя» случаи и отношенія, и право интуитивное приходитъ на помощь. Массу отношеній оно выводитъ въ область третейскаго суда совѣсти, оно вліяетъ на самое толкованіе и примѣненіе позитивнаго права, оно путемъ психическаго давленія вводитъ свои идеи въ ученую юриспруденцію, даетъ тонъ ея работамъ въ толкованіи источниковъ, примѣненіи аналогіи и т. п. **).

Значеніе интуитивнаго права выяснено теперь передъ нами

*) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 492, 493, 494.

**) Тамъ же, Т. II, стр. 492, 493—496, стр. 490, 491.

вполнѣ, и мы не можемъ въ виду этого присоединиться къ тѣмъ положеніямъ нашего автора, которыя какъ бы стремятся ослабить смыслъ сдѣланнаго имъ открытія и уравниять до извѣстной степени социальный вѣсъ интуитивнаго и позитивнаго права. Пріоритетъ перваго и его первородство не могутъ уже представить никакихъ сомнѣній. Петражицкій не только снабдилъ «дворянскимъ патентомъ» интуитивное право и поставилъ его рядомъ съ положительнымъ, онъ доказалъ намъ, что оно одно имѣетъ право на царскій престолъ, является прирожденнымъ сувереномъ правовой области. Если Биндингъ выгналъ въ лакейскую правовое принужденіе, то Петражицкій заставилъ позитивное право преклонить колѣна передъ своимъ высокорожденнымъ господиномъ. И когда тотъ же Петражицкій старается придать самостоятельное и независимое значеніе положительному праву и его мотивации среди массъ, то мы не можемъ не встрѣтить подобныхъ утвержденій безъ оговорокъ и сомнѣній. Когда у Петражицкаго выступаетъ позитивное право въ роли замодовляющаго воспитателя народа, — это утверженіе является натяжкой и преувеличеніемъ: какъ примѣръ приводитъ здѣсь Петражицкій вліяніе освобожденія крестьянъ на психику народа. Но развѣ неизвѣстенъ нашему ученому тотъ фактъ, установленный историками Россіи, что болѣе столѣтія до освобожденія длилась непрестанная война крестьянъ съ правительствомъ за поруганное право, а слѣдовательно и здѣсь интуитивное право предшествовало положительному? Что «передовое позитивное право... ускоряетъ развитіе соотвѣтственнаго интуитивнаго права», въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній такъ же, какъ въ томъ, что «неразумное, злокачественное позитивное право» можетъ быть до извѣстной степени «источникомъ отравленія и порчи народной, интуитивной... этики». Не отрицаемъ мы также возможности вліянія позитивнаго права на тѣ или другіе круги, тѣсно связанные съ судебной, административной и т. п. практикой. Однако, это все частные случаи, скорѣе подтверждающіе правило, чѣмъ опровергающіе его. Не стоитъ ли въ подобныхъ случаяхъ за «злокачественнымъ» закономъ интуитивное право опредѣленныхъ группъ и классовъ населенія, не дѣлаетъ ли адвоката и юриста интуитивное право его группы особенно воспріимчивымъ къ позитивной мотивации? Правъ поэтому Петражицкій, когда онъ говоритъ: «Степень способности позитивнаго права модифицировать интуитивное право, сообразно собственному своему содержанію, зависитъ въ сильной степени (мы бы сказали исключительно) отъ его соотвѣтствія потребностямъ социальной жизни, тенденціямъ ея развитія и т. д.»*).

Здѣсь мы приходимъ къ вопросу объ историческомъ развитіи права, неизбежно связанному съ самымъ ходомъ социальной эволюціи... У Петражицкаго уже намѣчены ея нѣкоторые пункты и

*) Петражицкій, в. н. с. Т. П. стр. 498—499.

этапы. Въ новомъ трудѣ онъ обѣщаетъ намъ дать ея полное раскрытіе; до появленія этого труда мы пока отлагаемъ разборъ его эволюціонной теоріи, но здѣсь мы уже можемъ оцѣнить въ полной мѣрѣ его теорію права.

Будучи результатомъ крупнаго движенія европейской мысли и выдающихся дарованій автора, она является настоящимъ событіемъ въ наукѣ. Новое теченіе въ современной юриспруденціи открываетъ широкіе горизонты правовой наукѣ и возвращаетъ массамъ отнятое было у нихъ интуитивное право, эту великую идею правды, которая одна можетъ дать оболочку социальнымъ требованіямъ современности.

Борьба за хлѣбъ, за жизнь, за существованіе, борьба за блага свободы политической и социальной и за высшія блага культуры должны стать борьбой за право. Иначе—она безнадежна!

М. Рейснеръ.

Къ характеристикѣ современныхъ теченій.

(Николай Бердяевъ. — Новое религіозное сознаніе и общественность. Спб. 1908).

Въ томъ духовномъ калейдоскопѣ, который представляютъ изъ себя разнообразныя теченія, ученія и направленія, то быстро смѣняющія другъ друга, то сосуществующія другъ съ другомъ въ умахъ современной русской интеллигенціи; среди всѣхъ этихъ идеалистовъ, ничшеанцевъ, неомарксистовъ, неодекадентовъ, анархистовъ, индивидуалистовъ и т. д., и т. д.,—среди всѣхъ этихъ теченій, находящихся у насъ своихъ пророжовъ и своихъ рьяныхъ послѣдователей, въ настоящее время начинаетъ заявлять о себѣ одно теченіе, относительно котораго еще сравнительно недавно казалось, что именно оно наименѣе имѣетъ шансовъ возникнуть при современныхъ русскихъ условіяхъ. Мы говоримъ о томъ мистико-религіозномъ направленіи, представителями котораго являются у насъ и г. Минскій, и г. Мережковский, и г. Бердяевъ, и г. Булгаковъ, и г. Ровановъ, и г. Аскольдовъ, и многіе другіе, о направленіи, несомнѣнно имѣющемъ извѣстный, хотя пока еще не особенно большой, отзвукъ среди образованной публики вообще и учащейся молодежи въ частности, что между прочимъ наглядно обнаруживается и тѣмъ, что засѣданія религіозно-философскаго общества (этой штабъ-квартиры искателей новой религіи) всегда охотно по-

сѣщаются. И они посѣщаются не той публикой, которая ходитъ на разныя чтенія «миссіонеровъ» и покупаетъ брошюры, сообщающія о «новыхъ чудесахъ» кронштадтскаго протоіерея, а той, которая ходитъ и на засѣданія другихъ ученыхъ, литературныхъ и политическихъ обществъ.

Это послѣднее обстоятельство—интересъ, обнаруживаемый къ вопросамъ религіи среди прогрессивныхъ элементовъ общества, есть нѣчто новое въ современномъ русскомъ обществѣ. Россія всегда поражала иностранцевъ отсутствіемъ религіозной жизни. «Quant aux Eglises d'Orient, — говоритъ извѣстный швейцарскій богословъ-философъ Фредерикъ де-Ружмонъ, — elles dorment du plus profond sommeil» *). (Les deux cités, t. I, p. IV). Официально установленное ученіе признавалось у насъ чѣмъ-то неизмѣннымъ и, поэтому, дѣйствительно было неподвижнымъ и безжизненнымъ: прогрессивные, интеллигентные элементы общества относились къ нему такъ же, какъ и ко всему прочему официальному. Но характернымъ показателемъ духовной фізіономіи русскаго общества было не это отношеніе къ официальному ученію (отношеніе, которое и не могло быть инымъ у дѣйствительно прогрессивныхъ элементовъ), а то равнодушіе, съ которымъ были встрѣчены и немногіе неофициальные представители религіозной мысли. Даже въ самое недавнее время Владиміръ Соловьевъ, несмотря на свой блестящій литературный талантъ, не могъ вызвать живого религіознаго интереса въ широкихъ кругахъ общества, и во всякомъ случаѣ Соловьевъ въ своей чисто-религіозной дѣятельности нашелъ въ свое время меньше отзвука среди публики, чѣмъ нынѣ живущіе представители религіозной мысли, хотя никто изъ этихъ послѣднихъ не можетъ быть, по своему таланту, поставленъ рядомъ съ Соловьевымъ, и многіе изъ нихъ открыто признаютъ Соловьева своимъ учителемъ.

Возникновеніе религіозныхъ интересовъ среди нѣкоторыхъ представителей прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества ставитъ передъ нами два вопроса: во-первыхъ, — вопросъ о томъ, почему эти религіозные интересы появились; во-вторыхъ, — вопросъ о томъ, что даетъ духовной жизни нашего общества это новое теченіе.

Обстоятельный отвѣтъ на первый вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. И это прежде всего потому, что этотъ отвѣтъ явился бы только вариантомъ другого отвѣта, отвѣта на гораздо болѣе общій вопросъ о томъ, какіе факторы поддерживаютъ существованіе религіи въ цивилизованномъ обществѣ. Поэтому, не входя въ подробное обсужденіе перваго вопроса, мы ограничимся лишь общими соображеніями, укажемъ лишь на основную причину возникновенія изучаемаго нами явленія.

Еще Паскаль сказалъ: «Всѣмъ извѣстно, что есть два пути,

*) .Что касается восточныхъ церквей—онѣ спятъ самымъ глубокимъ сномъ».

черезъ которые мнѣнія овладѣвають душой, и что этими путями являются двѣ наши основныя способности: разумъ и воля. Наиболѣе естественнымъ является путь разума; ибо всегда слѣдовало-бы соглашаться лишь съ доказанными истинами. Но путь наиболѣе обыденный, хотя и противный природѣ, есть путь воли». (Pensées, 1852, p. 30). Этотъ «путь воли», т. е. склонность легко вѣрить въ то, во что хочется вѣрить, чего желательно достигнуть, другими словами, эта «воля-вѣрить» (какъ выражается Вильямъ Джемсъ) есть одновременно и источникъ нашей силы, и причина нашей слабости. Это она, это, именно, воля-вѣрить внушаетъ ищущему чего-либо, что «времена уже исполнились», что «времена уже близки», т. е. вливаетъ въ его душу энергію, связанную съ увѣренностью, что успѣхъ его несомнѣненъ, если онъ только будетъ достоинъ этого успѣха. И кто можетъ вычислить, насколько понизилась бы энергія огромнаго большинства дѣятелей, если бы они не находились подъ обаяніемъ этой благодѣтельной иллюзіи! Ибо лишь весьма немногимъ, исключительно-сильнымъ, дана въ удѣлъ способность работать съ полной энергіей и безъ вѣры въ значительность возможныхъ результатовъ ихъ дѣятельности.

Однако, если воля-вѣрить, создавая благодѣтельную иллюзію легкодостижимости успѣха, является источникомъ нашей силы, то она, въ силу того же обстоятельства, является и причиной нашей слабости. Ибо всякая иллюзія въ концѣ концовъ разоблачается; и вотъ, когда, вмѣсто ожидаемой блестящей побѣды, мы видимъ передъ собою лишь едва ощутимый успѣхъ, тогда разбитая надежда мститъ за себя, и мы теряемъ способность оцѣнить правильно какъ значеніе достигнутаго успѣха, такъ и достоинство того пути, по которому мы только что шли. Тогда другой путь начинаетъ намъ казаться особенно привлекательнымъ, особенно многообѣщающимъ, и это лишь потому, что онъ не похожъ на тотъ путь, въ которомъ мы только что разочаровались; и мы переносимъ на него всѣ наши надежды, всѣ наши упованія, и вѣримъ въ него до тѣхъ поръ, пока логика вещей не разобьетъ вновь нашей иллюзіи и не кинетъ насъ еще на новый путь, т. е. пока мы не попадемъ подъ власть новой иллюзіи...

Такъ бѣдный человѣческій духъ переходитъ отъ надежды къ разочарованію и отъ новой надежды къ новому разочарованію; вмѣсто того, чтобы обнять сразу всѣ стороны бытія и затѣмъ систематически заняться всесторонней разработкой доступныхъ ему данныхъ, онъ мечется изъ стороны въ сторону, въ каждый данный моментъ занимаясь главнымъ образомъ разрушеніемъ того, что онъ сдѣлалъ въ предыдущій моментъ. Однако, это его метаніе не является безрезультатнымъ блужданіемъ, и въ своемъ переходѣ съ одного пути на другой человѣческій духъ никогда не возвращается на то самое мѣсто, на которомъ онъ уже находился ранѣе. Каждый шагъ въ этой духовной эволюціи человечества отмѣчается

какимъ-нибудь приобрѣтеніемъ, которое навсегда входитъ въ сокровищницу человѣческаго вѣдѣнія и которое дѣлаетъ невозможнымъ полный возвратъ къ старому. Но это бываетъ, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ передъ собой дѣйствительно «шагъ въ духовной эволюціи», ибо не всякое измѣненіе есть эволюція, и не всякое «новое теченіе» есть шагъ въ эволюціи: при безконечной сложности жизненныхъ явленій возможны такія теченія и направленія, все значеніе которыхъ чисто отрицательно: они возникаютъ вслѣдствіе существованія извѣстныхъ недостатковъ въ другихъ теченіяхъ, но сами не восполняютъ этихъ недостатковъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ постановкѣ нашего второго вопроса, вопроса о томъ, что вносить въ духовную жизнь нашего общества это новое мистико-религіозное теченіе.

Въ нашемъ обществѣ оно возникло, какъ реакція противъ рабѣе господствовавшего интеллектуализма и позитивизма. Духовное возрожденіе нашего общества, начавшееся послѣ злополучной крѣпостской кампаніи, сопровождалось настоящимъ культотъ науки. Положительная наука и положительная философія (которая казалась неразрывно связанной съ наукой) считались той лампой Аладина, при содѣйствіи которой можно достигнуть всего весьма просто и скоро. Конечно, значеніе науки для общества такъ велико, что его нельзя и преувеличить, но бѣда въ томъ, что къ этому вполне законному уваженію науки присоединилось обычное убѣжденіе, что «времена уже истекли», что Дарвинъ и Контъ, Карлъ Фогтъ и Милль, Мошешотъ и Бокль и нѣкоторые другіе наиболѣе популярныя мыслители, если не окончательно завершили построеніе храма науки, то во всякомъ случаѣ окончательно выработали планъ этого построенія, такъ что закончить это построеніе уже просто и не трудно. Широкая публика слишкомъ мало знакома съ тѣми невѣроятными трудностями, которыя приходится преодолевать для того, чтобы сдѣлать даже сравнительно небольшое научное открытіе. И поэтому-то и получается такое оригинальное явленіе, что малознакомая съ наукой публика, какъ будто бы, болѣе «вѣрить въ науку», чѣмъ самыя творцы этой науки: въ то время, какъ великій Ньютонъ сравнивалъ себя съ ребенкомъ, играющимъ цвѣтными камешками на берегу безбрежнаго океана,—публика легко предполагаетъ, что даже какой-нибудь второстепенный ученый можетъ сказать «слово», дѣйствіе котораго будетъ аналогично знаменитому «Сезамъ, отворись!».

И, вотъ, у насъ всѣ были поклонниками науки и позитивистами, какъ тѣ, которые хорошо знали, что такое позитивизмъ, такъ и тѣ, которые не особенно-то хорошо это знали... Но шли годы. Наука, конечно, дѣлала огромныя испѣхи; однако, эти успѣхи были слишкомъ ничтожны сравнительно съ ожиданіями тѣхъ людей, которые были убѣждены, что «времена уже истекли»: магическаго «Сезамъ, отворись» никто не могъ произнести, и наша жизнь оставалась

такою-же жалкой, сѣренькой и плохенькой, какою была и прежде. Тогда началась реакція. Позитивизмъ потерялъ кредитъ. Ярко загорѣлась звѣзда идеализма. Хорошее словечко было—«позитивизмъ»: оно наводило на мысль о чемъ-то солидномъ, ученомъ, основательномъ... но хорошее словечко и «идеализмъ»: оно связано въ нашемъ умѣ съ чѣмъ-то возвышеннымъ, идеальнымъ, необыденнымъ... такъ почему-бы одно уже нѣсколько поистаскавшееся хорошее словечко не замѣнить новенькимъ хорошимъ словечкомъ... И эту замѣну сдѣлали. У насъ появились идеалисты всѣхъ цвѣтовъ и ранговъ. Наши писатели не особенно заботились о томъ, чтобы придать выраженію «идеализмъ» вполне опредѣленный смыслъ. Въ то время, какъ ветеранъ англійской философіи Генри Седжвикъ жалуется (*Mind*, N. S., № 37) на то, что злоупотребленіе словомъ «идеализмъ» сдѣлалось «совершенно невыносимымъ», а Шиллеръ совсѣмъ отказывается отъ пользованія этимъ слишкомъ многосмысленнымъ терминомъ,—наши идеалисты издають сборникъ, въ которомъ чуть не каждый авторъ придаетъ свой смыслъ термину идеализмъ. Но этотъ сборникъ направленъ противъ позитивизма, и поэтому онъ имѣетъ успѣхъ: въ идеалисты схотно записываются всѣ, ожидающіе новаго магическаго слова...

Однако, именно вслѣдствіе многосмысленности термина идеализмъ, переходъ отъ «марксизма къ идеализму», совершенный частью нашей интеллигенціи, не могъ быть для всѣхъ одинаково прочнымъ. Оказалось, что среди этихъ «идеалистовъ» существуютъ люди, которые съ гораздо большимъ основаніемъ должны были-бы называться мистиками. А мистицизмъ могъ привлекать умы публики съ еще большей силой, чѣмъ идеализмъ, уже вслѣдствіе своей большей противоположности позитивизму.

Одновременно съ людьми, перешедшими къ религіознымъ спекуляціямъ «отъ марксизма», нашлась группа писателей, пришедшихъ къ религіи инымъ путемъ (г. Минскій, напримѣръ, сначала создалъ свою меоническую философію, а потомъ уже—не отказываясь отъ меонизма—вообразилъ себя марксистомъ, хотя и не надолго). И такимъ образомъ создалось у насъ то религіозное теченіе, оцѣнкой котораго мы и желали-бы заняться.

Постоянные читатели «Русск. Бог.» знакомы уже съ лебединой пѣснью Владиміра Соловьева, съ его «Оправданіемъ Добра», которому была посвящена статья въ № 10 «Р. Б.» за 1897 г. Они знакомы также и съ книгой г. Минскаго «Религія Будущаго», о которой былъ данъ отчетъ въ №9 «Р. Б.» за 1905 годъ. Теперь мы хотимъ познакомить нашихъ читателей съ новымъ проявленіемъ того же направленія, съ книгой г. Бердяева «Новое религіозное сознаніе и общественность».

«Книга эта,—говоритъ авторъ на стр. VI—VII,—направлена противъ трехъ историческихъ силъ, трехъ могучихъ теченій, сходящихъ со сцены и вступающихъ на сцену исторіи: 1) противъ старой, омертвѣвшей церкви, стараго, остановившагося религіоз-

наго сознанія и освященной имъ государственности, 2) противъ позитивизма и атеизма, стараго рационалистическаго сознанія и освященной имъ социаль-демократической лже-религiи, 3) противъ анархическаго иррационализма, хаотической мистики и основаннаго на нихъ общественнаго нигилизма». Таковъ отрицательный мотивъ работы г. Бердяева, ея разрушительная сторона. А вотъ и мотивъ положительный: «Сознаніе близости къ Богу, сознаніе того, что мы—дѣти Божьи, а не рабы, есть психологическая почва моихъ религіозно-философскихъ идей. Самолюбивый бунтъ противъ Бога не аристократиченъ, не благороденъ. Повторяю, уязвленность эта, тщеславность эта—низкое состояніе. Рыцарская вѣрность Богу, Отцу своему родному—прекраснѣе, благороднѣе» (стр. VI).

Познакомивши читателей съ положительнымъ и отрицательнымъ мотивами, побудившими г. Бердяева написать свою книгу, мы уважемъ сейчасъ-же и на методъ, которымъ пользовался авторъ при выработкѣ своего ученія: «Будутъ, конечно, говорить—сообщаетъ намъ авторъ на стр. V,—что идеи моей книги бездоказательны и не научны, но сами не знаютъ, что говорятъ, сами не обосновали, убѣдительно-ли, заразительно-ли, истинно-ли только «доказательное». Доказательна-ли истина и что такое эта пресловутая научная доказательность? А что, если истина усматривается и видится, но не выводится и не доказывается?»

Этими тремя характерными цитатами, надѣюсь, мы сразу вводимъ нашихъ читателей въ самую глубь міровоззрѣнія г. Бердяева и, такимъ образомъ, даемъ имъ возможность быстро ориентироваться при дальнѣйшемъ изложеніи идей автора.

Читатель не будетъ уже смущаться бездоказательностью утвержденій г. Бердяева, не будетъ ожидать отъ него логическаго обоснованія своего ученія, ибо онъ всегда будетъ помнить вопросъ автора: «А что, если истина.. и не доказывается?»

Однако, и тѣ читатели, которые согласятся примириться съ бездоказательностью утвержденій г. Бердяева, быть можетъ, будутъ смущены, когда замѣтятъ, что имъ, сверхъ того, и непонятенъ *самый смыслъ* этихъ утвержденій. Въ самомъ дѣлѣ, начнемъ хотя бы съ предположенія автора, что истина не доказывается, а усматривается, и постараемся выяснитъ себѣ смыслъ этого заявленія. Уже тотъ фактъ, что человекъ, отрицающій доказательства, пишетъ цѣлую книгу, въ которой постоянно попадаются слова: «ибо», «такъ какъ», «потому что», «слѣдовательно»—уже одно это обстоятельство заставляетъ насъ недоумѣвать, какой смыслъ слѣдуетъ придавать этому отрицанію автора. Но этого мало: *тѣ самыя слова, при помощи которыхъ нашъ авторъ заявляетъ, что истина не доказывается, являются попыткой привести доказательство.* «А что, если истина усматривается, а не доказывается?» Этими словами авторъ *хочетъ доказать, что нельзя доказывать...* Уже

давно было провозглашено: «credo quia absurdum est» (вѣрю, потому что это нелѣпость), и давно также было указано, что это знаменитое заявленіе само себя пожираетъ, благодаря тому, что въ немъ есть маленькое словечко: «quia» (потому что), которое и является призывомъ къ логикѣ, къ доказательству. Теперь, спустя много столѣтій, г. Бердяевъ повторяетъ ошибку Тертуліана и даетъ намъ утверженіе, противорѣчащее самому себѣ и, слѣдовательно, лишенное смысла. Не спасетъ г. Бердяева и признаніе существованія мистическаго познанія. «Мистика,—говоритъ авторъ на стр. XIII,—утверждаетъ непосредственную данность бытія, безграничность бытія ственнаго опыта, испытываніе бытія, отрицаетъ грани, отдѣляющія субъектъ отъ объектовъ; но интуитивно-мистическое познаніе бытія затрудняется мировымъ распадомъ, разрывомъ, испорченностью міра, мы все же не видимъ Божества и увидимъ его окончательно лишь по преображеніи міра». Спрашивается, всѣ утверженія, заключающіяся въ этой цитатѣ, что они, просто лишь усматриваются и дѣлаются сейчасъ-же для насъ абсолютно достоверными, или нуждаются еще въ какомъ-либо доказательствѣ? Но этого мало. Разсмотримъ вопросъ глубже и спросимъ, какое различіе между «усмотрѣніемъ» и «доказательствомъ». Мнѣ могутъ сказать: «Вотъ около васъ лежитъ книга г. Бердяева, въ рукѣ у васъ перо, которымъ вы пишете, а передъ вами бумага, по которой вы пишете—все это усматривается вами, а не доказывается вамъ, и, однако, во все это вы непоколебимо вѣрите». Но даже такой самый простой случай изображенъ здѣсь не вполне точно; и чтобы вскрыть эту неточность достаточно только спросить: чѣмъ отличается тотъ случай, когда я дѣйствительно вижу книгу, дѣйствительно держу перо въ рукахъ, дѣйствительно пишу на бумагѣ, отъ того случая, когда мнѣ это только снится, или когда я галлюцинирую? Тогда легко обнаружится, что, повидимому, простой фактъ: «я вижу передъ собой книгу», въ сущности является довольно сложнымъ процессомъ, заключающимъ въ себѣ сужденіе и выводъ. Слѣдовательно, уже здѣсь, въ самомъ элементарномъ случаѣ познанія, находится мѣсто для доказательства. Но, вѣдь, это самый элементарный случай познанія, а какъ обстоитъ дѣло при другихъ менѣе элементарныхъ случаяхъ? Возьмемъ, напримѣръ, вышеприведенное утверженіе г. Бердяева, что «интуитивно-мистическое познаніе бытія затрудняется мировымъ распадомъ, разрывомъ, испорченностью міра» и спросимъ себя, что это, простое указаніе, вродѣ: вотъ книга, вотъ перо? Развѣ мы при этомъ непосредственно воспринимаемъ и «интуитивно-мистическое познаніе» (какъ воспринимаемъ книгу) и его «затрудненіе» (какъ воспринимаемъ, что книга *лежитъ* на столѣ) и «мировой распадъ, разрывъ, испорченность міра» (опять-таки, какъ воспринимаемъ книгу)?

Но станемъ теперь на иную точку зрѣнія. Не будемъ крити-

Февраль. Отдѣлъ II.

5

ковать утверждений г. Бердяева съ точки зрѣнія установленныхъ наукой правилъ мышления, а предположимъ, что г. Бердяевъ правъ, и посмотримъ, что же собственно онъ утверждаетъ. Предположимъ, слѣдовательно, что дѣйствительно, всякая истина не доказывается, а усматривается, и посмотримъ, что изъ этого вытекаетъ. Предположимъ, напимѣрь, что справедливость утверждения г. Бердяева: «Интуитивно-мистическое познаніе бытія затрудняется мировымъ распадомъ, разрывомъ, испорченностью міра», что справедливость этого утверждения усматривается нами такъ-же непосредственно, какъ и справедливость указанія: «вотъ книга», «вотъ перо», и спросимъ себя: что изъ этого слѣдуетъ?

Прежде всего изъ этого слѣдуетъ самый крайній реализмъ, въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, т.-е. мы должны предположить въ такомъ случаѣ, что наши понятія не вырабатываются какимъ бы то ни было образомъ, а отъ вѣка существуютъ, въ качествѣ вполне самостоятельныхъ индивидуальностей, которыя нужно только «усмотрѣть». Существуетъ, слѣдовательно, и такая вполне индивидуальная реальность, какъ «интуитивно-мистическое познаніе» (на подобіе того, какъ существуетъ книга) и «мировой распадъ», и «разрывъ», и «испорченность міра», подобно тому, какъ, по представленію Гомера, «вражда», въ качествѣ вполне индивидуального существа, летала среди враждующихъ людей. Это совершенно необходимо вытекаетъ изъ утверждения г. Бердяева, ибо онъ не допускаетъ никакой *выработки* понятій (иначе онъ долженъ былъ-бы допустить и *доказательство* правильности этой выработки), а признаетъ лишь *усмотрѣніе* ихъ.

Но далѣе изъ этого-же слѣдуетъ признаніе полной бесполезности науки. Ибо, согласно г. Бердяеву, ученый, пишущій книгу, поступаетъ въ сущности такъ, какъ поступилъ-бы, напимѣрь, кто-либо, который въ данный моментъ пришелъ-бы во мнѣ и сталъ-бы мнѣ указывать: «вотъ письменный столъ», «вотъ книга г. Бердяева», «вотъ перо», «вотъ чернильница» и т. д. Я, конечно, заявилъ-бы ему, что не имѣю никакой надобности въ подобныхъ указаніяхъ. Но даже и это сравненіе слабо. Ибо, вѣдь, мы знаемъ, что я могу и ошибаться относительно своихъ воспріятій. Напр., я могу думать, что вижу человека, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, вижу лишь его изображеніе въ зеркалѣ, или просто даже галлюцинирую. Слѣдовательно, нѣкоторую провѣрку даже моихъ непосредственныхъ воспріятій, нѣкоторое *доказательство* ихъ истинности я долженъ допустить, а, вѣдь, г. Бердяевъ заявляетъ, что онъ вообще ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается. Современный русскій теоретикъ мистическаго познанія г. Лосскій поступаетъ благоразумнѣе г. Бердяева (о книгѣ г. Лосскаго см. «Р. Б.» № 10 за 1907 г.): г. Лосскій, конечно, является и реалистомъ (въ средневѣковомъ смыслѣ слова) и проповѣдникомъ непосредственнаго интуитивнаго познанія; но онъ оставляетъ себѣ маленькую лазейку: онъ утверждаетъ, что

предметы даются намъ въ воспріятіи, хотя и въ подлинникѣ, но *въ недифференцированномъ видѣ*. Такимъ образомъ, г. Лосскій оставляетъ мѣсто и для доказательства, и для науки, задачи которой, по его словамъ, состоятъ въ дифференцированіи этихъ недифференцированныхъ воспріятій. Нельзя сказать, чтобы г. Лосскій обнаружилъ здѣсь послѣдовательность мышленія; но во всякомъ случаѣ, благодаря этой благоразумной предусмотрительности, онъ не оказывается въ такомъ беззащитномъ положеніи, какъ г. Бердяевъ.

Но и этого всего еще мало. Допустимъ, что, если-бы міръ не былъ «испорченъ», если-бы не произошло «мірового распада», то мы непосредственно «видѣли-бы Божество» и непосредственно постигли-бы всѣ истины. Но, вѣдь, міръ «испорченъ», «распадъ» произошелъ, а въ такомъ случаѣ и непосредственное усмотрѣніе невозможно, и нашъ «испорченный» умъ не можетъ обойтись безъ доказательствъ. Вѣдь, Божество мы увидимъ «окончательно лишь по преображеніи міра», а пока «только святые на высшихъ ступеняхъ религіознаго экстаза достигали непосредственнаго познанія Бога, какъ результата непосредственной близости къ нему. Великіе философы познавали Бога *интеллектуальной интуицей*, но все еще не видѣли его» (стр. XIV, примѣчаніе). Мы не будемъ останавливаться надъ тонкимъ отличіемъ между «непосредственнымъ познаніемъ Бога» святыми и познаніемъ его философами при помощи всего лишь «интеллектуальной интуиціи», но отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что, очевидно, міръ такъ безнадежно «испорченъ», что даже «великіе философы» съ ихъ могущественной «интеллектуальной интуиціей» неспособны познать полной истины. А въ такомъ случаѣ, какъ обойдемся мы безъ разсужденій и доказательствъ, чтобы отличить истину отъ заблужденія? Вотъ, напр., г. Бердяевъ утверждаетъ, что «интуитивно-мистическое познаніе бытія затрудняется міровымъ распадомъ», и это для него истина — непосредственно имъ усматриваемая, а я, быть можетъ, вслѣдствіе «испорченности міра», думаю, что «интуитивно-мистическое познаніе» есть фантазія плохо-дисциплинированнаго ума. Быть можетъ, послѣ «преображенія міра» я и увижу свою ошибку, но, пока мой умъ все еще остается «испорченнымъ», я, положимъ, обращаюсь къ г. Бердяеву съ просьбою выяснить мнѣ мое заблужденіе. Что можетъ отвѣтить мнѣ г. Бердяевъ, лишенный права что-либо доказывать? Развѣ одно только: «терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе до... преображенія міра, а тамъ ужъ все сдѣлается очевиднымъ».

Въ древней Греціи одинъ послѣдовательный скептикъ понялъ, что всякое словесное выраженіе заключаетъ въ себѣ какое-либо утвержденіе; а такъ какъ дѣлать какія-либо утвержденія вполнѣ послѣдовательному скептику не полагается, то этотъ вполнѣ послѣдовательный скептикъ и рѣшилъ не произносить ни слова, а только... молча махать пальцемъ. Думаемъ, что онъ не былъ вполнѣ послѣдовательнымъ скептикомъ, даже лишь махая пальцемъ. Но во вся-

комъ случаѣ, онъ былъ гораздо послѣдовательнѣе г. Бердяева, который не понималъ, что, отказавшись отъ доказательствъ, онъ долженъ былъ-бы отказаться и отъ писанія книги.

Мы остановились на этомъ взглядѣ г. Бердяева на доказательство не только потому, что это—основной вопросъ для сужденія о достоинствѣ его книги, но еще и потому, что въ данномъ случаѣ г. Бердяевъ является выразителемъ цѣлаго теченія. Презрительный вопросъ нашего автора: «Что такое эта пресловутая научная доказательность?» дѣлается теперь весьма многими и находить откликъ въ умахъ публики въ качествѣ антиязы «новитизму и научности». Но при этомъ обыкновенно забываютъ, что, если-бы «научная доказательность» и была вполне дискредитирована, то отъ этого выигралъ-бы только абсолютный скептицизмъ, а отнюдь не «мистическое познание», вводимое контрабандой; забываютъ, что существованіе «мистическаго познанія» такъ-же приходится «доказывать», какъ и существованіе научныхъ истинъ.

Намъ нѣтъ болѣе надобности останавливаться на философской сторонѣ ученія г. Бердяева. Позиція ясно обрисована, основное положеніе установлено, и все, что можно было-бы сказать дальше, было-бы, въ сущности, лишь повтореніемъ предыдущаго. Если истина не доказывается, а усматривается, то, встрѣчая какое-либо утвержденіе автора, мы не можемъ задавать вопроса, правильно-ли обосновано это утвержденіе, а должны лишь спросить себя и читателей: усматривается ли нами эта истина, или нѣтъ; и если окажется, что истина нами не усматривается, то намъ остается лишь терпѣливо ожидать нашего просвѣтлѣнія, обѣщаннаго намъ г. Бердяевымъ... при Второмъ Пришествіи.

Поэтому мы перейдемъ къ простому наложенію чисто религіозной стороны ученія Бердяева, т. е., не касаясь вопроса о томъ, вѣрно или невѣрно его религіозное ученіе, постараемся выяснитъ, въ чемъ оно состоитъ, и что въ немъ новаго. Когда, напримѣръ, мы читаемъ у г. Бердяева (на стр. XVIII), что «въ *Словѣ* (Разумѣ Логосѣ) мы находимъ адекватное отраженіе міровой тайны, мірового смысла, но въ немъ заключена не мертвая рациональная отвлеченность, а живое, конкретное бытіе», то мы не будемъ выяснять ни того, какъ узналъ г. Бердяевъ объ этомъ удивительномъ разоблаченіи «міровой тайны», ни того, что вытекаетъ изъ этого открытія. Мы просто отмѣтимъ фактъ, что г. Бердяевъ, принявшій ученіе о Логосѣ, тѣмъ самымъ включаетъ себя въ извѣстную группу религіозныхъ мыслителей. Точно также, прочитавши на стр. XVII (примѣчаніе) слѣдующія слова: «что Христосъ—Сынъ Божій, это конкретный фактъ вселенскаго бытія, а не теорія», прочитавши, повторяемъ, эти слова, не станемъ выяснять вопроса о томъ, что-же понимаетъ г. Бердяевъ подъ выраженіемъ «конкретный фактъ», а лишь отмѣтимъ то обстоятельство,

что этимъ заявленіемъ онъ включаетъ свое ученіе въ группу ученій христіанскихъ.

Г. Бердяевъ мистикъ; но онъ съ ужасомъ отвергаетъ нерелигиозную мистику. «Желать мистики и не желать религіи—говоритъ онъ на стр. XVI—XVII—ужасный самообманъ; это значитъ желать, чтобы ничего не происходило въ мистической стихіи, желать слѣпоты и иллюзионизма, стоянія на мѣстѣ или безысходнаго круженія, отрицать всякое творчество, вѣрять судьбу мистики субъективнымъ мистификаціямъ. Адогматическая мистика, гордящаяся своимъ свободолюбіемъ, легко превращается въ насилие надъ волей къ свѣту, надъ свободной жаждой движенія и событій. Религиозные же «догматы», завоеванные нашей свободой, не «статические» а «динамические» догматы—это обостреніе [нашего внутренняго зрѣнія и событія, отъ этого обострившагося зрѣнія происшедшаго, радостнаго, давно желаннаго встрѣчи]. Къ этому мѣсту авторъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, часть котораго мы уже цитировали: «Основные догматы христіанской религіи—не теорія, не идеи, не отвлеченныя ученія, а факты. Что Христосъ—Сынъ Божій, это конкретный фактъ вселенскаго бытія, а не теорія».

Этимъ позиція г. Бердяева вполне обрисовывается: онъ христіанинъ (или нео-христіанинъ, какъ онъ себя называетъ), не только признающій основные догматы христіанской религіи, но даже считающій ихъ очевидными «фактами». Нео-христіанинъ г. Бердяевъ твердо вѣрующій во всѣ основные догматы христіанства, долженъ, конечно, признавать и Ветхій Завѣтъ и Завѣтъ Новый и долженъ именно на Новомъ Завѣтѣ строить свое религиозное ученіе. Здѣсь онъ пока ничѣмъ не обнаруживаетъ своей оригинальности, не вноситъ ничего новаго. Но двумя Завѣтами онъ не ограничивается, а надѣется на третій Завѣтъ. «Все закончилось для старыхъ догматиковъ,—говоритъ онъ на стр. XXIII,—и человечество стало на мертвую точку. Мы же вѣримъ въ новыя откровенія, ждемъ ихъ и съ ними связываемъ надежды на религиозное возрожденіе, на религиозный исходъ изъ болѣзненнаго кризиса». «Мы ждемъ,—говоритъ г. Бердяевъ на стр. L,—откровеній Св. Духа о новой общественности, о религиозномъ ходѣ вселенской культуры и религиозномъ ея завершеніи, ждемъ преодоленія дуализма религіи и міровой жизни, небесной святыни и земной исторіи». А свою книгу г. Бердяевъ заканчиваетъ слѣдующимъ пророчествомъ: «И въ старой церкви, сохранившей святыню, и въ свѣтской культурѣ и общественности, незримо накопившей новую святыню, долженъ произойти переворотъ космическаго порядка, переходъ на путь богочеловѣческой. Явится въ мірѣ богочеловѣческой центръ, отъ котораго пойдетъ процессъ благодатнаго завершенія исторіи. Переворотъ этотъ не есть подновленіе стараго, не есть лютеранская реформація, а несомнѣнно большее: измѣненіе натурально-человѣческаго порядка, явленіе порядка богочеловѣческаго» (стр. 233).

Все это было бы, конечно, очень хорошо: но, спрашивается, какое имѣемъ мы основаніе утверждать, что это действительно будетъ, или, хотя бы, что это можетъ случиться,—какое, повторимъ, имѣемъ мы основаніе на это надѣяться, кромѣ того, что «все это было бы очень хорошо?» На это мы ничего не можемъ отвѣтить, а г. Бердяевъ намъ *рѣшительно ничего по этому поводу не сообщаетъ*. Г. Бердяевъ сообщаетъ намъ, что «онъ надѣется», что «онъ ожидаетъ», что «онъ вѣритъ», наконецъ, заявляетъ и болѣе категорически, что «это будетъ». Но почему онъ надѣется и вѣритъ, этого онъ намъ *ни однимъ словомъ не сообщаетъ*; это, конечно, онъ «усматриваетъ», но молчать, предоставляя намъ все это усмотрѣть... опять-таки при Второмъ Пришествіи, т. е. при томъ «преображеніи міра», когда возникаетъ «богочеловѣчскій рядокъ».

Творцы Новаго Завѣта, какъ извѣстно, широко черпали свои доказательства изъ Завѣта Ветхаго: тамъ они находили и подтвержденіе своихъ словъ и пророчества, предсказывавшія тѣ событія, о которыхъ они сами теперь повѣствовали. Г. Бердяевъ, признающій всѣ основные догматы христіанства, считающій ихъ даже просто фактами, долженъ былъ бы постараться выяснитъ связь между «вселенскими фактами» Новаго Завѣта и ожидаемымъ имъ новѣйшимъ (третьимъ) Завѣтомъ. Но относительно этого онъ дѣлаетъ лишь одно указаніе: «Единственная христіанская книга, говоритъ онъ на стр. 230,—непосредственно связанная съ процессомъ, со смысломъ и завершеніемъ исторіи, есть Апокалипсисъ, открытіе св. Іоанна, книга пророческая, историческимъ христіанствомъ еще не раскрытая и не вмѣщенная». Этимъ и ограничиваются всѣ его указанія; «раскрыть и вмѣстить» Апокалипсисъ нашъ авторъ не рѣшается, хотя болѣе шести вѣковъ тому назадъ эту попытку «раскрыть и вмѣстить» сдѣлалъ другой проповѣдникъ «Новѣйшаго (третьяго) Завѣта», авторъ столь знаменитаго въ средніе вѣка «Вѣчнаго Евангелія», тоже нашедшій именно въ Апокалипсисѣ указаніе на грядущій третій Завѣтъ.

Но нашъ авторъ ограничивается одними выраженіями надежды и упованія, онъ *не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки действительнаго религіознаго творчества*, онъ лишь надѣется на то, что нѣчто невообразимо великое произойдетъ, а пока что, «въ надеждѣ славы и добра», пробавляется простыми ссылками на Евангеліе, не хуже любого, столь презираемаго имъ, протестантскаго богослова. Цитатами изъ Евангелія, указаніями на то, что сказалъ или что сдѣлалъ Христосъ, нашъ авторъ постоянно сражается, какъ непреодолимымъ оружіемъ. И онъ пользуется цитатами изъ Евангелія не для раскрытія смысла грядущаго третьяго Завѣта, а для выясненія смысла Завѣта уже намъ даннаго. Все это весьма похвально и понятно у хорошаго христіанина, но все это не вноситъ ничего новаго въ наше религіозное сознаніе. Но этого мало, признавши

(какъ мы это уже видѣли), что христіанскіе догматы—«это обостреніе нашего внутренняго зрѣнія», что они ведутъ къ «давно желаннымъ встрѣчамъ», что они, наконецъ, «не теоріи, не идеи... а факты»,—признавши все это, нашъ авторъ принялъ на себя такія обязательства, значеніе которыхъ онъ, повидимому, плохо себѣ представляетъ. И мы не думаемъ, чтобы онъ, оставаясь на этой позиціи, могъ съ успѣхомъ выдержать борьбу съ какимъ-либо искуснымъ богословомъ одной изъ нынѣ официально существующихъ христіанскихъ церквей.

Такимъ образомъ, въ лицѣ г. Бердяева мы не видимъ ни малѣйшей попытки религіознаго творчества, въ лицѣ г. Бердяева современное религіозное теченіе на даетъ нашему обществу ничего новаго. Да и въ лицѣ ли одного г. Бердяева! Что сдѣлалъ гордость и краса этого направленія, самъ Владиміръ Соловьевъ?—Повторилъ, спуска болѣе чѣмъ 16 вѣковъ, философію Плотина и повторилъ ее, въдобавокъ, послѣ того, какъ ее повторили уже и Баадеръ, и Шеллингъ. Правда, онъ сдѣлалъ это повтореніе въ блестящей литературной формѣ, но этого еще недостаточно для настоящаго творчества.

Религіозное творчество очевидно изсякло. Не только у насъ, но и нигдѣ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ мы не можемъ найти ничего мало-мальски оригинальнаго и интереснаго въ области религіозной мысли: мы видимъ только или нечистоплотное мракобѣіе пресловутой секты іоаннитовъ, или плоскую пошлость арміи спасенія, или, наконецъ, туманное пустословіе мистиковъ.

Въ нашемъ обществѣ одновременно съ возбужденіемъ религіозно-мистическихъ интересовъ значительно усилился также и интересъ къ половому вопросу; одновременно съ книжками мистическаго содержанія появились въ изобиліи и книги трактующія о половой жизни; одновременно съ засѣданіями «религіозно-философскаго общества» выходитъ и журналъ «Вопросы Пола». Существуетъ у насъ также и половой мистикъ, это—столь высоко цѣнимый г. Бердяевымъ г. В. Розановъ, который въ половомъ вопросѣ видитъ ключъ къ мистическому пониманію вселенной. Это соединеніе мистицизма и эротизма не только не представляетъ ничего страннаго, но, наоборотъ является вполне понятнымъ и, если хотите, необходимымъ. Ибо мистицизмъ и эротическое чувство очень близки другъ другу. Въ весьма интересной статьѣ «Психологія одной изъ группъ христіанскихъ мистиковъ», помѣщенной № 53 англійскаго философскаго журнала «Mind», связь между мистической и половымъ чувствомъ признается до такой степени несомнѣнной, что мистицизмъ рассматривается, какъ иррадіація полового чувства, а мистическій экстазъ считается любовнымъ трансомъ (Ecstasy is... a love trance).

Поэтому не удивительно, что и мистически настроенный г. Бердяев посвящает въ своей книгѣ цѣлую главу «Метафизикѣ пола и любви», которую онъ и начинаетъ словами: «Вопросъ о полѣ и любви имѣетъ центральное значеніе для всего нашего религіозно-философскаго и религіозно-общественнаго, міросозерцанія» (стр. 156). А на стр. 165 мы читаемъ: «Вѣдь мистическую диалектику пола усматриваютъ даже въ самой природѣ Божества. Весь міровой процессъ коренится въ полѣ; потому міръ сотворился и продолжается, что въ основѣ его лежатъ полъ, что мистическая стихія міра расцвѣплена, разорвана, полярна».

Впрочемъ «метафизика любви» г. Бердяева не даетъ намъ ничего оригинальнаго. По существу это — повтореніе того, что сказалъ уже очень давно Платонъ, и что повторилъ очень недавно Владиміръ Соловьевъ: любовь есть выраженіе нашей половинчатости, стремленіе къ восполненію, желаніе возстановить свою индивидуальность путемъ соединенія съ другой, издавна намъ предназначенной половиной одной съ нами индивидуальности. Вслѣдъ за Платономъ г. Бердяевъ также различаетъ Афродиту небесную отъ Афродиты вульгарной. Афродита вульгарная споспѣшествуетъ рожденію дѣтей и, слѣдовательно, новому дробленію индивидуальности. Афродита небесная ведетъ лишь къ «полнотѣ совершенства индивидуальности» (стр. 162).

Если религіозно-философское значеніе пола лежитъ въ полнотѣ индивидуальности, то вопросъ о религіозно-общественномъ значеніи пола приводитъ насъ къ разсмотрѣнію соціальнаго положенія женщины. Здѣсь г. Бердяевъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ современной постановки вопроса о женской эмансипаціи. «Обезьянить мужчину, стать мужчиной второго сорта, отречься отъ женскаго начала—вотъ въ чемъ полагаютъ честь женщины передовые борцы женской эмансипаціи» (стр. 175). «Всѣ эти дѣвицы,—говоритъ г. Бердяевъ на стр. 176,—изъ зубоврачебныхъ курсовъ, потерявшія обликъ женщины, съ истерической торопливостью бѣгающія на всѣ сходки и митинги, производятъ отталкивающее впечатлѣніе,—это существа, не имѣющія своего «я», обезьяны, мужчины третьяго сорта».

И такъ, женщинамъ не слѣдуетъ соваться въ мужскія дѣла. Но что-же имъ дѣлать? Въ чемъ ихъ призваніе? Въ материнствѣ? Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Бердяевъ (стр. 179) «призваніе это я вижу не въ рожденіи и вскармливаніи дѣтей, а въ утвержденіи метафизическаго начала женственности». Призваніе, быть можетъ и высокое, но, къ сожалѣнію, такое, смыслъ котораго довольно трудно уловить. Не болѣе поймутъ женщины свое назначеніе и послѣ того, какъ прочитаютъ на стр. 179, что «назначеніе женщины — конкретно воплощать въ мірѣ вѣчную женственность, т. е. одну изъ сторонъ божественной природы, и этимъ путемъ вести міръ къ любовной гармоніи, къ красотѣ и свободѣ». Пожалуй, нѣсколько

яснѣе обрисуется женщинамъ ихъ роль, когда онѣ прочитаютъ на стр. 180: «Безъ мистическаго влеченія къ женственности, безъ влюбленности въ вѣчную женственность, мужчина ничего не сотворилъ-бы въ исторіи міра, не было-бы міровой культуры: бесполое всегда безсильно и бевдарно. Мужчина всегда творилъ во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляетъ его на подвигъ и соединяетъ съ душой міра. Но Прекрасная Дама, вѣчная женственность, не можетъ оставаться отвлеченной идеей, она неизбѣжно принимаетъ конкретную и чувственную форму». Конечно, можно съ недоумѣніемъ спросить: какая «конкретная и чувственная форма» воодушевляла, напр., Ньютона на открытіе закона всемірнаго тяготѣнія, или Канта на созданіе «Критики чистаго разума?» Но, вѣдь, отъ г. Бердяева доказательствъ требовать нельзя: слѣдуетъ довольствоваться уже тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, можно понять, что, собственно, онъ хочетъ сказать. А хочетъ онъ сказать ту довольно банальную вещь, что назначеніе женщины воодушевлять мужчину. Занятіе хорошее, хотя и нѣсколько неопредѣленное и, быть можетъ, оставляющее слишкомъ много мѣста для скуки. Сверхъ того, если дѣло идетъ не о весьма немногихъ, исключительныхъ мужчинахъ, являющихся творцами въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни, если дѣло идетъ объ огромной массѣ обыкновенныхъ мужчинъ и соединенныхъ съ ними женщинъ (а, вѣдь, теорія Бердяева имѣетъ въ виду всѣхъ женщинъ), то здѣсь воодушевляющее значеніе женщины, очевидно, можетъ выразиться *лишь* подъемомъ жизненнаго настроенія, облагораживаніемъ жизни; а въ такомъ случаѣ, почему бы не сказать, что здѣсь (т. е., повторяемъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ) и назначеніе мужчины — воодушевлять женщину. Вѣдь благородная, полная человѣческаго достоинства жизнь также нужна и женщинамъ, какъ и мужчинамъ.

Но если конкретныя женщины и будутъ нѣсколько недовольны тою ролью, которую имъ отводитъ г. Бердяевъ, то въ утѣшеніе имъ можно сказать, что роль «женственнаго начала» по истинѣ блестяща. «Пусть женщины,—говоритъ г. Бердяевъ на стр. 180,—плохіе математика и логики, плохіе политики и посредственные художники, въ нихъ таятся мудрость высшая, чѣмъ всякая математика и политика. Безъ начала женственности, безъ приобщенія къ нему никогда не достигнуть окончательнаго интуитивнаго знанія и затрудняется путь къ церкви, какъ Невѣстѣ Христовой. Подобно тому, какъ Дѣва Марія оказалась воспримчивой къ Духу Божьему, и женственная міровая душа отдастся божественному Логосу, и станетъ церковью».

И такъ, пусть женщины терпѣливо ждутъ того великаго момента, когда «женственная міровая душа отдастся божественному Логосу»—тогда и конкретныя женщины поймутъ, наконецъ, смыслъ своего существованія!

П. Мокіевскій.

Хроника внутренней жизни.

1. Процессъ четырехъ генераловъ.—Укрѣпленіе неопредѣленнаго типа, неизвѣстно кому подчиненное.—Всеобщее уклоненіе отъ отвѣтственности.—Портъ-Артурская анархія.—2. Была-ли измѣна?—Какъ вооружается рускій флотъ?—Образовательный уровень арміи и флота и, въ частности, героевъ Стесселиады.—Безвыходное противорѣчіе.—3. 5½, миллиардовъ на армію и флотъ.—Депутаты во время вакацій.—Большой планъ для Думы.—Противорѣчіе между созданіемъ военной мощи и сохраненіемъ устоевъ.—Безъ плана и безъ перспективъ.—4. Власть и союзники.—Заботы о повсемѣстномъ учрежденіи сыска.—Сыскныя заслуги союза русскаго народа.—Новое толкованіе ст. 126 уголовного уложенія и амнистія 1905 г.—Союзники и портъ-артурская г-жа Савельева.

Стесселиу смертная казнь (съ просьбою о смягченіи приговора до 10 лѣтъ крѣпости), Фоку выговоръ, Смирновъ и Рейсъ оправданы. Таковъ формальный итогъ большого процесса четырехъ портъ-артурскихъ генераловъ. Но раньше, чѣмъ произнесенъ приговоръ обвиняемымъ, оказались въ очень непріятномъ положеніи свидѣтели.

«Свидѣтели стремились,—возмущенно писалъ корреспондентъ «Варшавскаго Дневника»,—какъ можно полнѣе и откровеннѣе дать показаніе «на судѣ, и этимъ думали исполнить свой долгъ передъ родиной, но тѣ лица, которымъ была непріятна правда, воспользовались своими начальственными правами, и противъ цѣлаго ряда свидѣтелей возбуждаются дисциплинарныя преслѣдованія». «Вы поймите,—говорилъ корреспонденту той-же варшавской газеты одинъ изъ офицеровъ—на судѣ я долженъ говорить правду, а между тѣмъ я не имѣю права критиковать дѣйствія начальства, и каково же будетъ его отношеніе ко мнѣ, когда я продолжаю оставаться на службѣ въ той же части» *)... Да хотя бы и въ «другой части». Показанія на судѣ, непріятны «начальству», гдѣ ни служи, останутся непріятными. Правда, «начальство», быть можетъ, и не рѣшится отвѣтить на «критику» «дисциплинарными преслѣдованіями». Эта мѣра ужь слишкомъ скандальна. Но расплата возможна не только въ порядкѣ дисциплинарныхъ преслѣдованій. И нельзя просто осуждать уклончивость нѣкоторыхъ свидѣтелей, какъ, напримѣръ, полковника Дмитревскаго, бывшаго начальникомъ штаба генерала Фока и нынѣ «украшеннаго золотымъ оружіемъ». Полковникъ Дмитревскій былъ однимъ изъ уполномоченныхъ для веденія съ японцами переговоровъ о капитуляціи Портъ-Артура. И на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, на вопросъ

*) Цитир. по «Одесск. Нов.», 25 января 1908.

предсѣдателя: «высказывали вы (во время переговоровъ) свои мнѣнія по поводу японскихъ условій капитуляціи?»—отвѣтилъ:

— Да, помнится, говорили, но что именно,—не могу припомнить...

— Да вы-то лично что-нибудь высказывали?

— Нѣтъ... Помнится, мнѣніи своихъ никакихъ не выражалъ...

— Какъ же, однако,—спросилъ членъ суда баронъ Остенъ-Сакенъ,—вы понимали свою роль, ведя переговоры съ японскими уполномоченными о капитуляціи?

— Точно не могу объяснить...

— Послушайте, полковникъ,—съ трудомъ скрывая свое возмущеніе спросилъ бар. Остенъ-Сакенъ—такія событія случаются разъ въ жизни... Какъ же вы ничего не можете объяснить?

— Да, вѣдь, ничего необычайнаго предложено японцами не было, и потому, быть можетъ, это не произвело на меня впечатлѣнія» *)...

«Въ публикѣ—говорить референтъ «Рѣчь»,—слова эти вызвали взрывъ негодованія». И намъ незначѣмъ брать полковника Дмитревскаго подъ свою защиту. Не надо лишь забывать, что кромѣ негодованія «публики» и даже судей, есть еще правовыя и бытовыя условія офицерской службы. Свидѣтельское положеніе офицера, особенно офицера генеральнаго штаба, быть можетъ, хуже, чѣмъ положеніе деревенскаго мужика. Недавно въ тверскомъ окружномъ судѣ при разборѣ дѣла о землевладѣльцахъ Хвостовыхъ, учинившихъ поджогъ и разгромъ крестьянскаго имущества, нѣкій свидѣтель Архиповъ на всѣ просьбы и убѣжденія предсѣдателя «говорить правду» упрямо повторялъ:

— «Я старъ и боюсь» **)...

Съ офицера жестоко взыщется, если онъ столь же откровенно охарактеризуетъ общія условія російской государственности. Но быть внѣ этихъ условій онъ не можетъ. И не мудрено, если процессъ портъ-артурскихъ генераловъ очень ярко подчеркнул многія стороны «общихъ условій», но не очень много помогъ разобраться въ спеціальныхъ вопросахъ, непосредственно относящихся къ «противозаконной сдачѣ Портъ-Артура непріятелю». Мы такъ и не узнали, на примѣръ, какими инструкціями были связаны и какими полномочіями облечены генералъ Рейсъ, полковникъ Дмитревскій и др. «на предметъ переговоровъ о капитуляціи». Но кое-что болѣе общее, и пожалуй, болѣе существенное для насъ открылось.

Прежде всего открылось, что мы собственно не знаемъ,—былъ Портъ-Артуръ крѣпостью или не былъ. Раньше сомнѣній на этотъ счетъ не возникало. Въ ноябрѣ 1903 г. военный министръ Куро-

*) «Рѣчь», 3 января 1908.

**) «Русское Слово», 10 января 1908.

паткинъ писалъ въ своемъ докладѣ: «Укрѣпленія Портъ-Артурса приходятъ къ концу... Нынѣ можно не тревожиться, если даже большая часть... японской арміи обрушится на Портъ-Артурсъ». Впрочемъ, въ ту пору военный министръ и не могъ докладывать иначе. «На выполненіе высочайше утвержденного проекта Портъ-Артурской крѣпости,... по свидѣніямъ государственнаго контроля, было отпущено изъ средствъ казны (всего) 4.631.757 р., а израсходовано по 1903 годъ включительно (всего) 4.080.000 р.» *). Требовалось официально признать существованіе крѣпости, уже хотя бы только въ видахъ предупрежденія вопроса: «куда же дѣлись деньги?» И нѣкоторое время точность официальной терминологіи: «крѣпость Портъ-Артурсъ», не возбуждала сомнѣній. Однако, на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, тотъ-же г. Куропаткинъ заявилъ, что ему собственно неизвѣстно, соответствовала-ли «обороноспособность» Портъ-Артурса понятію: «крѣпость». «Странно,—недоумѣвать передъ судомъ бывший военный министръ—даже я, командующій арміей, не зная, обезпеченъ ли Портъ-Артурсъ полуторагодовымъ запасомъ провіанта» **). Все же бывший главнокомандующій и бывший министръ счелъ возможнымъ опредѣлить Портъ-Артурсъ терминомъ: «слабая крѣпость». Но защитникъ генерала Стесселя г. Сыртлановъ категорически заявилъ на судѣ: «Никакой крѣпости Портъ-Артурса не было... А что было, то не соответствуетъ научному понятію: крѣпость... Портъ-Артурсъ былъ полевой укрѣпленной позиціей къ началу осады, а къ моменту сдачи пересталъ быть и укрѣпленнымъ мѣстомъ» ***). Можно строить догадки что г. Куропаткинъ вынужденъ держаться—возможно ближе къ своему докладу 1903 г., а защитнику г. Стесселя естественно отрицать существованіе крѣпости, ибо разъ доказано, что Портъ-Артурсъ не былъ крѣпостью, «юридическая природа» обвиненія въ «сдачѣ крѣпости» сама собою разрушается и падаетъ. Однако, каковы бы ни были побужденія чловѣка, обстановка гласнаго и состязательнаго процесса полагаетъ извѣстный предѣлъ фантазіи; при условіяхъ гласнаго и состязательнаго процесса нельзя отрицать факты, для всѣхъ безспорные и очевидные; и нельзя утверждать то, что очевидно и безспорно для всѣхъ не существуетъ. И разъ гг. Стессель и Куропаткинъ, разошлись не такъ ужъ далеко другъ отъ друга, значить основательность спора, былъ Портъ-Артурсъ крѣпостью или не былъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію.

И такъ, была «боевая единица» Портъ-Артурсъ неопредѣленнаго и спорнаго съ точки зрѣнія военной науки типа. Какого именно, мы такъ же не знаемъ, какъ не знаемъ, что такое вооб-

*) Изъ доклада государственнаго контролера генерала Лобко; цит. по «Рѣчи», 30 декабря 1907.

**) «Рѣчь», 7 декабря 1907.

***) Рѣчь, 24 января 1908.

ще Россія,—самодержавное государство или конституціонное, или рядъ автономныхъ генераль-губернаторствъ, лишь до поры до времени, механически, по инерціи, подчиняющихся центру. Есть возможность отстаивать и то, и другое, и третье опредѣленіе. Есть возможность и отвергнуть ихъ. И это сходство вовсе не случайно.

Кому подчинялся Портъ-Артуръ во время осады? Надо полагать, главнокомандующему Куропаткину. По крайней мѣрѣ, Куропаткинъ отдалъ приказъ генералу Стесселю оставить Портъ-Артуръ, генералу Смирнову—принять на себя права и обязанности «коменданта осажденной непріателемъ крѣпости». Однако, тотъ же г. Куропаткинъ жаловался на судѣ, что онъ собственно ничего толкомъ не зналъ о Портъ-Артурѣ, такъ какъ «всѣмъ этимъ вѣдалъ штабъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ генерала Алексѣева»... Словомъ, ни г. Куропаткинъ, ни г. Стессель, ни г. Смирновъ не знали, кому собственно подчиненъ Портъ-Артуръ. И никто до сихъ поръ этого не знаетъ. А портъ-артурскія войска не знали, кто собственно ими въ правѣ командовать.

Правда, по распоряженію главнокомандующаго начальникомъ Портъ-Артура назначенъ былъ генералъ Смирновъ. Но вотъ свидѣтельское показаніе подполковника Голованя: «13 іюня (1904 г.) пришла въ Портъ-Артуръ джонка изъ Чифу, привезла шифрованные телеграммы. Въ началѣ осады я дешифровалъ ихъ одинъ. Сталъ дешифровать и эти. Одна изъ нихъ оказалась адресованной на имя генерала Смирнова. Содержаніе ея было таково: «5 іюня мною послана генералу Стесселю телеграмма слѣдующаго содержанія: такъ какъ командованіе укрѣпленнымъ райономъ окончилось, и вы вошли въ крѣпость, то, согласно и съ мнѣніемъ намѣстника, предлагаю вамъ сдать на основаніи положенія объ управленіи крѣпостями, особенно ст. 57, командованіе крѣпостью коменданту ея (т. е. генералу Смирнову) и прибыть выбраннымъ вами путемъ, напримѣръ, на миноносцѣ, въ маньчжурскую армію, гдѣ при первой возможности вы займете положеніе командира корпуса. *Куропаткинъ*». Я, — продолжалъ г. Голованъ, — отнесъ эту телеграмму полковнику (нынѣ генералу) Рейсу и спросилъ, что дѣлать, нести ли ее Стесселю. Онъ сказалъ, что отнесетъ самъ. Черезъ нѣсколько времени Рейсъ пришелъ и сказалъ, что эту телеграмму Стессель велѣлъ считать не полученной» *). Намъ еще придется вернуться къ этому цѣнному показанію г. Голованя, видимо не подозревающаго, какъ онъ охарактеризовалъ не только гг. Рейса и Стесселя, но и самого себя. Здѣсь же отмѣчу лишь, что свидѣтелю былъ на судѣ въ упоръ поставленъ вопросъ:

— Вы не ошибаетесь, что дешифрованная вами телеграмма

*) „Рѣчь“, 7. XII. 1907.

главнокомандующаго, которую вы вручили Рейсу для передачи Стесселю, была адресована именно Смирнову?

— Не ошибаюсь, — твердо отвѣтилъ г. Головань. — Я велъ дневникъ. Тамъ все записано...

Дневникъ былъ представленъ. И страницы его, оглашенные на судѣ, вполне подтвердили показаніе г. Голованя. Съ своей стороны, и г. Куропаткинъ подтвердилъ, что генераль Стессель вполне сознательно не подчинился приказанію и не передалъ власти г. Смирнову. Высшее военное начальство было объ этомъ вполне освѣдомлено. Но даже самъ г. Куропаткинъ продолжалъ сноситься съ г. Стесселемъ, какъ съ главнымъ командиромъ Портъ-Артура. И единственное резонное объясненіе этой загадки заключается въ слѣдующихъ словахъ бывшаго главнокомандующаго, сказанныхъ передъ судомъ:

— Смирновъ могъ арестовать Стесселя, если бы увидѣлъ, что дѣйствія его клонятся во вредъ дѣлу...

Вотъ если бы подчиненные проявили инициативу и взяли на себя отвѣтственность, г. Куропаткинъ, глядя по обстоятельствамъ, можетъ быть, осудилъ бы ихъ, можетъ быть, похвалилъ бы. Но чтобы главнокомандующій настаивалъ на точномъ выполненіи своихъ приказовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они крайне важны и крайне отвѣтственны, — съ какой стати? «Положеніе было трудное», — сознавался на судѣ г. Куропаткинъ. Оно было трудное по существу, — ибо отъ выбора того или иного начальника въ значительной мѣрѣ зависѣла судьба осажденной «крѣпости», относительно которой ни военное министерство, ни штабъ намѣстника, ни главнокомандующій не знали, въ какой мѣрѣ она «обороноспособна», и какъ снабжена провіантомъ.

— Поступить рѣшительно, удалить Стесселя, назначить Смирнова, — а вдругъ завтра катастрофа... Богъ его знаетъ, какой оборотъ приметъ дѣло. Пожалуй, придется за свою рѣшительность быть въ отвѣтѣ...

«Положеніе было трудное» и по многимъ закулиснымъ соображеніямъ. Генераль Стессель — портъ-артурскій старожилъ. Наравнѣ съ министромъ Куропаткинымъ и съ намѣстникомъ Алексѣевымъ, онъ былъ ближайше причастенъ къ сооруженію «первоклассной твердыни, способной отразить всю японскую армію». И уже одно это служило порукой, что г. Стессель «въ случаѣ чего» сошлется на злобу стихій, на Божью волю, такъ или иначе найдеть причину всѣхъ бѣдъ въ какомъ-либо «постороннемъ вѣдомствѣ», но не будетъ колоть глаза грѣхами прошлаго. Г. Смирновъ — человекъ новый въ Портъ-Артурѣ. И уже по одному этому, ему вполне естественно «въ случаѣ чего» сослаться именно на чужіе грѣхи, о размѣрѣ которыхъ сами грѣшники не имѣли точныхъ свѣдѣній. Характерно, въ моментъ капитуляціи въ Портъ-Артурѣ оказалось

гораздо больше солдатъ, чѣмъ предполагало начальство. Сами портъ-артурцы, собравшись вмѣстѣ передъ побѣдителями-японцами, искренно изумлялись:

— Однако, какъ насъ много... Вотъ неожиданность!..

Запасъ снарядовъ и продуктовъ былъ значительно ниже «предусмотрѣнной законами нормы». Но все же ихъ къ моменту сдачи оказалось гораздо больше, чѣмъ предполагалъ самъ г. Стессель. Могло быть хуже. Можно было нагрѣшить больше. Но именно эта неосвѣдомленность о размѣрѣ грѣховъ и заставляла особенно бояться укоровъ и разоблаченій, естественныхъ со стороны челоуѣка новаго и къ грѣхамъ ближайше непричастнаго.

— Назначишь Смирнова, а онъ вдругъ такое отрапортуетъ, что мѣръ ахнутъ...

Не трудна и не сложна была лишь юридическая, такъ сказать, бумажная сторона дѣла. На бумагѣ значилось, что есть крѣпость Портъ-Артуръ, и есть Портъ-Артурскій укрѣпленный районъ. Комендантомъ «крѣпости» былъ генералъ Смирновъ. Начальникомъ «района» — генералъ Стессель. Съ переходомъ «района» къ японцамъ высшее командованіе по закону должно было перейти къ генералу Смирнову. Но ген. Стессель былъ съ этимъ несогласенъ и продолжалъ командовать. Молчаливо признавая этотъ беспорядокъ, главнокомандующій принималъ на себя и долю отвѣтственности за него. И приказъ ген. Куропаткина 5 іюня представляетъ въ сущности лишь формальное доказательство, что «власть главнокомандующаго не бездѣйствовала». Она напомнила о «положеніи объ управленіи крѣпостями», поддержала «прямой смыслъ закона» «мнѣніемъ намѣстника», написала мотивированное «предлагаю вамъ... прибыть, напр., на миноносцѣ»... Генералъ Куропаткинъ обезпечилъ себѣ ретираду даже на тотъ случай, если бы «миноносецъ» съ ген. Стесселемъ попалъ въ руки японцевъ:

— Конечно, исполненіе приказа подвергало ген. Стесселя риску... Но, вѣдь, главнокомандующій былъ лишь слѣпымъ исполнителемъ закона... При томъ же «согласно и съ мнѣніемъ намѣстника»...

Правда, во власти главнокомандующаго было не ставить генерала Стесселя передъ необходимостью выбора: либо рискъ путешествія на миноносцѣ, либо рискъ неподчиненія приказу. Плохъ или хорошъ ген. Стессель, но онъ былъ старшимъ генераломъ; ген. Смирновъ ему подчинялся, какъ «начальнику района». Когда районъ исчезъ, главнокомандующій могъ назначить ген. Стесселя «комендантомъ крѣпости», опредѣливъ ген. Смирнову какую-либо другую роль. Но, вѣдь, это значить дѣлать опредѣленный шагъ, брать на себя отвѣтственность за выборъ начальника въ столь исключительно важномъ, по условіямъ русско-японской войны, стра-

тегическомъ пунктѣ, какъ Портъ-Артуръ. Не благоразумиѣе ли стоять на почвѣ status quo и умыть руки.

Тутъ невольно напрашивается цѣлый рядъ аналогій. Достаточно напомнить одно изъ послѣднихъ мѣропріятій бывшаго министра народнаго просвѣщенія г. Кауфмана. Кто-то изъ низшихъ начальниковъ не рѣшился взять на свою отвѣтственность рѣшеніе вопроса, — что дѣлать, если на студенческихъ сходкахъ будутъ произноситься несоотвѣтствующія рѣчи. Онъ попросилъ руководящихъ указаній отъ министра. Министръ уклонился и перенесъ дѣло въ совѣтъ министровъ. Совѣтъ министровъ въ свою очередь не рѣшился. И въ результатѣ вызвавшій большія пренія приказъ о надворѣ черезъ «довѣренныхъ лицъ» за студенческими сходками, а отвѣтственность за его моральное несоотвѣтствіе строю высшей школы «представители исполнительной власти» съ себя сложили. Но оставимъ пока аналогіи и возвратимся къ Портъ-Артуру.

Высшее начальство оттолкнуло отъ себя рѣшеніе трудной и отвѣтственной задачи. Формальная же депеша главнокомандующаго генералу Смирнову, прежде чѣмъ дойти по адресу, попадаетъ въ портъ-артурскую регистратуру. И здѣсь съ почти буквальной точностью повторяется разсказъ кн. С. Д. Урусова о кишиневскомъ полиціе-мейстерѣ полковникѣ Рейхартѣ. Кн. Урусовъ, какъ губернаторъ, приказывалъ не допускать еврейскаго погрома. А полковникъ Рейхартъ колебался, какъ понимать губернаторскія приказанія, — по ихъ буквальному смыслу, или въ видѣ намека, обязывающаго къ совершенно противоположнымъ дѣйствіямъ? И если по буквальному смыслу, то соотвѣтствуетъ ли губернаторская политика видамъ и предположеніямъ высшаго правительства? *). Офицеръ генеральнаго штаба Головань, безъ сомнѣнія, прекрасно понимавшій, къ чему его обязываетъ законъ и долгъ дисциплины, вдругъ усумнился:

— Конечно, разъ главнокомандующій адресовалъ депешу генералу Смирнову, значитъ, её и нужно передать генералу Смирнову. Это законъ. Это долгъ дисциплины. Но, соотвѣтствуетъ ли буквальный смыслъ адреса истинному намѣренію главнокомандующаго? И если да, то соотвѣтствуютъ ли намѣренія главнокомандующаго видамъ высшаго правительства? Не слѣдуетъ ли предварительно доложить г. Рейсу или даже самому г. Стесселю, какъ лицамъ, болѣе освѣдомленнымъ?

Г. Головань рѣшилъ эти вопросы такъ. Другой на его мѣстѣ, быть можетъ, рѣшилъ бы иначе. Но во всякомъ случаѣ, одинъ изъ основныхъ вопросовъ всякой кампаніи, — о выборѣ начальствующихъ важнѣйшими стратегическими пунктами — оказался рѣшеннымъ, поскольку дѣло шло о Портъ-Артурѣ, регистратурой. Вѣрнѣе, — онъ рѣшенъ не столько регистратурой, сколько боязнью регистраторовъ

*) См. «Записки губернатора» кн. С. Д. Урусова, стр. 109—111.

поступить съ важною депешей по закону,—передать ее по указанному главнокомандующимъ адресу. И вотъ еще характерная черта. Генераль Стессель предпочелъ сокрытіе офіціального документа и самовольное присвоеніе власти риску путешествія на миноносцѣ. Но черезъ два мѣсяца послѣ преступнаго сокрытія іюньской депеши г. Куропаткина г. Стессель былъ награжденъ чиномъ генераль-адъютанта и орденомъ св. Георгія 3 степени *). Ему даже предоставлено было одновременно съ столь важными наградами право награждать по своему выбору другихъ, приличествующее званію коменданта осажденной крѣпости. И все-таки настоящимъ комендантомъ, отвѣтственнымъ по закону за судьбу Портъ-Артура, высшее военное начальство продолжало считать г. Смирнова. Въ качествѣ отвѣтственнаго коменданта г. Смирновъ и былъ преданъ суду за непріятіе мѣръ противъ самовольныхъ и преступныхъ дѣйствій г. Стесселя. То-есть, говоря конкретно, г. Смирнову ставится въ вину, что онъ не арестовалъ г. Стесселя и не предалъ, по праву коменданта, военному суду. Генераль же Смирновъ, по его словамъ, лишь на судѣ, въ концѣ 1907 г., узналъ о существованіи адресованнаго на его имя 5 іюня 1904 г. приказа главнокомандующаго. И хотя обращался во время осады къ высшему начальству черезъ нарочито отправляемыхъ изъ Портъ-Артура офицеровъ съ келейною просьбою выяснить его, комендантскія, права и обязанности, «но,—говоритъ г. Смирновъ,—въ отвѣтъ на это я видѣлъ награжденіе генерала Стесселя и предоставленіе ему права награждать другихъ». Высшее начальство осталось до конца вѣрно своей боязни сдѣлать тотъ или другой, но рѣшительный шагъ. И портъ-артурцы съ жалобами на г. Стесселя шли къ коменданту Смирнову, съ жалобами на г. Смирнова шли къ командиру никому неизвѣстнаго и никакими законами объ осажденныхъ крѣпостяхъ непредусмотрѣннаго ранга,—къ г. Стесселю. Оба командира отдавали противорѣчащія другъ другу приказы. «Были на ножахъ». Угрожали другъ другу арестомъ, Подчиненные старались подчиняться и коменданту и Стесселю. Получалась анархія, невыносимая и преступная. Но для людей, которые не знаютъ, что дѣлать, которые органически боятся рѣшительныхъ и опредѣленныхъ шаговъ, портъ-артурская анархія была не лишена извѣстныхъ удобствъ.

Изъ такихъ людей, бывшихъ въ Портъ-Артурѣ, едва ли не первое мѣсто надо отвести генералу Стесселю. Онъ «начальникъ района». Онъ очень, даже черезчуръ, рѣшителенъ, когда дѣло касается вещей, по его мнѣнію, пустяковыхъ. Но японцы уже начали высадку. Возникаетъ спорный и отвѣтственный вопросъ: защищать или не защищать Цзиньчжоу. Не защищать,—скажутъ, пожалуй,

*) Скрытый г. Стесселемъ приказъ главнокомандующаго полученъ въ Портъ-Артурѣ 13 іюня. Пожалованіе г. Стесселю ордена св. Георгія 3 степени состоялось 14 августа.

что «начальникъ района» нигде не годится. А если защищать, Богъ знаетъ, что могутъ подумать «военные авторитеты». И вотъ генералу Фоку отдается строгій приказъ: оказать «самую упорную оборону». Но при этомъ генералъ Фокъ не получаетъ сколько-нибудь точныхъ указаній.

Генералъ Фокъ «обязанность руководить обороной Цзиньчжоу возложилъ на подчиненнаго ему бригаднаго командира, а этотъ послѣдній предоставилъ всѣмъ распоряжаться командиру полка» *). О диспозиціи, о руководящихъ указаніяхъ рѣшительно никто не позаботился. И въ разгаръ боя никто не зналъ даже, гдѣ находится генералъ Фокъ, и какъ отъ него получить приказаніе.

«Объясните же вашу роль во время боя при Цзиньчжоу, — спросилъ у г. Фока членъ суда бар. Остенъ-Сакенъ. — Опредѣлили вы (хоть) мѣсто, гдѣ васъ найти?

— Дѣйствуй, какъ знаешь. «Въ случаѣ чего», начальникъ обороны можетъ отвѣтить двояко. Либо: неужели вы думали, я предприму серьезный бой на такой позиціи, какъ Цзиньчжоу? конечно, это была лишь демонстрація. Либо: я прекрасно понимаю значеніе Цзиньчжоу; смотрите, — въ моемъ приказѣ рѣчь идетъ о «самой упорной оборонѣ».

— Ничего я не опредѣлялъ, — отвѣтилъ г. Фокъ. — Я поручилъ командованіе...

При томъ же относительно необходимости оборонять Цзиньчжоу г. Фокъ держался особаго мнѣнія.

— Правда ли, — обратился тотъ же бар. Остенъ-Сакенъ съ вопросомъ къ коменданту Смирнову, — будто ген. Фокъ велѣлъ вамъ передать, что оборонять Цзиньчжоу не станетъ ни одинъ порядочный человѣкъ?..

— Да, приблизительно въ такихъ словахъ мнѣ передано было мнѣніе генерала Фока.

— А сообщали ли вы объ этомъ генералу Стесселю?

— Нѣтъ. Цзиньчжоу — это въ укрѣпленномъ районѣ, а не въ крѣпости **)...

Въ самомъ дѣлѣ, — за «укрѣпленный районъ» генералъ Смирновъ формально не отвѣтствуетъ. Правда, тотъ или иной исходъ событій въ «укрѣпленномъ районѣ» предрѣшаетъ судьбу «Портъ-Артура». Но если комендантъ станетъ углубляться въ эту матерію, то, вѣдь, ояъ долженъ будетъ рѣшать вопросъ по существу, брать на себя отвѣтственность, если не за свои дѣйствія, то за свои мнѣнія. Однако, японцы начинаютъ свое побѣдоносное наступленіе къ самому Портъ-Артуру. Формальная отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ военныхъ событій падаетъ уже не на командующаго

*) «Рѣчь» 1 декабря 1907.

**) „Рѣчь“, 4 декабря 1907.

укрѣпленнымъ райономъ, а на коменданта. И тутъ происходитъ между прочимъ, слѣдующее:

1) Гражданскій комиссаръ Квантунской области подполковникъ Вершининъ торопится спасти выѣпортартурскій складъ медикаментовъ и санитарныхъ средствъ. Ихъ спѣшно грузятъ въ вагоны для отправки въ Портъ-Артуръ. Но это замѣчаетъ ген. Стессель и лично приказываетъ: «выбросить вонъ»,—прямо на землю, подъ проливной дождь *). То есть г. Стессель лишилъ коменданта цѣлаго транспорта медицинскихъ принадлежностей, которыя осажденному Портъ-Артuru приходилось цѣнить на вѣсъ золота.

2) Во время осады, разумѣется, требовалась усиленная дѣятельность санитаровъ. Но ассенизаціонный обозъ былъ «расформированъ». Затѣмъ г. Стессель лишилъ «гражданское управленіе» средствъ на содержаніе санитарной части. И сверхъ того, приказалъ въ каждомъ дворѣ вырыть яму для свалки нечистоты. Къ счастью, многие жители догадались, что дѣло можетъ окончиться отравленіемъ колодезей съ подпочвенною питьевою водой. И послѣдній приказъ остался не исполненнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, мѣропріятія генерала Стесселя угрожали коменданту массовымъ развитіемъ эпидемическихъ заболѣваній въ осажденной крѣпости **).

3) По словамъ подполковника Вершинина, уловъ рыбы могъ дать Портъ-Артuru, очень скудно снабженному провіантомъ, большое подспорье. Обычно сезонъ лова даетъ «нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ». Но когда наступило время улова, «рыбакамъ-китайцамъ строжайше запретили выходить въ море»; «ихъ лодки были вытащены на берегъ, на нихъ срублены мачты, и прорублены днища». А когда рыболовная спастъ была такимъ способомъ уничтожена, и когда время улова прошло, генераль Стессель разрѣшилъ ловить рыбу, но при этомъ назначилъ чрезмѣрно-высокую таксу на разные предметы,—напр., ресторанной торговли и чрезмѣрно низкую на рыбу,—то есть постарался сдѣлать невозможной ловлю съ цѣлями продаж. Такимъ образомъ, ген. Стессель предпринялъ мѣры, лишившія коменданта того подспорья, какое могъ получить осажденный и скудный провіантомъ Портъ-Артуръ отъ моря ***).

4) Когда началась осада, крѣпости, дѣйствительно, не было, да и не могло быть. Въ ея высочайше утвержденныхъ штатахъ (изданы въ октябрѣ 1903 г.) по какой-то роковой забывчивости совершенно не упоминалось объ инженерномъ управленіи. И хотя портъ-артурское начальство, не имѣя инженеровъ, изрядно волновалось, что нельзя приступить къ постройкѣ крѣпостныхъ сооружений, по указанію высшимъ властямъ на столь скандальную оплошность, видимо, никто не рѣшался. «Крѣпостное инженерное управ-

*) „Рѣчь“, 13 января 1903.

**) Показаніе подполков. Вершинина, см. „Рѣчь“, 12 декабря 1907.

***) Показаніе подполков. Вершинина, „Рѣчь“, 11 января 1908.

леніе въ Портъ-Артурѣ, по словамъ полковника Хвостова, сформировали (тайно, вопреки высочайше утвержденнымъ штатамъ), уже когда началась война, но объ этомъ никакого приказа не было, и оно существовало всю осаду неофициально*)). Коменданту пришлось на слѣхъ во время осады строить укрѣпленія. «Но когда—жаловался на судѣ г. Смирновъ,—понадобились деньги для расплаты съ рабочими за постройку верковъ, ген. Стессель грубо отказалъ въ выдачѣ ассигновки... Онъ приказалъ прекратить работы на второй линіи обороны, которой я придавалъ огромное значеніе». Правда, потомъ ген. Стессель разрѣшилъ производить эти работы, но уже тогда, когда надлежало укрѣпить вторую линію не было ни времени, ни возможности. «Онъ расходовалъ боевые запасы, продовольствіе, инженерные матеріалы безъ всякаго сношенія со мною, комендантомъ, и тѣмъ путалъ всѣ мои расчеты». «Жандармскому полковнику Микеладзе онъ гровилъ арестомъ за то, что тотъ напомнилъ домашнимъ генерала Стесселя о моемъ обязательномъ постановленіи закрывать огни въ домѣ по вечерамъ, чтобъ по нимъ не могли ориентироваться блокирующія насъ японскія суда»... «Я перевелъ Дальнинскую больницу изъ-подъ огня, а ген. Стессель, провѣдавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ водворить ее обратно»... Вообще,—сдѣлалъ на судѣ выводъ г. Смирновъ,—распоряженія ген. Стесселя способствовали болѣе успѣху осаждающихъ, чѣмъ успѣху осажденныхъ **).

Эти четыре пункта я привожу въ видѣ примѣра. Я старался формулировать ихъ возможно точнѣе, поскольку могъ разобраться въ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Не все тутъ ясно. Для меня лично неясно, напр., по чьему собственно распоряженію былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ осады ассенизаціонный обозъ, и кто приказалъ испортить рыбачьи лодки. Формулируя эти пункты, я счелъ возможнымъ опредѣленно называть ген. Стесселя лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ, судя по газетнымъ рефератамъ, не опровергалъ и не пытался опровергать уличающія его показанія. Во всякомъ случаѣ, выводъ г. Смирнова не голословенъ; онъ вполне соответствуетъ фактическимъ обстоятельствамъ дѣла. Не послѣ паденія «крѣпости» и не на судѣ только, комендантъ Смирновъ пришелъ къ убѣжденію, что ген. Стессель своими мѣрами вредилъ русской арміи и помогалъ японской. По его словамъ, онъ видѣлъ это во время самой осады. И не могъ не видѣть. Но видя и понимая это, онъ «не посылалъ письменныхъ докладовъ главнокомандующему», а ограничивался устными черезъ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ могъ заявить, что снимаетъ съ себя отвѣтственность, и почему снимаетъ. Но онъ, ви-

*) „Рѣчь“, 11 декабря 1907.

**) „Рѣчь“, 11 декабря 1907. Жандармскаго полковника Микеладзе ген. Стессель сослалъ въ Ляотешань.

дите ли, «старый кадетъ» и «не хотѣлъ выносить сора изъ избы». И его защитникъ лишь поставилъ точку надъ і, когда произнесъ на судѣ рѣчь, смыслъ которой сводился къ тому, что хотя г. Смирновъ и былъ комендантомъ, но подлежитъ оправданію, ибо во всемъ виноватъ ген. Стессель. Въ сущности комендантъ чувствовалъ себя такъ же, какъ и неизвѣстно кому подчиненные инженеры неофициально существовавшего портъ-артурскаго крѣпостного инженернаго управленія. Повидимому, такъ же чувствовали себя и военные цензора портъ-артурской газеты «Новый Край». Сообразно общей анархіи въ Портъ-Артурѣ, газету одновременно цензурировали и въ штабѣ ген. Стесселя, и въ штабѣ г. Смирнова. Когда на судѣ ген. Стессель сталъ говорить, что онъ вынужденъ былъ приостановить газету, такъ какъ въ ней появлялись замѣтки, помогавшія, по его мнѣнію, японцамъ узнавать крѣпостные секреты, бар. Остенъ-Сакенъ задалъ ему вопросъ:

— Вы знали, что газета цензурируется у васъ въ штабѣ?

— Только я самъ не читалъ,—отвѣтилъ г. Стессель.

— Ну, а инструкцію вы дали для этой цензуры?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, первый отвѣтчикъ—вашъ цензоръ.

— Не могу знать,—сказалъ г. Стессель и сѣлъ подѣ легкой смѣхъ въ публикѣ *).

Цензура г. Стесселя была подобна составителямъ проекта портъ-артурскихъ крѣпостныхъ штатовъ. Она возлагала надежды на цензуру коменданта. Цензура коменданта на цензуру г. Стесселя. И въ результатѣ даже такая мелкая задача, какъ цѣлесообразное расходование казенныхъ красныхъ чернилъ, рѣшалась въ порядкѣ уклоненія отъ обязанности соображать, что дѣлаешь, и отвѣчать за содѣянное. Положеніе, и безъ того трудное и сложное, день ото-дня становилось сложнѣе и труднѣе. Наступалъ моментъ, когда отъ японскихъ снарядовъ не былъ гарантированъ ни одинъ уголокъ Портъ-Артурскаго. Въ концѣ ноября или въ началѣ декабря—приблизительно недѣли за 3 или 4 до финала—«генеральша Стессель приступила къ укладкѣ вещей», «изъ 14 полка были потребованы слесаря и плотники»; «70 мѣстъ вещей генерала Стесселя были запакованы такъ, что могли выдержать не одно кругосвѣтное путешествіе **). «Вещи запакованы». Но военный совѣтъ, созданный г. Стесселемъ, не высказался за сдачу Портъ-Артурскаго. Начальнику несуществующаго «укрѣпленнаго района» пришлось таки въ концѣ концовъ предпринять отвѣтственный шагъ: тайкомъ отъ коменданта онъ началъ переговоры о капитуляціи. Но характерно: прежде чѣмъ переговоры привели къ тому или иному результату по приказу, неизвѣстно отъ кого исхо-

*) «Рѣчь», 12 декабря 1907.

**) Указаніе полковн. Тыртова, «Рѣчь», 16 января 1908 г.

дившему, русскія войска стали очищать важнѣйшія изъ занимаемыхъ ими въ то время позицій. Неизвѣстно, по чьей инициативѣ, но «крѣпость» умышленно приводилась въ такой видъ, при которомъ переговоры о сдачѣ являлись дѣломъ не столько отвѣтственнымъ, сколько неизбежнымъ. И еще характерная деталь, — даже при посылкѣ уполномоченныхъ для окончательнаго оформленія условій капитуляціи, въ Портъ-Артурѣ никого не нашлось, кто былъ бы обязанъ дать инструкцію, выработать тѣ или другія опредѣленные предложенія, которыя можно было бы положить въ основу переговоровъ. Уполномоченные російской арміи просто явились въ назначенное мѣсто. И съ удивившей японцевъ пассивностью приняли и подписали условія побѣдителя.

«Судьбой гражданскаго населенія Портъ-Артура генераль Стессель вообще не интересовался», по отзыву подполковника Вершинина. И потому естественно, что интересы гражданскаго населенія при подписи условій капитуляціи были совершенно забыты. Но офицеры, уполномоченные г. Стесселемъ, ухитрились забыть даже о семьяхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. «Капитуляція не обезпечила семьямъ солдатъ ни квартиру, ни продовольствія». Тотчасъ послѣ сдачи «крѣпости» онѣ были выселены изъ казенныхъ квартиръ и лишены продовольствія. «Женщины и дѣти буквально голодали, — говорилъна судѣ подполковникъ Вершининъ. — Онѣ плакали, рыдали, умоляли меня помочь имъ. Я обратился къ японцамъ. Тѣ пожимали плечами и говорили, что виноваты не они, а русскій начальникъ, не предусмотрѣвшій этого въ условіяхъ капитуляціи». «Жены (и дѣти) офицеровъ очутились не въ лучшемъ положеніи». Онѣ получили отъ японцевъ приказаніе отправиться къ мужьямъ за 19 верстъ. Но пройти пѣшкомъ 19 верстъ съ дѣтьми и имуществомъ было имъ не подъ силу. Перевозочныхъ же средствъ ве было. И онѣ также плакали, умоляя помочь имъ. Я обратился къ японской администраціи, но мнѣ отвѣтили, что объ этомъ должны были позаботиться русскіе военачальники» *). Г. Стессель «былъ египторомъ церкви штаба крѣпости». Но забылъ, что надо поставить условіе хотя бы о церковномъ имуществѣ. Когда же священникъ церкви, о. Глаголевъ, спросилъ указанія генерала Стесселя, что дѣлать, то получилъ въ отвѣтъ: дѣлайте, что хотите» **). Забыто было о существованіи въ Портъ-Артурѣ Русско-Китайскаго банка. И если не ошибаюсь, до сихъ поръ еще не рѣшенъ дипломатическій вопросъ, — казенный это банкъ или частный, принадлежит ли японцамъ вся наличность, оказавшаяся въ моментъ капитуляціи, или не принадлежитъ; по крайней мѣрѣ, на судѣ выяснилось, что споръ о хранившихся въ банкѣ портъ-артурскихъ общественныхъ суммахъ (около 300.000 р.) доселѣ не оконченъ. Забыто было даже.

*) „Рѣчь“ 11 января 1908 г.

***) Показаніе полковн. Гыртова, „Рѣчь“, 16 января 1908.

кто собственно выдастъ послѣ капитуляціи военно-плѣннымъ солдатамъ документы, удостовѣряющіе ихъ личность. «Пришлось это дѣлать мнѣ,—говоритъ подполковникъ Вершининъ,—хотя я и считался военноплѣннымъ. А когда я уѣзжалъ изъ Артура, то оставилъ кипу такихъ подписанныхъ мною удостовѣреній женѣ санитарнаго инспектора г-жѣ Субботиной, которая и взяла на себя трудъ выдачи ихъ»). *)

Это не значитъ, что г. Стессель обо всемъ забылъ и ни о чемъ не заботился. Его, напримѣръ, очень волновалъ вопросъ, «куда спрятать золотыя вазы», лично «осмотрѣнными бывшимъ военнымъ министромъ Куропаткинымъ». «На вопросъ председателя, откуда эти вазы взялись, генералъ Стессель отвѣтилъ, что онѣ были взяты во время пекинскаго похода въ одной богатой китайской фанзѣ». Характерно, между прочимъ, — по словамъ г. Стесселя, эти «трофеи» министръ Куропаткинъ лично «распредѣлялъ по различнымъ офицерскимъ собраніямъ въ Портъ-Артурѣ». Министръ, который лично распредѣлялъ вазы, но забылъ, что для постройки «крѣпости», гдѣ эти вазы находятся, нужны инженеры, трогательно соответствуетъ офицерамъ, подписавшимъ условія портъ-артурской капитуляціи. Чрезвычайно заботился также г. Стессель о судьбѣ какого-то ковра, забытаго намѣстникомъ Алексѣевымъ. И по особому ходатайству г. Стесселя на судѣ «было оглашено письмо г. Алексѣева супругѣ подсудимаго съ благодарностью за доставку означеннаго ковра и съ возвращеніемъ 12 рублей за его пересылку». Возможно, что этою заботливостью г. Стесселя отчасти объясняется характерный эпизодъ, рассказанный на судѣ подполковникомъ Вершининымъ.

Свидѣтель выхлопоталъ у генерала Ноги 18 арбъ для офицерскихъ женъ и дѣтей. «Но черезъ нѣсколько часовъ,—говоритъ онъ,—ко мнѣ явились два японскихъ офицера и, извиняясь, объявили, что произошло измѣненіе, такъ какъ генералъ Стессель просилъ предоставить часть этихъ 18 арбъ ему, а генералъ Ноги не считъ возможнымъ въ этомъ отказать, и предоставилъ изъ 18 арбъ 10 въ распоряженіе Стесселя» **).

Въ самомъ дѣлѣ, добавочныя арбы именно потому и могли понадобиться, что нельзя же бросать вещи, на которыхъ въ данный моментъ было сосредоточено все вниманіе г. Стесселя.

II.

До суда высказывалась догадка о возможности прямой измѣны. Какъ бы намекъ на эту догадку сквозилъ и на судѣ въ показа-

*) «Рѣчь», 11 января 1908.

**) «Рѣчь», 11 января 1908.

ни нѣкоторыхъ свидѣтелей, говорившихъ, что распоряженія Стесселя казались странными и загадочными. И это объясненіе было бы самымъ простымъ и наиболее понятнымъ обывателю. Но оно настолько противорѣчитъ характеру дѣйствующихъ лицъ, такъ не сообразуется съ психологіей среды, что намеки на измѣну хотя и звучали, но не были подхвачены. Они ужъ слишкомъ упрощали дѣло. И вполне основательно отвергнуты.

Не такъ давно нѣкто г. Брутъ началъ въ «Новомъ Времени» систематическую кампанію противъ главнаго инженера морской артиллеріи генерала Бринка. Кампанія ведется очень тонко. Въ статьяхъ г. Брута вполне выдержанъ тонъ разоблаченія вообще не порядковъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Авторъ лишь попутно сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о г. Бринкѣ. И если останавливается на этихъ свѣдѣніяхъ, то какъ бы лишь для иллюстраціи. Читатели, однако, постепенно узнаютъ, и кто такой г. Бринкъ, и что онъ такое, и какія у него родственныя связи съ администраціей (Обуховскаго завода. И когда послѣ систематическихъ упоминаній о генералѣ Бринкѣ г. Брутъ пишетъ о «сплоченной массѣ министерскихъ дѣльцовъ, орудовавшихъ всѣмъ дѣломъ до разгрома флота и рѣшительно не желающихъ выпустить его изъ своихъ рукъ и теперь» *), читатель уже достаточно подготовленъ, куда указать пальцемъ.

Надо отдать справедливость г. Бруту, факты, собранные имъ, прямо таки убійственны. Вотъ, напр., рассказъ о томъ, какъ г. Бринкъ изобрѣлъ 10-дюймовую пушку для флота. По проекту орудіе «получилось на 400 пудовъ легче сухопутнаго. Эту легкость Бринкъ ставилъ себѣ въ большое преимущество... Но когда дѣло дошло до испытанія орудія стрѣльбою, то пушки Бринка стали рваться одна за другой. Разумѣется, Бринкъ обвинилъ въ этой неудачѣ заводскихъ техниковъ (Обуховскаго завода)... Въ концѣ концовъ, послѣ того, какъ успѣло разорваться что-то около десяти пушекъ,... отковка орудій была передана инженеръ-механику Бринку (старшему), отжигъ—инженеръ-технологу Ржевотарскому, промежуточная обточка стволовъ между ковкою ихъ и отжигомъ осталась въ рукахъ инженера Будзинскаго. Послѣ этихъ замѣнъ орудія перестали рваться. Ихъ было изготовлено десять штукъ. Поставили ихъ на броненосцы: «Сенявинъ», «Ушаковъ» и «Апраксинъ». Высшее морское начальство успокоилось... Секретъ же, почему пушки Бринка перестали рваться, очень простъ: «было сдѣлано распоряженіе на эти три корабля настоящихъ боевыхъ зарядовъ никогда не давать, а готовить для нихъ особые уменьшенные заряды. Эти три корабля составили влосчастную эскадру Небогатова, и въ цусимскомъ бою стрѣляли уменьшенными зарядами—вотъ истинная причина, почему снаряды, какъ это было

*) „Новое Время“, 3. II. 1908.

установлено на судебномъ разбирательствѣ, не долетали до неприятеля *).

Кромѣ того, морскимъ министерствомъ «были куплены у французскаго инженера Канэ чертежи (скорострѣльныхъ лафетовъ), по указанію Бринка и Сонопкаго, которые признали систему Канэ наилучшею въ Европѣ... Въ 1895 г. новые лафеты были поставлены на «Дмитрій Донской», «Россію», «Спсой Великій». На всѣхъ трехъ корабляхъ было произведено испытаніе ихъ стрѣльбою, и на всѣхъ трехъ судахъ эти лафеты поломались и притомъ совершенно однообразнымъ способомъ... Технической комитетъ морскаго министерства (гдѣ дѣлами орудуетъ Бринкъ и его присные), рѣшилъ, что виноватъ Обуховскій заводъ. На это «одна изъ заводскихъ офицеровъ отвѣтилъ теоретическимъ трактатомъ съ подтвержденіемъ его опытами». Офицеръ доказалъ, что лафетъ Канэ не можетъ выдержать силы отдачи при орудійномъ выстрѣлѣ. «Эту (докладную) записку технической комитетъ спряталъ подъ сукно... Офицеръ, подавшій ее, былъ отставленъ отъ производства въ слѣдующій чинъ». Технической комитетъ распорядился сдѣлать цѣлый рядъ измѣненій, чтобы, между прочимъ, «вредная ломающая сила» отдачи тратилась на движеніе пушекъ послѣ выстрѣла. «Послѣ этого поломки, дѣйствительно, прекратились, но лафеты были совершенно лишены скорострѣльности, потому что послѣ каждаго выстрѣла пушка опускалась, и ее надо было каждый разъ поднимать, что вызывало трату времени... Впрочемъ, на всѣхъ чертежахъ и во всѣхъ отчетахъ продолжали писать по прежнему: «скорострѣльныя пушки»... И начальство было довольно. Само собою разумѣется, что и мѣткость этихъ орудій не могла остаться прежнею, разъ пушка во время выстрѣла продѣлывала *salto-mortale*. Но это еще не все. Въ мирное время нашъ флотъ стрѣлялъ на очень небольшія разстоянія, поэтому пушки передъ выстрѣломъ ставились почти горизонтально, и имъ было много мѣста для движенія кливу. На войнѣ же японцы не пожелали сражаться съ нами на привычныхъ для насъ разстояніяхъ. Для стрѣльбы же дальней, какъ извѣстно, надо придавать орудію большой уголъ, т. е. приходится опускать заднюю часть орудія почти до палубы. При такихъ условіяхъ пушкамъ некуда уже было опускаться во время выстрѣла,—комитетское колдовство потеряло силу и лафеты стали ломаться». И, на примѣръ, во время боя «владивостокскихъ

*) „Новое Время“, 27. I. 1908. Какъ бы вскользь брошенное перечисленіе заводскихъ инженеровъ по фамиліямъ къ дѣлу собственно не относится. Но я оставляю этотъ штрихъ, какъ характерный для автора. Впослѣдствіи г. Меньшиковъ опредѣлилъ смыслъ этихъ штриховъ простымъ упоминаніемъ, что генералъ Бринкъ—полякъ и братъ обуховскаго инженера Бринка. И такимъ образомъ, какъ бы случайно названныя фамиліи Будзинскій, Ржешотарскій послужили посылкой для вывода о польской интригѣ. См. „Новое Время“, 5. II. 1908.

крейсеровъ съ адмираломъ Камимурой... на «Россіи» только двѣ пушки были подбиты японскими снарядами, а *все остальные при-
нуждены были замолчать, потому что лафеты поломались* *)).

Таковы дѣйствія г. Бринка до Цусимы. Но вотъ послѣ войны, и «на основаніи всей совокупности нашего боевого опыта» морское министерство выработало новый типъ 8 и 10-дюймовыхъ орудій. Но тутъ снова на сцену выступаетъ г. Бринкъ и производитъ слѣдующее. «Крейсеръ «Рюрикъ» былъ заказанъ въ Англій Виккерсу вмѣстѣ съ пушками... Затѣмъ, не знаю, — говоритъ г. Брутъ,—по чьей инициативѣ—изготавливаемые для насъ Виккерсомъ пушки были признаны непригодными, и главный инженеръ морской артиллеріи генералъ-маіоръ Бринкъ передалъ Виккерсу для руководства чертежи нашихъ новыхъ 8 и 10-дюймовыхъ орудій. Кто ему это разрѣшилъ, я не знаю, но передачею чертежей дѣло не ограничилось. При испытаніи 8-дюймовыхъ орудій на заводѣ Виккерса выяснилось, что англійскіе снаряды не выдерживаютъ столь большихъ скоростей, у нихъ срываются мѣльные пояски, и они портятъ каналъ орудій. Морской техническій комитетъ тѣмъ же самымъ порядкомъ сообщилъ Виккерсу и секретный способъ задрѣлки этихъ поясковъ, съ большимъ трудомъ выработанный на Обуховскомъ заводѣ» **).

Г. Брутъ не дѣлаетъ вывода. Онъ лишь аргументируетъ. Правда, значеніе послѣдняго, и быть можетъ, наиболѣе сильнаго аргумента ослабляетъ самъ же г. Брутъ простою справкою. Наше морское министерство «на основаніи всей совокупности боевого опыта» изобрѣло не только новые пушки, но и «новые мины, которыя по отзыву отряда минныхъ крейсеровъ, оказались хуже прежнихъ»... Но во всякомъ случаѣ предположеніе объ измѣнѣ, сознательномъ снаряженіи флота орудіями, которыя рвутся, и лафетами, которые ломаются, должно бы напрашиваться само собою. И все-таки общественная мысль, поскольку она отражается въ нынѣшней періодической печати, такъ же не склонна предполагать, что г. Бринкъ измѣнникъ, какъ не склонна считать измѣнникомъ бывшаго военного министра Куропаткина, хотя его забывчивость, что для крѣпости нужы инженеры, странна и загадочна. И оно понятно.

Гг. Бринка и Куропаткина не зачѣмъ защищать. «Но вотъ бѣда: во всемъ нашемъ флотѣ нѣтъ еще ни одного человѣка, который бы зналъ, какъ надо стрѣлять изъ орудій на морѣ въ современномъ бою». Послѣ войны уже три года засѣдаетъ «комиссія изъ всѣхъ судовыхъ артиллеристовъ, вернувшихся съ Востока, для рѣшенія вопроса, какъ нашъ флотъ долженъ стрѣлять». Но она оказалась безсильною что-либо придумать. «Недавно ея пред-

*) «Нов. Вр.», 3. II. 1908.

***) „Новое Время“, 2. II. 1098.

свѣдатель... самъ перефразировалъ правила сухопутной стрѣльбы морскими словами и предложилъ комиссіи утвердить ихъ и дать къ руководству во флотѣ». Но члены комиссіи на столько добросовѣстны, что не согласились отнестись къ дѣлу ужъ слишкомъ формально. А какъ рѣшить вопросъ по существу,—имъ все-таки неизвѣстно *). Вышее флотское начальство настолько технически несвѣдуше, что порой не понимаетъ даже докладовъ, представляемыхъ на его утверженіе. И вынуждено утверждать, не зная и не понимая, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Въ виду этого «бывшій министръ Бирилевъ... заказалъ себѣ резиновые штампы съ разными приличными подписями: «согласенъ съ тѣмъ, что отвѣтственность остается на составителѣ доклада» и т. п. для разныхъ случаевъ и для разныхъ учреждений». «За послѣднія 25 лѣтъ только одинъ вице-адмиралъ Дубасовъ не захотѣлъ подчиниться этой (общей) участи. Онъ сталъ читать всѣ бумаги самъ, читалъ ихъ днемъ, читалъ (дома) ночью, приглашалъ стороннихъ лицъ разъяснять ему непонятныя мѣста и достигъ того, что разстроилъ всѣ дѣла, такъ какъ самыя неотложно-спѣшныя распоряженія залеживались у него недѣли по 3 по 4» **).

Это во флотѣ. Относительно сухопутной арміи я позволю себѣ отмѣтить два эпизода, вскрывшихся на портъ-артурскомъ процессѣ. По общему отзыву, однимъ изъ самыхъ образованныхъ офицеровъ въ Портъ-Артурѣ былъ генералъ Кондратенко. Какъ-то разъ сотрудникъ «Новаго Края» Ножинъ «пріѣхалъ въ расположеніе войскъ генерала Фока».

— Зачѣмъ сюда пріѣхали? — сказалъ ему г. Фокъ. — «Поѣзжайте вонъ туда,—онъ показалъ на правый флангъ, гдѣ были части дивизіи Кондратенка. — Тамъ умники вамъ все расскажутъ»... ***).

Другой эпизодъ, пожалуй, краснорѣчивѣе. Какъ извѣстно, мужское гражданское населеніе Портъ-Артура, безъ различія сословій, должностей и образовательнаго ценза, было привлечено къ отбыванію воинской повинности въ качествѣ «дружинниковъ». Въ число дружинниковъ, наравнѣ съ рабочими, попали учителя, чины судебного вѣдомства и т. п. Однажды, по словамъ подполковника Вершинина, генералъ Стессель «замѣтилъ, что дружинники во время отдыха читаютъ газету. Онъ раскричался на нихъ и... приказалъ (виновныхъ) выпоротъ. Пороли на пожарномъ дворѣ...

— Какъ? даже интеллигентныхъ людей?—спросилъ прокуроръ.

— О раздѣленіи я не слышалъ,—отвѣтилъ г. Вершининъ» ****).

Эта армейская неприязнь къ образованному, къ интеллигентному переносить насъ къ допетровскимъ формуламъ, кото-

*) «Нов. Вр.», 10 января 1908.

***) Ibid.

****) «Рѣчь», 12 декабря 1907.

*****) «Рѣчь», 13 января 1908.

рыми православная Москва старалась унизить и оплевать «еллинскія борзости», «риторскія астрономіи», «богомерзостную геометрію» и всякую вообще «философію». Причину неприязни едва ли нужно долго искать. Она прекрасно изложена въ недавнемъ «циркулярѣ главнаго управленія генеральнаго штаба объ оцѣнкѣ предварительныхъ письменныхъ испытаній офицеровъ, желавшихъ поступить осенью 1907 г. въ Николаевскую академію генеральнаго штаба». По словамъ циркуляра, на испытаніяхъ обнаружено:

«По русскому языку»—слабая грамотность, грубыя орфографическія ошибки, слабое общее развитіе, неумѣнье выражать мысли ясно и сжато, отсутствіе ясности въ мышленіи, недисциплинированность ума; литературное образованіе... необходимо признать ничтожнымъ, недопустимымъ для человѣка, претендующаго хотя бы на какую нибудь интеллигентность...

По исторіи—знаніе историческихъ фактовъ не идетъ дальше учебной книги; совершенно нѣтъ того, что называется историческимъ пониманіемъ и развитіемъ; совершенно дѣтская оцѣнка событий какъ общей, такъ и русской исторіи.

По географіи—слабое общее развитіе и низкій уровень образованія, выразившійся, напр., въ томъ, что большинство офицеровъ не знало, что такое власть исполнительная, и что такое власть законодательная, какая разница между однопалатнымъ и двухпалатнымъ парламентомъ, каково положеніе германскаго императора, какъ государя, и т. д.

По тактикѣ—громадное большинство... ничего, кромѣ учебника, не читало, а многіе какъ будто никогда даже не слышали о послѣдней нашей войнѣ и о тѣхъ вопросахъ, которые были выдвинуты ею»...

Вообще же офицеры, подвергавшіеся испытанію, «отличаются безграмотностью въ прямомъ значеніи этого слова *). Къ официальной характеристикѣ остается лишь добавить, что въ академію генеральнаго штаба, обыкновенно, стремятся поступить лица, по своему образованію стоящія выше средняго армейскаго уровня; и сверхъ того, они болѣе или менѣе основательно готовятся къ «предварительному испытанію».

Дѣло, какъ видите, не въ личныхъ качествахъ г. Стесселя. Да, генераль Стессель сдѣлалъ такія распоряженія, что огороды, специально устроенные, чтобъ получить въ осажденномъ Портъ-Артурѣ запасъ овощей, оказались разоренными и вытоптанными **). Но это вовсе не значить, что онъ умышленно стремился ослабить крѣпость развитіемъ цыги. Да, г. Стессель «взялъ въ свое распоряженіе прачешную, приносившую огромную пользу населенію, госии-

*) Циркуляръ этотъ былъ напечатанъ въ № 891 «Развѣдчика». Цитирую по «Рѣчь»,—см. № отъ 4 дек. 1907.

**) Показанія подполк. Вершинина, «Рѣчь», 11 янв. 1908.

талямъ и войскамъ, а въ октябрѣ приказалъ ее взорвать, не позволивъ вывести оттуда даже машины и паровой двигатель» *). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ умышленно старался помочь японцамъ, содѣйствуя распространенію наложныхъ болѣзней среди русскихъ войскъ. Надо еще доказать, что г. Стесселю было извѣстно, какую роль, напр., играетъ отсутствіе овощей въ смыслѣ предрасположенія къ цыггѣ, и что вообще онъ обладалъ знаніями по гигиенѣ, сколько нибудь достаточными, чтобъ понимать значеніе паровой прачешной. Какъ-то разъ онъ кричалъ гражданскому комиссару:

— «Ни вы, ни ваши чинуши, ни вся ваша штатская сволочь мнѣ не нужны. И я въ одно прекрасное утро выгоню васъ всѣхъ, какъ стадо барановъ. Мнѣ крѣпость нужна для моихъ войскъ» **).

«Штатская сволочь» хочетъ ловить рыбу, разсуждаетъ о какихъ-то санитарныхъ мѣрахъ, разводитъ овощи, копается въ паровой прачешной... Развѣ это нужно для «моихъ войскъ»?.. Вотъ образовательный уровень г. Стесселя. И не только г. Стесселя. Надо помнить, что онъ не самъ выбрасывалъ въ грязь цѣлый транспортъ медикаментовъ, не самъ уничтожалъ посѣвы овощей, не самъ поролъ на пожарномъ дворѣ. Пусть отдѣльными лица, какъ, напр., полковникъ Вершининъ, прекрасно понимали, что война со «штатской сволочью» равносильна организованной помощи неприятелю. Но г. Смирновъ не даромъ подтверждалъ на судѣ, что у г. Стесселя среди нортъ-артурскаго офицерства было много сторонниковъ» ***). Образовательный уровень самого г. Стесселя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и образовательный уровень едва ли не всѣхъ героев Стесселиады. Можно ли предполагать въ такой средѣ цѣлесообразность и сознательность, свойственныя людямъ, умственное развитіе которыхъ соответствуетъ сложности возложенныхъ на нихъ задачъ? И когда г. Меньшиковъ волнуется въ «Новомъ Времени», что сейчасъ у насъ «боевая подготовка ниже той, которая была въ 1904 г.» (не случаю, между прочимъ, повальнаго бѣгства офицеровъ), что «Карсъ и Багумъ вооружены старыми орудіями образца 1877 г.» и т. д., онъ лишь описываетъ признаки болѣзни, которая можетъ повести къ роковому исходу.

Увы, даже поскольку рѣчь идетъ о военной мощи и славѣ Россія находится передъ такимъ же противорѣчіемъ, изъ какаго никогда не сумѣлъ выпутаться тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ. Условія международной жизни и техника нынѣшней войны рассчитаны на культурный уровень не ниже средняго европейскаго. А российский государственный строй вынуждаетъ слѣдовать завѣту К. П. Побѣдоносцева: «безусловно вредно народное образование,

*) „Рѣчь“, 11 января 1908.

**) Ibid.

***) «Новое Время», 6 февр. 1908.

«бы оно развиваетъ привычку логически мыслить». Для сохранения «исконныхъ устоевъ» необходимо, чтобы образовательный цѣль страны и армія не шель дальше четырехъ правилъ ариѳметики. А интересы великодержавной политики заставляютъ возлагать на эту страну и на эту армію рѣшенія задачъ, которыя требуютъ основательнаго знакомства съ дифференціалами и интегралами. Противорѣчіе, трагически безвыходное. И конечно, причины его не только въ данномъ образовательномъ уровнѣ. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ причинъ намъ еще надо будетъ вернуться. А пока отиѣтнимъ лишь своеобразную иронию судебъ. Надо же было такъ случиться, что процессъ четырехъ генераловъ, наглядно вскрывшій безвыходность противорѣчія, происходилъ какъ разъ въ то время, когда на очередь поставленъ вопросъ о новой ассигновкѣ въ 5¹/₂ миллиардовъ рублей (по подсчету «Голоса Москвы») на реорганизацію армія и флота.

III.

— Если Россія—великая держава, если мы хотимъ, чтобы она существовала, то Дума должна ассигновать...

Такъ, приблизительно, формулировалъ г. А. Столыпинъ въ «Нов. Вр.» очередную и главнѣйшую, по его мнѣнію, задачу народнаго представительства. Собственно, эта «главнѣйшая задача» указывалась въ обшихъ чертахъ еще до открытія третьей Думы. «Проектъ морскаго вѣдомства относительно постройки броненосцевъ, на что испрашивается кредитъ не только на одинъ годъ», былъ заготовленъ тоже до открытія третьей Думы. «Представителямъ народа необходимо и важно оказать существенную поддержку въ этомъ дѣлѣ правительству», а равно и войти въ «бюджетное разрѣшеніе вопросовъ для реорганизаціи армія»,—говорилъ г. Родзянко въ Думѣ на засѣданіи 10 ноября, предлагая отъ имени своихъ единомышленниковъ учредить «комиссію по государственной оборонѣ». И, какъ извѣстно, эта комиссія учреждена въ самомъ началѣ конструирования Думы. Однако, вопросъ о 5¹/₂ миллиардахъ какъ-то ускользнулъ отъ общаго вниманія. И былъ вынесенъ на поверхность «Новымъ Временемъ» во второй половинѣ декабря, среди рождественскихъ думскихъ каникулъ, когда стали приходить вѣсти о встрѣчѣ депутатовъ, уѣхавшихъ на отдыхъ послѣ законодательныхъ трудовъ, со своими избирателями.

Вѣсти были не веселыя. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, наиболѣе содержательно сумѣлъ отвѣтить на вопросъ, чѣмъ собственно занималась третья Дума, саратовскій депутатъ Исѣевъ. Онъ остановился на исключеніи г. Родичева, какъ на самомъ яркомъ эпизодѣ, и рассказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

— Когда Родичевъ упомянулъ о муравьевскомъ галстухѣ, «мы, правые, рѣшили лишь порвать съ нимъ всякую связь, но были

противъ его исключенія; октябристы же настаивали на высшей мѣрѣ наказанія, и Родичевъ былъ исключенъ на 15 засѣданій по ихъ требованію» *).

Екатеринославскій депутатъ Образцовъ «на собраніи союзниковъ подъ предѣлательствомъ жены губернатора» просто «прочелъ докладъ о необходимости упразднить Думу» **).

Подольскій депутатъ о. Макарій Сендерко «повѣдалъ» избирателямъ, что «большинство депутатовъ-священниковъ, удачно устроилось въ Петербургѣ на Митрофаніевскомъ подворьѣ; служатъ панихиды, молебны, крестятъ, отпѣваютъ, имѣютъ кружку» (повидимому, для сбора мзды за эти требы), «посѣщаютъ синодъ, но больше по своимъ дѣламъ»; «но есть и такіе депутаты, которые, явившись въ Думу къ открытію, уѣхали и благополучно сидятъ дома, а одинъ депутатъ, о. протоіерей, совершенно глухой, плохо видитъ, по ошибкѣ сѣлъ на крайней лѣвой скамьѣ, чѣмъ вызвалъ укоризну владыкъ Евлогія и Митрофана»; «до праздниковъ Дума ничего не сдѣлала, выбраны 23 комиссіи».

— «А какъ же насчетъ земли?—спросили крестьяне.

— Выбрана комиссія изъ 66 душъ,—отвѣтилъ о. Сендерко.— Но, что она дѣлаетъ, неизвѣстно» ***).

Отчетъ депутата отъ Кіевской губерніи, свящ. Рознатовскаго, носилъ еще болѣе своеобразный характеръ. О. Рознатовскій счелъ долгомъ выступить съ отчетомъ публично, на собраніи черкаскаго союза русскаго народа. Но въ его депутатскомъ докладѣ дѣятельность третьей Думы свелась къ тому, что «въ Таврическомъ дворцѣ на каждаго народнаго представителя приходится по трѣ служителя, и что въ Петербургѣ очень дешева рыба, особенно линьки» ****).

Что говорили избирателямъ «лѣвые» и «кадетскіе» депутаты, въ печати свѣдѣній не имѣется. Да и относительно самой возможности общенія оппозиціонныхъ депутатовъ съ избирателями были приняты рѣшительныя мѣры. Напомню хотя бы циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, предписывающій губернаторамъ: 1) чтобы «въ продолженіе думскихъ вакацій сельскіе сходы происходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ»; 2) чтобы на сходахъ въ это время «никакіе вопросы, кромѣ неотложныхъ, не обсуждались», и 3) чтобы власти вообще «были освѣдомлены о дѣятельности членовъ Государственной Думы и объ отношеніи къ нимъ населенія» (см. «Кіевск. Вѣсти.», 21 ноября 1907). Но правымъ предоставлялась полная свобода развернуться, блеснуть, освѣтить. И они бывало развертывались и освѣщали. Правые третьей Думы оказались не столь счастливы.

*) Цит. по харьковскому „Утру“, 15 января 1908. Кстати, это заявленіе г. Исеева фракціей октябристовъ не опровергнуто.

***) „Рѣчь“, 6 января 1908.

****) „Кіевск. Вѣсти“, 22 января 1908.

*****) „Рѣчь“, 10 января 1908.

Пожалуй, они бы могли рассказать, что заботливое правительство уже внесло въ Думу «четыре пуда законопроектовъ» *), считая въ томъ числѣ и бюджетный матеріалъ, что среди этихъ будущихъ законовъ есть и такіе важные, какъ «о количествѣ отпуска дровъ на приготовленіе пищи оберъ-офицерамъ резервныхъ, запасныхъ и вылазочныхъ батарей во время ихъ нахождения въ лагерѣ», «объ учрежденіи третьей должности полицейскаго надзирателя второго разряда въ г. Ровно», «объ учрежденіи четвертой должности младшаго помощника рижскаго уѣднаго начальника»: вотъ, молъ, начальство обо всемъ помнить, ни одной самоглавѣйшей мелочи не забыло. Пожалуй, можно было кое-чѣмъ похвастать: все-таки, напр., передъ самымъ отъѣздомъ на отдыхъ депутаты успѣли приступить къ рассмотрѣнію законопроектовъ «о переименованіи должностей военныхъ губернаторовъ Акмолинской и Семипалатинской областей въ должности акмолинскаго и семипалатинскаго губернаторовъ». Но «4 декабря въ совѣтѣ министровъ» «постановлено переименовать должность военнаго губернатора Тургайской области въ должность тургайскаго губернатора» **). И это происходитъ не только съ «переименованіемъ должностей». Въ «Собраніи узаконеній и распоряженій» непрерывно публикуются новые законы «въ порядкѣ верховнаго управленія». «Вопросъ о количествѣ дровъ для варки пищи оберъ-офицерамъ вылазочныхъ батарей» предложено рѣшить Думѣ; вопросъ о новомъ займѣ въ 163 милліона руб. подъ видомъ выпуска новыхъ билетовъ государственнаго казначейства рѣшается совѣтомъ министровъ; законъ о третьемъ полицейскомъ надзирателѣ въ Ровно предоставлено издать Думѣ, законъ о повышеніи пассажирскаго тарифа совѣтъ министровъ предоставилъ собственному усмотрѣнію. И едва ли самъ г. Столыпинъ сумѣетъ удовлетворительно объяснить, почему это происходитъ, почему онъ считаетъ себя, напримѣръ, вправе переименовать только тургайскаго военнаго губернатора, но не акмолинскаго и не семипалатинскаго.

Подавляло праваго депутата не столько отсутствіе замѣтнаго дѣла, сколько отсутствіе плана и руководящей мысли. Дума, выслушавъ правительственную декларацію, осталась безъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Правительство даже по совершенно ничтожному вопросу о переименованіи должностей пришло одновременно къ двумъ противорѣчивымъ выводамъ относительно правъ народнаго представительства. И, дѣйствительно, получилось, что «23 комиссіи выбрали, а какой будетъ толкъ—неизвѣстно». Можно похвалиться и мелочами, когда эти мелочи позволяютъ что-либо посулить, когда на основаніи этихъ мелочей можно нарисовать болѣе или менѣе

*) Счетъ на пуды предложенъ однимъ изъ служащихъ Думы, который и назвалъ эту цифру: „пуда четыре“,—см. „Столыч. Почта“, 22 янв. 1906.

**) „Рѣчь“, 8 января 1908.

заманчивую для избирателей перспективу. Но въ томъ-то и горе, что третья Дума развѣхалась на вакаціи безъ всякихъ перспективъ. Была, впрочемъ, попытка замѣнить перспективы довольно шумными разговорами объ искорененіи народнаго пьянства. Въ «Новомъ Времени» статьи о вредѣ пьянства умѣли звучать даже гражданскою скорбью. Но этотъ суррогатъ законодательныхъ перспективъ настолько жалокъ, что о немъ послѣ вакацій благоразумно не напоминаетъ даже г. Чельшевъ (хотя, быть можетъ, еще и придется вспомнить).

И правымъ депутатамъ ничего другого не оставалось, какъ рассказывать о Митрофаніевскомъ подворьѣ и дешевизнѣ петербургскихъ линьковъ. А печать могла лишь констатировать, что народъ Думой мало интересуется. Да и трудно, по образному сравненію г. Хомякова, интересоваться музыкантами, которые не играли. И не знаютъ, добавимъ отъ себя, что они будутъ играть и на какомъ инструментѣ. Кое-гдѣ попробовали выругать «глѣбую печать» за то, что она дискредитируетъ Думу. Но поднять престижъ Думы путемъ еще болѣе усугубленнаго обузданія печати, — предпріятіе, успѣхъ котораго явно сомнителенъ. И надо отдать справедливость г. А. Столыпину, заговорившему при такихъ обстоятельствахъ о «вѣшнемъ могуществѣ». Суть заключается именно въ отсутствіи плана и перспективы. А вѣшнее могущество, — это не суррогатъ, какъ проповѣди г. Чельшева о вредѣ пьянства; это, дѣйствительно, планъ и перспектива. Это планъ и перспектива для власти. «Реорганизация арміи и флота» — это перспектива и для большинства третьей Думы. Этимъ можно бы и похвастаться передъ избирателями. Поворотомъ руля въ эту сторону можно бы заслонить многіе проклятые вопросы революціи, можно бы сыграть чрезвычайно умирительныя аріи на патріотическихъ струнахъ. Стоитъ только приняться въ серьезъ за обезпеченіе вѣшняго могущества, и перспективы такъ ясны, что невольно удивляешься, зачѣмъ, собственно, депутатъ Рознатовскій искалъ рукавицу, имѣя обѣ за пазухой? съ какой стати было ему разсуждать о рыбѣ линь, когда онъ имѣлъ въ полномъ своемъ распоряженіи комиссію по государственной оборонѣ и уже готовые проекты морского и сухопутнаго министерствъ? Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ? Депутата Исѣева, напр., газеты называли «предводителемъ саратовской черной сотни», — цензъ, достаточно свидѣтельствующій о готовности говорить высоко патріотическія слова. И ему, казалось бы, Дума дала вполне достаточный предлогъ для разговоровъ съ избирателями на патріотическія темы о флотѣ, арміи, о государственной оборонѣ. А онъ вдругъ предпочелъ разсуждать, по чьему желанію исключенъ депутатъ Родичевъ.

Надо отмѣтить и другую сторону. Съ легкой руки г. А. Столыпина, петербургскія газеты оказались гораздо воспримчивѣе къ разговорамъ на патріотическую тему, нежели предводитель саратовской черной сотни, г. Исѣевъ, или предводитель черкасской чер-
Февраль. Отдѣлъ II.

ной сотни, о. Рознатовскій. Армія, правда, осталась нѣсколько въ тѣни. Но флоту посчастливилось. Онъ сдѣлался «злободневнымъ вопросомъ». Сразу возникли рѣзкія разногласія, — какъ строить флотъ, какой флотъ, — подводный, линейный, тяжелый-броненосный, легкій-крейсерскій, — и какъ обезпечить личный составъ флота, и не слѣдуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, донское казачье войско привлечь къ несенію флотской службы: благодаря этой реформѣ — по мнѣнію, напр., «Русскаго Знамени», — правительство имѣло бы надежный составъ матросскихъ командъ, и не было бы возмутительныхъ по своей глупости матросскихъ бунтовъ *)). Появилось извѣстіе, что ассигновку на чрезвычайные военные расходы правительство рассматриваетъ, какъ ультиматумъ, и въ случаѣ отказа Дума будетъ распущена. «Отказъ Государю, — высказывалось по этому поводу «Русское Знамя», — въ суммѣ на постройку флота равносильнъ революціонному акту выборгскаго воззванія, постановившаго (?) не давать ни одного солдата для арміи» **).

Однако, въ этотъ алармъ то и дѣло врывались скептическія ноты. Даже «Русское Знамя» не удержалось и заявило, что прежде чѣмъ строить флотъ, «нужно изобрѣсти какое-нибудь средство, чтобы законы исполнялись, пресѣчь пути и лазейки къ уклоненію отъ закона и устранить условія, которыя дали мѣсто безправію, бездѣйствію и произволу» ***). Дѣйствительно, все строить крѣпости, разъ даже высшее начальство въ самый рѣшительный моментъ не знаетъ, кому онѣ подчинены, и кто за нихъ отвѣчаетъ; разъ законъ, который долженъ бы имѣть регулирующую силу, одинаково игнорируется и высшими и низшими. Стесселиада, однако, свидѣтельствуетъ, что дѣло нѣсколько сложнѣе. Штаты портъ-артурской крѣпости были изданы. Это былъ законъ, безусловно обязательный. Но вопреки этому закону самовольно было организовано негласное инженерное управленіе. На его содержаніе самовольно расходовались казенныя деньги. Съ юридической точки зрѣнія — преступленіе безспорное, очевидное. Но о немъ даже прокуроръ благо разумно постарался не вспоминать. Все законы писать, если ихъ не исполнять. Но и преступно законы исполнять, если, благодаря имъ, осажденная крѣпость окажется безъ укрѣпленій, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ требованіямъ современнаго военнаго искусства. Тема, затронутая «Русскимъ Знаменемъ», оказывается и сложной и скользкой. Она наталкиваетъ на вопросы о гарантіяхъ, конми обезпечивалось бы соотвѣтствіе военнаго законодательства съ условіями жизни. Дай волю мыслямъ въ этомъ направленіи, и незамѣтно придеши къ разговорамъ о коренномъ пересмотрѣ «основныхъ законовъ», чуть ли не о созывѣ учредительнаго собранія. Ясное дѣло,

*) Цит. по газетѣ „Сегодня“, 22 декабря 1907.

***) Цит. по „Рѣчи“, 19 января 1908.

***) *ibid.*

что чѣмъ увлекательнѣе призывать страну къ патриотизму, къ жертвамъ, необходимымъ для обезпеченія внѣшняго могущества, чѣмъ шире открыть дорогу шовинистическимъ чувствамъ населенія, тѣмъ въ болѣе опасномъ положеніи могутъ оказаться «исконные устои».

Опасность неминуема не только потому, что рѣчь можетъ зайти о законахъ. «Мы, русскіе патриоты города Кіева, съ непередаваемымъ чувствомъ негодованія прочли разоблаченія г. Якута, перепечатанныя въ «Кіевлянинѣ» отъ 13 декабря 1907 г. (изъ «Петербургской Газеты») о предательской постройкѣ крейсера «Иаумруда» съ деревянными болтами, вмѣсто стальныхъ, и о неслыханной измѣннической начинкѣ пескомъ пушечныхъ снарядовъ, а можетъ быть и минъ, вмѣсто пироксилина, продаваемого революціонерамъ*). «Продаваемого революціонерамъ»—это «русскіе патриоты города Кіева» отъ себя присочинили. И присочинили, быть можетъ, въ связи съ проектомъ бороться противъ злоупотребленій при постройкѣ будущаго флота посредствомъ союза русскаго народа, коему съ этой цѣлью долженъ быть порученъ надзоръ за верфями и заводами. Какъ говорятъ, проектъ былъ одобренъ столь властнымъ нынѣ учрежденіемъ, какъ верховная управа союза. Но онъ возникъ одновременно съ цѣлымъ рядомъ крайне непріятныхъ для верховной управы извѣстій. Въ «Керчи на общемъ собраніи союзниковъ выяснилась растрата свыше 80.000 р.» (обвиняется почетный предсѣдатель керченскаго отдѣла г. Безкоровайный **). Въ Одессѣ «предсѣдатель портовой артели рабочихъ союза русскаго народа Манжукъ и казначей Ульяновскій скрылись, захвативъ сумму въ нѣсколько тысячъ рублей» ***). Въ Петербургѣ «одинъ изъ членовъ ревизіонной комиссіи союза русскаго народа присвоилъ 1500 р.», и даже самъ г. Дубровинъ обвиняется въ растратахъ ****). Въ Бахмутѣ подъ флагомъ союза русскаго народа обрываетъ шайка экспроприаторовъ *****). Въ Бессарабской губ. ганчештскій подотдѣлъ союза русскаго народа оказался шайкой конокрадовъ, а руководитель этого подотдѣла нѣкто Иванъ Мунтянъ «попался въ покушкѣ завѣдомо краденыхъ вещей» *****). Словомъ, проектируемая реформа явно сводилась бы къ замѣнѣ старыхъ козловъ въ огородѣ новыми козлами. Но старые козлы все-таки не писали: «выборгское воззваніе постановило не дать ни одного солдата»,

*) „Рѣчь“, 16 янв. 1908.

**) „Рѣчь“, 31 янв. 1908.

***) „Рѣчь“, 5 янв. 1908.

****) „Рѣчь“, 8 янв. 1908. Споръ о растратахъ подымался, между прочимъ на февральскомъ „вероссийскомъ съездѣ союзниковъ“. Суть сводится къ вопросу, куда дѣлись 333 тысячи рублей, выданныя „секретнымъ“ содержаниемъ союза русскаго народа на послѣднюю предвыборную кампанію.

*****) „Кіевск. Вѣстн.“, 3 янв. 1908.

*****) „Рѣчь“, 31 янв. 1908.

какъ пишутъ новые козлы въ «Русскомъ Знамени». Старые и вообще гораздо грамотнѣе. Однако, даже имъ, гораздо болѣе грамотнымъ, г. Бруть укоривленно говорятъ: «ваши машины ровно въ полтора раза тяжелѣе иностранныхъ, и по этой причинѣ ваши суда всегда имѣли болѣе слабую, чѣмъ у иностранцевъ, артиллерию и броню; вы совершенно забыли, что на новыхъ судахъ предполагается ставить турбины, которыхъ вы еще никогда не строили, опытовъ съ ними не производили и находитесь въ полной зависимости отъ иностранцевъ, у которыхъ покупаете право производства, но не убѣждены, что они раскроютъ вамъ и всё его секреты». Спрашивается, какое понятіе о турбинахъ имѣетъ г. Дубровинъ или почтаевскій иннокъ Иллѣодоръ?

Разумѣется, проектъ о постройкѣ флота подъ надзоромъ союза русскаго народа есть по существу одна изъ характерныхъ попытокъ «воспользоваться благами контроля общественнаго», но при условіи, чтобы онъ подчинился «директивамъ охраннаго отдѣленія». Какъ частичный выводъ изъ «самодержавной конституціи» и «конституціоннаго самодержавія» гр. Витте, проектъ этотъ воспроизводитъ завѣтную мечту гоголевской Агафьи Тихоновны: «если бы губы Никанора Иваныча да приставить къ носу Ивана Кузьмыча». На такомъ политическомъ бредѣ не стоило бы и останавливаться. Но мы имѣемъ дѣло съ тѣми слоями, гдѣ слово г. Дубровина имѣетъ власть и силу, гдѣ проекты генерала Вендриха не только обсуждаются въ серьезъ, но и едва не получили силы закона. Для насъ въ данномъ случаѣ важно понять, какъ, въ какомъ направленіи работаетъ мысль этихъ слоевъ, къ какимъ выводамъ она должна была придти. И, насколько я понимаю, выводъ могъ быть только одинъ:

— «Такъ дальше—безъ арміи и флота—жить нельзя». Но если серьезно развить агитацію на мотивъ: «громъ побѣды раздавайся», и если эта агитація будетъ имѣть успѣхъ, вызоветъ въ населеніи подъемъ соответствующихъ чувствъ, то не потребуютъ ли «патріоты», наученные горькимъ опытомъ Портъ-Артура и Цусимы, «дѣйствительнаго контроля, надъ дѣйствіями» не только гражданскихъ, но и военныхъ властей?»

Но и это не все. Ассигновка въ 5¹/₂ миллиардовъ... «Эта кошмарная цифра,—писалъ октябристскій «Голосъ Москвы»,—способна парализовать даже гениальный мозгъ. Спрашивается, можетъ ли нашъ государственный бюджетъ выдержать подобную тяжесть, и не грозитъ ли народному хозяйству въ Россіи нищета?» *) Пришлось даже «Русскому Знамени» поставить «вопросъ о благосостояніи восьмидесятимилліоннаго крестьянства». Надо «прийти на помощь крестьянству,—писалъ органъ верховной управы союза русскаго народа,—такъ какъ оно поддерживаетъ государство и своей

*) Цит. по „Рѣчи“, 6 янв. 1908.

моральной стойкостью и своей трудовой выносливостью, и своей податной устойчивостью. Разъединение государственности съ такимъ элементомъ... чревато опасными послѣдствіями. Не мѣшаетъ помнить поучительные примѣры изъ исторіи хотя бы польскаго королевства, погибшаго только потому, что интересы государства были связаны съ интересами только привилегированныхъ группъ, тогда какъ крестьянское населеніе было слабо заинтересовано въ сохраненіи государственности: въ критическій моментъ обособленное основное населеніе не нашло въ себѣ и не могло найти стимуловъ къ отраженію рокового удара» *). Да что ходить за примѣрами въ «польское королевство»: давно ли у насъ самихъ цѣлое сельское общество въ Судогодскомъ у., Владимирской губ., рѣшило подать жалобу на губернатора англійскому королю? **).

Ужасно неудобна и скользка, по нынѣшнимъ временамъ, эта тема о любви къ отечеству и народной гордости! Казалось бы, какая, въ самомъ дѣлѣ, связь между постройкой флота и перевооруженіемъ арміи съ одной стороны и земской, напр., реформой или неприкосновенностью «крестьянской личности» съ другой? А вотъ, подите же, даже «Русскому Знамени» стало понятно, что тутъ есть прямая связь. Всеу отливать пушки, когда неизвѣстно, захочетъ ли народъ стрѣлять изъ нихъ по указанному адресу. И всеу искать займа въ 5¹/₂ милліардовъ, разъ при данномъ уровнѣ мужицкаго «благосостоянія» мы не знаемъ, откуда взять средства для уплаты процентовъ. Но попробуйте серьезно заговорить о поднятіи благосостоянія. Вонъ думская земельная комиссія въ концѣ января попыталась сообразить, какъ поднять благосостояніе при помощи распредѣленія общинныхъ земель въ частную собственность. Но «въ концѣ засѣданія одинъ за другимъ начали высказываться *крайне правые* крестьяне: Амосенокъ, Шевцовъ, Чепелевъ, Федоровъ и др.; всѣ въ одинъ голосъ заявляли, что вопросъ заключается вовсе не въ принудительномъ дѣленіи общинъ; землю дѣлить сами крестьяне умѣютъ; вопросъ заключается въ необходимости надѣлить крестьянъ землею, а для этого нѣтъ иного пути, кромѣ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель. Дайте крестьянамъ землю,—и не безпокойтесь, они ее отлично подѣлятъ» ***). «На (думскихъ) октябристовъ, по словамъ газеты, откуда я заимствую это сообщеніе — рѣчи (крайнихъ правыхъ) крестьянъ произвели ошеломляющее и, нельзя сказать, чтобы пріятное впечатлѣніе». И нельзя сказать, чтобы пріятно чувствовала себя верховная управа:

«Не веселыя вѣсти,—сѣтовало «Русское Знамя»,—доходятъ изъ провинціи. Не успокаивается наше обманутое крестьянство... Не

*) Цит. по „Столичной Почтѣ“, 6 янв. 1908.

**) См. мою статью: „Примѣнительно къ аграрнымъ программамъ“, „Совр. Записки“, 1906, № 1.

***) „Рѣчь“ 31 янв. 1908.

даютъ ему опомниться заговорщики, поклявшіеся погубить Россію затыжкою смуты и беспорядковъ. «Земли», «земли»,—кричатъ осѣпленные и совращенныя деревни, при чемъ каждый крестьянинъ желаетъ получить именно ту землю, которая ему приглянулась, которая у него подъ бокомъ» *).

«Заговорщики» смѣютъ ссылаться на «примѣръ королевства польскаго», когда «тульское чрезвычайное дворянское собраніе отправляетъ депутацію къ П. А. Столыпину, выражая удивленіе и скорбь по поводу стремленій разрушить сословный строй» **), когда совѣтъ объединеннаго дворянства настаиваетъ на необходимости сохранить «институтъ земскихъ начальниковъ», когда екатеринославское дворянство поднимаетъ бокаль и пьетъ за сохраненіе и процвѣтаніе дворянской Россіи! Да развѣ мыслимо раздуть въ сердцахъ народа огонь любви къ отечеству, когда московское дворянство взываетъ къ восстановленію «устоевъ» «во всей полнотѣ и нераздѣльности?..» «Новое Время», кажется, не «кляжеть погубить» «дворянскую Россію». И патриотическая шарманка, загудѣвшая было на всѣ 5¹/₂ миллиардовъ, какъ-то незамѣтно перешла на мелкія ари примѣнительно къ очередной ассигновкѣ на постройку судовъ въ 30 милліоновъ, а пафосъ г. А. Столыпина смѣнился ироніей по адресу какой-то «толпы», которая разговаривая о постройкѣ новыхъ судовъ, лишь «усмѣхается, пожимаетъ плечами: еще бы! изъ тридцати милліоновъ легче можно украсть!» ***). Россійская толпа не слишкомъ умна и глубока, но и не такъ ужъ глупа, какъ рисуетъ ее въ состояніи желчной растерянности г. А. Столыпинъ. Пожалуй, въ «толпѣ» нашлось бы достаточно элементовъ, способныхъ плясать подъ настоящую боевую музыку. Но въ томъ-то и горе, что нельзя по-настоящему играть. Намъ здѣсь не приходится доказывать, что задача: «возродить армію и флотъ», требуетъ отказа отъ другой задачи: «сохранить устои». Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить, что сторонники власти поневолѣ должны были почувствовать эту горькую для нихъ истину. И высокаторжественные клики о воссозданіи арміи и флота, натолкнувшись сразу на нѣсколько крайне опасныхъ для «традиціоннаго строя» подводныхъ камней, перешли въ общія и никому ненужныя разсужденія о патриотизмѣ, отодвинулись на задній планъ и почти исчезли, какъ бы растворились въ цѣломъ рядѣ оговорокъ:

— Конечно, реорганизація арміи и флота тѣсно связана съ очень важными и неотложными вопросами внутренней политики. Но нельзя одно ставить въ зависимость отъ другого. Какъ ни важны внутреннія реформы съ точки зрѣнія внѣшняго могущества,

*) Цитир. по „Рѣчи“, 1 февраля 1898 г.

***) „Рѣчь“, 20 января 1908 г.

***) Цитир. по „Рѣчи“, 16 января 1908 г.

но бываютъ въ жизни народовъ минуты непосредственной опасности, когда...

И «Новое Время», а за нимъ и «Голосъ Москвы» поднимаютъ крикъ о непосредственной опасности. Оказывается, «наша сосѣдка Турція готовится къ войнѣ. Это фактъ, котораго не отрицаютъ сами турки. На Кавказѣ говорятъ о нашемъ вооруженномъ столкновеніи съ турецкими войсками. Въ кавказскихъ военныхъ кругахъ не скрываютъ серьезности положенія; увѣряютъ, что столкновение это произойдетъ не позже марта мѣсяца» *). Правда, на Кавказѣ это сообщеніе встрѣчено, какъ неожиданность. По отзыву бакинскаго «Каспія», слуховъ, распространяемыхъ «Нов. Врем.», «нельзя назвать ни правдоподобными, ни вѣроятными... Чтобы Турція, у которой не хватаетъ средствъ на уплату жалованья войскамъ, которая не въ силахъ справиться съ возстаніемъ арабскихъ кочевниковъ, серьезно помышляла о нападении на Россію, это представляется совершенно невѣроятнымъ» **). Правда, самому правительству пришлось особымъ сообщеніемъ смягчить ужъ слишкомъ неудобную даже по дипломатическимъ соображеніямъ категоричность «Нов. Времени». Но не менѣе серьезная непосредственная опасность оказалась также на Дальнемъ Востокѣ. Владивостокъ наводненъ японскими шпіонами; воздухъ настолько пахнетъ близкой грозой, что многіе купцы спѣшно ликвидируютъ свои дѣла и торопятся выѣхать... «Звони громче—не жалѣй колоколовъ». Тѣмъ временемъ комиссія по государственной оборонѣ продолжаетъ обсуждать миллиардные проекты. Но засѣданія ея, на всякій случай, постановлено считать закрытыми не только для страны, но и для Думы.

Да, для третьей Думы приготовленъ большой планъ, ей представлено раскрыть перспективы, увлекательныя, быть можетъ, для многихъ общественныхъ элементовъ. И по своему составу нынѣшняя Дума могла бы сама искренно увлечься этими перспективами. Можно бы по ихъ поводу много поговорить, съ большимъ подъемомъ и непритворной слезой. Можно бы около нихъ собрать большія силы. Но если бы общество заговорило объ этомъ непритворно и съ подъемомъ, то оно пришло бы все къ тѣмъ же не ликвидированнымъ жупеламъ революціи. Съ другой бы стороны пришло, и значительно иной видъ приняли бы эти жупелы; и количественно, и качественно они бы измѣнились. Но во всякомъ случаѣ получился бы дѣловой патріотическій порывъ, безусловно недопустимый съ точки зрѣнія основной задачи—сохранить устои. И вотъ пришлось закрыть двери. Опасность для устоевъ устранена. Комиссія работаетъ въ тиши. Однако, гдѣ же взять 5¹/₂ миллиардовъ? И какъ сдѣлать, чтобъ ихъ не разворовали? И откуда взять средства на

*) „Нов. Время“, 23 января 1908.

***) Цитир. по „Одесск. Нов.“, 29 января 1908 г.

уплату процентовъ? Авось, Богъ поможетъ какъ-нибудь реализовать если не всѣ 5½ миллиардовъ, то хотя бы только 1 миллиардъ. Ну, а если Богъ не поможетъ? Да если и поможетъ, то что же дальше? опять Стесселиада? Или провести «реформы»? Какія? Октябристы внесли проектъ земской реформы. Но онъ въ основныхъ чертахъ свелся къ сохраненію дворянской власти на мѣстахъ. Думская коммиссія старается приспособить неприкосновенность личности къ существующему строю, и у нея ничего не выходитъ, кромѣ «свободы производить политическіе обыски и аресты». Земельная коммиссія неустанно восхваляетъ «законъ 9 ноября», стараясь его улучшить и оформить, но оказывается такъ же безсильною придумать что-либо и не колеблющее устоевъ, и болѣе пріятное крестьянамъ, какъ безсильно и правительство. Да и не такъ оно просто рѣшить,—соотвѣтствуетъ устоямъ насажденіе личной крестьянской собственности или не соотвѣтствуетъ? Гр. Дорреръ очень одобрялъ законодательную мѣру 9 ноября. Его единомышленниковъ очень прельщала мысль внести въ села междуособицу и тѣмъ ослабить напоръ снизу. Но это одобреніе тактическому средству. А какъ рассуждать о насажденіи крестьянской собственности по существу? Вонъ «Русское Знамя» уже сомнѣвается,—не будетъ ли «подобный экспериментъ прыжкомъ въ неизвестность, роковыя послѣдствія котораго трудно даже учесть»? Не даромъ покойникъ Побѣдоносцевъ убѣждалъ сего не касаться. И не даромъ нынѣ «Новое Время» доказываетъ, что нельзя одновременно и насаждать частную собственность, и сохранять земскихъ начальниковъ. Возникъ вопросъ о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы. И вотъ—съ одной стороны, представительство, которое не желаетъ расширить свои бюджетныя права, есть карриатура, а съ другой стороны,—совмѣстимо это съ устоями или несомвѣстимо? Не сказавъ ничего опредѣленнаго по существу, думское большинство переложило рѣшеніе этой сложной задачи на коммиссію. Правительство заготовило было законопроектъ о поселковомъ и волостномъ управленіяхъ, объ участковыхъ комиссарахъ и о реформѣ уѣзднаго управленія. Но тульское дворянство уже забило тревогу и официально заявило, что эти проекты «преждевременны и крайне опасны». И въ самомъ дѣлѣ, опасны они или неопасны? Сумѣетъ тульское дворянство доказать, гдѣ требуется, ихъ несомвѣстимость съ существующимъ строемъ, или не сумѣетъ? Ничего неизвѣстно. Опасныя стороны пятимиллиарднаго плана пока устранены. Но вмѣстѣ съ ними исчезъ и самый планъ. Нѣтъ плана. И нѣтъ перспективъ.

Съѣхалось думское большинство послѣ вакаціоннаго обмѣна мнѣній съ избирателями по поводу пѣнъ на линьковъ и т. и. предметовъ. Недѣлю ухлопало на устройство скандаловъ по тому случаю, что П. Н. Милюковъ прочиталъ въ Америкѣ лекцію съ упоминаніемъ о виновникахъ кишиневскаго и послѣдующихъ погро-

мовъ *). И этотъ способъ разнообразить время, не занятое опредѣленнымъ дѣломъ, направленнымъ къ опредѣленной и понятной цѣли, возмутить даже кн. Мещерскаго въ «Гражданинѣ». Недѣли полторы отнялъ скандальный вопросъ о закрытіи дверей комиссіи по государственной оборонѣ. Январь, слава Богу, прошелъ. На ближайшее время заготовленъ цѣлый рядъ развлеченій: 1) внесенъ запросъ, почему статсъ-секретарю Финляндіи предоставлено право особыхъ докладовъ? 2) внесенъ запросъ, почему въ Финляндіи обнаружено мѣстопробываніе революціонеровъ? 3) заготовленъ законопроектъ о присоединеніи Выборгской губерніи къ числу мѣстностей, управляемыхъ на общемъ основаніи... Правда, первый запросъ смутилъ даже октябристскихъ юристовъ (напр., бар. Мейендорфа), такъ какъ вторгается въ область спорныхъ и щекотливыхъ нормъ закона. Второй запросъ способенъ смутить даже не юристовъ. Съ такимъ же точно правомъ можно спросить у правительства, — почему революціонеры имѣютъ мѣстопробываніе во всѣхъ областяхъ Россійской имперіи? Юмористическіе журналы могутъ, пожалуй, перефразировать, — на какомъ основаніи въ Финляндіи, по примѣру коренной Россіи, бѣгаютъ зайцы? Законопроектъ о Выборгской губерніи словно для того и придуманъ, чтобы съ одной стороны засвидѣтельствовать преданность основнымъ законамъ, а съ другой — подтвердить слухи о непосредственной опасности на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ. И ни въ какой связи съ четырьмя пудами очередныхъ реформъ и задачъ это не стоитъ. Но развлеченія хватить надолго. И, быть можетъ, общее собраніе Думы при помощи развлеченія избавиться таки отъ детальнаго разсмотрѣнія бюджета на 1908 г.

Я хорошо понимаю, что инициаторы запросовъ о Финляндіи руководятся далеко не цѣлями развлеченія. Несомнѣнно, въ этихъ запросахъ, какъ и въ скандалѣ П. Н. Милюкову за обидную «еврейскимъ погромщикамъ» лекцію, какъ и во многихъ другихъ эпизодахъ нынѣшней думской жизни, есть свой смыслъ и своя система. И чтобъ пояснить, почему эта система для творцовъ ея является все таки развлеченіемъ, или, если хотите, способомъ скрасить бездѣлье видимостью дѣла, мнѣ придется начать издалика. Именно издалика, быть можетъ, для насъ станутъ виднѣе еще кое-какія черты сходства между Стесселиадою и текущей россійской дѣйствительностью.

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, формулировало „Новое Время“ главный пунктъ обвиненія противъ г. Милюкова. „Милюковъ, — возмущалась эта газета 27 января, — поддержалъ гнусную клевету... Утверждая, что русскій государь прощаетъ всѣхъ еврейскихъ погромщиковъ, уличенныхъ по суду, г. Милюковъ даетъ понять, что... негодованіе всего свѣта справедливо... Со времени кишиневскаго погрома прошлаго года. Не только американцы, но многіе русскіе евреи начали забывать объ этой исторіи... Но г. Милюковъ счелъ долгомъ еще разъ крикнуть“, и т. д. см. „Письма къ ближнимъ“ г. Меньшикова.

IV.

Въ мартѣ 1907 г. на сенаторовъ Шидловскаго и Смирнова обратилъ вниманіе органъ верховной управы «Русское Знамя». Обоимъ сенаторамъ было поставлено на видъ, что ихъ судебская дѣятельность не соответствуетъ предположеніямъ верховной управы. И «Русское Знамя» «пригрозилъ имъ карой». Черезъ 9 мѣсяцевъ сенаторы Шидловскій и Смирновъ неожиданно для нихъ и вопреки обычному порядку, установленному со временъ изданія судебныхъ уставовъ Александра II, были удалены изъ кассационнаго департамента. Таково вкратцѣ содержаніе одной изъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ «Рѣчи», 4 января. 18 января во 2 отдѣленіи уголовного кассационнаго департамента разсматривалась кассационная жалоба еврея Бейриша Геера, приговореннаго къ трехгодичному заключенію въ арестантскихъ ротахъ за приписанное ему убійство крестьянки во время погрома въ мѣстечкѣ Козино, дубенскаго у., 13 декабря 1905 г. Гееръ — мѣстный лавочникъ и, какъ выяснилось, все время погрома «просидѣлъ безвыходно въ чуланѣ». Обвиненіе его въ убійствѣ возникло по доносу двухъ жителей мѣстечка. И первоначально судебный слѣдователь прекратилъ дѣло, найдя доносъ явно нелѣпнымъ. Но ему было предписано вторично произвести слѣдствіе. Онъ произвелъ и установилъ слѣдующее. Оба доносчика, — члены мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа — прежде чѣмъ возникло по ихъ указанію дѣло, приходили къ Гееру и требовали 100 рублей, угрожая въ противномъ случаѣ доносить. Слѣдователь вторично прекратилъ дѣло. Тогда ему было предписано произвести слѣдствіе въ третій разъ, «допросивъ въ качествѣ свидѣтелей обоихъ членовъ союза русскаго народа, подписавшихъ доносъ». Дѣло такимъ образомъ попало въ судъ. Судомъ, по мнѣнію защитниковъ, совершенъ «цѣлый рядъ вопіющихъ процессуальныхъ нарушеній». Но мы этихъ нарушеній касаться не будемъ; кстати, присяжнаго повѣреннаго Н. П. Карбчевскаго, поддерживавшаго кассационную жалобу Геера въ сенатѣ и указывавшаго на недопустимыя процессуальныя нарушенія, предсѣдательствующій сенаторъ Варваринъ «обрывалъ его нѣсколько разъ». Во всякомъ случаѣ Гееръ признанъ виновнымъ. А его кассационную жалобу сенатъ «послѣ непродолжительнаго совѣщанія оставилъ безъ послѣдствій и приговоръ суда утвердилъ» *).

Недавно между «Times»-омъ и «Россіей» возникла было полемика по поводу «выборгскаго процесса». «Times» утверждалъ, что «министръ юстиціи не только совѣщался съ судьями по поводу постановки вопросовъ, но что и вопросный листъ въ его оконча-

*) „Рѣчь“, 19 января 1908 г.

тельной редакціи написанъ рукою министра». «Россія» доказывала, что этого не могло быть, и въ подтвержденіе ссылалась на то, что совѣщательная комната судей изолирована, и въ ней нѣтъ телефоннаго аппарата. Въ данномъ случаѣ, аргументъ не чрезвычайно убѣдительный. Передъ окончательной постановкой вопросовъ во время выборгскаго процесса были перерывы, во время которыхъ у г. Крашенникова имѣлась полная возможность не только для переговоровъ съ министромъ по телефону, но и для личныхъ свиданій. Да и вообще нельзя отъ аргументовъ, основанныхъ на чисто внѣшнихъ признакахъ (отсутствіе телефона, сторожъ у дверей совѣщательной комнаты), переходить къ выводамъ по существу. Монна-Ванна провела ночь у «чужого», это еще не значитъ, что она измѣнила мужу; ея сосѣдка сидѣла дома,—это еще не значитъ, что она не измѣнила. Но, поскольку рѣчь можетъ идти о частичной доказательной силѣ внѣшнихъ признаковъ,—ссылка офиціоза совѣта министровъ на сторожей и телефоны имѣетъ свое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ. Союзъ угрожаетъ сенаторамъ; сенаторы, возбудившіе неудовольствіе союза, устраняются; союзъ доноситъ, по его даннымъ судять, сенатъ утверждаетъ приговоры. Конечно, все это внѣшніе признаки. Они еще не даютъ права утверждать, что между желаніями союза и приговорами сената предначертана гармонія. Но кто захочетъ доказать, что этой гармоніи не существуетъ, тотъ долженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, объяснить, какъ надо понимать внѣшніе признаки ея. Дѣло не въ одномъ сенатѣ, хотя намъ къ нему еще надо будетъ вернуться. Дѣло въ томъ, что вообще русская жизнь за послѣднее время день-ото-дня становится богаче чрезвычайно удивительными внѣшними признаками.

Нѣжинскіе союзники смущены. Обнаружилась сразу въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ города тревога за судьбу общественныхъ суммъ. Но лишь только въ газетахъ появились глухія свѣдѣнія о какихъ-то растратахъ, къ которымъ причастны какіе-то мѣстные союзники, и «въ Нѣжинѣ полиція начала безпрестанно охотиться за газетными корреспондентами; стоитъ только опустить въ почтовый ящикъ письмо на имя какой-либо столичной или кievской редакціи, какъ за вами начинаютъ слѣдить, и горе вамъ, если вы окажетесь дѣйствительно корреспондентомъ: неминуема высылка изъ предѣловъ Черниговской губ.» Нѣсколько корреспондентовъ уже въ административномъ порядкѣ высланы *).

Кievская городская дума вынуждена приняться за упорядоченіе городскихъ денежныхъ дѣлъ, крайне разстроенныхъ бывшимъ городскимъ головою г. Проценкомъ, нынѣ виднымъ союзникомъ и членомъ Государственной Думы. Пришлось натолкнуться на груды расходовъ, ничѣмъ не оправданныхъ и частью прямо таки не законныхъ. Такъ или иначе, но г. Проценку угрожаетъ или добро-

*) „Рѣчь“, 1 февраля 1908.

вольно пополнить городскую кассу суммой около ста тысяч рублей, или предстать предъ судомъ. Пока г. Проценко пишетъ свои объясненія по поводу многихъ неправильныхъ, на взглядъ нынѣшней городской управы, дѣйствій. А его сочлены по кievскому отдѣлу союза пишутъ доносы, и на основаніи этихъ доносовъ уже уволенъ изъ городской управы цѣлый рядъ опытныхъ служащихъ, хорошо освѣдомленныхъ въ дѣйствіяхъ г-на Проценко. Доносы сыплются на членовъ городской думы, на членовъ управы, на всю управу. По свѣдѣніямъ «Кievской Мысли», возбужденъ вопросъ о «ропускѣ крамольной городской думы», какъ были распущены двѣ Государственныя Думы. До «ропуска», надо надѣяться, не дойдетъ, тѣмъ болѣе, что составъ нынѣшней кievской думы въ общемъ, въ смыслѣ политическихъ убѣжденій, совершенно благонадеженъ. Но если это методъ вынудить управу къ забвенію прошлыхъ дѣлъ, то онъ невольно напоминаетъ формулу союзниковъ мѣстечка Козина: «давай сто рублей, не то упеку на три года въ арестантскія роты».

У кавказскаго союзника г. Тимошенка (нынѣ члена Думы) во время выборовъ былъ противникъ,—преподаватель кутаисской гимназій г. Пушкаревъ. По настоянію союзниковъ г. Пушкареву предложень попечителемъ учебнаго округа переводъ изъ Кутанса въ захолустный Дербентъ («Рѣчь», 28 декабря 1907).

Харьковскому союзнику, а нынѣ и редактору «Губернскихъ Вѣдомостей», приватъ-доценту Каткову, университетъ отказалъ въ выдачѣ искомой ученой степени—магистра торговаго права. Сверхъ того, «попечитель учебнаго округа предложилъ г. Каткову покинуть мѣсто учителя законовѣдѣнія въ реальномъ училищѣ». Въ результатѣ оказываются политически неблагополучными: совѣтъ харьковскаго университета вообще, деканъ юридическаго факультета проф. Загурскій въ особенности, директоръ реального училища, учителя и даже попечитель округа. Союзники такъ неустоимо пишутъ доносы, попечитель округа до того измученъ неустанными предписаніями изъ Петербурга: «дать объясненія», «произвести дознаніе», что «потребовалъ, наконецъ, командировки чиновника изъ министерства для ревизіи» *).

Два года назадъ общее собраніе кievскаго общества грамотности постановило исключить г. Пихно изъ числа почетныхъ членовъ. И личный органъ г. Пихно: «Кievлянинъ», и союзъ русскаго народа, къ коему г. Пихно примыкаетъ, открыли специальный походъ противъ общества грамотности. Посыпались доносы, что кievскій книжный складъ общества, между прочимъ, распространяетъ «революціонную литературу». Однако, несмотря на тщательные и многократные обыски «въ кievскомъ складѣ, ни одной запрещенной книги не

*) „Рѣчь“, 3 февраля 1908.

оказалось» *). И по отзыву кievскаго инспектора типографій, г. Никольскаго, «весь порядокъ веденія дѣла въ книжномъ складѣ общества грамотности вполне отвѣчаетъ требованіямъ закона». Попытались предать въ началѣ 1907 года завѣдывавшаго складомъ суду за храненіе запрещенныхъ изданій. Однако, судебная палата вынесла привлеченному оправдательный приговоръ **). Но—«доносите непрестанно, и услышится». 23 января по докладу кievскаго вице-губернатора Чихачева, общество грамотности со всѣми его отдѣленіями было администраціей закрыто ***). Причины официально неизвѣстны. Официозно же объявлено въ «Кіевлянинѣ», что въ кievскомъ складѣ «найлены тысячи брошюръ революціоннаго содержанія». «Тысячи революціонныхъ», но «ни одной запрещенной»,—очевидно, при такихъ условіяхъ удовлетворить претензію политическихъ друзей г. Пихно могъ только губернаторъ или генералъ-губернаторъ, но никакъ не судебная палата.

Но обидя союзниковъ гораздо сложнѣе и глубже, чѣмъ можно думать, если судить только по неприятому для г. Пихно постановленію общества грамотности. Суть въ томъ, что многіе члены этого общества, наравнѣ съ адвокатами и разными другими лицами, содѣйствовали установленію фактическихъ обстоятельствъ кievскаго погрома въ октябрѣ 1905 г. Фактическихъ обстоятельствъ погромовъ у насъ вообще не любитъ ни правительство, ни союзники. Въ концѣ января н. г. одно издательство выпустило книгу: «Матеріалы по исторіи русской контръ-революціи. Погромы по официальнымъ документамъ». По отзыву «Столичной Почты», это именно—«матеріалы», простая перепечатка правительственныхъ документовъ, безъ комментарій. Книга тѣмъ не менѣе конфискована. И, внѣ обычнаго порядка, одновременно съ наложеніемъ ареста «полиціи предписано принять энергичныя мѣры къ изытію изъ книжныхъ магазиновъ названной книги» ****). Фактическія обстоятельства кievскаго погрома тоже не могутъ быть пріятны ни власти, ни союзу. На недавнемъ кievскомъ процессѣ погромщиковъ предсѣдатель съ полнымъ сознаніемъ своего служебнаго долга пресѣкалъ возможность выяснить наиболее острые и, по мнѣнію гражданскихъ истцовъ, наиболее важныя для суда факты. Кое-что однако выяснилось. Выяснилось, между прочимъ, что погромщики систематически уничтожали царскіе портреты, врываясь въ еврейскіе дома *****). Въ аптекарскомъ магазинѣ Клебанова, напр., одинъ изъ погром-

*) См. официальное письмо предсѣдателя совѣта общества г. Науменка, „Кіевск. Вѣсти.“, 18 января 1908.

***) „Рѣчь“, 8 января 1908.

***) Кромѣ центральной организаціи, закрыты 11 провинціальныхъ отдѣленій и 186 павленковскихъ библиотекъ при школахъ. „Ст. Почта“, 25 января 1908.

****) „Рѣчь“, 2 февр. 1908.

*****) „Рѣчь“, 14 дек. 1907.

щиковъ «сбить портретъ палкой и отломать уголь рамы» *). Такъ же, по словамъ свидѣтеля Сахневича, поступили съ портретомъ государя союзники Юсифъ Голикъ и Лука Дьяковъ при разгромѣ конторы Рабиновича **). Куски рамъ и обрывки портрета были вынесены на улицу и, указывая на нихъ, союзники кричали объ оскорбленіи царя «жидами» и призывали къ дальнѣйшимъ погромамъ. Уничтоженіе царскаго портрета въ залѣ городской думы послужило даже какъ бы сигналомъ къ погрому. И во время процесса предсѣдатель молча слушалъ, когда союзники рассказывали, что портретъ уничтожали неизвѣстные революціонеры подъ предводительствомъ «Ратнера, Шлихтера и другихъ жидовъ». Но свидѣтели-очевидцы, способные выяснитъ, кто были эти «неизвѣстные революціонеры», оказались устранными. Двое изъ очевидцевъ сочли долгомъ изложить свое показаніе въ газетахъ. И по ихъ словамъ, царскій портретъ въ думѣ уничтоженъ союзникомъ и погромщикомъ, по прозвищу «Васькой Григорьевымъ»***), отбѣтвившимъ «отборной руганью» на протестующіе вопросы нѣкоторыхъ «революціонеровъ», зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Напомню, кстати, что на «Ваську Григорьева» какъ на лицо, разорвавшее въ кievской думѣ царскій портретъ, указывалось въ газетахъ задолго до процесса; и его называли при этомъ «агентомъ полиціи»,—сыскной (при уволенномъ нынѣ начальникѣ кievскаго сыскаго отдѣленія г. Рудомъ) или охранной, такъ и осталось невыясненнымъ. Какъ видите, у кievскихъ союзниковъ большіе и старые счеты съ «крамолой». Большіе и старые счеты съ кievскими крамольниками и у такого виднаго члена союза, какъ бывшій во время погрома кievскимъ генералъ-губернаторомъ г. Клейгельсъ. На кievскихъ крамольниковъ (напримѣръ, на г. Ратнера) давно уже посылаются доносы. Въ частности, противъ г. Ратнера начато было даже въ судебномъ порядкѣ дѣло, которое, однако, пришлось прекратить. Но союзники не склонны сложить оружіе. Г. Борисъ Юзефовичъ послѣ процесса о погромѣ снова послалъ обширный доносъ на «еврея Григорія Бродскаго, еврея Вышнепольскаго, Плахова, Шлихтера, Шефтеля, Ратнера и др.». (Изъ названныхъ лицъ г. Шефтель, по своимъ политическимъ взглядамъ, близокъ къ правому крылу октябристовъ; приблизительно такихъ же взглядовъ и г. Плаховъ, бывшій, сколько помнится, членомъ кievской городской управы, при городскомъ головѣ г. Проценкѣ). Попутно доносчикъ указываетъ на «отдѣльныхъ представителей слѣдственной и прокурорской власти», которые «въ силу или подкупа, или предательства» не привлекаютъ названныхъ революціонеровъ подъ судъ. На основаніи этого доноса

*) «Кievск. Вѣсти», 16 дек. 1907.

***) «Кievск. Вѣсти», 14 дек. 1907.

***) См. «Кievск. Мысль», 22 янв. 1908. «Кiev. Вѣд.», 23 янв. 1908.

министръ юстиціи экстренно вызвалъ прокурора кievской судебной палаты въ Петербургъ...

Отъ отдѣльныхъ внѣшнихъ признаковъ мы подошли къ почти всероссійской картинѣ. И ея, опять таки внѣшнія, очертанія приблизительно таковы. Центральная власть въ данный моментъ всемѣрно озабочена усиленіемъ полиціи и особенно сыскной части. Въ Государственную Думу, кромѣ ряда представленій о кредитахъ на усиленіе полиціи въ размѣрѣ свыше милліона рублей», внесенъ законопроектъ «объ учрежденіи 2 сыскныхъ отдѣленій перваго разряда, 12—второго разряда, 73—третьяго разряда», всего на сумму 1.179.500 *). Одновременно развили усиленную дѣятельность въ этомъ направленіи мѣстныя власти. Кіевскій, напр., губернаторъ вошелъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи сыскныхъ отдѣленій во всѣхъ уѣздахъ. Нѣкоторые земства, какъ, напр., Екатеринославское и Херсонское ассигновали крупныя средства на организацію уѣзднаго сыска. И независимо отъ этого, нѣкоторые провинціальныя отдѣлы союза русскаго народа—напр., кіевскій и одесскій—официально организовались въ полуавтономныя сыскныя отдѣленія. А многіе другіе отдѣлы, даже такіе мелкіе, какъ ковинскій, дубенскаго у., существуютъ хотя и въ неорганизованномъ, но сыскомъ состояніи. Власть, жаждущая ликвидировать революцію, чутко ждетъ политическихъ доносовъ. Союзники доносятъ.

Несомнѣнно, союзные доносы, вообще не всегда толковы, порою диктуются чисто личными счетами. Въ видѣ примѣра, сошлюсь хотя бы на сообщеніе «Гражданина», никѣмъ не опровергнутое. «Въ припадкѣ ненависти—пишетъ органъ кн. Мещерскаго—къ г. Дубровину г. Пуришкевичъ отправился къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскому, своему близкому пріятелю, и, указавъ ему на какую-то статью въ «Русскомъ Знамени» сталъ настаивать на оштрафованіи г. Дубровина за эту статью. Г. Крыжановскій предложилъ градоначальнику оштрафовать г. Дубровина на 500 р., но г. Пуришкевичъ призналъ этотъ штрафъ недостаточнымъ и началъ настаивать на оштрафованіи Дубровина на 3.000 р.—что и совершилось» **). Несомнѣнно также, что доносы практикуются и съ цѣлями корыстными, и ради сведенія политическихъ счетовъ. Но несомнѣнно также, что союзный сыщикъ и доносчикъ многимъ отличается отъ обыкновеннаго, полицейскаго. Онъ смѣлъ и настойчивъ. Какой-нибудь г. Юзефовичъ въ Кіевѣ или г. Коновницынъ въ Одессѣ, потерпѣвъ неудачу на низшихъ инстанціяхъ, смѣло адресуетъ свои бумаги на имя верховной власти, при этомъ публикуетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе, публикуетъ даже полученные отвѣты, норовитъ всему міру похвастаться, что онъ говорилъ, и что слышалъ. Другой вопросъ, насколько

*) «Рѣчь», 6 янв. 1908.

**) Цит. по «Рѣчи», 8 янв. 1908.

это удобно и выгодно для правительства. Но если за последнее время въ цѣломъ рядѣ городовъ начаты судебныя дѣла о лицахъ, участвовавшихъ въ освободительномъ движеніи октябрьскихъ и даже до-октябрьскихъ дней 1905 г., то эту заслугу союзъ не безъ основанія можетъ приписать своей настойчивости и своей смѣлости. Нынешній кievскій прокуроръ, г. Кукурановъ, имѣлъ мужество публично заявить, что въ основу своей дѣятельности онъ положитъ правительственную декларацію *). Но такъ настаивать на ликвидаціи октябрьской «крамолы» 1905 г., какъ настаиваетъ г. Борисъ Юефовичъ, такъ дерзвать г. Кукурановъ не рѣшился, да и не могъ рѣшиться въ силу даже служебной субординаціи.

Правда, на этомъ пути встрѣтилось маленькое формальное препятствіе. Въ цитированномъ выше и напечатанномъ въ «Кіевлянинѣ» «прошеніи» на высочайшее имя г. Борисъ Юефовичъ утверждаетъ, что названные имъ революціонеры организовали мятежъ, — немедленное насильственное «ниспроверженіе», предусмотрѣнное 100 и 102 ст. Уголовнаго Уложенія. Въ дѣйствительности крамольники, подлежащіе ликвидаціи, въ большинствѣ участвовали въ различнаго рода освободительныхъ союзахъ, которые если и стремились къ ниспроверженію, но ставили оною конечною цѣлью, а это предусмотрѣно 126 ст.; выступали они еще на митингахъ; говорили рѣчи; припоминая прошлое, можно бы установить признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ 128 и 129 статьями. Дѣло лишь въ томъ, что всѣ эти преступленія, начиная съ 103 статьи, покрыты октябрьскою амнистіей 1905 г. Преступленій же, предусмотрѣнныхъ статьями 100 и 102, амнистія не коснулась. Эти юридическіе отгѣнки въ понятіяхъ о смутѣ и бунтѣ до послѣдняго времени довольно строго различались. И лишь относительно социалъ-демократовъ второй Думы было признано, что хотя они ставили «насильственное ниспроверженіе» конечною цѣлью, а не непосредственною, тѣмъ не менѣе къ нимъ примѣнимы именно 100 и 102 статьи (о бунтѣ), а не 126 (о смутѣ). По кассационнымъ жалобамъ 9 осужденныхъ объ этой квалификаціи пришлось принципиально высказаться общему собранію кассационнаго департамента. Оберъ-прокуроръ Рейнке сталъ на довольно оригинальную точку зрѣнія. По его мнѣнію, «посягательства, предусмотрѣнныя 126 ст., имѣютъ своимъ объектомъ исключительно такія проявленія общественнаго строя, какъ религія, семейный союзъ и собственность». На основаніи этого заключенія сенатъ призналъ кассационныя жалобы не заслуживающими уваженія **). Это совершенно новое толкованіе, такимъ образомъ, стираетъ формальныя препятствія. И такъ какъ союзы 1905 г. стремились къ ниспроверженію именно политическаго строя, а не религіи или семьи, то дорога къ привлеченію ихъ по непокрытымъ

*) См. хроніку «Русск. Бог.», янв. 1908, стр. 130.

**) «Рѣчь», 29 января 1908.

амнистією статьямъ достаточно широко открыта. Пусть разныя побужденія у г. Юзефовича и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рейнке. И они, несомнѣнно, разныя. Пусть между ними нѣтъ никакой связи, кромѣ того, что оба имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же объектомъ, подлежащимъ наказанію. Пусть передъ нами только вѣдшіе признаки. Но, какъ видите, въ общей суммѣ эти вѣдшіе признаки создаютъ внутреннее единство и ближайшихъ цѣлей, и очередныхъ средствъ. И присматриваясь къ тому увлеченію, съ какимъ люди, вверху стояще, заняты этими цѣлями и средствами, только ими и ничѣмъ больше, я невольно припоминаю одинъ характерный штрихъ Стесселяды.

Во время судебного слѣдствія потребовалось объяснить, почему собственно г. Стессель счелъ долгомъ преслѣдовать газетнаго корреспондента г. Ножина. Никакихъ объективныхъ данныхъ для рѣшенія этой загадки не было. Наконецъ, поднялся самъ подсудимый и объяснилъ:

— «Начальница пушкинской школы, гдѣ жилъ Ножинъ, г-жа Савельева передавала мнѣ, что Ножинъ все читалъ газеты, въ которыхъ меня браваятъ. Она ему сказала, что все это неправда. А онъ, Ножинъ, ей отвѣтилъ, что если Смирновъ прикажетъ, то и неправда будетъ правдою».

Даже на судѣ, черезъ три года послѣ донесенія г-жи Савельевой, портъ-артурскій генералъ не могъ говорить объ этомъ спокойно. Даже теперь одинъ видъ г. Ножина выводилъ генерала Стесселя изъ равновѣсія. А тогда, въ Портъ-Артурѣ, г. Ножина «выселили изъ квартиръ, преслѣдовали людей, которые ему давали пріютъ; группа офицеровъ грозила ему избиеніемъ». Наконецъ, его приказано было арестовать, какъ измѣнника и предателя, сообщающаго свѣдѣнія непріятелю. Даже на судѣ г. Стессель не сдержался и выкрикнулъ, тотчасъ же, впрочемъ, отвергнутое, обвиненіе противъ г. Ножина въ измѣнѣ. Тамъ, въ осажденной крѣпости, гонимому корреспонденту это грозило разстрѣломъ. И, странное дѣло, коменданта Смирнова эта несправедливость относительно г. Ножина взволновала, повидимому, больше, чѣмъ уничтоженіе огородовъ, прачешной, медикаментовъ и даже запретъ укрѣплять 2 и 3 линіи обороны. Въ концѣ октября и началѣ ноября 1904, въ то именно время, когда окончательно, наглядно для всѣхъ портъ-артурцевъ, рѣшалась судьба «крѣпости», вся «внутренняя политика» въ Портъ-Артурѣ была сосредоточена на томъ, чтобъ, съ одной стороны, разыскать г. Ножина (генералъ Стессель), а съ другой—спрятать (генералъ Смирновъ). Г. Смирнову удалось спрятать «преступника»; по его просьбѣ г. Ножина укрыли на судахъ; онъ просилъ контръ-адмирала Лацинскаго вывести Ножина изъ Портъ-Артура. Г. Стессель требовалъ: «найти и арестовать», «не позволять жить на судахъ». Чтобъ спасти человѣка, виновнаго только въ томъ, что о немъ сочла долгомъ поговорить г-жа Савельева, пришлось пожертвовать миноносцемъ «Растороп-Февраль. Отдѣлъ II.

нымъ», который доставилъ г. Ножина въ Чифу и здѣсь былъ непотопленъ. Но г. Стессель долго не могъ успокоиться. Онъ лично допрашивалъ морскихъ офицеровъ, лично допрашивалъ коменданта, счелъ своею обязанностью «донести на высочайшее имя, что Ножинъ выпущенъ адмиралами»... Съ какой стати? Изъ-за чего? Изъ-за того, что «Ножинъ читаетъ газеты, въ которыхъ меня бранятъ»? Въ минуты, когда рѣшается судьба крѣпости? И есть въ этомъ хоть проблескъ смысла?

А развѣ есть хоть проблескъ смысла въ нынѣшнемъ стремленіи—поставить возлѣ каждаго дома по сыщику и поймать многоликую и неуловимую крамолу? Вѣдь это же буквальное воспроизведеніе ножинской исторіи, даже до мелочей. Вотъ г. Юзефовичъ, точная копія г-жи Савельевой, съѣлъ да и написалъ: прокуроръ, либо подкупленъ, либо предатель, а еще есть у насъ крещеный еврей Шлихтеръ,—царскій портретъ порвалъ, чтобъ поскорѣй мятежъ устроить. По обыкновенію кумушекъ, копія г-жи Савельевой даже солгать не умѣла правдоподобно,—Шлихтеръ не еврей, а казакъ, и кабы еврей порвали портретъ, не уклонился бы судъ отъ изслѣдованія этого обстоятельства,—не таковъ онъ у насъ, и нѣтъ никакой связи между разрывомъ портрета и попыткой мятежа. И пишется это кумушкой Савельевой какъ разъ въ такое время, когда и страна, и власть переживаютъ небывало критическія, рововыя минуты. Но посмотрите, какъ все министерство юстиціи сразу пришло въ движеніе—вызвать прокурора! сейчасъ! скорѣй! поймать! найти! арестовать! привлечь!..

Стесселиада. Буквальное повтореніе Стесселиады.

Поставьте портъ-артурскихъ генераловъ въ иныя условія. Пусть крѣпость (настоящая крѣпость, а не Портъ-Артуръ) осаждена. Пусть силы не равны. Пусть возможна лишь «славная смерть». Не вы точно знаете свои силы, вы легко учитываете значеніе того или иного шага, у васъ есть планъ дѣйствій и основанная на учетѣ реальныхъ возможностей надежда осуществить его. Не наде даже обладать сангвиническимъ темпераментомъ г. Стесселя, чтобъ при такихъ человѣческихъ условіяхъ съ головою уйти въ работу, тяжкую, но захватывающую, полную интереса, одухотворенную сознаниемъ ответственности и передъ современниками, и передъ исторіей. Но въ томъ-то и суть, что портъ-артурскіе генералы находились вовсе не въ человѣческихъ условіяхъ. Сколько солдатъ? Г. Стессель считалъ годныхъ 8 тысячъ; г. Смирновъ всѣхъ свыше 40, оказалось по счету японцевъ всѣхъ около 32 тысячъ, годныхъ свыше 20. Сколько пушекъ годныхъ? А снарядовъ? И настроеніе солдатъ сомнительно, вонъ жандармы полковника Микеладзе доносятъ, что въ какой-то ротѣ назрѣваетъ неповиновеніе командиру... И флотъ никуда уйти не можетъ,—на тихоходахъ отъ скороходовъ не уйдешь. И принять морской бой нельзя,—нѣтъ шансовъ на прорывъ,—лафеты ломаются. Броненосцы гибнутъ въ

собственномъ порту отъ сухопутныхъ непріятельскихъ батарей. «Умники» говорятъ: позоръ, подобнаго которому въ лѣтописяхъ войны никогда не бывало. А можетъ быть, и врутъ они, умники-то. Можетъ быть, въ лѣтописяхъ оно есть. Нѣтъ ли историческихъ книгъ?—справиться бы... И какъ все это случилось? Сами же мы строили Портъ-Артуръ,—и вдругъ... Ты вотъ тутъ мучишься, а тебя съ грязью смѣшаютъ...

Я представляю себѣ состояніе г. Стесселя съ его напускною бравадой, сквозь которую прорывается страхъ очевиднаго конца и полное незнаніе, что дѣлать. Представляю и разговоръ съ г-жею Савельевою:

— А Ножинъ-то, ваше превосходительство, все газеты читаетъ...

— Да, ему хорошо газеты читать! Побылъ бы въ моей шкурѣ...

— И какія газеты, ваше превосходительство! неблагонадежныя, ваше пр-ство. Васъ тамъ все бранять, ваше пр-ство...

Золотая эта дама г-жа Савельева! Не хуже алексѣевского ковра, который помогъ г. Стесселю развлечься въ тяжкія минуты капитуляціи. Недѣли на три, по крайней мѣрѣ, она обезпечила г-ну Стесселю призракъ кипучей, вполне опредѣленной, ясной и даже какъ будто плодотворной работы. Шутка что ли,—ловить предателя и измѣнника? Собственно, Ножинъ лишь «неблагонамѣренныя» газеты читалъ, да и то, если г-жа Савельева чего-либо не перепутала. Но въ головахъ гг. Стесселей чтеніе неблагонамѣренной газеты, предательство, измѣна,—понятія, одно отъ другого неотдѣлимые... Говорятъ, путешественнику, изнемогающему въ пустынѣ, то и дѣло мерещатся оазисы, и онъ бросается къ нимъ то туда, то сюда, и на это тратитъ послѣднія силы. Это—общая психологія людей «безъ плана», безъ перспективы и передъ трагически безвыходными противорѣчіями. И нѣкоторое счастье этихъ людей, что около нихъ всегда найдется своя Савельева:

— А Милюковъ-то, слышали? Въ Америкѣ о погромахъ... Всю какъ есть подноготную...

— Какъ? всю?!

— Всю... Истинный Богъ, всю...

— Ага, вотъ что... Хорошо, голубчикъ, мы тебѣ покажемъ...

— А финляндцы-то, финляндцы!—для г-жи Савельевой Финляндія уже давно—родъ бредовой идеи.—Царскій титулъ умалили!..

— Какъ? чухна до такой дерзости дошла! Ну, погоди-жъ, мы съ тобою переговоримъ.

Эти судороги людей, изнемогающихъ въ собственной пустотѣ, бьютъ по живому тѣлу, обливаютъ кровью всю страну. И когда г. Келеповскій или г. Родзянко встрѣчаютъ криками «браво» заявленіе, что сотни тысячъ сосланы *), когда видишь, съ какимъ

* См. отчетъ о засѣданіи Думы 8 февраля; рѣчь с.-д. Покровскаго.

зоологическимъ наслажденіемъ хохочуть они, что вотъ, молъ, добрались таки мы до живого мѣста, укусили таки, раскровянили, — когда, говорю, видишь это, чисто политическія чувства поневолѣ берутъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Нужно сдѣлать большее усиліе надъ собою, чтобъ отнестись къ этимъ людямъ по челоуѣчеству и по челоуѣчеству пожалѣть ихъ.

А. Петрицевъ.

П О Л И Т И К А.

Португальскія дѣла.—Текуція событія.

I.

3 февраля (21 янв.) весь читающій міръ былъ взволнованъ телеграммою, разосланною изъ Лиссабона и возвѣщавшею объ умерщвленіи короля португальскаго. Карлоса I и его старшаго сына, наслѣднаго принца (1 февраля (19 янв.) въ пять часовъ полудни). «Вчера вечеромъ (гасила телеграмма отъ 2 февр.) король и его семья возвращались въ Лиссабонъ изъ своей охотничьей резиденціи въ Виллависоза. Въ тотъ моментъ, когда открытая коляска, въ которой ѣхали король и его семейство (жена и два сына), въѣзжала изъ Коммерческой площади на Арсенальную улицу, группа мужчинъ, вооруженныхъ магазинными карабинами, сдѣлали рядъ выстрѣловъ въ короля и наслѣднаго принца. Король Карлосъ получилъ три раны, въ томъ числѣ одну въ шею, перервавшую сонную артерію и причинившую смерть. Наслѣдникъ престола принцъ Луи-Филиппъ получилъ тоже три раны, въ грудь и голову. Инфантъ Мануилъ (младшій сынъ короля) былъ раненъ въ руку, не опасно. Королева же Амалия осталась невредима, хотя пробовала собою прикрыть своего старшаго сына.

Тотчасъ же королевская коляска въѣхала въ арсеналь (по соудству съ мѣстомъ покушенія), но король былъ уже мертвъ, а наслѣдникъ престола былъ уже въ агоніи. Тѣла церенесли немедленно въ врачебный кабинетъ при арсеналѣ, куда прибыли королева-мать Марія Пія, братъ короля герцогъ Опорто, министры и придворные. Королева Марія-Амалия послѣ продолжительнаго обморока удалилась вмѣстѣ съ инфантомъ Мануиломъ въ королевскій дворецъ (въ 7 часовъ вечера). Въ девять часовъ тѣла короля и наслѣднаго принца были перевезены въ двухъ закрытыхъ ландо

во дворецъ Несесаидады, конвоируемы отрядомъ конной муниципальной стражи.

Полиція убила на мѣстѣ преступленія трехъ изъ числа стрѣлявшихъ въ королевскій экипажъ и ихъ тѣла были доставлены въ помѣщенія лиссабонскаго муниципалитета. Ординарецъ при особѣ короля, Франсискъ Фигвера, который сопровождалъ пѣшкомъ королевскую коляску, застрѣлялъ одного изъ царубійцевъ, другой былъ убитъ полицейскими у зданія муниципалитета. Ихъ личность не установлена. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ испанецъ Кордоба. По слухамъ, еще одинъ соучастникъ преступленія былъ арестованъ, но кончилъ жизнь самоубійствомъ. Преступники скрывали свои карабины подъ плащами. Карабины имѣли калибръ 44 (миллиметра) и магазины изъ пяти патроновъ.

Министры собрались на совѣтъ. Многочисленные военныя мѣры предосторожности немедленно приняты. Абсолютное молчаніе царить въ Лиссабонѣ. Площадь, на которую выходитъ морской арсеналъ, зданіе муниципалитета и національный португальскій банкъ, занята войсками».

Такъ излагала событія 1 февраля первая телеграмма изъ Лиссабона. Другая, дополнительная телеграмма сообщала, что королева Марія-Амалия контужена въ плечо и что правительство установило бдительный надзоръ не только за республиканцами и социалистами, но и за легитимистами, сторонниками претендента Мигуэля, представителя старшей линіи королевскаго дома, низложенной за свои абсолютистскія и клерикальныя тенденціи. Претендентъ нынѣ состоитъ офицеромъ австрійской арміи.

Къ вышеупомянутому агентскому сообщенію, что «абсолютное молчаніе царить въ Лиссабонѣ» кстати будетъ прибавить изъ частной телеграммы парижской «Temps», что немедленно послѣ катастрофы всѣ магазины и лавки были заперты, всѣ кафе и рестораны опустѣли и позакрывались, трамваи ходили безъ единого пассажира. Паника охватила все населеніе столицы. Оно ожидало ужасовъ, потому что хорошо знало своего премьеръ-министра Іоанно Франко, облеченнаго покойнымъ королемъ властью диктатора для обузданія всѣхъ оппозиционныхъ элементовъ отъ умѣреннѣйшихъ реженерадоровъ (обновленцевъ) черезъ прогрессивистовъ до республиканцевъ и социалистовъ включительно. Непродолжительная диктатура Франко ознаменовалась приостановкою дѣйствія конституціи, отмѣною всѣхъ свободъ, запрещеніемъ всѣхъ оппозиционныхъ газетъ, закрытіемъ университета, роспускомъ всѣхъ выборныхъ провинціальныхъ (земскихъ) и муниципальных органовъ самоуправленія, замѣною ихъ чиновниками и массовыми арестами профессоровъ, писателей и вообще представителей оппозиціи и даже просто интеллектуальныхъ слоевъ... Вполнѣ понятны послѣ этого и абсолютное молчаніе, воцарившееся въ Лиссабонѣ, и опустѣвшія кофейни, и пустые трамваи, и запертыя двери и ворота.

Можно было ожидать неописуемаго ужаса. Событіе 1 февраля давало къ тому много поводовъ. На первомъ же министерскомъ совѣтѣ, собранномъ немедленно послѣ кончины короля Карлоса, смѣлый Франко заявилъ, что онъ справится съ революціей, но для этого ему надобно отъ 200 до 300 головъ. Большинство ихъ уже въ казематахъ, для ареста другихъ уже приняты имъ мѣры. На этотъ совѣтъ прибылъ, однако, генцогъ Альфонсъ Опорто, братъ убитаго короля. Онъ не одобрилъ намѣреній премьера, упрекая его въ томъ, что своею политикою погубилъ короля Карлоса и въ пылу спора уже поднялъ руку, чтобы дать пощечину диктатору, но былъ удержанъ другими министрами.

Не считая своей партіи проигранной, Франко отправился во дворецъ, но здѣсь королева Амалія его встрѣтила вогласомъ, указывая на тѣла короля и наследника: «Полюбуйтесь дѣломъ рукъ вашихъ, потому что не кто иной, какъ вы, настоящій убійца моего мужа и моего сына!» и приказала удалиться. Король принявъ отставку диктатора и его министерства. Такъ пала эта диктатура, принесшая много испытаній благородному португальскому народу и приведшая, по мнѣнію супруги и брата покойнаго короля, къ потрясающей катастрофѣ 1 февраля (19 янв.).

Отставка кабинета Іоанно Франко была рѣшена утромъ 2 февр. (20 янв.), а наканунѣ (вечеромъ 1 февр.) былъ выпущенъ первый манифестъ короля Мануила II, показывающій, что сначала онъ не думалъ расставаться съ прославившимся диктаторомъ. Манифестъ заявляетъ о намѣреніи короля соблюдать конституцію и о сохраненіи прежняго министерства, которое въ полномъ составѣ и скрѣпило манифестъ. За ночь произошли какія-то крупныя перемены въ настроеніи двора и, вопреки словамъ манифеста, министерство было тотчасъ же отставлено отъ власти. Мануиль II вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ на путь либеральныхъ реформъ, образовавъ министерство изъ представителей реженерадоровъ и прогрессистовъ, т. е. изъ всѣхъ элементовъ династической оппозиціи.

Чтобы яснѣе представить и лучше понять эти крупныя событія, необходимо возвратиться къ недавнему прошлому этой высоко взмысканной природою страны и даровитаго, рыцарски благороднаго населенія. Ни богатая природа, ни достоинства португальскаго народа не помѣшали Португаліи пребывать въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ угнетеніи. Тому было много историческихъ причинъ. О главнѣйшихъ вкратцѣ и поговоримъ теперь.

II.

Самая юго-западная часть Европы, съ двухъ сторонъ омываемая теплымъ океаномъ, Португалія представляетъ горную страну, разрѣзанную на четыре части долинами трехъ большихъ рѣкъ, стекающихъ съ высокихъ плато Кастиліи, прорывающихъ меридіональный окраинный хребетъ этихъ плато и, оросивъ Португалію, впадающихъ въ Атлантическій Океанъ. Это Дуэро, Тахо и Гвадіана. Широкія и плодородныя долины, промытыя и орошаемыя этими могучими рѣками, окаймлены съ обѣихъ сторонъ и отдѣлены другъ отъ друга высокими горными хребтами, отрогами испанскихъ горныхъ системъ. Хребты проходятъ параллельно рѣкамъ, но своими отпрысками наполняютъ всѣ пространства между долинами. Самый высокій—самый сѣверный (сѣвернѣе Дуэро), на нѣкоторыхъ вершинахъ несетъ снѣгъ большую часть гѣта. Всѣ имѣютъ наверху прекрасныя альпійскіе луга, ниже широкую полосу высокоствольныхъ лѣсовъ вѣчно зеленыхъ южно-европейскихъ лѣсныхъ породъ. Ниже—культурная полоса, изобильно изрѣзанная рѣчками и ручьями, посылаемыми горными лѣсами и холодными вершинами. На вершинахъ скотоводство, въ лѣсахъ—дровосѣки, смолокуры и т. д., въ долинахъ главный контингентъ населенія, но преимуществу земледѣльческаго, по морскому побережью—обширное рыболовство, судоходство и судостроеніе. Городовъ немного и большую частью незначительныхъ. Обрабатывающая промышленность мало развита. Горное дѣло тоже, хотя полезныхъ ископаемыхъ въ горахъ не мало.

Въ Португаліи около 5 милл. населенія, 52 человекъ на квадрат. километръ. Это очень немного, вдвое менѣе, чѣмъ, напр., въ Подольской губерніи, тоже по преимуществу земледѣльческой. Хотя Подольская губернія и принадлежитъ къ благодатнѣйшимъ уголкамъ Россіи, но все же много уступаетъ Португаліи. Учетверивъ населеніе, Португалія была бы еще населена слабо. И эти 20 милл. могли бы благоденствовать, а теперь 5 милл. бѣдствуютъ. Даже хлѣбъ ввозится порою изъ-за границы. Отчего эта пустынность страны, отчего эта бѣдность, отчего эта косность?

Нѣкогда, около 2000 лѣтъ тому назадъ, эта еще дикая лѣсная страна была населена вольнолюбивыми, свободными, самоуправляющимися горцами, лугитанами. Римлянамъ зачѣмъ-то понадобилось ихъ покорить. Долгая, упорная, мучительная и разорительная борьба кончилась, конечно, торжествомъ римскихъ легионовъ надъ храбрыми, но разрозненными и недисциплинированными лугитанскими кланами. Римляне имъ принесли безопасность и культуру, но отняли политическую самостоятельность, общественную

организацію, всѣ навыки, необходимые для самостоятельности и самообороны. Нѣсколько вѣковъ римскаго владычества совершенно изгладили эти навыки. Лузитанцы приняли латинскій языкъ и латинскую религію (католическую), но этого было мало, когда, послѣ упадка римскаго могущества, варвары хлынули и на Пиринейскій полуостровъ. Сначала это были свевы и вандалы, потомъ вестготы, потомъ мавры. Культурные слои были уничтожены (кромѣ духовенства) еще вандалами, свевами и готами. Послѣдніе ввели феодальную систему, обратили земледѣльческое населеніе въ крѣпостныхъ, разорили города, но не устояли противъ магометанскаго нашествія, и страна, какъ и сосѣдняя Испанія, подпала подъ новое иго. Религія теперь соединяла романскихъ рабовъ и вестготскихъ дворянъ и противопоставляла ихъ мусульманскимъ владетелинамъ. Вѣками шла эта неравная борьба, все тѣснѣе спланивая духовенство, дворянство и народъ въ общей ненависти къ угнетателямъ, въ общей вѣрѣ въ католическія святыни и католическихъ небесныхъ заступниковъ, въ общей преданности ихъ земнымъ помазанникамъ. Когда Португалія освободилась, вѣка ига, борьбы и упованій сдѣлали свое дѣло. Иго иновемцевъ смѣнилось духовнымъ игомъ католической іерархіи, неограниченнымъ абсолютизмомъ королевской власти надъ всѣми, дворянскимъ господствомъ надъ низшими классами.

То же самое произошло и въ сосѣдней Испаніи. То же самое исторія записала на свои анналы и въ далекой Россіи. И тамъ, подъ иными небесами иная раса пережила иго и вышла изъ-подъ него подъ духовную власть невѣжественнаго духовенства и абсолютный произволъ Іоанновъ... И Португалія такъ же, какъ Испанія и Россія, до сихъ поръ не освободилась отъ горестныхъ послѣдствій этой средневѣковой эволюціи.

Къ XV—XVI вв. сложился этотъ типъ португальской націи. Временное господство Испанія также какъ и реформаторскія попытки Помбала въ XVIII в. не измѣнили его, и только потрясенія революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ глубоко взволновали народную массу. Французы уничтожили крѣпостное право и всякія феодальныя привилегіи. Они ввели всяческія свободы, но хозяйничали въ Португаліи, какъ въ завоеванной странѣ. Португальцы возстали и съ помощью высадившихся англичанъ (армія Веллингтона) трижды освобождались отъ французовъ, несмотря на то, что французами командовали такіе выдающіеся полководцы, какъ маршалы Сультъ и Массена. Съ паденіемъ наполеоновской имперіи кончилась и эта борьба, но португальцы скоро увидѣли, что они только переимѣнили господъ. Англичане укрѣпились въ странѣ и стали распоряжаться, какъ бы у себя дома. Португальцы снова возстали, вызвали бѣжавшую отъ французовъ въ Бразилію королевскую династію де-Браганца, и при дипломатической поддержкѣ великихъ державъ избавились отъ англійской оккупаци. Эта многолѣтняя борьба съ иновемцами снова и снова

сплавала въ солидарности португальскій народъ и съ королевскимъ домомъ, и съ туземными угнетателями, феодалами и католическимъ духовенствомъ.

Это новое единеніе угнетаемыхъ и угнетателей на почвѣ патристической и религіозной обороны отъ иноземцевъ не могло не усиливать позиціи угнетателей, не могло не служить реставраціи безславнаго строя, приведшаго Португалію къ нищетѣ, невѣжеству, виѣшнему безсилію. Однако, полная реставрація оказалась уже невозможною. Нельзя было возстановить крѣпостное право. Невозможно было и вытравить изъ умовъ населенія новыхъ идей, занесенныхъ болѣе культурными, болѣе просвѣщенными и болѣе свободными иноземцами, французами и англичанами. Уже не одинъ Помбаль, какъ полстолѣтіе назадъ, сознавалъ необходимость реформъ, а появилось довольно сильное, политическое теченіе, поставившее своею задачею преобразование государственнаго строя на началахъ политической свободы и народнаго представительства. Король Педро сочувствовалъ этому движенію, но предпочиталъ быть императоромъ Бразиліи, а не королемъ Португаліи (Бразилія признала несомнѣстимость этихъ двухъ коронъ). Педро провозгласилъ королевой свою малолѣтнюю дочь, помолвилъ ее съ представителемъ второй линіи, принцемъ Мигуэлемъ, назначилъ его регентомъ, октроировалъ конституцію (1826 г.) и отрекся отъ престола, уѣхавъ царствовать въ Бразилію.

Конституція 1826 г., просуществовавшая съ перерывами и незначительными подправками до правленія Карлоса I, заключала въ себѣ обычныя гарантіи личныхъ свободъ и ограниченіе королевской власти парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ. Нижняя палата избирается населеніемъ при довольно высокомъ имущественномъ цензѣ, но для лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ, и для офицеровъ арміи и флота, сдѣлано исключеніе, и они включены въ составъ избирателей безъ всякаго имущественнаго ценза. Верхняя палата состоитъ: 1) изъ лицъ, заставляющихъ по праву (принцы королевскаго дома и епископы) 2) по назначенію короля пожизненно (100 членовъ), и 3) членовъ по выбору (50) отъ университетовъ, ученыхъ и торговыхъ корпорацій и пр.

Первый перерывъ конституціонной жизни сдѣлалъ регентъ, который, опираясь на сильную клерикально-феодалную партію, низложилъ малолѣтнюю королеву, провозгласилъ себя королемъ, упразднилъ конституцію и возстановилъ неограниченную монархію. Сторонники новаго строя сгруппировались вокругъ королевы и вооруженною рукою отражали нападенія захватившихъ власть абсолютистовъ. Педро успѣшилъ прибыть изъ Бразиліи и своею популярностію поддержалъ дѣло своей дочери и реженерадоровъ (какъ называли себя ея сторонники). Онъ побѣдилъ Мигуэля и возстановилъ на престолѣ дочь, а съ нею и конституцію 1826 года. Успокоивъ страну и по возможности

упрочивъ новый порядокъ, Педро объявилъ себя регентомъ до совершеннолѣтія дочери и спокойно правилъ до смерти въ 1834 году. Клерикалы и абсолютисты не отказались, однако, отъ своихъ замысловъ и не разъ потомъ прерывали и колебали конституціонную жизнь страны, стремясь свергнуть женскую линію и замѣнить ее мужскою (что по законамъ было и правильнѣе), сначала Мигуалемъ, потомъ его наследниками. Реженераторы боролись съ реакціонерами и отстаивали хартію 1826 года, но очень слабо сопротивлялись деспотическимъ склонностямъ нѣкоторыхъ королей и невольно уступали могуществу духовенства. Это привело къ образованію новыхъ партій: *прогрессистовъ*, которые желали точнаго соблюденія конституціи, новыхъ либеральныхъ реформъ и облегченія состоянія земледѣльческаго населенія, и *республиканцевъ*, которые отчаялись въ конституціонной долготѣ династїи и стремились къ замѣнѣ монархическаго строя республиканскимъ. Тѣ и другіе скоро появились въ парламентѣ, а прогрессисты все росли въ числѣ.

Таково было внутреннее положеніе Португалїи, когда въ 1889 году король Карлъ I вступилъ на престолъ: справа высшее духовенство и высшая аристократія, легитимисты, сторонники линіи Мигуала; въ центрѣ—правительственная партія реженераторовъ, уже включавшая въ себя сильныя духовныя и феодальныя элементы, тоже клерикально-абсолютистскіе, но признающіе царствующую линію; слѣва—династическая оппозиція, прогрессисты, очень популярныя въ обществѣ сторонники полнаго осуществленія парламентскаго режима и другихъ прогрессивныхъ реформъ; и оппозиція антидинастическая, республиканцы, становившіеся все болѣе популярными въ народныхъ массахъ, лишенныхъ избирательнаго права.

III.

Въ 1889 году положеніе дѣлъ было очень запутанное. Внутри смута, а во внѣшнихъ отношеніяхъ острый конфликтъ съ Англіей изъ за разграниченія африканскихъ владѣній. Къ тому же положеніе финансовъ было отчаянное. Англіи пришлось уступить по всѣмъ пунктамъ, а финансы залѣчить, объявивъ государство банкротомъ. Неудовольствіе въ странѣ росло, и послѣ нѣсколькихъ смѣнявшихся одно другое министерствъ, въ 1893 году король вручилъ власть кабинету Гинце-Робейро, принадлежавшему къ правымъ реженераторамъ. Чтобы успокоить страну, это министерство прибѣгло къ репрессіямъ, а въ 1895 году простымъ декретомъ короля реформировало конституцію. Въ верхней палатѣ упразднило выборныхъ членовъ, а назначаемыхъ королемъ уменьшило со 100 до 90, что дало возможность оставить за штатомъ 10 безпокойныхъ перовъ. Число членовъ нижней палаты было уменьшено со 180 до 120, а

лица съ образовательнымъ цензомъ и военные (кромѣ генераловъ) были лишены избирательныхъ правъ. Правительство надѣялось этимъ путемъ получить послушный парламентъ. Верхняя палата стала дѣйствительно просто департаментомъ всякаго министерства. И въ нижней палатѣ большинство было обезпечено за министерской партіей, но оппозиція была все-таки сильна и ея голосъ волновалъ общество и народъ. Правительство старалось обуздать печать и митинги, принимало репрессивныя мѣры противъ провинціальныхъ и муниципальных выборныхъ учреждений, по ничего не помогало. Движеніе росло. Въ обществѣ усиливались прогрессисты. Въ народныхъ массахъ разливалась республиканская пропаганда. Организовалась и немалозначительная социалистическая партія. Министерства мѣнялись, а положеніе дѣлъ становилось все сложнѣе и труднѣе. Удержаться съ умѣренно правыми реженерадорами было невозможно. Надо было полѣвѣть, чтобы ослабить республиканскую пропаганду въ народѣ и возбудить довѣріе въ обществѣ.

Король Карлосъ I мало интересовался политикой. Онъ былъ любитель-акварелистъ, коллекціонеръ, тонкій цѣнитель искусства и поэзіи. Онъ любилъ путешествовать и охотно предоставлялъ министерствамъ свободу дѣйствій. Конечно, онъ не желалъ умащенія своей власти и ослабленія своего авторитета, но какъ этого достигъ, предпочиталъ не размышлять и возлагалъ на министерства, которыя и смѣнялъ за ихъ неудачи. Когда же въ 1905 году обнаружился бунтъ во флотѣ, Карлосъ разстался съ умѣренно-правыми реженерадорами и передалъ власть небольшой группѣ крайнихъ правыхъ реженерадоровъ съ Іоанно Франко во главѣ. Эта группа уже совершенно отеклась отъ либерализма реженерадоровъ и стала откровенно реакціонной. Отъ легитимистовъ она отличается только тѣмъ, что не призываетъ на престолъ Мигуэля. Мы уже выше сказали, что она сдѣлала: приостановила конституцію и разогнала парламентъ, замѣнила всѣ выборныя учреждения комиссіями чиновниковъ, отмѣнила всякія свободы, задавила печать, закрыла университетъ, наполнила тюрьмы представителями оппозиціи. Мы видѣли выше, что диктаторъ собирался на новые подвиги въ томъ же направленіи, но король Мануиль II остановилъ его стремленія и Франко скрылся за-границу. Въ настоящее время всемогущій диктаторъ скитается по городамъ и желѣзнымъ дорогамъ Испаніи, Италіи и Франціи, постоянно мѣняя мѣстожительство и постоянно выслѣживаемый газетными репортерами, которые не даютъ ему скрыться въ безвѣстномъ отсутствіи. Франко боится мести, но теперь Португалія такъ ликуетъ, отъ него освободившись, что едва-ли въ радостныхъ сердцахъ великодушнаго народа зрѣютъ чувства мести.

Мануиль, уволивъ диктатора и его кабинетъ, составилъ новое министерство, подъ предсѣдательствомъ безпартійнаго адмирала, изъ-

равнаго числа реженерадоровъ и прогрессистовъ. Правые реженерадоры, которыхъ по справедливости называютъ реакціонерами, въ кабинетъ не вошли, а только лѣвые, сохранившіе приверженность конституціи и политическимъ вольностямъ. Покамѣстъ король и его министры успѣли принять слѣдующія мѣры для дѣйствительнаго успокоенія и умиротворенія страны: общая политическая амнистія (по желанію Мануила въ нее включены и моряки, бунтовавшіе въ 1905 году); восстановленіе выборныхъ самоуправленій и передача чиновничьими комиссіями всѣхъ провинціальныхъ и муниципальных дѣлъ органамъ самоуправления; отмѣна всѣхъ изданныхъ диктаторомъ ограниченій и запрещеній по дѣламъ печати, союзовъ и собраній (оппозиціонная печать начала снова выходить); возобновленіе занятій въ университетѣ, отмѣна конституціоннаго преобразованія 1895 года и созывъ избирателей для выборовъ (въ мартъ) въ парламентъ. Нація встрѣтила эти мѣры съ восторгомъ. Адреса и депутаціи стекаются въ Лиссабонъ со всѣхъ сторонъ Португаліи. Манифестаціи въ честь короля состоялись тоже по лицу всей страны. Даже республиканцы, послѣ многолюднаго делегатскаго съѣзда, заявили, что если нынѣшнее королевское правительство дѣйствительно обезпечитъ и упрочитъ политическую свободу и демократическую конституцію, то они откажутся отъ революціонныхъ методовъ борьбы и будутъ проводить свои демократическія идеи мирнымъ путемъ.

Разстроенная фракція династическихъ реакціонеровъ тоже собиралась на совѣщаніе и рѣшила выжидать, но зато реакціонеры антидинастическіе проявляютъ большую дѣятельность. Самъ претендентъ внезапно скрылся изъ Австріи и неизвѣстно, гдѣ находится. Онъ имѣетъ много приверженцевъ не только въ духовенствѣ и аристократіи, но и въ арміи, а династическіе реакціонеры арміи переходятъ въ лагерь антидинастическихъ. Это грозитъ серьезною опасностью королю Мануилу и его правительству. Послѣднія телеграммы иностранныхъ газетъ (наше телегр. агентство не интересуется португальскими дѣлами) принесли тревожныя извѣстія. Правительство принимаетъ обширныя военныя мѣры предосторожности. Алчность и честолюбіе одного человѣка и кучки его клерикально-феодалныхъ клевретовъ могутъ наслать на измученную страну новыя тяжелыя испытанія.

Сѣверо-американская армада двигается къ все еще неизвѣстной цѣли. Она останавливалась у острова Тринидада, гдѣ была любезно принята британскими властями и съ энтузіазмомъ мѣстнымъ британскимъ и испанскимъ населеніемъ. Изъ Тринидада флотъ вице-адмирала Ивенса прошелъ прямо въ Рио-де-Жанейро, столицу Бразиліи. Ему навстрѣчу вышелъ отрядъ бразильскаго флота. Приемъ былъ торжественный и въ высшей степени дружескій. Президенты

Бразильской и Сѣверо-Американской республикъ обмѣнялись многозначительными телеграммами о солидарности и дружбѣ, связывающихъ Бразилію и Соединенные Штаты. Въ Рио-де-Жанейро къ флоту вице-адмирала Ивенса присоединилась минная флотилія (шесть контръ-миноносцевъ). Оставивъ радужную столицу Бразиліи, Ивенсъ нигде не заходилъ, прямо направляя свой путь къ Магелланову проливу.

Интересно отмѣтить, что телеграмма, извѣщавшая о вступленіи американскаго флота въ Магеллановъ проливъ, совпала съ извѣстіемъ о внезапномъ совершенномъ прекращеніи японской иммиграціи на тихо-океанскіе берега Сѣверной Америки. Читатели, можетъ быть, помнятъ, что ранѣе дружественныя усилія японскаго правительства были безсильны не только прекратить, но хотя-бы сократить наплывъ японскихъ кули на американскіе берега и вдругъ полное прекращеніе... По истинѣ чудесное дѣйствіе армады, какъ разъ передъ ея вступленіемъ въ мирныя воды Тихаго океана.

Вице-адмиралъ Ивенсъ, между тѣмъ, плыль и плыль, вышелъ въ Тихій Океанъ посѣтилъ Вальпарайсо, гдѣ его радушно встрѣтили чилийцы, ихъ президентъ и ихъ флотъ, небольшой, но уже сумѣвшій выказать морскія достоинства. Послѣ Чили очередь пришла Перу, гдѣ армада Ивенса была встрѣчена съ энтузіазмомъ. Отплылъ онъ уже и оттуда, теперь уже пересѣкъ экваторъ и находится снова въ сѣверномъ полушаріи, но куда онъ плыветъ, въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, еще неизвѣстно. Ходятъ слухи, что флотъ раздѣлится и часть его подъ флагомъ контръ-адмирала Томаса (5 — 6 линейныхъ кораблей и 6 контръ-миноносцевъ) направится на Филиппины, соединится съ тамъ стоящей эскадрою и займется созданіемъ изъ острова Люсона и Манильской бухты первоклассной морской базы. Сухопутныя войска уже доставлены туда. Инженеры возводятъ укрѣпленія. Доставляютъ большіе пловучіе доки, строятся огромныя сухіе, морской арсеналъ уже оборудованъ и снабженъ, угольные склады тоже. Остальные 10—11 линейныхъ кораблей идутъ подъ флагомъ Ивенса, вѣроятно, въ Санъ-Франциско, такъ какъ туда-же направляется вся американская регулярная армія (60 тыс. челов.) и тамъ-же созывается милиція западныхъ штатовъ для совмѣстныхъ съ флотомъ маневровъ на морѣ и на сушѣ. Впрочемъ, все это только слухи и догадки.

Достоверно извѣстно, что правительство Австраліи пригласило американскій флотъ посѣтить австралійскія воды и гавани и что американское правительство съ радостью приняло приглашеніе австралійцевъ, было даже польщено этимъ приглашеніемъ. Возобновились слухи о возможности возвращенія части флота вице-адм. Ивенса въ Атлантическій Океанъ черезъ Суэцкій каналъ и европейскія моря.

Во всякомъ случаѣ, совершенно согласно съ выраженными нами надеждами въ прошлой хроникѣ, войны между Америкой и Япо-

ней въ этомъ году не предвидится, и флотъ Ивенса сослужилъ великую службу своей родинѣ, не истративъ ни одного снаряда, Японская иммиграція прекратилась, а виконтъ Гашии вручилъ американскоу посланнику ноту, которая должна удовлетворить Вашингтонское правительство. Соглашеніе еще не оформлено, но острота переговоровъ исчезла и прежде чѣмъ будетъ рѣшенъ дальнѣйшій маршрутъ вице адм. Ивенса, все будетъ окончательно улажено.

Этотъ огромный успѣхъ Соединенныхъ Штатовъ совпалъ съ избирательною президентскою кампаніей и, конечно, послужить на пользу республиканцевъ.

Кромѣ Португаліи и Дальняго Востока, цивилизованный міръ очень интересовался въ отчетномъ мѣсяцѣ балканскими дѣлами и выступленіемъ Австріи съ планами желѣзнодорожнаго строительства, за которыми прозрачно видны планы политическіе. Одновременно съ этимъ неизвѣстно откуда появились слухи о предстоящей войнѣ между Россіей и Турціей. Это тревожило Европу, но еще недостаточно выяснилось для сужденія.

С. Юмаковъ.

На очередныя темы.

Революція наоборотъ.

III.

«57 милліоновъ десятинъ»... Такое количество земли, какъ мы видѣли, правительство изъявило готовность передвинуть въ крестьянскую сторону. Даже больше... «Я цифры не оспариваю»—заявилъ во второй Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ. Мною были уже приведены его слова: «придется всѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, какое имъ необходимо»... И довести до такихъ размѣровъ земельный запасъ не трудно. «Вѣдъ правительство—говорилъ г. Столыпинъ—только недавно начало образовывать земельный фондъ, вѣдъ крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями»... Говоря коротко: «помѣщичьей земли намъ не жалко и мы можемъ дать ее сколько угодно»,—таковъ былъ смыслъ правительственной деклараціи въ этой ея части.

Можно, конечно, думать, что въ данномъ случаѣ это была готовность только на словахъ,—готовность, засвидѣтельствовать не-

тору передъ лѣвой Думой по тѣмъ или инымъ соображеніямъ считало нужнымъ правительство. Про себя же предсѣдатель совѣта министровъ, можетъ быть, думалъ, что такого количества земли въ дѣйствительности не потребуется, тѣмъ болѣе, что революція, когда онъ говорилъ свою рѣчь,—а это было 10 мая 1907 года, т. е. меньше, тѣмъ за мѣсяць до іюньскаго переворота,—уже близилась къ своему «окончанію». Поэтому, быть можетъ, онъ и счелъ излишнимъ «оспаривать цифру». Потомъ видно будетъ... Надо сказать, что и самая возможность передвинуть такое количество земли, о которомъ упомянулъ г. Столыпинъ,—передвинуть тѣмъ путемъ, какой облюбовало правительство,—представлялась въ это время уже сомнительною. Правда, широкая публика еще не знала о затрудненіяхъ, какія встрѣтились въ дѣятельности крестьянскаго банка, но предсѣдателю совѣта министровъ они были, конечно, извѣстны. Нѣсколько странно поэтому перечитывать его рѣчь теперь, когда многое уже выяснилось. Возможно, что и тогда это была одна только словесность...

Несомнѣнно, однако, что раньше былъ періодъ, когда правительство не только на словахъ, но и на дѣлѣ готово было предоставить крестьянамъ землю въ значительномъ количествѣ и, главное, вѣрило, что оно можетъ это сдѣлать помимо принудительнаго отчужденія. Напуганные аграрными безпорядками помѣщики уже къ концу 1905 года въ значительной своей части почувствовали необходимость отдать землю. Бываетъ вѣдь, что и лакомую кость приходится бросить... Крестьянскій банкъ послѣ того, какъ указомъ 3 ноября 1905 года ему было разрѣшено покупать земли не только за наличныя, въ размѣрѣ имѣющихся у него свободныхъ средствъ, но и въ долгъ, путемъ выпуска закладныхъ свидѣтельствъ, былъ немедленно «перегруженъ предложеніями». Если одни изъ помѣщиковъ не теряли еще надежды «отсидѣться», превративъ свои усадьбы въ крѣпости, то другіе спѣшили развязаться съ землей, благо это можно было сдѣлать на достаточно выгодныхъ условіяхъ. Послѣднихъ становилось все больше и больше. Высшаго напряженія это стремленіе разрѣшить такимъ путемъ аграрный вопросъ—разрѣшить каждому для себя—достигло въ помѣщичьей средѣ, какъ можно думать, въ дни первой Думы, когда, кромѣ захвата снизу, достаточно ясно обрисовалась и другая опасность—принудительнаго отчужденія сверху. «Помѣщики—сообщалъ въ свое время «Саратовскій Листокъ»—стараются ликвидировать всѣ свои связи съ деревней... По 1 іюля въ трехъ уѣздахъ (Аткарскомъ, Петровскомъ и Сердобскомъ) заявлено крестьянскому банку о продажѣ 600 тыс. десятинъ помѣщичьихъ земель. Изъ распросовъ землевладѣльцевъ и ихъ управляющихъ оказывается, что буквально всѣ владѣльцы сдѣлали заявленія о желаніи продать черезъ крестьянскій банкъ свои имѣнія». Постепенно захватывая все большую и большую часть помѣщичьяго класса, рѣшимость отдать

землю передалась въ концѣ концовъ и правительству. Въ аграрныхъ указахъ, какими началось первое междудумье, совершенно явственно прозвучала эта нота. Правительство какъ бы говорило ими крестьянамъ:

— Вы добываетесь удѣльной земли? Извольте... Желаете получить казенную? Можно и ее... Помѣщицью? И за нею дѣло не станетъ...

Почти все междудумье продолжалось усиленныя предложенія земли помѣщиками и усиленная скупка ее крестьянскимъ банкомъ. Бывали дни, когда газеты приносили извѣстія о сдѣлкахъ на сотни тысячъ десятинъ, на десятки миллионъ рублей. «Графъ Строгановъ—сообщило, наприимѣръ, телеграфное агентство 28 августа 1906 года—изъявилъ согласіе передать крестьянскому банку Ильинское имѣніе, расположенное въ 4 уѣздахъ, площадью свыше миллиона десятинъ, при условіи покупки имѣнія полностью». Крестьянскому поземельному банку—читали мы въ «Товарищѣ» отъ 20 января 1907 года—предложено тремя продавцами земля 113.935 дес. за 13.098.965 руб. Въ числѣ ихъ: наследники Нарышкина 44.802 дес. за 5.798.963 руб., фонъ-Гельмерсенъ 49.960 дес. за 4.106.000 руб., Дурново 19.673 дес. за 3.200.000 руб. Въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, что «ко дню созыва Государственной Думы—какъ формулировали нѣкоторыя газеты—частновладѣльческія усадьбы будутъ составлять величайшую рѣдкость. Думѣ будутъ преподнесены лишь обязательства крестьянскаго банка на сотни миллионъ руб.»¹⁾

Теперь мы имѣемъ нѣкоторыя итоговыя данныя, чтобы судить о размѣрахъ этого ликвидаціоннаго движенія въ помѣщицкѣй средѣ. Съ 3 ноября 1905 года по 1 января 1907 года помѣщиками было предложено крестьянскому банку 8.742.825 дес. земли; кромѣ того непосредственно крестьянами за то же время было приторговано у нихъ 1.725.398 дес.; такимъ образомъ за 14 мѣсяцевъ помѣщики изъявили готовность продать свыше 10 милл. дес. или около $\frac{1}{7}$ всей принадлежащей имъ земли. Чтобы пояснить значеніе этой цифры, не лишне будетъ прибавить, что помѣщики различныхъ мѣстностей далеко не въ одинаковой степени были охвачены этой ликвидаціонной горячкой.

Поляки—съ горечью писало „Новое Время“ въ декабрѣ 1906 г.—крѣпко держатся за землю и только въ рѣдкихъ случаяхъ продаютъ свои имѣнія. Въ теченіе года въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго банкъ могъ купить только пять имѣній и то небольшихъ. Въ этихъ пяти имѣніяхъ всего 1669 дес... Незначительны покупки банка и въ Западномъ краѣ... Не продаютъ имѣній и прибалтійскіе нѣмцы. Въ теченіе года во всемъ Прибалтійскомъ краѣ банкомъ куплено только одно имѣніе въ Лифляндской губ., состоящее изъ 1.290 дес... Главнымъ клиентомъ банка

¹⁾ „Саратовскій Листокъ“. Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 17 сентября 1906 г.

по продажѣ имѣній является русскій дворянинъ-помѣщикъ. Главными центрами покушнн дѣятельности банка—самыя дворянскія губерніа* *).

И помѣщикъ, надо прибавить, по преимуществу крупный... По расчетамъ г. Кутлера **) до 1 января 1907 г. банку было предложено помѣщиками имѣющими:

менѣе 100 дес.	0,5%	ихъ земли
100—500 „	6,2 „	„ „
500—1000 „	11,3 „	„ „
1000—2000 „	12,4 „	„ „
Свыше 2000 „	16,1 „	„ „

Съ особою силою ликвидационное движеніе сказалось въ поволжскихъ и прилегающихъ къ нимъ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ аграрные безпорядки отличались особою интенсивностью. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній было заявлено въ продажу свыше $\frac{1}{3}$ помѣщицкѣй земли. Въ частности, помѣщиками-дворянами, по расчетамъ г. Горна ***) , было предложено банку и продано непосредственно крестьянамъ до 1 января 1907 года:

въ Пензенской губ.	33%	всей ихъ земли
„ Саратовской „	49 „	„ „
„ Симбирской „	50 „	„ „
„ Самарской „	60 „	„ „

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ видятъ читатели, дѣйствительно можно было ожидать, что частновладѣльческія—и тѣмъ болѣе дворянскія—усадьбы скоро будутъ «составлять величайшую рѣдкость», и что крестьянская масса—не дубьемъ уже, а рублемъ—избавится все-таки отъ помѣщиковъ.

Что изъ этого выйдетъ?—съ тревогой спрашивало „Новое Время“ въ цитированной уже мною статьѣ.—Послужитъ ли эта ликвидація помѣщицкихъ имѣній на пользу крестьянской массы, въ интересахъ которой она предпринята, покажетъ будущее.

Но въ ту пору даже «Новое Время» не считало возможнымъ остановиться.

Во всякомъ случаѣ—читали мы дальше—въ такомъ дѣлѣ, разъ оно начато, останавливаться на полпути нельзя; необходимо вести его дальше съ той напряженной и обдуманной энергіей, въ той обстановкѣ и въ томъ

*) „Новое Время“, 18 декабря 1906 г.

**) См. „Новый періодъ дѣятельности крестьянскаго банка“. „Русская Мысль“, 1907 г. декабрь. Въ этой статьѣ подвергнуты обстоятельной обработкѣ данныя „Обзора дѣятельности крестьянскаго банка съ 3 ноября 1906 г. по 1 января 1907 г.“, каковой обзоръ былъ составленъ администраціей банка для второй Думы, но не былъ послѣдней предьявленъ за ея роспускомъ. Въ той же статьѣ приведены нѣкоторыя данныя о дѣятельности кр. банка за 1907 г. (до 1 сентября), полученныя г. Кутлеромъ частнымъ путемъ.

***) „Товарищъ“ 21 декабря 1907 г.

размѣръ, которые соотвѣтствовали бы его великому государственному значенію примирителя интересовъ дворянства и крестьянства двухъ сословій, которыми создано, держалось и держится русское государство.

Правительство такъ и поступило. Оказывая энергичную поддержку помѣщикамъ, которые продолжали «отсиживаться», оно прилагало вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ усилія, чтобы облегчить задачу тѣмъ изъ нихъ, которые рѣшили уже ликвидироваться. Такимъ образомъ оно регулировало «размѣры» помѣщичьей распродажи и одновременно съ этимъ создавало «обстановку», благоприятную для ликвидаціи. Въ этомъ послѣднемъ направленіи одну изъ главныхъ работъ составило изысканіе средствъ, которыя могли бы удовлетворять помѣщиковъ. Соглашаясь «бросить кость», послѣдніе желали все-таки обглодать ее возможно чище...

Надо сказать, что съ финансовыми вопросами правительству пришлось столкнуться очень скоро послѣ того, какъ крестьянскій банкъ приступилъ къ скупкѣ земли. По своему уставу послѣдній выдавалъ ссуды и платилъ за приобретаемая имъ самими земли наличными деньгами, принимая на свой счетъ курсовую разницу, какая получалась при продажѣ закладныхъ свидѣтельствъ на биржѣ. Между тѣмъ эта разница достигла за время войны и смуты значительныхъ размѣровъ. Въ концѣ 1905 и началѣ 1906 года $4\frac{1}{2}\%$ свидѣтельства крестьянскаго банка расцѣнивались на биржѣ около .5 за 100. Такимъ образомъ, при выпускѣ свидѣтельствъ на каждые 100 руб., которые получали продавцы земли, банкъ долженъ былъ приплачивать изъ своихъ средствъ 25 руб., что при начавшемся расширеніи операцій ему было совершенно не под силу. Идя этимъ путемъ, онъ неизбѣжно и очень скоро долженъ былъ прійти къ банкротству *).

Чтобы избавить крестьянскій банкъ отъ непосильныхъ для него убытковъ, пришлось прибѣгнуть къ той мѣрѣ, которую практикуютъ всѣ частные земельные банки. Высочайше утвержденнымъ 21 марта 1906 г. мѣрніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено выдавать ссуды и платить за покупаемая земля, вмѣсто наличныхъ денегъ, 5% -ными свидѣтельствами банка по нарицательной ихъ цѣнѣ.

*) Надо сказать, что по отношенію къ ссудамъ, выдаваемымъ при покупкѣ земли самими крестьянами, этотъ вопросъ былъ своевременно предусмотрѣнъ. Возстановляя 14 іюля 1905 года операціи банка, ограниченныя въ 1.04 г. по случаю будто бы войны, правительство повысило взимаемые съ крестьянъ платежи, при чемъ на нихъ была передожена улата курсовой разницы. Это не избавляло, конечно, банкъ отъ всѣхъ затрудненій, проистекавшихъ отъ низкаго курса его бумагъ, но такимъ путемъ воамѣщалось все-таки, хотя и постепенно, его убытки. Въ указѣ 3 ноября 1905 г., разрѣшившемъ самому банку покупать землю, не ограничиваясь имѣющимися въ его распоряженіи свободными ресурсами, вопросъ, изъ какого источника онъ будетъ покрывать курсовую разницу, все не былъ предусмотрѣнъ.

Но эта мѣра, освобождая банкъ отъ убытковъ, рѣзко ухудшила положеніе продавцевъ земли. Получая вмѣсто наличныхъ процентныя бумаги, помѣщики, при желаніи обратить ихъ въ деньги, должны были сами нести убытки отъ курсовой разницы. Съ обще-экономической точки зрѣнія въ этомъ не было ничего ненормальнаго: въ такомъ же положеніи находились и находятся владѣльцы всѣхъ другихъ процентныхъ бумагъ и другихъ имуществъ. Желая обратить ихъ въ деньги, они должны нести всѣ невыгоды данной финансовой конъюнктуры. Но помѣщики—статья особая...

Возмѣстить имъ убытки отъ курсовой разницы можно было, конечно, повышеніемъ цѣнъ на продаваемые ими земли. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что эти цѣны всецѣло почти зависѣли отъ крестьянскаго банка. Считаясь съ «тяжелымъ положеніемъ продавцовъ земли», банкъ, при назначеніи цѣнъ на землю, несомнѣнно, принималъ въ расчетъ убытки, какіе помѣщики должны будутъ потерпѣть при продажѣ выдаваемыхъ имъ процентныхъ бумагъ на биржѣ. По крайней мѣрѣ этимъ именно сторонники банковской политики не разъ пытались объяснить и оправдать рѣзкое повышеніе земельныхъ цѣнъ, какое обнаружилось въ 1906 и 1907 годахъ. Такимъ путемъ убытки отъ курсовой разницы перекладывались въ сущности на крестьянъ-покупателей.

Не трудно, однако, было предвидѣть, что этотъ способъ вознагражденія помѣщиковъ за счетъ будущихъ крестьянскихъ платежей, чреватъ опасностями. Усиленный выпускъ закладныхъ свидѣтельствъ неизбѣжно долженъ былъ повести къ обезцѣненію ихъ на рынкѣ. Курсовая разница должна была становиться все больше. Возмѣщая ее повышеніемъ земельныхъ цѣнъ, т. е. выдачей тѣхъ же свидѣтельствъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, можно было прійти къ абсурду. Номинальныя для продавцевъ, но реальныя для покупателей цѣны на землю могли дойти въ концѣ концовъ до такихъ размѣровъ, что сбыть послѣднюю съ рукъ было бы до нельзя трудно. Можетъ быть, передъ этими грядущими затрудненіями правительство въ ту пору и не остановилось бы. Но въ паденіи курса закладныхъ свидѣтельствъ была и другая, болѣе близкая, опасность. Вмѣстѣ съ ними неизбѣжно начали бы обезцѣниваться и всѣ другія государственныя бумаги, что до крайности затруднило бы новыя займы, необходимость которыхъ такъ остро чувствовало тогда правительство.

Вознаградить помѣщиковъ, не нанося немедленнаго урона государственному кредиту, можно было лишь принимая ихъ «убытки» на счетъ казны. Но чтобы возмѣщать послѣдніе немедленно, у послѣдней не хватило бы наличныхъ ресурсовъ. Въ виду этого тѣмъ же закономъ 21 марта 1906 года была предпринята такая мѣра: продавцамъ земель или лицамъ, которыхъ они укажутъ при совершеніи сдѣлки, предоставлено было право вмѣсто

5%-ныхъ свидѣтельствъ имѣющихъ обращеніе на биржѣ, получать 6%-ныя именныя обязательства банка, переходъ которыхъ къ другимъ лицамъ допущенъ «только въ порядкѣ наслѣдованія или выдѣла нисходящихъ по записямъ». Опасность, которою угрожалъ государственному кредиту усиленный выпускъ въ обращеніе банковскихъ свидѣтельствъ, была такимъ образомъ устранена. Но зато государство приняло на себя крайне тяжелыя обязательства. Процентъ по именнымъ бумагамъ, сравнительно со свидѣтельствами, которыя въ любой моментъ можно продать, пришлось повысить, — иначе вѣдь помѣщики не стали бы ихъ брать. Незабѣжные при этомъ убытки банка, по закону 21 марта, должно покрывать государственное казначейство. Кромѣ того правительство обязалось по истеченіи пяти лѣтъ со дня выдачи именныхъ бумагъ оплатить ихъ въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ десяти лѣтъ полностью наличными деньгами, уплачивая ежегодно $\frac{1}{10}$ капитальной ихъ суммы. Само собой понятно, что выполненіе обязательства въ этой его части грозило серьезными затрудненіями уже въ ближайшемъ будущемъ государственному кредиту. Но эти тяжелыя условія, на которыхъ банкъ скупалъ помѣщичьи земли, не пугали въ то время правительство. Приходилось вѣдь опасаться, что казенный сундукъ цѣликомъ ускользнетъ изъ подъ его власти, — поэтому, быть можетъ, оно такъ легко и выдавало векселя за государственный счетъ помѣщичьему классу.

Не пугали эти векселя и послѣ... Все почти междуумье правительство охотно выдавало именныя обязательства, совершенно не задумываясь, повидимому, надъ тѣмъ, кто и какъ будетъ платить по нимъ проценты, кто и какъ оплатитъ ихъ валюту. Возникли, однако, новыя, финансовыя затрудненія. Принимая отъ банка именныя бумаги, многіе помѣщики желали все-таки немедленно превратить ихъ въ деньги. Разныя могли быть тутъ соображенія: съ одной стороны, такъ дѣло было вѣрнѣе, а съ другой — русскіе дворяне, какъ извѣстно, не любятъ, чтобы цѣнныя бумаги у нихъ залеживались, — выкупныя свидѣтельства въ свое время они вѣдь тоже очень скоро спустили. Но продать именныя обязательства, какъ я уже сказалъ, по закону можно только въ моментъ совершенія сдѣлки, записавъ ихъ за другими лицами. Охотники покупать обязательства находились, но цѣна имъ быстро стала падать. «Первыя такія передаточныя сдѣлки производились, — по словамъ «Новаго Времени», — по 86—88 к. за рубль; затѣмъ скупщики, захватившіе въ свои руки эту операцію, пользуясь паденіемъ курса на свидѣтельства банка, понизили цѣну до 82, 80 и даже 78 к.» *). Правительство и въ этомъ случаѣ пришло помѣщикамъ на помощь, — даже не вполне законное желаніе ихъ оно близко приняло къ сердцу **).

*) «Новое Время», 27 сентября 1906 г.

***) Не вполне законное — говорю я — желаніе. Разрѣшая записывать

Вся осень 1906 года прошла въ заботахъ, откуда достать для помѣщиковъ деньги. Правительство спѣшило ихъ забрать всюду, гдѣ только можно. Напомню нѣкоторыя изъ правительственныхъ распоряженій, относящихся къ тому времени.

22 іюля 1906 года совѣтъ министровъ одобрилъ представленіе министра финансовъ о помѣщеніи свободныхъ капиталовъ главныхъ управленій и министерствъ въ свидѣтельства и обязательства крестьянскаго банка. 5 августа это постановленіе совѣта министровъ удостоилось высочайшаго одобренія. Вскорѣ такое же распоряженіе было сдѣлано и относительно средствъ мѣстныхъ управленій, а также нѣкоторыхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений. 4-го октября въ управленіяхъ эмеритальныхъ кассъ и правительственныхъ пенсіонныхъ учреждений стало извѣстно, что капиталы этихъ учреждений должны помѣщаться въ 6% именные обязательства, при чемъ для нихъ былъ установленъ курсъ по 95 за 100... «Обязательства эти, прибавляла газета, сообщившая извѣстіе, — не находятъ себѣ помѣщенія даже по 79 рублей, а по 80 руб. ихъ охотно предлагаютъ большими партіями. Управленія эмеритальныхъ кассъ поставлены въ большое затрудненіе» *). Я не буду напоминать другихъ распоряженій такого рода, державшихся большею частью въ секретѣ и извѣстныхъ лишь по слухамъ... Изъ сказаннаго видно, что правительство оставалось въ данномъ отношеніи вѣрно себѣ, своему намѣренію произвести революцію наоборотъ, и, какъ я тогда же выразился, конфискуя землю по добровольному соглашенію съ помѣщиками, подвергало принудительному отчужденію въ ихъ пользу народныя сбереженія **).

Но для скупки помѣщичьихъ земель въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, въ какихъ это тогда представлялось неизбѣжнымъ, денегъ въ Россіи, завѣдомо было, не хватить. Поэтому уже въ августѣ министерствомъ финансовъ было «поручено одному изъ финансовыхъ дѣятелей вступить въ переговоры съ представителями лондонскаго денежнаго рынка относительно помѣщенія англійскихъ капиталовъ въ 6% именные свидѣтельства крестьянскаго банка» ***).

именныя обязательства въ моментъ сдѣлки на другихъ лицъ, законъ считался, конечно, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что на имѣніи могли быть долги, погасить которые владѣлецъ долженъ былъ при его продажѣ. Едва ли при этомъ предусматривалось, что именные обязательства будутъ продаваться по вольной цѣнѣ непосредственно капиталистамъ и при посредствѣ скупщиковъ или сбываться по принудительному курсу различнымъ учреждениямъ. Въ такомъ случаѣ выпускъ ихъ неизбѣжно вѣдь долженъ давить на денежный рынокъ и понижать расцѣнку другихъ процентныхъ бумагъ. Но незаконность помѣщичьихъ желаній, какъ мы сейчасъ увидимъ, пошла еще дальше.

*) «Виржевыя Вѣдомости», 5 октября 1906 г.

**) См. „Народно-соціалистическое Обозрѣніе“, вып. I. „Революція наоборотъ“.

***) „Страна“, 26 августа 1906 г.

Инициатива въ этомъ случаѣ принадлежала, повидимому, всецѣло правительству. Что касается помѣщиковъ, то они—какъ повѣдало съ наивнымъ видомъ «Новое Время»—даже «не знали, что при продажѣ имѣній обязательства можно продавать и записывать на стороннихъ лицъ, при чемъ не возбраняется передавать ихъ даже иностранцамъ *). «Министерство финансовъ—говорилось далѣе въ газетѣ—дѣйствительно намѣрено помочь продавцамъ имѣній болѣе выгодно помѣщать эти обязательства»... Чѣмъ кончились переговоры правительства относительно залога русской земли иностранцамъ, остается въ тайнѣ. Въ городѣ же упорно говорили послѣ того о конторѣ, которую будто бы открыли на Невскомъ англійскіе капиталисты для скупки банковскихъ обязательствъ. Насколько эти слухи вѣрны, сказать, конечно, трудно. Не лишне однако будетъ отмѣтить, что вотъ уже второй годъ въ «Новомъ Времени» почти ежедневно печатаются слѣдующія два объявленія:

ИМѢЮ ПОКУПАТЕЛЕЙ НА 6^о | обязательств.
| о Крестьянск.
Земел. Банка. Адрес.: Невскій, д. 140—2, кв. 25.

ВЫПИСАН. 6^о ОБЯЗАТ.

Крест. позем. 6-ка (сумма безразлична) КУПЛЮ.
Невскій, 140-2, кв. 25, лично отъ 5-7 ч.

Очевидно, что усилія правительства не пропали даромъ: нашелся капиталистъ, для котораго «сумма безразлична». Повидимому, онъ можетъ принять въ залогъ хотя бы всю русскую землю... Крайне характерно при этомъ, что даже «выписанныя» обязательства этому капиталисту можно передавать. Онъ можетъ ихъ прибрѣтать не «только въ порядкѣ наследованія или выдѣла нисходящихъ по записямъ». При всей противозаконности такихъ сдѣлокъ, правительство, очевидно, ничего противъ нихъ не имѣетъ,— иначе, вѣдь, градоначальникъ давно бы уже запретилъ эти объявленія и даже оштрафовалъ бы «Новое Время» за призывъ къ преступленіямъ.

Препятствія для скупки земли такъ или иначе были устранены... Но предстояло еще сбыть ее. Забота объ этомъ появилась вмѣстѣ съ мыслью объ англійскихъ капиталистахъ **). Повидимому, правительство опасалось, что банкъ, владѣющій громадными пространствами земли, покажется недостаточно кредитоспособнымъ коммерческимъ людямъ. Во всякомъ случаѣ веселье съ бланкомъ крестьянства былъ для нихъ надежнѣе и учсть его у нихъ было легче. Кромѣ того, важно было привлечь крестьянство къ уплатѣ процентовъ, такъ какъ иначе обязательства черезъ-чуръ скоро могли оказаться для правительства непосильными. Наконецъ, для успѣха

*) «Новое Время», 27 сентября 1903 г.

***) См. «Виржевыя Вѣдомости», 26 августа 1906 г.

революціи наоборотъ важно было, чтобы въ банковскую дверь ринулись бы не только помѣщики, но и крестьяне. Такъ или иначе, но и въ этомъ направленіи была предпринята рѣшительная мѣра. 14 октября 1906 года платежи по ссудамъ были значительно понижены: вмѣсто 5 р. 75 коп., которые крестьяне по положенію 14 іюня 1905 г. должны были ежегодно платить со 100 руб. при покупкѣ земли съ разсрочкою на 55 $\frac{1}{2}$ лѣтъ, установленъ платежъ въ 4 р. 50 коп., считая въ этомъ числѣ ростъ, погашеніе и расходы по управленію. Само собою понятно, что эту льготу пришлось распространить и на прежнихъ заемщиковъ банка. Къ значенію ея для крестьянскаго населенія я еще вернусь. Сейчасъ же достаточно отмѣтить, что тяжесть обязательствъ, лежащихъ на государствѣ, благодаря ей, значительно увеличилась. «Недостатокъ въ средствахъ крестьянскаго банка»,—а онъ долженъ былъ сразу достигнуть значительныхъ размѣровъ и съ каждою вновь приобретаемой десятиной становиться все больше и больше,—правительство рѣшило «пополнять изъ средствъ государственнаго казначейства». Иначе, впрочемъ, и взять, гдѣ, негдѣ.

Указъ 14 октября, какъ можно думать, былъ финальной точкой въ развитіи готовности правительства на «жертвы»,—на жертвы помѣщичьей землей въ пользу крестьянъ и общегосударственными ресурсами въ пользу помѣщиковъ. Послѣ того, продержавшись нѣкоторое время на одномъ уровнѣ, эта готовность, повидимому, быстро пошла на убыль и къ концу второй Думы, какъ я говорилъ уже, осталась, быть можетъ, только на словахъ. По крайней мѣрѣ очень скоро послѣ роспуска этой Думы начали выясняться затрудненія въ мобилизаціи земли, о которыхъ до того не упоминалось ни слова.

Оказалось, что распродажа скупленной земли идетъ до-нельзя медленно. На 1 мая 1907 года какъ самимъ банкомъ, такъ и при посредствѣ землеустроительныхъ комиссій, было продано крестьянамъ всего-на-всего 170.119 дес. изъ числа 2.092.375 дес., какими располагалъ онъ на это число. Отчасти въ данномъ случаѣ сказалось выжидательное положеніе, которое занимала крестьянская масса, отчасти—неспособность землеустроительныхъ комиссій справиться съ порученнымъ имъ дѣломъ, отчасти сложность и даже невыполнимость землеустроительныхъ задачъ, какія на нихъ были возложены. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что имѣнія, оставаясь во владѣніи банка, даютъ ничтожный доходъ, совершенно недостаточный для покрытія принятыхъ имъ на себя обязательствъ: въ 1906 году купленные банкомъ земли дали 1,36% и за первые мѣсяцы 1907 г. менѣе 0,15%. Свѣдѣнія эти проникли въ печать въ головніи іюня 1907 г. чрезъ оффиціозную «Россію», которая заимствовала ихъ изъ журналовъ совѣта министровъ. Правда, вскорѣ послѣ того появилось разъясненіе, въ которомъ доказывалось, что въ 1907 году банковскія имѣнія дадутъ не менѣе 3 р. 60 коп. и,

быть можетъ, даже больше по расчету на десятину. Но и это должно было составить лишь три съ небольшимъ процента на капиталъ, т. е. почти вдвое меньше, чѣмъ приходится платить самому банку. Изъ статьи «Россiя» видно было, что правительство пришло къ мысли о необходимости приостановить дальнѣйшую скупку земель и направить всѣ силы на ликвидацію земельного фонда, т. е. на то, чтобы хоть часть процентовъ по обязательствамъ переложить на крестьянъ. Вскорѣ, какъ говорятъ, дѣйствительно состоялось распоряженіе—до сихъ поръ, если не ошибаюсь, неоглашенное и извѣстное лишь по слухамъ,—коиmъ было предложено банку и его отдѣленіямъ быть очень сдержанными при приобрѣтеніи новыхъ имѣній. Новая политика банка отразилась уже въ цифрахъ, хотя мы имѣемъ ихъ лишь по 1 сентября: за первые 8 мѣсяцевъ 1907 г. банкъ отклонилъ покупку имѣній въ 623 случаяхъ изъ общаго числа 1716 рассмотрѣнныхъ имъ за это время предложеній. Это составитъ 36%, тогда какъ до 1 января 1907 г. отказы банка дали лишь 9% (638 отказовъ на 6810 рассмотрѣнныхъ предложеній).

Энергія, направленная на скупку помѣщичьихъ земель, оказывается такимъ образомъ уже исчерпанной. Это, конечно, и понятно. Пока была опасность, что казенный сундукъ пѣликомъ ускользнетъ изъ рукъ, правительство съ легкимъ сердцемъ подписывало векселя и принимало на государственный счетъ обязательства. Но теперь, когда тревожное настроеніе миновало и выяснилось, что платить проценты приходится тому же правительству, увеличивать ихъ сумму, конечно, ему не хочется. Не мало должна озабочивать правительство и уплата валюты по именнымъ обязательствамъ *).

*) По свѣдѣніямъ на 1 іюля 1907 г. именные обязательства составляли свыше половины (58%) всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ крестьянскимъ банкомъ послѣ изданія закона 21 марта 1906 г. (около 17% составили 5%-ныя свидѣтельства и около 25%—долги, переведенные изъ другихъ земельныхъ банковъ). На то же число, считая съ 3 ноября 1905 года, банкомъ разрѣшено къ покупке помѣщичьей земли на 489 милл. руб. и разрѣшено суду крестьянамъ на покупку ими земли непосредственно у помѣщиковъ на 139 милл. руб., итого на 628 милл. руб. Судя по приведенному процентному отношенію, именные обязательства составлять въ этой суммѣ около 360 мил. руб., при чемъ уплата по нѣкоторымъ изъ нихъ должна начаться уже черезъ три-четыре года.

Надо сказать, что на покрытие убытковъ крестьянскаго банка въ распоряженіи правительства могутъ оказаться довольно большія средства, на которыя оно, можетъ быть, и рассчитывало. Банку переданы, какъ извѣстно, удѣльные земли (до 1 октября 1907 г., по свѣдѣніямъ г. Бутлера ихъ передано 594 тыс. дес., всего же должно поступить свыше 2 милл. дес.) и при томъ по цѣнамъ гораздо болѣе низкимъ (около 60 руб. за десятину), чѣмъ банкъ платитъ за помѣщичьи (118 руб.). Долгое время оставалось невыясненнымъ, по какимъ цѣнамъ банкъ будетъ продавать эти земли крестьянамъ. Официальный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ лишь въ особомъ журналѣ совѣта министровъ 8 февраля 1908 г. Оказывается, что банкъ будетъ продавать ихъ по тѣмъ же цѣнамъ, что и помѣщичьи.

реписать эти векселя будетъ, можетъ быть, не совсѣмъ легко,—во всякомъ случаѣ пересрочка ихъ затруднитъ другія кредитныя операціи. Между тѣмъ деньги, какія имѣются въ наличности и какія можно еще будетъ получить въ кредитъ, нужны на другія надобности. Во всякомъ случаѣ даже помѣщикамъ эти деньги можно передать въ другой, менѣе убыточной формѣ, не уступая изъ нихъ почти цѣлой четверти всякимъ—не только отечественнымъ, но и иностраннымъ—капиталистамъ. Главное же, исчезли побужденія, которыя могли бы заставить правительство перебросить къ крестьянамъ землю въ томъ количествѣ, въ какомъ это еще недавно представлялось неизбѣжнымъ: революція, вѣдь, окончилась...

Съ паденіемъ революціонной волны несравненно большую сдержанность стали проявлять и помѣшники. Съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 года они предлагали въ среднемъ ежемѣсячно въ продажу 544 имѣнія и 625 тыс. десятинъ; за первые 8 мѣсяцевъ 1907 года эти среднія упали до 309 имѣній и 270 тыс. десятинъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что первые мѣсяцы этого послѣдняго года, когда продолжалось еще междудумье и на сценѣ находилась лѣвая Дума, отличались сравнительно бойкимъ предложе-

Этотъ „подарокъ“ о которомъ въ свое время такъ широко оповѣстили населеніе нѣкоторые администраторы, обойдется такимъ образомъ крестьянамъ не дешевле помѣщичьяго. При этомъ налешки, которые выручить банкъ будутъ обращены на покрытіе банковскихъ убытковъ. Сколько удѣльной земли уже продано крестьянамъ, свѣдѣній у насъ нѣтъ, но очевидно, еще не много. Можетъ быть, удѣльныя земли и покроютъ въ концѣ концовъ убытки, какіе предстоятъ по выданнымъ уже банкомъ обязательствамъ. Но пока эти убытки покрываются изъ общегосударственныхъ ресурсовъ: по росписи 1907 г. на этотъ предметъ назначено 3 милл. руб., по росписи 1908 г.—7,1 мил. руб.

Что касается государственныхъ земель, значительная часть которыхъ тоже назначена въ распродажу, то послѣдняя совсѣмъ почти не двинулась. По расчетамъ главнаго управленія землеустройства такихъ земель найдется 6½ милл. дес., изъ коихъ землеустроительнымъ комиссіямъ было передано свыше милліона дес., но ими продано по 1 октября 1907 г. всего лишь 11.338 дес.; всю же остальную землю они оказались вынужденными эксплуатировать путемъ сдачи въ аренду. По росписи 1908 г. „отъ продажи крупной государственной собственности“ ожидается дохода всего лишь 100 тыс. руб., при чемъ подъ „крупной собственностью“, какъ объяснено въ запискѣ, разумѣются земли, продаваемыя крестьянамъ въ силу указа 27 августа 1906 г. Такимъ образомъ, прибыли отъ этой распродажи, если и предстоятъ, то въ будущемъ.

Говоря о прибыляхъ и убыткахъ, связанныхъ съ земельною реформою не лишне будетъ напомнить, что еще неизвѣстно, насколько исправными плательщиками окажутся крестьяне.

Вообще финансовыя результаты предпринятыхъ правительствомъ операцій опредѣлятся потомъ. Указывая на ихъ убыточность, я вовсе не хотѣлъ сказать, что правительство не въ силахъ будетъ оплатить уже принятые обязательства. Моя мысль другая: принимать на себя эти обязательства въ неограниченномъ количествѣ оно не сможетъ, да и не заочеть.

ніемъ. Особенно рѣзко послѣднее должно было упасть послѣ іюньскаго переворота, когда «зубры» увѣрились въ своей побѣдѣ.

Весною, когда можно было бы ждать новой волны сельскохозяйственныхъ забастовокъ, въ банкъ поступило много новыхъ предложеній. Къ іюлю аграрное движеніе замерло; урожай въ этомъ году хорошій, цѣны высокія; надежды на третью думу, что она устроитъ дѣла г.г. помѣщиковъ большія. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ предложеніе земель крестьянскому банку прекратилось; какъ пишутъ изъ Курской губерніи, помѣщики даже берутъ обратно предложенія, сдѣланныя въ періодъ второй Думы *).

Въ цифрахъ, добытыхъ г. Кутлеромъ, хотя онѣ охватываютъ лишь 8 мѣсяцевъ 1907 года, уже отразилось это попятное движеніе помѣщиковъ. Процентъ сдѣлокъ, разстроившихся до разсмотрѣнія ихъ въ совѣтѣ банка, въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1907 года увеличился почти въ $1\frac{1}{2}$ раза (11% на 1 января и $15\frac{1}{2}$ % на 1 сентября), а процентъ сдѣлокъ, разстроившихся вслѣдствіе отказа продавцевъ послѣ того, какъ состоялось уже разрѣшеніе банка, удвоился (14% на 1 января и 28% на 1 сентября). Еще рельефнѣе это явленіе выступитъ передъ нами, если мы число разстроившихся въ 1907 году сдѣлокъ сопоставимъ съ числомъ вновь заявленныхъ къ продажѣ имѣній:

Число разстроившихся сдѣлокъ:	
До разсмотрѣнія въ совѣтѣ банка	759
Вслѣдствіе отказа продавцевъ послѣ разрѣшен. банкомъ	752
Вслѣдствіе отказа банка	623
	Итого 2134
Вновь заявлено къ продажѣ имѣній	2475

Такимъ образомъ, уже въ первые 8 мѣсяцевъ 1907 г. обратное теченіе въ сферѣ мобилизаціи помѣщичьей земли почти сравнялось по своей силѣ съ поступательнымъ. Сдержанность, которую сталъ проявлять банкъ въ покупкѣ земли, а помѣщики—въ продажѣ, сказывается, конечно, и на цѣнахъ. Сопоставляя денежные требованія продавцовъ съ предложеніями банка, г. Кутлеръ приходитъ къ выводу, что «съ теченіемъ времени тѣ и другія все болѣе и болѣе расходятся». По мѣрѣ того, какъ уменьшается страхъ помѣщиковъ передъ крестьянской массой, ихъ аппетиты все растутъ, а готовность банка безпрекословно удовлетворять эти аппетиты, по мѣрѣ того, какъ выясняется убыточность его операций, все уменьшается.

Новое направленіе въ политикѣ банка и новое теченіе въ помѣщичьей средѣ, объясняемая пока всецѣло экономическими соображеніями, вѣроятно скоро получатъ и идеологическое себѣ оправданіе. Тревожное раздумье—«что изъ этого (т. е. изъ дворянской

*) С. Н. Прокоповичъ. „Аграрные миражи“. „Товарищъ“, 31 октября 1907 г.

ликвидаци) выйдет?»—какимъ охвачено было «Новое Время» въ 1906 г., уже привело газету въ ноябрѣ 1907 г. къ достаточно опредѣленнымъ выводамъ насчетъ «легкомыслия, обуявшаго нашихъ землеустроителей». Газета уже грозитъ «страшнымъ паденіемъ сельскохозяйственной культуры» вслѣдствіе «ликвидаци частновладѣльческихъ земель». И мнѣ кажется, что въ правящихъ кругахъ уже назрѣваетъ рѣшимость двинуться дальше въ охранѣ дворянской земельной собственности,—спасти «культурные очаги» не только отъ принудительнаго отчужденія, но и отъ скупки, по добровольному соглашенію. Цароксизмъ, не разъ уже охватывавшій русское правительство, какъ я думаю, близокъ...

Какъ бы то ни было, землеустроительныя операціи на помѣщичьихъ земляхъ, поскольку вопросъ касается площади ихъ, можно считать, думается мнѣ, достаточно опредѣлившимися. Если взять имѣющіяся уже цифры, то мы получимъ такіе итоги. Съ 3 ноября 1905 г. до 15 октября 1907 года крестьянами куплено при содѣйствіи банка непосредственно у помѣщиковъ 1.509.218 дес. *). Кромѣ того, по 1 декабря 1907 г., согласно отчету землеустроительныхъ комиссій. «запродано» крестьянамъ изъ купленной банкомъ земли 627.916 дес., считая въ томъ числѣ и продажи «на условіяхъ предварительной аренды». Приводя эти данныя къ однородной единицѣ, мы найдемъ, что крестьянское землевладѣніе въ теченіе «новаго періода дѣятельности крестьянскаго банка» ежемѣсячно увеличивалось на 88 тыс. дес. Въ трехлѣтіе 1901—1903 гг. крестьяне приобрѣтали каждый мѣсяцъ въ среднемъ около 66 тыс. дес. Такимъ образомъ, хотя темпъ, какимъ происходила мобилизація помѣщичьей земли въ крестьянскую сторону и усилился, но нельзя сказать, чтобы очень значительно. До сихъ поръ не наверстано еще то замедленіе въ расширеніи площади крестьянскаго землепользованія, какое произошло вслѣдствіе ограниченія дѣятельности банка въ 1904—1905 гг. Если бы операціи банка все время продолжались въ тѣхъ размѣрахъ, какіе они имѣли въ 1901—1903 гг., то къ началу 1908 г. крестьяне приобрѣли бы больше земли, чѣмъ перешло къ нимъ теперь, послѣ всѣхъ потрясеній.

Возможно, что въ ближайшіе годы, благодаря распродажѣ банкомъ его земельного запаса, расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія будетъ происходить болѣе быстрымъ темпомъ, хотя и въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ, такъ какъ усиленная ликвидаци банковскихъ земель можетъ сказаться замедленіемъ въ покупкѣ земель крестьянами непосредственно у помѣщиковъ. Потому

*) Эта цифра выражаетъ количество земли, на покупку которой разрѣшены ссуды. Нѣкоторыя сдѣлки, какъ извѣстно, послѣ того разстраиваются. Дѣйствительная же площадь перешедшей къ крестьянамъ земли меньше, но она пока неизвѣстна. Для сравнимости я и за 1901—1903 гг. беру аналогичную цифру.

же, если не послѣдуетъ какихъ-либо новыхъ пертурбацій, жизнь пойдетъ своимъ старымъ, хорошо уже знакомымъ намъ, путемъ..

Въ прошлый разъ я высказалъ предположеніе, что запертая со всѣхъ сторонъ крестьянская масса, можетъ быть, и кинется еще въ банковскія двери. Возможно, что и здѣсь получится такой же заторъ, какой получился въ 1907 г. при выходѣ на вольныя земли. Но къ тому времени раскрытыя теперь настѣжъ двери, вѣроятно, прикроютъ. Останется лишь небольшое отверстіе, да и то при случаѣ захлопнуть...

Говоря коротко, получится картина, какъ въ сказкѣ: «Журавль и цапля».

— Нѣтъ,—скажетъ помѣщикъ земля мужику, рѣшившемуся наконецъ сочетаться съ ней законнымъ бракомъ,—теперь я раздумала...

Дѣло, однако, не въ количествѣ,—во всякомъ случаѣ не въ немъ одномъ... Рѣшаясь перебросить значительную часть земли въ крестьянскую сторону, правительство поставило вѣдь себѣ и качественно иную задачу, тѣмъ какой служилъ крестьянскій банкъ въ прежнее время. Считая необходимымъ ослабить давленіе крестьянской земельной нужды на существующій порядокъ, оно желало вмѣстѣ съ тѣмъ создать за счетъ уступаемой земли крѣпкого крестьянина, рассчитывая найти потомъ въ немъ оплотъ для священной собственности.

Напомню, что этой послѣдней цѣлью правительство задалось сравнительно поздно. Возобновляя и расширяя операціи крестьянскаго банка въ 1905 году, оно, какъ я уже говорилъ, еще не имѣло какого либо опредѣленнаго и тѣмъ болѣе стройнаго и законченнаго аграрнаго плана. Комментируя акты 3 ноября, гр. Витте въ своемъ «правительственномъ сообщеніи» прямо писалъ: «Дальнѣйшія мѣры въ этомъ направленіи не могутъ быть опредѣленно указаны въ настоящее время». Свои соображенія относительно этихъ дальнѣйшихъ мѣръ, правительство обѣщало представить Государственной Думѣ, «и отъ народныхъ избранниковъ, въ средѣ коихъ будутъ и крестьяне, наилучшіе истолкователи своихъ нуждъ, должно зависѣть—писалъ гр. Витте—опредѣленіе наиболѣе соответствующихъ въ данномъ случаѣ мѣропріятій». Но «народнымъ избранникамъ», когда они собрались, сказано было, какъ мы знаемъ, уже другое. «Разрѣшеніе этого (т. е. аграрнаго) вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ—заявило правительство въ своей деклараціи—безусловно недопустимо». Въ качествѣ «наилучшихъ истолкователей» крестьянскихъ нуждъ выступили вскорѣ послѣ того дворяне, которые и облекли дальнѣйшія соображенія правительства въ форму стройнаго и законченнаго плана. Надо, однако, сказать, что эти дальнѣйшія соображенія оказались не вполне согласованными съ первоначальными.

Чтобы ослабить силу аграрнаго движенія, нужно было дать выходъ наиболѣе безпкойной части населенія, т. е. малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ. Этимъ соображеніемъ и объясняется характеръ льготъ, какія были предоставлены 13 ноября 1905 года. Предыдущая практика крестьянскаго банка достаточно ясно показала, что сдавленная земельной нуждой деревня охотно готова воспользоваться даже банковскими дверями, чтобы выйти на помѣщичью землю: крестьяне рвались въ эти двери, не взирая на земельныя цѣны, которыя быстро росли, и не считаясь съ банковскими платежами, которые, не разъ мѣняя свое процентное отношеніе къ ссудамъ, все увеличивались по расчету на десятину. Если, что и сдерживало крестьянъ, то только доплаты. Допустивъ указомъ 3 ноября выдачу ссудъ въ полномъ размѣрѣ оцѣнки, правительство достаточно широко открыло двери. Оно разрѣшило выходъ въ эту сторону—такъ же, какъ и на вольныя земли—«всѣмъ желающимъ... безъ предварительнаго обслѣдованія ихъ экономической состоятельности», каковое банкомъ производилось въ формѣ доплатъ. Тоже значеніе могло имѣть и расширеніе операцій банка по покупкѣ земли за свой счетъ, такъ какъ продавать крестьянамъ приобретаемыя такимъ образомъ земли банкъ, и по прежнимъ правиламъ, могъ безъ доплатъ съ ихъ стороны.

Расчеты правительства, поскольку оно стремилось отвлечь крестьянъ отъ попытокъ разрѣшить аграрный вопросъ другими способами, не вполне оправдались. Правда, операціи банка быстро расширились, и въ теченіе двухъ лѣтъ крестьяне приобрѣли при его содѣйствіи, какъ мы только что видѣли, 1¹/₂ мил. десятинъ. Но эти размѣры банковскихъ операцій,—тѣ же самыя, какіе банкъ имѣлъ въ 1901—1903 г.,—конечно, не соответствовали тому возбужденному состоянію, въ какомъ находилась крестьянская масса, и тому страстному стремленію, какое проявила она, чтобы расширить площадь своего землепользованія другими способами. И мы знаемъ, что послѣ того крестьянство дѣйствительно сдѣлало еще двѣ попытки добиться земли, не прибѣгая къ содѣйствію банка, а именно: въ 1906 году при помощи сельскохозяйственныхъ забастовокъ, охватившихъ значительную часть Россіи, и въ 1907 году при посредствѣ безчисленныхъ поджоговъ, какими ознаменовались лѣто и осень этого года.

Въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ правительству удалось отвлечь вниманіе крестьянъ, предпринятая имъ мѣра, несомнѣнно, дала результаты. Составъ кліентовъ банка послѣ 3 ноября 1905 г. замѣтно измѣнился. Усилилось стремленіе покупать землю цѣлыми обществами. Пользуясь свѣдѣніями г. Кутлера, мы можемъ составить такую табличку: заявленій о покупкѣ земли поступило

По расчету на годъ:	Отъ общ.	Отъ товари- ществъ.	Отъ отдѣльн. домохоз.	Итого.
Въ периодъ 1901—1903 г.г.	457	5.708	2.033	8.198
» » съ 3 нояб. 1905 г. по 1 сент. 1907 г.	1.354	5.335	1.861	8.550
Разница въ процентахъ . . .	+ 196	— 7	— 8	+ 4

Среди товариществъ увеличилось число крупныхъ. Анализируя цифровыя данныя, г. Кутлеръ пришелъ къ выводу, что и по своей численности, и по характеру испрашиваемыхъ ссудъ «въ районахъ наибольшаго спроса на землю товарищескія сдѣлки приближаются къ общественымъ»...

Такимъ образомъ, допустивъ въ приобретенію помѣщичьей земли «всѣхъ желающихъ безъ предварительнаго обследованія ихъ экономической состоятельности», правительство тѣмъ самымъ усиливало солидарность въ деревнѣ. Само собой понятно, что въ его «дальнѣйшія» соображенія это не входило. Да и по существу поставленная имъ потомъ себѣ задача была совершенно иная. Для того, чтобы создать «крѣпкаго крестьянина», который нуженъ лишь въ качествѣ «оплота», нельзя поднимать уровень всей крестьянской массы, такъ какъ если всю ее поднять на эту ступень, то для помѣщиковъ, съ одной стороны, ничего не останется, а съ другой— «оплотомъ» защищаться будетъ не отъ кого. И не выгодно создавать «крѣпкаго крестьянина», поднимая самые низы крестьянскаго населенія: слишкомъ много нужно потратить земли и средствъ, чтобы упрочить положеніе безземельныхъ и малоземельныхъ. Проще собрать для этого сливки съ теперешняго крестьянства... Ихъ легче претворить въ масло, которое нужно на случай народной бури.

Поэтому, когда «дальнѣйшія» соображенія осложнили политику правительства, то отъ мысли поднять уровень всей массы пришлось, хотя и не сразу, отказаться. И въ томъ, что нужно надѣяться безземельныхъ и малоземельныхъ, какъ сильнѣе другихъ волнующихся, пришлось въ концѣ концовъ усумниться. Съ одной стороны, бунты, какъ заявилъ г. Столыпинъ въ третьей Думѣ, не успокаиваются подачками.. Съ другой, «стремленіе надѣлать всѣхъ неимущихъ крестьянъ землей, — какъ объяснилъ одинъ сановникъ, — конечно, осуществиться не можетъ. Человѣкъ долженъ, — по теперешнимъ соображеніямъ этого сановника, — имѣть что-нибудь, кромѣ своихъ двухъ рукъ, чтобы быть земледѣльцемъ». Сановникъ даже вздохнулъ при этомъ: «Что же дѣлать, если таковъ ходъ исторіи!».

Несчастіе Россіи, — продолжалъ онъ, — можетъ быть, въ томъ и состоитъ, что до сихъ поръ вся правительственная политика строилась на ложной сантиментальности. Голодъ и нужда являются великими учителями. А этихъ то учителей до сихъ поръ всѣми мѣрами старались устранить отъ народа. Народъ развратился даровыми кормежками. Нельзя всѣхъ равнять по ни

щенскому пайку. Напротивъ, слѣдуетъ ввести другое равненіе: по богатству, по усердію, по трудолюбію. Правительственную помощь слѣдуетъ направлять не въ сторону погибающихъ, малосильныхъ элементовъ, а напротивъ, въ сторону поднимающихся самостоятельнымъ трудомъ, скопидомовъ, настоящихъ хозяевъ. Пусть тамъ разные бездомные и безземельные идутъ къ нимъ въ батраки. Конечно, было бы, можетъ быть, не политично со стороны правительства заявить объ этомъ во всеуслышаніе, въ особенности теперь, когда всѣ носятся съ мужикомъ, какъ съ писаной торбой. Но только твердой, чуждой всякихъ ложныхъ сантиментовъ, можетъ быть настоящая государственная политика во всѣхъ вопросахъ, а въ особенности въ земельномъ *).

Насколько эти соображенія успѣли повліять на посредническую дѣятельность крестьянскаго банка, мы не знаемъ, но ликвидація скупленныхъ имъ самимъ земель, начавшаяся значительно позже, происходитъ — происходитъ всецѣло подъ ихъ вліяніемъ.

Выше я упомянулъ уже, что на 1-е мая 1907 г. изъ банковскаго фонда, состоящаго изъ 2 милл. дес. слишкомъ (не считая удѣльной земли), было продано всего 170 тыс. дес., т. е. около 8%. Послѣ того правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ, чтобы ускорить распродажу **). Среди этихъ мѣропріятій наиболѣе важное значеніе, — судя, по крайней мѣрѣ, по отзывамъ официальной и офиціозной печати, — имѣло учрежденіе совершенно не предусмотрѣнныхъ закономъ временныхъ отдѣленій совѣта крестьянскаго банка. Послѣднія — каждое въ составѣ трехъ лицъ *** — были

*) «Въ административныхъ кругахъ». «Рѣчь», 30 октября 1907 года.

***) Въ ряду этихъ мѣръ не мало можно было бы указать совершенно экстравагантныхъ. Пресловутая телеграмма, разосланная въ срединѣ іюня землеустроительнымъ комиссіямъ, коей предписывалось произвести ликвидацію земельного фонда „въ теченіе настоящаго полевого періода“, является далеко не единственнымъ перломъ. Укажу еще хотя бы такой: нѣкоторые изъ центральныхъ руководителей надумали ставить отяѣтки по пятибалльной системѣ мѣстнымъ землеустроителямъ, желая побудить ихъ такимъ путемъ къ болѣе энергичному выполненію лежащихъ на нихъ обязанностей. Диспозиція, объявленная (см. „Рѣчь“, 22 декабря 1907 г.) на нынѣшній годъ, тоже, какъ я думаю, должна быть отнесена къ перламъ бюрократической энергіи и распорядительности. Этой диспозиціей мѣстнымъ землеустроительнымъ учрежденіямъ преподаны такіа указанія: „Къ 1 февраля должны быть выяснены количество и родъ предстоящихъ землеустроительныхъ работъ. Къ 10 февраля уѣздная комиссія разсматриваетъ докладъ объ этомъ и устанавливаетъ общій планъ работъ. Доклады и представленія уѣздныхъ комиссій не поздне 15 февраля представляются губернатору...“ И т. д. — чуть не по часамъ — вплоть до того, какъ „утвержденный планъ работъ по губерніи сообщается къ 1 апрѣля въ комитетъ по земл. дѣламъ“.

****) По одному отъ каждаго изъ трехъ вѣдомствъ, участвующихъ въ землеустройствѣ. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что одно изъ временныхъ отдѣленій, наиболѣе потомъ прославившееся, состояло изъ четырехъ чиновъ. Не знаю, въ силу какихъ соображеній, кромѣ представителей вѣдомствъ, въ него былъ включенъ начальникъ управленія по дѣламъ о воинской повинности, Куколь-Яснопольскій. Можетъ быть, для приданія воинскаго духа, „карательнымъ экспедиціямъ“, какъ чиновники прозвали

командированы въ различныя губерніи, въ которыхъ сосредоточено наибольшее количество принадлежащихъ банку земель, съ очень широкими полномочіями по части землеустройства. Кромя ускоренія распродажи, одну изъ главныхъ задачъ временныхъ отдѣленій составляло, повидимому, ознакомленіе мѣстныхъ чиновъ съ видами и планами правительства, заявлять о которыхъ «во всеуслышаніе было бы, можетъ быть, не политично».

Появившійся въ срединѣ января 1908 года «Обзоръ дѣятельности уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій за первый годъ ихъ существованія» содержитъ въ себѣ нѣкоторыя итоговыя данныя по ликвидаціи земельного фонда, и мы такимъ образомъ можемъ теперь судить о результатахъ проявленной правительствомъ энергіи. Надо, впрочемъ, сказать, что обзоръ въ значительной его части составленъ «вродѣ не поймешь»,—и не потому, чтобы у составителей его не было болѣе детальнаго данныхъ. «Мнѣ пришлось,—говоритъ г. Кутлеръ,—ознакомиться съ этимъ матеріаломъ въ видѣ сводныхъ погубернскихъ таблицъ, и въ этихъ таблицахъ я нашелъ многое, о чемъ отчетъ совершенно умалчиваетъ» *). Но кое-что можно извлечь и изъ отчета.

До 1 декабря 1907 года, землеустроительными комиссіями и отдѣленіями банка было продано 627.916 дес., «что составляетъ по отношенію ко всему земельному фонду банка на 1 іюля — 26,6%» **). Но «въ число 627.916 десятинъ включены,—говорится въ «Обзорѣ»,—и земли, проданныя на условіяхъ предварительной аренды».

Вызвано это было—читаемъ мы дальше—тѣмъ обстоятельствомъ, что комиссіи и временныя отдѣленія совѣта банка не признавали возможнымъ выдавать данныя до осуществленія крестьянами тѣхъ условій покупки, которыя были установлены въ цѣляхъ землеустроительныхъ и обезпеченія прочности сдѣлокъ. Такъ лицамъ, коимъ земля продавалась на условіи переселенія на нее, выдача данныхъ была отсрочиваема до момента перенесенія усадебной осѣдности. Равнымъ образомъ съ крестьянами, обязанными продать до покупки банковскихъ земель свои надѣлы или инымъ-образомъ внести причитающіяся съ нихъ задаточныя деньги, совершеніе данныхъ откладывалось до выполненія означенныхъ условій.

Изъ этого видно, что «въ условіяхъ предварительной аренды»

«временныя отдѣленія», должествовавшія между прочимъ подтянуть мѣстныхъ землеустроителей. Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что временныя отдѣленія не только „карали“, но и „миловали“. Тотъ же г. Куколь-Яснопольскій исходатайствовалъ широко оповѣщенную потомъ благодарность херсонскимъ землеустроителямъ „за усиленные и успѣшныя труды въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ“. (См. „Русь“, 1 августа 1907 г.).

*) „Русь“, 23 января 1908 г.

**) По свѣдѣніямъ г. Кутлера (см. Русскую Мысль) на 1 октября въ распоряженіи банка находилось 3.308 тыс. дес. По отношенію къ этой цифрѣ проданная земля составляла лишь 19%.

земля может оставаться довольно долго: не так легко вѣдь перенести усадебную осѣдлость или найти въ себѣ рѣшимость продать надѣльную землю, которая уже «окуплена», и переселиться на ту, которую еще десятки лѣтъ выкупать придется. «Неимѣющие возможности внести причитающіяся съ нихъ задаточныя деньги» тоже, можетъ быть, не скоро найдутъ ихъ.

Сколько земли запродано на условіяхъ предварительной аренды, «Обзоръ» не говоритъ. «Вполнѣ оформенные документы для выдачи въ крѣпостномъ порядкѣ данныхъ» представлены въ отдѣленія банка на 403.292 дес. Если эту землю считать окончательно запроданной, то по отношенію къ фонду банка на 1 октября она составитъ всего 12,2%. Сколько земли фактически передано крестьянамъ,—въ «Обзорѣ» тоже нѣтъ свидѣній. Въ погубернскихъ же таблицахъ г. Кутлеръ видѣлъ, что изъ 1.269.000 дес., которыя должны были ликвидировать землеустроительныя комиссіи (независимо отъ отдѣленій банка) передано крестьянамъ только 97 тыс. десятинъ или 7,6%. «Существуетъ,—говоритъ г. Кутлеръ,—цѣлый рядъ губерній съ широко развитою операціей банка по покупкѣ частновладѣльческихъ имѣній, въ которыхъ покупателямъ не передано ни одной десятины» *).

Такимъ образомъ, несмотря на всю проявленную энергію, земля передвигалась къ крестьянамъ, повидимому, все-таки очень медленно. И нельзя сказать, въ какой части она передвинулась окончательно: по запроданнымъ участкамъ банкомъ получено въ задатокъ лишь 2% продажной цѣны. Такъ какъ это средняя цифра—а были, конечно, и колебанія,—то, быть можетъ, не безосновательны слухи, что землеустроители считаютъ запроданной землю, какъ только найдутся крестьяне, изъявляющіе готовность «записать» ее за собою. Какъ бы то ни было, 2% продажной цѣны это составляетъ меньше половины ежегодной арендной платы. Надѣлать крестьянъ можно было бы, конечно, и безъ задатка, но вѣдь банкъ коммерческое учрежденіе, которое спѣшитъ запродать землю, чтобы возмѣстить свои убытки,—и неизвѣстно еще, насколько прочными окажутся сдѣлки, когда онъ приступитъ къ такому возмѣщенію на дѣлѣ. Мы не знаемъ, сколько вновь запродано крестьянамъ земли, напримѣръ, въ Смоленской губерніи, но намъ извѣстно, что въ самый разгаръ этихъ продажъ банкъ назначилъ въ продажу съ аукціона 54.432 дес., на покупку коихъ была выдана въ свое время сумма свыше 2 милл. руб. Въ Могилевской губ. съ молотка предполагалось пустить въ ноябрѣ мѣсяцѣ 469.400 дес. земли, приобрѣтенной съ помощью банка. Въ одномъ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губ. назначено было къ продажѣ съ аукціона свыше 10.000 дес. на сумму въ 1½ милл. рублей **).

*) «Рѣчь», 23 января 1908 г.

**) «Товарищъ», 19 августа и 6 сентября 1907 г. «Рѣчь», 28 августа. Февраль. Отдѣлъ II.

Медленность распродажи банковскихъ земель въ кругахъ, близкихъ къ правительству, объясняется, главнымъ образомъ, инертностью землеустроительныхъ комиссій и недостатками въ ихъ организаціи. Въ «Новомъ Времени» не разъ уже появлялись, исходяща, несомнѣнно, отъ лицъ, близкихъ къ центральнымъ землеустроительнымъ учрежденіямъ, статьи, въ которыхъ метались громы и молніи противъ мѣстныхъ землеустроителей. Известны даже циркуляры, въ которыхъ правительство распекало мѣстные органы и требовало отъ нихъ большей энергіи и распорядительности. Появилось уже не мало проектовъ реорганизаціи землеустроительныхъ учреждений, вводятся новыя должностныя лица, изъ одѣлѣхъ инстанцій вопросы передаются въ другія. «Для успѣшности дѣла» его то «изъемятъ»,—какъ это было въ Орлѣ, —изъ единоличнаго вѣдѣнія» того или иного лица и распределяютъ между всѣми членами коллегіи, то, наоборотъ, дѣлы коллегіи отдають подъ началъ отдѣльнымъ лицамъ... Не мы, конечно, станемъ оспаривать неудовлетворительность землеустроительной организаціи, и если намъ приходится въ чемъ усумниться, то въ возможности исправить ее указанными способами. Громадному большинству чиновниковъ— вплоть до «начальниковъ по дѣламъ о воинской повинности»,—неожиданно попавшимъ въ землеустроители, смѣло можно было бы сказать: «какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь»... Но и за всѣмъ тѣмъ необходимо признать, что главная причина затрудненій, которая испытываетъ правительство, лежитъ глубже. Осуществляя свой планъ, оно должно идти наперекоръ властнымъ требованіямъ жизни, наиболѣе настойчивымъ запросамъ населенія и даже собственнымъ, провозглашаемымъ «во всеуслышаніе», взглядамъ.

Покупка земли товариществами и обществами, которую такъ неосмотрительно усилило сначала правительство, не входитъ и не можетъ входить, какъ я уже сказалъ, въ его дальнѣйшія соображенія. Землеустроительнымъ учрежденіямъ предписано, поэтому, продавать землю, главнымъ образомъ, если не исключительно, въ «единоличную» собственность. Судя по «Обзору», при «запродажахъ» земли ими достигнуты въ этомъ направленіи замѣтные результаты. Если сопоставить покупки крестьянъ непосредственно у помѣщиковъ (съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.) съ покупками ихъ у банка (по 1 декабря 1907 г.), то окажется, что приобрѣтено и при-
торговано земли:

Въ процентахъ:	У помѣщичковъ.	У банка.
Обществами	34	13
Товариществами	64	41
Отдѣльн. домоховъ	2	46

Но эти результаты, несомнѣнно, дались лишь послѣ значительныхъ усилій и даже борьбы внутри самихъ комиссій. Крайне ха-

рактурныя на этотъ счетъ свѣдѣнія сообщилъ какъ-то «Самарскій Вѣстникъ» относительно николаевской землеустроительной комиссіи (Самарск. губ.).

Послѣ цѣлаго ряда бурныхъ засѣданій комиссія выработала проектъ своихъ работъ... Главное управленіе рассмотрѣло проектъ и нашло его несоотвѣтствующимъ видамъ правительства, поэтому не утвердило, а предложило переходить при покупкахъ земель къ подворному, хуторскому и отрубному способу... Въ засѣданіи 16 и 17 іюня комиссія большинствомъ голосовъ постановила было при каждой покупкѣ переходить къ подворному владѣнію, но крестьяне запротестовали и внесли поправку, что переходъ къ подворному владѣнію возможенъ лишь тогда, когда крестьянинъ этого пожелаетъ *)...

Не менѣе характерно, что въ томъ же засѣданіи комиссія должна была санкціонировать двѣ сдѣлки по приобрѣтенію земли обществами у товариществъ. Такимъ образомъ вмѣсто «коммасаціи» земли, къ которой стремится правительство въ своихъ землеустроительныхъ начинаніяхъ, въ жизни наблюдается тяготѣніе къ «коммасаціи» населенія. И это, конечно, вполнѣ понятно: крестьянство стремится подняться во всей своей массѣ, не исключая и тѣхъ «погибающихъ», которыхъ г. Столыпинъ считаетъ необходимымъ и возможнымъ «подавить силою». Стоящій, повидимому, близко къ землеустройству г. О. Ахр. пишетъ:

Всѣ крестьянепрекрасно сознаютъ, что съ исчезновеніемъ помѣщичьей „экономіи“ и переходомъ ея въ крѣпкія крестьянскія руки не получившій своей доли лишится и заработковъ, и аренды, и пастбища... Если нѣтъ бойкота и земля идетъ на расхватъ, начинаются безконечные споры о правѣ каждаго на пай, о качественномъ распредѣленіи земли съ соблюденіемъ и равномѣрности, и рациональности будущаго хозяйства... Требуются десятки повѣздокъ въ имѣніе для примиренія и успокоенія расхолодившихся страстей **)...

Насколько трудно землеустроительнымъ учрежденіямъ идти противъ этого теченія, стремящагося обезпечить «право каждаго на пай», видно изъ слѣдующихъ данныхъ, которыя удаеся извлечь изъ «Обзора». Изъ всей «запроданной» земли (627.916 дес.) въ единоличную собственность, какъ мы только что видѣли, крестьянами приторговано 46%; въ той же части этой земли (403.292 дес.), на которую имѣются «вполнѣ оформенные документы», единоличныя покупки составляютъ лишь 28%. Изъ этого ясно, что передвигать землю къ отдѣльнымъ крестьянамъ труднѣе, и движется она въ эту сторону медленнѣе, чѣмъ въ сторону обществъ и товариществъ. Не менѣе характерно, какъ я думаю, и то, что такъ медленно идетъ распродажа казенныхъ земель. Послѣднія приходится сбывать, главнымъ образомъ, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, въ средѣ которыхъ чувства солидарности сильнѣе,

*) Цитирую по перепечаткѣ въ „Товарищъ“ отъ 15 іюля 1907 г.

**) „Письма о землеустройствѣ“. „Рѣчь“, 5 января 1908 г.

чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Изъ 1.056 тыс. дес. казенной земли, переданной уже комиссіямъ, ими продано всего лишь 11.388 дес., т. е. лишь около 1%. Большая часть земли продолжаетъ эксплуатироваться путемъ сдачи въ аренду, причемъ комиссіями было сдано 171.889 дес. съ торговъ и 712.147 дес. хозяйственнымъ способомъ, въ томъ числѣ 310.159 дес. въ долгосрочную аренду и 401.988 дес. на одинъ годъ. Отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ числа сданной на годъ передано 26%, а изъ сданной на года всего-на-всего 1,4%. Остальная сдана обществамъ и товариществамъ...

Эти указанія жизни, казалось бы, достаточно вразумительны. Но что до нихъ за дѣло правительству, которому для осуществленія его плановъ нужно раздробить крестьянскую массу,—раздробить на мельчайшія частички. Энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, оно стремится сейчасъ насадить личную собственность,—не вообще частную, а именно личную. Въ этихъ видахъ по окончаніи полевого и вообще ликвидационнаго періода имъ предпринята еще одна мѣра. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 25 ноября 1907 г. окончательно разрѣшать дѣла по покупкѣ земли въ единоличную собственность предоставлено мѣстнымъ отдѣленіямъ банка, о чемъ и приказано оповѣстить все населеніе особыми плакатами, разосланными при циркулярѣ отъ 29 декабря. «Главнымъ основаніемъ къ установленію изъясненной мѣры,—читаемъ мы въ циркулярѣ банка на имя отдѣленій отъ 8 декабря,—послужило стремленіе облегчить способы осуществленія видовъ правительства, озабоченнаго нынѣ образованіемъ единоличныхъ крестьянскихъ владѣній». Разсчетъ при этомъ у правительства простой: «та форма сдѣлокъ, при какой дѣла будутъ разрѣшаться быстро и просто на мѣстахъ, уже въ силу этой быстроты,—говоритъ оно въ своемъ циркулярѣ—должна явиться преобладающей въ дѣятельности банка». Другими словами свою задачу оно разсчитываетъ разрѣшить механически: единоличные покупки будутъ «быстро и просто» разрѣшаться на мѣстахъ, а товарищескія и общественныя—будутъ тормазиться въ центральныхъ учрежденіяхъ банка...

Насколько эта мѣра окажется дѣйствительной, предугадать сейчасъ, конечно, трудно. Это покажетъ будущее. Оглядываясь же назадъ, мы можемъ сказать, что до сихъ поръ правительство все время оказывалось въ положеніи собаки, которой приходится гнаться сразу за двумя зайцами. Сначала оно устремилось къ тому, чтобы облегчить земельную нужду наиболѣе безпечной части населенія. Но бросило эту задачу (все равно не догонишь!) и поставило себѣ другую цѣль: помочь «поднимающимся самостоятельнымъ трудомъ, скопидомамъ, настоящимъ хозяевамъ»... Но для этого нужно прежде всего раздробить крестьянскую массу, насадить личную земельную собственность,—и за этимъ зайцемъ во всю прыть гонится теперь правительство. Но и сейчасъ у него имѣется въ

виду другой заяцъ, котораго надо поймать какъ можно скорѣе. Нужно спѣшить съ распродажей земли, чтобы уменьшить предстоящіе банку убытки. Между тѣмъ продажа земли въ единоличную собственность идетъ медленно,—медленнѣе, чѣмъ обществамъ и товариществамъ. Опять глаза разбѣгаются,—и трудно сказать, въ какую сторону устремится въ концѣ концовъ правительство.

Допустимъ, однако, что такъ или иначе оно сумѣетъ дать рѣшительный перевѣсъ единоличнымъ покупкамъ надъ коллективными. И за всѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ кажется, нельзя быть увѣреннымъ, что правительство насадитъ такимъ образомъ личную собственность. Слишкомъ жива и прочна еще общая собственность, если не общинная, то семейная. Да и вообще правительство, повидимому, слишкомъ мало въ своихъ планахъ считаетъ со строемъ трудового хозяйства, въ кругъ котораго оно вводитъ земли, и съ правовыми воззрѣніями народа, которыя не легко измѣнить указами и циркулярами. Представимъ себѣ, что оно всю землю распродастъ хуторами и отрубамъ, запишетъ за опредѣленными лицами. Но, вѣдь, этимъ оно не уничтожитъ семейныхъ раздѣловъ, не измѣнитъ наследственнаго права. Уже въ слѣдующемъ поколѣніи хуторъ, который оно теперь устроить, обратится въ выселокъ и, быть можетъ, даже цѣлую деревеньку, а отрубъ, который оно вырѣжетъ, превратится въ товарищеское владѣніе,—и, быть можетъ, даже съ передѣлами. Не такъ легко справиться съ населеніемъ, которое привыкло «дѣлить землю» *).

Отучить его отъ этого можно только принудительнымъ путемъ, введя что-нибудь вродѣ майората или минората. Возможно, что правительство не остановится и передъ этимъ,—правящіе классы находятся въ такомъ азартѣ, что готовы совершить сейчасъ какое угодно насиліе надъ народною жизнью. Но не всякое вѣдь насиліе даетъ нужные результаты. Въ частности, семейные раздѣлы правительство уже пробовало нормировать, но законъ, который оно съ этою цѣлью въ 1890 г. издало, вовсе не далъ ожидавшихся отъ него результатовъ. Не говоря о прочемъ, напомнимъ, что установленіе недѣлимыхъ участковъ и неизбѣжнаго при этомъ денежнаго выдѣла для младшихъ или старшихъ дѣтей можетъ встрѣтить чисто финансовыя затрудненія. За границей такой выдѣлъ совершается, главнымъ образомъ, путемъ заклада земли, обремененія ея ипотечнымъ долгомъ. Но, вѣдь, тѣ земли, о которыхъ мы говоримъ сейчасъ, и безъ того этимъ долгомъ будутъ обременены свыше мѣры. Выселившемуся на хуторъ или записавшему за собою отрубной участокъ крестьянину, дай Богъ, справиться съ бан-

*) Напомню жалобы, которыя раздавались на этотъ счетъ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ и о которыхъ мнѣ пришлось въ свое время говорить въ „Земельныхъ нуждахъ деревни“.

ковскими платежами, какіе придется платить по ссудѣ, и едва ли у него найдутся силы, чтобы давать еще выдѣлы...

Допустимъ, однако, что правительство успѣетъ насадить личную собственность и крестьянскую психику «благами» этой собственности испортить. Но это не значитъ еще, что нужнаго ему зайца оно тѣмъ самымъ поймаетъ. Задача, вѣдь, состоитъ не въ томъ только, чтобы раздробить крестьянскую массу, — нужно еще дать возможность собраться и сгуститься на ея поверхности маслянистымъ частичкамъ. Нужно создать «крѣпкаго крестьянина» — Бауер'а, «мальчика въ штанахъ», какъ я выразился прошлый разъ, характеризующа задачи правительства. И вотъ въ томъ, чтобы въ этой части задача была выполнена, приходится особенно сильно сомнѣваться.

Въ данномъ случаѣ достаточно сослаться на условія, на которыхъ земля достается крестьянамъ. При покупкѣ земли, съ содѣйствіемъ банка, у помѣщиковъ они платили такія цѣны за десятину:

въ 1896 году	50 руб.	въ 1902 году	108 руб.
„ 1897 „	72 „	„ 1903 „	109 „
„ 1898 „	74 „	„ 1904 „	112 „
„ 1899 „	77 „	„ 1905 „	111 „
„ 1900 „	80 „	„ 1906 „	124 „
„ 1901 „	90 „	„ 1907 „	137 „

Быстрый ростъ земельныхъ цѣнъ, съ особою силою обнаружившійся послѣ преобразования кр. банка въ концѣ 90-хъ годовъ, не только не ослабѣлъ за послѣдніе годы, но и продолжался еще болѣе быстрымъ темпомъ. При покупкахъ земли самимъ банкомъ онъ платилъ въ среднемъ за десятину (если взяты всѣ сдѣлки, по которымъ состоялось соглашеніе съ продавцами): въ 1906 году — 109 руб. и въ 1907 г. (по 1 сентября) — 106 руб. Такимъ образомъ въ общемъ банкъ покупалъ землю дешевле, чѣмъ сами крестьяне, но это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что банкъ покупалъ землю крупными имѣніями, по общему же правилу цѣна тѣмъ ниже, чѣмъ участокъ крупнѣе. Если сравнить данныя по размѣрамъ приобрѣтенныхъ владѣній, то окажется, что банковскія цѣны въ большинствѣ группъ даже выше крестьянскихъ. Напримѣръ, за имѣнія отъ 100 до 200 дес. банкъ платилъ въ среднемъ за десятину 159 руб., а крестьяне — 135 руб., за имѣнія 200-500 дес. тѣ же цифры будутъ 148 и 123 руб., за имѣнія 500-1000 дес. — 131 и 112 руб., за имѣнія 1000-2000 дес. — 125 и 95 руб. Г. Кутлеръ считаетъ нужнымъ нѣсколько смягчить этотъ выводъ ссылкой на неодинаковое распределеніе банковскихъ и крестьянскихъ покупокъ по мѣстностямъ съ болѣе дешевыми и болѣе дорогими цѣнами. Мнѣ не хотѣлось бы углубляться въ этотъ вопросъ, и потому я ограничусь указаніемъ на «довольно распространенное въ обществѣ мнѣніе», которое приводитъ самъ г. Кутлеръ, а именно, что «банку легко сбыть

плохія и посредственныя земли, но хорошія, по общему правилу, ему не достаются изъ-за разногласія съ продавцами относительно цѣны. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ смягчать выводъ, г. Кутлеру слѣдовало бы въ анализѣ пойти дальше и рассмотреть, какія земли въ каждой мѣстности приобрѣтаются банкомъ.

Но для насъ важно сейчасъ не столько то, по какой цѣнѣ банкъ покупаетъ земли, сколько то, по какой цѣнѣ онъ продаетъ ихъ крестьянамъ. Изъ «Обзора дѣятельности уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій» мы узнаемъ, что запроданныя уже банкомъ земли (627.916 дес.) опцѣнены имъ, «включая всѣ расходы по разбивкѣ, обводненію, проведенію дорогъ и проч.», по 130 руб. слишкомъ за десятину. Если и эти земли банкъ купилъ по 106-109 руб., то нельзя сказать, чтобы работы по разбивкѣ ихъ на хутора и отруба обошлись дешево...

Во всякомъ случаѣ, покупаютъ ли крестьяне землю у помѣщиковъ или покупаютъ ее у банка, она обходится имъ очень дорого. Правда, банковскіе платежи были въ 1906 г., какъ мы видѣли, значительно понижены, и такимъ образомъ часть цѣны какъ бы взята банкомъ на свой счетъ. Но, вѣдь, убытки, которые въ силу этого потерпѣлъ банкъ, русскому народу—и, въ частности, тѣмъ же крестьянамъ—придется оплатить, хотя бы и въ другой формѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ банковскіе платежи для крестьянъ, даже послѣ пониженія ихъ, нисколько не стали легче: уменьшившись въ процентномъ отношеніи къ ссудѣ, они замѣтно увеличились по расчету на десятину: за земли, купленныя въ 1901-1903 гг. съ разсрочкою на 55¹/₂ лѣтъ, крестьянамъ приходилось платить за каждую десятину (при средней цѣнѣ около 105 р. и ежегодномъ платежѣ въ 5 р. 25 коп. со 100) около 5 р. 50 коп. ежегодно; за земли, купленныя въ 1907 г. (при средней цѣнѣ около 135 р. и ежегодномъ платежѣ въ 4 р. 50 к. со 100) имъ придется платить уже свыше 6 руб.

Не трудно предвидѣть, что эти платежи, которыми крестьяне свяжутъ себя на десятки лѣтъ, будутъ такъ же выколачиваться, какъ выколачивались въ свое время выкупныя недоимки. Уже теперь, когда правительство прилагаетъ всѣ усилія, чтобы популяризировать дѣятельность крестьянскаго банка, отношенія послѣдняго къ его кліентамъ нельзя назвать мягкими. Можно было бы указать рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что, какъ и всякій заемодовець, банкъ проявляетъ скорѣе излишнюю жестокосердность. Приведу, для примѣра, выдержку изъ сообщенія «Часа» о тѣхъ отношеніяхъ, какія сложились между крестьянами и банкомъ въ купленной имъ громадной латифундіи гр. А. А. Бобринскаго въ Тульской губ.

Банкъ не разрѣшаетъ,—писалъ корреспондентъ,—уборку хлѣба до уплаты арендной платы и для того, чтобы имѣть возможность помѣшать свозу хлѣба съ полей, ранѣе взноса арендной платы, онъ вызвалъ отрядъ

драгунъ. Каждый день, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, по окрестнымъ мѣстностямъ развѣзжаютъ драгунскіе патрули, наводя страхъ на крестьянъ, особенно на женщинъ... И великолѣпный урожай на арендованной банковской землѣ стоитъ въ копнахъ на полѣ. Пойдутъ дожди, все погибнетъ и прорастетъ, и весь тяжелый трудъ и сѣмена пропадутъ даромъ. Въ такой обстановкѣ крестьяне рѣшились на рискованный шагъ. 6 августа деревня Узуново, ночью, перевезла свои ржаные копны съ поля на гумна. Ея примѣру послѣдовали и другія деревни... Конечно зачинщиковъ арестовали. Банкъ, кромѣ того, потребовалъ, чтобы крестьяне перевезли рожь обратно въ поле. Послѣ долгихъ переговоровъ, это бессмысленнѣйшее требованіе было, впрочемъ, оставлено. Но дѣло о „самовольномъ увозѣ и т. д.“, конечно, пойдетъ своимъ ходомъ *).

И вотъ въ то время, какъ энергія мѣстныхъ властей доходила уже до «бессмысленнѣйшихъ требованій», центральное управленіе банка продолжало настаивать на усиленіи понудительныхъ мѣръ. 6 сентября управляющимъ банкомъ была разослана во всѣ его отдѣленія слѣдующая телеграмма:

Представляемые отдѣленіями свѣдѣнія убѣждаютъ меня, что платежи заемщиковъ и арендаторовъ въ большинствѣ отдѣлений поступаютъ по прежнему крайне неисправно. Вновь подтверждаю о необходимости безотлагательно принять всѣ мѣры взысканія и въ трехдневный срокъ донести мнѣ подробно положеніе дѣла и какія практическія распоряженія сдѣланы отдѣленіями во исполненіе моего предложенія отъ 22 іюня **).

«Призваны драгуны»—могло бы отвѣтить тульское, а можетъ быть, и другія отдѣленія. Потомъ, когда жизнь войдетъ въ норму, достаточно будетъ, конечно, становыхъ и исправниковъ... Войдетъ ли, однако? Не вступили ли мы въ такую полосу исторіи, когда дань съ подвластнаго населенія приходится взыскивать при содѣйствіи вооруженной силы?

Такъ или иначе, но эту дань взыскивать будутъ. И едва ли не въ самомъ беззащитномъ положеніи окажутся тѣ крестьяне, которые приобрѣтутъ землю въ «единоличную собственность». Приобрѣтая ее обществами и товариществами, они находились до извѣстной степени подъ защитою міра. Отобрать землю у цѣлаго общества или крупнаго товарищества не всегда найдетъ въ себѣ рѣшимость даже нынѣшнее правительство. Да и хлѣбъ увести изъ подъ охраны драгунъ, въ случаѣ чего, безопаснѣе скопомъ, чѣмъ въ одиночку...

Если полицейское государство находитъ возможнымъ освободить своихъ данниковъ отъ круговой поруки, то, конечно, потому, что оно считаетъ себя въ силахъ справиться съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Оно на столько уже глубоко виѣдрилось своими органами въ страну, что можетъ завести лицевые счета со своими подданными, не опасаясь, что тогъ или другой изъ нихъ ускользнетъ отъ его высасывающихъ щупальцевъ. Крайне харак-

*) Цитирую по перепечаткѣ въ «Рѣчи», 13 сентября 1907 г.

**) «Товарищъ», 13 сентября 1907 г.

терно, что преимущество «единоличной собственности», въ какой-либо формѣ правительство желаетъ сбыть землю крестьянамъ, оно видитъ между прочимъ въ томъ, что недоимокъ при этомъ будетъ меньше. Сановникъ, о которомъ я упоминалъ выше, на вопросъ, увѣрено ли правительство, что съ финансовой стороны производимая имъ распродажа достаточно обезпечена,—объяснилъ своему собесѣднику:

— Да вѣдь вы знаете, кто являются главными недоимщиками. Члены крестьянскихъ товариществъ... Болѣе состоятельные выжидаютъ, чтобы уплатили менѣе состоятельные. А между отдѣльными покупателями недоимщиковъ почти нѣтъ.

Такія же разъясненія мы находимъ и въ официальныхъ заявленіяхъ... Не трудно, конечно, себѣ представить, что крестьянинъ, пріобрѣтшій землю въ единоличную собственность, будетъ вытягивать всѣ жилы, чтобы оправдать себя передъ банкомъ,—въ собственности же крестьянинъ, который, продавъ надѣльную землю, выселится на банковскій хуторъ: лишиться земли для послѣдняго будетъ вѣдь равносильно лишенію всего хозяйства и даже осѣдлости.

«Мальчишка въ штанахъ» желаетъ въ концѣ концовъ получить правительство... Вѣроятно, однако, что получится другое: надѣливъ мужика—допустимъ, хозяйственнаго мужика—отрубомъ и даже выселивъ его на хуторъ, правящіе классы не только не предоставятъ ему возможности обзавестись штанами, но, быть можетъ, снимутъ съ него и рубашку.

IV.

Переходя къ землеустройству на надѣльныхъ земляхъ *), напомнимъ прежде всего, какъ раньше относилось къ этимъ землямъ

*) Землеустроительными операціями, какъ мнѣ пришлось уже упомянуть, заняты три вѣдомства. Переселеніями и распродажей казенныхъ земель завѣдуетъ главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Крестьянскій банкъ находится въ вѣдѣніи министра финансовъ. Наконецъ, операціями на надѣльныхъ земляхъ завѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ лицѣ своего земскаго отдѣла. Последнее изъ этихъ вѣдомствъ до сихъ поръ не дало никакой, публикаци о ходѣ своихъ землеустроительныхъ операцій. Въ объяснительныхъ запискахъ по законопроектамъ, внесеннымъ имъ въ Государственную Думу, мы тоже не находимъ на этотъ счетъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Не дали ихъ и представители министерства, участвуя въ думской земельной комиссіи. Даже г. Кутлеръ, при всѣхъ своихъ связяхъ въ качествѣ бывшаго министра, ни разу, повидимому, не могъ проникнуть въ крѣпко притворенныя двери земскаго отдѣла. Пересматривая свои матеріалы по этому вопросу, я нахожу среди нихъ очень мало свѣдѣній официального происхожденія; это, во-первыхъ, нѣсколько цифръ, проскользнувшихъ въ одной изъ осеннихъ статей официальной «Россіи», и, во-вторыхъ, кое-какія, далеко не вполне понятныя, данныя, имѣющіяся въ «Обзорѣ дѣятельности землеустроитель

правительство. Съ момента освобожденія крестьянъ и до самыхъ послѣднихъ дней это отношеніе, несомнѣнно, было двойственнымъ. Заставивъ крестьянъ выкупать землю за ихъ собственный счетъ и наградивъ ихъ по этому случаю титуломъ «собственниковъ», правительство тѣмъ самымъ какъ бы рѣшило вопросъ, что эти земли переходятъ въ частную ихъ собственность. Но въ дѣйствительности право собственности крестьянамъ дано не было, — надѣль имъ былъ предоставленъ, какъ и сказано въ «Общемъ Положеніи», «въ постоянное пользованіе, для обезпеченія ихъ быта и исправнаго отправленія ими государственныхъ повинностей». Что правомъ собственности на надѣльные земли крестьяне до сихъ поръ не пользовались, этого не отрицаетъ и правительство.

До окончанія выкупной операціи, — говорилъ тов. министра вн. дѣлъ Лыкошинъ въ думской комиссіи, — права собственности на землю у крестьянъ не было. Оно наступило только съ окончаніемъ выкупной операціи, и теперь правительство съ открытымъ забраломъ идетъ по пути насажденія частной собственности. Въ 1861 г. былъ выданъ вексель, по которому наступило время платить *)).

Надо, однако, сказать, что правительство, считающее теперь необходимымъ «распространить блага, притекающія отъ началъ собственности, и на ту громадную территорію крестьянскаго землевладѣнія, которая до сихъ поръ этихъ благъ была лишена» **), еще недавно высказывало совершенно другіе взгляды на этотъ предметъ. Такъ, въ «Трудахъ редакціонной комиссіи», работавшей при Плеве по пересмотру законодательства о крестьянахъ, мы въ свое время читали:

ныхъ комиссій)... Между тѣмъ вопросъ о надѣльномъ землеустройствѣ и по существу представляется однимъ изъ самыхъ важныхъ и по общему ходу землеустроительныхъ операцій является въ настоящее время самымъ интереснымъ. Здѣсь — въ сферѣ надѣльнаго землевладѣнія — лежитъ узелъ аграрнаго вопроса. Въ зависимости отъ того, какъ разрешится въ концѣ концовъ этотъ затаенный компромиссъ русской жизни, — перейдутъ-ли надѣльные земли въ личную собственность или приобретутъ характеръ собственности государственной, — находится все будущее нашихъ сельскохозяйственныхъ отношеній и, быть можетъ, весь дальнѣйшій ходъ русской исторіи. То или иное рѣшеніе его опредѣлитъ социальное положеніе многомилліонной крестьянской массы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю структуру социальнаго организма... Уже съ самаго начала операціямъ на надѣльныхъ земляхъ въ аграрномъ планѣ правительства было отведено видное мѣсто. Теперь же, когда его революціонная энергія во многихъ направленіяхъ уже иссякла, весь остатокъ ея оно обнаруживаетъ склонность сосредоточить въ сферѣ надѣльнаго землевладѣнія. Въ эту же сторону устремилась и господская Дума... Но съ этого, — главнаго, можно сказать, — театра землеустроительныхъ дѣйствій до сихъ поръ нѣтъ официальныхъ свѣдѣній. Картину надѣльнаго землеустройства мнѣ придется воспроизводить по частнымъ отрывочнымъ сообщеніямъ, пополняя ихъ, гдѣ это возможно и необходимо, соображеніями общаго характера.

*) «Рѣчь», 31 января 1908 г.

**) Стенографическій отчетъ о засѣданіи Государственной Думы 19 марта 1907 г.

Приравнивать надѣльныя земли къ частной собственности, очевидно, нельзя, хотя бы въ силу того обстоятельства, что при ихъ отводѣ имѣлись въ виду не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, а неизмѣримо болѣе широкія общегосударственныя цѣли... Надѣльныя земли, имѣя государственное значеніе и служа обезпеченіемъ быта крестьянъ, не могутъ составлять предметъ свободнаго оборота... *)).

Это было четыре года тому назадъ. «Обезпеченіе быта»—тогда и «блага собственности»—теперь... Плеве и Столыпинъ... Двѣ государственныя программы,—быть можетъ, скажутъ иные. Но въ томъ-то и дѣло, что эти двѣ программы уживались все время рядомъ. И носителями ихъ нерѣдко бывали одни и тѣ-же лица. Плеве и Столыпинъ... Но вѣдь законопроекты для нихъ составлялъ одинъ и тотъ же г. Гурко. Возьмите, дайте, г. Лыкошина, который горитъ теперь желаніемъ оплатить вексель, будто бы выданный въ 1861 году правительствомъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» **) г. В. Р. напомнилъ по этому поводу про другой вексель, выданный самимъ г. Лыкошинымъ, еще недавно возстававшимъ противъ «искусственнаго разрушенія общины», которымъ онъ теперь руководитъ. Если бы Плеве былъ живъ, то, быть можетъ, онъ осуществлялъ бы теперь ту же программу, которую осуществляетъ г. Столыпинъ. Послѣдній во второй Думѣ заявилъ, что онъ «пробылъ 10 лѣтъ у дѣла земельного устройства». Не входило ли въ эти 10 лѣтъ и то время, когда землеустройствомъ занимался Плеве? и не подъ его ли руководствомъ работалъ г. Столыпинъ?

Желая объяснить психологію г. Лыкошина, г. В. Р. напоминаетъ фразу Кукольника: «Прикажутъ—завтра же акушеромъ буду». До извѣстной степени это объясненіе примѣнимо, какъ мнѣ кажется, и къ бюрократіи въ цѣломъ. Правительству приходилось одновременно обслуживать экономически сильные элементы и политически властные, далеко не совпадающіе, какъ извѣстно, въ Россіи,—служить тѣмъ, кто основывалъ свое политическое вліяніе на экономической мощи, и тѣмъ, кто строилъ свое экономическое благополучіе на политической власти. Равнодѣйствующая получалась въ видѣ подвижнаго компромисса. Временами то одно теченіе брало перевѣсъ, то другое ***) , чѣмъ и опредѣлялись отношенія правительства

*) „Труды редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“. Изд. минист. вн. д. Спб. 1904 г. т. I.

**) „Русскія Вѣдомости“, 6 февраля 1908 г.

***) Крайне характерно, что представителями этихъ двухъ теченій нерѣдко являлись разные вѣдомства. Напомню эпизодъ борьбы, разыгравшейся въ 1902—1904 г. между Плеве, который считалъ невозможнымъ „приравнять надѣльныя земли къ частной земельной собственности“, и г. Витте, доказывавшимъ необходимость „распространенія общегражданскихъ правъ“ на крестьянъ, въ томъ числѣ и въ сферѣ надѣльнаго землевладѣнія. Въ началѣ 1904 г., когда Витте съ его „сельскохозяйственными комитетами“ находился въ оналѣ и авансцену занималъ Плеве съ его „редакціонной комиссіей“, появились труды послѣдней. Но довести ихъ

къ надѣльнымъ землямъ. Въ этихъ отношеніяхъ, поскольку они сказывались въ законодательныхъ актахъ, административной практикѣ и сенатскихъ разъясненіяхъ, тяга къ экономическому либерализму спорадически смѣнялась приступами крѣпостнической реакціи.

И такъ шло вплоть до послѣдняго времени, когда подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ рѣшительный перевѣсъ получили «блага собственности». Мы не должны, однако, забывать, что незадолго передъ тѣмъ предчувствовалась такой же почти сильный пароксизмъ «обеспеченія быта». Надо, впрочемъ, сказать, что уже тогда, даже по ультра-реакціонному проекту Плеве, предполагалось «предоставить возможность всѣмъ индивидуально-сильнымъ, умственно переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ найти примѣненіе своимъ способностямъ, расправить свои крылья». Считаая неизбежнымъ выпустить этихъ крестьянъ изъ «сферы попеченія о нихъ государственной власти» и находя возможнымъ сдѣлать это такъ, «что сословный крѣстьянскій строй останется непоколебленнымъ», правительство не на нихъ, однако, возлагало свои главныя надежды. «Оплоть исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и беспочвенныхъ теченій» оно продолжало видѣть въ крестьянской массѣ, удерживаемой въ рамкахъ «особливаго сословнаго строя», въ состояніи людей, «воспитанныхъ въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшихъ къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, приученныхъ измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанию своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка».

Обстоятельства послѣ того рѣзко измѣнились. «Оплоть», на который рассчитывало правительство, оказался ненадежнымъ. «Ограниченія въ распоряженіи надѣльными землями», имѣвшія въ глазахъ правительства смыслъ и значеніе лишь «въ неразрывной связи съ началомъ сословной обособленности» крестьянства, съ «особыми приѣмами въ порядкѣ его управленія, суда и правительственнаго надзора», потеряли всякую цѣну, когда съ «особливымъ порядкомъ управленія» приходилось — такъ, по крайней мѣрѣ, одно время казалось — окончателно распространиться. Политически вліятельнымъ кругамъ, державшимся, главнымъ образомъ, системой управленія, волей-неволей пришлось искать поддержки у экономически-сильныхъ элементовъ, — даже у «хозяйственныхъ мужичковъ». Нужно было спѣшно [создавать новый «оплотъ»] и для этого некогда было выпускать «поднимающихся», какъ это предполагалось при Плеве, по одиночѣ. Нужно «предоставить возможность... расправить

до конца Плеве не удалось... Въ концѣ 1904 г. — уже въ эпоху «довѣрія» — появилась «Записка по крестьянскому дѣлу Предсѣдателя Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности» статсъ-секретаря С. Ю. Витте, въ которой крестьянскій вопросъ трактовался съ прямо противоположной точки зрѣнія.

крылья» всѣмъ, кто только можетъ. Если при этомъ крестьяне раздерутся,—тѣмъ лучше... Рискъ, конечно, есть, протори и убытки—неизбѣжны. Въ частности въ пользу тѣхъ, кто поднимется, несомнѣнно, придется поступиться долей, хотя бы мѣстной, власти, на что, какъ мы знаемъ, и указалъ въ свое время г. Столыпинъ. Но когда грозитъ крахъ, то тѣ или иные убытки не страшны... Такъ рисуется мнѣ послѣдній переломъ, какой произошелъ въ отношеніяхъ правительства къ надѣльнымъ землямъ. Даже у министерства внутреннихъ дѣлъ, издавна являвшагося средоточіемъ дворянско-крѣпостническихъ тенденцій въ правительствѣ, нашлась рѣшимость сдѣлаться «акушеромъ». Обстоятельства «приказали»...

Послѣ роспуска первой Думы подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Гурко было образовано между-вѣдомственное совѣщаніе, работы котораго дали въ результатъ указы 9 ноября объ укрѣпленіи надѣльныхъ земель въ личную собственность и 15 ноября о залогѣ ихъ въ крестьянскомъ банкѣ. Но въ дѣйствіе эти указы могли вступить лишь съ 1 января 1907 года, когда завершилась отмѣна выкупныхъ платежей. Послѣ того прошло уже больше года.

Какъ далеко подвинулись за это время землеустроительныя операціи на надѣльныхъ земляхъ? Официальныхъ данныхъ на этотъ счетъ, какъ я уже сказалъ, мы не имѣемъ. Только осенью какъ-то офиціозная «Россія» сообщила, что до 1 сентября 1907 года поступило 109.025 заявленій объ укрѣпленіи общинной земли въ личную собственность. Взятая сама по себѣ эта цифра представляется совершенно ничтожной. 109 тыс. заявленій на всю Россію,—это, стало быть, ими охвачено менѣе $\frac{1}{2}\%$ надѣльной площади. Незначительными представляются и проникшія въ печать цифры по Екатеринославской губерніи: по 27 ноября 1907 г. въ этой губерніи сдѣлано 8363 заявленія, при чемъ укрѣплено въ личную собственность 42.213 дес., что составляетъ около $1\frac{3}{4}\%$ всей надѣльной площади *). Достаточно сильное движеніе къ укрѣпленію земли въ личную собственность обнаружилось пока, повидимому, только въ Херсонской губ., гдѣ, по сообщенію «Россіи», на 1 сентября было сдѣлано до 30 тыс. заявленій, изъ коихъ до 10 тыс. было уже удовлетворено. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что всѣ эти данныя относятся къ первому времени по введеніи указа 9 ноября, когда дѣйствіе его не могло еще сказаться во всей своей силѣ. Потомъ движеніе можетъ еще широко развиваться...

Несомнѣнно, что масса крестьянскаго населенія встрѣтила этотъ указъ въ большинствѣ мѣстностей въ высшей степени несочувственно, и съ этой стороны проведеніе его въ жизнь, несомнѣнно, встрѣчаетъ сопротивленіе. Изъ 8363 заявленій объ укрѣпленіи земли въ личную собственность, сдѣланныхъ по Екатеринославской

*) См. „Товарищъ“, 23 декабря и „Рѣчь“, 25 декабря 1907 г.

губерніи, лишь 1093 было удовлетвено обществами, въ остальныхъ же 7270 случаяхъ выдѣляющимся пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію администраціи, т. е. внѣшней силы. То же, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, происходитъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ большинствѣ случаевъ общества отказываютъ въ своемъ согласіи, и укрѣпить землю въ собственность удастся лишь послѣ борьбы, переходящей иногда въ драку и даже сраженія. Приведу два-три сообщенія in extenso.

Во всѣхъ почти селахъ,—писали изъ Тираспольскаго у., Херсонской губ.,—идеть теперь выдѣленіе крестьянъ изъ общины, и замѣчательно, что ни въ одномъ почти селеніи выдѣленіе это не обошлось еще безъ конфликтовъ или скандаловъ... Особенно крупный конфликтъ произошелъ на этой почвѣ въ сел. Буторъ, гдѣ сходъ категорически отклонилъ ходатайства 60 сравнительно обезпеченныхъ землею крестьянъ. По жалобѣ послѣднихъ въ Буторъ прибылъ земскій начальникъ, который, созвавъ сходъ, началъ уговаривать крестьянъ согласиться на выдѣленіе просителей изъ общины. Указывая, однако, на ненормальность создающагося положенія, представители схода заявили, что согласиться на выдѣленіе общество можетъ лишь послѣ общаго передѣла. Въ переговоры тѣмъ временемъ вмѣшались и просители, и между послѣдними и сходомъ завязался споръ, перешедшій въ перебранку. Черезъ нѣсколько минутъ вся громадная толпа представляла собою одну клокочущую массу. Страсти все болѣе и болѣе разгорались, и вскорѣ въ просителей посыпался градъ камней. Увѣщеванія земскаго начальника успокоиться не достигали цѣли, и волей-неволей, ради прекращенія дебоша, принявшаго серьезные размѣры, сходъ пришлось закрыть. Нынѣ дѣла о выдѣленіи изъ общины перешли на усмотрѣніе уѣзднаго сѣзда *).

Напомню далѣе кровавый эпизодъ, сравнительно недавно разыгравшійся въ Свіяжскомъ уѣздѣ.

Извѣстные безпорядки въ селѣ Подбереаѣ Свіяжскаго уѣзда произошли вслѣдствіе принужденія къ выдѣлу изъ общины тридцати домохозяевъ. Общество, не соглашаясь, требовало удаленія становаго пристава и земскаго начальника, прибывшихъ съ цѣлью способствовать ускоренію дѣла о выдѣлѣ. Приставъ и земскій удалились, но черезъ два дня прибылъ исправникъ съ 29 конными стражниками для уговора несогласныхъ. Послѣ ареста шести крестьянъ ударили въ набатъ. Поднялось почти все село, вооруженное кольями. Стражники стрѣляли залпами. Убитыхъ и раненыхъ крестьянъ насчитываютъ около двадцати. Исправникъ избитъ. Арестовано свыше шестидесяти человѣкъ **).

Даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Смоленская губернія, гдѣ уже раньше обнаружилось тяготѣніе къ хуторскому хозяйству, и гдѣ въ силу этого, можетъ быть, крестьянскія общества сравнительно часто даютъ свое согласіе на выдѣлъ, «никакыхъ препятствій къ выходу изъ общины и къ закрѣпленію надѣльной земли въ собственность, — по словамъ мѣстной газеты, — не оказывали лишь

*) «Одесскія Новости»; цитирую по перепечаткѣ въ «Товарищѣ» отъ 11 сентября 1907 г.

**) „Рѣчь“, 23 января 1908 г. (телеграмма изъ Казани).

въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ общинная земля либо никогда не передѣлялась, либо передѣлялась годъ-два тому назадъ. Въ тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ передѣлы производятся періодически, сельскіе скходы въ выдѣлѣ общинной земли обыкновенно отказываютъ, предлагая ждать слѣдующаго очереднаго передѣла земли» *).

Эта борьба, несомнѣнно, будетъ продолжаться въ деревнѣ и послѣ того, какъ укрѣпленіе земли въ собственность за тѣми или иными домохозяевами состоится. Будутъ появляться новые и новые охотники послѣдовать ихъ примѣру. Но и независимо отъ этого, присутствіе въ деревнѣ лицъ, захватившихъ въ свою пользу общественное достояніе, будетъ еще долго возбуждать чувства вражды и ненависти къ нимъ въ ихъ однообщественникахъ. За поводами для проявленія этихъ чувствъ дѣло, конечно, не станетъ, — напротивъ, можно опасаться, что такихъ поводовъ для столкновений, когда собственники начнутъ реализовывать доставшіяся имъ «блага», появится черезчуръ даже много.

Но достаточно ярко уже обнаружившееся отрицательное отношеніе крестьянской массы къ указу 9 ноября нисколько, конечно, не смущаетъ правительство, и грядущій, вѣроятно, очень длинный, періодъ междусобій въ деревнѣ нисколько, повидимому, его не пугаетъ. Какъ я уже сказалъ, это, быть можетъ, даже входитъ въ его расчеты. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время оно напрягаетъ всѣ усилія, чтобы продвинуть дѣйствіе указа 9 ноября возможно дальше и охватить имъ деревню возможно скорѣе и шире.

Чуть-ли не всѣ сношенія по дѣламъ этого рода центральныхъ учреждений съ мѣстными ведутся по телеграфу. По крайней мѣрѣ, судя по свѣдѣніямъ освѣдомительнаго бюро, даже очень обширныя циркулярныя разъясненія министерства по вопросамъ, касающимся примѣненія указа 9 ноября, сообщаются губернаторамъ телеграфнымъ путемъ *). По телеграфу же передаются распоряженія о доставленіи свѣдѣній. Уже этимъ привносится въ дѣло нервозность и торопливость. Еще большее значеніе имѣютъ для мѣстныхъ властей прямыя распоряженія ускорить дѣла по примѣненію указа 9 ноября. Содержаніе распоряженій этого рода намъ неизвѣстно, но они, очевидно, достаточно вразумительны для мѣстныхъ властей. Таврическій, напримѣръ, губернаторъ по телеграфу предписалъ земскимъ начальникамъ немедленно предпринять путешествіе по своимъ участкамъ съ цѣлью убѣдить крестьянъ укрѣплять надѣльную землю въ личную собственность ***). Херсонскій губернаторъ распорядился, чтобы всѣ дѣла этого рода разсматривались зем-

*) „Смоленскій Вѣстникъ“. Цитирую по перепечаткѣ въ «Товарищѣ» отъ 27 ноября 1907 г.

**) См., напримѣръ, телеграммы отъ 20 іюля и 14 августа, появившіяся въ петербургскихъ газетахъ 21 іюля и 16 августа 1907 г.

***) См. „Товарищъ“, 27 ноября, и „Рѣчь“, 29 ноября 1907 г.

скими начальниками вѣдѣ очереди *). Въ Покровской слободѣ (Самарской губ.) «по распоряженію властей при сельскомъ управленіи заготовлены—въ печатномъ видѣ—однообразныя оформленныя заявленія для желающихъ выдѣлиться. Стоитъ лишь желающему подписаться подѣ готовымъ заявленіемъ—и дѣло пошло въ ходъ». Облегчены формальности и для обществъ: «въ сельское правленіе присланы печатные образцы для составленія приговоровъ обществами относительно выдѣла» **). Вообще мѣстные власти проявляютъ, повидимому, всю свою энергію и изобрѣтательность,—не отступая подчасъ передъ обходомъ закона и прямымъ его нарушеніемъ,—лишь бы возможно больше укрѣпить собственниковъ.

Но правительство и за всѣмъ тѣмъ ходомъ дѣла не довольно. Оно не прочь было бы еще усилить энергію мѣстныхъ властей. Надвяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ вновь циркулярно обратился къ губернаторамъ, поручая дѣло землеустройства, видную часть котораго составляютъ мѣры, направленные «къ созданію и развитію личной собственности у крестьянъ» «особой заботѣ» ихъ превосходительство.

Объединяющимъ центромъ, одушевляющимъ все дѣло и устраняющимъ всякаго рода тренія и разногласія,—говорится въ циркулярѣ,—естественно долженъ являться губернаторъ, живое и дѣятельное участіе котораго въ землеустроительныхъ начинаніяхъ правительства я считаю не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ.. Проявленіе вами такого живого участія въ землеустроительномъ дѣлѣ несомнѣнно отразится благотворно на дѣятельности не только подвѣдомственныхъ вашему превосходительству, но и другихъ учрежденій, особенно если результатомъ этого участія явится быстрое устраненіе препятствій и недоразумѣній, которыя вами будутъ замѣчены, и установленіе добрыхъ, чуждыхъ вѣдомственной розни, отношеній между всѣми заинтересованными учрежденіями и лицами ***).

Съ другой стороны, въ правящихъ кругахъ сложилось уже, повидимому, убѣжденіе, что въ такомъ важномъ дѣлѣ нельзя полагаться на инициативу отдѣльныхъ лицъ, и что необходимо предпринять общія мѣры. Въ этихъ видахъ думская земельная комиссія проектируетъ—и министерство съ своей стороны къ этому проекту присоединилось—объявить личной собственностью землю во всѣхъ общинахъ, въ которыхъ за послѣдніе 24 года не было общихъ передѣловъ. Если эта мѣра будетъ осуществлена, то сразу появится масса «собственниковъ».

Дѣло, однако, не въ энергіи, которую проявляетъ правительство, и даже не въ общихъ мѣрахъ, какія оно проведетъ сообща съ «господской» Думой... Указъ 9 ноября отгѣнилъ подворную собственность и во всѣхъ случаяхъ замѣнилъ ее личной,—но это не

*) „Товарищъ“, 12 августа 1907 г.

**) „Товарищъ“, 9 августа 1907 г.

***) „Новое Время“, 16 февраля 1908 г.

значить, что семейная собственность въ Россіи послѣ того исчезла. Слишкомъ жизненъ еще этотъ институтъ, чтобы его можно было уничтожить почеркомъ пера. То же можно было бы сказать и про общинную собственность, если бы почва для ея разрушенія не была уже подготовлена, и если бы, съ другой стороны, не было властныхъ запросовъ жизни, для удовлетворенія которыхъ всѣ другія дороги оказываются прегражденными.

Нельзя упускать изъ виду, что психика крестьянской массы въ ея отношеніяхъ къ землѣ уже испорчена,—испорчена выкупиною операціей и тѣми мѣновыми сдѣлками, на основаніи которыхъ въ теченіе всего пореформеннаго времени крестьяне только и могли расширять свое землепользованіе. Земля въ глазахъ населенія уже успѣла сдѣлаться товаромъ, который приходится добывать за деньги. Въ частности, надѣльные земли—это товаръ, который уже оплаченъ,—оплаченъ долгими годами труда и лишеній. Въмѣстѣ съ тѣмъ это самая цѣнная часть имущества, какое удалось удержать въ своихъ рукахъ трудящимся массамъ; въ землю оказалось вложеннымъ почти все, что имъ удалось сберечь въ результатѣ многолѣтнихъ усилій. Нельзя, далѣе, упускать изъ виду, что эту землю крестьяне оплачивали и свои сбереженія въ нее вкладывали врозь, отдѣльными селеніями и дворами. Вполнѣ понятно поэтому, что даже тамъ, гдѣ община сохранилась, крестьяне смотрятъ на землю, какъ на частную собственность,—на собственность данной именно деревни, а не всего народа въ совокупности.

Мнѣ не разъ уже приходилось указывать, что даже при революціи въ прямомъ направленіи пришлось бы считаться съ этими чувствами и воззрѣніями крестьянской массы. Націонализація надѣльныхъ и купчихъ крестьянскихъ земель мнѣ представляется поэтому возможной лишь въ видѣ системы мѣръ, которыя обезпечивали бы, съ одной стороны, нахожденіе этихъ земель въ трудовомъ пользованіи и, съ другой, — постепенный переходъ ихъ въ общенародное достояніе. Не сразу крестьянская масса освоится съ новыми формами жизни, не сразу привыкнетъ пользоваться новыми путями, и не сразу упрочится ея довѣріе къ коллективности даже послѣ того, какъ она будетъ организована на демократическихъ началахъ. Не безъ раздумья и не безъ колебаній, быть можетъ, крестьянство откажется отъ «пріобрѣтенныхъ правъ» на землю. И если, несмотря на это, я считаю націонализацію все-таки возможной, то основываясь, главнымъ образомъ, на трудовыхъ воззрѣніяхъ крестьянской массы. Съ одной стороны, ею достаточно хорошо уже усвоено воспитанное всѣмъ строемъ нашей сельско-хозяйственной жизни и поддерживаемое всѣмъ ходомъ сельско-хозяйственной эволюціи начало, что земля должна принадлежать трудящимся; съ другой стороны, слишкомъ ясно должно быть для коллективнаго разума народа, что удержать за собою

землю трудящіяся могутъ не иначе, какъ довѣривъ ее государству, демократически, конечно, организованному...

Тѣмъ болѣе приходится считаться съ собственническими чувствами крестьянскаго населенія теперь, при революціи наоборотъ, когда никакихъ другихъ путей, чтобы передвинуть землю или хозяйство нѣтъ, кромѣ мѣнновыхъ сдѣлокъ. Приобрѣсть новую землю крестьянинъ можетъ почти исключительно путемъ купли; выручить сбереженія, вложенныя въ прежнюю,—не иначе, какъ путемъ продажи. Между тѣмъ въ томъ и другомъ направленіяхъ жизнь то и дѣло предъявляетъ властныя требованія.

Въ началѣ статьи я говорилъ уже о тѣхъ затрудненіяхъ, какія приходится при нынѣшнемъ аграрномъ строѣ испытывать сельско-хозяйственному населенію въ своемъ размѣщеніи на территоріи. Для переселенія и обзаведенія хозяйствомъ на новыхъ земляхъ, которыя находятся за многія тысячи верстъ, въ совершенно иныхъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, требуются значительныя средства. Между тѣмъ никакихъ почти сбереженій у населенія нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя вложены въ надѣльныя земли. Является желаніе выручить эти сбереженія,—и правительство, какъ мы видимъ, уже подсказываетъ: укрѣпи свой надѣлъ и продай его,—теперь на этотъ счетъ свободно... Уже въ 1907 году были случаи продажи надѣльной земли переселенцами; въ дальнѣйшемъ же она, вполне возможно, будетъ практиковаться еще шире.

Не меньшія затрудненія приходится испытывать населенію и въ своемъ размѣщеніи на занятой уже части территоріи... Въ пореформенное время крестьянами приобрѣтено путемъ покупки свыше 10 милл. десятинъ частновладѣльческой земли. Но громадная часть этой земли, прикупавшаяся по мелочамъ, пригорожена къ хозяйствамъ, оставшимся на прежнемъ мѣстѣ. Лишь немногіе счастливыцы могли приобрести землю въ такомъ количествѣ, чтобы переселиться на нее, бросивъ свои надѣлы. Большинству же приходилось во чтобы то ни стало держаться за свои надѣльные клочки и, стало быть, жить и хозяйничать тамъ, гдѣ жили и хозяйничали ихъ отцы при крѣпостномъ правѣ. Если бы вся земля принадлежала государству, то найти тотъ или иной способъ передвигать хозяйства по мѣрѣ того, какъ наврѣвала въ этомъ потребность, было бы не трудно. Но между надѣльною землею, которая была дана для «обезпеченія быта», и частновладѣльческою, которую можно было получить лишь вмѣстѣ съ «благами собственности», лежалъ непроходимый ровъ, перейти черезъ который было нельзя и перепрыгнуть который далеко не всѣ были въ силахъ. Этотъ ровъ даетъ себя знать и сейчасъ,—даже послѣ указа 9 ноября.

Въ осуществленіи землеустроительныхъ правительственныхъ проектовъ—сообщилъ какъ-то одинъ изъ информаторовъ „Рѣчи“—встрѣтилась досадная подробность, нѣсколько смутившая бюрократію. Какъ слыть на-

дѣльныя земли крестьянъ, надъ которыми тяготѣютъ разныя охранительныя узаконенія, съ внѣнадѣльными при общемъ разверстаніи на хугора и отрубные участки?.. Какъ мы слышали, этотъ вопросъ особенно страстно дебатировался въ особой комиссіи при министерствѣ юстиціи, гдѣ были и представители другихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ. Получилось разногласіе. Меньшинство настаивало на томъ, чтобы надѣльная земля непременно была отграничена отъ внѣнадѣльной... Большинство членовъ комиссіи... склонялось придать всей землѣ, идущей въ разверстку, значеніе надѣльныхъ земель. Остановка за малымъ: за согласіемъ самихъ владѣльцевъ. Да и крестьянскій банкъ не совсѣмъ одобрительно относится къ наложенію табу на кушечныя отъ него земли. Уже и теперь недопикъ трудно взыскивать, а тогда пиши прощало... Этотъ казусный вопросъ будетъ вскорѣ внесенъ на разсмотрѣніе совѣта министровъ, а затѣмъ въ видѣ особаго законопроекта поступить въ Государственную Думу *).

Но землеустроительныя комиссіи нашли, повидимому, способъ обойтись въ данномъ случаѣ и безъ Думы. Изъ «Обзора» ихъ дѣятельности мы узнаемъ, что отъ желающаго приобрѣсти банковскій хуторъ, они требуютъ, чтобы онъ продалъ надѣльную землю. При всей рискованности этой операціи, очень многіе крестьяне, несомнѣнно, вынуждены будутъ на нее согласиться. Жить на надѣльныхъ клочкахъ стало уже невыносимо,—поневолѣ полѣзешь въ банковую петлю. «Хоть гирише, та иише»—какъ говорятъ по этому поводу въ Харьковской губ. сами крестьяне... **) Такимъ образомъ и съ этой стороны властная жизненная потребность серьезно грозить общинѣ.

Между тѣмъ имѣются и другія потребности... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдается стремленіе къ объединенію принадлежащихъ каждому хозяйству полосъ въ цѣляхъ устраненія черезполосицы и длинноземелья, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ обособленію хозяйства въ цѣляхъ освобожденія его отъ принудительнаго сѣвооборота. Несомнѣнно, что эту потребность можно и даже легче удовлетворить при коллективномъ правѣ собственности. Жизнь начала уже выработывать нужныя для этого формы. Напомню хотя бы «сотню», описанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ К. Я. Воробьевымъ, при помощи которой ярославскіе крестьяне сводятъ доселѣ многочисленныя полосы въ немногіе «отрубы». Пока крестьянамъ приходилось обдумывать этотъ вопросъ врозь — чуть не каждой деревнѣ въ отдѣльности, — конечно, назрѣвавшая потребность удовлетворялась очень медленно. Легко понять однако, что, если бы надъ этимъ вопросомъ работала болѣе широкая коллективность и если бы результаты народной мысли не пропадали, а кодифицировались, какъ кодифицируются теперь измышленія чиновниковъ, то та же самая потребность, вѣроятно, очень скоро стала бы удовлетворяться немедленно по возникновеніи... Но вотъ

*) „Въ административныхъ кругахъ“. „Рѣчь“, 10 ноября 1907 г.

**) См. „Товарищъ“, 15 іюля 1907 года.

является правительство, которое все уже обдумало: расселяйтесь на хутора, укрѣпляйте землю въ личную собственность! вся земля будетъ вокругъ дома, каждый самъ себѣ будетъ хозяиномъ!. Соблазнительно... Правда, жизнь на хуторѣ для русскаго крестьянина, привыкшаго жить міромъ*), имѣеть свои неприятыя стороны,—и для хозяйственнаго мужика, быть можетъ, особенно чувствительныя: съ точки зрѣнія безопасности, напримѣръ. Укрѣпленіе земли въ собственность, безъ выдѣла ея къ одному мѣсту, тоже представляетъ мало привлекательнаго: вмѣсто хозяйственной свободы приобрѣтешь, пожалуй, только ссоры и дразги. Но разъ есть потребность и нѣтъ другихъ путей для ея удовлетворенія, то возможно, что многіе сдѣлаютъ попытку воспользоваться тѣмъ, который такъ охотно — даже съ воспомощіемъ отъ казны—предлагаетъ правительство.

Далѣе. Значительная часть крестьянскаго населенія, надѣленнаго когда-то землею и выкупавшаго ее за круговую порукою, живетъ теперь въ городахъ, занятая всякими промыслами. Многіе уже потеряли надежду вернуться въ деревню, иные не имѣютъ и охоты. Между тѣмъ тамъ осталась земля,—окупленная земля,—за которую они тоже платили, и притомъ платили иногда «спуста», даже не пользуясь ею. Вполнѣ естественно желаніе выручить, что въ нее вложено,—тѣмъ болѣе, что и въ городѣ жить не легко: за одну квартиру сколько платить приходится... Охотники ликвидировать свои отношенія съ деревней, конечно, имѣются,—и указъ 9 ноября даетъ имъ для этого готовую форму.

Можно было бы указать многіе другіе жизненные запросы, которые облегчатъ правительству его походъ противъ общины, но наибольшую услугу, несомнѣнно, окажетъ ему стремленіе къ наживѣ, которое такъ легко развивается на почвѣ собственности. Это чувство правительству уже удалось пробудить въ крестьянахъ, и оно, какъ показываютъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія, является до сихъ поръ главнымъ, если не единственнымъ, его союзникомъ по укрѣпленію надѣльной земли въ личную собственность.

Первыя прошенія о закрѣпленія надѣльной земли,—читаемъ мы въ „Новомъ Времени“,—были поданы въ Валковскомъ уѣздѣ бывшими должностными лицами крестьянскаго управленія, главнымъ образомъ бывшими волостными писарями; старшинами, сельскими писарями, старостами; эти лица скорѣе раскусили суть названнаго закона. Однако, когда эти первыя прошенія были прочитаны на сходахъ, въ присутствіи земскихъ начальниковъ, то сходы отвѣтили рѣшительнымъ несогласіемъ на выдѣлъ изъ общиннаго пользовапія землей въ личное. Напрасно земскіе начальники разъясняли сходамъ, что послѣдній обязанъ выдѣлить своему однообщ-

*) Поэтому, можетъ быть, сколько нибудь замѣтные результаты по части хуторскаго разверстанія правительству удалось достигнуть лишь въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне привыкли уже жить мелкими поселками. Въ Псковской, напримѣръ, губерніи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ насчитывается свыше 1000 селеній; деревня въ 20—30 дворовъ считается уже большою, во многіхъ же деревняхъ живутъ 3—4 семьи.

ственику слѣдующему ему землю, что въ случаѣ несогласія схода уѣздный сѣздъ собственною властью произведетъ такой выдѣлъ и укрѣпленіе земли. Сходы были непреклонны... Но вотъ прошли еще 1—2 мѣсяца и просители получили данныя отъ уѣзднаго сѣзда на закрѣпленіе за ними общественныхъ надѣловъ... Такъ были выдѣлены первые общественныя надѣлы въ личную собственность. И вслѣдъ за этимъ прошенія объ укрѣпленіи надѣльной земли стали поступать десятками въ каждомъ сельскомъ обществѣ; вторую группу ходатайствующихъ объ этомъ составили наиболѣе многосемейные дворы, на долю которыхъ приходится 4, 5, 6 душевыхъ земельныхъ надѣловъ, за ними стали хлопотать многие рядовые крестьяне... Въ каждомъ селеніи,—говорится далѣе,—отыскались особые ходатаи, которые за полбутылки водки или полтинникъ строчатъ несложныя прошенія о выдѣлѣ въ собственность надѣльной земли. Сходы, однако, по прежнему не соглашаются на добровольное отчужденіе земли, и дѣла эти окончательно рѣшаетъ уѣздный сѣздъ *).

Говоря коротко: «не стая вороновъ слеталась на груду тлѣющихъ костей»,—собрались прежде всего хищники и паразиты, которые уже привыкли пить и сосать кровь трудового народа. «Сходы отвѣтили рѣшительнымъ несогласіемъ»... «Сходы были непреклонны»... «Сходы по-прежнему не соглашаются»... А они,—«эти лица, скорѣе раскусившія суть названнаго закона»,—рвутъ себя да рвутъ, при содѣйствіи властей, живой организмъ на части. Можетъ быть, трудно представить себѣ болѣе омерзительную картину, чѣмъ нарисовала намъ поддерживающая правительство газета. И это картина—типичная. Если я позволю себѣ привести еще одну выдержку, то для того лишь, чтобы пояснить, какъ втягивается въ этотъ хищническій процессъ рядовое крестьянство.

Въ селѣ Чумаекъ, Челябинскаго уѣзда, цѣлый годъ послѣ появленія на свѣтъ закона 9 ноября крестьяне ничего о немъ не говорили, какъ будто и не знали о его существованіи. Но мѣсяца два-три тому назадъ законъ стали обсуждать на всѣ лады и на сходкахъ и въ частныхъ собраніяхъ. И въ эти два-три мѣсяца деревня раздѣлилась на три лагеря: два—явно враждебныхъ другъ другу и одинъ—нейтральный. Враждуютъ богачи съ болѣе бѣдными и малоземельными, а крестьяне средней руки пока выжидаютъ, что будетъ **)

Среднее крестьянство остается въ данномъ случаѣ пока спокойнымъ... Но если многоземельные урвутъ часть общаго достоянія,—ту именно часть, которая при первомъ же передѣлѣ должна была бы перейти къ малоземельнымъ,—то и они побѣгутъ изъ общины, чтобы сохранить то, чѣмъ теперь спокойно владѣютъ. За ихъ уже счетъ придется, вѣдь, дѣлать прибавку малоземельнымъ. Процессъ протекаетъ, какъ не трудно было предвидѣть уже при изданіи указа 9 ноября ***), охватывая постепенно одну часть деревни за

*) „Новое Время“, 18 декабря 1907 г.

***) „Приуралье“. Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 20 января 1908 г.

****) См. „Указъ о грабежѣ“. „Русское Богатство“, 1906 г. декабрь.

другую, заражая все большую часть крестьянъ стремленіемъ урвать, что только можно.

Не трудно предвидѣть, что это нездоровое стремленіе, то нарастая изнутри, то приплетаясь извнѣ, всецѣло почти опредѣлитъ собой характеръ процесса.. Выше я упомянулъ, что нѣкоторые переселенцы продавали свои надѣлы,—и нажива уже наложила свою печать на эти факты.

Нѣкоторые изъ выдѣлившихся изъ общины—сообщаютъ изъ Смоленской губерніи—отправляются въ Сибирь, гдѣ они успѣли уже зачислить за собою земельные участки, и ненужную имъ общинную землю продаютъ деревенскимъ кулакамъ. Кулаки на этой операціи дѣлаютъ недурныя аферы. Такъ въ селѣ Вербкахъ одинъ изъ скупщиковъ, приобрѣтя у переселяющихся въ Сибирь 17 десятинъ надѣльной земли по 50 руб. за десятину, перепродалъ теперь эту же землю крестьянамъ села Вербокъ по 230 руб. за десятину *).

Въ связи съ колонизаціоннымъ процессомъ имѣли уже мѣсто и другіе, не менѣе характерные факты. Наиболѣе яркій изъ нихъ относится къ Мелитопольскому уѣзду Таврической губерніи. Отсюда уже давно многіе крестьяне переселились на Кавказъ, гдѣ правительство одно время предоставляло переселенцамъ широкія льготы.

Ушли большею частью экономически обезпеченные элементы, которые превосходно устроились на новыхъ земляхъ, превратились изъ земледѣльцевъ въ землевладѣльцевъ. Они акклиматизировались на новой родинѣ и совершенно забыли о Тавридѣ. И вдругъ теперь, съ изданіемъ закона о свободномъ выходѣ изъ общинъ, они пожаловали за полученіемъ своихъ надѣловъ... Легко себѣ представить состояніе, переживаемое крестьянами тѣхъ селъ, на головы которыхъ неожиданно обрушились эти пришельцы... **).

Слухъ о грабежѣ, какой начался въ Европейской Россіи, донесся до самыхъ далекихъ окраинъ. И тамъ нашлись охотники принять въ немъ участіе. Теченіе это—а о немъ свѣдѣнія имѣются изъ разныхъ мѣстъ—грозило, повидимому, сразу принять такіе размѣры, что уже въ августѣ правительство, въ расчеты котораго не входило, конечно, чтобы европейскіе крестьяне платили дань сибирскимъ, разъяснило по телеграфу губернаторамъ, что

переселенцы, переселившіеся къ старожилымъ обществамъ, еще не получившимъ земельного устройства, равно какъ переселенцы, водворенные на отведенныхъ имъ участкахъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, не имѣютъ права на укрѣпленіе въ свою личную собственность въ прежнихъ обществахъ участковъ изъ общинной земли ***).

Такъ же охотно и умѣло люди наживы примазываются и въ другихъ случаяхъ. Выше я упомянулъ, что въ городѣ не мало на-

*) См. „Товарищъ“, 27 ноября 1907 г.

**) „Рѣчь“, 16 декабря 1907 года.

***) „Русь“, 15 августа 1907 года.

дется крестьянъ, которые уже потеряли надежду вернуться въ деревню... И вотъ приходится слышать рассказы, какъ деревенскіе кулаки, не довольствуясь укрѣпленіемъ за собою «участковъ общинной земли, состоящихъ въ ихъ постоянномъ (не арендномъ) пользованіи», разыскиваютъ по городамъ сбившихся съ пути односельцевъ, привозятъ ихъ на родину и здѣсь, изъ-за ихъ спины, продѣлываютъ всѣ формальности по укрѣпленію ихъ надѣловъ, конечно, въ свою пользу. Впрочемъ, слабыхъ элементовъ въ обнищавшей деревнѣ и безъ того много, — стало быть и въ городъ за ними ѣздить нечего. «Изъ Мелитопольскаго уѣзда сообщаютъ, что нѣкоторые крестьяне, получивъ отдѣльные земельные надѣлы продаютъ ихъ по 100 руб. за десятину скупщикамъ... Существующая обычная цѣна 220 руб.» *). Въ Тамбовской губерніи, «благодаря настояніямъ министерства передъ крестьянскими учрежденіями ускорить выходъ крестьянъ изъ общины, въ настоящее время этотъ вопросъ вступаетъ во вторую фазу. Нѣкоторые крестьяне, успѣли не только выйти изъ общины, но и перепродать свои участки другимъ лицамъ, т. е. совершенно обезземелить себя»... **).

Однимъ словомъ, все идетъ, какъ слѣдуетъ... «Индивидуально-сильныя» личности, получивъ возможность «подняться» и «расправить крылья», даютъ прежде всего «погибающихъ». Можно удивляться только энергіи, какую проявляетъ правительство, чтобы помочь имъ въ этомъ непривлекательномъ дѣлѣ. Только себя компрометируетъ... Между тѣмъ, оно могло бы и невинность сохранить и капиталъ приобрести. И безъ него, вѣдь, дѣло сдѣлается. Достаточно было предоставить «свободу», а затѣмъ, процессъ самъ собою разовьется.

Да, процессъ можетъ широко развиваться... Многимъ даже кажется что путь уже расчищенъ, и мы уже вступаемъ въ новый періодъ исторіи. И составъ спутниковъ уже опредѣлился: аграрій, бауэръ, пролетарій... «А вѣдь правы были марксисты, которые все хозяйственнаго мужичка поджидали» — думаетъ, быть можетъ, иной обыватель. Правы или не правы были они, — этотъ вопросъ я пока оставляю. Отмѣчу лишь одну оплошность, какую допустила жизнь противъ теоріи. Намъ все время утверждали, что «хозяйственный мужичокъ» явится самъ собой, въ результатѣ стихійнаго процесса; больше того: увѣряли, что онъ уже имѣется ***). Оказывается,

*) «Рѣчь», 20 декабря 1907 г.

***) «Русскія Вѣдомости», 11 января 1908 года.

***) Долженъ, впрочемъ, отмѣтить, что г. Масловъ первый признался, что на этотъ счетъ вышла маленькая ошибка. Въ деревнѣ, какъ оказалось, происходила не «дифференціація», быстрые успѣхи которой такъ долго доказывали марксисты, а «пауперизація», по терминологіи г. Маслова, т. е. то самое массовое обнищаніе, о которомъ давно уже писали народники.

однако, что этого самого «мужичка» спѣшно должно создавать теперь правительство и лишь при помощи его планомѣрныхъ усилій онъ можетъ занять въ жизни подобающее ему мѣсто. Такого взаимоотношенія между «политикой» и «экономикой» марксистская теорія, какъ извѣстно, не предусматриваетъ... Но, оставимъ это такъ же, какъ и главный въ данномъ случаѣ вопросъ, кто именно такъ явственно обозначился сейчасъ на горизонтѣ? Дѣйствительно ли это «хозяйственный мужичокъ», способный и готовый поднять производительныя силы въ сельскомъ хозяйствѣ, или же просто-напросто спекулянтъ, ростовщикъ, кулакъ, который и до сихъ поръ оперировалъ въ деревнѣ?

Вернемся лучше къ планамъ правительства, къ основной задачѣ, какую оно себѣ поставило: создать крѣпкаго крестьянина и свободного производителя, который ему нуженъ въ качествѣ «оплота». Можетъ быть, оно и разрѣшитъ ее за счетъ надѣльныхъ земель, которыхъ «первенствующему сословию», конечно, не жалко? Богѣе, чѣмъ сомнительно... Я не стану указывать на разницу нашихъ условій съ нѣмецкими, хотя бы, на примѣръ, на невозможность, съ одной стороны, поставить бауера вмѣстѣ съ аграріемъ подъ защиту таможеннаго покровительства, а съ другой—предоставить пролетаріямъ достаточное количество работы въ сферѣ промышленности. Эта тема заставила бы меня черезчуръ уклониться въ сторону. Не буду я и предугадывать тѣхъ сюрпризовъ, какіе жизнь можетъ еще преподнести въ отвѣтъ на укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность. А сюрпризы (потомъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ землеустройства, конечно, окажется, что ихъ не трудно было предусмотрѣть) могутъ быть всякіе,—въ томъ числѣ и такіе, которые непосредственно вытекутъ изъ указа 9 ноября... *). Останемся въ сферѣ аграрныхъ отношеній и будемъ придерживаться фактовъ, которые уже опредѣлились или намѣтились.

Начну съ того, что временами кажется центральнымъ пунктомъ въ аграрной программѣ правительства и что именно нѣкоторыхъ прельщаетъ въ ней. Освободитъ ли правительство сельскохозяйственнаго производителя въ техническомъ отношеніи,—освободитъ ли оно его отъ принудительнаго сѣвооборота и всѣхъ другихъ стѣсненій, сопряженныхъ съ общиною въ ея нынѣшнемъ видѣ? Мнѣ

*) Для примѣра укажу хотя бы такой, вполне возможный, сюрпризъ. Укрѣпить крестьянина свои полосы въ личную собственность и успокоится: теперь можно земельку хорошенько унавозить и даже развести малину или клубнику. Эти благія намѣренія онъ и приведетъ въ исполненіе. Между тѣмъ крестьяне, оставшіеся въ общинѣ, надумаютъ проанвестить передѣлъ и свое намѣреніе тоже приведутъ въ исполненіе. По ст. 14 указа 9 ноября „при общихъ передѣлахъ выдѣлъ къ однимъ мѣстамъ участковъ... обязательны по требованію... общества, безъ права сего послѣдняго удовлетворять выдѣляющихся деньгами“. Вотъ общество и выдѣлитъ собственнику вмѣсто многихъ полосъ одинъ „отрубъ“, но только не унавоженный уже и безъ малины...

кажется, что на этот вопрос можно уже ответить отрицательно и притом совершенно почти категорически. На отруба надѣльную землю правительство не разверстаетъ и по хуторамъ крестьянъ не расселить. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — въ сѣверо-западныхъ главнымъ образомъ, губерніяхъ, какъ я уже сказалъ, — население предъявляетъ спросъ на такое землеустройство, и землеустроительныя комиссіи нашли тамъ себѣ работу. По «Обзору» заявленія объ образованіи хуторовъ и отрубовъ поступили въ теченіе года отъ 70.227 домохозяевъ, при чемъ необходимыя землемѣрныя работы исполнены въ натурѣ для 12.947 дворовъ и изъ нихъ «предъявлены населенію и приняты таковымъ» планы для 6.527 домохозяевъ. Для Россіи въ цѣломъ эти цифры, конечно, совершенно ничтожны, но, можетъ быть, данная отрасль землеустройства и могла бы развиваться, если, конечно, допустить, что комиссіи при нынѣшней ихъ организаціи въ состояніи справиться съ этимъ живымъ дѣломъ. Но послѣднее не разовьется, потому что правительство само спѣшитъ создать ему помѣху при помощи указа 9 ноября, дѣйствіе котораго оно такъ старается продвинуть. Поскольку укрѣпленіе земли въ личную собственность опередитъ разбивку на отруба, постольку послѣдняя донельзя затруднится и даже сдѣлается, быть можетъ, на долгіе годы невозможной.

А укрѣпленіе въ собственность, несомнѣнно, опережаетъ... Къ концу 1907 г., какъ мы знаемъ, заявленія о такомъ укрѣпленіи поступили болѣе чѣмъ отъ 100 тысячъ домохозяевъ. Къ тому же времени заявленія о выдѣлѣ земли къ одному мѣсту, поступили всего лишь отъ 5.898 домохозяевъ. Изъ этого ясно, что укрѣпленіе надѣльной земли въ собственность въ громадномъ большинствѣ случаевъ происходитъ даже безъ попытки выдѣлить ее къ одному мѣсту. Между тѣмъ отъ попытки выдѣлиться до осуществленія этого на дѣлѣ дистанція огромнаго размѣра: заявленія поступили отъ 5898 домохозяевъ, а выдѣлы въ натурѣ произведены лишь для 1704 дворовъ, при чемъ изъ нихъ «приняты населеніемъ» выдѣлы лишь 322 домохозяевъ... И это, конечно, вполне понятно.

Соглашеніе между собою крестьянъ, — читаемъ мы въ „Обзорѣ“, — представляло чрезвычайныя трудности. Даже вполне оформленное ходатайство, выразившееся въ общественномъ приговорѣ, не предрѣшало благополучнаго завершения дѣла, такъ какъ при приведеніи въ исполненіе землеустроительнаго плана въ натурѣ подробности его возбуждали споры и несогласія, препятствовавшіе доведенію его до конца *).

*) „Обзоръ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій за первый годъ ихъ существованія“. („Новое Время“, 16 января 1908 г.). Лично я „чрезвычайныя трудности“, о которыхъ говорятъ авторы „Обзора“, особенно наглядно себѣ представляю. Лѣтъ 15 тому назадъ, вынужденный оставить занятія по земской статистикѣ, я купилъ себѣ астролябію и сдѣлался частнымъ землемѣромъ. Работать приходилось почти исключительно у крестьянъ и, главнымъ образомъ, по восстановленію спорныхъ междъ и отысканію всякихъ земельныхъ „нехватковъ“. Но былъ одинъ случай,

Послѣ того, какъ земля будетъ укрѣплена въ личную собственность, эти трудности еще увеличатся: интересы станутъ сложнѣе и разнообразнѣе, добиться согласія даже $\frac{2}{3}$ владѣльцевъ на разверстаніе станетъ труднѣе,—особенно при тѣхъ междуусобіяхъ, какія неизбежно долгое время будутъ происходить въ деревнѣ. Если же осуществится планъ, подготовляемый думскою комиссіей, сразу объявить чуть не половину надѣльной земли личной собственностью, то, навѣрное, можно сказать, что всякое сколько-нибудь серьезное улучшение надѣльного землепользованія затормозится, если не на вѣки, то до второго пришествія «неслышанной смуты».

Нѣтъ! технического освобожденія сельскохозяйственному производителю «революція наоборотъ» не принесетъ,—не тѣмъ озабочено сейчасъ правительство. Крестьянина оно еще крѣпче въ этомъ направленіи свяжетъ. Но и экономически производителя оно не освободитъ: личную собственность оно насадитъ, но «благъ» ея массѣ не предоставитъ. Допуститъ ли оно въ самомъ дѣлѣ свободное обращеніе крестьянской земли на рынкѣ? Въ этомъ, вѣдь, заключается буржуазная свобода, и именно это, вѣдь, нужно, чтобы предоставить населенію возможность на мѣнливой основѣ «свободно» размѣститься на территоріи и «свободно» распределиться по классамъ. Освободитъ ли оно надѣльную землю отъ тѣхъ «ограниченій», какія и послѣ укрѣпленія въ личную собственность по указу 9 ноября остаются на ней? Болѣе, чѣмъ сомнительно. Вѣроятно же другое: эти ограниченія оно еще усилитъ и, быть можетъ, распространитъ ихъ на купчія земли.

Выше я упомянулъ, что этотъ «казусный вопросъ» уже волнуетъ административныя сферы.

Освободитъ надѣльныя земли отъ исключительныхъ законовъ?—Не хватаетъ смѣлости. Въ бюрократіи, бросившейся на новый путь насажденія частной собственности подъ вліяніемъ страха общинныхъ притязаній на всю землю, все еще живы прежнія традиціи береганія крестьянскаго землевладѣнія...—Помилуйте, правительство передаетъ теперь крестьянамъ и казенныя и надѣльныя земли, покупаетъ для нихъ на сотня

когда крестьяне пригласили меня обойти въ натурѣ и занести на планъ ихъ усадебные участки, издавна находившіеся въ подворномъ владѣніи. Это было желаніе всего общества. Но когда обходъ въ натурѣ начался то... астроябія моя оказалась разбитой. Такъ велики и страстны оказались возникшіе при этомъ «споры и несогласія»... Ужъ на что рѣшительный человѣкъ въ экономическихъ вопросахъ былъ г. Витте, но и тотъ отступилъ отъ намѣренія разверстать надѣльную землю ускореннымъ темпомъ на отрубъ. Эта мысль осчастливить Россію осѣнила г. Витте въ періодъ его финансоваго величія, въ самомъ началѣ 900-хъ годовъ. Онъ вызвалъ тогда къ себѣ одного изъ знатоковъ общины. Всю ночь,—говоритъ ему,—не спавъ, прочитавъ какую-то нѣмецкую книжку: какое это великое средство—хутора! 40—50 милліоновъ не пожалѣю на это дѣло, чтобы хотя двѣ-три губерніи расселить въ видѣ опыта... Но, когда свѣдущій человѣкъ изобразилъ ему послѣдствія, какія могутъ при этомъ произойти, то даже г. Витте испугался.

милліонъвъ рублей помѣщичья, и неужели все это для того, чтобы сразу вся земля уплыла изъ рукъ малообеспеченныхъ къ болѣе обеспеченнымъ и денежнымъ лицамъ, хотя бы даже изъ крестьянъ *)?

Общину нужно, конечно, разрушить, и, чтобы достигнуть этого, правительство приложить всѣ усилія. Но землю оно попытается все-таки сохранить въ связанномъ состояніи. Ему нужно вѣдь окончательно испортить психику крестьянъ, но снять съ нихъ путы—вовсе не входить въ его расчеты. Я и счелъ поэтому необходимымъ, начиная настоящую главу, напомнить прежде всего двойственность правительственнаго отношенія къ крестьянскимъ землямъ. Пароксизмъ «обеспеченія быта», какъ мнѣ кажется, уже близится. И это не предчувствіе только, и не общія только соображенія. Мы имѣемъ вѣдь и факты.

Сравните «Труды редакціонной комиссіи», которая работала при Плеве, съ объяснительной запиской, приложенной къ проекту «Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи», внесенному въ Государственную Думу,—и вы увидите, что «Записка» въ интересующемъ насъ сейчасъ вопросѣ почти буквально воспроизводитъ «Труды». Для примѣра:

Труды (Плеве).

„Опытъ другихъ странъ съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что мелкое крестьянское землевладѣніе, лишенное охраны и предоставленное свободному гражданскому обороту, на одинаковомъ съ прочими частными имуществами основаніи, оказывается недолговѣчнымъ и постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто поземельной собственности иного характера.“

Совершенно однородныя и почти буквально тождественныя соображенія идутъ и дальше, вплоть до:

Труды.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ и надлежитъ признать, что надѣльныя земли, имѣя государственное значеніе и служа обеспеченіемъ быта крестьянъ, не могутъ составлять предметъ свободнаго оборота и потому не подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, а должны быть подчинены особымъ постановленіямъ, направленнымъ къ охраненію тѣхъ задачъ, въ пѣляхъ достиженія которыхъ земля эти были предоставлены крестьянамъ.

*Записка (Столыпина **).*

„Опытъ другихъ странъ съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что мелкое крестьянское землевладѣніе, предоставленное свободному гражданскому обороту на одинаковыхъ съ прочими частными имуществами основаніяхъ, оказывается недолговѣчнымъ и постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто поземельной собственности иного характера.“

Записка.

Поэтому надѣльныя земли, какъ имѣющія государственное значеніе и служащія обеспеченіемъ быта крестьянъ, и нынѣ не должны составлять предметъ свободнаго оборота и, слѣдовательно, не могутъ быть всецѣло подчинены дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ.

*) „Въ административныхъ кругахъ“. „Рѣчь“, 10 ноября 1907 года.

**) Записку я цитирую, какъ она была внесена во 2-ю Думу. Въ 3-ю Думу, насколько мнѣ извѣстно, проектъ положенія о крестьянскомъ землевладѣніи внесенъ въ неизмѣненномъ видѣ.

Оживаетъ, стало быть, «непогребенный мертвецъ», какъ я называлъ проектъ Плеве въ самомъ началѣ революціи *). По новому законопроектѣ предполагается сохранить «особыя постановленія», введенныя закономъ 1893 года, о неотчуждаемости надѣльныхъ земель (воспрещеніе покупать надѣльную землю лицамъ, не принадлежащимъ къ сельскимъ обществамъ, обращать на нихъ частныя взысканія и закладывать ихъ частнымъ учрежденіямъ и лицамъ), а также ввести новыя—установить «предѣльныя нормы сосредоточенія и дробимости надѣльныхъ земель». Такимъ образомъ правительство, обращая землю въ личную собственность и разрушая тѣмъ самымъ ненавистную общину, все-таки не желаетъ подчинить эту землю дѣйствию общихъ гражданскихъ законовъ. Оно ничего не имѣетъ противъ того, чтобы крестьянская земля продавалась и покупалась, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы сохранилась сословная (по новому проекту: классовая) обособленность крестьянства, и чтобы это крестьянство въ своей массѣ отъ земли не оторвалось. Правительству нужны связанные люди, которые тянули бы податную ямку и работали на помещиковъ и капиталистовъ,—нужна масса людей, а не «индивидуально-сильные» только крестьяне, которыхъ, при всей пользѣ, какую они могутъ оказать, работать на другихъ, пожалуй, не заставишь. Правительство охотно предоставляетъ этимъ послѣднимъ возможность поживиться около земли, обращенной въ личную собственность. Оно готово допустить къ этому и крупныя денежныя капиталы, хотя послѣдніе подѣ известны только контролемъ, при посредствѣ крестьянскаго банка. Покупайте свидѣтельства и обязательства послѣднато, получайте свою долю, какая вамъ причтается въ крестьянскихъ прибыткахъ... Но обезземелить крестьянскую массу правительство денежнымъ людямъ не позволитъ. Поставить на первомъ планѣ интересы производства и подчинить имъ всѣ другія соображенія,—предоставить полную свободу складываться хозяйствамъ такъ, какъ этого требуютъ условія рынка,—рѣшимости у него не хватитъ.

И, я думаю, понятно, почему именно. Прежде всего, куда дѣнетъ правительство безземельную массу. Предоставить ей работу въ сферѣ промышленности, подѣ защитой таможенной стѣны?—но до какихъ же размѣровъ тогда придется довести послѣднюю, и кто же ее въ концѣ-концовъ будетъ поддерживать? Вѣдь главная тяжесть таможеннаго покровительства лежала и лежитъ на крестьянскихъ плечахъ. Нужны эти плечи и дальше... Вообще «воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, приученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости

*) См. „Крестьянскій вопросъ (по поводу новаго его превращенія)“. „Русское Богатство“, 1904 г. декабрь.

отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ вышшаго порядка, крестьяне»—это и есть та «экономическая база», на которой зиждется вся нынѣшняя политическая «настройка». Отъ пролетаріевъ же мало пользы, одно лишь безпокойство. И это безпокойство, если крестьяне въ массѣ своей обезземелятся, должно сдѣлаться особенно великимъ. Передъ глазами нынѣшнихъ реформаторовъ предносится, несомнѣнно, тотъ же призракъ, какой пугалъ правящіе круги при освобожденіи крестьянъ, а именно, что «крестьяне толпами стануть бродить по всей Россіи»...

Съ другой стороны, появленіе на надѣльной землѣ новыхъ помѣщиковъ—выйдутъ ли они изъ среды самихъ крестьянъ или придутъ изъ денежныхъ людей со стороны—мало заключаетъ въ себѣ соблазнительнаго для первенствующаго сословія, которое какъ ни какъ остается правящимъ. Сдѣйствовать появленію такихъ помѣщиковъ это значитъ только создавать себѣ самимъ конкурентовъ по части экономическаго использованія крестьянъ, и, главное, по части политической власти, которой только и живо дворянство. Теперь, пока опасность еще не совсѣмъ миновала, этотъ антагонизмъ мало чувствуется. Но потомъ онъ, несомнѣнно, еще скажется. Еще неизвѣстно, какой проектъ мѣснаго самоуправленія предложитъ правительство послѣ того, какъ обсудитъ его совмѣстно съ «зубрами». Нѣтъ ничего мудренаго, что, кромѣ ценза, въ немъ останется и сословность, а вмѣстѣ съ нею и преобладаніе дворянства. Пароксизмъ обезпеченія быта логически долженъ завершиться, какъ я думаю, укрѣпленіемъ дворянскаго землевладѣнія.

Такъ или иначе, но свободнаго сельскохозяйственнаго производителя мы не получимъ. И крѣпкаго крестьянина, — крестьянина-земледѣльца, — хотя бы вся надѣльная земля перешла въ личную собственность, мы не увидимъ. Въ процессъ мобилизаціи, въ какой втягивается эта земля, она очень скоро будетъ обременена ипотечнымъ долгомъ и всякими другими денежными обязательствами. Припомните хотя бы тотъ, рассказанный выше, случай, когда кулакъ скупилъ надѣльную землю переселенцевъ по 50 рублей за десятину и перепродалъ ихъ же односельцамъ по 230 руб. Вѣдь, не за наличныя же послѣдніе купили эту землю: передъ крестьянскимъ банкомъ или передъ другими займодавцами — можетъ быть, передъ тѣмъ же самымъ кулакомъ—они, несомнѣнно, себя «обязали». «Новое Время», сообщивъ о томъ, какъ въ Валковскомъ уѣздѣ волостные и сельскіе писаря, бывшіе старшины и старосты первыми бросились укрѣплять свои надѣлы, пишетъ:

Несомнѣнно, пройдетъ еще нѣкоторое время, и эти новые собственники воспользуются другимъ новѣйшимъ закономъ — правомъ заложить свои земли въ крестьянскій банкъ, чтобы на взятую ссуду поднять производительность своихъ хозяйствъ.

Поднять производительность своихъ хозяйствъ... Это волостные

писаря то.. Землю, можетъ быть, они и заложать, но капиталъ затратять, какъ я думаю, на болѣе прибыльныя операціи,—хотя бы на дальнѣйшую торговлю надѣльною землею. Расчитывать на то, что капиталъ будетъ вкладываться въ сельское хозяйство, какъ таковое, мнѣ кажется, совсѣмъ нельзя,—тѣмъ болѣе теперь, когда для него открывается такое обширное и выгодное поприще. Да и не такова экономическая конъюнктура, чтобы капитализмъ взялся за реорганизацію сельскохозяйственнаго производства. Главную тяжесть его по-прежнему придется нести трудовому хозяйству только эта тяжесть отнынѣ сдѣлается больше: кромѣ «обязанностей передъ государствомъ и помѣщикомъ», ему придется оправдывать еще обязательства передъ капиталистами, какія будутъ приняты непосредственно имъ самимъ и за его счетъ крестьянскимъ банкомъ.

Занмодавцы же, какъ извѣстно, народъ жестокій, и интересы ихъ правительство, несомнѣнно, будетъ близко принимать къ сердцу, хотя бы уже потому, что является поручителемъ за долги, сдѣланные при посредствѣ крестьянскаго банка. Кромѣ того, оно и само, повиднмому, не прозь повыжать кое-что изъ крестьянской личной собственности въ качествѣ кредитора, «замѣнивъ выдачу царскаго пайка—ссудами изъ мѣстныхъ учреждений мелкаго кредита подъ залогъ принадлежащихъ крестьянамъ недвижимыхъ имуществъ». Такую именно мѣру проектируетъ «по продовольственному вопросу» управляющій земскимъ отдѣломъ г. Пестржецкій. Не склонный дѣлиться свѣдѣніями, какія имѣются въ его распоряженіи относительно хода надѣльнаго землеустройства, онъ любитъ по временамъ подѣлиться своими мыслями въ связи съ послѣднимъ.

Теперь, послѣ указа 9 ноября 1906 г.,—пишетъ онъ,—каждый крестьянинъ, на худой конецъ, является собственникомъ усадебнаго, съ постройками, участка. Такой участокъ стоитъ не менѣе 150—300 руб.. Если бы этого оказалось недостаточнымъ, то можно выдачу ссудъ изъ указанныхъ кредитныхъ установленій обусловить подачей заемщикомъ заявленія объ укрѣпленіи въ личную собственность принадлежащихъ ему полевыхъ и другихъ угодій по правиламъ указа 9 ноября 1906 г. *).

Видите, какъ хорошо: есть и еще средство ускорить надѣльное землеустройство. Можно сказать мужику: укрѣплай свой надѣлъ въ личную собственность,—иначе умрешь съ голоду... И вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать этого самаго мужика кредитоспособнымъ. Впрочемъ, для послѣдней цѣли необходимо еще:

отмѣнить указъ 11 января 1878 г. о правѣ крестьянъ не платить свои долги и взыскивать таковые съ крестьянъ такъ же строго и безжалостно, какъ они взыскиваются со всѣхъ остальныхъ російскихъ гражданъ.

Какъ видятъ читатели, не напрасно я сказалъ, что кредиторы народъ безжалостный. Личная же собственность имъ прямо на

*) „Новое Время“, 22 декабря 1907 г. и 2 января 1908 г.

руку, особенно если отмѣнить указъ 1878 г., разъяснившій, что нельзя продавать за долги орудія, которыми человекъ работаетъ. Тогда можно будетъ подойти къ мужику вплотную и выжать изъ него всё соки: продать соху, послѣдню лошадь, постройки и землю. Однимъ словомъ, сразу продать все хозяйство. Для этого даже на хуторъ его выселять не нужно: пусть только онъ обгородитъ свои полосы. На мѣсто этого мужика, конечно, сядетъ другой и его можно будетъ также обчистить.. Такъ оно и пойдетъ...

Революціонеры наоборотъ думаютъ, повидимому, что это можетъ продолжаться бесконечно...

И думаю, что ходъ революціи наоборотъ, достигнутые уже ею результаты и открывающіяся въ связи съ нею перспективы для читателя достаточно выяснились. Во всякомъ случаѣ свою, не въ мѣру разросшуюся, статью пора уже мнѣ кончить.

А. Пѣшеховъ.

Наброски современности.

Х.

О врачныхъ публицистахъ и простыхъ схемахъ.

Годъ назадъ, въ февралѣ 1907 года, Россія съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидала второй Думы. На предвыборныхъ собраніяхъ говорились горячія рѣчи, слышались бодрые призывы къ борьбѣ. Много было опасеній, но были и большія надежды. И, когда, наконецъ, наступилъ день открытія думскихъ засѣданій, Петербургъ словно очнулся отъ долгаго сна и громадныя толпы народа наполнили улицы, прилегающія къ Таврическому дворцу. Правда, уже черезъ нѣсколько часовъ эти толпы были разогнаны нагайками и пашками...

Всего годъ прошелъ съ той поры, но многое перемѣнилось за этотъ годъ, быть можетъ, слишкомъ многое. Въ Таврическомъ дворцѣ засѣдаетъ третья Дума, Дума 3 іюня. Четвертый мѣсяць продолжаютъ ея засѣданія, но никто, кажется, ими не интересуется, никто объ нихъ не говоритъ, никто отъ нихъ ничего не ждетъ. И за стѣнами Таврическаго дворца многое измѣнилось въ русской жизни. Густой мракъ, лежащій надъ измученной страной, за этотъ годъ сталъ еще гуще, еще чернѣе. Много надеждъ,

не успѣвшихъ расцвѣсть, отцвѣло, много иллюзій безвозвратно погбло. Многихъ изъ дѣятелей, годъ назадъ выступавшихъ на общественной аренѣ, теперь ужь нѣтъ на ней, а изъ уцѣлѣвшихъ многіе перемѣнили свои позиціи. Рѣдко раздаются теперь призывы къ быстрой, энергичной работѣ, къ неуклонной, рѣшительной борьбѣ. За то и въ жизни, и въ литературѣ все чаще слышатся голоса, полные безнадежнаго отчаянія и глубокаго разочарованія, приглашающіе отказаться отъ всякихъ надеждъ, поставить крестъ надъ всѣмъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ и надолго примириться съ безрадостнымъ настоящимъ. И такіе голоса раздаются съ самыхъ различныхъ сторонъ, порой даже изъ устъ людей, еще очень недавно говорившихъ совершенно другое и питавшихъ самую радужную надежду.

«Неуспѣхъ всѣхъ общественныхъ движеній у насъ—писалъ не такъ давно въ «Часѣ» г. Ожиговъ—заключался именно въ отсутствіи у насъ культурной массы, которая въ своемъ духовномъ развитіи могла бы создать прочную базу для всякаго движенія, которая въ своей культурѣ располагала бы сильнымъ противовѣсомъ для всякихъ натисковъ реакціи. Посмотрите наше прошлое. Точно въ силу какого-то провиденціальнаго закона процессъ накопленія общественно-оппозиціонныхъ силъ длится у насъ не менѣе 25 лѣтъ и общественное движеніе вспыхиваетъ въ своемъ зенитѣ разъ въ четверть вѣка... Пусть этотъ обязательный четвертьвѣковый періодъ—не законъ, но удивительная его повторяемость приводитъ къ несомнѣнному выводу, что процессъ накопленія культурно-оппозиціонныхъ силъ у насъ требуетъ опредѣленнаго длительного періода; и мы во всякомъ случаѣ не ошибаемся грубо, если утверждаемъ, что потребуются уже десятилѣтія и не менѣе четверти вѣка, чтобы оппозиціонное движеніе развернулось въ своемъ зенитѣ съ новою силой» *).

Прогнозъ г. Ожиговымъ, надо отдать ему честь, поставленъ очень рѣшительно. Мрачно настроенный писатель открылъ даже особый историческій законъ, обязывающій русскую реакцію продолжаться не менѣе двадцати пяти лѣтъ, и, хотя самъ тутъ же соглашается, что этотъ законъ въ сущности вовсе не законъ, тѣмъ не менѣе все-таки отстаиваетъ его непреложность. Культурной массы у насъ нѣтъ, и потому, по крайней мѣрѣ, двадцать пять лѣтъ долженъ идти «процессъ накопленія культурно-оппозиціонныхъ силъ», раньше чѣмъ стануть возможны какіе-либо новые успѣхи оппозиціоннаго движенія,—такова простая формула нашего будущаго, созданная г. Ожиговымъ. Ни согласиться съ этой формулой, ни оспаривать ее, очевидно, нѣтъ возможности—слишкомъ ужь она проста и слишкомъ мало обоснована. Если она и представляетъ нѣкоторый интересъ, то не какъ логическое построеніе,

*) Цитирую по „Кіев. Вѣстямъ“, 5 янв. 1908 г.

а какъ отраженіе опредѣленнаго настроенія, свойственнаго далеко не одному г. Ожигову. Среди нашихъ публицистовъ есть писатели, настроенные еще болѣе мрачно и идущіе въ своемъ пессимизмѣ гораздо дальше г. Ожигова.

Однимъ изъ такихъ писателей является г. М. Энгельгардъ. Еще недавно онъ, по его словамъ, глядя на русскій народъ, «повѣрилъ, что видитъ очнушагося титана, который не остановится даже передъ попыткой осуществленія социалистической организаціи общества». Теперь г. Энгельгардъ горько кается въ своей ошибкѣ и категорически утверждаетъ: «не тѣмъ только характеризуется современное положеніе вещей, что оно плохо, а тѣмъ, что оно безнадежно». «Провалившаяся революція — поясняетъ онъ — не только не привела къ обновленію, но и не вывела на путь къ обновленію». Ясна теперь г. Энгельгарду и причина «провала революціи». «Причина,—основная, все порѣшившая причина—одна: безсиліе русскаго народа, который проявилъ себя и на этотъ разъ большимъ, но не великимъ». Причина—«безсиліе, дряблость и мелкота народа, массъ, большинства націи, о которыя разбились усилія лицъ и энергія партій». Партіи, по мнѣнію г. Энгельгарда, могли ошибиться,—дѣло народа было исправлять эти ошибки. «Но если „революціонная энергія“ народа выдыхается послѣ перваго усилія, при первой неудачѣ, если она безъ остатка вывѣтривается въ шумѣ демонстрацій и безтолочи первыхъ стихійныхъ порывовъ, то всѣ дѣйствія всѣхъ партій окажутся подлинными „ошибками“: всѣ приведутъ къ одному... къ разбитому корыту». Дѣло въ томъ, что «всѣ программы обновления, даже самыя скромныя и смиренныя, даже программы кн. Е. Трубецкаго или покойнаго Гейдена, требуютъ для своего осуществленія одного непремѣннаго условія: чтобы народъ оказался богатыремъ, а не фефелой... А коли онъ оказался фефелой, то одна лишь программа могла осуществиться: Дубровина съ братіей»... Съ точки зрѣнія, усвоенной нынѣ г. Энгельгардомъ, русскій народъ даже меньше, чѣмъ фефела. «Народъ, русскій народъ, показалъ себя въ этомъ покушеніи на революцію не Ильей Муромцемъ и не сильнымъ Самсономъ, а всего только Поприцинымъ, который всобразилъ себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, и давай чертить. Начальство опѣшило; а тамъ, видя, что Поприцинъ—только Поприцинъ, собралось съ духомъ. «Я тебѣ покажу, какой ты испанскій король»... И показали! Мы думали, передъ нами вулканъ, анъ оказался пузырь! Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ—и весь революціонный духъ ихъ пузыря вонъ»... Передъ нами—торжественно заключаетъ г. Энгельгардъ—«очевидность: народъ не революціонеръ: сунувшись было впередъ, онъ не выдержалъ первой неудачи и претъ теперь на попятный». И потому-то на ближайшія, по крайней мѣрѣ, десятилѣтія «перспектива обозначается вполне опредѣ-

Февраль. Отдѣлъ II.

ленная»: «передъ нами длинный, черный, зловонный коридоръ, которому не видно конца» *).

На первый взглядъ схема г. М. Энгельгарда можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько сложнѣе, чѣмъ приведенная выше схема г. Ожигова. Но, конечно, только на первый взглядъ. Въ дѣйствительности въ обѣихъ этихъ схемахъ есть много общаго, и это общее, прежде всего, заключается въ ихъ необыкновенной простотѣ. Оба названныхъ писателя одинаково увѣрены въ томъ, что для насъ наступилъ періодъ долгой реакціи, только одинъ изъ нихъ именуется этотъ періодъ моментомъ «накопленія культурно-оппозиционныхъ силъ», а другой—«длиннымъ, чернымъ, зловоннымъ коридоромъ». И оба они одинаково просто объясняютъ наступленіе такого періода. Для г. Ожигова все дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ культурной массы и, стало быть, «накопленія общественно-оппозиционныхъ силъ» надо ждать 25 лѣтъ. Для г. Энгельгарда дѣло еще проще: вся бѣда въ томъ, что «народъ не революціонеръ». Годъ назадъ г. Энгельгардъ вѣрилъ въ «революционность» русскаго народа и повѣрилъ въ «очнувшагося титана, который не останется даже передъ попыткой социалистической организаціи общества». Годъ прошелъ, революція не побѣдила, и г. Энгельгардъ какъ нельзя болѣе легко нашелъ объясненіе этому: русскій народъ «не революціонеръ», онъ—фефела, Поприщинъ, пузырь, который достаточно пнуть господскимъ сапогомъ, чтобы изъ него вылетѣлъ весь революціонный духъ. Я не буду останавливаться на той упрощенной психологіи, которая лежитъ въ основѣ этой быстрой смѣны чрезмѣрныхъ упованій и столь же чрезмѣрныхъ порицаній, обращенныхъ по адресу народа. Сейчасъ меня интересуетъ лишь логическая сторона построеній г. Энгельгарда. Но нельзя не замѣтить, что и эта послѣдняя ихъ сторона представляется до-нельзя упрощенной. Повидимому, г. Энгельгардъ считаетъ «революционность» какимъ-то совершенно особеннымъ психическимъ свойствомъ, присущимъ однимъ народамъ и чуждымъ другимъ. И свойство это, въ его представленіи, является прямо чудодѣйственнымъ. Есть у народа «революционность»—и можно смѣло приступать къ попыткамъ осуществленія социалистическаго общества. Не побѣдила немедленно революція—значитъ, народъ «не революціонеръ». А если такъ, надо оставить всякія мечты объ успѣхахъ въ борьбѣ и приготовиться въ теченіе десятилѣтій идти «длиннымъ, чернымъ, зловоннымъ коридоромъ», съ полнымъ сознаніемъ того, что «жить мы не будемъ, а развѣ только существовать—и гнусно существовать» **).

Обладая столь простой и удобной мѣркой для оцѣнки всѣхъ явленій политической жизни, г. Энгельгардъ, естественно, не имѣетъ

*) «Свободныя Мысли», 1908 г., № 35.

**) „Свободныя Мысли“, 1908 г., № 39.

нужды сколько-нибудь внимательно вглядываться въ эту послѣднюю. Онъ и въ дѣйствительности разсматриваетъ ее, по выраженію одного изъ героевъ Глѣба Успенскаго, «съ птичьяго дуазо». Пусть послѣдніе годы въ Россіи были свидѣтелями небывалыхъ еще у насъ по силѣ и сознательности массовыхъ движеній.— г. Энгельгардъ съ своего «птичьяго дуазо» не видитъ этого, а видитъ лишь «безсиліе, дряблость и мелкоту народа, массы, большинства націи, о которыя разбились усилія лицъ и энергія партій». Пусть эти годы были для русскаго народа годами отчаянной борьбы и громаднхъ жертвъ, равныхъ которымъ немного знаетъ исторія—г. Энгельгарду съ высоты его «птичьяго дуазо» и этого не замѣтно, и онъ лишь упорно повторяетъ, что народъ не справился съ «первымъ препятствіемъ», «не выдержалъ первой неудачи», что его энергія безъ остатку вывѣтрилась «въ шумъ демонстрацій и безтолочи первыхъ стихійныхъ порывовъ». Вновь и вновь повторяя, что разъ революція не побѣдила, то, очевидно, русскій народъ безсиленъ, г. Энгельгардъ въ своемъ «птичьемъ дуазо», съ высоты котораго онъ обзрѣваетъ всемірную исторію, даже не трудится вспомнить, что и въ жизни тѣхъ народовъ, какихъ онъ противопоставляетъ русскому, бывали революціи удачныя, но бывали и неудачныя. Не пытается онъ, съ другой стороны, и сколько-нибудь пристально вглядѣться въ ходъ самой русской революціи. Да и къ чему это? Дѣло стоитъ какъ нельзя проще. Г. Энгельгардъ создалъ себѣ кумира и этотъ кумиръ долженъ былъ сдѣлать то, что положилъ ему сдѣлать г. Энгельгардъ. А разъ онъ этого не сдѣлалъ, г. Энгельгардъ его развѣнчиваетъ и старается найти для него по возможности болѣе обидныя слова. Въ результатѣ народъ, вчера еще объявлявшійся «титаномъ», сегодня обращается въ «фефелу», по своей дряблости неспособную къ революціи. И передъ нами опять—схема, очень много говорящая о психологіи и настроеніи ея автора, но ровно ничего не дающая для пониманія дѣйствительной жизни и, въ частности, ничего не уясняющая въ текущемъ ея моментѣ.

Простыя схемы, между прочимъ, удобны тѣмъ, что при желаніи ихъ легко строить въ любомъ направленіи,—стоитъ лишь не особенно считаться съ тѣми фактами, какіе должны войти въ ихъ рамки. И, если, по увѣренію г. Энгельгарда, для насъ наступилъ долгій и затяжной періодъ реакціи благодаря безсилію и дряблости русскаго народа, оказавшагося «не революціоннымъ», то въ публицистикѣ послѣднихъ мѣсяцевъ было выдвинуто и совершенно противоположное построеніе, объясняющее всѣ неудачи, какія потерпѣло освободительное движеніе, и всѣ успѣхи реакціи излишнимъ «революціонизмомъ» нашей интеллигенціи. Такое именно построеніе было дано еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ одной изъ статей г. Струве. По мнѣнію этого писателя, «наша воинствующая интеллигенція» оказалась виновной въ «безсмысленно-

радикальномъ заостреніи аграрнаго вопроса, какъ вопроса экономическаго» и въ еще болѣе бессмысленномъ осложненіи «радикальной экономической пропаганды въ крестьянствѣ чисто-революціонной политической пропагандой, прямо направленной противъ монархіи». «Въ этой „тактикѣ“, въ которой вылилась вся огромная интеллигентская накопившаяся десятилѣтіями ненависть противъ исторической власти,— категорически заявлялъ г. Струве—лежитъ корень и разгадка реакціи, разгадка того, что не „огромный“, а въ дѣйствительности ничтожный правый лагерь такъ легко повернулъ историческую власть противъ народа. Можно сказать, что только эта „тактика“ создала „союзъ русскаго народа“, какъ реальную силу». «Не аграрная реформа—попоясывалъ далѣе г. Струве—погубила политическую революцію, а политическій революціонизмъ погубилъ или задержалъ аграрную реформу—вотъ формула, въ которой мы резюмируемъ практическое пониманіе наступившаго реакціоннаго поворота. Это—политическій революціонизмъ русской социалистической интеллигенціи связалъ аграрную реформу съ утопіями книжнаго доктринальнаго „соціализма“; это онъ къ вѣковому стволу элементарныхъ инстинктовъ, недоувѣрія и ненависти, царившихъ въ душѣ крестьянства, прививалъ свое эсъ-эрство и эсъ-дѣкство. Объективный плодъ этой „тактики“ въ государственной жизни на лицо: избирательный законъ 3 іюня, отнявшій у нашего представительства народный характеръ». И, уличивъ интеллигенцію въ столь тяжкихъ преступленіяхъ, г. Струве вполне послѣдовательно призывалъ ее «совнать свой долгъ и, болѣе того, свой грѣхъ передъ народомъ» и «исправить грѣхъ революціонизма» путемъ «политическаго и моральнаго перевоспитанія» себя самой, которое поможетъ ей и «окончательно преодолѣть старый порядокъ» *).

Г. Струве, подобно г. Энгельгарду, принадлежитъ къ числу писателей, которые не столько аргументируютъ, сколько декретируютъ свои утвержденія. Было время, когда онъ объявлялъ интеллигенцію въ историческомъ процессѣ *quantité négligeable*. Теперь онъ съ рѣшительностью, достойной лучшаго примѣненія, перегнулъ палку въ другую сторону и готовъ обвинять «нашу воинствующую интеллигенцію» въ томъ, что она перевернула все теченіе народной жизни и своимъ «революціонизмомъ» погубила или задержала аграрную реформу. Но, выставляя такія утвержденія, онъ и не пытается чѣмъ-либо доказывать ихъ, а просто объявляетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Правда, доказать ихъ было бы довольно мудро. Читая разсужденія г. Струве, можно подумать, что аграрная реформа по программѣ к.-д. партіи могла бы осуществиться совершенно безпрепятственно, еслибы только ее не отвергло крестьянство, подавшееся проникнутымъ «революціонизмомъ» внушеніямъ интеллигенціи и еслибы тотъ же «революціонизмъ» не

*) „Тактика или идея?“ „Русская Мысль“, 1907, № 8, 231, 233, 234.

испортил настроенія «исторической власти». Въ дѣйствительности дѣло, конечно, обстояло далеко не такъ просто. И, если г. Струве въ «революціонизмѣ» интеллигенціи видитъ разгадку того, что «ничтожный правый лагерь такъ легко повернулъ историческую власть противъ народа», то позволительно спросить его, гдѣ онъ усмотрѣлъ такой моментъ, когда эта власть была съ народомъ и за народъ. Читатель понимаетъ, что это вопросъ не праздный, ибо отъ него зависитъ все построеніе г. Струве, претендующее вскрыть передъ нами «корень и разгадку реакціи». Но я боюсь, что получить отвѣтъ на такой вопросъ отъ г. Струве нельзя, нельзя по той простой причинѣ, что предполагаемаго имъ момента вовсе не существовало. Г. Струве воленъ, конечно, утверждать, что, «если до 17 октября истинно-русскіе люди существовали сами по себѣ, то послѣ 17 октября они суть всецѣло созданіе эсъ-эровъ и эсъ-дековъ» *). Погромныхъ дѣлъ мастера, начиная съ пресловутаго Коммиссарова и кончая кievскимъ Борисомъ Юзефовичемъ, могутъ, пожалуй, только порадоваться такимъ утвержденіямъ, вполне совпадающимъ съ ихъ собственными публичными показаніями, но про себя они знаютъ кое-что другое. И это другое, казалось бы, обязанъ знать и публицистъ, берущійся за объясненіе современныхъ событій. Но, конечно, если освободить себя отъ всякихъ справокъ съ подлинными фактами и вооружиться достаточною долей наивности, возможно строить какія угодно простыя схемы, якобы объясняющія жизнь. Можно даже, стоя лицомъ къ лицу съ развертывающейся передъ нами грандіозной драмой, не замѣчать подлиннаго ея содержанія, не видѣть, что въ жизни страны идетъ борьба огромныхъ интересовъ и что одна изъ борющихся сторонъ вооружена могущественнымъ механизмомъ государственной власти, тогда какъ другая безоружна и не организована, а усматривать всю причину успѣховъ реакціи исключительно въ «революціонизмѣ» интеллигенціи. Тогда можно и весь смыслъ пережитыхъ уроковъ свести къ необходимости излеченія отъ этого «революціонизма». Простотѣ объясняющей жизнь схемы будетъ соответствовать простота найденнаго выхода: «изъ политическаго тупика, въ который мы зашли, страну можетъ вывести только политическое и моральное перевоспитаніе русской интеллигенціи» **).

Самъ г. Струве во всякомъ случаѣ тщательно выполняетъ свои совѣты и усердно старается какъ можно дальше отойти отъ пагубнаго «революціонизма». Въ послѣднее время онъ предпринялъ, между прочимъ, изслѣдованіе проблемъ внѣшней политики, стремясь и въ этой области открыть и исправить грѣхи «революціонизма» и «радикализма». Правда, изслѣдованіе это въ свою очередь свелось лишь къ декретированію нѣсколькихъ афоризмовъ,

*) Тамже, 231.

***) Тамже, 234.

порою весьма неожиданных и тѣмъ не менѣе провозглашаемыхъ съ такой рѣшительностью и увѣренностью, которая могла бы быть даже импонирующей, еслибы не была чрезмерно наивна. По увѣренію г. Струве, «банальный радикализмъ» и «банальный консерватизмъ» сходятся другъ съ другомъ въ томъ, что оба они одинаково стремятся подчинить вѣдшую политику государства внутренней его политикѣ. Между тѣмъ дѣло должно стоять какъ разъ наоборотъ. «Психологически всякое сложившееся государство есть какъ бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія». «Для государства—продолжаетъ г. Струве—этотъ верховный законъ его бытія гласитъ: всякое здоровое и сильное, т. е. не только юридически „самодержавное“ или „суверенное“, но и фактически самимъ собой держащееся государство желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ значитъ обладать непременно „вѣдшей“ мощью. Ибо изъ стремленія государствъ къ могуществу неизбѣжно вытекаетъ то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборствомъ интересовъ государствъ сильныхъ, является въ возможности (потенціально) и въ дѣйствительности (de facto) добычей для государства сильнаго». Утвердивъ такимъ образомъ свою мысль переводомъ словъ съ русскаго на латинскій языкъ, г. Струве считаетъ ее уже окончательно доказанной и категорически заявляетъ, что «отсюда явствуетъ, какъ превратна та точка зрѣнія, въ которой объединяется банальный радикализмъ съ банальнымъ консерватизмомъ или, скорѣе, съ реакціонерствомъ и которая сводится къ подчиненію вопроса о вѣдшей мощи государства вопросу о такъ или иначе понимаемомъ его внутреннемъ благополучіи». И, по мнѣнію г. Струве, русско-японская война, съ одной стороны, русская революція, съ другой, «до конца оправдали» именно его взглядъ. «Карой за подчиненіе вѣдшей политики соображеніямъ политики внутренней былъ полный разгромъ старой правительственной системы въ той сферѣ, въ которой она считалась наиболѣе сильной, въ сферѣ вѣдшаго могущества. А, съ другой стороны, революція потерпѣла поражение именно потому, что она была направлена на подрывъ государственной мощи ради извѣстныхъ цѣлей внутренней политики». Этихъ разсужденій для г. Струве вполне достаточно, чтобы прійти къ «тезису, который—по его собственному убѣжденію—для обычнаго русскаго интеллигентскаго слуха можетъ показаться до крайности парадоксальнымъ». «Оселеомъ и мѣриломъ всей т. н. „внутренней“ политики какъ правительства, такъ и партій—заявляетъ публицистъ—долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ эта политика содѣйствуетъ т. наз. вѣдшему могуществу государства?» *).

Г. Струве полагаетъ, что его конечный тезисъ можетъ пока-

*) „Великая Россія“, „Р. Мысль“, 1908, № 1, стр. 144.

заться крайне парадоксальнымъ. Мнѣ, признаться, представляется другое,—что не только этотъ тезисъ, но и всѣ приведенныя разсужденія г. Струве отличаются крайней степенью наивности. Въ сущности они представляютъ собою ничто иное, какъ перепѣвъ на русской ладъ разсужденій нѣмецкихъ національ-либераловъ. Къ подлиннымъ же фактамъ русской жизни, хотя г. Струве и ссылается на послѣдніе, они имѣютъ весьма отдаленное и проблематическое отношеніе, если только по-просту не извращаютъ всю перспективу этихъ фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, легко сказать, будто русская революція потерѣла пораженіе именно потому, что была направлена на подрывъ государственной мощи ради цѣлей внутренней политики. Но вѣдь сказать это мало, надо было бы еще и доказать, что революція стремилась подрывать государственную мощь. И для доказательства такого положенія, конечно, недостаточно простой ссылки на тотъ или иной отдѣльный революціонный актъ. Г. Струве, напримѣръ, считаетъ въ своемъ родѣ идеальнымъ «революционеромъ-государственникомъ» Оливера Кромвеля, называя даже его «самымъ мощнымъ творцомъ англійскаго государственнаго могущества». Надо полагать, однако, что въ тотъ моментъ, когда Кромвель сражался съ королевскими войсками, онъ не особенно много содѣйствовалъ поддержанію внѣшней мощи Англій. Но едва-ли онъ и согласился бы въ этотъ моментъ мѣрять свои дѣйствія задачей поддержанія государственной мощи. Такова въ сущности судьба и всѣхъ революціонныхъ актовъ. Будучи направлены противъ господствующей въ государствѣ власти, они неизбежно въ той или иной мѣрѣ отражаются и на внѣшней мощи государства, порождая временное ея ослабленіе. Но отсюда еще цѣлая пропасть до того стремленія подрывать государственную мощь, какое г. Струве совершенно произвольно навязываетъ русской революціи. Немногимъ болѣе подтверждаетъ положенія г. Струве и другой рядъ фактовъ, указываемый имъ. Пусть Плеве толкалъ Россію на войну съ Японіей ради отвлеченія вниманія общества и народа отъ внутреннихъ дѣлъ государства. Это нисколько не опровергаетъ того обстоятельства, что русско-японская война была вызвана, съ одной стороны, стремленіемъ поддержать престижъ «внѣшней мощи» Россіи, съ другой—своеобразной авантюрой, въ свою очередь не имѣвшей ничего общаго съ такъ или иначе понимаемымъ «внутреннимъ благополучіемъ» государства. И, когда г. Струве утверждаетъ, что внутренняя политика государства должна быть подчинена внѣшней его политикѣ, что послѣдняя должна служить оселкомъ и мѣриломъ первой, онъ, въ сущности, самъ того не замѣчая, ломится въ открытую дверь и не опровергаетъ, а воспроизводитъ взгляды отечественныхъ консерваторовъ и реакціонеровъ, съ давнихъ поръ находящіе себѣ широкое практическое примѣненіе въ русской жизни.

Но самъ г. Струве съ непонятной для посторонняго человѣка

близорукостью не видитъ этого и остается въ блаженной увѣренности, что онъ открылъ новый путь, одинаково далекий отъ «банальнаго радикализма» и отъ «банальнаго консерватизма», путь истинной государственной мудрости. «Только государство и его мощь—восклицаетъ онъ въ этой увѣренности—могутъ быть для настоящихъ патріотовъ истинной путеводной звѣздой. Остальное—«блуждающіе огни».

Схема готова, остается сдѣлать соответствующіе выводы изъ нея. И они, разумѣется, не заставляютъ себя ждать. «Государственная мощь,—говоритъ г. Струве,—невозможна внѣ осуществленія національной идеи. Национальная идея современной Россіи есть примиреніе между властью и проснувшимся къ самосознанію и самодѣятельности народомъ, который становится націей. Государство и нація должны органически срастись». А для этого нужны два условія. Съ одной стороны, «интеллигенція страны должна пропитаться тѣмъ духомъ государственности, безъ господства котораго въ образованномъ классѣ не можетъ быть мощнаго и свободнаго государства». Съ другой—«правящіе круги должны понять, что, если изъ великихъ потрясеній должна выйти великая Россія, то для этого нуженъ свободный, творческій подвигъ всего народа» *). На этотъ разъ передъ нами уже нѣсколько болѣе сложные выводы, нежели тѣ, какіе мы видѣли въ другой статьѣ г. Струве. Оказывается, для выхода изъ «тупика, въ который мы зашли», мало одного освобожденія интеллигенціи отъ «революціонизма». Помимо того должны еще нѣчто сдѣлать, должны нѣчто понять «правящіе круги». И все же схема, приводящая къ такимъ выводамъ, остается еще чрезмѣрно простой, чрезмѣрно абстрактной.

«Правящіе круги» должны понять... А если они не хотятъ и не могутъ понимать того, что «должны понять»? Стоитъ поставить себѣ этотъ вопросъ,—а поставить его, казалось бы, событія недавняго прошлаго и текущаго настоящаго даютъ болѣе, чѣмъ достаточныя основанія,—чтобы убѣдиться, какъ безнадежно упрощена переживаемая нами дѣйствительность и въ этой, якобы объясняющей ее, схемѣ г. Струве. Зарывъ русскую революцію въ землю и всѣми силами стараясь изгнать изъ русской жизни самый призракъ «революціонизма», г. Струве, повидимому, вовсе не подозреваетъ, что въ той самой могилѣ, надъ которой онъ служитъ свои благодарственные молебны, зарыть, между прочимъ, и ключъ отъ той двери, въ какую ему такъ хотѣлось бы войти. И, свободный отъ такого рода подозрѣній, онъ ищетъ простаго выхода изъ «тупика» и при помощи построенной въ воздухъ абстрактной схемы находитъ его—въ воображеніи.

Не менѣе, чѣмъ г. Струве, чужды такіа подозрѣнія и другому современному публицисту, г. Гредескулу. Въ изображеніи г. Гре-

*) Тамъ же, 165.

дескула русское дѣйствительность представляется, пожалуй, въ еще болѣе простомъ видѣ, такъ какъ то органическое сращеніе государства съ націей путемъ примиренія власти съ народомъ, которое, по завѣренію г. Струве, должно произойти въ нашей жизни, по мнѣнію г. Гредескула, едва-ли уже не произошло на самомъ дѣлѣ. «17 октября 1905 г.—говорить онъ—отъ имени самой власти или, лучше сказать, отъ имени того ея элемента, который исторически не только не отжилъ и не умеръ, но который будетъ жить съ народомъ еще многіе вѣка, и вопругъ котораго, какъ во-кругъ прочнаго историческаго стержня, будетъ организованъ новый, конституціонный строй, былъ изданъ актъ, болѣе важный и великій, чѣмъ прямой его историческій предшественникъ— манифестъ 19 февраля 1861 года. Манифестъ 17 октября какъ разъ совершилъ то, что нужно было народу: онъ въ корнѣ измѣнилъ организацію у насъ государственной власти, онъ объявилъ введеніе у насъ настоящей европейской конституціи и этимъ вновь вернуть намъ утраченное нами за полнымъ историческимъ израсходованіемъ самодержавія „отечество“... „Патріотизмъ“ послѣ этого опять имѣеть въ Россіи совершенно опредѣленный и ясный смыслъ и онъ долженъ быть направленъ на установленіе въ странѣ настоящей конституціи, т. е. на воплощеніе въ жизнь полностью манифеста 17 октября. Не больше, но и не меньше. *Не больше*, потому что, получивъ для себя настоящую конституцію, мы обеспечимъ нормальный, правильный и мирный выходъ для творческихъ силъ народа, и въ рамкахъ конституціи народъ сумѣетъ затѣмъ добиться всего большаго и лучшаго, къ чему онъ только способенъ. *Не меньше* потому, что этимъ силамъ необходимо нуженъ свободный, конституціонный выходъ, и безъ него народъ будетъ рабомъ, не имѣющимъ энергіи и рѣшимости для того, чтобы разбить свои оковы» *).

Какъ видить читатель, для г. Гредескула представляется совершенно яснымъ даже наше будущее, простирающееся на «многіе вѣка». Но, такъ легко прозрѣвая въ далекое будущее, г. Гредескулъ на ряду съ этимъ не совсѣмъ разбирается въ настоящемъ, изображая его, по меньшей мѣрѣ, въ черевчуръ уже упрощенномъ видѣ. И эта упрощенность изображенія сказывается въ изложеніи г. Гредескула бьющими въ глаза противорѣчіями. Съ одной сто роны манифестъ 17 октября «какъ разъ и совершилъ то, что нужно было народу», «объявилъ введеніе у насъ настоящей европейской конституціи», съ другой—этотъ манифестъ еще надо «воплотить въ жизнь», такъ какъ онъ «далъ въ сущности только юридическую „возможность“ новой конституціонной Россіи и очередь послѣ него стала за тѣмъ, чтобы превратить эту „возможную“ будущую Рос-

*) „Патріотизмъ и конституція“. „Р. Мысль“, 1908 г., № 1, стр. 65. Курсивъ здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ цитатахъ, принадлежитъ самому г. Гредескулу.

сію въ дѣйствительно существующую» *). И все же «воплотить въ жизнь» надо именно манифестъ 17 октября, «не больше, но и не меньше».

Для такого воплощенія, по мнѣнію г. Гредескула, существуютъ нѣкоторые препятствія, но препятствія эти въ концѣ концовъ не серьезны. «Препятствіемъ... служить, какъ теперь это уже выяснилось съ полной очевидностью, тѣ эксцессы *влѣво* и *вправо*, которые, можетъ быть, были и неизбежны при такомъ грандіозномъ историческомъ кризисѣ, какой пришлось пережить Россіи, но которые, несомнѣнно, должны быть побѣждены для того, чтобы въ странѣ прочно водворилась настоящая конституція»... Побѣдить эти эксцессы влѣво и вправо надо морально, что поведетъ къ ихъ полному уничтоженію, а это вполне возможно сдѣлать. Дѣло въ томъ, что «нашъ народъ желаетъ, считаетъ нужной и сумѣетъ построить именно конституцію—не больше, но и не меньше» **).

Можно было бы спросить еще, при помощи какихъ же именно средствъ народъ «сумѣетъ построить» конституцію. Г. Гредескулъ не затрудняется отвѣтить и на этотъ вопросъ. «Конституціонныя, по самому существу своему,—говоритъ онъ—надежды народа на то, что онъ добьется государственнаго *переустройства* съ помощью народнаго представительства, а не съ помощью революціи,—надежды эти были вполне *оправданы* первой Думой» ***).

Прочитавъ эти строки, легко въ первую минуту подумать, что написавшій ихъ публицистъ впалъ въ какое-то роковое недоразумѣніе, заставившее его подмѣнить одинъ вопросъ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если можно еще держаться различныхъ мнѣній на счетъ того, «оправдала» или не оправдала первая Дума надежды народа въ смыслѣ выраженія его желаній, то на счетъ того, удалось-ли ей осуществить эти желанія, казалось бы, нѣтъ мѣста ни для какого спора. Вѣдь въ нашей дѣйствительности нѣтъ уже не только первой Думы, но нѣтъ даже и того избирательнаго закона, на основѣ котораго она была собрана. И однако приведенная фраза не плодъ какого-либо недоразумѣнія со стороны г. Гредескула. Онъ помнитъ указанные факты и тѣмъ не менѣе остается на избранной имъ позиціи, придавая ей какъ нельзя болѣе опредѣленные очертанія.

«Революціонныя партіи,—говоритъ онъ, подводя итоги своего изложенія и формулируя заключительные выводы,—совершили свое нужное когда-то для Россіи дѣло, и исторія отодвинула ихъ въ сторону». Немногимъ лучше и положеніе прогрессивныхъ партій. «Партіи демократическія, но не революціонныя—тѣ самыя, которыя закрѣпили въ народномъ сознаніи идею народнаго предста-

*) Тамже, 71.

**) Тамже, 64, 65.

***) Тамже, 68.

вительства и которыя руководили первой Думой, изъяты теперь закономъ 3 іюня изъ политическаго русла и лишены возможности играть *активную* политическую роль». Но, если «отодвинуты» революціонеры и прогрессисты, есть другія силы. «На политической аренѣ дѣйствуютъ въ качествѣ „побѣдителей“ и распорядителей русскихъ судебъ частью элементы прежней бюрократіи, въ роли „правительства“, частью „правые“ конституціоналисты (октябристы и „умѣренные“) въ роли руководителей парламента. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что именно на нихъ и окажется свое неотразимое давленіе „конституціонное“ сознание народа, его законное стремленіе перейти наконецъ отъ бесплоднаго междоусобія къ согласной и дѣятельной конституціонной жизни, его нетерпѣніе занять вновь среди народовъ то историческое мѣсто, какое принадлежитъ ему въ мірѣ по праву... Но „патриотическій“ долгъ и нынѣшняго правительства, и нынѣшняго парламента—не противиться этимъ конституціоннымъ стремленіямъ народа, пойти имъ навстрѣчу и *сократить*, насколько возможно, этотъ переходный періодъ, только напрасно задерживающій историческіе успѣхи народа, которые ему необходимы, и къ которымъ онъ тотчасъ перейдетъ, какъ только ему дадутъ къ нимъ свободную дорогу».. *).

Итакъ, всѣ «экспессы» должны быть побѣждены—побѣждены морально и тѣмъ самымъ уничтожены, подчеркиваетъ г. Гредескулъ,—и тогда правительство г. Столыпина въ союзѣ съ октябристами и «умѣренными», побуждаемое «конституціоннымъ сознаниемъ народа», при помощи третьей Думы воплотитъ въ жизнь манифестъ 17 октября и осуществитъ введеніе у насъ «настоящей конституціи». Наученный горькимъ опытомъ, г. Гредескулъ великодушно отстраняетъ отъ этого дѣла даже собственную к.-д. партію. Въ сущности мы вновь возвращаемся къ схемѣ г. Струве, принявшей только подъ перомъ г. Гредескула еще болѣе рѣзкія и откровенныя очертанія. И, думается мнѣ, не смотря на выражаемое г. Гредескуломъ желаніе считаться оптимистомъ, я имѣлъ полное основаніе зачислить его въ ряды мрачныхъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ что-нибудь, настраивающее болѣе пессимистически, чѣмъ оптимизмъ, проявляющійся въ ожиданіи «настоящей конституціи» отъ министерства г. Столыпина и октябристовъ третьей Думы. Мудрено, казалось бы, смотря на жизнь и стараясь объяснить ее, составить себѣ схему, болѣе упрощенную и менѣе охватывающую дѣйствительныя явленія.

Кто не хочетъ видѣть, тотъ, конечно, безнадежно слѣпъ. Но для тѣхъ, кто не страдаетъ добровольной слѣпотой, розовыя ожиданія к.-д. публицистовъ остаются безцѣльной и наводящей лишь уныніе маниловщиной, такъ какъ дѣйствительная жизнь менѣе всего укладывается въ рамки чрезмѣрно простыхъ схемъ, создава-

*) Тамже, 73.

емыхъ воображеніемъ этихъ публицистовъ. Я не буду говорить ни о третьей Думѣ, долженствующей, по схемѣ г. Гредескула, быть озабоченной введеніемъ у насъ «настоящей конституціи», а на дѣлѣ въ лицѣ своихъ типичныхъ представителей идущей дальше министерства внутреннихъ дѣлъ въ заботѣ о «прикосновенности личности», ни о высокомъ покровительствѣ, оказываемомъ «союзу русскаго народа» тѣми правящими сферами, которыя, по завѣренію г. Струве, «должны понять», что для созданія великой Россіи «нуженъ свободный, творческій подвигъ всего народа». Не стану я говорить и о безконечномъ рядѣ судебныхъ процессовъ, направленныхъ къ «ликвидациі» революціоннаго періода. Я возьму лишь нѣсколько мелкихъ фактовъ, тѣмъ и интересныхъ, что они мелки и отражаютъ въ себѣ наиболѣе обыденныя явленія жизни современнаго обывателя.

Въ селѣ Водяномъ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи, — сообщали недавно газеты, — былъ арестованъ и послѣ трехмѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ высланъ на два года въ Вологодскую губернію студентъ Московенко. Преступленія, за которыя онъ подвергся этой карѣ, заключались въ томъ, что онъ совѣтовалъ крестьянамъ не поступать въ стражники и что, пріѣхавъ на каникулы къ роднымъ въ деревню, онъ не посѣщалъ сельскую церковь *). Начальство въ Херсонской губерніи оказалось богомольнымъ, и студентъ Московенко могъ убѣдиться въ этомъ, сидя въ тюрьмѣ и путешествуя въ Вологодскую губернію. Не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ къ церкви, отъ обывателя требуется почтеніе и къ власти. Терскій генераль-губернаторъ Колюбакинъ, рассказывало не такъ давно «Пятигорское Эхо», «посѣтилъ городскую управу, гдѣ къ назначенному времени въ залѣ думскихъ засѣданій были собраны гласные, въ числѣ около 18 человекъ, во главѣ съ городскимъ головой. Здѣсь генераль-губернаторъ, высказавъ свое крайнее неудовольствіе по поводу всей дѣятельности городского населенія, которое не нашло нужнымъ оказать ему своего почтенія снятіемъ шапокъ при проѣздѣ его съ конвоемъ по городу, прибавилъ, что въ случаѣ дальнѣйшей дѣятельности городского самоуправления въ этомъ же духѣ онъ будетъ вынужденъ взять бразды правленія городомъ въ свои руки *). Если въ Пятигорскѣ отъ городского самоуправления требуется, чтобы оно обучало обывателей снимать шапки передъ начальствомъ, подъ страхомъ, что послѣднее «возьметъ бразды правленія въ свои руки», то въ Ялтѣ административная власть давно уже держитъ въ рукахъ «бразды правленія» и не проходитъ, кажется, недѣли, втеченіе которой газеты не сообщали бы о новыхъ мѣрахъ, принятыхъ ялтинскимъ повелителемъ, ген. Думбадзе, для поддержанія авторитета власти. Въ послѣднее время ген. Думбадзе, между

*) «Рѣчь», 5 февраля 1908 г.

***) Цитирую по «Кіев. Вѣстямъ», 18 янв. 1908 г.

прочимъ, выслалъ изъ Ялты сенатора Песецкаго, отказавшагося выписать для находившейся въ его завѣдываніи чайной вмѣсто «Русскаго Слова» черносотенную газету «Набатъ» и осмѣлившагося даже усумниться въ правѣ ген. Думбадзе обязывать чайныя выписывать указываемые имъ газеты *). Въ той же Ялтѣ владѣлецъ аптеки, провизоръ Леви, за выставленіе на печатныхъ ярлыкахъ для отпускаемыхъ изъ аптеки лекарствъ своихъ инициаловъ впереди государственнаго герба, былъ недавно присужденъ главно-начальствующимъ уѣзда къ штрафу въ 1000 руб., а при несостоятельности—къ трехмѣсячному аресту **).

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, по преданію, бывали случаи, когда обывателей, въ печки которыхъ случайно попадали кирпичи, отиѣченные государственнымъ гербомъ, судили за оскорбленіе величества, выразившееся въ «жженіи государственнаго орла». Въ наше время на обывателей налагаютъ кары за помѣщеніе своихъ инициаловъ впереди государственнаго герба. Генераль-губернаторы начала XX вѣка во всякомъ случаѣ недалеко ушли отъ своихъ анекдотическихъ предшественниковъ XVIII столѣтія, если только не опередили послѣднихъ, въ дѣлѣ охраненія престижа власти. Наряду съ этимъ администраторы нашей эпохи проявляютъ самое недвусмысленное отношеніе къ правамъ находящагося въ районѣ ихъ дѣйствій населенія, не исключая даже права послѣдняго на жизнь. Въ Севастополѣ адмиралъ Виренъ мѣсяцъ тому назадъ въ виду участившихся покушеній въ ночное время на часовыхъ при батареяхъ крѣпости и складовъ подтвердилъ приказъ, согласно которому часовые отъ 6 ч. вечера до 6 ч. утра должны стрѣлять въ постороннихъ лицъ безъ предупрежденія и оклика «кто идетъ», а караулъ долженъ преслѣдовать убѣгающихъ залпами ***). Въ результатѣ этого приказа, какъ сообщаютъ газеты, было уже нѣсколько случаевъ убійства часовыми ни въ чемъ неповинныхъ прохожихъ, но приказъ продолжаетъ дѣйствовать. Не менѣе воинственное настроеніе проявляютъ и другіе мѣстные администраторы. «Городовые и стражники одесской городской и уѣздной полиціи!—писалъ не такъ давно одесскій генераль-губернаторъ Толмачевъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ по мѣстной полиціи.—Служба полицейская въ настоящее время такъ же тяжела и опасна, какъ и на войнѣ, но и такъ же почетна, какъ военное дѣло. Вы поставлены для защиты мирнаго населенія отъ злодѣйскихъ нападеній. Только мужественнымъ исполненіемъ своего долга и обязанностей можете вы содѣйствовать внѣшнему, уличному порядку и дѣло это вы должны дѣлать такъ же, какъ и на войнѣ. Я требую: 1) чтобы оружіе было всегда наготовѣ, т.-е. на боевомъ заводѣ,

*) „Рѣчь“, 30 янв. 1908 г.

**) „Стол. Почта“, 9 февр. 1908 г.

***) „Рѣчь“, 22 янв. 1908 г.

2) не ждать, пока начнутъ стрѣлять въ васъ или въ жителей, а какъ только въ рукахъ злодѣя замѣчено оружіе, то безразлично, будетъ ли оно направлено на городского или на мирныхъ жителей, злодѣй долженъ быть убитъ. Предупреждаю, что буду строго карать тѣхъ, у кого изъ рукъ уйдетъ живымъ преступникъ. Всѣ должны знать, что жизнь каждаго полицейскаго должна быть дорога отечеству. Для достиженія умѣлой и увѣренной стрѣльбы, въ устраненіе случайныхъ пораненій неповинныхъ мирныхъ гражданъ въ случаяхъ преслѣдованія злодѣевъ, требую обязательнаго занятія въ свободное отъ нарядовъ время прицѣлкою и прикладкою» *).

«Защита мирнаго населенія», упоминаемая въ приказѣ генерала Толмачева, конечно, не болѣе, какъ неизбежный эвфемизмъ. Какъ организована одесской администраціей защита мирнаго населенія,—извѣстно всей читающей Россіи. Но, какъ бы то ни было, въ Одессѣ, какъ и въ Севастополѣ, мѣстная администрація, по собственному ея сознанію, чувствуетъ себя на положеніи воюющей стороны и поэтому считаетъ себя вправѣ устанавливать смертную казнь для обывателей, передавая ея примѣненіе въ руки отдельныхъ часовыхъ и полицейскихъ. Въ сущности то же самое происходитъ и во всѣхъ почти остальныхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи. И въ виду этого факта не приходится, конечно, много говорить о другихъ формахъ проявленія власти и другихъ карахъ, налагаемыхъ на обывателей. Не приходится и удивляться широкому размаху этихъ каръ, захватывающихъ массу лицъ помимо тѣхъ, на которыхъ онѣ непосредственно направляются. Въ концѣ прошлаго года въ «Вятскомъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ любопытный циркуляръ вятскаго губернатора, обращенный къ мѣстной полиціи. «Налагая наказанія на лицъ, нарушившихъ изданныя мною обязательныя постановленія,—говорилось въ этомъ циркулярѣ,—я былъ вполне увѣренъ, что представляемые мнѣ уѣздными исправниками протоколы о помянутыхъ выше нарушеніяхъ, доставленные подвѣдомственными имъ чинами полиціи, всегда содержать въ себѣ факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію въ смыслѣ справедливости, но, къ сожалѣнію, въ этомъ приходится разочаровываться, такъ какъ, хотя и не очень часто, но бывають случаи, что лица, совершенно невинныя въ нарушеніи того или иного постановленія и въ данный моментъ вовсе не присутствовавшія на мѣстѣ преступленія, вносятся въ протоколъ въ числѣ виновныхъ. Протоколы эти исправниками, видимо, не провѣряются и въ такомъ видѣ представляются мнѣ для наложенія на виновныхъ наказанія. Само собою разумѣется, что такія лица наравнѣ съ прочими виновными подвергаются мною административному взысканію, иногда очень строгому, совершенно неzasлуженному» **).

*) „Кіевскія Вѣсти“, 14 января 1908 г.

**) «Рѣчь», 1 января 1908 г.

Лѣсъ рубятъ,—щепки летать... Вятскій губернаторъ, воюя съ населеніемъ, надо думать, вполне искренно желалъ бы отдѣлить нейтральныхъ лицъ отъ противниковъ и избавить первыхъ отъ ударовъ, предназначенныхъ для послѣднихъ, но ему, занятому войной, конечно, некогда заниматься еще и разсмотрѣніемъ этихъ вопросовъ. Это дѣло поручается исправникамъ, но и они также заняты войной. Городовые, урядники, стражники въ свою очередь воюютъ съ населеніемъ и увлечены разысканіемъ и одолѣніемъ противника. Въ результатъ кары, обрушиваемая на послѣдняго, принимаютъ такой широкій размахъ, что задѣваютъ одинаково и лицъ, участвующихъ въ борьбѣ, и лицъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ нея. И, когда этотъ фактъ оказывается установленнымъ въ глазахъ самой администраціи, она силою вещей вынуждена отнестись къ нему, какъ къ досадной, но въ концѣ концовъ неважной подробности. Въ самомъ дѣлѣ, не отказываться же ей отъ войны только потому, что въ послѣдней страдаютъ отъ ея дѣйствій нейтральныя лица. На войнѣ люди интересуются не столько установленіемъ правильныхъ отношеній къ нейтральной сторонѣ и, тѣмъ болѣе, къ противнику, сколько развѣдочной частью—собираніемъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ врага. Въ эту сторону главнымъ образомъ и направлено вниманіе администраціи и къ этому дѣлу она старается привлечь, какъ можно больше силъ, не останавливаясь, какъ водится на войнѣ, передъ мѣрами понужденія. Въ одномъ изъ своихъ недавнихъ приказовъ по полиціи, одесскій генераль-губернаторъ отдалъ распоряженіе «объ отобраніи отъ владѣльцевъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ подписокъ, обязывающихъ ихъ немедленно сообщать въ канцелярію временнаго одесскаго генераль-губернатора о случаяхъ оказанія медицинской помощи лицамъ, получившимъ травматическія поврежденія, подробно обозначая въ свѣдѣніяхъ званіе, имя, отчество и фамилію пострадавшаго, какія, гдѣ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ были получены имъ поврежденія, а также адресъ пострадавшаго, обративъ особое вниманіе на правильность составленныхъ свѣдѣній» **). Тотъ же генераль-губернаторъ издалъ особое обязательное постановленіе «въ виду не прекращающихся грабежей и налетовъ». «Домовладѣльцы и хозяева—говорится въ этомъ постановленіи—обязаны наблюдать, первые за своими квартирохозяевами, а эти послѣдніе за живущими у нихъ лицами, дабы среди нихъ не скрывались грабители, налетчики и бомбометатели, особенно слѣдить, чтобы не было складовъ бомбъ и оружія. Каждый житель г. Одессы обязанъ, въ цѣляхъ успокоенія города, сообщать мнѣ или охранному отдѣленію о всѣхъ извѣстныхъ ему квартирахъ налетчиковъ, грабителей, бомбометателей и т. п. лицъ. Указавшимъ вѣрныя свѣдѣнія я буду выдавать денежные награды,

*) »Рѣчь», 22 января 1906 г.

сразимѣря послѣднія со степенью важности сообщенныхъ данныхъ» *).

Такимъ образомъ, одесскій генералъ-губернаторъ, сознавая себя воюющей стороною, рѣшилъ обратить всѣхъ жителей Одессы въ своего рода лазутчиковъ или, проще говоря, въ агентовъ охраннаго отдѣленія. Аналогичныя мѣры, хотя не столь ужъ рѣшительныя и не столь всеобъемлющія, приняты и въ другихъ мѣстахъ. И нельзя сказать, чтобы усилія, направленные въ эту сторону, оставались совершенно безплодными. Мѣстами, по крайней мѣрѣ, они дали соответствующій результатъ, и энергія администраціи въ этихъ случаяхъ сливается съ энергіей той части общества, интересы которой обслуживаютъ «нынѣшнее правительство и нынѣшній парламентъ», говоря пышными терминами г. Гредескула. Такъ, напримѣръ, екатеринославскіе и полтавскіе земцы, какъ извѣстно, рѣшили принять энергичное участіе въ дѣлѣ организаціи политическаго сыска. Правда, въ полтавскомъ земствѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, на этой почвѣ произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Земское собраніе еще минувшей весной собралось бороться съ пожарами путемъ организаціи доносовъ на поджигателей и съ этой цѣлью постановило поощрять доносчиковъ денежными наградами до 300 р. Но на осеннемъ собраніи возникъ вопросъ, кому именно и какъ выдавать такія награды. Собраніе долго разбиралось въ томъ, кого считать истиннымъ обличителемъ поджога—любого ли свидѣтеля, уличающаго поджога на судѣ, или только главнаго виновника обличенія поджигателя, и когда надо выдавать доносчику награду—до суда или послѣ суда, но такъ и разошлось, не успѣвъ разрѣшить этихъ недоумѣнныхъ вопросовъ *). Надо полагать, однако, что въ недалекомъ будущемъ они будутъ благополучно разрѣшены. Важно уже то, что такіе вопросы ставятся, что опредѣленная часть общества совершенно открыто и беззащитно прилагаетъ свои усилія къ усовершенствованію организаціи сыскаго дѣла.

Въ этомъ отношеніи за послѣднее время достигнуты большіе успѣхи и многія стѣсненія отброшены въ сторону. Недавно газеты сообщали о такого рода случаѣ, разыгравшемся въ Ярославлѣ. Какъ-то въ мѣстномъ театрѣ во время опернаго спектакля былъ исполненъ гимнъ. Послѣ того къ директору кадетскаго корпуса г. Бордель-фонъ-Борделіусу, также бывшему въ театрѣ, подошелъ молодой кадетикъ и доложилъ, что во время гимна одинъ гимназистъ въ серединѣ зала не всталъ съ мѣста. Директоръ, отечески поблагодаривъ кадета, сейчасъ же сообщилъ объ этомъ помощнику полиціи-мейстера, который въ свою очередь распорядился отправить гимназиста въ участокъ. «Впослѣдствіи—прибавляла газета, рассказавшая объ этомъ случаѣ,—оказалось, что гимназистъ смотрѣлъ

*) «Рѣчь», 16 февраля 1908 г.

**) „Рѣчь“, 29 декабря 1907.

оперу въ первый разъ въ жизни и, какъ деревенскій житель, понятія о ней не имѣлъ» *). Такимъ образомъ на этотъ разъ сыскъ не вполне достигъ своей цѣли и изловленнымъ оказался не настоящій крамольникъ. Быть можетъ, такой результатъ даже нѣсколько смутилъ ярославскую полицію и директора кадетскаго корпуса. Но, конечно, смутить ихъ могъ только самый результатъ, да и то, надо думать, не особенно сильно. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ—скажетъ, вѣроятно, г. Бордель-фонъ-Борделіусъ, въ сознаниі того, что онъ дѣлаетъ въ высшей степени полезное дѣло, принимая участіе въ «рубкѣ лѣса» путемъ приученія ввѣреннаго его попеченіямъ юношества къ занятіямъ по сыскной части. И, конечно, не одинъ г. Бордель-фонъ-Борделіусъ дѣлаетъ такое дѣло.

Г. Гредескулъ «глубоко убѣжденъ» въ томъ, что на «нынѣшнее правительство и нынѣшній парламентъ» «окажетъ свое неотразимое давленіе конституціонное сознание народа». Съ своей стороны онъ считаетъ лишь нужнымъ убѣждать «и нынѣшнее правительство, и нынѣшній парламентъ», что «ихъ патріотическій долгъ»—не противиться конституціоннымъ стремленіямъ народа, пойти имъ навстрѣчу и сократить переходный періодъ. Только что приведенные факты, сами по себѣ мелкіе и обрисовывающіе лишь ничтожный уголокъ русской дѣйствительности, все же позволяютъ судить о томъ, насколько совѣты г. Гредескула направлены по надлежащему адресу. Русскій обыватель въ настоящее время живетъ въ атмосферѣ неограниченнаго произвола и всюду проникающаго сыска. «Правящіе круги должны понять, что, если изъ великихъ потрясеній должна выйти великая Россія, то для этого нуженъ свободный, творческій подвигъ всего народа»,—увѣряетъ г. Струве. Они поняли другое,—что народное движеніе грозитъ ихъ благополучію,—и на порывы народа отвѣтили безпощадной войной, не останавливаясь ни передъ какими карами, не стѣсняясь никакими этическими соображеніями. И соотвѣтственно этому вся жизнь страны передвигается въ направленіи, прямо противоположномъ тому, движущейся въ которомъ ее хотѣли бы видѣть закрывающіе глаза на дѣйствительность публицисты. Облетаютъ иллюзіи, выясняется истинное положеніе вещей. И этотъ процессъ выясненія истиннаго положенія въ свою очередь долженъ будетъ дать опредѣленные результаты.

Нѣсколько недѣль тому назадъ петербургскія газеты довольно много писали о происшедшемъ какъ-то неожиданно для нихъ фактѣ «объединеніи оппозиціи» въ стѣнахъ Думы. Между прочимъ, «Рѣчь» замѣтила, что министерская «Россія» радуется этому «объединенію», и съ своей стороны поспѣшила разсвѣять поводы для такой радости. «Да,—писала к.-д. газета,—оппозиція объединяется», объединяется тѣмъ прежнимъ настроеніемъ, которое создается

*) Цитирую по „Кіевск. Вѣстямъ“, 24 янв. 1908.

сознаниемъ общей опасности для всѣхъ одинаково дорогого дѣла. Да, восстанавливается до-октябрьское настроеніе, со всѣми условіями его моральной силы, его единства, его распространенности. Но въдѣ этимъ восстановленіемъ единства вопросъ возвращается на нашу почву, на почву борьбы общественнаго мнѣнія за основныя элементы конституціонно-демократическаго строя. Министерскій офиціозъ убѣжденъ, что „объединеніе оппозиціи“ только и можетъ совершаться движеніемъ справа влѣво, и на этомъ основываетъ свои неизмѣренныя ликования. Напрасно. Объединеніе можетъ быть и результатомъ движенія слѣва направо... Когда „оппозиція объединяется“, она, естественно, объединяется на минимальной программѣ наиболее умѣренной изъ партій, входящихъ въ ея составъ. И, можетъ быть, ликованиямъ офиціоза суждено замѣниться печалью. Что, если вдругъ настанетъ такое время, когда «революціонность» социаль-демократовъ окажется такъ же трудно доказывать, какъ теперь революціонность ка-детовъ!» *).

Не трудно понять тѣ побужденія, которыя продиктовали «Рѣчь» эту тираду, но согласиться съ существомъ выраженныхъ въ ней мыслей было бы довольно трудно. «Когда оппозиція объединяется, она, естественно, объединяется на минимальной программѣ наиболее умѣренной изъ партій, входящихъ въ ея составъ». Но въдѣ никакого программнаго объединенія оппозиціи въ третьей Думѣ не произошло. Каждая изъ партій, входящихъ въ составъ думской оппозиціи, осталась при своей программѣ, и ни одна изъ нихъ, не исключая, кажется, теперь уже и конституціоналистовъ-демократовъ, не мечтаетъ о проведеніи въ жизнь черезъ третью Думу какой-либо прогрессивной программы. Не менѣе рискованно было бы утверждать, что оппозиція въ третьей Думѣ объединилась на тактикѣ к.-д. партіи. Последняя начала въдѣ съ попытки играть роль «регулятора» работы третьей Думы и лишь силою вещей и волею большинства была отброшена въ общіе ряды «безответственной» думской оппозиціи, съ которой первоначально вовсе не хотѣла смѣшивать себя. Плохо мирясь съ такимъ положеніемъ, она неоднократно пыталась выйти изъ него, и лишь неудача всѣхъ такихъ попытокъ и непреклонность большинства повели къ «объединенію оппозиціи», практически выразившемуся въ томъ, что к.-д. фракція Думы увидѣла себя въ необходимости принять роль, аналогичную роли другихъ оппозиціонныхъ группъ. И, какъ ни мало въ сущности улыбается ей эта роль, какъ ни непослѣдовательно она проводитъ ее, совершенно освободиться отъ нея она не въ состояніи и все ея значеніе въ Думѣ свелось исключительно къ этой роли. Въ концѣ концовъ, не смотря на все нежеланіе и прямое противодѣйствіе к.-д. партіи, ея думская позиція оказалась сближенной съ позиціями болѣе лѣвыхъ группъ.

*), «Рѣчь», 2 февр. 1908 г. Курсивы принадлежатъ газетѣ.

То, что произошло въ данномъ случаѣ въ стѣнахъ Таврическаго дворца, въ большихъ размѣрахъ и въ болѣе отчетливыхъ формахъ происходитъ во всей странѣ. Безпощадно разбивая всѣ иллюзіи и разоблачая дѣйствительное положеніе вещей, живнѣ властно собираетъ всѣ живыя силы народа въ одну сторону и ставитъ имъ исполнѣ определенную задачу. Можно не видѣть этого процесса, если закрыть глаза на дѣйствительность. Можно видѣть его и не представлять себѣ его результатовъ, если отказаться отъ знанія исторіи и отъ пониманія процессовъ общественной жизни. Но для тѣхъ, кто наблюдаетъ жизнь и умѣетъ понимать ее, результаты совершающагося процесса должны быть ясны. Его развитіе можетъ быть болѣе или менѣе быстрымъ, но его конечный исходъ не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ.

В. Мянотинъ.

Въ порядкѣ беззаконія.

Владѣльцы посессионныхъ заводовъ рѣшили обратиться чрезъ особую депутацію къ министру торговли и промышленности г. Шипову съ ходатайствомъ, изложеннымъ въ прошеніи отъ 6 сего февраля за № 68 *), о разрѣшеніи имъ распродавать нѣкоторыя казенныя имущества (лѣсы, руды и всякаго рода ископаемыя казенно-посессионныхъ дачъ) въ ихъ, просителей, пользу. Означенную мѣру предлагается провести, въ виду ея слѣпности, не обычнымъ законодательнымъ путемъ, а въ порядкѣ... беззаконія.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

На такъ называемомъ посессионномъ правѣ владѣютъ разные «партикулярные» люди необъятными пространствами казенной земли на Уралѣ (въ общемъ до 2—3 милліоновъ десятинъ **). Нѣкогда эти земли были даны имъ, благодаря «безсознательной щедрости» прежнихъ правительствъ (частію при Петрѣ I, преимущественно же въ эпоху дворцовыхъ переворотовъ, при царицахъ) совершенно даромъ и въ большинствѣ случаевъ даже съ разнаго рода щедрыми приплатами отъ казны—только за то якобы, что они на этихъ земляхъ заводы строятъ и попеченіе имѣютъ, дабы

*) Прошеніе исходитъ отъ Совѣта съѣздовъ горнопромышленниковъ Уральской горной области.

**) Раньше посессионныхъ земель было больше, но пространство ихъ постепенно уменьшается, благодаря перечисленію отдѣльныхъ округовъ въ разрядъ владѣльческихъ. Изъ 17 на посессионномъ правѣ теперь осталось только 9.

сіи заводы «во благополучномъ ходу стояли и шестіе свое мѣли». За пользованіе казенной землей посессионеры никогда ничего не платили и не платятъ, кромѣ такъ называемой посессионной горной подати, въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}$ коп. съ пуда выплавленного чугуна и 50 коп. съ пуда мѣди. Не довольствуясь этими льготами владѣльцы посессионныхъ земель (помимо другихъ общихъ съ остальными заводчиками требованій) давно уже домогаются уступки имъ этихъ земель въ полную ихъ собственность и притомъ почти даромъ, такъ какъ предлагаемая ими плата—въ среднемъ менѣе 1 рубля за десятину—предназначается, повидимому, исключительно для сокрытія дарственного характера сдѣлки.

Эти домогательства посессионеровъ начались вскорѣ же послѣ отміны крѣпостного права, а именно съ того момента, когда посессионные заводы и фабрики, которые получали пособіе отъ казны только «работными людьми», были переведены въ разрядъ владѣльческихъ, за прекращеніемъ этого пособія. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта тогда же было признано необходимымъ ликвидировать отношенія и съ теми горными заводами, которые имѣли отъ казны пособіе еще землями и лѣсами, при чемъ рѣшеніе этого вопроса было отложено до спеціальной его разработки. Волею судебъ означенный трудъ пришлось выполнить такъ называемой «горной комиссіи» (пересматривавшей горный уставъ), которая проявила въ своихъ работахъ столь удивительное по своей откровенности пристрастіе къ интересамъ заводчиковъ, что не постѣснилась, вопреки очевидности, приравнять посессионное право почти къ полному праву собственности, а право казны умалить до права полученія съ посессионныхъ заводчиковъ такъ называемой добавочной горной подати. Исходя изъ этихъ положеній, «горная комиссія» способомъ ликвидаціи посессионнаго права избрала выкупъ земель, при чемъ выкупная сумма была опредѣлена капитализаціей изъ 5% добавочной горной подати, а такъ какъ эта подать выражалась ничтожными суммами, то выкупъ земель по проекту комиссіи предполагался въ среднемъ менѣе 1 рубля за десятину, притомъ съ разсрочкой платежа на 37 лѣтъ. Проектъ «выкупа», выработанный «горной комиссіей», разсматривался такъ называемой податной комиссіей, которой онъ былъ одобренъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями.

Вывесенное «специалистами» рѣшеніе вопроса настолько не соответствовало истинной его сущности, что, вѣроятно, ни одинъ изъ участниковъ въ глубинѣ своей совѣсти не признавалъ этого рѣшенія справедливымъ. Повидимому, оно было рассчитано на «несоосѣдомленность» сферъ, отъ которыхъ зависѣло окончательное утвержденіе проекта «выкупа». Но такъ какъ, благодаря литературѣ того времени, истинный смыслъ этой операціи не удалось сохранить въ тайнѣ, то попытка облагодѣтельствовать посессионе-

ровъ за счетъ казны въ то время не удалась и дѣло съ выкупомъ съ тѣхъ поръ неоднократно откладывалось въ долгій ящикъ по разнымъ поводамъ. Послѣднимъ поводомъ къ отсрочкѣ было заканчивающееся теперь земельное устройство горнозаводскихъ крестьянъ по закону 19 мая 1893 года.

Въ настоящее время вопросъ о «выкупѣ» снова стоитъ на очереди и особыми межвѣдомственными совѣщаніями (конечно, при ближайшемъ участіи самихъ посессионеровъ) уже подготовленъ къ разрѣшенію, въ формѣ законченнаго законопроекта, который, кажется, будущей осенью имѣеть быть внесенъ на разсмотрѣніе Государственной Думы. По существу это все тотъ же проектъ «выкупа», выработанной «горной комиссіей» въ 60-хъ годахъ, съ прежними основаніями вычисленій выкупной суммы, въ которыя, однако заводчики попытались внести нѣкоторыя измѣненія для облегченія «тяготы» выкупной операціи».

Такъ обстояло дѣло съ подготовкой законопроекта о ликвидаціи посессионнаго права, когда у посессионеровъ явилась мысль обратиться къ милости начальства и тѣмъ приблизить къ себѣ блага, грядущія въ законодательномъ порядкѣ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ медленнымъ ходомъ. Для этой цѣли они рѣшили, какъ это упомянуто выше, ходатайствовать о предоставленіи имъ помянутыхъ благъ теперь же, не дожидаясь окончанія длинной законодательной процедуры, — *«въ порядкѣ верховнаго управленія»*. Эта мысль обсуждалась и была единодушно принята на особомъ совѣщаніи владѣльцевъ посессионныхъ заводовъ, ихъ управляющихъ и представителей горнаго вѣдомства, подѣ председательствомъ бывшаго министра торговли и промышленности Философова, во время поѣздки его на Уралъ-осенью прошлаго года.

Къ несчастью для посессионеровъ, бывший министръ Философовъ окончилъ свое земное странствіе вскорѣ же по возвращеніи изъ поѣздки на Уралъ, а на смѣну ему явился новый министръ торговли и промышленности г. Шиповъ; взгляды коего по сему предмету еще не выяснены. Задача помянутой выше депутаціи и заключается въ томъ, чтобы снискать благосклонное отношеніе г. Шипова къ ходатайству посессионеровъ о разрѣшеніи имъ, — въ отмѣну существующихъ законовъ, — распродавать въ свою пользу перечисленные въ ихъ прошеніи казенныя имущества.

Означенное домогательство въ высшей степени интересно по существу; но еще болѣе любопытно оно съ формальной стороны: въ данномъ случаѣ группа частныхъ лицъ, во имя своихъ личныхъ интересовъ, приглашаетъ русскаго министра совершить явное беззаконіе и при этомъ дѣйствуютъ столь самоувѣренно, какъ будто вопросъ идетъ о самомъ заурядномъ дѣлѣ. По отношенію къ бывшему министру торговли и промышленности Философому еще можно было допустить, что давая обѣщаніе (если оно было дѣйствительно дано) содѣйствовать удовлетворенію домогательства посессионеровъ,

онъ имѣлъ въ виду исполнить это обѣщаніе болѣе или менѣе законнымъ путемъ—въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ,—такъ какъ до 1-го ноября, т. е. до открытія 3-й Государственной Думы, эта статья могла имѣть примѣненіе (въ случаяхъ необходимости, вызываемыхъ *чрезвычайными* обстоятельствами). Но въ настоящее время,—послѣ открытія Государственной Думы,—смыслъ обращенія къ министру объ измѣненіи законовъ, помимо законодательныхъ учрежденій, становится уже совершенно яснымъ *). Я, конечно, не считаю себя вправе дѣлать какія либо предположенія о томъ, какъ отнесется къ ходатайству посессионеровъ г. Шиповъ, но я не удивился бы, если бъ онъ усмотрѣлъ въ немъ проявленіе неуваженія къ себѣ, какъ къ представителю власти.

Существо же вопроса «о снятіи нѣкоторыхъ ограниченій съ посессионныхъ заводовъ» заключается въ слѣдующемъ:

По дѣйствующимъ узаконеніямъ, заключающимся въ сводѣ уста-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, привожу слѣдующее извлеченіе изъ прошенія заводчиковъ отъ 6-го февраля с. г. за № 68:

„На этихъ совѣщаніяхъ (подъ предсѣдательствомъ министра Философова) было постановлено, что въ виду сложности, какъ самого вопроса окончательной ликвидаціи посессионныхъ отношеній, такъ и *процедуры проведенія его въ законодательномъ порядкѣ*, не дожидаясь вырѣшенія общаго вопроса, ходатайствовать о снятіи съ посессионныхъ заводовъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, нѣкоторыхъ изъ ограниченій посессионнаго права, создающихъ практическія неудобства и стѣсняющихъ развитіе промышленности"... Далѣе идетъ перечисленіе ограниченій, объ уничтоженіи коихъ ходатайствуютъ просители и затѣмъ слѣдующія заключительныя строки отъ имени совѣта съзаводъ уральскихъ горнопромышленниковъ: „признавая со своей стороны крайне неотложной полную ликвидацію посессионнаго права на Уралѣ, Совѣтъ съзаводъ горнопромышленниковъ Уральской области почтительнѣйше ходатайствуя передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ объ ускореніи вырѣшенія общаго вопроса о ликвидаціи посессионнаго права, вмѣстѣ съ тѣмъ просить *нынѣ же*, не дожидаясь полной ликвидаціи посессионнаго права, снять съ посессионныхъ заводовъ *указанныя въ семь ходатайствъ* ограниченія, находя такую мѣру чрезвычайно важной въ интересахъ промышленности Уральской горной области“.

Такимъ образомъ совѣтъ съзаводъ уральскихъ горнопромышленниковъ является передаточной инстанціей между посессионерами и министромъ при чемъ самое ходатайство налагается въ той редакціи, въ которой оно было формулировано посессионерами. Къ этому ходатайству присоединяется и Совѣтъ съзаводъ, наставляя на томъ, чтобы „нынѣ же“ съ посессионныхъ заводчиковъ были сняты тѣ ограниченія, о которыхъ они упоминаютъ, а снять ихъ „нынѣ же“ послѣдніе просятъ „въ виду сложности, какъ самого вопроса окончательной ликвидаціи посессионныхъ отношеній, такъ и *процедуры проведенія его въ законодательномъ порядкѣ*“.

Къ этому долженъ добавить, что и осенью прошлаго года министръ Философовъ едва ли могъ рассчитывать провести ходатайство посессионеровъ въ порядкѣ 87 статьи, такъ какъ по возвращеніи Философова съ Урала, кажется оставалось до созыва Думы не многимъ болѣе мѣсяца.

вовъ горныхъ, посессионныя заводчики могутъ пользоваться изъ посессионныхъ дачъ рудами металловъ, обложенныхъ горной податью (чугунъ, мѣдь), исключительно для собственнаго заводскаго производства, безъ права продавать эти руды на сторону.

Руды металловъ, не обрабатываемыя посессионерами,—драгоценныя камни и другія ископаемыя посессионныхъ дачъ также воспрещается продавать на сторону.

Лѣсомъ посессионныхъ дачъ владѣльцы ихъ могутъ пользоваться только для дѣйствія собственныхъ заводовъ, опять-таки безъ права продажи его на сторону.

Отъ этихъ ограниченій въ пользованіи дачами посессионеры хотѣли бы избавиться для того, чтобы организовать торговлю произведеніями не принадлежащихъ имъ земель. Изъ будущихъ барышей заводчики обѣщаютъ уплачивать казнѣ за продаваемыя на сторону руды (только тѣхъ металловъ, которые облагаются горной податью, — за остальные руды и ископаемыя платы не предлагается) по $\frac{1}{4}$ к. съ пуда и за лѣсъ по $37\frac{1}{2}$ коп. съ куб. сажени древесины (какъ дровяного, такъ и строевого лѣса). Конечно, получить, на такихъ условіяхъ разрѣшеніе торговать произведеніями казенныхъ земель—перспектива весьма пріятная для заводчиковъ.

Но чѣмъ объяснить ту чрезвычайную поспѣшность, съ которой заводчики пытаются вынудить у казны означенное разрѣшеніе „теперь же“, «не дожидаясь разрѣшенія общаго вопроса о ликвидаціи посессионнаго права»? Это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что законопроектъ о выкупѣ посессионныхъ владѣній уже разработанъ и вскорѣ уже будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственной Думы. Недоумѣніе это разрѣшается соображеніями, которыя высказываютъ сами посессионеры въ специальныхъ совѣщаніяхъ и запискахъ. Они утверждаютъ, что и въ настоящее время права ихъ уже настолько обширны, что далеко превосходятъ «идеальное право собственности казны на эти земли». Между тѣмъ, объемъ правъ посессионеровъ не представляетъ чего-либо неизмѣннаго. При любезномъ содѣйствіи горнаго вѣдомства онъ имѣетъ склонность постоянно увеличиваться, а объемъ правъ казны соотвѣтственно уменьшаться. По мнѣнію же посессионеровъ, чѣмъ болѣе они расширяютъ фактическое пользованіе дачами, тѣмъ прочіе будетъ ихъ позиція въ борьбѣ за возможное уменьшеніе суммы «выкупа».

Разрѣшеніе заводчикамъ наканунѣ ликвидаціи посессионнаго права свободной торговли произведеніями дачъ—было бы, по ихъ мнѣнію, завершеніемъ ихъ завоевательной политики по отношенію къ казенно-посессионнымъ землямъ. Получивъ такое право, они могли бы сказать, что у казны не остается никакихъ правъ на земли, и что, напротивъ, ихъ права заключаютъ въ себѣ всѣ элементы собственности. Очистивъ право владѣнія и пользованія землями отъ всякихъ ограниченій, посессионеры вплотную

приблизятся къ праву собственности, такъ какъ, по ихъ толкованію, право распоряженія дачами они считаютъ принадлежащимъ имъ и въ настоящее время, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Согласно ст. 225, 227 и 228 устава горнаго, они могутъ, съ особаго разрѣшенія горнаго департамента, отчуждать свое право на земли (безъ раздробленія имѣнія) посредствомъ купли-продажи, а также передавать его по наслѣдству. Но если ихъ право владѣнія и пользованія дачами было бы свободно отъ ограниченій, то распоряженіе этимъ правомъ сдѣлалось бы равноцѣннымъ праву распоряженія самымъ имуществомъ.

Пользуясь, при благосклонномъ содѣйствіи подлежащихъ вѣдомствъ, всѣми средствами для расширенія фактическаго пользованія посессионными дачами, заводчики оказываютъ существенное вліяніе на исходъ общаго вопроса о ликвидаціи посессионнаго права. Въ этомъ отношеніи очень серьезнымъ и смѣлымъ шагомъ является залогъ посессионныхъ дачъ въ частныхъ земельныхъ банкахъ. Какъ это ни удивительно, но фактъ на-лицо: *посессионныя земли заложены*, деньги заводчиками получены и, можетъ быть, уже прожиты, а это значитъ, что заводчики собственной властью (конечно, съ вѣдома и разрѣшенія администраціи) впередъ предрѣшаютъ способъ ликвидаціи посессионнаго права. Вотъ что сообщаютъ объ этомъ въ особой запискѣ на имя предсѣдателя совѣщанія по вопросу о выкупѣ посессионныхъ владѣній предстатели 5 посессионныхъ округовъ (Алапаевскаго, В. Исетскаго, Н. Тагильскаго, Омутнинскаго и Сысертскаго):

«Вся (курсивъ мой) посессионные заводскіе округа Урала обременены долгами»... «Въ частности, Нижне-Тагильскій округъ заложенъ въ Нижегородско-Самарскомъ земельномъ банкѣ, который оцѣнилъ округъ въ суммѣ около 7.600.000 рублей. Эта сумма и представляетъ стоимость посессионныхъ правъ владѣльцевъ округа (?), опредѣленную банкомъ (курсивъ мой) и утвержденную министромъ финансовъ (курсивъ мой). При переходѣ же округа въ полную собственность, выше-приведенная оцѣнка подлежала бы увеличенію за тѣ права, которыхъ не хватаетъ посессионерамъ до правъ полной собственности (!), что и было заявлено банкомъ правленію. Ссуда выдана банкомъ въ размѣрѣ 60% оцѣночной суммы»... «Изъ этой суммы 4.180.000 руб. приходится собственно подъ земельныя угодья и 410.000—подъ остальное имущество»...

Тутъ, можно сказать, каждое слово вызываетъ существенное недоумѣніе.

Во 1-хъ, по какому праву посессионерамъ было разрѣшено совершать залоговыя сдѣлки на непринадлежащія имъ земли?

Во 2-хъ, кто предоставилъ Нижегородско-Самарскому земельному банку авторитетно опредѣлять стоимость правъ посессионеровъ на земли?

Въ 3-хъ, по какимъ основаніямъ министръ финансовъ утвердилъ опредѣленную банкомъ оцѣнку этихъ правъ и, такимъ образомъ, допустилъ предрѣшеніе общаго вопроса о ликвидаціи посессионнаго права, подлежащаго разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ?

Въ 4-хъ, кто уплатитъ казнѣ взятыя изъ банка и прожитыя посессионерами деньги въ томъ случаѣ, если, вопреки предположеніямъ министра, земельного банка и заводчиковъ, посессионныя земли рѣшено будетъ передать безвозмездно въ казну, а также и въ томъ случаѣ, если оцѣнка правъ посессионеровъ при ликвидаціи окажется дешевле стоимости ихъ, опредѣленной банкомъ и утвержденной министромъ?

Конечно, удовлетворительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы ждать не приходится, потому что ихъ нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ, дѣло сдѣлано и посессионеры уже пытаются воспользоваться этимъ фактомъ для укрѣпленія своей позиціи. Цитируемое сообщеніе они заканчиваютъ торжествующими словами: *«по этимъ воображеніямъ для Тагильскаго округа проектируемый способъ прекращенія посессіи на условіи безвозмезднаго перехода фактически примененъ быть не можетъ»*. (Курсивъ мой).

Въ этой замѣткѣ я не вхожу въ подробную юридическую оцѣнку посессионнаго права. Скажу только, что это право не имѣетъ подъ собой такой юридической почвы и такихъ историческихъ основаній въ прошломъ, чтобы ликвидація его была сопряжена съ обязательнымъ вознагражденіемъ посессионеровъ. Если же ликвидація посессионнаго права затянется еще на нѣсколько лѣтъ, то безвозмездное возвращеніе этихъ земель въ казну совершится само собой, потому что большинство заводовъ, по всей вѣроятности, долго не продержится и производство ихъ будетъ прекращено, а въ этомъ случаѣ, по существующему закону, земли отбираются въ казну, если заводское дѣйствіе не будетъ возобновлено въ теченіе 3 лѣтъ.

И. Сиговъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Борисъ Лазаревскій. Разказы. Книгоиздательство «Еос». Сиб. 1908. Стр. 288. Ц. 1 р.

Года полтора назадъ по случаю выхода второго тома разсказовъ г. Лазаревскаго, нашъ журналъ имѣлъ случай дать общую оцѣнку этого очень небольшого и несамостоятельнаго, но несомнѣннаго дарованія. Новый сборникъ не только подтверждаетъ эту оцѣнку; онъ съ какой-то особенной, чуть не вызывающей настойчивостью, подчеркиваетъ тѣ черты, которыя никакъ нельзя было отнести въ активъ молодого писателя. То же внѣшнее, наивное подражаніе Чехову, подражаніе во всемъ—отъ темъ до настроеній, отъ образовъ до міровоззрѣнія; то же изысканное извнѣ, но безпомощное по существу вниманіе къ мелочамъ, которыя должны быть по замыслу страшно выразительны, но на самомъ дѣлѣ сплошь незначительны и поверхностны; та же растянутасть, та же замѣтна психологій физиологіей, тѣ же острые по замыслу и скучные по шаблонности намеки на женское естество, то же неумное самодовольство скептически философствующихъ пошляковъ, которыхъ авторъ безуспѣшно пытается поднять на нѣкій пьедесталь.

Все это въ новомъ сборникѣ отчетливѣе и тягостивѣе, чѣмъ въ прежнихъ. Прежде г. Борисъ Лазаревскій повторялъ Чехова, теперь онъ повторяетъ себя. Чехова онъ имитировалъ, себя онъ переписываетъ. Тамъ это было скучно, здѣсь это тоскливо.

Все то же, все то же. Тамъ героиня «застегивала кофточку такъ, чтобы при дыханіи видно было кружево сорочки и кусочекъ тѣла» («Ученица»); здѣсь «ея халатъ немного распахнулся. Было видно кружево сорочки, обнаженное плечо и часть груди» («Берегъ»). Тамъ героинѣ нравилось, что, когда она высоко взлетаетъ на гигантскихъ шагахъ, восьмиклассники смотрятъ на ея ноги; здѣсь Любочка, лежа на пескѣ предъ гимназистомъ Мишей «положила ногу на ногу такъ, что даже виденъ былъ кусочекъ кружева на ея панталонахъ». И тамъ, и здѣсь неоднократно описаніе того, какъ женщины купаются, а мужчины на нихъ смотрятъ; и женщины всегда стараются показать побольше, но не все, а у мужчинъ кружится голова отъ «художественнаго» волненія. Одинъ образъ неизмѣнно владѣетъ г. Борисомъ Лазаревскимъ: женщина, физически привлекательная, тупая, ничтожная и холодная, соблазняетъ для игры, отдается не до конца, а злополучный самецъ, мечтательный и нѣжный, изнываетъ отъ незавершеннаго возбу-

жденія. И все это—въ тѣхъ же формахъ, съ тѣми же приемами въ тѣхъ же словахъ; напередъ знаешь, что барышня зазоветъ къ себѣ въ комнату молодого человѣка, окажется не совсѣмъ одѣтой, онъ не утерпитъ, «прикоснется», она «позволитъ»,—а потомъ, потому ничего не будетъ; онъ захочетъ еще, а она его прогонитъ—пошло и грубо.

Однимъ изъ такихъ страдальцевъ является герой разсказа «Одинокій», художникъ Литвицкій, малый не плохой, съ благими намѣреніями и, быть можетъ, съ искоркой таланта, но невыразимо самодовольный. Судя по тому, что авторъ окружающихъ Литвицкаго старается изобразить невыносимыми пошляками, а герою своему доставляетъ возможность одерживать надъ этими радикальными тупицами легкія побѣды, можно думать, что Литвицкій его симпатія и даже его *porte parole*. Это печально. Можно только удивляться, можно, впрочемъ, и не удивляться, какъ г. Борисъ Лазаревскій не разглядѣлъ непроходимой пошлости своего героя. Дѣло совсѣмъ не въ его мировоззрѣніи, неопредѣленно-благожелательномъ, грустно-скептическомъ, и не въ его настроеніи, пассивномъ, задумчивомъ, ищущемъ. Дѣло въ тѣхъ формахъ, въ которыя отливаются эти воззрѣнія миленькаго и ничтожнаго агностика. О философской глубинѣ его воззрѣній можно судить хотя бы по такому его размышленію: «Конечно, можетъ быть, я дуракъ, и несомнѣнно, что Карлъ Марксъ былъ величайшимъ изъ людей, но такъ же несомнѣнно, что Марксъ только рабобралъ и формулировалъ уже созданное, но самъ не создалъ ничего... потому что онъ человѣкъ... вотъ такъ, какъ и тѣ, которые сумѣли заключить электричество въ прожекторъ и теперь свѣтятъ имъ изъ Кронштадта сюда, но ни одинъ изъ нихъ не создалъ этого электричества и не знаетъ даже, что оно такое». Зіяющей глубинѣ этой философской бездны соответствуетъ, конечно, и общественное глубокомысліе скептическаго Кифы Мокіевича. Когда туповатый докторъ указываетъ ему, что обновлять человѣчество по его рецепту индивидуальной личной морали все равно что лѣчить дифтеритнаго больного валеріановыми каплями и совѣтуетъ ему «вмѣсто того, чтобы болтать пустяки, лучше узнать о русскихъ политическихъ партіяхъ и ихъ цѣляхъ», Литвицкій возмущается. «Я знаю,—возражаетъ онъ,—что всякая партія состоитъ изъ людей, формулировавшихъ такъ или иначе свои принципы. Я знаю также, что люди, какіе бы они ни были, не могутъ дѣлать только одно добро. Значитъ, въ каждой партіи есть и зло». Много было высказано доводовъ противъ партій и партійности; и не всѣ среди этихъ доводовъ лишены основательности. Но аргументъ Литвицкаго поражаетъ своей глубиной: вотъ оно какъ просто. Немудрено, что въ концѣ лѣта, проведеннаго на дачѣ, Литвицкому «пришло въ голову, что онъ, человѣкъ сравнительно мало образованный, видитъ и знаетъ то, что непонятно

для людей много читающихъ и много знающихъ». Правда, послѣ многократныхъ дачныхъ споровъ, «женщины пришли къ заключенію, что Литвицкій просто глупый человѣкъ». Но г. Лазаревскій несогласенъ съ бабами, и его Литвицкій, какъ бы въ отместку и съ обычной глубиной прозрѣнія размышляетъ: «Онъ вотъ, какъ убѣжденные монахины, ненавидятъ въ себѣ чувственность, считая ее зломъ, которое мѣшаетъ работать. Но всетаки у каждой изъ нихъ были моменты, когда она трепетала въ объятіяхъ того, кого любила и забывала, что былъ на свѣтѣ Карлъ Марксъ и что огромному большинству людей живется невыносимо тяжело»... И въ этому, можно сказать, апофеозу пошлости, авторъ, уже отъ себя, прилагаетъ одобрительную сентенцію. «Непремѣнно были!»—подтверждаетъ въ заключеніе г. Лазаревскій.

Въ статьѣ «Памяти Чехова», напечатанной въ «Литературномъ календарѣ-альманахѣ», г. Борисъ Лазаревскій передаетъ свои споры о покойномъ писателѣ. Одинъ «выдающійся нашъ публицистъ», «серьезный ученый, но далекій отъ художественнаго творчества», убѣждалъ его, что «Чеховъ навѣки скомпрометировалъ себя тѣмъ, что писалъ въ «Новомъ Времени». Позиція, занятая «выдающимся публицистомъ» настолько нелѣпа, что пахнетъ карикатурой; вѣроятно, въ дѣйствительности, указанія его были и тоньше, и серьезнѣе. Во всякомъ случаѣ, его противникъ могъ, напримѣръ, указать, какъ несущественно для любящаго читателя это печальное напоминаніе о политической незрѣлости предъ лицомъ громаднаго художественнаго наслѣдія Чехова. Г. Лазаревскій избралъ иной путь. Онъ «старался доказать, что газета эта въ тѣ времена еще не поклонялась силѣ и не проповѣдывала походовъ противъ всего, хотя бы и справедливаго, но ей невыгоднаго, что Чеховъ писалъ тамъ не статьи о необходимости давить ближняго, а рассказы и чуть ли не въ каждомъ изъ нихъ подчеркивалъ великія слова: «Нѣсть эллинъ, ни іудей». Г. Борисъ Лазаревскій жалуется, что публицистъ «былъ неумолимъ и только отмахивался рукой». Намъ представляется, что онъ это дѣлалъ изъ человѣколюбія и деликатности. Иначе ему пришлось бы отправить пылкаго поклонника Чехова къ тѣмъ годамъ «Новаго Времени», когда въ газетѣ печаталась, напримѣръ, «Тина» Чехова; пришлось бы также объяснить нѣкоторыя элементарныя вещи, которыя всегда неловко объяснять взрослому человѣку. «Приходилось мнѣ также не одинъ разъ слышать обвиненіе Чехова въ юдофобствѣ. Но эти обвинители въ большинствѣ случаевъ сейчасъ же умолкали, какъ только имъ напоминали, что Исаакъ Левитанъ былъ другомъ Чехова, что Чеховъ написалъ «Скрипку Ротшильда», что Чеховъ съ огромнымъ мастерствомъ и чуткой любовью нарисовалъ великолѣпнаго человѣка—еврея, сжигающаго ассигнаціи, чтобы не быть ихъ рабомъ». И здѣсь эти споры кажутся продолженіемъ споровъ, которые нелѣпо велись на дачѣ

подъ Петербургомъ въ разсказѣ «Одинокій» и аргументы г. Бориса Лазаревскаго удивительно похожи на аргументы Литвицкаго. «Мужчины рѣшили, что онъ недостаточно образованъ, но если будетъ больше читать по соціологіи, то можетъ сдѣлаться полезнымъ. Самъ же онъ чувствовалъ, что никогда не измѣнится».

Намъ остается только пожалѣть объ этомъ.

Западные сборники. Книга первая. Пер. съ нѣм. М. Кадишъ. Изд. „Современныя проблемы“. М. 1908. Стр. 301. Ц. 1 р.

Сѣверные сборники. Книга вторая и третья. Изд. „Шиповника“. Спб. 1908. Стр. 600. Ц. 1 р. 50 к.

Сборники переводной беллетристики сдѣлались излюбленной формой новыхъ издательскихъ «выступленийъ». Всѣ они общають знакомить съ лучшими образцами, обозрѣть, охватить, систематизировать, но по существу ни въ одномъ изъ нихъ не чувствуется твердая рука образованнаго редактора, который бы дѣйствительно зналъ матеріалъ, изъ коего надлежитъ выбирать, имѣлъ вкусъ для выбора и возможность проявить этотъ вкусъ. Случайностью запечатлѣны всѣ эти беллетристическіе сборники—западные, сѣверные, молодые и какъ они тамъ еще называются. Не знаешь, что собственно подлежитъ въ нихъ собранію, что будетъ въ слѣдующемъ томѣ, кого отважные составители включать, кого забудутъ, кого обойдутъ по незнанію. Книгопродавческой успѣхъ эти сборники, вѣрно, имѣютъ, и оно понятно: они берутъ у западныхъ писателей дѣйствительно литературныя произведенія и дѣлають изъ нихъ матеріалъ для легкаго чтенія. Поэтому они никого ни съ чѣмъ не знакомятъ: возьметъ лѣнивый читатель такую книжку, разрѣжетъ ее пальцемъ, прочтетъ переводный разсказъ — и на завтра смѣшаетъ имя его автора съ сотней другихъ.

Лежащій предъ нами «Западный» сборникъ не хуже другихъ. Хорошо уже то, что онъ посвященъ современной нѣмецкой литературѣ, которая извѣстна у насъ менѣе другихъ, а между тѣмъ заслуживаетъ вниманія. Ужъ больше четверти вѣка, какъ жизнь ея, оторвавшись отъ прежняго органическаго спокойствія, запечатлѣна энергичнымъ броженіемъ. Въ этомъ броженіи иноземныя вліянія играли могучую роль: и Зола и Верленъ, и І. П. Якобсенъ и Ибсенъ, и Толстой и Горькій, и Уитманъ и Уайльдъ—«всѣ побывали тутъ»; но—какъ и слѣдовало ожидать—сильная національная литература осталась національной. Она выдвинула рядъ писателей, которыхъ никто не назоветъ подражателями, она выставила новые эстетическіе девизы и въ области «областного искусства», котораго требовалъ духъ времени, дала рядъ интересныхъ произведеній. Она углубилась въ то время, какъ французская литература сдѣлалась болѣе плоской. Французы шеголяютъ

формой и морализуютъ въ содержаніи; нѣмцы совершенствуютъ форму и даютъ идейное содержаніе: въ этомъ разница.

Изъ нѣмецкихъ беллетристовъ послѣдняго времени первый «Западный сборникъ» выбралъ не лучшія имена и представилъ ихъ не лучшими произведеніями. Феликсъ Голлендеръ—фигура весьма второстепенная, Гансъ фонъ-Каленбергъ—тоже блюдо болѣе острое, чѣмъ питательное, Иоганнъ Шлафъ принадлежитъ прошлому и, конечно, гораздо болѣе характеренъ въ своихъ произведеніяхъ конца восьмидесятыхъ годовъ; Гуго фонъ-Гофмансталь силенъ въ драмѣ и незначителенъ въ новеллѣ, особенно въ той, которую выбрали составители сборника; еще болѣе неудачно сдѣланъ выборъ изъ Т. Майна, въ «Тристанѣ» котораго есть великолѣпныя вещицы.

Переводъ едва сносенъ; быть можетъ, переводчику понятно, какимъ образомъ «Бендлерштрассе (то есть улица) является однимъ изъ самыхъ аристократическихъ кварталовъ Берлина», но читатель имѣетъ право на большее вниманіе къ нему, да и русскій языкъ тоже.

Къ нѣмецкой литературѣ можетъ быть въ значительной долѣ отнесенъ и Ола Гансонъ, рассказы котораго, объединенные въ циклѣ «Sensitiva amogosa», вошли въ новый «Сѣверный сборникъ». Ола Гансонъ—какъ Сѣрошевскій—принадлежитъ двумъ литературамъ, и нѣмецкіе рассказы его не считаются переводомъ. Но, по правдѣ, обьемъ литературамъ онъ далъ не такъ уже много, чтобы въ его включеніи въ «Сѣверные сборники» чувствовалась внутренняя необходимость. Скандинавскія литературы такъ богаты, живой интересъ къ нимъ такъ достоинъ систематическаго удовлетворенія, такъ нуждается въ упорядоченіи, что жаль уже съ самаго начала видѣть случайность тамъ, гдѣ такъ полезна и важна была бы серьезная система. Мы взывали къ этой системѣ въ отзывѣ о первомъ «Сѣверномъ сборникѣ» — и, быть можетъ, отвѣтомъ на этотъ призывъ былъ длинный списокъ скандинавскихъ писателей, напечатанный въ проспектѣ издательства, какъ предполагаемый составъ «сборниковъ». Но этого мало; содержаніе ихъ остается случайнымъ. Въ первомъ сборникѣ каждому изъ включенныхъ авторовъ была посвящена статья; здѣсь объ Ола Гансонѣ читатель уже не узнаетъ ничего. Роману Кнута Гамсуна «Мистерія», правда, предпослана статья г. Куприна объ авторѣ «Пана»; но этотъ живой импрессионистскій очеркъ интересенъ, какъ самостоятельное литературное произведеніе, какъ матеріалъ для характеристики Куприна, а не какъ средство къ полному знакомству съ Гамсуномъ. Достаточно указать, что въ послѣднихъ строкахъ своего очерка г. Купринъ говоритъ: «Я ничего не знаю изъ біографіи Кнута Гамсуна, да и нахожу, что лишнее для читателя путаться въ мелочахъ жизни писателя, ибо это любопытство вредно, мелко и пошло». Однако, не всякая біографія писателя состоитъ изъ мелочей—и не всякое вниманіе читателя къ мелкимъ біографическимъ

фактамъ вредно, мелко и пошло. Не иначе думаетъ и самъ г. Купринъ, который въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ рассказываетъ и о вещацахъ, которыя стояли у покойнаго писателя на столѣ, и о животныхъ, жившихъ у него во дворѣ: «Журавль былъ важная, степенная птица. Къ людямъ онъ относился вообще недовѣрчиво, но велъ тѣсную дружбу съ Арсеніемъ, слугой Антона Павловича... Одну собаку звали «Тузинеъ», а другую—«Каштанъ»... Ничѣмъ, кромѣ глупости и лѣности, этотъ Каштанъ не отличался. По внѣшнему виду онъ былъ толстъ, гладокъ и неуклюжъ, свѣтлошоколаднаго цвѣта, съ бессмысленными, желтыми глазами»... Очевидно, есть мелочи и мелочи. Есть подробности, вводящія въ бытовую и психическую атмосферу творчества писателя, способствующія его пониманію; есть литературныя свѣдѣнія, которыя хотѣлось бы видѣть въ изданіи такого характера, какъ «Сѣверные сборники». Аналогичное нѣмецкое изданіе болѣе сжато, но систематично—тамъ въ одной книгѣ представлены четыре скандинавскія литературы; есть справочная статья о каждомъ писателѣ, есть его портретъ.

Романъ, которымъ представленъ въ сборникѣ Кнутъ Гамсунъ, не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ норвежскаго писателя, но характеренъ для его манеры и мировоззрѣнія. Достоевскій остро чувствуется въ этомъ мучительствѣ любящаго, въ этомъ надрытвѣ сложности, въ этой неизбѣжности душевныхъ взрывовъ, прикрытой натянутымъ безразличіемъ непринужденной болтовни. Ставрогинъ, несомнѣнно, страдался на агрономѣ Нагелѣ, героѣ «Мистеріа», и съ этой стороны русскаго читателя особенно заинтересуетъ умный, родственныи и тягостно-увлекательный романъ Кнута Гамсуна.

Германъ Зудерманъ. Розы. Четыре одноактныхъ пьесы. Перев. О. Н. Чуминой. Спб. 1908. Стр. 224. Ц. 75 к.

Мюнхенскій издатель Гансъ фонъ-Веберъ, издающій, между прочимъ, и произведенія нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ писателей изъ группы «Скорпіона», предлагаетъ желающимъ свой шикарный каталогъ, гдѣ по поводу сборника г. Валерія Брюсова «Die Republik des Südkreuzes» говорится слѣдующее: «Знатоки русской литературы знаютъ и скорбятъ о томъ, что, оставляя въ сторонѣ большія имена, какъ Толстой и Достоевскій, его представителями у насъ (въ глазахъ нѣмецкихъ читателей) являются Горькій, Короленко и имъ подобные, коихъ съ художественной точки зрѣнія нельзя брать въ серьезъ: все равно, какъ если бы лучшее, что есть у насъ, было представлено русскимъ читателямъ въ видѣ Зудермана или Геца Крафта. Новѣйшіе русскіе писатели почти неизвѣстны у насъ, между тѣмъ, какъ среди нихъ есть художники наипервѣйшаго разряда (allerersten Ranges), каковы Соллогубъ, Брюсовъ, Гишпіусъ, Бальмонтъ, Блокъ».

Нѣмецкій декадентскій издатель едва-ли читалъ нашихъ модернистовъ, и высокую оцѣнку этихъ русскихъ геніевъ, вѣроятно, получилъ отъ ихъ представителя въ готовомъ видѣ; они привыкли причислять другъ друга къ «наипервѣйшему разряду». Если бы нѣмецъ читалъ ихъ, то онъ, вѣрно, нашелъ бы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ гораздо больше существеннаго сходства съ Зудерманомъ, чѣмъ это представляется имъ самимъ; да и «Гецъ Крафтъ», бойкій, шаблонный романъ, раздутый рекламой и ею же загубленный, лишь внѣшнимъ образомъ является какъ бы отраженіемъ новыхъ теченій, по существу же такъ же надуманъ, такъ же продиктованъ толпой, какъ и значительная доля нашего «модерна».

Зудерманъ у литературныхъ нѣмцевъ—писатель конченный. Онъ въ самомъ дѣлѣ опротивѣлъ всѣмъ своей дешевой смѣлостью, своей сахарной тенденціозностью, своей плоской шумливостью. У него нѣтъ серьезнаго содержанія, нѣтъ устойчивости, нѣтъ темперамента. Онъ холоденъ, какъ ледъ, и рационаленъ, какъ пишущая машина: весьма вульгарный и весьма умѣлый писатель, вродѣ г-жи Зинаиды Гиппіусъ. Она умнѣе; онъ талантливѣе.

Его новѣйшая тетралогія «Розы»—блестящій образецъ того, что его родичи называютъ «Маске»: искусственнаго продукта, симулирующаго творчество. Сдѣланы эти четыре одноактные пьески превосходно: каждая полна драматическаго движенія, каждая спецична въ высокой степени, въ каждой есть отчетливыя фигуры, судьба и личность которыхъ должна занять театральнаго зрителя. Есть пафосъ и кровь трагедій, есть юморъ и грусть сентиментальной комедіи, есть грубость первобытнаго темперамента, есть тонкость современной женской души, есть проблемы и есть идея—все, на что предъявляетъ опросъ интеллигентный рынокъ. Пьески объединены внѣшнимъ образомъ: въ каждой играютъ какую-нибудь роль розы; при извѣстной выдумкѣ, къ которой такъ склонно нынѣ глубокомысліе философствующей критики, не трудно за этой внѣшней связью открыть болѣе интимныя нити, связующія четыре пьески въ идейную тетралогію. Но нѣтъ нужды производить эти эксперименты глубокомыслія надъ тѣмъ, что по существу боится мысля, хотеть быть только удобнымъ, занятнымъ, сценичнымъ, что хотеть прежде всего быть «легкимъ чтеніемъ», и именно потому производить тяжелое впечатлѣніе.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе товарищества «Бр. А. и И. Гранатъ и К^о.». Выпускъ 1—7. Стр. 1—560. Спб. 1907.

Издаваемая товариществомъ бр. Гранатъ «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ» представляетъ собою большой коллективный трудъ, въ основу котораго положена широкая и разносторонняя программа. Вышедшіе до сихъ поръ семь выпусковъ этого труда заключаютъ въ себѣ почти всю первую часть предполагаемаго изданія, охва-

тывающую исторію Россіи за время первой половины XIX столѣтія. Въ эти выпуски вошли статьи М. Н. Покровскаго, посвященныя характеристикѣ общаго состоянія Россіи въ концѣ XVIII вѣка, Павлу I, Александру I, декабристамъ (эта послѣдняя статья написана г. Покровскимъ въ сотрудничествѣ съ г. Левинымъ) и внѣшней политикѣ Россіи въ первые десятилѣтія XIX вѣка, статьи Н. А. Рожкова объ экономическомъ развитіи Россіи за данный періодъ времени и о финансовой реформѣ Канкрина, статья А. А. Кизеветтера—о внутренней политикѣ въ царствованіе Николая I, М. М. Богословскаго—о государственныхъ крестьянахъ при Николаѣ I, З. Ленскаго—о Польшѣ, К. И. Ландера—о Прибалтійскомъ краѣ, И. Н. Бороздина—о русскихъ университетахъ, П. Н. Сакулина—о русской литературѣ до Пушкина и во второй четверти вѣка и Е. В. Аничкова—о Пушкинскомъ періодѣ.

Большинство перечисленныхъ статей представляетъ серьезный интересъ по своему содержанію и вмѣстѣ съ тѣмъ по изложенію вполне доступно для широкихъ слоевъ читающей публики. Но наряду съ этимъ уже одинъ перечень участниковъ изданія можетъ показать всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ нашими литературными направленіями, что въ настоящемъ изданіи онъ не встрѣтитъ единства общей точки зрѣнія и столкнется, наоборотъ, съ серьезными разногласіями различныхъ авторовъ въ оцѣнкѣ историческаго процесса. Въ большомъ историческомъ трудѣ, осуществляемомъ коллективными силами ряда писателей, такого рода разногласія, конечно, почти неизбежное явленіе. Нельзя не отмѣтить, однако, что въ разбираемомъ трудѣ подобныя разногласія выходятъ далеко за предѣлы желательнаго, настолько далеко, что вся книга въ сущности обращается въ рядъ отдѣльныхъ этюдовъ, очень мало связанныхъ, чтобы не сказать, вовсе не связанныхъ, другъ съ другомъ. И взаимная несогласованность этихъ этюдовъ тѣмъ больше бьетъ въ глаза, чѣмъ рѣзче подчеркиваютъ свои исходныя точки зрѣнія отдѣльные авторы. А между тѣмъ большинство послѣднихъ какъ разъ старательно выставляетъ на видъ свои общіе взгляды, въ значительной мѣрѣ даже подчиняя этой цѣли свое фактическое изложеніе.

Видное мѣсто въ вышедшихъ семи выпускахъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» занимаютъ, какъ по своему объему, такъ и по интересу связанныхъ съ ними темъ, статьи М. Н. Покровскаго. Онѣ написаны живо и ярко, авторъ использовалъ въ нихъ немалое количество свѣжаго матеріала, и въ даваемомъ ими изображеніи различныхъ частныхъ эпизодовъ русской исторіи первой половины XIX вѣка читатель встрѣтитъ немало новыхъ наблюденій и остроумныхъ замѣчаній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общая точка зрѣнія автора страдаетъ чрезмѣрной искусственностью, заставляющей его представлять ходъ историческаго процесса въ черезчуръ упрощенномъ видѣ и сводитъ свое изложеніе къ узкой схемѣ, слишкомъ часто

оказывающейся своего рода Прокрустовымъ ложемъ для историческихъ фактовъ. Стоя на почвѣ теоріи, согласно которой «государство есть организациа классоваго господства», г. Покровский во всемъ своемъ изложеніи ищетъ по преимуществу иллюстраціи къ этой теоріи. И онъ находитъ ихъ тѣмъ легче, что самую теорію онъ понимаетъ чрезвычайно просто и прямолинейно, а факты, не укладывающіеся въ ея рамки, по-просту подчиняетъ ей или же сбрасываетъ со счетовъ. Благодаря этому, его выводы нерѣдко получаютъ крайне произвольный и натянутый характеръ и порой стоятъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ его же собственнымъ рассказомъ. Давно установленный и ни въ комъ изъ историковъ не возбуждающій сомнѣнія фактъ, что въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣковъ политика русскаго правительства въ весьма значительной мѣрѣ находилась подъ воздѣйствіемъ дворянства и обслуживала интересы дворянскаго класса, подъ перомъ г. Покровскаго принимаетъ новыя и гораздо болѣе рѣшительныя очертанія. Въ глазахъ г. Покровскаго всѣ явленія внутренней и вѣншей жизни русскаго государства въ данную эпоху объясняются исключительно интересами дворянства. И, съ строгой послѣдовательностью примѣняя эту точку зрѣнія ко всѣмъ историческимъ событіямъ, онъ не останавливается передъ самыми неожиданными выводами, вплотную подводящими его къ своего рода исторической метафизикѣ.

«Между *сущностью* государственной власти, какъ она сложилась въ Россіи къ концу восемнадцатаго вѣка, и ея *формой*,—говоритъ г. Покровский, объясняя событія царствованія Павла,—рано или поздно должно было возникнуть непримиримое противорѣчіе. Власть должна была выражать интересы *класса*, но она была въ рукахъ *лица* и по необходимости отражала вкусы, настроенія и даже капризы этого лица» (21; курсивъ автора). Въ дѣйствительной жизни противорѣчіе существовало, конечно, не между абстрактнымъ долженствованіемъ и реальнымъ фактомъ, а между двумя одинаково конкретными процессами общественной жизни. Но признать это значило бы отступить отъ той теоріи, кажущаяся стройность которой такъ увлекаетъ г. Покровскаго. И если вѣрность этой теоріи заставляетъ г. Покровскаго закрывать глаза на истинный смыслъ историческаго процесса, то она же позволяетъ ему передавать отдѣльные моменты этого процесса въ совершенно неправильномъ освѣщеніи. Давъ яркую характеристику безумной тиранніи Павловскаго царствованія, авторъ вслѣдъ затѣмъ, неожиданно для читателя, изображаетъ убійство Павла, какъ актъ, порожденный исключительно классовыми интересами дворянства, актъ «мести господствующаго и привилегированнаго класса за попытку коснуться грубой рукой его интересовъ и привилегій» (28), а самого Павла опредѣляетъ, какъ «прогрессиста, хотя и безсознательнаго, хотя въ дикой и нелѣпой формѣ» (31). Съ дворянскими же интересами связываетъ авторъ и

всю политику правительства Александра I, не исключая преобразовательных планов Сперанскаго, и движеніе декабристовъ. И опять-таки въ этихъ случаяхъ дѣйствительные историческіе факты въ изложеніи г. Покровскаго нерѣдко отступаютъ куда-то въ сторону, а авторъ, увлеченный своей схемой, рисуетъ картину, имѣющую весьма мало общаго съ ними. Такъ, напримѣръ, по его словамъ, Государственному Совѣту 1810 г. «предоставлялось все то, что въ конституціонныхъ государствахъ предоставляется собранію народныхъ представителей» (55), и, стало быть, если вѣрить г. Покровскому, въ Россіи уже въ 1810 г. была введена конституція. Что касается декабристовъ, то авторъ готовъ даже опредѣлить ихъ идеологию, какъ «буржуазную», только «понимая это слово въ широкомъ смыслѣ». «Если, говоритъ онъ, — «буржуазный» значитъ «не пролетарскій», едва-ли можно спорить, что декабристы являются типичными представителями буржуазнаго міросозерцанія» (102). Но въ томъ-то и дѣло, что «не-пролетарскій» вовсе не значитъ еще «буржуазный». Проводить знакъ равенства между этими двумя понятіями было бы неудобно въ политическомъ памфлетѣ и, казалось бы, еще менѣе удобно дѣлать это въ историческомъ изслѣдованіи. Въ сущности и самъ г. Покровскій, повидимому, чувствуетъ это и въ дальнѣйшемъ изложеніи уже не пытается обращать декабристовъ въ буржуазію, но зато тѣмъ настойчивѣе сводитъ всѣ ихъ идеи въ борьбѣ за «права дворянства». Декабристы, по его характеристикѣ, это «обиженный самодержавіемъ дворянинъ» и «движеніе декабристовъ было въ сущности дворянскимъ движеніемъ». До нѣкоторой степени выдѣляя изъ этой общей характеристики Пестеля, г. Покровскій, однако, и въ немъ ухитряется найти чисто дворянскія тенденціи. «Какъ буржуа-якобинцы, — говоритъ онъ — сознавая всю необходимость экономическаго равенства для проведенія въ жизнь своей системы, никогда не имѣли духа коснуться «священной собственности» и въ послѣднюю минуту всегда въ ужасѣ отпатывались отъ зловѣщаго призрака «аграрнаго закона», — такъ и дворянинъ-Пестель не могъ себя представить Россіи не опекаемой просвѣщенными дворянами, не могъ себя представить Россіи, гдѣ огражденіе помѣщичьихъ интересовъ не стояло бы на первомъ планѣ» (103, 104, 109, 116). Стоитъ припомнить аграрную программу Пестеля, сводившуюся къ неполной, правда, но все же къ націонализаціи земель, чтобы вполне ясно представить себя, насколько произвольна и натянута подобная характеристика. Но по существу немногимъ менѣе произвольна и общая характеристика, даваемая г. Покровскимъ всему движенію декабристовъ, и самое появленіе ея можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что авторъ, забывъ основныя правила историческаго изслѣдованія, разбираетъ планы декабристовъ, какъ и планы Сперанскаго, внѣ условій мѣста и времени, стараясь не столько вскрыть въ нихъ, сколько наложить на нихъ возможно болѣе явственный отпе-

чатокъ классовыхъ интересовъ. И это стремленіе къ своего рода развѣнчанію декабристовъ увлекаетъ г. Покровскаго такъ далеко, что онъ даже въ разсказѣ о слѣдствіи надъ ними до чрезвычайности сгущаетъ краски и допускаетъ серьезныя неточности. Известно, что большинство декабристовъ на допросахъ давали чрезвычайно откровенныя показанія. Г. Покровскій приписываетъ такое поведеніе всѣмъ декабристамъ и квалифицируетъ его самымъ рѣзкимъ образомъ. Говоря о допросахъ, какіе производилъ декабристамъ самъ Николай, г. Покровскій замѣчаетъ: «кажется, никто не сумѣлъ уйти изъ его цѣпкихъ рукъ, не давши ему откровенныхъ признаній, исключая развѣ Лунина». Уже на слѣдующей страницѣ ему приходится прибавить къ Лунину Якушкина, но это нисколько не мѣшаетъ ему еще черезъ три страницы написать: «однимъ словомъ, декабристы во время дознанія съ головою выдавали другъ друга и проявили слишкомъ мало самой простой челоуѣчности и порядочности. Изъ всѣхъ показаній выдѣляются лишь отвѣты Пестеля» (180, 131, 134). Къ Лунину, Якушкину и Пестелю г. Покровскій могъ бы прибавить еще Розена и нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ, но тогда изображаемая имъ картина потеряла бы ту однотонность, которая такъ соотвѣтствуетъ искусственной упрощенности его исторической схемы. Въ конечномъ итогѣ эта упрощенность схемы, въ которую авторъ насильственно втискиваетъ историческія событія, и соотвѣтствующая ей монотонность изображенія въ весьма значительной мѣрѣ обезцѣвываютъ статью г. Покровскаго.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи полную аналогію съ ними представляютъ статьи г. Рожкова. Но если статьи г. Покровскаго все же выгодно выдѣляются своимъ живымъ изложеніемъ и даютъ вдумчивому читателю большой матеріалъ, благодаря знакомству съ которымъ онъ можетъ порой уберечься отъ нѣкоторыхъ увлеченій автора, то статьи г. Рожкова свободны и отъ этихъ достоинствъ. Вяло и скучно написанныя, бѣдныя фактическими свѣдѣніями, но переполненныя мало обоснованными предположеніями, онѣ представляютъ собою шаблонное развитіе марксистской схемы эволюціи русскаго народнаго хозяйства, при чемъ авторъ иллюстрируетъ свое изложеніе единичными примѣрами, произвольно выбранными и заключающими въ себѣ весьма мало убѣдительности.

Иной характеръ имѣетъ статья г. Кизеветтера, посвященная внутренней политикѣ Николаевскаго царствованія. Въ этой статьѣ опять-таки собранъ большой и интересный матеріалъ. Въ использовании же его авторъ пошелъ путемъ, совершенно противоположнымъ тому, какой избралъ для себя г. Покровскій, но въ свою очередь едва-ли правильнымъ. Если г. Покровскій стремится къ черезчуръ упрощенному объясненію историческаго прошлаго, то г. Кизеветтеръ не столько объясняетъ это прошлое, сколько критикуетъ его. Навязавъ правительству Николая I мысли о «разрѣ-

шеніи крупныхъ государственныхъ проблемъ», о «подготовкѣ социальныхъ преобразованій» и даже о «выполненіи выставленной декабристами программы преобразованій», онъ затѣмъ весьма убедительно доказываетъ, что всѣ эти задачи не могли быть выполнены при помощи одного бюрократическаго механизма, безъ содѣйствія «общественныхъ силъ». Временами, однако, г. Кизеветтеръ самъ проговаривается, что по существу на правительствѣ Николая I, ни самъ Николай никогда серьезно не помышляли о проведеніи въ русскую жизнь какихъ-либо крупныхъ преобразованій, всего менѣе—преобразованій социальныхъ, и читателю остается только пожалѣть, что историкъ не отягчилъ болѣе тщательно словъ отъ дѣла и тратилъ силы на доказательство бесспорныхъ положеній вмѣсто того, чтобы дать анализъ историческаго прошлаго. До нѣкоторой степени та же тенденція сказывается и въ статьѣ г. Богословскаго о государственныхъ крестьянахъ при Николаѣ I. Авторъ даетъ въ этой статьѣ весьма обстоятельное изложеніе реформъ, произведенныхъ Николаемъ въ дѣлѣ управленія государственными крестьянами, но сравнительно мало говоритъ о жизни самихъ крестьянъ.

Совершенно особнякомъ стоятъ въ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» статьи, посвященныя исторіи окраинныхъ провинцій. Большая статья г. Ленскаго, написанная очень живо и интересно, даетъ читателю яркую и умѣло изображенную картину польской жизни въ теченіе трехъ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Статья г. Ландера, трактующая о Прибалтійскомъ краѣ, содержитъ въ себѣ немало цѣнныхъ свѣдѣній, но при этомъ страдаетъ крайней сухостью и схематичностью изложенія. Финляндіи редакторы книги не посвятили особой статьи и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ благодаря этому исторія отношеній между Россіей и Финляндіей въ первой половинѣ XIX вѣка остается неосвѣщенной для читателя.

Что касается статей, говорящихъ объ умственной культурѣ Россіи, то статьи г. Бороздина—о русскихъ университетахъ и г. Сакулина—о литературѣ, не будучи свободны отъ частныхъ погрѣшностей, въ общемъ отвѣчаютъ своей задачѣ. Иное приходится сказать о статьѣ г. Аничкова, носящей названіе «Очерки Пушкинскаго періода». Когда авторъ этого «очерка» говоритъ о фактахъ, онъ сообщаетъ читателю совершенно новыя и удивительныя свѣдѣнія, вродѣ того, что кн. Вяземскій принадлежалъ къ «лицейскому кружку Пушкина» (406) или что въ 1834 г. «взаимнѣ «Сѣверной Пчелы» Булгарина и Греча возникла «Библиотека для чтенія» подъ редакціей Греча» (437). Но вообще къ фактамъ г. Аничковъ спускается неохотно и предпочитаетъ пребывать въ сферѣ обширныхъ разсужденій, представляющихъ собою въ его изложеніи непрерывный звонъ громкихъ словъ, истинное значеніе которыхъ едва-ли вполнѣ понятно для самого автора и во всякомъ случаѣ

остаётся загадочнымъ для читателя. Можно отъ души пожелать, чтобы слѣдующіе выпуски «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» не украшались подобными статьями. Къ этому можно было бы присоединить и другое пожеланіе, которое, правда, труднѣе осуществить, — чтобы редакция книги вообще съ бѣльшимъ вниманіемъ отнеслась къ читателю и, позаботившись о возможномъ согласованіи отдѣльных частей своего изданія, вмѣстѣ съ тѣмъ постаралась ослабить отличающую его теперь узкую тенденціозность.

Намъ остается упомянуть, что къ изданію приложенъ рядъ прекрасно исполненныхъ снимковъ съ портретовъ различныхъ историческихъ дѣятелей. Тѣмъ не менѣе цѣна изданія — въ отдѣльной продажѣ 1 р. 35 к. выпускъ въ 80 страницъ — довольно выскока.

М. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ 7 портретами Спб. 1908. XV+614 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Книга г. Лемке явилась плодомъ полуторагодичной работы автора въ архивѣ знаменитаго нѣкогда Третьяго Отдѣленія. Въ концѣ 1904 года г. Лемке удалось получить разрѣшеніе на занятія въ этомъ архивѣ, до того наглухо закрытомъ для исследователей, и, воспользовавшись даннымъ разрѣшеніемъ, онъ нашелъ въ открывшихся передъ нимъ старыхъ дѣлахъ много новыхъ и интересныхъ документовъ, ярко обрисовывающихъ отношенія правительства Николая I и, въ частности, третьяго отдѣленія императорской канцеляріи, вѣдавашаго дѣла тайной полиціи, въ русской литературѣ. Книга г. Лемке въ сущности и представляетъ собою сборникъ этихъ документовъ съ прибавленіемъ нѣкотораго печатнаго матеріала. Менѣе всего она можетъ претендовать на значеніе историческаго изслѣдованія. По всѣмъ приемамъ своей работы г. Лемке какъ нельзя дальше стоитъ отъ историка. Онъ не систематизируетъ и не изслѣдуетъ 'находящейся въ его распоряженіи матеріалъ, а стремится лишь возможно болѣе подробно воспроизвести его въ печати, не отличая важнаго отъ неважнаго, не видѣлая существеннаго отъ мелочей, дорожа даже обрашеніями и подписями въ письмахъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, «иногда лучше содержанія даютъ возможность судить объ отношеніяхъ тѣхъ или иныхъ лицъ». Соотвѣтственно этому онъ даетъ въ своей книгѣ обстоятельный пересказъ относящихся къ его темѣ архивныхъ и печатныхъ документовъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и тщательно сохраняя въ нихъ всѣ подписи вродѣ слѣдующей: «съ глубокимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою». Въ этотъ пересказъ авторъ вставилъ, правда, немало своихъ замѣчаній, но, поскольку такіа замѣчанія не служатъ простою связью между отдѣльными докумен-

тами, они могли бы безъ всякаго ущерба для книги быть выброшены изъ нея, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ они не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ дешевой морали и дешеваго же пафоса, способныхъ не столько тронуть, сколько раздосадовать читателя и во всякомъ случаѣ ничего не дающихъ ему для болѣе яснаго пониманія тѣхъ фактовъ, о какихъ трактуетъ авторъ. Въ конечномъ итогѣ вся цѣна книги г. Лемке сводится исключительно къ собранному въ ней сырому матеріалу, представляющему, дѣйствительно, большой интересъ для исторіи русской литературы и русской общественности во второй четверти XIX вѣка.

Этотъ матеріалъ въ книгѣ г. Лемке распределенъ въ шести статьяхъ. Первая и самая большая изъ нихъ представляетъ своего рода погодную лѣтопись отношеній Третьяго Отдѣленія къ литературѣ съ 1825 по 1826 г. Изъ этой лѣтописи авторъ выдѣлилъ, впрочемъ, нѣсколько эпизодовъ, обработанныхъ имъ въ отдѣльныхъ статьяхъ. Такія особыя статьи посвящены имъ Булгарину, Надеждину и Чаадаеву, отношеніямъ Николаевского правительства къ Пушкину («Муки великаго поэта»), кн. П. В. Долгорукову и Ив. Головину. Изъ этихъ статей статья о Пушкинѣ является лишь сводкомъ уже извѣстныхъ въ печати свѣдѣній. Во всѣхъ остальныхъ статьяхъ видное мѣсто занимаетъ архивный матеріалъ и читатель найдетъ въ нихъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, хотя встрѣтитъ и много лишнихъ мелочей, безъ нужды загромождающихъ изложеніе автора. Последнее, къ слову сказать, могло бы много выиграть, если бы самъ авторъ нѣсколько сознательнѣе относился къ своей роли собирателя матеріаловъ и не пытался облевать себя въ непосильные для него доспѣхи историка.

Къ своей книгѣ г. Лемке приложилъ портреты двухъ начальниковъ Третьяго Отдѣленія — гр. А. Х. Бенкендорфа и кн. А. Ѳ. Орлова, ихъ помощниковъ—М. Я. фонъ-Фока и Л. В. Дубельта и трехъ литераторовъ Николаевской эпохи, состоявшихъ въ ближайшихъ отношеніяхъ съ Третьимъ Отдѣленіемъ,—Я. И. Толстого, Н. И. Греча и Ѳ. В. Булгарина.

Ильинскій, М. В. Архангельская ссылка. Бытовые очерки изъ исторіи архангельской политической ссылки, съ 23 снимками и фотографическими группами въ текстѣ. Изданіе второе. Спб. 1908. Цѣна 60 коп.

Книга г. Ильинскаго напоминаетъ отчасти извѣстную книгу Д. Кенана «Сибирь». Другое мѣсто, другое время, другія условія, но суть все та же: месть и произволъ, съ одной стороны, безправіе и страданіе—съ другой.

Частью по личному, печальному опыту, частью на основаніи другихъ матеріаловъ авторъ рисуетъ живую и, можно сказать, исчерпывающую картину политической ссылки въ Архангельской губерніи въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Тяжела и не-

приглядна эта картина. Суровыя условія сѣверной природы удивительно гармонируютъ съ тѣмъ безправіемъ, которое положено въ основу «положенія о полицейскомъ надзорѣ». Громадное пространство губерніи, чуть не въ два раза превышающей поверхность Франціи, и увеличеніе суровости климата по направленію къ сѣверу даютъ въ руки архангельскаго начальства широкую возможность пользоваться этими природными дарами для усиленія репрессій по отношенію къ строптивымъ «преступникамъ». Сравнительно сносныя условія ссылки въ самомъ губернскомъ городѣ могутъ быть «маніемъ руки» переимѣнены на житье, напр., въ городѣ Колѣ, гдѣ средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ не превышаетъ + 10,2° и гдѣ зимой два съ половиной мѣсяца танется ночь, а лѣтомъ столько же времени солнце не сходитъ съ горизонта. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда «равнодушная природа» ставитъ и предѣлы черевчуръ усердному рвенію начальства. Такъ г. Ильинскій упоминаетъ о случаѣ, когда губернаторъ распорядился выслать одного политическаго въ такое селеніе Печорскаго края, куда никакъ нельзя было пробѣжать, и исправнику на собственный рискъ и страхъ пришлось оставить «преступника» въ уѣздномъ городѣ.

Авторъ послѣдовательно описываетъ ссылку въ Холмогорахъ, Архангельскѣ, на Поморѣ, Мурманѣ, въ Колѣ, Онегѣ, Шенкурскѣ, въ Печорскомъ край и въ Пинегѣ. «Героевъ» мало въ книгѣ, но жизнь «толпы» рисуется подробно. Читатель выноситъ полное предствленіе о всемъ ужасѣ безправнаго существованія политическихъ въ непріятныхъ пустыняхъ «сѣвера дикаго».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

- Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1908. 1) *Д. П. Щаповъ*. Сочиненія. Т. III. Ц. 3 р.—2) *Д. Мерещковскій*. Вѣчные спутники. 3-е изд. Ц. 50 к.—3) *Вео же*. Не миръ, но мечъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Изд. Т-ва „Обществ. Пользы“. Спб. 1908. 1) *М. И. Фридманъ*. Современные косвенные налоги на предметы потребления. Т. I. Ц. 3 р.—2) Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. къ Ф. Зорге и др. Пер. съ нѣм. Г. Котляра и М. Панина подъ ред. П. Аксельрода. Ц. 2 р.—3) *П. Миллюновъ*. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. Ц. 1 р. 50 к.—4) *Б. В. Добрынинъ*. Задачи современной интеллигенціи. Ц. 25 к.—
- Изд. Ф. Павленкова. 1907—1908 гг. 1) *П. Герс*. Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго (въ Германіи). Пер. Э. Берштейна. Ц. 1 р.—2) *Фр. Энгельсъ*. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Полный переводъ М. П. Юлшина.—3) *Д. И. Писаревъ*. Сочиненія. Дополнительный къ шести томамъ выпускъ. Ц. 35 к.—4) *В. Луневичъ*. Наука о жизни. Общедост. физиологія человѣка. Ц. 1 р.

25 к.—5) *К. Фламаріонъ*. Общедост. астрономія. Пер. В. Черкасовъ. Ц. 70 к.—6) *В. Лунесвичъ*. Земля. Ц. 14 к.—7) *Его же*. Жизнь въ капляхъ воды. Ц. 8 к.—8) *Его же*. Вичи-земли и чудеса природы. Ц. 16 к.—9) *Его же*. Общественная жизнь животныхъ. Ц. 12 к.—10) Вода. Ц. 30 к.—11) *Его же*. Тайги и гундры. Ц. 14 к.—12) *Его же*. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Ц. 24 к.—

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1908.

1) *Вас. Немировичъ-Данченко*. Марева. Ц. 1 р.—2) *М. Н. Гернетъ*. Уголовное право и социализмъ. Сборникъ статей. Ц. 1 р.—3) *Т. В. Лопотъ*. Бюджетная и податная политика Россіи. Ц. 1 р.—4) *П. Засодимскій*. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытные истинны и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Ц. 60 к.—5) *Н. Рубининъ*. На необитаемомъ островѣ. Разсказъ объ островахъ и берегахъ. Ц. 40 к.—6) *Сильвіо Пеллино*. Обязанности человѣка. Пер. Э. Зиновьевой. Ц. 30 к.—7) *М. П. Драгомановъ*. Политическія сочиненія. Подъ ред. проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. Т. 1. Центръ и окраины. Ц. 2 р. 50 к.—8) *А. Яблоновскій*. Разсказы. Ц. 75 к.

Изд. А. Н. Заруднаго. Спб. 1908. 1)

В. Торашевъ. Потребительныя общества на Западѣ. Ц. 30 к.—2) *Веротоевъ*. Страны свободныхъ земель. Ц. 50 к.—3) *Луи Проаль*. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Психологическій и соціологическій этюдъ. Ц. 1 р.—4) *И. Ганнонъ*. Джю-Джицу. Система физическаго развитія атлетики у японцевъ. Ц. 1 р. 20 к.—5) *Вл. Ад. Скиндеръ*. Протоевропеецъ и протоаріецъ. Геологическій періодъ ихъ исторіи.

Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1908 г.

1) *Е. Тарле*. Паденіе абсолютизма въ Зап. Европѣ. Часть 1-я. Ц. 1 р. 50 к.—2) *Евг. Будде*. Нравственная личность женщины при совр. обществ. строе. Ц. 30 к.—3) *В. Шимлевичъ*. Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста. Ц. 30 к.

Изд. М. Н. Слѣпцовой. Книжка за книжкой. Спб. 1908 г. Серія пятая (кн. 141—160) поступили въ продажу: 141. Дѣти Ревекки. Ц. 10 к.—142. *Фарестъе*. Калѣка. Ц. 10 к.—143. *Ледлау*. Мололѣтокъ. Ц. 5 к.—144. *Шатрианъ*. Исторія одного крестьянина. Ц. 15 к.—145. *Шатрианъ*. Рекрутъ 1813 г. Ц. 10 к.—146. *Шатрианъ*. Тереза. Ц. 12 к.—147. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Ц. 15 к.—148. *Мишурина*. Кошка. Ц. 8 к.—149. *А. О.*

Бесѣды о землѣ и небѣ. Ц. 20 к.—150. *И. Франко*. У окна. Ц. 8 к.—151. Слимакъ. Ц. 15 к.—152. *В. Гюго*. *Возвставшій рабъ*. Ц. 15 к.—153. *А. Додэ*. Необходимый поступокъ. Ц. 8 к.—154. *М. Слѣпцова*. Защита жизни. Ц. 8 к.—155. *М. Слѣпцова*. Морскія чудеса. Ц. 8 к.—156. *Бонъ*. Общество клѣтокъ. Ц. 6 к.—157. *М. Слѣпцова*. За золотомъ по Амуру. Ц. 7 к.—158. *О. Шрейнеръ*. Петръ Холькетъ. Ц. 7 к.—159. Гусь. Ц. 13 к.—160. Гуситы. Ц. 13 к.—"Для младшихъ" книжка перваго возраста. Ц. 40 к.

Изд. "Жизнь". Спб. 1908. *А. Г. Горнфельдъ*. Книги и люди. I. Литературныя бесѣды. Ц. 1 р. 25 к.

Библ. "Свѣточъ". *С. М. Степаннъ-Бравичинскій*. Собраніе сочиненій. Часть V. Эскизы и силуэты. Ц. 1 р. Спб. 1908.

Изд. Дороватовскаго и Чарушниковъ. *Бѣлорусовъ*. Въ старомъ домѣ. Разсказы. Воспоминанія. Размышленія. Ц. 1 р. М. 1908.

В. Ладвыженскій. Стихи. Спб. 1908. Ц. 1 р.

А. Лутыновъ. Стихи. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Габріэле д'Аннуцио. Франчески да Римини. Пер. съ итальянскаго. В. Корзухиной. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Изд. Г-во Просвѣщеніе. *Ив. Анжуль*. Какъ англичане критикуютъ свои расходы. Предисл. М. М. Ковалевскаго. 2-е изд. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. I. Къ освѣщенію хуторскаго вопроса. Кіевъ. 1908. Ц. 35 к.

Библ. Самообразованія. Изд. Брокгаузъ-Эфронъ. *М. А. Бурчинскій*. Муниципальный социализмъ и развитіе городской жизни. Спб. 1907.

П. Северухъ. Теорія ренты К. Маркса. Популярное изложеніе. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Изд. Т-ва "Знаніе". Спб. 1907—1908 г. Ц. по 1 р. за томъ. Сборникъ. Книги XVIII и XIX.—*Н. Гаринъ*. Разсказы. Томъ V.—*М. Горьскій*. Разсказы. Т. I. Десятое изд.—*Н. Телешовъ*. Разсказы. Т. II. *Сем. Юшкевичъ*. Разсказы и пьесы. Т. V.—Дешевая бібліотека т-ва "Знаніе". Спб.:

М. Горьскій: Пѣсня о соколѣ. Ц. 2 к.—Человѣкъ. Ц. 2 к.—Макаръ Чудра. Ц. 3 к.—О чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любитель истинны. Ц. 2 к.—Емельянъ Пилляй. Ц. 3 к.—Дѣдъ Архипъ и Ленька. Ц. 5 к.—Чел-

кашъ. Ц. 7 к.—Старуха Изергиль. Ц. 5 к.—Однажды осенью. Ц. 3 к.—Мой спутникъ. Ц. 6 к.—Дѣло съ застѣжками. Ц. 3 к.—На плотахъ. Ц. 3 к.—Болесь. Ц. 2 к.—Тоска. Ц. 10 к.—Коноваловъ. Ц. 10 к.—Ханъ и его сынъ. Ц. 2 к.—Супруги Орловы. Ц. 12 к.—Бывшіе люди. Ц. 12 к.—Оборникъ. Ц. 5 к.—Товарищи. Ц. 4 к.—Въ степи. Ц. 3 к.—Мальва. Ц. 10 к.—Ярмарка въ Голтвъ. Ц. 3 к.—Зазубрина. Ц. 3 к.—Скуки ради. Ц. 5 к.—Канинъ и Артемъ. Ц. 6 к.—Дружки. Ц. 4 к.—Проходимецъ. Ц. 7 к.—Кирилка. Ц. 3 к.—Васька Красный. Ц. 5 к.—Двадцать шесть и одна. Ц. 5 к.—Разсказы Филиппа Васильевъ. Ц. 5 к.—Тюрьма. Ц. 8 к. *Ситаллеусъ*: Стихотворенія. Книга I. Ц. 5 к.—Стихотворенія. Книга II. Ц. 6 к.—Сквозь строй. Ц. 12 к.—За тюремной стѣной. Ц. 5 к.—Октава. Ц. 12 к.—Ранняя обѣда. Ц. 3 к.—Полевой судъ. Ц. 5 к. *Л. Андреевъ*: Набать. Ц. 2 к.—Ангелочекъ. Ц. 3 к.—Молчаніе. Ц. 3 к.—Вая. Ц. 8 к.—На рѣкѣ. Ц. 4 к.—Въ подвалѣ. Ц. 3 к.—Петъка на дачѣ. Ц. 3 к.—У окна. Ц. 5 к.—Жили-были. Ц. 5 к.—Въ темную даль. Ц. 4 к.—*С. Гусевъ-Оренбургскій*: Омегъ. Ц. 3 к.—Ковокрадъ. Ц. 2 к.—Миша. Ц. 2 к.—На родину. Ц. 4 к.—Сквозь преграды. Ц. 2 к.—Кахетинка. Ц. 3 к.—Бѣдный приходъ. Ц. 2 к.—Злой духъ. Ц. 4 к.—Жалоба. Ц. 5 к. *А. Серафимовичъ*: Въ камышахъ. Ц. 3 к.—Местъ. Ц. 4 к.—На льдинѣ. Ц. 4 к.—Степные люди. Ц. 5 к.—Ночью. Ц. 3 к.—Сцѣпшикъ. Ц. 3 к.—На заводѣ. Ц. 5 к.—Подъ землей. Ц. 6 к.—Подъ уклономъ. Ц. 3 к. *А. Куртикъ*: Дознаніе. Ц. 3 к. *Н. Толстиковъ*: Пѣснь о трехъ юношахъ. Ц. 3 к.—Противъ обычая. Ц. 3 к.—Домой. Ц. 30 к.—Хлѣбъ соль. Ц. 3 к. *С. Елпатовскій*: Спирька. Ц. 8 к.—Пожалѣя меня. Ц. 2 к.—Присяжникомъ засѣдателемъ. Ц. 3 к. *Ив. Бунинъ*: Стихотворенія. Ц. 4 к.—*С. Юшковичъ*: Невинные. Ц. 4 к.—Убица. Ц. 3 к.—Кабачикъ Гейманъ. Ц. 7 к.—Евреи. Ц. 30 к. *С. Гусевъ-Оренбургскій*. Въ приходѣ. Ц. 12 к. *Марксъ и Энгельсъ*. Коммунистическій манифестъ. Ц. 12 к. *Каутскій*. Эрфуртск. программа. Ц. 12 к. *Бebelъ*. Интеллиг. и социализмъ. Ц. 5 к. *Бebelъ*. Постоянн. армія и народная милиція. Ц. 15 к. *Каутскій*. Индия, видъ, классовые и общественные интересы. Ц. 15 к. *Г. Роландъ-Гольстъ*. Всеобщая стачка и социаль-демократія. Ц. 70 к. *Вандерверде*. Промышленное развитіе и коллективизмъ. Ц. 70 к. *Жюль Гедъ*. Общественная служба

и социализмъ. Ц. 70 к. *Марксъ*. Къ еврейскому вопросу. Ц. 10 к. *Бebelъ*. Профессіон. движеніе и политическія партіи. Ц. 5 к. *Каутскій*. Нейтрализація профессиональныхъ союзовъ. Ц. 5 к. *Штернъ*. Государство будущаго. Ц. 5 к. *Панменъ*. Социализмъ и религія. Ц. 5 к. *Атлантискусъ*. Государство будущаго. Ц. 35 к. *Каутскій*. Революціонныя перспективы. Ц. 35 к. *Каутскій и Шенланъ*. Основные принципы и требованія социаль-демократіи. Ц. 35 к. *Э. Ферри*. Развѣтїе экономическое и социальное. Ц. 35 к. *Ф. Меринъ*. Теорія и практика марксизма. Ц. 35 к. *Фаньо*. Профессіональное рабочее движеніе въ Англіи. Ц. 12 к. *Энгельсъ*. Къ жлянщ. вопросу. Ц. 12 к. *Каутскій*. Американскій и русскій рабочій. Ц. 15 к. *Слайли*. Куда ведетъ экономическое развитіе. Ц. 12 к. *Вамъ-Болъ*. Колоніальная политика и социаль-демократія. Ц. 12 к. *Лафаръ*. Аграрная программа. Ц. 5 к. *Каутскій*. Социализмъ и сельское хозяйство. Ц. 15 к. *Бржозовскій*. Аграрный вопросъ. Ц. 70 к. *Энгельсъ*. Статьи. Ц. 12 к. *Марксъ*. Либералы у власти. Ц. 8 к. Марксъ передъ судомъ присяжныхъ. Ц. 10 к. *Лиссагаръ*. Исторія парижской коммуны. Ц. 70 к. *Г. Іэнъ*. Интернаціональ. Ц. 80 к. Начало нѣмецкой социаль-демократіи. Ц. 80 к. *Каутскій*. Карлъ Марксъ. Ц. 80 к. Икарійцы въ Америкѣ. Ц. 10 к. *Тюрлянь*. Популярная исторія парижской коммуны 1871 г. Ц. 10 к. *Каутскій*. Этика и экономическое пониманіе исторіи. Ц. 20 к. *Олминскій*. Права Государственной Думы. Ц. 5 к. *Клейнбортъ*. О партіяхъ и партійности. Ц. 5 к. *Сомовъ*. Справедливый налогъ. Ц. 12 к. *Клейнбортъ*. Русскій имперіализмъ въ Азіи. Ц. 8 к. *Клейнбортъ*. Капитализмъ и еврейскій вопросъ. Ц. 8 к. *Клейнбортъ*. Проекты подоходнаго налога. Ц. 8 к.

Вогданъ Рымъ. Быль и небыльцы. Асхабадъ. 1907. Ц. 50 к.

Книгоизд. „Новый Миръ“. Спб. 1908.

1) *Парвусъ*. Колоніальная политика и крушеніе капиталистическаго строя. Пер. Е. Грау. Ц. 1 р.—2) *А. Вермисевъ*. За правдой. Ц. 50 к.

Изд. „Оріонъ“. *А. В. Петрищевъ*. Триста лѣтъ. (1606—1906). Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Изд. К. Риккера. *Женщина - врачъ. М. М. Волкова*. Достиженіе красоты путемъ гигиены. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Артемьевъ. Фараонъ. Псковъ. 1907. Ц. 5 к.

Второй литературный сборникъ сибириковъ. Разказы и стихи. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Ш. Лезанъ. Начатки математики. Пер. съ фр. П. Егунова. Изд. В. Яковенко. 1908. Ц. 70 к.

М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. Москва. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Випперъ. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. 2-е изд. М. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

Кн.-во „Прометей“. *В. Я. Абрамовичъ.* Человѣкъ будущаго. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Анатоль Франсъ. Эрнестъ Режанъ. Пер. съ фр. Туровой. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Г. С. Новопляснѣй. Дарвинизмъ или вѣчное упражненіе. Критико-философскія размышленія. Ч. I. Вильна. 1907. Ц. 35 к.

Н. Полярновъ. Стихи. М. 1908. Ц. 80 к.
А. Ѳ. Радченко. Изъ прошлаго. Стихи. Спб. 1908. Ц. 2 р.

А. Дееманъ. Введеніе въ электротехнику. Пер. съ нѣм. инж. Н. Васюкова п. р. инж. Л. Дрейеръ. М. 1908. Ц. 1 р. 60 к.

М. Левимъ. Учебникъ природовѣдѣнія. Од. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Ольга Форшъ. Рыцарь изъ Нюрнберга. Киевъ. 1908. Ц. 75 к.

Ив. Абрамовъ. Старообрядцы на Вѣткѣ. Спб. 1907.

С. Свириденко. Трилогія. Кольцо Нибелунговъ Рих. Вагнера. 2-е изд. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Изд. Дм. Милина. *Густавъ Френсень.* Среди дикарей. Пер. съ нѣм. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Кн.-во М. Козманъ. *Д. Майдановъ и Г. И. Рыбановъ.* Новый карманный словарь иностранныхъ словъ. Од. 1908. Ц. 75 к.

Случайныя замѣтки.

Что же думаетъ г. Изгоевъ о г. Столыпинѣ? Моя замѣтка о «Двухъ кающихся литераторахъ» (г.г. Изгоевъ и М. Энгельгардъ) вызвала своеобразный отвѣтъ со стороны г. Изгоева. Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ «Рѣчи» 5 февраля. Наиболѣе существенна первая часть статьи. Ее я привожу дословно, сохраняя даже слишкомъ рѣшительныя выраженія г. Изгоева... Вотъ, что онъ пишетъ:

Въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ г. Петрищевъ дозволялъ себѣ по отношенію ко мнѣ полемическій приемъ, который я, при всемъ нежеланіи употреблять поносительныя слова, не могу назвать иначе, какъ передергиваніемъ. Говоря о моей статьѣ о П. А. Столыпинѣ („Русская Мысль“, 1907 г. № 12), г. Петрищевъ пишетъ: „Правда, по его (т. е. по моему) мнѣнію, „П. А. Столыпинъ борется за новый строй, отстаиваетъ реформы“. „Даже политическіе противники,—утверждаетъ г. Изгоевъ,—не стануть оспаривать у П. А. Столыпина выдающихся личныхъ качествъ“. Въ другомъ мѣстѣ г. Петрищевъ подтверждаетъ: „Ни откуда не слѣдуетъ, что „П. А. Столыпинъ борется за новый строй“. Это г. Изгоевъ изъ собственнаго пальца высосалъ“. Въ дальнѣйшемъ П. А. Столыпинъ якобы отъ моего имени величается г-мъ Петрищевымъ „борцомъ за новый строй“ и эти слова ставятся въ кавычки, какъ принадлежащія мнѣ.

Всѣ эти выводы г. Петрищева добыты имъ при помощи простѣйшаго литературнаго подлога. На самомъ дѣлѣ, въ моей статьѣ въ „Р. Мысли“

сказано буквально слѣдующее. Приведа выдержку изъ дружественной премьеру нѣмецкой газеты, я пишу:

„П. А. Столыпинъ борется за новый строй, онъ отстаиваетъ реформы. Но странная получается борьба. Подъ барабанный бой и подъ аплодисменты враговъ (т. е. правыхъ. А. И.) развертываются широкія и заманчивыя программы будущихъ реформъ, затѣмъ происходитъ какой-то маневръ, поражение безъ боя, отступление безъ сраженія, и изъ программы исчезаетъ значительная часть того, что недавно на ней красовалось. Такимъ путемъ мы въ сущности уже подошли къ полной ликвидаціи манифеста 17 октября (стр. 149)“. Кажется, изъ этой фразы ни одинъ добросовѣстный человекъ не можетъ вывести, что я серьезно отношусь къ той борьбѣ за реформы, которая здѣсь описывается. Кажется, достаточно ясно, что къ наличности такой борьбы я отношусь очень скептически. Но г. Петрищевъ поступаетъ очень просто. Онъ отрубаетъ цитату до словъ „но странная получается борьба“ и вставляетъ мнѣ въ уста совершенно противоположное тому, что я говорилъ, заставляетъ меня видѣть въ П. А. Столыпинѣ „борца за новый строй“, для пущей убѣдительности заключаю въ ковычки эти слова, которыхъ нигдѣ нѣтъ въ моей статьѣ... Само собой разумѣется, о томъ, что такъ возмутившая г-на Петрищева фраза „П. А. Столыпинъ борется за новый строй“ представляеть не выраженіе моего взгляда, а резюме непосредственно передъ ней процитированной корреспонденціи Rundschau, развязный полемистъ не обмолвился ни словомъ. Онъ остался вѣренъ себѣ до конца...

Вся эта цѣль подлоговъ нужна г-ну Петрищеву для того, чтобы обвинить меня въ „сватовствѣ“ между партіей народной свободы и П. А. Столыпинымъ.

Въ дальнѣйшемъ оказывается, что у меня была и другая цѣль: «уязвить, обличить въ измѣнѣ, въ «поумнѣніи» журналиста другого лагеря»... Въ дѣйствительности, разумѣется, не та цѣль была у моей замѣтки, и не тотъ у меня выводъ. Даже поскольку дѣло касалось лично г.г. Энгельгарда и Изгоева, мой выводъ былъ выраженъ словами:

„Народъ... Эта величина фатально ускользаетъ отъ барскаго вниманія, когда баринъ полонъ жажды „осуществить государственную идею“, и на нее фатально обрушивается барскій гнѣвъ. когда баринъ переживаетъ горечь разочарованія. И если энгельгардовская „фефела“, звучитъ по-барски высомѣрно, то и изгоевскіе „низины“, „убійцы“, „воры“, „грабители“, направленные въ пространство, безъ строго опредѣленнаго адреса, звучатъ, по меньшей мѣрѣ, барственно сердито“ (см. стр. 203 „Русск. Богатства“).

Попутно мнѣ пришлось отмѣтить, что г. Изгоевъ въ статьѣ, напечатанной «Рѣчь» 2 іюля 1906 г., характеризовалъ П. А. Столыпина въ такихъ выраженіяхъ, которыя равносильны эпитету: «организаторъ черносотенныхъ выступленій», между тѣмъ статья того же г. Изгоева, напечатанная «Русскою Мыслью» въ декабрѣ 1907 г. характеризуетъ П. А. Столыпина, какъ «одного изъ немногихъ государственныхъ дѣятелей», у котораго «даже... противники не станутъ оспаривать выдающіяся личныя качества», и который воодушевленъ «истинно-государственной идеей». Не оспаривая права г-на Изгоева мѣнять взгляды, я счелъ необходимымъ напомнить, что въ такихъ случаяхъ, особенно если рѣчь идетъ о чисто лич-

ныхъ характеристикахъ, казалось бы, слѣдуетъ оговорить свое прежнее мнѣніе.

Г. Изгоевъ, такимъ образомъ, въ статьѣ 5 февраля 1908 г. просто скрылъ отъ читателей «Рѣчи», что мои слова: «поумнѣлъ», «раскаялся» характеризуютъ именно эту неоговоренную и немотивированную переѣмну его взглядовъ на личныя качества П. А. Столыпина. А, скрывши это, онъ прибавилъ «обличеніе въ измѣнѣ»: никакого «обличенія въ измѣнѣ», основаннаго на томъ, что г-нъ Изгоевъ держится его нынѣшнихъ взглядовъ на представителя власти, въ моей замѣткѣ нѣтъ. Но допустимъ, что это частности. Я ихъ привожу лишь въ видѣ примѣра, опуская многое другое, столь же не точно переданное г. Изгоевымъ. Главное все-таки въ томъ,—считаетъ г. Изгоевъ председателя совѣта министровъ «борцомъ за новый строй» или не считаетъ? Изъ приведеннаго отрывка его статьи какъ будто ясно: нѣтъ, не считаетъ, не считаль, и самыя слова: «борется за новый строй», принадлежать не ему, г-ну Изгоеву, а лишь резюмируютъ корреспонденцію «Rundschau».

Не считаль... Право, затрудняюсь, какъ мягче выразиться... Г. Изгоевъ либо забылъ свою статью, либо вообще не считаетъ себя обязаннымъ говорить точно. Дѣло въ томъ, что у г-на Изгоева корреспонденціи Rundschau (или, вѣрнѣе, перепечаткѣ изъ «Бирж. Вѣдомостей») предшествуетъ цѣлый рядъ утверждений, совершенно ясныхъ, недвусмысленныхъ, вполне опредѣленныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ утверждений—повторяю, не корреспондента Rundschau, а самого г-на Изгоева—позволю себѣ привести для примѣра (см. «Русскую Мысль», декабрь 1907):

Стр. 131. «Утверждали,—говорить г. Изгоевъ,—что совѣвъ второй Думы въ назначенное время на основаніи формально неизмѣненнаго и только исправленнаго сенатскими разъясненіями избирательнаго закона дался П. А. Столыпину не безъ серьезной борьбы съ реакціонными кругами»... «Есть нѣкоторые основанія думать, что П. А. Столыпинъ не безъ борьбы уступилъ домогательствамъ дворянства, что были минуты колебанія, которыя грозили Россіи введеніемъ диктатуры, что П. А. Столыпинъ, принявъ идею военно-полевыхъ судовъ, ограждалъ Россію и постъ председателя совѣта министровъ отъ диктатора». Тотчасъ за этимъ, какъ подтвержденіе догадки, г. Изгоевъ приводитъ цитату изъ рѣчи г. Столыпина во второй Думѣ 13 мая 1907 г.

Стр. 132. «Личный героизмъ своеобразно освѣтилъ всю политическую программу П. А. Столыпина. Террористы, отдавшіе на Аптекарьскомъ островѣ свою жизнь ради того, чтобы, уничтоживъ около сотни случайно собравшихся людей, поразить между ними и П. А. Столыпина, воздвигли ему прочный и красивый пьедесталь. Они помогли бы, быть можетъ, ему и выиграть его «дѣло», еслибы судьбы народа дѣйствительно зависѣли отъ отдѣльныхъ лицъ»...

Стр. 137-138. «Чтобъ... добраться до смысла всего, что тво-

рится съ роспуска первой Думы до нашихъ дней, когда всѣ видимыя нити политической власти сосредоточились въ рукахъ П. А. Столыпина, намъ надо обратиться къ сердцевинѣ правительственной политики, къ тому, что составляетъ и *idée-maitresse* П. А. Столыпина. Такая идея у него безусловно есть, идея ясная, опредѣленная. Этимъ онъ, быть можетъ, больше всего отличается отъ своихъ предшественниковъ, среди которыхъ было очень много опытныхъ, энергичныхъ или вялыхъ полицейскихъ, были и ловкіе люди, умѣвшіе пускать пыль въ глаза, и обыкновенные честолюбцы-интриганы, но было мало людей, у которыхъ традиціи носителя твердой власти уживались бы... съ индивидуальной излюбленной мечтою».

Стр. 139. «Справедливость заставляетъ насъ... прибавить, что основная идея П. А. Столыпина зародилась у него давно, а не представляетъ случайный продуктъ, результатъ какихъ-либо стороннихъ вліяній. Свою идею созданія изъ русскаго крестьянина *свободнаго личнаго собственника* (курсивъ мой—А. П.) П. А. Столыпинъ принесъ съ собою въ министерство. Ему ея не навязывали со стороны. Она давно сидѣла у него въ головѣ, онъ годами вынашивалъ ее. Этой своей идеей П. А. Столыпинъ и отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ по министерству внутреннихъ дѣлъ». Далѣе доказывается, что идея владѣла г. Столыпинымъ еще тогда, когда, онъ былъ гродненскимъ губернаторомъ и на заведеніяхъ мѣстнаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности боролся съ гродненскими крѣпостниками.

Стр. 141. «Само собою разумѣется, что въ 1902 г., будучи гродненскимъ губернаторомъ, П. А. Столыпинъ былъ абсолютистомъ, хотя и просвѣщеннымъ, но былъ ли онъ вполне чистымъ абсолютистомъ? Въ его (губернаторскихъ) рѣчахъ проскальзываютъ какіе-то слабые намеки на необходимость и общественной самодѣятельности и, во всякомъ случаѣ, откровенные крѣпостники не вызвали его сочувствія». Въ доказательство г. Изгоевъ цитируетъ «горячую отповѣдь» П. А. Столыпина «гродненскому зубру», кн. Святополкъ-Четвертинскому: «Бояться грамоты и просвѣщенія, бояться свѣта нельзя» и т. д.

Стр. 143 «Освободительныя реформы, иначе говоря, установленіе у насъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ конституціоннаго строя, безусловно отодвинуто (правительственной деклараціей въ третьей Думѣ) на второй планъ, но было бы несправедливо видѣть въ этомъ результатъ личной воли П. А. Столыпина. Тутъ узелъ трагедіи всей русской жизни».

Суть въ слѣдующемъ. Г. Изгоевъ «лично убѣжденъ, что развитіе среди крестьянъ началъ земельной собственности явленіе неизбежное, прогрессивное и желательное» (стр. 143). Но, осуществляя эту идею, г. Столыпинъ сталкивается съ противодействіемъ дворянства.

Стр. 146. «П. А. Столыпинъ мечтаетъ на крестьяннѣ, лично собственникѣ, построить зданіе мелкой земской единицы. Дворяне, какъ показалъ московскій «земскій съѣздъ» отлично поняли значеніе этой «единицы» и рѣшительно высказались противъ».

Стр. 147. Съ этимъ противодѣйствіемъ «П. А. Столыпинъ съ первыхъ же шаговъ своей политической карьеры долженъ былъ ознакомиться... Быть можетъ, онъ съ самыми искренними реформаторскими намѣреніями начиналъ переговоры съ Д. Н. Шиповымъ, Н. Н. Львовымъ, гр. Гейденомъ о вступленіи ихъ въ министерство, но онъ продолжалъ эти переговоры уже тогда, когда былъ увѣренъ въ полной ихъ бесплодности, такъ какъ совѣтъ объединеннаго дворянства уже довелъ до его свѣдѣнія о тревогѣ по этому поводу среди дворянъ. Трудно, напр., сомнѣваться, чтобы П. А. Столыпинъ не могъ оцѣнить такого страннаго факта, что когда онъ читалъ во второй Думѣ свою декларацію и говорилъ по поводу ея рѣчи, его встрѣчали громовыми аплодисментами съ правыхъ скамей, на которыхъ, какъ онъ зналъ, сидятъ принципиальные противники возмѣщаемыхъ имъ реформъ. А въ то же самое время онъ съ благодарностью принималъ эти аплодисменты, а министерская печать поддерживала «правыхъ» партіи, которыя неизмѣнно вдохновлялись классовымъ дворянскимъ интересомъ... Не даромъ одинъ изъ публицистовъ этой камарильи, М. Меньшиковъ... разразился такой своеобразной похвалой:...«г. Столыпинъ, повернись иначе его судьба, могъ быть замѣчательнымъ актеромъ».

И только послѣ этого кропотливаго анализа г. Изгоевъ на стр. 149 дѣлаетъ ссылку на «петербургскаго корреспондента Берлинской газеты «Rundschau», близкой къ германскимъ придворнымъ сферамъ», т. е. цитируетъ слѣдующую замѣтку изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»:

«Въ выборѣ кн. Волконскаго товарищемъ предсѣдателя Думы отражено желаніе тѣхъ петербургскихъ круговъ, въ которыхъ открыто теперь агитируютъ за упраздненіе манифеста 17 октября. Настроеніе этихъ круговъ такое: сначала провести необходимые законы, вотировать бюджетъ съ огромными требованіями военнаго вѣдомства, обезпечить заключеніе займа, а затѣмъ упразднить конституцію и водворить прежній бюрократическій строй. Все это, однако, невозможно, пока г. Столыпинъ остается у власти... Недаромъ г. Столыпинъ удрученъ работами теперь больше, чемъ 6 мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ распустилъ вторую Думу. Тогда онъ видѣлъ, что устранена опасность, угрожавшая Монарху и отечеству. Теперь онъ видитъ, что опасность грозитъ тому дѣлу, на которое онъ потратилъ бездну труда... опасность со стороны той, близко къ премьеру стоящей партіи, которая готова опутать страну своими сѣтями».

Такимъ образомъ эта цитата не простая передача чужого мнѣнія, но ссылка на источникъ, «близкій къ германскимъ придворнымъ сферамъ», въ подтвержденіе выводовъ самого г. Изгоева. И дальнѣйшія слова: «П. А. Столыпинъ борется за новый строй»

и т. д.—не резюме замѣтки «Rundschau», а личный выводъ г. Изгоева изъ многихъ его послылокъ. Даже термины: «борьба», «борется» принадлежать не «Rundschau», а именно г-ну Изгоеву. И онъ употребляетъ эти термины какъ до ссылки на нѣмецкую газетку, такъ и послѣ ссылки. Напр., на стр. 149—150 читаемъ: «Борьба съ узко-классовыми тенденціями той части дворянства, которая не желаетъ отказаться отъ безконтрольной власти надъ Россіей, возможна только при содѣйствіи живыхъ общественныхъ силъ. Но вотъ это-то обстоятельство больше всего претитъ душѣ русскаго администратора, какъ бы онъ ни отличался отъ другихъ бюрократовъ... П. А. Столыпинъ въ данномъ случаѣ и унаслѣдовалъ самыя прочныя традиціи русскаго бюрократіи».

Это центральное мѣсто своей статьи г. Изгоевъ передалъ читателямъ «Рѣчи» въ совершенно извращенномъ видѣ. Въ совершенно извращенномъ видѣ передаетъ онъ читателямъ «Рѣчи» и мои слова. Я писалъ (см. стр. 198—199 январской книжки „Русскаго Богатства“):

«Не обольщается надеждами и г. Изгоевъ. Правда, по его мнѣнію, «П. А. Столыпинъ борется за новый строй, отстаиваетъ реформы». Даже политическіе противники, утверждаетъ г. Изгоевъ, не стануть оспаривать у П. А. Столыпина выдающихся личныхъ качествъ: безстрашнаго физическаго мужества, ораторскаго таланта, упорной энергіи; мы идемъ дальше, заявляетъ отъ себя г. Изгоевъ,—и признаемъ, что П. А. Столыпинъ одинъ изъ немногихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей», душою котораго владѣетъ «истинно государственная идея» ...О превращеніи Россіи въ страну свободнаго зажиточнаго крестьянства, расселивагося хуторами. И г. Изгоевъ «лично убѣжденъ», что осуществленіе этой идеи «неизбѣжно и желательно»... (Стр. 143 декабрьской кн. «Русской Мысли»). Идея „еще дальше“ г. Изгоевъ утверждаетъ, что и если партіи народной свободы суждено остаться крупной общественной силой, она неизбѣжно должна придти къ признанію начала личной собственности въ крестьянскомъ земельномъ строѣ. И какъ извѣстно, партіей народной свободы уже приняты шаги къ проявленію сознанія въ эту сторону. Но П. А. Столыпинъ одержимъ «боязнью и неприязнью къ общественнымъ силамъ». «Всѣ общественныя силы, которыя возникли на нашей родинѣ, встрѣчали въ немъ злѣйшаго и неумолимаго врага» и т. д.

Этимъ моимъ словамъ, передающимъ содержаніе всей статьи г. Изгоева, онъ придалъ характеръ произвольно вырванной изъ текста цитаты, и на этомъ основаніи счелъ возможнымъ бросать обвиненіе въ передержкѣ, въ подлогѣ... Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, какъ такіе приемы называются. Важнѣе другое,—зачѣмъ они понадобились публицисту «Рѣчи»? Что онъ,—опять измѣнилъ свое мнѣніе о П. А. Столыпинѣ? Опять возвращается къ своему прежнему отзыву? Казалось бы, ясно: да, опять измѣнилъ; да, возвращается. И признаюсь, прочтя первую половину изгоевскаго отвѣта, я готовъ былъ почти радоваться. Какъ ни тягостно видѣть приемы «благородной ретирადы» съ ошибочныхъ позицій, все-таки радуешься, что вотъ опаматовался-таки

человѣкъ... Но вслѣдъ затѣмъ и совершенно неожиданно г. Изгоевъ пишетъ:

«Основная мысль моей статьи въ «Русской Мысли» къ тому и сводится, что П. А. Столыпинъ *объективно*, несмотря на свои личныя качества, не можетъ провести никакихъ реформъ, такъ какъ за его спиной стоятъ господствующія социальныя силы, бюрократія и помѣстно-дворянское классовое чувство». («Рѣчь», 5 февраля; курсивъ г. Изгоева).

«Объективно не можетъ»... Положимъ, свою общую характеристику объективныхъ признаковъ, какая была сдѣлана въ декабрьской статьѣ, напечатанной «Р. М.», г. Изгоевъ передаетъ въ «Рѣчи» не точно; въ частности, вмѣсто опредѣленнаго термина, борьба съ камарильей, оказалось двусмысленное классовое чувство за спиною. Но, вѣдь, споръ вовсе не о возможностяхъ объективныхъ. А субъективно,—г. Столыпинъ хочетъ «провести реформы» или старается препятствовать ихъ проведенію? борется противъ камарильи за новый строй или, какъ вѣрный слуга, помогаетъ камарильѣ бороться за сохраненіе стараго строя? Въ «Русской Мысли» дѣло насчетъ оцѣнки субъективныхъ признаковъ стояло ясно. Тамъ г. Изгоевъ выразилъ принципиальное согласіе съ программой г. Столыпина, воодушевленнаго «государственной идеей» «превратить Россію въ страну свободнаго зажиточнаго крестьянства, на подобіе датскаго», но выразилъ полное осужденіе его тактикъ («боязнь и непріязнь къ общественнымъ силамъ, даже къ тѣмъ, которые готовы и должны принять ту-же государственную идею»). Именно это размышленіе г. Изгоева о программѣ «премьера» мнѣ и пришлось оспаривать, какъ пустую и ни на чемъ не основанную, по моему мнѣнію, догадку. Теперь г. Изгоевъ сначала старается увѣрять, что такой догадки у него лично не было, что онъ не приписывалъ г-ну Столыпину стремленія бороться за новый строй, и затѣмъ тотчасъ же противопоставляетъ «объективную возможность» «личнымъ качествамъ». То есть какъ же это понимать? Г-ну Изгоеву нельзя, что ли, не отказываться отъ своихъ словъ, но нельзя и отказываться отъ нихъ? Вопросъ исполнѣ естественный. Но публицистъ «Рѣчи», только что опровергнувшій первую половину своего опроверженія, вмѣсто отвѣта и объясненія дѣлаетъ неожиданный поворотъ въ сторону.

Онъ вспоминаетъ мою старую полемику съ г. Набоковымъ, выступавшимъ противъ меня въ «Рѣчи», и съ г. Б. М. выступавшимъ противъ меня въ «Новой Мысли». При этомъ онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ, какъ и что было мною отвѣчено обоимъ оппонентамъ, со стороны которыхъ, кстати сказать, на мои отвѣты возраженій не послѣдовало. Г. Изгоевъ просто цитируетъ полемическіе выпады гг. Набокова и Б. М. И на основаніи этихъ выпадовъ позволяетъ себѣ написать по моему адресу рядъ отмынно ругательныхъ словъ.

Февраль. Отдѣлъ II.

15

Штрихъ, имѣющій нѣкоторую цѣнность. Г. Изгоевъ подтвердилъ свой выводъ о борьбѣ г. Столыпина за новый строй ссылкой на отзывы корреспондента «Rundschau», относительно котораго неизвѣстно, имѣетъ онъ освѣдомленъ, какъ, и съ какою цѣлью. И тотъ же г. Изгоевъ дѣлаетъ видъ, будто принимаетъ за чистую монету полемическіе выпады г.г. Набокова и Б. М. Это послѣдовательно. Это во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что г-на Изгоева вообще доброкачественность ссылокъ гораздо меньше интересуетъ, чѣмъ ихъ пригодность для его цѣлей. Интересоваться не качествомъ, а пригодностью въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удобно. Укажу хотя бы такой примѣръ. Недѣлю спустя, послѣ ругательствъ г. Изгоева, «Рѣчь» снова выступила противъ меня съ ругательствами. На этотъ разъ я по волѣ «Рѣчи» помѣщенъ въ одномъ спискѣ съ нѣкоторыми сотрудниками понедѣльной газеты «Свободныя Мысли», и оказываюсь вмѣстѣ съ ними уличеннымъ въ томъ, что пишу статьи, въ коихъ обвиняю «партію, народъ, исторію, Россію, время и вселенную» въ «бездарности», а обвиняю на томъ основаніи, что разочаровался въ революціи. Ровно черезъ сутки—14 февраля—«Новое Время», ссылаясь на «Рѣчь», дѣлаетъ болѣе категорическій выводъ: хороши эти г.г. Петрищевы, сотрудники «Свободныхъ Мыслей»!.. При дальнѣйшихъ взаимныхъ ссылкахъ истина легко можетъ быть установлена: я окажусь главнымъ сотрудникомъ и, пожалуй, редакторомъ «Свободныхъ Мыслей», хотя не имѣлъ и не имѣю никакого отношенія къ этой газетѣ, о чемъ,—это мнѣ достоверно извѣстно,—хорошо знаетъ редакція «Рѣчи». Можетъ даже оказаться, что это я написалъ «народъ-фефела» въ «Свободныхъ Мысляхъ», и это я написалъ: «П. А. Столыпинъ борется» въ «Русской Мысли», а г.г. Изгоевъ и М. Энгельгардъ написали статью: «Два кающіеся публициста» въ «Русскомъ Богатствѣ». Не шутя,—по нынѣшнимъ литературнымъ нравамъ, всяко возможно. Напечатано же было въ «Голосѣ Москвы» 12 января н. г. такое, между прочимъ, обвиненіе противъ С. Я. Елпатьевскаго и меня: «Они готовы окрестить именемъ мѣщанства и буржуазности самыя что ни на-есть здоровыя и нормальныя проявленія человѣческой психики»... И г. Изгоевъ не лишенъ возможности выставить противъ меня какое ему заблагоразсудится обвиненіе и подтвердить его цѣлымъ рядомъ ссылокъ. Позволительно, однако, спросить,—какое отношеніе имѣютъ его ругательства къ предмету даннаго спора?

А. Петрищевъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.:
 черезъ Ю. Моисеенко, собранные нѣсколькими лицами—8 р.;
 отъ П. В. Ивановскаго—53 р.; отъ Ф. А. Словецкаго—3 р.; отъ
 А. Е. П.—4 р.; отъ спектакля, даннаго служащими Амурскаго Зо-
 лотопромышленнаго Общества на Жедринскомъ пріискѣ—70 р.

Итого 138 р. — к.
 А всего съ прежде поступившими 350 » 65 »

Выдано Н. П. Купріяновой для Казанскаго Комитета Об-
 ществен. помощи голодающимъ 350 » 65 »

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ „Антоня изъ
 Калифорніи“—4 р. 64 к.; изъ Брестъ-Литовска—17 р.; отъ
 П. В. Г. со ст. Златоустъ—10 р.; отъ д-ра А. В. Николаева—
 5 р.; отъ Н. М. Г. 9-ый взносъ—10 р.; отъ М. А. Е.—21 р.; отъ
 группы землемѣровъ переселенческой партіи—19 р. 25 к.; отъ
 б-ки при О. Р. У.—8 р.; отъ Д. У. Н—ча, изъ Лодзи 13 февраля
 1908 г.—5 р.

Итого 99 » 89 »

Въ пользу б. шлиссельбургцевъ: отъ Н. Алексѣевой изъ
 Бердичева—4 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ Ш. Шелова, изъ Ир-
 кутска—85 к.

Открыта подписка на
первыя 4 книги К. Па-
нова, съ иллюстрац.
худ. А. Зеленскаго

ИСТОРИЯ РОССИИ.

Цѣль труда, на основаніи новыхъ провѣренныхъ и установлен-
ныхъ документовъ, прослѣдить и дать наглядное предствленіе, въ
общедоступномъ и популярномъ изложеніи, картину постепеннаго
развитія русскаго государства, жизни русскаго народа. Народъ рус-
скій какъ бы проснулся отъ тяжелаго сна, овладѣвшаго имъ послѣ
60-хъ годовъ, подъ вліяніемъ экономическаго разоренія и общаго
потрясенія государства.

Теперь онъ, какъ нѣкій былинный богатырь, стоитъ на распутьѣ
въ глубокой задумчивости, куда итти, что дѣлать? Поэтому теперь
въ особенности, всякому мало-мальски развитому человѣку необходи-
мо углубиться въ отечественную исторію, эту приходо-расходную
книгу народа, по мѣткому выраженію Ключевскаго. Къ сожалѣнію,
вся русская исторія въ цѣломъ, въ трудахъ нашихъ знаменитыхъ
историковъ, является мало доступной широкому кругу читателей,
велѣдствіе трудности языка, а съ другой стороны благодаря глубинѣ
философской мысли, положенной въ основу труда,—тѣмъ болѣе, что
труды эти и не ставили себѣ задачу популяризовать исторію—они,
напротивъ, добывали истины научныя. А между тѣмъ потребность въ
популярной исторіи въ широкихъ массахъ растетъ вмѣстѣ съ ро-
стомъ народнаго самосознанія. Поэтому мы и беремъ на себя изда-
ніе исторіи русскаго народа отъ начала до нашихъ дней, доступной
по возможности широкому кругу читателей. Первая книга исторіи
выйдетъ и разошлетъ до Пасхи, остальные—въ продолженіе всего
1908 г. По выходѣ первой книги «Исторіи Россіи» К. Панова подписная
цѣна будетъ повышена. Цѣна по подпискѣ за 4 книги—2 р. Допускается
разсрочка по 50 к. за книгу съ пересылкою. Требования адресовать:
С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ, Книгоиздательство «Ясная Поляна».
Изъ того-же издательства можно выписать 16 частей полнаго собра-
нія сочиненій графа А. М. Толстого, до сихъ поръ печатавшихся за-гра-
ницею — за 8 руб., при чемъ также допускается разсрочка по 50 коп.
за часть. Книгоиздательство «Ясная Поляна» доводитъ до свѣдѣнія
лицъ, желающихъ получить въ разсрочку сочиненія графа А. М. Тол-
стого и «Исторію Россіи», что помимо допущенія выписки каждой
книжки отдѣльно, безъ повышенія платы, по 50 коп. за экземпляръ—
при чемъ вмѣсто денегъ принимаются почтовые и сберегательныя
марки,—ввело еще уплату денегъ наложеннымъ платежемъ на слѣ-
дующихъ условіяхъ: желающіе получить вышепоименованныя изда-
нія увѣдомляютъ объ этомъ контору, при чемъ въ письмѣ долженъ
быть ясно поименованъ адресъ подписчика, а также размѣръ суммы,
которую подписчикъ хочетъ ежемѣсячно платить. По полученіи письма
книгоиздательство немедленно высылаетъ соответственное количе-
ство книгъ. Деньги, въ слѣдуемомъ размѣрѣ, и 20 коп. за наложен-
ный платежъ подписчикъ уплачиваетъ при полученіи посылки. При
полученіи конторою перваго взноса высылается вторая серія книгъ
и т. д. Лица, получающія книги наложеннымъ платежомъ на 20 коп.
дороже, въ сущности ничего не переплачиваютъ, такъ какъ имъ не
надо затрачиваться на отсылку денегъ, и, кромѣ того, они выгады-
ваютъ и время, такъ какъ достаточно одинъ разъ увѣдомить о своемъ
желаніи получать книги, и книгоиздательство аккуратно каждый мѣ-
сяцъ будетъ высылать ихъ въ теченіе всего года. Затѣмъ слѣдуетъ
имѣть въ виду, что книгоиздательство по полученіи увѣдомленія съ
почты, что посылка принята, немедленно высылаетъ вторую, которую
подписчикъ, по существующимъ почтовымъ правиламъ, имѣетъ право
выкупить въ теченіе одного мѣсяца со дня полученія повѣстки по-
чтовой конторы. Только, если въ теченіе мѣсяца адресатомъ не вве-
сены деньги за посылку, она возвращается обратно. Этимъ доста-
гается та цѣль, что въ теченіе цѣлаго мѣсяца подписчикъ можетъ
взять посылку, когда ему угодно.

Редакторъ-Издатель В. Г. Короленко.

НОВАЯ КНИГА:

Н. С. Русановъ (Н. Е. Будринъ).

Соціалисты Запада и Россіи.

(Фурье. — Марксъ. — Энгельсъ. — Лассаль. — Жюль Валласъ. —
Виліамъ Моррисъ. — Чернышевскій. — Лавровъ. — Михайловскій).

С.-Петербургъ. 1908. 393 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Изданіе продается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича
(Вас. Остр., 5 линія, 28) и въ другихъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

БИБЛИОТЕКУ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Рядъ критико-біографическихъ очерковъ (съ портретами писателей).

М. ВАТСОНЪ.

Библиотека состоитъ изъ десяти выпусковъ: 1-й) Ада Негри; 2-й) Джо-
зуэ Кардуччи; 3-й) Джузеппе Джусти; 4-й) Алессандро Манцони;
5-й) Джакомо Леопарди; 6-й) Витторіо Альфіери; 7-й) Джузеппе Мад-
зини; 8-й) Эдмондо де-Амичисъ; 9-й) Боначчіо; 10-й) Данте.

Подписка принимается у автора: С.-Петербургъ, Озерной пер., д. 9,
кв. 4, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

При подпискѣ уплачивается 1 р. 50 к. и выдаются первые шесть
выпусковъ. 50 к. уплачивается по выходѣ 7 и 8 выпуска, и осталь-
ные 50 коп. по выходѣ 9 и 10 выпусковъ. Отдѣльно каждый вы-
пускъ Библиотеки Итальянскихъ писателей 50 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Выпускъ 7-й—Джузеппе Мадзини; выпускъ 8-й—Эдмондо де-Амичисъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе:

Сервантесъ: Донъ Кихоть Ламанчскій первый полный и
точный переводъ съ испанскаго М. Ватсонъ.

Имѣются два изданія: одно роскошное съ цвѣтными картинами, за
два тома 7 руб.; другое безъ цвѣтныхъ картинъ, только съ иллю-
страціями въ текстъ, за два тома—3 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ:

(XVI-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ф. Анненскаго, А. Г. Гернфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иваичигъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Моніевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пшехонова, С. Н. Юмакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшма).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго, —*Пассажъ* *)—въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не сполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

Handwritten text, possibly a signature or a name, located in the center of the page.

3 2044 014 460 810

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~MAY 16 6TH~~

WIDENER
APR - 4 1994
MAR 24 1994
BOOK DUE

